ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ГОДЪ XXII.

КІЕВЪ.

Въ Университетской типографіи.

1858.

Съ дозволенія Духовной Цензуры.

УКАЗАНІЕ

СТАТЕЙ, СОДЕРЖАШИХСЯ ВЪ XXII г. ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ (1858—59 г.).

№ 1.

стр.

Святаго Отца нашего Григорія Богослова, слово на Святую Пасху - - - 1
Ангельское благовѣстіе Божіей Матери о воскресеніи Іисуса Христа - - 2
Письмо о небесномъ и земномъ торжествѣ воскресенія - - - - - - - - 7

№ 2.

Свѣтоносное дѣйствіе воскресенія Христова - - - - - - - - - - - - 18
Доброе невѣріе - - - - - - - - 10
Духовныя наставленія монаха исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ - - - 20

№ 3.

Св. Иринея, Епископа Ліонскаго, о томъ, что въ обстоятельствахъ воскресенія Христова показанъ образъ и порядокъ нашего воскресенія - - - - 21
Слово въ недѣлю Святыхъ Мироносицъ - - - - - - - - - - - - - - 22
Всеобщность и необходимость истины воскресенія мертвыхъ - - - - 25

№ 4.

Св. Иринея Епископа Ліонскаго, о томъ, какъ должно понимать слова Апостола Павла: *Плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ* - - - - 29
Рѣчь, произнесенная Ректоромъ кіевской академіи Архимандритомъ Антоніемъ, по нареченіи его во Епископа Чигиринскаго, Викарія Кіевской Митрополіи, 1858 года, Марта 27 дня - 31
Будущее преображеніе человѣческаго тѣла - - - - - - - - - - - - 32
Блаженный Ѳеодоритъ, проповѣдникъ вѣры у Лопарей - - - - - - - - - 35

№ 5.

стр.

Слово въ недѣлю Самаряныни - - 41
Мысли при чтеніи бесѣды Іисуса Христа съ женою Самарянкою - - - 44
Эммаускіе путники - - - - - - 46

№ 6.

Св. Григорія Двоеслова, о тшетѣ страданій, какія претерпѣваютъ находящіеся внѣ общенія съ Церковію, и защищеніе 5-го Вселенскаго Собора- - 53
Зерно- - - - - - - - - - - - 54
Слышахъ сицевая многа; утѣшителіе золъ вси - - - - - - - - - - - - 58
Мудрый совѣтъ, какъ содѣлаться богатымъ - - - - - - - - - - - 60

№ 7.

Слово въ недѣлю святыхъ Отцевъ - 61
Что значитъ соединеніе Церквей, котораго желаетъ Римская Церковь? - - 65
Вѣруяй въ Сына Божія имать свидѣтельство въ себѣ - - - - - - - 68
Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ - - - 72

№ 8.

Св. Отца нашего Льва, Папы Римскаго, слово на Пятидесятницу - - - 73
Слово въ недѣлю Пятидесятницы- - 76
Письмо о праздникѣ Святой Троицы 78
Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моего пріиметъ, и возвѣститъ вамъ - - - 81

№ 9.

Св. Отца нашего Анастасія Синаита, поученіе о томъ, что не должно осуждать никого, наипаче же священника- 83
Слово на день ~~рожденія~~ ~~Благочести-~~

стр.

вѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, и освященія знамени, даннаго Кіевскому Владимірскому Кадетскому Корпусу - - - - - - 84
О чрезвычайныхъ благодатныхъ дарованіяхъ - - - - - - - - - - - 87
Извѣстіе изъ Бейрута - - - - - 90

№ 10.

Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы - - - - - - - 91
О плодахъ Уніи - - - - - - - - 95
Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ - - - 100

№ 11.

Св. Григорія Двоеслова, размышленіе на слова: *стража дахъ тя дому израилеву* - - - - - - - - - - - - - - - 101
Слово въ день Рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича - - - - - - - 103
Св Мученики: Ѳеодора дѣвица и Димидъ воинъ - - - - - - - - - 106
Преподобный Агапитъ печерскій- - 111
Могущественное дѣйствіе смиренія - 114

№ 12.

Слово, въ день Вознесенія Господня, и на память Священномученика Макарія, нетлѣнно почивающаго въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ - - - - - - - 115
О нравахъ первенствующихъ христіанъ. Письмо 1 - - - - - - - - - 118
Левъ ловитъ ловъ: такожде и грѣси дѣлающихъ неправду - - - - - - 123

№ 13.

Изъ собесѣдованій преподобнаго Іоанна Кассіана съ скитскими старцами: Аввы Ѳеоны, изъясненіе словъ апостола: *не еже хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю* - - 125
Воскресная бесѣда священника съ прихожанами 1 - - - - - - - - - 128
Благочестіе и братолюбіе - - - - 132
Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ - - - 134

стр.

№ 14.

Изъ собесѣдованій преподобнаго Іоанна Кассіана съ скитскими старцами (продолженіе) - - - - - - - - - - 135
Жалоба на скорбный характеръ церковной проповѣди - - - - - - - - 137
Святый Священномученикъ Евсевій, Епископъ Самосатскій - - - - - - 143

№ 15.

Изъ собесѣдованій преподобнаго Іоанна Кассіана съ скитскими старцами (продолженіе) - - - - - - - - - 147
О нравахъ первенствующихъ Христіанъ. Письмо 2 - - - - - - - - 150
Жалоба на скорбный характеръ церковной проповѣди (окончаніе) - - - 155
Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ - - - 158

№ 16.

Изъ собесѣдованій преподобнаго Іоанна Кассіана съ скитскими старцами (продолженіе) - - - - - - - - - - 159
Воскресная бесѣда священника съ прихожанами 2 - - - - - - - - - 164
Страхъ Господень возвеселитъ сердце 161
Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ - - - 167

№ 17.

Изъ собесѣдованій преподобнаго Іоанна Кассіана съ скитскими старцами: (продолженіе) - - - - - - - - - - 169
Слово въ недѣлю девятую по пятидесятницѣ - - - - - - - - - - - 171
Семейныя раздѣленія ради вѣры и благочестія христіанскаго- - - - - 175
Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ - - - 180

№ 18.

Изъ собесѣдованій преподобнаго Іоанна Кассіана съ скитскими старцами: (продолженіе) - - - - - - - - - - 181
Поучительные уроки для христіанскихъ женъ въ примѣрѣ св. Равноапостольной Маріи Магдалины - - - - - 183
Семейныя раздѣленія ради вѣры и благочестія христіанскаго - - - - 188

стр.

Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Θеодорѣ - - - 194

№ 19.

Изъ собесѣдованій преподобнаго Іоанна Кассіана съ скитскими старцами (продолженіе) - - - - - - - - - 195

О нравахъ первенствующихъ христіанъ. Письмо 3 - - - - - - - - 197

Святая Марія Магдалина - - - - 201

№ 20.

Изъ собесѣдованій преподобнаго Іоанна Кассіана съ скитскими старцами (окончаніе) - - - - - - - - - - 203

Семейныя раздѣленія ради вѣры и благочестія христіанскаго - - - - - 205

№ 21.

Слово въ день Преподобнаго Θеодосія Печерскаго - - - - - - - - - 213

Страданіе святаго мученика и архидіакона Лаврентія - - - - - - - - - 218

Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Θеодорѣ - - - 222

№ 22.

Рѣчь предъ молебствіемъ, по случаю приведенія къ присягѣ избранныхъ въ члены комитета для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ по кіевской губерніи, преосв. Антонія, Епископа Чигиринскаго - - - - - - - - - - 223

Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы - - - - - - - - - - 224

Два слова въ отвѣтъ Церковной (уніатской) Газетѣ - - - - - - - - - 230

№ 23.

Извѣстіе объ иконѣ святаго благовѣрнаго и равноапостольнаго князя Владиміра, принесенной въ даръ къ мощамъ его, Благочестивѣйшимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ - - - - - - - - - 237

Воскресная бесѣда, священника съ прихожанами 3 - - - - - - - - - 239

стр.

Бояйся Бога, великъ выну - - - - 242

Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Θеодорѣ - - - 244

№ 24.

Воскресная бесѣда священника съ прихожанами 4 - - - - - - - - - 245

О трудахъ преподобнаго Максима Грека для исправленія нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ - - - - - - 249

Наказанный честолюбецъ - - - - 255

№ 25.

Рѣчь, произнесенная предъ выносомъ чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой Тупическою, изъ Мстиславскаго Николаевскаго монастыря въ Мазоловскій Вознесенскій монастырь, преосв. Анатолія, Архіеписк. могилевск. и мстисл. - - - - - - - - - - - 257

О нравахъ первенствующихъ христіанъ. Письмо 4 - - - - - - - - - 258

Любовь есть союзъ совершенства - - 262

Испытанное дѣйствіе тщеславія - - 264

№ 26.

Рѣчь, произнесенная по прибытіи въ г. Мстиславль для крестнаго хода, высочайше утвержденнаго 1847 года Октября 21 дня, изъ мстиславскаго, Николаевскаго монастыря съ чудотворною иконою Божіей Матери, именуемою Тупическою, въ мазоловскій Вознесенскій монастырь, вблизь г. Мстиславля, преосв. Анатолія архіеписк. могилевск. и мстисл. - - - - - - - 265

О пастырскомъ руководствованіи пасомыхъ - - - - - - - - - - - 166

Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Θеодорѣ - - - 273

№ 27.

Слово, произнесенное по принесеніи чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой Тупическою, въ мазоловскій Вознесенскій женскій монастырь изъ г. Мстиславля, преосв. Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславск. - - 275

стр.

О пастырскомъ руководствованіи пасомыхъ - - - - - - - - - - - - 278
Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ - - - 283

№ 28.

Плоды христіанской любви- - - - 285
О нравахъ первенствующихъ христіанъ. Письмо 5 - - - - - - - - - 286
Будите ми свидѣтели - - - - - - 291

№ 29.

Воскресная бесѣда священника съ прихожанами 5 - - - - - - - - - 293
Святый священномученикъ Діонисій Ареопагитъ - - - - - - - - - - 297
Ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко яли есте хлѣбы и насытистеся 300

№ 30.

Рѣчь, по случаю водруженія св. креста на вновь сооруженномъ храмѣ - - 303
О пастырскомъ руководствованіи пасомыхъ - - - - - - - - - - - 304

№ 31.

Поученіе къ поселянамъ по случаю пожара - - - - - - - - - - - - 311
Намѣренія Божіи въ чудесахъ Божіей Матери - - - - - - - - - - 313
Какое утѣшеніе для грѣшника въ старости? - - - - - - - - - - - 317

№ 32.

Поученіе къ поселянамъ. въ день празднованія святой мученицѣ Параскевѣ - 321
Два слова въ отвѣтъ Церковной (уніатской) Газетѣ - - - - - - - - - 323
Духовныя наставленія монаха Исаіи пречестной монахинѣ Ѳеодорѣ - - - 330

№ 33.

Воскресная бесѣда, священника съ прихожанами 6 - - - - - - - - - 331
Св. Григорія Великаго переписка по случаю принятія константинопольскимъ патріархомъ названія Вселенскаго - - 334
Даждь взаимъ искреннему во время

стр.

требованія его, утверди слово, и увѣрися съ нимъ, и во всяко время обрящеши потребу твою - - - - - - - - - 339

№ 34.

Поученіе о благодарности къ Богу - 341
Воскресная бесѣда священника съ прихожанами 7 - - - - - - - - - 343
Ангелы хранители людей - - - - 346

№ 35.

О приготовленіи рода человѣческаго къ пришествію Спасителя. Бесѣда 1 - 349
О нравахъ первенствующихъ христіанъ. Письмо 6 - - - - - - - - - 355

№ 36.

О приготовленіи рода человѣческаго къ пришествію Спасителя. Бесѣда 2 - 361
Братья Угры въ православіи - - - 366

№ 37.

О приготовленіи рода человѣческаго къ пришествію Спасителя. Бесѣда 3 - 373
Святый великомуч. Іаковъ персянинъ 378

№ 38.

О приготовленіи рода человѣческаго къ пришествію Спасителя. Бесѣда 4 - 381
Бесѣда священника съ больнымъ - 385
Мудрое, и въ особенности пригодное для нашего времени правило Антонія великаго - - - - - - - - - - - 389
Празднованіе воскреснаго дня въ Парижѣ - - - - - - - - - - - - 389

№ 39.

Высокопреосвященнѣйшаго Исидора Митрополита Кіевскаго и Галицкаго слово при вступленіи въ кіев. паству 391
Рѣчь при встрѣчѣ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ высокопреосв. Исидора Митрополита кіевскаго и галицкаго - 393
О приготовленіи рода человѣческаго къ пришествію Спасителя. Бесѣда 5 - 395
И непщеваxъ разумѣти: сіе трудъ есть предъ мною, дондеже вниду во святило Божіе - - - - - - - - - - 400

стр.

№ 40.

Высокопреосв. Исидора, Митрополита кіевскаго и галицкаго, слово при вступленіи въ управленіе святою кіево-печерскою Успенскою Лаврою - - - 401

Рѣчь, при встрѣчѣ въ кіево-печерской Лаврѣ, Высокопреосв Исидора, Митрополита кіевскаго и галицкаго и священно-архимандрита кіево-печерской Лавры - - - - - - - - - - - 403

О приготовленіи рода человѣческаго къ пришествію Спасителя. Бесѣда 6 - 404

№ 41.

Слово въ день Рождества Христова 411

Азъ есмь лоза, вы же рождіе - - - 416

Что есть человѣкъ, яко помниши его? 417

№ 42.

Высокопреосв. Исидора, Митрополита кіевскаго и галицкаго, рѣчь послѣ заупокойной литургіи и панихиды надъ могилою въ Бозѣ почившаго Филарета, Митрополита кіевскаго и галицкаго - 419

О благовременности пришествія въ міръ Сына Божія - - - - - - - - 420

Господи, отврати очи мои еже не видѣти суеты - - - - - - - - - 427

№ 43.

Слово въ недѣлю по просвѣщеніи - 429

Общеполезная дѣятельность - - - 433

Покаяніе и вѣра - - - - - - - - 436

№ 44.

Слово, въ день поклоненія веригамъ апостола Петра - - - - - - - - - 439

Скука - - - - - - - - - - - - 441

Опасность корыстолюбія - - - - 441

№ 45.

Бесѣда, по случаю возложенія новой ризы на чудотворную икону Богоматери, въ харьковскомъ покровскомъ монастырѣ - - - - - - - - - - - - - - 449

Воскресная бесѣда священника съ прихожанами 8 - - - - - - - - - 452

стр.

О плоти, какъ врагѣ духа- - - - - 456

№ 46.

Покаянныя воздыханія - - - - - - 459

О благословеніи - - - - - - - - 463

Скука (окончаніе)- - - - - - - - 465

№ 47.

Горькіе плоды невоздержанія и плотской жизни, по ученію священнаго писанія - - - - - - - - - - - - 471

Путь удаленія грѣшника отъ Бога и обращенія его къ Богу, указанный въ притчѣ о блудномъ сынѣ - - - - - - 472

Слово въ навечеріи новаго года, по случаю торжественнаго поминовенія кіевскаго Митрополита Петра Могилы, основателя академіи, и всѣхъ учившихъ и учившихся въ ней - - - - - - - 479

№ 48.

Слово, въ недѣлю мясопустную - - 483

Смѣху рекохъ: погрѣшеніе - - - - 488

Истинное основаніе земнаго счастія 492

Не рожденія плодовъ питаютъ человѣка, но слово Твое (Господи) *вѣрующихъ соблюдаетъ* - - - - - - - - 493

№ 49.

Слово въ недѣлю сыропустную - - 495

Св. Ефрема Сирина, ученіе о покаяніи 499

Воскресная бесѣда священника съ прихожанами 9 - - - - - - - - - 503

Внидите узкими враты - - - - - 506

№ 50.

Разговоръ преподобнаго Максима исповѣдника съ Пирромъ - - - - - 507

Необходимость и благотворность исповѣди - - - - - - - - - - - - 510

№ 51.

Слово по освященіи возобновленнаго храма при архіерейскомъ домѣ, преосв. Филарета архіепископа харьковскаго и ахтырскаго - - - - - - - - - - 514

Слово по причащеніи святыхъ Таинъ 518

Святый Григорій Палама и варлаамиты 519

стр.

№ 52.

Слово на освященіе храма - - - - 527
О взаимномъ отношеніи любви къ Богу и самоотверженія христіанскаго - 531
Паденіе Адама и крестъ Христовъ - 536
Знаменательныя черты странствованія Израиля въ пустынѣ - - - - - 537

№ 53.

Слово въ день Благовѣщенія пресвятыя Богородицы - - - - - - 539
Благодатная сила св. подвижниковъ Печерскихъ въ обращеніи невѣрныхъ и неправовѣрныхъ къ вѣрѣ православ. 542
Предохранительное средство противъ гордости и отчаянія - - - - - - 547

стр.

№ 54.

Св. Льва, папы римскаго: слово на св. четыредесятницу - - - - - - 549
Воскресная бесѣда священника съ прихожанами 10 - - - - - - - - 551
Совѣсть - - - - - - - - - - 555
Мірская нравственность - - - - 559

№ 55.

Слово въ недѣлю Ваій - - - - - 561
О чудесныхъ знаменіяхъ, сопровождавшихъ страданія и смерть Господа нашего Іисуса Христа - - - - - - 564
Черты спасительнаго воспоминанія страстей Христовыхъ - - - - - - 571
Пророченіе Каіафы - - - - - - 574
Погибель Пилата - - - - - - - 576

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 1

НЕДѢЛЯ СВЯТОЙ ПАСХИ.

23 Марта 1858 года.

На Литургіи апостолъ: Дѣян. зач. 1-е, еванг. Іоан. зач. 1-е, на вечерни евангеліе: Іоан. зач. 65.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА

СЛОВО

НА СВЯТУЮ ПАСХУ.

День воскресенія! Возвеселимся торжествомъ, и другъ друга обнимемъ. Скажемъ:—*братія* и тѣмъ, которые ненавидятъ насъ, а не только тѣмъ, которые изъ любви (къ намъ) что либо сдѣлали или потерпѣли. Простимъ все ради воскресенія. Примиримся другъ съ другомъ.—Вчера агнецъ закалался, двери помазывались кровію, Египетъ оплакивалъ первенцовъ, и истребитель, для котораго одно знаменіе было страшно и ужасно, прошелъ мимо насъ, которые ограждены были драгоцѣнною кровію. Сего дня мы совершенно убѣжали изъ Египта, отъ жестокаго тирана Фараона и отъ тяжкихъ приставниковъ, освободились отъ бренія и плинѳодѣланія, и никто не препятствуетъ намъ праздновать Господу Богу нашему праздникъ исхода, и праздновать *не въ квасѣ ветсѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8), безъ всякой примѣси египетскаго и нечестиваго кваса. Вчера я распинался со Христомъ, сего-дня прославляюсь съ Нимъ; вчера умиралъ съ Нимъ, сего-дня съ Нимъ оживаю; вчера погребался съ Нимъ, сего-дня съ Нимъ воскресаю.

Принесемъ же Пострадавшему за насъ и Воскресшему въ даръ самихъ себя—стяжаніе дражайшее и самое приличное Богу. Воздадимъ Образу то, что—по образу; познаемъ наше достоинство; почтимъ нашъ Первообразъ; уразумѣемъ силу таинства и то, за кого Христосъ умеръ. Будемъ таковы же, каковъ Христосъ, потому что и Христосъ сдѣлался такимъ же, каковы мы. Будемъ ради Него бо-

гами, потому что и Онъ солѣлался ради насъ человѣкомъ. Онъ воспріялъ худшее, дабы дать намъ лучшее; обнищалъ, чтобы намъ обогатиться Его нищетою; принялъ зракъ раба, чтобы намъ получить свободу; снисшелъ, чтобы намъ вознестись; былъ искушенъ, чтобы намъ побѣдить; былъ поруганъ, чтобы намъ прославиться; умеръ, чтобы насъ спасти; восшелъ, чтобы привлечь къ себѣ лежащихъ долу, въ паденіи грѣха. — Пусть всякій отдастъ все, принесетъ все Тому, Кто предалъ Себя для искупленія насъ и въ выкупъ за насъ. Но никто не принесетъ Ему ничего лучше, какъ если принесетъ самаго себя, и уразумѣвъ таинство, содѣлается для Него всѣмъ, какъ и Онъ всѣмъ для насъ содѣлался (*).

АНГЕЛЬСКОЕ БЛАГОВѢСТІЕ БОЖІЕЙ МАТЕРИ О ВОСКРЕСЕНІИ ІИСУСА ХРИСТА.

Ангелъ вопіяше Благодатнѣй: чистая Дѣво радуйся! и паки реку: радуйся! Твой Сынъ воскресе тридневенъ отъ гроба!

Этою священною пѣснію святаго Іоанна Дамаскина прямо и ясно полагается, что Матерь Божія первое радостное благовѣстіе о воскресеніи Божественнаго Сына своего и Господа приняла изъ устъ Ангела: — событіе, о которомъ нигдѣ не упоминается, кромѣ сей священной пѣсни. Чтобы объяснить это благовѣстіе и указать надлежащее его мѣсто и значеніе въ ряду событій перваго дня воскресенія Христова, о коихъ повѣствуется въ Евангеліи, нужно рѣшить нѣсколько вопросовъ, требующихъ благочестиваго размышленія и соображенія всѣхъ обстоятельствъ свѣтлаго дня воскресенія.

1) На чемъ основывался святый пѣснопѣвецъ, когда словами своей пѣсни въ честь Божіей Матери облекалъ такое событіе, о которомъ не упоминается въ евангельскихъ повѣствованіяхъ? — Безъ сомнѣнія на мѣстномъ преданіи церкви іерусалимской. Дамаскинъ по мѣсту рожденія (*), гдѣ онъ провелъ и первую половину жизни своей, потомъ многолѣтній подвижникъ въ лаврѣ св. Саввы (въ самой Палестинѣ), ревностный собиратель всего, что относилось къ высокому имени Матери Божіей, такъ пламенно любимой имъ за исцѣленіе Ею усѣченной его десницы, и, подъ вліяніемъ этого благодарнаго чувства, составитель *параклитика* въ похвалу пресвятой Дѣвѣ, — св. Іоаннъ могъ заимствовать свѣдѣніе объ ангельскомъ благовѣстіи Божіей Матери радости воскресенія Христова изъ устныхъ преданій отъ людей благочестивыхъ въ церкви іерусалимской, на мѣстѣ жизни, святыхъ подвиговъ и успенія Богоматери и на мѣстѣ воскресенія и явленій воскресшаго Господа. Голосъ преданія, какой могъ сохраниться въ церкви іерусалимской до осьмаго столѣтія, для святаго пѣснописца могъ получить подкрѣпленіе и силу несомнѣнной истины въ богомудрыхъ его размышленіяхъ о событіяхъ перваго дня воскресенія Христова, въ его соображеніяхъ ангельскаго благовѣстія Богоматери съ другими благовѣстіями и явленіями воскресшаго Господа. Православная Церковь съ благодарностію къ св. пѣсновѣвцу приняла изъ устъ его это преданіе, какъ одно изъ весьма немногихъ свидѣтельствъ о томъ, что происходило съ Матерію воскресшаго Господа въ великій и свѣтлый для всѣхъ

(*) Твор. Гр. Богослов. Сл. 1.

(*) Отъ Дамаска до Іерусалима ок. 100 верстъ.

день воскресенія Христова, — приняла съ благодарностію и воспѣваетъ съ радостію и вѣрою, потому что не можетъ не чувствовать внутренней сообразности преданія съ евангельскою исторіею о событіяхъ перваго дня воскресенія Христова въ избранномъ обществѣ друзей и учениковъ Господнихъ. И дѣйствительно—

2) Когда, въ какое именно время святоноснаго дня могло быть и было благовѣстіе Ангела Божіей Матери о воскресеніи Божественнаго ея Сына? — Безъ всякаго сомнѣнія тотчасъ, въ самыя первыя минуты по изшествіи Воскресшаго изъ гроба: ибо таинству спасенія человѣка не подобало ни минуты оставаться безъ вѣры и принятія его въ душѣ человѣка, — безъ дѣйствія спасительнаго. Но кому на землѣ должна была тогда, по праву и достоинству, принадлежать первая вѣсть о высочайшей радости спасительнаго воскресенія Христова? Безъ сомнѣнія тому, кто приметъ эту вѣсть съ несомнѣнно-твердою, живѣйшею и глубочайшею вѣрою въ истину благовѣстія: ибо не подобало, чтобы это благовѣстіе хоть на минуту колебалось между вѣрою и сомнѣніемъ въ душѣ перваго причастника его, какъ бы не имѣя себѣ спокойнаго лона и незыблемой обители между участниками въ побѣдѣ и торжествѣ воскресшаго Искупителя нашего; — тому, кто приметъ великую проповѣдь о воскресеніи умершаго Богочеловѣка съ достойнымъ разумѣніемъ глубочайшаго ея смысла, съ живѣйшимъ сочувствіемъ ея животворному дѣйствію для естества человѣческаго: ибо подобало, чтобы спасительная вѣсть о воскресеніи Христовомъ, съ самыхъ первыхъ минутъ своего прикосновенія къ душѣ человѣческой, имѣла спасительныя дѣйствія свои для естества человѣческаго во всей ихъ широтѣ и силѣ, не замедляясь и не воспящаясь ничѣмъ, не только недостойнымъ вѣры въ спасительную истину, но и недостойнымъ надлежащаго разумѣнія ея; — тому, чья душа глубже всѣхъ поражена была скорбію при видѣ страданій и смерти Божественнаго Страдальца, и потому болѣе всѣхъ имѣла нужду въ животворномъ утѣшеніи благовѣстіемъ о воскресеніи Его, и чья душа, вмѣстѣ съ тѣмъ, способна была принять великое благовѣстіе съ достойнымъ чувствомъ радости и утѣшенія: ибо подобало, чтобы небесная радость и райское утѣшеніе отъ живоноснаго гроба Господня перенесены были въ нѣдра такого сердца человѣческаго, которое вполнѣ отверсто и готово было для животворнаго дѣйствія ихъ; а извѣстно, что сила и дѣйствіе радости и утѣшенія цѣнятся и ощущаются въ душѣ по мѣрѣ силы и дѣйствія скорби, угнетающей и искушающей душу; чѣмъ тяжелѣе и глубже скорбь, тѣмъ сильнѣе жажда утѣшенія, тѣмъ дѣйствительнѣе и животворнѣе сила самаго утѣшенія. Въ какомъ же лицѣ, въ какой высокой и святой душѣ, въ не большомъ сонмѣ избранныхъ учениковъ и послѣдователей Господа, могло обрѣстись такое сокровище высочайшихъ добродѣтелей и духовнаго совершенства? Ни въ комъ иномъ, какъ въ избраннѣйшей Дщери Давида, которая по достоянію воспѣвается честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею Серафимъ. Въ Ея святой душѣ обитала такая глубокая и непоколебимая вѣра въ тайны спасенія человѣка, какая именно потребна для перваго селенія высокаго благовѣстія о спасительномъ таинствѣ воскресенія Христова: ибо въ Ея смиренномъ сердцѣ обрѣлась и та глубочайшая и невозмутимая вѣра въ судьбы и тайны Божіи, какая потребна была для принятія архангельскаго благовѣстія о непостижимой и неизглаголанной тайнѣ воплощенія Сына Божія отъ пречистой Ея плоти. Со времени совершенія сей тайны воплощенія до

совершенія таинства крестныхъ страданій Господа, Она все слагала въ недоступномъ для возмущенія таинникѣ сердца своего, и охраняла все сокровище причастныхъ къ ней божественныхъ таинъ глубочайшимъ смиреніемъ и смиренною вѣрою въ истинность и непреложность ихъ. Чья вѣра могла быть совершеннѣе вѣры Той, которая воспиталась и, такъ сказать, во всю жизнь свою обитала у самаго святилища таинъ божественнаго домостроительства? — Ея духовное око, подъ непрестаннымъ дѣйствіемъ сихъ таинъ, обыкло и изучилось болѣе всѣхъ земнородныхъ проникать въ глубину Божественнаго разума, являвшагося въ тайнахъ спасенія человѣка Сыномъ Божіимъ во плоти: ибо кто глубже вѣритъ, тому глубже открывается и разумѣніе предмета вѣры, и если чистіи сердцемъ Бога узрятъ въ таинственномъ святилищѣ Его бытія и дѣйствій, то на лѣствицѣ богопознанія кто изъ земнородныхъ могъ взойти выше Той, которой сердце сіяло чистотою ангельскою? — Наконецъ чье сердце живѣе и сильнѣе сердца Богоматери способно было обнять всю полноту той животворной радости, какая соединялась для души человѣческой съ первымъ благовѣстіемъ о воскресеніи нашего Спасителя и Господа? Ибо ничье сердце не испытало такой скорби и такой болѣзни, какія должно было перенесть сердце Матери Распятаго: Она страдала сугубою скорбію, — и какъ членъ избраннаго сонма друзей и учениковъ Христовыхъ, и какъ Матерь возлюбленнаго Сына своего; болѣзнь ея души равнялась, по выраженію богопріимца Симеона, болѣзни сердца, насквозь прободеннаго оружіемъ.

Итакъ, по достоянію, первая радостная вѣсть о славномъ воскресеніи Христовомъ должна была принадлежать на землѣ благодатной Дѣвѣ Маріи, не только какъ Матери воскресшаго Сына, но и какъ такому члену новаго благодатнаго царства, въ душѣ котораго обрѣлась наиболѣе и вполнѣ готовая и достойная обитель для перваго принятія сокровища этого царства. Какъ первому на землѣ, ангельскому благовѣстію о воскресеніи Христовомъ Божіей Матери, естественно, принадлежитъ время прежде всѣхъ другихъ благовѣстій, которыя были у гроба Воскресшаго. И если, по преданію и вѣрѣ Церкви, воскресеніе Христово совершилось тотчасъ послѣ полуночи, то это же время было временемъ и ангельскаго благовѣстія Матери Божіей о воскресеніи.

3) Гдѣ. въ какомъ именно мѣстѣ было это благовѣстіе?—Однимъ мнѣніемъ полагается, что Богоматерь вмѣстѣ съ Маріею Магдалиною была у гроба Христова (*), и тамъ приняла благовѣстіе отъ Ангела стрегущаго гробъ. Но, по прямому смыслу пѣсни св. Іоанна и по другимъ соображеніямъ, это благовѣстіе было не у гроба и въ саду, а въ домѣ пребыванія Богоматери. Ибо а) Марія Магдалина, когда пришла ко гробу, нашла его уже отверстымъ и не застала тамъ стражей гроба, которые, опомнившись отъ поразившаго ихъ страха, пошли возвѣстить бывшее; значитъ, между временемъ воскресенія Христова и временемъ пришествія Магдалины ко гробу былъ довольный промежутокъ времени, котораго не должно допускать, какъ мы уже сказали, между временемъ воскресенія Христова и временемъ перваго ангельскаго благовѣстія о немъ на землѣ. Слѣдовательно ангельское благовѣстіе Божіей Матери было прежде пришествія Магдалины ко гробу Господню. б) Благочестивыя чувства, которыя побудили св. женъ спѣшить ко гробу Господню съ мурромъ, еще чужды были главнаго чувства, которое прилично было великому утру великаго дня,—чувства вѣры

(*) Синикс. на Пасху.

въ непреложность обѣтованій Господа: утро по субботѣ было утромъ того *третьяго дня*, въ который душѣ, истинно вѣрующей въ непреложное слово Господа, надлежало ожидать воскресенія Его, а не заботиться о дѣлахъ служенія Ему, какъ мертвецу. Можно ли не усвоить такой вѣры высокой душѣ Богородицы? Посему, когда одни чувства побуждали Магдалину и другихъ женъ мироносицъ спѣшить ко гробу Спасителя, другія совсѣмъ чувства могли служить побужденіемъ для Богоматери оставаться дома и съ несомнѣнною вѣрою ожидать великихъ событій дня того. Высокому лицу Дѣвы Богородицы приличнѣе усвоять послѣднія движенія святаго сердца, чѣмъ первыя вмѣстѣ съ мироносцами. в) Если положимъ, что Матерь Божія вмѣстѣ съ вѣрою соединяла въ душѣ другія побужденія быть на мѣстѣ погребенія Сына своего и вмѣстѣ съ Магдалиною была у гроба Господня, тогда должно полагать, что онѣ обѣ вмѣстѣ слышали и благовѣстіе отъ Ангела: ибо нельзя усвоять одной того, что благовѣствуется въ слухъ обѣихъ и для обѣихъ. Но изъ евангельскаго описанія ангельскаго благовѣстія Магдалинѣ нельзя не видѣть, что всѣ частныя обстоятельства благовѣстія сего опредѣляются душевными движеніями Магдалины и могутъ быть приличны ей, но не приличны высокому лицу Богоматери. По точному смыслу сказанія евангелиста Іоанна, Магдалина, въ первый разъ пришедши ко гробу Господню, не видѣла Ангела и не получила никакого благовѣстія о воскресеніи (—20, 1. 2): обстоятельство, которое соотвѣтствовало душевному состоянію Магдалины, но можно ли допустить его для Богоматери? Если для ней одной теперь было ангельское благовѣстіе, то какъ представить, чтобы оно осталось не услышаннымъ и неизвѣстнымъ для ея единственой спутницы? Ибо Магдалина отъ гроба, который она нашла отверстымъ и безъ тѣла Господня, въ недоумѣніи, страхѣ и смущеніи спѣшитъ къ двумъ ученикамъ, Петру и Іоанну, и говоритъ имъ свои соображенія: *взяша Господа отъ гроба и не вѣмъ гдѣ положиша Его* (Іоан. 20, 2), и съ ними опять возвращается ко гробу. Что же приписать въ этомъ случаѣ спутницѣ Магдалины — Богоматери? Послѣдуетъ ли она за нею и слѣдовательно раздѣляетъ ея чувства и мысли, или, слѣдуя своимъ побужденіямъ, одна среди ночи остается въ чужомъ саду у гроба? Первое совершенно не идетъ высокому лицу Богоматери: можно ли допустить, чтобы та, которая съ совершеннѣйшею вѣрою приняла архангельское благовѣстіе о неизглаголанной тайнѣ безсѣменнаго зачатія отъ ней Богочеловѣка, — чтобы Она теперь не вѣровала въ обѣтованіе самаго Господа о своемъ тридневномъ воскресеніи и допустила въ святой душѣ своей волненіе и смущеніе мыслей, подобно Магдалинѣ!.. Допускать второе и не естественно и не нужно и слишкомъ произвольно. — Между тѣмъ какъ Магдалина возвращалась отъ гроба къ двумъ ученикамъ и опять пришла съ ними ко гробу, въ это время другія мироносицы уже удостоились слышать у гроба радостное благовѣстіе отъ Ангела о воскресеніи Господнемъ (Лук. 24, 2—9); Магдалина же при второмъ уже пришествіи ко гробу видитъ ангеловъ, которые вопрошаютъ ее: *что плачеши, кого ищеши* (Іоан. 20, 13), и тутъ же является ей самъ воскресшій Господь. Такимъ образомъ Магдалина хотя увидѣла Господа воскресшаго прежде другихъ женъ, но благовѣстіе ангельское другія жены слышали прежде ея. Итакъ, если Матерь Божія была неразлучною спутницею Магдалины, то между событіями того свѣтозарнаго утра съ сею мироносицею нѣтъ возможности дать надлежащее мѣсто ангельскому благовѣстію Бо-

жіей Матери, которое должно быть первымъ благовѣстіемъ въ ряду всѣхъ прочихъ.—Если же Матерь Божію помѣщать въ обществѣ другихъ мироносицъ (*): то и въ такомъ случаѣ, вопервыхъ. тоже нельзя указать времени и возможности, когда и какъ Матерь Божія одна изъ общества могла получить первое ангельское благовѣстіе, во вторыхъ, неприлично относить къ лицу ея нѣкоторыхъ обстоятельствъ и замѣчаній, относящихся къ мироносицамъ: это—ихъ смущеніе и недоумѣніе при видѣ отверстаго гроба, упрекъ, сдѣланный имъ за то отъ Ангела, благовѣствовавшаго имъ о воскресеніи Господа (Лук. 24, 4—8). На основаніи всѣхъ сихъ соображеній естественнѣе полагать, какъ и полагается простымъ смысломъ пѣсни Іоанна Дамаскина, что Ангелъ благовѣстилъ Богородицѣ о воскресеніи Господа не въ саду и у гроба, а въ домѣ ея пребыванія, и не въ обществѣ съ Магдалиною или съ другими женами, а наединѣ.

4) Что за причина, почему не самъ воскресшій Сынъ принесъ Матери своей первую радостную вѣсть о своей побѣдѣ надъ адомъ и смертію?—Въ богомудрыхъ планахъ домостроительства нашего спасенія положено было, и по самому существу спасительной вѣры нашей и спасенія нашего вѣрою во Христа—подобало, чтобы вѣра въ воскресшаго Господа предваряла видѣніе Его человѣкомъ; подобало, чтобы та проповѣдь, которая покоритъ весь міръ *вѣрою* въ воскресшаго Господа, а *не видѣніемъ* Его,—чтобы эта проповѣдь и началась въ мірѣ *не видѣніемъ* Воскресшаго, а *вѣрою въ благовѣстіе* о Немъ. Это нужно, по закону правды Божіей, и для возвышенія самой вѣры и для умноженія ея блаженства въ душѣ христіанина: *блажени не видѣвшіе и вѣровавшіе* во Христа воскресшаго. Видѣніе—награда и вѣнецъ подвиговъ вѣры, а не начало ея. Этотъ общій и неизмѣнный для всѣхъ вѣрующихъ и спасаемыхъ законъ вѣры и спасенія не измѣненъ былъ и для святѣйшей Матери Божіей въ дѣлѣ животворной вѣры въ Воскресшаго. Для большаго возвышенія подвиговъ и достоинства преиспытанной Ея вѣры и для умноженія блаженства Ея души, преисполненной вѣрою, и Ей—Благодатной благовѣстіе Ангела предваряетъ видѣніе воскресшаго Сына Ея и Господа. И кому на землѣ явился воскресшій Господь прежде благовѣстія о Себѣ? Никому, какъ извѣстно изъ исторіи евангельской. Это — весьма замѣчательное обстоятельство, какъ доказательство изложенной истины. Маріи Магдалинѣ и другимъ мироносицамъ благовѣститъ Ангелъ у гроба Воскресшаго, а потомъ является и самъ Воскресшій. Прочимъ ученикамъ и всей братіи благовѣстятъ Магдалина и другія жены, и послѣ благовѣстій сихъ, по мѣрѣ вѣры учениковъ въ истину благовѣстія, разновременно является имъ и самъ Побѣдитель смерти, какъ повѣствуется въ Евангеліи.

5) Являлся ли самъ воскресшій Господь пречистой Матери своей послѣ благовѣстія ангельскаго? Безъ всякаго сомнѣнія, и явленіе сіе должно полагать по времени тоже первымъ въ ряду всѣхъ другихъ явленій. Та, которая удостоена была перваго на землѣ благовѣстія о славномъ воскресеніи Господнемъ,—Та безъ сомнѣнія достойна была и перваго явленія самаго Воскресшаго. Истинно вѣрующее сердце для чувства и убѣжденія вѣры не требуетъ видѣнія; но для утѣшенія и блаженства оно непремѣнно и постоянно чаетъ и жаждетъ видѣнія: *когда пріиду и явлюся лицу Божію? Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа*

(*) Есть и это мнѣніе въ синакс.

моя къ Тебѣ, Боже (Пс. 41. 2, 3). *Желаніе имѣю со Христомъ быти* (Филип. 1. 23). Это — его жизнь, дыханіе, молитва, языкъ. И можно ли допустить, чтобы милосердый Господь, не замедлившій утѣшить и облаженствовать своимъ явленіемъ скорбныя сердца мироносицъ и ап. Петра, какъ скоро приняли они съ вѣрою благовѣстіе о Его воскресеніи, — чтобы Онъ замедлилъ утѣшить и преисполнить радостію сугубо скорбное и сугубо жаждавшее видѣнія сердце Матери своей? И въ этой истинѣ вѣра древней Церкви не имѣла никакого сомнѣнія, хотя о томъ и не повѣствуется въ Евангеліи. *Первое убо*, говоритъ преданіе (*), *воскресеніе Божіи Матери познаваемо бываетъ. Воскресшаго видѣвши Сына твоего и Бога, радуйся со апостолы, благодатная чистая*, поется въ Церкви въ недѣлю мироносицъ, — *и еже радуйся первое, яко вспхъ радости вина, восприяла еси* (**).

ПИСЬМО

О НЕБЕСНОМЪ И ЗЕМНОМЪ ТОРЖЕСТВѢ ВОСКРЕСЕНІЯ.

Любезный другъ! поздравляя меня съ свѣтлымъ праздникомъ св. Пасхи и описывая ту радость, которою всегда исполняется въ то время сердце христіанина, ты спрашиваешь: отчего въ Евангеліи не встрѣчаемъ никакой торжественной пѣсни въ честь столь славнаго во всемъ мірѣ событія, тогда какъ въ описаніи Рождества Христова читаемъ высокую пѣснь ангельскую: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ!* Ужели, говоришь, ангелы не прославили воскресенія Господня новою, торжественною пѣснію?

Отвѣчаю тебѣ словами Церкви, которыми начинаетъ она торжество св. Пасхи: *Воскресеніе твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси.* И могли ли они не воспѣть столь великаго явленія славы единороднаго Сына Божія, ихъ Вождя и Владыки? Съ особеннымъ вниманіемъ обращены были ихъ свѣтлые взоры на землю съ того времени, какъ Сынъ Божій явился здѣсь въ образѣ человѣка. Самъ Спаситель свидѣтельствуетъ, что тогда было *небо отверсто*, и можно было видѣть *ангелы Божія восходящія и нисходящія надъ Сына человѣческаго* (Іоан. 1, 51). Онъ же увѣряетъ, что *радость бываетъ предъ ангелы Божіими о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. 15, 10). Какъ же не узрѣть ангеламъ новой славы Божественнаго Искупителя грѣшниковъ? А при видѣ этой славы, какъ не возрадоваться радостію веліею, и какъ не торжествовать имъ, какъ не прославлять побѣду надъ исконнымъ врагомъ Божіимъ? Слово Божіе открываетъ намъ, что ангелы гласомъ веліимъ восхвалили Всевышняго, когда узрѣли, возсіявшія на тверди небесной, безчисленныя свѣтила (Іов. 38, 7). Когда восходило на землю Солнце правды, Господь и Спаситель нашъ, слышны были новыя славословія ангельскія. Какъ же могли умолчать небесные пѣвцы славы Божіей тогда, какъ это Солнце правды, совлекшись покрова смиренія и уничиженія, возсіяло полнымъ свѣтомъ въ день воскресенія? — Славословить Господа и прославлять всѣ чудныя дѣла Его — это жизнь и блажен-

---

(*) Самакс. на св. пасху.

(**) Объ этомъ явленіи и о томъ, почему о немъ не повѣствуется въ Евангеліи, смотр. Воскр. Чт. г. IX. № 1.

ство небожителей. А какое дѣло славнѣе и досточуднѣе во всей вселенной того, которое явилъ на землѣ воскресшій Побѣдитель ада и смерти? — Спросишь теперь: какую же пѣснь воспѣли ангелы въ честь божественнаго воскресенія, и почему никто на землѣ не слыхалъ ея въ то время? Отвѣтъ на эти вопросы найдешь въ слѣдующихъ моихъ соображеніяхъ:

1) Не всякая пѣснь небесная можетъ быть переложена на языкъ земной. Св. Іоаннъ Богословъ слышалъ новую пѣснь избранныхъ Господнихъ на небѣ и замѣчаетъ: *никтоже можаше навыкнути пѣсни* той, кромѣ видѣнныхъ имъ *144 тысящъ искупленныхъ отъ земли* (Апок. 14, 3). Не такова ли была и новая пѣснь воскресенія у ангеловъ? Могли быть и это *неизреченныя глаголы, ихже не лѣпь есть человѣку глаголати* (2 Кор. 12, 4), т. е. не лѣть потому, что нѣтъ у людей приличныхъ и достойныхъ для того выраженій.

2) Торжество неба, безъ сомнѣнія, началось ранѣе, нежели воскресеніе Господне сдѣлалось извѣстнымъ на землѣ. Ибо кто видѣлъ, какъ востлалъ отъ смертнаго ложа своего Царь славы? Никто, кромѣ ангеловъ небесныхъ. Землетрясеніе, отваленіе камня отъ дверей гроба и явленіе при немъ Ангела, устрашившаго стражей, послѣдовали уже послѣ, когда это повелѣно было воскресшимъ Господомъ. Кто же изъ земныхъ жителей могъ тогда слышать пѣснопѣнія небесныя, которыми срѣтили ангелы исходящаго изъ гробной пещеры Жизнодавца?

3) Торжество неба открылось даже прежде дня воскресенія. Тотъ часъ послѣ смерти крестной Господь началъ свое торжество побѣдное, когда душею соединенною съ Божествомъ сошелъ въ узилища ада, *сокрушивъ вереи вѣчныя, содержащія связанныхъ*, и извелъ древнихъ вѣрующихъ во свѣтъ небесный. Тогда, говоритъ Церковь, избавленные Господомъ *къ свѣту идяху веселыми ногами, пасху хваляще вѣчную.* Тогда, конечно, и хоры ангеловъ соединяли съ ихъ радостными гласами свои славословія горнія. А на землѣ что было тогда? Лились только слезы учениковъ Христовыхъ, безпокоились враги — убійцы Богочеловѣка, и никто не могъ знать, что совершается въ это время въ другомъ мірѣ.

4) По крайней мѣрѣ, по воскресеніи не приличнo ли было хору ангельскому низойти ближе къ землѣ и возгласить въ слухъ достойныхъ свою торжественную пѣснь? Но кто способенъ былъ тогда слышать радостные гласы небесные? И слухъ и зрѣніе и сердца любящихъ Господа до того поражены были зрѣлищемъ голговскимъ, что нужно было кроткое, любвеобильное явленіе самаго Воскресшаго, чтобы даровать имъ способность чувствовать что либо другое, кромѣ горести и скорби. Извѣстно, что и тогда, какъ самъ Господь явилъ себя апостоламъ, они сначала пришли въ страхъ — *мняху духъ видѣти* (Лук. 24, 37), и потомъ уже начали познавать всерадостную истину. Такъ сильно заняты они были лютою скорбію своею!

5) Были, правда, и на землѣ въ то время способные слышать пѣснопѣнія ангельскія; только не были они земные жители. Кто же это? спросишь. Тѣ святые, которыхъ гробы отверзлись въ самый часъ смерти Господа, и которые, *по воскресеніи Его, внидоша во святый градъ и явишася многимъ* (Матѳ. 27, 53). Не возвѣщались они тѣмъ, кому являлись, и торжество небесное? Не думаю. Полагаю, что они были посланы во свидѣтельство животворныхъ дѣйствій воскресенія Господня, и видѣвшіе ихъ уже послѣ, когда мракъ скорби и недомѣній разсѣялся, могли

хорошо уразумѣть значеніе столь необычайнаго явленія.

6) Кому надлежало собственно начать на землѣ торжество воскресенія? Уже не ангеламъ: не имъ, говоритъ Апостолъ, *покори Богъ вселенную грядущую* (Евр. 2, 5), а Тому, кто *за пріятіе смерти славою и честію увѣнчанъ*, кто благоволилъ насъ нарещи *своею братіею* и глаголетъ ко Отцу своему: *возвѣщу имя твое братіи моей, посредѣ церкве воспою Тя* (9, 11. 12). Посему отъ Него, изъ собственныхъ устъ Воскресшаго, надлежало вѣрующимъ услышать вожделѣнный гласъ: *радуйтеся и — миръ вамъ!* Съ этого времени ангелы не столько наставники и пѣстуны, сколько сотоварищи, *клевреты* учениковъ Господнихъ (Апок. 22, 9). Отселѣ сама Церковь земная дѣлается способною возглашать пѣсни, достойныя вниманія небожителей. *Да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ Церковію многоразличная премудрость Божія* (Ефес. 3, 10). Теперь мы сами, научаемые Господомъ, должны образовать херувимовъ и воспѣвать съ ними животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь. Потому и въ день воскресенія молимъ Господа: *Воскресеніе твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити.*

7) И славословіе сердца не началось ли уже тотчасъ, какъ явился Воскресшій любящимъ Его? Сердца св. женъ мироносицъ, безъ сомнѣнія, несравненно болѣе вмѣщали радости, нежели сколько изъявляли они словами, повѣдая апостоламъ о видѣнномъ ими Господѣ (Матѳ. 28, 9). Два ученика Еммаусскіе, и не узнавъ еще Воскресшаго, сознавали въ себѣ нѣчто невыразимо сладостное и животворное: *не сердце ли наше*, говорили они послѣ, *горя бѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути, и егда сказаваше нама Писанія* (Лук. 24, 32). Еще болѣе взыграло сердце учениковъ, когда они, среди собранія своего, узрѣли и познали своего возлюбленнаго Учителя и Господа (Іоан. 20, 20). *Воистину воста Господь* (Лук. 24, 34), говорили они каждому, кого срѣтали изъ вѣрующихъ. Не лучшая ли это была пѣснь въ устахъ ихъ, отъ избытка радости сердечной глаголющихъ? Тогда исполнилось предреченное имъ слово Спасителя: *паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. 16, 22).

Изъ всего этого можешь ты видѣть, любезный другъ, какое торжество воскресенія было на небеси, и какъ начался свѣтлый праздникъ нашъ на землѣ. Видишь и то, что прежде всѣхъ участвовали въ небесномъ торжествѣ тѣ праотцы, которыхъ изъ темницы духовъ извелъ самъ Спаситель, а жители земные еще не могли вполнѣ раздѣлять этотъ небесный праздникъ; они оставались все еще какъ бы во мракѣ, ожидая свѣта Господня, и каждый изъ учениковъ Распятаго могъ только молиться: *изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени твоему* (Псал. 141, 8). Когда же и для нихъ настала минута освобожденія изъ темницы недоумѣній и печали, — настало время и исповѣданія и пѣсней побѣдныхъ. Ты увѣренъ, конечно, и въ томъ, что торжество воскресенія небесное не прекращается, а можно сказать еще часъ отъ часу болѣе возвышается, присоединяя ежедневно къ ликующимъ новыхъ соучастниковъ радости небесной, т. е. восходящія отъ насъ души. Св. Тайновидецъ слышалъ нѣкогда слѣдующую пѣснь ангеловъ: *достоинъ есть Агнецъ заколенный пріяти силу и богатство и премудрость и крѣпость и честь и славу и благословеніе* (Апок. 5, 12). Отсюда можешь заключать о содержаніи и той первоначальной пѣсни, которою

прославляли небожители Побѣдителя смерти и ада. Изъ того же, какими чувствами и словами впервые прославляли апостолы воскресшаго Господа, можешь видѣть, что и всѣ послѣдующія въ Церкви Христовой славословія и побѣдныя пѣсни суть не что иное, какъ сильнѣйшее раскрытіе первоначальнаго благовѣстія апостольскаго: *воистину воста Господь!*—Такъ, воистину воскресе Христосъ!—говоримъ мы и нынѣ другъ другу. *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ*, поемъ со всею Церковію, и радуемся и торжествуемъ, и радости нашея никтоже возметъ отъ насъ.

Привѣтствуя тебя взаимно съ общимъ высокимъ торжествомъ нашимъ, молю Воскресшаго, да соблюдетъ Онъ всѣхъ насъ въ св. радости воскресенія и даруетъ намъ въ ней еще здѣсь на землѣ предвкушать торжество Его небесное. Не будемъ жалѣть, что теперь не слышимъ небесныхъ славословій ангельскихъ. Не равносильны ли имъ пасхальныя пѣсни нашей святой Церкви, столь восхитительныя, сладостныя, возвышенныя? Постараемся этими святыми пѣснопѣніями исполнить наши души, чтобы и всегда намъ воспѣвать ихъ въ сердцахъ нашихъ Господеви. Если обратимъ нынѣшнее церковное пѣніе въ жизнь нашего духа, то не убоимся и смерти, заранѣе будемъ торжествовать надъ нею, а когда позовутъ насъ въ другую жизнь, тамъ скоро навыкнемъ мы тѣмъ пѣснямъ небеснымъ, которыми славятъ всѣ святые Господа нашего во вѣки вѣковъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 11-го Марта 1858 года.

Цензоръ Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Петръ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 2.

НЕДѢЛЯ АНТИ-ПАСХИ.

30 Апрѣля 1858 г.

Гласъ 1-й.

На утрени: евангеліе воскресное 1-е, Мат. зач. 116. На Литургіи апостолъ: Дѣян. зач. 14, еванг. Іоан. зач. 65.

СВѢТОНОСНОЕ ДѢЙСТВІЕ

ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА.

День живоноснаго воскресенія Христова приноситъ съ собою столько радости, что исполняетъ ею всѣхъ и все, весь міръ видимый и невидимый, и исполняетъ въ такомъ преизбыткѣ, что пріявшіе ее самою полнотою ея неудержимо побуждаются дѣлить ее съ другими. Глубоко и сильно чувствовали мы эту чистую радость въ лѣта своего дѣтства, когда еще не сознавали всей важности для насъ свѣтоноснаго воскресенія Христова. Не съ меньшею живостію одушевляемся ею теперь, когда можемъ понимать всемірное значеніе этого великаго событія, и, конечно, не по одной привычкѣ, но гораздо болѣе — по внутреннему побужденію полнаго радостію сердца спѣшимъ другъ къ другу съ словомъ мира и веселія. Богомудрый составитель пасхальнаго канона, выражая въ торжественныхъ пѣсняхъ радостное чувство, одушевляющее каждаго христіанина въ праздникъ Пасхи, призываетъ къ соучастію въ свѣтломъ торжествѣ нашемъ и небо, и землю, и даже самую преисподнюю. На небѣ ангелы, первѣе людей, начали воспѣвать славу Воскресшаго, — и земля отъ нихъ уже пріяла радость благовѣщенія воскресенія Христова: ибо отъ Ангела, первѣе всего, благодатная Богоматерь услышала сугубое: *радуйся*; Ангелъ же поручилъ мироносицамъ возвѣстить Сіону и Іерусалиму о возсіяніи Христа изъ гроба, яко изъ чертога. Мы исповѣдуемъ, что и послѣ, при воспоминаніи того великаго и свѣтозарнаго дня, горнія силы неумолкаемо поютъ хвалу воскресшему Господу, и потому молимъ Бога при началѣ пасхальнаго торжества, чтобы Онъ сподобилъ насъ, подобно горнимъ силамъ, сла-

вить воскресеніе Христово. Св. отцы видѣли живое сочувствіе нашей радости въ самой неодушевленной природѣ, и на весеннее оживленіе ея, обыкновенно совпадающее съ временемъ праздника воскресенія Христова, смотрѣли не только какъ на символъ общаго воскресенія, но и какъ на знаменательное выраженіе общей радости, открытой для міра силою воскресенія Христова. Въ народѣ есть вѣра, хотя безотчетная, но имѣющая свой смыслъ, по которой простое, открытое сердце, при каждомъ годовомъ повтореніи пасхальнаго дня способно замѣчать во всей видимой природѣ ясное сочувствіе своей празднественной радости. У нѣкоторыхъ есть благочестивый обычай ходить въ этотъ праздникъ на могилы усопшихъ,—и души отшедшія изъ міра сего, хотя безмолвно и тайно, однако довольно ощутительно даютъ знать родственнымъ и сочувствующимъ душамъ живыхъ о наполняющемъ ихъ отрадномъ чувствѣ, и тѣмъ облегчаютъ естественное для каждаго изъ насъ сокрушеніе о смерти близкихъ къ намъ. Такъ всеобъемлюща радость праздника воскресенія Христова!

Какая же причина и какой предметъ всеобщей радости? Почему такъ свѣтло празднуетъ востаніе Христово вся тварь на небѣ, на землѣ и въ преисподней?

На это даетъ прекрасный отвѣтъ одна пѣснь пасхальнаго канона: *нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя.* Вотъ почему всѣ твари вселенной радостно празднуютъ свѣтлое воскресеніе Христово! Свѣтъ естественнаго солнца прогоняетъ мракъ съ лица земли, пробуждаетъ все къ жизни,—и вообще производитъ благодѣтельную перемѣну въ состояніи природы. Не усиливаясь проводить строгое и точное соотвѣтствіе между частными дѣйствіями свѣта естественнаго съ дѣствіями чудеснаго свѣта, возсіявшаго изъ гроба Христа Жизнодавца, мы утверждаемъ, что этотъ свѣтъ, подобно свѣту восходящаго солнца произвелъ великую и благодѣтельную перемѣну во всей вселенной и эта-то перемѣна служитъ неизчерпаемымъ источникомъ радости для всего міра, видимаго и невидимаго.

I.

Нынѣ исполнися свѣта небо.

Небо не было омрачено грѣхомъ, подобно землѣ, и потому не нуждалось въ свѣтѣ искупительномъ, вполнѣ сохраняя свѣтъ, данный при твореніи. Тамъ обитаютъ однѣ свѣтлыя горнія силы: возставшій изъ среды ихъ Денница тотчасъ, какъ только задумалъ воспротивиться Богу и тѣмъ помрачить чистоту неба, былъ низверженъ съ неба въ самыя дольнія страны. Потому Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, какъ не для неба умиралъ, такъ не для неба же и воскресъ. Между тѣмъ Ангелы находили и находятъ причины радоваться воскресенію Господа.

Они радуются, вопервыхъ, новому и необычайному откровенію славы неприступнаго Бога. Вся жизнь ихъ состоитъ въ блаженномъ воспѣваніи божественной несказанной красоты и непрестанномъ славословіи тріипостаснаго величія Божія, такъ что они *покоя не имутъ день и нощь глаголюще: святъ, святъ, святъ Господь Богъ Вседержитель* (Апок. 4, 8). Если это славословіе составляетъ для нихъ неизчерпаемый источникъ чистыхъ наслажденій: то новое явленіе славы Божіей даровало имъ богатый запасъ новыхъ удовольствій и, такъ сказать, разширило кругъ ихъ блаженства.—Они радуются въ особенности тому, что нынѣ страдавшій Богочеловѣкъ своимъ воскресеніемъ вошелъ въ прежнюю славу свою. Что должны были помышлять, что должны были чувствовать горніе

чины при видѣ крайняго истощанія Царя славы, простершагося даже до поносной смерти? Конечно, они не были только праздными зрителями великаго событія; они желали проникнуть въ тайну Голгоѳскаго жертвоприношенія, и, безъ сомнѣнія, отчасти проникали въ нее. При всемъ томъ могли ли они безъ трепета и ужаса проводить тѣ страшныя мгновенія, когда ужасалось солнце, содрагалась и трепетала земля и колебались ея основанія? Но вотъ воскресе Христосъ,—и *открыся Сыномъ Божіимъ въ силѣ по духу святыни* (Римл. 1, 4), кончилось время Его уничиженія, насъ ради подъятаго, и Онъ явился блистающимъ всею своею божественною красотою; воскресе Христосъ — и трепетъ Ангеловъ естественно претворился на радость; ихъ недоумѣнія, безмолвныя и тихія, смѣнились хвалебными пѣснословіями. Они радуются потому, что всевышній Богъ нынѣ приблизилъ Себя къ тварямъ болѣе, чѣмъ былъ приближенъ до воскресенія. Трисіянное естество Божіе заключено въ свѣтѣ неприступномъ: сами Херувимы и Серафимы закрываютъ предъ нимъ лица своя, не могуще сносить его силы и яркости. Между тѣмъ, полные любовію, они болѣе, чѣмъ другія твари, чаютъ къ своему Творцу и Богу: всѣ ихъ стремленія клонятся къ тому, чтобы тѣснѣе соединиться съ неизсякаемымъ источникомъ живота и блаженства своимъ существомъ, познаніемъ и дѣятельностію. Непостижимый Богъ, облекшись въ доступный для нихъ покровъ человѣчества, обнаружилъ нынѣ подъ этимъ покровомъ истинно-божескую силу, и съ своимъ прославленнымъ и обоготвореннымъ человѣчествомъ восходитъ чрезъ міръ ангельскій къ престолу славы своей. Здѣсь они яснѣе, чѣмъ прежде, познаютъ не созданную красоту и истину, и ближе чѣмъ прежде, соединяются съ вожделѣннымъ для нихъ источникомъ всякаго блага. — Они радуются потому, что воскресеніемъ Христовымъ окончательно уничтоженъ грозный гнѣвъ небеснаго Владыки всяческихъ. Не надъ ними тяготѣлъ этотъ страшный, праведный гнѣвъ; не они заслужили его; при всемъ томъ, какъ вѣрные рабы, какъ дѣти Божіи, они не могли оставаться равнодушными къ этому гнѣву. Сила правды Божіей, оскорбленной грѣхомъ человѣка, требовала удовлетворенія для себя (2 Сол. 1, 8) и лице Бога милующаго сдѣлалось лицемъ, потребляющимъ *творящія зла* (1 Петр. 3, 12). Любви Божіей тяжко было подвергать заслуженной казни свою тварь, и тяготѣть надъ нею своимъ праведнымъ судомъ. Прискорбно было видѣть это и для Ангеловъ, какъ прискорбно бываетъ для рабовъ, видѣть гнѣвъ своего домовладыки, какъ прискорбно это для дѣтей, когда отецъ ихъ возбужденъ гнѣвомъ, хотя бы и не противъ нихъ.

Воскресеніе Христово служитъ для Ангеловъ причиною радости и потому, что оно нанесло совершенное пораженіе врагу Божію и было запечатлѣніемъ побѣды въ давней борьбѣ неба съ адомъ. Горнія воинства, подъ главнымъ водительствомъ Божіимъ, принимали въ этой борьбѣ дѣятельное участіе, и, конечно, пламенно желали окончательнаго прекращенія ея. Боролись небесные вои съ духами злобы еще на небѣ, и — брань кончилась сверженіемъ послѣднихъ съ неба. Но этимъ борьба еще не окончилась; перемѣнилось только ея поприще. Удаленный отъ лицезрѣнія Божія, Денница началъ разрушать царство Божіе на землѣ, началъ вредить человѣку, чтобы тѣмъ нанесть вредъ Творцу его и Промыслителю. Вои небесные послѣдовали сюда защищать человѣка отъ ухищреній діавола. Цѣлыхъ пять тысячъ лѣтъ продолжалась здѣсь жестокая брань: но Ангелы не могли стереть главы своего врага, врага Божія и врага всякаго добра, доколѣ не сошелъ съ неба самъ

Сынъ Божій, доколѣ не приняло непосредственнаго участія въ брани неискусомужное Сѣмя жены. Брань достигала крайняго своего предѣла, когда это неискусомужное Сѣмя жены уязвлено было въ пяту древнимъ зміемъ, и когда самъ Сынъ Божій дѣлался вольнымъ плѣнникомъ діавола. Но вотъ вѣсть о воскресеніи разносится по областямъ неба: Ангелы узнаютъ о великой побѣдѣ, узнаютъ о позорѣ и посрамленіи врага своего, узнаютъ объ окончаніи брани,—и торжествуютъ побѣду и миръ.

Наконецъ Ангелы радуются за человѣка ради того, что воскресшій Христосъ возвелъ насъ отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси. Какъ старшіе братья въ семействѣ Отца небеснаго, исполненные истинною любовію къ намъ, они, конечно, не могли равнодушно смотрѣть на то, какъ родъ человѣческій нисходилъ въ бездну погибели, увлекаемый туда исконнымъ врагомъ Божіимъ. Посылаемые *въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе*, получившіе отъ Бога заповѣдь сохранять человѣка, *да не когда преткнетъ о камень ногу свою*, и, по собственному влеченію, желающіе ополчаться за человѣка, они, безъ сомнѣнія, глубоко сожалѣли о погибающемъ человѣкѣ, безъ сомнѣнія, съ сокрушеніемъ отступали отъ него, когда онъ, не смотря на всѣ ихъ старанія, предавался оболщенію врага своего и дѣлался его жертвою и добычею. Но чудо воскресенія Христова—конецъ и печать спасенія человѣка: воскресшій Христосъ исторгъ изъ рукъ адовыхъ несчастную добычу, и Ангелы радуются радости человѣка. По слову писанія, *радость бываетъ предъ ангелы Божіими о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. 15, 10). Какъ же имъ не радоваться о цѣломъ родѣ спасаемыхъ? Эта радость усугубляется отъ того, что воскресшій Спаситель отверзаетъ обители Отца небеснаго, и вводитъ къ Ангеламъ новыхъ участниковъ ихъ блаженства и ихъ хвалебныхъ пѣснопѣній. Съ тѣхъ поръ, какъ древній змій отторгъ третію часть неба (Апок. 12, 4), жилища отторженныхъ духовъ на небѣ опустѣли и перестали красоваться ликовствованіями (Апок. 12, 8): ихъ двери были заключены и запечатлѣны седмью печатями. Явленіе это не могло не производить на небесныхъ Ангеловъ впечатлѣнія подобнаго тому, какое производитъ опустѣлый и заброшенный домъ на путника, ищущаго повсюду жизни и радости. Видя утрату въ числѣ сочувствующихъ членовъ небеснаго царства, Ангелы желали сами и молили Бога, чтобы Онъ вновь поселилъ тамъ способныхъ чувствовать блаженство и воспѣвать немолчныя славословія. Воскресшій Христосъ снимаетъ седмь печатей съ заключенныхъ обителей Отца небеснаго, отверзаетъ двери ихъ, и вводитъ за собою на мѣсто отпадшихъ духовъ сонмы праведниковъ, искупленныхъ Его честною кровію

II.

Нынѣ исполнися свѣта земля.

Свѣтъ, возсіявшій изъ гроба Христа Жизнодавца, преимущественно озарилъ землю и на ней въ особенности человѣка. Ибо на землѣ происходило воскресеніе Господа; для земли и для человѣка Христосъ страдалъ и воскресъ изъ гроба. Потому, если кто, то мы не можемъ не торжествовать воскресенія Христова.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ не радоваться, когда Іисусъ Христосъ своимъ воскресеніемъ явилъ въ себѣ истиннаго Бога, запечатлѣлъ дѣло нашего искупленія, и ясно показалъ, что оно дѣйствительно совершено и кончено? Какъ намъ не радоваться, воспоминая тотъ день, въ который узнало человѣчество, что рукописаніе грѣховъ нашихъ растерзано на

крестѣ, и что съ насъ смыта наслѣдственная грѣховная нечистота. Какъ намъ не радоваться, когда самъ Воскресшій говоритъ намъ: *радуйтеся*! (Матѳ. 28, 9) и торжественно возвѣщаетъ, что мы уже не чада гнѣва, но чада любви Божіей, что мы свободны отъ проклятія, тяготѣвшаго надъ нами, и потому съ дерзновеніемъ можемъ являться предъ лице Отца небеснаго! Пусть грѣхъ пока еще не перестаетъ покорять себѣ мертвенное тѣло наше; пусть жало его еще не перестаетъ уязвлять и самыхъ избранныхъ: его уязвленія уже не страшны для насъ теперь, когда воскресшій Спаситель далъ намъ *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію*, когда силою заслугъ Его мы можемъ изглаждать въ себѣ свои произвольныя грѣхопаденія, такъ что можемъ явиться на судъ Божій совершенно чистыми и невинными. Пусть бѣдствія, еще не перестающія постигать насъ, довольно явственно свидѣтельствуютъ о слѣдахъ проклятія, изреченнаго Адаму. Вторый Адамъ, Господь съ небесе, даровалъ намъ благодатное утѣшеніе, залогъ будущаго блаженства, съ которымъ мы спокойно встрѣчаемъ всѣ роды несчастій,—возбудилъ въ насъ чаяніе новой блаженной жизни, для которой мы безъ сожалѣнія жертвуемъ всѣмъ временнымъ. Будетъ время, когда совершенно *обетшаетъ согрѣшеніе и скончается грѣхъ*; будетъ время, когда открыты будутъ намъ несказанныя блага и невообразимыя нынѣ радости.

Какъ намъ не радоваться, когда Христосъ Спаситель своимъ воскресеніемъ разрушилъ прю смерти, и упразднилъ имущаго державу смерти! Надъ нами издревле тяготѣетъ смерть, и древній человѣкъ въ язычествѣ отходилъ изъ сей жизни не зная, что съ нимъ будетъ по смерти, не надѣясь на блаженство за гробомъ. *Нынѣ Христосъ воста отъ мертвыхъ начатокъ умершимъ бысть.* Потому *якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ* (1 Кор. 15, 20. 22). *Аще* бо *Христосъ проповѣдуется яко изъ мертвыхъ воста*, говоритъ Апостолъ, *како глаголютъ нѣцыи въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть* (12)? Христосъ былъ во гробѣ плотски, своимъ человѣчествомъ; и какъ скоро Онъ побѣдилъ смерть въ своемъ лицѣ, изъ гроба Жизнодавца тотчасъ потекъ неизсякаемый источникъ нетлѣнія. Пусть со времени воскресенія Христова и донынѣ не было ни Еноха, ни Иліи, который бы, не увидѣвъ смерти, преложился на небо. За то были безчисленные сонмы мучениковъ и исповѣдниковъ, которые искали смерти, какъ блага, которые желали *разрѣшитися и со Христомъ быти*; за то есть множество нетлѣнныхъ останковъ святыхъ, которые торжественно проповѣдуютъ вѣкамъ и народамъ о побѣдѣ жизни надъ тлѣніемъ и смертію. Мы всѣ знаемъ, что намъ нужно будетъ умереть. Но этотъ неизбѣжный приговоръ уже не страшенъ для насъ послѣ воскресенія Христова. Ибо что такое для насъ—смерть, при непреложныхъ убѣжденіяхъ вѣры христіанской? Это переходъ изъ одной жизни въ другую,—изъ бѣдственной и плачевной въ блаженную и радостную; это—временное разлученіе души съ тѣломъ, а гробъ мѣсто временнаго упокоенія; онъ не вѣкъ будетъ держать насъ: мы востанемъ изъ него, и востанемъ для того, чтобы приблизиться къ Богу. Была въ мірѣ еще смерть духовная, состоящая въ отчужденіи отъ жизни и благодати Божіей,—смерть, тягчайшая смерти тѣлесной: ей подвергся человѣкъ тотчасъ же, какъ только вкусилъ отъ плода запрещеннаго, по непреложной угрозѣ Божіей: *въ онь же аще день снѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17). И отъ этой смерти

мы избавлены воскресшимъ Спасителемъ. Прославивъ въ Себѣ человѣческое естество, Іисусъ Христосъ, полѣ воскресенія своего, возвелъ его съ Собою къ престолу Всевышняго, и чрезъ то открылъ своимъ послѣдователямъ путь къ источнику жизни, свѣта и блаженства — и мы увѣрены, что будемъ жить въ единеніи съ Богомъ, если только дѣятельно будемъ стремиться къ сему. Потому достойно празднуемъ умерщвленіе смерти, хотя она и являетъ еще видимую власть надъ нами.

Наконецъ боялись мы ухищреній и нападеній исконнаго врага своего, который *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Сильна и велика была его власть въ древнія времена; не удержимо было его вліяніе на людей, до времени побѣды надъ нимъ Сына Божія. Нынѣ же Христосъ, пришедшій на землю *разрушить дѣла діаволя*, и до самой смерти боровшійся съ нимъ, своимъ воскресеніемъ отнялъ у него всю власть и силу: *князь міра сего осужденъ и изгнанъ вонъ* (Іоан. 12, 31). Всѣ клевреты его *плѣницами мрака связаны и блюдутся на день суда и мученія* (2 Петр. 2, 4). Потому для насъ уже не такъ опасны сѣти его, тѣмъ болѣе, что Христосъ облекъ насъ во вся оружія Божія, *еже возмощи намъ стати противу козномъ діавольскимъ.*

Благотворный свѣтъ воскресенія Христова распространился и на неразумныя твари, и даже проникъ въ самую не одушевленную природу. За грѣхъ человѣка подверглась проклятію земля со всѣмъ живущимъ на ней. Повыраженію Писанія, *вся тварь повинуся суетѣ не волею, но за повинувшаго ю* (Римл. 8, 20). И люди съ открытою и благоговѣйною душею слышали ея жалобные и плачевные вопли и воздыханія объ утратѣ первобытнаго совершенства своего, внимали ея соболѣзнованіямъ, какія производили въ ней слезы человѣка. Давно она работаетъ истлѣнію, и долго въ этой работѣ проходило все ея существованіе, не проявляя въ себѣ предчувствія на отрадную перемѣну. Древній человѣкъ съ поникшею главою, съ безпокойнымъ и печальнымъ взоромъ смотрѣлъ на мрачную картину постоянныхъ разрушеній и страданій природы. Но вотъ воскресаетъ Христосъ, человѣкъ узнаетъ, что съ него снято древнее проклятіе: въ тоже время и землѣ дается знать, что и она уже не подъ клятвою, что ей возвращается та красота, которой лишилъ ее ея царь и распорядитель. Такимъ образомъ земля торжествуетъ избавленіе человѣка царя своего и домовладыки, радуется за того, съ которымъ соединилъ ее премудрый Тторецъ, и предъ которымъ повергала она все свое достояніе, которому служила всѣми своими силами, — радуется за него потому, что его благо есть ея собственное благо. Она празднуетъ вмѣстѣ съ избавленіемъ человѣка свое собственное освобожденіе отъ тяжкой работы истлѣнія, радуется потому, что непосредственно ощущаетъ животворное дѣйствіе преестественнаго свѣта воскресенія Христова. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ живоноснаго тѣла Христова истекла на землю живительная кровь и вода, отъ Голгоѳы распространившаяся повсюду, — съ тѣхъ поръ, какъ земля приняла въ свои нѣдра Побѣдителя смерти и тлѣнія, съ тѣхъ поръ какъ воздухъ и всѣ стихіи оживлены дыханіемъ устъ прославленнаго тѣла Творца и Зиждителя всяческихъ, — съ тѣхъ поръ зародилось и возрастаетъ въ ней благодатное сѣмя обновленія: земля получила твердый залогъ новой, не ветшающей жизни. Здѣсь-то можетъ находить свой смыслъ простая вѣра въ сочувствіе и неодушевленной природы нашей пасхальной радости. Пусть еще донынѣ слышны въ природѣ воздыханія и соболѣзнованія

твари: въ нихъ уже нѣтъ того безотраднаго плача, какой замѣчали нѣкоторые до времени воскресенія Христова: они растворены радостотворнымъ чаяніемъ откровенія сыновъ Божіихъ, отрадною увѣренностію въ скоромъ освобожденіи отъ настоящихъ страданій. Природа чувствуетъ и гласно проповѣдуетъ, что скоро свобода славы чадъ Божіихъ откроется вполнѣ, и въ чаяніи новой жизни приготовляется къ тому, чтобы быть мѣстомъ селенія славы Божіей и достойнымъ жилищемъ оправданнаго и искупленнаго человѣка.

III.

Наконецъ, *исполнися свѣта преисподняя.*

Исполнися свѣта преисподняя! Вотъ по истинѣ безмѣрное благоутробіе Христа Бога нашего! Вотъ поистинѣ удивительная и несказанная сила воскресенія Христова! И царство вѣчной тмы, царство, безмѣрно удаленное отъ духовнаго солнца — Бога, наполняется животворнымъ свѣтомъ! Уничтожены твердыни и забрала адовы, и для насъ не страшна болѣе та мрачная темница, куда сходили по смерти души нашихъ праотцевъ, и гдѣ были одни мученія, гдѣ царствовала смерть во всемъ сьоемъ ужасѣ. Въ этой темницѣ, до времени вшествія въ нее Искупителя, много было душъ, уловленныхъ діаволомъ въ его сѣти: онѣ страдали тамъ въ тягостномъ плѣну, въ томительномъ ожиданіи себѣ избавленія, въ постоянномъ сѣтованіи, вдали отъ жизни и блаженства. Но вотъ къ содержимымъ адовыми узами является Побѣдитель смерти, *умерщвленный плотію, но живый духомъ.* Въ видѣ плѣнника вступаетъ Онъ въ мрачную темницу, но, по вступленіи, какъ левъ отъ Іуды, безбоязненно попираетъ древняго змія, и царски распоряжается въ области плѣнившаго Его. Имъ возбуждаются мертвые отъ вѣка, сокрушаются верем вѣчныя, содержащія связанныя. Всѣмъ, даже *и духовомъ, противльшимся иногда во дни Ноевы, дѣлаему ковчегу* (1 Петр. 3, 19. 20), и заслужившимъ страшную кару небеснаго правосудія, всѣмъ возвѣщается слово избавленія. Плѣнники, оцѣпенѣвавшіе въ тяжеломъ плѣну діавола, при видѣ его пораженія, съ радостію отзываются на проповѣдь спасенія, и съ вѣрою и надеждою взираютъ на Того, который обѣщаетъ имъ избавленіе отъ руки адовы. Злобный врагъ видитъ окончательное разрушеніе своего царства, — видитъ, но не въ силахъ воспрепятствовать всемогущему Освободителю его плѣнниковъ. Іисусъ Христосъ отверзаетъ врата адовы, и души, содержавшіяся тамъ прежде, вѣрою и надеждою придерживаясь своего Избавителя, вмѣстѣ съ Нимъ выходятъ изъ своей темницы, и вводятся Имъ въ царство свѣта и блаженства. Такимъ образомъ онѣ радуются своему избавленію отъ ненавистной власти діавола и преставленію въ блаженное царство Сына любве Божія и древній многолѣтній плачь свой прелагаютъ на свѣтлое празднованіе.

Чтоже адъ, сокрушенный и лишенный своей добычи, съ оставшимися въ немъ духами злобы? Онъ одинъ не хочетъ принимать участія во всеобщемъ торжествѣ твари: это торжество повергаетъ его въ невыносимую скорбь. Слышимъ, что онъ стеня вопіетъ: *уне мнѣ бяше, аще бы отъ Маріи Родшагося не пріялъ* (Стихир. церк.). Онъ скорбитъ, потому что сокрушенъ остенъ его, исторгнута изъ рукъ его побѣда, и уничтожены всѣ тѣ козни, коими онъ увлекалъ всѣхъ на зло и погибель. Духи злобы поверглись долу, чтобы не видѣть невечерняго свѣта Господня, все и всѣхъ оживляющаго, но для нихъ служащаго огнемъ попаляющимъ. Но зачѣмъ омрачать этою темною картиною свѣтлое торжество всей вселенной? Предъ нами — ликовствующая тварь!

Будемъ сочувствовать всеобщей радости. Будемъ радоваться радостію чистою, полною и святою, и не перестанемъ побуждать всю тварь къ радостному сликовствованію съ нами и достойному прославленію воскресшаго Господа!

Да празднуетъ убо вся тварь востаніе Христово, въ немже утверждается! Небеса достойно да веселятся; земля же да радуется, да празднуетъ же міръ, видимый же весь и невидимый: Христосъ бо воста: веселіе вѣчное!

ДОБРОЕ НЕВѢРІЕ.

О доброе невѣріе Ѳомино!

Нед. Антипасх. велик. веч. ст. 4 на Гос. воз.

Кажется, нѣтъ понятій болѣе противорѣчащихъ другъ другу, какъ эти два понятія: доброе невѣріе. Вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа есть существенное условіе блаженства; а невѣріе, какъ противленіе Богу, ведетъ къ лишенію блаженства, къ вѣчной погибели. Однако же священное Писаніе повѣствуетъ объ одномъ особенномъ проявленіи невѣрія, которое святая Церковь, необинуясь, именуетъ добрымъ. Это—невѣріе святаго апостола Ѳомы въ истину воскресенія Христова.

Ѳома же единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый близнецъ—такъ повѣствуетъ святый Іоаннъ—*не бѣ ту съ ними* (учениками Господа), *егда пріиде Іисусъ. Глаголаху же ему друзіи ученицы: видѣхомъ Господа. Онъ же рече имъ: аще не вижу на руку его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не имъ вѣры* (Іоан. 20, 24. 25). Итакъ апостолъ Ѳома не вѣруетъ свидѣтельству учениковъ Христовыхъ, не вѣруетъ свидѣтельству самовидцевъ, которымъ воскресшій Господь показа *руцѣ и ноздѣ и ребра своя* (20). Не есть ли это намѣренное противленіе истинѣ?

Нерѣдко замѣчаемъ, что явленіе противорѣчитъ тому, что въ немъ является. Когда тѣло поднимается вверхъ отъ земли, нарушаетъ ли оно этимъ общій законъ тѣлъ, влекущій ихъ къ землѣ? Напротивъ, оно этимъ только исполняетъ законъ. Или когда отецъ наказуетъ своего сына, служитъ ли это признакомъ его не любви къ сыну? Напротивъ, этимъ онъ и доказываетъ, что любитъ его. Нѣчто подобное мы видимъ и въ невѣріи апостола Ѳомы. Когда читаемъ: *аще не вижу на руку его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздиныя, и вложу руку мою въ ребра его, не имъ вѣры*—не чувствуемъ ли здѣсь пламенной, не удержимой, съ каждымъ словомъ вновь проторгающейся любви ученика къ своему Господу? Онъ хочетъ видѣть воскресшаго Господа, жаждетъ общенія съ Нимъ, стремится осязать Его. Онъ ищетъ блаженства вѣры не только той яже *отъ слуха* (Римл. 10, 17), но и той собственно апостольской вѣры, которая говоритъ о себѣ: *еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима нашима, еже узрѣхомъ, и руки наши осязаша о Словеси животнѣмъ* (1 Іоан. 1, 1). И это стремленіе къ Господу, эта жажда богообщенія, эта любовь и радость о воскресшемъ, живомъ Словѣ, не удовлетворяясь въ тоже мгновеніе, не успокоиваясь на томъ, что говорили и видѣли другіе, выражаются въ видимомъ невѣріи. Говоримъ: въ видимомъ, то есть такомъ, которое не касалось сердца, не возникало изъ

духа противленія очевидной истинѣ; иначе какимъ образомъ Апостолъ могъ бы горѣть этимъ пламеннымъ стремленіемъ видѣть и осязать воскресшаго Господа?

Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь то замѣчательное явленіе изъ человѣческой душевной жизни, когда сердце ощущаетъ и знаетъ болѣе, чѣмъ разумъ, когда послѣдній доставляетъ душѣ менѣе, чѣмъ сколько требуетъ первое, когда преизбытокъ въ сердцѣ любви и радости какъ бы подавляетъ на мгновеніе другія душевныя силы, колеблетъ ихъ и дѣлаетъ ихъ на нѣкоторое время неспособными къ принятію того, что подается имъ со-внѣ. Вспомнимъ только, что яркій и внезапно поразившій насъ свѣтъ производитъ на первый разъ потемнѣніе въ нашихъ глазахъ.

Мать, пораженная вѣстію о смерти своего любезнаго и единственнаго сына и потомъ услышавшая отъ свидѣтеля, которому доселѣ довѣряла она, что ея сынъ живъ, говоритъ: »это быть не можетъ, я не вѣрю этому,—не вѣрю, пока сама не увижу моего сына«. Это невѣріе матери не происходитъ ли отъ преизбытка радости въ сердцѣ? Это невѣріе матери не есть ли проявленіе той пламенной любви, которая хочетъ видѣть и осязать любимый предметъ и которая, потому, не довольствуется тѣмъ, что говорятъ объ немъ другіе?

Такъ патріархъ Іаковъ, когда услышалъ отъ сыновей своихъ, что его возлюбленный Іосифъ живъ, не повѣрилъ этому радостнѣйшему извѣстію: *и ужасеся въ мысли Іаковѣ: не вѣроваше бо имъ* (Быт. 45. 26). Онъ хотѣлъ не слышать о сынѣ, а видѣть его; для его внезапно ожившаго сердца одной вѣсти было недостаточно; онъ не вѣритъ ей уже потому, что она слишкомъ радостна: *велико ми есть сіе, аще еще Іосифъ сынъ мой живъ есть* (28).

Такъ и всѣ ученики Христовы не повѣрили своимъ собственнымъ очамъ, когда воскресшій Господь предсталъ посредѣ ихъ,—не повѣрили отъ преизбытка радости: *еще же не вѣрующимъ имъ отъ радости и чудящимся* (Лук. 24, 41).

А святый Ѳома еще невидѣлъ воскресшаго Господа своими очами: что же дивнаго, если его радостное сердце не успокоивалось на томъ, что говорили другіе? Другіе не вѣрили отъ радости самимъ себѣ: дивно ли, что онъ не повѣрилъ другимъ отъ такой же радости?

Кромѣ того, святый Ѳома былъ проникнутъ особеннымъ чувствомъ, которое не волновало сердецъ другихъ учениковъ Христовыхъ: мы разумѣемъ соревнованіе любви, стремленіе любящаго сердца насладиться предметомъ любви столько же, сколько насладились имъ сердца другихъ. Думаемъ: если бы апостолъ Ѳома получилъ вѣсть о воскресеніи Христовомъ отъ свидѣтелей не очевидцевъ, которые не вкусили еще блаженства видѣть воскресшаго Господа,—онъ не сказалъ бы такъ рѣшительно: *не имъ вѣры*,—не сказалъ бы потому, что не почувствовалъ бы себя въ это мгновеніе отчужденнымъ отъ общаго блаженства учениковъ Христовыхъ. Но теперь, когда онъ узнаетъ, что воскресшій Господь явился своимъ ученикамъ, даровалъ имъ свой миръ и показалъ имъ *руцѣ и ногѣ и ребра своя*, теперь, вмѣстѣ съ внезапною радостію, пробуждается въ немъ печаль о томъ, что другіе упредили его въ духовномъ утѣшеніи: его душа, уязвленная *любовію* (Пѣсн. 5, 8), возгарается ревностію любви; и онъ желаетъ вкусить то блаженство, которое даровалъ Господь другимъ своимъ ученикамъ; и онъ хочетъ видѣть Господа, видѣть Его уязвленныя *руцѣ, ногѣ* и *ребра*, какъ это видѣли другіе: *аще не вижу на*

руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не имъ вѣры.

Поистинѣ — доброе невѣріе Ѳомино! Оно произошло не отъ равнодушія, не отъ противленія истинѣ: любовь къ Господу, внезапная радость о Его воскресеніи и соревнованіе любви — вотъ какія чувства переполняли сердце апостола Ѳомы въ то время, когда его уста говорили: *не имъ вѣры!*

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

132) Уста молчаливыя любитъ Богъ; но многоглаголиваго Богъ ненавидитъ, а діаволъ любитъ.

133) Хранящій молчаніе искусенъ во всякой добродѣтели и честенъ предъ Богомъ. Таковый безъ труда достигнетъ царствія Божія. Какъ во время тишины и спокойствія моря играетъ дельфинъ; такъ въ тишинѣ сердца безмолвствующій и молчащій радуется съ Господомъ.

134) Желающій узрѣть Господа долженъ всячески очищать сердце свое памятію о Немъ. Памяти же Божіей нельзя иначе стяжать, какъ безмолвіемъ, молчаніемъ и молитвою. — Что бываетъ съ рыбою, выскакивающею изъ воды, тоже бываетъ и съ безмолвникомъ, когда онъ выступаетъ изъ безмолвія и памяти Божіей, и бродитъ въ помыслахъ о мірѣ.

135) Поколику безмолвникъ удаляется отъ сообращенія съ людьми, потолику сподобляется радости Божіей въ Духѣ Святомъ. — Какъ рыба гибнетъ, лишена будучи воды, такъ и память Божія гаснетъ въ сердцѣ монаха, когда онъ водворяется и сообращается съ людьми. — Какая нужда и что пользы въ бесѣдѣ съ людьми, которой конецъ — погибель души? — Лучше ѣсть траву въ безмолвіи и мирѣ, нежели изысканныя кушанья съ опасностію отпасть отъ Бога, и попасть въ муку.

136) Блаженъ человѣкъ, который, сидя въ келліи своей, непрестанно помнитъ о днѣ исхода своего и удаляется отъ всѣхъ утѣхъ міра сего. Если и ты, добрая госпожа моя, будешь дѣлать тоже, то воспріимешь тмократное воздаяніе въ день суда. — А связанный житейскими узами, прилѣпившійся къ міру и утѣхамъ его, и любящій сообращеніе съ людьми, сильно будетъ раскаеваться въ часъ исхода, но безъ всякой пользы. Діаволъ овладѣлъ имъ, — и увы! — паденіе его неизбѣжно.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 17-го Марта 1858 года.

Цензоръ Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Петръ.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 5.

НЕДѢЛЯ СВ. ЖЕНЪ МУРОНОСИЦЪ.

6 Апрѣля 1858 г.

Гласъ 2-й.

На утрени: евангеліе воскресное 3-е, Марк. зач. 71. На Литургіи апост. Дѣян. зач. 16; еванг. Марк. зач. 69 и 70.

СВЯТАГО ИРИНЕЯ, ЕПИСКОПА ЛЮНСКАГО

о томъ,

ЧТО ВЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА ПОКАЗАНЪ ОБРАЗЪ И ПОРЯДОКЪ НАШЕГО ВОСКРЕСЕНІЯ.

Что удивительнаго, если тѣ, которые совершенно отвергаютъ воскресеніе и, сколько то отъ нихъ зависитъ, вовсе исключаютъ его изъ порядка вещей, — что удивительнаго, если такіе люди не знаютъ и порядка въ обстоятельствахъ воскресенія? Они не хотятъ понять, что если бы воскресеніе такъ происходило, какъ они говорятъ (*), въ такомъ случаѣ самъ Господь, въ котораго, по ихъ словамъ, они вѣруютъ, никакъ не совершилъ бы воскресенія своего въ третій день, но, испустивъ духъ на крестѣ, тотчасъ бы отошелъ горѣ, оставляя тѣло землѣ. Но нѣтъ, Онъ въ продолженіи трехъ дней пребывалъ въ обители мертвыхъ, какъ говоритъ о томъ Пророкъ: *помянулъ Господь умершихъ святыхъ своихъ, иже прежде успоша въ земли погребенія, снисшелъ къ нимъ, да изведетъ ихъ и спасетъ ихъ (*).* Самъ же Господь говоритъ и то: *якоже бѣ Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи: тако будетъ и Сынъ человѣческій въ сердцы*

(*) То есть, они воскресеніемъ называютъ исшествіе души изъ тѣла и переселеніе ея въ горнія обители.

(*) Такого мѣста теперь не находится въ Библіи. Въ другомъ мѣстѣ (lib. III. cap. XXXIII) Ириней усвояетъ эти слова пророку Исаіи. Пророчество это читалъ и св. Іустинъ философъ, какъ видно изъ разговора его съ Трифономъ, и тамъ же жалуется, что Іудеи много подобныхъ мѣстъ истребили въ своей библіи.

земли (Матѳ. 12, 40). Да и Апостолъ говоритъ: *а еже взыде что есть, точію яко и сниде въ дольнѣйшія страны земли* (Еф. 4, 9)? Пророчествуя о Немъ, тоже и Давидъ сказалъ: *избавилъ еси душу мою отъ ада преисподнѣйшаго* (Пс. 85, 13). А когда воскресъ въ третій день, то Маріи, которая первая увидѣла Его, Онъ говоритъ: *не прикасайся Мнѣ, не у бо взыдохъ ко Отцу моему: иди же ко* ученикомъ *и рцы имъ: восхожду ко Отцу моему и Отцу вашему* (Іоан. 20, 17). Итакъ, если Господь подчинился закону мертвыхъ, чтобы быть первороженнымъ изъ мертвыхъ, и если оставался даже до третьяго дня въ преисподнихъ земли, а потомъ воскресъ во плоти, такъ что показывалъ ученикамъ язвы гвоздинныя, и если въ такомъ видѣ взошелъ ко Отцу: то какъ не усвоить безумія тѣмъ, которые говорятъ, что преисподняя есть міръ сей, который ниже насъ, а вмѣстѣ съ симъ и то, что внутренній человѣкъ ихъ, оставляя здѣсь тѣло, восходитъ въ пренебесную область? Ибо если Господь прошелъ *посреди сѣни смертныя* (Пс. 22, 4), гдѣ пребывали души умершихъ, а потомъ воскресъ плотію и по воскресеніи вознесся: то ясно, что и души учениковъ Его, ради которыхъ Господь и совершилъ сіе, отойдутъ въ невидимое мѣсто, назначенное имъ отъ Бога, и тамъ будутъ пребывать до времени воскресенія въ ожиданіи самаго воскресенія; потомъ, воспринявъ тѣла и воскреснувъ совершенно, то есть плотію, какъ и Господь воскресъ, въ такомъ видѣ явятся предъ лице Божіе. Ибо *нѣсть ученикъ надъ учителя: совершенъ же всякъ будетъ, якоже и учитель его* (Лук. 6, 4). Слѣдовательно, какъ Учитель нашъ не тотчасъ по смерти воспарилъ и отошелъ, а по прошествіи назначеннаго Отцемъ времени для Его воскресенія (что и было указано въ лицѣ Іоны), въ третій день воскресъ и взятъ былъ: такъ и мы должны выждать назначенное Богомъ для нашего воскресенія время, о которомъ предвозвѣстили пророки, и тогда воскреснемъ и взяты будемъ всѣ, сколько обрящетъ Господь достойными того.

(Advers. hæres. lib. V. cap. XXXI.).

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СВЯТЫХЪ МУРОНОСИЦЪ (*).

Кто отвалитъ намъ камень отъ дверій гроба?

Марк. 16, 3.

Много было, повидимому, непреодолимыхъ препятствій къ исполненію пламеннаго желанія святыхъ мироносицъ помазать драгоцѣннымъ муромъ пречистое тѣло Спасителя, лежавшее во гробѣ. Имъ угрожала злоба первосвященниковъ, фарисеевъ, книжниковъ, ко ихъ ненависть ко Іисусу Христу и Его послѣдователямъ не прекратилась съ Его смертію: почему святые апостолы, опасаясь гоненій и преслѣдованія, скрывались въ потаенныхъ мѣстахъ. Не безопасно было для святыхъ женъ итти ко гробу ночью, въ потьмахъ, посреди мрака. Не менѣе того могли поражать ихъ страхомъ мысль, что гробъ Спасителя запечатанъ, охраняется стражею, окруженъ наглыми воинами. Но ничто не представлялось христолюбивымъ женамъ столь за-

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

труднительнымъ, какъ мысль о томъ, что онѣ немощныя, слабосильныя по природѣ, не въ состояніи будутъ сами собою отвалить камень, которымъ загражденъ былъ гробъ Спасителя, и потому онѣ спрашивали одна другую: *кто отвалитъ намъ камень отъ дверій гроба*? Но то, чего всего болѣе стряшились святыя мироносицы, устранено еще до ихъ прихода къ цѣли ихъ желаній; камень отваленъ отъ гроба ангеломъ; онѣ находятъ гробъ Господень отверстымъ. Подобно сему и на пути къ царствію небесному главныя препятствія къ пріобрѣтенію душевнаго спасенія, при искреннемъ стремленіи къ нему, устраняются содѣйствіемъ благодати Божіей.

Кто не сознаетъ въ себѣ внутренняго нѣкоего судіи, одобряющаго всякое доброе, честное, правое наше дѣло, и осуждающаго всякій безчестный, злой, несправедливый нашъ поступокъ? Въ первомъ случаѣ голосъ этого судіи, или совѣсти, столь кроткій, пріятный, сладостный, что мы по выраженію Апостола, *сосласждаемся закону Божію* (Римл. 7, 22), начертанному во глубинѣ души нашей, сознаемъ его благотворность и желали бы всецѣло исполнять его. Во второмъ случаѣ мы терзаемся язвительными угрызеніями совѣсти, ощущаемъ въ себѣ, что ядъ содѣяннаго грѣха жгучимъ пламенемъ разливается внутрь насъ, объемлетъ все существо наше, и мы мучимся ожиданіемъ — страшнаго нѣкоего нелицепріятнаго, но неизбѣжнаго суда и наказанія. Все это доказываетъ, что если бы мы слѣдовали закону Божію, начертанному на скрыжаляхъ сердца нашего: то мы постоянно наслаждались бы душевнымъ спокойствіемъ, внутренній нашъ миръ былъ бы обиленъ, какъ изобилуетъ водами величественная рѣка, и мы предощущали бы блаженство оправданія предъ взоромъ правды Божіей, неисчерпаемое, какъ воды морскія (Исаіи 48, 18). Но сознавая благотворность заповѣдей Божіихъ, мы ежеминутно удостовѣряемся, что не то дѣлаемъ, что внутренно одобряемъ; не то, что хотѣли бы мы дѣлать; что наше желаніе добра остается безплоднымъ; что наши силы, которыя слѣдовало бы намъ употреблять на исполненіе заповѣдей Божіихъ, превозмогаются увлеченіями соблазна и обольщеній, пересиливаются господствующею въ насъ наклонностію къ злу, что насажденныя во глубинѣ души нашей сѣмена добра такъ глубоко какъ бы погребены въ природѣ нашей, какъ бы загромождены нечистотою и соромъ, или привалены большимъ камнемъ, что сами собою не могутъ прозябнуть, не могутъ возрасти и принести плодовъ. *Кто* же *отвалитъ намъ камень* отъ сердца нашего? Какою силою могутъ прозябнуть насажденныя въ немъ сѣмена добра? Одна благодать Божія, или божественная сила Духа Святаго, производящаго въ душахъ жажду царствія Божія и содѣйствующая имъ въ ихъ исправленіи и спасеніи!

Но рѣшившись слѣдовать внутреннему указанію закона Божія, мы встрѣчаемъ столько преградъ къ исполненію самыхъ пламенныхъ желаній во всемъ послѣдовать волѣ Божіей, благоугождать Богу своею жизнію, что самыя благія наши намѣренія и предположенія часто остаются тщетными, несбыточными. Желалъ бы ты сдѣлать доброе дѣло, оказать помощь бѣдствующему твоему ближнему, обезсилить господствующую въ тебѣ страсть, искоренить въ себѣ дурную привычку. Но приведенію въ исполненіе твоего желанія мѣшаютъ злые люди; къ оказанію помощи ближнему ты не имѣешь никакихъ средствъ; усилія твои ослабить страсть твою, отстать отъ дурнаго навыка — ими же подавляются. Не унывай въ добромъ предположеніи, не ослабѣвай отъ неудачъ въ исполненіи благихъ твоихъ жела-

ній, не оставляй твоихъ усилій исправиться;— только во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ и занятіяхъ твердо уповай на милосердіе Божіе и Его помощь:—тогда, хотя бы каждое твое доброе желаніе, намѣреніе, дѣло труднѣе было совершить, чѣмъ поднять большой, превосходящій силы твои камень, — благодать Божія облегчитъ всякое твое затрудненіе, устранитъ препятствія, подастъ достаточныя силы и средства къ ощуществленію благихъ твоихъ желаній и намѣреній, и самыя желанія и благія намѣренія твои не останутся безъ воздаянія у Того, кто слышитъ малѣйшій вздохъ твой, знаетъ всѣ мысли твои, видитъ всѣ движенія сердца твоего!

Къ прискорбію, обращая вниманіе на мысли, чувства, желанія и дѣйствія наши, мы сознаемъ, что не только не ходимъ по путямъ заповѣдей Божіихъ, но еще ежечасно оскорбляемъ благость Божію преступленіемъ Его закона; что мы *пьемъ неправды какъ воду* (Іов. 15, 16), что мы не совершили еще въ жизни ни одного безкорыстнаго, истинно добраго дѣла, и что слѣдовательно мы грѣшники, безотвѣтные предъ судомъ Божіимъ. Правда, по временамъ мы ощущаемъ въ себѣ раскаяніе въ нашихъ проступкахъ, терзаемся угрызеніями совѣсти, чувствуемъ отвращеніе отъ душевныхъ нашихъ нечистотъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ, что въ насъ нѣтъ силъ къ принесенію всецѣлаго, искренняго, неизмѣннаго покаянія въ нашихъ грѣхопаденіяхъ, не можемъ мы возбудить въ себѣ сердечнаго болѣзнованія о томъ, что мы ежечасно преогорчеваемъ всеблагаго Отца небеснаго, не ощущаемъ въ себѣ душевнаго умиленія, не въ силахъ, будто изъ камня, выжать изъ сердца нашего ни одной слезы сокрушенія о нашей грѣховности, такого сокрушенія, которое преклонило бы къ намъ помилованіе Божіе,—сознаемъ, что наши душевныя чувства какъ бы привалены большимъ камнемъ. *Кто отвалитъ намъ* сей *камень* отъ сердца нашего; кто изведетъ изъ него источникъ слезъ; кто подастъ воду очамъ нашимъ,—да омыемъ мерзости души нашей,—да оплачемъ наше окаянство, да возможемъ потоками самыхъ горькихъ слезъ угасить уготованный намъ пламень огня геенскаго? Кто ниспошлетъ намъ столь безцѣнный даръ? Кто, кромѣ благодати Божіей, кромѣ Того, кто изъ камня источилъ въ пустынѣ воду своему народу? Но и съ нашей стороны требуются самыя неусыпныя напряженнѣйшія усилія къ испрошенію благодати Духа Святаго,—потому что только усильные искатели пріобрѣтаютъ царствіе Божіе (Матѳ. 11, 12).

Горько сознаніе нашей грѣховности и безсилія къ принесенію истиннаго покаянія; но самое горестное—то состояніе, въ которомъ человѣкъ, предавшись страстямъ и похотямъ своего сердца, поработившись грѣховнымъ навыкамъ, ни мало не радитъ объ исправленіи своего поведенія и не помышляетъ о принесеніи искренняго покаянія, но въ страшномъ ожесточеніи, погруженный *во глубину* грѣховныхъ *золъ* (Притч. 18, 9), неудержимо *прилагаетъ беззаконія къ беззаконію* (Исаіи 1, 5), съ безумною безпечностію питается пищею нечестія (Притч. 4, 17). Обращеніе когда *либо* такого человѣка на путь покаянія, крайне сомнительно, — потому что ожесточенный въ беззаконіяхъ похожъ на то дважды умершее, дерево, которое не только перестало приносить плоды, но еще буреломъ съ корнемъ исторгнуто изъ земли (Іуды 12); и посему не подаетъ уже надежды когда нибудь процвѣсть и принесть плоды, или лучше — нераскаянный грѣшникъ подобенъ камню, котораго ни дожди не въ состояніи размягчить, ни солнечные лучи растопить. Ибо такого несчастнаго не въ состояніи привести

въ сознаніе своей грѣховности ни совѣты и увѣщанія людей, ни дары благости Божіей ежечасно изливаемые промысломъ Божіимъ на каждаго человѣка; не приводятъ его въ чувство умиленія ни удостовѣреніе въ безпредѣльности милосердія Божія, ни частныя его, ни общественныя бѣдствія, даже не потрясаютъ его сердца угрозы страшнаго суда Божія. Ужасно такое душевное состояніе.—Это признакъ горестной участи несчастнаго Каина, и стократъ несчастнѣйшаго Іуды предателя. Но если бы и такой грѣшникъ рѣшился допустить внутрь души своей хотя одинъ лучъ надежды на милосердіе Божіе и принесть искреннее покаяніе: то Господь, для котораго все возможно, и ничего нѣтъ невозможнаго (Матѳ. 19, 26), и который и изъ камней можетъ произвесть чадъ отцу вѣрующихъ Аврааму (Матѳ. 3, 9), готовъ принять въ нѣдра благости своей и ожесточеннаго во грѣхахъ, по принесеніи имъ покаянія: потому что Богъ *не хощетъ смерти, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего и живу быти ему* (Іезек. 33, 11).

Итакъ, братія, желаемъ ли, чтобы природныя наши способности и сѣмена добра прозябли въ насъ и возрастили плоды, для принесенія коихъ онѣ насаждены въ насъ десницею Божіею: станемъ умолять Господа о ниспосланіи намъ содѣйствующей къ тому благодати Его. Желаемъ ли исполнять святыя, праведныя и благія Его заповѣди: да памятуемъ, что только благодатная сила Христова можетъ осуществить въ насъ такое желаніе. Ощущаемъ ли въ себѣ раскаяніе въ нашей грѣховной жизни и сгараемъ жаждою оправданія путемъ истиннаго покаянія: да не престаемъ ежечасно воздыхать ко Господу, умоляя Его изъ глубины души о возбужденіи въ насъ болѣзненнаго сокрушенія о томъ, что мы своимъ поведеніемъ преогорчили Его благость. Если бы даже, по нераскаянности и ожесточенію во грѣхахъ, доходили мы и до отчаянія въ душевномъ спасеніи: отрясемъ унынie, воодушевимся надеждою на всеобъемлющую любовь Божію, которая сильна и насъ помиловать и спасти: ибо нѣтъ грѣха, превосходящаго покрывающее грѣхи всего міра милосердіе Божіе. Аминь.

ВСЕОБЩНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИСТИНЫ ВОСКРЕСЕНІЯ МЕРТВЫХЪ.

Праздникъ Пасхи, говоритъ св. Григорій великій, есть торжество изъ торжествъ, потому что восхищаетъ насъ отъ земли и переноситъ въ вѣчность, дабы мы и въ настоящей жизни наслаждались ею посредствомъ вѣры, надежды и любви (Homil. XXII in Evang.). Это торжество наполняетъ сердца всѣхъ какою то неописанною радостію, которой не испытываемъ мы въ другіе праздники. Почему же это? Потому, что духъ человѣка ищетъ достойной себя жизни; все, что укрѣпляетъ вѣру его въ безсмертіе, все, что возвращаетъ ему потерянныя имъ права на жизнь, все, что притупляетъ жало смерти, имѣетъ на него сильное, могущественное вліяніе. Потому-то праздникъ Пасхи, который говоритъ намъ о воскресшемъ отъ мертвыхъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, поправшемъ въ себѣ для насъ смерть, возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ самую живую и высокую радость. Прибавимъ къ этому, что въ это время и вся природа празднуетъ вмѣстѣ съ нами туже утѣшительную истину. Весною, т.

е. въ то время, когда въ чувственномъ мірѣ все возвращается къ жизни, мы празднуемъ тайну нашего воскресенія, которое началось уже въ царствѣ благодати и совершится въ царствѣ славы. Всѣ твари поучають насъ сей истинѣ: всякая былинка говоритъ намъ: вы воскреснете.

Дабы увидѣть, какъ твердо и непоколебимо основаніе этой истины, разсмотримъ 1) всегда ли вѣрили воскресенію мертвыхъ? 2) Можетъ ли Богъ воскресить насъ? 3) Хощетъ ли Онъ нашего воскресенія?

1. Всегда ли вѣрили воскресенію мертвыхъ? Тотчасъ послѣ того, какъ человѣкъ согрѣшилъ и приговоренъ былъ къ смерти, Богъ, для утѣшенія его, возвѣстилъ ему будущее воскресеніе, обѣщая Искупителя, который сотретъ главу змія, изгладитъ всѣ послѣдствія грѣха, возвратитъ человѣку всѣ блага, коихъ онъ лишился, и слѣдовательно избавитъ его отъ смерти. Это утѣшительное обѣщаніе, данное самимъ Богомъ, сохранилось въ памяти людей, свидѣтельствомъ чего служитъ Іовъ. Этотъ праведникъ, удаленный отъ рода Авраамова, въ бѣдствіяхъ, коими былъ угнетаемъ, утѣшалъ себя мыслію о своемъ будущемъ воскресеніи. Вотъ слова, коими выражалъ онъ свое упованіе и свою вѣру: *вѣмъ, яко присносущенъ есть, иже имать искупити мя, и на земли воскресити кожу мою терпящую сія* (Іов. 19, 26). За 500 л. до Р. Х. пророкъ Даніилъ говоритъ о всеобщемъ воскресеніи: *мнози отъ спящихъ въ земнѣй персти воспанутъ, сіи въ жизнь вѣчную, а оніи въ укоризну и стыдѣніе вѣчное* (Дан. 12, 2). Мученики братья, во времена Маккавеевъ, свидѣтельствовали эту истину предъ Антіохомъ Епифаномъ: *Царь міра умершихъ насъ, своихъ ради законовъ, воскреситъ насъ въ воскресеніе живота вѣчнаго* (2 Мак. 7, 9). Это вѣрованіе непрерывно продолжалось у Евреевъ до временъ Спасителя, доказательствомъ чего служатъ слова Марѳы, сестры Лазаря. На слова Спасителя: *воскреснетъ братъ твой*, Марѳа говоритъ: *вѣмъ, яко воскреснетъ въ воскрешеніе въ послѣдній день* (Іоан. 11, 23. 24).

Самые язычники, покрайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ странахъ, сохранили хотя не ясное понятіе о великой истинѣ воскресенія. Въ зендавестѣ, книгѣ, почитаемой у Персовъ священною, сказано: »Зороастръ спросилъ Ормузда: вѣтеръ разноситъ тѣло, вода поглощаетъ его, какъ возстановится оно? какъ произойдетъ воскресеніе? Ормуздъ отвѣчалъ: чрезъ меня это небо блистаетъ звѣздами... Мною существуетъ земля... Я далъ сѣмя, которое бывъ положено въ землю, ростетъ и умножается... я произвожу человѣка, котораго глазъ видитъ и грудь дышитъ... Всѣ мертвые воскреснутъ, душа узнаетъ тѣло и скажетъ: вотъ отецъ мой, вотъ мать моя, вотъ мой братъ, вотъ жена моя, наконецъ вотъ мои близкіе и всѣ родные. Потомъ явится на землѣ собраніе всѣхъ существъ съ человѣкомъ. Въ этомъ собраніи каждый увидитъ добро и зло, которое онъ содѣлалъ. Затѣмъ праведные отдѣлятся отъ дарвандовъ (злыхъ). Первые пойдутъ въ рай (Gorotman), а вторые будутъ низвергнуты въ адъ (Douzakh). Сила Аримана сокрушится« (*)... Блаженный Августинъ указываетъ много и другихъ свидѣтельствъ, въ которыхъ видно тоже вѣрованіе, болѣе или менѣе искаженное, у главныхъ народовъ древняго языческаго міра (**).

Въ послѣдствіи времени, когда божественный свѣтъ, просвѣщающій всѣхъ, снисшелъ на землю, Господь нашъ Іисусъ Христосъ подтвердилъ эту истину и разогналъ мракъ

(*) Boun-Dehesch. T. 11. p. 411.
(**) August. de civitate Dei. L. XXII c. 28.

невѣжества и заблужденій, помрачавшій ее. Онъ обличилъ *Саддукеевъ*, отвергавшихъ воскресеніе мертвыхъ и сказалъ прямо: *мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25). Апостолы проповѣдывали туже истину (1 Кор. гл. 15). И не только христіане, но и евреи, еретики, магометане не отвергаютъ воскресенія мертвыхъ. Вотъ слова изъ Корана: Богъ сотворилъ весь родъ человѣческій въ одномъ человѣкѣ. Всеобщее воскресеніе не будетъ стоить ему большаго труда. Кто можетъ оживить кости обращенныя въ прахъ? Тотъ, кто далъ имъ существованіе въ первый разъ, можетъ и оживить ихъ. Богъ, который создалъ небо и землю безъ труда, можетъ также воскресить и мертвыхъ. Его могущество не имѣетъ границъ. Не изъ ничтожества ли извелъ онъ первую чету? Ужели у Творца рода человѣческаго не достанетъ могущества оживить умершихъ (*)?

Итакъ это вѣрованіе, котораго начало относится къ началу міра, и которое сохранялось въ продолженіе всѣхъ вѣковъ, не можетъ происходить ни отъ кого болѣе, какъ отъ самаго Бога. Если же Богъ далъ намъ это обѣщаніе, то и исполнитъ его; слѣдовательно Богъ можетъ воскресить насъ и хощетъ сего.

2. Можетъ ли Богъ воскресить насъ? Вотъ какъ Тертулліанъ отвѣчаетъ на вопросъ этотъ: Богъ все можетъ, и если бы вы могли сомнѣваться, что на гласъ Его, эта плоть, превратившаяся въ прахъ, растерзанная звѣрями, поглощенная волною, разсѣянная вѣтромъ, можетъ снова содѣлаться тѣломъ, перенеситесь мыслію ко времени творенія, и вамъ не трудно будетъ повѣрить. Этотъ міръ, который не существовалъ прежде, какъ произошелъ онъ?... И вы сами — что были вы прежде, чѣмъ содѣлались людьми? Ничто. Почему же Тотъ, который вызвалъ васъ изъ ничтожества къ бытію, не можетъ снова дать вамъ жизнь, когда восхощетъ? — Что здѣсь новаго? васъ не было, а теперь вы существуете, васъ не будетъ на землѣ, и вы снова начнете существовать здѣсь. Объясните мнѣ, если можете, тайну вашего творенія, и я объясню вамъ тайну вашего воскресенія. Труднѣе ли будетъ снова содѣлать васъ тѣмъ, чѣмъ вы были, нежели тѣмъ, чѣмъ вы еще не были? Конечно, это болѣе великое дѣло — произвесть, чѣмъ возстановить; для того есть матеріалы, а когда надлежало произвесть въ началѣ, тогда не было ничего. Богъ восхотѣлъ начать съ болѣе труднаго, дабы удобнѣе было вамъ повѣрить тому, что менѣе трудно (*).

Слѣдовательно Богъ можетъ воскресить насъ; это очевидно, но хощетъ ли Онъ сего?

3. Такъ! Богъ хощетъ воскресить насъ и обѣщалъ намъ это. *Грядетъ часъ*, говоритъ Слово, содѣлавшееся плотію, Слово, имже создана быша всяческая, *егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ* (Іоан. 5, 25); *и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда* (— 29). Св. Павелъ, наученный самимъ Господомъ, говоритъ: *вскорѣ во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ, вострубитъ и мертвіи востанутъ нетлѣнни и мы измѣнимся* (1 Кор. 15, 52). Этого требуетъ необходимо вѣра въ божественнаго Побѣдителя смерти. Ибо, *аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста*, говоритъ

(*) Le Coran traduit de l'arabe par Iavary. Ch. XXXI. XXXVI. XLVI.

(*) Apolog. c. 48, См. также тракт. de resurrect. carnis.

тотъ же Апостолъ; *нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть; якоже бо о Адамѣ вси умираютъ, тако и о Христѣ вси оживутъ* (1 Кор. 15, 13. 20. 22). Самое правосудіе Божіе требуетъ общаго воскресенія. Человѣкъ долженъ быть судимъ, награжденъ или наказанъ, каждый по дѣламъ своимъ. А что такое человѣкъ? Это ни тѣло отдѣльно отъ души, ни душа отдѣльно отъ тѣла, а соединеніе того и другаго. Итакъ необходимо, чтобы человѣкъ душею и тѣломъ предсталъ на судъ, тѣмъ болѣе, что душа въ тѣлѣ и посредствомъ тѣла дѣлала добро или зло; слѣдовательно, по справедливости, тѣло, орудіе всѣхъ дѣлъ, должно раздѣлять вѣчное блаженство или вѣчное мученіе. А для того необходимо, чтобы тѣло соединилось съ душею или другими словами, чтобы тѣло воскресло.

Дабы не трудно было намъ вѣрить этой истинѣ, Богъ умножилъ предъ нами образы воскресенія. Посмотрите: всякій день свѣтъ исчезаетъ, оставляя намъ мракъ, подобный смерти, и всякій день снова является, разгоняя тьму и какъ бы воскресая. Растенія теряютъ свою зелень и снова покрываются ею, какъ бы возвращаясь къ жизни. Сѣмена умираютъ, разлагаясь въ землѣ, а потомъ снова воскресаютъ, порождая корни и ростки. Мы сами имѣемъ въ себѣ образъ смерти и воскресенія. Что такое сонъ, какъ не образъ смерти? а пробужденіе не есть ли образъ возвращенія къ жизни или воскресенія?

Нѣтъ ничего полезнѣе для благосостоянія обществъ, какъ вѣра въ будущее воскресеніе. Что было бы, еслибъ съ окончаніемъ земной жизни оканчивалось для человѣка все, и обратиться въ ничтожество было бы общимъ удѣломъ добрыхъ и злыхъ, угнетающихъ и угнетенныхъ? Догматъ о воскресеніи такъ утѣшителенъ для праведныхъ и такъ страшенъ для грѣшниковъ, что мы должны, имѣя въ виду и временныя наши выгоды, благодарить Бога изъ глубины души, что Онъ благоволилъ открыть эту великую истину младенцамъ и утаилъ отъ разумныхъ. Если отъ общества мы перейдемъ къ отдѣльнымъ лицамъ, какъ не сознаться, что увѣренность въ воскресеніи есть самое вѣрное средство утѣшать другихъ и утѣшаться самимъ въ смерти родныхъ и друзей? Апостолъ Павелъ указываетъ именно на эту истину, *да не скорбите*, говоритъ, *якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. 4, 13). Есть ли что дѣйствительнѣе, какъ мысль о воскресеніи для ободренія нашего во всѣхъ горестяхъ и бѣдствіяхъ жизни? Наконецъ, что болѣе можетъ расположить христіанина вести жизнь чистую и безгрѣшную? Что можетъ болѣе расположить насъ хранить въ чистотѣ тѣло наше, какъ не мысль о воскресеніи? Если я содѣлаю изъ тѣла моего орудіе грѣха, оно явится какъ сосудъ нечистоты и мерзостей, если же, напротивъ, я содѣлаю его орудіемъ добродѣтели, оно явится какъ сосудъ въ честь. Какъ не предаться со всею горячностію преуспѣянію въ добрыхъ дѣлахъ, когда помыслимъ о славѣ, которая по воскресеніи будетъ наградою добродѣтели? Какъ не удерживать страсти и не убѣгать грѣха, когда вспомнимъ о мученіяхъ уготованныхъ грѣшникамъ? Не удивительно, что эта мысль заставила милліоны христіанъ всѣхъ возрастовъ и состояній вести жизнь ангельскую въ тѣлѣ смертномъ. Неудивительно, что, съ мыслію о воскресеніи, св. мученики были крѣпки духомъ и даже радовались среди самыхъ жестокихъ страданій.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 30-го Марта 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 4.

НЕДѢЛЯ О РАЗСЛАБЛЕННОМЪ.

13 Апрѣля 1858 г.

Гласъ 3-й.

На утрени: евангеліе воскресное 4-е, Лук. зач. 112. На Литургіи апост. Дѣян. зач. 23; еванг. Іоан. зач. 14.

СВЯТАГО ИРИНЕЯ, ЕПИСКОПА ЛІОНСКАГО,

О ТОМЪ, КАКЪ ДОЛЖНО ПОНИМАТЬ СЛОВА АПОСТОЛА ПАВЛА:

Плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ. 1 Кор. 15, 50.

Плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ: вотъ изреченіе, которое еретики приводятъ въ оправданіе своего безумія и которымъ стараются запутать насъ и доказать, что не спасется бренное созданіе Божіе. Но они не берутъ во вниманіе, что человѣкъ совершенный состоитъ изъ трехъ частей: плоти, души и духа. Изъ нихъ одна часть— спасающая и образующая,— это духъ; свойство другой — единство частей и видимый образъ,— это плоть; средняя же между ними — душа, которая или возвышается духомъ, если она покоряется ему, или ниспадаетъ въ земныя пожеланія, если сочувствуетъ плоти. Посему не имѣющіе въ себѣ начала спасающаго и образующаго въ жизнь, естественно, суть плоть и кровь, и по справедливости называются такъ; потому что они не имѣютъ въ себѣ Духа Божія. Таковые и названы Господомъ мертвыми: *остави*, сказано, *мертвыя погребсти своя мертвецы* (Лук. 9, 60); потому что они не имѣютъ Духа, который оживотворяетъ человѣка. А тѣ, которые чтутъ Бога, вѣруютъ въ пришествіе Сына Его и вѣрою водворяютъ въ сердцахъ своихъ Духа Божія,— тѣ по истинѣ называются человѣками, и чистыми, и духовными, и живущими для Бога; потому что они имѣютъ Духа Отчаго, который очищаетъ и возвышаетъ человѣка къ жизни Божіей. Ибо сколько немощна плоть, столько крѣпокъ Духъ (*),

(*) Подъ Духомъ какъ одною изъ составныхъ частей вѣрующаго человѣка св. Отецъ разумѣетъ благодать Святаго Духа; въ комъ нѣтъ ея, въ томъ, по его ученію, нѣтъ

имѣющій свидѣтельство отъ Господа; онъ можетъ совершить все, что предпринимаетъ. Посему, въ комъ съ немощною плотію соединяется могущество духа, въ томъ слабость плоти естественно побѣждается могуществомъ духа; такъ что слабость плоти совершенно упраздняется крѣпостію духа. И таковый человѣкъ — уже не плотскій, а духовный, по причинѣ общенія Духа. Такъ, мученики совершаютъ подвиги исповѣданія и презираютъ смерть — не немощію плоти, а крѣпостію, которая отъ Духа. Ибо Духъ, овладѣвая плотію, упраздняетъ ея немощь, а упраздненная немощь плоти свидѣтельствуетъ о присутствіи могущаго Духа. Итакъ плоть безъ Духа Божія мертва, не имѣетъ жизни, не можетъ наслѣдовать царствія Божія; ея кровь, какъ кровь неразумныхъ животныхъ, подобно водѣ, разліется въ персть; посему и сказано: *яковъ перстный, такови и перстніи* (1 Кор. 15, 48). Но гдѣ обитаетъ Духъ Отца, тамъ — человѣкъ живой, тамъ кровь, какъ кровь причастная разуму, сохраняется Богомъ, для воздаянія, тамъ плоть — причастная свойствамъ Духа и сообразующаяся божественному Слову; посему и прибавлено: *якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго* (—49). Что такое перстное? — тѣло; что — небесное? — Духъ. Слѣдовательно, говоритъ онъ, какъ нѣкогда мы ходили безъ Духа Божія въ ветхости плоти, не повинуясь Богу; такъ теперь, получивши Духа, начнемъ ходить въ обновленіи жизни, повинуясь Богу. И поелику безъ Духа Божія мы не можемъ спастись, то Апостолъ, убѣждая насъ сохранять Духа вѣрою и чистотою жизни, дабы мы, лишившись общенія Святаго Духа, не лишились царства небеснаго, въ слѣдствіе сего и сказалъ, что плоть сама по себѣ съ своею кровію не можетъ наслѣдовать царствія Божія.

Съ другой стороны, если выражаться точнѣе, то должно сказать, что плоть не наслѣдуетъ, а есть предметъ наслѣдія. Какъ невѣста не можетъ поять жениха, а сама поемлется женихомъ, когда онъ приходитъ и беретъ ее къ себѣ: такъ и плоть сама по себѣ не можетъ получить въ наслѣдіе царствія Божія, а можетъ быть сама наслѣдіемъ Духа въ этомъ царствіи. Наслѣдство получаетъ живой отъ имѣнія умершаго; и иное дѣло получать наслѣдство, иное быть достояніемъ наслѣдства: наслѣдующій владѣетъ, управляетъ наслѣдствомъ по своей волѣ; а достояніемъ наслѣдства владѣютъ, управляютъ и распоряжаются. Итакъ, кто же этотъ живой? Духъ Божій. Что служитъ оставшимся имѣніемъ умершаго? Члены человѣка, распадающіеся въ землѣ сей. Они то содѣлаются наслѣдіемъ Духа, когда перенесутся въ царство небесное. Для сего и Христосъ умеръ, дабы завѣщаніемъ благовѣстія, явленнымъ и возвѣщеннымъ всему міру, содѣлать рабовъ своихъ прежде свободными, а потомъ утвердить ихъ наслѣдниками достоянія своего, предоставляя право наслѣдія, какъ мы сказали, Духу: ибо живущій получаетъ наслѣдіе, а плоть сама пріобрѣтается, какъ наслѣдіе.

Чтобы мы, лишившись Духа, котораго составляемъ достояніе наслѣдія, не лишились и жизни, Апостолъ, имѣя въ виду всѣ указанныя основанія и призывая насъ къ общенію съ Духомъ, сказалъ: *плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ*. Сими словами онъ какъ бы такъ говоритъ: не заблуждайтесь; если Божественное Слово не будетъ обитать и Духъ Отца не будетъ пребывать въ васъ, а будете жить въ суетѣ и какъ придется, представляя собою только

и вообще духа; тамъ только душа обитаетъ въ плоти и крови.

плоть и кровь: то не можете наслѣдовать царствія Божія. Все это (ученіе) имѣетъ ту цѣль, чтобы мы, благопріятствуя плоти, не пренебрегали общеніемъ съ Духомъ (*).

(9 гл. 5 кн. творенія св. Иринея противъ ересей).

Р Ѣ Ч Ь,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕКТОРОМЪ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ АРХИМАНДРИТОМЪ АНТОНІЕМЪ, ПО НАРЕЧЕНІИ ЕГО ВО ЕПИСКОПА ЧИГИРИНСКАГО, ВИКАРІЯ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІИ, 1858 ГОДА МАРТА 27 ДНЯ (*).

Преосвященнѣйшіе Архипастыри и Отцы!

Благоволеніемъ единаго верховнаго Пастыреначальника святыя Церкви, Господа нашего Іисуса Христа, избраніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода и утвержденіемъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, мнѣ должно воспріять отъ вашей святыни хиротонію архіерейской благодати. Дивны пути Господни! Васъ послалъ Господь отдать послѣдній долгъ угасшему свѣтильнику Церкви Кіевской, почившему въ Бозѣ Архипастырю нашему; единъ отъ Васъ проводилъ въ могилу и того, кто сосвѣтилъ ему и помогалъ нести бремя трудовъ пастырскихъ. Вамъ судилъ Господь и поставить новаго вспомоществующаго пастыря осиротѣвшей Церкви въ лицѣ моемъ. Благоговѣю и повергаюсь въ прахъ предъ судьбами Ходящаго посреди свѣтильниковъ и держащаго въ десницѣ своей звѣзды, коими озаряется Церковь Его! Но, Ты вѣси, Сердцевѣдче, какъ ужасается душа моя, при мысли о предстоящемъ мнѣ новомъ служеніи въ Церкви твоей! Дерзаю рещи къ тебѣ слово пречистой Матери твоей, реченное Архангелу, вѣщавшему Ей благовѣщенія глаголы: *како будетъ сіе?* Сосудъ духа и плоти моей нѣсть чистъ и свѣтелъ, нѣсть сосудъ въ честь, златъ или сребрянъ, но, можетъ быть, только скуделенъ или древянъ, а благодать, даруемая мнѣ,—святѣйшее и благовоннѣйшее муро, чистѣйшій огнь: какъ вмѣстится она во мнѣ, какъ не разрушитъ и не попалитъ состава моего? Азъ нѣсмь доволенъ и силенъ, есмь немощенъ и душею и тѣломъ, а служеніе, ввѣряемое мнѣ, есть тяжкій крестъ и сопряжено съ великою отвѣтственностію предъ Богомъ, хотящимъ судить живымъ и мертвымъ, есть священномученичество, какъ называлъ его почившій Архипастырь нашъ и собственнымъ своимъ примѣромъ оправдалъ сіе названіе: какъ же я подниму такой крестъ на рамена свои и какъ понесу его? О! умоляю Тебя, едине Святе и едине Сильне, аще не можетъ мимоити меня чаша сія, рцы мнѣ слово Архистратига къ преблагословенной Дѣвѣ Маріи: *Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя!* Очисти, освяти, претвори меня и сотвори сосудъ въ честь, честною Кровію твоею, еюже стяжалъ еси Церковь твою; облегчи мнѣ крестъ, возлагаемый на меня твоимъ крестомъ, имже насъ спаслъ еси отъ работы вражія; просвѣти мое невѣдѣніе и укрѣпи немощь силою Твоего свѣтоноснаго и живоноснаго воскресенія, имъ же просвѣтилъ и оживилъ всяческая, и тогда—се рабъ твой, буди мнѣ по глаголу твоему! Надъ паствою сею, древнѣйшею и знатнѣйшею въ отечествѣ нашемъ, почіетъ, и въ вѣковомъ храмѣ семъ, храмѣ великаго Ярослава витаетъ блаженный духъ цѣлаго сонма блаженныхъ іерарховъ, начиная отъ Михаила святаго до Филарета праведнаго: уйми отъ духа сего и даждь мнѣ, елико вмѣстить могу,

(*) Нареченіе совершено преосвящ. Евсевіемъ Епископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ и Стефаномъ Епископомъ Болгарскимъ въ Кіевской Духовной Консисторіи; тѣми же Преосвященными совершено и рукоположеніе нареченнаго во епископа въ Кіевософійскомъ соборѣ Марта 30 дня.

да и мое служеніе паствѣ сей, коей уже не невѣдомъ гласъ мой, будетъ плодоносно для ней, — да буду я благоугоднымъ и благопотребнымъ сотрудникомъ и споспѣшникомъ новому Іерарху нашему!

Молю васъ, архипастыри и отцы, молю и васъ пастыри и чада паствы сея, не премолчите вопіять вмѣстѣ со мною о семъ ко Господу, дондеже ущедритъ мя, да благодать, которую воспріиму я въ таинственномъ рукоположеніи, не угаснетъ во мнѣ, но будетъ возгрѣваться всегда во спасеніе мое и другихъ.

БУДУЩЕЕ ПРЕОБРАЖЕНІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА.

Иже (Іис. Христосъ) *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его.* Филип. 3, 21.

Смотря на господство смерти и тлѣнія во всемъ родѣ человѣческомъ, на длинный рядъ разнообразныхъ болѣзней, сначала истощающихъ тѣло наше и потомъ предающихъ его въ жертву неумолимой смерти, превращающей его въ безобразный гніющій трупъ, кто сказалъ бы, что для тѣла человѣческаго есть какое либо другое назначеніе, кромѣ того, чтобы совсѣмъ потеряться среди разнообразныхъ стихійныхъ разложеній! Между тѣмъ непреложное обѣтованіе Божіе увѣряетъ насъ, что для тѣла человѣческаго есть своя будущность и будущность великая,— что ему, этому *тлѣнному* и *мертвенному*, *подобаетъ*, прошедши путемъ тлѣнія, *облещися въ нетлѣніе и безсмертіе* (1 Кор. 15, 53).—*Како будетъ сіе? Како востанутъ мертвіи? коимъ же тѣломъ пріидутъ?* вопрошаетъ съ недоумѣніемъ разумъ человѣческій (1 Кор. 15, 36). Въ отвѣтъ на сіе апостолъ Павелъ указываетъ на жизнь сѣмени въ утробѣ земли: *безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ, и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно.... Богъ же даетъ ему тѣло, яко же восхощетъ* (15, 37), и—даже болѣе: указываетъ и самыя черты будущаго преображенія тѣла нашего. По его богодухновенному описанію, оно будетъ состоять въ измѣненіи настоящихъ качествъ его въ свойства противуположныя: *сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи; сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15, 42—45).

1. *Сѣется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи*, то есть: наше тѣло, теперь тлѣнное и удоборазрушаемое, воскреснетъ нетлѣннымъ. — Извѣстно, что вначалѣ *Богъ создалъ человѣка въ нетлѣніе* (Прем. 2, 23) и главною причиною этого нетлѣнія была *правота* духа человѣческаго (Еккл. 7, 30). Она сохраняла всю природу отъ *работы истлѣнія* (Рим. 8, 21), и потому въ ней не было ничего заразительнаго и смертоноснаго. Она давала человѣку право вкушать отъ древа жизни, отъ употребленія плодовъ котораго онъ могъ *быть живымъ во вѣки* (Быт. 3, 22). Но когда *человѣкомъ грѣхъ въ мірѣ вниде*, то съ нимъ вмѣстѣ сошла и *смерть* (Рим. 5, 12). Вся природа, *неволею повинувшаяся тлѣнію* (Римл. 8, 21), стала подвергать тлѣнію и того, который грѣхомъ своимъ подвергъ ее *работѣ истлѣнія*. Тѣло, не питаемое болѣе плодами древа жизни, сдѣлалось неспособнымъ противиться разрушительному дѣйствію вооружившихся на него

стихій. Впрочемъ какъ въ духѣ человѣка, духовно умершемъ (Быт. 2, 17), сохранились еще остатки духовной жизни: такъ и въ истлѣвающемъ тѣлѣ его осталось нѣчто безсмертное, или покрайней мѣрѣ не подлежащее тлѣнію. Это—тотъ тончайшій прахъ, который химія причисляетъ къ неразглагаемымъ солямъ. Сей то тончайшій прахъ и есть, можетъ быть, оное зерно, изъ котораго, при возсіяніи Солнца правды, произрастетъ на новой землѣ и подъ новымъ небомъ будущее тѣло наше, и поелику грѣхъ будетъ вовсе изгнанъ изъ новаго міра и *смерти* болѣе *не будетъ въ немъ* (Апок. 21, 4); поелику, вся тварь, освободившись тогда отъ работы истлѣнія, не будетъ имѣть смертоноснаго вліянія на тѣло человѣческое; поелику оно будетъ опять питаться плодами древа жизни (Апок. 22, 2. 14): ясно, что *тлѣнное и мертвенное* нынѣ тѣло человѣческое, по воскресеніи въ вѣчную жизнь, необходимо должно *облещися въ нетлѣніе и безсмертіе* (1 Кор. 15, 53).—*Вѣмы* говоритъ Апостолъ, *яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы храмину вѣчну на небесѣхъ* (2 Кор. 5, 1).

2. *Сѣется не въ честь, востаетъ въ славѣ.* Человѣческое тѣло, какъ образованное непосредственно руками самаго Творца, безъ сомнѣнія, было нѣкогда прекрасно. Но, когда грѣхъ потемнилъ образъ Божій въ человѣкѣ, не устояла и эта первозданная красота: она изчезла, оставивъ только нѣкоторые слѣды свои. И самые слѣды эти болѣе и болѣе истребляются нынѣ въ человѣкѣ частію отъ тлетворныхъ вліяній воздушныхъ, частію отъ грубой, нечистой и неумѣренной пищи, всего же болѣе отъ пагубнаго дѣйствія на тѣло разрушительныхъ страстей и пороковъ, постепенно истощающихъ и влекущихъ его къ могилѣ, наконецъ, *послѣдній врагъ—смерть* (1 Кор. 15, 26) истребляетъ въ немъ и человѣческій образъ, или, говоря словами Церкви, »по образу Божію созданную нашу красоту«. Но, какъ сѣмя, посѣянное въ землѣ, умерши и согнивши въ ней, опять оживаетъ въ новомъ лучшемъ видѣ: такъ, подобно ему, сгнившее и въ прахъ превратившееся, тѣло человѣческое, ожив подъ новымъ небомъ, востанетъ въ новомъ прекраснѣйшемъ видѣ. И сей красоты уже ничто не лишитъ его по воскресеніи: ибо не будетъ въ царствіи Отца брашна грубаго и нечистаго, которое Богъ *упразднитъ* (1 Кор. 6, 13), *не будетъ тамъ ни плача, ни вопля, ни зноя солнечнаго, ни болѣзни* (Апок. 7, 16. 17). Душа, воспріявши опять всѣ свѣтлыя черты образа и подобія Божія, просіявши *яко солнце въ царствіи Отца* (Матѳ. 13, 43), безъ сомнѣнія, отразитъ и на тѣлѣ прекрасныя свойства свои, какъ отразился нѣкогда свѣтъ божественный на лицѣ Моисея; словомъ: тѣло наше сдѣлается *подобнымъ тѣлу славы* Господа нашего Іисуса Христа (Фил. 3, 21), коего созерцали нѣкогда пророки *краснѣйшимъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ* (Пс. 44, 3).

3. *Сѣется въ немощи, востаетъ въ силѣ.* Въ настоящемъ состояніи, нѣтъ, кажется, въ природѣ существа болѣе немощнаго, болѣе подверженнаго разнымъ болѣзнямъ, какъ человѣкъ. Это происходитъ отъ слабаго соединенія въ тѣлѣ его грубыхъ и разнородныхъ стихій, легко повреждаемыхъ и расторгаемыхъ множествомъ внѣшнихъ, даже самыхъ слабыхъ вліяній: ибо чѣмъ тѣло однороднѣе и тонѣе, тѣмъ оно удобнѣе и быстрѣе производитъ и распространяетъ свои дѣйствія (напримѣръ свѣтъ, воздухъ), и чѣмъ тѣснѣе соединены въ немъ составныя части его, тѣмъ оно устойчивѣе и крѣпче. Посему, когда по воскресеніи тѣло наше содѣлается тонкимъ и *духовнымъ*, и

существенныя и однородныя части въ немъ соединятся тѣснѣе; когда ни болѣзнь ни труды не будутъ угрожать ему разслабленіемъ и изнеможеніемъ: то нѣтъ сомнѣнія, что оно востанетъ гораздо сильнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ, нежели теперь. Слово Божіе не позволяетъ намъ въ семъ сомнѣваться, когда представляетъ стоящихъ предъ престоломъ Божіимъ кланяющимися Сѣдящему на немъ и *непрестанно взывающими гласомъ громовъ крѣпкихъ: аллилуіа* (Апок. 19, 6). Вообще,— такъ какъ душа наша въ грядущемъ вѣкѣ будетъ гораздо сильнѣе и дѣятельнѣе, нежели теперь, то нѣтъ сомнѣнія, что и тѣло, управляемое ею, сдѣлается способнымъ къ несравненно сильнѣйшей дѣятельности.

4. *Сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное.* —Это не означаетъ того, что тѣло наше превратится въ духъ: ибо и тѣло Іисуса Христа *первенца изъ мертвыхъ* (1 Кор. 15, 20), по воскресеніи не подверглось сему превращенію. Когда Іисусъ Христосъ, воставъ отъ мертвыхъ, явился ученикамъ своимъ, и они *убоялись, мняще духъ видѣти*; то Онъ сказалъ имъ: *видите руцѣ мои и нозѣ мои, яко Самъ Азъ есмь, осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* (Лук. 24, 36). Итакъ, если воскресшее тѣло Іисуса Христа было осязаемо, имѣло плоть и кости: то нѣтъ сомнѣнія, что и наше тѣло, по воскресеніи имѣющее преобразиться по образу тѣла славы Его, будетъ истиннымъ и вещественнымъ, а не духомъ. Но оно будетъ духовно, потому что будетъ водиться *и жить духомъ* (Римл. 8, 2), въ противоположность нынѣшнему душевному тѣлу, подверженному вліянію стихій и всѣмъ потребностямъ животной и чувственной природы, наравнѣ *со скотами несмысленными* (Пс. 48, 21): ибо *царствіе Божіе нѣсть брашно и питіе, но правда, радость и миръ о Дусѣ святѣ* (Римл. 14, 17). Оно будетъ духовно, или, покрайней мѣрѣ, уподобится духу по тонкости своего устроенія. Это тончайшее устроеніе тѣла въ будущей жизни необходимо и для того, чтобы быть ему способнымъ къ высшей дѣятельности духа: ибо теперь мы только *отчасти разумѣваемъ*; въ грядущемъ же вѣкѣ, *еже отчасти упразднится* (1 Кор. 13, 9. 10). Сообразно такому назначенію, тѣло наше конечно будетъ имѣть и тончайшіе, приспособленные къ высшимъ духовнымъ потребностямъ органы, качества и способности; покрайней мѣрѣ извѣстно, что нѣкоторыхъ случайныхъ органовъ и частей тѣло наше, по воскресеніи, или во все не будетъ имѣть или же будетъ имѣть оные совершенно преобразованными и приспособленными къ высшимъ духовнымъ потребностямъ. *Брашно чреву*, говоритъ Апостолъ, *и чрево брашномъ, Богъ же и сіе и сія упразднитъ* (1 Кор. 6, 13).

Далѣе, тѣло человѣка, по воскресеніи, будетъ духовнымъ въ томъ отношеніи, что оно, подобно духу, по тонкости своего устроенія и легкости, въ состояніи будетъ, по словамъ св. Златоуста, держаться и носиться безпрепятственно по воздуху: ибо, когда тяжелая настоящая плоть, по своему происхожденію и свойству всегда стремящаяся къ матери своей землѣ, упразднится тлѣніемъ или измѣненіемъ: то весьма естественно, что человѣческое тѣло по воскресеніи, не будетъ имѣть необходимаго нынѣ стремленія къ землѣ. Почему, какъ воскресшій Господь, первенецъ изъ мертвыхъ, съ своимъ прославленнымъ тѣломъ скоро возносился на небо: такъ легко вознесутся и всѣ мертвые, воскреснувъ *нетлѣнни* (1 Кор. 15, 52), и какъ Илія, еще живой и конечно измѣнившійся, *взятъ бысть вихрем*

яко на небо (4 Цар. 2, 11); такъ и мы живущіи оставшіи, *вскорѣ во мгновеніи ока измѣнимся*, и совлекшись грубой, тяжелой плоти, *восхищены будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ* (1 Сол. 4, 17).

Наконецъ, тѣло человѣческое, по воскресеніи, будетъ духовно потому, что оно также, по причинѣ тонкости своего устроенія, подобно духу, будетъ въ состояніи проницать другія тѣла. Несомнѣннымъ доказательствомъ сего служитъ примѣръ воскресшаго Господа, который, *двереми затвореннымъ пріиде и ста посредѣ учениковъ и глагола: миръ вамъ* (Іоан. 20, 19). Поелику же и тѣло человѣческое, по воскресеніи, будетъ сообразно прославленному тѣлу Іисуса Христа: то нѣтъ сомнѣнія, что и оно будетъ имѣть способность проницать другія тѣла столь же легко и свободно, какъ духъ.

Всѣ эти черты будущей славы человѣческаго тѣла, какъ ни слабы, но довольно ясно показываютъ, сколь славно будетъ его преображеніе по воскресеніи въ жизнь вѣчную. Возблагодаримъ же Бога, даровавшаго намъ не ложное обѣтованіе о будущей преславной побѣдѣ нашей надъ смертію и тлѣніемъ, *прославитъ* Его *въ душахъ и тѣлесѣхъ* нашихъ (1 Кор. 6, 20), постараемся доброю и богоугодною жизнію приготовить тѣла наши къ перерожденію въ жизнь вѣчную: ибо хотя и тѣла грѣшниковъ, по воскресеніи, востанутъ нетлѣнны, но поелику грѣхъ царствовалъ въ нихъ во все теченіе земной жизни, поелику они были *удами* его, а не *удами Христовыми* (Римл. 6, 13): то и въ воскресеніе, безъ сомнѣнія, не будутъ причастниками ни той славы, ни той силы и духовности, какія имѣло воскресшее тѣло Господа нашего: ибо, *кое общеніе свѣта со тьмою?....*

БЛАЖЕННЫЙ ѲЕОДОРИТЪ, ПРОПОВѢДНИКЪ ВѢРЫ У ЛОПАРЕЙ (*).

Въ Церкви русской съ благоговѣніемъ видимъ цѣлый рядъ св. иноковъ-проповѣдниковъ, въ которыхъ какъ бы воскресаетъ предъ нами духъ первыхъ благовѣстниковъ Христовыхъ и ихъ преемниковъ. Къ нимъ принадлежитъ и блаженный Ѳеодоритъ, который со славою проповѣдника вѣры соединяетъ славу строгаго подвижника и невиннаго страдальца.

Ѳеодоритъ былъ родомъ изъ г. Ростова. Много просіяло здѣсь, или вышло отселѣ въ другія мѣста, великихъ мужей на служеніе церкви русской. Таковы на пр. преподобный Сергій радонежскій, святители — Ѳеодоръ, Леонтій, Иларія ростовскіе, св. Стефанъ пермскій, здѣсь приготовлявшійся для своего апостольскаго служенія. Можетъ быть самое обиліе этихъ свѣтлыхъ образовъ, этихъ священныхъ воспоминаній родины имѣло вліяніе на столь раннее пробужденіе подвижническаго и проповѣдническаго духа въ блаженномъ Ѳеодоритѣ.

На тринадцатомъ году возраста Ѳеодоритъ оставляетъ домъ родителей, идетъ на Соловецкій островъ въ обитель преподобнаго Зосимы, чрезъ годъ, принимаетъ здѣсь ангельскій образъ, и потомъ святое послушаніе у одного мудраго и благочестиваго пресвитера по имени Зосимы. Не благодатное ли предчувствіе своего будущаго служенія руково-

(*) Повѣсть о Ѳеодоритѣ находится въ сказаніяхъ Курбскаго, которыми въ этомъ случаѣ наши церк. историки пользуются съ довѣріемъ. И справедливо: авторъ изъясняетъ, что многое онъ слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, многое самъ видѣлъ, а иное знаетъ отъ самаго Ѳеодорита, бывшаго его духовнымъ отцемъ. Притомъ онъ говоритъ, что не хочетъ сообщать здѣсь событій, которымъ могутъ не повѣрить, что напр. о кончинѣ Ѳеодорита онъ тщательно старался узнать точную правду, но не успѣлъ и потому не выдаетъ за несомнѣнное и того преданія о ней, которое выгодно Курбскому, по тому что служитъ обвиненіемъ Іоанну Грозному.

дило отрока въ избраніи для подвижнической жизни мѣста столь отдаленнаго, на самомъ краю земли русской, куда и пути были тогда едва извѣстны и проходимы и то съ большими трудностями и опасностями, тогда какъ были знаменитыя обители гораздо ближе—у предѣловъ ростовскихъ? Пятнадцать лѣтъ пробылъ неотступно въ духовномъ послушаніи Ѳеодоритъ, навыкъ всякой духовной мудрости, возвышаясь духомъ по степенямъ добродѣтелей. Отправясь въ Новгородъ, онъ удостоился отъ здѣшняго архіепископа (*) посвященія въ діакона, снова возвратился на Соловецкій островъ и жилъ годъ у своего старца. Но, какъ пчела собираетъ соты съ разныхъ цвѣтовъ, Ѳеодоритъ хотѣлъ собирать для себя черты подвижнической жизни въ знаменитыхъ обителяхъ. По благословенію своего старца, онъ отправился къ преподобному Александру свирскому (**), тогда славному уже своею святостію и чудотвореніями. Прозорливецъ, не знавшій доселѣ Ѳеодорита и не слышавшій о немъ, встрѣтилъ его внѣ монастыря и сказалъ: »сынъ Авраамль пришелъ къ намъ, Ѳеодоритъ діаконъ«! И крѣпко полюбилъ св. старецъ Ѳеодорита, который и прожилъ здѣсь нѣкоторое время. Потомъ, слыша, что за р. Волгою есть большіе монастыри и въ нихъ доблестные иноки, Ѳеодоритъ отправился и сюда. Обошедши всѣ обители, онъ остановился въ Кирилобѣлозерскомъ монастырѣ, потому что здѣсь особенно нашелъ святыхъ мужей и между ними Сергія Климина. Два года жилъ тутъ Ѳеодоритъ, ревнуя суровой и святой жизни иноковъ, удручая свою плоть и приводя ее въ послушаніе духу. Потомъ онъ удаляется въ пустыню, гдѣ находитъ блаженнаго Порфирія. Этотъ пустынникъ, по волѣ в. князя, взятъ былъ нѣкогда изъ пустыни на игуменство въ Сергіевскую обитель. Чрезъ нѣсколько времени, когда в. князь посѣщалъ обитель, Порфирій, подобно м. Варлааму, просилъ у него помилованія опальному князю Василію Шемячичу. »Если ты пріѣхалъ въ храмъ безначальной Троицы съ тѣмъ, чтобы испросить себѣ прощеніе грѣховъ: то будь напередъ самъ милосердъ къ гонимымъ тобою безъ правды«. За христіанскую смѣлость Порфирій претерпѣлъ темницу и оковы и потомъ снова удалился въ свою пустыню, чая Бога спасающаго отъ малодушія и бури. Встрѣча съ такимъ страдальцемъ была благодѣтельна для Ѳеодорита: ему также предстояло пострадать отъ страстей и неправдъ человѣческихъ. Кромѣ Порфирія, Ѳеодоритъ нашелъ здѣсь Артемія и Іосифа Бѣлобаева и другихъ престарѣлыхъ пустынниковъ. Четыре года жилъ здѣсь Ѳеодоритъ, раздѣляя труды и подвиги пустынниковъ. Между тѣмъ духовный отецъ, старецъ Зосима, провидя свое отшествіе къ Богу, прислалъ изъ Соловецкой обители письмо къ нему. Путь былъ далекъ, пролегалъ по мѣстамъ дикимъ и пустыннымъ. Охотно и поспѣшно идетъ Ѳеодоритъ, забывая тяжесть и изнурительность путешествія, и одушевляясь однимъ только желаніемъ увидѣть духовнаго отца своего еще до его смерти. Онъ увидѣлъ его: обнявъ блаженнаго старца, облобызавъ его сѣдины, Ѳеодоритъ сталъ теперь служить ему въ недугахъ и немощахъ. Около года спустя старецъ простился съ Ѳеодоритомъ и предалъ святую душу свою Господу.

Испытавъ уже наслажденіе пустынной созерцательной жизни, окрѣпшій подвижникъ не хотѣлъ разстаться съ нею. На этотъ разъ Ѳеодоритъ, движимый Духомъ Святымъ, ищетъ для отшельничества, пустыни далекой, глухой, непроходимой. На утлой ладьѣ, будущій ло-

(*) Вѣроятно св. Серапіона.

(**) Монастырь свирскій основанъ въ 1506 году, преподоб. Александромъ.

вецъ человѣковъ, плыветъ по рѣкѣ Колѣ, впадающей въ Ледовитое море. Здѣсь у самаго края земли русской онъ выходитъ на берегъ, гдѣ виднѣлись однѣ скалистыя горы и мрачные, непроходимые лѣса, среди которыхъ жили дикіе Лопари, язычники. Тутъ поселяется одинокій пришелецъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ встрѣчаетъ одного старца, пустынника, жившаго въ этихъ мѣстахъ уже пять лѣтъ. Пустынники остаются вмѣстѣ, живутъ здѣсь 20 лѣтъ, хранимые Богомъ, пребывая въ святости, питаясь кореньями и растеніями бѣдной страны. Мрачная и холодная страна какъ бы освѣщалась и согрѣвалась сими свѣтильниками добродѣтели: молитвы отшельниковъ приближали къ ней благодать Божію, которую они посланы были возвѣстить людямъ, сидящимъ во тьмѣ и сѣни смертной. Чрезъ двадцать лѣтъ отшельники отправляются отсюда и достигаютъ Новгорода. Мудрый архипастырь Макарій тотчасъ примѣтилъ высокую добродѣтель Ѳеодорита: онъ посвящаетъ его въ пресвитера и дѣлаетъ своимъ духовникомъ. Скоро онъ становится наставникомъ народа: обращаетъ на путь спасенія многихъ гражданъ богатыхъ и знатныхъ, возстановляетъ падшихъ и, очищая ихъ покаяніемъ, приводитъ къ Церкви Бога живаго. Чудная сила добродѣтели! Отшельникъ, съ юныхъ лѣтъ разлучившійся съ людьми, является столько сильнымъ и опытнымъ въ наученіи людей!

Два года прожилъ Ѳеодоритъ въ Новгородѣ. Но среди новаго служенія, онъ не забываетъ страны своего отшельничества и ея бѣдныхъ жителей. Онъ дѣлаетъ приготовленія для апостольскаго подвига. Нашлись пожертвованія отъ добрыхъ христіанъ; для будущаго просвѣщенія страны, нашлись и нѣсколько лицъ готовыхъ сопровождать Ѳеодорита. Старецъ выступаетъ на свое поприще съ опытностію и крѣпостію искусившагося подвижника (*). Миссія благополучно совершаетъ путь, достигаетъ устья р. Колы, гдѣ Ѳеодоритъ строитъ монастырь и въ немъ храмъ св. Троицы, чтобы онъ былъ немолчнымъ проповѣдникомъ основнаго догмата христіанства въ новообращаемой странѣ. Такъ часто дѣлали и другіе проповѣдники вѣры въ землѣ русской. Сообразуясь съ уставомъ Зосимы и Савватія соловецкихъ, Ѳеодоритъ учреждаетъ въ монастырѣ строгое общежитіе, обязывая братію къ совершенной нестяжательности и трудолюбію, какъ средству къ поддержанію жизни, согласно съ словомъ Апостола: *требованію моему и сущимъ со мною послужистъ руцѣ мои сіи* (Дѣян. 20, 34). Язычники замѣчаютъ обитель, начинаютъ приходить къ ней; Ѳеодоритъ сближается съ ними, стараясь привлечь ихъ къ вѣрѣ Христовой. Подобно св. Стефану пермскому, онъ зналъ нравы и языкъ тѣхъ, кому проповѣдывалъ, и потому проповѣдь шла успѣшно. Вскорѣ Ѳеодоритъ сталъ оглашать и крестить многихъ изъ нихъ. По словамъ самаго проповѣдника, Лопари были люди простые, кроткіе и чуждые всякаго лукавства. Потому, обратясь, они были очень усердны къ вѣрѣ, такъ что иные принимали иноческое житіе. Проповѣдникъ училъ обращенныхъ чтенію и перевелъ на языкъ ихъ нѣкоторые молитвы. Господь благословилъ апостольское дѣло: явились знаменія, нужныя для утвержденія вѣровавшихъ и обращенія невѣрующихъ; слово Божіе расло: и однажды, по-

(*) Ѳеодоритъ постриженъ 14 лѣтъ, въ послушаніи у Зосимы провелъ 16 лѣтъ; пребываніе у Александра Свирскаго въ Заволжскихъ обителяхъ и пустыняхъ, въ Соловецкой обители у Зосимы составитъ еще нѣсколько лѣтъ; за тѣмъ 20 лѣтъ въ Лапландской пустынѣ, 2 года въ Новгородѣ:—такъ что теперь ему было около 60 лѣтъ.—Макарій, при которомъ произошло просвѣщеніе Лопарей Ѳеодоритомъ былъ архіепископомъ въ Новгородѣ въ 1524—1546 г.

слѣ ученія и оглашенія въ вѣрѣ, крестилось въ одинъ день около двухъ тысячъ язычниковъ съ женами и дѣтьми! Возбужденные Ѳеодоритомъ, можетъ быть еще въ первое пребываніе его въ Лапландіи, Лапландцы сами старались объ устройствѣ возникающей у нихъ Церкви. Въ 1526 г. пріѣзжали въ Москву Поморяне и Лапландцы съ Кандалажской губы, били челомъ в. князю Василію Ивановичу и просили антиминсовъ и священниковъ для освященія церквей, также и новыхъ учителей для дальнѣйшаго просвѣщенія св. крещеніемъ. По распоряженію князя, новгородскій архіепископъ Макарій послалъ отъ соборной церкви священника и діакона, которые крестили многихъ Лапландцевъ и построили для нихъ церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи. Въ 1532 году пріѣзжали въ Новгородъ Лапландцы съ мурманскаго (норвежскаго) моря и р. Колы съ такою же просьбою. Архіепископъ Макарій послалъ священника и діакона, которые также крестили многихъ Лопарей и освятили для нихъ двѣ церкви: Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и Святителя Николая.

Такъ падало царство князя тмы въ темной языческой странѣ. Побѣжденный самъ, онъ воздвигъ противъ воина Христова человѣческія страсти. Между новособранными монахами нашлись люди плотскіе и себялюбивые, которые востали на Ѳеодорита за строгость устава и, избивъ старца, изгнали изъ обители. Пустынный проповѣдникъ долженъ былъ удалиться оттуда.

Пробывъ два года въ бѣдной новгородской обители, онъ дѣлается извѣстнымъ царю Іоанну Грозному и по его желанію принимаетъ архимандритство въ Суздальскомъ Евѳиміевомъ монастырѣ. Какъ подвижникъ опытный и мудрый, ревнитель чистоты и непорочности, трезвенный во всю жизнь, Ѳеодоритъ строго обличалъ братію за уклоненіе отъ уставовъ иноческихъ, особенно за нетрезвую жизнь. Во имя вѣры и святости, онъ не страшился обличать и епископа суздальскаго Аѳанасія. Вотъ что вооружило на Ѳеодорита и братію и епископа! Открылась тогда ересь Матѳея Башкина, который отвергалъ равенство Сына Божія съ Богомъ Отцемъ, правила отцевъ и соборовъ, таинства и проч. Стали говорить, что и Артемій, другъ Ѳеодорита, сообщникъ Башкина; отъ Артемія переходили и къ Ѳеодориту. На послѣднее особенно настаивалъ суздальскій епископъ, по ненависти къ Ѳеодориту: »Ѳеодоритъ, говорилъ онъ, давній единомысленникъ и товарищъ Артемія: вѣрно и онъ еретикъ, потому что не мало лѣтъ жилъ въ одной пустынѣ съ Артеміемъ«. Соборъ (въ 1554 г.) осудилъ еретика и его послѣдователей, причисливъ къ нимъ, кромѣ другихъ достойныхъ лицъ, также Артемія и Ѳеодорита. То была эпоха Стоглава, эпоха грубости и невѣжества, эпоха страданій такихъ мужей, какъ ревнитель чистоты и свѣта Максимъ Грекъ и его просвѣщенные ученики и сотрудники. Притомъ Артемій (*) и Ѳеодоритъ имѣли личныхъ враговъ на соборѣ: потому первый сосланъ на заточеніе въ Соловецкій монастырь, а Ѳеодоритъ — въ Кириловскій (**). Лучшіе иноки обители съ радостію приняли Ѳеодорита, какъ извѣстнаго уже своими подвигами, и оказывали ему глубокое уваженіе. За то другіе, по связи съ врагами блаженнаго, по зависти къ его славѣ, изъ досады на святость и строгость его жизни, ругались надъ старцемъ и безчестили его. Полтора года терпѣлъ это Ѳеодоритъ

(*) На Артемія былъ недоволенъ и Грозный, любившій, какъ извѣстно, разглагольствовать на соборахъ.

(**) О соборѣ см. Ник. Лѣт. VII, 204 А. Экспед. Т. 1, стр. 250—254. Чт. имп. М. Общ. Истор. и проч. 1847 № 3. Истор. Русск. Церкви Филарета ч. III, 118—119, изд. 1-е.

издавна привыкшій къ подобнымъ напастямъ. Впрочемъ въ письмѣ къ духовнымъ чадамъ своимъ въ мірѣ онъ не скрывалъ своей тѣсноты и внутренней скорби. Послѣдніе передали это митрополиту Макарію. Просвѣщенный первосвятитель, стоявшій выше современниковъ Стоглава, конечно не раздѣлялъ мнѣнія другихъ о Ѳеодоритѣ, зная при томъ святую жизнь прежняго духовника своего. Въ посланіи своемъ въ Кирилловскую обитель онъ повелѣваетъ освободить невиннаго страдальца, предоставивъ ему жить тамъ, гдѣ онъ хочетъ. Ѳеодоритъ поселился въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ, славномъ въ особенности мощами св. князя Ѳеодора Ростиславича Смоленскаго (1299 г.).

Не болѣе одного или двухъ лѣтъ прожилъ здѣсь Ѳеодоритъ въ покоѣ и мирныхъ подвигахъ, какъ снова вызываетъ его царь, все таки видѣвшій въ немъ мужа искуснаго и мудраго. Онъ предлагаетъ ему итти посломъ въ Константинополь къ патріарху для испрошенія благословенія на царское достоинство, на которое уже вѣнчанъ былъ Іоаннъ своими святителями. Забывая слабости и немощи преклонной старости, Ѳеодоритъ принимаетъ порученіе съ радостію. Перенесши тяжести долгаго пути, онъ долженъ былъ перенесть въ Константинополѣ двумѣсячную »огненную« болѣзнь, отъ которой однакожъ оправился по милости Божіей. Патріархъ принялъ Ѳеодорита со всѣмъ уваженіемъ, какое онъ внушилъ и святостію жизни и мудростію своихъ рѣчей. Въ 1561 г. Ѳеодоритъ возвратился съ благословенною грамотою патріарха (*). Обрадованный Іоаннъ даритъ Ѳеодориту большія деньги, дорогую соболью шубу, предлагаетъ даже высшую власть духовную (епископскую). Съ кроткою улыбкою старецъ отвѣчалъ: »царь! я принялъ и исполнилъ твое повелѣніе: но ни во что вмѣняю поднятые при этомъ на старости труды; не довольно ли для меня той награды, что я принялъ благословеніе отъ напрестольника апостольскаго, вселенскаго патріарха? Даровъ и власти не требую отъ тебя: отдай ихъ тѣмъ, которые ищутъ и требуютъ ихъ. Не привыкъ я наслаждаться сребренниками, ни украшаться дорогими одеждами: отъ всего этого я отказался при постриженіи. Стараюсь украситься добротою души и благодатію Духа. Итакъ я прошу у тебя только того, чтобы мнѣ прожить въ мирѣ и безмолвіи въ келліи до отшествія изъ сего свѣта.« Уступая настойчивости царя, Ѳеодоритъ взялъ двадцать пять сребренниковъ и удалился. Царь повелѣлъ послать за нимъ шубу и положить въ храминѣ, гдѣ на тотъ разъ жилъ Ѳеодоритъ. Послѣдній продалъ шубу и деньги отдалъ нищимъ. Простясь съ Москвою, онъ удалился въ глубокій Сѣверовостокъ, въ славную обитель св. Димитрія Прилуцкаго, близъ Вологды.

Вологда лежала на пути къ Ледовитому морю. Находясь близь сего пути, Ѳеодоритъ тѣмъ живѣе сталъ воспоминать о своихъ духовныхъ чадахъ въ Лапландіи и о своей Кольской обители. Два раза ходилъ онъ посмотрѣть и утѣшать первыхъ, посѣтилъ и свою обитель, изъ которой нѣкогда былъ изгнанъ непокорною братіею. Отъ Вологды онъ шелъ водою по разнымъ рѣчкамъ до Холмогоръ; отселѣ Двиною до моря, потомъ моремъ до устья Печенги и мурманской (Норвежской) земли, и устья Колы и оттуда пѣшкомъ внутрь страны. Лѣтомъ онъ плылъ водою, зимою на оленяхъ по снѣжнымъ и льдистымъ пустынямъ. Этотъ далекій и тяжелый путь Ѳеодоритъ предпринялъ въ самой глубокой старости,

(*) Ист. Госуд. Россійск. VIII, прим. 163. Сказан. Курбскаго изд. Устрялова, примѣч. 208.

когда, удрученный притомъ скорбями и трудами, онъ такъ нуждался въ покоѣ. Отказавшись отъ богатства, духовной власти, честей, онъ не отказался отъ тяжелыхъ, но безвѣстныхъ свѣту трудовъ, для пользы духовныхъ чадъ своихъ. Проходя между новообращенными жителями страны далекой, дикой, пустынной, онъ сѣялъ среди нихъ слова евангелія, утверждалъ въ вѣрѣ, утѣшалъ и укрѣплялъ въ жизни. — Не апостольскій ли это духъ, духъ самоотверженія и любви отеческой, по которымъ благовѣстникъ Христовъ, яко доилица грѣетъ чадъ своихъ, благоволитъ предавать имъ не только благовѣстіе Божіе, но и душу свою, потому что они возлюбленны ему (1 Сол. 2, 7—8)?

Если бы писать, о Ѳеодоритѣ все по порядку и сполна, замѣчаетъ писатель его жизни, то тутъ нашлось бы много поистинѣ удивительнаго для всѣхъ, непонятнаго или даже сомнительнаго для людей грубыхъ, не имѣющихъ познанія о духовныхъ предметахъ и маловѣрныхъ. Онъ надѣленъ былъ высокими духовными дарами, даже силою исцѣленій, прозрѣнія и владычества надъ духами тмы. Слово его, сильное въ обращеніи невѣрующаго язычника, сильно было въ просвѣщеніи заблуждающаго, исправленіи порочнаго христіанина. Его бесѣда, тихая, кроткая, мудрая, доставляла истинную сладость слушавшимъ, особенно многочисленнымъ духовнымъ дѣтямъ старца Сила его надъ людьми развращенными была такъ велика, что онъ умѣлъ излечивать застарѣлую язву душевную, искоренять самую давнюю страсть, самую крѣпкую грѣховную привычку въ человѣкѣ и привлекать его къ покаянію и слезамъ.

О кончинѣ сего праведника въ древности говорили различно. По однимъ, онъ за ходатайство объ опальныхъ лицахъ, навлекъ свирѣпый гнѣвъ Іоанна, который велѣлъ утопить его въ рѣкѣ. Если такъ, то апостолъ и подвижникъ закончилъ теченіе свое мученическимъ. По другимъ онъ почилъ тихо, мирно и свято, — смертію праведника, смертію о Господѣ.

Сказавъ о послѣднихъ апостольскихъ трудахъ Ѳеодорита въ Лапландіи, писатель жизни дѣлаетъ воззваніе: »приметъ это, полувѣрный и наслажденіями разслабленный христіанинъ! Увѣрься, что и теперь есть въ православной христіанской землѣ мужественные старцы, въ правовѣрныхъ догматахъ воспитанные, которые старѣясь и изнемогая членами, становятся еще мужественнѣе, ревностнѣе и искуснѣе въ дѣлѣ благочестія и служенія Богу«! О если бы Господь Богъ послалъ и нашимъ временамъ такихъ мужей совѣта и крѣпости, мужей съ духомъ самоотверженія первыхъ проповѣдниковъ и служителей вѣры! Ибо и нынѣ жатва еще многа, а дѣлателей мало.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 6-го Апрѣля 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 5.

НЕДѢЛЯ О САМАРЯНЫНѢ.

20 Апрѣля 1858 г.

Гласъ 4-й.

На утрени: евангеліе воскресное 7-е, Іоан. зач. 63. На Литургіи апост. Дѣян. зач. 28; еванг. Іоан. зач. 12.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ САМАРЯНЫНИ (*).

Аще бы вѣдала еси даръ Божій, и кто есть глаголяй ти, даждь ми пити: ты бы просила у него, и далъ бы ти воду живу. Іоан. 4, 10.

Эта живая вода, которую піющій, по словамъ Спасителя, не вжаждется во вѣкъ, и которая въ томъ, кто піетъ ее, становится источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную, есть животворная благодать Духа Святаго, пріобрѣтенная для насъ заслугами Іисуса Христа,—благодать вѣры въ евангеліе, которая, утоляя жажду ума нашего, неутоляемую никакими познаніями, внѣ истиннаго познанія Бога, вмѣстѣ съ симъ утоляетъ жажду сердца нашего, неутоляемую никакими благами міра сего, а только однимъ Богомъ, угашаетъ жажду чувственныхъ вожделѣній, орошаетъ безплодную сухость души нашей сладостнымъ ощущеніемъ любви къ Богу, и оплодотворяетъ вѣрующаго добродѣтелями. Отчего же мы, хотя озарены свѣтомъ евангельскаго ученія, вкусили даровъ небесныхъ и содѣлались причастниками Духа Святаго, при всемъ томъ доселѣ сгараемъ жаждою чувственныхъ наслажденій, и ощущаемъ въ душѣ нашей такую сухость, что не только не сознаемъ въ себѣ побужденій благоугождать Богу своею жизнію, но даже примѣчаемъ, что въ сердцѣ нашемъ, безпрерывно возникаютъ дурные, богопротивные помыслы? Отъ того, что мы доселѣ не старались возрастать въ познаніи Господа и Бога нашего Іисуса Христа и не

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

прилѣпились къ Нему всѣмъ сердцемъ, но, предавшись превратному образу жизни, пристрастились къ земнымъ, скоропреходящимъ благамъ.

Справедливо говорится, что человѣкъ не желаетъ того, чего не знаетъ; но чѣмъ больше узнаетъ какой либо предметъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣряется въ его цѣнности и достоинствѣ, тѣмъ большее прилагаетъ усиліе къ его пріобрѣтенію. Апостолъ Павелъ, удостоившійся благодати Божіей въ такомъ обиліи, что еще во время земной жизни своей былъ восхищенъ въ рай, гдѣ *слышалъ неизреченные глаголы* (2 Кор. 12, 4), почиталъ все въ мірѣ тщетою ради превосходства познанія Христа Іисуса Господа (Филип. 3, 8), постоянно прилагалъ всевозможныя усилія къ тому, чтобы съ часу на часъ болѣе и болѣе познавать Іисуса Христа, познавать силу воскресенія Его и участіе въ Его страданіяхъ (ст. 10). При всемъ томъ Апостолъ сознавался, что онъ еще не достигъ полнаго познанія Спасителя, что не усовершился въ немъ, а только стремится къ тому, какъ бы достигнуть желаемаго (ст. 12). Пылая столь пламеннымъ желаніемъ, Апостолы безпрерывно возрастали сами, и увѣровавшимъ въ ихъ благовѣстіе постоянно внушали возрастать въ благодати и познаніи Господа и Спасителя Іисуса Христа (2 Петр. 3, 18), а съ возрастаніемъ вѣры, все возращать въ Него, исполняясь познаніемъ воли Его, дабы жить достойно Бога и всячески угождать Ему, принося плоды во всякомъ благомъ дѣлѣ (Кол. 1, 10), и познавая, какъ богато славное наслѣдіе Его для святыхъ и сколь превосходно величество могущества Его въ вѣрующихъ (Ефес. 1, 18),—возрастать возрастомъ Божіимъ (Кол. 2, 19), пока не возрастемъ наконецъ во спасеніе (1 Петр. 2, 2).

А можемъ ли мы, по совѣсти, сказать, что знаемъ въ такой степени Спасителя, или по меньшей мѣрѣ всеусильно стараемся возрастать въ познаніи Его? Не можемъ; по большей части отъ того, что первоначальное воспитаніе наше въ христіанскомъ вѣроученіи, если не хуже, то вѣрно не лучше было современнаго воспитанія въ немъ юношей. Счастливъ еще тотъ, въ чьемъ сердцѣ по крайней мѣрѣ мать съ отрочества возбудила богобоязненныя чувства. Но, по прошествіи отрочества, юноша обыкновенно учится началамъ христіанскаго вѣроученія и заучиваетъ ихъ, будто уроки какой нибудь мірской науки, напр. счисленія, или землеописанія, съ тою только цѣлію, чтобы, по заведенному порядку, произнесть выученное въ извѣстномъ мѣстѣ, въ опредѣленное время. Хорошо; только сущность истинно христіанскаго воспитанія не въ томъ состоитъ, чтобы изучить на-изусть истины христіанства, а чтобы вполнѣ подчинить имъ умъ и усвоить ихъ всѣмъ сердцемъ до того, чтобы онѣ были какъ бы душею нашей дѣятельности. Но находитъ ли юноша время для такого усвоенія христіанскаго вѣроученія; думаютъ ли родители, или кто нибудь изъ воспитателей юношества о томъ, чтобы спасительныя истины евангелія до того углубились въ умѣ и сердцѣ юноши, чтобы, въ теченіе цѣлой жизни его, были для него побужденіемъ къ безпрерывному возрастанію въ богопознаніи и были основаніемъ всѣхъ его поступковъ? Едва ли кто объ этомъ думаетъ. Напротивъ того, и родители, и воспитатели стараются только нагрузить головы юношей множествомъ такихъ свѣдѣній, которыя въ послѣдствіи ни юношѣ, ни кому либо другому не принесутъ никакой пользы, и обременяютъ память юноши изученіемъ многихъ языковъ, почти единственно для того, чтобы онъ умѣлъ назвать одну и туже вещь различными иноязычными словами. Не хочу говорить о томъ, какіе плоды приноситъ такое воспитаніе; но смѣю спросить: можно ли ожидать, чтобы въ

получившихъ поверхностное воспитаніе въ христіанскомъ вѣроученіи благодать Божія была источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную?

Хорошо еще, когда юноша, пріобрѣтшій начала христіанскаго вѣроученія, пришедши въ зрѣлый возрастъ, особенно въ чувство сознанія, что онъ, какъ существо, одаренное разумомъ и волею, не для того созданъ, чтобы по кончинѣ настоящей жизни только истлѣть въ утробѣ земной, что его назначеніе высшее и при томъ вѣчное,—хорошо, когда юноша съ такими мыслями и самъ по себѣ, собственными усиліями, ежедневно старается возрастать въ евангельскомъ богопознаніи, положилъ неизмѣннымъ правиломъ сколь возможно чаще размышлять о высокихъ евангельскихъ истинахъ, поучаться въ законѣ Божіемъ, пріучилъ себя ежедневно въ опредѣленные часы обращаться съ пламенною молитвою къ Богу, и что ни дѣлаетъ, всегда имѣетъ Его въ умѣ и сердцѣ своемъ, посвящаетъ хотя нѣсколько времени чтенію слова Божія, или другихъ душеспасительныхъ книгъ, по меньшей мѣрѣ собесѣдованію съ кѣмъ либо о божественныхъ предметахъ. Такой юноша, пріобрѣтая ежедневно новыя, благодатныя силы, возрастаетъ въ зрѣлость мужа, пріуготовленнаго ко всякому доброму дѣлу (2 Тим. 3, 17), и, будучи доволенъ всякимъ состояніемъ, считаетъ пагубною суетою земныя наслажденія и удовольствія, направляетъ всѣ свои дѣйствія къ высокой цѣли своего назначенія, не тревожится никакими злоключеніями въ мірѣ семъ, не смущается мыслію о вѣчной участи своей за гробомъ; потому что *благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8). Жизнь такого мужа, будто свѣтлою струею, мирно переливается въ жизнь вѣчную; обращеніе его съ ближними столь благодѣтельно и назидательно для окружающихъ его, что отъ него, какъ отъ свѣтлаго, живаго источника льются благодатныя струи воды, текущей въ жизнь вѣчную. Но можно ли сего ожидать отъ человѣка, возмужавшаго въ суетѣ, легкомысліи и забвеніи Бога?

Чтобы источникъ постоянно изливалъ живыя струи воды, утоляющей жажду и прохлаждающей насъ въ часы знойные, необходимо, какъ удостовѣряютъ естествоиспытатели, чтобы мѣстность, окружающая источникъ, удобно, по своей рыхлости, всасывала въ себя дожди и росу небесную, которыя, просачиваясь сокрытыми въ землѣ протоками, скопляются въ такомъ обиліи въ какомъ либо твердомъ пластѣ земномъ, что наконецъ вытекаютъ изъ него свѣтлымъ ручьемъ. Такъ и благодать Божія тогда только можетъ содѣлаться въ душѣ нашей источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную, когда душа постоянно открыта внушеніямъ Духа Святаго, день и ночь поучается въ евангельскихъ истинахъ, и, всеусильно огребаясь отъ плотскихъ похотей, управляетъ сердцемъ своимъ и всѣми своими дѣйствіями по волѣ Божіей, изображенной въ Его законѣ. Но душа, ожесточенная во грѣхахъ, отъ частаго, неудержимаго ихъ повторенія, дѣйствуя вопреки внушеніямъ благодати Божіей, помрачая въ себѣ и первоначальныя понятія христіанскаго вѣроученія, доходитъ наконецъ до совершеннаго забвенія Бога, теряетъ самую способность принимать въ себя дары Духа Святаго, слѣдовать благодатному Его влеченію, не ощущаетъ уже въ себѣ вкуса, услаждающагося размышленіемъ о высокихъ истинахъ евангелія, не сознаетъ потребности въ молитвѣ, скучаетъ назидательными бесѣдами, утомляется самымъ кратковременнымъ присутствіемъ во храмѣ Божіемъ. И естественно; потому что осуетившемуся помышленіями своими, прилѣпившемуся всѣмъ сердцемъ къ пыли земной, окован-

ному, такъ называемыми, приличіями и превратными правилами міра сего, поработившемуся всецѣло грѣху, высокія истины христіанскаго вѣроученія представляются юродствомъ; онъ не въ состояніи понимать ихъ. Это живой мертвецъ по душѣ, управляемый влеченіемъ одной чувственной природы,—мертвецъ, который не въ состояніи уже провождать жизнь разумную. И хотя онъ досадуетъ на суету всего, томится всѣми земными удовольствіями; при всемъ томъ въ сердцѣ его безпрестанно возникаютъ желанія новыхъ чувственныхъ наслажденій: потому что какъ масло, брошенное въ огонь, усиливаетъ его пламень, такъ мірскія блага и удовольствія жгучимъ огнемъ распаляютъ жажду чувственныхъ нашихъ вожделѣній.

Впрочемъ, не хотящій смерти грѣшника, премилосердый Творецъ нашъ, древле источившій изъ камня въ пустынѣ воду для своего народа, а въ разженной седмерицею Вавилонской пещи преложивый пламень усиленнаго огня въ прохладную росу для спасенія юношей, возложившихъ на Него свое упованіе, силенъ умягчить своею благостію и ожесточенную въ беззаконіяхъ душу, известь источникъ воды, текущей въ жизнь вѣчную, и изъ окамененнаго въ рабствѣ грѣховномъ сердца, если грѣшникъ обратится на путь покаянія со всею искренностію и омоетъ себя слезами душевнаго сокрушенія о своемъ окаянствѣ.

Что же мы, въ семъ отношеніи, можемъ сказать о себѣ, братія? То, что у насъ такое безмѣрное множество грѣховъ, что мы ежечасно должны воздыхать и молиться о томъ, дабы благодать Божія сокрушила ожесточеніе нашего сердца, исторгла изъ него слезы покаянія, омыла ими нечистоты души нашей, угасила палящую насъ жажду чувственныхъ наслажденій, и овладѣвъ всѣмъ существомъ нашимъ, увлекла насъ въ жизнь вѣчную, какъ увлекаются теченіемъ сильныхъ водъ и деревья и камни. Аминь.

МЫСЛИ ПРИ ЧТЕНІИ БЕСѢДЫ ІИСУСА ХРИСТА СЪ ЖЕНОЮ САМАРЯНКОЮ.

Іоан. 4, 4—43.

Бесѣда Іисуса Христа съ женою самарянскою, описанная св. евангелистомъ Іоанномъ съ особенною подробностію, представляетъ для насъ много поучительнаго.

1. При чтеніи ея, нельзя не замѣтить той слабости и медленности человѣческаго ума, которыя обнаружила Самарянка въ бесѣдѣ своей съ Господомъ, при разумѣніи предметовъ божественныхъ и духовныхъ. Съ замѣчательною слабостію дѣтскаго ума Самарянка останавливалась вниманіемъ своимъ на видимомъ и чувственномъ, и сколько Спаситель ни возводилъ ея разумѣнія отъ представленія о чувственной водѣ къ представленію о водѣ таинственной, духовной, въ ея понятіи смѣшалось представленіе о водѣ духовной съ представленіемъ о водѣ естественной, и—бесѣда объ этомъ предметѣ едва не кончилась для ней безплодно. Такъ умъ падшаго человѣка лишился той легкости понимать предметы возвышенные, той проницательности въ разумѣніи существа и свойствъ ихъ, того живаго сочувствія съ ними, той способности возвышаться къ непосредственному представленію и созерцанію ихъ, которыми обладалъ умъ человѣка первосозданнаго! Эта слабость и тупость естественнаго ума человѣ

въ разумѣніи предметовъ невидимыхъ и духовныхъ усиливается грѣховнымъ мракомъ, который густымъ покровомъ облегаетъ сердце и умъ человѣка и затѣняетъ отъ него животворный духъ таинственныхъ глаголовъ спасенія, и онъ въ слѣпотѣ своей коснѣетъ на мертвой буквѣ божественнаго слова. По ученію св. Апостола, покрывало это снимается, когда человѣкъ обращается ко Христу и просвѣщается свѣтомъ благодати Духа Святаго (2 Кор. 3, 14—16), и по мѣрѣ приближенія человѣка къ этому свѣту, умъ его постепенно просвѣтляется и прозрѣваетъ; но возвыситься до вѣдѣнія божественнаго въ настоящей жизни не можетъ, и потому вѣра должна быть всегда для него главнымъ началомъ вѣдѣнія въ спасительномъ богопознаніи. Такъ, по мѣрѣ продолженія бесѣды съ Господомъ, Самарянка проникала и приближалась къ свѣту ученія Его; но умственный взоръ ея былъ еще такъ слабъ и немощенъ, что не могъ проникнуть въ высокій смыслъ таинственнаго ученія о духовномъ служеніи Богу (20—24), и потому Господь предварительно требовалъ отъ ней полнаго довѣрія къ своему ученію, послушной вѣры: *жено, вѣруй Ми ими!*

2. Съ какою кротостію, съ какимъ долготерпѣніемъ снисходитъ милосердый Господь къ такой слабости и слѣпотѣ души человѣческой, ожидая ея разумѣнія и прозрѣнія! Какъ любвеобильный Отецъ съ малолѣтнимъ и малоразумѣющимъ сыномъ, бесѣдовалъ Іисусъ Христосъ съ Самарянкою, обращая ея мысль то къ окружающимъ предметамъ міра видимаго, то къ судьбѣ собственной ея жизни, то къ откровенному ученію Писанія, чтобы, при помощи того или другаго, пособить ея маловѣдѣнію, возвысить ея разумѣніе къ предметамъ вѣры, и открыть ей спасительную истину. Такъ ведетъ Господь и всѣхъ людей и каждаго человѣка отъ тьмы невѣдѣнія и заблужденій къ свѣту истины, отъ пути порока къ пути добродѣтельной жизни: и окружающимъ насъ порядкомъ внѣшнихъ вещей, и судьбами собственной жизни, Онъ желаетъ объяснить, подтвердить и глубже напечатлѣть въ душахъ нашихъ святые и вѣчные законы и истины спасенія, предложенныя и раскрытыя намъ въ Его откровеніи. И благо тому, кто покорно и внимательно, хотя бы и не всегда съ полнымъ разумѣніемъ, любитъ прислушиваться къ божественному гласу, гдѣ бы онъ ни былъ,—въ обыкновенномъ ли порядкѣ вещей, въ собственной ли нашей жизни, или въ судьбѣ другихъ людей и всего человѣчества, въ божественномъ откровеніи, или въ живомъ голосѣ св. Церкви,—и благоговѣйно приникать къ его смыслу и вѣщанію! Послушныхъ и внимательныхъ Господь не замедлитъ поставить и укрѣпить на прямомъ пути спасительной истины и жизни; только невниманіе и упорство коснѣютъ на пути заблужденія и порока. Такъ, неразумѣвающая сначала бесѣды Господа, Самарянка исповѣдала наконецъ Его истиннымъ Мессіею—Спасителемъ міра; а упорные книжники іудейскіе и фарисеи, и послѣ многочисленныхъ бесѣдъ Іисуса Христа, остались на пути суевѣрія, заблужденія и порока.

3. *Како ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши, жены Самаряныни сущей? Не прикасаютбося жидове къ самаряномъ.* Такъ отвѣчала Самарянка, когда Господь просилъ у ней воды. До чего можетъ доходить вражда между людьми, и вражда, имѣющая предметомъ вопросы о вѣрѣ и благочестіи! Лукавый духъ вражды, разрывая узы единенія и любви между людьми, всегда старается преграду мира закрыть какимъ либо благовиднымъ покровомъ мнимой правдивости, или заботливостію о благѣ вѣры, ложно понимаемой, и

чрезъ это омрачаетъ суевѣрную совѣсть до того, что она самую вражду почитаетъ святою добродѣтелію, а примиреніе — грѣхомъ: оказать доброе дѣло разномыслящему въ дѣлѣ вѣры ложная совѣсть смущается и отказываетъ. Такъ держали себя Іудеи въ отношеніи къ Самарянамъ! А между тѣмъ любвеобильный Господь всѣхъ объемлетъ своею любовію, о всѣхъ промышляетъ, о всѣхъ печется, устрояя ихъ спасеніе. Зараженные расколомъ, отдѣленные отъ церкви іудейской, презираемые Іудеями Самаряне не лишены были тайныхъ путей божественнаго Промысла, приготовлявшаго родъ человѣческій къ спасенію чрезъ Іисуса Христа. Въ лицѣ жены самарянской Господь обличалъ и укорялъ Самарянъ въ заблужденіи и неправильномъ богопочитаніи, но не лишилъ ихъ своего посѣщенія и своей проповѣди о спасеніи. Какъ таинственны, какъ непостижимы пути Божіи, по коимъ зиждется, хранится и управляется Церковь Христова на землѣ! Одинъ Всевѣдущій знаетъ тѣ тайные пути и благотворныя цѣли, ради которыхъ допускается раздѣленіе вѣрующихъ на землѣ. Зная всю непостижимость сихъ путей, православная наша Церковь и сама дѣйствуетъ по примѣру любвеобильнаго Господа въ отношеніи къ заблуждающимъ людямъ и цѣлымъ обществамъ: строгая къ заблужденіямъ, извращающимъ чистоту ея Вѣры и Православія, она снисходитъ къ заблуждшимъ людямъ, какъ скоро видитъ въ нихъ готовность покаянія и исправленія; отдѣляя ихъ отъ себя строгимъ приговоромъ божественнаго суда, она употребляетъ свои средства и молитъ Господа о вразумленіи заблуждшихъ; ея объятія всегда открыты для возвращающихся къ ней. Не такъ ли долженъ дѣйствовать и каждый сынъ православной Церкви по отношенію къ иновѣрнымъ и неправовѣрнымъ? Съ презрѣніемъ чуждаться заблуждшихъ, враждовать противъ нихъ въ духѣ нетерпимости съ ожесточеніемъ и злобою значитъ дѣйствовать не въ духѣ истинной Церкви милосердаго Христа Спасителя, не въ духѣ истиннаго сына Церкви Христовой.

ЭММАУСКІЕ ПУТНИКИ.

Истина воскресенія Христова есть одна изъ основныхъ и существеннѣйшихъ истинъ въ христіанскомъ вѣроученіи. Святый апостолъ Павелъ говоритъ: *аще Христосъ не воста тще убо проповѣданіе наше, тща же и вѣра ваша* (1 Кор. 15, 14). Поэтому Богу угодно утвердить эту истину на самыхъ не зыблемыхъ основаніяхъ; Богу было угодно чтобы эта истина была всячески испытана и чтобы вѣра въ нее родилась въ послѣдователяхъ Христовыхъ только послѣ тщательнаго изслѣдованія. И мы видимъ, что радостнѣйшая вѣсть о воскресеніи Христовомъ была встрѣчена впервый разъ въ самомъ сонмѣ учениковъ Христовыхъ недоумѣніями, сомнѣніями и даже невѣріемъ: лучъ вѣры долженъ былъ расторгнуть сначала густой мракъ, облегавшій сердца учениковъ Христовыхъ, чтобы потомъ уже никогда не затмѣваться и своимъ чистымъ, безпредѣльность ліющимся свѣтомъ озарять вселенную. Мы видимъ, что эта вѣра возникала постепенно, медленно и въ борьбѣ с *косностію* (Лук. 24, 25) сердецъ еще не утвержденныхъ. Истина воскресенія Христова была принимаема съ сомнѣніемъ даже тамъ, гдѣ она, казалось, открывалась въ самомъ ч

стомъ свѣтѣ. Такъ, когда пришедшія отъ гроба Господня благочестивыя жены возвѣстили о воскресеніи Христовомъ *единомунадесяте и всѣмъ прочимъ; явишася предъ ними яко лжа глаголы ихъ и не вѣроваху имъ* (Лук. 24, 9. 11). Такъ, когда самъ воскресшій Господь предсталъ своимъ ученикамъ, они не повѣрили на первый разъ собственному опыту: *убоявшеся же и пристрашни бывше, мняху духъ видѣти* (ст. 37); и когда Онъ, милосердый, чтобы разсѣять ихъ сомнѣнія, сказалъ имъ: *осяжите мя и видите* (ст. 39), когда Онъ показалъ имъ свои *руцѣ и ноздѣ* (ст. 40); они все еще не доумѣвали и дивились (ст. 41). Апостолъ Ѳома не вѣровалъ свидѣтельству всего сонма учениковъ Христовыхъ, которые какъ самовидцы заслуживали, конечно, полнаго довѣрія.

Различны были причины этого невѣрія: частію необычайность и важность событія (Лук. 24, 12), частію внезапный переходъ учениковъ Христовыхъ отъ скорбной мысли объ умершемъ Іисусѣ Христѣ ко всерадостнѣйшей вѣсти о Его воскресеніи, преимущественно же ихъ пламенная любовь ко Господу,—любовь, стремившаяся къ общенію съ Господомъ, къ видѣнію и осязанію Его прославленнаго тѣла и потому недовольная свидѣтельствами другихъ.

Въ настоящее время мы остановимъ наше вниманіе на повѣствованіи святаго евангелиста Луки (24, 13—35) о двухъ эммаускихъ путникахъ, изъ коихъ одинъ былъ Клеопа, а другой по церковному преданію самъ Лука, въ послѣдствіи святый евангелистъ. Въ этомъ повѣствованіи изображено съ поучительною подробностію душевное состояніе двухъ учениковъ Христовыхъ въ день воскресенія нашего Господа, — показано, въ чемъ собственно и почему они сомнѣвались, каковы были свойства этого сомнѣнія и какимъ образомъ оно частію само по себѣ приводило къ вѣрѣ, преимущественно же было разрѣшено явленіемъ самого Господа.

Мы надѣяхомся, яко сей есть хотя избавити Израиля: но и надъ всѣми сими, третій сей день есть днесь, отнелѣ же сія быша (ст. 21). Въ этихъ словахъ указывается предметъ сомнѣнія эммаускихъ путниковъ и, какъ видимъ, предметъ этотъ необычайно важенъ. Вѣровать или не вѣровать въ Іисуса Христа, признавать ли Его Спасителемъ Израиля, или нѣтъ — вотъ вопросъ, который занималъ путниковъ, вопросъ, который касался не частнаго обстоятельства въ вѣрѣ послѣдователей Христовыхъ, а самаго существа ихъ вѣры, глубочайшаго основанія ихъ надежды. Еще недавно эта вѣра казалась непоколебимою; еще недавно эта надежда была свѣтла; никакіе помыслы не возмущали ее: *мы надѣяхомся, яко сей есть хотя избавити Израиля.* Но вотъ въ послѣдніе дни совершились такія событія, которыя возмущаютъ нашу вѣру, колеблютъ нашу надежду и держатъ насъ въ неопредѣленномъ состояніи; мы сами не знаемъ, на что рѣшиться, что подумать и что предпринять. Такъ непонятны эти событія«!

Два обстоятельства противоположныя, какъ жизнь и смерть, встрѣтились въ мысляхъ учениковъ Христовыхъ и не могли на первый разъ примириться между собою, а только произвели въ ихъ душѣ недоумѣніе, борьбу и сомнѣніе. *Предаша его архіереи и князи наши на осужденіе смерти и распяша его* (20)—вотъ событіе, темное для учениковъ Христовыхъ!—*Но и жены нѣкія отъ насъ ужасиша ны, бывшія рано у гроба: и не обрѣтше тѣлесе его, пріидоша глаголюще, яко и явленіе ангелъ видѣша, иже глаголютъ его жива* (22—23)—вотъ радостная вѣсть, которая должна бы пролить

свѣтъ и отраду въ душу путниковъ, возмущенную первымъ событіемъ! Однакоже, вмѣсто того, она сама дѣлается предметомъ сомнѣній, она сама волнуетъ душу путниковъ и вызываетъ въ ней неразрѣшимые вопросы. Іисусъ Христосъ умеръ; однакоже, какъ повѣствуютъ жены, ангелы *глаголютъ его жива*. Что же означаетъ все это? Все здѣсь непонятно; все здѣсь — предметъ недоумѣній.

Чтобы понять это состояніе недоумѣнія и сомнѣнія эммаускихъ путниковъ, мы должны замѣтить, что они не были еще просвѣщены Святымъ Духомъ и подобны были человѣку, который пытается постигать тайну Божію своимъ ограниченнымъ умомъ и потому сомнѣвается, или не вѣруетъ во все то, что превышаетъ предѣлы его разумѣнія. Крестъ Христовъ есть въ особенности великая тайна Божіей любви и премудрости, неразумѣваемая безъ наученія Св. Духа. Вспомнимъ только, какъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ учениковъ Христовыхъ прекалъ самому Господу въ Его ученіи о своихъ страданіяхъ и смерти, — какъ бы не вѣрилъ въ этомъ ученіи Тому, кого самъ исповѣдалъ уже Сыномъ Божіимъ (Матѳ. 16, 16. 22). Вспомнимъ только, какъ ученики Іисуса Христа, съ вѣрою въ Него, какъ Сына Божія, соединяли надежды на политическое могущество Израиля, то домогались мѣстъ *одесную* и *ошуюю* Господа, какъ видимаго Царя израильскаго (Марк. 10, 37), то спрашивали нетерпѣливо: *аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево* (Дѣян. 1, 6). Такія же надежды на политическое избавленіе Израиля питали и эммаускіе путники: *мы же надѣяхомся, яко сей есть хотя избавити Израиля;* посему они соблазнились крестомъ Христовымъ, какъ соблазнились имъ всѣ ученики Христовы: *вси соблазнитеся о Мнѣ въ нощь сію* (Марк. 14, 24), предрекалъ имъ Господь, грядый на вольную смерть.

Справедливо, что въ послѣдній день пронеслась вѣсть о воскресеніи Христовомъ. Но что значитъ простая молва въ сравненіи съ дѣйствительнымъ событіемъ? Что Іисусъ Христосъ пострадалъ и умеръ, извѣстно всему Іерусалиму; а что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, объ этомъ дошли до учениковъ Христовыхъ сначала одни слухи (Лук. 24, 11). Ибо кто свидѣтельствуетъ объ этомъ? *жены нѣкія отъ насъ*. Но свидѣтельство женъ достаточно ли въ столь необычайномъ дѣлѣ? Нѣтъ, оно должно быть подвергнуто изслѣдованію, должно быть повѣрено опытнѣйшими. И дѣйствительно, идоша *нѣціи отъ насъ ко гробу и обрѣтоша тако, якоже и жены рѣша: самаго же не видѣша* (ст. 24) (*). Итакъ, хотя справедливо возвѣстили жены, что гробъ Іисуса Христа былъ пустъ (ст. 15); однако при гробѣ ученики не видѣли ангеловъ, *иже глаголютъ его жива*, и, что всего важнѣе, не видѣли самаго Воскресшаго. *Самаго же не видѣша*: почему бы воскресшій Господь не явилъ себя своимъ возлюбленнымъ ученикамъ? Или, почему Онъ не послалъ имъ свидѣтелей съ вѣстію *иже глаголютъ Его жива?* Нѣтъ, для полной вѣры въ Іисуса Христа ученики должны видѣть Его воскресшаго, какъ видѣли Его распятаго, умершаго. Поэтому еще неизвѣстно, какъ думать объ этихъ слухахъ, можно ли признать ихъ за истину. *Жены нѣкія отъ насъ ужасиша ны* (ст. 22): и только удивляемся ихъ извѣстію и недоумѣваемъ.

Тяжело было душевное состояніе эммау

(*) Извѣстно, что Петръ и Іоаннъ тотчасъ поспѣшили ко гробу Господню, какъ только Марія Магдалина прииесла имъ вѣсть о воскресеніи Христовомъ (Іоан. 20,

скихъ путниковъ! Противоположныя мысли и чувства боролись въ ихъ душѣ и возмущали все существо ея. Конечно, не разгаданная тайна смерти Христовой была уже озарена надеждою Его воскресенія: но эта надежда только что раждалась и потому сопровождалась всѣми скорбями рожденія. Тяжесть душевныхъ волненій и скорбей у эммаускихъ путниковъ была такъ велика, что наконецъ изъ глубины она проявилась на ихъ лицахъ и высказалась въ ихъ взорахъ. Путникъ, приближавшійся со стороны, тотчасъ увидѣлъ, какъ выраженіе этой скорби, такъ и ея внутреннюю причину, и вопрошалъ: *что суть словеса сія, о нихже стязаетася къ себѣ идуще, и еста дряхла?* (ст. 17).

Но эта скорбь и показываетъ уже, что ученики Христовы зыбкимъ путемъ сомнѣнія шли однакоже къ пристанищу вѣры, что это сомнѣніе скрывало въ себѣ зачатки вѣры, которые могли и должны были принести наконецъ сладостный плодъ вѣры. Сомнѣніе, ведущее къ невѣрію, отличается обыкновенно жесткостію сомнѣвающихся сердецъ и ихъ равнодушіемъ къ истинѣ. Истина и познаніе истины налагаетъ на насъ обязанности, которыя не легки для чувственнаго человѣка, которыя требуютъ духовной борьбы и самоотверженія.

Путники эммаускіе сомнѣваются; но уже поэтому они находятся въ несчастномъ состояніи: ихъ душа болитъ, ихъ видъ печаленъ. Сомнѣніе не есть правильное настроеніе души; оно тяжело, потому-что обнаруживаетъ недостатокъ полнаго убѣжденія въ истинѣ и полной вѣры въ нее: но поэтому оно можетъ быть тяжело только для того, кто любитъ истину, кто чувствуетъ нужду познать ее и увѣровать въ нее. Посмотрите же, какою пламенною любовію къ истинѣ проникнуты сердца эммаускихъ путниковъ!

Лука и Клеопа идутъ въ Эммаусъ; вѣроятно, въ этомъ селеніи, не далеко отстоявшемъ отъ Іерусалима (ст. 13), было или ихъ постоянное жилище, или же гостинница на время пасхи. На пути ихъ ничто не занимаетъ, кромѣ послѣднихъ событій изъ жизни Господа: *и та бесѣдоваста къ себѣ о всѣхъ сихъ приключшихся* (ст. 14). Предметъ своихъ размышленій и бесѣдъ они считаютъ существеннѣйшимъ и важнѣйшимъ. Когда подошедшій къ нимъ путникъ спросилъ ихъ: *что суть словеса сія, о нихже стязаетася къ себѣ?* (17),—имъ показался страннымъ этотъ вопросъ, имъ казалось, что весь міръ долженъ былъ заниматься тѣмъ, чѣмъ заняты они, для нихъ было удивительно, что есть люди, которые не думаютъ и не безпокоятся о томъ же, о чемъ думаютъ и безпокоятся они: *ты ли единъ пришлецъ еси во Іерусалимѣ и не увѣдѣлъ еси бывшихъ въ немъ во дни сія?* (ст. 18), отвѣчалъ Клеопа на предложенный вопросъ.—Сомнѣніе эммаускихъ путниковъ искренно и чисто отъ всякихъ движеній самоувѣренности, самомнѣнія и гордости. Они охотно разсказываютъ страннику свои недоумѣнія; они чувствуютъ нужду въ помощи, они готовы раскрыть свое сердце предъ всѣми; можетъ быть другой знаетъ больше; можетъ быть другой судитъ вѣрнѣе.— Они раскрываютъ свои недоумѣнія предъ странникомъ съ такою добросовѣстностію, съ такою прямотою сердца, что не оставляютъ ни одного обстоятельства, которое или поддерживаетъ ихъ вѣру, или же колеблетъ ее. Мы стязаемся, говорятъ они, *о Іисусѣ Назарянинѣ, иже бысть мужъ пророкъ, силенъ дѣломъ и словомъ предъ Богомъ и всѣми людьми: како предаша его архіереи и князи наши на осужденіе смерти и распяша его; мы же надѣяхомся, яко сей есть хотя избавити Израиля: но и надъ всѣми сими, третій*

сей день есть днесь, отнелиже сія быша. Но и жены нѣкія отъ насъ ужасиша ны, бывшія рано у гроба: и не обрѣтше тѣлесе его, пріидоша, глаголюще, яко и явленіе ангелъ видѣша, иже глаголютъ его жива. И идоша нѣціи отъ насъ ко гробу и обрѣтоша тако, якоже и жены рѣша: самаго же не видѣша. Въ этомъ чистосердечномъ разсказѣ изложены какъ основы сомнѣнія, такъ и основы вѣры. Непредвидѣнная смерть Іисуса Христа и недостаточное свидѣтельство женъ о Его воскресеніи — вотъ начало сомнѣнія! Память объ Іисусѣ Христѣ, который былъ силенъ дѣломъ и словомъ не только *предъ всѣми людьми, но и предъ Богомъ* — вотъ зачатки вѣры. Сомнѣніе эммаускихъ путниковъ искреннее, чистосердечное, проникнутое любовію къ истинѣ, было направляемо къ вѣрѣ живымъ памятованіемъ объ Іисусѣ Христѣ, Его ученіи и дѣлахъ. Какъ бы ни были темны послѣднія событія, однакоже несомнѣнно, что Іисусъ Назарянинъ *бысть мужъ пророкъ, силенъ дѣломъ и словомъ предъ Богомъ и всѣми людьми.*

Конечно, только потому, что это сомнѣніе было проникнуто любовію къ истинѣ и содержало въ себѣ сѣмена вѣры, самъ воскресшій Господь пришелъ разсѣять его и вывести сомнящіяся души своихъ учениковъ на чистый путь вѣры: ибо странникъ, который приблизился къ путникамъ и вопрошалъ ихъ о причинѣ ихъ состязанія и дряхлости, былъ Онъ, нашъ Спаситель, всегда готовый съ помощію сердцамъ чистымъ, любящимъ истину и испытывающимъ ради ея душевныя скорби. Лука и Клеопа не узнали воскресшаго Господа и приняли Его за простаго странника: *очи же ею держастѣся, да его не познаета* (ст. 16).

Воскресшій Господь, очищая вѣру учениковъ своихъ отъ терній сомнѣнія, упрекаетъ ихъ за невѣріе Писанію и просвѣщаетъ ихъ умъ изъясненіемъ послѣднихъ событій своей жизни изъ пророчествъ: *о несмыслення и косная сердцемъ, еже вѣровати о всѣхъ, яже глаголаша пророцы. Не сія ли подобаше пострадати Христу и внити въ славу свою? И начетъ отъ Моисея и отъ всѣхъ пророкъ, сказаше има отъ всѣхъ писаній, яже о немъ* (ст. 25—27).

Почему Господь не открылъ себя непосредственно сомнѣвающимся ученикамъ и почему вмѣсто этого Онъ обратилъ ихъ вниманіе на пророчества, которыя предсказывали Его страданіе, смерть и воскресеніе и которыя убѣждали, *яко подобаше пострадати Христу и внити въ славу свою?* Сердцевѣдецъ зналъ, откуда проистекали недоумѣнія и сомнѣнія эммаускихъ путниковъ. Страданіе и крестная смерть Іисуса Христа были для нихъ непонятны; вѣсть о Его воскресеніи казалась имъ не вполнѣ достовѣрною. Но развѣ тайна искупленія можетъ быть когда-либо постигнута человѣческимъ разумомъ? *Кто бо разумѣ умъ Господень?* (Рим. 11, 34). Человѣкъ всегда будетъ сомнѣваться, какъ только станетъ пытаться постигать тайны Божіи отъ себя и изъ себя. Съ другой стороны свидѣтельство женъ о воскресеніи Господа могло, случайнымъ образомъ, показаться недостовѣрнымъ: но развѣ дѣло Божіе утверждается на свидѣтельствѣ человѣческомъ? Не самъ ли Богъ свидѣтельствовалъ *многочастнѣ и многообразнѣ* чрезъ пророковъ, како *подобаше пострадати Христу и внити въ славу свою?* Человѣческій умъ теменъ, посему и дѣла Божіи могутъ показаться для него темными: но для сего-то милосердый Богъ и даровалъ *пророчество*, которому нужно внимать, *якоже свѣтилу сіяющу въ темнѣмъ мѣстѣ* (2 Петр. 1,

19), для сего-то Богъ и даровалъ человѣческому роду свое откровеніе, въ которомъ тайны Божіи изъясняются Божіимъ разумомъ. Эти событія, въ которыхъ сомнѣваются эммаускіе путники, были предвозвѣщены избраннымъ Божіимъ отъ начала міра, были изъяснены и засвидѣтельствованы самимъ Богомъ. Сомнѣніе путниковъ происходило отъ несмыслія и коснѣнія сердца—обратиться къ пророчествамъ, которыми нужно руководствоваться во всякомъ темномъ мѣстѣ. Посему Господь не открываетъ себя чувственному взору путниковъ, а *начевъ отъ Моисея и отъ всѣхъ пророкъ, сказаше има отъ всѣхъ писаній, яже о немъ.* Такимъ же образомъ, явившись нѣсколько позднѣе въ тотъ же день всему сонму своихъ учениковъ (ст. 36), Господь не почелъ достаточнымъ показать имъ свои уязвленныя *руцѣ и ноздѣ* (ст. 40), но еще просвѣщалъ ихъ изъ пророчествъ (ст. 44—46). Для учениковъ Христовыхъ настала пора проразумѣвать и изъяснять таинство искупленія такъ, какъ открылъ его Богъ въ своемъ словѣ, а не присоединять къ нему свои народные предразсудки о видимомъ величіи Израильтянъ.

Бесѣда Господа вливала сладость и отраду въ возмущенныя души путниковъ; сѣмя вѣры быстро вырастало въ ихъ сердцѣ отъ Его животворящаго слова: имъ хотѣлось слушать это слово; они не могли насытиться имъ. Они еще не знали, Кто это бесѣдуетъ съ ними, и однако имъ было тяжело разстаться съ Нимъ: *и нуждаста его, глаголюще: облязи съ нама, яко къ вечеру есть, и приклонился есть день* (ст. 29).

И нуждаста его—не просто просили, но удерживали и понуждали Господа. Сердце любящее дѣлаетъ, какъ бы, насиліе предмету любви; потому что безъ него ему нерадостно.

И бысть яко возлеже съ нима и пріимъ хлѣбъ, благослови, и преломивъ даяше има. Онѣма же отверзостѣся очи, и познаста его (ст. 30, 31). Любовь награждается, и какъ необычайно! Господь, который, по слову Давида, *волю боящихся* его *сотворитъ* (Пс. 144, 19), внялъ прошенію своихъ учениковъ *и вниде съ нима облещи.* Господь, обѣтовавшій всѣмъ, кто любитъ Его: *азъ возлюблю его и явлюся ему самъ* (Іоан. 14, 21), явилъ себя своимъ ученикамъ и *познася има въ преломленіи хлѣба* (ст. 35). Послѣ тяжкихъ душевныхъ волненій путники вкусили неизреченное блаженство богообщенія.

Не сердце ли наше горя бѣ въ насъ, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама писанія? (ст. 32)—такъ бесѣдовали между собою путники, послѣ того, какъ воскресшій Господь *невидимъ бысть има* (ст. 31). Теперь они поняли, что и прежде видимаго откровенія Господа, ихъ сердце ощущало Его близость. Слово Господа освѣщало и согрѣвало сердца путниковъ. Слово Господа возраждало эти сердца къ вѣрѣ, вливало въ нихъ благодатную жизнь и подавало имъ успокоеніе и радость. *Не сердце ли наше горя бѣ въ насъ?* Путники какъ бы упрекаютъ себя: »развѣ наше сердце не давало намъ знать, кто бесѣдуетъ съ нами? Развѣ нельзя было познать Его—Воскресшаго по Его животворному и свѣтоносному слову? Какъ же такъ долго мы не познавали и не сознавали, что съ нами Господь, воскресшій изъ мертвыхъ«!

Исполненные радости, путники спѣшатъ обратно въ Іерусалимъ въ общество учениковъ Христовыхъ, которыхъ сердца также волновались сомнѣніями, какъ первоначально ихъ собственныя. *И восташа въ той часъ, возвратистася во Іерусалимъ, и обрѣтоша*

совокупленныхъ единонадесяте, и иже бяху съ ними. И та повѣдаста, яже быша на пути, и яко познася има въ преломленіи хлѣба (ст. 33—35). Тѣ, которые не такъ давно сомнѣвались въ истинѣ воскресенія Христова, теперь дѣлаются ея проповѣдниками: ихъ уста исповѣдуютъ, потому что ихъ сердце вѣруетъ (Римл. 10, 10). Они подражаютъ своему Господу, который своимъ явленіемъ разсѣялъ ихъ сомнѣнія, и спѣшатъ, не смотря на позднее время дня и усталость отъ пути, возвѣстить своимъ братіямъ о Христѣ всерадостнѣйшее слово: *Христосъ воскресе!* Сколько здѣсь любви къ Господу, сколько здѣсь радости о воскресшемъ Спасителѣ! И, какъ видимъ отсюда, сколько потребно живой вѣры въ Господа, пламенной любви къ Нему и искренней радости о Его воскресеніи, чтобы непраздно сказать брату о Христѣ: *Христосъ воскресе!*

Христіанинъ долженъ помнить, что вѣра въ Господа, насъ ради умершаго и воскресшаго, не есть спокойное возглавіе, на которомъ можно почивать, не заботясь, что дѣлается въ душѣ или съ душею. Вѣра есть подвигъ, и, какъ всякій подвигъ, она подлежитъ различнымъ болѣе или менѣе тяжкимъ искушеніямъ. Господь попускаетъ такія искушенія вѣрѣ, чтобы она очистилась въ нихъ и созрѣла. Итакъ, христіанинъ! въ минуту испытанія твоей вѣры, не почитай пробужденіе въ твоемъ сердцѣ помысловъ многихъ признакомъ совершенства или правильнаго душевнаго состоянія, постарайся подобно эммаускимъ путникамъ, выйти изъ этого состоянія на свѣтлый путь незыблемой вѣры. Паче всего вспоминай для этого, подобно имъ, твоего Господа Іисуса Христа, Его ученіе и преславныя дѣла. Не будь самоувѣренъ, но открывай твое сердце тѣмъ, кого Богъ послалъ подавать людямъ вразумленіе и просвѣщеніе о Христѣ Іисусѣ. Вмѣстѣ съ этимъ избѣгай и тѣхъ преткновеній, которыя встрѣчаютъ эммаускіе путники на пути къ вѣрѣ: не дерзай измѣрять глубины Божія мѣриломъ твоего ограниченнаго разума, но обращайся въ минуту недоразумѣнія къ слову Божію, въ которомъ дано для тебя наставленіе отъ самаго Бога. Тогда ты будешь стоять на камени вѣры, котораго не подвинутъ никакія волны. Тогда твое сердце, согрѣваемое и озаряемое свѣтомъ Божіей истины, скажетъ тебѣ, что Господь котораго ты не видишь чувственнымъ взоромъ, есть близъ тебя, что Онъ хранитъ тебя, просвѣщаетъ и ущедряетъ своею благодатію. Если съ такою вѣрою ты приступишь къ таинству тѣла и крови Христовой, ты сподобишься общенія не менѣе того, которымъ наслаждались эммаускіе путники, когда воскресшій Господь *познася има въ преломленіи хлѣба*. Твоя радость о воскресшемъ Господѣ будетъ также неизреченна, какъ радость учениковъ Христовыхъ, которые видѣли воскресшаго Господа тѣлесными очами. Святый апостолъ Петръ взываетъ къ христіанамъ: *негоже нынѣ не зряще, вѣрующе же, радуйтеся радостію неизглаголанною и прославленною* (1 Петр. 1, 8).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 12-го Апрѣля 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 6.

НЕДѢЛЯ О СЛѢПОМЪ.

27 Апрѣля 1858 г.

Гласъ 5-й.

На утрени: евангеліе воскресное 8-е, Іоан. зач. 64. На Литургіи апост. Дѣян. зач. 38; еванг. Іоан. зач. 34.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА

О ТЩЕТѢ СТРАДАНІЙ, КАКІЯ ПРЕТЕРПѢВАЮТЪ НАХОДЯЩІЕСЯ ВНѢ ОБЩЕНІЯ СЪ ЦЕРКОВІЮ, И ЗАЩИЩЕНІЕ 5-го ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА.

Письмо ваше я принялъ съ благодарностію; но я еще болѣе возрадуюсь, если удостоюсь слышать о вашемъ обращеніи.—Письмо ваше начинается жалобою на тяжесть гоненій, претерпѣваемыхъ вами; но послику вы страдаете не за правду: то ваше страданіе не послужитъ вамъ во спасеніе, потому что нельзя ожидать вознагражденія за незаконное дѣло, ибо вамъ должны быть извѣстны слова Кипріана, который говоритъ, что мученичество составляютъ не мученія, а причина мученій.—Посему вамъ не слѣдуетъ хвалиться тѣмъ гоненіемъ, за которое вы не получите вѣчнаго воздаянія.—Вамъ должно, люб. братія, возвратиться чрезъ правую вѣру къ родившей васъ матери—Церкви; отъ единства союза васъ не должны отторгать никакіе помыслы, и никакое убѣжденіе не должно совращать васъ съ пути истины, потому что соборъ, бывшій по случаю трехъ сочиненій (Ѳеодора Мопсуетскаго, Ѳеодорита Кирскаго и Ивы), ни мало не поколебалъ и не измѣнилъ вѣры; на немъ, какъ и самимъ вамъ извѣстно, было разсуждаемо только о нѣкоторыхъ лицахъ; и одно лице по правдѣ осуждено, потому что сочиненія его явно противны православной вѣрѣ.

Что касается до того обстоятельства, что Италія со времени собора сего болѣе всѣхъ странъ начала бѣдствовать, то сего не ставьте ей въ вину, потому что въ Писаніи говорится: *егоже любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. 12, 6). Изъ сихъ словъ можно заклю-

чить, что съ того времени, какъ она начала бѣдствовать, Господь ее избралъ и возлюбилъ; а посему по бѣдствіямъ симъ не слѣдуетъ ее порочить. — Такъ вскорѣ послѣ того, какъ достопочтенный папа Вигилій осудилъ Ѳеодору царицу и Акефалитовъ, на Римъ напали непріятели и плѣнили его; но могли ли Акефалиты утверждать, что они неправильно осуждены, потому что послѣ осужденія ихъ городъ постигли такія бѣдствія? Нимало! Такъ судить несвойственно ни вамъ и никому, кто только знакомъ съ таинствами православной вѣры. Посему оставьте эти сужденія.

Чтобы успокоить васъ касательно трехъ сочиненій, я разсудилъ лучше послать къ вамъ сочиненіе объ нихъ блаженной памяти предмѣстника моего, папы Пелагія. Если вы, оставя усиліе защищаться, съ чистымъ и трезвеннымъ сердцемъ будете читать это сочиненіе; то я увѣренъ, что соединитесь съ нами; но если, и по прочтеніи его, не захотите оставить того мнѣнія, въ какомъ теперь стоите; то симъ докажете одно свое упрямство, а не умъ. — Но поелику осужденіе означенныхъ трехъ сочиненій нимало не повредило чистоты вѣры, то я, соболѣзнуя о васъ, умоляю васъ, любезныя братія, отложить гордость ума, и немедленно обратиться къ матери вашей — Церкви, которая ежедневно ожидаетъ и приглашаетъ васъ. (Кн 2. Пис. 51).

ЗЕРНО.

Еже сѣеши, голо зерно сѣеши... Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ.

1 Кор. 15, 37.

Премудрый Зиждитель твари, роскошно украсивши землю безчисленными видами великолѣпной растительности, для непрерывнаго поддержанія ея на ней употребляетъ такія мѣры, въ которыхъ внимательный умъ не можетъ не примѣчать и высочайшей премудрости и отеческой попечительности Промысла о своихъ тваряхъ. — Изъ мелкаго, часто едва зримаго зерна Онъ изводитъ всемогуществомъ и благостію своею столь огромное и великолѣпное растеніе, *яко мощи подъ сѣнію его птицамъ небеснымъ витати* (Марк. 4, 32).

Зерно въ царствѣ растительности есть тоже, что яйцо въ царствѣ животномъ. Это — колыбель, тщательно и предусмотрительно состроенная, въ которую рука Зиждителя бережно кладетъ нѣжный зародышъ растенія, сходнаго совершенно *по роду и по подобію* (Быт. 1, 11) съ тѣмъ, которое ему предшествовало. Мѣстомъ для нея она избираетъ самую лучшую часть растенія — углубленіе среди цвѣточнаго вѣнчика. Тамъ, какъ бы въ нѣкоемъ мѣшечкѣ, зародышъ покоится на самомъ стволѣ стебла или вѣтокъ, прикрытый съ боковъ лепестками цвѣтка отъ непогодъ, отъ дождей и сырости, но не закрытый ни для благотворнаго дѣйствія свѣта, ни для животворной теплоты, ни для оплодотворяющей его пыли цвѣточныхъ тычинокъ. Какъ скоро это оплодотвореніе совершится, цвѣтокъ, совершивъ свое назначеніе, начинаетъ увядать, сохнетъ, опадаетъ и уступаетъ мѣсто свое утучнѣвшей оболочкѣ, въ которой заключается самое вещество зерна. Здѣсь-то,

въ этой оболочкѣ и совершается тайна премудрости Божіей,—здѣсь-то *Богъ даетъ* зерну *тѣло, якоже восхощетъ* —растить, утучняетъ и приводитъ его въ зрѣлость.

Всякое зерно слагается изъ двухъ частей: мучнистаго вещества и болѣе или менѣе тонкой оболочки — достаточно плотной для сдержанія тяжести въ немъ заключенной и въ тоже время доступной вліянію свѣта и теплоты. Все это влагается, кромѣ того, въ особое гнѣздо, имѣющее видъ то мѣшечка, то чашечки, то раковины, въ которыхъ зерно почиваетъ до своего созрѣнія. Для большей безопасности, Богъ возращаетъ не одно или нѣсколько, но великое множество зеренъ. Обыкновенно, число ихъ весьма значительно и простирается въ нѣкоторыхъ видахъ растеній до ста, въ другихъ до тысячи, въ иныхъ же переходитъ за сто тысячъ на одномъ стеблѣ.

Когда зерна достигнутъ полной зрѣлости, попечительный промыслъ Творца, давшій имъ тѣло и возрастившій ихъ, принимаетъ мѣры къ тому, чтобы убрать и вновь посѣять ихъ. Если только предварительно серпъ жнеца не сжинаетъ ихъ для потребы человѣка и животныхъ, то промыслительность Зиждителя сама постепенно выдвигаетъ зерна изъ гнѣздъ ихъ и употребляетъ много разныхъ способовъ къ тому, чтобы вновь засѣять ими нивы, поля и сады. Тамъ, изсушенный лучами солнца стручекъ, трескаясь, высыпаетъ зерна на землю. Здѣсь они выпадаютъ отъ собственной тяжести изъ раздувшихся гнѣздъ и сѣются вокругъ ствола, на которомъ выросли. Иногда, вѣтеръ, вторгаясь въ гнѣзда и чашечки, вырываетъ изъ нихъ зерна и мчитъ ихъ вдаль. Есть сѣмена, образованныя въ видѣ легкихъ перистыхъ кисточекъ, которыя, отдѣляясь отъ растенія, уносятся на крыльяхъ вѣтра на далечайшія пространства, другія имѣютъ видъ пуха, или тончайшей волны и при малѣйшемъ дыханіи вѣтра поднимаются вверхъ, кружатся въ воздухѣ и повинуясь его теченію, несутся въ отдаленныя страны. Иныя изъ сѣменъ снабжены микроскопическими крючечками, посредствомъ коихъ прицѣпляясь къ перьямъ птицъ и къ шерсти животныхъ, разносятся ими по разнымъ мѣстностямъ. Наконецъ, многія изъ растеній, прозябая надъ ручьями, потоками, рѣчками, морями, скатываютъ, или же роняютъ въ воды ихъ сѣмена свои, которыя на хребтахъ волнъ разносятся въ разныя страны. Предусмотрительный Зиждитель твари не безъ намѣренія далъ нѣкоторымъ изъ нихъ видъ сосуда, другимъ видъ челнока, раковины, лодки, треугольника и т. д. Это для того, чтобы они могли удобнѣе держаться и на водной стихіи.

Всѣ эти средства осѣмененія земли, какъ ни просты по видимому, но въ сущности вполнѣ дѣйствительны и цѣлесообразны. Переносясь съ одной мѣстности на другую, то на хребтахъ птицъ и звѣрей, то на крыльяхъ вѣтра, то на волнахъ потоковъ, рѣкъ и морей, сѣмена появляются въ различныхъ климатахъ, разсѣеваются повсюду, пристаютъ къ различнымъ предметамъ, и какъ только находятъ почву пригодную для себя, не замедляютъ тотчасъ же прозябать, и въ свою очередь служить для распространенія разнообразной растительности на землѣ. Чрезъ это— не только не погибаетъ ни одинъ видъ ея въ мірѣ, но каждое зерно, напротивъ, болѣе и болѣе разиножаетъ родъ свой, не смотря ни на ужасное потребленіе зеренъ животными, ни на другія неблагопріятныя обстоятельства. Самые ураганы, вихри и наводненія, творческая рука Промыслителя направляетъ къ разсѣянію сѣменъ на большія пространства. Вообще, мѣры предусмотрительности Его въ этомъ отношеніи такъ премудро

расчитаны, что ни одна мѣстность, какъ бы неспособна къ прозябанію ни была не остается безъ осѣмененія и растительности.

Замѣтимъ еще одну особенную черту предусмотрительности Промысла въ распредѣленіи ея по землѣ: не всякое зерно вырастаетъ на всякой мѣстности, но каждое любитъ только свойственную себѣ почву, на которой и прозябаетъ. Будь противное, — тогда въ мѣстахъ глухихъ и лишенныхъ призора человѣка, высокія и крѣпкія растенія, заглушая низкія и мелкія, истребили бы совсѣмъ породы ихъ — травы заглохли бы отъ размноженія кустарниковъ, а сіи послѣдніе заглушены были бы деревьями и постепенно изчезли бы, такъ точно, какъ замѣчается это въ густыхъ чащахъ. Тамъ всякая растительность глохнетъ и изчезаетъ вокругъ корней древесныхъ. — Но предусмотрительный промыслъ Творца, создавши безчисленные роды растеній, усвоивъ сѣменамъ ихъ столь различныя свойства, что — напримѣръ — травы растутъ и цвѣтутъ роскошно тамъ, гдѣ кустарникъ не можетъ расти, или съ трудомъ прозябаетъ, а кустарникъ размножается на той почвѣ, на которой деревья погибаютъ въ зародышѣ. Чрезъ это каждый видъ растеній свободно распространяетъ родъ свой, не вытѣсняя другаго и — царство растительности непрерывно поддерживается на землѣ въ первоначальномъ великолѣпномъ разнообразіи.

Обратимъ теперь вниманіе на жизнь и прозябаніе одного какого либо зерна, напримѣръ, зерна пшеницы, будетъ ли оно всѣяно рукою человѣка или рукою одного Промысла... Вотъ оно всѣяно на полѣ и прикрыто кускомъ земли... Росы и дожди размягчаютъ сухую оболочку его и въ немъ начинается броженіе; едва примѣтное зерно уже начинаетъ раскрываться, и — какъ еще ни мало оно, но въ немъ готово уже все, что должно развиться изъ него въ теченіи лѣта: есть корень, есть стволъ, ости и проч. Все это конечно еще не развито, стѣснено, сжато и непримѣтно для невооруженнаго глаза, но съ помощію микроскопа усматривается довольно ясно. — Очевидно, что всѣ эти части будущаго растенія, заключаясь въ едва раскрывающемся зернѣ, должны быть чрезвычайно тонки и нѣжны. — Но при такомъ составѣ своемъ, найдутъ ли онѣ въ окружающей ихъ средѣ пищу, въ одно и тоже время и приспособленную къ столь нѣжной организаціи и пригодную для питанія и дальнѣйшаго развитія ихъ? Тинистые соки земли не слишкомъ ли грубы для столь нѣжной организаціи и не прійдется ли по этому погибнуть ростку отъ недостатка свойственнаго ему питанія?... Опасаться за это нѣчего, потому что надъ нимъ — надъ этимъ малымъ зерномъ бдитъ творческая попечительность Промысла, который предусмотрѣлъ и знаетъ нужды ростка — младенца. Для его питанія она размягчаетъ посредствомъ дождей и росы мучнистое вещество зерна и превращаетъ его въ нѣкоторый видъ молока, которымъ ростокъ обезпечивается въ питаніи до той поры, пока усилившись и окрѣпши, самъ начинаетъ питаться соками земли. Какъ только наступитъ эта пора и оболочка не можетъ уже сдерживать тучнѣющаго ростка, промыслъ Зиждителя расторгаетъ ее, но такъ осторожно, что нѣжныя нити его нисколько не страдаютъ отъ этаго. Особенно замѣтно это на зернахъ, заключенныхъ въ твердыхъ скорлупахъ. Покуда ростокъ въ нихъ еще не совсѣмъ образовался, онъ покоится въ скорлупѣ какъ будто въ колыбели, но когда зародышъ созрѣлъ, скорлупа постепенно и осторожно раскрывается и сквозь ея щель юный ростокъ выдвигаетъ первый корешекъ свой.

Но обратимся къ зерну пшеницы и станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ прозябаніемъ

его. Вышедши изъ оболочки, ростокъ появляется съ двумя главными частями своими: стволомъ и корешкомъ. Но такъ какъ при засѣваніи полей, зерна падаютъ на нихъ въ чрезвычайно разныхъ положеніяхъ: то и ростки, прозябая изъ нихъ, по необходимости должны приспособляться къ симъ положеніямъ. Оттого, множество ихъ первоначально имѣютъ корешекъ обращенный къ верху, а стволъ къ низу — положеніе не естественное и вовсе не удобное для развитія. Что же творитъ для выпрямленія зародыша попечительный о немъ Промыслъ? Онъ сообщаетъ ему до времени колѣнчатый дугообразный ростъ, по которому ростокъ, постоянно стремясь вверхъ и чрезъ то выгибаясь, постепенно понижаетъ корни свои и прижимаетъ ихъ къ землѣ дотолѣ, пока стволъ не выпрямится наравнѣ съ другими. Оттого, колосья на нивѣ имѣютъ такую прямизну стволовъ, что кажется, будто всѣ они возникли изъ сѣменъ тщательно и съ предусмотрительностію посаженныхъ.

Затѣмъ дальнѣйшее развитіе ростка продолжается. Корешекъ его развѣтвляется на нѣсколько нитей, которыя всѣ, врываясь въ землю, прикрѣпляютъ и какъ бы прочно привязываютъ къ ней растеніе и съ тѣмъ вмѣстѣ служатъ каналами, посредствомъ коихъ онъ вбираетъ въ себя животворную влагу изъ земли. Стволъ, напротивъ, устремляетъ все выше и выше свою верхушку, увѣнчанную трубочками. Чтобы соразмѣрить тяжесть ихъ съ тонкостію ствола, премудрый Распорядитель устрояетъ такъ, что болѣе широкія изъ нихъ — для зеренъ крупныхъ — располагаются внизу, средніе — для зеренъ легчайшихъ, въ срединѣ, а самыя малыя вверху, но всѣ плотно прилегаютъ одна къ другой, слиты и какъ бы спаяны между собою, самое же зерно защищено отъ внѣшнихъ вліяній, кромѣ гнѣзда — длинною остью, предохраняющею его отъ сырости, отъ вторженія насѣкомыхъ и преждевременнаго выклевыванья птицъ.

Тѣми же отеческими заботами относительно произрастанія Промыслъ окружаетъ и всѣ другія зерна и сѣмена. Какъ ни безмѣрно число ихъ въ мірѣ, но ни одно изъ нихъ не ускользаетъ отъ творческой попечительности Его, ни одно *не падаетъ безъ воли Отца небеснаго.* Его Промыслъ обнимаетъ своею заботливостію и *зерно горушно, меньшее всѣхъ сѣменъ земныхъ* (Марк. 4, 31), также какъ материки и океаны, какъ планеты и солнцы, вращающіяся въ безмѣрныхъ пространствахъ.

Несмѣтное число зеренъ и сѣмянъ ежегодно производимыхъ землею не есть безполезная расточительность со стороны Промысла. Великое множество ихъ потребляется людьми, еще большее животными и — сими послѣдними, притомъ, безъ всякой предусмотрительности и бережливости. Припомнимъ, сколькимъ опасностямъ подвергаются зародыши и ростки растеній: тысячи случаевъ повергаютъ зерна на такія почвы, на которыхъ онѣ вовсе не могутъ прозябать; тысячи другихъ случаевъ препятствуютъ юнымъ лѣтораслямъ развиться, или по развитіи — надлежаще дозрѣть и принесть плодъ, потому что милліоны ихъ истребляютъ заморози, сушатъ вѣтры, повреждаютъ непогоды и насѣкомыя, топчутъ ноги людей и животныхъ... Все это предусмотрѣлъ премудрый Промыслитель и заранѣе противупоставилъ безмѣрной убыли еще безмѣрнѣйшее обиліе, такъ что, несмотря на видимое господство потребленія, плодородіе, между тѣмъ, преобладаетъ повсюду, — повсюду отеческая десница Зиждителя не перестаетъ шире и шире разстилать великолѣпную и преизобильную растительность для потребы и наслажденія тварей своихъ!

Жизнь зерна поучительна для насъ и въ

другомъ отношеніи. На него указываетъ слово Божіе какъ на непреложный и всѣмъ понятный доводъ будущаго воскресенія тѣла нашего: ибо и это тѣло истребляется отъ дыханія смерти также, какъ истребляется великолѣпное растеніе отъ дуновенія непоголъ и зимы. Но какъ растеніе, умирая, оставляетъ послѣ себя зерно, залогъ будущаго обновленія своего, такъ и въ тѣлѣ нашемъ, по всей вѣроятности, есть свои непожираемыя истлѣніемъ, тончайшія частицы, которыя послужатъ зерномъ для будущаго воскресенія его. Какимъ образомъ совершится оно, это прекрасно объясняетъ Апостолъ судьбою зерна въ сердцѣ земли: *ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ, и еже сѣеши, не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно... Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ и коемуждо сѣмени свое тѣло* (1 Кор. 15, 36. 37). Сколько утѣшенія и надежды въ семъ простомъ образѣ для бѣднаго, смертнаго человѣчества!

Слышахъ сицевая многа; утѣшителіе золъ вси. Іов. 16, 1—2.

Іова, величайшаго страдальца въ мірѣ, поверженнаго на гноищи и терпѣвшаго жесточайшія болѣзни, посѣтили друзья его и, послѣ скорбнаго седмидневнаго молчанія, вступили съ нимъ въ бесѣду, которая естественно должна была клониться къ утѣшенію страждущаго. Но вмѣсто утѣшенія, Іовъ чувствовалъ усугубленіе страданій отъ словъ собесѣдниковъ своихъ и принужденъ былъ отражать ихъ какъ стрѣлы отъ скорбящаго духа своего: *отвѣщавъ же Іовъ рече: слышахъ сицевая многа, утѣшителіе золъ вси... аще бы душа ваша подлежала вмѣсто моея, тогда наскочилъ быхъ на вы словесы, покиваю же на вы главою моею...* (16. 2. 4).

Чтоже говорили Іову друзья его? Они всѣми мѣрами старались доказать ему, что онъ самъ виною страданій своихъ, что болѣзни его — плоды какихъ нибудь тяжкихъ грѣховъ его, что Богъ не покаралъ бы праведнаго, а если караетъ, то несомнѣнно за тяжкія беззаконія. Слѣдовательно надобно терпѣть болѣзни какъ наказаніе, ничѣмъ неотвратимое. Отъ подобныхъ утѣшеній въ самомъ дѣлѣ не будетъ отраднѣе страждущему... Между тѣмъ, одного ли Іова такъ утѣшали друзья его?

Не рѣдко бываетъ вездѣ и между всѣми, что какъ скоро человѣкъ впадаетъ въ несчастіе, то другіе первѣе всего стараются въ немъ самомъ, въ его поведеніи, отыскать причину его несчастія и, какъ бы по искреннему участію въ его положеніи, открыть ему эту причину. Обѣднѣвшему говорятъ: надлежало бы осторожнѣе поступать въ счастіи, не такъ много полагаться на другихъ, не такъ много расчитывать на неизвѣстное, и под.; больному напоминаютъ о его неумѣренности, или о чемъ нибудь подобномъ; словомъ, во всякомъ несчастіи стараются обвинить самаго же несчастнаго, прибавляя къ этому, что благоразуміе заставляетъ все терпѣть великодушно. И такіе утѣшители часто имѣютъ видъ самыхъ разсудительныхъ и благонамѣренныхъ людей! Пусть такъ: въ ихъ словахъ есть истина и — истина неоспоримая; ибо всякаго несчастія первая причина есть грѣхъ. Но если страждущій отъ чего бы ни было имѣетъ право на утѣшеніе; то почему утѣшители явля-

ются ему, первѣе всего, въ видѣ судей и обличителей? Притомъ, что слышится въ ихъ словахъ, хотя бы они умягчены были видимымъ участіемъ? Слышится нѣкоторое торжество тщеславія, а не рѣдко даже и злорадованія; и хотя въ этомъ недостойнѣйшемъ человѣка чувствѣ мы менѣе всего захотимъ когда либо признаться даже самимъ себѣ; однакожъ страждущій не можетъ не понимать или, покрайней мѣрѣ, не ощущать его, потому что у него внутреннее ощущеніе тонко и остро, подобно тому, какъ тонко и остро бываетъ ощущеніе у человѣка въ болѣзненно раздражительномъ состояніи тѣла. Послѣ этого не удивительно, если такіе утѣшители усугубляютъ скорби страждущихъ и вызываютъ у нихъ отвѣтъ, подобный отвѣту Іова.

Обратимъ благоговѣйный взоръ на кроткаго и милосердаго Утѣшителя страждущихъ, Христа Спасителя нашего, когда Онъ, проходя грады и веси, повсюду приносилъ съ собою отраду и утѣшеніе страждущимъ. Тотъ, Кто единъ вѣдаетъ вся тайная человѣка и единъ имѣетъ верховную власть Судіи, какъ обращался съ страждущими братіями нашими? Изъ множества примѣровъ на сіи случаи, описанныхъ въ Евангеліи, нѣтъ ни одного, въ которомъ бы преблагій Господь нашъ явилъ себя Судіею и обличителемъ несчастныхъ, но вездѣ и всѣмъ Онъ первѣе всего подавалъ божественную помощь и потомъ, иногда, присовокуплялъ наставленіе, какъ наприм. исцѣленному 38 лѣтнему разслабленному: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14). Вотъ высочайшій Образецъ для утѣшителей! Конечно, помочь несчастному мы не всегда можемъ дѣломъ, но тѣмъ постыднѣе для насъ, если мы и самыми словами только усиливаемъ его болѣзнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что обращать мысль страждущаго къ обозрѣнію своей жизни и исповѣданію грѣховъ своихъ предъ Богомъ — дѣло благое и святое: но только тогда, когда оно дѣлается благо и свято, то есть, когда происходитъ отъ чистаго сердца и совершается по внушенію истиннаго расположенія къ ближнему: въ такомъ случаѣ слово утѣшающаго не выразитъ ни укора, ни обличенія, не оскорбитъ, не уязвитъ, не опечалитъ, а послужитъ началомъ истиннаго утѣшенія для несчастнаго, который самъ можетъ ощутить и понять силу словъ Писанія: *егоже любитъ Господь, наказуетъ. Аще наказаніе терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ* (Евр. 12, 6. 7). Но кто съ другимъ, противоположнымъ сему, расположеніемъ сердца напоминаетъ или, еще болѣе, старается доказать страждущему, что онъ самъ виною своего несчастія; тотъ поступаетъ вопреки человѣколюбію.

Утѣшить несчастнаго, ободрить его духъ, возбудить въ немъ добрыя надежды и направить къ доброй дѣятельности, — это дѣло великое, любезное и драгоцѣнное въ очахъ Божіихъ и человѣческихъ. Да будетъ же благословенъ отъ Бога и отъ людей человѣкъ сострадательный, который по любви къ ближнему принимаетъ участіе въ его положеніи; но — грѣхъ и осужденіе тому, кто приходитъ къ страждущему какъ бы для того только, чтобы торжествовать предъ нимъ и надъ нимъ своею правотою и благоразуміемъ! Онъ является не для утѣшенія, а для уязвленія несчастнаго, и потому лучше бы ему не надѣвать личины участія и не являться туда, куда должно имѣть доступъ одно истинное человѣколюбіе.

МУДРЫЙ СОВѢТЪ, КАКЪ СОДѢЛАТЬСЯ БОГАТЫМЪ.

Два клирика жили одинъ подлѣ другаго: оба занимались однимъ ремесломъ. Одинъ имѣлъ много дѣтей, жену, отца и мать; ходилъ каждый день въ церковь и успѣвалъ прокармливать семейство отъ прибытковъ своего ремесла. Другой было искуснѣе въ ремеслѣ и до того приложенъ къ своему занятію, что ради его оставлялъ церковь во дни воскресные; при всемъ этомъ, однакоже, едва могъ пропитывать себя одного. Завидуя своему сосѣду, однажды онъ сказалъ ему: »какъ это? откуда разбогатѣлъ ты, когда я болѣе тебя занимаюсь ремесломъ, а между тѣмъ бѣдствую?« Тогда первый, желая побудить своего сосѣда ходить въ церковь, сказалъ ему: когда я хожу въ церковь, то на пути всегда мнѣ попадается золото, которое беру я себѣ, и отъ того мало по малу я разбогатѣлъ; если хочешь, ходи со мною въ церковь, и ты разбогатѣешь. Сосѣдъ повѣрилъ, началъ вслѣдъ за нимъ ходить постоянно въ церковь; тогда Господь благословилъ его, и—онъ обогатился. Примѣтивъ сіе, благоразумный совѣтникъ сказалъ ему: видишь ли, братъ, я солгалъ тебѣ что на дорогѣ въ церковь находилъ золото, а между тѣмъ этою ложью какую пользу приобрѣлъ твоей душѣ и твоему состоянію! Повѣрь мнѣ, что и я никогда не находилъ золота дорогою, а только ходилъ въ церковь вѣруя сказавшему: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Мат. 6, 30).

(Прол. 9 Іюля).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 17-го Апрѣля 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 7.

НЕДѢЛЯ СВЯТЫХЪ ОТЕЦЪ.

4 Мая 1858 г.

Гласъ 6-й.

На утрени: евангеліе воскресное 10-е, Іоан. зач. 66. На Литургіи апост. Дѣян. зач. 44; еванг. Іоан. зач. 56.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СВЯТЫХЪ ОТЕЦЪ (*).

Глаголы, ихже далъ еси мнѣ, дахъ имъ: и тіи пріяша и разумѣша во истину.

Іоан. 17, 8.

Приведеннымъ изреченіемъ Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ засвидѣтельствовалъ предъ своимъ Отцемъ небеснымъ, что Онъ все свое ученіе объ истинномъ боговѣдѣніи и спасеніи нашемъ ввѣрилъ избраннымъ ученикамъ своимъ, которые, неотступно съ Нимъ пребывая, не только внимали тому, чему Господь поучалъ народъ, но и отдѣльно слышали изъ устъ Его во всей полнотѣ ученіе о тайнахъ царствія Божія; а въ послѣдствіи получили въ день пятидесятницы Духа Святаго, который, по обѣтованію Спасителя, привелъ имъ на память всѣ слова Его ученія. Кому же ввѣрили это ученіе св. апостолы? Своимъ ученикамъ и преемникамъ, Пастырямъ и учителямъ Церкви; а отъ учениковъ апостольскихъ перешло преемственно ученіе объ истинномъ боговѣдѣніи къ послѣдующимъ ихъ преемникамъ, пастырямъ Церкви, и не престанетъ переходить такимъ образомъ въ непогрѣшительномъ и неискаженномъ никакими нововведеніями видѣ: потому что Спаситель обѣщалъ таинственное свое и Духа Святаго въ Церкви св. присутствіе до скончанія міра. Вотъ почему съ начала христіанства, какъ только возникали въ Церкви какія нибудь недоумѣнія, относительно разумѣнія истинъ боговѣдѣнія, искренно желавшіе душевнаго спасенія отъ пастырей Церкви ожидали и принимали разрѣшеніе своихъ недоумѣній.

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

Такъ, когда въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Х. нечестивый Арій, полагаясь на крѣпость ума своего, дерзнулъ смутить Церковь лживымъ ученіемъ о лицѣ Спасителя: то пастыри Церкви, соединившись на воспоминаемомъ нынѣ Никейскомъ соборѣ, и осудивъ на немъ Арія, завѣщали намъ вѣровать: *во единаго Господа Іисуса Христа Сына Божія, единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу.* Если такимъ образомъ Господь и Спаситель нашъ свое ученіе объ истинномъ боговѣдѣніи ввѣрилъ пастырямъ Церкви: то явно, что всѣ вѣрующіе, въ дѣлѣ познанія истинъ вѣры и богоугоднаго поведенія, должны слѣдовать ученію и повиноваться руководству пастырей Церкви.

Извѣстно, что человѣческія общества, по устроенію промысла Божія, состоятъ изъ людей различнаго пола, возраста, званія и состоянія, какъ то: земледѣльческаго, купеческаго, военнаго, судейскаго, господскаго, и каждое изъ сихъ состояній, для надлежащаго исполненія своихъ обязанностей, требуетъ и особенныхъ свѣдѣній и постоянныхъ занятій. Кто ревностно хочетъ, какъ и должно, проходить свое званіе: тому трудно и почти невозможно изучить свѣдѣнія, необходимыя для должнаго исправленія обязанностей другаго званія. Между тѣмъ всѣ люди призваны въ царство небесное, отъ всякаго, желающаго душевнаго спасенія, требуется не только всѣмъ сердцемъ вѣровать въ истины евангельскаго богопознанія, исполнять заповѣди Божіи, но и возрастать въ душеспасительномъ боговѣдѣніи, преуспѣвать въ добрыхъ дѣлахъ, съ каждымъ днемъ жить богоугоднѣе. Для такой цѣли надлежало бы каждому христіанину постоянно упражняться въ чтеніи божественнаго Писанія и другихъ душеспасительныхъ книгъ, ежечасно размышлять о высокихъ истинахъ христіанскаго вѣроученія. Но для такихъ упражненій, кромѣ посвятившихъ себя исключительно служенію Церкви св., не имѣютъ времени люди другихъ сословій: потому что должны быть заняты рачительнымъ исполненіемъ обязанностей своего званія. Посему Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ поставляетъ *пастырей и учителей къ совершенію святыхъ*. на *дѣло служенія* Церкви своей, *для созиданія тѣла Христова* (Ефес. 4, 12). Въ слѣдствіе такого установленія Господа со стороны вѣрующихъ требуется живая вѣра въ истины евангельскаго богопознанія и соотвѣтственное ему богопознаніе, которымъ поучаютъ пастыри Церкви.

Предметы вѣры евангельской составляютъ какъ бы душу христіанской дѣятельности. Безъ вѣры въ истины евангельскаго богопознанія и въ обѣтованія Іисуса Христа вѣрующимъ, безъ понятія сообщаемаго намъ словомъ Божіимъ о первобытномъ состояніи и вѣчномъ предназначеніи человѣка, о поврежденіи нашей природы въ прародителѣ рода человѣческаго, объ искупленіи насъ Спасителемъ отъ вѣчнаго осужденія и смерти, о средствахъ къ преспѣянію въ духовной жизни, мы не имѣли бы ни самыхъ сильныхъ и рѣшительныхъ побужденій къ исполненію заповѣдей Божіихъ, ни одушевленія и ободренія въ исполненіи нашихъ обязанностей въ отношеніи къ Богу и ближнему. Наша дѣятельность была бы безжизненна, и даже противна всеблагой и праведной волѣ Божіей; наши надежды и желанія ограничивались бы тлѣнными, скоропреходящими благами міра сего, не насыщающими души нашей, порывающейся за предѣлы міра сего — въ вѣчность. Между тѣмъ сколько есть такихъ христіанъ, которые не могли и не могутъ пріобрѣсть понятія о высокихъ истинахъ христіанскаго вѣроуче-

нія въ семейномъ кругу; и тѣ, которые пріобрѣтаютъ такія понятія отъ своихъ родителей, отъ благочестивыхъ матерей, легко могутъ утратить душеспасительныя свѣдѣнія нашего богопознанія: потому что съ одной стороны въ дѣтствѣ сообщаются вообще только главныя и такъ сказать, поверхностныя понятія объ истинахъ христіанскаго вѣроученія; съ другой стороны самыя основательныя понятія о предметахъ нашей вѣры, съ возрастомъ, посреди соблазновъ и круженія мірскаго, помрачаются въ нашемъ сердцѣ и памяти страстями и грѣхопаденіями нашими. Не очевидно ли изъ сего, сколь необходимы какъ бы общія училища для всѣхъ состояній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лица исключительно посвятившія себя благовѣствованію христіанскаго вѣроученія, которыя по долгу своего званія постоянно возобновляли бы истины евангельскаго ученія въ умѣ и сердцѣ вѣрующихъ всякаго возраста, пола и званія, то простымъ ученіемъ божественныхъ писаній, то изложеніемъ ихъ ученія приспособительно къ понятію всякаго христіанина, то богослужебными священнодѣйствіями и пѣснопѣніями, то совершеніемъ св. таинствъ? А всѣми такими способами не возобновляются ли въ умѣ и сердцѣ нашемъ истины вѣры нашей и не побуждаемся ли мы къ храненію заповѣдей Божіихъ?

Но и для исполненія заповѣдей Божіихъ, и для преспѣянія въ благочестіи каждый вѣрующій всякаго пола, возраста и состоянія имѣетъ нужду въ наставникѣ и руководителѣ: потому что природа наша столь удобопреклонна, поползновенна на зло, что и святые падали: — умъ нашъ часто до того помрачается живущимъ въ насъ грѣхомъ, что не примѣчаетъ гибельнаго состоянія души нашей. Посему-то и пріобрѣтшіе опытность въ духовной жизни имѣли по временамъ потребность въ предостереженіи и вразумленіи ихъ другими подвижниками вѣры. Такъ, когда царь и пророкъ Давидъ впалъ однажды въ тяжкое грѣхопаденіе: то дотолѣ не пришелъ въ чувство раскаянія, не обратился къ Богу съ слезами сердечнаго сокрушенія, не принесъ покаянія, доколѣ не пришелъ къ нему, по повелѣнію Божію, и не вразумилъ его пророкъ Наѳанъ. Тогда только Давидъ глубоко созналъ грѣхъ свой и исповѣдалъ его, сказавъ: *согрѣшихъ ко Господу* (2 Цар. 12, 13), сталъ проливать покаянныя слезы, вопіять изъ глубины души: *помилуй мя, Боже, по великцѣй милости твоей, и по множеству щедротъ твоихъ очисти беззаконіе мое* (Псал. 50, 2), не принималъ пищи, повергся въ прахъ, и въ память своего покаянія написалъ псаломъ, который св. Церковь безпрестанно возноситъ ко Господу отъ лица нашего. Для такой же цѣли, для руководства нашего по путямъ Господнимъ, для наставленія нашего въ заповѣдяхъ Божіихъ, для указанія обязанностей каждаго состоянія, для вразумленія уклоняющихся отъ пути оправданій Господнихъ, для возстановленія претыкающихся, для спасенія заблуждающихъ и низвергающихся въ пропасть порока, Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ поставляетъ Духомъ Святымъ пастырей и учителей св. Церкви своей. Такія обязанности возложены были Богомъ на священниковъ еще въ ветхомъ завѣтѣ, такъ что народъ Божій преимущественно отъ нихъ ожидалъ наставленія въ законѣ Божіемъ. *Устнѣ іереовы*, говоритъ пророкъ Малахія, *сохранятъ разумъ, и закона взыщутъ отъ устъ его: яко ангелъ Господа Вседержителя есть* (Малах. 2, 7). Въ благодатномъ же завѣтѣ долгъ пастыря Церкви требуетъ отъ него неутомимо проповѣдывать слово Божіе, настоять въ исполненіи заповѣдей Божіихъ благовременнѣ и безвременнѣ, обличать въ нарушеніи ихъ и увѣщавать заблуждшихъ

со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ (2 Тимоѳ. 4, 2).

Но путеводитель не доведетъ слѣпаго до желаемаго имъ мѣста, если слѣпецъ не слушается его: такъ самое ревностное прохожденіе пастыремъ Церкви своего званія останется безплоднымъ, если врученные его духовному попеченію не внимаютъ его наставленіямъ, не покоряются его руководству въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Посему слово Божіе повелѣваетъ христіанамъ не только повиноваться пастырямъ Церкви, но и любить ихъ. *Повинуйтеся*, завѣщалъ св. Апостолъ, *наставникамъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще: да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе* (Евр. 13, 17) *Знайте труждающихся у васъ, и настоятелей вашихъ о Господѣ и наказующихъ вы: и имѣйте ихъ по преизлиха въ любви за дѣло ихъ* (1 Солун. 5, 12. 13). Изъ сего явно, что если Богъ требуетъ отъ насъ внимать вѣроученію пастырей Церкви и повиноваться ихъ руководству: то противно совѣсти нашей вслушиваться въ иновѣрческія мнѣнія, чуждыя истинному христіанскому ученію вѣры, и затѣмъ колебаться всякимъ вѣтромъ ученія *во лжи человѣчестѣй* хитрымъ коварствомъ обольщенія (Ефес. 4, 14). Во избѣжаніе столь пагубнаго душевнаго состоянія здравый разсудокъ внушаетъ истиннымъ сынамъ Церкви, чтобы они, встрѣчая какія либо недоумѣнія или даже сомнѣнія относительно высокихъ истинъ православнаго вѣроисповѣданія, для разрѣшенія своихъ сомнѣній обращались къ просвѣщеннымъ пастырямъ православной Церкви, береглись общенія, особенно собесѣдованія о предметахъ вѣры съ врагами Церкви, не читали еретическихъ, злонамѣренныхъ сочиненій, не внимали пересудамъ и клеветамъ безнравственныхъ людей, враговъ общественнаго благоденствія, которые обыкновенно, какъ бывало во всѣ времена, помрачаютъ злословіемъ священный санъ, всеусильно стараясь ослабить уваженіе къ пастырямъ Церкви.

Правда, къ душевному и притомъ крайнему прискорбію, бываютъ недостойные своего званія служители вѣры, безчестящіе свой санъ укоризненнымъ, зазорнымъ поведеніемъ. Чтожъ изъ этого? Унижающіе духовное свое званіе дурными, соблазнительными поступками, подвергаются церковному запрещенію и другимъ исправительнымъ мѣрамъ, или даже лишенію сана. Но тебя никто не поставилъ судьею служителей вѣры. Твой долгъ, какъ христіанина, какъ сына св. Церкви, слѣдовать общему ученію ея и слова Божія, проповѣдуемому досточтимыми пастырями Церкви, не обращая вниманія на предосудительный образъ жизни нѣкоторыхъ служителей вѣры. Какъ вѣрные сыны отечества, когда объявляются имъ царскія постановленія относительно общественнаго порядка и безопасности, не столько обращаютъ вниманія на лица, которыя объявляютъ царскія распоряженія, сколько на то, что требуется государственными указами и постановленіями: такъ и добрый христіанинъ не обращаетъ вниманія на поведеніе священниковъ, но на то, чему учитъ слово Божіе и святая Церковь. Такимъ именно образомъ поступать заповѣдалъ намъ самъ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, сказавъ: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисеи: вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо и не творятъ* (Матѳ. 23, 23).

Вмѣстѣ съ симъ имѣя въ виду, что, не смотря на высоту священнаго сана, служители вѣры, какъ и всѣ люди, обложены немощію, врожденною нашей природѣ, и посему

не могутъ быть совершенно свободными отъ недостатковъ,—христіанинъ обязанъ покрывать немощи священнослужителей, какъ и всякаго ближняго, любовію и снисходительностію. Наконецъ памятуя, что и вдохновенные Богомъ св. апостолы, къ подкрѣпленію своихъ подвиговъ, ощущали нужду въ молитвѣ вѣрующихъ и просили тѣхъ, которымъ проповѣдывали евангеліе, чтобы споспѣшествовали имъ молитвами къ Богу (Римл. 15, 30)—всѣ христіане должны молиться, чтобы Господь хранилъ своею благодатію служителей вѣры отъ грѣхопаденій, Самъ руководствовалъ ихъ и содѣлалъ неукоризненными дѣлателями своего винограда, вѣрно преподающими слово истины (2 Тим. 2, 15). Аминь.

ЧТО ЗНАЧИТЪ СОЕДИНЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ, КОТОРАГО ЖЕЛАЕТЪ РИМСКАЯ ЦЕРКОВЬ (*).

Латинисты вопіютъ, будто бы Восточная Церковь отдѣлилась отъ вселенской, и употребляютъ всѣ усилія къ омраченію чистоты ея вѣры и благочинія злословіемъ, хулами и клеветами, доказывая, что православные по одному безотчетному упорству не хотятъ соединенія съ христіанами латинскаго исповѣданія. Но можно ли, по совѣсти, утверждать такую ложь? Можно ли, не подавляя истины неправдою, увѣрять, будто восточныя Церкви отвергаютъ единеніе съ Римскою, когда онѣ ежедневно на всѣхъ молитвословіяхъ молятся о соединеніи Церквей? Развѣ пастыри Церквей Константинопольской, Елладской, Антіохійской, Александрійской, Іерусалимской, Русской, Молдавовлахійской, Грузинской, Сербской, Болгарской, имѣютъ другія цѣли, другіе интересы, кромѣ сохраненія въ первобытной чистотѣ православной вѣры и спасенія вѣрующихъ, врученныхъ ихъ руководству промысломъ прошедшаго небеса, Пастыреначальника Іисуса Христа?

Справедливѣе можно утверждать, какъ свидѣтельствуетъ и исторія, что Римская Церковь, еще до совершеннаго отпаденія отъ вселенской, не хотѣла искренняго соединенія съ православными Восточными Церквами. Такъ, не смотря на постановленіе шестаго вселенскаго Собора, она не хотѣла воспретить въ своихъ предѣлахъ субботняго поста, хотя этотъ постъ во время упомянутаго Собора не былъ еще повсемѣстнымъ въ частныхъ церквахъ, принадлежащихъ римскому патріаршеству. А по закрытіи, такъ называемаго, Флорентійскаго Собора, на которомъ несчастные Греки, подавленные насиліемъ и крайними нуждами, подписали актъ мнимаго соединенія съ Римскою Церковію, ни папа Евгеній IV, ни кардиналы и его прислужники не хотѣли присутствовать при совершеніи божественной литургіи греческими священнослужителями, по чину и обрядамъ, учрежденнымъ святыми Отцами первыхъ вѣковъ христіанства. Нѣтъ: Римская Церковь никогда не хотѣла истинно христіанскаго, братскаго, соединенія съ Восточными Церквами. Она только всегда употребляла всевозможныя усилія къ порабощенію другихъ Церквей папѣ и его куріи; а вопли ея писателей, провозглашающихъ Восточныя Церкви схизматическими, означаютъ единственно то, что тѣ Церкви политическое порабощеніе игу невѣрныхъ предпочитаютъ порабощенію духовному относительно предметовъ вѣры и дѣятельности,—опредѣленіямъ папы съ его кон-

(*) Изъ недавно вышедшей въ печати книги: »Объ отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ«. С.-Петербургъ 1858 г. ч. II. стр. 348—354.

грегаціями и куріею. Восточныя Церкви, внимая слову Божію и ученію святыхъ Отцовъ, не могутъ измечтанной, построенной на схоластическихъ софизмахъ, папской власти, признать установленною Богомъ; отрицаются новой римской вѣры, исповѣдующей человѣка главою вселенской Церкви, и воздавать папѣ почести, которыя Господь и Спаситель рода человѣческаго стяжалъ крестными страданіями и своею кровію!

Предположивъ однакожъ, что всѣ христіанскія Церкви, всѣ народы, безпрекословно признали бы Римскаго епископа верховнымъ своимъ пастыремъ, рѣшителемъ богословскихъ недоумѣній относительно предметовъ христіанской вѣры, опредѣлителемъ ея догматовъ, постановленій и христіанскаго благочинія,— спрашивается: какіе плоды принесло бы такое признаніе для частныхъ христіанскихъ Церквей, для царей, правительства и народовъ? Тогда папы снова разсылали бы своихъ нунціевъ и легатовъ на счетъ частныхъ церквей по всѣмъ странамъ міра, какъ было въ средніе вѣка; тогда папскіе нунціи и легаты совершали бы свое путешествіе и содержались бы съ многочисленною свитою, необходимою для показанія важности своего значенія, на счетъ архіереевъ, монастырей и храмовъ Божіихъ, а тѣмъ самымъ храмы Божіи обнажали бы отъ всякаго благолѣпія, и вмѣстѣ съ тѣмъ брали бы въ разныхъ мѣстахъ подъ различными предлогами, посулы для обогащенія своей родни, на устройство позолоченныхъ каретъ и экипажей, на содержаніе своей конюшни и прислуги. Тогда снова повсемѣстно учредились бы десятины и другія подъ различными наименованіями подати, которыя папа собиралъ бы по своему произволу съ народовъ, будто въ залогъ вѣрности ихъ его престолу, а въ собственномъ смыслѣ для обогащенія своего казнохранилища. Тогда архіепископы и епископы всѣхъ странъ міра, обязавшись присягою быть вѣрными папѣ, были бы папскими шпіонами, принуждены были бы ежечасно доносить о замѣчательнѣйшихъ произшествіяхъ въ своихъ епархіяхъ, хотя бы къ явному вреду своего отечества, а въ опредѣленныя времена являться лично въ Римъ, для поверженія себя къ ногамъ папы, и, сдавая отчетъ о своемъ управленіи, проходить всѣ мытарства папскихъ конгрегацій, канцеляріи и консисторіи. Сколь унизительно было бы все это для епископскаго званія, и чего бы это стоило іерархамъ (*)? Между тѣмъ ябедники изъ нисшаго клира, если не постоянно, то хотя по временамъ переносили бы свои дѣла на судъ папской куріи, и папы, которымъ, по самой отдаленности какого-либо дѣлопроизводства, не возможно было бы узнать несомнѣнную истину, рѣшали бы дѣла на удачу. Сколько вреда такія апелляціи причиняли бы епископамъ въ ихъ управленіи епархіями? А чего бы еще надлежало ожидать со стороны папскихъ племянниковъ, родни и любимцевъ? Очевидно, что при такомъ образѣ управленія, для частныхъ Церквей, а вмѣстѣ съ тѣмъ для вселенской не было бы ни малѣйшей пользы отъ подчиненія папской власти,—хотя бы изъ Рима проведены были телеграфическія проволоки во всѣ концы міра и такими телегра-

(*) Вотъ какіе стишки въ средніе вѣки ходили по рукамъ о римской благодати:

Cum ad Papam veneris, habe pro constanti,
Non est locus pauperi, soli favet danti;
Et si munus præstitum non sit aliquanti,
Respondent hic tibi sic, non est mihi tanti!
Papa quærit, chartula quærit, bulla quaerit,
Porta quaerit, Cardinalis quaerit, cursor quaerit!
Omnes quærunt: et si, quod uni des, deerit,
Totum jus falsa est, tota causa perit.

Raumer, Gesch. der Hohenst. 180. sqq. См. Папство и Священная Римская Имперія, въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго Собора), соч. Генриха Вызинскаго. М., 1857. стр. 104.

фами управляли вѣрнѣйшіе папскіе агенты, потому что и вообразить не возможно, чтобы одному человѣку съ его канцеляріею, консисторіею и всѣми конгрегаціями достало времемени для управленія всѣми происходящими въ мірѣ событіями. Правда, съ нѣкотораго времени деспотизмъ папы и прихоти римской куріи, европейскіе государи стали ограничивать конкордатами; но, читая новѣйшихъ латинскихъ писателей, видишь, что латинская Церковь напрягаетъ теперь всѣ усилія къ возстановленію папской власти во всей той силѣ, какою папы обладали въ теченіи среднихъ вѣковъ. Римская пропаганда начинаетъ уже пріобрѣтать важные успѣхи въ суемудрой филологической Германіи и не менѣе того, въ раздѣленной на безчисленные секты Англіи. Слѣдовательно, если возмемъ во вниманіе историческіе уроки прошедшихъ событій, то можемъ ожидать, что снова повторятся произшествія среднихъ вѣковъ; и снова папы станутъ по своему произволу разрѣшать народы отъ присяги законнымъ государямъ, заводить между царскими дворами свои интриги, вооружать для своихъ видовъ другъ противъ друга царей и народы, повсемѣстно учреждать духовную монополію (*) и обогащать Римъ на счетъ другихъ странъ міра, съ доходовъ епархій, монастырей и храмовъ Божіихъ.

Въ частности, какую пользу принесло бы подчиненіе папѣ напр. Російской Церкви? Большее ли озареніе Россіи свѣтомъ евангельской вѣры и улучшеніе церковнаго ея благочинія? Отнюдь нѣтъ. Російская Церковь только исказила бы древній символъ вѣры, прибавила бы къ своимъ догматамъ множество новыхъ, неизвѣстныхъ въ теченіи первыхъ восьми вѣковъ христіанства, схоластическихъ вѣрованій, превратила бы чинъ своего богослуженія, свято соблюдаемый въ восточныхъ Церквахъ свыше тысячи лѣтъ, а между тѣмъ, совѣстливѣйшіе писатели латинской Церкви и безъ того сознаются, что вѣроученіе восточныхъ Церквей въ сущности почти ничѣмъ не отличается отъ ученія латинской Церкви, кромѣ измечтаннаго ею догмата о верховномъ владычествѣ папы и неосновательнаго ученія объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына. Въ Россіи, благодареніе Богу, повсемѣстно проповѣдуется ученіе христіанской вѣры и дѣятельности открыто, съ полною свободою и въ такой полнотѣ, что нѣтъ ни одной душеспасительной истины ни въ словѣ Божіемъ, ни въ преданіи церковномъ, которой пастыри нашей Церкви не провозглашали бы во всеуслышаніе! Мало того; со времени озаренія Россіи свѣтомъ христіанскаго вѣроученія, пастыри Русской Церкви всеусильно всегда старались о христіанскомъ просвѣщеніи пасомыхъ ими не столько отъ своего лица, сколько по точному смыслу ученія Отцовъ Церкви, коихъ творенія изначала переводили на Славянскій языкъ для открытаго чтенія въ церквахъ и домашняго употребленія вѣрующими. Отъ этого церковная наша словесность, почти тотчасъ по просвѣщеніи Россіи св. крещеніемъ, обогатилась многими переводами извѣстнѣйшихъ отеческихъ твореній, которыя списывались по-

(*) Къ утвержденію духовной монополіи Римской Церкви, конечно, относятся и ея усилія сдѣлать латинскій языкъ всеобщимъ, дипломатическимъ. Но опытъ показалъ, что общее употребленіе какого-либо мертваго языка въ дипломатическихъ и правительственныхъ переговорахъ не возможно и безполезно. Такъ, когда въ недавно истекшихъ годахъ положено было на конгрессѣ латинскихъ епископовъ въ Вѣнѣ говорить рѣчи и разсуждать относительно примѣненія къ практикѣ конкордата, заключеннаго австрійскимъ правительствомъ съ папою: то оказалось, какъ извѣщали газеты, что епископы, какъ на Вавилонскомъ столпотвореніи, другъ друга не понимали; потому-что Нѣмецкіе, Богемскіе, Венгерскіе и другихъ національностей епископы произносили латинскія слова примѣнительно къ своимъ національнымъ языкамъ. Въ слѣдствіе сего переговоры происходили относительно примѣненія конкордата къ практикѣ только между папскимъ нунціемъ, австрійскимъ примасомъ и министромъ духовныхъ дѣлъ.

всемѣство, особенно по монастырямъ, а въ послѣдствіи были печатаемы.

Вѣруяй въ Сына Божія имать свидѣтельство въ себѣ. 1 Іоан. 5, 10.

Во дни св. Іоанна Богослова, и среди того самаго общества, коего онъ былъ пастыремъ и учителемъ, являлись люди, которые, тщеславясь совершеннѣйшимъ вѣдѣніемъ, подвергали прекаканію самую основную истину христіанскаго ученія, что Іисусъ Христосъ, Начальникъ и Совершитель нашей вѣры, есть истинный Мессія и Сынъ Божій. Имъ-то св. Апостолъ въ первомъ посланіи своемъ указываетъ на свидѣтелей небесныхъ и земныхъ, единогласно и непрекаемо свидѣтельствующихъ о Спасителѣ нашемъ, Іисусѣ Христѣ: *тріе суть свидѣтельствующіи на небеси, Отецъ, Слово и Святый Духъ, — и тріе суть свидѣтельствующіи на земли, духъ вода и кровь* (1 Іоан. 5, 7. 8). Потомъ присовокупляетъ, что *вѣрующій въ Сына Божія*, кромѣ того, *имѣетъ свидѣтельство въ себѣ* самомъ. Надобно полагать, что сіе послѣднее свидѣтельство есть самое живое и дѣйственное, потому именно, что оно внутреннее.

Чтожъ это за свидѣтельство? въ чемъ оно состоитъ? *И сіе есть свидѣтельство*, отвѣчаетъ св. Іоаннъ, *яко животъ вѣчный далъ есть намъ Богъ, и сей животъ въ Сынѣ Его есть* (5, 11). Итакъ, прежде всего должно примѣтить, что свидѣтельство сіе, кромѣ того, что оно внутреннее, есть свидѣтельство Божіе: *далъ есть намъ Богъ.* Поэтому оно есть свидѣтельство самое важное, сильное и достовѣрное. *Аще свидѣтельство человѣческое пріемлемъ*, говоритъ св. Іоаннъ, *свидѣтельство Божіе болѣе есть* (5, 9). Не вѣрить ему было бы крайнею несообразностію: *не вѣруяй Богови*, продолжаетъ св. Іоаннъ, *лжа сотворилъ есть Его, яко не вѣрова во свидѣтельство, еже свидѣтельствова Богъ о Сынѣ своемъ?* (10). Какимъ же образомъ Богъ въ самомъ вѣрующемъ свидѣтельствуетъ о Сынѣ своемъ? Онъ даетъ вѣрующему жизнь вѣчную, которой источникъ заключается въ Сынѣ Божіемъ, Іисусѣ Христѣ: вотъ сущность апостольскаго ученія о внутреннемъ свидѣтельствѣ.

Всякому извѣстно, что съ того времени, какъ прародители наши нарушеніемъ воли Божіей расторгли союзъ съ Богомъ, мы потеряли жизнь вѣчную, которой источникъ въ одномъ только Богѣ. Отчужденные *отъ жизни Божіей* (Еф. 4, 18), и не имѣя живота въ себѣ, мы подвергались вѣрной смерти, и выйти изъ сего несчастнаго состоянія, какъ мертвые прегрѣшеньми, никогда не могли бы, если бы Отецъ небесный, *не хотяй смерти грѣшника*, не послалъ на землю единороднаго Сына своего, *да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). Сынъ Божій, подобно Отцу имѣющій животъ въ себѣ (Іоан. 5, 26), пришелъ на землю, облекся въ естество человѣческое и въ немъ открылъ доступный всякому вѣрующему приснотекущій источникъ вѣчной жизни. Вѣра есть внутренній органъ души, посредствомъ коего вѣрующій входитъ въ общеніе со Христомъ и отъ Него воспринимаетъ божественную, вѣчную жизнь, въ омертвѣвшее естество свое. Непостижимо для ума естественнаго сіе благодатное общеніе вѣрующаго со Христомъ, сіе таинственное причастіе божественнаго есте-

ства (2 Петр. 1, 4), (для разума много не постижимаго и въ самой видимой природѣ): но, по свидѣтельству слова Божія, оно столь пріискренно, что вѣрующій живетъ во Христѣ и Христосъ живетъ въ вѣрующихъ (Гал. 2, 20), какъ въ своихъ членахъ, *и воображается въ нихъ* (Гал. 4, 19), по мѣрѣ вѣры, открывающей путь свободному дѣйствію въ нихъ благодатной силы Его. Онъ *воображается* въ умѣ, и—исполняетъ его свѣтомъ своимъ, истиною своею, *безвѣстная и тайная премудрости своея являетъ ему* (Пс. 5, 8); отсюда самые простые и не книжные, но вѣрующіе, знаютъ такія тайны о Богѣ и Его твореніи, о душѣ человѣческой и будущей жизни, до коихъ разумъ естественный, при всемъ усиліи своемъ, путемъ созерцанія и умозаключеній никогда не доходилъ и не могъ дойти, по своей ограниченности и духовному омраченію. Онъ дѣйствуетъ на волю, и производитъ въ ней не только *еже хотѣти*, но и *еже дѣяти доброе* (Филип. 2, 13), чего не вѣрующій въ Сына Божія въ себѣ не обрѣтаетъ (Римл. 7, 18); отсюда, неудобоносимое для невѣрующаго бремя Христово, для вѣрующаго является легкимъ; отсюда самоотверженіе и подвиги, превышающіе естественныя силы человѣка. Онъ *вселяется* въ сердце (Еф. 3, 17), и съ собою вноситъ въ него сыновнее дерзновеніе предъ Богомъ, миръ, всякъ умъ превосходяй (Фил. 4, 7), блаженство среди самыхъ скорбей, и преображаетъ въ немъ любовь человѣческую въ божественную. Воображаясь въ душѣ вѣрующаго, Онъ и самое тѣло его содѣлываетъ причастнымъ своей божественной жизни; почему онъ еще здѣсь на землѣ начинаетъ быть небеснымъ, изъ душевнаго—духовнымъ, изъ тлѣннаго — нетлѣннымъ, изъ духоноснаго—богоноснымъ. Вотъ эта-то жизнь Христова, дарованная Богомъ вѣрующему въ Сына Божія, вѣрою пріемлемая и вѣрою усвояемая, и есть то внутреннее свидѣтельство, которымъ Господь даетъ вѣрующему въ Него ощущать самаго себя въ немъ живущаго и дѣйствующаго.

И вѣрующій, доколѣ онъ вѣрующій, не можетъ не ощущать. Какъ младенецъ не можетъ не ощущать въ себѣ жизни матери, которою онъ живетъ, а потому къ ней влечется и ищетъ въ ней пищи для сохраненія полученной отъ нея жизни; такъ и вѣрующій не можетъ не ощущать въ себѣ жизни Христовой, коею онъ живетъ, а потому стремится къ Нему сердцемъ своимъ для того, чтобы сохранить жизнь, отъ Него заимствованную. Какъ мертвый тѣломъ, употребимъ и сіе сравненіе, не можетъ не ощущать вошедшаго въ него и проникающаго естество его духа животнаго; такъ и мертвый прегрѣшеньми не можетъ не ощущать въ себѣ духа жизни о Христѣ Іисусѣ, въ него вселившагося и освобождающаго его отъ закона грѣховнаго и смерти вѣчной. Что вѣрующій дѣйствительно ощущаетъ въ себѣ жизнь Христову, это видно изъ словъ ап. Павла; Онъ говоритъ о себѣ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20),—*благодатію Божіею есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10),—что въ немъ *сила Христова* (2 Кор. 12, 9),—что въ немъ *глаголетъ Христосъ* (13, 3),—что онъ имѣетъ *умъ Христовъ* (1 Кор. 2, 16). Правда, по свидѣтельству ап. Павла, *животъ нашъ*, до дня откровенія славы Господней, *сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ, и егда явится Христосъ, животъ нашъ*, тогда *явимся съ Нимъ и мы во славѣ* (Колос. 3, 3. 4). Но, онъ называетъ сокровеннымъ нашъ животъ во Христѣ, а не Христовъ въ насъ, т. е., иначе сказать: что такое вѣрующій по внутреннему человѣку, какъ далеко прошелъ онъ по степени нравственнаго преспѣянія въ

духовной жизни, сіе Богъ скрываетъ у себя до послѣдняго дня своего, конечно для того, чтобы онъ ничтоже *сый не возмнилъ себе ничто быти и не прельстилъ себя собственнымъ умомъ* (Гал. 6, 3); но что такое Господь для вѣрныхъ рабовъ своихъ, что они живутъ только Его жизнію, сіе дано ощущать и познавать всякому вѣрующему. Самъ же св. апостолъ Павелъ, когда обращалъ вниманіе на себя самаго, говорилъ: *о себѣ же не похвалюся, токмо о немощехъ своихъ*; а когда обращалъ вниманіе на Господа въ немъ живущаго и дѣйствующаго, тогда говорилъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Филип. 4, 13). Вообще св. подвижники, послѣ долгихъ и тяжкихъ подвиговъ, развѣ на концѣ жизни могли примѣтить, что они имѣютъ нѣкій начатокъ духа; но что Христосъ есть ихъ Господь, что Онъ ихъ Свѣтъ, Сила и Жизнь, какъ Онъ Святъ, Праведенъ, Премудръ, Силенъ и Благъ, въ особенности что Онъ есть совершеннѣйшая, безпредѣльная любовь,—сіе начинали они ощущать внутри себя отъ самаго начала своего обращенія ко Христу. И должно примѣтить, что чѣмъ болѣе свѣтъ Христовъ, вселяясь въ душу ихъ, озарялъ мертвенное естество ихъ, тѣмъ виднѣе становились для нихъ ихъ собственныя немощи и ничтожество предъ Богомъ. А чѣмъ яснѣе и глубже постигали они, при свѣтѣ Христовомъ, собственное ничтожество, тѣмъ яснѣе и глубже познавали Христа, въ нихъ живущаго и дѣйствующаго.

Хотя по слову Писанія, *никтоже вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ* (1 Кор. 2, 11); но иногда сей духъ, сраствояясь съ духомъ Христовымъ, до того проникается и исполняется имъ, что не можетъ не обнаруживать живущаго и дѣйствующаго въ немъ духа Христова, и такимъ образомъ внутреннее свидѣтельство о Христѣ дѣлаетъ примѣтнымъ и для другихъ. Жизнь христіанина, самоотверженная, крестоносная и въ тоже время дышущая одною безграничною любовію къ Богу и ближнимъ, однимъ словомъ, жизнь, какъ мы ее видимъ въ святыхъ Божіихъ человѣкахъ, гдѣ бы она ни являлась, въ пустынѣ, или среди міра, всегда вообще есть живое и не прекекаемое доказательство присутствія въ ней Начала не земнаго, но силы вышечеловѣческой, божественной. И міръ, сколько бы ни усиливался затмить ее различными лжами своими, всегда будетъ обличать только въ собственной жизни примѣтное отсутствіе свѣтоноснаго и животворящаго Начала ея. Но бываютъ иногда, по особому намѣренію Господа, явленія въ жизни вѣрующихъ такія, въ коихъ и самый міръ не можетъ не признать дѣйствія силы высшей, только по слѣпотѣ своей, а гораздо вѣроятнѣе по сродному ему пристрастію ко лжи, вмѣсто истинной указываетъ мнимую. Вотъ, одинъ изъ вѣрующихъ прозрѣваетъ въ сокровенные помыслы другаго; другой предсказываетъ будущее; третій, однимъ именемъ Христовымъ исцѣляетъ неисцѣльныя болѣзни, воскрешаетъ мертвыхъ, изгоняетъ бѣсовъ; четвертый тѣмъ же именемъ повелѣваетъ вѣтру и морю, укрощаетъ ярость дикихъ звѣрей; пятый беретъ зміи и не вредитъ ему, испиваетъ смертную отраву и остается живымъ. Въ сихъ и подобныхъ симъ явленіяхъ благодати Христовой, что другое какъ вѣрующій, какъ не самое живое и очевидное для другихъ свидѣтельство о Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіи, живущемъ и дѣйствующемъ въ немъ?

Такимъ образомъ вѣруяй въ Сына Божія, Спасителя нашего, имѣетъ въ Немъ свидѣтельство въ себѣ, ощутительное для него самаго и не рѣдко примѣтное для другихъ. А не имѣяй *Сына Божія*, или что тоже

невѣрующій, по словамъ св. Іоанна, *живота не имать* (1 Іоан. 5, 12). Своею мертвенною жизнію, своимъ мудрованіемъ по стихіямъ міра, а не по Христѣ, своими стремленіями и наклонностями, обращенными не къ небу, а къ землѣ, своими дѣлами мертвыми и суетными, онъ только служитъ съ своей стороны живымъ и сильнымъ подтвержденіемъ достовѣрности свидѣтельства о Христѣ, какое вѣрующій въ Него имѣетъ въ себѣ.

При семъ, спроситъ кто либо: »всякій ли вѣрующій въ Сына Божія непремѣнно имѣетъ о Немъ въ себѣ свидѣтельство?« Изъ словъ Апостола должно заключить, что всякій: исключенія онъ не полагаетъ »Но, какъ же это выходитъ, скажешь, я вѣрую во Христа Сына Божія, между тѣмъ внутри себя не примѣчаю о Немъ никакого свидѣтельства?« Или ты не умѣешь вѣровать, или не знаешь какъ обращаться съ внутреннимъ свидѣтельствомъ, даннымъ тебѣ отъ Бога, чтобы оно было всегда ощутимо для тебя. Царствіе Божіе уподобляется въ притчѣ евангельской *сокровищу сокровену на селѣ* (Матѳ. 13, 44). Село или поле означетъ сердце, или внутренность человѣка. Сюда, когда ты въ первый разъ открылъ его вѣрою въ таинствѣ крещенія, Духъ Святый, *дышущій идѣже хощетъ*, положилъ нетлѣнное сѣмя жизни во Христѣ. И оно-то должно служить тебѣ живымъ свидѣтельствомъ о Спасителѣ нашемъ, Іисусѣ Христѣ. Если ты его не ощущаешь въ себѣ, то не потому, что его нѣтъ: оно, какъ зародышь вѣчной жизни, останется въ тебѣ навсегда, пойдетъ съ тобою и въ вѣчность, и тамъ, если ты не заботился о истребленіи въ себѣ всего ему противнаго, будетъ для тебя *огнемъ поядающимъ*, будетъ жечь и мучить тебя. Ты не слышишь его внутренняго свидѣтельства потому, что заглушаешь его шумомъ вопіющихъ въ тебѣ страстей и пожеланій, которымъ далъ всю свободу дѣйствовать, зарываешь его глубже и глубже уметами нечистыхъ помысловъ и дѣлъ суетныхъ и беззаконныхъ. Дабы положенное въ насъ Богомъ сѣмя жизни вѣчной прозябало, цвѣло и приносило плодъ во спасеніе, и съ этимъ вмѣстѣ постоянно свидѣтельствовало намъ о Христѣ, требуется, чтобы оно было въ непрестанномъ посредствомъ вѣры общеніи со Христомъ, въ коемъ одномъ его пища и жизнь, и который есть *Богъ возращаяй* (1 Кор. 3, 7),—чтобы мы непрестанно содержали предъ Нимъ открытымъ вѣрою существо свое. Ты скажешь: я всегда вѣрую, или никогда не бываю не вѣрующимъ, а между тѣмъ плодъ духовный не спѣется«. Какъ же ты вѣруешь? согласіемъ ума твоего на признаніе того ученія о спасеніи, которое открылъ намъ Христосъ. Только? Въ такомъ случаѣ, значитъ, только уму твоему сообщается жизнь, а не всему существу, которое еще находится въ духовномъ омертвѣніи. Вѣруй въ Сына Божія всѣмъ существомъ твоимъ: открывай предъ Нимъ твой умъ несумнительнымъ признаніемъ того спасительнаго ученія, которое Онъ преподалъ намъ; открывай предъ Нимъ твое сердце, стремясь къ Нему единому и любя Его единаго; открывай предъ Нимъ твою волю непреложною рѣшимостію исполнять всѣ Его святыя заповѣди и благодатныя внушенія; открывай, какъ можно чаще, и самое тѣло для принятія небесной пищи отъ таинственной трапезы тѣла и крови Господней, и — тогда сѣмя жизни вѣчной принесетъ тебѣ плодъ живота вѣчнаго, и по той мѣрѣ, какъ широко будешь раскрывать вѣрою существо твое, и внутреннее свидѣтельство въ тебѣ о Спасителѣ нашемъ будетъ становиться живѣе и сильнѣе, приведетъ тебя съ начала къ познанію *просвѣщенными*

очесы сердца, а потомъ къ *видѣнію Его лицемъ къ лицу, якоже есть.*

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

137) Великую имѣетъ похвалу у Господа нашего Іисуса Христа любящій безмолвіе, молчаніе и молитву. Царствіе небесное и животъ вѣчный будетъ воздаяніемъ ему за малый трудъ его.

138) Кто не любитъ кроткаго и смиреннаго безмолвника и молчаливаго? — Христосъ увѣнчаетъ его въ день суда, какъ терпѣливаго раба своего.

139) Когда возненавидишь міръ и сообщеніе съ людьми, тогда Господь нашъ Іисусъ Христосъ со Святымъ Духомъ вселится въ сердце твое. Если же будешь любить міръ и обычаи его, то ты — врагъ Богу. Не мое слово сіе, но апостольское: *не любите міра, ни яже въ мірѣ*, говоритъ святый Апостолъ: *яко любы міра вражда на Бога есть.* Ничто столько не удаляетъ насъ отъ Бога, какъ мірскія бесѣды, смѣхъ и дерзость; и въ семъ — сѣти духа блуднаго. Зная чистое боголюбіе сердца твоего, въ любви Божіей умоляю тебя, добрая сестра моя, храни благородство души своей, и съ терпѣніемъ проходи чинъ безмолвія и молитвы, чтобъ отъ сообращенія съ людьми не охладѣлъ въ душѣ твоей жаръ любви ко Господу. Повѣрь тому, что скажу тебѣ: если не послушаешь завѣщанія моего, — сидѣть въ келліи, безмолвствовать, молчать и молиться въ теплой любви ко Господу нашему Іисусу Христу, то будешь предана діаволу и ангеламъ его, т. е. нечистымъ и срамнымъ страстямъ. — Ибо не терпящій Господа, хотя и не хотя, бываетъ преданъ діаволу; а преданный діаволу — жалкій человѣкъ. Лучше бы не родиться ему, нежели быть обречену на день гнѣва и мукъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 17-го Апрѣля 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 8.

НЕДѢЛЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

11 Мая 1858 г.

Гласъ 7-й.

На утрени: евангеліе воскресное 9-е, Іоан. зач. 65. На Литургіи: апост. Дѣян. зач. 31; еванг. Іоан. зач. 27.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ЛЬВА, ПАПЫ РИМСКАГО,

СЛОВО НА ПЯТИДЕСЯТНИЦУ (*).

Текстъ божественныхъ Писаній, возлюбленные, изъ котораго мы знаемъ, что въ пятидесятый день, по воскресеніи Господнемъ, изліялся на учениковъ Христовыхъ Духъ Святый, вполнѣ указываетъ намъ причину и значеніе настоящаго торжества. Но намъ нужно сдѣлать нѣкое примѣненіе слова и къ новопросвѣщеннымъ сынамъ Церкви (**). Ибо мы не боимся, чтобы поскучали извѣстнымъ духовные и просвѣщенные, которымъ свойственно желать, чтобы сколько можно большее число убѣдилось въ томъ, чему научились они съ великою пользою. Итакъ и ученые и неученые да не презрятъ слова нашего,—одни, чтобы доказать свою любовь къ тому, что узнали, другіе, чтобы показать желаніе познать то, чего не знаютъ. Сему расположенію да содѣйствуютъ щедроты Того, о величіи коего мы хотимъ говорить, да содѣлаетъ Онъ и васъ способными и насъ достаточными на пользу всей Церкви.

Итакъ, напрягая умъ къ уразумѣнію достоинства Святаго Духа, да не мыслимъ ничего различнаго отъ величества Отца и Сына, поелику божественная природа во всемъ едина. Вѣченъ Отецъ, Родитель совѣчнаго себѣ Сына, вѣченъ и Сынъ, безвременно отъ Отца рожденный, вѣченъ и Духъ Святый, Духъ Отца и Сына: и никогда не были Отецъ безъ Сына, ни Сынъ безъ Отца, ни Отецъ и Сынъ безъ Духа Святаго: и не имѣя никакихъ степе-

(*) Сокращено.

(**) Въ древней Церкви христіанской день Пятидесятницы былъ однимъ изъ дней, назначенныхъ для крещенія оглашенныхъ. Памятникомъ сего обычая, осталось и теперь пѣніе на Литургіи, въ этотъ день, вмѣсто *святый Боже,—елицы во Христа крестистеся...*

ней существованія, никакое Лице не есть первое или послѣднее. Ибо едина природа сей божественной Троицы и неизмѣняемаго Божества, нераздѣльная въ дѣйствіи, согласная въ волѣ, равная по всемогуществу, одинаковая по славѣ. Когда же св. Писаніе говоритъ о Троицѣ такъ, что или въ дѣлахъ или въ словахъ означаетъ нѣчто, что кажется приличнымъ каждому Лицу отдѣльно, то симъ не ниспровергается вѣра каѳолическая, а утверждается: ибо это для того, чтобы раздѣльностію дѣла или слова внушить намъ истину Троицы, а не для того, чтобы умъ раздѣлялъ то, что различаетъ слухъ. Для того нѣчто открывается подъ именемъ Отца, или Сына, или Святаго Духа, чтобы не погрѣшало касательно Троицы исповѣданіе вѣрующихъ. Поелику Троица нераздѣльна, то никогда не поняли бы Ее, какъ Троицу, если бы всегда о Ней говорилось нераздѣльно. Итакъ, возлюбленные, утвердивши въ сердцахъ нашихъ спасительную вѣру, что вся вмѣстѣ Троица есть единая сила, единое величество, единая сущность, нераздѣльная любовію, равная властію, вмѣстѣ все наполняющая, вмѣстѣ все содержащая; (поелику что есть Отецъ, то есть и Сынъ, то есть и Духъ Святый и истинное Божество ни въ комъ не можетъ быть больше или меньше, и Божество сіе такъ должно исповѣдывать въ трехъ лицахъ, чтобы и Троица не допускала одиночества и равенствомъ сохранялось единство),—сію, говорю, вѣру, возлюбленные, твердо напечатлѣвши, не усумнимся и въ томъ, что когда Духъ Святый въ день Пятидесятницы сошелъ на учениковъ Господнихъ; то это было не начало дара, но умноженіе щедротъ: поелику и патріархи и пророки и священники и всѣ древніе святые оживлялись освященіемъ того же Святаго Духа, и безъ сей благодати никогда не были установлены никакія таинства, поелику всегда одна и таже была сила помазанія, хотя и не одна мѣра даровъ.

И сами блаженные апостолы прежде страданія Господня, не были вовсе лишены сей силы, и могущество сей силы не было чуждо дѣлъ Спасителя. И когда Господь давалъ ученикамъ власть исцѣлять больныхъ, изгонять бѣсовъ, то только умножалъ дѣйствія тогоже Духа, котораго нечестіе іудейское отрицало въ Немъ, повелѣвающемъ нечистыми духами и божественныя благодѣянія котораго приписывало діаволу. Посему такіе хулители посправедливости навлекли на себя оный Господень приговоръ, въ которомъ сказано: *всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкамъ, а яже на Духа хула не отпустится человѣкамъ. И иже аще речетъ слово на Сына человѣческаго, отпустится ему, а иже речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* (Матѳ. 12, 31. 32). Отсюда очевидно, что безъ ходатайства Духа Святаго не можетъ быть отпущенія грѣховъ, и безъ Него, по слову Апостола, никто съ пользою не воздохнетъ, или не помолится какъ должно: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы, но самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. 8, 26). *И никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3), быть лишеннымъ котораго, крайне гибельно, крайне смертоносно, поелику никогда не получитъ прощенія тотъ, кто оставляется отъ посредника.

Итакъ, возлюбленные, всѣ вѣровавшіе въ Господа имѣли въ себѣ Духа Святаго, и апостолы еще тогда получили власть отпускать грѣхи, когда, послѣ воскресенія своего, Господь дунулъ и сказалъ: *пріимите Духъ Святъ, имжѐ отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся*

(Іоан. 20, 22. 23). Но къ оному совершенству, уже дарованному апостоламъ, прибавлялась еще большая благодать, обильнѣйшее вдохновеніе, по которому приняли теперь и то, чего еще не получили, и лучше могли удержать то, что приняли. Посему Господь и сказалъ: *еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину, не отъ себе бо глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать, и грядущая возвѣститъ вамъ. Онъ Мя прославитъ, яко отъ моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ* (Іоан 16, 13. 14).

Что же значитъ, что Господь, обѣщая ученикамъ Духа Святаго, уже сказавши: *вся яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ* (Іоан. 15, 14), говоритъ теперь: *еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ; егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину?* Неужели Господь хотѣлъ показать себя низшимъ по знанію, или меньше нежели Духъ Святый научившимся чему нибудь у Отца, когда самъ Онъ—истина, когда Отецъ не можетъ ничего говорить, ничему научить безъ Слова, почему и сказано: *отъ моего пріиметъ*, поелику что пріемлетъ Духъ отъ дающаго Отца, то даетъ Сынъ? Не иная внушается симъ истина, не иное проповѣдуется ученіе: но нужно было, чтобы увеличилась способность учениковъ, чтобы умножилась твердость оной любви, которая бы изгнала всякій страхъ и не боялась ярости гонителей. Почему и апостолы, послѣ того какъ исполнились новымъ обиліемъ Духа Святаго, начали имѣть, и хотѣніе пламеннѣе, и силу дѣйственнѣе, переходя отъ знанія заповѣдей къ терпѣнію страданій и, уже не боясь никакой бури, попирали, превосходящею вѣрою, волненія вѣка и надменность міра, и, презирая смерть, пронесли евангеліе истины во всѣ народы.

Но никто изъ васъ, возлюбленные, да не думаетъ, чтобы Духъ Святый удостоилъ чего нибудь упорнаго нечестивца. Таковый совершенно ничего не получаетъ отъ оной Силы, которую Господь и обѣщалъ и послалъ своей Церкви. По слову Іоанна: *не у бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. 7, 39), —вознесеніе Господне было причиною дарованія Духа, котораго Онъ, по необходимости, не даетъ тому, кто отвергаетъ во Христѣ возвышеніе истиннаго человѣка до сѣденія одесную Отца. Мы же, возлюбленные, избранные для блаженной вѣчности, чрезъ возрожденіе отъ Духа Святаго, почтимъ день настоящаго празднества разумнымъ расположеніемъ духа и чистою радостію, исповѣдуя съ блаженнымъ апостоломъ Павломъ, что Господь Іисусъ Христосъ *возшедъ на высоту, плѣнилъ плѣнъ и даде даянія человѣкомъ* (Ефес. 4, 8), чтобы евангеліе Божіе было проповѣдано на всѣхъ нарѣчіяхъ человѣческаго языка, и *всякъ языкъ исповѣдалъ, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Фил. 2, 11).

Къ настоящему торжеству мы должны прибавить еще тотъ обѣтъ, чтобы постъ, который, по апостольскому преданію, послѣдуетъ за нимъ, почтить святымъ воздержаніемъ; поелику и сіе должно считать между величайшими дарами Святаго Духа, что противъ прелестей плоти и ухищреній діавола, намъ дано огражденіе въ постѣ, которымъ, съ помощію Божіею, мы побѣждаемъ всѣ искушенія. Итакъ, будемъ поститься въ четвертый и шестый день (*), въ субботу же будемъ совершать бдѣнія у блаженнаго апостола Петра, чтобы при его содѣйствіи молитвамъ нашимъ, удостоиться намъ во всемъ

(*) То есть въ среду и пятокъ.

получить милосердіе Божіе, чрезъ Господа Іисуса Христа, живущаго и царствующаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ (*).

Пріяхомъ Духа небеснаго.

Пѣснь Церкви.

Видите, какъ мы дороги Сыну Божію Іисусу Христу, какъ Онъ печется о насъ! Неуспѣло пройти десяти дней со времени оставленія Имъ грѣшной земли нашей, омытой Имъ безцѣнною кровію своею, и возшествія къ Отцу своему на небо, и вотъ Онъ являетъ новое свидѣтельство своей безпредѣльной любви къ намъ, посылаетъ отъ Отца исходящаго Духа Святаго. Воздадимъ же, бр., достойную славу Богу Отцу, отъ вѣчности источающему и Богу Сыну, посылающему намъ Всеблагаго и Пресвятаго Духа и исполнимъ священный долгъ къ сему небесному Благодѣтелю нашему.

Для чего Онъ дарованъ намъ? Для того, чтобы вмѣсто Спасителя, совершившаго на землѣ великое дѣло спасенія нашего, обиталъ съ нами, или паче въ насъ до скончанія вѣка, усвояя намъ содѣланное Сыномъ Божіимъ спасеніе. *И Азъ умолю Отца*, говоритъ Спаситель, *и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ* (Іоан. 14, 16). Послѣ этого, стало быть, каждый изъ насъ есть храмъ Духа Святаго? Такъ. Истина эта столь ясна, что Апостолъ въ свое время, ограждая чадъ Коринѳской церкви отъ нарушенія святаго цѣломудрія, не считалъ нужнымъ даже и доказывать оной, а просто для убѣжденія ихъ къ восчувствованію всей тяжести онаго грѣха вопрошалъ ихъ, какъ объ истинѣ имъ совершенно извѣстной: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, егоже имате отъ Бога, и нѣсте свои, куплени бо есте цѣною* (1 Кор. 6, 19). *Вы храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ* (3, 6). Чтожъ послѣ этого должны подумать о себѣ люди невоздержные, всякаго рода скверители закона цѣломудрія, непочитающіе даже порокомъ, къ стыду нынѣшняго вѣка, именующагося просвѣщеннымъ, оскорбленіе столь святаго закона? Вѣрнѣе всего, что они вовсе ничего не думаютъ; но умоляемъ ихъ любовію Христовою, пусть, пока еще есть время, подумаютъ вотъ о чемъ: когда слово Божіе прямо говоритъ: *аще кто храмъ Божій*, т. е. тѣло свое, *растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 17); то можетъ ли въ ихъ, растлѣнныхъ плотскимъ студодѣяніемъ, тѣлесахъ пребывать Духъ Святый? Если не можетъ, и здравый смыслъ долженъ допустить это, то во что они себя обращаютъ? Не въ постыдное ли орудіе скотской страсти? Гдѣжъ ихъ благородство, соединенное съ именемъ человѣка, тѣмъ паче христіанина, облекшагося въ одежду заслугъ Христовыхъ? Не въ храмы ли духа злаго? Чтожъ за симъ ихъ ожидаетъ, если не вѣчное стыдѣніе, проклятіе, отчужденіе отъ сонма тварей разумныхъ, запечатлѣнныхъ именемъ Божіимъ? Итакъ, бр. св., званія небеснаго причастницы, не

(*) Говоренное въ Крестовой церкви Св. Духа, преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ оренбургскимъ и уфимскимъ.

оскорбляйте Духа Святаго, Имже знаменастеся въ день избавленія; Онъ благоволитъ обитать въ душахъ и тѣлесахъ нашихъ, украшенныхъ паче всего добродѣтелію воздержанія и цѣломудрія: воспитывайте въ себѣ сіи добродѣтели,—и Духъ Святый вселится въ васъ и въ васъ пребудетъ.

Чтожъ Онъ будетъ дѣлать, пребывая въ насъ? Научать и наставлять насъ на всяку истину. *Духъ Святый*, говоритъ Спаситель, *егоже пошлетъ Отецъ во имя мое, Той вы научитъ всему* (Іоан. 14, 26). *Егда пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. 16, 13). Имъ просвѣщенные, ветхозавѣтные пророки возвѣщали міру истину пришествія на землю Сына Божія; Имъ исполненные, св. апостолы просвѣтили вѣрою Христовою всѣ концы земли; Имъ наученные, богоносные отцы, пастыри и учители вселенныя истолковали и опредѣлили св. догматы вѣры Христовой, установили обряды богослуженія и правила святаго благочестія. Не говорите: истины св. вѣры заключены въ словѣ: всякій можетъ читать оное или слушать, и—уразумѣетъ. Объ апостолахъ замѣчено въ Писаніи, что они говорили, *якоже духъ даяше провѣщевати* (Дѣян. 2, 4); такъ и о насъ должно сказать, что мы можемъ разумѣть богодухновенные ихъ глаголы, въ которыхъ заключена глубина премудрости Божіей, якоже Духъ дастъ намъ разумѣти. *Духовная*, по ученію слова Божія, *духовными сразсуждаются. Душевенъ человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія, юродство бо ему есть* (1 Кор. 2, 13. 14). Душевному человѣку, или, что тоже, плотскому, духовное кажется юродствомъ потому, что онъ разумѣетъ духовное плотски; отъ этаго происходятъ ереси, расколы, богопротивныя мудрованія; отъ этого случается замѣчать, что иной, который въ понятіи человѣческомъ слыветъ даже мудрецомъ, перечтетъ пожалуй всѣ растенія, всѣхъ животныхъ въ природѣ, всѣ звѣзды на небѣ и назоветъ ихъ по именамъ,—объ истинахъ св. вѣры знаетъ менѣе смысленнаго дитяти, и святая Церковь иначе не можетъ назвать глаголовъ его о предметахъ вѣры, какъ безумными. Итакъ не довольно слушать или читать слова вѣры, преподаваемыя намъ св. Церковію; нужно разумѣть ихъ по разуму Духа Святаго; тогда они будутъ для насъ глаголами вѣчнаго живота. И потому не мудрствуйте относительно оныхъ, но, смиривъ кичливый разумъ, обращайтесь съ молитвою сердца къ Источнику истинъ вѣры, Духу Святому, да раскрываетъ вамъ глубины истинъ, преподаваемыхъ св. Церковію и просвѣщаетъ разумы ваши къ правому ихъ разумѣнію.

Другое несказанное благодѣяніе, какое доставляетъ намъ Духъ Святый, принятый нами отъ Отца небеснаго чрезъ Его единороднаго Сына, есть восполненіе скудости нашихъ силъ въ многотрудныхъ подвигахъ благочестія. Ибо Онъ есть *Духъ крѣпости и силы, немощная врачуетъ и оскудѣвающая восполняетъ.* Такъ, кто далъ св. апостоламъ, бывшимъ до торжественнаго сошествія на нихъ Духа Святаго крайне робкими и малодушными, то необыкновенное мужество, съ которымъ они, бывъ ведены предъ грозныхъ владыкъ и царей земли, не страшились, презрѣвъ всѣ угрозы, свидѣтельствовать предъ лицемъ ихъ истину Христову? Духъ Святый: *не вы будете*, говорилъ Іисусъ Христосъ, *глаголющіи, но Духъ Отца вашего, глаголяй въ васъ* (Матѳ. 10, 20). Кто далъ имъ то необыкновенное терпѣніе переносить за имя Христово біенія, раны, узы, темницы и всякаго рода страшныя мученія, въ которыхъ они кровію своею запечатлѣли любовь ко Господу Спасителю и божественность проповѣданной ими евангельской вѣры? Кто, если не Хри-

стосъ, или не Духъ Святый, посланный Имъ въ сердца ихъ и въ нихъ вопіявшій ко Отцу? Кто укрѣплялъ мучениковъ и исповѣдниковъ свидѣтельствовать предъ цѣлымъ міромъ торжество христіанской свободы надъ всѣми ужасами смерти, какіе только, по дѣйствію сатаны, могли измыслить враги Христовы, безчеловѣчные мучители? Кто, если не Духъ Святый, изліянный въ сердца ихъ сладчайшимъ Іисусомъ? Но не забудемъ, что истинный христіанинъ и вообще не можетъ быть безъ бѣдъ и скорбей: *хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ*, по слову Апостола, *гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12). Притомъ, *иже Христовы суть*, говоритъ Апостолъ, *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Мы, облекшіеся во Христа, должны отложить *ветхаго человѣка и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22. 24). Для естественныхъ силъ это неисполнимо; между тѣмъ, кто не подвизается о семъ, тотъ не Христовъ. Итакъ, кто дастъ крѣпость и терпѣніе совершить столь многотрудный, высокій, христіанскій подвигъ добродѣтели? Для этого-то мы и пріяли Духа небеснаго. Онъ, по ученію Апостола, *способствуетъ намъ въ немощахъ нашихъ* (Римл. 8, 26). Какъ Духъ крѣпости и силы, Онъ ободряетъ насъ и укрѣпляетъ, Онъ молится и *ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными* (Римл. 8, 26); *О Немъ же вопіемъ, Авва Отче!* Его ли молитва не будетъ услышана, Его ли ходатайство не будетъ принято Отцемъ небеснымъ и Его единороднымъ Сыномъ?

Не ищите же, бр., въ многотрудныхъ обстоятельствахъ жизни помощи на землѣ: ихъ устраняютъ не земныя силы. Помощникъ — Духъ Святый — всегда присущь вамъ; Онъ въ вашемъ сердцѣ, коль скоро вы не изгоняете Его своимъ невѣріемъ и нечистотою; обращайтесь къ Нему съ молитвою вѣры и крѣпкимъ упованіемъ; въ Немъ обрящете помощь, паче силъ человѣческихъ, паче упованія. Не бѣгайте подвига распятія плоти со страстьми и похотьми потому только, что онъ выше силъ вашей поврежденной природы. Ищите силы у Духа небеснаго: Онъ, яко огнь отъ огня происходяй, все нечистое, какъ терніе, попалитъ, какъ ржу очиститъ и содѣлаетъ васъ *царскимъ священіемъ, людьми обновленія*, способными явить добродѣтели *изъ тмы насъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ* (1 Петр. 2, 9. 10). Аминь.

ПИСЬМО

О ПРАЗДНИКѢ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ.

На вопросъ твой, мой добрый сынъ духовный, какое значеніе у насъ праздника св. Троицы, совершаемаго вмѣстѣ съ праздникомъ сошествія Св. Духа? буду отвѣчать, по обычаю моему, нѣкоторыми соображеніями и напоминаніями.

I. Сошествіе Св. Духа, ты знаешь, есть великое и торжественное исполненіе того заключительнаго обѣтованія, которое даровалъ Божественный Спаситель нашъ своимъ апостоламъ и всей Церкви своей, и которое Онъ же назвалъ *обѣтованіемъ Отчимъ: повелѣ ученикамъ своимъ отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча, еже слышасте отъ Мене* (Дѣян. 1, 4). Видишь здѣсь дѣйствіе всей пресвятой

Троицы,—Отца, Сына и Святаго Духа, устрояющихъ и утверждающихъ всемірное спасеніе. Не прилично ли посему, при воспоминаніи явленія третьяго лица Св. Троицы, воспоминать всѣ три Лица божественныя, согласно и единою любовію совершающія наше спасеніе?

II. Тоже сошествіе Св. Духа Господь Іисусъ Христосъ называетъ новымъ и высшимъ *крещеніемъ. Яко Іоаннъ*, говоритъ, *крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ, не по многихъ сихъ днехъ* (—5). Но крещеніе новозавѣтное есть крещеніе *во имя Отца, Сына и Святаго Духа*, во имя всей св. Троицы (Матѳ. 28, 19). Значитъ, пріемля Святаго Духа, мы всѣ пріемлемся въ покровъ и защиту святой Троицы, а потому и должны воспоминать и славить Ее. *Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!*—Въ это всесвятое и блаженное царство приняты мы, и въ немъ получаемъ всѣ дарованія Пресвятаго Духа, въ немъ открыты намъ всѣ средства спасенія, въ немъ озаряетъ насъ свѣтъ чистѣйшей истины, въ немъ источникъ истинной жизни для насъ и вѣрный путь къ совершенному блаженству.

III. Сошествіе Святаго Духа, какъ довершеніе всего великаго дѣла искупленія нашего, должно напоминать намъ все божественное домостроительство въ родѣ человѣческомъ. Слѣдовательно, мы воспоминать нынѣ должны и предвѣчный совѣтъ св. Троицы о созданіи и возсозданіи человѣка, и то, какъ во времени открывался и исполнялся этотъ высочайшій планъ Божій,—исполнялся и до пришествія въ міръ Сына Божія, и по пришествіи Его на землю. Посему нашъ праздникъ св. Троицы есть торжественное исповѣданіе всѣхъ высочайшихъ истинъ христіанства, мы свидѣтельствуемъ нынѣ, что вѣруемъ въ Бога Отца Вседержителя, предвѣчно опредѣлившаго спасти человѣка чрезъ единороднаго Сына своего; вѣруемъ въ Сына Божія, *Бога истинна отъ Бога истинна*, рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, и во времени пріявшаго человѣчество, распятаго ради нашего спасенія, воскресшаго, вознесшагося на небо и имѣющаго паки пріити на землю, яко судію всемірнаго; вѣруемъ и въ Духа Святаго, животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, и ради заслугъ Сына Божія даруемаго вѣрующимъ. Въ слѣдствіе всего этого вѣруемъ и въ св. вселенскую и апостольскую Церковь, сокровищницу всѣхъ средствъ спасенія, положенныхъ въ ней Св. Духомъ, вѣруемъ въ нее, какъ царство благодати всей св. Троицы; исповѣдуемъ таинства въ святой Церкви; наконецъ, чаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, то есть, уповаемъ, что нѣкогда откроется для вѣрующихъ и вѣчное, блаженное царство св. Троицы,—Царство славы.

IV. Торжество Церкви въ честь Св. Духа и всей Пресвятой Троицы есть призываніе всѣхъ народовъ въ царство Отца и Сына и Святаго Духа. Это царство для всѣхъ языковъ открыто тогда преимущественно, когда Духъ Божій низшелъ на первобытную апостольскую Церковь въ видѣ огненныхъ языковъ и явилъ всемірныхъ проповѣдниковъ, снабдивъ ихъ чудеснымъ даромъ языковъ. Тогда исполнилось древнее пророчество: *отъ Сіона изыдетъ законъ, и слово Господне отъ Іерусалима* (Ис. 2, 3). Тогда *явлена гора Господня и домъ Божій на версѣ горъ*, т. е. святая Церковь Христова новозавѣтная. Да пріидутъ къ ней вси языцы: въ ней возвѣщается путь Господень. Да пріидутъ *иныя овцы, яже не суть отъ двора сего*, и *услышатъ глась* небеснаго Пастыря, и да *будетъ едино стадо и единъ Пастырь*

(Іоан. 10, 16). Пусть оставятъ онѣ дикія дебри язычества, нечистыя пажити магометанства, безплодныя пустыни іудейства, и соберутся тамъ, гдѣ самъ *Господь пасетъ* вѣрныхъ своихъ, *на мѣстѣ злачнѣ вселяетъ* ихъ, *на водѣ покойнѣ воспитываетъ и наставляетъ на стези правды своея* (Псал. 22, 1—3). Доколѣ тма покрываетъ землю, и мракъ на языкахъ, когда давно уже явился Господь, пріиде свѣтъ Его и слава благодати Его возсія? (Ис. 60, 1. 2). Отверсты врата новаго Іерусалима присно, день и нощь не затворяются (—11): почтоже доселѣ многіе милліоны людей блуждаютъ внѣ града Господня? Да познаютъ всѣ, что нѣтъ инаго имени подъ небесемъ, о немже подобаетъ спастися, кромѣ достопоклоняемаго имени Господа Іисуса Христа (Дѣян. 4, 12), и нѣтъ другаго убѣжища грѣшникамъ отъ гнѣва Божія, кромѣ благодатнаго царства Пресвятой Троицы. *Языцы и царіе, иже не поработаютъ* единому Спасителю міра, *погибнутъ, и языцы запустѣніемъ запустѣютъ* (Иса. 60, 12). Такую проповѣдь всемірную составляетъ настоящее торжество сошествія Св. Духа. О, еслибы эта проповѣдь св. Церкви подѣйствовала на сердца невѣрныхъ также, какъ первая проповѣдь апостольская, въ первый день новозавѣтной Пятидесятницы! *Что сотворимъ, мужіе братіе?* говорили тогда тысячи умилившихся сердцемъ. *Петръ же рече къ нимъ: покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ, и пріимете даръ Святаго Духа.— И любезно пріяша слово его, и приложишася въ день той душъ яко три тысящи* (Дѣян. 2, 37. 38. 41).

V. Что проповѣдуетъ торжество Пятидесятницы для самыхъ вѣрующихъ? Это можно усматривать въ самомъ чувственномъ украшеніи храмовъ въ этотъ праздникъ. Украшая ихъ зеленью и цвѣтами, Церковь напоминаетъ намъ о духовномъ украшеніи, подаваемомъ вѣрующимъ отъ Духа Святаго. Она какъ бы такъ говоритъ чадамъ своимъ: »вамъ извѣстны тѣ небесныя красоты, которыми облекъ меня божественный Женихъ мой, ниспославъ мнѣ всѣ дары Всесвятаго Духа; старайтесь тѣми же красотами облечь и ваши души. *Святымъ Духомъ душа* каждаго изъ васъ да *живится, чистотою* да *возвышается*, и да *свѣтлѣется тройческимъ единствомъ священнотайнѣ.*«

Тебѣ извѣстно сынъ мой, что и въ ветхомъ завѣтѣ Пятидесятница была великимъ праздникомъ. Тогда приносилась *жертва новая*—хлѣбы изъ новой пшеницы, обильная жатва *всесожженія* и жертва *спасенія* или благодарственная (Лев. 23, 16 и дал.). Это былъ всерадостный день для израильтянина, въ который онъ веселился со всѣмъ семействомъ своимъ, съ левитомъ пришельцемъ, съ сиротою и вдовою (Втор. 16, 11). Не тѣмъ ли болѣе должно совершать жертвы благоугодныя Богу въ нашу Пятидесятницу новозавѣтную, которой ветхозавѣтная была только образомъ и сѣнію? Обиліе духовныхъ жертвъ въ нашей Церкви видно особенно въ ея пѣсняхъ настоящаго праздника и колѣнопреклонныхъ молитвахъ. Что касается до общенія радости нашей съ другими, то Церковь такъ далеко распространяетъ это общеніе, что молится нынѣ о всѣхъ отшедшихъ отъ здѣшней жизни отцахъ и братіяхъ нашихъ, почившихъ о упованіи воскресенія и жизни вѣчной, молится, да проститъ Всеблагій *намъ и онѣмъ* всѣ *грѣхопаденія вольная и невольная, и отшедшимъ убо да даруетъ свободу и ослабу, насъ же сущихъ здѣ да благословитъ и даруетъ намъ конецъ благій и мирный.* Въ ветхомъ завѣтѣ вѣрующіе воспоминали, въ Пятидесятницу, ниспосланіе закона

синайскаго (даннаго въ 50-й день по изшествіи израильтянъ изъ Египта), и благодарили Господа за подаяніе плодовъ земныхъ. Такъ и мы должны благодарить, въ нашу великую Пятидесятницу, всю св. Троицу за дарованіе намъ закона новаго и за тѣ духовные плоды, которые произвелъ Всесвятый Духъ на нивѣ Церкви, умягченной кровію единороднаго Сына Божія и благословенной Отцемъ Его предвѣчнымъ.—*Благословенъ еси Христе Боже нашъ*, нынѣ воспѣваемъ мы, *иже премудры ловцы явлей, ниспославъ имъ Духа Святаго, и тѣми уловлей вселенную, Человѣколюбче, слава Тебѣ!*

Замѣчу наконецъ, что Церковь указываетъ на высокое значеніе праздника Пятидесятницы, какъ заключенія и вѣнца всѣхъ праздниковъ, въ самомъ *отпустѣ* своемъ. Въ немъ воспоминаетъ она все смотрѣніе божественное, или все великое дѣло искупленія,—и сошествіе на землю Сына Божія отъ отеческихъ нѣдръ, и то, какъ воспріятое Имъ человѣчество обожилъ Онъ, какъ вознесся на небо, возсѣлъ одесную Бога и Отца, и какъ послалъ единосущественнаго и соприсносущнаго Ему Св. Духа на апостоловъ, чрезъ которыхъ и просвѣтилъ всю вселенную.—Молюсь и я съ Церковію: Христосъ, истинный Богъ нашъ, молитвами пресвятыя Матери своея, славныхъ, духоносныхъ апостоловъ и всѣхъ святыхъ, да помилуетъ и спасетъ насъ. Аминь.

Онъ мя прославитъ, яко отъ моего пріиметъ, и возвѣститъ вамъ. Іоан. 16, 14.

И такъ Святый Духъ подаетъ христіанамъ не иную, особенную истину, а истину Христову (*): только человѣческіе учители предлагаютъ такое ученіе, которымъ опровергаются мнѣнія учителей предшествующихъ. Божественная истина—одна, нераздѣльна и неизмѣнна.

Онъ мя прославитъ. Благодать Святаго Духа даруетъ христіанину силы усвоять искупительныя заслуги Іисуса Христа и проразумѣвать Его божественное ученіе. Самая вѣра въ Іисуса Христа невозможна безъ благодати: *никтоже*, говоритъ Апостолъ, *можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). Посему озареніе и просвѣщеніе отъ Святаго Духа служитъ къ прославленію имени Христова во святой Церкви, а чрезъ нее и во всемъ человѣчествѣ.

Яко отъ моего пріиметъ. Слова сіи изъясняетъ самъ Іисусъ Христосъ: *вся, елика имать Отецъ, моя суть: сего ради рѣхъ, яко отъ моего пріиметъ* (ст. 15). Истина, подаваемая Святымъ Духомъ, есть таже истина Христова, потому что ея источникъ въ тріипостасномъ Богѣ есть одинъ и тотъ же.

Іисусъ Христосъ говоритъ о своемъ ученіи: *Азъ отъ себе не глаголахъ; но пославый мя Отецъ, той мнѣ заповѣдь даде, что реку и что возглаголю* (Іоан. 12, 49). Тоже самое говоритъ Господь и Спаситель нашъ объ ученіи, которое подаетъ христіанамъ Духъ Святый: *не отъ себе глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать* (ст. 13). Посему ученіе, исходящее отъ Святаго Духа, не полагаетъ *основанія инаго, паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. 3. 11). Святый Духъ не основываетъ въ человѣчествѣ иной Церкви, кромѣ Церкви Христовой. Святый Духъ,

---

(*) См. разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ стр. 39.

укрѣпляя и просвѣщая христіанина, только содѣлываетъ его истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ. живымъ членомъ и вѣрнымъ сыномъ Церкви Христовой.

Сообразно съ этимъ, нужно судить о тѣхъ лжеучителяхъ и лжепророкахъ, которые, подъ предлогомъ мнимаго озаренія и просвѣщенія свыше, отъ Святаго Духа, проповѣдуютъ новое и какъ сами отпадаютъ, такъ и другихъ отторгаютъ отъ общенія съ Церковію Христовою. Эти *лживіи пророцы* являлись еще во времена апостольскія (1 Петр. 2, 1) и соблазняли сердца простодушныхъ христіанъ. Эти *лживіи пророцы* не такъ давно выступали во множествѣ между народами запада (*) и, говоря о непосредственномъ озареніи отъ Святаго Духа, о внутреннемъ ясновидѣніи, объ откровеніи истины въ ихъ собственномъ сердцѣ, расторгли окончательно, и безъ того уже ослабѣвшее, единство Христовой Церкви между поименованными народами: каждый изъ такихъ учителей выдавалъ за откровеніе свыше то, что всходило на его испорченное и омраченное сердце. — Изъ предъидущаго видно, что эти лжеучители внемлютъ не Духу истины (Іоан. 15, 13), который даруетъ свое благодатное просвѣщеніе только въ Церкви Христовой и для преспѣянія Церкви Христовой; нѣтъ, они внемлютъ, по Апостолу, *духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ* (1 Тим. 4, 1): потому что и духъ тмы, который *отъ Бога нѣсть и есть антихристовъ* (1 Іоан. 4, 3), распространяетъ свои темныя откровенія, дабы возмущать свѣтъ истины Христовой. Нѣтъ, тотъ не имѣетъ Святаго Духа истины, *кто инако учитъ, и не приступаетъ къ здравымъ словесемъ Господа нашего Іисуса Христа* (Тим. 6, 3), которыя хранитъ и проповѣдуетъ святая Церковь Христова. Кто отступаетъ отъ единства Церкви и чистоты ея ученія, тотъ напрасно бы ссылался на внутреннее свидѣтельство объ озареніи свыше; потому-то не только свидѣтельство испорченнаго человѣческаго сердца. но и всякое другое или высшее свидѣтельство ничего не значитъ въ этомъ случаѣ и есть несчастное обольщеніе: *аще мы*, говоритъ Апостолъ, *или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Галат. 1, 9).

Возлюбленніи, такъ увѣщаваетъ святый Іоаннъ, *не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ* (1 Іоан. 4, 1). По истинѣ и въ наше время много лжепророковъ, мнимоозаренныхъ отъ Святаго Духа; чтобы избѣжать искушеній, христіанинъ долженъ всячески держаться общенія со святою Церковію, въ коей несомнѣнно дѣйствуетъ Духъ Святый, Духъ истины.

(*) Особенно во время появленія лютеранства: трудно исчислить, съ точностію появившіяся въ то время и появляющіяся и теперь еще, большія или меньшія религіозныя общества, — мистическія, фанатическія, которыя мечтали о внутренней церкви, о внутреннемъ пророчествѣ, о непосредственномъ наученіи отъ Бога. о видѣніяхъ, экстазахъ и под.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 1-го Мая 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 9.

НЕДѢЛЯ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

18 Мая 1858 г.

Гласъ 8-й.

На утрени: евангеліе воскресное 1-е, Матѳ. зач. 16. На Литургіи: апост. Евр. зач. 330; еванг. Матѳ. зач. 38.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО АНАСТАСІЯ СИНАИТА

ПОУЧЕНІЕ О ТОМЪ, ЧТО НЕ ДОЛЖНО ОСУЖДАТЬ НИКОГО, НАИПАЧЕ ЖЕ СВЯЩЕННИКА.

Молю васъ, братіе, да не осуждаемъ не только священника, но и всякаго человѣка, чтобы сподобиться намъ прощенія грѣховъ. Ибо когда ты видишь кого либо согрѣшающимъ, то не знаешь, какими дѣлами онъ кончитъ свою жизнь. Разбойникъ оный, со Христомъ распятый, былъ человѣкоубійца, а Іуда былъ ученикъ Христовъ и апостолъ, и въ краткое время съ обоими ими совершилася перемѣна. Разбойникъ вошелъ въ царствіе небесное, а ученикъ въ погибель. Посему не должно осуждать человѣка, хотя онъ и грѣшникъ: ибо онъ братъ твой. Да и откуда ты знаешь добрыя или злыя дѣла его? Многіе часто грѣшили явно, а потомъ въ тайнѣ принесли прилѣжное покаяніе, и мы грѣхи ихъ видѣли, а покаянія и обращенія не знали; мы осуждаемъ ихъ, какъ грѣшниковъ, а Богъ даруетъ имъ оправданіе. Итакъ умоляю васъ, не будемъ имѣть зла ни на кого, не будемъ осуждать никого, пока не придетъ праведный Судія, *иже во свѣтъ приведетъ тайная тмы и обявитъ совѣты сердечныя.* А наипаче не осуждай священника Божія за тайные или явные грѣхи его, какіе слышишь о немъ; не говори: онъ грѣшенъ, и приступаетъ къ тайнамъ, а потому не приходитъ даръ Духа Святаго; ни чего подобнаго не помышляй. Онъ есть судія и испытатель тайныхъ. Помни, что священникъ во всякомъ случаѣ выше тебя и предостави судъ праведному Судіи. Если священникъ и согрѣшилъ, то согрѣшилъ противъ божественныхъ заповѣдей, и ты не поставленъ судіею и испытателемъ другихъ; знай же свою мѣру и санъ. Но ты скажешь: неподлежитъ ли священникъ суду и канонамъ

церковнымъ? Подлежитъ, но не тобою судится или испытывается. Что ты судишь пастыря, будучи овцею? восхищаешь фарисейски Божій судъ, судя священническій чинъ, тогда какъ онъ не порученъ и не преданъ тебѣ отъ Бога? Посему, умоляю тебя, не осуждай никого, а наипаче святителя Божія, но съ вѣрою, и съ великимъ страхомъ и съ истиннымъ покаяніемъ и съ чистою совѣстію приступай и коснись Божественныхъ таинъ и святыни. Ибо еслибы ангелъ Божій приносилъ святую безкровную жертву, ты же причащался, будучи недостоинъ, то и ангелъ отнюдъ не очиститъ тебя отъ грѣха. Іуда принялъ хлѣбъ Божій отъ самаго Владыки Христа, а поелику недостойно сего причастился, абіе *вниде въ онь сатана*, отъ чего да избавитъ насъ Господь Богъ, емуже слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА И ОСВЯЩЕНІЯ ЗНАМЕНИ, ДАННАГО КІЕВСКОМУ ВЛАДИМІРСКОМУ КАДЕТСКОМУ КОРПУСУ.

17 Апрѣля 1858 года.

Празднуя нынѣ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, мы всѣ, какъ одна семья, собрались въ домъ Божій, чтобы здѣсь возблагодарить Господа за высокаго Благодѣтеля нашего, и молиться о продолженіи драгоцѣнной для отечества жизни Его; собрались вмѣстѣ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по коимъ и дѣти, въ подобные дни, какъ-то ближе тѣснятся около своихъ родителей, пристальнѣе смотрятъ въ глаза имъ, съ какою-то особенною горячностію любятъ ихъ, и шире открываютъ свою душу для теплой молитвы за нихъ предъ Отцемъ небеснымъ.

Что обыкновенно побуждаетъ дѣтей особенно выражать свою любовь къ отцу—матери въ дни, подобные нынѣшнему? Живое чувство и сознаніе того, что торжество отца или матери семейства есть торжество и всего семейства; живое сознаніе благодѣяній, полученныхъ отъ нихъ, особенно возбуждаемое по поводу подобныхъ дней; и наконецъ, неразлучное въ такихъ случаяхъ съ сердцами добраго настроенія, чувство благодарности къ подателю всѣхъ благъ Богу, въ поддержаніи виновниковъ семейства продолжающему хранить и миловать цѣлое семейство.

Тѣже причины подвигаютъ нынѣ на радость всю Россію. Но кому не видно, что у васъ нынѣ, юноши благовоспитанные, кромѣ радости общей всѣмъ Россіянамъ, есть свое торжество, особенное, виновникомъ котораго—тотъ же Отецъ отечества, Государь Императоръ? Да, въ благознаменитый день нынѣшній, при высочайшей грамотѣ вамъ даруется знамя воинское. Это—такой даръ, который и возвышаетъ васъ въ собственныхъ глазахъ вашихъ и даетъ вамъ всѣ побужденія съ ревностію продолжать святое дѣло вашего усовершенія на пользу престола, отечества и Церкви.

Знамя, даруемое вамъ, должно возвышать васъ въ собственныхъ глазахъ вашихъ. Здѣсь разумѣю впрочемъ не то возвышеніе, которое обыкновенно выражается кичливостію, надменіемъ, гордостію; разумѣю здѣсь ясное напоминаніе круга, въ которомъ промысломъ вы поставлены, и живое сознаніе долга вести

себя достойно его. Этотъ даръ царственный, который вы имѣете счастіе получить сего дня, точно какъ нельзя лучше, помогаетъ вамъ теперь понять себя и тотъ кругъ, въ которомъ вамъ назначено дѣйствовать. Когда смотришь сегодня на васъ, невольно приходитъ на память это семейное торжество, которымъ сопровождался выходъ молодаго римлянина изъ незрѣлаго возраста, знакомъ чего служила особенная одежда, называвшаяся тогою. Да, вы выросли! Воинское знамя — для нашего корпуса точно знакъ полнаго возраста его (эта *тога* древне-римская). Отрадно припомнить теперь время возрастанія роднаго намъ заведенія. Кому здѣсь неизвѣстно, при какихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ совершилось оно. Многіе изъ васъ, думаю, помнятъ, какъ блаженной памяти покойный Императоръ Николай Павловичь обозрѣвалъ только что еще возникшее заведеніе наше (*) и ободрилъ его милостивымъ словомъ своимъ. Напутствованные благостію незабвеннаго Монарха, вы потомъ бодро шли по пути, вамъ указанному. Скоро потомъ благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ Николаевичь, въ то время еще Наслѣдникъ Всероссійскаго престола, видѣлъ молодыя лѣторасли вертограда нашего, любовался вами, показывалъ вамъ знаки расположенія, память о которыхъ вы конечно навсегда сохраните въ себѣ. Безъ сомнѣнія вы не забудете, какъ Онъ, въ пріѣздъ свой въ здѣшній городъ въ 1853 году, трижды изволилъ посѣтить нашъ корпусъ, какъ будто среди нашей семьи ища отдыха душѣ своей. Корпусъ увѣковѣчилъ два Высочайшія посѣщенія эти на скрижаляхъ каменныхъ (**). Но они еще прочнѣе напечатлѣны на скрижаляхъ сердецъ нашихъ. Ими возбуждена жизнь заведенія, раскрыты для дѣятельности силы его. Они тоже были для корпуса, что солнечный весенній лучъ или благовременный дождь для молодой растительности. Не стану припоминать вамъ перехода нашего на новое мѣсто и послѣдняго Высочайшаго посѣщенія, — оно такъ свѣжо въ памяти всѣхъ. Вами долго не забудутся эти минуты, когда вы, въ присутствіи Царя, сомкнувшись въ стройные ряды, дружно выполняли обычныя воинскія движенія, и послѣ милостиваго одобренія, радостными кликами изъявляли готовность стараться о большихъ успѣхахъ. Это былъ обзоръ, подобный тому, какой дѣлаетъ домохозяинъ, осматривая молодыя растенія сада своего. При этомъ обзорѣ найдено, что растенія привились, окрѣпли, вертоградъ растетъ стройно, отвѣчаетъ цѣли и потому долженъ существовать въ своемъ видѣ. Высочайше жалуемое вамъ воинское знамя есть какъ бы окончательная всемилостивѣйшая подпись тому и утвержденіе. Какъ взрослыхъ, какъ окрѣплыхъ, это знамя вводитъ васъ съ тѣмъ вмѣстѣ въ великую семью славнаго воинства русскаго. Да, отселѣ вы уже какъ бы въ ряду общественныхъ дѣятелей, и среди другихъ знаменъ отечество будетъ считать и ваше. Вы дадите и присягу на вѣрность. Это будетъ клятвенный обѣтъ съ вашей стороны, что вы свято и ненарушимо будете стараться исполнять всѣ тѣ обязанности, которыя теперь въ первый разъ торжественно на себя принимаете. Великая минута! Она должна остаться въ вашей памяти на всю вашу жизнь.

Но чтожь это за обязанности, которыя вы имѣете принять на себя съ такою торжественностію? Вамъ ли не знать ихъ?... Онѣ извѣстны вамъ изъ уроковъ заботливаго начальства, доброму руководству котораго ввѣ-

(*) Въ 1852 году.

(**) Разумѣются двѣ мраморныя доски, на которыхъ начертаны золотыми буквами первыя посѣщенія корпуса Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и Государемъ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ.

репо воспитаніе ваше. Ихъ покажетъ вамъ присяга. Ихъ указываетъ знамя.

Такъ, благовоспитанные юноши, ваши священнѣйшія обязанности, всецѣлой преданности которымъ отъ васъ требуютъ теперь, и посильнымъ исполненіемъ которыхъ вы должны будете освятить вашу жизнь и дѣятельность, эти обязанности вы прочтете на самомъ знамени.

Что оно такое въ себѣ — знамя это? Какой долженъ быть внутренній смыслъ его, значеніе, цѣль? Знамя — собственно знакъ, сокращенное выраженіе чего либо. Значитъ это нѣкотораго рода символъ. Съ тѣхъ поръ, какъ люди соединились въ общества, и общества должны были опредѣлить себѣ извѣстныя цѣли и характеръ дѣятельности, съ тѣхъ поръ должны были явиться и знамена, какъ символы, въ которыхъ сокращенно и вмѣстѣ больше или меньше наглядно выражалась цѣль общества, характеръ его дѣйствованія и проч. Отъ того употребленіе знаменъ было у всѣхъ народовъ. Каждое колѣно у народа Божія имѣло свое знамя. Общимъ и главнымъ знаменемъ цѣлаго народа былъ кивотъ завѣта. Это была святыня, къ которой тяготѣли всѣ колѣна и въ которой объединялся весь народъ. У римлянъ въ среднія и позднѣйшія времена республики и имперіи знаменемъ были утвержденные на древкахъ металлическіе орлы. Предки наши Славяне, въ язычествѣ, имѣли много знаменъ, и такъ уважали ихъ, что въ военное время отдавали имъ божескія почести. Впрочемъ знамена у народовъ христіанскихъ утверждены самымъ основателемъ христіанства, Господомъ Іисусомъ Христомъ. Многіе изъ васъ, а можетъ быть и всѣ, знаютъ, какъ равноапостольному императору римскому Константину, во время похода его на его сопротивника Максентія, явился на небѣ крестъ, сіявшійся изъ свѣта, съ надписью: *симъ побѣждай.* Крестъ — это знамя и знаменіе христіанства съ первыхъ дней его. Въ слѣдующую ночь Господь явился самъ томуже равноапостольному императору и повелѣлъ ему устроить въ своихъ войскахъ знамена, по подобію того, какъ онъ видѣлъ на небѣ. Отселѣ начало знаменъ христіанскихъ! Принявъ христіанство, наши предки, Славяне, сохранили прежнее уваженіе къ знаменамъ, и только измѣнили наружный видъ ихъ. Вмѣсто языческихъ боговъ они стали изображать на знаменахъ рисовкою или нашивкою матеріи символъ христіанства — крестъ; не рѣдко на нихъ помѣщали образъ Спасителя или святой Троицы, Покрова пресвятой Богородицы, или св. великомученика Димитрія; на коймахъ писались иногда слова святаго Писанія, или молитвы. Не рѣдко войска, выходя на священную битву за родину, несли иконы, кресты и хоругви церковныя, отъ которыхъ, какъ видите, мало отличались знамена воинскія. И теперь въ существѣ между ними почти нѣтъ разности. Всмотритесь ближе въ то знамя, которое будетъ объединять васъ въ благородныхъ вашихъ цѣляхъ и направленіи. Что вы на немъ видите?

Прежде всего, въ наружной формѣ знамени, — вы примѣтите, что вся она въ рисовкѣ представляетъ изъ себя образъ креста. Это — прямое подобіе хоругви церковной, подъ которой воинствуетъ послѣдователь Христовъ, и того знамени, которое повелѣно было Господомъ устроить равноапостольному Константину. Значитъ, самый наружный видъ знамени показываетъ всѣмъ, что первое, чего тебуютъ отъ васъ, это — глубокая преданность св. вѣрѣ христіанской. Нѣтъ нужды и спрашивать, почему это такъ. Безъ преданности св. вѣрѣ всѣ доблести ваши, если только можно будетъ въ такомъ случаѣ назвать ихъ этимъ именемъ, будутъ или вредны и опасны, или покрайней мѣрѣ не прочны и не надежны.

На знамени видите за тѣмъ вензелевое изображеніе Государя Императора. Если когда, то въ настоящій день этотъ величественный образъ долженъ наполнять собою души ваши. Если когда, то при настоящемъ торжествѣ о рожденіи Царя, и мысль и слово о Немъ, о вѣрной службѣ Ему, о готовности жертвовать для Него всѣмъ, не исключая самой жизни. Если бы для кого другаго потребовалась такая жертва, то можно было бы спросить еще, для кого и для чего? Но о Царѣ у насъ не можетъ быть подобныхъ вопросовъ; мы, Русскіе, такъ сказать, и раждаемся съ этимъ убѣжденіемъ и хранимъ его, какъ священный завѣтъ, наслѣдованный нами отъ предковъ.

Въ глубинѣ знамени вы усматриваете наконецъ государственный гербъ — двуглаваго орла съ нагруднымъ изображеніемъ святаго Георгія побѣдоносца. Это—символъ отечества. Не знаю, что на землѣ дороже отечества, и что выше и священнѣе нашихъ къ нему обязанностей. Говорятъ, что есть люди, такъ называемые космополиты, которымъ все равно, соотечественникъ или иностранецъ, родной или чужой, знакомый или нѣтъ, въ которыхъ нѣтъ этого чувства къ родному, влагаемаго въ человѣка самою природою, а все зависитъ отъ расчета, корысти (интереса). Можетъ быть и есть такіе люди, но они что то чуждое намъ и природѣ нашей. Для насъ отечество — святыня, кивотъ завѣта, хранилище нашихъ задушевныхъ убѣжденій, св. вѣры, законовъ, исторіи жизни. Символомъ нашего отечества на знамени—двуглавый орелъ. Это передано намъ, какъ наслѣдіе отъ имперіи римско-византійской. Но полетъ орла, быстрота и сила орлиные — такія свойства, которыхъ народъ русскій не занималъ у другихъ народовъ!

Итакъ вотъ что представляетъ вамъ знамя ваше. Оно представляетъ собою все, что есть священнѣйшаго для васъ: вѣру, Царя, отечество. И вотъ почему на дѣлѣ и въ законахъ воинское знамя почитается святынею, которую русскій воинъ долженъ или защитить или пасть при этомъ.

Рукою верховнаго вождя нашего, Монарха, эта святыня воинская водружается нынѣ среди васъ, юноши благовоспитанные! Она — наградя вамъ за успѣхи, уже сдѣланные вами на пути добра и истины. Она есть съ тѣмъ вмѣстѣ и обязательство продолжать эти успѣхи и неослабно итти къ высокой цѣли, вамъ указанной. Но, не забудьте, что это же знамя будетъ и *обличителемъ* вашимъ, если бы вы стали совершать путь дальнѣйшаго своего образованія, а потомъ и званія, небрежно, безъ вниманія, или даже и превратно. Дайте же тотъ клятвенный обѣтъ, который предстоитъ вамъ, съ полнымъ вниманіемъ, съ открытою рѣшимостію быть вѣрными ему, и напечатлѣйте въ вашей памяти навсегда, что съ этого знамени, подъ сѣнію котораго, такъ сказать, вы будете отселѣ жить и дѣйствовать, будетъ взирать на васъ и всевидящее око Вседержителя, и Царь — Отецъ и цѣлая земля Русская — отечество наше. Аминь.

О ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХЪ БЛАГОДАТНЫХЪ ДАРОВАНІЯХЪ.

Овыхъ положи Богъ въ Церкви первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей, потомъ же силы, таже дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роди языковъ.

1 Кор. 2, 28.

Въ наше время любятъ хвалиться успѣхами ума человѣческаго, его изобрѣтатель-

ностію на поприщѣ наукъ и художествъ, въ области истинъ политическихъ, объемлющихъ общее устройство государствъ, и на поприщѣ промышленности, удовлетворяющей частнымъ житейскимъ нуждамъ людей. Обольщеніе симъ мнимымъ или дѣйствительнымъ могуществомъ ума естественнаго у многихъ столь сильно, что готовы, какъ и было уже нѣкогда на западѣ, ниспровергнуть олтари Господни, и на мѣстѣ ихъ возвигнуть храмы человѣческому разуму. Но есть могущество выше человѣческаго, есть сила, коею могутъ владѣть не книжные только, но и простые, не въ прославленные вѣка образованности, но и во времена, повидимому, непросвѣщенныя. Эта сила заключается въ чрезвычайныхъ благодатныхъ дарованіяхъ, ниспосылаемыхъ Духомъ Святымъ для разныхъ потребъ Церкви. Предметъ — достойный занять вниманіе христіанина болѣе, чѣмъ безпрерывные современные толки объ успѣхахъ ума человѣческаго.

Чрезвычайныя благодатныя дарованія были въ Церкви Божіей во всѣ времена существованія ея на землѣ. До пришествія на землю Іисуса Христа, когда родъ человѣческій только приготовляемъ былъ къ сему вожделѣнному событію, чудесный даръ Божій проявлялся, по преимуществу, въ видѣ пророчествъ, имѣвшихъ предметомъ Чаяніе всѣхъ языковъ; не рѣдко, впрочемъ, и въ другихъ видахъ, какъ бы вспомогательныхъ первому, напр. въ дарѣ исцѣленій. Когда обѣтованіе перешло въ исполненіе; когда вѣру въ Явльшагося на землю надлежало распространить во всѣхъ концахъ вселенной, углубить въ самыя основы природы человѣческой, токи божественныхъ чрезвычайныхъ дарованій полились рѣкою, являясь въ безчисленныхъ видахъ. *Комуждо,* по слову Апостола, преподано было *явленіе Духа на пользу. Овому бо духомъ дано слово премудрости, иному же слово разума, о томъ же Дусъ: другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ* (1 Кор. 12, 7—10). Это обиліе чрезвычайныхъ даровъ Духа Святаго, въ первенствующей Церкви Христовой, было столь замѣтно, что самые язычники не могли отвергнуть дѣйствительности оныхъ, и, только по упорному ослѣпленію и злонамѣренности, старались приписать чудесныя дѣйствія Божіи силѣ и власти врага Божія.

И не тщетна была сила Божія, столь явственно проявлявшаяся въ гонимой Церкви Христовой! Сколько ни ухищрялся гордый умъ, сколько ни злобствовала внѣшняя власть, дѣло Божіе восторжествовало надъ всѣми препятствіями, и вѣра христіанская одолѣла язычество и сдѣлалась господствующею въ большей части древняго міра. Но съ умиреніемъ внѣшнимъ, Божіей Церкви предлежало вести борьбу со врагами внутренними. Не оставила ея вышняя благодатная помощь и въ эту тяжкую годину. Чрезвычайные дары Духа Святаго сдѣлались не столь видимы и поразительны, какъ въ первенствующей Церкви, но не менѣе того живы и дѣйственны, являясь то въ просвѣщенныхъ очесахъ сердца, съ коими Богомъ вразумляемые мужи открывали зло нечестія тамъ, гдѣ трудно было его примѣтить естественному уму; то въ словѣ премудрости и разума, съ коими органы Духа Святаго, пастыри и учители Церкви, одолѣвали хитрословесныхъ еретиковъ на соборныхъ дѣяніяхъ и въ письменныхъ своихъ произведеніяхъ; то, наконецъ, въ мужествѣ и крѣпости духа, съ коими встрѣчали и преподѣвали внѣшнія насилія и преслѣдованія защитниковъ и покровителей гибельныхъ заблужденій. Послѣдующее время Церкви Божіей,

окончательно созданной и утвержденной Духомъ Святымъ на седми вселенскихъ соборахъ, хотя и не требовало столь многообразныхъ, какъ въ прежнія времена, дарованій; однакожъ никогда не лишено было оныхъ во все. Житейскія волны угрожали и послѣ безопасности Ковчега святыни; но божественный кормчій, Духъ Святый, всегда хранилъ его невредимымъ, дѣйствуя въ чрезвычайныхъ дарахъ, коихъ сподоблялись, въ благопотребное время, мужи избранные. Угрожало ли истинной вѣрѣ развращеніе нравовъ въ обществахъ человеческихъ, — появлялись чрезвычайные ревнители благочестія въ лицѣ отшельниковъ, юродивыхъ, затворниковъ и въ другихъ видахъ. Воздымалась ли внѣшняя буря гоненій отъ частныхъ лицъ, или отъ цѣлыхъ обществъ, — Духъ Божій изводилъ своихъ воиновъ, которые, силою духа, мужествомъ и самоотверженіемъ, ободряли унывающихъ, научали терпѣнію страждущихъ, окрыляли надеждою на лучшее будущее всѣхъ.

Не оставляетъ Господь, вѣруемъ мы, истинной своей Церкви и въ наше время; не оскудѣли чрезвычайныя благодатныя дарованія и въ нашей православной Россіи. Но гдѣ же они? не рѣдко спрашиваютъ насъ люди, желающіе видѣть предметы вѣры столь же ясно, какъ видятъ предметы чувственнаго зрѣнія. Гдѣ они? Конечно не тамъ, гдѣ гордый естественный разумъ хочетъ царствовать, не покаряясь уму Божію, и не тамъ, гдѣ стихійными началами жизни замѣнили правила евангельскія; но въ душахъ благоговѣйныхъ и простыхъ, не воспящающихъ, суемудрыми помыслами и горделивымъ самомнѣніемъ, дѣйствію благодати Божіей; въ лицахъ, кои живутъ и держатся корнями на почвѣ Церкви Божіей; а потому всегда могутъ представлять изъ себя благоуготованные и благопотребные органы для дѣйствія Духа Божія на окружающее ихъ общество, или и на всю Церковь наконецъ, въ самыхъ мѣстахъ, издревле избранныхъ и доселѣ, предъ очами нашими, проявляющихъ благодатную, чрезвычайную силу, присущую истинной Божіей Церкви. Ужели безъосновны эти ежегодныя притеченія къ нашимъ священнымъ градамъ сотенъ тысячъ народа, идущаго изъ отдаленныхъ предѣловъ нашего обширнаго отечества? Ужели вѣра и надежда ихъ на чудесную помощь, ожидаемую имъ отъ хранящейся тамъ святыни, не находятъ удовлетворенія? Ужели обманывается цѣлый многочисленный народъ, уже значительно просвѣщенный даже въ мірскомъ смыслѣ, сохраняя въ себѣ доселѣ, въ отношеніи къ одному и тому же мѣсту, къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, вѣрованія, какія были у него за нѣсколько вѣковъ назадъ? Нѣтъ, съ дерзновеніемъ скажемъ мы слѣпому невѣрію, это не заблужденіе, это не сила привычки; но это видимое, чудесное дѣло Божіе; это доказательство, что чрезвычайныя дарованія Божіи есть въ истинной, православной Церкви и въ наше время, и плодами ихъ пользуются туне всѣ притекающіе и обращающіеся къ нимъ съ вѣрою и молитвою.

Что слѣдуетъ изъ сего? То, что если кому, то преимущественно намъ, чадамъ православной Церкви, сынамъ Богомъ управляемой Россіи, нѣтъ причины слишкомъ обольщаться успѣхами человѣческаго разума, ожидать только отъ его изобрѣтеній и предпріимчивости величія отечества, полнаго блага и счастія частныхъ лицъ. Должно и полезно, по указаніямъ нашего благопопечительнаго правительства, усвоять совнѣ то, что можетъ удовлетворять нашимъ существеннымъ, временнымъ нуждамъ; но удовлетворенія высшихъ потребностей, истиннаго блага и счастія мы должны искать у себя, дома, въ нѣдрахъ нашей святой, православной Церкви; не отъ

иностранныхъ учителей, часто зараженныхъ ядомъ нечестія и невѣрія, а отъ божественнаго Учителя — Духа Святаго, присущаго Церкви нашей, и всегда готоваго подать благопотребныя дарованія, а главное: вся полезная къ животу и благочестію.—Предоставимъ честь сынамъ вѣка сего быть мудрѣе насъ въ мудрости стихійной, земной; но не лишимъ сами себя добровольно, въ усильныхъ поискахъ за нею, мудрости небесной, которой нѣтъ нужды искать за морями.

ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ БЕЙРУТА (*).

Бейрутъ, 15 января. Благодареніе Богу,— и церковь имѣемъ свѣтлую, и архіереемъ наделены добрымъ, ученымъ и любящимъ народъ свой... Если мы и терпимъ огорченія, и сердца наши разжигаются отъ постоянной скорби, поколику наши единоплеменники, живущіе на Ливанской горѣ, подвергаются притѣсненіямъ со стороны папизма, за то неожиданно иногда приходятъ къ намъ съ разныхъ сторонъ извѣстія, которыя подобно росоноснымъ каплямъ воды, орошаютъ нѣсколько наши сердца. Вотъ какія это извѣстія. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Маакулѣ и Муаррѣ (въ селахъ лежащихъ при Дамаскѣ) болѣе 700 душъ мужей, женъ и дѣтей изъ грекокатоликовъ возвратилось въ православную Церковь Христову со всею торжественностію, обратившись къ его святѣйшеству патріарху Антіохійскому съ представленіемъ принять ихъ въ нѣдра истинной ихъ духовной матери, съ тѣхъ поръ, говорю, какъ случилось это, вдохновлены наконецъ тѣмъ же божественнымъ Духомъ и католики села Шейтанагіи. Узнавши это, патріархъ католиковъ употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать исполненію такого ихъ намѣренія. Но ничего не могъ успѣть, потому что они, собравшись наконецъ всѣ вмѣстѣ, пошли къ губернатору Дамаска и предъ совѣтомъ его громогласно сказали: »мы православные христіане, и вѣрные подданные государя нашего султана Абдулъ-Меджида: какое же право имѣетъ надъ нами патріархъ католиковъ«? Тогда паша, слыша великій шумъ и неумолкающіе голоса ихъ, приказалъ предоставить имъ полную свободу, и впредь поступать, какъ хотятъ. Такимъ образомъ всѣ католики села этого сдѣлались Каѳоликами, (православными), сдѣлавшись членами каѳолической православной Христовой Церкви. Кромѣ сего и католики Дамаска, уже издавна совершая съ нами празднества, слушаютъ божественную и священную литургію совершаемую у насъ и отвергли отъ символа вѣры хульное прибавленіе »и отъ Сына«, исповѣдуя его также, какъ и мы. Есть по этому надежда и на ихъ открытое обращеніе къ истинной Христовой Церкви.

(*) Изъ газ. *Αιων*, 1 Мар. 1858 г.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 7-го Мая 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 10.

НЕДѢЛЯ 2 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

25 Мая 1858 г.

Глась 1-й.

На утрени: евангеліе воскресное 2-е, Марк. зач. 70. На Литургіи: апост. Римл. зач. 81; еванг. Матѳ. зач. 9.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ (*).

Благовѣствуй земле радость велію: — воспѣваетъ св. Церковь въ день радостнаго благовѣстія архангельскаго пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Но если когда эта велія радость о воплощеніи Сына Божія достигаетъ всей полноты своей, то конечно, во дни радости о воскресеніи воплотившагося и пострадавшаго за насъ Господа. И если кто полнѣе, совершеннѣе и святѣе вкусилъ этой радости воскресенія Христова, то, безъ сомнѣнія, Матерь Божія, которая болѣе всѣхъ спострадала Сыну своему и Богу. И если гдѣ душа наша можетъ истѣе причаститься сей радости отъ преизбытка благодати Преблагословенной въ женахъ, то здѣсь, въ Ея святомъ храмѣ, посреди Ея ближайшихъ чадъ, которые, лишившись земныхъ своихъ родителей, Ее единую имѣютъ въ матерь себѣ.

Такъ, это — ваша единая истинная Матерь, сиротствующіе дѣти! Это Она премилосердая Владычица вдохнула душамъ избраннымъ святую мысль собрать васъ здѣсь, подъ сѣнію Ея святаго храма! Это Она — чадолюбивѣйшая Матерь возгрѣваетъ въ сердцахъ благотворительныхъ людей святую ревность пещись о воспитаніи вашемъ съ родственнымъ участіемъ и съ материнскою любовію! Это Она, Царица небесе и земли, благословляя избыткомъ сограждан вашихъ, воодушевляетъ ихъ готовностію охотно раздѣлять избытки свои съ вами!

(*) Говорено въ одесской Благовѣщенской церкви, что при домѣ призрѣнія сиротъ,—преосвящ. Димитріемъ, епископомъ херсонскимъ и таврическимъ, 25 Мар. 1858 г.

По истинѣ, братіе мои, здѣсь невольно чувствуешь, что находишься какъ бы въ ближайшемъ семействѣ Матери Божіей, посреди Ея искреннѣйшихъ чадъ! Надобно только открыть совершенно сердце свое родственною любовію къ сиротамъ, чтобы почувствовать таинственное вѣяніе благодати отъ преизбытка благодати небесной Матери сирыхъ. А кто же больше достоинъ сего родственнаго участія нашего, какъ не безродный сирота?

Что онъ такое? Сорванный съ роднаго корени цвѣтокъ, оставленный на волю всѣхъ бурь и непогодъ; выпавшій изъ роднаго гнѣзда птенецъ, обреченный въ жертву голода и холода. Правда, есть и у сироты жизнь: но ей не къ чему привиться, чтобы заимствовать для себя питательные соки; ей не на чемъ укорениться, что бы разцвѣсти и принести плодъ. Нѣтъ жизни родительской, въ лонѣ которой онъ могъ бы возрасти и укрѣпиться; нѣтъ руководства отеческаго, которое бы развило и направило его силы къ полезной дѣятельности; нѣтъ любви матерней, которая бы согрѣла его сердце, очистила его чувства, вдохновила его душу ко всему доброму и святому. Есть и у сироты родное на землѣ мѣсто,—могила его родителей. Но холодна могила; не согрѣютъ ее никакія, самыя жаркія, объятія сыновнія. Но безмолвна могила; не отзовется она ни на какія, самыя пламенныя мольбы дитяти. Но безжизненна могила; не дастъ ничего, хотя бы поливали ее самыя горькія слезы сиротскія. По неволѣ онъ сойдетъ съ нее, какъ пришелъ,—одинъ и одинокъ въ мірѣ, безъ пищи и утѣшенія, безъ покрова и защиты! Предоставте же сего отрока самому себѣ: оставленная всѣми душа его, какъ запущенное поле, заростетъ только терніями и волчцами; отторгнутое отъ всего родственнаго, сердце его завянетъ, очерствѣетъ, и ожестѣетъ; заглохнутъ въ немъ неминуемо всѣ нѣжныя, добрыя и святыя чувства, выростутъ и укоренятся однѣ страсти и пороки. Отвергнутый всѣми, онъ ожесточится на всѣхъ; въ земныхъ братіяхъ онъ будетъ видѣть враговъ своихъ, которымъ онъ будетъ мстить со всею злобою. Такимъ образомъ изъ непорочнаго ангела Божія образуется ангелъ тмы и нечестія. И не такъ ли дѣйствительно выростаютъ и образуются въ нашихъ обществахъ тѣ несчастные, коими наполняются наши темницы? —Потому то именно Господь нашъ Іисусъ Христосъ такъ трогательно и убѣдительно внушалъ своимъ послѣдователямъ самую нѣжную любовь къ дѣтямъ, самое заботливое попеченіе о душахъ ихъ: *оставите дѣтей приходити ко Мнѣ и не браните имъ: такихъ бо есть царствіе Божіе, и обѣемъ ихъ, благословяше ихъ* (Мар. 10, 14. 16) *и рече: иже аще пріиметъ отроча таково во имя мое, Мене пріемлетъ, и иже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. 18, 5. 6).

Послѣ сего, какому тяжкому осужденію подвергаютъ себя тѣ, кои, для прикрытія своей холодности, съ преступнымъ равнодушіемъ отвѣчаютъ на горькія слезы сиротскія: »Богъ сиротамъ отецъ. Матерь Божія не оставитъ ихъ«!

Такъ, возлюбленный собратъ, это не прекаемая истина, что Господь Богъ есть отецъ сирыхъ и вдовицъ, что нищіе и сирые суть братія возлюбленнаго единороднаго Сына Божія. Потому-то Отецъ небесный такъ заботливо и печется о сирыхъ, что Онъ отецъ ихъ; потому и поручаетъ ихъ нашему особенному попеченію: *тебѣ оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ* (Пс. 9, 35),—говоритъ Онъ. Потому и освятилъ сію заповѣдь особенными благословеніями, огра-

дилъ ее страшными угрозами, чтобы содѣлать ее совершенно необходимою для спасенія нашего.

Въ самомъ дѣлѣ, если Богъ есть отецъ сирыхъ; то можемъ ли мы причислиться къ Его чадамъ, не сдѣлавшись братіями дѣтямъ Его, не сроднившись съ ними чувствами любви и милосердія? Если Богъ есть отецъ сиротъ: то все, что сдѣлаемъ имъ, вмѣнитъ самому себѣ Отецъ ихъ небесный; все, чѣмъ оскорбимъ ихъ, почтетъ за оскорбленіе себѣ единородный Сынъ Божій: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 40. 45), скажетъ Онъ намъ на страшномъ судѣ своемъ. Посему, если будемъ, подобно Отцу небесному, благи и милосерды къ чадамъ Его, если будемъ исполнять усердно святую заповѣдь Его: то почіетъ на насъ оное древнее благословеніе Его: *благословенъ ты во градѣ, и благословенъ ты на селѣ; благословенны житницы твои и останцы твои*; *благословенъ ты, внегда входити тебѣ, и благословенъ ты, внегда исходити тебѣ* (Втор. 28, 3. 5. 6). Если же отринемъ и преогорчимъ нищаго и сироту: то пріидетъ на насъ оное слово Господне: *аще возлукавнуетъ око твое брату твоему требующему, и не даси ему, и возопіетъ на тя ко Господу,— и будетъ тебѣ грѣхъ великъ* (Втор. 15, 9). Тогда какъ явиться намъ предъ лице Божіе съ молитвою? Дерзнемъ ли сказать: Отче нашъ, иже на небесѣхъ? Но, возстанетъ отвергнутый нами сирота и возопіетъ: не признавай его за сына, ибо онъ не признаетъ меня за брата своего!—Будемъ ли просить у Господа: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ? Но, возстанетъ голодный бѣднякъ и возопіетъ: не подавай ему, ибо онъ не хочетъ удѣлить мнѣ даже крупицъ, падающихъ отъ трапезы его! Будемъ ли умолять Господа: не введи насъ во искушеніе, избави насъ отъ лукаваго? Но, возстанетъ обиженный нами сирота, и возопіетъ: нѣтъ, испытай его, какъ онъ самъ испытываетъ мое терпѣніе, не избавляй его отъ зла, какъ онъ не хочетъ избавить другихъ! — И не здѣсь ли, брат. мои, главный источникъ тѣхъ бѣдствій, общественныхъ и частныхъ, коими посѣщаетъ иногда Господь и семейства и цѣлыя общества?—Небо и земля прейдутъ, словеса же Господня, Его угрозы и обѣтованія не прейдутъ! (Мар. 13, 21). Посему-то съ полною увѣренностію можно сказать, что если, въ минувшіе грозные дни посѣщенія Божія, градъ нашъ сохранился чудесно отъ разженныхъ стрѣлъ вражіихъ; то, конечно, не мало споспѣшествовали къ тому неслышимыя молитвы малыхъ сихъ. Ихъ младенческій вопль за питающихъ ихъ слышнѣе на небѣ, нежели наши слабыя и нечистыя молитвы. Одна благодарная слеза ихъ, быть можетъ, превѣсила на вѣсахъ правды Божіей тяжесть многихъ и многихъ грѣховъ. Не напрасно же слово Божіе увѣряетъ насъ, что милостыня избавляетъ отъ смерти и покрываетъ множество грѣховъ.

Съ другой стороны, непререкаемая истина и то, что пресвятая Матерь Божія есть истинная матерь всѣхъ сирыхъ и безпомощныхъ, прибѣжище всѣхъ скорбящихъ и печалующихъ. А мы развѣ не хотимъ уже, чтобы Она была и нашею матерію? А намъ развѣ не нужно уже Ея матернее благословеніе, Ея небесная помощь и заступленіе? Но какъ же Она признаетъ насъ своими чадами, если мы сами не признаемъ истинныхъ братій своихъ въ меньшихъ чадахъ Ея? Какъ явиться намъ предъ лице Ея съ молитвою, если не сроднимся съ Нею чувствами любви и милосердія къ чадамъ Ея меньшимъ, къ которымъ Она такъ милосерда и сострадательна? Что, если скажетъ Она въ отвѣтъ на всѣ моле-

нія наши: вы приближаетесь ко мнѣ устами своими; но приблизились ли вашимъ сердцемъ? Вы просите, чтобы я подавала вамъ всегда дары Сына и Бога моего: почемужъ вы сами не хотите дѣлиться ими съ сирыми моими чадами? Вы умоляете, чтобы я ходатайствомъ своимъ милостива сотворила вамъ Сына и Бога моего: но были ли милостивы къ Нему вы, когда Онъ просилъ у васъ хлѣба въ лицѣ нищаго, толкалъ въ двери домовъ вашихъ въ лицѣ безпріютнаго, стеналъ предъ вами въ лицѣ страждущаго? Вы молите, чтобы я защищала васъ отъ гнѣва Божія, избавляла отъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ: но сами вы защитили ль когда слабаго, избавили ль отъ нужды безпомощнаго, приняли ль подъ кровъ свой беззащитнаго? Вы вопіете ко мнѣ въ скорбяхъ и печаляхъ вашихъ: но сами вы плакали ль съ плачущими, скорбѣли ль со скорбящими, утѣшали ль осиротѣвшаго въ скорби души его? Вы просите у меня благословенія чадамъ вашимъ: а сами вы призрѣли ль чадъ бѣдныхъ и безпомощныхъ, водворили ль въ домъ свой безроднаго и безпріютнаго сироту, научили ль и собственныхъ чадъ своихъ вѣровать въ Господа истинно и православно, любить Его всѣмъ сердцемъ своимъ, молиться Ему и уповать на Него отъ всея души своея, служить и повиноваться Ему со страхомъ и трепетомъ? — И не здѣсь-то ли, брат. мои, главная причина того, почему многіе молятся Матери Божіей, и безъ успѣха; просятъ, и не пріемлютъ? Могла ли бы Матерь милосердія и щедротъ отказать намъ въ чемъ либо, если бы мы искреннею любовію и милосердіемъ къ ближнимъ заслуживали Ея метернее благословеніе, если бы взора Ея не отвращало отъ насъ наше жестокосердіе, самолюбіе и своекорыстіе? Но здѣсь паки нельзя не исповѣдать, что если пресвятая Матерь Божія, предъ самымъ угрожавшимъ намъ нашествіемъ враговъ, предпослала намъ чудотворный образъ свой, въ залогъ безопасности и спасенія: то, нѣтъ сомнѣнія, что Она приходила сюда, въ чудотворномъ ликѣ своемъ, посѣтить преимущественно этихъ сирыхъ чадъ своихъ; что, обрѣтя ихъ призрѣнными и упокоенными, призрѣла сама милостію своею и на весь градъ нашъ, и покрыла его своимъ невидимымъ покровомъ.

Видите ль, братіе мои, что значатъ для насъ эти слабыя, безпомощныя, несмыслящія, сирыя дѣти! Это—наши ходатаи или обвинители, защитники или обличители предъ Богомъ. И не думайте, чтобы, благотворя имъ, мы дѣлали имъ одолженіе: нѣтъ, мы платимъ токмо непремѣнный долгъ нашъ Богу; и, не заплативъ его, мы повинны Его суду и осужденію.

Но здѣсь, подъ кровомъ Матери Божіей посреди Ея благодатной семьи, въ кругу призрѣнныхъ, утѣшенныхъ, охраняемыхъ матернею любовію сиротъ, мы можемъ вполнѣ предаться одному святому чувству радованія о Господѣ. Сколько было, есть и будетъ здѣсь призрѣно и упокоено этихъ юныхъ чадъ Божіихъ, столько ходатаевъ предъ Богомъ за градъ нашъ, столько ангеловъ святыхъ предстоятъ о насъ лицу Отца нашего небеснаго. *Аминь бо глаголю вамъ*, такъ свидѣтельствуетъ самъ единородный Сынъ Божій, *яко ангели ихъ выну видятъ лице Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. 18, 10). Аминь.

О ПЛОДАХЪ УНІИ (*).

Что выиграли бывшіе, такъ называемые, уніаты въ западныхъ русскихъ областяхъ отъ подчиненія папѣ?Въ слѣдъ за учрежденіемъ Уніи, русскіе князья и владѣльцы, большею частію дворяне тѣхъ областей, державшіеся православнаго вѣроисповѣданія, приняли латинское, а отчасти протестантское и реформатское, оставивъ уніатскаго митрополита и епископовъ съ одними мѣщанами и поселянами, обращенными въ унію насильно. Вмѣстѣ съ тѣмъ латинское духовенство всемѣрно старалось отторгать и усвоять себѣ уніатскія имѣнія (**).

До самаго паденія Польши, ни одинъ изъ уніатскихъ митрополитовъ и епископовъ не имѣлъ ни въ польскомъ сенатѣ, ни на сеймѣ соотвѣтственнаго сану своему кресла, обѣщаніемъ коего іезуиты обольстили митрополита Рогозу и довели его тѣмъ до измѣны православію. Только на послѣднемъ сеймѣ, предъ самымъ разрушеніемъ Польскаго Королевства, дано было поляками кресло уніатскому митрополиту Льву Кишкѣ, но и то ниже всѣхъ епископовъ и прелатовъ латинскихъ, и притомъ по совѣту и настоянію англійскаго посланника. Между тѣмъ съ самаго учрежденія Уніи, уніаты повсемѣстно въ Польшѣ были унижаемы; а предъ самымъ паденіемъ Польши, на послѣднемъ ея сеймѣ, который провозгласилъ конституцію, получившую названіе конституціи 3 ч. мая, польское правительство, предположивъ отнять какъ отъ латинскаго, такъ и отъ уніатскаго духовенства, всѣ недвижимыя имѣнія, и содержать всѣхъ духовныхъ на жалованьѣ, опредѣлило уніатскому духовенству жалованье цѣлою половиною меньше противъ латинскаго. Именно латинскимъ епископамъ положено было получать ежегоднаго содержанія сто тысячь злотыхъ польскихъ, а уніатскимъ епископамъ только пятьдесятъ тысячь тѣхъ-же злотыхъ. Притомъ унію поляки открыто называли холопскою вѣрою и не скрывали, что она только служитъ мостомъ къ переходу изъ православія въ латинство; а латинскіе прелаты и польскіе аристократы уніатскихъ епископовъ называли даже схизматиками.

Уніатскіе епископы тщетно усиливались заслужить благоволеніе латинскихъ, и изъ угожденія латинцамъ постепенно искажали уставъ древняго православнаго богослуженія странными нововведеніями, чуждыми чистымъ его стихіямъ; тщетно измѣняли свою литургію по схоластическимъ мудрованіямъ, въ противность ясному смыслу литургіи въ церквахъ православныхъ; тщетно вносили новые обряды и

(*) Изъ кн. *Авдія Востокова:* объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ. С.-Петербургъ 1857 г. ч. II. стр. 356—368.

(**) По составленіи такъ называемой Уніи іезуиты почти тотчасъ стали отнимать недвижимыя имѣнія у монастырей уніатскихъ, особенно въ полотской области; а дабы своему насилію дать видъ нѣкоторой законности, издали въ Вильнѣ 1699 года брошюру подъ названіемъ: Informacya o dobrach do Collegium Połockiego należących, jako nie są królewszczyzną, ale własnie ziemskiemi dobrami i prawu ziemskiemu podległemi. Въ опроверженіе сей брошюрки уніатъ Олешевскій издалъ другую, которою весьма сильно доказывалъ всѣ несправедливости іезуитовъ Но іезуиты владѣли тѣми имѣніями до изгнанія ихъ изъ Россіи. Смотр. Michała Wiszniewskiego, Historya Literatury Polskiej w Krakowie, 1851 r. Tom. VIII, отдѣленіе: Historya drukarni Kirylickich. стр. 404 405. Вотъ еще образчикъ особеннаго благоволенія къ уніатамъ папы и его куріи. Послѣ ужасныхъ опустошеній города Вильны отъ пожаровъ и войны, русскую святую икону, извѣстную въ Вильнѣ подъ именемъ Остробрамской, латинскіе монахи кармелиты, поселившіеся возлѣ »острой брамы«, присвоили себѣ. Уніаты завели дѣло объ отнятіи той иконы; и оно изъ низшихъ инстанцій поступило на рѣшеніе папы. Папа съ своею куріею, не находя возможности опровергнуть доказательства правоты уніатовъ, и дать преимущество кармелитамъ, вздумалъ спросить: кармелитскій ли монастырь, или уніатскій Свято-Троицкій находится ближе острой брамы; и на семъ основаніи присудилъ икону кармелитамъ. Дѣло о семъ съ бывшимъ архивомъ уніатскихъ митрополитовъ передано въ Святѣйшій Синодъ. (Выписка изъ примѣчанія въ концѣ слова синодальнаго члена, Іосифа, архіепископа (нынѣ митрополита) литовскаго и виленскаго, 1851).

прибавленія въ другія таинства кромѣ Евхаристіи. Всѣми такими дѣйствіями уніатское духовенство не снискало благоволенія латинскаго (*). Замѣчательно однако, что, усиливаясь изгладить въ богослужебныхъ славянскихъ книгахъ самые слѣды православнаго вѣроученія, уніаты, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, никакъ не могли совершенно помрачить оное; потому-что въ молитвенныхъ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ такъ ясно и связно изложены догматы православной вѣры, что, измѣнивъ въ нихъ или вставивъ другія слова, съ одной стороны надлежало бы совершенно исказить смыслъ, съ другой — возбудить ропотъ въ простомъ народѣ, который привыкъ къ древнимъ чтеніямъ и пѣснопѣніямъ церковнымъ, и потому тотчасъ могъ примѣтить подлогъ. Посему, вынужденные оставить такія мѣста неприкосновенными, уніаты оговаривали ихъ въ предисловіяхъ къ книгамъ хитросплетенными софизмами. Такъ напр. въ книгѣ, именуемой »цвѣтною тріодію«, ученіе объ исхожденіи Духа Святаго отъ единаго Отца набеснаго изложено съ такою силою и такъ сжато, что уніаты не могли придумать, какимъ бы образомъ внесть въ церковные стихиры и тропари заутренняго канона латинское прибавленіе *и Сына*. Посему, печатая въ своихъ типографіяхъ »цвѣтную Тріодь«, они оговорили православное ученіе объ исхожденіи Духа предисловіемъ такого содержанія: »хотя отцы Церкви писали, что Духъ »Святый отъ Отца исходитъ, но они вѣровали, »что Духъ Святый происходитъ и отъ Сына, »потому-что Духъ Святый есть произведеніе »любви, или самая взаимная любовь Отца и »Сына.« Жалкій софизмъ, или лучше сказать, нечестивое пустословіе! Ибо если по изреченію св. Іоанна Богослова, *Богъ любы есть* (Іоан. 4, 8): то все существо Божіе, Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый, есть любовь. — Вмѣстѣ съ искаженіемъ древняго богослуженія и другими нововведеніями, уніатскіе епископы подали примѣръ и къ преобразованію внутренняго устройства храмовъ, священныхъ облаченій, богослужебныхъ сосудовъ, и всего чиноположенія церковнаго, примѣнительно къ образцамъ латинскимъ.

Въ награду за такія услуги, папы, вопреки опредѣленіямъ и правиламъ вселенскихъ Соборовъ, отторгли отъ подчиненія епископамъ перешедшихъ въ унію монаховъ. Уніатскіе монахи изъ подражанія латинскимъ, именующимся отъ учредителей ихъ орденовъ, стали называться Базиліанами, означая такимъ названіемъ, будто они слѣдуютъ чину, или уставу св. Василія великаго; учредили для своего управленія провинціаловъ; а архимандритовъ, игуменовъ и строителей переименовали въ аббатовъ и пріоровъ, и, примѣнивъ монашескую свою одежду къ іезуитской, отъ іезуитовъ же (которые первоначально занимались ихъ преобразованіемъ) заимствовали и внутреннее устройство своихъ монастырей (*).

(*) Восточные обряды, утвержденные св. отцами и освященные многовѣковымъ употребленіемъ, были не одобряемы, а только терпимы папами, какъ это усматривается изъ окружнаго посланія S. D. Benedicti, Papæ XIV, de ritibus Ecclesiæ Græcæ aliarumque orientalium conservandis, die 26 Iulii, 1755 anno. »Ritus eorum, quantum cum Deo possumus, tolerantes, ipsos in Ecclesiæ obedientia præservemus, pag. 12. Dictos Ritus (Ruthenæ Ecclesiæ) eisdem Ruthenis Episcopis et Clero, ex Apostolica benignitate permissos, et indultos esse litteris Apostolicis Pauli V. pag. 19.

Superioribus inter nostros (Latinos) Theologos non defuerint, qui orientalium Lyturgiarum Rituumque, qui ante schisma in orientali Ecclesia obtinuerunt, penitus ignari, improbarent, quidquid adversabatur occidentalis Ecclesiæ Ritui, quem tamtumodo probe noverant, p. 27.

(*) Въ тоже время іезуиты съ своими клевретами затѣвали совершенно преобразовать уніатовъ въ латинистовъ. Но Іосифъ Рудскій, епископъ, а потомъ митрополитъ уніатскій, получившій образованіе въ Римѣ, бывъ самымъ ревностнымъ поборникомъ Уніи, исходатайствовалъ у папы Павла V буллу, предписывающую, чтобы

Судя по судьбѣ базиліанскихъ или уніатскихъ монастырей, хотя іезуиты и не открыли базиліанамъ тайныхъ коренныхъ своихъ правилъ и способовъ, коими они привлекаютъ въ свой орденъ юношество, и усиливаются пріумноженіемъ братіи своего ордена: однакожъ базиліане, внимательно наблюдая внѣшнія дѣйствія іезуитовъ, научились искусно во многомъ подражать хитрой ихъ изворотливости, такъ-что предъ паденіемъ Польши возвысились въ ней надъ монашескими, бывшими въ Польшѣ, орденами и считались почетнѣе другихъ. Путемъ къ такому возвышенію базиліанъ было то, что когда, по уничтоженіи іезуитовъ, польское правительство, учредило коммисію народныхъ училищъ, и постановило преобразовать старинные способы воспитанія юношества, и для сего изъ существовавшихъ въ Польшѣ монашескихъ орденовъ вызывало въ краковскую академію молодыхъ, способныхъ послушниковъ (новиціевъ), чтобы пріуготовить изъ нихъ наставниковъ по новой методѣ образованія для низшихъ училищъ; — всѣ латинскіе монастыри въ то время отказались отъ такого предложенія, какъ отъ ереси, и одни базиліане поспѣшили отправить въ краковскую академію своихъ новиціантовъ, которые, сдѣлавшись впослѣдствіи наставниками юношества, пріобрѣли особенную благосклонность польскаго правительства и аристократіи, тѣмъ болѣе, что при своихъ монастыряхъ повсемѣстно открывали школы на подобіе гимназій и уѣздныхъ училищъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ базиліанскихъ монастыряхъ истребились почти всѣ слѣды происхожденія ихъ отъ восточнаго монашества: потому особенно, что еще іезуиты присовѣтовали базиліанамъ принимать въ свой орденъ и латинцевъ, которые, считаясь базиліанами, были рукополагаемы въ іеромонахи латинскими епископами и отправляли богослуженіе, особенно литургію, по латинѣ, на облаткѣ. Отъ такой смѣси поляковъ съ русскими, изученіе славянскаго языка въ уніатскихъ монастыряхъ было совсѣмъ брошено; многіе базиліане, даже русскіе по происхожденію, не умѣя читать по славянски, служили только обѣдни по тетрадкамъ, въ коихъ литургія св. Іоанна Златоустаго написана была польскими буквами. Подражая такимъ базиліанамъ, многіе изъ шляхты и мѣщанъ латинскаго вѣроисповѣданія, поступивъ въ бѣлое уніатское духовенство, и также не умѣя читать по славянски, почти всегда служили литургію шо-

---

русскихъ не обращать въ латинство. Когда же изъ Рима послѣдовало повелѣніе, чтобы русскихъ священниковъ склонять отправлять, вмѣсто литургіи на славянскомъ языкѣ, латинскую миссу: то Рудскій ревностно воспротивился такому нововведенію, и успѣлъ удержать въ уніатскихъ церквахъ богослужебный славянскій языкъ. Впрочемъ изъ завѣщанія его ясно видно, что и епископы, и вообще уніатское духовенство претерпѣвало отъ латинскаго духовенства большія обиды. Завѣщаніе Рудскаго, изданное въ видѣ брошурки, надписывается: Testamentum, seu protestatio servi Dei Josephi Velamin Rudzki, Metropolitæ Kijoviensis, Halicensis, totiusque Russiæ, in ultima infirmitate facta, et manus propriæ subscriptione sigilloque consignata. Въ концѣ завѣщанія сказано: scriptum in monasterio Dormanensi Diœcesis Lucerionensis Ritus Graeci. Anno 1634. Въ этомъ завѣщаніи Рудскій между прочимъ говоритъ: »De omnibus his miseriis siluimus hactenus, tum ut paci et fraternæ caritati consuleremus, tum ut committeremus tempori et circumstantiis, optimo magistro ut emendet. Sed præcipuis amissis, per transitum ad Latinos, expoliati omnibus ornamentis, incipimus advertere omni humano auxilio nos destituti, radices malorum pullulare et incrementum in dies accipere, unde veluti ex somno expergefacti sentimus, unde excedimus, ut præteritum statum cum præsenti comparando, recordatione ipsa affligimus et compellimur obviare, ne malum ulterius serpat... (Mich. Wiszniewskiego, Historya Literatury Polskiej, w Krakowie 1851, Tom. VIII. str. 261—363). (Тотъ-же авторъ въ концѣ того-же тома напечаталъ на польскомъ языкѣ письмо литовскаго канцлера Льва Сапѣги, помѣщенное сокращенно въ Исторіи Каменскаго объ Уніи, къ полотскому уніатскому архіепископу Іосафату Кунцевичу. Авторъ означенной Польской литературы говоритъ о томъ письмѣ Сапѣги: »Nie znam w całej literaturze Polskiej nic nad ten list piękniejszego i co by o wysokim Polaków oświeceniu w epoce Zygmuntowskiej wznioślejsze i prawsdziwsze dawało świadectwo, jak ten złoty prawdziwie list Leona Sapiehy. Str. 347).

потомъ по тетрадкамъ, написаннымъ по польски. Вообще богатая церковная славянская словесность въ уніатскихъ монастыряхъ повсемѣстно была забыта. По учрежденіи уніи, ревнуя, въ противоположность православнымъ пастырямъ, учить простой народъ на языкѣ для него понятномъ, уніатскіе епископы первоначально издавали проповѣди и другія сочиненія, большею частію ничтожныя, на бѣлорусскомъ, или лучше сказать на польскомъ языкѣ, т. е. выражаясь польскими словами, приспособленными къ произношенію и измѣненію словъ въ языкѣ русскомъ, а потомъ русскій языкъ былъ совершенно брошенъ, — и какъ базиліане, такъ и бѣлые духовные уніаты стали произносить проповѣди и сочинять кое-какія книги только на польскомъ языкѣ. Но при всѣхъ усиліяхъ сблизиться съ послѣдователями латинскаго вѣроисповѣданія и угодить латинской церкви, духовенство послѣдней постоянно давало чувствовать уніатскому, что римская церковь смотритъ на него съ презрѣніемъ.

Въ такомъ положеніи была унія еще до присоединенія западныхъ губерній къ Россіи. Русское правительство, покровительствующее всѣмъ мирнымъ, не производящимъ народныхъ смутъ, вѣроисповѣданіямъ, оказало отеческое свое покровительство и уніатскому. Вскорѣ ревнители латинскаго вѣроисповѣданія поняли, что подъ скипетромъ державы, въ которой господствуетъ православное вѣроисповѣданіе, латинскіе епископы и духовенство не долго будутъ давать чувствовать уніатскимъ свое преимущество; поняли также и уніаты, что имъ нельзя составлять отдѣльной церкви, и не соединиться съ русскою православною, отъ которой отторгли ихъ козни іезуитовъ и насиліе польской аристократіи. Предугадывая такія послѣдствія, въ началѣ царствованія Александра I, Ексъ-Іезуитъ Шантырь, для совершеннаго преобразованія уніатовъ въ латинцевъ, придумалъ заставить уніатскихъ священниковъ совершать литургію на латинскомъ языкѣ. А какъ большая часть ихъ и читать по латынѣ не умѣли: то Шантырь, для преодолѣнія сего затрудненія, напечаталъ латинскіе миссалы польскимъ правописаніемъ. Но эта іезуитская затѣя не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ: по жалобѣ на такія козни іезуитовъ уніатскаго митрополита Лисовскаго, такое преобразованіе уніатовъ строжайше воспрещено, какъ рѣшительно противное булламъ многихъ папъ, особенно Павла V на имя митрополита Іосифа Веніамина Рудскаго, и конституціи Урбана VIII, начинающейся словами: ad conservandam pacem.... Въ слѣдствіе сего, принявшіе латинство уніатскіе священники снова перешли въ Унію.

Между тѣмъ Унія постепенно чахла, и приближалась къ своему концу. Уніатскіе митрополиты, епископы и начальники богатѣйшихъ монастырей помышляли только о накопленіи большаго количества денегъ для обогащенія своей родни и выведенія своихъ любимыхъ родственниковъ въ сословіе помѣщиковъ, на счетъ доходовъ съ уніатскихъ архіерейскихъ монастырскихъ имѣній. О образованіи кандидатовъ для рукоположенія въ приходскихъ священниковъ никто и не думалъ; уніатскіе священники воспитывали дѣтей своихъ, гдѣ имъ вздумалось; а епископы рукополагали въ священниковъ лица изъ всякаго сословія. Лучшіе уніатскіе монастыри и церкви по городамъ были въ такомъ состояніи, какъ будто бы ихъ настоятели доживали послѣдній день своего существованія; а уніатскія церкви по сельскимъ приходамъ дошли до того, что многія изъ нихъ и снаружи и внутри казались безобразнѣе хорошихъ скотскихъ сараевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскій народъ, исповѣдывавшій такъ называемую Унію, подъ

вліяніемъ своихъ помѣщиковъ и евреевъ, сдѣлался столь равнодушнымъ къ вѣрѣ, что считалъ за одно исповѣдывать какую бы то ни было вѣру, или не исповѣдывать никакой. При многихъ уніатскихъ церквахъ не было ни дьячковъ, ни пономарей; отъ этого почти нигдѣ не совершались ни вечерни, ни заутрени, а уніатскіе священники, Богъ вѣсть какъ пріуготовившись, или и не пріуготовившись по церковнымъ постановленіямъ къ богослуженію, почти повсемѣстно читали обѣдни шопотомъ. Если же гдѣ-либо, по случаю храмоваго праздника, священникъ хотѣлъ отслужить вечерню и заутреню или всенощное бдѣніе и литургію, какъ будто бы по церковному уставу, то принужденъ былъ заблаговременно искать дьячка, сколько-нибудь знающаго церковный уставъ и пѣніе. Уніатскіе священники иногда совершали обѣдни и въ латинскихъ костелахъ, особенно по случаю погребенія какого нибудь богатаго владѣльца. Въ такихъ случаяхъ ксендзы дозволяли уніатскимъ священникамъ служить на какомъ-нибудь пристѣнномъ алтарѣ въ углу костела, и только изрѣдка, по недостатку ксендзовъ, дозволяли служить имъ на главномъ престолѣ. По такому же побужденію настоятели костеловъ принимали иногда уніатскихъ священниковъ въ помощники себѣ, въ качествѣ викаріевъ. Это были безсмѣнные работники, которые за какую-нибудь сотню злотыхъ польскихъ обязывались сплошь совершать христіанскія въ приходѣ требы и почти ежедневно служить обѣдню: потому-что настоятель, или, какъ зовутъ поляки, пробощъ, занятый обращеніемъ съ помѣщиками, рѣдко являлся въ костелъ. Бывали случаи, какъ напр. послѣ похоронъ, или поминокъ какого нибудь богатаго владѣльца, что приглашали на заупокойный обѣдъ и уніатскихъ священниковъ, но для нихъ, какъ для отверженныхъ, поставлялись столы гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ комнатахъ, или въ углу, съ простою пищею и питьемъ; тогда-какъ латинскіе ксендзы и монахи пресыщались роскошною пищею и дорогими напитками за почетнымъ столомъ съ господами.

Такая-же честь уніатамъ и въ другихъ странахъ Европы; въ такомъ-же презрѣніи они и на Востокѣ.

Въ Австріи (кромѣ Галиціи, гдѣ большинство уніатскаго народонаселенія, совращеннаго изъ православія въ началѣ XVIII столѣтія, внушаетъ правительству уваженіе къ себѣ), и въ другихъ областяхъ уніаты терпимы только на-равнѣ съ протестантами. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ, воспрещается совершать открытое богослуженіе, а дозволено отправлять его какъ бы тайно, или частно, и притомъ въ такихъ молитвенныхъ домахъ, въ которые не было бы хода съ улицы; также запрещается при нихъ строить колокольный звонъ для собранія своихъ единовѣрцевъ на богослуженіе (*). На востокѣ уніаты равнымъ образомъ ни сё, ни то; отъ нихъ отвращаются и православные, какъ отъ отступниковъ праотеческой вѣры; отвращаются и послѣдователи латинскаго вѣроисповѣданія, и держатъ ихъ въ уніи только страхомъ преслѣдованія, чрезъ консуловъ европейскихъ государей. Въ Тиверіадѣ, напр., арабы христіане, совращенные изъ православія въ латинство въ началѣ прошлаго столѣтія, влачатъ жизнь въ ужаснѣйшей нищетѣ и презрѣніи. На вопросы нашего путешественника, А. Н. Муравьева, предложенные мальчику, прислуживавшему при обѣдни, объ назаретской уніатской церкви, мальчикъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ и знать

(*) Subditis Augustanæ et Helveticæ confessionis, item Græcis unitis indultum est privatum Religionis exercitium. Domus orationis attamen absque turri, campanis et publico ingressu.... ædificare eis licet. Regulæ Pastorales, a Fr. Polaschek. Vilnæ. 1827 pag. 442.

не долженъ другой церкви, кромѣ своей католической (*).

Такіе плоды принесла унія сынамъ своимъ! Такихъ-же плодовъ надлежитъ ожидать отъ подчиненія папскому имени и всякой православной Церкви.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

140) Укоряй всегда саму себя, добрая сестра моя, и говори: бѣдная душа! Вотъ приближился часъ твоего разрѣшенія отъ тѣла. Что услаждаешься еще тѣмъ, что теперь же должна оставить и чего не увидишь во вѣки? — Внимай тому, что ожидаетъ тебя, и разсмотри содѣланное тобою: что и какъ. Съ кѣмъ шествовала ты всѣ дни жизни своей — со Христомъ или врагомъ Его? Кто принялъ трудъ дѣланія твоего, кого радовала ты въ монашескомъ житіи своемъ, и кто потому встрѣтитъ тебя во время исхода твоего.

141) Монашеское житіе, и вся настоящая жизнь подобна позорищу, гдѣ мы боремся съ демонами, всякій день и часъ. И иногда они низлагаютъ насъ, иногда же сами бываютъ низлагаемы. Но если мы сохранимъ себя въ добромъ безмолвіи, молчаніи и молитвѣ, и оградимъ себя блаженнымъ смиреніемъ, то благодатію Христовою, они не будутъ имѣть надъ нами никакой власти, пока опять сами не подадимъ имъ повода къ тому. Зная сіе, разсуди и испытай тщательно, для кого ты трудишься. Если со Христомъ и для Христа дѣлаешь ты всѣ дѣла свои, — радуйся; если же по любви къ міру, — на пагубу себѣ ты мучишь себя. Горе бѣдной душѣ твоей! Во время исхода вспомнишь сіи слова мои.

(*) Письма съ востока, 1849—1850 г. Спб. Ч. II. стр. 144.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 15-го Мая 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 11.

НЕДѢЛЯ 3 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

1 Іюня 1858 г.

Гласъ 2-й.

На утрени: евангеліе воскресное 3-е, Марк. зач. 71. На Литургіи: апост. Римл. зач. 88; еванг. Матѳ. зач. 18.

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ДВОЕСЛОВА

РАЗМЫШЛЕНІЕ НА СЛОВА:

Стража дахъ тя дому Израилеву (*).

Тотъ, кого Господь посылаетъ для проповѣданія, называется стражемъ. Но стражъ всегда долженъ стоять не внизу, но на высотѣ, чтобъ издали могъ видѣть приближающагося. И тотъ, кто поставляется стражемъ народа, долженъ стоять выше другихъ по жизни, и быть прозорливымъ для пользы другихъ. И другой пророкъ увѣщаваетъ стража сими словами: *на гору высоку взыди, благовѣствуяй о Сіонѣ* (Ис. гл. 40). То есть—ты, занявшій мѣсто проповѣдника, взойди на высоту добродѣтели, стань выше по жизни ввѣренныхъ тебѣ! Ибо проповѣдникъ тѣмъ лучше будетъ видѣть жизнь подчиненныхъ, чѣмъ менѣе будетъ подчинять духъ свой предметамъ земнымъ, и чѣмъ болѣе будетъ презирать ихъ. О, какъ тяжко мнѣ говорить это! Ибо, говоря такимъ образомъ, я поражаю себя самаго;—я, котораго и языкъ, какъ достойно, не искусенъ въ словѣ, и жизнь не соотвѣтствуетъ тому, что языкъ проповѣдуетъ;—я, который часто завлекаюсь въ праздныя слова, и бываю недѣятеленъ и нерадивъ въ увѣщаніи и наставленіи ближнихъ. Въ присутствіи Божіемъ я или нѣмъ, или многорѣчивъ: нѣмъ для словъ необходимыхъ, а многорѣчивъ для словъ праздныхъ. Но вотъ слово Божіе о стражѣ повелѣваетъ мнѣ говорить. Не могу молчать, но и опасаюсь поразить себя своими словами. Однакожъ рѣшаюсь говорить,

(*) Изъ 11-й бесѣды на пророка Іезекіиля.

чтобы мечь слова Божія прошелъ чрезъ меня самаго для пораженія сердца ближняго. Рѣшаюсь говорить, чтобы слово Божіе вѣщало и противъ меня чрезъ меня. Не отрицаю, что я виновенъ, ибо вижу мою лѣность и нерадѣніе. Но можетъ быть самое сознаніе вины испроситъ у благаго Судіи прощеніе.— Находясь въ монастырѣ, я могъ удерживать языкъ отъ словъ праздныхъ и непрестанно содержать умъ въ молитвенномъ размышленіи. Но послѣ того какъ я возложилъ на рамена свои иго пастырскаго служенія, мой духъ не можетъ непрестанно собираться въ самаго себя; потому что раздѣляется для многаго. Я долженъ разсматривать дѣла церквей и монастырей. Часто долженъ обсуживать жизнь и поступки людей частныхъ. Долженъ, то разбирать дѣла гражданъ, то оплакивать убійства заблуждающихъ варваровъ, то страшиться волковъ, готовыхъ напасть на наше стадо, то имѣть попеченіе объ имуществахъ, чтобы не было недостатка въ пособіи для тѣхъ, которымъ ввѣрено охраненіе правилъ благочинія церковнаго, то спокойно терпѣть нѣкоторыхъ хищниковъ, то выходить имъ на встрѣчу съ ученіемъ любви.

Итакъ если на столь многіе и различные предметы должна обращать вниманіе какъ бы разорванная и расторгаемая душа, то какимъ образомъ она войдетъ въ саму себя, дабы сосредоточиться для проповѣданія и не отступить отъ служенія проповѣдническому слову? По нуждѣ званія, я часто обращаюсь съ людьми свѣтскими и ослабляю строгость моей проповѣди; а если содержу себя въ постоянной строгости, то замѣчаю, что отдаляюсь отъ слабѣйшихъ и никогда не привлекаю ихъ къ тому, чего желаю. Слѣдствіемъ сего бываетъ то, что иногда я праздныя слова терпѣливо выслушиваю. Но поелику я и самъ слабъ, часто увлекаюсь праздными словами, то начинаю и самъ говорить то, что прежде только принужденъ былъ слушать,— и »гдѣ боялся падать, тамъ охотно лежу«. Какой же я стражъ? я, который не на горѣ духовнаго дѣланія стою, но лежу доселѣ въ долинѣ безсилія? Но — силенъ Творецъ и Искупитель рода человѣческаго! Да дастъ Онъ мнѣ недостойному и высоту жизни и дѣйствіе слова.— Жизнь стража должна быть и высока и бдительна: высока, дабы не подчинялась любви къ земнымъ предметамъ,— бдительна, дабы не быть поражаемой стрѣлами сокровеннаго врага. Для стража недостаточно того, чтобы онъ жилъ высоко; но нужно, чтобы онъ, проповѣдуя непрестанно, возводилъ и слушателей своихъ на высоту, чтобы проповѣдью возбуждалъ въ нихъ любовь къ небесному отечеству. Но онъ тогда этого достигнетъ, когда проповѣдь его будетъ пламенѣть жизнію. Ибо тотъ свѣтильникъ, который самъ не горитъ, не возжигаетъ того предмета, къ которому приставляется. Объ Іоаннѣ Истина говоритъ: *онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя* (Іоан. 5, 35), горя, т. е. небеснымъ желаніемъ, а свѣтя словомъ. Итакъ для истиннаго проповѣданія необходима высота жизни.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА (*)

Все, еже аще творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Господа Іисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тѣмъ.

Кол. 3, 17.

Настоящій торжественный день есть день молитвы всей Россіи о возлюбленномъ Монархѣ ея,—молитвы благодарственной Господу Богу за царственную жизнь, которая, и въ три года свои, даровала, и въ будушемъ обѣщаетъ даровать Россіи столько блага и счастія, что молиться, какъ молимся нынѣ мы, о благоденственномъ и мирномъ житіи, здравіи и спасеніи Царя своего, для Россіи — тоже, что молиться о благоденствіи и мирѣ собственномъ, о благѣ и счастіи собственномъ. Такая ли молитва не проникнетъ въ небеса? Такая ли молитва не низведетъ съ небесъ благословенія, силы и крѣпости той жизни, на которой одной лежитъ необъятная для мысли человѣческой забота о благѣ стольких жизней? — *Много можетъ усердная молитва и единаго праведнаго* (Іак. 5, 16), увѣряетъ насъ слово Божіе; тѣмъ болѣе *можетъ*, предъ Богомъ всемогущимъ, единомысленная молитва столькихъ милліоновъ благодарныхъ душъ, среди которыхъ, вѣруемъ, есть не одна душа, незримо для міра, но видимо для Всевидящаго, подвизающаяся въ правдѣ и святынѣ, и правдою и святынею своею предстательствующая предъ Богомъ о всемъ мірѣ, а паче о тѣхъ, коимъ, самымъ жребіемъ рожденія ихъ, промыслъ Божій ввѣряетъ судьбы міра.

Но, братіе, какъ христіане, праведно уповая на молитвы о Возлюбленномъ Монархѣ— свои и молитвы душъ праведныхъ, благодарною душою молясь о Немъ,—памятуемъ, что оставаться при одной молитвѣ, и такой даже, какова благодарная молитва о Царѣ всей Россіи, значитъ всего ожидать отъ неба и отъ царственной жизни, и ничего отъ себя, отъ своей готовности, жить и дѣйствовать такъ, чтобы жизнію и дѣйствіями своими облегчать Царю Его, по истинѣ, многотрудную жизнь. Надобно, непремѣнно надобно, чтобы единодушная молитва народа о Царѣ не только сопровождалась дѣлами, угодными Царю, но и исходила изъ полной готовности народа во всемъ неуклонно слѣдовать указаніямъ Державной Воли, во всей жизни и дѣйствіяхъ своихъ волиться тѣмъ духомъ, какимъ желаетъ Онъ, чтобъ водились подданные Его.

И мы знаемъ, какимъ духомъ желаетъ нашъ Царь возлюбленный, чтобъ водились всѣ мы: вся Россія благоговѣйно внимала сему высокому желанію Монарха, въ первый разъ высказанному ей съ высоты престола, на который восходилъ Онъ. »Сіе есть первое живѣйшее желаніе Наше«, говорилъ тогда Царь нашъ, »свѣтъ спасительной Вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность — сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія«. А, говоря такимъ образомъ, что иное говорилъ Онъ Россіи, какое правило преднаписывалъ нашей жизни и дѣяніямъ нашимъ, какъ не то апостольское правило, которое слышали мы въ началѣ и которое полагаемъ въ основаніе настоящаго нашего слова: *все еже аще творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Господа Іисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тѣмъ?*

Не слухомъ только, а всѣмъ сердцемъ примемъ, братіе, священное правило сіе—при-

(*) Произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, профессоромъ богословія при Ришельевскомъ лицеѣ, протоіереемъ Михаиломъ Павловскимъ, Апрѣля 17-го дня, 1858 года.

мемъ съ вѣрою, что оно, а не другое какое либо правило, дастъ и слову и дѣлу нашему тотъ успѣхъ, какого желали бы мы отъ слова и дѣла нашего, — примемъ съ убѣжденіемъ, что теперь, когда силы наши возбуждены, когда всѣ мы стремимся къ усовершенствованію и къ улучшеніямъ, когда и слову и дѣлу нашему, отеческою милостію Монарха, оказывается такъ много довѣрія, — теперь особенно нужно — все, что ни дѣлаемъ, словомъ или дѣломъ, все дѣлать во имя Господа Іисуса Христа, и успѣхъ во всемъ восписывать не себѣ, не своему искуству въ словѣ, не своимъ трудамъ и умѣнію въ дѣлѣ, а Ему, Богу и Отцу, за все благодаря Его чрезъ Него, Христа Іисуса.

Такъ братіе, чѣмъ болѣе гласности получаетъ слово, чѣмъ безпрепятственнѣе и громче высказывается оно, тѣмъ внимательнѣе должны быть говорящіе къ тому, что и какъ говорятъ они. Помыслы истины и добра, чувства чистыя, слово мирное и свѣтлое — вотъ что можетъ и должно быть возглашаемо въ слухъ всего міра; ибо такими помыслами просвѣтляется мысль общественная, такими чувствами освящается нравственное чувство ближняго, отъ такого слова свѣтлѣетъ и назидается душа непросвѣщеннаго. Но, чтобы и мысль, и чувство, и слово служили къ истинному просвѣщенію и назиданію общественному, тому, кто гласно высказываетъ ихъ, не довольно однихъ талантовъ, познаній и ревности къ общему благу, — надобно, чтобы его мысль и его сердце горѣли огнемъ, болѣе чистымъ, болѣе постояннымъ и вмѣстѣ тихимъ, нежели тотъ огонь, какимъ горятъ таланты, познанія и естественное рвеніе къ добру. *Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ, — бѣ*, и — благодареніе свѣтодавцу Господу! есть и нынѣ и до скончанія міра будетъ на землѣ *свѣтъ*, отъ котораго долженъ заимствовать свѣтъ, силу и жизнь всякій человѣкъ, грядущій въ міръ, а тѣмъ болѣе тѣ, кои грядутъ въ міръ, раждаются для того, чтобы талантами и познаніями своими просвѣщать ближнихъ, назидать ихъ нравы, улучшать ихъ судьбу земную. О, такимъ, по истинѣ, друзьямъ человѣчества, свѣтъ Христовъ потребенъ во всемъ обиліи, въ какомъ только можетъ онъ быть принятъ душею человѣческою, если хотятъ быть друзьями человѣчества истинными! Предъ умными очами такихъ дѣлателей труждающихся, словомъ своимъ, во благо и просвѣщеніе душъ человѣческихъ, вину долженъ быть образъ Того, Кто просвѣщалъ міръ божественнымъ словомъ своимъ, и освятилъ и спасъ души человѣческія кровію своею! У Него, и только у Него единаго, человѣколюбца, да научаются сами и научаютъ ближнихъ своихъ мыслить истинно, чувствовать свято, говорить мирно, и *все, еже аще творятъ словомъ своимъ, — вся во имя Господа Іисуса Христа да творятъ*, если во истину хотятъ творить въ созданіе временнаго и вѣчнаго блага душъ человѣческихъ.

Отъ слова обратимся, братіе къ дѣлу. Къ чьему и какому? — Къ дѣлу каждаго изъ насъ, — къ дѣлу, какъ бы оно ни казалось малымъ, сравнительно съ дѣлами другихъ, по общественному положенію своему стоящихъ выше насъ. У каждаго изъ насъ есть свое дѣло, говоримъ мы, и говоримъ правду; присоединимъ къ этой правдѣ другую, такъ часто забываемую людьми: нѣтъ дѣла, нѣтъ обязанности, ни въ обществѣ, ни въ семействѣ, такой, отъ неисполненія которой, при всей кажущейся маловажности ея, не страдали бы обязанности и должности высшія, не терпѣли бы ущерба дѣла большія. Доказывать эту истину, значило бы изображать предъ вами

то, на что скорбите и жалуетесь вы сами. Развѣ не жалуются высшія судилища на то, что низшія, въ которыхъ начинались дѣла, не такъ повели ихъ, какъ должно было повести, и чрезъ то затруднили дальнѣйшій ходъ ихъ? Развѣ не по праву скорбятъ старшіе члены семействъ на то, что низшіе члены, своимъ небреженіемъ къ обязанностямъ своимъ, не даютъ возможности устроять благо семействъ такъ, какъ оно должно и могло бы быть устроено? — Такъ тѣсно связаны, въ общественномъ и семейномъ быту, должности и обязанности высшія съ должностями и обязанностями низшими и такъ, посему, вѣрно и всякаго пріятія достойно слово апостола: *кійждо въ званіи, въ немже призванъ есть, въ томъ да пребываетъ* (1 Кор. 7. 20). Да пребываетъ въ званіи, въ которое призванъ волею, всѣмъ управляющаго, Промысла, да пребываетъ твердо, не колеблясь ничѣмъ,—ни тою мыслію, что польза отъ его званія и службы такъ непримѣтна въ обществѣ, какъ непримѣтна капля въ океанѣ водъ, ни тою тѣснотою и скудостію своего положенія, которыя будто бы вынуждаютъ колебаться въ правилахъ чести и долга, при звукѣ прибытка и корысти, ни другими причинами, какъ бы причины сіи ни казались благовидны!

Трудно идти непоколебимо по пути долга своего, — трудно всѣмъ! Трудно не подвинуться стоящимъ на ступеняхъ высшихъ, потому именно, что ихъ ступени высшія, открытыя для бурь и потрясеній всякаго рода: въ нихъ самихъ, въ ихъ сердцѣ зараждается излишнее довольство самими собою, а отсюда — недовольство ничѣмъ, за которымъ само собой слѣдуетъ охлажденіе къ долгу и обязанностямъ своимъ; вокругъ нихъ желаніе угождать имъ держитъ ихъ еще въ большемъ ослѣпленіи собою. Трудно стоять твердо и благодушно на низшихъ ступеняхъ служенія потому, что низшія ступени требуютъ много твердости души, много самоотверженія, терпѣнія и постоянства, а ободряющаго и оживляющаго тружениковъ — мало. Отсюда — унынie духа, съ которымъ не идутъ по служебному пути, а влачатся, оставляя за собой опущенія и неустройства въ дѣлѣ своемъ.

Чѣмъ и какъ побѣждать сіи и многія другія трудности, на которыя, въ настоящее время, такъ громко жалуются? Какъ поставить себя въ такое положеніе по отношенію къ долгу и званію своему, чтобы всякое дѣло, будетъ ли это дѣло высшаго служенія общественнаго, или дѣло едва, по малости своей, примѣтное въ цѣпи общественныхъ службъ, исполнялось, какъ учитъ Апостолъ, *отъ души?* (Еф. 6, 6).

Достигнуть, братіе, до такого счастливаго для себя и благотворнаго для дѣлъ нашихъ настроенія, можемъ при помощи того же священнаго правила, какое предписалъ намъ Апостолъ по отношенію къ слову: *все, еже аще творите дѣломъ, вся во имя Господа Іисуса Христа.* Въ наше время, когда о всемъ любятъ прежде разсудить, а потомъ исполнить, трудно избѣжать вопроса и по отношенію даже къ апостольскому правилу: каково оно? въ какой мѣрѣ полезно? Но о всѣхъ правилахъ вообще должно сказать тоже, что и о врачевствахъ: употребите прежде врачество, какъ должно, и тогда судите о пользѣ его. Употребимъ апостольское правило всѣ и во всѣхъ дѣлахъ нашихъ: всеосвящающимъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа будемъ освящать всякое начинаніе наше, тѣмъ же пресвятымъ, всепобѣждающимъ именемъ станемъ побѣждать трудности всѣхъ дѣлъ и всей жизни нашей, и тогда *дѣла, яже творимъ, та дѣла* будутъ свидѣтельствовать, что правило, коимъ руководимся, какъ всѣ глаголы евангелія, *духъ суть и животъ суть*

что въ правилахъ человѣческихъ, какъ бы искусно они ни были придуманы, нѣтъ и быть не можетъ того духа и той жизни, коими одушевлено правило апостольское и коими могутъ одушевляться всѣ дѣла, творимыя подъ руководствомъ его. Ибо, что значитъ творить во имя Господа Іисуса Христа? Значитъ творить во славу Его, значитъ быть готовымъ все претерпѣть, всего лишиться, но не измѣнить Ему, значитъ всѣмъ жертвовать тамъ, гдѣ нужны съ нашей стороны жертвы для вѣчнаго блага души нашей и душъ ближнихъ, значитъ, говоря словами Апостола, *не предъ очима точію* (человѣческими) *работать, аки человѣкоугодницы, но въ простотѣ сердца, боящеся Бога, работать Господу Христу* (Кол. 3, 22. 24).

О, да сподобитъ Господь всѣхъ насъ жить и дѣйствовать симъ правиломъ! Да напишется оно въ сердцѣ и въ помышленіи каждаго изъ насъ! Тогда наше развитіе, наши усовершенствованія и улучшенія, все доброе, къ чему стремимся теперь, и къ чему будемъ стремиться впредь, освятится, благословится и упрочится Тѣмъ, во имя котораго будемъ дѣйствовать и труждаться.

И тогда все воспишемъ мы Богу, и ничего себѣ, о всемъ возблагодаримъ Бога и Отца Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Себѣ оставимъ, какъ святыню, милость и благословеніе Божіе, любовь и довѣріе къ намъ возлюбленнаго Монарха нашего, а въ будущемъ — благодарную молитву о насъ тѣхъ, которымъ усовершенствованія и улучшенія наши принесутъ плодъ сторицею. Аминь.

СВ. МУЧЕНИКИ: ѲЕОДОРА ДѢВИЦА И ДИДИМЪ ВОИНЪ (*).

Во время гоненій, воздвигнутыхъ язычествомъ на Церковь Христову въ первые вѣки ея, хр. дѣвственники и дѣвственницы, какъ люди всецѣло посвятившіе себя Богу и Христу, неизбѣжно и прежде другихъ дѣлались предметомъ тяжкихъ преслѣдованій, подобно пастырямъ и клиру. Растлѣнное язычество вообще смотрѣло непріязненно на хр. дѣвство. Правда, современемъ язычники перестали смѣшивать его съ тѣмъ безнравственнымъ и гибельнымъ для общества безбрачіемъ, которое такъ укоренилось въ тогдашнемъ языческомъ обществѣ, и противъ котораго справедливо издаваемы были законы: но они никогда не могли понять высокаго значенія хр. дѣвства. Между тѣмъ примѣчали, какъ высоко дорожатъ въ христіанствѣ симъ святымъ обѣтомъ: — и вотъ сатанинская злость гонителей въ искушеніи или насиліи дѣвству хотѣла найти новое и жесточайшее средство мученія для тѣхъ, кои не страшились никакихъ мученій и самой смерти ради имени Христова. Христіане не защищались, покрайней мѣрѣ внѣшнею силою, отъ гонителей; не защищали и другихъ: напротивъ они часто поощряли другъ друга къ мученію: но тамъ, гдѣ угрожала опасность чистотѣ вѣры или непорочности гонимыхъ, христіане являлись на защиту ихъ съ тѣмъ высокимъ самопожертвованіемъ, съ тѣмъ истинно-прекраснымъ благородствомъ, которыя можетъ внушить только любовь христіанская, а не обыкновенныя правила чести и благородства.

Въ царствованіи Діоклитіана, въ Александріи, при префектѣ Евстазіѣ, воздвигнуто было жестокое гоненіе на христіанъ. Между

(*) Память ихъ 27-го мая.

многими другими пострадали тогда, именно въ 304-мъ году, св. Ѳеодора и Дидимъ. Вотъ достопримѣчательные акты ихъ мученичества (*).

Евстазій, сѣвъ на своемъ судебномъ мѣстѣ, приказалъ привесть къ допросу дѣвицу Ѳеодору.

Префектъ сказалъ ей: изъ какого ты состоянія?

Ѳеодора отвѣчала: я христіанка.

Префектъ. Ты раба или изъ свободнаго сословія?

Ѳеодора. Я уже сказала, что я христіанка: и именно Іисусъ Христосъ, пришедши въ міръ, освободилъ меня; а впрочемъ я происхожу отъ родителей свободныхъ.

Преф. Пусть пригласятъ городскаго прокуратора. — Послѣдній пришелъ и префектъ спросилъ его, знаетъ ли онъ Ѳеодору и что вообще знаетъ о ней.—Прокураторъ Луцій сказалъ: предъ вашимъ высокимъ благородствомъ объявляю, что я знаю, что она происходитъ изъ хорошаго дома въ Александріи. Отчего же, возразилъ Префектъ, обращаясь къ Ѳеодорѣ, происходя отъ знатныхъ родителей, ты — не замужемъ?

Ѳеод. Чтобъ быть угодною Іисусу Христу. Содѣлавшись человѣкомъ, Онъ освятилъ наше тѣло, и я надѣюсь, что, если буду вѣрна Ему, Онъ сохранитъ меня отъ всякаго растлѣнія.

Преф. А знаешь ли ты, что есть повелѣніе императорское, чтобы дѣвицы, которыя откажутся принесть жертву богамъ, были отведены въ мѣста непотребныя?

Ѳеод. Я думаю, ты знаешь, что въ каждомъ дѣйствіи Богъ смотритъ на волю человѣка; Онъ вѣдаетъ, что я всецѣло хочу сохранить чистоту: послѣ сего, если вы и сдѣлаете мнѣ насиліе, я все буду чиста въ Его очахъ.

Преф. Годится ли, чтобы такая красота стала добычею какого нибудь развратника? Говорю тебѣ, что я сильно тронутъ плачевною участію, которую ты готовишь себѣ; но не могу также не предупредить тебя, что это участіе будетъ для тебя безполезно, если ты отвергнешь совѣтъ, который я даю тебѣ. Да, клянусь богами: ты должна или принесть имъ жертву или рѣшиться стать позоромъ для своего рода и отребіемъ для честныхъ людей. Я уже изъяснилъ тебѣ волю императоровъ (*).

Ѳоед. А я уже сказала тебѣ, что Богъ взираетъ только на волю; Онъ проникаетъ въ тайны сердецъ и знаетъ всѣ наши мысли. Я не думаю, что буду обезчещена насиліемъ. Если бы, напримѣръ, вздумали отсѣчь мнѣ руку, мышцу, голову,— то я ли буду виновна въ человѣкоубійствѣ? Конечно не я, а тотъ, кто совершилъ бы это насиліе. Въ какомъ бы состояніи я ни была, я всегда буду съ Богомъ, всегда буду дѣвою для Него; Онъ положилъ во мнѣ это драгоцѣнное сокровище дѣвства, Онъ умѣетъ и сохранить его.

Преф. Спаси покрайней мѣрѣ свой домъ отъ столь тяжкаго стыда; вспомни, отъ кого ты происходишь: судя потому, что сказалъ городской прокураторъ, твой отецъ занимаетъ здѣсь одно изъ первыхъ мѣстъ: захочешь ли запятнать честь своего рода?

Ѳеод. Источникъ истинной чести — Іисусъ Христосъ; Онъ облагородилъ наши души, отъ Него и моя душа имѣетъ свою малую честь.

(*) »Страданіе св. мученикъ Ѳеодоры дѣвицы и Дидима воина«, помѣщ. въ Ч. Минеяхъ св. Димитрія Рост. имѣетъ источникомъ тѣже акты съ дополненіемъ изъ сказанія св. Амвросія. Акты предлагаются здѣсь по изданію: »Nouvelle Encyclop. Theologique T. V.

(*) При Діоклитіанѣ были и другіе императоры, соправители.

Онъ не попуститъ своей голубицѣ впасть во власть коршуна.

Преф. Ахъ, любезне, дитя! на кого ты надѣешься? на человѣка, умершаго на крестѣ! Ты воображаешь, что когда отведутъ тебя въ позорное мѣсто, онъ придетъ освободить тебя? Ты смѣшна съ такою непрочною надеждою.

Θеод. Она не такъ непрочна, какъ ты думаешь. Я вѣрю, вѣрю твердо, что сей Іисусъ, который пострадалъ при Понтіи Пилатѣ, освободитъ меня изъ рукъ тѣхъ, которые опредѣлили погубить меня, и сохранитъ меня въ чистотѣ и непорочности. Суди послѣ сего, могу ли я отречься Его?

Преф. Ты все сказала? признаюсь, я слишкомъ терпѣливо дозволяю тебѣ разсказывать здѣсь всѣ твои мечтанія, я долженъ бы поступить съ тобою... Но, наконецъ, если ты продолжишь свое упорство, я не уважу тебя болѣе, чѣмъ послѣднюю рабу, и я исполню надъ тобою указъ во всей строгости, какъ надъ простою дѣвицею.

Θеод. Я оставляю тебѣ свое тѣло; да и ты уже властенъ надъ нимъ; но что касается до души, то она во власти Бога.

Преф. Дайте ей двѣ пощечины; — это тебѣ для излеченія отъ твоей глупости; иди къ жертвеннику и принеси жертву богамъ.

Θеод. Да не попуститъ мнѣ Господь когда-либо служить и покланяться демонамъ!

Преф. Къ чему принуждаешь меня обходиться съ тобою такимъ образомъ и наносить такой позоръ дѣвицѣ благороднаго званія? Это — юродство.

Θеод. Это святое юродство, по которому мы исповѣдуемъ Бога живаго, есть высочайшая мудрость, и то, что ты называешь позоромъ, составитъ на небѣ величайшую для меня славу.

Преф. Наконецъ я потеряю терпѣніе и заставлю исполнить указъ; я терпѣлъ, пока надѣялся вывесть тебя изъ заблужденія, но такъ какъ оно дороже для тебя собственной чести и тебѣ хочется высказывать свой возмутительный духъ, то я самъ былъ бы виновенъ въ неповиновеніи, если бы еще отлагалъ наказать неповиновеніе твое.

Θеод. Ты боишься навлечь неудовольствіе человѣка и упрекаешь себя въ недостаткѣ усердія къ исполненію его приказаній; я боюсь быть неугодною Богу и спѣшу исполнить то, что Онъ мнѣ заповѣдуетъ; я страшусь, чтобы Царь неба и земли не былъ недоволенъ мною и не судилъ меня за пренебреженіе Его.

Преф. Но ты не боишься выражать пренебреженіе къ повелѣніямъ императоровъ, а меня, въ душѣ, принимаешь за безумца. Хорошо же! Даю тебѣ три дня, чтобы ты зрѣло обдумала то, что хочешь дѣлать. Но послѣ этого срока, если ты не будешь покорна и готова сдѣлать то, чего потребуютъ отъ тебя, — клянусь богами, — я прикажу отвесть тебя въ мѣсто, гдѣ ты послужишь страшнымъ примѣромъ наказанія, который заставитъ всѣхъ прочихъ женъ оставаться вѣрными своему долгу.

Θеод. Нечего ждать три дня; этотъ срокъ не измѣнитъ моего желанія. Я теперь же готова итти повсюду, куда ни прикажешь вести меня: есть въ мірѣ Богъ, который не оставитъ меня. Отнынѣ же ты можешь дѣлать все, что тебѣ угодно. Если однакожъ ты рѣшился оставить дѣло на три дня, то прошу у тебя единственной милости, — пусть не посягаютъ на мою невинность, пока ты не совершишь своего суда.

Преф. Это справедливо. — Беречь ее тщательно въ теченіе трехъ дней и не дѣлать никакого насилія; я требую, чтобы уважали въ ней благородство крови и достоинство ея происхожденія.

По прошествіи трехъ дней, префектъ приказалъ привесть Ѳеодору.—Что же, сказалъ онъ ей, избрала ты лучшее рѣшеніе? Если такъ, принеси жертву и возвратись къ своему отцу. Но если ты все таже упрямая дочь, и ничто не можетъ убѣдить тебя, то объявляю, что прежде часу ты потеряешь то дѣвство, которымъ хвалишься такъ много.

Ѳеод. Я уже говорила и повторяю еще, что свой обѣтъ дѣвства я дала по внушенію Іисуса Христа. Онъ знаетъ средство къ тому, чтобы не допустить своей невѣстѣ потерять то качество, которое угодно Ему. Онъ увѣдаетъ исхитить свою агницу изъ среды волковъ.

Преф. Клянусь богами, я не хочу изъ за тебя навлекать на себя негодованіе императоровъ, я исполню приговоръ. Вини сама себя: почему не хочешь принесть жертву богамъ? Увидимъ, позаботится ли твой Іисусъ Христосъ о своей овцѣ и голубицѣ. Онъ долженъ это сдѣлать, если у него душа признательная.

Ѳеод. Не безпокойся объ этомъ. Тотъ Богъ, который хранилъ доселѣ мою чистоту, сохранитъ ее и теперь отъ насилія нѣкоторыхъ погибшихъ людей, если они захотятъ посягнуть на нее.

Раба Божія была введена въ домъ непотребный. Входя сюда, она вознесла очи къ небу и сказала: »Боже всемогущій! Отче Іисуса Христа, моего Господа! помоги мнѣ и спаси меня изъ этого безчестнаго мѣста. Ты, который избавилъ св. Петра и извелъ его изъ темницы прежде, чѣмъ онъ потерпѣлъ какой либо позоръ, сотвори, чтобы я могла выйти отселѣ безъ всякаго осквернения, чтобы всѣ узнали, что моя похвала—принадлежать тебѣ.« Между тѣмъ толпа развратниковъ окружила домъ; но Іисусъ Христосъ бдилъ надъ охраненіемъ своей невѣсты. Онъ тотчасъ послалъ одного изъ рабовъ своихъ для освобожденія ея. Между христіанами александрійскими былъ молодой человѣкъ, боявшійся Бога и ревностно ходившій по пути, ведущему къ небу. Святая ревность о чистотѣ невѣсты своего Господа заставила его прибѣгнуть къ невинной хитрости, чтобы извлечь ее изъ страшной опасности. Онъ одѣвается воиномъ и усвоивъ всѣ пріемы молодаго буяна, смѣло входитъ въ домъ. При видѣ его св. Ѳеодора почувствовала ледяной холодъ въ крови своей. Она бросается отъ него, бѣгаетъ по всѣмъ угламъ комнаты; у нея замираетъ дыханіе. Но благородный незнакомецъ старается дать ей замѣтить, что онъ пришелъ не съ намѣреніемъ нанесть ей оскорбленіе. Наконецъ, полошедши къ ней въ ту минуту, когда она уже начинала совершенно изнемогать, онъ сказалъ: »не бойся, моя сестра; я не тотъ, чѣмъ кажусь тебѣ. Я одинъ изъ братій (т. е. христіанинъ) и переодѣлся такъ съ тѣмъ, чтобы исторгнуть тебя изъ этого мѣста: я пришелъ спасти невѣсту моего Господа, Его агницу, Его голубицу; возми мое платье, дай мнѣ свое. переодѣнься и спасайся, и пусть это платье, которое тебя такъ устрашило, послужитъ къ твоей безопасности; да сопутствуетъ тебѣ Господь«. Тутъ Ѳеодора узнала, что Господь послалъ своего ангела заградить пасть львамъ. Она быстро перемѣнила одежду и тѣмъ съ большимъ удобствомъ, что одежда обоихъ половъ мало различалась, и съ безпокойствомъ объ освободителѣ оставила ему свое платье. Послѣдній насунулъ ей свою шляпу на глаза, посовѣтовалъ опускать ихъ при выходѣ, не останавливаться, не говорить ни съ кѣмъ, выказывая какъ бы стыдливую и безпокойную стѣсненность. Итакъ Ѳеодора ушла изъ виду тѣхъ, которые могли узнать ее, а благородный незнакомецъ остался въ комнатѣ. Между тѣмъ одинъ изъ тѣхъ, кото-

рые были у дверей дома, думая, подобно другимъ, что это вышелъ воинъ, прежде вошедшій тула, съ буйствомъ отпираетъ двери, но тутъ же былъ крайне пораженъ, нашедши мущину вмѣсто женщины. Въ испугѣ онъ объявляетъ объ этомъ какъ о чудѣ; но спаситель дѣвицы, услышавъ это, и не думая укрыть себя подъ ложнымъ чудомъ, вскричалъ: »нѣтъ! Здѣсь нѣтъ чуда, и Господь ничего не измѣнилъ во мнѣ: я тотъ, кто и былъ; единственная перемѣна во мнѣ та, что имѣю теперь вѣнецъ, котораго не имѣлъ прежде. У васъ уже нѣтъ той, которая была сей часъ; за то вы можете вдоволь отомстить тому, который остался. Двойная пальма достается мнѣ: я вошелъ сюда дѣвственникомъ, выхожу дѣвственникомъ и мученикомъ, тамъ и здѣсь— я воинъ Іисуса Христа«.

Тотчасъ схватываютъ доблестнаго молодаго человѣка и ведутъ къ префекту. »Какъ тебя зовутъ? спросилъ послѣдній. »Меня зовутъ *Дидимомъ*«, отвѣчалъ молодой христіанинъ.

Преф. Кто тебя заставилъ сдѣлать то, что сей часъ сдѣлалъ?

Дидимъ: Самъ Богъ повелѣлъ мнѣ это.

Преф. Прежде чѣмъ я прикажу пытать тебя, объяви, гдѣ Ѳеодора.

Дид. Клянусь, что не знаю. Вѣрно могу сказать тебѣ только то, что это истинная раба Божія и что Богъ сохранилъ ее чистою и невинною за исповѣданіе Его Сына Іисуса Христа. Я не приписываю себѣ въ этомъ дѣлѣ никакой заслуги; вся слава принадлежитъ единому Богу. Онъ воззрѣлъ на величіе вѣры этой дивной дщери, какъ ты самъ могъ бы засвидѣтельствовать это, еслибъ хотѣлъ говорить искренно.

Преф. Изъ какого ты сословія?

Дид. Я христіанинъ и освобожденъ Іисусомъ Христомъ.

Преф. Подвергнуть его пыткѣ за такой отважный поступокъ.

Дид. Я прошу тебя быть точнымъ въ исполненіи приказаній твоего повелителя и не отлагать дѣла.

Преф. Клянусь богами, ты можешь ожидать сильныхъ мученій, если не принесешь жертвы богамъ. Это единственное средство получить прощеніе въ твоемъ дерзкомъ поступкѣ.

Дид. Именно этотъ поступокъ и долженъ дать знать тебѣ, что я истинный воинъ Бога живаго, и подвизаюсь за Его дѣла и для Его славы. И если ради этого ты удвояешь мои мученія, то лишь только усугубляешь награду мнѣ за мои два добрыя дѣла,—спасеніе дѣвицы отъ позора и открытое исповѣданіе Бога, котораго чту. Впрочемъ не надѣйся, чтобъ я принесъ жертву богамъ; хоть бы ты сжегъ меня живымъ, я не сдѣлаю этого.

Преф. Такая страшная дерзость не должна остаться ненаказанною; она будетъ стоить тебѣ головы. И какъ ты не покорился указамъ императоровъ,—твое тѣло, по смерти, будетъ брошено въ огонь.

Дид. Боже всеблагій, Отче Господа нашего Іисуса Христа, буди благословенъ во вѣки! Ты не отринулъ моихъ желаній, ты избавилъ твою рабу, и увѣнчалъ раба твоего двойнымъ вѣнцомъ!

Здѣсь оканчиваются акты. Они дополняются сказаніемъ св. Амвросія, который передаетъ, что Ѳеодора, узнавъ, что Дидима повели на казнь, пришла на мѣсто ея. Здѣсь произошелъ между ними трогательный споръ. Каждый хотѣлъ вѣнца мученическаго. »Ты защитилъ мое дѣвство, говорила Ѳеодора, но я не просила, чтобъ ты защитилъ меня отъ смерти. Я уже была взята, допрошена, судима; уступи мнѣ мученичество, а самъ иди свободенъ. Довольно тебѣ награды, что ты

спасъ мое дѣвство; не хочу, чтобъ ты умеръ за меня; сама умру, сама исполню долгъ свой; я не хотѣла осквернения, но хотѣла и хочу мученичества; не предвосхищай вѣнца, который я стала соплетать прежде тебя. Или покрайней мѣрѣ, дай мнѣ итти прежде подъ мечь, потомъ пойдешь и ты: меня еще могутъ осквернить, предпосли же меня чистою ко Христу,—ты, спасшій мою чистоту«. — Дидимъ: возлюбленная сестро! Господь сохранившій тебя однажды, силенъ сохранить и навсегда. А мнѣ, уже осужденному на смерть, не препятствуй умереть за Христа и омыть кровію грѣхи свои«.

Палачи прекратили этотъ споръ, усѣкши главы обоимъ. Потомъ тѣла ихъ были сожжены.

ПРЕПОДОБНЫЙ АГАПИТЪ ПЕЧЕРСКІЙ (*).

Когда святый Антоній, основатель Печерской обители, прославился богодарованною ему силою чудесныхъ исцѣленій; въ то время пришелъ къ нему въ пещеру изъ Кіева нѣкто Агапитъ съ намѣреніемъ и желаніемъ получить отъ него исцѣленіе душевное чрезъ постриженіе въ иноческій чинъ. По исполненіи богоугоднаго желанія его, онъ вседушевно старался подражать равноангельному житію преподобнаго Антонія, будучи самовидцемъ его труженическихъ и человѣколюбивыхъ подвиговъ. Онъ видѣлъ, между прочимъ, какъ сей великій мужъ самъ служилъ болящимъ братіямъ и молитвою своею исцѣлялъ ихъ; при чемъ, желая утаить силу данной ему благодати чудотворенія, предлагалъ имъ простое зеліе отъ своей трапезы, дабы они этому зелію, а не молитвѣ его припысывали врачебное дѣйствіе. Видѣвши столь поучительный примѣръ, блаженный Агапитъ много лѣтъ трудился, соревнуя въ подвигахъ святому старцу. Когда кто нибудь изъ братій заболѣвалъ, онъ немедленно оставлялъ свою келлію, приходилъ къ болящему, оказывалъ ему всѣ возможныя услуги, между тѣмъ непрестанно молилъ Бога о спасеніи его, и неослабно продолжалъ этотъ подвигъ братолюбія даже въ случаѣ долговременныхъ болѣзней, приключавшихся иногда попущеніемъ Божіимъ для утвержденія и испытанія вѣры и терпѣнія благочестиваго подвижника. Такимъ образомъ усвоивъ себѣ дѣла милосердія святаго Антонія, преподобный Агапитъ сподобился быть причастникомъ и даруемой ему свыше благодати исцѣленій: онъ молитвою своею врачевалъ всѣхъ болящихъ, которымъ давалъ также приготовляемое для себя въ пищу зеліе, отъ чего и прозванъ былъ врачемъ. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ въ городѣ, и многіе недужные, приходившіе къ нему, получили отъ него исцѣленіе.

Въ тоже время былъ въ Кіевѣ весьма искусный врачь, родомъ и вѣрою Армянинъ. Онъ пользовался общею довѣренностію и славился глубокимъ знаніемъ врачебной науки, такъ что въ первато взгляда узнавалъ неизлѣчимо больныхъ и предсказывалъ имъ день и часъ смерти, каковое предсказаніе непремѣнно исполнялось, и онъ рѣшительно отказывался врачевать ихъ безполезно. Нѣкто изъ числа такихъ больныхъ, котораго этотъ врачь привелъ въ отчаяніе, предназначивъ ему смерть по прошествіи осьми дней, былъ принесенъ въ Печерскій монастырь. Блаженный Агапитъ, сотворивъ молитву о немъ, далъ ему нѣсколько зелія, которое самъ употреблялъ въ пищу,

(*) Память его 1-го Іюня.

и симъ простымъ средствомъ возстановилъ его здоровье. Это былъ одинъ изъ первыхъ бояръ тогдашняго кіевскаго князя Всеволода Ярославича, и потому чудесное исцѣленіе столь знатнаго сановника далеко распространило славу объ исцѣлившемъ его отшельникѣ. Посрамленный Армянинъ, снѣдаемый завистію, началъ поносить своего соперника, и послалъ къ нему въ монастырь осужденнаго имъ на смерть больнаго, которому сверхъ того велѣлъ дать отравляющаго зелія, дабы онъ тотчасъ умеръ предъ Агапитомъ. Но преподобный, увидѣвъ его умирающаго, далъ ему своего зелія съ молитвою и избавилъ его отъ неминуемой смерти. Съ того времени Армянинъ еще большую ненависть возъимѣлъ къ печерскому врачу и подговорилъ своихъ сообщниковъ и единовѣрцевъ дать ему самому отраву; однакожъ это не причинило никакого вреда угоднику Божію: ибо *вѣсть Господь благочестивыя отъ напасти избавляти* (2 Петр. 2, 9).

Вскорѣ послѣ сего заболѣлъ князь черниговскій, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Призванный къ нему Армянинъ весьма усердно и тщательно врачевалъ его, но не имѣлъ никакого успѣха, и даже болѣзнь со дня на день усиливалась. По этому князь, приближаясь уже къ смерти, послалъ къ игумену печерскому Іоанну просить, чтобы онъ пригласилъ къ нему въ Черниговъ инока Агапита для излѣченія его отъ болѣзни. Игуменъ, призвавъ къ себѣ Агапита, объявилъ ему о приглашеніи князя. Но преподобный отшельникъ, никогда не выходившій внѣ монастыря и врачевавшій однихъ только печерскихъ братій своихъ, смиренно отвѣчалъ, что онъ не желаетъ и не долженъ выходить за монастырскія ворота ради славы человѣческой, отъ которой убѣгать обѣщался предъ Богомъ до послѣдняго издыханія своего. Посланный отъ князя, удостовѣрившись въ невозможности вызвать самого Агапита къ своему господину, сталъ умолять, чтобы онъ по крайней мѣрѣ послалъ какое нибудь лѣкарство для исцѣленія его. Блаженный Агапитъ, по убѣжденію игумена, далъ просителю зелія отъ своей трапезы, и когда оно было принесено, князь принялъ его, какъ врачевство, и въ короткое время выздоровѣлъ по молитвѣ святаго угодника.

Освободившись отъ болѣзни, Владиміръ Всеволодовичъ самъ прибылъ въ печерскій монастырь, желая видѣть и вознаградить того, чрезъ кого Богъ даровалъ ему здравіе. Но преподобный Агапитъ, чуждавшійся земной славы, скрылся на тотъ разъ, почему князь принесенные для него дары вручилъ игумену. Спустя немного времени, онъ послалъ къ нему съ новыми дарами одного изъ своихъ бояръ, который, нашедши его въ келліи, положилъ предъ нимъ присланные подарки. Безмездный врачъ при семъ сказалъ ему: »я никогда ни отъ кого не принималъ никакихъ приношеній, ибо никого не исцѣлялъ моею собственною силою, но исцѣлялъ силою Христовою, а потому и теперь не требую этого«. Боляринъ отвѣчалъ ему: »пославшій меня знаетъ, отче, что ты ничего не требуешь; но прошу тебя, ради утѣшенія сына твоего, которому Богъ чрезъ тебя даровалъ здравіе, пріими сіе приношеніе и, по своему усмотрѣнію, раздай нищимъ«. »Если такъ,— повѣдалъ старецъ,— то я съ радостію принимаю. Но скажи пославшему тебя, что и прочее его имущество не есть неотъемлемое достояніе его, и онъ ничего не можетъ взять изъ него съ собою, переходя изъ временной жизни въ вѣчную. Посему пусть раздастъ его неимущимъ братіямъ; ибо Господь благодатію своею избавилъ его отъ смерти, а я самъ собою не

могъ бы сдѣлать ничего. Умоляю его не отвергнуть моего завѣщанія, дабы что нибудь горшее не приключилось ему«. Сказавши сіи слова, блаженный Агапитъ взялъ принесенные къ нему дары, вынесъ ихъ изъ келліи, какъ бы для сокровенія, и повергъ предъ дверьми, а самъ убѣжалъ и скрылся. Вслѣдъ за тѣмъ вышелъ и боляринъ, и увидѣвши брошенные дары, поднялъ ихъ и отнесъ къ игумену Іоанну. Потомъ возвратившись къ князю черниговскому, разсказалъ ему подробно видѣнное и слышанное имъ о безкорыстіи и благочестивой жизни Агапита. Тогда всѣ уразумѣли, что это есть истинный рабъ Божій, который отъ единаго Господа, а не отъ людей ищетъ себѣ воздаянія. Князь же между тѣмъ, не смѣя преслушать заповѣдь святаго старца, началъ щедро раздавать имѣніе свое бѣднымъ и безпомощнымъ.

Послѣ многихъ богоугодныхъ трудовъ и подвиговъ, заболѣлъ самъ чудодѣйственный врачь, преподобный Агапитъ. Узнавъ объ этомъ, знакомый ему армянинъ пришелъ посѣтить его и началъ состязаться съ нимъ о врачебномъ искуствѣ, предлагая ему разные вопросы, напримѣръ: какимъ способомъ врачуется такая-то болѣзнь? »Тѣмъ самымъ,— отвѣчалъ на сіе Агапитъ,— посредствомъ котораго благоволитъ подать здравіе Господь, врачь души и тѣла«. Заключивъ изъ сего отвѣта о его крайней неопытности во врачеваніи, Армянинъ взялъ его за руку и сказалъ, что онъ непремѣнно въ третій день умретъ; потомъ присовокупилъ, что если слово его измѣнится, то онъ измѣнитъ образъ жизни своей и самъ сдѣлается такимъ же монахомъ. На это болящій съ негодованіемъ возразилъ ему: »въ томъ ли состоитъ твое врачеваніе, что ты чаще предсказываешь смерть, нежели подаешь помощь? Если ты искусный врачъ, то возврати мнѣ здравіе; если же не можешь, то за чѣмъ укоряешь меня въ невѣдѣніи и осуждаешь умереть въ третій день? Мнѣ Господь возвѣстилъ, что я отъиду къ Нему по прошествіи трехъ мѣсяцевъ«. Армянинъ, видя крайнее изнеможеніе его, такъ что онъ не могъ уже двигаться самъ собою, утвердительно говорилъ, что въ такомъ трудномъ положеніи никакъ нельзя прожить долѣе трехъ дней. Между тѣмъ къ блаженному Агапиту, одержимому столь тяжкимъ недугомъ, принесли изъ Кіева одного такого же больнаго для исцѣленія. Святый врачъ печерскій, чудною помощію Божіею, тотчасъ всталъ, какъ бы находился въ здоровомъ состояніи, и взявши обычное свое зеліе, всегда употребляемое имъ въ пищу, показалъ его Армянину и говорилъ: »смотри и знай, вотъ то зеліе, которымъ я врачую«. Онъ же, осмотрѣвъ его внимательно, сказалъ: »это не изъ нашихъ зелій, по моему мнѣнію, оно должно быть изъ Александріи«. Посмѣявшись невѣжеству его, старецъ подалъ это самое зеліе лежавшему предъ нимъ больному и, сотворивъ молитву о немъ, исцѣлилъ его въ короткое время. Не имѣя чѣмъ другимъ угостить Армянина, онъ приглашалъ его, если ему будетъ угодно, раздѣлить съ нимъ трапезу, состоявшую изъ тогоже врачебнаго зелія. Когда же тотъ объявилъ ему, что по ихъ вѣрѣ въ настоящемъ мѣсяцѣ соблюдается постъ: то Агапитъ спросилъ его: кто онъ и какой вѣры? »Развѣ ты не слышалъ обо мнѣ,— отвѣчалъ вопрошаемый,— что я армянинъ«? Тогда благочестивый отшельникъ, не знавшій дотолѣ о вѣроисповѣданіи своего посѣтителя, сказалъ ему: »какъ же ты осмѣлился войти сюда и осквернить мою келлію, да еще и держать меня за грѣшную руку? Отойди отъ меня, нечестивый иновѣрецъ«. Посрамленный врачъ тотчасъ удалился.

По прошествія трехъ мѣсяцевъ, препо-

добный Агапитъ, согласно съ предсказаніемъ своимъ, послѣ кратковременной болѣзни преставился въ 1-й день мѣсяца іюня. Монастырскіе братія, приготовивъ къ погребенію честныя мощи его, съ обычнымъ пѣснопѣніемъ положили ихъ въ пещерѣ св. Антонія, гдѣ они и донынѣ нетлѣнно почиваютъ. Такимъ образомъ бывши на землѣ врачемъ безмездынъ, онъ воспріялъ достойную мзду на небѣ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. По кончинѣ его пришелъ изъ Кіева въ печерскій монастырь врачъ Армянинъ и говорилъ игумену: »отселѣ я оставляю армянскую ересь и истинно вѣрую въ Господа Іисуса Христа, которому желаю служить въ иноческомъ чинѣ. Ибо мнѣ явился отшедшій отъ насъ Агапитъ и сказалъ: ты обѣщался принять иноческій образъ; если не исполнишь обѣщанія своего, то вмѣстѣ съ животомъ погубишь и душу свою. Я вѣрю, что явившійся мнѣ святъ и что еслибы онъ восхотѣлъ долѣе жить на землѣ, то Богъ даровалъ бы ему долголѣтіе. Мнѣ казалось, что онъ не проживетъ болѣе трехъ дней, но Богъ продолжилъ его жизнь три мѣсяца; а если бы я назначилъ ему три мѣсяца, то онъ прожилъ бы три года. Итакъ я думаю, что онъ самъ захотѣлъ отъити отъ насъ, взыскуя царствія, уготованнаго праведнымъ, и что Богъ, преставившій его отъ временнаго житія въ сей обители, даровалъ ему животъ вѣчный въ обителяхъ небесныхъ. По этому желаю скорѣе исполнить повелѣніе святаго мужа«. Услышавъ такое признаніе отъ Армянина, игуменъ постригъ его въ иноческій чинъ и далъ ему наставленіе, чтобы онъ, будучи искусенъ во врачеваніи чужихъ болѣзней тѣлесныхъ, былъ искусенъ и во врачеваніи души своей, послѣдуя благочестивому примѣру Агапита. Новый инокъ послѣ сего проводилъ жизнь въ богоугодныхъ подвигахъ и въ томъ же печерскомъ монастырѣ воспріялъ блаженную кончину по благодати врача душъ и тѣлесъ, Господа нашего Іисуса Христа.

МОГУЩЕСТВЕННОЕ ДѢЙСТВІЕ СМИРЕНІЯ.

Одинъ христолюбивый мужъ просилъ, жившаго въ пустынѣ, старца изгнать бѣса изъ его дочери. Пустынникъ, сотворивъ молитву, сказалъ бѣсу: »выйди изъ созданія Божія«. Но онъ, вмѣсто отвѣта, сдѣлалъ ему такое предложеніе: »если хочешь, чтобъ я вышелъ, то прежде скажи мнѣ, кто суть овцы и кто козлища«. Старецъ отвѣчалъ: »овцы Богъ вѣдаетъ, а козлище — я«. Онъ произнесъ сіи слова по глубокому смиренію своему, называя себя козлищемъ, а овецъ предоставляя вѣдѣнію Божію. Бѣсъ не стерпѣлъ такого смиренія и тотчасъ удалился.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 25-го Мая 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 12.

НЕДѢЛЯ 4 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

8 Іюня 1858 г.

Гласъ 3-й.

На утрени: евангеліе воскресное 4-е, Марк. зач. 112. На Литургіи: апост. Римл. зач. 93; еванг. Матѳ. зач. 25.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ, И НА ПАМЯТЬ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА МАКАРІЯ, НЕТЛѢННО ПОЧИВАЮЩАГО ВЪ КІЕВО-СОФІЙСКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ (*).

Два празднества сочетаемъ мы нынѣ въ храмѣ семъ: вознесеніе Господа и Спасителя нашего отъ земли на небо, и память мученической кончины, претерпѣнной, на пути къ паствѣ своей, первосвятителемъ сего священнаго града, Макаріемъ. Невольно приходитъ на мысль, при семъ сближеніи, извѣстное изреченіе Господа: *идѣже есмь Азъ, тамъ и слуга мой будетъ.* Такъ, сладчайшій Господь и Спаситель, воистину непреложны всѣ твои обѣтованія. Вознесъ и посадилъ Ты одесную Бога Отца наше человѣческое естество въ Лицѣ своемъ, и вотъ служитель твой, понесшій Тобою указанный крестъ въ земной жизни, свидѣтельствуетъ намъ видимымъ образомъ, что и тамъ, въ царствѣ славы, съ Тобою онъ, что торжество твоего преславнаго вознесенія и сѣдѣнія одесную Бога Отца не есть только твое личное торжество, но и всѣхъ твоихъ вѣрныхъ слугъ и послѣдователей; что лучи прославленнаго и обоженнаго въ твоемъ Лицѣ человѣческаго естества отражаются даже здѣсь, долу, на тѣлахъ угодниковъ твоихъ. И что же, въ самомъ дѣлѣ, это чудное, въ продолженіе столькихъ вѣковъ продолжающееся, нетлѣніе земныхъ останковъ празднуемаго нынѣ священномученика, какъ не доказательство той отрадной для насъ истины, что въ лицѣ Іисуса Христа, Сына Божія, въ замѣнъ воспріятаго Имъ нашего немощнаго человѣческаго естества, пріискренно пріобщились всѣ сыны человѣче-

(*) Произнесено 1-го Мая въ Кіево-Софійскомъ Каѳедральномъ Соборѣ.

ские, истинно вѣрующіе въ Него, естества Божія, сообщающаго свойства свои нѣкоторымъ изъ избранныхъ даже видимымъ образомъ. Торжественнымъ проявленіемъ этой возвышенной истины и всѣхъ проистекающихъ отъ нея благъ для рода человѣческаго было вознесеніе Господа отъ земли на небо. А потому почитаемъ благоприличнымъ побесѣдовать съ вами, бр. мои, о семъ радостнѣйшемъ, воспоминаемомъ нынѣ, событіи съ той стороны, о которой сей часъ упомянули вамъ.

Господь обожилъ насъ. Сознаете ли, бр. мои, все величіе этой необъятной истины? Чувствуете ли, покрайней мѣрѣ, вліяніе этой истины на сердце ваше?—Еще первый человѣкъ желалъ быть Богомъ; но *солгася древле Адамъ, и Богъ возжелѣвъ быти, не бысть* (Изъ Акаѳ. пресв. Богор.). Не судите строго, бр. мои, этого богопротивнаго желанія въ прародителѣ нашемъ: оно внушено было ему отъ-инуды, внушено тѣмъ, кто за гордость самъ низверженъ съ неба; но это желаніе, въ болѣе правильномъ направленіи, имѣло свое основаніе въ природѣ человѣка, созданной по образу Божію. Дерзко и безумно было твари желать сдѣлаться творцемъ; но не только позволительно, а и должно было стремиться къ богоуподобленію развитіемъ въ себѣ тѣхъ началъ, кои положены были въ образѣ Божіемъ и, побуждаясь коими, человѣкъ долженъ былъ стремиться къ высочайшему совершенству, первообразъ коего представлялъ ему его Творецъ. Не понявши цѣли своего назначенія, подъ вліяніемъ лукаваго истолкователя правъ своего бытія, человѣкъ, возмнившій быть Богомъ, могъ бы сдѣлаться діаволомъ, если бы, въ первыя же минуты его гордаго ослѣпленія, не поспѣшило къ нему на помощь милосердіе Божіе. *Солгася древле Адамъ, и Богъ возжелѣвъ быти, не бысть: человѣкъ бываетъ Богъ, да бога Адама содѣлаетъ.* Итакъ, человѣку, по безпредѣльному милосердію Божію, предоставлялась, даже послѣ паденія его, возможность уподобиться Богу, но только уже не въ себѣ самомъ, а въ истинномъ Богѣ, Творцѣ его, который возжелалъ Самъ сдѣлаться человѣкомъ, чтобы и человѣка пріискреннѣ пріобщить божеству. Глубока и непостижима была эта великая тайна божественной премудрости и благости,—и человѣку должно было вѣровать и чаять исполненія высокихъ предначертаній объ немъ Божіихъ. Вѣровали и чаяли люди Божіи,—и дождались откровенія сей тайны, хотя и не скоро. Явился на землѣ самъ Богъ въ образѣ человѣка, сокрылъ неприступное величіе своего божества въ смиренномъ образѣ твари, *смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя*,—и въ тайнѣ этого безпредѣльнаго самоуничиженія содѣлалъ обоженіе человѣка; проникнулъ лучами своего божества все естество человѣка, пріобщенное Его божественному естеству; проторгъ наружу лучи своего божества по преимуществу въ славномъ воскресеніи своемъ отъ мертвыхъ; и наконецъ въ лицѣ своемъ, какъ Богочеловѣкъ, вознесъ естество человѣческое на небо и посадилъ его одесную Бога Отца, т. е. сообщилъ ему божественную власть и могущество. Таково, бр. мои, значеніе воспоминаемаго нынѣ великаго всемірнаго событія! Оно было не только вѣнцемъ всего искупительнаго подвига Господа и Спасителя нашего, не только высшимъ прославленіемъ самаго Богочеловѣка, но и торжествомъ всего рода человѣческаго, началомъ неисчислимыхъ благъ для всѣхъ истинно вѣрующихъ въ Господа Іисуса.

Чѣмъ обольстился прародитель нашъ, поддавшись неосторожно внушеніямъ діавола? Ложнымъ призракомъ совершенной свободы и не-

зависимости отъ Творца своего, мечтою могущества, которое могло бы проистекать отъ подобной свободы. Но *солгася древле Адамъ:* не свободы и независимости отъ Бога достигъ онъ чрезъ нарушеніе заповѣди Божіей, а рабства грѣху, угнѣздившемуся съ тѣхъ поръ во внутреннихъ основахъ его естества и сковавшему самыми тяжкими узами всѣ стремленія, какія могли проистекать изъ богодарованной ему свободы; сдѣлался, въ добавокъ, рабомъ и лукаваго обольстителя своего, который получивши однажды доступъ въ его душу, не переставалъ съ тѣхъ поръ, сѣять въ ней безчисленные плевелы, подавлявшіе все, что еще могло сохраниться добраго въ богоподобной природѣ человѣка. Не достигъ онъ и могущества, будучи изгнанъ изъ рая и обреченъ на тяжкіе, потовые труды, которые могли обезпечивать только насущный кусокъ хлѣба. Иную свободу и могущество пріобрѣлъ онъ въ Сынѣ Божіемъ, воспріявшемъ все естество его въ пріискреннее личное единеніе съ Собою. Вознесшись на небо и сѣдши одесную Бога Отца, Господь Іисусъ Христосъ возглавилъ въ себѣ всяческая, воспріялъ власть надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ и надъ всѣмъ міромъ, такъ что въ судьбахъ устроеннаго Имъ на землѣ царства, въ Его святой Церкви сосредоточиваются, съ того времени, судьбы всего міра; въ ней находятъ опору и поддержку всѣ земныя общества; чрезъ нее возраждаются и облагораживаются, бываютъ сильны и неодолимы по преимуществу своею внутреннею, самою дѣйствительною, силою; въ ней находятъ удовлетвореніе самымъ возвышеннымъ стремленіямъ и всѣ частные члены обществъ; въ ней достигаютъ истинной свободы духа и побѣды надъ грѣховными страстями и вліяніемъ діавола, достигаютъ могущества, неодолимаго никакими внѣшними враждебными силами. Какъ возвеличенъ человѣкъ въ Лицѣ Господа Іисуса Христа со времени вознесенія Его на небо, показываютъ тѣ событія, кои послѣдовали вскорѣ за ними и потомъ продожались и продолжаются до нашего времени. Ближайшіе ученики Господа, дотолѣ простые рыбари, немощные духомъ и необразованные въ понятіяхъ, дѣлаются истинными властелинами душъ и сердецъ всѣхъ вѣрующихъ въ Господа Іисуса Христа; чудеснымъ даромъ языковъ изумляютъ разнообразныя племена, собравшіяся въ Іерусалимъ; высотою ученія плѣняютъ въ послушаніе вѣры самые выспренніе умы; мужествомъ, твердостію и полнымъ самоотверженіемъ, явленными въ возникшихъ противъ нихъ гоненіяхъ, доказываютъ истинную свободу духа своего и торжество надъ всѣми внѣшними препятствіями. *Слово Божіе не вяжется*, говоритъ одинъ изъ нихъ, — и вся жизнь его, равно какъ и другихъ послѣдователей и проповѣдниковъ Господа Іисуса, доказываетъ непреложность сей истины. Не признаки ли это истинной свободы и могущества, о какихъ и мечтать не можетъ человѣкъ, не живущій въ общеніи вѣры съ Богочеловѣкомъ, сѣдящимъ одесную Бога Отца? *Яко незнаеми*, говоритъ о себѣ тотъ же Апостолъ, *и познаваеми: яко умирающе, и се живи есмы: яко наказуеми, а не умерщвляеми: яко скорбяще, присно же радующеся: яко нищи, а многи богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 9. 10). Мудрость земная! Ты также стремишься и устремляешь своихъ послѣдователей къ свободѣ, къ торжеству надъ природою. Такова ли свобода, тобою обѣщаемая и тобою искомая; таково ли могущество, тобою пріобрѣтенное вѣковыми усиліями? Вотъ — простые ученики Господа Іисуса нищи, а многихъ дѣлаютъ богатыми; ничего не имѣютъ, но всѣмъ обладаютъ. Что противопоставишь ты подобному могуществу? Вотъ они повсядневно умираютъ,

и между тѣмъ всегда живы; ихъ безпрерывно огорчаютъ, а они всегда радуются. Найдется ли хоть одна природа исключительно тобою воспитанная, которая была бы столь свободна отъ всѣхъ внѣшнихъ злоключеній? А безъ подобной свободы всякая другая свобода — мечта и нелѣпость.

Такъ, бр. мои, только въ живомъ союзѣ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, превознесшемъ и посадившемъ на престолѣ Бога Отца наше человѣческое естество, возможны и достижимы истинная свобода и могущество — блага, коихъ такъ тщетно искалъ, подъ вліяніемъ внушеній искусителя еще первый человѣкъ, коихъ такъ жадно искалъ и ищетъ гордый умъ человѣческій, — и увы! опираясь на однѣ свои силы, не только не находитъ, но больше и больше оцѣпляетъ узами рабства грѣховнаго несчастныя жертвы свои. А ученики Господа, вѣрные послѣдователи Его, давно уже вѣдаютъ и обрѣтаютъ это сокровище, сначала спогребаясь Христу въ разнообразныхъ подвигахъ самоотверженія, и потомъ спрославляясь съ Нимъ въ вѣчномъ царствѣ славы, гдѣ, милостію Божіею, становятся истинными владыками земнородныхъ братій своихъ и даже судіями вселенной.

Не разительный ли памятникъ этого истиннаго христіанскаго могущества предъ глазами нашими? Изувѣрство безбожныхъ Агарянъ отняло у празднуемаго нынѣ служителя Божія жизнь земную, отсѣкло главу и лѣвую руку; но не только не положило конца его благоплодному вліянію на паству, къ коей спѣшилъ онъ; не только не лишило благопотребнаго стража для сего древняго, знаменитаго престола іерархическаго; а напротивъ дало случай священномученику утвердить свое пребываніе въ семъ храмѣ на всегда, или покрайней мѣрѣ дотолѣ, пока угодно будетъ то уже не силѣ человѣческой, а силѣ Божіей. И вотъ духъ его, витая во святилищѣ семъ и надъ паствою сею, осѣняетъ своимъ всемощнымъ дѣйствіемъ и храмъ сей и паству сію; а нетлѣнные останки, чудодѣйственно сохраняемые болѣе трехъ столѣтій, повергаютъ предъ собою благоговѣйныхъ вельможъ, архіереевъ и царей; съ полнымъ довѣріемъ раскрываютъ предъ ними сердечныя язвы свои души простыя, бесѣдуютъ съ угодникомъ Божіимъ о нуждахъ и потребахъ своихъ, какъ съ отцомъ и другомъ, и, конечно, не отходятъ неуслышанными; иначе не приходили бы вновь. Не истинное ли это могущество, какимъ владѣютъ только рабы Божіи, вѣрные послѣдователи Господа Іисуса?

Веселится градъ Кіевъ, великое сокровище стяжавъ, твое тлѣнію непричастное тѣло, святителю блаженный Макаріе! Твой бо престолъ даже до крове отъ лютыхъ враговъ нашествія хранилъ еси, и нынѣ небесному предстоиши престолу, идѣже молитвенно предъ Творцемъ поминай насъ отче нашъ! да во всѣхъ бѣдахъ имѣемъ тя прибѣжище и тобою хвалимся, зовуще: радуйся Макаріе, архіереомъ честное украшеніе! (Кондакъ священномуч. Макарія). Аминь.

О НРАВАХЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩИХЪ ХРИСТІАНЪ

ПИСЬМО 1.

(отъ отца къ сыну).

Нравы первенствующихъ христіанъ, не смотря на отдаленность эпохи ихъ отъ нашей, представляютъ столько прекрасныхъ образцовъ для семейной и общественной дѣятельности христіанъ, что никакъ не должны оставаться

одинмъ преданіемъ исторіи. Этотъ *облакъ свидѣтелей*, давно отжившихъ, но изъ глубины вѣковъ сіяющихъ неизмѣннымъ блескомъ своихъ добродѣтелей, можетъ служить для христіанъ всѣхъ вѣковъ и народовъ тѣмъ же, чѣмъ нѣкогда служилъ для израильтянъ столпъ облачный на пути ихъ въ обѣтованную землю. Особенно благопотребнымъ представляется воскрешать свѣтлые образы ихъ въ такія эпохи, которыя, подобно нашей, заражены непомѣрною алчностію къ стяжательности, къ роскоши и ненужному щегольству, которыя истощаютъ свою изобрѣтательность на открытіе все новыхъ и новыхъ наслажденій и излишествъ для чувственной природы человѣка къ ущербу нравственныхъ потребностей безсмертнаго духа его, которыя христіанскую скромность и простоту нравовъ называютъ отсталостію, а себялюбіе, служеніе чреву и гордыню возвышаютъ едва не на степень самыхъ законныхъ потребностей человѣка... Съ сею цѣлію, вмѣсто требуемыхъ тобою наставленій въ томъ, какъ должно тебѣ вести себя среди свѣтской суеты, я хочу раскрыть предъ тобою, сынъ мой, картину нравовъ первенствующихъ христіанъ. Не безъ намѣренія избираю именно эту эпоху; но въ выборѣ ея руководствуюсь тою мыслію, что эти Божіи человѣки жили, подобно намъ, среди общества, такъ же развитаго и надменнаго успѣхами гражданственности, такъ же жаднаго къ корысти, такъ же роскошнаго, такъ же гонявшагося за наслажденіями всякаго рода, такъ же невоздержнаго и такъ же незнакомаго съ *печалію яже по Бозѣ*: только его надменности они противополагали смиреніе, его роскоши—скромность и умѣренность, безчинію и распутству—воздержаніе и чистоту, его жадности къ корысти—вольную нищету, всей его порочности—слезы и молитву; на мѣсто его привычекъ и обычаевъ, дышавшихъ рабствомъ и жестокостію, они проповѣдывали законъ любви и всеобщаго братства всѣхъ во Христѣ.

Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ (Матѳ. 11, 29). Этотъ урокъ голгоѳскаго Страдальца всегда былъ предъ глазами первенствующихъ христіанъ и постоянно служилъ правиломъ ихъ чувствъ и поведенія. »Мы не желаемъ быть, говорили они, ни царями, ни богачами, ни правителями въ имперіи, не усиливаемся протекать моря и суши для пріобрѣтенія богатствъ; мы совершенно чужды всей этой мірской суетности« (*). И точно, поведеніе ихъ было буквально вѣрно этой высказанной истинѣ. Подражая божественному Учителю своему, который называлъ Себя слугою учениковъ своихъ и Самъ умылъ имъ ноги, богатые и знатнѣйшіе изъ христіанъ не только не надмѣвались своимъ счастіемъ, но напротивъ, наперерывъ искали способовъ выказать свое смиреніе предъ бѣдными и незнатными. Они умывали имъ ноги, ходили съ утѣшеніемъ и помощію въ ихъ убогія хижины и оказывали имъ всѣ знаки почтенія и уваженія, какъ совершенно равнымъ себѣ. Это смиреніе, столько же искреннее, сколько и глубокое, царствовало между всѣми членами юнаго общества христіанъ. Тертулліанъ, увѣщавая свою супругу, въ случаѣ вдовства по немъ, не выходить вторично замужъ за язычника, въ числѣ побужденій къ сему, выставляетъ между прочимъ и ту привѣтливость и смиреніе, которыя мужи и жены христіанскія выказываютъ предъ бѣдными. »Какой мужъ изъ язычниковъ, говоритъ онъ, позволитъ женѣ своей обходить площади и улицы для встрѣчи странниковъ, или входить въ хижины бѣдныхъ для того, чтобы навѣстить братій своихъ и

(*) Tatian. Oratio contra gentil. n. 11. p. 264.

умыть ноги бѣднымъ« (*)? Только къ одному Богу они относили всякое доброе дѣло, которое совершали, всякая же похвала заставляла ихъ краснѣть. Изъ тысячи примѣровъ сего приведу одинъ: во время страшнаго гоненія на христіанъ въ Галліи, нѣсколько доблестныхъ исповѣдниковъ заключено было въ тѣсную и мрачную темницу въ Ліонѣ. Нѣкоторые изъ тамошнихъ братій пришли посѣтить и утѣшить ихъ и, въ разговорѣ съ ними, усвояли имъ имя мучениковъ. Что же исповѣдники? Они умоляли братій не величать ихъ этимъ священнымъ именемъ. »Усвояйте его, говорили они, нашему Господу, первѣйшему изъ мучениковъ, называйте имъ тѣхъ, которые подъяли смерть въ защиту вѣры и достигли уже блаженной отчизны, а что касается до насъ слабыхъ и грѣшныхъ, то мы просимъ только вашихъ молитвъ къ Богу о томъ, чтобы намъ скорѣе достигнуть вожделѣннаго пристанища« (**). Таковы были кротость и смиреніе первенствующихъ христіанъ!

Далѣе, безмѣрной роскоши языческаго общества они противополагали скромность и простоту. Это не значитъ, чтобы, живя въ свѣтѣ, они совсѣмъ чуждались всѣхъ его обычаевъ и приличій. Нѣтъ. Они сообразовались и съ тѣми и съ другими, если только они не были противны вѣрѣ и благочестію и не оскорбляли скромности. Такъ каждый изъ христіанъ носилъ одежду приличную своему положенію въ обществѣ и своему званію. Только не многіе изъ нихъ, именно тѣ, которые посвящали себя наукѣ, или строгой уединенной жизни, позволяли себѣ отличаться одеждою отъ другихъ и вмѣсто обыкновенной одежды, носили длинную мантію — одежду аскетовъ и философовъ. Прочіе носили общепринятую одежду римлянъ — тогу, только въ ношеніи ея не слѣдовали никакимъ измѣненіямъ моды, иначе сказать: не рисовались ею, а носили ее степенно и прилично. Христіане изъ простолюдиновъ избѣгали всякаго щегольства. Скромная и простая одежда ихъ служила вывѣскою ихъ цѣломудрія и чистоты мыслей. Только однѣми одеждами римскаго общества христіане всѣхъ сословій одинаково гнушались, — одеждами, освященными по языческимъ суевѣрнымъ обрядамъ. Когда св. Перпетуу и ея сострадальцевъ, осужденныхъ на съѣденіе звѣрямъ, хотѣли, предъ вступленіемъ на арену, одѣть въ одежды, посвященныя богамъ: то мученики торжественно воспротивились этому, и язычники принуждены были уступить имъ (*).

Если отъ одежды мы перейдемъ къ меблировкѣ и украшеніямъ христіанскихъ жилищъ, то опять не найдемъ ни въ той, ни въ другихъ ни роскоши, ни изысканности, ни тщеславія, вообще, ничего такого, что противно было бы, скромности и мудрой простотѣ. Картины, зеркала, столы, сѣдалища, одры, сосуды, словомъ: все, служившее къ удобству или украшенію жилищъ, показывало только скромность хозяевъ и ихъ отвращеніе отъ всякой безполезной роскоши, отъ всякой пустой пышности (**). Вообще, относительно обстановки обыденной жизни они держались правилъ мудрой умѣренности. »Золотые и сребряные сосуды и всякія драгоцѣнности, говоритъ одинъ изъ христіанскихъ писателей 3 вѣка, ослѣпляютъ только взоръ, а въ сущности безполезны; тщеславіемъ отзывается и то, если кто желаетъ имѣть ихъ изъ хрусталя, или изъ изящно отдѣланнаго стекла. Столы эвеновые, кедровые или изъ слоновой

(*) Lib. ad. uxorem. 11. c. 4.
(**) Евсев. Ист. кн. 1. гл. 11.

(*) Акты муч. св. Перпетуи. Воскр. Чт. г. XIX. 471.
(**) Безумной роскоши римскаго общества, въ этомъ

кости, одры и сѣдалища съ ножками, литыми изъ серебра, или выточенными изъ слоновой кости, пурпурныя или другія драгоцѣнныя покрывала, раззолоченные приборы, серебряныя блюда и все прочее, подобное сему, служитъ только признакомъ души мѣлочной и сердца изнѣженнаго; по этому намъ должно удаляться всего этого. Да и можно ли думать, чтобы роскошь, и пышность позволена была тѣмъ, которые слѣдуютъ божественнымъ наставленіямъ Искупителя? Не сказалъ ли Онъ: *продадите имѣнія ваша и дадите нищимъ?* Будемъ же подражать Спасителю нашему и удаляться отъ всякой скоропреходящей пышности; будемъ стараться о стяжаніи того, что не погибаетъ и чего никто у насъ отнять не можетъ, то есть: вѣры въ Бога, исповѣданія имени Христова и любви къ меньшей братіи... Скажи мнѣ: не все ли равно умывать руки изъ глинянаго, какъ и изъ серебрянаго умывальника? Не одинаково ли пригоденъ для вечери столъ изъ простаго дерева, какъ и тотъ, который купленъ на вѣсъ золота и не также ли свѣтитъ черепяная лампа, какъ и золотая?... Что до меня, я думаю, что (при спокойной совѣсти) спится также хорошо на деревянномъ ложѣ, какъ и на сдѣланномъ изъ слоновой кости. Вспомнимъ, что Спаситель нашъ принималъ пищу изъ самаго простаго блюда, что ученики часто садились вокругъ Него на травѣ и что Онъ умывалъ имъ ноги. Такъ чуждъ былъ всякой пышности Тотъ, которому принадлежатъ всяческая (*)!...

Видно изъ этого, что примѣръ Спасителя и Его заповѣди были неизмѣннымъ и постояннымъ мѣриломъ, которымъ первенствующіе христіане повѣряли принятые обычаи и правила свѣта. Прекрасный образецъ для подражанія и намъ наслѣдникамъ ихъ вѣрованій!

Сластолюбію и невоздержности языческаго общества христіане противополагали постъ и воздержаніе. Жить для ѣды было правиломъ ветхаго общества; ѣсть, чтобы жить — правиломъ новаго. Въ этомъ отношеніи, христіанамъ вовсе были незнакомы не только тѣ излишества въ столѣ, которыя столько безчестили язычниковъ, но они чуждались и малѣйшей прихотливости или разборчивости въ пищѣ. На послѣднюю они смотрѣли только какъ на средство къ поддержанію и сбереженію силъ, необходимыхъ для служенія Богу и ближнимъ. Правда, они употребляли и мясную пищу, но простую и общеупотребительную, служившую не къ угожденію чрева, а только къ подкрѣпленію силъ. Вообще, они были убѣждены, что изысканныя яства, вмѣсто того, чтобы способствовать къ питанію человѣка, причиняютъ только вредъ его тѣлу и душѣ (**).

Эта мудрая умѣренность, тщательно наблюдаемая въ семействахъ христіанскихъ, царствовала такъ же и на общественныхъ пиршествахъ ихъ, извѣстныхъ подъ именемъ *агапъ*. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ общеніе стола служило знакомъ любви и дружества. Тотъ же знакъ избрала и Церковь Христова для выраженія взаимной любви, соединявшей всѣхъ членовъ ея во Христѣ. Для этой цѣли, по окончаніи богослуженія, въ притворѣ церкви устроялась скромная трапеза (по большей части изъ остатковъ хлѣба,

---

отношеніи, равняется только современная намъ. Напримѣръ, Цезарь заплатилъ за два стола около 60,000 руб. сер. на наши деньги. Однажды онъ присутствовалъ на играхъ, сидя на креслѣ, вылитомъ изъ чистаго золота. Цицеронъ — философъ Цицеронъ, заплатилъ за столъ для себя, сдѣланный изъ лимоннаго дерева, около 7,000 р. с. — Плиній говоритъ, что онъ видѣлъ нѣкую патриціанку Лоллію Павлину, которой нарядъ стоилъ около *двухъ милліоновъ* руб. сереб. на наши деньги, и — это еще на обыкновенномъ домашнемъ собраніи (Plin. lib. 1. c. 35). Говорить ли о безумной роскоши извѣстной Поппеи и жены Нерона, о Каллигулѣ, Геліогабалѣ и многихъ другихъ?...

(*) Clem. Alex, Pœdag. c. 3. p. 156.
(**) Тамже c. 1. p. 139.

вина и елея, приносимыхъ для богослуженія, иногда же и изъ другихъ снѣдей, но только растительныхъ), на которую приглашались всѣ христіане, принадлежавшіе къ извѣстной церкви. Достаточнѣйшіе изъ нихъ принимали обыкновенно на себя всѣ издержки ея, но садились за столъ наравнѣ съ бѣдными, безъ всякаго различія чиновъ и званій, и ѣли всѣ вмѣстѣ. Этотъ прекрасный обычай напоминалъ всѣмъ имъ братство и равенство ихъ предъ Богомъ. Въ первенствующей церкви такія трапезы устроялись по нѣскольку разъ въ недѣлю. Онѣ пришли въ забвеніе и уничтожились уже въ послѣдствіи съ ослабленіемъ нравовъ у христіанъ; но описаніе ихъ, оставленное писателями первыхъ вѣковъ, и теперь еще не можетъ не возбуждать въ боголюбивой душѣ самыхъ прекрасныхъ воспоминаній. Вотъ что говоритъ объ нихъ Тертулліанъ, защищавшій ихъ предъ языческимъ обществомъ, судившимъ о вечеряхъ христіанскихъ по своимъ безчиннымъ и шумнымъ пиршествамъ: «самое названіе нашихъ пиршествъ агапами показываетъ уже свойство ихъ: ибо ἀγάπη, съ греческаго значитъ любовь. Чего бы ни стоили онѣ намъ, издержки на нихъ вознаграждаются съ избыткомъ тѣмъ добромъ, которое происходитъ отъ нихъ: для всѣхъ бѣдныхъ онѣ — великая подмога, ибо мы обращаемся съ ними совсѣмъ не такъ, какъ вы съ вашими тунеядцами, которые продаютъ вамъ свою свободу и цѣною тысячи униженій покупаютъ жалкое право пресыщаться за вашими столами; напротивъ, мы смотримъ на бѣдныхъ, какъ на людей, на которыхъ съ благоволеніемъ взираетъ Самъ Богъ... Если жъ такъ чисты побужденія къ устроенію нашихъ пиршествъ, то, по религіозному чувству, ихъ одушевляющему, вы можете заключать о томъ, что происходитъ на нихъ. Ничего не допускается тутъ ни низкаго, ни недриличнаго: садимся за столъ не прежде, какъ вознесши молитву къ Богу, ѣдимъ, сколько нужно для утоленія голода, пьемъ, сколько прилично цѣломудрію, насыщаемся, не забывая, что предстоитъ ночь, посвященная молитвѣ. Послѣ умовенія рукъ и зажженія свѣтильниковъ, каждый приглашается пропѣть взятую изъ писанія, или сложенную имъ самимъ пѣснь въ славу Божію; чрезъ это видно бываетъ, въ какой мѣрѣ онъ пилъ. Вечеря оканчивается молитвою, по прочтеніи которой, всѣ расходимся, и притомъ не шумною, подгулявшею толпой, но съ тою же скромностію и цѣломудріемъ, съ какими пришли на вечерю. Скорѣе можно сказать, что мы идемъ изъ училища добродѣтели, нежели съ пиршества» (*).

Въ этомъ краткомъ описаніи древнихъ христіанскихъ пиршествъ сколько можно находить упрековъ современнымъ намъ, какъ общественнымъ, такъ и семейнымъ пиршествамъ, которыя далеко не такъ чинны и умѣренны и по большей части ни предваряются, ни завершаются молитвою! Не говорю уже о той безумной расточительности, которая на обстановку и содержаніе одного какого нибудь пиршества истрачиваетъ такія суммы, которыхъ стало бы на прокормленіе множества бѣдныхъ въ теченіи цѣлыхъ недѣль!

Независимо отъ обычной, постоянной воздержности, древніе христіане, подражая примѣру Спасителя и апостоловъ, постившихся часто, не смотря на безмѣрные труды тѣлесные, и сами содержали продолжительные посты въ теченіи года. Кромѣ четыредесятницы и нѣкоторыхъ другихъ постовъ, они постились еще въ среду и пятницу каждой недѣли, то есть, воздерживались отъ всякой пищи въ теченіи дня и вкушали ее только по захожденіи солнца. Въ этомъ отношеніи они пред-

(*) Апологет. Терт. гл. 38.

ставляли яркую противоположность съ языческимъ обществомъ, которое вовсе даже не знакомо было съ словомъ: постъ, и всецѣло и безвыходно поработило себя служенію чреву до того, что иногда должно было заботиться уже не о питаніи, ни даже о пресыщеніи его, а о томъ, какъ бы пробудить, притупившійся отъ сплошнаго невоздержанія, вкусъ. Жалкое состояніе, доводившее нѣкоторыхъ до самоубійства (*)!

Левъ ловитъ ловъ: такожде и грѣси дѣлающихъ неправду.

Сир. 27, 10.

Въ сихъ словахъ грѣхъ сравнивается со львомъ, конечно, потому что онъ есть исчадіе діавола; а діаволъ, *яко левъ рыкая, ходитъ искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). И по своимъ свойствамъ грѣхъ дѣйствительно подобенъ хищному животному, которое не можетъ быть сдѣлано ручнымъ, кроткимъ и безвреднымъ для человѣка. Правда, грѣховныя влеченія, когда онѣ удовлетворяются, на время какъ будто ослабѣваютъ, на время оставляютъ человѣческую душу въ покоѣ: но это значитъ, что хищное животное насытилось, что левъ сокрылся и заснулъ въ своемъ логовищѣ, пока пища, его насытившая, претворится въ его плоть и кровь и умножитъ его разрушительныя силы. Это отнюдь не значитъ, что животное перестало быть хищнымъ и помирилось съ человѣкомъ. Напротивъ, при первомъ чувствѣ голода оно съ большею силою устремляется на человѣка, нападаетъ на него хитрѣе и сильнѣе, терзаетъ болѣзненнѣе и съ каждымъ новымъ насыщеніемъ требуетъ пищи все болѣе и болѣе. — Какимъ же образомъ нѣкоторые думаютъ мириться со грѣхомъ, надѣются сдѣлать грѣхъ безвреднымъ, удовлетворяя его требованіямъ съ благоразуміемъ и умѣренностію? Тщетная надежда! Грѣхъ не знаетъ благоразумія и умѣренности: каждое послѣдующее возстаніе грѣха опаснѣе и разрушительнѣе для души человѣка, чѣмъ предшествующее. Только тогда онъ оставляетъ терзать человѣка, когда уже въ человѣкѣ ничего не остается: *оброцы бо грѣха, смерть* (Рим. 6, 23).

Когда *левъ ловитъ ловъ*; то первѣе всего онъ обходитъ кругомъ ту часть лѣса, гдѣ находится какое-либо животное, и потомъ уже преслѣдуетъ свою добычу. Преслѣдуемое животное обращается въ бѣгство; но, встрѣчаясь кругомъ съ слѣдами льва, возвращается назадъ къ его логовищу. — Не тоже ли дѣлаетъ и грѣхъ съ человѣкомъ? Каковъ бы ни былъ человѣкъ, онъ чувствуетъ тяжесть и опасность грѣха; онъ ненавидитъ грѣха и пытается бѣжать отъ него: но какая-то невѣдомая сила держитъ его при логовищѣ этого опаснаго животнаго, — сила, которой онъ самъ по себѣ преодолѣть не можетъ. При самомъ искреннемъ

(*) Лукуллъ отъ невоздержности въ столѣ умеръ въ помѣшательствѣ. Другой нѣкто Апицій, издержавши на роскошь стола въ теченіи немногихъ лѣтъ болѣе полутора милліона руб. сер. (шесть сотъ милл. сестерціевъ) и оставшись только съ 2½,000 руб., нашелъ, что этого мало даже для нѣсколькихъ дней, и въ отчаяніи отравилъ себя. Seneca ad Helviam. c. 10.

желаніи добра, которое онъ любитъ, онъ дѣлаетъ однакоже то зло, которое ненавидитъ (Рим. 7, 15). Въ грѣхѣ и отъ грѣха онъ теряетъ свободу и самостоятельность дѣйствія: *аще ли, еже не хощу сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (Римл. 7, 20). Не явствуетъ ли изъ этого, что безъ помощи Божіей человѣкъ не можетъ очистить себя отъ грѣха, что своимъ собственнымъ оружіемъ онъ не можетъ побѣдить этого страшнаго животнаго?

Осторожный человѣкъ не подходитъ къ тому мѣсту, гдѣ находится логовище льва: бдительный христіанинъ будетъ избѣгать тѣхъ положеній въ жизни и тѣхъ сообществъ, среди которыхъ угрожаетъ ему соблазнъ грѣха (Пс. 1, 1). Если же человѣкъ осторожный замѣчаетъ или предполагаетъ, что вблизи есть логовище льва; то онъ никогда не оставляетъ своего оружія и всегда находится въ готовности вступить въ борьбу съ хищнымъ животнымъ: бдительный христіанинъ, подвизающійся среди искушеній и соблазновъ грѣховнаго міра, никогда не оставляетъ щита вѣры, брони правды и всего оружія Божія (Еф. 6, 13), въ которыя онъ облеченъ о Христѣ Іисусѣ, дабы *возмощи* ему *стати противу кознемъ діавольскимъ* (Еф. 6, 11).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 28-го Мая 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 13.

НЕДѢЛЯ 5 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

15 Іюня 1858 г.

Гласъ 4-й.

На утрени: евангеліе воскресное 5-е, Лук. зач. 113. На Литургіи: апост. Римл. зач. 103; еванг. Матѳ. зач. 28.

ИЗЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА КАССІАНА СЪ СКИТСКИМИ СТАРЦАМИ:

АВВЫ ѲЕОНЫ, ИЗЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ АПОСТОЛА: *не еже хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.* Рим. 7, 19. (*).

Апостолъ Павелъ, зная, что человѣкъ, обуреваемый волнами помысловъ, не можетъ взойти на неизглаголанную высоту чистоты, сперва сказалъ: *не еже хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.* И еще: *аще ли еже не хощу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ; соуслаждаюся бо закону Божію по внутреннему человѣку: вижду же ина закона во удѣхъ моихъ, противувоюющъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Римл. 7 19. 20. 22). И, ясно увидѣвъ всю,— и свою и своей природы немощь, устрашенный недосягаемостію безмѣрной высоты, прибѣгаетъ къ безопасному пристанищу божественной помощи, и, какъ бы отчаявшись, по естественной немощи, освободиться отъ бѣдствій плаванія своего, требуетъ помощи противъ крушенія отъ Того, кому все возможно, взывая скорбнымъ воплемъ: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* (24). И тотчасъ, получивъ отъ благости Божіей силу, которую отчаялся найти въ немощной природѣ своей, дерзновенно прибавляетъ: *благодарю Бога моего, Іисуса Христомъ, Господемъ нашимъ* (25).

Многіе утверждаютъ, что сіе апостольское изреченіе нужно понимать такъ, какъ бы оно произнесено Апостоломъ не отъ своего

(*) Ioann. Cassian. Coll. XXIII; но для полноты бесѣды нужно было начать ее съ трехъ послѣднихъ главъ предъидущей бесѣды Аввы Ѳеоны.

лица, но отъ лица грѣшниковъ, тѣхъ, то есть, которые и желая воздержаться отъ плотскихъ похотей и удовольствій, но будучи плѣняемы соблазнами плотскихъ страстей, не могутъ побѣдить себя, и которые, какъ бы удерживаемые властію нѣкоего жестокаго тирана, то есть, невольною привычкою къ порокамъ, не могутъ стремиться къ свободѣ цѣломудрія. Да и какимъ образомъ, продолжаютъ возражающіе, къ блаженному Апостолу, достигшему, какъ извѣстно, высшей степени всякаго совершенства, могутъ быть отнесены слова: *не еже бо хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю?* Или то, что онъ прибавляетъ: *аще ли еже не хощу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ;* или еще сіе: *соуслаждаюся бо закону Божію, по внутреннему человѣку, вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ противувоюющъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ?* Какъ все это можетъ приличествовать лицу Апостола? Что это за добро, котораго онъ не могъ исполнить? И напротивъ, что это за зло, которое онъ нехотя и ненавидя, однакоже невольно, допускалъ? Или, какой законъ грѣха могъ плѣнить избранный сосудъ, въ которомъ говорилъ Христосъ, который самъ плѣнилъ всякое непослушаніе *и всякое вознощеніе, взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 5), и самъ о себѣ съ увѣренностію возвѣщалъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ; прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь, въ день онъ, праведный Судія* (2 Тим. 4. 7. 8)?

Гл. 1. Противъ сихъ возраженій должно сказать, что свидѣтельства, которыми стараются доказать, будто ап. Павелъ не отъ своего лица, но отъ лица грѣшниковъ, говорилъ: *не еже бо хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю* и проч.— доказываютъ совсѣмъ противное: ибо все это, никакимъ образомъ, не можетъ приличествовать лицу грѣшниковъ, но относится только къ совершеннымъ, то есть къ тѣмъ, которые подражали подвигамъ апостоловъ. Да и какимъ образомъ можетъ относиться къ лицу грѣшниковъ то, что Апостолъ говоритъ: *не еже бо хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю?* Или: *аще ли еже не хощу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ?* Развѣ изъ грѣшниковъ кто либо оскверняется прелюболѣяніями и блудодѣяніями нехотя? Развѣ коварствуетъ противъ ближняго невольно? Развѣ побуждается неизбѣжною необходимостію угнетать человѣка лжибымъ свидѣтельствомъ, или воровать, или желать имущества ближняго, или проливать кровь? Напротивъ, по Писанію: *всякъ помышляетъ въ сердцѣ своемъ, прилѣжно на злая во вся дни* (Быт. 6, 5), и всѣ, любящіе порокъ, столь неудержимо стремятся къ удовлетворенію своихъ похотей, что блительно изыскиваютъ случай совершить задуманное преступленіе и, хвалясь своимъ нечестіемъ и безстыдствомъ, ищутъ, по слову обличающаго ихъ Апостола, какъ бы то славы въ студѣ своемъ. О таковыхъ еще пророкъ Іеремія увѣрялъ, что они не только не безъ воли, но съ довольствомъ сердца и тѣла совершаютъ преступленія, и притомъ такъ усердно стараются объ этомъ, что не щадятъ никакихъ усилій для выполненія ихъ (Іер. 9, 2—7). И кто скажетъ, что оныя слова: *тѣмъ же убо самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному,*— приличествуютъ грѣшникамъ, которые очевидно ни умомъ, ни плотію не служатъ Богу? Или, какимъ образомъ тѣ, которые грѣшатъ плотію, могутъ служить

Богу умомъ, когда плоть получаетъ возбужденіе къ грѣху отъ сердца, какъ возвѣщаетъ и самъ Творецъ той и другой природы, говоря: *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы*, и прочее подобное? (Матѳ. 15, 19). Итакъ очевидно, что оныхъ словъ Апостола нельзя относить къ лицу грѣшниковъ, которые не только не ненавидятъ зла, но и любятъ его. и до такой степени не служатъ Богу ни умомъ, ни плотію, что грѣшатъ умомъ прежде нежели плотію, и прежде нежели исполнятъ похоть плоти, предваряютъ ее грѣхомъ ума и помысловъ.

Гл. 2. Смыслъ сказаннаго мы должны измѣрять внутреннимъ побужденіемъ говорящаго, и когда блаженный Апостолъ говоритъ о добрѣ или о злѣ, то мы должны разумѣть это не по простому значенію слова, а такъ какъ разумѣлъ самъ Апостолъ, придавая сказанному смыслъ, сообразный съ достоинствомъ и заслугою говорящаго. Ибо изреченія, произнесенныя по вдохновенію Божію, мы можемъ понять тогда только, когда, сообразно съ волею и намѣреніями его, взвѣсивши состояніе и заслуги тѣхъ, коими произнесены они, испытаемъ не на словахъ, а на дѣлѣ расположеніе духа такое же, въ какомъ или зачалось чувство, или произнесено изреченіе. Посему тщательно изслѣдуемъ, что это за добро, котораго Апостолъ, и желая, не могъ совершить. Ибо мы знаемъ и не можемъ отрицать, что Апостолъ, и подобные ему мужи, и имѣли, по природѣ, и пріобрѣли, по благодати, многія добродѣтели. Есть и прекрасная чистота и достохвальное воздержаніе, дивное благоразуміе и глубокое смиреніе, осторожная трезвенность и скромная умѣренность, кроткое милосердіе и святая правда,—и несомнѣнно, что все это въ апостолѣ Павлѣ и въ подобныхъ ему было такъ полно, совершенно, что онъ поучалъ вѣрѣ болѣе примѣромъ добродѣтелей, нежели словомъ. Что значитъ мучиться безпрестанно заботою, бдительнымъ попеченіемъ о всѣхъ церквахъ! Сколько милосердія, сколько совершенства, съ соблазняющимися — распаляться, съ немощными — немошествовать! Если же Апостолъ изобиловалъ такими добродѣтелями, то мы не можемъ понять, что это за добро, котораго онъ не могъ исполнить, если не придемъ въ то расположеніе духа, въ какомъ находился онъ, говоривши сіе. Итакъ, хотя всѣ добродѣтели, какія онъ имѣлъ, какъ алмазы драгоцѣнны и блестящи, но если сравнить ихъ съ тѣмъ многоцѣннымъ бисеромъ, нашедши который, оный евангельскій купецъ хотѣлъ все продать, чтобы купить его; то ихъ достоинство такъ умалится, что обладатель безчисленныхъ добродѣтелей, безъ замедленія, отвергъ бы ихъ, лишь бы обогатиться обладаніемъ одного только сего добра.

Гл. 3. Что же это за единое, которое безъ сравненія предпочитается такимъ и столь безчисленнымъ благамъ? Что за единое, которымъ однимъ должно обладать, презрѣвши и отвергши прочія? Оную лучшую часть, которую возлюбила Марія, оставивши долгъ гостепріимства и вѣжливости, Господь возвѣщаетъ такъ: *Марѳо, Марѳо, печешися и молвчши о многъ: едино же есть на потребу. Марія же благую часть избра, яже не отъимется отъ нея* (Лук. 10, 41. 42). Оное единое и единственное есть созерцаніе Бога, предъ коимъ, по справедливости, уменьшаются всѣ заслуги оправданія, всѣ добродѣтели; хотя все то, что, какъ мы сказали, сіяло въ апостолѣ Павлѣ, было не только хорошо и полезно, но и велико и прекрасно: но, какъ на примѣръ олово, хотя и имѣетъ нѣкоторую цѣну и пользу, но становится малозначущимъ при сравненіи съ серебромъ, и се-

ребро теряетъ цѣну предъ золотомъ, и самое золото предъ драгоцѣнными камнями, а достоинство множества камней возвышается блескомъ одного алмаза, такъ и всѣ сіи заслуги святости, хотя не только хороши и полезны въ настоящей жизни, но и пріобрѣтаютъ даръ вѣчности, однако, въ сравненіи съ Богосозерцаніемъ, теряютъ свое достоинство и дѣлаются какъ бы незначительными. Подтвердимъ эту мысль и силой св. Писанія. Не о всемъ ли созданіи Господнемъ вообще говоритъ писаніе: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло* (Быт. 1, 31); *дѣла Господня вся добра зѣло* (Сир. 39, 21)? И все это, что называется добрымъ, не просто добро, но *зѣло добра*, ибо служитъ намъ, сущимъ въ семъ мірѣ, на пользу жизни, или для врачеванія тѣла, или для какой нибудь, еще неизвѣстной намъ, потребы; даже еще въ высшей степени *зѣло добра*, ибо заставляетъ насъ созерцать *невидимая Его твореніи помышляема*, и видѣть *присносущную силу Его и божество* (Римл. 1, 20) въ такомъ чудномъ устройствѣ міра и во всемъ, существующемъ въ немъ. И однако все это теряетъ свое значеніе по сравненію съ будущимъ вѣкомъ, когда уже не будетъ никакого измѣненія добра и нарушенія вѣчнаго блаженства. Блаженство того міра такъ описывается: *и будетъ свѣтъ луны, яко свѣтъ солнца, и свѣтъ солнца седмерицею въ той день* (Ис. 30, 25). Итакъ, если сіе великое, прекрасное и дивное, сравнить съ будущими обѣтованіями, то оно покажется суетою, по слову Давида: *вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши я и измѣнятся; Ты же тойжде еси и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Пс. 101, 28). Итакъ, поелику ничто, кромѣ Бога, не твердо само по себѣ, ни неизмѣняемо, ни добро, и всѣ твари, стремясь къ блаженству вѣчности или неизмѣняемости, получатъ его не по своей природѣ, но по причастію и благодати своего Творца; то они и не могутъ удержать предъ Творцемъ заслуги своей доброты.

(Продолженіе будетъ).

ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ.

1.

Внемлите, людіе мои, закону моему, приклоните ухо ваше во глаголы устъ моихъ,—елика слышахомъ и познахомъ я, и отцы наши повѣдаша намъ,—возвѣщающе хвалы Господни. и силы Его, и чудеса Его, яже сотвори (Псал. 77, 1. 3. 4).

О чемъ и намъ бесѣдовать болѣе, возлюбленные братія, какъ не о томъ, *елика отцы наши повѣдаша намъ, возвѣщающе хвалы* Господа Бога нашего, *и силы Его, и чудеса Его*, о томъ, о чемъ любилъ бесѣдовать св. царь и пророкъ Давидъ съ народомъ своимъ? Онъ называетъ сказанія отеческія закономъ своимъ, потому конечно, что священныя событія древнія были для него въ высшей степени поучительны, какъ и говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *помыслихъ дни первыя, и лѣта вѣчная помянухъ, и поучахся* (Псал. 75, 6). Да будутъ же и намъ поученіемъ дни первые и лѣта вѣчныя. Взойдемъ къ началу великихъ дѣлъ Бога и Творца нашего, воспомянемъ самое начало міра и

первыя времена рода человѣческаго, какъ повѣдаетъ о томъ слово Божіе, и поучимся хвалямъ Господнимъ, познаемъ высочайшую премудрость, благость и другія совершенства Отца нашего небеснаго.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Земля же бѣ невидима и неустроена, и проч. (Быт. 1, 1—12). Кто могъ все это знать, кто видѣлъ сотвореніе міра? Одинъ Богъ могъ открыть это человѣку, и открылъ, безъ сомнѣнія, еще первому изъ людей, да знаетъ онъ Творца всѣхъ существъ и своего Творца и Господа, и повѣдаетъ о Немъ всему роду своему. Эти и многія другія дѣла свои Богъ особенно открылъ пророку Моисею, чтобы онъ предалъ все то письменамъ и научилъ боговѣдѣнію народъ Израильскій, а потомъ и всѣхъ людей. Итакъ не гласъ ли самаго Бога слышимъ мы въ этомъ повѣствованіи: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю?* Самъ Богъ это глаголетъ. Познайте, говоритъ, что все существующее—и небо и земля, Мною сотворены *въ началѣ*, прежде котораго ничего не существовало, кромѣ Меня — Отца вѣчнаго, собезначальнаго Мнѣ Слова и соприсносущнаго Мнѣ Духа Святаго. Познайте, что Я единъ—вѣченъ, самъ въ себѣ имѣю всю полноту бытія и жизни, и отъ исполненія моего все пріемлетъ бытіе и жизнь. Въ началѣ изъ небытія въ бытіе возвелъ Я *небо и землю*. Небо верховное, назначенное Мною для высшихъ существъ — ангеловъ, создано Мною прежде вашего чувственнаго міра — земли. Небо уже было устроено, и возвѣщало славу мою, а земля еще ожидала отъ Меня своего устройства. *Земля же бѣ невидима и неустросна*, не имѣя никакихъ жителей и еще неспособная ни для какой жизни. Она не имѣла даже свѣта: *тьма* была *верху бездны*. Познайте же, что все вещество само по себѣ безплодно и безжизненно, и такимъ на всегда осталось бы, еслибъ не послалъ Я Духа моего животворящаго и всесовершающаго. *И Духъ Божій ношашеся верху воды*, которая покрывала все лице земли; носился Онъ надъ сею бездною водъ, и полагалъ вездѣ начало порядка и жизни.—Теперь смотрите, бр., какъ раскрывается этотъ порядокъ во всемъ видимомъ мірѣ, и какъ начинается жизнь на землѣ. Какая во всемъ этомъ премудрость, какая благость!

И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ. Это первое благо, первое чувственное начало жизни для чувственныхъ тварей. Свѣтъ прежде всего явился, чтобы потомъ всѣ дѣла Божіи являть тѣмъ, которые способны ихъ видѣть и познавать. Безъ него, что былъ бы весь міръ для насъ, и что были бы мы, существа чувственныя и разумныя? Міръ во тмѣ — все равно какъ и не существующій для насъ, а человѣкъ во всегдашней тмѣ не могъ бы быть и человѣкомъ. Свѣтъ открываетъ намъ дивныя красоты и порядокъ міра, онъ и украшаетъ чувственные предметы разнообразными красками; ибо и прекрасный цвѣтъ неба видимаго, и всѣ цвѣты предметовъ земныхъ,—все это свѣтъ или видоизмѣненія свѣта. Эта стихія, тончайшая, все проницающая своею силою, служитъ началомъ образованія всего вещественнаго и вмѣстѣ съ теплотою, которую разноситъ повсюду, началомъ живительнымъ для всякой жизни въ природѣ видимой. Но замѣть, христіанинъ, что и свѣтъ, столь необходимый для всѣхъ, самъ есть твореніе Всемогущаго, и возсіялъ изъ чего? изъ тмы, по силѣ слова Божія, то есть и онъ сотворенъ, и самъ по себѣ не есть что либо божественное. Справедливо однакожъ то, что въ нашемъ мірѣ свѣтъ есть наилучшій образъ силы божественной; это—образъ свѣта несозданнаго, вѣчнаго, образъ того Слова, силою котораго онъ созданъ. О семъ Словѣ сказано:

въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ,—свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ (Іоан. 1, 4. 9). И само Слово сіе глаголетъ: *Азъ есмь свѣтъ міру; ходяй по Мнѣ, не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный* (—8, 12). Какъ свѣтъ чувственный открываетъ намъ дивныя дѣла Божіи въ мірѣ чувственномъ, такъ свѣтъ духовный — единородный Сынъ Божій, являетъ намъ всѣ божественныя истины, являетъ намъ самое Божество и всѣ совершенства Божіи. Какъ свѣтъ чувственный возбуждаетъ жизнь земныхъ тварей и украшаетъ ихъ; такъ и вѣчный свѣтъ—Господь Іисусъ Христосъ даруетъ жизнь духовную, и насъ, по природѣ темныхъ и нечистыхъ, дѣлаетъ свѣтоносными и очищаетъ отъ всякаго грѣха (1 Іоан. 1, 7). Къ сему-то вѣчному, божественному Свѣту будемъ возноситься мыслію и сердцемъ, когда смотримъ на свѣтъ чувственный, насъ и все въ мірѣ озаряющій. Скажемъ сами въ себѣ: прекрасенъ, благотворенъ и этотъ свѣтъ твой, Господи; но это только тѣнь твоя, *Свѣте тихій святыя славы Отца небеснаго!* Истинная, всевожделѣнная красота, жизнь и блаженство въ Тебѣ единомъ, Свѣтъ нашъ незаходимый! Благоволи всегда просвѣщать и живить насъ омраченныхъ и мертвыхъ грѣхами.

Свѣтомъ начался первый день міра; его движеніемъ производятся и всѣ дни послѣдующіе. Но нужно было опять всемогущее слово Творца, чтобы послѣдовало дальнѣйшее устройство міра. *И рече Богъ: да будетъ твердь посредѣ воды, и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды; и бысть тако*, явилась твердь, то есть вещественное небо,—какъ то, въ которомъ послѣ возсіяютъ свѣтила, такъ наше первое небо, называемое атмосферою и воздухомъ. Какъ благотворна и эта прозрачная, тонкая стихія — воздухъ! Первое дѣло этой стихіи—разлучить посредѣ воды и воды: и мы видимъ, какъ непрестанно поднимаетъ она воды и, въ видѣ паровъ или облаковъ, носитъ ихъ надъ головами нашими, какъ, въ свое время, разливаетъ ихъ въ видѣ дождей и напаяетъ землю. Сколько нужно было бы машинъ, сколько времени и трудовъ, еслибъ намъ самимъ пришлось поливать наши поля! Но премудростію Божіею вмѣсто милліоновъ машинъ устроена одна—воздухъ, и дѣлаетъ все, что нужно, для питанія жизни растеній и животныхъ Изъ воздуха получаемъ мы не только чистѣйшую воду въ дождяхъ, но и то питаніе, которое всегда входитъ въ нашу грудь, освѣжаетъ кровь въ жилахъ, и производитъ наше дыханіе. Мало сего: воздуху обязаны мы и тѣмъ, что свѣтъ солнечный разливается повсюду; онъ разноситъ всѣ запахи, распространяетъ звуки; онъ же, своимъ теченіемъ или вѣтромъ, движетъ корабли на водахъ, и разныя вѣтреныя машины на землѣ, устрояемыя человѣкомъ на помощь своимъ скуднымъ силамъ. Чей также этотъ прекрасный голубой цвѣтъ, который видимъ на сводѣ небесномъ? Цвѣтъ тойже благотворной стихіи; ибо она, въ близи къ намъ, безцвѣтна, а въ отдаленности, въ великой толщѣ своей, показывается синеватою, какъ видимъ на землѣ, когда смотримъ наприм. на отдаленный лѣсъ. Какъ далеко простирается эта стихія вверхъ? По наблюденію естествоиспытателей, не менѣе ста верстъ. Но по опыту тѣхъ же естествоиспытателей и воздухъ имѣетъ свою тяжесть, и мы, на поверхности тѣла нашего, носимъ въ нѣсколько сотъ пудовъ воздушный столбъ. Какъ же не подавляетъ насъ эта страшная тяжесть? Подивимся и здѣсь премудрости Божіей: она дала воздуху такую силу упругости, что онъ и въ маломъ количествѣ своемъ, въ какомъ находится въ нашемъ тѣлѣ, противодѣйствуетъ всей внѣш-

ней массѣ воздушной и, принимая на себя всю ея силу, не допускаетъ ее тяготить насъ. Познай, человѣкъ, сколько здѣсь и премудрости и благости творческой, сколько въ одномъ этомъ произведеніи всемогущества — воздухѣ, дарованій, сколько дѣйствій самыхъ благотворныхъ!

Приступимъ къ дню творенія третьему: въ немъ увидимъ третій родъ безчисленныхъ даровъ Божіихъ. *И рече Богъ: да соберется вода, яже подъ небесемъ, въ собраніе едино и да явится суша; и бысть тако*, и проч. Всемогущее слово повелѣло водамъ уступить намъ мѣсто для жилища, и всѣ онѣ устремились въ открытыя тѣмъ же словомъ пропасти земныя, открыли сушу и составили океаны и моря. Сколько благъ человѣку отъ этихъ великихъ собраній водныхъ! Это неистощимые запасы водъ для всѣхъ странъ земли. Чрезъ подземные пути вода морская проходитъ повсюду, процѣживается чрезъ разные слои земли и выступаетъ на поверхность ея въ видѣ озеръ, рѣкъ и источниковъ. Она же приходитъ къ намъ путями воздушными, когда поднимается въ испареніяхъ къ верху и потомъ ниспадаетъ чистѣйшими каплями на землю, напаяетъ наши поля, проникаетъ въ горы, и изъ нихъ изливаясь, то видимыми, на поверхности земной, то невидимыми ручьями подземными, наполняетъ всѣ рѣки и озера, а, совершивъ свое дѣло, напитавъ милліоны растеній и животныхъ, возвращается опять въ море. Такъ *вси потоцы идутъ въ море, и море нѣсть насыщаемо: на мѣсто, аможе потоцы идутъ, тамо тіи возвращаются ити* (Еккл. 1, 7). Но въ самомъ морѣ какая польза отъ воды, когда она вся горька и солена, негодна для питанія человѣка? Такъ, она горька и солена, но никогда не портится, хотя не имѣетъ теченія, какое имѣютъ наши рѣки и хотя принимаетъ въ себя всѣ нечистоты земныя, и не портится именно потому, что горька и солена. По этой же причинѣ она тяжелѣе нашей прѣсной воды и не такъ сильно испаряется, чтобъ не залить насъ непомѣрными дождями. Видите, какая благость и въ этой горечи моря? А что сказать объ этихъ огромныхъ пространствахъ, наполняемыхъ морями? Безплодныя ли это и безжизненныя пустыни? Нѣтъ, въ этихъ безднахъ бездна жизни, міріады животныхъ разнообразныхъ, которыя тамъ плодятся, живутъ, питаются и питаютъ насъ. Притомъ эти бездны, которыя, повидимому, раздѣляютъ отдаленныя страны земли, не лучшіе ли пути общенія между нами? Это пути кораблей великихъ, приносящихъ намъ сокровища другихъ странъ, напр. плоды сладкіе, какихъ не производитъ наша природа, и драгоцѣнныя растенія лечебныя, какихъ тоже нѣтъ у насъ. — *И видѣ Богъ, яко добро.* Это сказано о собраніи водъ, сказано еще прежде совершенія третьяго дня, прежде нежели суша покрылась растеніями (Быт. 1, 10). Для чего сказано? Для того конечно, чтобы и ты, человѣкъ, почиталъ море добромъ, а не зломъ, чтобы умѣлъ благоразумно извлекать изъ него пользу, а не вдавался безразсудно въ его опасности, чтобы и въ самой водной пучинѣ усматривалъ неизслѣдимую глубину премудрости и благости Божіей. Живущіе близъ предѣловъ моря знаютъ, какъ оно прекрасно по самому внѣшнему виду своему, когда тихо колеблется и отражаетъ въ себѣ лазурный сводъ небесный, и какъ величественно — грозно, когда раздражается вѣтрами и воздымаетъ яростныя волны свои. Но волнамъ его положенъ предѣлъ — песокъ, и сказано морю, въ охраненіе нашей жизни: *до сего дойдеши, и не прейдеши; но въ тебѣ сокрушатся волны твоя* (Іов. 38, 11). Не видишь ли, христіанинъ, опять великой къ

тебѣ благости Божіей, насъ хранящей и милующей? — Сказать ли вамъ, братія, еще, о чемъ напоминаетъ намъ красота моря? — Пусть скажетъ это самъ вселенскій учитель, св. Василій великій, и закончитъ первую нашу бесѣду: »если море, говоритъ, прекрасно и достойно похвалы предъ Богомъ; то не гораздо ли прекраснѣе собраніе такой Церкви, въ которой, подобно волнѣ ударяющейся въ берегъ, совокупный гласъ мужей, женъ и младенцевъ возсылается къ Богу въ нашихъ къ Нему молитвахъ? Глубокая тишина хранитъ ее незыблемою, потому что лукавые духи не возмогли возмутить ее еретическими ученіями. Будьте же достойны благословенія Господня, соблюдъ, сколько возможно, благолѣпное сіе благочестіе, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь«.

БЛАГОЧЕСТІЕ И БРАТОЛЮБІЕ.

Поучительное отношеніе между благочестіемъ и братолюбіемъ записано на первыхъ страницахъ исторіи человѣчества (Быт. 4, 3—9). Человѣкъ, который первый принесъ Богу нечистую жертву, сдѣлался и первымъ братоубійцею. *Призрѣ Богъ на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не внятъ* (ст. 4). Избытокъ милостей и даровъ, которыми Господь благословилъ благочестіе Авеля, породилъ въ нечистомъ сердцѣ Каина чувства зависти и злобы къ невинному брату; счастіе брата стало для него несчастіемъ: *и опечалися Каинъ зѣло, и испаде лице его* (ст. 5). Это состояніе зависти, злобы и скорби о благополучіи Авеля сокрываетъ Каинъ подъ лицемѣрною любовію: дружески и братски приглашаетъ онъ своего брата на уединенныя полевыя работы: *и бысть внегда быти имъ на поли, воста Каинъ на Авеля, брата своего, и уби его* (ст. 8). Когда вслѣдъ за симъ Господь, чтобы обратить грѣшника къ покаянію, вопрошаетъ его: *гдѣ есть Авель братъ твой* (ст. 9)? братоубійца на голосъ милосердія отвѣчаетъ: *не вѣмъ; еда стражъ брату моему есмь азъ?* (ст. 10). — Въ этихъ послѣднихъ словахъ открывается противленіе Богу, гордость и человѣконенавидѣніе въ самомъ ужасномъ видѣ. По закону Божію и по влеченію сердца, люди должны быть стражами другъ другу, должны беречь другъ друга отъ временныхъ несчастій и вѣчной погибели. Каинъ отрицаетъ этотъ святѣйшій законъ, хочетъ, съ гордостію сатаны, знать только себя, жить только для себя и открыто говоритъ, что не его дѣло заботиться о братѣ: *еда стражъ брату моему есмь азъ?* Такъ нечистое служеніе Богу, какъ ядовитый корень, раскрылось въ душѣ Каина всѣми явленіями братоненавидѣнія, завистію, злобою, скорбію о благополучіи брата, братоубійствомъ и наконецъ всецѣлымъ погашеніемъ въ сердцѣ всякихъ движеній любви и человѣческаго чувства!

Объ этомъ отношеніи между любовію къ Богу и любовію къ ближнему должны бы помнить тѣ мнимые друзья человѣчества *(Филантропы)*, которые проповѣдуютъ любовь къ ближнему и братство между людьми, забывая при этомъ о любви къ Богу, или даже открыто отвергая достоинство и потребность такой любви. Въ настоящее время мы не мало встрѣчаемъ подобныхъ лжеучителей, которые

между истиннымъ благочестіемъ и братолюбіемъ не находятъ никакого живаго и внутренняго союза, которые мнятъ исполнять Божію заповѣдь о любви къ ближнимъ, не вѣруя въ самаго Бога, которые учатся человѣколюбію у Христа, а равнодушію къ вѣрѣ или открытому невѣрію у антихриста.—Тщетное усиліе раздѣлить то, что сочеталъ Богъ! Тщетное усиліе наслаждаться плодами изъ земли обѣтованія и оставаться въ Египтѣ, странѣ заблужденія и невѣрія! Тотъ не можетъ любить ближняго, что бы ни говорилъ онъ. кто не любитъ Бога, не пріемлетъ Его ученія, не покланяется Ему духомъ и истиною: *яко Богъ любы есть*; *яко любы отъ Бога есть, и всякъ любяй отъ Бога рожденъ есть, и знаетъ Бога* (1 Іоан. 4, 7. 8). Безъ возрожденія свыше, безъ благодати Святаго Духа человѣкъ не имѣетъ силы для любви къ ближнему; самъ по себѣ онъ можетъ любить брата только по тѣмъ побужденіямъ своекорыстія и самолюбія, по которымъ онъ *питаетъ и грѣетъ плоть свою* (Еф. 5, 29). Когда твое сердце нечисто предъ Богомъ, то это означаетъ, что оно нечисто въ своемъ глубочайшемъ существѣ. Откуда же, или изъ какого источника оно можетъ почерпнуть силы для чистыхъ подвиговъ любви и братства? Когда твое сердце не укрѣпляется преданностію въ волю Божію; то гдѣ найти ему достаточныя побужденія для тяжкихъ жертвъ, съ которыми сопряжена любовь къ ближнему? Для чего бы ты сталъ бороться съ самолюбіемъ и своекорыстіемъ, которыя въ грѣховномъ, не облагодатствованномъ человѣкѣ коренятся такъ сильно и кажутся такъ естественными? Зависть, которая есть первое обнаруженіе нелюбви къ брату и которая служитъ источникомъ всѣхъ другихъ явленій человѣконенавидѣнія, имѣетъ свою основу въ недостаткѣ вѣры въ Бога и любви къ Богу. Ты опечалился, какъ Каинъ, при видѣ счастія и благополучія твоего брата; но это счастіе и благополучіе есть однако же даръ Бога, который по своему премудрому промышленію ущедряетъ и лишаетъ, возноситъ и смиряетъ: *или нѣсть ми лѣть сотворити, еже хощу во своихъ ми? аще око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь* (Матѳ. 20, 15)? Итакъ, когда ты завидуешь ближнему, когда ты не любишь его; то это служитъ только выраженіемъ (1 Іоан. 4, 20) и внѣшнимъ признакомъ того, что въ твоемъ сердцѣ нѣтъ любви къ Богу и преданности въ Его святую волю.

Лжеучители, раздѣляющіе благочестіе и братолюбіе, расторгаютъ насильственно двѣ, неразрывно соединенныя, скрижали новаго завѣта, мнятъ любить людей, какъ братьевъ, и не обращаются вѣрою и любовію къ Богу, который есть Отецъ всѣхъ человѣковъ, надѣются устроить на земли царство любви, царство Божіе, однако же безъ помощи Божіей, безъ молитвъ о ниспосланіи свыше благословенія и благодати на дѣла любви. Это видимое противорѣчіе само собою обличаетъ глубокое ослѣпленіе тѣхъ мнимыхъ друзей человѣчества, которые не желаютъ быть при этомъ друзьями Божіими и которые отвращаются отъ самаго источника любви и всякаго совершенства.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

142) Говори также душѣ своей: о душа! какого друга стяжала ты на будущій вѣкъ, и кто приметъ тебя подъ кровъ свой?—Трудись и не неради объ исполненіи заповѣдей Божіихъ. Вотъ сѣкира у корени древа! Послетъ Господь ангела смерти, и испытаешь силу евангельскаго слова: посѣките скорѣе сію безплодную смоковницу, потому что она напрасно только занимаетъ землю.

143) Крѣпко возлюбившій сію двоицу: постъ и безмолвіе, вскорѣ содѣлается другомъ Божіимъ. Итакъ внимай ей, добрая сестра моя. Какъ насыщеніе чрева есть начало всѣхъ золъ, такъ сообращеніе съ людьми начало разслабленія и разженія похотей въ сердцѣ. Святый же путь Божій — постъ и безмолвіе, внимательное чтеніе и трезвенная молитва. — Итакъ, воздѣвши руки на небо, молись усердно, день и ночь отгоняя отъ себя всякое прираженіе разлѣненія и сна.

144) Постъ есть основаніе всякой добродѣтели, начало подвига и вѣнецъ, хранитель красоты цѣломудрія, отецъ молитвы, источникъ разумѣнія, учитель безмолвія, правитель всѣхъ добрыхъ дѣлъ и всѣхъ благъ духовныхъ.

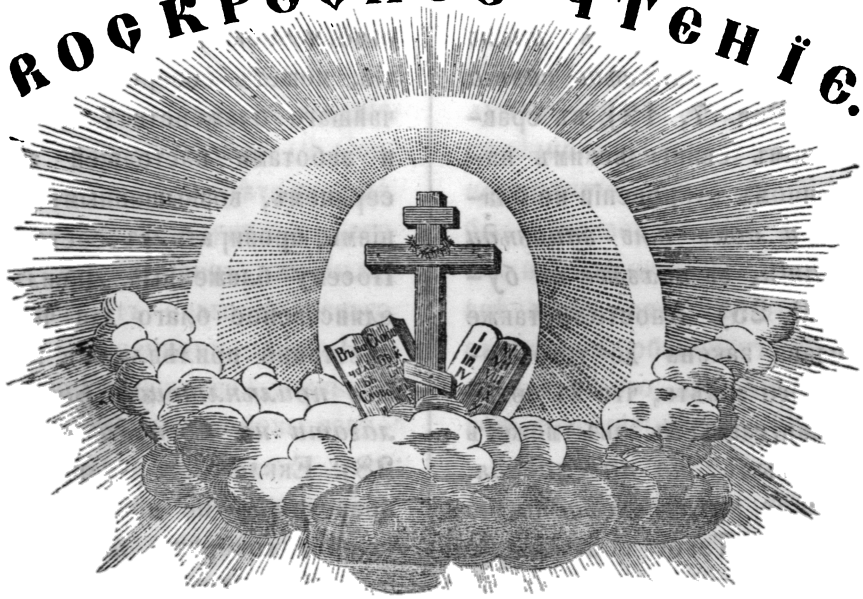
145) Когда начнетъ кто поститься, тогда раждается въ немъ и теплое расположеніе къ памяти Божіей и молитвѣ; ибо душа постящагося не любитъ покоиться въ постели день и ночь.

146) Чѣмъ болѣе будешь прилежать посту съ безмолвіемъ, тѣмъ обильнѣе почіетъ на тебѣ благодать Божія, и враждебные помыслы далеко отбѣгутъ отъ тебя.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 3-го Іюня 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоаникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.



№ 14.

НЕДѢЛЯ 6 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

22 Іюня 1858 г.

Гласъ 5-й.

На утрени: евангеліе воскресное 6-е, Лук. зач. 114. На Литургіи: апост. Римл. зач. 100; еванг. Матѳ. зач. 29.

ИЗЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА КАССІАНА СЪ СКИТСКИМИ СТАРЦАМИ:

АВВЫ ѲЕОНЫ, ИЗЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ АПОСТОЛА: *не еже хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.* Рим. 7, 19.

Гл. 4. Если бы мы захотѣли подтверждать справедливость этой мысли, т. е. что благость и правда человѣческая не благи по сравненію съ благостію и правдою божественною, еще яснѣйшими доказательствами, то развѣ не читаемъ въ Евангеліи, что многое называется *благимъ*, напримѣръ: *древо доброе, сокровище благое, человѣкъ благій и рабъ благій: не можетъ*, сказано, *древо добро плоды злы творити* (Матѳ. 7, 4), и *благій человѣкъ отъ благаго сокровища* (сердца своего) *износитъ благая* (Матѳ. 18, 35), и, *добръ рабе благій и вѣрный* (Матѳ. 25, 23), и хотя несомнѣнно, что всѣ сіи сами по себѣ благи; но если сравнимъ ихъ съ благостію Божіею, то никто изъ нихъ не можетъ назваться благимъ, по слову Господню: *никто же благъ токмо единъ Богъ* (Лук. 18, 20). Въ этомъ смыслѣ даже самые апостолы, которые, удостоившись избранія, во многихъ отношеніяхъ превосходили благость рода человѣческаго, называются лукавыми, какъ говоритъ имъ самъ Господь: *аще убо вы лукави сущи, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него* (Матѳ. 7, 11). Наконецъ какъ благость наша, по сравненію съ благостію высочайшею, обращается въ злость, такъ и правда наша, при сравненіи съ правдою божественною, становится подобною порту нечистыя, какъ говоритъ пророкъ Исаія: *якоже портъ нечистыя вся правда наша* (Ис. 64, 6). Представимъ нѣчто еще яснѣйшее: и животворныя заповѣди самаго за-

кона, о которомъ сказано, что онъ *вчинетъ ангелы, рукою Ходатая* (Гал. 3, 19) и о которомъ тотъ же Апостолъ говоритъ: *тьмъ же убо законъ святъ и заповѣдь свята и праведна и блага* (Рим. 7, 12), въ сравненіи съ совершенствомъ евангельскимъ называются въ божественномъ откровеніи не благими, ибо говоритъ: *и дахъ имъ заповѣди не добры, и оправданія, въ нихъже не будутъ живы* (Іезек. 20, 25). Апостолъ также утверждаетъ, что слава закона до того помрачается свѣтомъ новаго завѣта, что въ сравненіи съ свѣтомъ евангельскимъ онъ можетъ быть названъ не славнымъ: *не прославися*, говоритъ, *прославленное за превосходящую славу* (2 Кор. 3, 10). Такое соотношеніе Писаніе наблюдаетъ и съ противуположной стороны, то есть, при опредѣленіи заслугъ грѣшниковъ; такъ что тѣхъ, которые гораздо менѣе нечестивы, оно оправдываетъ, по сравненію съ худшими, говоря: *оправдися Содома отъ тебя;* и еще: *что согрѣшила сестра твоя Содома?* (Іез. 16, 48. 51). И блудница израиль оправдала душу свою въ сравненіи съ прелюбодѣйцею дщерію іудиною. Такимъ же образомъ и заслуги всѣхъ добродѣтелей, о которыхъ я сказалъ выше, хотя сами по себѣ благи и драгоцѣнны, помрачаются при сравненіи съ славою умосозерцаемою. И многимъ святымъ, хотя они и добродѣтельны, занятія земными попеченіями препятствуютъ и отвлекаютъ ихъ отъ созерцанія онаго верховнаго блага.

Гл. 5. Ибо кто, исхищая бѣднаго изъ рукъ сильнѣйшихъ его и нищаго и убогаго отъ досаждающихъ ему, кто, сокрушая зубы грѣшниковъ и изъ челюстей ихъ исторгая похищенное, можетъ, во время самаго дѣла заступничества, спокойнымъ умомъ созерцать славу божественнаго величія? Кто, подавая пищу бѣднымъ, и съ доброжелательствомъ и человѣколюбіемъ принимая множество приходящихъ, въ тоже самое мгновеніе когда съ озабоченною мыслію, печется о нуждахъ братіи, можетъ созерцать безпредѣльность высочайшаго блаженства? и возмущаясь печалями и заботами настоящей жизни, кто можетъ, сердцемъ, возвышеннымъ надъ земными вліяніями, прозирать въ состояніе будущаго вѣка? Посему блаженный Давидъ, полагая въ семъ единственое благо для человѣка, желаетъ непрестанно прилѣпляться къ Богу, говоря: *мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть, полагати на Господа упованіе мое* (Пс. 72, 28). Екклезіастъ, утверждая, что никто изъ праведныхъ не можетъ достигнуть сего безъ скорби, говоритъ: *яко нѣсть человѣкъ праведенъ на земли, иже сотворитъ благое и не согрѣшитъ* (Еккл. 7, 21).— Ибо, можно ли повѣрить, чтобы кто, хотя совершеннѣйшій изъ всѣхъ праведныхъ и святыхъ, связанный узами сего тѣла, могъ владѣть симъ высочайшимъ благомъ такъ, чтобы, никогда не отвлекаясь отъ божественнаго созерцанія, даже на короткое время, не былъ увлеченъ земными помыслами отъ Того, Кто единъ благъ; чтобы онъ никогда не имѣлъ никакого попеченія ни о пищѣ, ни объ одеждѣ, ни о другихъ тѣлесныхъ потребностяхъ, чтобы никогда не безпокоился ни о принятіи братій, ни о перемѣнѣ мѣста, ни о построеніи келліи, или не желалъ какого либо пособія отъ человѣческой помощи, или удрученный нуждами, сопряженными съ бѣдностію, не подвергнулся оному обличенію Господню: *не пецытеся душею вашею, что ясте или что піете, ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся* (Мат. 6, 25). Наконецъ мы смѣло утверждаемъ, что самъ апостолъ Павелъ, множествомъ страданій превзошедшій трудъ всѣхъ святыхъ, никакъ не могъ сего сдѣлать, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ о семъ предъ своими уче-

никами въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ: *сами вѣсте, яко требованію моему и сущимъ со мною послужисте рущь мои сіи* (Дѣян. 20, 34). Такъ же, пиша къ Солунянамъ, онъ свидѣтельствуетъ, что у нихъ онъ *въ трудѣ и въ подвизѣ нощь и день дѣлалъ* (2 Сол. 3, 5). Хотя чрезъ это онъ пріобрѣталъ себѣ великую награду за свои заслуги, но его умъ, сколько святъ и возвышенъ ни былъ, не могъ не отвлекаться отъ онаго небеснаго созерцанія вниманіемъ къ земному дѣлу. Наконецъ видя себя обогатившимся толикими и такими плодами и съ другой стороны взвѣсивши сердцемъ благо созерцанія, — какъ бы положивши въ одну чашку вѣсовъ успѣхъ толикихъ трудовъ, а въ другую — блаженство божественнаго созерцанія, и продолжительнымъ, всячески очищеннымъ испытаніемъ своего сердца уравновѣсивши ихъ, утѣшаясь съ одной стороны безчисленными выгодами отъ трудовъ, а съ другой жаждою единенія и не разрывнаго общенія со Христомъ, которая побуждала его даже къ желанію разрѣшиться отъ сего тѣла, въ недоумѣніи воскликнулъ и сказалъ: *что изволю не вѣмъ: обдержимъ есмь отъ обою, желаніе имый разрѣшитися и со Христомъ быти, много паче лучше: а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (Филип. 1, 22—24).

Гл. 6. Итакъ хотя Апостолъ предпочиталъ во многихъ отношеіяхъ превосходство сего блага даже всѣмъ плодамъ своего благовѣствованія, однако ради любви, безъ которой никто не можетъ имѣть заслугъ предъ Господомъ, удерживается и ради тѣхъ, которыхъ, какъ кормилица млекомъ, питалъ сосцами евангельскими, не отказывается, на время, отъ разлученія со Христомъ, вреднаго для него самаго, но необходимаго для другихъ. Къ избранію сего онъ особенно побуждается тою чрезвычайною силою благочестія, по которой, для спасенія своихъ братій, онъ желалъ, если бы то было возможно, подвергнуться даже самому крайнему злу — отлученію отъ Христа: *молилбыся бо*, говоритъ онъ, *самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти, иже суть израилите* (Римл. 9, 34), то есть, желалъ бы я подвергнуться не только временнымъ, но и вѣчнымъ наказаніямъ, лишь бы только всѣ люди, если бы это было возможно, наслаждались общеніемъ со Христомъ. Ибо мнѣ извѣстно, что для Христа и для меня, полезнѣе спасеніе всѣхъ, нежели мое.

(Продолженіе будетъ).

ЖАЛОБА

НА СКОРБНЫЙ ХАРАКТЕРЪ ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВѢДИ.

Святая Церковь постоянно и болѣе всего заботится о возбужденіи и поддержаніи въ своихъ чадахъ скорбнаго покаяннаго настроенія духа, о возбужденіи чувства печали и глубокаго сѣтованія о своихъ согрѣшеніяхъ. Многимъ не нравится такое направленіе церковной проповѣди: часто слышится въ обществѣ противъ него сильный голосъ. Что это значитъ (спрашиваютъ многіе, при воспоминаніи о покаянномъ характерѣ церковной проповѣди)? За чѣмъ намъ проповѣдуютъ все о страданіи и страданіи, о терпѣніи и терпѣніи, о покаяніи и слезахъ, но рѣдко, весьма рѣдко о радости, о наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, сродныхъ душѣ нашей! Какъ будто истинный христіанинъ долженъ ходить всегда съ поникшею головою,

со взоромъ, орошеннымъ слезами, съ печальною думою на лицѣ, съ тяжелыми вздохами на устахъ! Какъ будто намъ дана жизнь не для того, чтобы жить, не для того, чтобы наслаждаться жизнію, а чтобы вѣкъ плакать, вѣкъ горевать, вѣкъ сокрушаться о жизни. Такова ли должна быть жизнь наша? Въ глубинѣ нашего духа есть непреложное убѣжденіе, что верховная благость Божія воззвала насъ къ жизни вовсе не для бѣдствій, терпѣнія и скорбей, но для наслажденія жизнію, для участія въ томъ блаженствѣ, которое съ такимъ избыткомъ изливается всюду отъ Тріипостаснаго Источника жизни...

Какъ же разрѣшить эти тяжелыя недоумѣнія? Чѣмъ защитить христіанскую проповѣдь отъ напрасныхъ жалобъ и обвиненій, взводимыхъ на нее?

Святая Церковь, не престающая болѣть совокупными скорбями всѣхъ чадъ своихъ, болѣе чѣмъ каждый изъ насъ, знаетъ и чувствуетъ, что не для скорби дано намъ благо христіанства. Она болѣе, чѣмъ мы сами, желала бы облаженствовать насъ, болѣе, чѣмъ мы сами, заботится объ избавленіи насъ отъ всѣхъ скорбей, и о доставленіи намъ всѣхъ радостей. Если же и при этомъ изъ устъ ея слышится слово о страданіи и терпѣніи, то, значитъ, это слово необходимо и полезно для насъ.

Меньше всего заботливость Церкви можетъ простираться на благо тѣлесное, на улучшеніе нашего вещественнаго быта. И въ настоящее время, когда всѣ,—и ученые, и государственные, и промышленные люди, съ напряженіемъ заняты облегченіемъ средствъ и увеличеніемъ удобствъ жизни, часто слышится упрекъ Церкви въ ея будто излишней строгости, въ ея будто враждебномъ отношеніи къ естественнымъ заботамъ человѣка о своемъ благѣ и невинныхъ удовольствіяхъ жизни. Упрекъ совершенно напрасный, проистекающій отъ незнанія дѣла! Церковь никогда не стѣсняла естественныхъ заботъ о нашемъ тѣлесномъ благѣ, никогда не гнала невинныхъ удовольствій съ лица земли. Христіанство не хочетъ подавлять ни одной существенной потребности, прирожденной природѣ нашей: оно только освящаетъ каждую изъ нихъ, даетъ и указываетъ должную мѣру ихъ удовлетворенію.— Для св. Церкви больно видѣть, когда нѣкоторые изъ меньшихъ братій нашихъ томятся голодомъ и питаются однѣми корками сухаго хлѣба, или являются одѣтыми въ рубище. Ее трогаетъ всякое несчастіе, поражающее чадъ ея. Потому она убѣждаетъ богатыхъ удѣлять отъ избытка своего нищимъ братіямъ для облегченія ихъ тяжкой участи. Она посылаетъ съ пастыремъ утѣшеніе въ семейства, страждущія бѣдностію и печалями жизни. Посмотрите, гдѣ ждутъ подаянья благъ земныхъ люди, нуждающіеся въ этихъ благахъ! Въ церкви и около церкви, а не у порога тѣхъ людей, которые составляютъ планы для уничтоженія нищеты и дарованія всѣмъ полныхъ удобствъ жизни. И это, въ такое время— когда существуютъ благотворительныя общества, когда часто въ пользу бѣдныхъ дорогою цѣною продаются мірскія удовольствія! Сердце бѣдняка чувствуетъ, что не тамъ для него облегченіе горькой участи, гдѣ изъ-за его бѣдности прихоть богачей пожираетъ большія суммы денегъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по словамъ людей міра, *гнѣздится ненависть* къ человѣческому наслажденію. Есть у насъ въ обществахъ большее или меньшее число людей, унизившихъ въ себѣ человѣческое достоинство, преступленіями доведшихъ себя до темницы и кары законной. Эти люди оставляются обществомъ, нигдѣ не находятъ себѣ добродушнаго привѣта, а всюду встрѣчаютъ одно презрѣніе и осужденіе, и пред-

ставляютъ себѣ будущее, безъ надежды, безъ ясныхъ, спокойныхъ дней, безъ всякаго человѣческаго утѣшенія. Кто же хочетъ сдѣлать хоть сколько нибудь отраднымъ для этихъ людей чувство жизни? Кто хочетъ спасти ихъ отъ безвыходнаго отчаянія? Кто хочетъ пробудить въ нихъ чувство человѣческаго достоинства? Церковь, одна Церковь, и никто кромѣ Церкви. — Намъ случалось встрѣчать мудрецовъ съ новою, вовсе неожиданною, клеветою на Церковь: именно, теперь, когда готовъ исчезнуть давній юридическій предразсудокъ, по которому многія безсмертныя души считались неотъемлемою собственностію особы, иногда ничѣмъ не заявившей существованія своего собственнаго духа, думаютъ они винить между прочимъ и Церковь въ томъ, будто она виною долгаго господства того, очевидно, несправедливаго предразсудка, будто она поддерживала своимъ ученіемъ то неестественное положеніе, по которому сотни и тысячи людей самымъ рожденіемъ лишались самостоятельнаго пользованія благами жизни, осуждались на большую долю труда и самую меньшую долю вознагражденія, и вообще разсматривались, какъ неразумныя орудія одной, осчастливленной личности. — Всѣ подобныя обвиненія проистекаютъ отъ односторонняго, неполнаго знанія церковнаго ученія. Знаемъ мы, что Церковь повелѣваетъ рабу повиноваться во всякомъ страсѣ владыкамъ, не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Но это не потому, чтобы она на вѣки хотѣла узаконить такое, мало благопріятное для рабовъ, раздѣленіе счастія между членами государства, а потому, что она знаетъ несовершенство всѣхъ человѣческихъ учрежденій и хочетъ сыновъ своихъ поставить выше этихъ учрежденій, хочетъ доставить имъ возможность пользоваться счастіемъ и въ томъ случаѣ, если ихъ обидѣли человѣческія учрежденія. Это потому, что она всегда дѣйствуетъ на жизнь общества не насиліемъ, а силою убѣжденія, и отвращается всѣхъ тѣхъ переворотовъ, въ которыхъ льется кровь человѣческая и разрушается благосостояніе многихъ сотенъ людей. Но вникните въ сущность церковнаго ученія: оно говоритъ, что въ христіанствѣ *нѣсть іудей и еллинъ*, *нѣсть рабъ и свободь*, но всѣ нова тварь о Христѣ Іисусѣ, что всѣ мы братья предъ Богомъ, всѣ имѣемъ одного Отца небеснаго, у всѣхъ насъ одинаковая богоподобная душа, всѣхъ насъ ждетъ могила и судъ, гдѣ не обращается ни малѣйшаго вниманія на заслуги и права рода. Церковь хочетъ, чтобы званіе христіанъ, званіе сыновъ Божіихъ уничтожило всѣ подраздѣленія званій человѣческихъ. Скажите, къ чему ведетъ такое ученіе? Ужели къ узаконенію и увеличенію рабства, этого несчастія, отъ рожденія тяготѣющаго надъ многочисленнымъ классомъ людей? Нѣтъ, рабство дотолѣ только могло угнетать христіанскій, богозванный и богозданный, міръ, доколѣ христіанская истина не проникла въ человѣческое сознаніе, и не нашла прямаго приложенія въ жизни. И если что требуетъ теперь улучшенія быта рабовъ, то именно ясное сознаніе древней христіанской истины. Опять прежде, когда человѣческое сознаніе еще отуманено было языческою стариною, и никто не смѣлъ роптать на рабство, кто, какъ не Церковь, облегчала горькую участь рабовъ, иногда дѣлавшуюся невыносимою отъ жестокости и своеволія господъ? Мы не указываемъ на отеческія увѣщанія, которыя укрощали гнѣвъ и страсть жестокихъ господъ указаніемъ имъ на единаго Владыку всяческихъ, имѣющаго судить всѣхъ господъ наравнѣ съ рабами: такихъ увѣщаній было много во всякое время и въ разныхъ мѣстахъ. Мы думаемъ что каждому господину, умѣющему читать, извѣстно

посланіе св. ап. Павла къ Филимону, гдѣ онъ убѣждаетъ сего господина принять къ себѣ бѣжавшаго отъ него раба, не аки раба, *но выше раба*, какъ *брата возлюбленна*, брата и по плоти, и о Господѣ (16). Мы не въ силахъ предположить, чтобы это вѣковѣчное посланіе божественнаго Апостола никогда не дѣйствовало на господъ, и не заставляло ихъ облегчать тяготу и услаждать горечь жизни подчиненныхъ имъ рабовъ.

Удивительно, какъ опрометчивы бываютъ иногда люди въ своихъ сужденіяхъ. Они винятъ Церковь въ подавленіи нашихъ стремленій къ естественному человѣческому наслажденію. А между тѣмъ, Церковь, въ ихъ же глазахъ, радуется, когда чада ея живутъ въ довольствѣ и спокойствіи; а между тѣмъ она благословляетъ и освящаетъ всѣ средства, служащія къ улучшенію нашего житейскаго положенія; а между тѣмъ она постоянно молитъ Бога, да даруетъ Онъ намъ времена мирная, изобиліе плодовъ земныхъ, благораствореніе воздуховъ, да дастъ намъ вся обильно въ наслажденіе. Гдѣ же то враждебное отношеніе ея къ тѣлесному благу и вещественному благосостоянію человѣка, за которое винятъ ее люди, не хотящіе знать ея ученія?

А частые посты (скажете вы)? А разныя стѣснительныя ограниченія, не дозволяющія намъ безпрепятственно и въ волю удовлетворять своимъ естественнымъ потребностямъ? — Боже мой! Ужели и то легкое и благое иго Христово ненавистно и невыносимо для васъ? Вѣдь оно нужно для нашего же житейскаго блага: то не стѣсненіе, а руководство для насъ въ нашихъ наслажденіяхъ. Если мы захотимъ отвергнуть это спасительное руководство, то разрушимъ и то благо, къ которому стремимся. Вамъ кажутся невыносимою тяжестію церковные посты? Но вы благодушно несете діэту, назначаемую вамъ врачемъ вашимъ: почему же не достаетъ у васъ такого благодушія для держанія діэты церковной, налагаемой на васъ для вашего же не только тѣлеснаго, но и духовнаго здоровья? Вы не ощущаете никакой пользы отъ этой діэты: покажите покрайней мѣрѣ послушаніе Церкви, которая, конечно, не менѣе насъ съ вами разсуждала, когда узаконяла посты; дайте знать, хоть этимъ послушаніемъ, что вы принадлежите къ обществу, которое не даромъ присвояетъ себѣ и имя *православнаго!* Церковь полагала, что человѣкъ не есть плотоядное животное; потому ей казалось и кажется, что ограниченіе плотоядной способности въ человѣкѣ, вызываемое нуждою и важностію времени, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить для него какимъ нибудь существеннымъ стѣсненіемъ. Не нападайте на другія, тоже кажущіяся стѣснительными, учрежденія Церкви. Они направлены не противъ существенныхъ потребностей, а противъ страстей, этого искаженія нашихъ стремленій. Церковныя учрежденія — законное ограниченіе нашихъ наслажденій, условливающее ихъ цѣнность для насъ. Если вы выступите изъ этого ограниченія; противъ васъ востанетъ общественное мнѣніе, и обличитъ васъ въ вашемъ уклоненіи отъ своего блага. Не будетъ нравственной силы въ общественномъ мнѣніи, противъ васъ заговоритъ голосъ подчиняемой суетѣ природы Не подчиняя закону своего естественнаго стремленія къ какому нибудь благу, вы преждевременно теряете и живость и силу наслажденія, и наживаете себѣ много нежданныхъ бѣдъ. Ваша страсть создаетъ для васъ множество томительныхъ минутъ, неизвѣданныхъ прежде; къ вамъ приближается менѣе всего желаемая вами болѣзнь; слабѣетъ и истощается энергія вашей дѣятельности. Въ современномъ поколѣніи часто можно встрѣчать юношей, сбро-

сившихъ съ себя стѣснительныя для нихъ ограниченія, и съ необузданностію предавшихся чувственнымъ утѣхамъ жизни. Еще только занимается утро дней ихъ,—а они уже отцвѣтаютъ, безъ пользы и для себя и для общества: истощены понапрасну жизненныя силы, притуплено чувство къ предметамъ, долженствующимъ занимать ихъ, вялость и нравственное гніеніе проникаетъ все существо ихъ, и въ то время, когда только что нужно жить, съ богатою, часто блистательно одаренною, душею, благодаря своей волѣ, они дѣлаются жалкими хилыми созданіями. Какое грустное зрѣлище представлялъ бы родъ человѣческій, если-бы выставить на позорище всѣхъ любителей безпрепятственнаго наслажденія!

Послѣ сего естественъ и понятенъ, даже просто съ житейской точки зрѣнія, тотъ строгій голосъ, какой Церковь часто возвышаетъ противъ людей, всецѣло преданныхъ удовольствіямъ и благамъ міра, всецѣло погруженныхъ въ плоть. Она возвышаетъ его не потому, чтобы хотѣла разрушить земное благо человѣка, а потому, что человѣкъ злоупотребляетъ имъ, и она старается упрочить его, сдерживая человѣка, стремящагося къ разрушенію своего собственнаго благосостоянія. Она возвышаетъ его потому, что у человѣка, кромѣ заботы о земномъ, должна быть забота о небесномъ, и ему нельзя за заботами о первомъ забывать заботы о послѣднемъ. Понятны и тѣ внушенія осторожности по отношенію къ пользованію вещественными благами, съ какими часто Церковь обращается ко всѣмъ своимъ чадамъ. Эти предостереженія ея проистекаютъ изъ того, что человѣкъ, стѣсняемый тѣлесными потребностями, очень легко увлекается въ односторонность, и подавляетъ духъ въ угоду плоти. Ничего нѣтъ легче, какъ забыться, и забыть человѣку объ удовлетвореніи своихъ высшихъ стремленій, когда въ рукахъ его всѣ средства къ житейскимъ наслажденіямъ. Въ этомъ то смыслѣ св. Церковь совѣтуетъ вѣрнымъ отвергаться міра и яже въ мірѣ, и для большей безопасности, если можно, удаляться въ пустыни, съ цѣлію нравственнаго воспитанія. Но прославляя подвижниковъ, для Бога презрѣвшихъ блага міра, она не унижаетъ добродѣтели, окруженной и земными утѣшеніями, она указываетъ намъ, напримѣръ, образцы для подражанія въ лицѣ Давида и Авраама. Даже великому изъ подвижниковъ св. Макарію указаны были Богомъ для подражанія не отшельники, а двѣ простыя женщины, жившія въ семействѣ, и причастныя семейнымъ заботамъ и радостямъ.

Кромѣ человѣка тѣлеснаго, кромѣ человѣка одѣвающагося и питающагося, есть человѣкъ внутренній, имѣющій нужду въ богопознаніи, въ богообщеніи, нравственномъ развитіи и мирѣ совѣсти. Мы тогда только можемъ быть счастливы, когда удовлетворенъ тотъ внутренній человѣкъ. Насъ не радуетъ и великій избытокъ благъ міра, если забыты святыя стремленія этого человѣка. Опытъ показываетъ, что горе кроется и въ раззолоченныхъ палатахъ; слезы льются и тамъ, гдѣ все серебро да золото, шелкъ да бархатъ. Никто уже не скажетъ, чтобы Церковь не заботилась объ нашемъ внутреннемъ благѣ, какъ могутъ сказать то въ отношеніи къ благамъ тѣлеснымъ. Напротивъ всѣ мысли ея, какъ для всякаго очевидно, на томъ и сосредоточены, чтобы доставить намъ полное человѣческое наслажденіе, чтобы сдѣлать насъ способными къ тому наслажденію. Но лишь только она приступаетъ къ первымъ заботамъ о нашемъ благѣ, ей открывается, что нашъ внутренній человѣкъ *весь пустъ и пался есть*, что здѣсь на землѣ не время для полнаго нашего блаженства. Съ матерняго

лона, при первомъ явленіи нашемъ на свѣтъ, она принимаетъ насъ въ свои нѣдра, и принимая видитъ, что внутреннее горе уже сосетъ наше сердце. Она сопровождаетъ насъ на всѣхъ путяхъ нашей жизни, — и въ ея глазахъ всюду неотступно преслѣдуетъ насъ наша давняя печаль. Церковь воздвигаетъ скорбный проповѣдный голосъ; она убѣждаетъ къ великодушному и терпѣливому несенію скорбнаго подвига. Не она виновата въ томъ скорбномъ подвигѣ, ею намъ предписываемомъ, а виноваты мы сами, виноваты наши грѣхи, согнавшіе съ земли истинную и полную радость. Церковь застаетъ насъ въ нашемъ несчастномъ положеніи, и потому грѣхъ сказать, будто она стѣсняетъ нашу природу, будто самовольно раскидываетъ мрачное покрывало на нашу жизнь, когда проповѣдуетъ намъ о крестѣ, страданіи и терпѣніи. Нѣтъ, она вынуждается къ тому характеромъ самой душевной жизни нашей. Жизнь, мятущаяся вокругъ насъ, имѣетъ тотъ же печальный характеръ, какимъ тяготимся мы въ церковной проповѣди; только привычка сдѣлала насъ равнодушными къ этой печали, всюду въ мірѣ умѣющей найти для себя уголъ. Обратитесь сами къ себѣ, и спросите душу: испытывала ли она когда нибудь полное довольство, полную и свѣтлую радость? Нѣтъ: не говорите *да;* потому что въ этомъ отвѣтѣ было бы самообольщеніе. Вамъ кажется страннымъ это положеніе, но мы думаемъ утвердить его вашимъ же собственнымъ опытомъ. Было ли въ вашей жизни когда нибудь такое мгновеніе, когда бы вы могли сказать: »стой время и не движись; дай мнѣ насладиться вожделѣнною минутою: потому что я чувствую себя вполнѣ счастливымъ«!? — Мы не помнимъ такого мгновенія. Возмемъ во вниманіе самые счастливые часы жизни, — часы веселія, общественныхъ пировъ и собраній. Сколько средствъ употребляютъ люди для того, чтобы доставить себѣ наслажденіе, чтобы заманить къ себѣ неуловимую радость! Вы облекаетесь въ великолѣпныя одежды, изготовленіе которыхъ стоило, можетъ быть, кроваваго пота нѣсколькимъ десяткамъ людей, цѣною которыхъ могли бы пропитаться долгое время не малыя семейства; вы тратите дорогое время на хитросплетенное убранство волосъ и другія приготовленія къ наслажденію; вы проводите цѣлые часы въ пріятныхъ думахъ о предстоящихъ наслажденіяхъ. Наступаетъ желанный часъ. Вы посылаете впередъ передъ собою крылатую мечту. Васъ ждутъ удовольствія всѣхъ чувствъ: дорогія яства для вкуса, пріятная гармонія для слуха, свѣтлые виды для взора, вожделѣнныя свиданія и сладкія бесѣды для другихъ болѣе сокрытыхъ чувствъ. Но вступаете въ храмъ веселія — и чтоже? Яства, дорогія по цѣнѣ, изысканныя по составу, рѣдкія по своему совершенству, не доставляютъ никакого удовольствія для духа, и даже кажутся не лучше обыкновенныхъ; все, видѣнное и слышанное, скользитъ по поверхности вашего существа, но ничего усладительнаго не вноситъ въ него; тѣ лица и личности, отъ которыхъ вы ждали столько блага и наслажденія, предъ которыми готовы были преклониться, какъ предъ идолами, оказываются скудельными сосудами, въ которыхъ скрывается самолюбіе, расчетъ, корысть и вся пошлость обыденной дѣйствительности. Вамъ весело бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: но не думайте, чтобы радость посѣщала храмину вашей души. Нѣтъ, радость боится шума и шумныхъ собраній: то только шумъ празднества, заглушивъ ваше самочувствіе, заставивъ васъ забыть свое настоящее душевное состояніе, отвлекъ васъ отъ тѣхъ тяжкихъ заботъ, которыя приросли къ душѣ нашей. Потому, если случалось вамъ возвра-

щаться въ себя среди общаго шума и веселія, вы ничего отраднаго не находили въ душѣ своей, не замѣчали въ ней игранія радости, а только тщетное ожиданіе какого-то неиспытаннаго блага. Но уже кончается время общаго веселія,—и вы несете съ собою назадъ, вмѣсто желанной радости, если не разочарованія, то пустоту и нѣкоторую довольно сильную духовную тоску. Нечего и говорить о другихъ, менѣе блестящихъ и радужныхъ мгновеніяхъ жизни. Въ обществѣ часто случается слышать разговоры и воспоминанія о прекрасно проведенныхъ дняхъ и часахъ,—и почти всѣ лучшими минутами своей жизни считаютъ тѣ, когда они выходили, такъ сказать, изъ себя; когда отвращали взоры отъ своего внутренняго міра, и впадали въ состояніе самозабвенія и духовной полу-дремоты. Ужели эта полу-сонная забывчивость духа можетъ доставить намъ истинное наслажденіе?—Знаете ли послѣ этого что такое радость? Это-райская птичка, которая, по увѣренію древнихъ естествоиспытателей, никогда не садится на землю, или, которую, какъ обясняетъ нынѣшнее естествознаніе, по ея пугливости, трудно увидать человѣку сидящею на землѣ. Она летаетъ въ поднебесной, носится надъ нашими головами, хотѣла бы спуститься къ намъ, витать между нами, и свить себѣ гнѣздо въ нашемъ сердцѣ. Мы видимъ надъ собою и около себя эту небесную гостью, любуемся ея игривыми летаніями, ея прелестнымъ видомъ, устремляемся къ ней всѣмъ своимъ вниманіемъ, всевозможныя средства употребляемъ для того, чтобы поймать желанную, чтобы приманить ее къ себѣ; но боится спуститься къ намъ небесная гостья, послѣ того, какъ разъ, еще въ раю, мы спугнули и уязвили ее: она опасается, какъ бы мы не замарали ее своими корыстными руками, какъ бы не посягнули на ея святую чистоту, какъ бы не заключили ее въ мрачную клѣть, и не заставили служить своимъ узкимъ прихотямъ. Она смотритъ на насъ; но въ то время, когда мы думаемъ что вотъ она въ нашихъ рукахъ, она далеко, далеко улетѣла отъ насъ, высоко взвилась въ поднебесной, сокрылась изъ нашихъ взоровъ, и на землѣ даже не осталось ея и тѣни. А мы сидимъ разочарованные съ пустыми руками, съ обманутыми надеждами.—Такимъ образомъ намъ ничего не остается на землѣ, какъ только гоняться за тѣнями, бросаемыми на землю играніемъ радости въ небѣ, какъ только воздыхать о разлукѣ нашей съ нашимъ наслажденіемъ, или терпѣливо и съ надеждою ждать времени, когда снова не будетъ бояться насъ эта небесная гостья. Я знаю одного человѣка (говоритъ о себѣ апостолъ Павелъ), который восхищенъ былъ въ рай и слышалъ тамъ неизреченныя глаголы, которыхъ нельзя пересказать человѣческою рѣчью, и тотъ человѣкъ не знаетъ, въ тѣлѣ ли онъ былъ тогда, или внѣ тѣла. Такъ необычайно для насъ нынѣ полное услажденіе духа!—Что же послѣ этого дѣлаетъ Церковь, когда проповѣдуетъ намъ о крестѣ, страданіи и терпѣніи? Она высказываетъ намъ наше настоящее положеніе, высказываетъ то, что дѣлаетъ съ нами жизнь. И если въ чемъ можетъ упрекать ея строгую крестную проповѣдь человѣческая неправда, то развѣ только въ томъ, что она не хочетъ обманывать насъ и поддерживать наше самообольщеніе.

(Окончаніе будетъ).

СВЯТЫЙ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЪ ЕВСЕВІЙ, ЕПИСКОПЪ САМОСАТСКІЙ (*).

Святый Евсевій въ IV вѣкѣ по Р. Х. былъ епископомъ въ Комаченскомъ городѣ Са-

(*) Память его, празднуется 22 Іюня.

мосатѣ, зависѣвшемъ по церковному управленію отъ патріарха Антіохійскаго. Правовѣрный и благочестивый, исполненный любви къ Богу, постоянный и мужественный, онъ явился непоколебимымъ въ православномъ исповѣданіи въ то бѣдственное время, когда ересь Аріева обуревала и возмущала Церковь Христову на востокѣ и западѣ. Извѣстно, что по смерти Константина великаго, сынъ его Констанцій, зараженный сею ересью, по принятіи царскаго достоинства, оказывалъ аріанамъ самое ревностное содѣйствіе и благопріятство ко вреду правовѣрныхъ, которые подвергались открытому преслѣдованію отъ еретиковъ. Въ это время много пострадалъ отъ нихъ, и съ другой стороны явилъ примѣрную ревность по благочестію св. епископъ Самосатскій. Первый опытъ такой ревности и пастырскаго мужества въ защищеніи правды Божіей показалъ онъ по случаю низложенія съ антіохійскаго престола православнаго патріарха Мелетія, по его же совѣту и внушенію избраннаго соборомъ, не задолго предъ тѣмъ, съ согласія самихъ аріанъ, которые надѣялись найти въ немъ своего единомышленника и защитника (*). Актъ сего избранія находился у Евсевія. Еретики, опасаясь, чтобы этотъ актъ, подписанный ими и вслѣдъ за тѣмъ нарушенный скорымъ низложеніемъ избраннаго патріарха, не послужилъ для нихъ обличеніемъ, упросили Констанція вытребовать его у Евсевія. Но святый пастырь, не смотря ни на какія угрозы, рѣшительно отказалъ въ выдачѣ избирательнаго акта, обличавшаго злобу и беззаконныя дѣйствія аріанъ, и своею твердостію заслужилъ удивленіе и даже похвалу самого императора (**).

По смерти Констанція императорское достоинство присвоилъ себѣ Юліанъ отступникъ. Въ его царствованіе Христова Церковь подверглась еще большему бѣдствію, потому что къ аріанской ереси, производившей вездѣ смуты и неустройства, присовокупилось гоненіе отъ идолопоклонниковъ; ибо царь, явно отвергшись Христа, обратился къ идоламъ и началъ преслѣдовать христіанъ, въ особенности же состоявшихъ въ духовномъ санѣ. Тогда многія православныя церкви остались безъ служителей, а святительскіе престолы безъ архіереевъ по причинѣ разсѣянія или избіенія ихъ при Констанціи отъ аріанъ и при Юліанѣ отъ идолопоклонниковъ. Въ сіе тяжкое время непоколебимый ревнитель правовѣрія, Евсевій Самосатскій, утаивъ архипастырскій санъ свой, въ воинской одеждѣ обходилъ Сирію, Финикію и Палестину, утверждая христіанъ въ святой вѣрѣ, и гдѣ находилъ церкви безъ служителей, поставлялъ въ нихъ священниковъ, діаконовъ и прочихъ клириковъ, а индѣ рукополагалъ и епископовъ изъ людей благонадежныхъ, которые отвергали ученіе Аріево и слѣдовали догматамъ православной Церкви. Когда же погибъ нечестивый Юліанъ и мѣсто его заступилъ христолюбивый царь Іовиніанъ; тогда всѣ правовѣрные архіереи, изгнанные или произвольно удалившіеся, возвратились въ свои епархіи; тогда же возвратился къ своей Самосатской паствѣ и святый Евсевій. По его совѣту патріархъ Мелетій созвалъ въ Антіохіи помѣстный соборъ, состоявшій изъ 27 епископовъ, на которомъ постановлено всѣмъ христіанамъ содержать и исповѣдовать православную вѣру по правиламъ перваго Никейскаго Собора. Постановленіе сіе приняли и аріане, хотя впрочемъ лицемѣрно, приспособляясь ко времени и желая угодить царю правовѣрному. При томъ, они боялись Мелетія, Евсевія и другихъ благочестивыхъ архіереевъ, пользовавшихся великою довѣренностію

(*) Житіе св. Мелетія см. Чет. Мин. 12 Февраля.
(**) Подробности сего произшествія см. Вос. Чт. годъ XVI № 13.

царя, который любилъ и уважалъ ихъ за православіе и святую жизнь и всегда слѣдовалъ ихъ совѣтамъ; посему еретики страшились ихъ и изъ боязни присоединились къ истинной Церкви.

Вскорѣ потомъ скончался благовѣрный царь Іовиніанъ и обладателемъ восточной римской имперіи сдѣлался Валентъ, братъ Валентиніана, царствовавшаго въ тоже время на западѣ. Тогда аріане снова обратились къ своему злов ѣрію и успѣли склонить къ оному самого императора посредствомъ супруги его аріанки; возобновилось гоненіе на православную Церковь и заточеніе пастырей ея. Въ числѣ другихъ ревнителей православія, св. Евсевій былъ въ то время осужденъ на изгнаніе во Ѳракію. Когда принесенъ былъ въ Самосатъ царскій указъ объ осужденіи его и когда онъ услышалъ объ этомъ; то призвалъ къ себѣ пришедшаго съ симъ указомъ посланника и просилъ его не объявлять въ тотъ день никому о причинѣ его прибытія; потому что, говорилъ онъ, когда народъ узнаетъ о причинѣ, то воспламенится ревностію и произведетъ мятежъ, при чемъ можетъ убить тебя и я буду почтенъ виновникомъ твоей смерти. Послѣ того, при наступленіи ночи, онъ открылъ свое намѣреніе одному изъ вѣрныхъ слугъ своихъ и въ сопровожденіи его вышелъ тайно изъ архіерейскаго дома, пришелъ къ рѣкѣ Евфрату, протекавшей близъ городской стѣны, сѣлъ въ ладью и плывши всю ночь, на другой день утромъ прибылъ въ городъ Зевгму. Между тѣмъ жители Самосата, узнавши объ отъѣздѣ архипастыря ихъ, крайне опечалились и старались развѣдать, въ какую сторону онъ удалился. Когда же одинъ изъ тамошнихъ гражданъ, видѣвшій, какъ святитель сѣлъ въ ладью и куда велѣлъ вести себя, сказалъ объ этомъ народу; то многіе тотчасъ устремились въ слѣдъ за нимъ по Евфрату и настигли его въ Зевгмѣ. Они употребляли всѣ средства убѣжденія: просьбы, слезы, вопли, умоляя его возвратиться въ ихъ городъ и занять свой епископскій престолъ. Но святый пастырь напомнилъ имъ апостольское слово, обязывающее всѣхъ повиноваться учрежденнымъ отъ Бога, предержащимъ властямъ и представилъ невозможность исполнить ихъ прошеніе, увѣщевая и ихъ не оказывать противленія волѣ царской. Потомъ, принявъ отъ нихъ часть принесенныхъ ими даровъ, онъ преподалъ имъ пастырское наставленіе, помолился за всѣхъ, благословилъ ихъ и отправился въ предлежавшій ему путь. Но услышавши, что въ это время Готѳы воевали и опустошали Ѳракію, мѣсто заточенія его, онъ остановился въ Истрѣ и жилъ тамъ до самой смерти императора Валента.

Въ отсутствіе Евсевія, присланъ былъ на мѣсто его въ Самосатъ епископомъ нѣкто Евномій аріанинъ. Когда онъ прибылъ на паству, то народъ не оказалъ ему никакой почести, подобающей архіерею: ни одинъ человѣкъ не вышелъ на встрѣчу къ нему, потому что всѣ жители города были правовѣрны и не хотѣли почтить епископа еретика, ни принимать отъ него благословенія, ни даже видѣть его. Евномій вступилъ на каѳедру Самосатскую и принялъ въ свое распоряженіе соборную церковь; но народъ пересталъ посѣщать эту церковь по нерасположенію къ пастырю аріанину, и никто не приходилъ къ нему ни въ храмъ, ни въ домъ архіерейскій. Такимъ образомъ Евномій оставался одинъ въ своей епископіи и имѣлъ сношенія съ тѣми только людьми, которые прибыли съ нимъ. Увидѣвши столь явные признаки пренебреженія къ нему и не надѣясь расположить къ себѣ жителей самосатскихъ, онъ добровольно оставилъ свою паству и удалился изъ города. По отшествіи его аріане опять при-

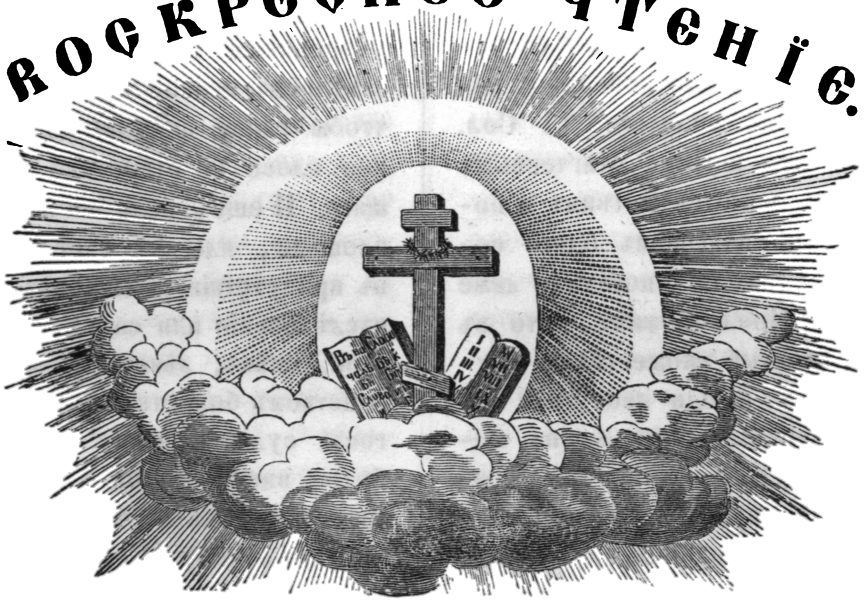
слали туда епископа изъ своихъ единовѣрцевъ, по имени Лукія. Граждане и этому, какъ и первому еретику, не сдѣлали надлежащей встрѣчи, и онъ долженъ былъ жить уединенно въ своемъ домѣ, никѣмъ не посѣщаемый и не уважаемый. Его презирали всѣ православные, какъ за ересь, такъ и за злонравіе, и посмѣвались надъ нимъ не только возрастные, но и малолѣтныя дѣти. Узнавши объ этомъ, Лукій не послѣдовалъ кротости Евноміевой, но воспламенился гнѣвомъ и многихъ священнослужителей, защищавшихъ православные догматы, послалъ въ заточеніе въ далекія страны, и въ числѣ ихъ сослалъ въ предѣлы Арменіи священника Антіоха, племянника Евсевіева, мужа благонравнаго и искуснаго въ книжной премудрости. Это обстоятельство сильно оскорбило и опечалило гражданъ самосатскихъ.

Послѣ злосчастной погибели Валента принялъ самодержавіе на востокѣ благочестивый царь Граціанъ, и немедленно освободилъ изъ заточенія всѣхъ архіереевъ и другихъ священнослужителей, изгнанныхъ за православіе, повелѣвъ имъ занять прежнія свои каѳедры. Тогда возвращены были, между прочими, патріархъ Мелетій въ Антіохію, епископъ Евсевій въ Самосатъ, также священникъ Антіохъ и другіе, сосланные Лукіемъ аріанином. Перемѣна сія причинила великую радость православнымъ и послужила къ посрамленію еретиковъ. По принятіи своего престола, св. Евсевій, заботясь о церковномъ благоустройствѣ и видя нѣкоторыя архіерейскія каѳедры праздными по низложеніи съ нихъ аріанъ, обратилъ попечительное вниманіе на замѣщеніе ихъ. По совѣту и соизволенію патріарха антіохійскаго Мелетія, онъ избралъ для занятія сихъ каѳедръ и рукоположилъ въ святительскій санъ мужей достойныхъ и твердыхъ въ православіи. Такимъ образомъ поставлены были имъ епископы въ Беріи, Іераполѣ, Халкидѣ, Кирѣ и Едесѣ. Наконецъ послѣдняго архипастыря избралъ и посвятилъ онъ въ Долихинѣ, небольшой городъ близъ Евфрата. Поелику этотъ городъ былъ тогда наполненъ аріанами; то святитель Самосатскій рѣшился самъ препроводить туда новопоставленнаго епископа, намѣреваясь очистить тамошнюю Церковь отъ ереси и посадить на престолѣ православнаго архіерея. Но когда онъ входилъ въ тотъ городъ, одна женщина аріанка бросила на него съ кровли глиняный сосудъ и ударила его въ голову съ такою силою, что причинила ему тяжкую рану, отъ которой онъ заболѣлъ и вскорѣ скончался. Предъ смертію добродушный архипастырь умолялъ всѣхъ бывшихъ при немъ не мстить и не дѣлать никакого вреда злочестивой женщинѣ, погубившей его. Въ послѣднія минуты жизни, какъ и во все время святительскаго своего служенія, онъ хотѣлъ быть подражателемъ Господа своего, который молился на крестѣ за распинавшихъ Его, и послѣдовать примѣру первомученика Стефана, молившагося за враговъ своихъ въ то самое время, когда они побивали его камнями. Такъ кончилъ страдальчески многоплодную свою жизнь великій угодникъ Божій Евсевій отъ руки аріанской за имя Господа Іисуса. Святое тѣло его возвращено было въ епархіальный городъ его Самосатъ и погребено съ подобающею честію, сопровождаемое непритворными слезами и рыданіемъ всего христіанскаго народа. Для занятія его мѣста избранъ былъ на епископскій престолъ блаженный Антіохъ, сынъ сестры его, при которомъ, такъ же какъ и при его благочестивомъ предшественникѣ, самосатская церковь процвѣтала въ единомысліи и православіи.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 10-го Іюня 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.



№ 15.

НЕДѢЛЯ 7 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

29 Іюня 1858 г.

Гласъ 6-й.

На утрени: евангеліе воскресное 7-е, Іоан. зач. 63. На Литургіи: апост. Римл. зач. 116; и 2 Кор. зач. 193 и 194, еванг. Матѳ. зач. 33 и 67.

ИЗЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА КАССІАНА СЪ СКИТСКИМИ СТАРЦАМИ:

АВВЫ ѲЕОНЫ, ИЗЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ АПОСТОЛА: *не еже хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.* Рим. 7, 19.

Гл. 7. Итакъ, чтобы достигнуть вполнѣ онаго высочайшаго блага (то есть лицезрѣнія Божія и непрестаннаго общенія со Христомъ), Апостолъ желаетъ разрѣшиться отъ тѣла, которое какъ тлѣнное и обремененное многими нуждами, свойственными его бренности, не можетъ не отвлекать отъ общенія со Христомъ. Ибо даже не возможно, чтобы умъ, развлекаемый столь частыми заботами, угнетаемый столь тягостными и столь разнообразными огорченіями, постоянно наслаждался божественнымъ лицезрѣніемъ. Ибо какое можетъ быть у святыхъ столь непоколебимое желаніе, столь твердое намѣреніе, которому оный лукавый врагъ не посмѣялся бы? Кто, возлюбивши уединеніе пустыни, столько удалился отъ общенія со всѣми смертными, чтобы никогда не падалъ отъ излишнихъ помышленій, и при воззрѣніи на вещи и при занятіи дѣлами земными, не отвлекался отъ онаго созерцанія Бога, которое, по истинѣ, есть единственное благо? Кто когда либо имѣлъ столь пламенный духъ, чтобы, иногда развлекшись, даже во время самой внимательной молитвы, опасными помыслами, не палъ вдругъ отъ небеснаго къ земному? Кто изъ насъ, не говоря уже о прочихъ временахъ заблужденія, даже въ то время, когда, молясь Богу, направляетъ умъ къ горнему, не впадалъ какъ бы въ нѣкую безчувственность, и хотя не вольно не оскорблялъ Его тѣмъ самымъ, чрезъ что надѣялся получить прощеніе? Кто, говорю, такъ искусенъ и бдителенъ, чтобы духъ его никогда не отступалъ отъ смысла Писанія

въ то время, когда онъ поетъ псаломъ? Кто такъ близокъ къ Богу и соединенъ съ Нимъ, чтобы, хотя одинъ день, могъ утѣшаться исполненіемъ онаго апостольскаго повелѣнія, заповѣдующаго непрестанно молиться? (1 Сол. 5, 17). Хотя все это инымъ, отягченнымъ грубѣйшими пороками, кажется легкимъ и почти чуждымъ грѣха, но знающимъ благо совершенства слишкомъ тяжело множество даже и малѣйшихъ вещей. Предположимъ, что въ какой нибудь домъ, занятый множествомъ орудій, сосудовъ, мѣшковъ, вошли двое, изъ которыхъ у одного—здоровые глаза и онъ хорошо видитъ, а у другаго—слѣпота помрачаетъ свѣтъ очей. Не случится ли такъ, что тотъ, котораго глаза неспособны все видѣть, ничего не замѣтитъ здѣсь, кромѣ шкафовъ, постелей, скамей, столовъ, и вообще того, что можно замѣтить не столько глазами, сколько осязая руками; напротивъ тотъ, кто—съ совершенно здоровыми глазами, примѣтитъ даже и скрытое, раскажетъ, что здѣсь есть множество мѣлочей, которыя едва можно перечислить, но которыя, если собрать ихъ въ кучу, числимостію вознаградили бы и даже, быть можетъ, превзошли бы величину тѣхъ не многихъ предметовъ, которые первый осязялъ. Такъ и святые, такъ сказать, видящіе, которые стремятся къ совершенству, прозорливо замѣчаютъ и строго осуждаютъ въ себѣ даже и то, чего не замѣчаетъ помраченный взоръ нашего духа; такъ что тѣ, которые, какъ кажется нашему нерадѣнію, не помрачили свѣта чистой совѣсти пятномъ даже и легкаго грѣха, самимъ себѣ кажутся осквернеными многими преступленіями, не говорю уже тогда, когда нечестіе суетнаго помысла вкрадывается въ клѣть ума, но даже, когда воспоминаніе о псалмѣ, который должно читать, развлекаетъ вниманіе во время молитвы. Ибо они говорятъ: если просимъ какого нибудь знатнаго человѣка, не только о жизни и спасеніи нашемъ, но и о пріобрѣтеніи какой нибудь выгоды, то, устремивши на него всецѣло вниманіе свое, замѣчаемъ всякое мановеніе его, не мало боясь, чтобы какое нибудь нелѣпое или неприличное слово не отвратило милосердія слушающаго. И еще, если на насъ предстоящихъ на площади, или въ засѣданіи мірскихъ судей, въ присутствіи противника, при обыкновенномъ изслѣдованіи или спорѣ, нападетъ кашель, перхота, смѣхъ, зѣвота, сонъ, то съ какимъ злорадствомъ бодрствующій врагъ возбудитъ строгость судіи на нашу погибель! Во сколько же болѣе внимательной и усердной молитвой должно вымаливать благость Судіи, когда мы просимъ онаго Всевѣдца сокровенныхъ объ избѣжаніи угрожающей опасности вѣчной смерти, особенно, когда противъ насъ стоитъ хитрый соблазнитель и вмѣстѣ обвинитель! Нѣтъ, не въ легкій грѣхъ, но въ величайшее преступленіе нечестія впадаетъ тотъ, кто изливая молитву передъ Господомъ, увлеченный суетностію нечестиваго помысла, вдругъ отступаетъ отъ созерцанія Его, какъ бы отъ очей невидящаго и неслышащаго. А тѣ, которые покрываютъ очи сердца своего глубокою повязкою пороковъ, и по слову Спасителя, *видяще не видятъ и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ* (Матѳ. 13, 13), въ отступленіяхъ сердца своего едва замѣчаютъ великія и главныя преступленія и не могутъ очищенными взорами видѣть никакихъ поползновеній помысловъ, ни тѣхъ мимолетныхъ и тайныхъ язвъ, которыя возмущаютъ утонченнымъ и легкимъ волненіемъ, ни плѣненій души своей; но, всегда разсѣяваясь въ безстыдныхъ помыслахъ, не болѣзнуютъ, когда развлекаются отъ онаго единственнаго созерцанія, и не имѣютъ о чемъ бы и скорбѣть имъ, какъ объ утраченномъ; потому что, разсѣявая умъ свой нелѣпыми помыслами, не имѣютъ

никакого намѣренія, котораго бы главнымъ образомъ держались или всѣми силами желали. Подлинно, сія-то причина и вовлекаетъ насъ въ такое заблужденіе; посему, совершенно не зная силы самой безгрѣшности, думаемъ, что никакой вины не составляютъ эти праздныя и скоропреходящія нападенія помысловъ; но обезумленные тупостію и какъ бы пораженные слѣпотою очей, ничего не замѣчаемъ въ себѣ, кромѣ важнѣйшихъ преступленій, и полагаемъ, что должно избѣгать только осуждаемаго строгостію гражданскихъ законовъ и если хотя мало почувствуемъ себя свободными отъ таковаго, тотчасъ же начинаемъ думать, что въ насъ вовсе нѣтъ грѣха. Отдѣленные отъ онаго числа видящихъ, поелику не видимъ малостей многихъ нечистотъ, скопляющихся въ насъ, мы никогда не возмущаемся спасительнымъ безпокойствомъ, если болѣзнь тоски тяготитъ наше сердце, не скорбимъ — поражаемые тонкимъ прираженіемъ суетной славы; не оплакиваемъ молитву, совершаемую медленнѣе или холоднѣе; не вмѣняемъ въ вину себѣ, если во время молитвы или псалмопѣнія намъ приходитъ на память что нибудь иное, а не самая молитва или псаломъ; не ужасаемся, когда многое такое, что стыдно говорить или дѣлать предъ людьми, не стыдимся принимать въ сердцѣ, хотя знаемъ, что оно открыто передъ взоромъ Божіимъ; не очищаемъ осквернения отъ нечистыхъ сновъ обильнымъ омовеніемъ слезъ; не плачемъ, когда въ самой милостынѣ,—помогая нуждамъ братьевъ или устрояя трапезу для бѣдныхъ,— ясность нашего благодушія помрачается скупою медлительностію; думаемъ, что не наноситъ намъ никакого вреда то, когда, оставивши памятованіе о Богѣ, помышляемъ о временномъ или о тѣлесномъ; такъ что къ намъ прилагается оное слово Соломоново: *биша мя, и не поболѣхъ, и поругашася ми, азъ же не разумѣхъ* (Притч. 23, 35).

Гл. 8. Напротивъ тѣ, которые все свое удовольствіе и радость и блаженство поставляютъ только въ созерцаніи божественнаго и духовнаго, когда невольно, хотя на малое время, отвлекутся отъ него насиліемъ помысловъ, тотчасъ же очищаютъ себя строгимъ покаяніемъ, какъ бы за нѣкоторый родъ святотатства, и, оплакивая то, что Творцу своему предпочли ничтожнѣйшую тварь, къ которой увлекся взоръ ума ихъ, приписываютъ себѣ почти преступленіе нечестія; и хотя съ великимъ рвеніемъ обращаютъ очи сердца своего къ созерцанію свѣта божественной славы; однако, не терпя и малѣйшаго мрака плотскихъ помысловъ, проклинаютъ все, что отвлекаетъ взоръ ума отъ онаго истиннаго свѣта. Блаженный апостолъ Іоаннъ, желая всѣмъ внушить таковое сердечное расположеніе, сказалъ: *чадца, не любите міра, ни яже въ мірѣ. Аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ: яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть. И міръ преходитъ и похоть его, а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки* (1 Іоан. 2, 15—17). Итакъ святые пренебрегаютъ все, что въ мірѣ семъ, но не возможно, чтобы они не увлекались къ тому уклоненіемъ помысловъ хотя на краткое время, и до сихъ поръ еще никто изъ людей (исключая Господа и Спасителя нашего) не могъ такъ твердо удержать въ созерцаніи Бога естественную колеблемость ума, чтобы никогда не грѣшилъ, отвлекаясь отъ него любовію къ чему нибудь мірскому, по слову Писанія: *и звѣзды нечисты суть предъ Нимъ* (Іов. 25, 5), и еще: *аще во святыхъ не вѣруетъ, и во ангелахъ своихъ* находитъ *строптное* (Іов. 15, 15. 4, 18), или, по ис-

правнѣйшему переводу: вотъ и между святыми Его никто не неизмѣненъ, и небеса нечисты предъ взоромъ Его (*).

(Продолженіе будетъ).

О НРАВАХЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩИХЪ ХРИСТІАНЪ.

письмо 2.

Безчинію языческаго общества древніе христіане противупоставляли ангельскую чистоту. Въ этомъ отношеніи, сами язычники, какъ ни развращены были, но принуждены были не разъ торжественно сознаваться, что христіанство исправляло самыхъ развратныхъ и что цѣломудріе было одною изъ первѣйшихъ христіанскихъ добродѣтелей. Тертулліанъ, приводя слова самихъ язычниковъ, говоритъ: »упоминая о томъ или другомъ изъ вашихъ знакомыхъ, извѣстныхъ, до обращенія въ христіанство, по разсѣянности и соблазнительной жизни, вы хочете осмѣять ихъ чрезъ сопоставленіе прежней жизни ихъ съ послѣдующею; но не замѣчаете, что это именно и обращается къ похвалѣ ихъ. Такъ неловка ваша ненависть къ намъ! Вы часто говорите: »посмотрите на эту женщину, или на этого молодаго человѣка: какъ разсѣянны они были прежде, какъ вольны! Какъ до этого предавались удовольствіямъ, какъ гонялись за наслажденіями! И какой теперь вредъ сдѣлали они сами себѣ, сдѣлавшись христіанами!« Но вы не замѣчаете, что, говоря такъ, вы сами восхваляете ту вѣру, которая произвела въ нихъ такую перемѣну. И недавно еще, продолжаетъ краснорѣчивый апологетъ, осудивъ одну изъ христіанокъ на отсылку въ домъ разврата, вмѣсто обыкновеннаго преданія звѣрямъ на растерзаніе, вы показали чрезъ то, что потеря чистоты составляетъ для насъ наказаніе самое жестокое и тяжелѣйшее всѣхъ мученій и самой смерти« (*). Сколько, въ самомъ дѣлѣ, встрѣчается въ лѣтописяхъ мучениковъ, женъ и дѣвъ христіанскихъ, для поколебанія вѣры которыхъ судьи употребляли въ числѣ крайнихъ мѣръ угрозу отослать ихъ въ домъ разврата? И въ послѣдующіе вѣка, когда варвары стали вторгаться въ предѣлы имперіи,—и они встрѣчали повсюду въ женахъ христіанскихъ столько любви къ чистотѣ, что не разъ въ изумленіи восклицали: »какія жены у христіанъ«!—Вообще, любовь къ цѣломудрію и чистотѣ была преобладающимъ чувствомъ въ юной Церкви Христовой до того, что весьма многіе изъ членовъ ея навсегда посвятили дѣвство свое Богу:—дѣло по истинѣ удивительное среди растлѣнныхъ нравовъ языческаго общества! Августъ въ цѣломъ обширномъ Римѣ едва насчитывалъ шесть весталокъ, вѣрныхъ своимъ обѣтамъ (**), а между тѣмъ, въ нѣдрахъ Церкви Христовой постоянно и непрерывно цвѣли цѣлыя тысячи дѣвственниковъ, и дѣвственницъ,—процвѣталъ, по выраженію св. Амвросія, цѣлый дѣвственный народъ! (plebs pudoris). Впрочемъ и тѣ изъ христіанъ, которые

(*) Послѣднее чтеніе по переводу бл. Іеронима. Авва Ѳеона, или пр. Іоаннъ Кассіанъ, записывавшій бесѣды скитскихъ старцевъ, приводитъ мѣста св. Писанія, то по переводу 70, то по Вулгатѣ.

(*) Апол. гл. 3 и подъ конецъ.

(**) Весталками у римлянъ назывались жрицы богини Весты, дававшія, при вступленіи въ должность, обѣтъ дѣвства; впрочемъ, по достиженіи тридцатилѣтняго возраста, онѣ могли выходить за мужъ.

вступали въ брачное состояніе, равномѣрно наблюдали чистоту свойственную супругамъ, и, вопреки современнымъ великосвѣтскимъ обычаямъ, свято хранили супружескую вѣрность. Между ними очень рѣдко встрѣчались даже второбрачные, хотя Церковь всегда разрѣшала второй бракъ.

Тоже строгое цѣломудріе отражалось и во внѣшности древнихъ христіанъ и составляло яркую противуположность съ вольностію нравовъ языческаго общества. Особенно эта противоположность рѣдко выставлялась въ женщинахъ того и другаго общества. Тогда какъ язычницы прибѣгали къ безчисленнымъ искуственнымъ средствамъ для приданія лицу свѣжести и красоты, намащивались дорогими благовоніями и мазями, одѣвались въ золото и алмазы и вообще тратились безмѣрно на то, чтобы блистать и тщеславиться предъ другими, жены и дѣвы христіанскія съ презрѣніемъ отвращались отъ всего этого, и по-большей части показывались въ обществахъ подъ покрываломъ. Это послѣднее дѣвы христіанскія не снимали даже въ церкви, во время богослуженія. Весьма рѣдко можно было встрѣтить въ уборкѣ головы ихъ какіе нибудь слѣды роскоши или тщеславія; еще рѣже—въ поступи и обращеніи желанье привлекать и нравиться. Притомъ же и въ обществѣ онѣ появлялись очень рѣдко. Ихъ уединенная, чисто семейная, жизнь служила не рѣдко предметомъ насмѣшекъ со стороны свѣтскаго языческаго общества. Но христіане не оставались въ долгу у него. »Вы, говорили они, отзываетесь не иначе, какъ съ насмѣшкой о томъ, что наши дѣвы любятъ уединеніе, занимаются пряжею волны или другимъ рукодѣльемъ и что святый псаломъ не сходитъ при этомъ съ устъ ихъ. Нѣтъ: стыдитесь скорѣе и краснѣйте вы,—вы, которые воздвигаете статуи въ честь всякой женщины, ославившей себя распутствомъ« (*). Мужчины избѣгали также всякихъ прикрасъ въ наружности, всякой поддѣльной искуственности. Въ противуположность свѣтскимъ щеголямъ римскаго общества, носившимъ длинные волосы и столько занимавшимся ими, христіане носили короткую прическу, какъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшіе доселѣ портреты ихъ въ римскихъ катакомбахъ. Тѣ изъ нихъ, которые жили на востокѣ, отпускали себѣ бороды, но опять избѣгали всякаго слишкомъ искуственнаго ухода за ними и не сбривали ихъ для того, чтобы казаться моложе и красивѣе, какъ дѣлали это язычники.

Скромные и степенные во внѣшности и въ одеждѣ, древніе христіане сохраняли туже скромность, простоту и степенность и въ обращеніи и въ разговорѣ. Никакое гнилое слово, никакая непристойная шутка, двусмысленность, насмѣшка или божба не пятнала устъ ихъ,—тѣмъ болѣе чуждались они тѣхъ чувственныхъ и дышащихъ тонкимъ развратомъ пѣсенъ, которыми потѣшается современное общество и поэзія. Эта цѣломудренность и чистота, неизмѣнявшія себѣ никогда и ни въ чемъ, приводили въ изумленіе благоразумнѣйшихъ изъ язычниковъ и для нѣкоторыхъ изъ нихъ послужили поводомъ къ обращенію въ христіанство.

Ненасытной жаждѣ языческаго общества къ обогащенію христіане противуполагали вольную нищету.—Римъ временъ имперіи справедливо уподобляютъ писатели обширному торжищу, гдѣ все можно было купить, потому что продавалось все: честь, совѣсть, достоинство, долгъ, власть, жизнь... Преторіанское войско торговало даже верховною властью въ имперіи, и, къ безчестію испорченнаго общества, находились покупщики ея! Итакъ золото для этого общества было—все; потому что оно

(*) Tatian. contra gentil. p. 169.

доставляло способы къ добыванію наслажденій, а наслажденія были жизнію его. Этимъ объясняются вопіющія неправды и безпрерывныя возмущенія, насилія, убійства, отравленія и прочія гнусности, которыми запятнана почти каждая страница исторіи растлѣннаго римскаго общества.

Совсѣмъ не то было въ юной Церкви Христовой. Основанная на краеугольномъ камнѣ — Христѣ, родившемся въ вертепѣ, рѣдко имѣвшемъ гдѣ главу подклонить и пострадавшемъ на крестѣ, она сообразовала поведеніе и стремленія свои съ примѣромъ божественнаго Основателя своего и любовь къ нестяжательности возводила даже до вольной нищеты. Ея чада, слѣдуя наставленію Апостола, *имуще пищу и одежду сими довольны* были, то есть: ограничивали себя удовлетвореніемъ только насущныхъ потребностей. Правда, они не чуждались никакого честнаго дохода — плода трудовъ и умѣнья, но избытокъ его считали какъ бы не своимъ и охотно дѣлились имъ съ вдовами, сиротами, бѣдными, странными, вспомоществовали даже и самымъ язычникамъ. Въ этомъ отношеніи, общеніе имуществъ апостольской Церкви продолжалось между христіанами еще долго. »Вы укоряете насъ, говоритъ къ язычникамъ одинъ изъ христіанскихъ апологетовъ, за то, что мы не богаты; но бѣдность скорѣе составляетъ славу нашу, нежели униженіе. Она есть мать умѣренности, укрѣпляющей душу, тогда какъ роскошь разслабляетъ ее. Впрочемъ, можете ли вы называть бѣднымъ того, который не нуждается ни въ чемъ, не желаетъ и не ищетъ принадлежащаго другимъ и имѣетъ сокровище свое въ Богѣ? Мнѣ кажется, напротивъ: бѣденъ тотъ, кто, имѣя богатства, алчетъ еще большихъ. Что до насъ — мы думаемъ: какъ бы кто ни былъ бѣденъ, но все онъ не такъ бѣденъ, какъ,—входя въ міръ. И мелкія птички, раждаясь, не наслѣдуютъ никакихъ имѣній; между тѣмъ каждый день нужды ихъ удовлетворяются. Всѣ твари созданы для насъ и мы пользуемся ими, только не привязываемся къ нимъ« (*). Другой защитникъ не стяжательности христіанъ, по поводу того же обвиненія ихъ въ бѣдности, говоритъ: »путешественникъ тѣмъ удобнѣе совершаетъ путь свой, чѣмъ менѣе ноша у него: такъ и на жизненномъ пути христіанинъ счастливѣе всѣхъ людей; нестяжательность облегчаетъ его и онъ не чувствуетъ гнета богатствъ. Мы бы просили ихъ у Бога, если бы считали ихъ пригодными на что либо, и — ужели бы отказалъ намъ въ этомъ Тотъ, которому принадлежатъ всяческая? Нѣтъ! мы считаемъ за лучшее не заниматься, нежели распоряжаться ими. Единственныя цѣли наши — чистота предъ Богомъ и преданность въ волю Его; лучше намъ быть добродѣтельными, нежели расточительными. Богачи суть рабы золота и изъ-за него очень часто вовсе забываютъ о небѣ, а это безуміе« (**).

Какъ странны кажутся теперь для насъ, живущихъ въ хлопотливомъ, промышленномъ вѣкѣ, всѣ эти мнѣнія о нестяжательности, несущіяся къ намъ изъ отдаленной древности, отъ первенцевъ Церкви Христовой!... Но будемъ чистосердечны и спросимъ себя: не также ли усердно и съ забвеніемъ всѣхъ высшихъ потребностей человѣческаго духа, работаемъ мы и теперь златому тельцу, какъ работало ветхое языческое общество? Не для той же ли цѣли приносимъ ему въ жертву все: честь, совѣсть, долгъ, для которой приносило и оно, имѣя въ виду только наслажденія?... Я говорю не о той честной трудолюбивой дѣятельности, которая, усиливая и

(*) Minut. Felix. Octav. 331.
(**) Lactant. Div. Inst. lib. VII. c. 1.

распространяя трудъ, усиливаетъ и разливаетъ вмѣстѣ съ нимъ благосостояніе и уменьшаетъ нищету въ хижинахъ среди меньшихъ братій,—говорю о той алчности къ корысти, грызущей наше общество, для которой всѣ пути законны и всѣ средства позволительны и которая, рабствуя роскошнымъ прихотямъ свѣта, не признаетъ ничего святаго и завѣтнаго, внѣ удовлетворенія свѣтскихъ требованій и наслажденій.

Наконецъ порочности и разгулу растлѣннаго общества христіане противопоставляли святую трудолюбивую жизнь, освящаемую молитвою. Подробности ежедневныхъ занятій ихъ могутъ дать понятіе объ этомъ.— Христіане вставали рано, до зари, въ противоположность современному имъ свѣтскому обычаю язычниковъ превращать дни въ ночи и ночи въ дни. Имъ надлежало окончить свое богослуженіе прежде, нежели проснутся ихъ гонители. Первымъ дѣйствіемъ всякаго христіанина, послѣ пробужденія отъ сна, было осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ, которое, потомъ, и въ теченіи дня, они повторяли очень часто, потому что смотрѣли на него, какъ на знаменіе самое страшное для врага рода человѣческаго. »Мы осѣняемъ чело свое знаменіемъ креста для того, говорили они, чтобы демонъ, завидѣвъ знамя великаго Царя, бѣжалъ отъ насъ въ страхѣ« (*). Этотъ прекрасный обычай усвоенъ былъ всѣми христіанами безъ исключенія; благочестивыя матери внушали его дѣтямъ прежде всего другаго.— Одѣвшись, христіане умывали руки и лицо, потому что опрятность входила въ число требуемыхъ отъ нихъ качествъ. Если семейство все состояло изъ христіанъ, то оно собиралось въ особо назначенную комнату для утренней молитвы, которую читалъ глава его, а всѣ прочіе участвовали сердцемъ. Утренняя молитва обыкновенно была довольно продолжительна по той причинѣ, что утро считалось ими самымъ приличнымъ временемъ для славословія Бога. Но если христіанинъ былъ и единственнымъ лицемъ въ домѣ или семействѣ, то онъ также, по возможности, старался улучить время для утренней молитвы. Осѣнивъ чело свое крестнымъ знаменіемъ, онъ возсылалъ благодареніе Богу за сохраненіе души и тѣла его въ минувшую ночь и молилъ объ охраненіи его и въ предстоящій день. Такимъ образомъ христіане, разсѣянные повсюду, вставая на молитву, по пробужденіи отъ сна, составляли какъ бы одно боголюбезное семейство, котораго члены каждое утро съ любовію и довѣріемъ обращаются къ одному отцу для напутствованія ихъ благословеніемъ на предстоящій трудъ.

Хотя первенствующіе христіане знали, что вся жизнь ихъ должна быть не иное что, какъ непрестанная молитва: однако, частію по немощи плоти, частію по невозможности сосредоточиться въ молитвѣ среди обыденныхъ занятій, они посвящали ей извѣстные часы дня. Тертулліанъ такъ описываетъ положеніе ихъ во время молитвы: »мы возносимъ молитвы наши, имѣя взоръ устремленный къ небу, руки распростертыя и голову открытую, потому что намъ нѣтъ отъ чего краснѣть. Никто не составляетъ формулъ для молитвы нашей; мы молимся сердцемъ, и—тогда, какъ руки наши простерты, дѣлайте съ нами, что хотите: терзайте насъ желѣзными когтями, распинайте на крестахъ, пронзайте мечами, жгите огнемъ, бросайте звѣрямъ—молящійся христіанинъ самымъ положеніемъ тѣла своего показываетъ, что онъ готовъ на все« (*). Во время молитвы христіане обращались лицемъ

(*) Tertul. decor. mil. c. 4.

(*) Tertul. Apol. c. 30.

къ востоку для показанія того, что какъ солнце, восходя, прогоняетъ тму на землѣ, такъ истинное солнце правды—Господь Іисусъ Христосъ разгоняетъ тму невѣрія и просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ (*). Положеніе тѣла ихъ при этомъ было благоговѣйное и не показывало никакой изысканности. Простершись предъ Богомъ, они возносили духъ свой къ Нему, проникался чувствомъ Его присутствія и бесѣдовали съ Нимъ такъ, какъ будто созерцали Его очами. Во время молитвы они отпускали другъ другу согрѣшенія, молились за родителей, друзей, родныхъ и за самыхъ враговъ: ибо для христіанина, по словамъ Оригена, недостаточно только прощать врагамъ: ему надлежитъ и молиться за нихъ. Молитва заканчивалась тѣмъ же, чѣмъ и начиналась—знаменіемъ креста, послѣ чего все семейство спѣшило въ церковь къ общественному богослуженію, и предъ выходомъ изъ дома каждый опять осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ (**). Въ церкви всѣ христіане присутствовали при богослуженіи съ величайшимъ благоговѣніемъ, внимая неуклонно молитвамъ, изъясненію Писанія, и по временамъ участвуя въ псалмопѣніи: въ древности всѣ они сподоблялись тутъ же пріобщенія св. Таинъ. По окончаніи литургіи всѣ расходились, но безъ шума и толкотни, по домамъ, гдѣ первою обязанностію ихъ было передать, не бывшимъ въ церкви по какимъ либо обстоятельствамъ, братіямъ, особенно же дѣтямъ, тѣ наставленія, которыя они слышали отъ пресвитеровъ въ церкви; послѣ чего каждый отходилъ на дѣло свое.

Не надобно думать, что, оставивъ язычество, христіане отказывались вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ занятія обыкновенными дѣлами житейскими. Напротивъ, они никогда не позволяли себѣ быть безполезными членами въ обществѣ, и мы находимъ христіанъ во всѣхъ сословіяхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ,—встрѣчаемъ между ними, и сенаторовъ, и полководцевъ, и философовъ, и ораторовъ, и художниковъ, и воиновъ, и ремесленниковъ, и простолюдиновъ (*). Только христіане отказывались отъ тѣхъ промысловъ и занятій, которыя имѣли цѣлію не удовлетвореніе общественныхъ нуждъ, а суевѣріе, роскошь и развратъ. »Мы появились только не давно (hesterni sumus), говоритъ Тертулліанъ, обращаясь къ язычникамъ, и уже наполняемъ ваши города и крѣпости, мѣстечки и колоніи, дворцы и лагери, судилища и совѣты, сенатъ и форумъ. Быть можетъ, вы осмѣлитесь сказать, что мы безполезны для государства? Но мы живемъ среди васъ, питаемся однимъ и тѣмъ же хлѣбомъ, одѣваемся въ тѣже одежды, и нужды у насъ однѣ: ибо мы не брамины и не гимнософисты индѣйскіе, живущіе по лѣсамъ и удаляющіеся отъ сообщенія съ людьми. Мы напротивъ помнимъ, что надобно воздавать дань благодаренія Богу за всѣ дѣла рукъ Его: вотъ почему мы не отвергаемъ ни одного изъ Его твореній, только мы не пользуемся ими съ излишествомъ и безъ нужды, и въ томъ, чѣмъ пользуемся, не преступаемъ мѣры, какъ дѣлаете это вы. Мы бываемъ, подобно вамъ, и на форумѣ и на рынкахъ и въ баняхъ, посѣщаемъ торжества, лавки и гостинницы, мы плаваемъ на судахъ вмѣстѣ съ вами, носимъ

(*) Clem. Pædag. c. 1. (**) Всѣ эти подробности можно находить у Оригена tract. in Ezech. Климента Pædag. Тертулліана Apolog. et lib. de orat. и у отцовъ Ц. Златоуста Hom. 43 in 1 Cor. Василія В. Epist. II ad Greg.

(*) Изъ сенаторовъ рим. къ христіанству принадлежали: Ипполитъ и Аполлоній, изъ полководцевъ: св. Маврикій, Евстафій и др.; изъ законовѣдцевъ—Минуцій Феликсъ; изъ философовъ и ораторовъ: св. Іустинъ, Квадратъ, Аристидъ, Аѳинагоръ; изъ врачей и художниковъ: св. Козма и Даміанъ; изъ воиновъ: цѣлые легіоны: Громоносный и Ѳивскій; не приводимъ именъ христіанъ изъ низшихъ сословій, потому что они безчисленны.

оружіе, обрабатываемъ землю, ведемъ торговлю, словомъ: мы занимаемся тѣми же работами, какъ и вы (*).

Значитъ, христіане не пренебрегали никакимъ честнымъ трудомъ и стоя на всѣхъ ступеняхъ общественнаго служенія, повсюду *представляли себе якоже Божія слуги въ терпѣніи мнозѣ... въ трудѣхъ, во бдѣніихъ и пощеніихъ* (2 Кор. 6, 4). Богъ хотѣлъ показать намъ чрезъ это, что 1) для достиженія святости нѣтъ нужды, безъ особеннаго призванія, оставлять общества человѣческія и удаляться въ лѣса и пустыни и что святая вѣра Христова освящаетъ всякій честный трудъ, всякое полезное занятіе въ обществѣ, и 2) что если мы, вдаясь среди житейской суеты, желаемъ спастись, то должны подражать жизни первенствующихъ христіанъ, которые, подобно Лоту, живя среди разгара нечестія, умѣли сохранить и души и тѣла свои непричастными грѣху.

ЖАЛОБА

НА СКОРБНЫЙ ХАРАКТЕРЪ ЦЕРКОВНОЙ ПРОПОВѢДИ.

(Окончаніе).

Итакъ не въ христіанствѣ начало скорбной проповѣди; и до него была, и скорбная проповѣдь, и скорбная пѣснь, и всѣ онѣ были еще скорбнѣе, характеръ жизни былъ еще мрачнѣе. Язычникъ, наприм. въ Индіи, пробудившись къ сознанію, тоже болѣе всего занятъ былъ покаяніемъ: онъ проливалъ кровь человѣческую; бичевалъ, уродовалъ, заживо погребалъ себя, чтобы воротить къ себѣ покинувшую его радость, чтобы умилостивить ее, ничѣмъ не умилостивляемую. Въ Греціи древній человѣкъ хотѣлъ перепробовать всѣ роды наслажденій. И чѣмъ кончилось эта эллинская жизнь, повидимому изобилующая наслажденіями? Письменные памятники донесли до насъ голосъ этого, искавшаго наслажденій, человѣка: но это или раздирающій голосъ отчаянія, подобный голосу утопающаго, не видящаго вокругъ себя никого, кто бы могъ спасти его, и ничего, за что бы онъ могъ схватиться, какъ за надежду спасенія, или это язвительно-горькая рѣчь человѣка, потерявшаго все, для себя дорогое, и потому все презирающаго и ненавидящаго. Мудрецы въ убѣжденіяхъ ума искали опоры для сохраненія твердости упадающаго духа, и употребляли напряженныя усилія къ одобренію и себя и другихъ. Но какъ напрасны, какъ жалки были эти напряженныя усилія! Лучшіе люди язычества за благо для человѣка считали то, что онъ можетъ прекратить свою жизнь, когда хочетъ. Для поддержанія въ себѣ твердости духа безнадежный человѣкъ говорилъ о самоубійствѣ, какъ лучшемъ благѣ нашемъ, избавляющемъ насъ отъ всѣхъ заботъ и горестей жизни. Но сквозь эту мнимую твердость такъ и виднѣется вся безнадежность отчаянія: ибо много ли утѣшенія въ мысли о томъ, что скоро конецъ моему существованію?

Но христіанство, думаете вы, должно было даровать намъ новыя блага, какихъ не зналъ древній человѣкъ, должно было пролить отраду въ растравленное сердце! Оно, дѣйствительно, принесло и даровало намъ все, чего

(*) Apol. c. 12.

только можно было ожидать отъ него. Духъ животворящій низшелъ къ намъ, и явился Духомъ Утѣшителемъ для плачущаго человѣчества. И развѣ не видите тѣхъ благъ, какія открылись для насъ, въ слѣдъ за его явленіемъ? Уже нынѣ никто не возмечтаетъ купить радость цѣною крови человѣческой; вмѣсто всесожженій человѣческихъ, которыми язычникъ думалъ призвать радость съ неба, за насъ единою заклался Агнецъ міра, и теперь безкровный Агнецъ Церкви гораздо дѣйственнѣе всѣхъ кровавыхъ жертвъ ветхозавѣтныхъ. Вмѣсто отчаянія или духовной безчувственности, омрачавшихъ лице древняго человѣка, на лицахъ христіанъ блеститъ свѣтлая надежда. Христіанинъ, съ спокойнымъ, сіяющимъ взоромъ, можетъ смотрѣть на жизнь, на будущее, на гробъ и смерть. Между тѣмъ взоръ язычника орошался слезою и въ раздумьи поникалъ долу, когда въ его головѣ возникалъ образъ смерти. Представьте, что было бы съ нами, если бы намъ не свѣтилъ лучъ вѣры и надежды христіанской, если бы въ насъ не дѣйствовалъ Духъ Утѣшитель! Всѣ наслажденія наши были бы отравлены горечью, всѣ мысли духа были бы скованы тяжелымъ, неразрѣшимымъ сомнѣніемъ. Трепетъ проникалъ бы всѣ члены наши при всякомъ представленіи будущихъ дней, нѣмѣлъ бы языкъ, замирало бы чувство, при видѣ смерти и разрушенія. То ли теперь?...

Но зачѣмъ и нынѣ горечь примѣшивается къ жизни? Зачѣмъ и нынѣ Церковь внушаетъ намъ скорбь и скорбь, печаль по Бозѣ и покаяніе? Затѣмъ, что не насталъ еще день нашъ; за тѣмъ, что земля еще отягчена нашими грѣхами, и радость не смѣетъ спуститься къ намъ съ неба, когда мы постоянно готовы гнать ее отъ себя своими порочными чувствами и дѣйствіями, своими развращенными мыслями. Развѣ мало для насъ того, что намъ указано небо, гдѣ наши обители веселія, гдѣ уготовано для насъ новое блаженное жилище, гдѣ срѣтитъ насъ съ любовію полная радость? Развѣ мало для насъ того, что мы можемъ предвкушать ту радость въ церкви, которая постоянно отверста для насъ, въ которую никому и никогда не заграждается свободный входъ? Да и можно ли материнскому сердцу Церкви утишить въ себѣ скорбное чувство? Всѣ мы больны, всѣ поражены тяжкими язвами. Многіе не сознаютъ своей болѣзни. Нужно растравить наши раны, чтобы онѣ были видны для насъ; нужно употребить и рѣзкія средства для нашего уврачеванія. Мы не сѣтуемъ на врача, если онъ высказываетъ намъ, чѣмъ мы больны, если для нашего здоровья предписываетъ намъ горькія лекарства. Ужели во врачебницѣ духовной нужно говорить намъ, что мы всѣ, больные,—здоровы? Ужели здѣсь жестоко прибѣгать къ врачеству, когда безъ него мы всѣ погибнемъ? Развѣ лучше было бы, если бы насъ, съ нашею болѣзнію, предоставили самимъ себѣ, нашимъ безсильнымъ средствамъ и нашему отчаянію? Лучше выносить чувство боли съ отрадною надеждою на выздоровленіе, чѣмъ насильно заглушать его и безумно идти къ конечной погибели. Благодарить мы должны Церковь за эту скорбь, которую она въ насъ возбуждаетъ, а не сѣтовать на нее за ея материнскія заботы о насъ.

Но слезы, слезы... Онѣ глубоко поражаютъ и уязвляютъ наше сердце! Мы не можемъ равнодушно видѣть ихъ!... Отъ чего бы всеблагому Искупителю не изсушить до дна источника слезъ?—И слезы, въ которыхъ, по видимому, такъ много горечи, оставлены намъ для нашего же утѣшенія. Всѣмъ извѣстно общее свойство слезъ: онѣ не тяготятъ души, а облегчаютъ ее, выносятъ изъ нея и изливаютъ во внѣ ту скорбную тугу, которая

накопляется въ глубинѣ нашего сердца. Горе подавляетъ васъ, но вы передадите его другому, вы выплачете его,—и какъ-то свѣтло и отрадно дѣлается на душѣ, будто на небѣ послѣ мрачной тучи, разрѣшившейся дождемъ. Мы сами отогнали отъ себя радость, и если можемъ опять воротить или покрайней мѣрѣ приблизить ее къ себѣ, то не тогда, когда перестанемъ думать о ней, а тогда, когда станемъ сожалѣть объ ея утратѣ. И если она на кого можетъ смотрѣть ласковымъ окомъ, то конечно, на тѣхъ, которые изъ-за нея проливаютъ слезы. Такая доля наша, что намъ необходимо отъ скорби возвышаться къ радости только чрезъ надежду!—Вѣчно нося съ собою скорбь, мы чаще должны искать отрады въ покаяніи, чаще должны поливать слезами поле жизни, да возрастетъ на немъ сѣмя радости; потому что есть много родовъ скорбей и слезъ. Добровольныя слезы, возникающія изъ глубины духа, ничего не доставляютъ душѣ, кромѣ облегченія: но не будь тѣхъ добровольныхъ слезъ, къ намъ явятся слезы невольныя, не прошенныя, только безвыходно гнетущія душу. Скорбь, скрывающаяся внутри нашего существа, не разрѣшаясь въ слезахъ покаянія, со временемъ возрастетъ, усилится и дастъ себя знать тягчайшими мученіями, откроется въ жестокихъ, но, можетъ быть, позднихъ терзаніяхъ совѣсти. Тогда послѣднее горе будетъ горше перваго, и сѣющіе радостію пожнутъ неутѣшными слезами. Лучше же печаль по Бозѣ вольная, спасительная, чѣмъ скорбь невольная, безмѣрно суровая и безутѣшная.—Бояться нѣчего этой спасительной печали: она страшна только издали; въ ней самой есть отрада, которая стоитъ многихъ сокровищъ міра. Уже одна мысль о милосердіи Божіемъ, одна надежда на спасеніе разливаютъ сладость по всему существу души. Вмѣстѣ съ этимъ соединенное богомысліе приближаетъ человѣка къ престолу блаженства, и оттуда исходятъ въ сердце лучи свѣта. А успокоенная совѣсть, плодъ покаянія! А благодатныя утѣшенія, которыхъ никогда не лишаются со слезами припадающіе къ Богу, и о которыхъ и понятія не имѣютъ люди, занятые только суетою житейскою!... Мы знаемъ человѣка, который ни на что въ свѣтѣ не хотѣлъ промѣнять слезъ покаянія. »Слезы, слезы (часто восклицалъ св. Ефремъ Сиринъ)! Что пріятнѣе и отраднѣе слезъ! И чѣмъ я могу возблагодарить Бога за то, что Онъ далъ мнѣ возможность плакать«?—Посмотрите вообще на людей, которые весь вѣкъ свой проводятъ въ покаяніи, и которыхъ потому вы можете представлять унылыми и мрачными. На ихъ лицахъ невозмутимое спокойствіе, въ ихъ взорѣ много любвеобильнаго привѣта и утѣшенія, въ ихъ рѣчи смягчающій звукъ твердаго, несокрушимаго упованія. Предъ этими лицами мрачнѣютъ и являются унылыми самыя веселыя лица людей міра. Да и какъ послѣднимъ сохранить всегдашнюю веселость и спокойствіе, когда на каждомъ шагу они могутъ встрѣчать ударъ своей страсти, выводящій ихъ изъ спокойнаго равновѣсія, когда, по закону противуположности, послѣ усиленнаго веселія должно быть усиленное сдавленіе сердца скукою и разочарованіемъ? А плачущихъ по Богѣ не возмутитъ какая нибудь случайность обыденнаго быта. Потому они всегда спокойны, всегда безопасны отъ ударовъ земнаго горя.

Если сообразить всѣ выгоды и невыгоды и земнаго веселія и церковной печали, то неизбѣжно нужно придти къ тому заключенію, что лучше плакать въ Церкви по христіански, чѣмъ веселиться въ мірѣ по язычески.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

147) Никто никогда не видалъ постящагося съ разсужденіемъ порабощеннымъ злой похоти; а презирающій постъ бываетъ посмѣваемъ демономъ блуда.

148) Столпъ и утвержденіе всякаго добра есть постъ съ безмолвіемъ; а нерадящій о немъ теряетъ всякое добро. Онъ есть первая заповѣдь, которую Богъ далъ Адаму въ раю. Прельщенный врагомъ, Адамъ не сохранилъ сей заповѣди, и отпалъ отъ Бога. Но нарушеніемъ чего произведено первое разстройство, исполненіемъ того рабы Божіи опять приходятъ въ страхъ Божій, т. е., постомъ.— И Христосъ тѣмъ же началъ явленіе свое міру. т. е., постомъ. Ибо по крещеніи изведе Его Духъ Святый въ пустыню, и постися дній четыредесять. И всѣ, выходящіе изъ міра въ монашеское житіе, началомъ и основаніемъ благихъ дѣлъ полагаютъ постъ, въ подражаніе своему Господу.

149) Постъ есть весьма сильное оружіе, данное отъ Бога людямъ. Если сладчайшій Христосъ и Богъ нашъ постился, то кто изъ желающихъ соблюдать законъ Христовъ отречется отъ поста?—Какое оружіе подаетъ сильнѣйшее и большее дерзновеніе въ борьбѣ противъ духовъ злобы, какъ не алчба, по любви къ Богу?—Чѣмъ больше злострадетъ и утруждается тѣло, въ то время, какъ человѣка окружаютъ злые помыслы, тѣмъ болѣе заступаетъ его Богъ, ради чистаго поста, безмолвія и молитвы.

150) Постъ съ безмолвіемъ и молитвою, есть ходатай нашъ предъ Богомъ; имъ св. отцы угодили Богу, содѣлались сосудами Св. Духа, и совершили многія чудеса.—И мы, госпожа моя, выступившіе на невидимое мученичество и брань съ демонами, если побѣдимъ, увѣнчаетъ насъ Богъ всяческихъ вѣнцемъ святыни и славы, а если будемъ побѣждены, то, о горе!, вѣчная воспріиметъ насъ мука.—Потому да трезвимся и бодрствуемъ, да постимся и бдимъ; да безмолствуемъ и смиренномудрствуемъ! Если будемъ творить сіе, то Христосъ, пришедши въ день смерти, оправдаетъ насъ, избавитъ отъ начальниковъ мытарствъ, записавшихъ грѣхи наши, и представитъ въ древнее отечество наше, т. е. рай.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 15-го Іюня 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 16.

НЕДѢЛЯ 8 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

6 Іюля 1858 г.

Гласъ 7-й.

На утрени: евангеліе воскресное 8-е, Іоан. зач. 64. На Литургіи: еван. 1 Кор. зач. 124, еванг. Матѳ. зач. 58.

ИЗЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА КАССІАНА СЪ СКИТСКИМИ СТАРЦАМИ:

АВВЫ ѲЕОНЫ, ИЗЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ АПОСТОЛА: *не еже хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.* Рим. 7, 19.

Глава 9. Святыхъ, которые, постоянно сохраняя памятованіе о Богѣ, ходятъ въ вышнихъ, какъ бы по натянутымъ въ воздухѣ веревкамъ, правильно можно сравнить съ акробатами, которые, и здоровье и жизнь свою поставляя на тѣснѣйшемъ пространствѣ веревки, не сомнѣваются, что тотчасъ подвергнутся самой ужасной смерти, если нога ихъ хотя отъ малѣйшаго колебанія уклонится отъ прямаго пути или преступитъ мѣру оной спасительной прямоты. Если они, предпринимая съ чрезвычайнымъ искуствомъ воздушныя путешествія въ пустомъ пространствѣ, съ осторожною и тщательною осмотрительностію не сохранятъ оной тѣснѣйшей стези; то земля, служащая всѣмъ какъ бы естественнымъ основаніемъ и твердѣйшею и надежнѣйшею опорою, для нихъ дѣлается настоящею и явною пагубою, не потому, чтобы измѣнилась ея природа, но потому, что увлекаемые тяжестію тѣла, они падаютъ на нее. Такъ точно не преложная божественная благость и неизмѣнная сущность сама никому не вредитъ, но мы сами, уклоняясь отъ вышнихъ и стремясь къ нижнимъ, навлекаемъ на себя смерть; самое сіе уклоненіе и есть смерть для уклоняющагося: *горе имъ*, сказано, *яко отскочиша отъ Мене; будутъ опустошены, яко нечествоваша ко Мнѣ* (Осіи 7, 13); *накажетъ тя отступленіе твое и злоба твоя обличитъ тя; и увѣждь и виждь, яко зло и горько ти есть, еже оставити Мя, глаголетъ Господь Богъ твой* (Іер. 2, 19); *пльницами своихъ грѣховъ кійждо затя-*

зается (Притч. 5, 22). Къ таковымъ совершенно справедливо направлено отъ Господа оное обличеніе: *се вси вы огнь раждизаете и укрѣпляете пламень: ходите свѣтомъ огня вашего и пламенемъ, егоже разжегосте* (Ис. 50, 11). И еще: *иже разжизаетъ злобу, погибнетъ отъ нея* (Притч. 19, 7).

Гл. 10. Такъ какъ святые ежедневно чувствуютъ, что, увлекаемые тяжестію земныхъ помысловъ, они ниспадаютъ съ той высоты ума и невольно, даже не сознавая, подчиняются закону грѣха и смерти (ибо, не говоря о прочемъ, отвлекаются отъ богосозерцанія вышеупомянутыми, хотя добрыми и справедливыми, однако земными дѣлами); то по истинѣ они имѣютъ о чемъ постоянно стенать предъ Богомъ, по истинѣ имѣютъ, за что въ смиреніи и сокрушеніи, не на словахъ только, но и въ чувствѣ, называть себя грѣшниками и проливать истинныя слезы покаянія, непрестанно прося благодати Божіей и прощенія за все, во что ежедневно впадаютъ, увлекаясь немощію плоти. И поелику они видятъ, что и до конца жизни останутся несвободными отъ тѣхъ самыхъ волненій, по причинѣ которыхъ они скорбятъ непрестанно, что и самыхъ молитвъ не могутъ приносить безъ смущенія помысловъ: то, дознавши опытно, что бремя плоти не допускаетъ человѣческими силами достигнуть желаннаго конца и по желанію сердца соединиться съ онымъ единственнымъ и верховнымъ благомъ, но увлекаетъ отъ созерцанія его къ мірскому, они, прибѣгая къ благодати Божіей, оправдывающей нечестивыхъ, взываютъ съ Апостоломъ: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея? Благодать Бога моего, Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ* (Рим. 7, 24. 25). Ибо чувствуютъ, что не могутъ исполнять добра, котораго хотятъ, но непрестанно впадаютъ въ зло, котораго не хотятъ и ненавидятъ, то есть — въ волненіе помысловъ и въ попеченіе о мірскомъ.

Гл. 11. Хотя тѣ, которые, возвышаясь надъ всѣмъ видимымъ, стремятся всегда соединиться съ однимъ Богомъ, соуслаждаются закону Божію, по внутреннему человѣку, но видятъ *инъ законъ во удѣхъ своихъ*, т. е. внѣдренный въ настоящую природу человѣческую, *противувоюющъ закону ума* ихъ и насильственнымъ закономъ грѣха увлекающій плѣненный смыслъ, т. е. принуждающій его, оставивши оное основное благо, подчиняться земнымъ помысламъ. Таковые помыслы, хотя кажутся полезными и необходимыми для тѣла, когда напр. занимаются удовлетвореніемъ какой нибудь благочестивой потребности; но по сравненію съ онымъ благомъ, услаждающимъ созерцаніе всѣхъ святыхъ, считаются ими за зло, котораго должно убѣгать, такъ какъ чрезъ нихъ они, хотя на мгновеніе, отвлекаются отъ радости онаго совершеннаго блаженства. По истинѣ это есть законъ грѣха, введенный въ родъ человѣческій измѣною Творцу своему, чрезъ преступленіе того, которому выраженъ оный приговоръ праведнѣйшаго Судіи: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ... тернія и волчцы возраститъ тебѣ... въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. 3, 17—19). Это, говорю, законъ, внѣдренный во уды всѣхъ смертныхъ, воюющій противъ закона ума нашего и отвлекающій отъ богосозерцанія, законъ, по которому земля, проклятая въ дѣлахъ нашихъ, послѣ познанія добра и зла, начала производить тернія и волчцы помысловъ, жало которыхъ заглушаетъ природныя сѣмена добра, дабы мы не могли безъ пота лица вкушать хлѣбъ нашъ, сходящій съ небесе (Іоан. 6, 33), укрѣпляющій сердца человѣческія.

(Продолженіе будетъ).

ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ.

2.

Обратимъ теперь вниманіе наше, братія, сначала на дивное украшеніе земли, а потомъ и на высокое украшеніе небесъ, порожденное словомъ Творца — первое въ третій, а послѣднее — въ четвертый день міра.

Третій день творенія, явившій море и сушу, явилъ и первую жизнь на землѣ — растительную. Подобно водѣ, и суша, сама по себѣ, ничего не имѣла жизненнаго: нужно было слово творческое, чтобы духъ жизни вселился въ мертвую землю. *И рече Богъ: да прораститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію и древо плодовитое, творящее плодъ, емуже сѣмя его въ немъ по роду на земли. И бысть тако.* И покрылась земля живой одеждой, которой красота превышаетъ все убранство Соломоново. Возникли травы и деревья, безчисленныя и разнообразныя, носящія въ себѣ жизнь и начала жизни для продолженія родовъ своихъ на вѣки и тысящелѣтія, или, какъ говоритъ Писаніе, *сѣющія сѣмя по роду и по подобію.* Познаемъ, братія, здѣсь опять непостижимую премудрость и безконечную благость Бога Творца нашего.

Смотри, человѣкъ, каждое растеніе носитъ сѣмя по роду своему и по подобію. Ничтожнѣе, повидимому, зернышко какъ много заключаетъ въ себѣ! Вотъ оно падаетъ въ землю, закрывается въ ней и какъ бы погребается. Не смерть ли это? Нѣтъ, это — начало новой жизни. Размягченное влагою, сѣмя скоро начинаетъ сбрасывать свои тонкіе покровцы, даетъ одинъ ростокъ внизъ, это — будущій корень, и одинъ — вверхъ, это — будущій стволъ съ своими вѣтвями, листьями, цвѣтами и плодами. Какъ все это происходитъ, какъ образуется? Собери, мудрецъ, какія хочешь стихіи, смѣшивай ихъ тысящекратно, давай имъ свои формы, сугнетай, сцѣпляй, употреби всѣ свои орудія для преобразованія веществъ, и ты никогда не произведешь ни одной живой былинки, не произведешь всею мудростію своею того, что производитъ сила одного зернышка. Не дивно ли? Эта сила, раздѣлившись въ корень и въ верхній ростокъ, тамъ всасываетъ соки земные, питаетъ корень, увеличиваетъ, углубляетъ, раздѣляетъ его на многія отрасли, чтобы растеніе крѣпче держалось на своемъ основаніи; здѣсь, поднимая тѣже соки земные, притягивая сродную себѣ пищу изъ воздуха и испареній земныхъ, преобразуется во многія и разнообразныя части растенія: въ кору его, сердцевину, сучья, листья, цвѣты и плоды, и никогда не уклоняется отъ рода своего и подобія. Однѣ и тѣже стихіи питаютъ высокій и крѣпкій дубъ и низкій слабый кустикъ растущей близъ него земляники: но какое различіе между произведеніями силы, дѣйствующей въ желудѣ и въ зернѣ земляники! Иногда и сѣмена очень сходны; такъ что глазъ нашъ почтетъ ихъ однородными; но предай ихъ землѣ, и ты увидишь, какъ каждое сѣмя издаетъ свое порожденіе всегда по своему роду и подобію. Что же это, какъ не дѣйствіе слова творческаго, въ самомъ началѣ міра изреченнаго и непрестанно живаго, неумолкающаго въ твореніи? Глаголъ Божій дѣйствуетъ и на горахъ, гдѣ растутъ кедры, и въ долинахъ, гдѣ — наши нивы и луга; дѣйствуетъ съ тѣмъ же всемогуществомъ и премудростію въ украшеніи полей нашихъ цвѣтами, какъ и въ обогащеніи садовъ нашихъ плодами, и все на землѣ живетъ и плодствуетъ силою сего глагола творческаго. Похвалишься ли ты, человѣкъ, своимъ трудомъ и искуствомъ, обрабатывая свои

поля и сады?—Познай, что *ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возращаяй Богъ* (1 Кор. 3, 7).

Что касается до благости Творца, являемой намъ въ растеніяхъ, то для кого она не очевидна? Растенія насъ питаютъ и одѣваютъ, увеселяютъ и врачуютъ, прохлаждаютъ въ зной лѣтній и согрѣваютъ зимою. Сколько полезныхъ средствъ находитъ въ нихъ художество и искуство, устрояя домы, корабли, колесницы и разныя машины? Замѣтимъ особенно ту пользу растеній, которую доставляютъ они намъ безъ всякихъ трудовъ нашихъ; ими очищается воздухъ, которымъ мы дышемъ; ибо, какъ дознано, они впиваютъ въ себя испорченный нашимъ дыханіемъ воздухъ, а намъ отдаютъ часть воздуха лучшую, которая насъ освѣжаетъ *(кислородъ)*. Достойно замѣчанія и то, что и въ распредѣленіи растеній по климатамъ, видна отеческая предусмотрительность Отца небеснаго, пекущагося о нашихъ нуждахъ. Такъ лѣса, потребные для прочныхъ зданій и для согрѣванія жилищъ нашихъ, наиболѣе произведены въ нашихъ странахъ сѣверныхъ, гдѣ наиболѣе нужны, а деревья плодоносныя, особенно приносящія плоды съ пріятною кислотою, всего болѣе свойственны климатамъ жаркимъ, гдѣ такъ нужны они для прохлажденія и освѣженія человѣка. Но, скажешь, есть много растеній безполезныхъ, даже вредныхъ, ядовитыхъ? Если они безполезны для тебя, человѣкъ, то конечно находятъ въ нихъ свою пользу другія животныя, которымъ далъ Творецъ право питаться растеніями какъ и тебѣ (Быт. 1, 30). Притомъ не забывай и того, что по твоей же винѣ умножились на землѣ тернія и волчцы, и смертоносность нѣкоторыхъ растеній могла явиться тогда только, когда ты зачалъ въ себѣ смерть.

Христіанинъ! пользуйся отъ растеній и другими полезными уроками. Вотъ самъ Господь, указуя на крины сельные, такъ щедро украшаемые Богомъ, учитъ тебя уповать на благость Отца небеснаго, и не много заботиться объ одеждахъ (Матѳ. 6, 28 — 30). Онъ же, замѣчая, что отъ репія не собираютъ смоквъ и отъ терновника винограда (Лук. 6, 44), напоминаетъ, что намъ должно уподобляться древамъ благоплоднымъ; подобіемъ земли заросшей терніемъ и потому неплодной (Матѳ. 13, 7. 22), показываетъ, какъ нужно намъ искоренять изъ сердецъ терніе земныхъ пристрастій, а другимъ подобіемъ, какъ *земля плодитъ прежде траву, потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класъ* (Марк. 4, 28), объясняетъ, что такъ возраститъ Богъ царствіе свое въ насъ самихъ, если будемъ землею доброю. Гордишься ли ты красотою или силою, богатствомъ или славою? Слово Божіе говоритъ тебѣ: *человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтетъ* (Псл. 102, 15).

Но оставимъ, бр., на минуту землю и вознесемъ умъ на высоты небесныя, чтобы еще ближе познать какъ силу, премудрость и благость Творца, такъ и наше не земное назначеніе. Если бъ мы стали въ третій день творенія и посмотрѣли на твердь небесную, то здѣсь не увидѣли бы ничего, кромѣ свѣта разливающагося, но еще нигдѣ не сосредоточеннаго. Но вотъ, въ 4-й день, раздается гласъ Божій: *да будутъ свѣтила на тверди небесной, — и бысть тако.* Свѣтъ вдругъ устремился къ безчисленнымъ средоточіямъ, какъ нѣкогда воды въ свои собранія, и образовались, можно сказать, безчисленныя моря свѣта. Говорю: *моря свѣта;* ибо что наше солнце и другія свѣтила, блистающія своимъ свѣтомъ? Огромнѣйшіе шары, въ милліоны разъ превосходящіе нашъ шаръ земной, а кажутся намъ малыми по чрезвычайной ихъ отдаленности отъ насъ. Только

не многія изъ звѣздъ, называемыя планетами, не свой имѣютъ свѣтъ, а отражаютъ свѣтъ солнечный, какъ наша луна, которыя и ближе къ намъ и не такъ огромны. Видишь ли, человѣкъ, силу Вѣчнаго? Чтобы возсіять и этимъ безчисленнымъ морямъ свѣта на тверди небесной, довольно было также одного повелѣнія творческаго, какъ и явиться травѣ на землѣ и украситься цвѣтами. Ты дивишься красотѣ солнца, луны и звѣздъ? Познай, что въ нихъ ничего нѣтъ божественнаго, кромѣ глагола Божія, ихъ сотворившаго и содержащаго, и благоговѣй не предъ ними, а предъ великимъ ихъ Создателемъ.

Что же, спросишь, эти дивныя безчисленныя свѣтила? Когда, въ ночное время, смотримъ на міріады звѣздъ, духъ нашъ невольно воспаряетъ въ недовѣдомыя страны славы и блаженства, и намъ кажется, что тамъ— вѣчныя обители блаженныхъ. Есть ли на свѣтилахъ дѣйствительно жизнь, и какая жизнь?—На это вотъ отвѣтъ Премудраго: *мы едва разумѣваемъ, яже на земли, и яже въ рукахъ обрѣтаемъ съ трудомъ; а яже на небесѣхъ, кто изслѣди? Волю же твою, Боже, кто позна?* (Прем. 9, 16. 17). Внутреннее значеніе свѣтилъ, это—тайна творческая, которую тщетно силится раскрыть нашъ разумъ. Изъ слова Божія знаемъ только, что и имъ предстоитъ великое преобразованіе въ великій день Господень, и что тогда только откроются въ полной славѣ истинныя обители блаженныхъ. До того времени довольно намъ, земнымъ, въ этихъ чудныхъ свѣтилахъ видѣть одинъ образъ славы Божіей и напоминаніе о будущемъ состояніи чадъ Божіихъ, которыя нѣкогда сами возсіяютъ яко свѣтила и по различію совершенствъ своихъ также будутъ разнствовать, какъ *разнствуютъ звѣзды во славѣ* (1 Кор. 15, 41. 42). До того времени и о назначеніи небесныхъ свѣтилъ довольно намъ знать то, на что указало само слово Творца и о чемъ свидѣтельствуетъ ежедневный опытъ.

Да будутъ свѣтила на тверди небесной, освѣщати землю, и разлучати между днемъ и нощію. Это свойственно наиболѣе нашимъ двумъ великимъ свѣтиламъ— солнцу и лунѣ, хотя и прочія свѣтила, называемыя звѣздами, не оставляютъ насъ въ совершенной тмѣ, въ отсутствіе первыхъ. Не дивная ли премудрость и благость видна въ томъ, что солнце и луна, при величайшей разности своихъ величинъ, поставлены въ такомъ разстояніи отъ земли, что кажутся намъ почти равными по величинѣ? Солнце съ своимъ океаномъ свѣта и теплоты на столько удалено отъ насъ, чтобъ свѣтъ его не ослѣплялъ, а чрезмѣрный жаръ не пожигалъ насъ; напротивъ, луна на столько приближена къ намъ, чтобы отражаемаго ею свѣта было довольно для освѣщенія земли во время ночи. Особенно, бр., дивно солнце. Это *дивный сосудъ, дѣло Вышняго*, говоритъ одинъ премудрый; *велій Господь сотворивый є!* (Сир. 44, 1. 5). Поистинѣ, нельзя не удивляться величію премудрости и благости Творца, когда видимъ, какъ Онъ, отъ начала міра, столько вѣковъ, сіяетъ солнце свое на злыя и благія, и какъ этотъ источникъ свѣта нисколько не истощается, изображая тѣмъ неистощимую благость къ намъ Божію.

И да будутъ (свѣтила) *въ знаменія, и во времена, и во дни и въ лѣта.* Какія знаменія въ свѣтилахъ? Совсѣмъ не тѣ, какихъ ищутъ въ нихъ суевѣры, думая, что отъ положенія свѣтилъ зависитъ судьба каждаго человѣка, зависятъ будто бы даже добрыя или худыя его свойства. Нѣтъ! Судьбы наши въ рукахъ одного Всевышняго, а добрыя и худыя свойства наши происходятъ отъ добраго или худаго употребленія нашей свободной воли. Свѣтила могутъ только освѣщать

и какъ бы обличать наши свободныя дѣянія. Какія же представляютъ они знаменія? Во-первыхъ тѣ, на которыя указываетъ Псалмопѣвецъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь* (Пс. 18, 2). Это, можно сказать, неизмѣримая книга, исписанная знаками огненными, въ которыхъ каждый можетъ, болѣе или менѣе, уразумѣвать величіе и премудрость Создателя. *Во всю землю исходитъ вѣщаніе* свѣтилъ небесныхъ, *и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (—5). Во вторыхъ, въ свѣтилахъ читаетъ и уразумѣваетъ астрономъ дивные законы ихъ движеній и отношеній одного къ другому; мореплаватель, по явленіямъ свѣтилъ, узнаетъ направленіе пути своего на морѣ, и по нимъ повѣряетъ свои искуственныя орудія путеуказательныя, а по временамъ и простой поселянинъ умѣетъ *лице небесе разсуждати* (Матѳ. 16, 2), когда измѣненіе свѣта солнечнаго или луннаго предваряетъ измѣненіе въ погодѣ. Не по движеніямъ ли свѣтилъ сама Церковь опредѣляетъ времена своихъ торжествъ, особенно дня Пасхи, когда, кажется намъ, и вся природа, возраждаемая весною, участвуетъ въ нашей радости? Вотъ, христіанинъ, знаменія въ свѣтилахъ обыкновенныя и для тебя полезныя! Другихъ, чрезвычайныхъ знаменій, не ищи въ нихъ и не требуй, доколѣ самъ Господь не явитъ ихъ предъ своимъ вторымъ пришествіемъ; ибо тогда *силы небесныя подвигнутся* (Матѳ. 24, 29).

О томъ, какъ отъ движенія свѣтилъ производятся *времена* года, *дни и лѣта*, нѣтъ нужды говорить; потому что это извѣстно всѣмъ. Одно замѣтимъ, бр., то, что помышляя объ этихъ перемѣнахъ времени, мы нерѣдко погрѣшаемъ въ оцѣнкѣ благодѣяній къ намъ Божіихъ. Почему напр. почитаютъ многіе неблаготворнымъ временемъ зиму съ ея снѣгами, или осень съ ея дождями? Зимою наша земная природа покоится подъ снѣгомъ, собираясь съ новыми силами, чтобы опять служить намъ, а дожди осени напитываютъ землю, истощенную во время лѣта. Для чего́ также въ лѣтахъ нашей жизни мы слишкомъ тяготимся немощами старости? Въ ней всего болѣе располагаемся мы къ оставленію всѣхъ суетъ здѣшней жизни и къ приготовленію себя къ будущей. — Усматривай, христіанинъ, во всемъ благое назначеніе Творца, и на всякое время благословляй отеческій Его промыслъ.

Братія — христіане! при всѣхъ перемѣнахъ нашей жизни и жизни всей земной природы, будемъ помнить и сознавать, что мы странники и пришельцы на землѣ, и истинное житіе наше не здѣсь: *житіе наше на небесѣхъ есть, отнюдуже и Спасителя нашего ждемъ, Господа нашего Іисуса Христа* (Фил. 3, 20). Аминь.

Страхъ Господень возвеселитъ сердце.

Сир. 1, 12.

По обыкновенному опыту и основанному на немъ сужденію, страхъ есть состояніе или чувство не радостное для человѣческаго сердца, но печальное и тягостное: *страхъ муку имать*, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 4, 18). Какимъ же образомъ и почему страхъ предъ Богомъ, *страхъ Господень возвеселитъ сердце?*

Какъ всѣ движенія человѣческаго сердца, такъ и страхъ имѣетъ различные виды и направленія.

Чаще всего онъ происходитъ въ душѣ, когда мы представляемъ зло или бѣдствіе, намъ угрожающее, и въ этомъ отношеніи онъ противополагается надеждѣ, какъ отрадному ожи-

данію добра или счастія. Такой страхъ смущаетъ человѣческое сердце, поколику оно устремляется ко благу сомнительному или случайному; потому что это благо можетъ быть достигнуто и не достигнуто, потому что, пріобрѣтши его, мы находимся въ опасности лишиться его, потому-что наконецъ это благо можетъ сдѣлаться для насъ, при извѣстныхъ условіяхъ, бѣдствіемъ и зломъ; страхъ не только преслѣдуетъ насъ, когда мы ищемъ такого блага, но и отравляетъ наше счастіе, когда мы обладаемъ имъ. Но Богъ есть благо не случайное и не сомнительное, — благо не для того или другаго человѣка, не при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, но — общее, вѣчное и не измѣняемое. Устремляясь къ Богу вѣрою и духомъ, человѣкъ не можетъ опасаться, что его усилія будутъ тщетны, не можетъ смущаться мыслію, что пріобрѣтаемое имъ сокровище непрочно, что оно можетъ стать для него, при извѣстныхъ усовіяхъ, источникомъ бѣдствій. Поэтому страхъ о предстоящей будущности не можетъ возмущать сердца, которое полагаетъ въ Богѣ свое счастіе и свое благо. Кто ходитъ предъ Богомъ, тотъ никогда не волнуется страхомъ, какъ представленіемъ будущаго несчастія: *Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся?* (Пс. 26, 1). Свѣтлая надежда согрѣваетъ сердце вѣрующее; посему страхъ, какъ отсутствіе надежды, какъ безпокойное предчувствіе несчастія, не есть страхъ Господень, веселящій сердце.

Не рѣдко страхъ обращается въ побужденіе для нравственной, или сообразной съ закономъ, дѣятельности. Объ этомъ страхѣ особенно нужно сказать, что онъ *муку имать*; потому-что онъ держитъ человѣка въ непрестанномъ раздвоеніи, въ болѣзненномъ противорѣчіи съ самимъ собою. Человѣкъ не хотѣлъ бы исполнять предписаннаго закона; но онъ боится законодателя, боится бѣдствій, которыя постигнутъ его за упорство; и не охотно, противъ собственнаго душевнаго расположенія дѣлаетъ то, что предписано; посему справедливо добродѣтель, вытекающую изъ чувства страха, называютъ рабскою; страхъ лишаетъ человѣка свободы, и добродѣтель, опредѣляемая страхомъ, не есть уже въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣло существа свободнаго. Но такъ какъ несвободная добродѣтель утверждается на предположеніи, что законодатель смотритъ только на внѣшніе поступки, а сердечныхъ движеній, противныхъ закону, не замѣчаетъ; то она невозможна въ человѣкѣ, ходящемъ предъ Богомъ. Всевѣдущій Богъ зритъ не только на дѣла, но и на самыя тайныя движенія сердца; тотъ не благоугождаетъ Богу, кто исполняетъ Его заповѣди только во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, нарушая ихъ въ сердцѣ своемъ, не сочувствуя имъ и не любя ихъ отъ всей души своей. Посему рабскій страхъ, который понуждаетъ насъ къ исполненію закона безъ участія и любви сердечной, не есть страхъ Господень, веселящій сердце. Объ этомъ страхѣ говоритъ св. Іоаннъ Богословъ: *страха нѣсть въ любви, но совершенна любы вонъ изгонаетъ страхъ, яко страхъ муку имать: бояйся же не совершися въ любви* (1 Іоан, 4. 18).

Наконецъ есть страхъ, свойственный высшимъ состояніямъ нашего духовнаго и богоподобнаго существа. Онъ раждается въ душѣ при созерцаніи предметовъ высокихъ, запечатлѣнныхъ необычайнымъ величіемъ. Такимъ страхомъ былъ объятъ пророкъ Іезекіиль, когда предъ нимъ *отверзошася небеса* и явилось въ величественныхъ образахъ *подобіе славы Господни* (Іез. 1, 1. 2, 1). Такимъ страхомъ былъ объятъ тайнозритель Іоаннъ, когда въ видѣніи узрѣлъ *посредѣ седми свѣтильниковъ подобна Сыну человѣчу*,

держащаго *въ руцѣ своей десной седмь звѣздъ. И егда видѣхъ Его, падохъ къ ногама Его, яко мертвъ* (Апок. 1, 13. 16. 17). Подобное чувство раждается и во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ, когда или борьба стихій въ природѣ или поразительныя и многознаменательныя событія въ исторіи человѣчества указуютъ ему дивный перстъ Божій и являютъ непостижимое величіе Творца и Промыслителя природы и человѣка. Этотъ страхъ, какъ невольное сотрясеніе души при ощущеніи близости Бога, не есть уже страхъ раба, который боится въ господинѣ только гнѣва, а не уважаетъ его достоинства, не есть страхъ, соединенный съ суетнымъ безпокойствомъ и мрачнымъ состояніемъ духа: непосредственно съ нимъ возникаетъ въ душѣ чистое, духовное наслажденіе, радость сердца и влеченіе любви къ созерцаемому предмету. Страхъ касается здѣсь чувственной стороны человѣка; въ минуты созерцанія высокаго предмета низшія движенія и страсти подавляются и умолкаютъ; человѣкъ чувственный, ограниченный, ощущаетъ себя ничтожнымъ и уничтоженнымъ; невольный трепетъ пробѣгаетъ по его составу. Но духъ при этомъ особенно оживаетъ и возносится горѣ; онъ чувствуетъ свою свободу и свое богоподобіе; онъ исторгается изъ міра суеты въ міръ духовный, божественный, такъ ему сродный, такъ ему вожделѣнный; онъ устремляется всею силою любви къ безконечному Богу и услаждается созерцаніемъ Его величія, святости и премудрости. Любовь и страхъ здѣсь сопроникаются; боящійся Бога пламенѣетъ къ Нему любовію, а любящій Бога боится Его. Это — страхъ Господень; это — страхъ, веселящій сердце. Человѣкъ чувственный, въ которомъ подавлены высшія духовныя потребности, не способенъ къ этому состоянію и не вкушаетъ наслажденія, которое сопряжено съ нимъ; многочисленные опыты доказываютъ, что каждый человѣкъ можетъ наслаждаться предметомъ *прекраснымъ*; но искать и находить наслажденіе въ созерцаніи предметовъ *высокихъ*, величественныхъ, можетъ только тотъ, кто достаточно сохранилъ чистоту души, кто часто отрѣшался отъ міра чувственнаго и обиталъ мыслію и сердцемъ въ мірѣ духовномъ. Страхъ Господень есть страхъ чистый, чуждый всего чувственнаго и грѣховнаго, и потому сердце, имъ проникнутое, свѣтло и радостно.

Въ дѣятельной жизни сопроникновеніе страха и любви въ сердцѣ человѣка порождаетъ особенныя чувства, каковы: уваженіе, почитаніе, благоговѣніе. Предметомъ этихъ чувствъ можетъ быть только нѣчто высокое и священное для человѣка; посему всѣ они отличаются отъ простой любви тѣмъ, что къ нимъ привходитъ страхъ, вызываемый не представленіемъ бѣдствій и казней, а мыслію о величіи и совершенствѣ предмета: любить мы можемъ нѣчто и недостойное, по испорченности нашего сердца; но любить со страхомъ, или питать уваженіе и благоговѣніе мы можемъ только къ тому, что своимъ достоинствомъ и величіемъ привлекаетъ наше сердце. Поэтому благоговѣніе, въ которомъ страхъ и любовь соединены въ высшей степени, есть по преимуществу то чувство, которое раждается при созерцаніи Божія величія; поэтому серафимы, стоящіе окрестъ престола Господня, проникнуты такимъ глубочайшимъ благоговѣніемъ, что не дерзая взирать на *Господа славы*, непрестанно закрываютъ *лица своя* (Ис. 6, 2). Страхъ Господень, какъ очевидно, и есть это чувство благоговѣнія къ Богу, которое, какъ для блаженныхъ ангеловъ, такъ и для благочестивыхъ человѣковъ, служитъ источникомъ чистѣйшихъ радостей. *Страхъ Господень возвеселитъ сердце.*

Отсюда явствуетъ, какъ несправедливо

нѣкоторые неправомыслящіе противопоставляли ветхій завѣтъ новому, какъ богослуженіе страха богослуженію любви. Оба завѣта суть откровенія одного Бога по его дивному величію и Его неизреченному самоуничиженію; почему страхъ и любовь къ Богу должны нераздѣльно соединяться въ человѣческомъ духѣ. Было бы безумно утверждать, что такое сердце, какъ сердце Авраама, отца вѣрующихъ, было управляемо тѣмъ рабскимъ страхомъ, который учитъ повиноваться безъ любви, учитъ исполнять законъ, не уважая законодателя. Святые мужи ветхаго завѣта имѣли страхъ предъ Богомъ, но тотъ страхъ, которымъ *трепещутъ херувимы и серафимы* (пѣс. кан.), который необходимъ и для чадъ новаго завѣта. Какъ въ природѣ двѣ силы, сжимающая и разширяющая, равномѣрно обнаруживаютъ дѣйствіе и совмѣстно опредѣляютъ виды вещей; такъ сердце, ходящее предъ Богомъ, должно сжиматься страхомъ и разширяться любовію, ощущать свое ничтожество и устремляться къ источнику всякаго совершенства; ибо сказано: *возлюбиши Господа Бога твоего* (Мар. 12, 30) *и блажени вси боящіися Господа* (Пс. 127, 1).

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

151) Всѣ святые проводили дни свои на землѣ въ плачѣ и постѣ, и всякомъ злостраданіи. Если же святые плакали и постились, и всякимъ злостраданіемъ изможда̀ли плоть свою, то мы бѣдные чего хотимъ?

152) Все утѣшеніе монаху въ безмолвіи и плачѣ. Имѣющій предъ собою мертвеца, т. е., душу свою, умерщвленную грѣхами, не имѣетъ нужды въ учителѣ всегдашнему плачу. Но монахъ не можетъ иначе поддерживать плача о грѣхахъ своихъ, какъ пребывая въ глубокомъ безмолвіи. — И блаженъ, добрая сестра моя, плачущій и безмолвствующій всѣ дни краткой жизни своей. Никто впрочемъ не можетъ ощутить помощи отъ безмолвія и слезъ, если не предастъ всего себя пощенію, молчанію, молитвѣ, бдѣнію и всякому злострадаанію Господа ради. Бди же, и молись, и славь Господа, говоря: слава Тебѣ, слава Тебѣ, Христе мой, что хочешь всѣмъ спастися. — Спаси и мене смиренную монахиню, даруй и мнѣ силу добрѣ подвизаться противъ врага нашего и страстей!

153) Притечемъ съ радостію и страхомъ къ сладчайшему Іисусу Христу, Богу нашему, и доброму подвигоположнику, не боясь демоновъ, враговъ нашихъ. Ибо они, трекляты̀е, смотрятъ въ лице души нашей, и, если замѣтятъ, что мы боимся, сильнѣе вооружаются противъ насъ. Но вооружимся противъ нихъ вседушно, и они, замѣтивъ, что мы готовы на всякую съ ними брань, убоятся сами и убѣгутъ, гонимые Христомъ.

154) Усердно посвящай Христу труды въ юности своей, добрая сестра моя, и Онъ великіе подастъ тебѣ дары въ старости, по богатству божественныя славы своея. Собранное въ юности въ старости питаетъ и утѣшаетъ много потрудившихся. Итакъ потрудимся, пока есть время, потечемъ спѣшнѣе, поболѣзнуемъ сердечнѣе. Ибо смерть безвѣстна, и повсюду кругомъ насъ враги, истинно злые и лукавые, мощные и не спящіе, т. е., демоны.

155) Кто вѣрный и мудрый монахъ? — Тотъ, кто сохранилъ неугасимую теплоту, которую имѣлъ въ началѣ, и до конца жизни своей старался прилагать огнь къ огню, рев-

ность къ ревности, стремленіе къ стремленію, и усердіе къ усердію, кто всегда внималъ себѣ, и не переставалъ съ терпѣніемъ нести претрудное бремя свое.

156) Говорю тебѣ, добрая госпожа моя, что истинно возлюбившій Бога, истинно возжелавшій будущаго царствія, истинно уязвленный скорбію о грѣхахъ своихъ, истинно воспріявшій страхъ исхода своего, не можетъ болѣе любить міра, ни пещись о суетной жизни сей, ни о стяжаніяхъ и славѣ, ни о друзьяхъ и родныхъ, ни о братьяхъ и сестрахъ, и вообще ни о чемъ земномъ; но, погасивъ всякое самолюбіе, страсти, всякую заботу, возненавидѣвъ міръ и самую плоть свою, обнаженный отъ всего, нелѣностно послѣдуетъ Христу, къ Нему единому взирая, и отъ Него пріемля божественную помощь.

157) Кто возненавидѣлъ міръ, тотъ избѣгъ печали, а кто любитъ видимое, тому не избѣжать печали: ибо какъ ему не печалиться, когда случится лишиться любимыхъ вещей?

158) Прискорбный путь покажутъ тебѣ, добрая госпожа моя, утѣсненіе чрева, всенощное стояніе, скудость воды, безмолвіе и отсѣченіе своей воли. И знай, добрая сестра моя, что никто не войдетъ увѣнчаннымъ въ небесный чертогъ, если не отречется своей воли отъ всего сердца и со всѣмъ усердіемъ.

159) Вѣрующій снамъ подобенъ тому, кто гонится за своею тѣнію, и хочетъ схватить ее.

160) Когда начнемъ вѣрить демонамъ въ снахъ, то они поругаются надъ нами и во время бодрствованія. Вѣрующій снамъ совершенно неискусенъ, а невѣрующій имъ есть мудрецъ.

161) Душа, помнящая объ исповѣди, удерживается ею, какъ уздою, и не можетъ пасть въ грѣхъ: ибо грѣхъ любитъ тму неисповѣданія.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 21-го Іюня 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 17.

НЕДѢЛЯ 9 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

13 Іюля 1858 г.

Гласъ 8-й.

На утрени: евангеліе воскресное 9-е, Іоан. зач. 65. На Литургіи: апост. 1 Кор. зач. 128, еванг. Матѳ. зач. 72.

ИЗЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА КАССІАНА СЪ СКИТСКИМИ СТАРЦАМИ:

АВВЫ ѲЕОНЫ, ИЗЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ АПОСТОЛА: *не еже хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.* Рим. 7, 19.

Гл. 12. Итакъ, весь вообще родъ человѣческій, безъ всякаго исключенія, подлежитъ сему закону. Никто, хотя бы и святый, не получаетъ вышепомянутаго хлѣба безъ пота лица своего и напряженнаго вниманія сердца. Обыкновенный хлѣбъ многіе богатые, какъ видимъ, вкушаютъ безъ пота лица своего. Тотъ же законъ Апостолъ называетъ еще духовнымъ, говоря: *вѣмы, яко законъ духовенъ есть, азъ же плотянъ есмь проданъ подъ грѣхъ* (Римл. 7, 14). Ибо законъ, повелѣвающій намъ въ потѣ лица вкушать оный истинный хлѣбъ, *сходяй съ небесе*, духовенъ, но насъ сдѣлала плотскимъ оная продажа грѣху. Какой это и чей грѣхъ? Безъ сомнѣнія грѣхъ Адама, преслушаніемъ котораго, такъ сказать, преступнымъ торгомъ и ложнымъ соглашеніемъ мы проданы. Соблазненный убѣжденіемъ змія, онъ все потомство свое, проданное за вкушеніе запрещенной пищи, подчинилъ игу вѣчнаго рабства. Ибо между продающимъ и покупающимъ всегда соблюдается такой обычай, что тотъ, кто хочетъ продать себя въ чужую власть, получаетъ отъ своего покупщика какую нибудь цѣну за потерю своей свободы и подчиненіе всегдашнему рабству. Это яснѣйшимъ образомъ видно и между Адамомъ и зміемъ. Ибо Адамъ, получая отъ змія въ возмездіе за свою свободу вкушеніе запрещеннаго плода, отказался отъ природной свободы и лучше захотѣлъ предать себя въ вѣчное рабство тому, отъ кого получилъ въ смертоносную плату, запрещенный плодъ; а потомъ, связанный симъ условіемъ, по спра-

ведливости подчинилъ и все свое потомство рабству того, чьимъ рабомъ сдѣлался самъ: ибо отъ рабскаго союза что иное можетъ произойти, какъ не рабы? Чтоже? Не ужели оный коварный и хитрый покупщикъ похитилъ у истиннаго и законнаго Владыки право господства? Нѣтъ. Коварствомъ одного обмана онъ не до того проникъ все достояніе Божіе, чтобы истинный Владыка (который и самого покупателя, хотя бѣглеца и возмутителя, держитъ подъ игомъ рабства) потерялъ всю силу своей власти; но поелику Творецъ даровалъ своимъ разумнымъ тварямъ свободу произвола, то и не долженъ былъ насильно возвращать къ природной свободѣ тѣхъ, которые продали себя противузаконно чрезмѣрностію похоти вкушенія. Творцу правды и кротости несвойственно все противное благости и правосудію. Не было бы благости, если бы Онъ отнялъ благодѣяніе дарованной свободы; не было бы правды, если бы Онъ, стѣсняя своею властію свободнаго человѣка и порабощая его, не дозволилъ возвратить преимущество дарованной свободы тому, чье спасеніе отложилъ тогда же на будущіе вѣка, чтобы въ правильномъ порядкѣ совершилось исполненіе опредѣленнаго времени. Потомство Адамово должно было существовать подъ заключеннымъ условіемъ до тѣхъ поръ, пока благодать перваго Владыки, освободивши его отъ древнихъ узъ, не пересозластъ въ прежнее состояніе свободы цѣною собственной крови. Побуждаемый благостію, Онъ могъ и тогда еще спасти его, но не восхотѣлъ, ибо правда не допускала Его нарушить святость своего опредѣленія. Хочешь ли знать причину твоей продажи? Послушай самаго Искупителя твоего, ясно взывающаго чрезъ пророка Исаію: *кая книга отпущенія матере вашея, еюже отпустихъ ю? или коему заимодавцу продахъ вы? Се грѣхами вашими продастеся и беззаконій ради вашихъ отпустихъ матерь вашу* (Ис. 51, 2). Хочешь ли еще очевидно узнать, почему Онъ не восхотѣлъ силою своего всемогущества искупить тебя, подверженнаго игу рабства? Послушай, что Онъ прибавляетъ къ предъидущему, обличая предъ тѣми же рабами грѣха причину добровольной продажи: *еда не можетъ рука моя избавити, или не могу Азъ изяти?* (Ис. 50, 2). Но тотъ же пророкъ указываетъ, что всегда противилось сему всемогущему милосердію Его: *еда не можетъ рука Господня спасти? или отягчилъ есть слухъ свой, еже не услышати? Но грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ, и грѣхъ ради вашихъ отврати лице свое отъ васъ, еже не помиловати* (Ис. 59, 1. 2).

Гл. 13. Поелику оное первое проклятіе Божіе содѣлало насъ плотскими и осудило на терніи и волчцы, и отецъ нашъ по нечестивому договору такъ продалъ насъ, что мы уже не можемъ дѣлать добра, какое бы хотѣли, когда, отторгаемые отъ памятованія о Всевышнемъ Богѣ, принуждаемся помышлять о томъ, что свойственно слабости человѣческой, когда, пылая любовію къ чистотѣ, очень часто, даже невольно, возмущаемся естественными возбужденіями, какихъ совершенно не хотѣли бы и знать: то *вѣмы, яко не живетъ во плоти* нашей *доброе*, т. е. постоянное и невозмутимое спокойствіе чистоты и того созерцанія, о которомъ мы говорили. Въ насъ совершился пагубнѣйшій и плачевный разрывъ, по которому мы, когда бы и хотѣли умомъ служить закону Божію, никогда не желая оторвать взора отъ свѣтлости божественной, однакоже, окруженные плотскимъ мракомъ, нѣкіимъ закономъ грѣха принуждены отвращаться отъ того, что признаемъ благомъ, къ попеченіямъ и помысламъ

земнымъ, ниспадая съ оной высоты ума къ тому, на что по справедливости осудилъ насъ законъ грѣха, т. е. оный Божій приговоръ, навлеченный первымъ грѣшникомъ. Посему-то блаженный Апостолъ, чистосердечно исповѣдуясь, что онъ и всѣ святые угнетаются неизбѣжною необходимостію сего грѣха, дерзновенно однакоже возвѣщаетъ, что никто изъ нихъ не долженъ быть осуждаемъ за сіе: *ни едино убо нынѣ осужденіе*, говоритъ онъ, *сущимъ о Христѣ Іисусѣ. Законъ бо духа жизни о Христѣ Іисусѣ, свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Римл. 8, 1. 2), — т. е. благодать Христова разрѣшаетъ всѣхъ святыхъ своихъ отъ сего закона грѣха и смерти (которому непрестанно, даже противъ воли, должны они подчиняться), когда они молятъ Господа объ отпущеніи долговъ своихъ. Итакъ видите, что блаженный Апостолъ не отъ лица грѣшниковъ, но отъ лица истинно святыхъ и совершенныхъ, сказалъ: *не еже бо хощу доброе, сіе творю; но еже не хощу, злое, сіе содѣваю. И — вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ, противующъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Римл. 7, 19. 23).

(Продолженіе будетъ).

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ДЕВЯТУЮ ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ (*).

Дерзайте: Азъ есмь: не бойтеся.

Матѳ. 14, 27.

По насыщеніи пяти тысячь народа пятью хлѣбами, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, зная, что облагодѣтельствованный Имъ народъ, въ чувствѣ восторженной благодарности, хочетъ насильно провозгласить Его Царемъ, и желая провесть ночь въ молитвенномъ собесѣдованіи со Отцемъ небеснымъ, удалился на гору, а учениковъ своихъ заставилъ еще съ вечера переправиться въ суднѣ на другую сторону озера, именовавшагося, по своей величинѣ, моремъ. Когда апостолы были уже посреди этого озера, Господь, для наученія ихъ мужественно переносить какъ общественныя, такъ и частныя злоключенія, въ полномъ упованіи на Бога, допустилъ востать на морѣ столь свирѣпой бурѣ, что апостолы были бы поглощены волнами, если бы Спаситель, пришедши къ нимъ по водамъ, не утишилъ бури своимъ присутствіемъ. Но для спасенія апостоловъ отъ потопленія Господь ожидалъ, пока они отплывутъ на средину озера, гдѣ вовсе не могли надѣяться на помощь человѣческую; пока не восталъ бурный вѣтеръ, отъ коего судно ихъ вмѣстѣ съ ними всякую минуту могло быть поглощено волнами; пока наконецъ съ наступленіемъ четвертой стражи ночи, (по нашему счисленію времени четвертаго, или пятаго часа по полуночи), не убѣдились апостолы, что одно чудо могло спасти, и спасло ихъ всемогуществомъ Спасителя. Наученные такими опытами, апостолы въ послѣдствіи не только сами благодушно переносили всякія злоключенія, радуясь, что ихъ преслѣдуютъ за имя Христово (Дѣян. 5, 41), но и всѣхъ научали, что Богу угодно и пріятно, когда кто переноситъ гоненія и скорби несправедливо (1 Петр. 2, 19). Такъ, слѣдуя евангельскому ученію, христіанинъ великодушно можетъ переносить напасти, преслѣдованія и бѣдствія, страдая съ полною преданностію всеблагой волѣ Божіей и съ полною надеждою, что за претерпѣніе страданій и бѣдствій Богъ наградитъ страдавшаго или въ настоя-

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

щей жизни, или въ царствѣ небеснаго блаженства.

Злоключенія, напасти, гоненія и всякаго рода бѣдствія ниспосылаются на насъ Богомъ почти всегда въ наказаніе за оскорбленіе благости Божіей преступленіемъ Его законовъ, для побужденія насъ къ покаянію и очищенію отъ грѣховъ. Съ сею цѣлію какъ частные люди, такъ и цѣлые народы подвергаются бѣдствіямъ. Не изъемлются отъ нихъ и праведники, а даже, по видимому, чаще переносятъ гоненія и злоключенія, чѣмъ нечестивые, съ одной стороны потому, что и праведники въ настоящей жизни несовершенно свободны отъ грѣховъ, съ другой стороны для того, чтобы проявилось въ мірѣ ихъ терпѣніе, вѣра и упованіе на Бога. Ибо какъ для обновленія въ деревьяхъ растительной силы необходимо, чтобы они зимою были какъ бы сжимаемы морозами и поражаемы ненастьемъ, бурями, невзгодами; такъ, по неудержимой наклонности нашей ко грѣхамъ, для обращенія къ Богу цѣлыхъ народовъ и каждаго человѣка въ частности необходимы злоключенія и бѣдствія. Богъ посылаетъ на цѣлыя области моровыя язвы, наводненія, пожары, глады, кровопролитныя брани, чтобы побудить людей къ покаянію: какъ садовникъ осыпаетъ гноемъ плодовитыя деревья, обрѣзываетъ на нихъ сухія вѣтви, чтобы возбудить въ нихъ плодотворную силу. Главная цѣль злоключеній расположить насъ убѣдиться въ суетности благъ и наслажденій земныхъ, за которыми мы съ такимъ ослѣпленіемъ и жаждою гоняемся, и заставить насъ помышлять о вѣчной нашей участи. И дѣйствительно, бѣдствія отвлекаютъ насъ отъ путей, низводящихъ во адъ, удерживаютъ отъ грѣхопаденій, содѣйствуютъ намъ въ очищеніи отъ грѣховныхъ мерзостей и пролагаютъ вѣрный путь къ царству небесному. Объяснимъ это опять сравненіемъ: жизненныя силы деревъ весною какъ бы истощаются на листья и цвѣтеніе, которыя, украсивъ деревья на время, потомъ опавъ на землю, истлѣваютъ; а зимою каждое дерево жизненныя силы свои привлекаетъ внутрь себя, сосредоточивая ихъ въ сердцевинѣ своей, и посему бываетъ тогда крѣпче, такъ что срубленное въ зимнее время оказывается прочнѣе для строенія. Подобно сему во время благоденствія мысли и желанія наши, разсѣваясь по суетнымъ предметамъ міра сего, увлекаютъ насъ въ вихрь круженія мірскаго и грѣховныхъ удовольствій; а когда постигаютъ насъ бѣдствія, злоключенія, тогда мысли наши, сосредоточиваясь въ чувствѣ горести нашей, заставляютъ насъ сознавать свою немощь, безсиліе, грѣховность, побуждаютъ прибѣгать къ Богу, умолять милосердіе Его о помилованіи насъ, помышлять о вѣчной нашей участи, возводить умъ и сердце наше къ вѣчному отечеству. Вотъ почему царь Давидъ, зная, какую пользу приносятъ злоключенія, не о томъ молился, чтобы Богъ вовсе не посылалъ на него бѣдствій, а только о томъ, чтобы не посылалъ ихъ въ *ярости* своей. Господи, взывалъ онъ, *да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене.* (Псал. 6, 2). Между тѣмъ тотъ же Царь Пророкъ исповѣдывалъ предъ Богомъ: *блаженъ человѣкъ, его же накажеши Господи, отъ закона твоего научиши его.* (Псал. 93, 12). Такъ, чѣмъ болѣе сокрушаютъ насъ скорби, тѣмъ больше приносятъ онѣ намъ пользы, если мы, сокрушаясь о нашей грѣховности, побуждаемся къ принесенію плодовъ покаянія, а тѣ добродѣтели глубоко пускаютъ корни въ нашемъ сердцѣ, которымъ научаютъ насъ бѣдствія!

Развѣ нельзя, спроситъ кто либо, къ освобожденію отъ злоключеній придумать, кро-

мѣ покаянія, другихъ какихъ либо способовъ? Употреблять для этой цѣли законныя мѣры не воспрещается. Но многіе опыты доказываютъ, что чѣмъ больше кто усиливается освободиться отъ бѣдствій одними человѣческими средствами: тѣмъ болѣе запутывается въ нихъ, до того, что бѣдствія становятся невыносимыми и человѣкъ доходитъ до отчаянія. Самое вѣрное средство, если не къ совершенному освобожденію отъ постигающихъ насъ бѣдствій, то къ облегченію ихъ бремени и мужественному ихъ перенесенію, съ покаяннымъ сокрушеніемъ сердца возлагать всю надежду свою на Бога, который почти всегда избавляетъ насъ отъ злоключеній, когда они лишаютъ насъ всякой надежды на помощь человѣческую, или на придумываемые нами способы къ освобожденію отъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ апостолъ Петръ постигающія насъ бѣдствія именуетъ рукою Божіею и совѣтуетъ: *смиритеся подъ крѣпкую руку Божію* (1. Петр. 5, 6.), какъ бы говоря: хочете, не хочете смириться и съ покорною преданностію волѣ Божіей переносить страданія, а рука Божія смиритъ васъ! Кто же, кромѣ Его, отклонитъ ее? И такъ лучше сами смиритесь, покоритесь ей, ожидая съ терпѣніемъ и упованіемъ на милость Божію избавленія отъ бѣдствій. А возложивъ все упованіе свое на Бога, безразсудно уже упадать духомъ; напротивъ того всего естественнѣе утѣшаться надеждою, что какъ послѣ зимы настаетъ весна, какъ мрачныя тучи не навсегда закрываютъ свѣтъ солнечный: такъ и постигшее насъ бѣдствіе рано, или поздно пройдетъ, подобно облакамъ, уносимымъ вѣтромъ. Если же хочешь совершенно утвердиться въ утѣшительной надеждѣ на милость Божію; то не относи постигшаго тебя бѣдствія къ естественнымъ причинамъ, на примѣръ: моровой язвы къ испорченности воздуха, или лишенія твоего имущества отъ пожара къ враждующимъ противъ тебя; хотя бы ты дѣйствительно страдалъ отъ злыхъ людей: но въ сокрушеніи сердца исповѣдуй, что Богъ по грѣхамъ твоимъ караетъ тебя: потому что какъ причиною ранъ, получаемыхъ воинами на брани, не мечи, пули и ядра, а враги отечества: такъ и наши злоключенія происходятъ собственно по устроенію Промысла Божія; а естественныя причины суть только орудія въ рукахъ Божіихъ, употребляемыя Богомъ для наказанія насъ по дѣламъ нашимъ, или для испытанія нашего терпѣнія и вѣры въ Него!

Такимъ образомъ, хотя бѣдствія, по чувству причиняемой ими печали, горьки, но они услаждаются, когда переносятся съ вѣрою, что ниспосланы отъ Бога для нашей душевной пользы: какъ горькія, непріятныя лѣкарства кажутся больному довольно сносными, когда ихъ подносятъ ему любимыя имъ лица. Кромѣ сего, испытывая гоненія, скорби, страданія, отрадно вѣровать, что Господь близъ насъ, что Онъ, вездѣсущій и всевѣдущій, взираетъ на подвиги нашего терпѣнія. А въ этой истинѣ удостовѣряетъ насъ Царь Пророкъ, свидѣтельствуя, что *близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ*. (Псал. 33, 19). И дѣйствительно близокъ Онъ, какъ искренній утѣшитель при скорбящемъ, какъ усердный врачъ при больномъ, какъ нѣжная мать, безпрестанно занятая своимъ груднымъ ребенкомъ. Такою увѣренностію временныя страданія научаютъ терпѣнію, которое, по ученію апостола Павла, раждаясь отъ скорби, производитъ искусство, а искуство упованіе на Бога, которое никогда не постыждаетъ (Рим. 5, 5). Имѣя это въ виду апостолъ Іаковъ завѣщалъ христіанамъ: *всяку радость имѣйте, братіе моя, егда во искушенія впадаете различна: вѣдяще, яко искушеніе вашея вѣры содѣлываетъ терпѣніе; терпѣніе же дѣло совершенно да*

имать: яко да будете совершени и всецѣли, ни въ чимъ же лишени (Іак. 1, 2-4.)!

Претерпѣваемыя съ покаяніемъ и упованіемъ на Бога злоключенія, напасти, бѣдствія, большею частію проходятъ, не только не причиняя претерпѣвшимъ ихъ существеннаго вреда, но даже часто увѣнчаваютъ перенесшихъ бѣдствія такимъ благодѣяніемъ, какимъ они въ прежнемъ состояніи своемъ не наслаждались. Истину сего доказываютъ многіе примѣры не только частныхъ людей, но и цѣлыхъ народовъ. Такъ когда патріархъ Авраамъ скорбѣлъ по причинѣ неплодства жены своей; то Богъ, обѣщая ему многочисленное потомство, коему имѣлъ даровать въ наслѣдіе землю отъ Нила до Евфрата, вмѣстѣ съ тѣмъ предрекаетъ, что это потомство предварительно подвергнется самому тяжкому порабощенію. *Вѣдый увѣси, яко преселено будетъ сѣмя твое въ земли не своей: и поработятъ я, и озлобятъ, и смирятъ я лѣтъ четыреста.* (Быт. 15, 13). По сему пророчеству потомство Авраама во время голода переселяется въ Египетъ, постепенно порабощается Египтянами, наконецъ угнетеніе его до той степени было усилено, что казалось потомство Авраама будетъ совершенно истреблено. Но оно, хотя, по видимому, будто пламенемъ было пожигаемо страданіями, пребыло невредимо, подобно видѣнной Моисеемъ купинѣ, которая горѣла и не сгарала; наконецъ возросло въ народъ, наслѣдовало обѣтованную Богомъ землю, устроилось, образовало изъ себя царство, пріобрѣтшее всемірную славу во времена царей Давида и Соломона. Вотъ подобный частный примѣръ. Іосифъ, любимый сынъ патріарха Іакова, проданный братіями, по перенесеніи и рабства и безвиннаго заключенія въ темницѣ, до того былъ возвеличенъ промысломъ Божіимъ, что во время семилѣтняго голода пропиталъ цѣлое царство и всѣхъ братій своихъ съ ихъ семействами; вмѣсто узъ, коими обремененъ былъ какъ преступникъ, украшенъ отъ царя наперсною цѣпью и перстнемъ; вмѣсто рубищъ почтенъ царскою багряницею; вмѣсто удушливаго, темничнаго воздуха, разъѣзжалъ онъ по Египту въ царскихъ колесницахъ; за временную ненависть братьевъ пріобрѣлъ уваженіе и любовь цѣлаго египетскаго народа; за скитаніе внѣ отеческаго жилища возвышенъ и приближенъ до царскаго престола; за труды, понесенные имъ въ уничиженіи, пріобрѣлъ славу спасителя Египта; словомъ: за всѣ претерпѣнныя скорби Іосифъ стократно награжденъ и прославленъ былъ еще въ настоящей жизни!

Такіе примѣры ручаются, что если благочестивые люди подвергаются столь тяжкимъ, продолжительнымъ страданіямъ, что не только не видятъ исхода имъ, а даже умираютъ въ страданіяхъ: то потому, что праведный Богъ уготовалъ имъ неизреченную награду въ обителяхъ небесныхъ. Сею истиною первенствующіе христіане до того были одушевлены, что страданія были для нихъ вожделѣннѣе всякаго временнаго благоденствія; а на муки и гоненія за имя Христово взирали какъ на высочайшую почесть. Въ семъ смыслѣ апостолъ Павелъ писалъ къ Филиппійскимъ христіанамъ: *вамъ даровася о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (Филип. 1, 29). Почему Апостолъ страданія за имя Христово называлъ особеннымъ даромъ Божіимъ? Потому, что по данному ему свыше откровенію, страданія, претерпѣваемыя въ настоящей жизни съ такою высокою цѣлію, ничего не значатъ въ сравненіи съ тою славою, которая уготована въ вѣчности (Римл. 8, 18) возлюбившимъ Іисуса Христа всѣмъ сердцемъ, всею крѣпостію силъ своихъ и всѣмъ помышленіемъ!

Да не унываемъ же, братіе, когда постигаютъ насъ скорби, лишенія, бѣдствія; но въ

упованіи на милость Божію, перенося ихъ благодушно, да обращаемся къ Богу съ покаяніемъ о грѣхахъ нашихъ, которые привлекаютъ на насъ кару небесную; да возносимъ пламенныя молитвы и воздыханія къ Спасителю, чтобы временныя бѣдствія вмѣнилъ намъ вмѣсто мученія въ гееннѣ огненной, очистилъ имъ душу нашу отъ всякаго грѣховнаго осквернения и не лишилъ насъ царства небеснаго. Аминь.

СЕМЕЙНЫЯ РАЗДѢЛЕНІЯ РАДИ ВѢРЫ И БЛАГОЧЕСТІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

И врази человѣку домашніи его (Матѳ. 10, 36).

Это изреченіе сказано Господомъ въ связи съ слѣдующимъ ученіемъ и наставленіемъ Его апостоламъ: *не мните, яко пріидохъ воврещи миръ на землю: не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ. Пріидохъ бо разлучити человѣка на отца своего и дщерь на матерь свою и невѣсту на свекровь свою. И врази человѣку домашніи его. Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 34—37). Что это за ученіе въ устахъ Сына Божія, снисшедшаго примирить небо съ землею, Бога съ человѣками, людей между собою? Какимъ образомъ Тотъ, который всѣмъ своимъ послѣдователямъ заповѣдуетъ любить другъ друга (Іоан. 13, 34. 35) и даже любить враговъ своихъ (Лук. 6, 35),— какимъ образомъ Онъ самъ могъ и долженъ былъ внесть брань и мечь въ міръ, несогласіе и вражду въ семейства, начала расторженія въ самыя кровныя узы между отцемъ и сыномъ, между матерью и дочерью и т. п. Какъ соглашается это ученіе Господа съ Его же заповѣдями о священной любви и высокомъ уваженіи дѣтей къ родителямъ, съ Его угрозами и проклятіями на дѣтей буйныхъ и непокорныхъ, нарушающихъ законы почтенія и уваженія къ отцу и матери? И гдѣ же тотъ миръ, и какой тотъ миръ, который завѣщалъ Онъ возлюбленнымъ ученикамъ своимъ: *миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ* (Іоан. 14, 27)?

Понятно было и тогда, но со всею ясностію открылось въ послѣдствіи, какая брань ожидала въ мірѣ будущихъ апостоловъ Христовыхъ, какіе мечи поднимались на истребленіе всѣхъ послѣдователей апостольской проповѣди, какая вражда вносилась вмѣстѣ съ евангеліемъ Христовымъ въ родныя общества и семейства, сколько расторгалось кровныхъ узъ между отцемъ и сыномъ, дочерью и матерью, братомъ и сестрою! Сущность ученія евангельскаго, начала жизни христіанской противорѣчили ложнымъ понятіямъ, предразсудкамъ и развращенной жизни Іудеевъ и совершенно были противоположны системѣ вѣроученія язычниковъ и безнравственнымъ ихъ началамъ, утвержденнымъ вѣками и освященнымъ религіею въ правило ихъ поведенія. Брань и борьба двухъ противоположныхъ началъ жизни, двухъ противоположныхъ вѣрованій были неизбѣжны. И какая жестокая была брань, какая сильная борьба! Послѣ всемірной тишины, водворенной на землѣ Августомъ, со времени открытія апостольской проповѣди въ мірѣ, четыре вѣка сряду непрерывно дѣйствовали на землѣ мечъ и огнь, искуство и сила, лесть и угроза, всѣ орудія мученій и казней, всѣ силы ума и власти государственной,—дѣй-

ствовали для того, чтобы положить преграду распространенію евангельской проповѣди, чтобы истребить послѣдователей Христовыхъ. И какихъ частныхъ браней, какихъ семейныхъ несогласій не повторилось во время этой обширной и жестокой борьбы христіанства съ іудействомъ и язычествомъ? Отецъ или сынъ, мать или дочь, братъ или сестра изъ іудеевъ или язычниковъ, убѣдившись въ истинѣ христіанскаго ученія, объявляютъ себя послѣдователями Іисуса Христа: прочіе члены семейства остаются въ старомъ заблужденіи своемъ, и становятся врагами *человѣку*—христіанину *домашніи его*. Сбывалось въ точномъ смыслѣ пророчество Господа: *предастъ братъ брата на смерть и отецъ чадо: и востанутъ чада на родителей и убіютъ ихъ* (Матѳ. 10, 21). Сынъ предавалъ въ судъ отца своего за исповѣданіе имени Христова; мать выдавала дочь свою на мученіе; отецъ становился мучителемъ и убійцею собственной дочери. И въ этой брани, когда отецъ, или мать или сынъ гонитель единокровнаго члена семейства своего за исповѣданіе христіанства нарушалъ и попиралъ всѣ права и законы человѣческихъ отношеній. въ то же время гонимый отецъ, гонимая мать, гонимый сынъ, могли непарушимо сохранять естественныя отношенія родства, питая въ душѣ законное и чистое уваженіе сыновнее или любовь родительскую. Гонимый на прим. отцемъ сынъ могъ во всемъ подчиняться отцу своему, все принесть для него въ жертву, кромѣ совѣсти, убѣжденій, кромѣ вѣры Христовой и Бога. Жертвовать этимъ сокровищемъ души и жизни для отца не предписывали сыну и здравый смыслъ человѣческій, тѣмъ болѣе законъ божественный: *иже любитъ отца или матерь паче Мене*, говоритъ Спаситель, *нѣсть Мене достоинъ*. Этими словами Господь прямо и напередъ разрѣшаетъ недоумѣніе тѣхъ, которые стали бы колебаться въ выборѣ, чему отдать предпочтеніе, истинѣ ли и вѣрѣ Христовой, или чувству отеческой любви, когда однимъ нужно пожертвовать для другаго. Вотъ истина въ одномъ изъ безчисленныхъ примѣровъ въ исторіи христіанства. Кому неизвѣстна исторія страданій великомученицы Варвары въ мученіяхъ отъ отца своего? Въ отсутствіе отца—язычника она узнала отъ христіанъ объ истинномъ Богѣ и истинномъ богопочитаніи, и крестилась. Возвратившійся отецъ узнаетъ въ любимой дочери христіанку. Изумленный неожиданнымъ явленіемъ, онъ и совѣтами и убѣжденіями и требованіями во имя дѣтской покорности и любви къ отцу склонялъ дочь свою оставить новую вѣру и держаться прежней. Отроковица—христіанка знала уже, что истиннымъ богопочитаніемъ и спасеніемъ души нельзя жертвовать никому и ничему, что любовь къ Богу должна быть выше любви къ отцу и къ матери: она объявила, что желаетъ быть неизмѣнно христіанкою. Раздраженный отецъ бросается съ мечемъ на пораженіе дочери своей; она бѣжитъ, онъ преслѣдуетъ и мучитъ ее съ лютостію кровожаднаго звѣря. Утомленный безплодною своею жестокостію, онъ предаетъ дочь судіи. Исповѣдница Христова была непреклонна и послѣ страшныхъ ея терзаній. Судія приговариваетъ ее къ смерти, и—ни рука, ни сердце отца не содрогнулись, когда онъ самъ заносилъ мечъ на отсѣченіе головы любимой и единственной дочери своей.

Съ измѣненіемъ положенія христіанства въ отношеніи къ язычеству измѣнился и видъ семейныхъ браней ради вѣры Христовой. Съ торжествомъ христіанства надъ язычествомъ дѣйствующими лицами въ семейныхъ распряхъ могли быть и христіане, а не враги христіанства. Во времена вѣроотступника Юліана, въ числѣ другихъ подражателей

ему былъ одинъ юноша, сынъ именитаго гражданина. Отецъ, вѣрный и твердый христіанинъ, пожертвовалъ любовію къ сыну своему любви къ Господу и вѣрѣ Его: онъ отвергъ отъ себя сына—вѣроотступника, лишилъ его собственнаго имени и чести, публично отрекся отъ него и выгналъ изъ дому. Вѣроотступникъ царь заступился предъ отцемъ за богоотступника сына, но вѣрный Христу отецъ не возвратилъ любви и правъ своихъ невѣрному сыну (*): для него страшнѣе угрозъ нечестиваго царя былъ приговоръ Господа: *иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.*

Начала такой брани будутъ раздѣлять въ семействѣ отца съ сыномъ, брата съ сестрою, очевидно, до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать въ мірѣ вмѣстѣ съ истинною вѣрою Христовою невѣріе, лжевѣріе и неправовѣріе. Но не прекращается ли дѣйствіе этихъ началъ религіознаго раздѣленія по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ господствуетъ одна правая вѣра Христова, въ тѣхъ семействахъ, гдѣ всѣ чтутъ Господа единымъ богопочитаніемъ? Слишкомъ мало понимаетъ существо Христовой вѣры тотъ, кто сталъ бы отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Развѣ въ мірѣ христіанскомъ всѣ носящіе имя Христово принадлежатъ и служатъ Христу? *Не всякъ глаголяй мя, Господи, Господи, внидетъ въ царствіе Божіе* (Матѳ. 7, 21). *Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю* (Лук, 6, 46)? Развѣ всѣ осѣняющіе себя крестнымъ знаменіемъ съ равною любовію и усердіемъ берутъ и несутъ на себѣ крестъ христіанскаго самоотверженія и подвиговъ спасенія? *Иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ*, говоритъ Господь, *нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 36). Тѣ начала, которыя отдѣляли міръ языческій отъ міра христіанскаго и воздвигали его враждою противъ сего,—эти начала живутъ и дѣйствуютъ и въ мірѣ христіанскомъ, вмѣстѣ съ началами благодатнаго возрожденія, обновленія и спасенія человѣка; это—тѣ же начала лжи, заблужденій, пороковъ, страстей: имъ и теперь воздаются жертвы и поклоненіе, только теперь не воздвигаютъ имъ вещественныхъ кумировъ и не величаютъ ихъ божествами. Представители и служители двухъ противоположныхъ и враждебныхъ между собою началъ—*начала христіанскаго и языческаго*, начала Церкви и міра, начала самоотверженія и самолюбія, начала добродѣтели и порока, правды и несправедливости, истины и лжи—никогда не могутъ установить между собою внутренняго, искренняго и роднаго сочувствія, не смотря ни на какія кровныя узы родства и братства; между ними всегда возможны распря и брань, какими бы они ни казались иногда союзниками и друзьями: *любовь къ міру*, по существу своему, *есть уже вражда на Бога*, какъ учитъ Апостолъ (Іоан. 2, 15), потому *что аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ.* И потому кто на сторонѣ любителей міра, тотъ не на сторонѣ любителей Бога, а на сторонѣ враговъ ихъ: *никтоже можетъ двѣма господиноима работати: либо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ: или единаго держится, о друзѣмъ же нерадѣти начнетъ* (Матѳ. 6, 24). И вотъ и въ мірѣ христіанскомъ, и въ домахъ единовѣрныхъ послѣдователей Христа—источникъ вражды и брани между отцемъ и сыномъ, между матерью и дочерью, между братомъ и сестрою. Печальные примѣры такой семейной вражды, которыми такъ богаты и времена свободнаго господства въ мірѣ вѣры Христовой, которые такъ часто повторяются

(*) Церк. истор. Ѳеодорит. кн. 3, гл. 22.

и въ обществахъ единовѣрныхъ сограждан и братьевъ, такъ ясно говорятъ въ подтвержденіе этой истины, что сомнѣніе въ ней мы въ правѣ отнести къ одному невѣжеству. Не виды только корыстолюбія и самолюбія, не жестокосердіе только и буйное своеволіе вооружаютъ въ обществахъ христіанскихъ брата на брата, сына на отца, отца на сына, и составляютъ несчастную исторію семейныхъ браней; не это только, но и различіе въ убѣжденіяхъ о предметахъ вѣры и богопочитанія, различіе въ любви къ истинѣ и правотѣ, въ подвигахъ добродѣтели и спасенія не рѣдко служитъ источникомъ семейныхъ несогласій и браней. Отъ временъ Каина, перваго братоубійцы, до настоящихъ временъ, когда распутный братъ не стыдится обносить хулою и клеветою брата своего — обличителя его распутства и поборника честности и справедливости, и до послѣднихъ временъ міра, когда еще во всей точности сбудется слово Господа: *предастъ братъ брата на смерть* за дѣла правды и благочестія; отъ временъ Хама и Ханаана, безстыдно посмѣявшихся надъ слабостію отца своего и въ праведномъ гнѣвѣ его навлекшихъ на себя достойное проклятіе его, до временъ настоящихъ, когда правый и богобоязливый отецъ публично изгоняетъ изъ среды семейства своего и лишаетъ правъ имени своего развратнаго и нечестиваго сына, когда христолюбивые и мудрые дѣти съ болѣзнію сердца своего находятъ нужнымъ нарушить естественныя обязанности покорности и повиновенія въ отношеніи къ отцу своему, зараженному невѣріемъ или неправовѣріемъ, или падшему въ пропасть разврата и злодѣяній, — отъ первыхъ временъ до послѣднихъ не переставали и не престанутъ повторяться въ различныхъ видахъ семейныя брани ради вѣры и истины, ради правды и спасенія. Онѣ на время престаютъ тогда и тамъ, когда и гдѣ цѣлое общество христіанъ дышало бы однимъ единомыслiемъ лукавства (Быт. 11, 4), совершенно оставивши пути правды и спасенія; онѣ совершенно могутъ прекратиться не въ царствѣ вѣры и спасенія, самоотверженія и самоумерщвленія, а въ вѣчномъ царствѣ славы и блаженства. До того времени всегда возможны и возстаніе благочестиваго отца на отвергшагося благочестія сына, и противленіе христолюбивыхъ дѣтей богохульствующему отцу своему, и гоненіе добродѣтельнаго брата братомъ порочнымъ, и преслѣдованіе невинной благочестивой сестры завистливыми и зломышленными братьями. И гдѣ есть такія явленія, гдѣ есть гоненія и страданія за вѣру, за правду, ради любви къ Господу и закону Его, тамъ не смотря на страданіе и скорбь, отрадно видѣть и слышать — тамъ есть жизнь христіанская, тамъ есть вѣрные рабы Христовы, тамъ есть труженики и подвижники ради спасенія. *Горе*, гдѣ все и всѣмъ въ мірѣ христіанскомъ *рекутъ добрая*, не разбирая, кто врагъ, кто рабъ Христовъ, кто во что вѣруетъ и какъ вѣруетъ, кто другъ правды и истины и кто всегда готовъ предать ту и другую менѣе, чѣмъ за тридесять сребренниковъ!

Но и не здѣсь еще предѣлъ несогласій и раздѣленій, которыхъ требуетъ вѣра Христова отъ каждаго истиннаго послѣдователя ея. Есть еще требованія ея, по которымъ и благочестивый отецъ долженъ отдѣлиться отъ благочестиваго сына ради благочестія, по которымъ и христолюбивый сынъ долженъ оставить христолюбиваго отца своего Христа ради. Это не брань и вражда благочестія съ нечестіемъ, правды съ неправдою: это — высшее христіанское самоотверженіе и самопожертвованіе всѣми внѣшними узами, какія привязываютъ человѣка къ обществу родныхъ и братьевъ, всякими наружными выра-

женіями отношеній, какія опредѣляются обыкновенными обязанностями отца къ сыну, сына къ отцу и т. п., это - самоотверженіе и самопожертвованіе ради спасенія себя или другихъ; это — высшій путь служенія, или богоугожденія, по которому идти не обязываются всѣ христіане, но призываются избранные, готовые понести высокіе подвиги самоотверженнаго служенія другимъ, или нравственной борьбы съ самими собою. Въ чемъ же состоитъ этотъ образъ семейнаго раздѣленія ради высшихъ требованій вѣры, ради высшаго служенія Богу? Гдѣ основаніе его? И въ какихъ видахъ можетъ выражаться оно?

И во всякомъ человѣческомъ обществѣ есть служеніе общему благу, обязанности котораго (служенія) требуютъ болѣе или менѣе высокаго и труднаго, а иногда полнаго самоотверженія отъ того, на кого возлагается это служеніе: стражъ и защитникъ общественной безопасности отъ враговъ жертвуетъ собственною жизнію общему благу соотечественниковъ; врачъ подвергаетъ опасности свое здоровье и жизнь, когда идетъ къ постели больнаго, пораженнаго заразительною болѣзнію, чтобы подать ему помощь. Есть такое служеніе и въ благодатномъ обществѣ Христовомъ, въ Церкви Его, и здѣсь то по преимуществу есть оно. Если благо земное, жизнь временная требуютъ для себя служенія самоотверженнаго, то тѣмъ болѣе требуютъ такого служенія блага жизни вѣчной, вѣчное спасеніе человѣка, ради котораго послужилъ съ полнымъ самоотверженіемъ до позорной и мучительной крестной смерти Самъ единородный Сынъ Божій въ естествѣ человѣческомъ. Въ Церкви Христовой такое служеніе, требующее высочайшаго самоотверженія и полнаго самопожертвованія, есть служеніе по преимуществу апостольское и пастырское. Что касается до первыхъ апостоловъ, которыхъ посылалъ Господь въ міръ съ проповѣдію, какъ *овецъ посреди волковъ*, и что касается до первыхъ пастырей, которымъ апостолы поручили пасти стадо Христово среди хищныхъ волковъ; то отъ нихъ, по самому порядку тогдашнихъ дѣлъ, требовалось для подвиговъ служенія полное самоотверженіе, съ отреченіемъ отъ дома и рода; но и на преемниковъ ихъ и въ благопріятныя времена для христіанства, по самому свойству обязанностей ихъ служеній, возлагается тотъ же крестъ полнаго самоотверженія съ отреченіемъ отъ всѣхъ внѣшнихъ связей и обязанностей въ отношеніи къ дому и роду, къ отцу и къ матери, къ братьямъ и родственникамъ, поколику эти связи и обязанности дѣлаются препятствіемъ въ служеніи званію апостольскому и архипастырскому: служеніе евангелію и благодатному спасенію другихъ выше служенія по естественнымъ обязанностямъ сына къ отцу, брата къ брату и т. п. На тебя, напримѣръ, падаетъ жребій избранія на подвиги апостольскаго служенія, и ты покоряешься святому призванію, желая послужить спасенію погибающихъ; но тебя удерживаетъ отъ того отецъ или сынъ и останавливаетъ убѣжденіями во имя твоихъ обязанностей къ отцу или къ сыну; совмѣстить двухъ обязанностей не можешь. Что тебѣ дѣлать тогда? Если ты отринешь великое призваніе или прекратишь труды служенія Христу изъ уваженія твоихъ обязанностей, изъ любви твоей къ отцу, къ сыну, то ты любишь отца или сына паче Господа, и потому ты недостоинъ Его, ты не ученикъ Его. Если же ты покаряешься призванію и неуклонно несешь крестъ своего великаго служенія, ты долженъ оставить отца и матерь, дѣтей и братьевъ. Тоже самое потребно и въ дѣлѣ высшаго пастырскаго служенія Церкви Христовой.

(Продолженіе будетъ).

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

162) Ученикъ то слушающій, то неслушающій своего учителя подобенъ тому, кто вкушаетъ то манну, то смертоносный ядъ. Одинъ, созидающій цѣлый день, а другой разрушающій, какую получаютъ пользу, развѣ труды? — Смотри же, добрая сестра, не впади и ты въ суемудріе — иное творить изъ написаннаго здѣсь, а объ иномъ небречь; ибо я не написалъ ничего, что было бы выше силъ.

163) Гробомъ прежде гроба да будетъ тебѣ сидѣніе въ келліи. Никто не выходитъ изъ гроба прежде общаго воскресенія; не выходи и ты изъ келліи своей.

164) Всегда, особенно во время псалмонѣнія, должно хранить вниманіе и несмущенность; ибо вся цѣль злыхъ демоновъ — разстраивать молитву смущеніемъ.

165) Стѣнанія и скорби сердца вопіютъ ко Господу; слезы, проливаемыя о грѣхахъ, ходатайствуютъ о насъ предъ Нимъ; терпѣніе честнаго безмолвія любитъ Господь.

166) Имѣющій смиреніе со слезами жжетъ демоновъ, и они не могутъ приблизиться къ нему.

167) Занятый смѣхотворствомъ работаетъ демонамъ. Смѣяться совсѣмъ непристойно христіанамъ, особенно же монахамъ, распенъшимся міру. Ибо Господь говоритъ: аще кто хощетъ въ слѣдъ Мене ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ Мнѣ. Какъ же можно распявшимся Господа ради смѣяться? Мы избраны не на разсѣянность и смѣхъ, чтобъ вмѣстѣ съ язычниками наслѣдовать — *увы* и *горе*; но на то, чтобъ въ добромъ безмолвіи съ плачемъ не престанно взывать ко Господу одушахъ своихъ, и чрезъ то наслѣдовать рай сладости.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 26-го Іюня 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 13.

НЕДѢЛЯ 10 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

20 Іюля 1858 г.

Гласъ 1-й.

На утрени: евангеліе воскресное 10-е, Іоан. зач. 66. На Литургіи: апост. 1 Кор. зач. 131, еванг. Матѳ. зач. 72.

ИЗЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА КАССІАНА СЪ СКИТСКИМИ СТАРЦАМИ:

АВВЫ ѲЕОНЫ, ИЗЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ АПОСТОЛА: *не еже хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.* Рим. 7, 19.

Гл. 14. *Германъ*: Мы говоримъ, что сіи слова не могутъ приличествовать ни лицу тѣхъ, которые погружены въ смертные грѣхи, ни лицу Апостола или тѣхъ, которые усовершились въ его мѣру, но думаемъ, что это должно разумѣть о тѣхъ собственно, которые послѣ благодати Божіей и познанія истины, желая воздержаться отъ плотскихъ пороковъ, однакоже застарѣлою привычкою, какъ бы естественнымъ закономъ, насильственно господствующимъ во удѣхъ ихъ, увлекаются къ укоренившейся въ нихъ похоти страстей. Привычка и учащеніе грѣховъ дѣлается какъ бы естественнымъ закономъ, который, внѣдренный въ членахъ немощи человѣческой, по расположенію души, еще не вполнѣ обученной добродѣтелямъ, неискусной и, такъ сказать, слабой въ чистотѣ, насильно увлекаетъ ихъ къ порокамъ и подвергая, по древнему закону, смерти, подчиняетъ игу господствующаго грѣха, не допуская ихъ усвоить себѣ любимое ими благо чистоты, но принуждая исполнять ненавидимое ими зло.

Гл. 15. *Ѳеона.* Мнѣніе ваше нисколько негодится. Вы сами уже начали утверждать, что слова эти не могутъ относиться къ лицу рѣшительныхъ грѣшниковъ, но собственно приличествуютъ тѣмъ, которые стремятся воздержаться отъ плотскихъ пороковъ. Поелику вы отдѣлили уже таковыхъ отъ числа грѣшниковъ, то естественно должны мало по малу причислять ихъ къ обществу вѣрныхъ и святыхъ. Ибо какіе роды грѣховъ, по вашему мнѣнію, могутъ они совершать, осквернившись

которыми послѣ крещенія, опять могутъ освободиться отъ нихъ ежедневною благодатію Христовою? Или какое тѣло смерти должно разумѣть, когда Апостолъ говоритъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея? Благодать Бога моего Іисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ* (Римл. 7, 24. 25). Не явно ли, какъ и васъ самихъ истина побуждаетъ согласиться, что здѣсь упоминается не о тѣхъ смертныхъ грѣхахъ, за которыми слѣдуетъ возмездіе вѣчной смерти, т. е. человѣкоубійствѣ, блудѣ, прелюбодѣяніи, пьянствѣ, грабежѣ, но о томъ вышеупомянутомъ тѣлѣ, которому помогаетъ ежедневная благодать Христова? Ибо кто, послѣ крещенія и познанія Бога, впадетъ въ таковые смертные грѣхи, тотъ да знаетъ, что онъ можетъ очиститься уже не ежедневною благодатію Божіею, т. е. легкимъ отпущеніемъ, какое Господь, ежеминутно умоляемый, благоволитъ давать погрѣшностямъ нашимъ, но продолжительною покаянною скорбію и болѣзненнымъ наказаніемъ, или долженъ подвергнуться за сіе въ будущемъ казни вѣчнаго огня, какъ возвѣщаетъ тотъ же Апостолъ: *не льстите себе, ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернители, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 9. 10). Или, что это за законъ воюющій во удѣхъ нашихъ, противувоюющій закону ума нашего, который, не смотря на сопротивленіе наше, плѣняетъ насъ въ законъ грѣха и смерти и заставляетъ служить ему плотію, но тѣмъ не менѣе позволяетъ умомъ служить Богу? Не думаю, чтобы здѣсь законъ грѣха означалъ преступленія или чтобы это можно было разумѣть о тѣхъ вышепомянутыхъ грѣхахъ, совершающій которые и умомъ не служитъ закону Божію, отъ коего онъ необходимо отступаетъ духомъ, прежде нежели исполнитъ что нибудь изъ тѣхъ плотію. Ибо что значитъ служить закону грѣха, какъ не исполнять то, что повелѣвается грѣхомъ? Какой же это родъ грѣха, которымъ такая святость и совершенство чувствуя себя плѣненною, не сомнѣвается однакоже, что она будетъ избавлена благодатію Христовою, взывая: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея? Благодать Бога моего Іисусомъ Христомъ Господемъ нашимъ.* Какой, говорю, законъ будете допускать сущимъ во удѣхъ нашихъ, который, отвлекая насъ отъ закона Божія и плѣняя закону грѣха, дѣлаетъ насъ скорѣе несчастными, нежели преступными, такъ что мы подвергаемся не вѣчной казни, но воздыхаемъ какъ бы о прерванной радости блаженства, и ища помощника, который бы возвратилъ насъ къ ней, взываемъ съ Апостоломъ: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* Ибо быть плѣненнымъ закономъ грѣха что иное значитъ, какъ не оставаться всегда подъ грѣхомъ? Или какое иное укажется верховное добро, котораго святые не могли бы исполнить, если не то, по сравненію съ которымъ, какъ выше сказали мы, ничто не добро? И хотя мы знаемъ многія блага въ семъ мірѣ, особенно же, скромность, воздержаніе, милосердіе, но все это и не можетъ равняться съ онымъ верховнымъ благомъ, и можетъ быть исполнено, не скажу, апостоломъ, но даже и посредственными людьми; и если бы кто не исполнилъ сего, то подвергается или вѣчной смерти, или тяжкому труду покаянія, а не очищается ежедневною благодатію Христовою. Итакъ остается согласиться, что сіи слова Апостола истинно приличествуютъ только одному лицу святыхъ, которые, ежедневно подпадая сему закону грѣха, а не преступленіямъ, увѣренные въ несомнѣнности своего спасенія, не погружаются въ пороки, но, какъ уже часто говорилось, отвлекаемые отъ богосозерцанія къ

убожеству мірскихъ помысловъ, часто лишаются блага истиннаго онаго блаженства. Ибо если бы они чувствовали себя привязанными къ сему закону удовъ своихъ ежедневными преступленіями, то говорили бы не о потерѣ блаженства, но о невинности: и апостолъ Павелъ не сказалъ бы: *окаяненъ азъ человѣкъ*, но—»нечистый или преступный я человѣкъ«, и хотѣлъ бы разрѣшиться, не *отъ тѣла смерти сея*, т. е. отъ состоянія смертности, но отъ пороковъ и преступленій сей плоти. Но поелику онъ чувствовалъ себя плѣненнымъ по состоянію слабости человѣческой, т. е. отвлекаемымъ къ заботамъ и попеченіямъ плотскимъ (что и совершается по закону грѣха и смерти), то стеная о семъ законѣ грѣха, которому невольно подвергается, тотчасъ прибѣгаетъ ко Христу и спасается благопоспѣшествующимъ искупленіемъ Его благодати. И попеченія, которыя законъ грѣха, естественно раждающій терніи и волчцы помысловъ и попеченій смертныхъ, возращалъ даже въ сердцѣ Апостола, оный законъ благодати немедленно исторгаетъ. *Законъ бо*, говоритъ, *духа жизни о Христѣ Іисусѣ, свободилъ мя отъ закона грѣховнаго и смерти* (Римл. 8, 2).

(Продолженіе будетъ).

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ УРОКИ ДЛЯ ХРИСТІАНСКИХЪ ЖЕНЪ ВЪ ПРИМѢРѢ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ МАРІИ МАГДАЛИНЫ.

Св. Равноапостольная Марія Магдалина была одна изъ первыхъ праведницъ въ новомъ завѣтѣ. Отрадна и глубоко поучительна жизнь ея для всякаго христіанина, какъ представляющая въ немощнѣйшемъ (1 Петр. 3, 7), по выраженію Апостола, сосудѣ многія высокія черты, которымъ дай Богъ подражать вполнѣ и сосудамъ крѣпчайшимъ: но преимущественно утѣшительна и назидательна жизнь ея для христіанскихъ женъ, какъ живое свидѣтельство о томъ высокомъ значеніи, какое усвояется имъ въ благодатномъ царствѣ Христовомъ, и вмѣстѣ какъ живой образецъ, какъ соотвѣтствовать имъ сему значенію своею жизнію и дѣятельностію.

Извѣстно то унизительное, рабское состояніе женъ, въ какомъ находились онѣ до пришествія въ міръ Избавителя міра отъ рабства, Господа нашего Іисуса Христа; не менѣе, конечно, извѣстно и то, какъ и отъ чего вышло такое униженіе. Самъ Богъ назначилъ женѣ, посягнувшей на непринадлежащія ей права, униженное состояніе подчиненія мужу, когда изрекъ первой преступницѣ: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. 3, 16). Мужъ, содѣлавшійся чрезъ жену рабомъ грѣха и поставленный по праведному суду Божію обладателемъ жены, болѣе и болѣе отягчалъ иго законнаго подчиненія себѣ со стороны жены, дотолѣ, пока не обратилъ сего подчиненія въ рабство. Долго тяготѣло надъ женою иго сего рабства, и чѣмъ болѣе тяготѣло, тѣмъ тяжелѣе становилось, — до того наконецъ, что она ни въ какомъ состояніи не пользовалась принадлежавшими ей первоначально правами. — Всегдашнее дѣвство, высочайшее преимущество и украшеніе Церкви Христовой, было еще невмѣстимо для древняго человѣчества, а у многихъ считалось даже унизительнымъ, потому что всѣ ревновали объ умноженіи потомства. Въ состояніи супружескомъ жена становилась въ полное и всецѣлое подчиненіе своему мужу, служа ему, какъ безусловно покорная и без-

молвная рабыня и не пользуясь почти никакими правами. Любовь и вѣрность, возможныя только при единствѣ брака и его неразрывности, не были нравственно обязательными для мужа,—и онъ самовластно и произвольно распоряжался женою, какъ хотѣлъ. Одни только права жены, какъ матери, признавались священными и были ограждены положительными законами: но и это было не вездѣ; у многихъ народовъ жена, и какъ мать, не пользовалась должными правами. Такъ почти было и въ самомъ избранномъ народѣ Божіемъ. Такое униженное положеніе и доселѣ тяготѣетъ надъ женою во всей своей силѣ между тѣми народами, для которыхъ не возсіялъ еще свѣтъ благовѣствованія Христова.

Не то видимъ мы, со времени устроенія благодатнаго царства Божія на землѣ, между народами, просвѣщенными свѣтомъ истинной вѣры Христовой. Господь Іисусъ Христосъ избавилъ отъ клятвы жену, надъ которою по преимуществу тяготѣла клятва перваго преступленія,—и отселѣ для жены христіанки начинается новая, высшая жизнь. Высочайшій образецъ сей жизни представляетъ собою преблагословенная Дѣва Марія, особеннымъ, чрезвычайнымъ и исключительнымъ образомъ послужившая нашему спасенію, взаимодавши плоть безплотному Богу Слову, и тѣмъ загладивши преступленіе первой жены. Чрезъ Нее снято со всѣхъ женъ христіанскихъ то безславіе, которымъ запечатлѣла ихъ первая жена, введшая грѣхъ въ міръ, и возвращены имъ надлежащія права. И прежде всего—возвращены всѣ права въ дѣлѣ вѣры и благочестія. Въ благодатномъ царствѣ Христовомъ нѣтъ въ этомъ отношеніи никакого различія между мужескимъ поломъ и женскимъ (Гал. 3, 28). И въ томъ и въ другомъ обновляется единый образъ Божій, и мужъ и жена равно дѣлаются новымъ человѣкомъ, призваннымъ *во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая* (Еф. 2, 10); и тотъ и другая равно могутъ подвизаться въ христіанскомъ благочестіи и одинаковыя имѣютъ права на наслѣдіе жизни вѣчной, потому что одинаковы суть *наслѣдницы благодатной жизни* (1 Петр. 3, 7) и равно *суть сынове Божіи вѣрою о Христѣ Іисусѣ* (Гал. 3, 26). И исторія Церкви Христовой дѣйствительно представляетъ намъ не мало примѣровъ христолюбивыхъ женъ, которыя не менѣе мужей показали себя строгими ревнительницами христіанскаго благочестія, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ бы буквально оправдывая на себѣ слова Апостола, и подвизались среди мужей подъ ихъ одеждою, не только не уступая имъ въ трудахъ, но иногда даже превосходя ихъ въ подвигахъ благочестія и достигая высшихъ степеней нравственнаго совершенства, не смотря на слабость своего пола: ибо высота нравственнаго совершенства измѣряется не крѣпостію или слабостію пола, но дарованіемъ Божіимъ, и усердіемъ каждаго подвизающагося.—Въ слѣдъ за симъ и во внѣшнемъ положеніи жены христіанки послѣдовала существенная перемѣна. Надъ нею уже не тяготѣетъ безславіе перваго преступленія, ее не бременитъ иго древняго безусловнаго подчиненія и рабства. Захочетъ ли она остаться въ безбрачномъ состояніи и посвятить свое дѣвство Господу? Для этого совершеннѣйшаго, высшаго изъ всѣхъ состояній жены, преблагословенная Дѣва Марія представляетъ высочайшій образецъ нравственной чистоты и непорочности, какъ Дѣва, до рождества, и въ рождествѣ, и по рождествѣ. Въ этомъ состояніи жена христіанка, при усердномъ храненіи чистоты и святости, равняется блаженному состоянію св. ангеловъ на небесѣхъ, составляетъ украшеніе и славу Церкви, какъ обручившая себя единому мужу Христу, какъ невѣста Христова. Вступаетъ ли

она въ брачное состоніе? *Честна женитва и ложе нескверно* (Евр. 13, 4), говоритъ св. Апостолъ. Господь Іисусъ Христосъ не только возстановилъ первобытную важность супружескаго союза, повторивши древнюю заповѣдь о его единствѣ и неразрывности, но и освятилъ христіанскій бракъ высшимъ духовнымъ знаменованіемъ таинственнаго святѣйшаго союза Христа съ Церковію. Отсюда супруга христіанка дѣлается уже не рабынею, обязанною служить мужу, какъ господину и повелителю, а помощницею ему во всѣхъ трудахъ и заботахъ житейскихъ, сотрудницею ему въ дѣлахъ, касающихся общаго ихъ благосостоянія. Мужу предоставляется право господства и верховной распорядительности во всѣхъ дѣлахъ; онъ глава и жены своей: но обязанный по преимуществу любить жену, онъ не можетъ уже низводить ее на унизительную для ней степень безусловно покорной и безмолвной рабыни. Женѣ, какъ слабѣйшему полу, внушается подчиненіе и покорность мужу, но не рабскія, а дружескія. Такимъ образомъ для женщины христіанки въ благодатномъ царствѣ Христовомъ открыты всѣ пути и къ счастію временному, и къ блаженству вѣчному.

Но чѣмъ выше положеніе, тѣмъ большая нужна заботливость и осторожность, чтобы достойно соотвѣтствовать ему. Что же преимущественно нужно имѣть въ виду женамъ христіанкамъ, чтобы достойнымъ образомъ соотвѣтствовать своему высокому положенію? Обратимся къ св. Равноапостольной Маріи Магдалинѣ; жизнь ея представляетъ собою высокій образецъ для всѣхъ христіанскихъ женъ.

Главнымъ, отличительнымъ характеромъ всей жизни ея было особенное усердіе и преимущественная предъ другими любовь къ Господу Іисусу Христу. Исцѣленная Имъ отъ тяжкаго недуга, она предалась всѣмъ существомъ своему Благодѣтелю, по выраженію церковной пѣсни, »ничтоже предпочетши сущихъ на земли паче любве Христа Бога«; неразлучно сопровождала Его по всѣмъ градамъ и весямъ и сколько могла, служила Ему отъ имѣній своихъ, не ожидая никакого вознагражденія *(истинная любовь не ищетъ своихъ си)*, а побуждаемая единственно чистѣйшею, безкорыстною любовію къ Нему. Одну отраду находило для себя любящее сердце ея въ своей страннической жизни — слушать изъ устъ любимаго учителя и Господа благовѣстіе царствія Божія; — и животворное сѣмя слова Божія нашло, какъ показали послѣдствія, въ сердцѣ ея добрую землю, принесшую плодъ сторицею. — Истинная *любовь крѣпка яко смерть*; и, тогда какъ въ первыя, рѣшительныя минуты опасности для Господа почти всѣ, самые ближайшіе ученики и послѣдователи Его, *оставльше Его, бѣжаша* (Матѳ. 26, 56), любящая Марія сопровождаетъ Его по всему крестному пути до Голгоѳы, не отходитъ отъ креста Его и на самой Голгоѳѣ, »паче иныхъ, по свидѣтельству преданія, свое сердечное страждущему Христу состраданіе, и болѣзнующей Матери Его соболѣзнованіе рыданіи слезными изъявляющи«. Въ слѣдствіе сей же любви она не оставляетъ Его и по смерти Его, присутствуетъ и при снятіи тѣла Его со креста, участвуетъ въ погребеніи Его, и не успѣвши тутъ же помазать тѣло его ароматами, *зѣло заутра во едину отъ субботъ*, лишь только кончился предписанный закономъ покой субботняго дня, спѣшитъ ко гробу Его — исполнить послѣдній долгъ любви къ умершему своему Благодѣтелю.

Таковъ долженъ быть основный характеръ каждой жены христіанки, въ какомъ бы состояніи она ни находилась. Лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ украшеніемъ ея, для собственнаго ея счастія и благополучія, должна быть

полная и всецѣлая преданность и любовь къ Богу. Не велика еще для ней потеря, если она не имѣетъ блестящаго внѣшняго образованія, потому что и вообще *тѣлесное обученіе*, по слову Апостола, *вмалѣ есть полезно* (1 Тим. 4, 8); не слишкомъ важно и то, если она не имѣетъ глубокихъ и всесторонніхъ свѣдѣній о самой христіанской вѣрѣ: но ни съ чѣмъ несравнима, и никакимъ словомъ вполнѣ невыразима та потеря, если въ сердцѣ ея не положено глубоко основаніе истиннаго благочестія — пламенная любовь къ Богу. Жизнь женщины по преимуществу есть жизнь внутренняя, жизнь сердца; поприще ея дѣятельности составляетъ не обширный кругъ семейной жизни. Итакъ гдѣ же найдетъ она исходъ для своей дѣятельности, если въ сердцѣ ея не положены твердо и глубоко живая вѣра во Христа Спасителя, полная и всецѣлая преданность Ему и горячая, пламенная любовь къ Нему? Гдѣ отрада и утѣшеніе для ней среди скорбныхъ обстоятельствъ жизни, какъ не во внутреннихъ благочестивыхъ чувствованіяхъ и стремленіяхъ сердца, единственнымъ источникомъ коихъ служитъ возженная въ сердцѣ любовь къ Богу? Тогда какъ мужчина въ подобномъ состояніи можетъ еще найти развлеченіе для себя въ разнообразной общественной дѣятельности, — для женщины, если не возжена въ сердцѣ ея горячая любовь къ Господу и всецѣлая преданность Ему, остается одинъ только исходъ — отдаться вполнѣ обманчивымъ, суетнымъ, а не рѣдко и преступнымъ удовольствіямъ мірскимъ, — исходъ, отъ котораго да сохранитъ Господь Богъ каждую христіанку.

Пламенная и всецѣло преданная любовь ко Господу была основаніемъ и корнемъ всей жизни св. Маріи Магдалины. И смотрите, какое дивное воздаяніе отъ Господа получила она, за такую преданную и безкорыстную любовь къ Нему, еще здѣсь на землѣ! Ища Его во гробѣ яко мертва, она первая, послѣ преблагословенной Матери Господа, сподобилась и слышать отъ ангеловъ радостную вѣсть о преславномъ воскресеніи Его, и видѣть самаго Воскресшаго. Ей же судилъ Господь быть и первою благовѣстницею воскресенія своего въ избранномъ кругу св. апостоловъ и женъ мироносицъ, а потомъ и всемірною проповѣдницею славы Его. Удостоившись въ день пятьдесятницы вмѣстѣ съ апостолами получить огненный языкъ Святаго Духа, она, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, наравнѣ съ ними проходила многія страны съ благовѣстіемъ спасенія, проникла въ Римъ и тамъ первая сподобилась проповѣдовать о Христѣ Іисусѣ и совершенномъ Имъ дѣлѣ спасенія предъ самимъ императоромъ Тиверіемъ. Возвратившись оттуда въ Ефесъ, она до самой блаженной кончины своей, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ ученикомъ Христовымъ, апостольски служила спасенію человѣческому, всѣмъ благовѣствуя Христа Іисуса и приводя ко Христу души вѣрующихъ. За сіи-то апостольскіе труды и подвиги ея въ дѣлѣ проповѣди св. Церковь усвоила ей высокое наименованіе Равноапостольной.

Какъ ни высока награда, которой за свою безкорыстную и всецѣло преданную любовь сподобилась св. Марія Магдалина: но она можетъ быть достояніемъ и каждой благочестивой жены христіанки. *Любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ и Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ* (Іоан. 14, 21), обѣтовалъ Господь безъ различія всѣмъ вѣрующимъ въ Него. Но не для всѣхъ христіанскихъ женъ предназначено такое обширное внѣшнее поприще дѣятельности, какого удостоилась св. равноапостольная Марія. Ея призваніе было особенное, чрезвычайное. Всту-

пать на такое широкое поприще, безъ особеннаго призванія и чрезвычайнаго дарованія Божія, для жены не безопасно, домогаться самой такого обширнаго круга дѣятельности даже преступно. Св. Апостолъ не только не даетъ женамъ заповѣди учить другихъ, когда говоритъ: *женѣ учити не повелѣваю, но быти въ безмолвіи* (1 Тим. 2, 12), но и прямо воспрещаетъ ей даже говорить въ церковныхъ собраніяхъ: *жены ваша въ церквахъ да молчатъ, не повелѣся бо имъ глаголати: срамно бо есть женѣ въ церкви глаголати* (1 Кор. 14, 34. 35). И природа жены, и общество, и законъ Божій назначаютъ для дѣятельности ея вообще необширный кругъ семейной жизни. Но сколь благотворное вліяніе можетъ имѣть благочестивая жена христіанка, дѣйствуя и въ этомъ не широкомъ и по видимому не блестящемъ кругу! Первое ближайшее и непосредственное вліяніе ея — на своего супруга. Это вліяніе состоитъ не въ преобладаніи ея надъ мужемъ, а въ терпѣливомъ, безропотномъ перенесеніи всѣхъ непріятностей, какія встрѣчаютъ ее и въ жизни и въ супружествѣ, въ тихомъ и скромномъ напоминаніи своему супругу о христіанскихъ обязанностяхъ, если онъ забываетъ о нихъ среди разнообразной внѣшней дѣятельности, а паче всего въ чистомъ и непорочномъ житіи ея. Быть не можетъ, чтобы такое поведеніе супруги христіанки не произвело рано или поздно благодѣтельнаго впечатлѣнія на ея супруга: потому что сила нравственная сильнѣе всякой другой дѣйствуетъ на душу и невольно покаряетъ ее себѣ. На сіе-то нравственное вліяніе указываетъ св. Апостолъ, когда, заповѣдуя женамъ христіанкамъ повиноваться своимъ мужамъ, въ побужденіе къ исполненію сей заповѣди прибавляетъ: *да аще нѣцыи мужи не повинуются слову, женскимъ житіемъ безъ слова плѣнени будутъ, видѣвше еже со страхомъ чисто житіе ваше* (1 Петр. 3, 1. 2). Столь же близкое и столь же, если еще не болѣе, благодѣтельное вліяніе можетъ имѣть жена христіанка, какъ мать дѣтей. Здѣсь-то открывается для ней чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ и въ высшей степени отрадное поприще для дѣятельности. Она не только виновница тѣлесной жизни дитяти, но и первая наставница и руководительница его въ жизни духовной, благодатной; отъ ней прежде всего зависитъ направленіе его мыслей, чувствованій и желаній, — направленіе, не рѣдко такъ глубоко укореняющееся въ душѣ, что оно остается въ немъ на всю жизнь и составляетъ корень и основаніе всей послѣдующей его дѣятельности. А въ этомъ какой неизсякаемый источникъ утѣшенія для благочестивой матери христіанки! Какое ни съ чѣмъ несравнимое и неизобразимое счастіе для благочестивой матери видѣть, что положенныя ею добрыя сѣмена въ сердцѣ дитяти приносятъ плоды по роду своему; что воспитанное ею въ духѣ христіанскаго благочестія дитя въ послѣдствіи времени, среди превратностей жизни, не забываетъ христіанскихъ наставленій, глубоко запавшихъ въ сердце его изъ устъ ея и памятію о нихъ предохраняетъ себя отъ увлеченія на путь порока!... Это сладостное утѣшеніе служитъ для ней вмѣстѣ залогомъ и вѣчной славы ея въ блаженномъ царствѣ Отца небеснаго. Апостолъ прямо засвидѣтельстовалъ, что *жена спасется* ради чадъ, *аще пребудутъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ* (1 Тим. 2, 15). — Какъ помощница и сотрудница мужу во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ, жена христіанка можетъ имѣть благотворное вліяніе и на цѣлый домъ. Домъ христіанина св. Апостолъ называетъ *домашнею церковію* (Римл. 16, 4); благоуст-

роеніе сей домашней церкви по преимуществу принадлежитъ женѣ. Чѣмъ благоустроеннѣе будетъ она, чѣмъ болѣе будетъ походить на Церковь Христа Спасителя, тѣмъ замѣтнѣе будетъ для другихъ,—а это не можетъ остаться безъ благотворнаго вліянія на всѣхъ окружающихъ.—Такимъ образомъ, дѣйствуя и въ своемъ не широкомъ кругу, благочестивая жена христіанка можетъ имѣть чрезвычайно важное вліяніе на другихъ, можетъ въ своей мѣрѣ быть причастницею апостольскихъ трудовъ и подвиговъ и споспѣшницею апостольскаго служенія, и по своему труду и усердію получить мзду на небесахъ отъ Господа, воздающаго комуждо нелицепріятнѣ по дѣломъ его.

О, если бы всѣ жены христіанки выразумѣли надлежащимъ образомъ свое высокое призваніе и значеніе въ благодатномъ царствѣ Христа Спасителя и для собственнаго блага и счастія жизнію и дѣятельностію соотвѣтствовали своему значенію! Не было бы тогда ни женъ, кружащихся въ вихрѣ суетныхъ удовольствій и поставляющихъ свою славу во внѣшнихъ плетеніяхъ власъ и обложеніи златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными, ни женъ, тяготящихся своимъ зависимымъ положеніемъ и, вопреки закону Божію и всей природѣ, домогающихся преобладанія надъ своими мужьями и тѣмъ губящихъ и себя и тотъ кругъ, въ которомъ онѣ живутъ и дѣйствуютъ.

СЕМЕЙНЫЯ РАЗДѢЛЕНІЯ РАДИ ВѢРЫ И БЛАГОЧЕСТІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

И врази человѣку домашніи его (Матѳ. 10, 36).

Что такое жизнь христіанская вообще по отношенію къ требованіямъ евангельскаго ученія и христіанскаго званія? Это—жизнь постояннаго самоотверженія и непрерывной борьбы христіанина съ самимъ собою. Что же это за раздвоеніе личности человѣка на двѣ враждебныя другъ другу половины? Откуда происходитъ этотъ необходимый законъ борьбы человѣка съ самимъ собою? И какъ объясняется психическая возможность для человѣка бороться съ самимъ собою, побѣждать самого же себя и быть побѣжденнымъ самимъ же собою? Что составляетъ въ одной и той-же сущности его одно дѣйствующее начало побѣждающее, другое дѣйствующее же начало побѣждаемое, одно зиждущееся и отвергающее; другое разоряемое и отвергаемое?—Мы думаемъ, что каждому образованному христіанину должно быть не только извѣстно, но и совершенно понятно это ученіе апостола Павла: *вѣмы, яко законъ духовенъ есть: азъ же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ. Еже бо содѣваю, не разумѣю: не еже бо хощу, сіе творю: но еже ненавижду, то содѣваю. Аще ли еже не хощу, сіе творю, хвалю законъ яко добръ. Нынѣ же не ктому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ. Вѣмъ бо, яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь во плоти моей доброе: еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю. Не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сіе содѣваю. Аще ли еже не хощу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ. Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе яко мнѣ злое прилежитъ. Сосласждаюся*

бо закону Божію по внутреннему человѣку: вижду же ина законъ во удѣхъ моихъ противувоюющъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ. Окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея (Римл. 7, 14 — 24)! То есть, въ естествѣ падшаго человѣка живетъ и дѣйствуетъ грѣхъ, какъ начало жизни и дѣятельности противузаконной, начало живое и живущее, съ которымъ раждается на свѣтъ человѣкъ и которое совершенно перестаетъ дѣйствовать только съ смертію человѣка. Оно живетъ и дѣйствуетъ во всемъ составѣ естества человѣческаго, во всѣхъ его способностяхъ и силахъ, и проявляется тамъ не только отрицательно, то есть не только лѣностію, медленностію, тупостію всѣхъ разумныхъ стремленій человѣка въ познаніи истины и въ дѣланіи добра, и несостоятельностію его къ различенію того или другаго пути дѣятельности, но и положительно, то есть прямымъ направленіемъ способностей и силъ человѣка къ совершенію порока, неправды и лжи: оно проявляется въ тѣлѣ стремленіемъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, къ удовлетворенію всѣмъ похотямъ и страстямъ, въ умѣ желаніемъ лгать и обманывать, кичливымъ самомнѣніемъ и гордымъ упорствомъ его отстаивать всѣ свои убѣжденія и подчинять всякую область познанія своимъ законамъ и требованіямъ, въ сердцѣ завистію, ненавистію, желаніемъ обижать и мстить, любочестіемъ, сребролюбіемъ и проч., въ волѣ противленіемъ закону и требованіямъ добродѣтели, намѣреннымъ предпочтеніемъ неправды правдѣ, виновнаго невинному, сознательною измѣною справедливости и правосудію ради другихъ нечистыхъ побужденій; оно и въ воображеніи подъ видомъ склонности заниматься и наслаждаться образами и картинами нечистыми; оно и въ памяти — подъ видомъ преобладающей склонности удерживать и припоминать худое и порочное; оно и въ языкѣ — въ видѣ празднословія, пустословія, сквернословія и клеветы; оно и въ чувствѣ слуха, когда оно благосклонно приникаетъ къ языку лести и похвалы, и напротивъ отвращается, отъ словъ горькой правды и обличенія; оно и въ органѣ зрѣнія (Матѳ. 5, 28. 29); оно и въ движеніи рукъ (—30); словомъ, оно живетъ и обнаруживается во всѣхъ движеніяхъ души и тѣла. А между тѣмъ не такъ и не для того создано и предназначено естество человѣка въ первозданной и богоподобной природѣ его: въ немъ положено начало доброе, начало жизни нравственной, святой, богоподобной, для которой и созданъ онъ существомъ разумнымъ. Такимъ образомъ сознанію человѣка теперь въ одно и тоже время присущи два противоположныя начала дѣятельности, двоякія противорѣчащія другъ другу побужденія. Въ падшемъ человѣкѣ, предоставленномъ самому себѣ, собственнымъ силамъ въ нравственной жизни, всегда начало чувственности и грѣха беретъ перевѣсъ надъ началомъ духа и добра, и подавляетъ его. А между тѣмъ человѣкъ всегда и вездѣ болѣе или менѣе, сознавалъ потребность жить и дѣйствовать по побужденіямъ духа, по началу добра. Отсюда въ исторіи человѣчества всегда замѣтна была борьба человѣка съ самимъ собою и своими грѣховными побужденіями, и всегда видна была побѣда послѣднихъ надъ усиліями желаній человѣческихъ въ пользу добродѣтели. Христіанство, Церковь Христова, возрождая человѣка благодатными силами животворящаго Духа Святаго, дарованными ей Искупителемъ человѣка, Іисусомъ Христомъ, Его именемъ, Его гласомъ и Его ученіемъ призываетъ каждаго христіанина къ жизни по духу, а не по плоти,

къ борьбѣ съ побужденіями чувственности и грѣха для дѣятельности чистой и святой, и сообщаетъ для этого каждому христіанину духовныя силы, и сама руководствуетъ его въ борьбѣ сей. Такимъ образомъ борьба съ самимъ собою, или самоотверженіе, то есть отверженіе грѣховныхъ побужденій и требованій въ пользу требованій святыхъ, закона христіанскаго, составляетъ необходимую и святую обязанность каждаго христіанина; безъ того христіанинъ по имени — не христіанинъ по званію — не христіанинъ по исполненію обязанностей своего званія. Оттого и первымъ необходимымъ условіемъ для каждаго послѣдователя своего Іисусъ Христосъ полагаетъ законъ самоотверженія: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе* (Марк. 8. 34); безъ того значитъ безполезно и идти въ слѣдъ Его. Изъ этого начала христіанскаго самоотверженія развивается все обширное и въ различныхъ видахъ излагаемое ученіе апостольское, которымъ заповѣдуется: то — отлагать ветхаго человѣка съ дѣяньми его и облекаться въ новаго (Еф. 4, 22 25). то — *ходить духомъ, и похоти плотскія не совершать* (Гал. 5, 16), и уже *не человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время* (1 Петр. 4. 2), то — *умертвить уды наши, яже на земли, блудъ, нечистоту* и проч. (Кол. 3. 5); то *помышлять себе мертвыхъ быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, да не царствуетъ грѣхъ въ мертвенѣмъ тѣлѣ нашемъ, во еже послушати его въ похотѣхъ его, ниже представлять уды наши оружія грѣху: но представлять себе Богови яко отъ мертвыхъ живыхъ и уды наша оружія правды Богови* (Римл. 6, 11—13); то внушается, что, *иже Христовы суть, должны распять плоть свою со страстьми и похотьми;* такъ что, *аще духомъ живемъ, духомъ и да ходимъ* (Гал. 5. 24. 25) и т. п. Какъ же должны совершаться, въ чемъ выражаются въ обыкновенной жизни христіанина это самоотверженіе, эта борьба съ самимъ собою? — На примѣръ, тобою движетъ похоть сластолюбія и чревоугодія, но ты отказываешь чувственнымъ своимъ желаніямъ и употребляешь пищу и питіе въ мѣру, сколько потребно для насыщенія: — ты находишься въ борьбѣ съ самимъ собою. Гнѣвъ побуждаетъ тебя отомстить другому за нанесенную обиду, наказать за оскорбленіе, но ты слѣдуешь другому чувству и прощаешь врагу за обиду и оскорбленіе: — ты совершилъ подвигъ самоотверженія. Ты хочешь и предпринимаешь молиться, но во время молитвы у тебя нѣтъ ни усердія, ни вниманія къ молитвѣ, твои мысли разсѣеваются, воображеніе уносится совсѣмъ въ другую область предметовъ, и тѣло твое чувствуетъ утомленіе и ищетъ покоя; не смотря на все это ты усиливаешься молиться, собираешь свои мысли и останавливаешь воображеніе, не внимаешь ощущеніямъ лѣниваго тѣла и не престаешь удовлетворять усердію молиться: — ты находишься въ борьбѣ съ самимъ собою. Твой умъ въ области божественнаго откровенія не всѣ предметы постигаетъ по законамъ своего разумѣнія, но ты отказалъ требованію ума твоего и принялъ непостижимую истину со всѣмъ убѣжденіемъ твоей души, со всею вѣрою: твоя вѣра есть плодъ самоотверженія твоего ума. Выгоды и разсчеты житейскіе побуждаютъ тебя сказать неправду, облагать другаго; но ты говоришь правду и показываешь истину, хотя и со вредомъ для своихъ житейскихъ выгодъ: это тоже — самоотверженіе. Ты видишь бѣднаго и страждущаго, помогаешь изъ своего состоянія, и тѣмъ прекращаешь его страданія и спасаешь его отъ угнетающей бѣдности: и это самоотверженіе; и т. п. *Любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро*

творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ напасть и изгонящія вы (Матѳ. 5, 44). Вотъ каковъ обыкновенный путь и каковы обыкновенные виды подвиговъ христіанскаго самоотверженія! То, что служитъ началомъ раздѣленія человѣка съ самимъ собою, легко можетъ быть началомъ раздѣленія съ другимъ человѣкомъ, будетъ ли то отецъ или сынъ, или братъ, даже и въ томъ случаѣ, когда они всѣ ревнители самоотверженія: потому что преобладаніе этой добродѣтели въ одномъ есть уже начало внѣшняго, наружнаго отдѣленія отъ другаго. Чѣмъ далѣе человѣкъ восходитъ по пути нравственнаго самоотверженія, тѣмъ болѣе слабѣютъ узы внѣшнихъ его связей по плоти и крови, тѣмъ замѣтнѣе становится его удаленіе отъ условій и порядка жизни обыкновенной.

Но гдѣ предѣлъ подвигамъ христіанскаго самоотверженія? и до чего можетъ простираться оно въ жизни ревностнаго послѣдователя Іисусу Христу? И что можетъ положить конецъ борьбѣ человѣка съ самимъ собою и доставить ему полную побѣду надъ собою? — Если самоотверженіе христіанское есть борьба духа съ плотію, добра со зломъ, грѣха съ добродѣтелью, человѣка падшаго съ возрожденнымъ, ветхаго съ новымъ, — есть путь восхожденія отъ состоянія грѣховнаго и порочнаго къ состоянію человѣка праведнаго и святаго: то самоотверженіе христіанина, ясно, должно оканчиваться тогда и тамъ, когда и гдѣ оканчивается въ природѣ его совершенное истребленіе грѣха и зла, когда онъ достигаетъ полнаго нравственнаго совершенства и совершенной святости: потому что въ этомъ-то и состоитъ единственная цѣль самоотверженія въ жизни христіанина и нравственной борьбы его съ самимъ собою, съ своею поврежденною природою, съ живущимъ въ немъ грѣхомъ. Но исторія христіанства и въ сонмѣ величайшихъ подвижниковъ самоотверженія не знаетъ человѣка, который бы повѣдалъ о себѣ, что онъ уже не чувствуетъ въ себѣ искушеній грѣха и соблазновъ плоти: потому что совершенно истребляется грѣхъ въ естествѣ нашемъ только съ преобразованіемъ и прославленіемъ человѣка въ воскресеніи; въ настоящей жизни для христіанина нѣтъ и не можетъ быть предѣла борьбы съ самимъ собою и подвиговъ самоотверженія. Съ другой стороны нѣтъ предѣловъ и для достиженія нравственнаго совершенства, возможнаго человѣку въ этой жизни: потому что высшимъ образцомъ (идеаломъ) святости и совершенства указываются человѣку безпредѣльныя совершенства Божіи. *Будите совершени, яко Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48). Въ частности для христіанина образецъ божественнаго совершенства существуетъ и указывается въ лицѣ Богочеловѣка, Искупителя нашего. Подвигоположника нашего спасенія, Главы Церкви, Начальника и Вождя нашего въ борьбѣ со грѣхомъ, въ подвигахъ самоотверженія: христіанинъ призывается не только послѣдовать Христу въ ученіи, но и подражать Ему въ подвигахъ и святости жизни. Посему какъ обширно поприще самоотверженія христіанина, съ какимъ вниманіемъ, съ какою строгостію къ себѣ должна совершаться борьба человѣка съ самимъ собою! Соотвѣтственно такимъ высокимъ требованіямъ отъ христіанина, для него открыты и средства, соразмѣрныя цѣли средства божественныя, сила всемогущаго и всезиждущаго Святаго Духа, которыя сообщаются вѣрующему и требующему ихъ не въ мѣру, не по мѣрѣ слабыхъ и ограниченныхъ силъ человѣческихъ, а по мѣрѣ усердія, ревности, любви къ Господу, по мѣрѣ святыхъ желаній: словомъ *вѣрующему вся возможна* (Марк. 9, 23). И какіе законы ограниченій, какіе предѣлы дѣятельности можно назначить такимъ

дѣйствіямъ души, которыя бываютъ *плодомъ* вседѣйствующаго *Духа* Божія, каковы: *любы, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, кротость, воздержаніе*? Ясно, что *на таковыхъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *нѣсть* и не можетъ быть *закона* ограниченій (Гал. 5, 22. 23). Въ слѣдствіе всего этого христіанамъ, ищущимъ высшаго нравственнаго совершенства, ревнующимъ достигнуть въ жизни чистоты ангельской, святости богоподобной, и указываются въ евангеліи особые пути самоотверженія, особенные способы борьбы съ собою и умерщвленія грѣха въ себѣ. Эти особые пути богоподобной жизни, особые условія и способы жизни самоотверженной, по самой необыкновенности и трудности своей, не вмѣняются въ обязанность всѣмъ христіанамъ, но только указываются желающимъ; призываются къ нимъ только могущіе понесть всѣ труды и скорби путей тѣхъ. *Аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ и гряди въ слѣдъ Мене*, отвѣчалъ Іисусъ Христосъ одному іудею, когда тотъ спрашивалъ: *что благо сотворю, да животъ вѣчный наслѣдую*, и когда сознавался при этомъ, что онъ отъ юности своей собюдалъ свято всѣ заповѣди закона (Матѳ. 19, 16—21). Вотъ призываніе къ высочайшему подвигу самоотверженія со стороны любостяжанія и обладанія. Еще: въ бесѣдѣ съ учениками о нерасторжимости брака Іисусъ Христосъ возбудилъ въ нихъ желаніе дѣвственной жизни: *аще тако вина человѣку съ женою, лучше есть не женитися*, говорили они; Господь одобрилъ желаніе, но замѣтилъ, что *не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имѣже дано есть.... могій вмѣстити да вмѣститъ* (Матѳ. 19, 7—12). Апостолъ Павелъ, разъясняя это ученіе Господа, говоритъ: *добро человѣку женѣ не прикасатися* (1 Кор. 7, 1). *Не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви: а оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ. Раздѣлися* (различаются также) *жена и дѣва. Не посягшая печется о Господнихъ, како угодити Господеви, а посягшая печется о мірскихъ, како угодити мужу. Сіе же на пользу вамъ самѣмъ глаголю, не да сило вамъ наложу, но къ благообразію и къ благоприступанію Господеви безмолвну*: (то есть сіе творю я для вашей пользы, не для того, чтобы связать васъ, но чтобы вы благочинно и непрестанно могли служить Господу безъ развлеченія) (1 Кор. 7, 32 — 35). Но такое ученіе о безбрачіи и дѣвственной жизни онъ тоже не выдаетъ, какъ безусловно обязательное для всѣхъ христіанъ, а предлагаетъ въ видѣ желаній и совѣта: *сіе же глаголю*, прибавляетъ онъ, *по совѣту, а не по повелѣнію. Хощу бо, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ: но кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице* (тамъ же 7). Вотъ призваніе къ высочайшимъ подвигамъ безбрачной, дѣвственной и цѣломудренной жизни! Послѣдователей такихъ евангельскихъ совѣтовъ и особенныхъ призваній, ревнителей высшаго нравственнаго совершенства Церковь Христова увидѣла въ сонмѣ чадъ своихъ съ самыхъ первыхъ дней своихъ, какъ только возвѣщено было на землѣ ученіе Христово о спасеніи, и о самоотверженіи, какъ необходимомъ пути спасенія. И какихъ высокихъ подвижниковъ духовнаго совершенства не видѣла Церковь въ числѣ послѣдователей Христовыхъ? Какихъ изумительныхъ и разнообразныхъ подвиговъ христіанскаго самоотверженія не вписала Она въ исторію христіанской борьбы духа съ плотію, добра со зломъ; силы благочестія съ соблазнами міра и страстей? Тамъ ревнители безбрачной жизни и дѣвственной чистоты среди міра и людей,

среди искушеній и соблазновъ ведутъ жизнь во плоти подобно существамъ безплотнымъ, побѣждая законъ естества и похоти плоти; здѣсь — сонмъ самоотверженныхъ подвижниковъ во имя нестяжательности и произвольной нищеты, которые раздали все свое стяжаніе, и одни затворялись въ хижины среди міра, другіе удалялись въ пустыни и пещеры, и путемъ строжайшей борьбы съ самими собою стремились къ богоподобному совершенству. И между ними одни обрекаютъ себя на особые подвиги воздержанія и поста, другіе отвергаются своей воли и берутъ на себя высочайшій трудъ безусловнаго послушанія начальникамъ и наставникамъ въ высокой наукѣ подвижничества, иные отрекаются отъ своего слова и выносятъ изумительный подвигъ безмолвія и молчанія; одни отрекаются отъ употребленія своего ума и берутъ на себя непостижимый подвигъ юродства; другіе подвергаютъ себя жесточайшему вліянію всѣхъ перемѣнъ воздушныхъ явленій и изнуряютъ плоть свою въ непрестанныхъ подвигахъ молитвы на возвышеніи столповъ. Господь благословляетъ такихъ подвижниковъ самоотверженія и ревнителей богоподобнаго совершенства видимымъ своимъ благоволеніемъ къ нимъ, сообщая ихъ слову и молитвѣ силу чудесно исцѣлять болѣзни и воскрешать мертвыхъ. И чудный міръ представляетъ собою этотъ сонмъ избранныхъ чадъ Церкви Христовой, этихъ первенцевъ Божіихъ изъ среды человѣчества, этихъ подражателей ангельской жизни! Церковь Христова всегда съ любовію, съ уваженіемъ, съ благоговѣніемъ взирала на нихъ, какъ на избранные сосуды благодати Христовой, какъ на вселенскихъ учителей святой жизни, какъ на неумолкаемыхъ молитвенниковъ къ Богу за грѣхи другихъ слабыхъ и немощныхъ собратій своихъ во Христѣ, какъ на святое сѣмя, ради котораго Господь благосклонно призираетъ на отягченную неправдами землю нашу и ради котораго твердо и незыблемо стоятъ и хранятся общества человѣческія. И отъ первыхъ временъ христіанства до временъ Лютера измѣнившаго своему обѣту дѣвственной и подвижнической жизни, исторія не знаетъ между христіанами (*) людей, которые бы дерзнули охуждать и поносить жизнь ангельскую, смѣяться надъ высокими подвигами ревнителей высшаго духовнаго совершенства. И только со временъ его и въ числѣ послѣдователей его стали являться люди, которые, или прикрываясь незаслуженною вседѣйствующею благодатію Христовою, почитаютъ, съ своей стороны, ненужными усилія для борьбы съ искушеніями плоти и грѣха, или отъ имени разума своего признавая законнымъ и чистымъ все то, что носитъ и проявляетъ въ себѣ природа человѣческая, не признаютъ вовсе нужды для человѣка ни въ какой нравственной борьбѣ съ собою, ни въ какомъ самоотверженіи христіанскомъ.

(Окончаніе будетъ).

(*) Замѣчательно, что самъ отступникъ и ненавистникъ христіанства, Юліанъ, римскій императоръ,— и тотъ не могъ не видѣть благодѣтельнаго вліянія высокой подвижнической жизни вообще на нравственную жизнь обществъ человѣческихъ, и потому въ числѣ прочихъ средствъ для поддержанія упадавшаго язычества, находилъ необходимымъ »учреждать монастыри для ищущихъ любомудрія мущинъ и женщинъ«. См. Церк. Ист. Созом. кн. 5, гл. 16 стр. 348. по русск. пер.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

168) Во адѣ нѣтъ исповѣданія, нѣтъ покаянія, нѣтъ очистительныхъ слезъ и воздыханій, кои могли бы умолить Господа, но отчаянные стоны тѣхъ, кои въ смѣхѣ проводили дни жизни своей. Потому Апостолъ увѣщеваетъ насъ: плачьте и рыдайте, смѣхъ вашъ да обратится въ плачъ, и радость въ скорбь сердечную.

169) Смѣхъ умножаетъ грѣхи, а безмолвіе и молчаніе раждаютъ мудрость и похвалу отъ Бога и ангеловъ. Итакъ, добрая сестра моя, позаботимся принадлежать къ части Христовой, отгоняя срамный смѣхъ, чтобъ не отослалъ насъ Спаситель въ вѣчную муку, по слову своему: горе смѣющимся нынѣ, яко восплачутъ,—но чтобъ лучше услышать отъ Него: блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся.

170) Услажденіе тѣла въ нѣжной юности разжигаетъ страсти, и, умерщвляя ими душу, привлекаетъ гнѣвъ Божій.

171) Въ душѣ безмолвствующаго и разумно поучающагося въ бож. Писаніяхъ почіетъ Духъ Святый. Мало заботъ у нея; ибо она всею силою вѣруетъ Христу, и ради любви къ Нему сидитъ въ безмолвіи, читаетъ и плачетъ. А кто проводитъ время въ утѣхахъ, и питаетъ плоть сластьми и виномъ, тотъ подвергаетъ душу свою великой брани. Сколько ни будетъ нудить себя таковый, не возможетъ избѣжать плотскихъ движеній и жженій. Вотъ плоды, госпожа моя, страшнаго чревоугодія, и плоды безмолвія и терпѣливаго подвижничества, Господа ради.

172) Умудримся и мы, подражая отцамъ, бывшимъ прежде насъ, и не попустимъ себѣ поскользнуться на вождѣленіе покоя плоти. Потерпимъ внутри келліи своей въ постѣ и другихъ злостраданіяхъ, да воцаримся со Христомъ, и не будемъ осуждены на вѣчный огнь за маловременную утѣху.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 3-го Іюля 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 19.

НЕДѢЛЯ 11 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

27 Іюля 1858 г.

Гласъ 2-й.

На утрени: евангеліе воскресное 11-е, Іоан. зач. 67. На Литургіи: апост. 1 Кор. зач. 141, еванг. Матѳ. зач. 77.

ИЗЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА КАССІАНА СЪ СКИТСКИМИ СТАРЦАМИ:

АВВЫ ѲЕОНЫ, ИЗЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ АПОСТОЛА: *не еже хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.* Рим. 7, 19

Гл. 16. Тѣло смерти есть то, въ которомъ совершенные, вкусившіе уже, *яко благъ Господь*, ежедневно возмущаемые, чувствуютъ съ пророкомъ, *яко зло и горько имъ есть оставити Господа Бога своего* (Іер. 2, 19). Тѣло смерти есть то, которое, отвлекая ихъ отъ небеснаго созерцанія, низводитъ къ земному, и во время псалмопѣнія или молитвы, заставляетъ ихъ, безъ нужды, вспоминать человѣческія лица, или рѣчи, или занятія, или дѣйствія. Тѣло смерти есть то, въ которомъ ревнующіе по ангельской святости и хотящіе непрестанно прилѣпляться Господеви не могутъ обрѣсти совершенства сего блага, поелику препятствуетъ тѣло смерти, но дѣлаютъ зло, котораго не хотятъ, т. е. отвлекаются умомъ къ тому, что во все не относится къ исполненію добродѣтелей и совершенству. Наконецъ, блаженный Апостолъ, чтобы очевиднѣе выразить, что онъ сказалъ это о святыхъ и совершенныхъ, подобныхъ себѣ, постоянно повторяетъ: *азъ же* (Римл. 7, 9—25), т. е. я, благовѣствующій сіе, указываю извиненія своей, а не чужой совѣсти. Дѣйствительно, сей образъ выраженія Апостолъ постоянно употребляетъ, когда хочетъ обозначить именно себя, какъ напр.: *самъ же азъ Павелъ, молю вы кротостію и тихостію Христовою* (2 Кор. 10, 1); *азъ же самъ не стужахъ вамъ* (2 Кор. 12, 13); *буди же азъ не отягчихъ васъ* (16); *се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетеся, Христосъ вамъ ничтоже пользуетъ* (Гал. 5, 2); *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ*

Христа, по братіи моей (Римл. 9, 3). Не безъ основанія можно и такъ понимать, что онъ намѣренно точнѣе, съ усиленіемъ, говоритъ: *самъ же азъ*, т. е. я, котораго вы знаете какъ апостола Христова, всякое мановеніе котораго уважаете, котораго почитаете высокимъ и совершеннымъ, въ которомъ говоритъ Христосъ,—я, хотя умомъ служу закону Божію, однако признаюсь, что плотію служу закону грѣха, т. е. я иногда отвлекаюсь отъ небеснаго къ земному, и высота ума моего низпадаетъ до попеченій о ничтожнѣйшихъ предметахъ, по разсѣянности природы человѣческой, по которой я ежеминутно чувствую себя плѣненнымъ закономъ грѣха; такъ что хотя бы я неизмѣннымъ желаніемъ стремился къ закону Божію, однако чувствую, что я никакимъ образомъ не могу избѣжать силы онаго плѣненія, если не буду всегда прибѣгать къ благодати Спасителя.

Гл. 17. И посему-то всѣ святые, ежедневно воздыхая о сей немощи своей природы, когда изслѣдуютъ разнообразіе помысловъ и извороты и тайны своей совѣсти, смиренно вопіютъ: *не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый* (Пс. 142, 2); или: *кто похвалится чисто имѣти сердце? или кто дерзнетъ рещи чиста себе быти отъ грѣховъ?* (Притч. 20, 9); и еще: *нѣсть человѣкъ праведенъ на земли, иже сотворитъ благое и не согрѣшитъ* (Еккл. 7, 21). И на столько сознаютъ правду человѣческую слабою и несовершенною и всегда недостойною милосердія Божія, что одинъ изъ таковыхъ, коего грѣхи и беззаконія Богъ очистилъ горящимъ углемъ слова своего, взятымъ отъ олтаря, послѣ онаго чуднаго видѣнія, послѣ созерцанія горнихъ серафимовъ и откровенія таинъ небесныхъ, говоритъ: *о окаянный азъ, яко человѣкъ сый и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу* (Ис. 6, 5). Думаю, что онъ, можетъ быть, не почувствовалъ бы и тогда нечистоты устъ своихъ, если бы не удостоился познать истинную и всецѣлую чистоту совершенства созерцаніемъ Бога, при воззрѣніи на котораго вдругъ позналъ, прежде невѣдомую ему, нечистоту свою. Ибо когда говоритъ: *о окаянный азъ, яко человѣкъ сый и нечисты устнѣ имый*, то слѣдующее: *посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу*, ясно показываетъ, что онъ признается въ нечистотѣ своихъ устъ, а не народа. И еще когда въ молитвѣ исповѣдуетъ нечистоту какъ бы всѣхъ грѣшниковъ, то обрекаетъ общему наказанію не нечестивыхъ только, но и народъ праведныхъ, говоря: *се Ты разгнѣвался еси, и мы согрѣшихомъ, сего ради заблудихомъ и быхомъ яко нечисти вси мы, якоже портъ нечистыя, вся правда наша* (Ис. 64, 5. 6). Спрашиваю, что можетъ быть очевиднѣе сей мысли, поелику пророкъ, разсматривая не одну только правду, но всѣ правды наши, и обозрѣвая все, что почитается нечистымъ или отвратительнымъ, не могъ найти ничего, по обыкновенному человѣческому мнѣнію, гнуснѣе и нечище, и сравнилъ ихъ съ портомъ нечистыя?

Гл. 18. Итакъ напрасно очевиднѣйшей истинѣ противополагается хитрость замысловатаго возраженія: если никто не безгрѣшенъ, то и никто не святъ; а если никто не святъ, то никто не спасется. Свидѣтельствомъ пророка можно разрѣшить узелъ сего вопроса. *Се Ты разгнѣвался*, говоритъ онъ, *и мы согрѣшихомъ* (Ис. 64, 5); т. е. когда Ты, отвратившись отъ насъ, за превозношеніе сердца нашего или за небрежность нашу, лишилъ насъ своей помощи, тотчасъ насъ пожрала бездна грѣховъ, подобно тому, какъ если бы кто сказалъ свѣтлѣйшему составу солнца: вотъ ты

зашло, и насъ тотчасъ объяла мрачная тма. И однако же сей святый, говоря о томъ, что онъ согрѣшилъ, и не только согрѣшилъ, но и всегда пребываетъ во грѣхахъ, не отчаявается совершенно во спасеніи, но прибавляетъ: *въ сихъ всегда были и спасемся* (*). Сіи слова: *се Ты разгнѣвался еси, и мы согрѣшихомъ*, я сравню съ оными апостольскими: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея.* Потомъ прибавленное пророкомъ: *въ сихъ всегда были*, и *спасемся*, соотвѣтствуетъ апостольскому: *благодатію Бога моего, Іисусъ Христомъ, Господемъ нашимъ.* Подобнымъ образомъ и сіи слова пророка: *о окаянный азъ, яко человѣкъ сый и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечисты устнѣ имущихъ азъ живу*, кажется соотвѣтствуютъ вышеприведеннымъ словамъ апостола: *окаяненъ азъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* а послѣдующія слова пророка: — *и посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше уголь горящь, егоже клещами взятъ отъ олтаря: и прикоснуся устнамъ моимъ. и рече: се прикоснуся сіе устнамъ твоимъ и отъиметъ беззаконія твоя и грѣхи твоя очиститъ* (Ис. 6, 6. 7), — таковы, что кажутся произнесенными устами Павла, который говоритъ: *благодатію Бога моего, Іисусъ Христомъ, Господемъ нашимъ.* Итакъ, видите, какимъ образомъ всѣ святые не столько отъ лица народа, сколько отъ своего и искренно признаютъ себя грѣшниками, и однако нисколько не отчаяваются въ своемъ спасеніи, но сознавая, что не могутъ, по слабости природы человѣческой получить полноты оправданія, надѣются его отъ благодати и милосердія Божія.

(Окончаніе будетъ).

(*) In ipsis fuimus semper et salvabimur. Такъ по чтенію вулгаты оканчивается 5 ст. 64-й гл. Исаіи; въ переводѣ 70, этихъ словъ нѣтъ.

О НРАВАХЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩИХЪ ХРИСТІАНЪ.

ПИСЬМО 3.

Продолжаю прерванную въ прошедшемъ письмѣ нить разсказа о обыденныхъ занятіяхъ первенствующихъ христіанъ.

Крестное знаменіе предшествовало всякому труду и всякой работѣ ихъ, а пѣніе псалмовъ и духовныхъ пѣсней нерѣдко сопровождало ее. Оно было выраженіемъ спокойствія совѣсти, любви къ труду и благодушія ихъ? Въ полдень работу прекращали: это былъ часъ обѣда; но, прежде нежели садились за столъ, христіане призывали имя Господне и ограждали себя и предложенную трапезу крестнымъ знаменіемъ; считалось, кромѣ-того соотвѣтственнымъ и приличнымъ прежде насыщенія тѣла напитать душу; почему вкушенію пищи предшествовало чтеніе извѣстнаго отрывка изъ Библіи, послѣ чего опять осѣняли крестнымъ знаменіемъ предложенныя яства, воду, вино, плоды и проч. и читали краткую молитву. Формула ея сохранена у Оригена и читается такъ »О Ты, дающій питаніе всякой твари! подаждь намъ, по благодати твоей, пріобщиться во святынѣ яствъ сихъ, которыя уготовало намъ милосердіе твое. Ты бо, о Боже нашъ, обѣтовалъ нѣкогда ученикамъ твоимъ, что если призовется святое Имя твое, то,

аще что и смертно испіютъ они, *невредитъ ихъ*, ибо Ты безконечно благъ и безконечно всемогущъ. Отыми же отъ яствъ сихъ все то, что моглобы повредить душамъ или тѣламъ чадъ твоихъ!« (*) Если при трапезѣ присутствовалъ пресвитеръ, то благословеніе ея и чтеніе молитвы принадлежало ему; во все продолженіе стола, присутствовавшіе пѣли священные гимны одинъ послѣ другаго, или же общимъ хоромъ. Этотъ трогательный и прекрасный обычай выказывавшій чистоту души и радость спокойной совѣсти, возносилъ умъ къ Богу, предотвращалъ, кромѣ того, праздныя рѣчи за столомъ. По этой причинѣ, епископы и пресвитеры внушали отцамъ семействъ стараться о наученіи женъ и дѣтей своихъ священнымъ пѣснямъ — для того, то есть, чтобы они освящали ими не только работу, но и пищу свою (**). По окончаніи стола всѣ вставали, и воздавъ благодареніе Богу, пѣли еще какой либо священный гимнъ и опять читали извѣстное мѣсто изъ Писанія. Послѣ чего каждый отходилъ на дѣло свое; но многіе изъ христіанъ послѣобѣденное время преимущественно назначали для подвиговъ братской любви. Какъ въ современномъ намъ свѣтскомъ обществѣ послѣобѣденные часы назначаются обыкновенно для такъ называемыхъ эстетическихъ наслажденій — для театра, для слушанія музыки, пѣвцовъ и для разныхъ другихъ потѣхъ, разстроивающихъ очень часто благосостояніе и семейственное и хозяйственное: такъ древніе христіане эти самые часы посвящали для отнесенія пищи въ хижины бѣдныхъ, для пріема и упокоенія странныхъ, для умовенія ногъ ихъ, для посѣщенія и вспоможенія больнымъ и несчастнымъ, для свиданія съ заключенными въ темницѣ исповѣдниками и услажденія предсмертною бесѣдою ихъ. Кто лучше употреблялъ свое время — мы, или они — пусть рѣшаетъ самое дѣло.

Въ три часа послѣ обѣда христіане становились опять на молитву: ибо издревле, по примѣру пророковъ и апостоловъ, третій, шестой и девятый часы дня (*) отдѣляемы были Церковію для молитвы. Она вѣрила, что чѣмъ чаще чада ея будутъ обращаться къ заступленію и помощи Божіей, тѣмъ успѣшнѣе будутъ течь дѣла ихъ, тѣмъ вѣрнѣе будутъ одолѣвать они искушенія (**). Вечерній столъ христіанъ сопровождался тѣмъ же, чѣмъ утренній, то есть: благодареніемъ Богу, пѣніемъ священныхъ гимновъ и чтеніемъ изъ Писанія. По окончаніи его, они собирались снова для общей семейной молитвы, и, отходя послѣ нея ко сну, ограждали ложе свое крестнымъ знаменіемъ; но многіе изъ нихъ вставали еще въ полночь, для того, чтобы, по примѣру Давида, *въ полунощи исповѣдатися Господеви* (***).

Такова была обыденная жизнь первенствующихъ христіанъ! Когда она предлагается теперь для подражанія: то у кого изъ насъ не готовъ слетѣть съ устъ отвѣтъ: »это теперь не принято! Это — не въ обычаѣ«! И — точно, не въ обычаѣ теперь жить по христіански, какъ не въ обычаѣ и умирать истинно христіански. Только, вотъ что: насъ будетъ судить Богъ не по уставамъ обычая, а по уставу Евангелія. — »Іисусъ Христосъ, говоритъ Тертулліанъ, называется не обычаемъ, а истиною, истина же всегда и для всѣхъ

(*) Lib. II. in Ioan. p. 36.

(*) Clem. Alex. strom. lib. VII. p. 728 Chrysost. in Psalm. 40. n 2.

(*) По восточному счету часовъ дневныхъ, принятому христіанами вездѣ и соотвѣтствующему въ нашемъ времясчисленіи 9 утра, 12, и 3 час. по полуд.

(**) Clem. Alex. Strom. lib. VII. p. 722.

(***) Tertul. ad uxor. c. 5.

одна и таже. По этому, заключаетъ тотъ же писатель, тебѣ остается или перемѣнить имя, или перемѣнить нравы: aut muta nomen, aut muta mores« (*).

Честность, правдивость, благотворительность и вообще безупречная и святая жизнь христіанъ не могла не выставляться рѣзко среди современнаго имъ развращенія нравовъ и не привлекать на себя опаснаго вниманія языческаго общества. Въ цѣломудренной чистотѣ нравовъ ихъ, оно слышало нѣмой, но горькій упрекъ своему нечестію. Язычники не могли простить христіанамъ нравственнаго превосходства ихъ, и—вотъ со всѣхъ сторонъ посыпались на нихъ клеветы и насмѣшки, поднялись жестокія гоненія и притѣсненія: *уловимъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть и противится дѣломъ нашимъ... бысть намъ на обличеніе помышленій нашихъ, тяжекъ есть намъ и къ видѣнію, яко неподобно инымъ житіе его и отмѣнны стези его, въ поруганіе вмѣнихомся ему и удаляется отъ путей нашихъ яко отъ нечистотъ* (Прем. Сол. 2, 12—16). Такъ думало и такъ дѣйствовало языческое общество въ отношеніи къ христіанамъ!

Но къ чести человѣческой природы и въ средѣ его по временамъ появлялись люди, у которыхъ общественные предразсудки не затмѣвали совершенно здраваго смысла и которые не хотѣли обманывать ни себя, ни другихъ на счетъ христіанъ. Къ числу ихъ принадлежалъ извѣстный Плиній.—Вступивъ въ управленіе Виѳиніей, онъ нашелъ въ этой области такое множество христіанъ, что не зналъ какъ поступать съ ними. Съ одной стороны ему извѣстна была чистота и безукоризненное поведеніе христіанъ, съ другой—положеніе его, какъ правителя области, обязаннаго дѣйствовать въ видахъ правительства, требовало отъ него строгихъ мѣръ противъ христіанъ. Въ этой борьбѣ здраваго смысла съ предразсудками, впитанными отъ общества, онъ рѣшился обратиться за наставленіемъ къ другу своему, императору Траяну.

»Считаю обязанностью своею, писалъ къ нему Плиній, въ сомнительныхъ дѣлахъ обращаться къ тебѣ, государь, потому что никто лучше тебя не можетъ разрѣшить мое недоумѣніе или просвѣтить мое невѣдѣніе. Никогда не присутствовалъ я при вопросахъ по дѣламъ христіанъ; по этому не знаю, чего тутъ доискиваться и что наказывать. Не знаю также, нужно ли принимать въ соображеніе возрастъ обвиняемыхъ, т. е. надобно ли иначе поступать съ дѣтьми, иначе съ возрастными? Надобно ли снисходить къ раскаянію, или уже самое названіе: христіанинъ, должно считать неизгладимымъ преступленіемъ? Карать ли самое имя, или только преступленіе, если оно найдется въ обвиняемомъ«? Исчисливши потомъ мѣры, частію исправительныя, частію карательныя, которыя онъ дотолѣ принималъ противъ христіанъ и упомянувши о появленіи множества безъименныхъ доносовъ на нихъ, о мужествѣ высказанномъ многими изъ нихъ на судилищѣ, Плиній переходитъ къ поведенію христіанъ имъ дознанному и даетъ безпристрастное свидѣтельство о безупречности его — свидѣтельство потому уже вѣрное, что оно стороннее.—»Впрочемъ, пишетъ онъ, вотъ въ чемъ заключается, по ихъ показанію, все заблужденіе или вся вина ихъ. Они имѣютъ обыкновеніе собираться вмѣстѣ въ извѣстные дни еще до восхода солнечнаго, и въ этихъ собраніяхъ своихъ поютъ на двухъ хорахъ пѣснь въ честь Христу, какъ Богу, при чемъ обязываются взаимно клятвою не дѣлать никакихъ преступленій, ни воровства, ни грабительства, ни прелюбодѣянія, напротивъ обязываются быть честными въ словѣ и

(*) Также.

не утаивать залога, потомъ — расходятся и спустя немного опять собираются для вкушенія трапезы, состоящей изъ простыхъ и общеупотребительныхъ яствъ... Чтобы дознать полнѣе истину, я велѣлъ сдѣлать допросъ двумъ женщинамъ изъ сословія рабынь, о которыхъ ходила молва, что онѣ прислуживаютъ при этихъ собраніяхъ, но и тутъ я ничего не открылъ, кромѣ самаго жалкаго суевѣрія« (*). Траянъ отвѣчалъ Плинію, что безъименныхъ доносовъ принимать не слѣдуетъ и что христіанъ отыскивать не должно; впрочемъ, если кто будетъ обвиненъ въ христіанствѣ, то такого наказывать.

»Странное правосудіе, восклицаетъ Тертулліанъ, запрещаютъ отыскивать христіанъ, потому что сознаютъ ихъ невинность, и между тѣмъ велятъ наказывать ихъ, какъ виновныхъ! Можно ли допустить столь грубое противорѣчіе? Если вы находите христіанъ достойными осужденія, то почему не разыскиваете ихъ, а если не разыскиваете, то за что осуждаете« (**)? Это противорѣчіе дѣйствительно служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что въ глазахъ самихъ язычниковъ поведеніе первенствующихъ христіанъ было безукоризненно. Вотъ почему христіане апологеты, защищая дѣло своихъ собратій, смѣло обращались съ вызовомъ къ римской юстиціи указать хоть на одного преступника изъ числа христіанъ. »Ссылаемся, говоритъ Тертулліанъ, на реестры вашихъ судей и судилищъ, въ которыхъ ежедневно допрашиваются преступники и составляются приговоры; въ этой толпѣ всякаго рода злодѣевъ, убійцъ, святотатцевъ, воровъ, обольстителей, приводимыхъ въ ваши судилища, укажите намъ хоть одного христіанина, или лучше, въ числѣ обвиняемыхъ въ христіанствѣ назовите намъ хоть одного, который виновенъ былъ бы въ какомъ либо изъ сихъ преступленій. Итакъ, изъ вашихъ это рядовъ выходятъ тѣ, которыми переполняются ваши тюрьмы и рудники, въ вашихъ рядахъ набираются эти ватаги злодѣевъ, тѣла которыхъ утучняютъ звѣрей на вашихъ зрѣлищахъ; между ними нѣтъ христіанъ!... а если и есть, то вся вина ихъ въ томъ, что они христіане. Итакъ мы, одни мы непричастны преступленіямъ. И это пусть не удивляетъ васъ. Нравственная чистота составляетъ для насъ необходимость, нѣчто такое, безъ чего мы не можемъ обойтись. Мы знаемъ превосходство ея, потому что она внушается намъ Богомъ, виновникомъ и источникомъ ея. Мы хранимъ ее со всѣмъ усердіемъ, потому что она заповѣдуется намъ такимъ Судіей, котораго пренебрегать нельзя. А вы? Васъ учатъ, вамъ предписываютъ добродѣтель люди; вотъ почему вы не можете ни проникаться ею въ такой мѣрѣ, какъ мы, ни такъ бояться утратить ее, какъ боимся мы. Да и можетъ ли быть вѣрнымъ руководителемъ къ познанію истинной добродѣтели какой бы то ни было человѣкъ? Какимъ авторитетомъ владѣетъ онъ для того, чтобы обязать всякаго къ исполненію правилъ ея? Извѣстно, что самый умный человѣкъ подверженъ заблужденіямъ, что авторитетъ его ничтоженъ и что очень не трудно отдѣлаться отъ исполненія законовъ поставляемыхъ имъ по той причинѣ, что эти послѣдніе не углубляются въ тайники сердца и не преслѣдуютъ преступленій тайныхъ; самыя наказанія опредѣляемыя ими кратковременны и не переступаютъ за предѣлы нашей жизни... Совсѣмъ не то — у насъ... Зная, что ничто не ускользаетъ отъ взора всевидящаго Испытателя сердецъ и что вѣчное наказаніе угрожаетъ всякому преступленію, мы даемъ чрезъ это прочныя ручательства для истинной добродѣтели, которой главнаго виновника знаемъ и которая

(*) Epist. 97. (**) Apolog. c. 2.

поставлена у насъ подъ охрану будущихъ наказаній, обнимающихъ не какое либо извѣстное число лѣтъ, но простирающихся на всю вѣчность; словомъ: мы боимся Бога, а не проконсула« (*)!

Бояться Бога и не бояться никого кромѣ Его одного, иначе сказать: жить честно и добродѣтельно, не по внѣшнимъ побужденіямъ, но по внутреннему живому сознанію христіанскаго долга, носить Бога въ сердцѣ и совѣсти своей, или же, говоря словами Писанія, *ходить предъ Богомъ* (Быт. 17, 1), было главное правило поведенія древнихъ христіанъ, жившихъ среди соблазновъ языческаго общества. Таково должно быть и наше, если желаемъ достигнуть той непорочности въ жизни, которой образцы оставили они намъ.

СВЯТАЯ МАРІЯ МАГДАЛИНА (**).

Святая Марія Магдалина по происхожденію была изъ Галилеи. Она получила это названіе, по общепринятому мнѣнію, отъ города Магдала, находившагося на берегу озера Геннисаретскаго или Галилейскаго моря, въ недальнемъ разстояніи отъ Виѳсаиды. Будучи одержима тяжкимъ недугомъ отъ навожденія семи нечистыхъ духовъ и услышавши о чудотвореніяхъ Іисуса Христа, изгонявшаго бѣсовъ и врачевавшаго всякія болѣзни, она обратилась къ Нему съ твердымъ упованіемъ на Его всесильную помощь. Спаситель, проповѣдовавшій тогда слово евангельское въ Галилеи, оказалъ ей свое милосердіе, изгнавъ изъ нея семь бѣсовъ, причинявшихъ ей жестокія страданія (Марк. 16, 9. Лук. 8, 2). Освободившись отъ тѣлеснаго недуга, она вмѣстѣ съ тѣмъ сподобилась получить и душевное здравіе, будучи озарена свѣтомъ познанія истины, засвидѣтельствованнаго съ ея стороны непоколебимою вѣрою и пламенною любовію къ Тому, Кто спасъ ее отъ мукъ временныхъ и вѣчныхъ.

Послѣ этого Марія Магдалина сдѣлалась самою ревностною ученицею Іисуса Христа и, неотлучно слѣдуя за Нимъ вмѣстѣ съ прочими святыми женами, съ усердіемъ служила Ему до самаго времени страданія и крестной смерти Его (Матѳ. 27, 25. 26). Въ продолженіи сихъ плачевныхъ событій, она раздѣляла душевную скорбь пресвятой Дѣвы, Матери Господа, слѣдовала за нею на Голгоѳу и стояла съ Нею при крестѣ, утѣшая и поддерживая Ее, изнемогавшую отъ сердечной болѣзни, а по снятіи со креста божественнаго Страдальца горько оплакивала Его и слезами своими омывала пречистыя язвы Его. Желая послужить Ему по смерти, какъ служила при жизни, вѣрная ученица и послѣдовательница нѣсколько разъ посѣщала мѣсто погребенія Его, чтобы помазать благовоніями Его пресвятое тѣло. Въ третій день послѣ кончины Богочеловѣка, она, съ нѣкоторыми другими благочестивыми женами, еще до восхожденія солнца пришла съ приготовленными ароматами ко гробу, но увидѣвши его отверстымъ, немедленно удалилась, полагая, что тѣло Господа перенесено оттуда въ другое мѣсто Она объявила о видѣнномъ ею апостоламъ. Петру и Іоанну, которые въ сопровожденіи ея поспѣшно пошли къ могильной пещерѣ, но, на-

(*) Apolog. c. 44. 45.
(**) Память ея 22 Іюля.

шедши здѣсь одну только погребальную плащаницу, возвратились. Марія осталась одна, проливая слезы, и когда приникла во гробъ, то увидѣла тамъ двухъ Ангеловъ въ бѣлыхъ одеждахъ, которые сидѣли на томъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло Іисусово. Они спросили ее: *жено, что плачешися?* и получили такой отвѣтъ: *взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша Его* (Іоан. 20, 13). Послѣ сего она озрѣлась вспять и увидѣла самого Іисуса стоявшаго, но, не узнавъ Его, приняла за вертоградаря и сказала: *господи, аще ты еси взялъ его* (тѣло Іисусово), *повѣждь ми, гдѣ еси положилъ его, и азъ возму его* (ст. 15). Когда же Іисусъ назвалъ ее по имени, то она тотчасъ узнала Его, поверглась къ ногамъ Его и хотѣла обнять ихъ, но Спаситель остановилъ ее, запретивъ прикасаться къ Нему, и повелѣлъ ей возвѣстить ученикамъ все видѣнное и слышанное ею, что и было исполнено тогда же. На возвратномъ пути къ апостоламъ, она, вмѣстѣ съ прочими мироносицами, видѣла Іисуса въ другой разъ, при чемъ всѣ онѣ поклонились Ему и обнимали ноги Его.

Неоднократное посѣщеніе гроба Господня Маріею Магдалиною ясно показываетъ, сколь великую, въ сравненіи съ другими, питала она любовь къ своему божественному Учителю. По этому и сама была особенно любима Господомъ, какъ явствуетъ, между прочимъ, изъ того, что Онъ, если не прежде всѣхъ, то по крайней мѣрѣ прежде апостоловъ и другихъ мироносицъ благоволилъ явиться ей послѣ своего воскресенія (Марк. 16, 9) (*).

И какъ она была одною изъ первыхъ свидѣтельницъ явленія воскресшаго Христа, такъ равно была едва ли не первою и при томъ самою дѣятельною благовѣстницею воскресенія Его. Древнѣйшее преданіе удостовѣряетъ, что по вознесеніи Господнемъ Марія, подобно апостоламъ, проходила многія страны съ проповѣдію евангельскою, отъ чего и получила названіе равноапостольной. По сказанію церковнаго писателя Никифора Каллиста, она путешествовала даже въ Римъ, гдѣ представлялась императору Тиверію и возвѣстила ему важнѣйшія обстоятельства земной жизни Іисуса Христа, въ особенности же Его неповинныя страданія и крестную смерть; въ слѣдствіе чего Тиверій, разгнѣванный несправедливыми поступками прокуратора іудейскаго Пилата и первосвященника Каіафы, подвергъ ихъ заслуженному наказанію (Ник. Калл. кн. 2, гл. 10). Послѣ блаженнаго успенія Богоматери, святая Магдалина удалилась съ апостоломъ Іоанномъ въ Ефесъ, и тамъ послуживши вмѣстѣ съ нимъ спасенію человѣческому водвореніемъ вѣры Христовой, скончалась и погребена была при входѣ въ пещеру, въ которой послѣ почили святые отроки ефесскіе (Синакс. въ нед. мурон.). Греческій императоръ Левъ философъ, около 890 года, повелѣлъ перенести честныя мощи равноапостольной мироносицы изъ Ефеса въ Константинополь и положилъ ихъ въ обители святаго Лазаря. Латиняне думаютъ, что нынѣ онѣ находятся въ Римѣ, въ древней церкви Іоанна Латранскаго. Если это справедливо, то можно полагать, что мощи Маріи Магдалины перенесены туда изъ Константинополя по взятіи сего города латинскими крестоносцами въ 1204 году.

(*) Нѣкоторые, согласно съ преданіемъ, полагаютъ не безъ основанія, что Спаситель, по воскресеніи своемъ, явился прежде всѣхъ пресвятой Матери своей.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 10-го Іюля 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 20.

НЕДѢЛЯ 12 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

3 Августа 1858 г.

Гласъ 3-й.

На утрени: евангеліе воскресное 1-е, Матѳ. зач. 116. На Литургіи: апост. 1 Кор. зач. 158, еванг. Матѳ. зач. 79.

ИЗЪ СОБЕСѢДОВАНІЙ ПРЕПОДОБНАГО ІОАННА КАССІАНА СЪ СКИТСКИМИ СТАРЦАМИ:

АВВЫ ѲѲОНЫ, ИЗЪЯСНЕНІЕ СЛОВЪ АПОСТОЛА: *не еже хощу доброе, сіе творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.* Рим. 7, 19.

Гл. 19. Что никто, въ сей жизни, какъ бы святъ ни былъ, не свободенъ отъ долговъ грѣховныхъ, этому научаетъ насъ и наставленіе Спасителя, который, передавая ученикамъ своимъ образецъ совершенной молитвы, между прочими возвышенными и священнѣйшими заповѣдями, (кои, будучи переданы святымъ и совершеннымъ, не могутъ приличествовать злымъ и невѣрнымъ), повелѣваетъ и сіе: *и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. 6, 12). Если же, какъ мы несомнѣнно должны вѣрить, сія истинная молитва произносится святыми, то кто будетъ такъ упоренъ и дерзокъ, такъ надменъ діавольскою гордостію, чтобы, признавая себя безъ грѣха, не только считать себя лучше апостоловъ, но и самаго Спасителя обличать какъ бы въ незнаніи и суесловіи, будтобы, то есть, Онъ или не зналъ, что кто нибудь можетъ быть свободенъ отъ долговъ, или напрасно училъ тѣхъ, о которыхъ зналъ, что они не нуждаются въ врачествѣ оной молитвы? И когда всѣ святые, сохраняя заповѣдь своего Царя, ежедневно говорятъ: *остави намъ долги наша*; то если они говорятъ правду, значитъ никто несвободенъ отъ вины; а если говорятъ это ложно, значитъ не чужды грѣха лжи. Посему-то, и мудрѣйшій Екклесіастъ, обозрѣвая мыслію всѣ дѣла и занятія человѣческія, возвѣщаетъ, безъ всякаго исключенія: *яко нѣсть человѣкъ праведенъ на земли, иже сотворитъ благое и не согрѣшитъ* (Еккл. 7, 20), т. е. никто не могъ и не можетъ обрѣстись столь святымъ,

столь внимательнымъ и постояннымъ, чтобы могъ постоянно стремиться къ оному единственному благу и не чувствовалъ себя согрѣшающимъ, отвлекаясь отъ него. Но хотя и говорится, что никто не можетъ быть свободенъ отъ грѣха, однакоже не говорится, что совершенно нѣтъ праведныхъ.

Гл. 20. Итакъ, кто природѣ человѣческой приписываетъ безгрѣшность, тотъ пусть споритъ съ нами не пустыми словами, но свидѣтельствомъ и одобреніемъ своей совѣсти, и тогда пусть объявляетъ себя безгрѣшнымъ, когда сознаетъ, что онъ не отклоняется мыслію отъ верховнаго блага: даже и тотъ, кто повѣряя совѣсть свою, признаетъ, что онъ посѣтилъ, не говорю болѣе, но покрайней мѣрѣ одно молитвенное собраніе, безъ всякаго развлеченія словомъ, или дѣломъ, или помысломъ, и тотъ пусть объявитъ себя безгрѣшнымъ. Поелику же мы сознаемся, что не можемъ освободиться отъ быстраго перехода ума человѣческаго ко всѣмъ пустымъ и излишнимъ предметамъ, то по этому самому, слѣдовательно, чистосердечно сознаемся, что никто изъ насъ не безгрѣшенъ. Ибо съ какимъ бы усиліемъ ни старался кто охранить свое сердце, однако, при противоборствѣ плоти, никогда не убережетъ его по желанію духа: потому что умъ человѣческій, чѣмъ болѣе успѣваетъ и достигаетъ болѣе совершенной чистоты созерцанія, тѣмъ болѣе видитъ себя нечистымъ, какъ бы чрезъ зерцало своей чистоты, поелику духъ, стремясь къ высшему созерцанію и желая больше, нежели дѣлаетъ, по необходимости всегда смотритъ на настоящее свое состояніе, какъ на низшее и несовершенное.

Гл. 21. Болѣе чистый взоръ замѣчаетъ больше и при безукоризненной жизни бываетъ сильнѣе обличеніе себя, а исправленіе нравовъ и постоянное ревнованіе о добродѣтели умножаетъ стенанія и воздыханія. Ибо никто не можетъ быть доволенъ тою степенью, которой достигъ, и чѣмъ чище кто дѣлается умомъ, тѣмъ болѣе видитъ себя нечистымъ и находитъ больше причинъ къ смиренію, нежели къ превозношенію, и чѣмъ сильнѣе стремится кто къ высотѣ, тѣмъ болѣе видитъ, что много еще остается для него, къ чему должно ему стремиться. Наконецъ и оный чудный Апостолъ, *егоже любляше Іисусъ, иже и возлеже на персѣхъ Его* (Іоан. 21, 20), какъ бы изъ сердца Господня изнесъ сіи слова: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). Итакъ говоря, что въ насъ нѣтъ грѣха, не имѣя въ себѣ истины, т. е. Христа, что иное показываемъ симъ исповѣданіемъ, какъ не то, что мы не только грѣшники, но и преступники и нечестивые? И если угодно точнѣе изслѣдовать, возможно ли человѣческой природѣ обладать безгрѣшностію, то отъ кого лучше можемъ узнать сіе, какъ не отъ тѣхъ, которые *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24) и которымъ, по истинѣ, *міръ распялся* (6, 14)? Но хотя они не только искоренили изъ сердецъ своихъ всѣ пороки, но старались исторгнуть и помыслы и памятованіе о грѣхахъ, однакоже, тѣмъ не менѣе, ежедневно искренно исповѣдуютъ, что они ни на одинъ часъ не свободны отъ скверны грѣха. Впрочемъ признавая себя грѣшниками, мы не должны удаляться отъ пріобщенія Господня, но напротивъ съ усиліемъ должны, сколь можно чаще спѣшить къ нему, ради врачеванія души и очищенія духа: разумѣется, съ такимъ смиреніемъ ума и вѣрою, чтобы, сознавая себя недостойными принятія таковой благодати, мы испрашивали скорѣйшаго врачевства нашимъ язвамъ. А съ другимъ расположеніемъ духа и однажды въ годъ нельзя приступать достойно къ пріоб-

щенію, такъ дѣлаютъ нѣкоторые, кои, живя въ монастыряхъ, какъ измѣряютъ достоинство, святость и цѣну небесныхъ таинствъ, что думаютъ, будто ихъ должны принимать только святые и безгрѣшные, а не такъ, что они-то и дѣлаютъ насъ святыми и чистыми. Думающіе такъ, подлинно впадаютъ въ большую дерзость превозношенія, чѣмъ отъ какой хотятъ уклониться. поелику по крайней мѣрѣ тогда, когда принимаютъ таинства, считаютъ себя достойными ихъ принятія. Гораздо справедливѣе, со смиреніемъ сердца вѣруя и исповѣдуя, что мы никогда, по заслугамъ, не можемъ прикоснуться къ симъ тайнамъ, приступать къ нимъ кождый воскресный день, для врачеванія нашихъ немощей, нежели надмеваясь суетнымъ убѣжденіемъ сердца, считать себя черезъ годъ достойнымъ ихъ принятія. А чтобы мы могли уразумѣть и плодотворно содержать сіе, будемъ усерднѣе умолять милосердіе Божіе, да поможетъ намъ совершать сіе; поелику сему поучаются не такъ, какъ человѣческимъ искуствамъ, которыя предварительно объясняются словами, но самымъ дѣломъ и опытностію, и притомъ, если не будетъ сіе съ одной стороны изслѣдуемо и часто повторяемо въ собесѣдованіяхъ духовныхъ мужей, а съ другой тщательно обновляемо примѣрами и ежедневнымъ опытомъ, то или теряетъ силу по нерадѣнію, или погибаетъ отъ безпечнаго забвенія.

СЕМЕЙНЫЯ РАЗДѢЛЕНІЯ РАДИ ВѢРЫ И БЛАГОЧЕСТІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

И врази человѣку домашніи его (Матѳ. 10, 36).

На поприщѣ христіанскаго самоотверженія при указанныхъ условіяхъ на пути къ высшему нравственному совершенству, сколько можетъ быть поводовъ, сколько случаевъ къ раздѣленіямъ и разлученіямъ между отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью — и даже между мужемъ и женою, не смотря на то, что тѣ и другія могутъ стоять на одномъ пути христіанскаго благочестія, служить одному Господу Іисусу. Одинъ изъ членовъ семейства призывается Богомъ посвятить себя исключительно на служеніе Ему и для этого хочетъ оставить семейство свое и всѣ житейскія обязанности, чтобы безпрепятственнѣе путемъ высшаго самоотверженія достигнуть нравственнаго совершенства. Прочіе члены семейства во имя всѣхъ семейныхъ правъ, обязанностей и отношеній, во имя родственной любви и признательности удерживаютъ его на обыкновенномъ пути христіанской жизни. Что дѣлать въ такомъ случаѣ тому, кто призывается къ высшему христіанскому совершенству? Если онъ склонится на убѣжденіе своихъ родныхъ, это будетъ значить, что онъ любитъ отца, или сына, или дщерь болѣе, нежели Господа, и потому не достоинъ мзды, уготованной истинно любящимъ Его; если же онъ неотступно послѣдуетъ влеченію христолюбивой души своей и своему призванію, то онъ по необходимости долженъ оставить отца и мать, сына и брата (*). Вотъ одинъ изъ многихъ подобныхъ примѣровъ въ исторіи христіанскаго подвижничества. Въ Римѣ, въ царствованіе Аркадія и Гонорія (395—423), у одного богатаго вельможи, по имени Евфиміана, благочестиваго христіанина, былъ единственный сынъ Алексій, который родился у него послѣ долголѣтняго неплодства жены его и послѣ долговременной и усердной молитвы неплодной матери къ Богу. Сынъ христолюбивыхъ роди-

(*) Нужно впрочемъ помнить, что Церковь никого не обязываетъ къ высшимъ родамъ подвижнической жизни,—даже не совѣтуетъ принимать ихъ на себя безъ особеннаго призванія Божія.

телей, воспитанный въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, отъ лѣтъ ранней юности всѣмъ сердцемъ своимъ возлюбилъ Господа и святую жизнь по заповѣдямъ Его: тайно отъ родителей и отъ всѣхъ, онъ съ раннихъ лѣтъ носилъ на тѣлѣ своемъ жесткую власяницу. Съ возрастомъ тѣлеснымъ росла и крѣпла въ немъ и любовь къ Господу и служенію Ему: онъ положилъ въ душѣ своей обѣтъ не измѣнять святой любви сей. Между тѣмъ, когда онъ пришелъ въ совершенный возрастъ, родители соединили его бракомъ съ одною богатою дѣвицею. Безмолвно таилъ въ душѣ своей Алексій исключительную любовь свою къ Господу и повиновался волѣ родителей; но когда пришло время измѣнить этой святой любви къ Іисусу Христу для любви супружеской, онъ, вручивъ новобрачной женѣ своей брачный перстень и поясъ въ залогъ чистой, дѣвственной любви къ ней, тайно ночью скрылся изъ дому, оставивъ отца, мать и жену. Семнадцать лѣтъ провелъ этотъ человѣкъ Божій на чужой сторонѣ въ подвигахъ произвольной нищеты и молитвы; потомъ, бурею на кораблѣ занесенный къ берегамъ Рима, онъ еще 17 лѣтъ жилъ при домѣ отца своего подъ видомъ нищаго, въ такихъ же подвигахъ поста и молитвы, бывъ постояннымъ свидѣтелемъ скорби и слезъ, съ какими плакали о немъ его мать и жена. Тайна открылась по смерти подвижника изъ оставленной имъ рукописи. Отъ мощей человѣка Божія открылись различныя чудеса исцѣленій. Святый подвижникъ съ того времени прославляется какъ западною, такъ и восточною церковію (*). Сказаніе о немъ, по своей занимательности и трогательности, изъ нашихъ Четьихъ-Миней перешло въ народную даже извѣстность, такъ что объ немъ знаютъ всѣ и простые христіане, объ немъ даже поютъ наши нищіе въ простонародныхъ, религіозныхъ пѣсняхъ.

Что выразилось въ этомъ поступкѣ, въ этой подвижнической жизни, въ этомъ отреченіи отъ соблюденія естественныхъ отношеній сына къ отцу, къ матери, женѣ? Отвѣтъ на подобный вопросъ для каждаго христіанина заключается уже въ судѣ вселенской Церкви: она указываетъ прославленіемъ подвижника, что въ высокихъ подвигахъ его жизни выразился духъ высшаго самоотверженія христіанскаго и стремленіе къ высшему нравственному совершенству, духъ евангельскихъ совѣтовъ, духъ Христовъ. А между тѣмъ, вотъ какъ могутъ смотрѣть люди, въ мірѣ христіанскомъ, на это явленіе въ исторіи христіанскихъ подвижниковъ.

»Слышали ли вы когда нибудь на рынкѣ »пѣсню убогихъ слѣпцовъ *о томъ сынѣ, который скрылся изъ отцовскаго дома, пришелъ »назадъ одѣтый во вретище и поселился, »какъ незнаемый нищій, въ канурѣ подъ »порогомъ* (у порога) *родительскаго дома, »и каждый день слышалъ вздохи отца, стоны матери о погибшемъ возлюбленномъ »сынѣ, и укрѣпляясь духомъ молчалъ, и »только чрезъ много лѣтъ, въ минуту »смерти, открылъ имъ, что онъ сынъ ихъ?* »Читалиль вы недавно въ нашихъ газетахъ »разсказъ о томъ, какъ одна мать зарѣзала »двухъ своихъ дѣтей, зарѣзала съ любовію, »съ ласкою, чтобы сдѣлать двухъ мучениковъ »и самой спасти душу, спасеніемъ двухъ душъ »отъ земнаго соблазна? Въ аскетическихъ »письмахъ Гоголя вѣетъ *тотъ же самый »духъ ослѣпленнаго экстаза*,—духъ побуж»давшій нѣкогда сибирскихъ раскольниковъ со»жигаться добровольно въ домахъ своихъ, съ

(*) У насъ совершается память его 17 марта, и сказаніе о немъ въ нашихъ Четьихъ-Минеяхъ извлечено изъ Метафраста. Въ Римской церкви празднуютъ ему 17 Іюля.

»восторженными гимнами о спасеніи, или при»обрѣтаемомъ чрезъ муки смертныя?... Не воз»можно не удивляться силѣ души этихъ сожи»гавшихъ себя изувѣровъ, этой несчастной »женщины — убійцы дѣтей; но *невозможно »и не проклинать лжеученія, дававшаго »такое* противуестественное, такое *пагубное »направленіе* энергіи, которая могла бы совер»шить столько прекраснаго и великаго, если »бы направлена была къ разумнымъ цѣлямъ« (*). Кто не узнаетъ въ описаніи этого сына, ушедшаго изъ дома отцовскаго, а потомъ возвратившаго въ видѣ нищаго и жившаго въ капурѣ у порога отцовскаго дома, — кто не узнаетъ въ описаніи этого сына указаніе на разсказанную нами исторію чудныхъ подвиговъ святаго человѣка Божія Алексія, болѣе 14 вѣковъ прославляемаго церковію, восточною и западною, какъ великаго угодника Христова? Итакъ по разумѣнію критика, высокіе подвиги святаго Алексія, злодѣяніе матери, зарѣзавшей двухъ дѣтей своихъ и самосожженіе сибирскихъ раскольниковъ, — дѣйствія одного нравственнаго достоинства: всѣ они суть произведенія *ослѣпленнаго экстаза*, плоды *изувѣрства*; несмотря на выраженіе въ нихъ рѣшительнаго самоотверженія, *ихъ нельзя не проклинать*, какъ порожденіе страшнаго лжеученія!!

Что это? Какія начала, какой духъ разумѣнія двигали мыслями и перомъ автора такихъ сужденій? — Можетъ быть тутъ выражается одно незнаніе подлинной исторіи человѣка Божія, и святые его подвиги поставлены на ряду съ дѣтоубійствомъ матери и самосожиганіемъ раскольниковъ потому только, что критикъ первое и единственное свѣденіе о нихъ получилъ изъ пѣсни убогихъ слѣпцовъ, гдѣ въ героѣ пѣсни можно и не узнать подвижника Христова? — Отъ души сознаемся, что мы не желали бы ничего другаго предполагать въ душѣ сочинителя, если бы ученый критикъ позволилъ усвоить себѣ подобное невѣденіе, и если бы это могло защитить его отъ обвиненія въ заблужденіи. Есть случаи, гдѣ невѣденіе грѣха не творитъ, но есть случаи, гдѣ невѣденіе не принимается въ оправданіе грѣха. Невѣденіе подъ перомъ ученаго критика, невѣденіе въ области простыхъ и ясныхъ истинъ вѣры, доступныхъ вѣденію и невѣждѣ, наконецъ невѣденіе въ такой степени, что мѣшаетъ черное съ бѣлымъ, добродѣтель съ порокомъ, высокое нравственное совершенство съ отвратительнымъ злодѣяніемъ, — такое невѣденіе само есть грѣхъ и порокъ. Притомъ сколько извѣстно, пѣснь убогихъ о святомъ Алексіѣ сложена вовсе не съ такимъ духомъ и направленіемъ, чтобы она могла подать поводъ высокую рѣшимость подвижника на величайшее нравственное самоотверженіе назвать такимъ изувѣрствомъ, котораго нельзя не проклинать. Впрочемъ у критика дѣло идетъ не объ источникѣ сказаній и пѣсни слѣпцовъ, не о сомнѣніи его въ подлинности исторіи (*). Вопросъ о духѣ и направленіи, какіе выразились въ высокой рѣшимости и въ самоотверженномъ терпѣніи подвижника, который обрекъ себя на лишеніе и нищету, отца, мать и жену на скорби и слезы, и все это дѣлалъ и терпѣлъ ради Христа, ради собственнаго спасенія. Вопросъ въ томъ, могутъ ли быть такія явленія плодомъ духа евангельскаго, духа Христова?

Въ самомъ дѣлѣ, не соблазнила ли критика та видимая, наружная жесткость въ

Совр. 1857 г. № VIII въ отд. крит. стр. 141.

(*) Обширное и критическое изслѣдованіе источниковъ сказанія о жизни и подвигахъ св. Алексія человѣка Божія см. apud Bolland. Act. Sanctor. tom. IV M, Julii sub XVII. Jun. pag. 238—270;

поступкѣ подвижника Христова, по которой онъ вмѣстѣ съ изумительною строгостію къ себѣ заставляетъ, по видимому напрасно, страдать отца, мать, жену? Не по этой ли наружной сторонѣ своей высокій подвигъ христіанскаго самоотверженія показался автору сходнымъ и по духу и по началамъ съ злодѣяніемъ дѣтоубійства и самосожженія? Но основательный мыслитель не позволитъ навязать себѣ и сего невѣжества. Какому образованному человѣку неизвѣстно, что въ явленіяхъ и міра естественнаго, и міра нравственнаго не все сходное по виду сходно и по причинамъ своимъ, по духу и по цѣли. А различіе явленій въ послѣднихъ отношеніяхъ, пусть они будутъ сходны между собою по всѣмъ наружнымъ признакамъ, дѣлаетъ ихъ различными по существу до совершенной противоположности, На примѣръ, умереть исповѣдникомъ и мученикомъ за вѣру и истину Христову, и умереть въ мукахъ и страданіяхъ за возмутительныя идеи противъ власти, противъ порядка и устройства общественнаго, или погибнуть въ мукахъ самосожженія, неужели это, въ самомъ дѣлѣ, одно и тоже? И душевное восхищеніе святыхъ отъ присутствія въ нихъ Духа Божія похоже и можетъ казаться похожимъ на изступленіе человѣка отъ излишняго употребленія вина [см. Дѣян. 2, 3—19]: но какая противоположность по существу и достоинству между однимъ состояніемъ и другимъ? Прорицаетъ и пророкъ Божій, прорицаетъ и оракулъ языческій: но развѣ это одно и тоже по причинамъ и цѣлямъ? Были апостолы христовы, благовѣстники спасенія человѣку, были и *лживи апостоли, дѣлатели лстивіи, преобразующеся во апостолы Христовы* (см. тамъже 13): но между послѣдователями однихъ и послѣдователями другихъ столькоже различія, сколько различія между истиною и ложью. Былъ на землѣ и еще будетъ Христосъ Сынъ Божій, Искупитель міра, были и будутъ лжехристы, былъ Магометъ врагъ Христовъ, будетъ и Антихристъ, и всѣ они дѣйствовали и будутъ дѣйствовать во имя Божіе: а между тѣмъ, что сходнаго между Сыномъ Божіимъ и сынами діавола, между вѣчною погибелью и вѣчнымъ спасеніемъ?!.. Зло всегда облекается въ одежду добра, иначе кто бы принялъ его? Ложь всегда прикрывается личиною истины, иначе кто бы послѣдовалъ ей? И потому, что удивительнаго, если часто духъ ложный, духъ злой тамъ или здѣсь, такъ или иначе совершаетъ дѣла, для которыхъ потребно столько же напряженія и самоотверженія, сколько требуется и для подвиговъ, которые бываютъ плодомъ духа Христова? Посему то христіанину и внушается строгая предосторожность и бдительность для того, чтобы онъ видѣлъ, гдѣ дѣйствуетъ духъ Христовъ и гдѣ духъ лживый: *возлюбленніи, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть* (1 Іоан. 4, 1)! *Мнози лестцы внидоша въ міръ. Блюдите себе, да не погубите, яже дѣласте добрая* (2 Іоан. 7, 8).

Кто затрудняется видѣть прямое и существенное отношеніе всѣхъ подробностей строгаго самоотверженія въ жизни подвижника Христова къ дѣлу спасенія и высшаго нравственнаго совершенства; тому не должно никогда забывать, что кромѣ убѣжденій разсудка есть еще убѣжденіе вѣры. Вы христіанинъ и вѣруете во Христа Сына Божія: вѣруете, что нѣтъ истиннѣе Его ученія, нѣтъ святѣе Его дѣйствій. Но вотъ — предъ судомъ вашей вѣры высочайшій изъ подвижниковъ самоотверженія и духовнаго совершенства — Іоаннъ Креститель: онъ оставилъ домъ, обиталъ въ пустынѣ, *имѣяше ризу свою отъ влас велблюждь, и поясъ усменъ о чрес-*

льхъ своихъ (образъ другаго великаго человѣка Божія, пророка Иліи: 4 Цар. 7, 8): *снѣдь же его бѣ пружіе* (насѣкомыя изъ рода саранчи) *и медъ дивій* (Матѳ. 3, 4). Что же говоритъ объ этомъ подвижникѣ Господь, вопреки всѣмъ современнымъ тогда понятіямъ о подвижничествѣ и подвижникѣ, вопреки фарисеямъ и садукеямъ, по взгляду которыхъ Іоаннъ казался человѣкомъ, *имущимъ бѣса? Глаголю вамъ: болій въ рожденныхъ женами пророка Іоанна Крестителя никтоже есть* (Лук. 7, 28 - 35). — Вотъ еще — на судъ вѣры вашей поступокъ самаго Господа нашего Іисуса Христа изъ отношеній Его къ пресв. Матери своей и Іосифу: на тринадцатомъ году человѣческаго возраста Его, когда они возвращались домой съ праздника пасхи, Іисусъ уклонился отъ нихъ и остался въ Іерусалимѣ. *По тріехъ днехъ* они *обрѣтоста его въ церкви, сѣдящаго посредѣ учителей, и послушающаго ихъ, и вопрошающаго ихъ... И къ Нему Мати Его рече: чадо, что сотвори намъ тако? Се отецъ твой и азъ болящѣ искахомъ тебе!* Что же отвѣчалъ на этотъ скорбный вопросъ Сынъ Ея, Учитель истины, который пришелъ на землю исполнить весь законъ и который со всею строгостію подтвердилъ предписаніе заповѣди о высокомъ почтеніи дѣтей къ родителямъ? *И рече къ нима, что яко искасте мене? не вѣсте ли яко въ тѣхъ, яже Отца моего достоитъ быти ми?...* (Лук. 2, 41 — 51). Въ другой разъ во время служенія своего спасенію человѣка, когда сказали Ему, что къ Нему пришли мать и братья Его и, желая видѣться съ Нимъ, стоятъ внѣ дома за невозможностію подойти къ Нему отъ множества народа, — Онъ отвѣчалъ: *кто есть мати моя? и кто суть братія моя? И простеръ руку свою на ученики своя, рече: се мати моя и братія моя. Иже бо аще сотворитъ волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ, той братъ мой, и сестра и мати ми есть* (Матѳ. 12, 45 — 49). Чтоже значатъ эти поступки? — Обязанности дѣтей въ отношеніи къ родителямъ вообще — священныя обязанности, и нарушеніе ихъ есть преступленіе, но не всегда: есть случаи, призванія, служенія, обязанности, ради которыхъ оставленіе обязанностей въ отношеніи къ родителямъ не есть преступленіе, а на оборотъ. И вотъ Спаситель міра, пришедшій положить душу свою за спасеніе людей своихъ, требовавшій отъ будущихъ служителей спасенію людей полнаго самоотверженія, научавшій всѣхъ послѣдователей своихъ предпочитать любовь къ Богу и богоподобной жизни всякой естественной любви къ отцу и матери, къ сыну и къ брату, въ образецъ подражанія другимъ и Самъ на Себѣ оправдалъ истину высокаго требованія и ученія своего, когда становился въ положеніе самоотверженнаго служенія спасенію человѣческому. Теперь поставьте рядомъ указанныя два обстоятельства изъ земной жизни Господа и поведеніе св. Алексія въ отношеніи къ его родителямъ, и судите ихъ однимъ судомъ, потому что онѣ — проявленіе одного духа, выраженіе одной истины... Боже мой, уже ли изъ устъ христіанина можно услышать судъ, который все это признаетъ выраженіемъ духа, подобнаго духу, двигавшему рукою матери на дѣтоубійство и волею раскольника на самосожженіе?!

Итакъ, можетъ быть невѣріемъ назвать тотъ духъ, который движетъ мыслями и перомъ такого судіи, предъ судомъ котораго и самообольщенный злодѣй и самоотверженный подвижникъ Христовъ — одно и тоже? Нѣтъ, нельзя назвать его и прямымъ невѣріемъ: прямое невѣріе высказывается открыто и дерзко; отрицательный взглядъ его шире; представители его смѣло и прямо становятся въ лицо

противнику, а не любятъ облекаться въ чужую одежду, или становиться въ положеніе такого человѣка, который хочетъ бросить камень въ противника, чтобы нанести ему ударъ, но такъ, чтобы самому остаться незамѣченнымъ и неузнаннымъ. Такъ дѣйствуетъ нынѣ современный и своеобразный духъ суемудрія, который, очевидно, не принадлежитъ къ области святой вѣры, но не есть и всеотрицающее невѣріе, который нельзя назвать ни своеправнымъ суевѣріемъ, ни положительнымъ лжевѣріемъ: его скорѣе можно назвать *самовѣріемъ* или *своевѣріемъ*. Представители такого духа громко говорятъ за вѣру Христову, какъ за собственное достояніе, съ негодованіемъ отвергаютъ невѣріе, съ ревностію возстаютъ противъ суевѣрія, знаютъ, чѣмъ отличается лжевѣріе отъ правовѣрія; но при всемъ томъ изъ обширной области предметовъ апостольскаго, отеческаго, вселенскаго вѣроученія вѣруютъ не во все, а однѣ истины принимаютъ, другія отвергаютъ по своему выбору, по своему разумѣнію и усмотрѣнію, руководствуясь въ этомъ отношеніи не откровенными и положительными началами вѣроученія и нравоученія, а своеобразными началами, которыхъ повѣркою всегда служитъ болѣе или менѣе разумъ,—его естественныя понятія о человѣкѣ, о его природѣ, о его добрѣ и злѣ, о его жизни, о его временномъ и вѣчномъ назначеніи и о средствахъ, какими достигать того и другаго. Оттого и выходитъ, что худое въ человѣкѣ по указанію и суду вѣры, по взгляду и суду представителей такого духа *своевѣрія* должно быть добрымъ, и высочайшая добродѣтель христіанскаго самоотверженія имъ кажется порожденіемъ духа, который способенъ производить одни уродливыя злодѣянія. А между тѣмъ, въ какія свѣтовидныя и благовидныя одежды облекается этотъ духъ *своевѣрія!* Онъ провозглашаетъ, что трудится и ратуетъ-то во имя истинной и святой вѣры, чтобы очистить ее отъ мнимаго суевѣрія, то во имя просвѣщенія и истины, разумѣя то и другое по своему, то во имя счастія и блаженства человѣка на землѣ, и на небѣ, указывая для сего средства по своему разумѣнію, то во имя человѣколюбивыхъ идей всеобщей любви и братства между людьми и народами, жертвуя для этого бездушнаго и своекорыстнаго братства всѣмъ, что отдѣляетъ вѣру отъ лжевѣрія, православіе отъ неправославія, богооткровенную истину отъ мнѣнія человѣческаго, Христову и апостольскую Церковь отъ послѣдователей Магомета и подобныхъ, жизнь по заповѣдямъ евангелія и духу Христову, отъ жизни по влеченію естественныхъ потребностей человѣка и по духу міра. Что сказать о всѣхъ подобныхъ заботахъ, хлопотахъ и услугахъ въ отношеніи къ истинной вѣрѣ и жизни христіанина? Какъ смотрѣть на такихъ тружениковъ, съ ретивостію глашающихъ ко всѣмъ о сочувствіи и содѣйствіи имъ? Невольно произносятся при этомъ слова Господа и Апостола Его: *отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ: аще бы отъ насъ были, пребыли убо быша съ нами: но да явятся, яко не суть вси отъ насъ* (1 Іоан. 2, 19). *Иже нѣсть со Мною, на Мя есть: и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (Лук. 11, 23). И еще разъ невольно повторяются слова: *и враги человѣку домашніи его!*

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 16-го Іюля 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 21.

НЕДѢЛЯ 13 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

10 Августа 1858 г.

Гласъ 4-й.

На утрени: евангеліе воскресное 2-е, Марк. зач. 70. На Литургіи: апост. 1 Кор. зач. 166, еванг. Матѳ. зач. 87.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПРЕПОДОБНАГО ѲЕОДОСІЯ ПЕЧЕРСКАГО.

Тако тецыте, да постигнете. 1 Кор. 9, 24.

Куда это тещи заповѣдуетъ св. Апостолъ, и что постигать?

Чтобы уразумѣть сіе, возмемъ нѣсколько полнѣе наставленіе св. Апостола. *Не вѣсте ли*, говоритъ онъ, *яко текущіи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть? Тако тецыте, да постигнете. Всякъ же подвизаяйся отъ всѣхъ воздержится, и они убо да истлѣненъ вѣнецъ пріимутъ, мы же неистлѣненъ.* То есть, вся настоящая жизнь наша есть ничто иное, какъ позорище, всѣ мы — борцы на семъ позорищи. Какъ на позорищи текутъ къ извѣстной цѣли для того, чтобы получить истлѣненъ вѣнецъ, такъ должны тещи и мы, да неистлѣненъ вѣнецъ пріимемъ.

И дѣйствительно, настоящая жизнь наша есть мѣсто странствія и пришельствія нашего. *Пришлецъ азъ есмь на земли* (Пс. 118, 19), исповѣдалъ о себѣ еще ветхозавѣтный праведникъ; *наше житіе на небесѣхъ есть* (Фил. 3, 20), говоритъ св. Апостолъ. Значитъ не здѣсь истинное отечество наше, всѣ мы здѣсь только странники и пришельцы; — всѣмъ намъ потому предстоитъ трудъ возвратиться изъ земли странствія въ истинное отечество наше. Къ нему-то тещи и заповѣдуетъ св. Апостолъ, говоря: *тако тецыте, да постигнете.*

Св. Апостолъ оправдалъ сіе наставленіе собственною своею жизнію и дѣятельностію, какъ самъ онъ засвидѣтельствовалъ о себѣ

(*) Произнесено въ кіево-печерской Лаврѣ 14-го Августа.

по скончаніи своего теченія; оправдалъ его и весь богоизбранный и богокрасный ликъ святыхъ Божіихъ; оправдалъ его и ублажаемый нынѣ нами преподобный и богоносный отецъ нашъ Ѳеодосій. — И всѣ мы обязаны оправдать его своею жизнію: *тако тецыте, да постигнете*, заповѣдуетъ св. Апостолъ. — Не неприлично посему размыслить, какъ намъ совершать свое теченіе, чтобы не тещи, по слову Апостола, *безвѣстно*, или *яко воздухъ бія*.

Какъ намъ совершать теченіе свое къ горнему отечеству нашему? — Измышлять своеродные пути къ сему и не нужно, и не безопасно, послѣ того, какъ человѣкъ не только затруднилъ путь восхожденія своего къ Богу, но, можно сказать, совсѣмъ потерялъ его, *взыскавши помысловъ многихъ* (Еккл. 7, 30). Въ лукавомъ сердцѣ есть много путей неправильныхъ, такъ что весьма легко можно сбиться съ истиннаго пути, заблудиться по распутіямъ и взойти на такой путь, который только *мнится правъ быти*, но *послѣдняя* коего *приводятъ* не на небо, а *во дно адово* (Прит. 14, 12). Вѣрнѣе, надежнѣе и безопаснѣе не самому изыскивать путь сей, а усматривать его въ двухъ вѣрныхъ зерцалахъ, въ зерцалѣ слова Божія и въ зерцалѣ житія святыхъ подвижниковъ Божіихъ, уже совершившихъ свое теченіе и прешедшихъ отсюда къ небеснымъ чертогамъ.

Тако тецыте, да постигнете. — Не безъ причины, конечно, св. Апостолъ сравниваетъ наше теченіе къ небесному отечеству съ теченіемъ на позорищи. Этимъ показываетъ онъ, что и наше теченіе должно быть таково же, а съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляетъ первое и начальное условіе къ успѣшному теченію. Для успѣшнаго теченія на позорищи нужно прежде всего сбросить съ себя все, могущее замедлять скорѣйшее теченіе. Прилично ли и вообще путнику увеличивать безъ мѣры ношу путеваго запаса? Тѣмъ болѣе — не явная ли была бы несообразность, если бы текущій въ позорищи выступилъ на свое поприще, обремененный неудобоносимою ношею? Не показалъ ли бы онъ чрезъ сіе всѣмъ и каждому и собственное свое неразуміе, и вѣрный неуспѣхъ своего предпріятія?

Вотъ образъ и твоего теченія къ горнему отечеству, душа христіанская! Тако тецы, да постигнеши неувядаемый вѣнецъ славы отъ верховнаго Подвигоположника и Подвигозрителя. Отбрось всякую привязанность къ мірскимъ вещамъ, отвергнись всякаго пристрастія къ естественнымъ благамъ для стяжанія преестественныхъ, словомъ: *не люби міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. 2, 15), какъ заповѣдуетъ св. Апостолъ. Всякая привязанность къ міру по необходимости замедляетъ восхожденіе наше къ Богу, отвлекая и вниманіе и усердіе наше къ предлежащему подвигу. »Кто истинно возлюбилъ Господа, говоритъ нѣкто, испытавшій сіе на самомъ себѣ, кто усердно ищетъ получити будущаго царствія: той совсѣмъ не возлюбитъ, ниже помыслитъ, и не попечется ни о сребрѣ, ни о стяжаніяхъ, ни о мірской славѣ, и ни о чемъ земномъ, но всѣ мірскія вещи и всякое объ нихъ попеченіе отвергаетъ. И тако всего онаго обнажившись и безпеченъ будучи, нелѣностно Христу послѣдуетъ«. Слѣд. можемъ сказать и на оборотъ: кто не отвергся пристрастія къ мірскимъ вещамъ, кто всѣмъ существомъ своимъ прикованъ къ земнымъ благамъ, тотъ еще не возлюбилъ Господа, не ищетъ будущаго царствія, далече отъ него и не на пути къ нему.

Но сбросить съ себя одну внѣшнюю тяжесть еще недостаточно для успѣшнаго теченія. Нужно по возможности истончить самое тѣло свое, чтобы оно дебелостію и тяжестію своею не препятствовало успѣшному теченію.

Такъ дѣйствительно и приготовлялись всѣ, намѣревавшіеся тещи въ позорищи, заранѣе пріучая себя къ легкости и удобоподвижности строгимъ воздержаніемъ.

Подобное требуется и отъ христіанина, желающаго тещи къ небесному своему отечеству. *Азъ убо тако теку*, говоритъ о себѣ Апостолъ, *не яко безвѣстно, тако подвизаюся, не яко воздухъ бія.* Но какъ же? *Умерщвляю тѣло мое и порабощаю е.* »Не льсти себе, говоритъ одинъ изъ дознавшихъ самымъ дѣломъ, какъ нужно итти по узкому пути, вводящему въ животъ, не избавишься ты отъ мысленнаго фараона, и не узришь горнія пасхи, если не будешь всегда ясти горькаго былія. Горькое же оное быліе есть постное изнуреніе«.—Нужно ли доказывать, почему именно необходимо сіе? Пусть каждый обратится для сего къ простому опыту: можетъ ли человѣкъ съ отягченнымъ чревомъ итти и въ обыкновенный путь? Если и можетъ, то съ трудомъ и не надолго. Тѣмъ труднѣе, тѣмъ неудобнѣе плотоугоднику тещи къ горнему отечеству. Ибо—не говоря уже о томъ, какъ самымъ дѣломъ пойдетъ на небо тотъ, кого долупреклонная плоть влечетъ къ землѣ,—какъ даже вознесетъ таковый мысль и сердце свое горѣ, какъ устремитъ желаніе свое къ Богу, когда всѣ помышленія плотоугодника истощаются въ изобрѣтеніяхъ на удовлетвореніе своего чрева, когда всѣ желанія его сосредоточены на томъ, какъ бы болѣе и болѣе угождать ему?

Вотъ, бр., основныя и начальныя условія къ успѣшному теченію на пути къ царствію небесному! Но само собою разумѣется, что недостаточно только хорошо приготовиться въ путь. Положивши доброе начало къ успѣшному теченію, содѣлавши себя легкими и удобоподвижными для теченія по узкому пути, вводящему въ животъ, мы должны еще самымъ дѣломъ совершить его богоугодно. Что требуется для сего?—Обратимся опять къ слову Божію.

Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе (Марк. 8, 34), говоритъ самъ Господь. Господь Іисусъ Христосъ для того и приходилъ на землю, чтобы даровать намъ средства и указать путь восхожденія нашего на небо: »сего бо ради Богъ на землю сниде, да насъ на небеса возведетъ«. Слѣд. итти за Господомъ тоже значитъ, что тещи къ горнему своему отечеству. И потому въ наставленіи Господа предлагается текущему новое условіе къ успѣшному теченію. Что значитъ сіе условіе?

»Самъ себе отрицается той, отвѣтствуетъ на сіе одинъ богомудрый мужъ, иже совлечеся ветхаго человѣка съ дѣяніями его, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ«.—Жизнь ветхаго человѣка проявляется въ насъ тѣми же силами, которыя дарованы самимъ Богомъ, только съ превратнымъ ихъ направленіемъ. Есть и у него свой умъ, гордый и презорливый, *возносящійся на разумъ Божій* и не могущій плѣнить себя въ послушаніе Христово; есть свое лукавое сердце, услаждающееся преступными пожеланіями и порочными похотѣніями, отъ котораго *исходятъ вся сквернящая человѣка;* есть своя развращенная воля, скорая на зло и косная къ добру, гордящаяся своею свободою, *сама раба сущи тлѣнія* (2 Петр. 2, 19) *и грѣха въ смерть* (Рим. 6, 16). Главнымъ закономъ дѣятельности сихъ силъ служитъ въ немъ *инъ законъ во удѣхъ, противу воюющь закону ума и плѣняющь человѣка закономъ грѣховнымъ* (Рим. 7, 23). Всего этого нужно совлечься, все сіе должно отвергнуть желающему взойти на небо; и не только отвергнуть, но по другому выраженію Господа, нужно *погубить*, умертвить въ себѣ. Ибо все сіе

приводитъ не на небо, а во дно адово: *кончина оныхъ*, говоритъ Апостолъ, *смерть*, (Рим. 6, 21), сначала видимая, тѣлесная, а за нею смерть вторая, вѣчная. — Какъ отвергнуть? Всѣ сіи силы дарованы самимъ Богомъ человѣку; человѣкъ даетъ имъ только превратное направленіе. Посему не ихъ самихъ нужно погубить, а отвергнуть то превратное направленіе, которое дается имъ свободною волею. Поставь главнымъ закономъ своей дѣятельности не требованія развращенной и испорченной грѣхомъ природы, а *волю Божію, благую и угодную и совершенную* (Римл. 12, 2), и съ нею сообразуй всю свою дѣятельность. Тогда мудрованіе разума, возносящагося на разумъ Божій, само собою уступитъ мѣсто *мудрованію духовному*, которое совершенно *плънитъ себя въ послушаніе Христово*. Въ сердцѣ, вмѣсто преступнаго услажденія порочными пожеланіями, образуется вкусъ къ чистому услажденію предметами возвышенными, духовными и раскроются *чувствія, обученая долгимъ ученіемъ, въ разсужденіи добра же и зла, во еже искушати лучшая*, а за тѣмъ не замедлитъ произрасти и *плодъ духовный*. Въ волѣ, вмѣсто рабства грѣху, образуется *послушаніе въ правду* и *порабощеніе Богу*, а за тѣмъ не замедлятъ явиться *дѣла свѣта и любве, о Бозѣ содѣланная*. Однимъ словомъ: вмѣсто *ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ*, явится *новый, созданный по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины*.

Отвергшійся пристрастія къ міру и плоти и совлекшійся своего ветхаго человѣка съ дѣяньми его безпрепятственно и легко можетъ тещи къ небесному отечеству. Не замедлятъ, правда, и съ нимъ встрѣтиться бѣды и напасти, искушенія и соблазны: но, *о укрѣпляющемъ его Іисусѣ Христѣ*, онъ безъ большаго труда можетъ препобѣждать ихъ. Не совратятъ его съ истиннаго пути ни искушенія отъ міра, ни соблазны отъ плоти и отъ своего ветхаго человѣка: потому что онъ въ мірѣ, но не отъ міра, живетъ на землѣ, но не для земли. Ему остается только препобѣдить еще одно искушеніе, менѣе страстное, но за то болѣе тонкое и болѣе гибельное, — избѣжать кораблекрушенія въ самомъ пристанищи. Это »кораблекрушеніе въ пристанищи« есть самомнѣніе о своихъ личныхъ совершенствахъ, о своихъ трудахъ и подвигахъ. Искушеніе самое тонкое и опасное: ибо оно приплетается ко всякимъ добродѣтелямъ. Когда, разсуждаетъ одинъ святый подвижникъ, я храню постъ, въ то время тщеславлюсь: когда же, для утаенія отъ людей поста своего, разрѣшаю на брашно, то паки о благоразуміи своемъ тщеславлюся. Облекшись въ свѣтлую одежду, побѣжденъ бываю отъ любочестія: въ худую переодѣвшись, паки тщеславлюся. Говорить ли стану? тщеславіемъ обладаюся: молчать ли захочу? паки оному предаюся. Куда сіе терніе ни повергни, все оно станетъ спицами своими къ верху«. Искушеніе самое гибельное: ибо оно »все добродѣтелей богатство расточаетъ, и всѣ поты высушаетъ«. Оно возноситъ душу до неба, и низводитъ ее до самой пропасти. — Какъ избавиться отъ него? *Елико великъ еси, толико смиряйся* (Сир. 3, 18), — вотъ общее наставленіе слова Божія. *Не зане уже достигохъ, или уже совершихся, гоню же, аще и постигну... Азъ себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся* (Фил. 3, 12. 13)... говорилъ о себѣ св. Апостолъ уже не задолго до скончанія своего подвижническаго теченія къ царствію. Вотъ образецъ, какъ долженъ смотрѣть на свои труды и подвиги христіанскій подвижникъ! Отжени отъ себя искусительную мысль озираться вспять, пересматривать и сусла-

даться своими трудами; »вооружись противъ ней молитвою, приведи на мысль исходъ отъ житія сего; а если и то не поможетъ, то по крайней мѣрѣ устраши ее имѣющимъ быть посрамленіемъ на страшномъ судищѣ. Возносяйся бо конечно смирится, да еще и здѣсь прежде будущаго вѣка (Совѣтъ Лѣст.). Ибо *гордымъ* самъ *Господь противится* (Притч. 3, 34).

Вотъ, бр. существенно необходимыя условія для всякаго, желающаго получить неистлѣненъ вѣнецъ во царствіи Отца небеснаго! Никто, по слову св. Лѣствичника, въ небесный чертогъ увѣнчанъ не взыдетъ, если неучинитъ перваго, втораго и третьяго отверженія. Во первыхъ, если не отречется отъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ, а притомъ и самую плоть свою не возненавидитъ; во вторыхъ, если не отсѣчетъ собственной своей воли, или не совлечется ветхаго своего человѣка, а въ третьихъ, если не истребитъ тщеславія, или самомнѣнія о своихъ трудахъ и подвигахъ, къ которому устилаетъ путь многое трудолюбіе.

Такъ текли къ горнему своему отечеству всѣ угодившіе Господу святые Божіи! Такъ совершалъ свое теченіе и прешелъ къ небеснымъ чертогамъ и ублажаемый нынѣ нами преподобный и богоносный отецъ нашъ Ѳеодосій! По замѣчанію св. списателя житія его, онъ еще въ юностнѣмъ возрастѣ сый, земныхъ гнушашеся и небесная мудрствоваше... не возлюби славы міра сего... доброты мимотекущія ни во чтоже вмѣни, единаго точію желая, когда *пріити и явитися лицу Божію*; по постриженіи же во иноческій чинъ бдѣніе творяше по вся нощи въ славословіи Божіи, сонную тяжесть отлагая, по вся же дни воздержаніемъ и постомъ себе удручаше, руками своими дѣлая,—вотъ первое отверженіе, необходимое для успѣшнаго теченія къ царствію Божію — отреченіе отъ всякой привязанности къ міру и отъ угожденія собственной своей плоти. — Елика мнѣ велиши творити, сотворю, отвѣтствовалъ онъ пр. наставнику своему Антонію при своемъ вступленіи во иночество, и по постриженіи своемъ весь предался Богу и богоносному своему старцу,—вотъ начало втораго отверженія—отреченіе отъ собственной своей воли. Не долго свѣтильникъ оставался подъ спудомъ: изволеніемъ Божіимъ, по желанію преп. Антонія, онъ поставленъ былъ іереемъ. Но и саномъ іерейства почтенъ, превосхождаше всѣхъ смиреніемъ и споспѣшествомъ всѣмъ служаше, иногда воду нося, иногда же изъ лѣсу дрова, иногда же братіямъ почивающимъ, вземъ раздѣленое жито, коегождо ихъ часть измеливаше. Поставленный далѣе игуменомъ монастыря, аще и старѣйшинство прія, не измѣни своего смиренія, но въ памяти имѣяше Господа рекшаго: *иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга.* Тѣмже смиряшеся, меньша себе всѣхъ творя и всѣмъ служа,—вотъ третье отверженіе, вводящее прямо къ тихому пристанищу царствія небеснаго. По сему-то, совершивъ теченіе свое и отходя изъ сей жизни, и онъ, подобно Апостолу, изрекъ: Благословенъ Богъ; аще тако есть, то уже не боюся, но паче радуяся отхожду отъ міра сего.

Братіе христіане, собравшіеся здѣсь въ лень памяти пр. отца нашего Ѳеодосія! Почтимъ память его не однимъ праздным воспоминаніемъ его трудовъ и подвиговъ, но и посильнымъ подражаніемъ ему своею жизнію, да съ нимъ вмѣстѣ удостоимся получить неистлѣненъ вѣнецъ во царствіи Отца небеснаго. Тѣмъ паче мы, бр. и отцы св. обители сея, словомъ и дѣломъ отрекшіеся мірскаго житія и тѣмъ положившіе благое начало къ теченію своему въ царствіе, »внимаимъ себѣ, дабы по тѣсному и скорбному пути ходити себе глаго-

люще, самымъ дѣломъ по пространной и многолюдной дорогѣ не заблуждати«. Самъ же Господь, благодатію своею, да управитъ всѣхъ насъ во царствіе свое небесное, молитвами пречистыя своея Матере, пр. и богоноснаго отца нашего Ѳеодосія и прочихъ чудотворцевъ печерскихъ. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА АРХИДІАКОНА ЛАВРЕНТІЯ (*).

Архидіаконъ Лаврентій пострадалъ за вѣру православную и скончался мученически въ III столѣтіи по Р. Х. въ царствованіе императора Декія. Когда Сикстъ, папа Римскій, по царскому повелѣнію взятый подъ стражу епархомъ Валеріаномъ, послѣ перваго допроса веденъ былъ воинами въ темницу; въ то время ревностный служитель его Лаврентій всенародно возгласилъ къ нему: »куда ты, отче, идешь безъ сына? Куда спѣшишь, архіерее святый, безъ архидіакона твоего? Ты никогда безъ меня не приносилъ жертвы, и я всегда былъ общникомъ твоимъ въ совершеніи божественныхъ Таинъ Христовыхъ; почему же мнѣ не участвовать съ тобою и въ изліяніи крови за Христа? Возьми, отче, съ собою сына твоего, возьми, учителю, твоего ученика, и отдай меня прежде себя въ жертву Богу, а потомъ, когда я совершу подвигъ мученичества, самъ потечешь къ вѣнцу небесному«. Святый Сикстъ отвѣчалъ ему: »я не оставляю тебя, чадо, но блюду на множайшія муки; ибо тебѣ предлежатъ большіе подвиги за вѣру Христову. Я, какъ старецъ, выхожу на легчайшую борьбу, а тебѣ предназначена славнѣйшая побѣда и торжество надъ мучителемъ. Итакъ перестань плакать и знай, что чрезъ три дня послѣ скончанія моего ты послѣдуешь за мною. Между тѣмъ иди, возьми церковныя сокровища и раздай бѣднымъ и нуждающимся по своему усмотрѣнію«. Послѣднее завѣщаніе папы Лаврентій исполнилъ тогда же, раздавъ тайно церковныя утвари и прочее имущество клирикамъ и убогимъ христіанамъ, скрывавшимся въ Римѣ. Вслѣдъ за тѣмъ исполнилось на немъ и предсказаніе святителя Божія о его мученической кончинѣ.

Въ то время, какъ воины вели Сикста на мѣсто казни, архидіаконъ его воскликнулъ: »не оставь меня, отче, я уже истощилъ врученныя мнѣ тобою сокровища«. Услышавъ о сокровищахъ, воины тотчасъ схватили Лаврентія и по убіеніи святаго папы, привели къ Декію съ объявленіемъ, что онъ, въ отсутствіе епископа своего, взялъ церковныя сокровища и гдѣ-то скрылъ ихъ. Царь, обрадовавшись этому извѣстію, спрашивалъ его, гдѣ онъ скрылъ ввѣренныя ему сокровища. Лаврентій ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ; тогда Декій предалъ его епарху Валеріану съ тѣмъ, чтобы онъ развѣдалъ отъ него о церковныхъ сокровищахъ и принудилъ его къ поклоненію богамъ, въ случаѣ же сопротивленія погубилъ бы его мучительною казнію. Валеріанъ передалъ его военачальнику Ипполиту, блюстителю тюремныхъ зданій, чтобы онъ до времени содержалъ его подъ стражею. Ипполитъ заключилъ его въ темницѣ вмѣстѣ съ прочими узниками, въ числѣ которыхъ былъ одинъ грекъ, по имени Лукиллій, издавна уже содержавшійся тамъ и отъ множества слезъ совершенно потерявшій зрѣніе. Святый архидіаконъ сказалъ этому человѣку: »вѣруй въ Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа, и кре-

(*) Память его 10 Августа.

стись, если хочешь получить отъ Него прозрѣніе.« Слѣпецъ отвѣчалъ ему: »я давно желаю креститься во имя Господа нашего Іисуса Христа и вѣрую въ Него, а суетныхъ идоловъ отвергаю и презираю«. Тогда Лаврентій, огласивъ Лукиллія и благословивъ воду, крестилъ его, послѣ чего тотчасъ отверзлись очи слѣпаго и онъ воззвалъ: »благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, Богъ вѣчный, просвѣтившій меня«. Узнавши объ этомъ чудѣ, другіе слѣпцы приходили въ темницу къ святому Лаврентію, который всѣмъ имъ возвратилъ зрѣніе, призывая имя Христово и прикасаясь рукою своею къ глазамъ ихъ съ крестнымъ знаменіемъ.

Ипполитъ наблюдалъ всѣ сіи чудодѣйствія правовѣрнаго узника съ великимъ удивленіемъ; потомъ, обратившись къ нему, началъ домогаться, чтобы онъ показалъ ему церковныя сокровища. Лаврентій возразилъ на это: »если ты будешь вѣровать въ Бога Отца всемогущаго и въ Сына Его Господа Іисуса Христа, то удостоишься видѣть сокровище и получить вѣчную жизнь; послушай меня и сдѣлай немедленно то, что я скажу тебѣ: отвергни идоловъ нѣмыхъ и глухихъ и пріими святое крещеніе«. Ипполитъ согласился, вывелъ Лаврентія изъ темницы въ домъ свой, и тогда же былъ оглашенъ имъ, наставленъ въ христіанской вѣрѣ и крещенъ, а потомъ, по усильной его просьбѣ, крещены были всѣ, находившіеся въ его домѣ, числомъ девятнадцать душъ обоего пола. Вслѣдъ за симъ прислано было повелѣніе Ипполиту, чтобы онъ привелъ Лаврентія къ епарху Валеріану. Когда Ипполитъ объявилъ объ этомъ святому архидіакону: то онъ сказалъ ему: »пойдемъ, ибо и мнѣ и тебѣ готовится вѣнецъ мученическій«. По прибытіи ихъ, Валеріанъ говорилъ Лаврентію: »оставь сопротивленіе свое и покажи намъ сокровища, которыя, какъ говорятъ, у тебя хранятся.« Архидіаконъ просилъ дать ему два или три дня отсрочки и обѣщалъ, по прошествіи этого времени, показать ему сокровища. Епархъ согласился и отпустилъ Лаврентія, ввѣривъ его опять Ипполиту на три дня, а потомъ донесъ Декію о его обѣщаніи и о назначенномъ для исполненія онаго срокѣ. Лаврентій между тѣмъ, вышедши отъ него, собралъ въ домъ Ипполитовъ множество нищихъ, вдовъ, сиротъ, слѣпыхъ, хромыхъ и болящихъ, и по минованіи трехъ дней представилъ ихъ всѣхъ Декію и Валеріану, находившимся тогда въ такъ называемой палатѣ Салюстіевой. Въ присутствіи ихъ онъ велегласно воззвалъ къ нимъ: »вотъ имѣете вы сокровища вѣчныя, хранящіяся въ тѣхъ сосулахъ, которые теперь видите предъ собою, и кто влагаетъ въ сіи сосуды имѣнія свои, тотъ получаетъ ихъ съ лихвою въ небесномъ царствіи«.

Царь и епархъ, видя себя посрамленными, воспламенились гнѣвомъ и уже болѣе не истязовали Лаврентія о сокровищахъ, а начали принуждать его къ идолопоклоненію; при чемъ Валеріанъ сказалъ: »принеси жертву богамъ и оставь волшебныя хитрости, на которыя ты надѣешься«. Святый отвѣчалъ на это: »за чѣмъ діаволъ научаетъ васъ убѣждать христіанъ, чтобы они покланялись бѣсамъ? Сами судите, справедливо ли ваше требованіе, чтобы мы воздавали честь созданному руками человѣческими идолу и живущему въ немъ бѣсу, а не Богу небесному, Создателю всей видимой и невидимой твари?« Оскорбленный сими словами Декій приказалъ обнажить Лаврентія и, простерши его на землѣ, бить скорпіонами, то есть, тонкими желѣзными прутьями съ острыми зубцами. При жестокихъ ударахъ, отъ которыхъ земля обагрилась кровію, царь приговаривалъ: »не хули боговъ, не хули«, а страдалецъ въ отвѣтъ ему возглашалъ: »я

благодарю Бога моего, что Онъ сподобилъ меня пріобщиться къ сонму рабовъ своихъ, святыхъ мучениковъ, между тѣмъ какъ ты мучишь самъ себя своимъ безумiемъ и яростію«. Тогда Декій велѣлъ перестать бить мученика и поднять его отъ земли, но въ тоже время приказалъ принести и поставить предъ нимъ желѣзный одръ и доски, также прутья оловянные и другія мучительныя орудія, и съ угрозою говорилъ, что тѣло его будетъ мучено всѣми сими орудіями, если онъ не принесетъ жертвы богамъ. Святый Лаврентій отвѣчалъ: »я давно желалъ такого мученичества, какъ нѣкоего пиршества; ибо то, что вамъ кажется мученіемъ, мы вмѣняемъ себѣ въ славу«.

Послѣ того мучитель повелѣлъ отвести связаннаго Лаврентія въ палату Тиверіеву и самъ вскорѣ прибылъ туда. Онъ убѣждалъ св. мученика открыть всѣхъ христіанъ, чтобы очистить отъ нихъ городъ, и поклониться богамъ, не надѣясь на сокровища, которыя онъ у себя утаиваетъ; »неужели ты думаешь, говорилъ онъ, сребромъ и златомъ откупиться отъ мукъ«? Архидіаконъ отвѣчалъ ему: »рабовъ Христовыхъ не открою тебѣ, на сокровища же дѣйствительно надѣюсь и знаю ихъ; это сокровища небесныя, которыя Христосъ Богъ мой приготовилъ мнѣ и всѣмъ рабамъ своимъ«. Разгнѣванный царь приказалъ бить его палицами и прижигать бока его раскаленными желѣзными досками, а святый страдалецъ молился между тѣмъ: »Господи Іисусе Христе, Боже отъ Бога, помилуй меня, раба твоего, оклеветаннаго и не отвергшагося Тебе, вопрошеннаго и исповѣдавшаго пресвятое имя твое«. Когда же, по повелѣнію царя, начали бить его оловянными прутьями, то онъ молилъ Господа принять духъ его. Отвѣтомъ на сію молитву былъ гласъ свыше низшедшій и слышанный всѣми: »еще большія страданія имѣешь ты претерпѣть«. Декій, обратившись къ вельможамъ римскимъ и къ собранію народа, въ сильномъ раздраженіи воскликнулъ: »слышите голосъ бѣсовъ, утѣшающихъ этого волхва и святотатца, который ни боговъ нашихъ не почитаетъ, ни меня, царя своего, не слушаетъ, ни мукъ не боится«? Потомъ велѣлъ опять бить Лаврентія, распростертаго на землѣ, острыми скорпіонами; при чемъ святый страдалецъ благословлялъ Господа и велегласно говорилъ: »благодарю Тебя, что Ты недостойнымъ намъ являешь свою милость, но подай мнѣ еще благодать твою, да познаютъ окружающіе и видящіе меня, что Ты утѣшаешь рабовъ своихъ«.

Когда онъ молился такимъ образомъ, одинъ изъ предстоявшихъ воиновъ, по имени Романъ увѣровалъ во Христа и воззвалъ: »святый Лаврентій, я вижу свѣтлаго юношу, стоящаго при тебѣ и отирающаго лентіемъ язвы и все тѣло твое; заклинаю тебя Христомъ Господомъ, пославшимъ тебѣ ангела своего, не оставь меня«. Тогда Декій сказалъ Валеріану: »этотъ волхвъ побѣдилъ насъ«, и повелѣвъ освободить мученика отъ пытки, отдалъ его подъ стражу Ипполита, приказавши въ тоже время учредить судилище въ салюстіевой палатѣ, чтобы представить туда Лаврентія на послѣднее испытаніе; для чего велѣлъ разложить тутъ же всѣ орудія мучительскія. Узнавши объ этомъ, Ипполитъ началъ плакать и сказалъ св. мученику: »почему я не возглашаю при тебѣ, что я христіанинъ, дабы умереть вмѣстѣ съ тобою«? Архидіаконъ отвѣчалъ ему: »не плачь обо мнѣ, но паче радуйся, ибо я приближаюсь къ славному вѣнцу мученическому; ты же теперь храни исповѣданіе Христово въ сердцѣ твоемъ, а по прошествіи малаго времени, когда я воззову тебя, ты услышишь и пріидешь вслѣдъ за мною«.

Какъ скоро царь прибылъ съ епархомъ въ судилище и представленъ былъ ему святый Лаврентій, онъ тотчасъ началъ увѣщевать и допрашивать его. »Оставь волшебство твое,— говорилъ онъ,— и скажи намъ, какого ты происхожденія«. »Я родомъ изъ Испаніи,— отвѣчалъ подсудимый,— а воспитаніе получилъ въ Римѣ; съ самаго младенчества я христіанинъ и съ юности наученъ всему закону Божію«. При этомъ царь спросилъ его: »то ли у тебя законъ Божій, чтобы не почитать боговъ и не бояться мукъ«? Лаврентій отвѣчалъ: »тотъ законъ, въ которомъ я наставленъ, научилъ меня знать и почитать Бога моего, Господа Іисуса Христа, и я, укрѣпляемый именемъ Его, дѣйствительно не боюсь мукъ твоихъ«. Когда Декій опять началъ понуждать его къ жертвоприношенію богамъ, угрожая, въ случаѣ непослушанія, мучить его всю ночь, то онъ отвѣчалъ: »моя ночь не имѣетъ ничего темнаго, но вся сіяетъ свѣтомъ«; когда же тотъ велѣлъ бить его камнями въ уста, то мученикъ тѣмъ болѣе укрѣплялся, поносилъ мучителя и благодарилъ Бога. Тогда царь приказалъ слугамъ принести одръ желѣзный, дабы, какъ говорилъ онъ, въ туже ночь упокоить на немъ непокорнаго Лаврентія. Принесли одръ, имѣвшій видъ желѣзной решотки, и въ присутствіи Декія и Валеріана положили на немъ мученика обнаженнаго и подкладывали подъ него горящія уголья, а сверху придавливали тѣло его желѣзными вилами, усиливая безпрестанно огонь подъ нимъ, дабы до возможной степени раскалить одръ, на которомъ лежалъ онъ. На новое предложеніе царя принести жертву богамъ, святый Лаврентій отвѣчалъ: »я принесъ самаго себя въ жертву Богу моему въ воню благоуханія, въ духѣ сокрушенномъ; ты же знай, что эти горящія уголья приготовляютъ мнѣ прохладу, а тебѣ вѣчныя муки; ибо Господь мой вѣдаетъ, что я, оклеветанный ради святаго имени Его, не отвергся и вопрошенный исповѣдалъ Его, нынѣ же сожигаемый огнемъ приношу Ему благодареніе«. Всѣ, предстоявшіе при этомъ зрѣлищѣ, удивлялись крайней жестокости царя, повелѣвавшаго испечь живаго человѣка; а страстотерпецъ Лаврентій, съ свѣтлымъ лицемъ, славословилъ Господа, укрѣплявшаго его въ страданіи, и потомъ, устремивъ очи свои на Декія и Валеріана, сказалъ: »вы испекли одну сторону моего тѣла, обратите его теперь на другую.« Наконецъ, прославляя Бога, онъ произнесъ послѣднія слова свои: »благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, что Ты сподобилъ меня войти во врата твои«, и съ сими словами испустилъ духъ.

Увидѣвши, что мученикъ уже скончался, царь и епархъ встали съ своихъ мѣстъ и со стыдомъ вышли изъ судилища, оставивъ тѣло умершаго на томъ же самомъ желѣзномъ одрѣ. Предъ восходомъ солнца Ипполитъ взялъ многострадальное тѣло сіе, обвилъ его плащаницею съ ароматами, потомъ пригласилъ къ себѣ пресвитера Іустина, и оба они отнесли честныя мощи въ домъ благочестивой вдовы Киріакіи и оставили ихъ тамъ до вечера. Проведши весь тотъ день въ постѣ и сѣтованіи, по наступленіи ночи они перенесли ихъ въ пещеру, находившуюся въ усадьбѣ вдовы, въ сопровожденіи многихъ собравшихся христіанъ, и здѣсь, сотворивъ молитву всенощную, погребли скончавшагося страдальца съ подобающею честію, а блаженный Іустинъ, вслѣдъ за тѣмъ, совершилъ Божественную литургію и преподалъ всѣмъ присутствовавшимъ пречистыя Тайны Христовы. Святый архидіаконъ Лаврентій скончалъ мученическій подвигъ свой въ 10-й день мѣсяца августа, а по прошествіи трехъ дней послѣдовалъ за нимъ и обращенный имъ въ христіанскую вѣру Ипполитъ.

Когда Декій сталъ укорять его въ похищеніи тѣла Лаврентіева, то онъ при этомъ открыто объявилъ себя христіаниномъ и за то подвергнутъ былъ Валеріаномъ, по царскому повелѣнію, многоразличнымъ мукамъ. Имѣніе его было разграблено, семейство и всѣ домочадцы изрублены предъ его глазами, а самъ онъ былъ растерзанъ дикими конями, влачившими его по полямъ и дебрямъ.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

173) Покажи врагу терпѣніе и воздержаніе, чтобъ не надѣялся успѣть въ чемъ около тебя. Проходи безмолвіе, молчаніе, постъ, бдѣніе и псалмопѣніе.

174) Псалмопѣніе совершай потому порядку, какъ я научилъ тебя, и рукодѣліе по силѣ, сколько нужно, чтобъ только жить отъ него. Если же изъ за рукодѣлія ты находишь себя смущенною и исполненною заботъ, то какое у тебя тогда безмолвіе?

175) Хорошо ли заботиться о многомъ, разсуди сама, и я умолчу. Но говорю тебѣ, что безъ отреченія отъ всего, и отъ самаго тѣла своего, безъ удаленія отъ сообращенія съ людьми, хотя бы свидѣтельствовали о нихъ, что они святы, нѣтъ тебѣ спасенія. Потому пребывай всегда въ безмолвіи, и отсѣчешь смертоносныя страсти отъ души твоей. Имя Господа и Пречистой Матери Его да будетъ всегда во устахъ твоихъ. Не неради о псалмопѣніи и молитвѣ, ибо оставленіемъ ихъ открывается демонамъ входъ въ души наши; а они, когда войдутъ, затворятъ двери, т. е., добрыя помыслы и чувства, и насытятъ злобу свою надъ нами. Такъ мы становимся рабами діавола, когда оставляемъ безмолвіе, поученіе въ Писаніи и молитву.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 20-го Іюля 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 22.

НЕДѢЛЯ 14 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

17 Августа 1858 г.

Гласъ 5-й.

На утрени: евангеліе воскресное 3-е, Марк. зач. 71. На Литургіи: апост. 2 Кор. зач. 170, еванг. Матѳ. зач. 89.

РѢЧЬ,

ПРЕДЪ МОЛЕБСТВІЕМЪ ПО СЛУЧАЮ ПРИВЕДЕНІЯ КЪ ПРИСЯГѢ ИЗБРАННЫХЪ ВЪ ЧЛЕНЫ КОММИТЕТА ДЛЯ УЛУЧШЕНІЯ БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ПО КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ (*).

Благородные мужи!

Приступая къ дѣлу, на которое призваны вы волею Августѣйшаго Монарха и облечены довѣріемъ своего сословія, вы конечно понимаете, какъ и все сословіе ваше понимаетъ, всю важность сего дѣла. Отъ лица св. Церкви, благословляющей и освящающей все доброе и полезное, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, благодатію своею содѣйствующаго всему благому и спасительному, благословляемъ васъ на дѣло ваше и желаемъ вожделѣннаго въ немъ успѣха. Дѣйствуя въ семъ дѣлѣ неуклонно на основаніи началъ, указанныхъ Высочайшею волею Благочестивѣйшаго Государя, какъ вѣрные подданные Его и добрые сыны отечества, дѣйствуйте и какъ добрые христіане и вѣрные послѣдователи евангелія, проникнутые его духомъ и руководимые его правилами. А евангеліе вотъ какое правило предписываетъ намъ во взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ къ другимъ: *вся вамъ любовію да бываютъ; не своихъ си кійждо, но и дружнихъ кійждо смотряйте* (Фил. 2, 4). Это значитъ, что въ предлежащемъ вамъ дѣлѣ нужно вамъ одушевиться всею силою евангельской любви и христіанскаго безкорыстія, чтобы имѣть въ виду не свои только выгоды, а быть готовыми и принести въ жертву нѣкую часть своихъ выгодъ, если то нужно, для блага общаго, для блага милліоновъ, объ улучшеніи

(*) Произнесена преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ Чигиринскимъ, викаріемъ Кіевскимъ, 24 Іюня 1858 года.

быта которыхъ изъявилъ свою мудрую и благую волю Августѣйшій Монархъ. О! помните, благородные мужи, что и они не суть какая либо матеріальная сила, или безсознательная масса средствъ для достиженія какихъ либо лишь земныхъ цѣлей и вещественныхъ выгодъ, нѣтъ, и они суть братія наши во Христѣ Іисусѣ, для коего, въ нѣдрахъ Церкви Его, *нѣсть рабъ ни свободь* (Гал. 3, 28), какъ говоритъ Апостолъ, *вси бо мы едино есмы о Христѣ Іисусѣ*, и вси звани во едино званіе жизни вѣчной и царствія небеснаго, суть меньшія чада въ великой семьѣ царства русскаго, суть члены великаго тѣла государственнаго, которые хотя *мнятся немощнѣйши быти*, скажу опять словами Апостола, но тѣмъ *нужнѣйши суть* и тѣмъ не менѣе достойны попеченія и любви, *да не будетъ распри въ тѣлеси* (1 Кор. 12, 22. 25).

Такъ благородные мужи, еще повторяю: *вся вамъ любовію да бываютъ* въ начинаемомъ вами дѣлѣ, *не своихъ си кійждо, но и дружнихъ кійждо смотряйте.* Только при семъ условіи, только на семъ основаніи евангельской любви и безкорыстія вы совершите то, чего желаетъ Августѣйшій Монархъ, чего чаетъ отъ васъ отечество и за что благословлять будетъ васъ и теперь, и въ потомствѣ: совершите именно улучшеніе быта меньшихъ нашихъ братій, т. е. не измѣненіе только онаго какъ нибудь, а дѣйствительное исправленіе недостатковъ, дѣйствительное устраненіе невыгодъ, какія есть въ немъ теперь. Въ семъ духѣ да вознесется нынѣ молитва ваша къ Начальнику и Совершителю всего благаго, въ семъ духѣ да дастся вами предъ Нимъ и обѣтъ вашъ, и — уповаемъ — молитва Церкви будетъ услышана и обѣтъ вашъ будетъ принятъ какъ жертва благоугодная.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Вся слава дщере Царевы внутрь. Приведутся царю дѣвы въ слѣдъ ея, искреннія ея приведутся тебѣ, приведутся въ веселіи и радованіи, введутся въ храмъ Царевъ (Пс. 44, 14—16).

Царепророкъ Давидъ въ одномъ изъ богодухновенныхъ псалмовъ своихъ изображаетъ Царя, высшаго всѣхъ царей земныхъ, облеченнаго божественнымъ величіемъ и славою, коего *престолъ въ вѣкъ вѣка, и жезлъ царствія — жезлъ правости.* Затѣмъ богопросвѣщенному взору пророка представилась *царица, представшая одесную* сего Царя, *въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещрена.* Въ слѣдъ за нею, по прозрѣнію пророка, приводятся къ тому же Царю *дѣвы — искреннія ея* и вводятся въ чертоги царя.

Пророческое изображеніе сіе, по разуму богомудрыхъ отцевъ Церкви, имѣетъ такой смыслъ: Царь вѣчный и всемогущій есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, по совершеніи дѣла искупленія вошедшій и по человѣчеству въ ту *славу*, которую, какъ Богъ, *имѣлъ у Отца прежде міръ не бысть.* (Іоан. 17, 5). Царица, представшая одесную Царя, есть избранная отъ всѣхъ родовъ пренепорочная Матерь Божія, путемъ гроба и смерти прешедшая къ нескончаемой и блаженной жизни — къ Сыну своему и Богу. Дѣвы приводимыя къ Царю въ слѣдъ ея, это души христіанскія, искупленныя и очищенныя кровію Богочеловѣка и вводимыя въ обители Отца небеснаго въ слѣдъ преблагословенной Богоматери.

Какая, бр. — дивно высокая честь — быть введеннымъ въ чертоги Царя Христа въ слѣдъ преблагословенной Матери Его! А между тѣмъ честь сія предназначена всѣмъ намъ, и можно сказать, отъ насъ самихъ зависитъ восполь-

зоваться ею. Гряди душа христіанская, здѣсь— на землѣ въ слѣдъ Царицы небесной, и ты несомнѣнно сподобишься и на небеси быть причастницею боголѣпной Ея славы.

Праотецъ богоизбранной Отроковицы, духомъ прозрѣвшій издалеча преславное величіе Ея, указалъ вмѣстѣ съ симъ и одну изъ главныхъ ступеней, возведшихъ Ее отъ земли къ небеси. Это—глубочайшее смиреніе Ея, подъ печатію котораго Она сокрывала во всю земную жизнь свою всю высоту нравственныхъ совершенствъ своихъ, все величіе и достоинство свое, какъ Матери Господа: *вся слава дщери Царевы внутрь.*—Почтимъ, братіе, торжество прехожденія отъ земли на небо преблагословенной Матери Господа благоговѣйнымъ удивленіемъ и смиреннымъ припикновеніемъ къ сей дивной чертѣ въ Ея жизни, на сколько намъ даетъ проразумѣть ее частію св. писаніе, частію св. преданіе.

Вся слава дщери Царевы внутрь.— Избранная отъ всѣхъ родовъ, какъ прекраснѣйшій цвѣтъ всего человѣчества, преукрашенная всякою добродѣтелію и святостію, превознесшая въ себѣ самой естество человѣческое превыше всѣхъ горнихъ силъ, проходитъ во всю земную жизнь долю самую смиренную, безвѣстную и уничиженную. Такъ судилъ о Ней самъ Господь, сообразуясь съ тайнымъ желаніемъ смиреннаго сердца Ея. И смотрите, какъ поразительно точно исполняется сіе предназначеніе.

Предъизбранная отъ вѣкъ въ Матерь Богу Слову, Сама ражлается отъ бѣдной и незнатной четы. Святые родители Ея происходили, правда, отъ царскаго, нѣкогда знаменитаго племени Давидова: но племя сіе еще за долго до рожденія преблагословенной Дѣвы утратило первоначальную свою славу, и подобилось, по выраженію пророка Божія, древу усѣченному до корня (Иса. 11, 1). Послѣдніе потомки его жили какъ простые и незнатные подданные, въ незначительномъ городкѣ Іудеи, трудами рукъ своихъ спискивая пропитаніе.

О родителяхъ преблагословенной Дѣвы, благочестивое преданіе замѣчаетъ: *не бѣ въ то время на земли между человѣки благопріятнѣйшихъ Богу паче сихъ двухъ, Іоакима и Анны, непорочнаго ради житія ихъ*: но непорочное житіе ихъ вѣдомо было только Господу Богу, испытующему сердца и утробы, а окружающіе ихъ не только не уважали высоты нравственнаго совершенства ихъ, но и не вѣдали о ней, и даже преслѣдовали ихъ укоризнами и поношеніями, какъ безчадныхъ. »*Почто предваряеши мя, принося даръ Богу?* упрекалъ праведнаго Іоакима одинъ еврей, младшій его и по лѣтамъ и по благочестію; *не вѣси ли, яко не достоинъ еси приносити съ нами даровъ, понеже не оставилъ еси сѣмени во Израили?— Не достоитъ пріяти отъ рукъ твоихъ дара, яко безчаденъ еси, не имый Божія благословенія тайныхъ ради пѣкіихъ грѣховъ твоихъ*, говорилъ ему самъ первосвященникъ.

Пятидесятилѣтніе подвиги строгой непорочной жизни, искушенной и очищенной паче злата въ горнилѣ поношеній и уничиженій, и слезная, пламенная молитва ихъ, соединенная съ посѣщеніемъ и другими подвигами благочестія, низвели на нихъ свыше благословеніе чадородія. Раждается пренепорочная Дѣва, украшеніе и радость всего міра, какъ источникъ жизни и радости для всего человѣчества. Казалось бы, весь міръ съ восторгомъ долженъ встрѣтить рожденіе Той, которую сознательно или несознательно тщетно ожидалъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Но что видимъ? Рожденіе Богоблагодатной никого не приводитъ въ восторгъ; міръ, для котораго Она составляетъ радость, вовсе не вѣдаетъ

о Ней. Одни родители Ея несказанно были обрадованы Ея рожденіемъ; но и ихъ радость происходила отъ того, что они избавлялись отъ поношенія безчадства,—но едва ли они прозрѣвали въ рожденной отъ нихъ отроковицѣ Матерь живота и источникъ жизни для всего человѣчества.

Каково начало, таково же и продолженіе. Время юности преблагословенной Дѣвы запечатлѣно тоюже печатію сокровенности и безвѣстности. Это было время, когда промыслъ Божій уготовлялъ Ее на чреду всемірнаго служенія и славы: но совѣты Божіи сокрыты были отъ вѣдѣнія всѣхъ, и даже Ея самой.

Трилѣтствующая Отроковица вводится по обѣту родителей, посвятившихъ плодъ молитвъ своихъ Богу, въ храмъ Божій; честь, достойная предназначенной быть Матерію Господа! При храмѣ ей, какъ свидѣтельствуетъ благочестивое преданіе, дозволено было первосвященниками проникать во внутреннѣйшее завѣсы, входить во святая святыхъ, куда могъ входить одинъ только первосвященникъ однажды въ годъ. Но и эта необыкновенная честь, какою прикрыта сокровенностію и безвѣстностію! Объ ней едва ли кто зналъ, кромѣ Ея самой и первосвященниковъ.

Двѣнадцатилѣтнее пребываніе при храмѣ уготовало Ее въ живой храмъ Богу. Она становится выше закона. Тогда какъ всѣ дщери Израиля ревновали о бракѣ и оплакивали дѣвство, Она съ любовію усвояетъ себѣ обѣтъ навсегда хранить чистоту духовнаго и тѣлеснаго цѣломудрія. Но и эта высота нравственнаго совершенства Ея покрыта печатію глубокой сокровенности. По откровенію отъ Господа, Она обручается праведному Іосифу, который одинъ поставляется хранителемъ и свидѣтелемъ Ея дѣвственной чистоты.

Наступило время явить міру тайну, сокровенную отъ вѣкъ и родовъ. Небесный вѣстникъ посылается въ незначительный городокъ іудейскій — Назаретъ, къ Дѣвѣ обрученной мужеви, возвѣстить Ей о зачатіи и рожденіи Ею Сына Божія. *Буди мнѣ по глаголу твоему* (Лук. 1, 38), отвѣтствуетъ смиренная раба Господня на благовѣстіе Архангела,—и съ симъ словомъ сила Вышняго осѣняетъ браконеискусную, и Она становится Матерію Господа, взаимодавши отъ чистыхъ кровей своихъ плоть безплотному Богу-Слову. Тайна спасенія нашего открывается; но слава пренепорочной Дѣвы, особеннымъ, чрезвычайнымъ и исключительнымъ образомъ послужившей сей тайнѣ, по прежнему остается сокровенною. О дивномъ величіи Ея знаютъ только на небеси; на землѣ оно открыто только ей самой и въ послѣдствіи праведной Елисаветѣ по непосредственному просвѣщенію отъ Духа Божія.

Раждается Отроча—превѣчный Богъ; славословятъ ангелы, проповѣдуютъ пастыри, поклоняются волхвы, пророчествуетъ Симеонъ, исповѣдуетъ Анна дивное величіе Рожденнаго: но смиренная Марія только *соблюдаетъ вся глаголы сія, слагающи въ сердцы своемъ* (Лук. 2, 19).

Господь Іисусъ Христосъ вступаетъ въ общественное служеніе спасенію рода человѣческаго; слава ученія и чудотвореній Его распространяется по всей Іудеѣ. Но смиренная Метерь Господа остается чуждою сей славы. Одни вовсе не знаютъ Ея другіе, не могшіе не знать, соблазняются безвѣстнымъ и уничиженнымъ происхожденіемъ и состояніемъ Ея.

Сама Она, по глубокому смиренію своему, подобно Сыну своему, не искала славы отъ

человѣкъ и даже какъ бы съ намѣреніемъ убѣгала ея. Ни разу не упоминаютъ о Ней св. Евангелисты въ тѣхъ случаяхъ, когда видимымъ образомъ проявлялась слава Сына Ея, напротивъ видимъ Ее съ материнскимъ участіемъ къ Нему, когда Онъ подвергался поношенію и уничиженію, когда говорили, что Онъ неистовъ, на Голгоѳѣ—у креста Его, когда по предреченію Симеона, и Ея сердце пронзало оружіе лютыхъ и неизобразимыхъ скорбей Сына Ея.

Величіе Сына Ея, съ окончаніемъ уничиженнаго состоянія, является наконецъ видимо во всей божественной славѣ въ преславномъ воскресеніи и потомъ вознесеніи Его на небо: но и сія премірная слава осталась какъ бы чуждою пресв. Матери Его. И по вознесеніи Его до блаженной кончины своей, Она остается незамѣтною и безвѣстною въ сонмѣ апостоловъ. Только разъ, и то мимоходомъ, упоминаетъ о Ней св. Евангелистъ (Дѣян. 1, 14).

Печать смиренія, сокровенности и безвѣстности, лежавшая на всей земной жизни Ея, несовершенно снимается и при исходѣ Ея изъ сей жизни. Когда наступило время прехожденія Ея отъ земли на небо, пресвятая Матерь Господа раздѣляетъ общую участь всѣхъ земнородныхъ, путемъ смерти и гроба преходитъ къ нескончаемой блаженной жизни, *паче естества*, по выраженію церковной пѣсни, *законовъ естественныхъ повинующися*.

Но успеніе преблагословенной Матери Господа было, какъ говоритъ свящ. пѣснопѣвецъ, *конечнымъ елико на Ней таинствомъ*. Здѣсь уже начинаютъ являться проблески сокровенной доселѣ пренебесной славы Ея, какъ показываютъ чудесныя обстоятельства, сопровождавшія успеніе Ея. За три дня до блаженнаго преставленія Архангелъ Гавріилъ благовѣствовалъ Ей о прехожденіи Ея въ небесныя обители—къ Сыну Ея и Богу, принесши Ей, въ знаменіе торжества Ея надъ смертію и будущаго блаженнаго безсмертія, вѣтвь отъ райскаго древа. Ко дню преставленія Ея св. апостолы, разсѣянные по разнымъ странамъ міра съ проповѣдію слова Божія, чудеснымъ образомъ, восхищенные облаками, собраны были въ Іерусалимъ, дабы воздать Ей честь погребенія. Въ самый день преставленія необыкновенный, чудный свѣтъ осіялъ храмину Ея, кровъ храмины казался раскрытымъ и въ отверстомъ небѣ явился самъ Господь съ безчисленными сонмами св. ангеловъ и духовъ праведныхъ, исходящій во срѣтеніе пресвятой душѣ пречистыя Матери своея, при чемъ слышалось восхитительное пѣніе небесныхъ ликовъ, прославлявшихъ побѣду Ея надъ міромъ и темными силами. Съ радостію, отблескъ которой остался и по кончинѣ на лицѣ Ея, предала Она пресвятую душу свою въ руки Сына своего и Бога, а чрезъ три дня послѣ погребенія и самое пречистое тѣло Ея воскрешено, вознесено въ небесные чертоги и прославлено.

Послѣ того, какъ пресвятая Матерь Господа восприяла подобающую себѣ честь и славу на небеси, пренебесная слава Ея и на земли открывается во всемъ свѣтѣ и величіи. По предреченію Ея самой, всѣ христіанскіе роды прославляютъ и ублажаютъ, и никогда не престанутъ прославлять и ублажать преблагословенное имя Ея (Лук. 1, 48). Ни пространство мѣстъ, ни продолженіе временъ не уменьшаютъ и не ослабляютъ сіянія пренебесной славы Ея. Обѣщавшись святымъ апостоламъ не оставлять ихъ, Она и до днесь не оставляетъ весь родъ христіанскій своимъ предстательствомъ и заступленіемъ у Сына своего и Бога, не усыпаетъ въ молитвахъ о насъ недостойныхъ, и въ предстательствахъ есть непреложное упованіе. И много можетъ молитва Матерня ко благосердію Владыки, какъ

показываютъ страницы церковной исторіи и лѣтописи нашего любезнаго отечества. Тамъ взбранная Воевода невидимо предводительствуетъ войсками и спасаетъ отъ враговъ христіанскій градъ, здѣсь молніеносные лучи исходятъ отъ св. иконы Ея и обращаютъ въ бѣгство богопротивныхъ враговъ; тамъ горсть воиновъ, содѣйствіемъ Царицы небесной, представляется непріятельскимъ силамъ многочисленнымъ войскомъ, здѣсь сама Царица небесная въ видѣ солнцеобразной жены приводитъ въ смятеніе цѣлыя полчища враговъ ея. Но нужно ли припоминать и перечислять богоподобныя чудеса Ея, когда множество ихъ предъ глазами всѣхъ насъ? Св. обитель сія, и въ особенности сей небеси подобный храмъ — Ея по преимуществу домъ, Ею созданный, Ею украшенный и Ею доселѣ хранимый и обитаемый въ чудотворномъ образѣ, который сама же Она послала чрезъ нарочитыхъ мужей изъ Греціи. А сколько еще не пишемыхъ благодѣяній Ея, которыя хранятся въ преданіи народномъ, повѣдаются сирыми и вдовицами, немощными и скорбящими, гонимыми и обидимыми! По истинѣ слава Ея боголѣпная богоподобными сіяетъ чудесы по всему міру.

Вотъ премірная слава преблагословенной Матери Господа, и вотъ путь, приведшій Ее къ сей славѣ! Господь *призрѣлъ на смиреніе рабы своея, и отнынѣ ублажаютъ Ее вси роди.*

Братіе христіане! Ублажая возвеличенную паче херувимовъ и серафимовъ, поревнуемъ о томъ, чтобы и самимъ содѣлаться причастниками боголѣпной Ея славы, не въ такой конечно степени, какъ Она, а каждый въ своей мѣрѣ. Путь въ сей славѣ одинъ и тотъ же для всѣхъ. Только *смиряяй себе, вознесется* (Лук. 18, 14), говоритъ Господь.

Итакъ ревнитель и подвижникъ христіанскаго благочестія! Какой бы высоты нравственнаго совершенства по благодати Божіей ни достигъ ты, никогда не выпускай изъ виду пути, приведшаго къ славѣ пренепорочную Матерь Божію. Чѣмъ выше зданіе, тѣмъ глубже должно быть основаніе, чтобы оно могло стоять прочно, — таково правило житейской мудрости: *елико великъ еси, толико смиряйся* (Сир. 3, 18), говоритъ и правило духовной мудрости. Отбрось всякое самовозношеніе мысли и сердца, а для сего, восходя по лѣствицѣ христіанскихъ добродѣтелей отъ силы въ силу и отъ совершенства къ совершенству, отжени отъ себе искусительную мысль — озираться вспять, пересматривать пройденныя ступени и услаждаться своими трудами и подвигами. Въ противномъ случаѣ неизбѣжать тебѣ »кораблекрушенія въ пристанищи«, какъ называютъ опытные подвижники самовозношеніе своими подвигами.

Это высшее, духовное самовозношеніе, къ которому устилаютъ путь многіе дѣйствительные труды и подвиги благочестія. Есть самовозношеніе другаго рода, когда мечтаютъ о своихъ доблестяхъ и совершенствахъ, которыхъ вовсе не имѣютъ. Это — жалкое духовное самоослѣпленіе, когда человѣкъ, обольщаясь видимымъ призракомъ добродѣтелей, готовъ говорить съ сердцѣ своемъ: *богатъ есмь, и обогатихся, и ничтоже требую*, не вѣдая, что онъ и *окаяненъ, и бѣденъ, и нищь, и слѣпъ, и нагъ* (Апок. 3, 17); состояніе, близкое къ духовному омертвѣнію, подобно тому, какъ нечувствіе боли въ человѣкѣ тяжко больномъ большею частію вѣрный признакъ близкой его смерти. »Пребывай чаще во бдѣніи, размышляя о страшномъ судѣ; молись часто при костяхъ мертвыхъ и неизгладимо напечатлѣвай въ сердцѣ своемъ ихъ изображенія«, — вотъ совѣты опытныхъ подвижниковъ желающимъ избавиться отъ сего состоянія.

Есть еще иного рода самовозношеніе, когда человѣкъ и самъ не убѣжденъ внутренно въ своемъ нравственномъ совершенствѣ, а всѣ усилія напрягаетъ къ тому, чтобы показаться въ глазахъ другихъ совершеннымъ. И этотъ недугъ неслишкомъ необыкновенный. Увы, какъ многіе желали бы, чтобы о всѣхъ доблестяхъ ихъ трубили во всеуслышаніе, а иные и сами, подобно упоминаемому въ притчѣ фарисею, готовы предъ всѣми говорить: нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, и прочіе безумные глаголы. А между тѣмъ коренное свойство истинной христіанской добродѣтели, безъ котораго она теряетъ цѣну въ очахъ Божіихъ, есть глубокая сокровенность... Братъ возлюбленный! Если хочешь, чтобы цвѣтъ дѣлъ твоихъ былъ не только прекрасенъ, но и благоуханенъ, не вострубі предъ собою, при всякомъ добромъ дѣлѣ старайся закрыться отъ пытливости, молвы и даже собственнаго вниманія къ своимъ доблестямъ, *да не увѣсть и шуйца твоя, что творитъ десница твоя,— и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, той воздастъ тебѣ явѣ* (Матѳ. 6, 34). Въ противномъ случаѣ и добрыя дѣла твои не будутъ имѣть никакой цѣны, ни въ очахъ Божіихъ, ибо Господь не награждаетъ тщеславныхъ, какъ уже воспріявшихъ мзду свою, ни даже въ глазахъ людей, ибо и люди прозирая тщеславіе въ твоихъ дѣйствіяхъ, въ тоже время, какъ будутъ прославлять твои добрыя дѣла, будутъ осуждать тебя самаго за тщеславіе.

Такъ бываетъ въ жизни нравственной, такъ и въ жизни общественной. Боже мой! изъ чего суетность человѣческая не дѣлаетъ кумира для своего надменія и мелочнаго тщеславія! И отличныя природныя дарованія души, и заслуги и доблести, пріобрѣтенныя усиліями собственной дѣятельности, и заслуги предковъ или достоинство родовое, и опытность многолѣтней жизни, и слава, и богатство, и сила, и даже красота тѣлесная,—все обращается въ предметъ суетнаго надменія и превозношенія. Отсюда-то происходитъ обыкновенное превозношеніе заслугами рода, званія, общества; отсюда не менѣе, если не болѣе обыкновенное провозглашеніе предъ другими личныхъ заслугъ своихъ, похваленіе совершенствами своими, иногда дѣйствительными, чаще мнимыми, пересчитываніе, и мнимо благовременное и вовсе не благовременное, многоразличныхъ достоинствъ своихъ: отсюда далѣе, домогательство наградъ и жалобы на невниманіе къ намъ высшихъ, завидливое соперничество при успѣхѣ, унынie и бездѣйствіе при неудачѣ.

Братъ возлюбленный! на какой бы высотѣ нравственнаго совершенства ни стоялъ ты, какую бы степень въ общественной жизни ни занималъ, всегда помни и никогда не забывай, что вслѣдъ преблагословенной Матери Господа будутъ приведены къ Царю Христу только искренніе Ея,—приближающіеся или покрайней мѣрѣ ревнующіе приблизиться къ богоподобнымъ Ея совершенствамъ и украшающіе ихъ въ особенности любезнымъ Ей качествомъ—глубочайшимъ смиреніемъ и самоуничиженіемъ.

О, да ластъ Господь всѣмъ намъ молитвами и предстательствомъ преблагословенной Матери своей, занять хотя послѣднее мѣсто во многихъ обителяхъ Отца небеснаго! Да будетъ и нашъ гробъ, подобно Ея, лѣствицею къ небеси. Аминь.

ДВА СЛОВА

ВЪ ОТВѢТЪ ЦЕРКОВНОЙ (УНІАТСКОЙ) ГАЗЕТѢ (*).

Вѣря въ образованность запада, мы полагали, что тамъ не могутъ долго держаться и всюду распространяться какія нибудь темныя, несправедливыя сужденія, основанныя на предубѣжденіи, на ничѣмъ неоправдываемомъ голосѣ страсти, и происходящія отъ большаго или меньшаго незнанія дѣла. Намъ казалось, что журналы,—эти органы общественнаго мнѣнія, тотчасъ поспѣшатъ изобличить очевидную ложь, если бы кто нибудь захотѣлъ придавать ей стойкость истины. Но частые журнальные и печатные толки на западѣ касательно того или другаго вопроса изъ жизни русскаго народа разрушаютъ наше пріятное убѣжденіе. Въ особенности жалкую участь испытываютъ тамъ наши вопросы религіозные, — вопросы о силѣ и твердости нашего православія или стѣснительномъ состояніи у насъ римско-католическаго вѣроисповѣданія и т. п. Мы скажемъ мало, если выразимся, что всѣ статьи, касающіяся нашего церковнаго быта, обличаютъ перо, омоченное желчію и глаза отуманенныя страстію. Нѣтъ, изъ нихъ замѣтно въ людяхъ, толкующихъ о нашей Церкви, какое-то упорное нежеланіе поближе приглядѣться къ дѣлу. Въ нихъ открывается такая наивная самоувѣренность въ заблужденіи, принимаемомъ за истину при всемъ противорѣчіи его съ дѣйствительностію, что изъ-за нея друзьямъ правды совѣстно становится за нашъ просвѣщенный вѣкъ и образованный западъ. Мы не можемъ досадовать, слыша наивно-*лживые* толки о насъ, а только можемъ чувствовать нѣкоторый родъ сожалѣнія о тѣхъ, кто ихъ простодушно распространяетъ и принимаетъ.

Къ такимъ мыслямъ пришли мы, прочитавъ корреспонденцію о Россіи въ одной »*церковной газетѣ*«, издаваемой уніатами въ Будинѣ (№№ 2 и 3 за 1858 годъ). Сужденія, выражаемыя этою корреспонденціею, тѣмъ болѣе обращаютъ на себя вниманіе, и тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе производятъ на насъ, что они не исключительное явленіе въ церковной уніатской газетѣ, а служатъ въ ней только отголоскомъ общаго мнѣнія, ходячаго по Европѣ, и церковная газета, къ нашему удовольствію, по мѣстамъ старается смягчать чрезъ-чуръ строгій и несправедливый приговоръ о насъ. Въ 5-мъ № церковной газеты помѣщена филиппика противъ гоненій на католичество въ Россіи: она взята изъ парижскаго журнала »*корреспондента*« (выш. 25 январ. 1858 г.), и написана съ такою запальчивою страстію, что редакторъ церковной газеты счелъ долгомъ своимъ замѣтить объ увлеченіи безъименнаго корреспондента, отказаться отъ участія въ его

(*) Въ Будинѣ (въ Венгріи) обществомъ св. Стефана, подъ отвѣтственною редакціею священника Раковскаго, издается на русскомъ языкѣ церковная уніатская газета, подъ названіемъ: »Церковная газета, въ пользу Восточно-Каѳолической церкви, соединенной съ римскимъ патріаршескимъ престоломъ«. Газета эта выходитъ три раза въ мѣсяцъ. Редакція ея знакома съ русскими духовными журналами, и на страницахъ ея перепечатываетъ много отеческихъ переводовъ и проповѣдей изъ Воскреснаго Чтенія и твореній св. отцевъ. Въ извѣстіяхъ о современныхъ событіяхъ въ ней видное мѣсто занимаютъ извѣстія о Россіи и русской Церкви. Но эти извѣстія всегда почерпаются изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. Редакторъ церковной газеты выражалъ даже сожалѣніе о томъ, что онъ и его единовѣрцы и единоплеменники почерпаютъ всѣ свѣдѣнія о Россіи изъ западныхъ источниковъ, отъ людей, большею частію предубѣжденныхъ противъ насъ и враждебныхъ намъ и нашей церкви, и что они не имѣютъ возможности слышать что нибудь о Россіи отъ самихъ же русскихъ (№ 5, Ц. Газ. 1858). Два извѣстія, помѣщенныя въ церк. газетѣ, обратили на себя наше вниманіе, и, уважая желаніе редакціи газеты знать, какъ думаютъ русскіе о религіозныхъ вопросахъ своего отечества, мы осмѣливаемся передать публикѣ и довести до свѣдѣнія уніатскаго общества свой, по нашему мнѣнію, правдивый взглядъ на дѣло, обсуживаемое редакціею газеты.

личныхъ взглядахъ, и назвать убѣжденія его неосновательными и односторонними (стр. 38). Мы благодарны редакціи уніатской церковной газеты за ея сочувствіе къ намъ, за ея любовь къ правдѣ и безпристрастіе, которыя открываются намъ съ перваго взгляда. Но видимъ, что и расположенные къ намъ и правдолюбивые люди не могутъ сами собою выпутаться изъ той паутины лжи и клеветы, которою всѣ умы на западѣ опутала враждебная намъ сила. Жаль намъ, что разныя неосновательныя и односторонніе убѣжденія передаются печатно и принимаются за истину нашими единоплеменниками братьями, когда-то получившими православное христіанство отъ общихъ славянскихъ апостоловъ,—Кирилла и Меѳодія, когда-то ничѣмъ не отличавшимися отъ насъ въ вѣрѣ, и послѣ отторженными отъ единства православія силою несчастныхъ обстоятельствъ и хитрою политикою запада.

НЕСОКРУШИМАЯ ТВЕРДОСТЬ ВОСТОЧНАГО ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ШАТКОСТІЮ РИМСКАГО КАТОЛИЧЕСТВА.

Корреспондентъ церковной газеты говоритъ, что »въ настоящее время для Россіи настала новая эпоха«, признаетъ ея высокое призваніе въ дѣлѣ всемірной гражданственности. »Она призвана (по словамъ цер. газеты) быть преобразовательницею идолопоклонической Азіи, и подклонить ее смиренному и легкому игу христіанскаго закона. Но эта мѣта (прибавляетъ газета) весьма отдаленна; прежде Россія должна преобразовать саму себя, проникнуться, наполниться истиннымъ свѣтомъ, и возродиться въ купели смиренія и любви,—другими словами, возвратиться къ источнику истиннаго просвѣщенія, истинной свободы, истиннаго прогресса—католической вѣрѣ. Иначе всѣ ея преобразованія останутся, такъ сказать, внѣшними поверхностями, и потомство будетъ судить о нихъ такъ же, какъ многіе судятъ теперь о преобразованіяхъ, сдѣланныхъ въ прошломъ вѣкѣ Петромъ I. Но до сихъ поръ вопросъ о католической вѣрѣ еще не тронутъ, и состояніе католической церкви (въ Россіи) не представляетъ ничего, особенно благопріятнаго«. Предоставленіе религіозной свободы каждому, и ея будто необходимое слѣдствіе, по необъяснимому для насъ обольщенію западныхъ мечтателей, — водвореніе у насъ римскаго католичества, по словамъ корреспондента цер. газеты, — первая, существенная перемѣна, которую должно бы ввести преимущественно предъ всѣми другими: это крикъ самой природы; это священнѣйшая обязанность преобразователей. Думаютъ ли они о семъ? »спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ словомъ: »не знаю«.

Какое опрометчивое сужденіе! Просвѣщенному западу представляется, что наша Церковь не имѣетъ внутренней силы, находится въ шаткомъ, колеблющемся положеніи, и держится главнымъ образомъ силою внѣшней власти и строгостію существующихъ гражданскихъ законовъ! Ему кажется, что наша православная вѣра служитъ препоною развитію истиннаго просвѣщенія, истинной свободы и истиннаго прогресса! Съ чего взяли, на чемъ основали подобные публицисты свои мнѣнія? Не думайте, чтобы они знали близко устройство и состояніе нашей Церкви, и старались пріобрѣсть объ этомъ положительныя свѣдѣнія. Нѣтъ, они судятъ о православіи по одному слову: *схизма*, которымъ издавна заклеймено на западѣ наше отеческое и апостольское вѣроисповѣданіе, и которое служитъ для запада главнымъ источникомъ свѣдѣній о нашемъ религіозномъ бытѣ. Но схизма въ этомъ случаѣ пустое слово, отвлеченное понятіе, которое

не имѣетъ приложенія къ нашему вѣроисповѣданію. Нужно знать живой предметъ, чтобы потомъ имѣть право прилагать къ нему отвлеченное понятіе. А этого-то и нѣтъ у смѣлыхъ судей о нашей вѣрѣ, о нашемъ исповѣданіи христіанства.

Для насъ страннымъ и смѣшнымъ кажется сожалѣніе о томъ, что у насъ доселѣ не тронутъ вопросъ о католической вѣрѣ, и что о немъ и не думаютъ наши преобразователи. Зачѣмъ трогать и поднимать этотъ вопросъ, когда онъ вовсе неумѣстенъ въ православномъ государствѣ? Наше православное вѣроисповѣданіе удовлетворяетъ всѣмъ религіознымъ требованіямъ, и согласно съ духомъ св. отцовъ и правилами апостоловъ и вселенскихъ соборовъ. Мы вѣримъ въ Бога Отца, Сына и Святаго Духа такъ, какъ вѣрили и завѣщали вѣрить намъ древніе богомудрые учители христіанства. Ревностные и безпристрастные изслѣдователи церковной исторіи не могутъ обличить насъ ни въ одномъ отступленіи отъ полноты и чистоты богопреданнаго ученія Христова. И самые западные ученые, если слушаются голоса истины, по временамъ отдаютъ честь непреложной твердости нашего апостольскаго исповѣданія (Нель, Кистъ). Въ нашемъ догматическомъ ученіи нѣтъ никакой утраты изъ завѣщаннаго намъ отцами, и мы никогда не осмѣливались искажать его новыми измышленными лжедогматами, какими никогда не стыдилась римская церковь нарушать святость своей вѣры, начиная съ эгоистическаго ученія о главенствѣ римскаго первосвященника до недавно продиктованнаго догмата о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи. Божественная благодать, сообщаемая вѣрнымъ въ священныхъ таинствахъ, въ нашей Церкви открыта для каждаго, имѣющаго нужду въ ней и способнаго къ воспріятію ея: у насъ вѣрующій, послѣ возрожденія водою крещенія, не остается на долго безъ силы, укрѣпляющей его въ жизнь духовную, какъ то дѣлается въ церкви западной; благодать евхаристіи вполнѣ, подъ обоими видами, доступна не только для священниковъ, но и для мірянъ, какъ то было въ Церкви апостольской. Мы не дѣлаемъ изъ таинства покаянія предмета купли и продажи; нѣтъ у насъ ложнаго ученія объ индульгенціяхъ, за которыя можно купить безнаказанное отступленіе отъ закона; нѣтъ, значитъ, того великаго соблазна для строгихъ ревнителей благочестія, какой доселѣ лежитъ укоромъ на церкви западной, нѣтъ всеглашняго повода къ ослабленію евангельской нравственности. — Наше богослуженіе, дышущее духомъ библіи, запечатлѣнное знаменіемъ вѣры, устроенное св. отцами, совершаемое на родномъ языкѣ, дорого для насъ и своимъ назиданіемъ, и своею тательностію для сердца и религіознаго духа. — Въ устройствѣ нашей Церкви не видно соблазнительнаго произвола олицетвореннаго на западѣ въ папѣ: соборное управленіе, одухотворяемое неизмѣнною Главою Церкви Іисусомъ Христомъ, сохраняется у насъ во всей силѣ отъ временъ апостольскихъ; мы не хотимъ замѣнять всегда присутствующаго съ нами Начальника нашего исповѣданія немощною особою человѣческою. Наша духовная власть не искажаетъ своей чистоты вмѣшательствомъ въ дѣла свѣтскія, и потому наша іерархія, вращаясь въ области Церкви, не представляетъ изъ себя странной смѣси божескаго съ человѣческимъ, духовнаго съ свѣтскимъ. Нашу Церковь нельзя уподобить статуѣ, составленной изъ жемчуга и грязи, или чудовищу, имѣющему видъ получеловѣка и полу-коня, какъ то дѣлалъ Эразмъ по отношенію къ церкви западной.

Чего не достаетъ намъ, что бы мы съ пользою для себя могли заимствовать отъ римскаго католичества? Подчиненія римскому пре-

столу и папѣ? Но зачѣмъ добиваться общаго подчиненія смиреннымъ рабамъ Христовымъ, за чѣмъ вынуждать его у всѣхъ, когда его не было въ древности при всемъ уваженіи къ Риму, когда мы подчинены единому Пастырю-начальнику всего христіанскаго міра? Уже и на западѣ главенство папы отжило свой вѣкъ и становится анахронизмомъ; потому что и тамъ въ католическихъ государствахъ, церковь больше зависитъ отъ своего народнаго правительства, чѣмъ отъ папы. Зачѣмъ же намъ навязывать себѣ этотъ анахронизмъ? Не признать ли еще свѣтскаго властительства папы? Но это отодвинуло бы насъ въ средніе вѣка; теперь сама церковная область тяготится неестественнымъ духовно-свѣтскимъ правительствомъ, и давно бы освободилась отъ него, если бы не стѣсняла ея желаній чуждая насильственная военная власть. Соблазнительныхъ индульгенцій? Но уже довольно онѣ надѣлали зла и въ западной церкви; мы не хотимъ торговать властью вязать и рѣшить, не хотимъ соблазнять и волновать православный народъ. Искаженнаго символа вѣры? Непонятнаго богослуженія? Мы не желаемъ, чтобы и западные христіане оставались обдѣленными, при равномѣрномъ и полномъ сообщеніи всѣмъ истины и блага христіанства. Мы просимъ единоплеменныхъ Славянъ вспомнить, съ какою твердостію ихъ предки отстаивали древніе обычаи бывшаго у нихъ православія отъ насильственнаго посягательства на нихъ хитрой и властолюбивой политики запада, сколько пролили они крови прежде, чѣмъ приняли къ себѣ тогда ненавистныя имъ нововведенія запада. А нынѣ эти нововведенія, которыя ихъ предкамъ казались страшнѣе смерти, они изъ доброжелательства предлагаютъ намъ,— намъ, сохранившимъ у себя неприкосновенною чистоту древняго отеческаго православія! Нѣтъ; никакіе совѣты, никакія насилія, никакія хитрыя іезуитскія обольщенія не заставятъ насъ бросить то, въ истинѣ, святости и спасительности чего мы убѣждены какъ нельзя болѣе и голосомъ чувства и несомнѣнными доказательствами христіанской науки.

Пристрастные къ римско-католическому вѣроисповѣданію въ немъ одномъ видятъ основаніе истинной свободы, истиннаго просвѣщенія и истиннаго прогресса. Мы не можемъ согласиться съ ними, при самомъ первомъ воззрѣніи на историческій ходъ событій и на сущность римскаго католичества. Они смѣшиваютъ въ этомъ случаѣ съ своимъ вѣроисповѣданіемъ чистое христіанство, которое одно, въ своей неприкосновенной святости, можетъ быть условіемъ истиннаго прогресса. Но католичество Рима,—сколько препонъ оно поставляло истинному совершенствованію человѣчества! Обратитесь къ исторіи: безчеловѣчная инквизиція, тяжелая, ничего не щалящая и все поглощающая, власть іезуитизма, невыносимымъ гнетомъ давили и мысль и всякое свободное движеніе народовъ. Цѣпенѣло сознаніе подъ этимъ гнетомъ, и не смѣло обнаружить въ себѣ признака жизни. Мысль, почуявшая вѣяніе жизни духа, нашла себя вынужденною сбросить стѣснявшее ее иго: такъ духъ Рима непримиримъ былъ съ свободнымъ развитіемъ мысли и жизни. Историческая необходимость и возможность успѣха реформаціонныхъ движеній въ западномъ христіанствѣ, движеній, совершаемыхъ во имя христіанства, во имя истины и блага, во имя прогресса человѣчества,—все это самымъ наглядным образомъ доказываетъ ограниченный образъ пониманія истины въ римскомъ католичествѣ, и его стѣснительное дѣйствіе на развивающіяся силы народовъ.. Съ теченіемъ вѣковъ ослабѣла власть папы, тяготѣвшая надъ народами, время уничтожило жестокія пытки инквизиціи; но духъ Рима все таки остался

стѣснительнымъ для свободнаго развитія народной жизни. Стоя средоточіемъ западнаго христіанства, Римъ къ себѣ желаетъ стянуть всѣ силы народовъ, ему подчиненныхъ, и враждебно смотритъ на самостоятельное, независимое отъ него, развитіе; его притязательная сила хотѣла бы поглотить чуждую народность, и римская іерархія всегда готова навязать ей свои частные нравы, свои обычаи, свои законоположенія. Какъ іезуитизмъ, простирая вліяніе на человѣка, способенъ убить въ немъ все человѣческое, и сдѣлать изъ него бездушнаго автомата, такъ римскій католицизмъ можетъ и хочетъ убить въ народахъ все свободное и народное, хочетъ вдохнуть въ нихъ чужую, несродную имъ жизнь. Не онъ ли межлу прочимъ способствовалъ гибели Польши, опутавъ іезуитскою сѣтью польское правительство, сдѣлавъ его, вопреки народнымъ интересамъ, слѣпымъ орудіемъ римскаго духовенства, поставивъ въ непримиримую вражду народные элементы, побудивъ его къ неразчетливому гоненію на другія исповѣданія христіанства, истощивъ его силы въ напрасной, несчастной и несправедливой борьбѣ съ народомъ, ему подвластнымъ? Не онъ ли также послужилъ къ униженію Испаніи, повсюду зажигая въ ней костры, наполняя невинными жертвами фанатизма обширныя темницы, распространяя страшную грозу надъ умами гражданъ, оковывая свободно движущіяся силы, создавая враговъ народа въ его собственной средѣ, и изнурительно напрягая силы, въ угоду папскимъ интересамъ? Такихъ уроковъ достаточно для того, чтобы отстранять отъ себя гибельное вліяніе католицизма; мы дорожимъ своею свободою, своимъ народнымъ достояніемъ, и не хотимъ сдѣлаться вольными жертвами истощающей политики іезуитовъ и стѣснительной власти папы. Сами западно-католическія государства дознали опытомъ тягость церковной подчиненности Риму, и потому давно уже только по имени признаютъ римское главенство, на самомъ дѣлѣ управляясь самостоятельно и независимо отъ римскаго престола.—При этомъ видятъ въ римскомъ католичествѣ основу и условіе истиннаго прогресса: но можетъ ли быть истинный прогрессъ тамъ, гдѣ царствуетъ произволъ въ лицѣ папы, возведеннаго на степень непогрѣшимаго рѣшителя всѣхъ мыслей человѣческихъ? Этотъ произволъ всегда можетъ узаконять и дѣлать обязательными для другихъ свои личныя опредѣленія, несогласныя съ полнотою и чистотою истины: такъ и дѣлалъ часто въ исторіи папскій произволъ, и здѣсь уже уклоненіе отъ истиннаго христіанства, и, значитъ, отъ истиннаго прогресса. Готовый поводъ къ соблазну всегда предъ глазами народа, когда неограниченный произволъ налагаетъ свою руку на богоустроенное зданіе, и обезображиваетъ его новыми вымышленными формами и ненужными прибавленіями или нестройными измѣненіями. Соблазняющійся умъ, понявъ дѣло, захочетъ присвоить себѣ то право, какимъ пользуются привилегированныя лица; характеръ ихъ дѣйствія можетъ сдѣлаться характеромъ дѣйствія всѣхъ лицъ, имъ подчиненныхъ. Кто же, кромѣ насилія, можетъ запретить всѣмъ членамъ общества пользоваться тѣмъ оружіемъ, какимъ пользуются образцовые его представители? Соблазнъ, рожденный произвольными измѣненіями христіанства, можетъ подорвать уваженіе ко всему зданію христіанства: стоитъ мысли подмѣтить одну неправильность, утвержденную въ видѣ закона или догмата въ церкви, какъ видимомъ осуществленіи христіанства,—и она съ вопросомъ будетъ относиться ко всему церковному устройству, ко всему достоянію, въ немъ хранимому. Въ жару увлеченія или при неясности сознанія, она не станетъ строго разграничивать произвольнаго и

вымышленнаго отъ богооткровеннаго и несомнѣннаго. Вмѣстѣ съ ложнымъ, она легко можетъ отвергнуть многое и истинное. Въ той церкви, которая ее воспитала, и противъ которой она вынуждена возстать, ей не дано надежнаго руководства для безошибочнаго разграниченія чистой истины отъ ложной примѣси. Отъ того реформація, вызванная уклоненіями запада отъ чистаго христіанства, вмѣсто его возстановленія, нанесла ему еще большее искаженіе. Отъ этого на западѣ такъ часто являлись и распространялись, и доселѣ являются системы, готовыя совершенно попрать всю истину и все достоинство христіанства. Это ли условіе и основаніе истиннаго прогресса? Посмотрѣли бы западные на наше православіе, и сообразили бы, что здѣсь надъ волею церкви не тяготѣетъ ничей произволъ, что наша вѣра носитъ въ себѣ ничѣмъ непомраченный свѣтъ христіанства, и что въ ней нѣтъ ничего соблазнительнаго для безпристрастнаго сознанія: тогда открылось бы для нихъ, гдѣ нужно искать основанія и истинной свободы, и истиннаго просвѣщенія и истиннаго прогресса. Не было инквизицій въ области православія, наша духовная власть никогда не думала прибѣгать къ насиліямъ и оружію для защиты вѣры и своихъ узаконеній. А между тѣмъ на почвѣ православія никогда не возникало явленій, подобныхъ западной реформаціи, и духъ невѣрія и глумленія надъ христіанствомъ, съ такимъ шумомъ часто распространявшійся по западу, при первомъ проторженіи въ наши страны, разбивался о несокрушимыя твердыни нашей соборной и апостольской Церкви.

Людямъ запада, въ своемъ кабинетѣ составляющимъ приговоры о невѣдомомъ для нихъ православномъ востокѣ, думается, что главнымъ образомъ строгость законовъ, существующихъ въ Россіи относительно римско-католической вѣры, поддерживаетъ наше православіе, и служитъ препоною распространенію у насъ римскаго католичества. Имъ мечтается, что, еслибы позволено было каждому русскому безнаказанно исповѣдывать католическую вѣру (Ц. Газ. № 2, стр. 12, 13), то весь православный народъ нашъ бросился бы къ подножію папскаго престола. Какъ будто наши законы идутъ на перекоръ нашей жизни! Православіе вовсе не потому у насъ господствуетъ, что законы этого требуютъ, а напротивъ потому законы этого требуютъ, что у насъ православіе господствуетъ. Привязанность къ православной вѣрѣ, преданной намъ отцами, въ нашемъ народѣ самая сильная, и она не изсякнетъ дотолѣ, доколѣ жива будетъ наша народность. Мы вовсе не хотимъ ограждать цѣлости и неприкосновенности своей Церкви какими нибудь строгими законами. Напротивъ, мы можемъ похвалиться предъ западомъ тѣмъ, что у насъ никогда не было такихъ стѣснительныхъ и насильственныхъ мѣръ, какими римская церковь вынуждала у народа повиновеніе себѣ, и навязывала всѣмъ свои нововведенія. Наша Церковь всегда отличалась и отличается духомъ кротости и вѣротерпимости. Если есть какія либо мѣры въ законахъ, благопріятствующія православію, то эти мѣры встрѣчаются во всякомъ образованномъ государствѣ, касательно господствующаго въ немъ вѣроисповѣданія. Онѣ не удержали бы народа въ повиновеніи православной церкви, если бы въ немъ было сознаніе ея неудовлетворительности, если бы было какое нибудь расположеніе къ католичеству. Приглядитесь къ нашему народу, войдите въ его расположенія, узнайте его религіозный духъ — и вамъ покажется неестественною мысль о томъ, чтобы требовались строгія мѣры для удержанія его въ православіи. Соображая кровную, неразрывную связь его съ православіемъ, мы

не можемъ представить возможности даже частныхъ обращеній, совершаемыхъ по искреннему желанію и непринужденному сознанію. Примѣры перехода изъ православія въ римское католичество, видимые въ лицѣ Голицына, Балабина и Гагарина, намъ и всему народу нашему кажутся противоестественнымъ явленіемъ. Они объясняются только тѣмъ, что эти люди съ русскими фамиліями и родившіяся на русской землѣ совершенно не русскіе по своему воспитанію и направленію, и что къ ихъ сердцу умѣла найти доступъ корыстная и хитрая политика іезуитовъ, опутавшихъ свободныя убѣжденія, и накинувшихъ свою узду на нетвердое сознаніе. Эти измѣнники православія бѣгутъ изъ Россіи, но не потому, чтобы ихъ гнало наше правительство, а потому, что имъ самимъ, послѣ измѣны родному православію, совѣстно являться предъ глазами удивляющагося имъ и жалѣющаго о нихъ общества, потому что они своимъ расторженіемъ самой крѣпкой связи, сплочивающей во едино всѣхъ недѣлимыхъ русскаго народа, дѣлаются чуждыми для той сферы, въ которой прежде вилѣли себя, и лишаются общаго сочувствія.—Спросите исторію, и она вамъ скажетъ, какъ глубоко укоренилось въ насъ православіе, какъ неразрывно соединилось оно съ нашею жизнію. Сколько жестокой борьбы, сколько тяжелыхъ гоненій вынесъ народъ южной Россіи, стоя за свое родное православіе, когда польское католическое правительство, по своей нетерпимости, хотѣло уничтожить православіе въ предѣлахъ, ему подчиненныхъ? Народъ проливалъ рѣки слезъ и крови, чувствовалъ себя стѣсненнымъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ, лишался имѣнія, терпѣлъ пытки отъ поляковъ и жидовъ, бывшихъ орудіемъ католическаго духовенства, — и ничто не могло поколебать въ немъ преданности своей вѣрѣ. Одни вельможи, болѣе привязанные къ земнымъ разчетамъ, уступали гоненію, полячились и пятнали честь своей русской фамиліи переходомъ въ католичество. Но ихъ примѣръ оставался бездѣйственнымъ для народа.

(Окончаніе будетъ).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 28-го Іюля 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 25.

НЕДѢЛЯ 15 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

24 Августа 1858 г.

Глась 6-й.

На утрени: евангеліе воскресное 4-е, Лук. зач. 112. На Литургіи: апост. 2 Кор. зач. 176, еванг. Матѳ. зач. 92.

ИЗВѢСТІЕ ОБЪ ИКОНѢ СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО И РАВНОАПОСТОЛЬНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА, ПРИНЕСЕННОЙ ВЪ ДАРЪ КЪ МОЩАМЪ ЕГО БЛАГОЧЕСТИВѢЙШИМЪ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ.

15 число Іюля, всегда торжественно празднуемое въ успенской кіево-печерской Лаврѣ, какъ день памяти святаго равноапостольнаго просвѣтителя Россіи великаго князя Владиміра, глава котораго хранится въ великой лаврской соборной церкви,—въ нынѣшній годъ ознаменовано особымъ радостнымъ для Лавры событіемъ, усугубившимъ торжество ея. Въ этотъ день, утромъ, доставленъ въ Лавру, чрезъ фельдьегеря, при Высочайшемъ Его Императорскаго Величества Рескриптѣ отъ 10 Іюля на имя намѣстника Лавры, архимандрита Іоанна, богато украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями образъ св. князя Владиміра, для помѣщенія у св. мощей его.

Образъ сей внесенъ былъ предъ литургіею въ великую лаврскую успенскую церковь, освященъ по чинополоэженію въ олтарѣ и поставленъ на престолѣ. По окончаніи литургіи, совершенной соборнѣ предварительно приглашеннымъ на праздникъ св. благовѣрнаго князя,—преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кіевскимъ, святая икона съ подобающею честію изнесена изъ олтаря. Преосвященный Викарій, предшествуемый архимандритами и лаврскою братіею, держа въ рукахъ царскую икону, взошелъ на амвонъ и остановился на немъ лицемъ къ народу, а намѣстникъ Лавры, ставши нѣсколько впереди амвона, произнесъ слѣдующія слова:

»Къ радости настоящаго праздника отъ гроба святаго равноапостольнаго князя Владиміра мы имѣемъ нынѣ особенную радость и отъ престола царскаго. Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ Николаевичь и Благочестивѣйшая Супруга Его Государыня Императрица Марія Александровна, посѣтивъ въ минувшее лѣто

кіевскую святыню, дали священный обѣтъ принести въ память своего посѣщенія даръ къ гробу святаго князя Владиміра. — Обѣтъ сей нынѣ исполненъ: вотъ драгоцѣнный даръ Его Императорскаго Величества, а вотъ и царское слово, при которомъ сопровожденъ царственный даръ«.—И за тѣмъ прочиталъ Высочайшій Рескриптъ:

Высокопреподобный архимандритъ Іоаннъ.— Совершивъ въ прошедшемъ году, вмѣстѣ съ любезнѣйшею Супругою Моею, Государынею Императрицею Маріею Александровною, посѣщеніе кіево-печерской Лавры, Мы еще имѣли утѣшеніе быть приняты въ ней высокопочтеннымъ Архипастыремъ ея, нынѣ въ Бозѣ почившимъ митрополитомъ Филаретомъ. Сопутствуемый имъ по святынѣ, въ коей почиваютъ мощи святаго Равноапостольнаго великаго князя Владиміра, Я выразилъ желаніе оставить въ соборномъ храмѣ, сныя хранящемъ, память Нашего въ немъ пребыванія и теплыхъ молитвъ, принесенныхъ Нами, о заступничествѣ его предъ Господомъ Богомъ, за Меня, Мой Домъ и весь народъ Мой. Спѣшу исполнить обѣтъ Мой, препровождая при семъ, по совѣту преосвященнаго Филарета, икону святаго Владиміра и прошу васъ о помѣщеніи ея предъ мощами благочестивѣйшаго Родоначальника Христолюбивой Россіи. Да будетъ смиренный даръ сей выраженіемъ Моего умиленія предъ Господомъ и чувствъ Моего благоговѣнія ко святому Просвѣтителю Моего Отечества.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклоннымъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ Петергофѣ Іюня
10 дня 1858 года.

По прочтеніи Высочайшаго Рескрипта, драгоцѣнная Царская икона поставлена на ракѣ св. князя Владиміра, и преосвященный обратился съ слѣдующею молитвою къ святому равноапостольному Просвѣтителю Россіи:

»Святый равноапостольный княже Владиміре! Се Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ Николаевичь, исполняя священный обѣтъ свой, принесъ къ гробу твоему, въ самый день памяти твоей, сей драгоцѣнный даръ. Призри съ высоты святыя, идѣже водворяешися ты въ селеніяхъ небесныхъ блаженнымъ духомъ твоимъ, почивая здѣ петлѣнными останками твоими, и пріими даръ сей. Ниспосли благословеніе твое Благочестивѣйшему Императору, всему царствующему Дому и всему царству Русскому, и благословеніе сіе да почиваетъ выну на Нихъ въ залогъ благоденствія возлюбленнаго отечества нашего, еже ты просвѣтилъ еси свѣтомъ единыя истинныя православныя вѣры«.

Затѣмъ преосвященнымъ викаріемъ съ архимандритами и лаврскою братіею при многочисленномъ собраніи военныхъ и гражданскихъ чиновъ и богомольцевъ со всѣхъ сторонъ Россіи, — отправлено благодарственное Господу Богу съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе о здравіи и долгоденствіи Благочестивѣйшаго Государя Императора и всего Августѣйшаго Царственнаго Дома съ присоединеніемъ обычнаго молебнаго пѣнія св. князю Владиміру. Въ послѣдствіи св. икона, согласно Высочайшей волѣ, утверждена на всегда при ракѣ св. князя Владиміра на мѣстѣ, указанномъ въ Бозѣ почившимъ митрополитомъ Филаретомъ. Предъ нею неугасимо горитъ драгоцѣнная золотая лампада, — также царственный даръ Ихъ Величествъ Государя Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы

Маріи Александровны, доставленный въ лавру Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ при посѣщеніи Его Императорскимъ Высочествомъ Кіева въ октябрѣ 1856 года.

ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ.

3.

И рече Богъ: да изведутъ воды гады душъ живыхъ, и птицы летающія по земли по тверди небесныѣ: и бысть тако.— И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая и гады, и звѣри земли по роду: и бысть тако (Быт. 1, 20—24).

Дни творенія, пятый и шестый, представляютъ первыя на землѣ явленія жизни съ чувствомъ, или сознаніемъ. Сначала являются животныя водныя, потомъ воздушныя, и наконецъ земныя. Можно примѣчать, что это лѣствица живущихъ тварей, отъ простѣйшихъ организмовъ до болѣе сложныхъ.

Что сказать, когда смотримъ на эти дивныя творенія Божіи? Скажемъ съ св. Псалмопѣвцемъ: *яко возвеличишася дѣла твоя Господи! вся премудростію сотворилъ еси; исполнися земля твари твоея. Сіе море великое и пространное: тамо гади, ихже нѣсть числа, животная малая съ великими* (Пс. 103, 24. 25). Кто бы подумалъ, еслибъ не научилъ насъ опытъ, что въ этихъ водахъ соленыхъ и горькихъ, въ этомъ всепоглощающемъ морѣ живутъ безчисленныя твари, животныя и великія, огромнѣе слоновъ, и малыя, которыя меньше самыхъ мелкихъ извѣстныхъ намъ насѣкомыхъ? Такъ именно, меньше, несравненно меньше едва видимой мошки существуютъ въ водахъ разнообразныя животныя; ибо посредствомъ увеличительныхъ стеколъ открыто, что и въ одной каплѣ воды можно находить сотни и тысячи малѣйшихъ животныхъ. Всѣ эти твари, и огромныя и малѣйшія, родятся въ водахъ, тамъ находятъ свои логовища и пищу, тамъ растутъ, движутся, размножаются, тамъ заключаютъ союзы съ подобными себѣ, и ведутъ войны съ другими, — все это тамъ, гдѣ ни человѣкъ, ни другія земныя животныя не могутъ жить. Какъ дивно устроены тѣла этихъ водныхъ жителей! Чтобъ вода не проницала и не разрушала ихъ состава тѣлеснаго, одни изъ нихъ ограждены чешуею, какъ бронею непроницаемою, другія маслянистою кожею, которая также не пропускаетъ воды. Строеніе тѣлъ ихъ приспособлено къ плаванію, такъ, что человѣкъ по необходимости подражаетъ этому строенію, когда сооружаетъ свои мореплавательныя судна, хотя далеко не равняется въ плаваніи съ рыбами; потому что не можетъ плавать въ самыхъ глубинахъ морскихъ подъ водами. Не дивно ли, что и въ этихъ животныхъ, поставленныхъ на столь низкой степени жизни, видны дѣйствія, по видимому, преднамѣренныя, разумныя? Когда наприм. малыя рыбы удаляются на мелкую воду, гдѣ не могутъ плавать большія, всякій скажетъ, что они ищутъ для себя безопасности, а когда, въ извѣстное время, цѣлыя міріады рыбъ идутъ въ моря сѣверныя, гдѣ вода не столь солена, какъ въ южныхъ, и тамъ породивъ дѣтей, возвращаются въ воды болѣе теплыя, то какъ не при-

писать этимъ рыбамъ предусмотрительности родительской о жизни и воспитаніи чадъ? И однакожъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ животныхъ несмысленнѣе, какъ рыбы. Кто же, какъ не Умъ Творческій управляетъ этими безчисленными, неразумными тварями? Его законы исполняютъ онѣ и безъ сознанія разумнаго, и исполняютъ вѣрнѣе, нежели человѣкъ съ своимъ сознаніемъ разумнымъ.

Еще болѣе дивимся мы животнымъ, летающимъ по воздуху. Какъ устроены они съ членами и довольно твердыми и вмѣстѣ легкими такъ, что могутъ и выносить перемѣны воздушныя и вмѣстѣ свободно и быстро подниматься на высоты воздуха? Какимъ острымъ зрѣніемъ одарены многія изъ нихъ. На какія высоты, на прим. возносится орелъ, и *тамо сый ищетъ брашна, издалеча очи его наблюдаютъ* (Іов. 39, 29). А между тѣмъ и кокошъ на землѣ, окруженный птенцами своими, усматриваетъ въ такой высотѣ врага своего, крикомъ даетъ знакъ опасности дѣтямъ, и всѣ они скрываются или въ травѣ, или подъ крыльями матери. Кто научилъ птицъ съ такимъ искуствомъ строить гнѣзда, и приспособлять эти жилища къ величинѣ и числу птенцовъ, еще не родившихся? Кто возвѣщаетъ, такъ называемымъ, перелетнымъ птицамъ наступленіе зимняго холода и указываетъ дальный путь, часто чрезъ море, въ страны теплыя? Кто далъ однѣмъ прекрасное убранство перьевъ, другимъ сладкопѣвный голосъ, а инымъ способность подражать даже слову человѣческому?—Дивны у всемогущаго и премудраго Владыки тварей и тѣ, ничтожныя по видимому, летающія, которыхъ называемъ насѣкомыми. На пчелу на прим. само Писаніе указываетъ, какъ на образецъ трудолюбія и искуства. *Иди*, говоритъ, *ко пчелѣ, и увѣждь, коль дѣлательница есть, дѣланіе же коль честное творитъ;—ащe силою и немощна сущи, премудростію почтена произведеся* (Притч. 6, 8). А что сказать о разнообразіи и изяществѣ цвѣтовъ, какими украшены многія изъ летающихъ насѣкомыхъ? Справедливо называютъ ихъ одушевленными цвѣтками, носящимися по воздуху. Но ты, человѣкъ, недоволенъ безчисленнымъ множествомъ тѣхъ докучныхъ насѣкомыхъ, которыя влетаютъ въ твое жилище во время лѣта? Знай же, что они тогда являются, когда воздухъ, коимъ ты дышешь, наиболѣе наполняется вредными испареніями, и эти малыя животныя, поглощая то, что для тебя вредно, благодѣтельствуютъ тебѣ. Также несправедливо думаемъ мы о многихъ птицахъ, иногда чрезмѣрно размножающихся въ нашей странѣ, почитая ихъ безполезными и даже вредными, между тѣмъ какъ онѣ истребляютъ насѣкомыхъ, несравненно болѣе вредныхъ для нивъ нашихъ и плодовитыхъ деревьевъ. Всего лучше, братія, сознаваться въ незнаніи или неопытности нашей, когда кажется намъ что либо безполезнымъ въ твореніи, благоговѣть предъ непостижимою премудростію Творца, и вѣровать съ Соломономъ, что *всяческая, яже сотвори, добра суть во время свое* (Еккл. 3, 11).

Обратимся къ животнымъ земнымъ, ближайшимъ къ человѣку по устройству тѣла. Много видимъ и здѣсь знаменій премудрости и благости творческой. Какъ премудро, въ этихъ неразумныхъ сожителяхъ нашихъ, все приспособлено къ ихъ образу жизни и потребностямъ! Одни питаются растеніями, другія плотоядны; одни дики и живутъ только въ лѣсахъ или пустыняхъ, другія смирны и любятъ жить близъ человѣка; одни отличаются крѣпостію и силою, другія быстротою бѣга и легкостію. Сколько разнообразія въ ихъ видѣ и свойствахъ! И всѣ они знаютъ, гдѣ находить свою пищу и жилище; знаютъ, что имъ полезно и вредно; умѣютъ устроить или найти безопасное мѣсто

для дѣтей своихъ и воспитать ихъ; есть у нихъ и одежда въ защиту отъ холода или зноя, есть оружіе противъ враговъ; многія заготовляютъ себѣ и пищу на долгое время. Дивно и то, что нѣкоторыя изъ нихъ, не имѣя возможности жить зимою на поверхности земной, зарываются въ землю, и здѣсь на нѣсколько мѣсяцевъ погружаются въ безчувственный сонъ, замираютъ, а весною пробуждаются и какбы оживаютъ. Такимъ образомъ и они, подобно растеніямъ, замирающимъ на время зимы и оживающимъ весною, напоминаютъ тебѣ, человѣкъ, о той животворящей силѣ Творца, которая нѣкогда и твое тлѣнное тѣло воззоветъ изъ праха къ новой жизни. Примѣчай, падшій владыка земныхъ тварей, что изъ тѣхъ животныхъ, которыя съ тобою живутъ на землѣ, и болѣе другихъ сходны съ тобою по устройству тѣла, большая часть очень далека отъ твоей власти, наиболѣе тебѣ враждебна и опасна, и съ ними непрестанная война у тебя. Все это произошло отъ того, что зараженная грѣхомъ природа твоя, произведши разстройство въ природѣ внѣшней, наиболѣе вреда проявила въ томъ, что ближе къ тебѣ, подобно тому, какъ рѣка, выступившая изъ береговъ, болѣе разрушаетъ тѣ мѣста на землѣ, которыя къ ней ближе? Когда въ тебѣ открылись неистовыя страсти и похоти, тогда и въ животныхъ, подчиненыхъ тебѣ, явились злыя наклонности — кровожадность, хищничество, лукавство, прожорливость, упрямство и самая вражда противъ тебя. Благодари однако милосердаго въ самомъ гнѣвѣ своемъ Отца небеснаго. Тебѣ оставлено на службу еще довольно животныхъ, болѣе мирныхъ и послушныхъ, которыя или одѣваютъ тебя своею волною, или питаютъ млекомъ и мясомъ; одни употребляютъ силу свою на помощь тебѣ въ трудахъ земледѣлія, другія носятъ твои тяжести и тебя самаго, иныя охраняютъ твои жилища. И какъ мало требуютъ они за свою службу тебѣ! Ты болѣе отъ нихъ получаешь, нежели даешь имъ. Такъ, видно по всему, что Всевышній не до конца прогнѣвался на насъ, преступныхъ тварей своихъ, а оставилъ еще много знаменій своего милосердія, оставилъ, посему, и надежду спасенія отъ большихъ золъ, нами заслуженныхъ.

Итакъ поистинѣ *всяческая добра, яже сотвори* Господь, *во время свое.* Было время для человѣка наилучшее, райское, состояніе невинности и блаженства, когда онъ самъ былъ добръ зѣло, и было также все, въ окружающей его природѣ, добро для него. Потеряно это время, настало состояніе человѣка грѣховное, бѣдственное; потому и въ природѣ внѣшней явилось съ добромъ и зло для насъ, зло, которое есть также добро во время свое, — въ это время, когда нужны намъ и вразумленіе, и страхъ, и узда, и исправительное наказаніе. Не одно добро находимъ въ тваряхъ, но и зло для насъ, и не одно зло, но и добро. Что, еслибъ для грѣшниковъ было вездѣ одно добро? Еще болѣе забыли бы они своего Творца и Господа, и болѣе было бы тѣхъ ослѣпленныхъ людей, которые почитаютъ тварь за Бога. Что было бы, еслибъ вездѣ встрѣчали мы злое? Какъ трудно было бы познать намъ, что Богъ есть Высочайшая любовь и благость, и какъ легко соглашались бы многіе съ тою сатанинскою мудростію, которая допускаетъ начало зла вѣчное! Нѣтъ, человѣкъ, еще много благъ для тебя въ твореніи видимомъ; Богъ еще *сіяетъ солнце свое на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. 5, 45), *даетъ времена плодоносна, исполняетъ пищею и веселіемъ сердца наша* (Дѣян. 14, 17), да возчувствуемъ благость Его и обратимся *отъ суетныхъ къ Богу живу, иже со-*

твори небо и землю и море, и вся яже въ нихъ (—15). Еще много прекраснаго видимъ въ тваряхъ, *да увѣмы, колико сихъ Владыка ихъ лучшій;* еще *дивимся силѣ и дѣйствію ихъ, да уразумѣемъ, колико сотворивый сія сильнѣйшій есть* (Прем. 13, 3. 4). А суета и несовершенство тварей менѣе ли поучительны для тебя, христіанинъ? *Суетѣ тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи; яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Римл. 8, 20, 21). О сей-то свободѣ будемъ помышлять и воздыхать, о ней будемъ молиться и во храмѣ природы, и предъ престоломъ благодати, да благоговѣйно созерцая здѣсь славу Творца возвѣщаемую небомъ и землею древними, сподобимся наслаждаться высочайшею славою Его на новомъ небѣ и новой землѣ. Аминь.

Боялся Бога, великъ выну. Іудиѳ. 16, 16.

Есть въ жизни истинныхъ христіанъ нѣчто такое, что превосходитъ всякое земное величіе,—это богобоязненность, святость. Святой человѣкъ стоитъ выше философа, поэта, художника, полководца, политика, законодателя,—словомъ, выше всѣхъ великихъ міра.

Почему? Потому, что святость есть истинное, а не кажущееся только совершенство человѣка; есть его личная заслуга, а не что либо случайно или легко привошедшее къ нему.

Обыкновенно называютъ великими людьми прославившихся въ наукахъ или искуствахъ. Правильнѣе называть таковыхъ: великими мыслителями, великими философами, великими законодателями, великими художниками и т. п. Но чтобы они были великіе люди, это еще вопросъ. Ибо можно быть тѣмъ, чѣмъ они,— и не имѣть истиннаго величія человѣческаго; можно совершить великое дѣло, но совершить безъ особеннаго труда, такъ что оно будетъ слѣдствіемъ или счастливаго настроенія способностей, или счастливаго расположенія обстоятельствъ; можно великимъ дѣяніемъ украсить человѣчество, но не всегда можно возвеличить его и возвысить.

Какъ часто тѣ люди, которымъ даютъ названіе великихъ, оказываются малыми, когда прилагаютъ къ нимъ мѣрило истиннаго величія! Даже геній не можетъ устоять на судѣ правды, если не имѣетъ истинной добродѣтели. —Истинно великій человѣкъ есть человѣкъ святой; ибо святой великъ личнымъ величіемъ: онъ великодушенъ, безкорыстенъ, скроменъ, сострадателенъ, неустрашимъ, терпѣливъ... словомъ, наилучшій изъ людей.

Посему-то великія души всегда предощущали въ святости нѣкое особенное достоинство. При встрѣчѣ съ людьми святыми они чувствовали себя проникнутыми глубочайшимъ благоговѣніемъ къ нимъ, и невольно склонялись предъ ихъ ни съ чѣмъ несравнимымъ величіемъ. Императоръ Петръ великій со смиреніемъ принималъ духовные совѣты святаго Митрофана, Императоръ Александръ Благословенный, поклоняясь угодникамъ кіево-печерскимъ, назвалъ ихъ истинными царями земли.

Величіе во святыхъ, какъ благородство въ славномъ родѣ, замѣчается по самому наружному виду. Лице человѣка святаго всегда сіяетъ какимъ то особеннымъ свѣтомъ; его физіономія не можетъ сравниться ни съ какой другой по красотѣ и привлекательности. И по-

тому живописцы чувствуютъ особенную трудность при изображеніи подобныхъ лицъ, и не рѣдко сами говорятъ, что эта трудность происходитъ именно отъ того, что на лицѣ святаго есть отблескъ высочайшаго, невещественнаго свѣта, отраженіе неописаннаго идеала.

Прочія величія, которыхъ человѣкъ можетъ достигнуть, по существу своему не всегда суть величія, служащія для истиннаго совершенства нашего, не всегда бываютъ необходимы для достиженія высокой цѣли человѣка.

Величіе въ мысляхъ, величіе въ искуствѣ, величіе въ завоеваніи,... все это можетъ уклоняться отъ истинной цѣли. Чрезъ эти уклоненія человѣческаго генія человѣчество идетъ назадъ, и часто получаетъ глубокія раны отъ тѣхъ, коихъ называютъ великими людьми. Философы, художники, поэты, политики, завоеватели, и подобные симъ люди — нерѣдко страшно поражаютъ его тѣмъ оружіемъ, которое даетъ имъ, такъ называемый, *геній*. — Но величіе святыхъ людей не возвращаетъ человѣчества ни на одинъ шагъ назадъ, и слава ихъ не наноситъ вреда никому; потому — что величіе ихъ есть истинное величіе, и слава ихъ — законная слава. Святость есть возвышеніе человѣка; но возвышеніе въ смыслѣ вѣчнаго назначенія есть возвышеніе жизни въ себѣ и стремленіе жизни къ высочайшей цѣли своей.

Никогда мы не должны упускать изъ виду этой свѣтлой звѣзды, путеводительницы нашей. Она одна показываетъ намъ истинный путь къ совершенству; она для насъ тоже, что полярная звѣзда для мореплавателей.

Законъ святости есть законъ совершенства. — Совершенствованіе есть свободное движеніе человѣка къ Богу. Это свободное движеніе имѣетъ только человѣкъ святой, который, вспомоществуемый благодатію Божіею, стремится къ своему первообразу. Чѣмъ большее число людей идетъ этимъ путемъ, и чѣмъ постояннѣе, — тѣмъ прекраснѣе становится гармонія душъ, тѣмъ скорѣе достигается цѣль. Путь истиннаго совершенствованія есть прямая линія, ведущая отъ человѣка къ Богу. Святые только идутъ прямымъ путемъ; только ихъ жизнь есть стремленіе къ цѣли. Они суть единственные люди, незнающіе оборотовъ и уклоненій. Святые никогда не оставляютъ своего пути, и путь, по которому они слѣдуютъ, есть путь, ведущій къ Богу. Это есть царскій путь совершенствованія, — путь, уклонившись отъ котораго, можно низвергнуться въ бездну ада.

Посмотри, какъ святые идутъ этимъ путемъ, устремивъ взоръ свой въ безконечное, прикрѣпивъ сердце свое къ вѣчному! Они идутъ впередъ мужественно, постоянно, геройски. Не останавливаютъ ихъ уклоненія людей и народовъ; не смущаютъ ихъ бредни философовъ, не прельщаютъ картины развращеннаго воображенія, не привлекаютъ блага чувственнаго міра. Съ тяжкимъ крестомъ на раменахъ, но спокойствіемъ и веселіемъ душевнымъ восходятъ они выше и выше, слѣдуя за своимъ божественнымъ Искупителемъ по Его голгоѳскому пути и радостно подаютъ руку помощи изнемогающимъ собратіямъ. Вотъ что должно назвать истиннымъ прогрессомъ!

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

176) Многіе изъ неразумныхъ имѣютъ обычай предлагать желающимъ оставить міръ вопросъ: что пользы отъ монашескаго житія? Благотворители и милостынодавцы не угождали ли Богу, живя въ мірѣ, и мало ли такихъ, кои въ мірѣ сподобились великихъ даровъ? Но они не знаютъ, что много труженниковъ, а мало чистыхъ, и что дары Божіи подаются не всегда по святости, а иногда и по нуждѣ. Въ нуждѣ каменіе возопіетъ, и ослица получитъ человѣческую рѣчь. Вышнихъ ищи и въ безмолвномъ терпѣніи стяжевай душу свою.

177) Если ты міряныня, живи среди міянъ и твори дѣла ихъ; а если оставила міръ для Бога, и съ клятвою отреклась отъ всего, какъ раба Христова, то проходи не лѣностно дѣланія монашескія, пребывая всегда въ добромъ безмолвіи, чтеніи и молитвѣ. — А когда скажетъ тебѣ помыслъ: есть же монахи, кои ходятъ въ міръ, и занимаются житейскимъ? то останови пустословіе сего помысла и скажи ему: всякой за себя дастъ отчетъ; попекись свои очистить грѣхи, а о другихъ — Богу попеченіе, а не тебѣ.

178) Есть люди, кои собираясь оставить міръ, спрашиваютъ свѣдущихъ и боящихся Бога: есть ли утѣшенія въ монашескомъ житіи? и не можно ли съ легкостію проходить сей образъ жизни? — Дивное безмысліе! — Ты хочешь взойти на небо, получить царствіе вѣчное, содѣлаться сонаслѣдникомъ сладчайшему Іисусу Христу и Богу нашему, съ ангелами вѣчно славить всесвятаго Бога, — и спрашиваешь, — есть ли труды въ монашескомъ житіи? Міролюбцы, желая достать любимую вещь, переносятъ всѣ бѣды и скорби, и не жалѣютъ трудовъ, пока не удовлетворятъ своего желанія; а ты о дѣлѣ Божіемъ спрашиваешь, — есть ли въ немъ утѣшеніе и льгота? — И Бога ради не хочешь подъять труда безмолвія, поста, молчанія, бдѣнія, и всякаго злострадапія! Наслаждаясь ястіемъ, питіемъ и сномъ хочешь спасти душу свою?! — Да не будетъ, да не будетъ. Что посѣетъ кто здѣсь, сторицею пожнетъ въ страшный день суда. — Непокаявшемуся же горе; ибо муки его пекончаемы.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 5-го Августа 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 24.

НЕДѢЛЯ 16 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ

31 Августа 1858 г.

Гласъ 7-й.

На утрени: евангеліе воскресное 4-е, Лук. зач. 113. На Литургіи: апост. 2 Кор. зач. 181, еванг. Матѳ. зач. 105.

ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ.

4.

И рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и подобію. – И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ (Быт. 1, 26. 27).

По сотвореніи неразумныхъ тварей земныхъ, Господь Богъ творитъ разумное существо, владыку земли — человѣка. Это какъ бы вѣнецъ видимыхъ твореній Божіихъ, и здѣсь-то преимущественно мы должны усматривать и сознавать высочайшую премудрость и благость творческую. Обратимъ вниманіе на то, какъ сотворилъ Богъ человѣка и какъ устроилъ состояніе его первоначальное.

1. Приступая къ сотворенію владыки земли, Творецъ не говоритъ: *да будетъ*, или да изведетъ земля человѣка, но въ тайнѣ пресвятой Троицы бесѣдуетъ, и какъ бы совѣщается: *сотворимъ человѣка.* Что значитъ этотъ высочайшій совѣтъ Божій? Это совѣтъ премудрости и благости, опредѣляющій судьбу человѣка будущую. *По образу нашему* сотворимъ его, говоритъ божественная Троица, то есть, да будетъ человѣкъ подобенъ намъ, да участвуетъ, сколько возможно, и въ совершенствѣ и блаженствѣ нашемъ. Но не предвидѣлъ ли Всевѣдущій и того, что толико возвышаемое на землѣ существо скоро лишится своего достоинства и затмитъ въ себѣ славный образъ Божій? Предвидѣлъ, безъ сомнѣнія. И потому справедливо замѣчаютъ отцы и учители Церкви, что совѣтъ пресвятой Троицы о созданіи человѣка былъ совѣтомъ и о воз-

созданіи его, т. е., тогда еще опредѣлено средство для возстановленія падшаго человѣка и для обновленія въ немъ образа Божія. Тогда, значитъ, и единородный Сынъ Божій принялъ на себя долгъ всемірнаго искупленія, тогда рекъ ко Отцу: *се иду, еже сотворити волю твою, Боже* (Евр. 10, 7). Почему и называется *Агнцемъ, заколеннымъ отъ сложенія міра* (Апок. 13, 8).

2. Тѣло человѣка, какъ владыки земли, создано изъ земли же. *И созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни* (Быт. 2, 7). И это есть уже великое преимущество, что тѣло Адама образовано изъ земной персти нѣкіимъ ближайшимъ дѣйствіемъ Всемогущаго, какъ твореніе превосходнѣйшее. Не значитъ ли сіе того, что и оно назначено къ воспріятію высокихъ совершенствъ и къ тому блаженному состоянію, которое обѣщаетъ намъ вѣра евангельская? Но несравненно превосходнѣе другая часть человѣка — душа. Это *дыханіе жизни*, вдохновенное Богомъ, а потому отъ Бога непосредственно получающее свою высшую жизнь, какъ наше дыханіе согрѣвается непосредственно нашею внутреннею теплотою. Въ сей то части человѣка положенъ собственно живый образъ Божій, — въ совершенствахъ, говорю, души, въ чистомъ свѣтѣ ума ея, правотѣ воли и блаженномъ довольствѣ сердца. Не безцѣнные ли это дары Вѣчной Благости? И какъ былъ бы блаженъ человѣкъ, еслибъ сохранилъ эти дары Божіи, въ первобытномъ совершенствѣ ихъ, навсегда.

3. Прекрасному творенію дано было и прекрасное жилище на земли. *И прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе и доброе въ снѣдь; и древо жизни посредѣ рая, и древо, еже вѣдѣти разумительное добраго и лукаваго.* — *И взя Господь Богъ человѣка, егоже созда, и введе его въ рай сладости, дѣлати его и хранити* (Быт. 2, 9. 15). Новая благость, новые дары Божіи. Человѣкъ, украшенный совершенствами по тѣлу и душѣ, для сохраненія и возвышенія сихъ совершенствъ имѣлъ всѣ средства въ устроенномъ для него раю земномъ. Для питанія превосходнаго тѣла его готовы были превосходные и разнообразные плоды древъ райскихъ; для того, чтобъ тѣло сіе никогда не знало ни болѣзней, ни смерти, насаждено среди рая древо жизни. А для чего еще указано было древо *еже вѣдѣти доброе и лукавое?* Для пользы души. Господь, запретивъ вкушать плоды сего древа, хотѣлъ научить человѣка послушанію, какъ необходимому условію для всегдашняго блаженства души въ Богѣ. И сіе то значитъ вѣдѣніе добраго — знать, что въ повиновеніи волѣ Божіей начало и утвержденіе нашего счастія, а вѣдѣніе лукаваго, или злаго — убѣгать, какъ величайшаго зла, всего, что противно волѣ Божіей. Вотъ первобытный завѣтъ Бога съ человѣкомъ: *отъ древа-еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него; въ онь же аще день снѣсте отъ него, смертію умрете* (—17), но, — (какъ само собою разумѣется) если сохраните заповѣдь, будете безсмертны и блаженны во вѣки. Не благость ли и это высочайшая? Вѣчная любовь требовала малаго, самаго не труднаго повиновенія, чтобы укрѣпить за человѣкомъ свои вѣчныя блага навсегда.

4. Отеческая благость Творца видна и въ сотвореніи жены для Адама. *И рече Господь Богъ: не добро быти человѣку единому: сотворимъ ему помощника по нему;* и во время сна Адамова, произвелъ изъ ребра его жену. *И благослови Богъ* первую чету, *глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю* (Быт. 1, 28). Жена сотворена Адаму какъ помощница *по нему*, т.

е., существо подобное ему, также разумное и украшенное образомъ Божіимъ. Да познаютъ изъ сего жены свое важнѣйшее назначеніе — быть помощницами мужей своихъ какъ въ житейскихъ трудахъ, такъ и въ служеніи Богу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и участницами всѣхъ благъ отъ Господа. Христіанскіе мужъ и жена да помнятъ ученіе апостоловъ, которые перваго называютъ главою жены и требуютъ отъ него и любви, и снисхожденія къ женѣ, *какъ сосуду немощнѣйшу*, а вторую именуютъ тѣломъ главы — мужа, *спасльдницею благодатной жизни*, и поучаютъ повиноваться мужу *якоже* и *Господу* и даже *бояться* его, то есть уважать въ немъ образъ божественной Главы — Христа (Еф. 5, 23. 33. 1 Петр. 3, 7). Жена создана изъ ребра Адама, и по выраженію самаго Адама, есть *кость отъ костей его, и плоть отъ плоти его*: это для того, чтобъ супруги были согласны во всемъ между собою и почитали себя единою плотію, а потомъ и всѣ люди, происшедшіе отъ единой четы первой, отъ единой плоти и крови, другъ друга любили и хранили. Самъ Творецъ благоволилъ заключить первый бракъ, когда, благословивъ Адама и Еву, сказалъ: *раститеся и множитеся, и наполните землю.* Симъ показалъ Господь, что мужъ и жена, сочетаваясь другъ другу, должны имѣть въ виду законное, благословенное свыше чадородіе и хранить во всю жизнь благословеніе, ниспосланное имъ отъ Бога, хранить для себя эту высокую святыню, и для даруемыхъ имъ дѣтей, да будетъ, по Апостолу, *честна женитва во всѣхъ, и ложе нескверно* (Евр. 13, 4). Впрочемъ, всѣ мы не должны забывать и того, что будетъ нѣкогда конецъ союзамъ брачнымъ, когда послѣдуетъ *наполненіе* земли, предопредѣленное Творцемъ, и должны готовиться къ тому равноангельному состоянію, въ которомъ уже *ни женятся, ни посягаютъ* (Мат. 22, 30).

5. Съ благословеніемъ чадородія Всеблагій соединилъ благословеніе владычества надъ всѣми земными тварями. *И господствуйте,* сказалъ, *землею, и обладайте рыбами морскими, и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающимися по земли* (Быт. 1, 28). Въ чемъ состоитъ это господство надъ землею и обладаніе надъ всѣми животными земными? Теперь, когда мы потеряли первобытное достоинство, не можемъ съ точностію опредѣлить этого владычества невинной природы человѣческой. Знаемъ изъ Писанія, что Адаму заповѣдано было *дѣлати и хранити рай*, т. е., обработывать и сохранять этотъ садъ въ его естественной красотѣ и благоустройствѣ, какое занятіе долженствовало быть самымъ пріятнымъ, а вмѣстѣ и поучительнымъ трудомъ для человѣка невиннаго; ибо онъ въ каждомъ растеніи могъ усматривать и премудрость и благость творческую. Изъ Писанія же извѣстно, что животныя самимъ Богомъ приводимы были къ новому владыкѣ своему, и Адамъ нарекъ имъ имена, каждому сообразно съ его природою. Это показываетъ, что тогда какъ человѣкъ могъ скоро уразумѣвать свойства тварей, такъ и животныя познавали и слушали человѣка. Не было разстройства въ природѣ, ничто не могло вредить царю земли, даже все готово было служить ему. И какъ служить? Не по принужденію, не съ опасностію для самаго человѣка, какъ нынѣ, а охотно и какъ бы по одному манію своего владыки. Въ чемъ или для чего служить? Нуждъ въ пособіи для жизни тѣлесной не имѣлъ тотъ, кто могъ пользоваться всѣми богатствами рая. Можно сказать, не столько человѣкъ имѣлъ нужду въ прочихъ тваряхъ земныхъ, сколько онѣ имѣли нужду въ немъ, какъ своемъ упра-

вителѣ и посредникѣ предъ Богомъ, виновникомъ всякаго блага и совершенства. Посему должно полагать, что и низшая тварь, покаряясь волѣ своего властелина, покорной волѣ Творца, постепенно возвышалась бы въ совершенствахъ, ей свойственныхъ, болѣе и болѣе проявляя славу Божію, такъ какъ и она, по ученію Апостола, способна участвовать *въ свободѣ славы чадъ Божіихъ* (Римл. 8, 21).

6. *И бѣста оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдястася* (Быт. 2, 25). Вотъ краткое, но многознаменательное описаніе состоянія невинныхъ прародителей въ раю земномъ! Они были наги, потому что были невинны, подобно младенцамъ, даже несравненно чище младенцевъ нашихъ, которые естественно заимствуютъ отъ насъ грѣховную порчу. Чего могли они стыдиться, не зная никакого грѣха?—Были наги и потому, что не имѣли нужды въ одеждѣ,—ни для украшенія себя, такъ какъ красота ихъ тѣлъ естественная, первобытная была выше всѣхъ украшеній искуственныхъ, ни для защищенія тѣла отъ перемѣнъ воздушныхъ, которыя еще не могли вредить человѣку неповрежденному. Представьте же, братія, каково это состояніе, въ которомъ не было чего стыдиться и чего бояться? Какъ тѣла жителей рая были открыты, такъ и души ихъ, невинныя, святыя отверсты были предъ Богомъ и ничего не скрывали въ себѣ недостойнаго взоровъ всесвятаго Бога. Это были чистѣйшія зерцала, въ которыхъ сіялъ величественный и прекрасный образъ Божій. Оттого и умъ невиннаго человѣка блаженствовалъ во свѣтѣ чистѣйшаго богопознанія, и сердце блаженствовало въ сознаніи отеческой благости Божіей, и всѣ силы души и тѣла были въ совершенномъ согласіи между собою, дѣйствовали мирно, правильно, въ порядкѣ, установленномъ отъ самаго Бога. Оттого и всѣ твари не только не вредили человѣку, но какъ бы благоговѣли предъ нимъ и служили ему. Словомъ, это было совершенное, какого никто послѣ и никогда не сознавалъ, благосостояніе душевное и тѣлесное, чуждое всякаго страха болѣзней и другихъ опасностей жизни.

Важнѣе же всего, бр., то, что невинный человѣкъ былъ въ ближайшемъ общеніи съ великодаровитымъ Творцемъ своимъ. Господь не рѣдко являлся ему и бесѣдовалъ съ нимъ, и каждый разъ, безъсомнѣнія, приносилъ ему новую радость и новыя даровэнія своей благости. Находимъ въ Писаніи три богоявленія въ раю, до паденія прародителей: 1) когда по сотвореніи Адама, Богъ ввелъ его въ рай и положилъ заповѣдь о древѣ познанія добра и зла, 2) когда приводилъ къ нему животныхъ и позволилъ наречь имъ имена, и 3) когда создалъ Еву, привелъ ее къ Адаму и благословилъ ихъ союзъ супружескій. Первое богоявленіе открыло человѣку высокое предназначеніе его на землѣ — наслаждаться блаженнымъ безсмертіемъ подъ непремѣннымъ условіемъ повиновенія волѣ Божіей; второе—научало его употреблять власть свою надъ тварями земными въ подчиненіи тойже волѣ творческой; третіе—положило основаніе благоустройства семейной и всей общественной жизни, показавъ, что весь родъ человѣческій долженъ быть единымъ семействомъ, происходящимъ отъ единой плоти и крови. Вотъ истины важнѣйшія, основанія всѣхъ обязанностей человѣка и условія того истиннаго счастія, къ какому онъ предназначенъ Богомъ!

Христіане—братіе! Истины Божіи неизмѣнны. Тотъ же законъ повиновенія волѣ Отца небеснаго, тоже правило для обладанія земными тварями, сообразнаго съ божественною волею, и та же заповѣдь любви и мира для жизни общественной имѣютъ всю силу и нынѣ,

хотя мы давно уклонились отъ первобытнаго состоянія святости. Господь Іисусъ Христосъ, возвращая намъ все, что потеряли мы въ Адамѣ и возводя насъ еще къ высшему блаженству, полагаетъ и въ новомъ едемѣ — св. Церкви своей тѣже условія блаженной жизни, какъ и въ раю первомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что требованія Его соображаются съ нашею естественною, духовною немощію и научаютъ насъ необходимости тѣснѣйшаго союза съ Нимъ, нашимъ единственнымъ Ходатаемъ и Спасителемъ. *Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, — возлюбиши ближняго твоего яко самъ себе*: вотъ заповѣди вѣчныя, положенныя въ душѣ человѣка при самомъ сотвореніи его! *Аще хощеши внити въ животъ, соблюди сіи заповѣди* (Матѳ. 19, 17). Господь поставляетъ ихъ во главу всего закона и производитъ изъ нихъ всѣ обязанности вѣрующихъ, наслѣдниковъ Его вѣчнаго царствія. Здѣсь основаніе и тѣхъ обязанностей, которыя мы должны исполнять въ отношеніи ко всѣмъ твореніямъ Божіимъ, обязанностей, которыя собственно относятся къ самому Богу; ибо Апостолъ учитъ: *аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31). Аминь.

О ТРУДАХЪ ПРЕПОДОБНАГО МАКСИМА-ГРЕКА ДЛЯ ИСПРАВЛЕНІЯ НАШИХЪ ЦЕРКОВНО-БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ КНИГЪ.

Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, бывшее при патріархѣ Никонѣ, есть обстоятельство весьма важное въ исторіи раскола старообрядцевъ. Эти мнимые приверженцы старины всегда указывали на него, какъ на главную причину своего отпаденія отъ Русской Церкви; они силятся доказать, что въ новоисправленныхъ книгахъ проповѣдуется новая, незнаемая въ древней Руси, вѣра; что исправлять церковно-богослужебныя книги не было никакой нужды, потому что прежнія были вполнѣ исправны — Особенно же вооружаются они противъ способа исправленія — чрезъ сличеніе славянскихъ книгъ съ греческими. Какъ несправедливы мнѣнія старообрядцевъ о исправленіи книгъ, показываетъ и весь ходъ дѣла его при патріархѣ Никонѣ, и всѣ опыты исправленія, можно сказать, никогда не прекращавшіеся со времени распространенія христіанства въ нашемъ отечествѣ. Мы обратимъ вниманіе въ настоящемъ случаѣ на одинъ такой опытъ, произведенный 150 годами ранѣе послѣдняго, соборнаго исправленія, и — такимъ лицемъ, которое одинаково уважается и нашею Церковію и старообрядцами, хотя не всегда по однимъ и тѣмъ же побужденіямъ, — разумѣемъ опытъ книжнаго исправленія, сдѣланный преподобнымъ Максимомъ Грекомъ.

Когда этотъ просвѣщенный инокъ Аѳонской горы прибылъ въ Россію по вызову великаго князя Василія Іоанновича, — уже болѣе полувѣка не видно было грековъ на первосвятительскомъ престолѣ Русской Церкви. Знаніе греческаго языка, поддерживавшееся у насъ постоянными церковными сношеніями съ Константинополемъ, стало уже ослабѣвать, — преподобный Максимъ вызванъ былъ собственно для пересмотра великокняжеской библіотеки, состоявшей изъ драгоцѣннѣйшаго собранія греческихъ рукописей. Эти обстоятельства имѣли вліяніе на способъ исправленія нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ; необходимость сличать ихъ съ греческими, для единообразія и исправности, была давно забыта, — остава-

лись однѣ славянскія книги съ своими болѣе или менѣе значительными разностями, замѣтными еще въ древнѣйшемъ періодѣ нашей Церкви, и ничто не могло уже оградить ихъ отъ дальнѣйшаго разнообразія и предотвратить неминуемое въ такомъ случаѣ поврежденіе и искаженіе ихъ. Въ этотъ періодъ прекращенія непосредственныхъ сношеній съ константинопольскою Церковію исправленіе книгъ происходило у насъ самымъ безпорядочнымъ образомъ. Ничто никому не препятствовало признавать въ книгѣ за ошибку и описку то, что кому не нравилось, и исправлять по крайнему разумѣнію. Едва ли не самый лучшій порядокъ былъ тотъ, который заведенъ преподобнымъ Іосифомъ Волоколамскимъ, извѣстнымъ ревнителемъ православія и просвѣщенія, въ его монастырѣ,—исправлять замѣченную неисправность »съ иныя книги, съ дозволенія настоятеля, а не по своему домышленію« (*). Но сколько и въ этомъ случаѣ могло быть произвола и безпорядковъ! При всеобщемъ недостаткѣ правильнаго образованія, многіе увлекались разными апокрифическими сказаніями и баснями предпочтительно предъ »великими учителями вѣры« (**). Подобнаго рода сочиненія, заносимыя къ намъ преимущественно изъ Болгаріи, въ это темное время, вошли въ такую силу, что соблазняли уже не простыхъ сельскихъ священниковъ и діаконовъ, какъ въ свое время жаловался митрополитъ Кипріанъ (***), но и высшихъ церковныхъ правителей, какъ видимъ въ примѣрѣ митрополита Данінла (****).

Послѣ этаго нисколько не удивительно то жалкое состояніе, въ какомъ препод. Максимъ нашелъ наши церковно-богослужебныя книги. По порученію великаго князя и митрополита, онъ пересмотрѣлъ часословъ, тріодь, минею праздничную и апостолъ, и нашелъ, что всѣ эти книги »различно растлѣны« (*), исполнены самыхъ грубыхъ ошибокъ и даже ересей. Извѣстно, съ какою сильною горестію онъ указываетъ на то, что въ часословѣ, на примѣръ, Сынъ Божій названъ простымъ человѣкомъ, — Богъ Отецъ — собезматернимъ Сыну,—въ Тріоди—несущимъ несозданнымъ по естеству (**) и проч. Но замѣчательно, что препод. Максимъ, много жившій и видѣвшій въ Россіи, нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не выставляетъ порчу книгъ дѣломъ людей злонамѣренныхъ, еретиковъ. Вотъ его мнѣніе о причинахъ порчи: »правлю азъ, говоритъ онъ, не святая писанія, но всѣянныхъ въ нихъ непохвальныхъ описей, *овыхъ* убо отъ недоумѣнія, или презрѣнія, или забвенія древнихъ приснопамятныхъ преводниковъ, *овыхъ* же отъ премногія грубости и небреженія преписующихъ ихъ« (***). Эта послѣдняя причина весьма понятна при томъ жалкомъ состояніи, въ которомъ тогда находилось научное образованіе въ Россіи. Кромѣ того, что просвѣщенный и образованный грекъ называлъ переписчиковъ »неискусными въ разумѣ и хитрости грамматикійстѣй« (****), онъ указываетъ еще на двѣ черты невѣжества, которыя имѣли вліяніе на исправленіе книгъ; это—уваженіе къ разнаго рода апокрифическимъ сказаніямъ и другимъ подложнымъ сочиненіямъ, и—неразумное, непросвѣтленое никакою мыслію пристрастіе къ одной внѣшности въ обрядахъ богослуженія. Какъ вредно было то и другое при исправленіи книгъ,—нѣтъ нужды объ-

(*) Дополн. къ Акт. Истор. Т. I. №. 211.
(**) Опис. Муз Вост. стр. 242.
(***) Тамже стр. 717.
(****) Извѣстно, что онъ признавалъ подлинным подложное слово Ѳеодорита о двоеперстіи.

(*) Приб. къ Церк. Ист. М. Платона.
(**) Тамже.
(***) Тамже словцо отвѣщ. 11-е.
(****) Слов. 12-е еще о Максимѣ подробно въ Москвит. 1842. VI.

яснять: грубое невѣжество относительно истинъ вѣры и даже уродливое искаженіе ихъ, не рѣдко основывающееся на подложныхъ сочиненіяхъ и нелѣпыхъ сказаніяхъ, и не осмысленная вѣрою привязанность къ внѣшнимъ обрядамъ и теперь составляютъ отличительный характеръ ревнителей мнимой старины. Чтоже касается первой причины поврежденія книгъ, указанной препод. Максимомъ,—то для надлежащаго ея разумѣнія, необходимо сдѣлать нѣкоторыя поясненія.—Справедливо то, что многія ошибки, замѣченныя въ нашихъ книгахъ преп. Максимомъ, ясно указываютъ на переводы, непосредственно сдѣланные съ греческаго, но не исправные или по недостаточному знанію греческаго языка, какъ говоритъ преподобный, со стороны переводчиковъ, иногдѣ не полно разумѣвшихъ силу еллинскихъ рѣчей,—или же по неимѣнію исправныхъ греческихъ рукописей у того, или другаго переводчика.—На это послѣднее обстоятельство не указываетъ преподобный въ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ, потому что онъ и не имѣлъ въ виду писать подробное изслѣдованіе о переводахъ, дѣлаемыхъ на славянскій языкъ съ греческаго; тѣмъ не менѣе обстоятельство это также достовѣрно, какъ и первое, имъ указанное,—и подтверждается новѣйшими изысканіями, когда разностямъ славянскихъ рукописей соотвѣтствуютъ разности греческихъ списковъ (*). Но этого рода разности не такъ велики и значительны, по своему существу, чтобы могли проникать въ область догматическихъ истинъ и производить такія грубыя уклоненія отъ истины, какія замѣчены преп. Максимомъ; по крайней мѣрѣ вся вина здѣсь падаетъ не на однихъ переводчиковъ.—Съ другой стороны, отзывъ, сдѣланный Максимомъ, о нашихъ переводчикахъ, ясно показываетъ, что въ его время были уже рѣдки древніе славянскіе переводы, совершенно исправные, во всемъ вѣрные греческимъ образцамъ. Намъ нѣтъ нужды доказывать, что такіе переводы сохранились отъ первыхъ вѣковъ христіанства въ Россіи до нашего времени; на нихъ неоднократно указываемо было на соборахъ, бывшихъ при патріархѣ Никонѣ; вмѣстѣ съ греческими подлинниками они, по опредѣленію соборовъ, служили образцами для послѣдняго исправленія книгъ; о нихъ говоритъ патріархъ Іоакимъ въ своемъ Увѣтѣ, нѣкоторыхъ даже указываетъ названія (*); они и доселѣ составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній нашихъ библіотекъ, преимущественно синодальной въ Москвѣ,—ихъ согласіе во всемъ съ древними греческими указываетъ на ту истинную церковную древность, которая всегда была грознымъ обличеніемъ (**) средней старины, защищаемой раскольниками. Неудивительно, что преподобный Максимъ, какъ иноземецъ, не зналъ о существованіи у насъ такихъ переводовъ: онъ имѣлъ въ рукахъ тѣ, безъ сомнѣнія, какіе были въ его время во всеобщемъ употребленіи, признаваемы были наилучшими въ самой Москвѣ. Но объ этихъ исправныхъ переводахъ не знали наши предки при немъ и еще долгое время послѣ него, до самаго Никона, который для своего великаго дѣла выписалъ ихъ изъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ нашихъ книгохранилищъ; не знали, потому что не указали на нихъ Максиму, когда вооружились противъ неблагопріятнаго отзыва, сдѣланнаго имъ о нашихъ книгахъ,—не говоримъ о томъ, что не имѣли ихъ въ употребленіи. Это незнаніе неизбѣжно при тогдашнихъ

(*) Разсужд. о ересяхъ и расколахъ, Руднева стр. 176—177.

(*) Увѣтъ дух. л. 19 и дал., особенно 28, и многіе другіе.

(**) Напр. въ бесѣдахъ къ глагол. старообрядцу.

обстоятельствахъ, когда наши книги перестали быть свѣряемы съ греческими. При умножившемся, чрезъ переписку, разнообразіи славянскихъ, однѣ только греческія могли служить, какъ служили и въ первый періодъ нашей Церкви, главнымъ средствомъ къ сохраненію единообразія и исправности; безъ нихъ самые вѣрные переводы должны были остать-незамѣтными во множествѣ списковъ разнообразныхъ и не исправныхъ: ибо только греческія способны быть тѣмъ мѣриломъ, которымъ опредѣляется исправность или не исправность. Не смотря на то, что въ разныхъ книгохранилищахъ сохранялись вѣрные славянскіе переводы,—они не могли имѣть вліянія на состояніе книгъ; потому что извлечь ихъ изъ мрака библіотекъ и указать всѣмъ, какъ на образцы для исправленія,—безъ греческихъ книгъ, не было никакаго другаго средства. Въ это-то темное время, когда упущено было изъ виду средство различать исправныя книги отъ неисправныхъ, ничто не препятствовало симъ послѣднимъ стоять на ряду съ самыми исправными и даже войти во всеобщее употребленіе. Такимъ образомъ во времена преп. Максима, были въ ходу одни только самые неисправные переводы, сдѣланные рукою неискусною и съ неисправныхъ греческихъ списковъ. Имѣя понятіе о томъ, какъ трудно было, до открытія типографскаго искуства, слѣдить за переводомъ и исправленіемъ книгъ,—мы не можемъ удивляться существованію неисправныхъ книгъ даже въ древнѣйшемъ періодѣ нашей Церкви. Только тогда эти книги, переводимыя или исправляемыя людьми, мало знакомыми съ греческимъ языкомъ, скрывались гдѣ-нибудь въ глуши, не смѣя показаться въ церквахъ, гдѣ ихъ могли замѣтить люди, знакомые съ исправными книгами. Во времена Максима такихъ людей уже не было. Кромѣ того, неисправные переводы часто заходили къ намъ изъ Сербіи и Болгаріи, вмѣстѣ съ разными другими сочиненіями, какъ то показываетъ исторія зашедшаго къ намъ оттуда неправильнаго чтенія осьмаго члена символа вѣры: »и въ Духа Святаго, истиннаго и животворящаго«, гдѣ слово: *κυριον* взято въ отдаленномъ, не прямомъ его значеніи и какъ прилагательное къ слову *πνεῦμα* (*).

Достоинство трудовъ преп. Максима существеннымъ образомъ въ томъ и состоитъ, что онъ указалъ на необходимость прежде у насъ употреблявшагося, но потомъ забытаго средства для исправленія книгъ — сличенія ихъ съ греческими. Но исправленіе, имъ сдѣланное, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ и окончательнымъ, какимъ хотятъ выставить его намъ старообрядцы (**). Во первыхъ потому, что голосъ его, хотя и благонамѣреннаго и весьма свѣдущаго въ дѣлѣ, но частнаго человѣка, не могъ быть обязательнымъ не только для послѣдующихъ временъ, но и для его времени. Какъ частный человѣкъ, онъ и самъ могъ ошибаться, особенно потому, что, какъ грекъ, не могъ вполнѣ разумѣть силы славянскаго языка. Отъ этого въ его поправкахъ есть и невѣрности; наприм. въ рѣчи апостола Павла къ ареопагу слово: *δεισιδαιμονεστέρους* онъ перевелъ: бѣсобоязненныхъ вмѣсто тоже неправильнаго »художнѣйшихъ«, которое стояло въ славянскихъ рукописяхъ (Дѣян. 17, 22) и проч. (***). Во вторыхъ, онъ пересмотрѣлъ и исправилъ весьма не многія книги, какъ замѣчено выше; оставалось еще гораздо большее количество

(*) Ист. Рус. Церк. пр. Филарета Харьковскаго стр. 160—161.

(**) Обличеніе непр. раск. въ главѣ о старопеч. книгахъ; такъ же поморск. отвѣты. Отв 28.

(***) Въ главѣ о старопеч. книгахъ обличенія.

церковно-богослужебныхъ книгъ, которыхъ онъ не успѣлъ коснуться. Занятія его, въ высшей степени благопотребныя, прерваны были насильственнымъ образомъ. Нашлись люди, которые умѣли возбудить къ нему не расположеніе сильныхъ и потомъ осудить его, какъ еретика. Не имѣя намѣренія изображать здѣсь судьбу препод. Максима, мы не станемъ говорить о его тяжкихъ и долголѣтнихъ страданіяхъ, за которыя его, по справедливости, можно назвать мученикомъ просвѣщенія и даже правовѣрія, за которыя нѣкоторые и изъ современниковъ почитали его »яко единаго отъ святыхъ« (*),—мы обратимъ вниманіе на характеръ сопротивленія, которое встрѣтили себѣ труды преподобнаго. Это сопротивленіе весьма замѣчательно, какъ первое проявленіе того духа, который вполнѣ потомъ открылся въ патріаршество Никона.

Противъ чего собственно возставали обвинители преподобнаго Максима? Не будемъ останавливаться на частныхъ пунктахъ обвиненій; общее заключеніе изъ всѣхъ сами обвинители выводили то, что »онъ хулитъ здѣшнія книги, и укоряетъ, и отметаетъ, и сказываетъ, что здѣсь на Руси книгъ никакихъ нѣтъ, ни Евангелія, ни Апостола, ни Псалтири, ни правилъ, ни уставовъ, ни отеческихъ, ни пророческихъ«,—»что здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила здѣшнія — кривила, а не правила; а до него по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили«,—что »здѣсь на Руси книги не прямы, а иныя книги переводчики перепортили; ино ихъ надобно переводити«. О самомъ исправленіи его говорили, что »онъ отмѣняетъ слова по своему произволу, исправляетъ по своему разуму« (**),—слова буквально тѣ самыя, которыя употребляли наши старообрядцы въ своихъ челобитныхъ, говоря о соборномъ исправленіи книгъ при Никонѣ! Эти обвиненія противъ Максима и другія, частнѣйшія, не однократно были разсматриваемы на соборахъ (1524, 1525 и 1531 годовъ),—и ревностнаго, просвѣщеннаго труженика осудили, какъ »еретика, богодухновенныя книги растлѣвающа, а не правяща« (*).

Изъ сличенія этихъ обвиненій съ дѣйствительными отзывами преподобнаго о нашихъ книгахъ, нельзя не видѣть, какъ все въ нихъ преувеличено, доведено до крайности, стало явною клеветою. Въ представленныхъ обвиненіяхъ противъ него—два пункта.

Во первыхъ—отзывъ преподобнаго о нашихъ книгахъ. Дѣйствительно, отзывъ его о нихъ, какъ мы уже видѣли, былъ неблагопріятный, но не въ такой степени, какъ передаютъ его обвинители. Что у насъ были книги неисправныя,—это хорошо было извѣстно его противникамъ. Уже тѣмъ самымъ, что ему сдѣлано было порученіе исправлять книги, была признана ихъ неисправность. Кромѣ того, исторія нашей Церкви и до Максима Грека, и долго послѣ него, не указываетъ времени, когда бы у насъ не чувствовалась потребность исправлять въ нихъ то, что было не исправно. Въ чемъ же, по этому, сущность обвиненія? Во времена пр. Максима и прежде, и послѣ него, у насъ всѣ были убѣждены, что въ общей массѣ церковно-богослужебныхъ книгъ между не исправными есть и исправныя,—хотя не всегда могли указать на нихъ со всею вѣрностію (**), напротивъ часто признавали за исправныя книги такія, которыя были преисполнены всякаго рода ошибками, и, свѣряя съ ними другія,

(*) Ист. Рус. Церк. пр. Филарета стр. 165.

(**) Чтен. Москов. истор. общ. 1847 VII. отд. II. стр. 1—13.

(*) Тамъ же, и въ приб. къ Ц. И. митр. Платона.

(**) Рукоп. Стоглавъ гл. 27. 28.

умножали общее поврежденіе (*). Причину этого смѣшенія, этого неумѣнья дѣлать различіе между книгами, мы уже видѣли. Преподобный Максимъ огласилъ неисправными *всѣ* наши книги. Вотъ что̀ сильно поразило его современниковъ! И въ самомъ дѣлѣ, было, отъ чего притти въ смятеніе, хотя бы противники преподобнаго и не имѣли никакихъ другихъ побужденій. Если такъ,—значитъ, у насъ не только не было средствъ исправлять книги, но и наводилось сомнѣніе на чистоту отечественнаго православія. Тутъ-то можетъ имѣть мѣсто указаніе на »просіявшихъ въ началѣ земли чудотворцевъ, которые сицѣвыми книгами благоугодиша Богови« (**). Справедливъ ли такой отзывъ преп. Максима? Не во всей своей обширности. Разумѣется, и тогда существовали сохранившіеся до нашего времени древнѣйшіе списки, во всемъ согласные съ греческими, какъ неоднократно было засвидѣтельствовано на московскихъ соборахъ при патріархѣ Никонѣ. Но весьма неправы обвинители преподобнаго въ томъ, что не указали ему на эти исправныя книги,—и не могли указать, потому что не умѣли отличить ихъ въ массѣ книхъ неисправныхъ. Значитъ, для нихъ было все равно, существовали ли такія книги, или нѣтъ: они ихъ не знали. Вотъ до какой жалкой крайности дошло дѣло при одномъ средствѣ исправленія книгъ чрезъ сличеніе ихъ съ своими же славянскими! Но еще болѣе неправы они въ томъ, что не возчувствовали нужды употребить всѣ средства, дабы достовѣрно знать, какія книги исправны, и какія — нѣтъ. Но не такъ ли поступаютъ и наши старообрядцы, когда вооружаются противъ необходимости сличать наши книги съ греческими!

Противъ этого наилучшаго способа исправленія вооружались и предшественники ихъ—обвинители преп. Максима. Это—другой пунктъ въ ихъ обвиненіяхъ. Только они поступали въ этомъ случаѣ съ большею осторожностію, нежели подражатели ихъ, старообрядцы. Они вообще говорили, что Максимъ не исправляетъ, а растлѣваетъ книги, потому что исправляетъ »по своему произволу, по своему разуму«,—тогда какъ всѣмъ было извѣстно, что весь методъ книжнаго исправленія состоялъ у преподобнаго Максима въ сличеніи нашихъ книгъ съ греческими. Съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія, обвинители ничего прямо не говорятъ противъ греческихъ книгъ,—обстоятельство весьма вѣрное для обличенія нашихъ старобрядцевъ, которые не перестаютъ вопіять противъ нихъ. Въ разнородныхъ обвиненіяхъ противъ Максима нѣтъ и тѣни сомнѣнія въ православіи греческой Церкви, хотя не весьма задолго предъ тѣмъ была Флорентинская унія и константинополь былъ уже въ рукахъ Турокъ. Въ доказательство того, что преп. Максимъ не исправляетъ, а растлѣваетъ книги, обвинители его употребляютъ другое средство, которое все—же предпочтительнѣе раскольническихъ возраженій противъ соборноисправленныхъ книгъ. Когда преп. Максимъ, по недостаточному знанію тонкостей славянскаго языка, говоря о сидѣніи Сына Божія одесную Отца, употребилъ выраженіе: сидѣлъ еси вмѣсто: сѣде,—его обвинили, будто бы онъ учитъ, »яко сидѣніе сіе есть мимошедшее и минувшее«. Для опроверженія этого мнѣнія, приписаннаго Максиму, митрополитъ Даніилъ велѣлъ прочесть на соборѣ длинную выписку свидѣтельствъ изъ отеческихъ писаній о семъ предметѣ, свидѣтельствъ, безъ сомнѣнія, достаточныхъ для изслѣдованія мнѣнія и показаніяхъ

(*) Такъ было до временъ Никона и при патріархахъ, его предшественникахъ, даже при Филаретѣ.

(**) Прилож. къ Ц. Истор. м. Платона.

истины, но совершенно, излишнихъ, для исправленія сдѣланной ошибки (*). Этотъ примѣръ показываетъ, чѣмъ въ то время думали замѣнять незнаніе греческаго языка при исправленіи книгъ, — именно знаніемъ истинъ вѣры и постановленій Церкви, вообще — аналогіею вѣры. Способъ этотъ хотя и имѣетъ цѣну, но не первостепенную. Онъ требуетъ полноты богословскаго образованія, какой именно тогда и не имѣлось, — даетъ мѣсто произвольнымъ соображеніямъ и весьма часто ведетъ къ ошибкамъ, какъ это и теперь можно замѣчать въ мудрованіяхъ раскольниковъ, а кромѣ того онъ нисколько не исключается при употребленіи самаго прямаго и вѣрнаго средства исправленія книгъ — сличенія ихъ съ греческими. Но у насъ еще долго послѣ этого времени единственный способъ книжнаго исправленія состоялъ въ этой аналогіи вѣры.

Таково истинное значеніе главныхъ обвиненій противъ перваго исправителя нашихъ книгъ въ духѣ древнѣйшихъ исправленій. Слабость ихъ очевидна; потому защитники укоренившагося въ темное время способа исправленія прибѣгли къ клеветамъ и старались выставить злымъ еретикомъ ненавистнаго имъ справщика. Клевета касательно его отзыва о книгахъ видна изъ самаго преувеличенія его въ ихъ устахъ. Но чтобы выставить его опаснымъ еретикомъ, клевета должна была показать особенную изворотливость. Воспользовавшись его ревностію къ чистотѣ правовъ тогдашняго духовенства (**), обвинители преподобнаго, какъ нужно думать, старались объяснить ее изъ недавно бывшихъ предъ тѣмъ у насъ ересей стригольниковъ и жидовствующихъ; иначе нельзя понять, за чѣмъ они указывали на его мнимыя »хулы на Господа Бога и на Пречистую Богородицу«, особенно же на святыхъ чудотворцевъ Петра, Алексія и др., »занеже они держали городы, и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки и дани имѣли«. Зная пронырство и хитрость обвинителей, не можемъ думать, что это были только общія обвиненія. Нѣтъ, они имѣли вѣрный расчетъ погубить его, связавши его мысли съ еретическими мнѣніями, бывшими не задолго предъ тѣмъ сильныхъ волненій. Но какое отношеніе всѣхъ причиною этихъ мнѣній къ несомнѣнно православному, высокообразованному иноку горы Аѳонской! Не такъ же ли и раскольники взводятъ всякаго рода хулы и клеветы на всѣхъ, по истинѣ, приснопамятныхъ виновниковъ соборнаго исправленія книгъ, и даже на самую, Церковь не только Русскую, но и Греческую и — вселенскую!

(*) Прибавленіе къ Церковной Исторіи м. Платона и чт. Моск. Ист. Общ. 1847. VII.

(**) Извѣстно, что преподобный Максимъ и въ разговорахъ и въ сочиненіяхъ своихъ упрекалъ заразившихся любостяжаніемъ.

НАКАЗАННЫЙ ЧЕСТОЛЮБЕЦЪ.

Въ недавнее время на Аѳонской горѣ спасался благочестивый грекъ знатнаго происхожденія. Онъ не захотѣлъ пользоваться своими правами на славу и почести свѣта, а избралъ для себя тѣсный евангельскій путь, и удалившись на святую гору, поселился въ одной дикой пустынѣ. Его святая жизнь и строгое подвижничество вооружили противъ него сатану, который не замедлилъ вступить въ духовную борьбу съ нимъ. Послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ, онъ нашелъ въ немъ слабую сторону, и его собственныя душевныя силы употребилъ орудіями къ погубленію его. Онъ внушилъ ему пагубныя мысли о высотѣ и разнообразіи его подвиговъ, и съ теченіемъ времени постепенно довелъ его до такого заблужденія, что тотъ сталъ желать

таинственныхъ видѣній и очевидныхъ опытовъ проявленія духовнаго міра. Когда такимъ образомъ глубоко укоренились въ немъ гордость и самомнѣніе, демонъ осмѣлился дѣйствовать рѣшительно: онъ началъ являться пустыннику въ видѣ ангела и бесѣдовать съ нимъ. Несчастный такъ былъ довѣрчивъ къ его словамъ и такъ возмечталъ о себѣ, что пожелалъ служить церкви въ архіерейскомъ санѣ, котораго, по увѣренію искусителя, онъ давно достоинъ и къ которому предназначенъ самимъ Богомъ. Благородство происхожденія и значеніе родственниковъ его въ свѣтѣ сильно заняли воображеніе обольщеннаго подвижника и породили въ немъ желаніе выйти изъ пустыни въ міръ. Лукавый демонъ не преминулъ воспользоваться такимъ расположеніемъ его. Однажды когда пустынникъ былъ очень занятъ мыслію о высокомъ своемъ предназначеніи и придумывалъ средства къ достиженію онаго, пришли къ дверямъ его келліи два незнакомца, которые объявили, что прибыли съ его родины и имѣютъ къ нему важное порученіе. Они были приняты отшельникомъ дружелюбно и на вопросъ о цѣли путешествія ихъ сказали ему: »ты знаешь, св. отецъ, какъ мы страдаемъ въ подданствѣ Турціи, какъ угнѣтены наши семейства, наша вѣра и самая церковь. Знаешь также, безъ сомнѣнія, и то, что нынѣ, по мирному договору между Турціею и Россіею, мы остались подъ покровительсвомъ единовѣрной намъ державы, и имѣемъ возможность и свободу жить по христіански. Но вотъ несчастіе: у насъ, на твоей родинѣ, нѣтъ епископа, безъ котораго и церковь существовать не можетъ. Между тѣмъ мы знаемъ твоихъ родственниковъ, знаемъ и тебя и твою жизнь; а потому прости насъ, что мы тебя, безъ твоего согласія, избрали себя въ епископа и испросили на то султанскій фирманъ и патріаршую грамоту«. »Помилуйте,—возразилъ обрадованный пустынникъ съ притворнымъ смиреніемъ, — мнѣ ли принять жезлъ пастырскаго правленія, когда я и самъ собою не въ силахъ владѣть? Мнѣ ли взять на себя бремя апостольскаго служенія, когда я чувствую мои собственныя немощи и множество грѣховъ? Нѣтъ, чада, отрекаюсь отъ того, что выше силъ моихъ«. »Какъ хочешь думай о себѣ, святый отецъ,— отвѣчали пришельцы,—а гласъ народа, гласъ Божій; воля правительства, воля Божія. Тебѣ извѣстно, что общественная польза предпочтительнѣе нашей собственной. Если ничто тебя не трогаетъ, ни бѣдствія народа, ни семейныя наши горести; то не ужели и нужда церкви, призывающей тебя, ничего для тебя не значитъ«? »Когда такъ,—сказалъ наконецъ пустынникъ по нѣкоторомъ размышленіи,—то я согласенъ«.

Послѣ этого незнакомцы стали убѣждать его, чтобы онъ поспѣшилъ приготовленіемъ къ отъѣзду, и увѣряли, что не вдалекѣ, на дорогѣ, ожидаютъ ихъ провожатые. Собравшись въ путь, пустынникъ, вмѣстѣ съ ними, вышелъ изъ келліи и по тропинѣ поднялся на самую высоту горнаго хребта. Тайная грусть и смутное предчувствіе тяготили его при разставаніи съ пустынею, и онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ взглянуть на нее съ вершины горы. Но когда онъ взошелъ на самый отвѣсный край скалы, сопровождавшіе его спутники мгновенно столкнули его въ пропасть и съ сатанинскимъ воплемъ исчезли. Несчастный былъ совершенно изувѣченъ и послѣ столь ужаснаго паденія жилъ не болѣе трехъ часовъ. Въ это время онъ успѣлъ только принести покаяніе при посредствѣ пришедшаго къ нему случайно изъ сосѣдственной келліи инока и расказать ему подробности своей жизни и демонскаго искушенія.

(Изъ писемъ Святогорца)

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 13-го Августа 1858 года.
Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 25.

НЕДѢЛЯ ПРЕДЪ ВОЗДВИЖЕНІЕМЪ.

7 Сентября 1858 г.

Гласъ 8-й.

На утрени: евангеліе воскресное 5-е, Лук. зач. 114. На Литургіи: апост. 2 Кор. зач. 182, и Гал. зач. 215, еванг. Матѳ. зач. 62 и Іоан. зач. 9.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРЕДЪ ВЫНОСОМЪ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ИМЕНУЕМОЙ ТУПИЧЕВСКОЮ, ИЗЪ МСТИСЛАВСКАГО НИКОЛАЕВСКАГО МУЖЕСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ МАЗОЛОВСКІЙ ВОЗНЕСЕНСКІЙ ЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ (*).

Каждый, именующійся христіаниномъ, по самому сему названію, долженъ быть послѣдователемъ Іисуса Христа, а каждый истинный послѣдователь Его есть какъ бы воинъ Христовъ. Почему? Потому что жизнь всякаго человѣка есть какъ бы военная служба, заставляющая его бороться то съ нуждою и бѣдствіями, то съ препятствіями противными его желаніямъ. Въ частности же каждому христіанину предлежитъ та непрерывная брань, которая безпрестанно происходитъ внутри насъ отъ того, что плоть наша всегда желаетъ противнаго духу нашему, а духъ противнаго плоти. Искусные въ этой борьбѣ могутъ говорить подобно божественному Апостолу: »хотя мы ходимъ во плоти, но не по плоти воинствуемъ. *Яко нѣсть наша брань къ плоти и крови; но къ началамъ, и ко властямъ, и къ міродержителямъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 12). Для успѣшнаго веденія сей брани Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ даровалъ своимъ послѣдователямъ оружіе, *не плотское, но сильное Богомъ* (2 Кор. 14, 4), и снабдилъ своими знаменами, или хоругвями, которыя мы, какъ мірскіе воины свои знамена, постоянно должны имѣть въ виду, если желаемъ одержать побѣду надъ врагами душевнаго нашего спасенія, надъ соблазнами міра сего, надъ искушеніями плоти и діавола, и получить въ вѣчности побѣдные вѣнцы. Главное знамя и

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

оружіе душевнаго нашего воинствованія есть крестъ Христовъ. Но еще въ ветхомъ завѣтѣ Богъ указалъ любящимъ Его какъ на спасительное знаменіе, на приснодѣвственную Матерь Іисуса Христа Спасителя нашего, сказавъ устами своего Пророка: *се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына и наречеши имя Ему Еммануилъ* (Ис. 7, 14). По сему указанію Божію пренепорочная Матерь Бога нашего есть и первоначальное знаменіе нашего спасенія, и предводительница и военноначальница христіанъ и столь усердная заступница наша предъ престоломъ Сына своего и Бога, что даже св. иконы Ея многократно являлись и являются намъ проводниками благодатныхъ дарованій преблагословенной Матери для притекающихъ къ Ея помощи въ трудныхъ обстоятельствахъ нашей жизни, особенно въ борьбѣ съ губителями душъ человѣческихъ. Руководствуемые сею опытною истиною и мы, братіе, изнесемъ нынѣ сію благодатную икону пресвятыя Владычицы нашея Царицы небесной, да ради своея иконы Матерь Бога нашего призритъ на насъ своимъ благоволеніемъ, осѣнитъ насъ своею милостію, распростретъ покровъ свой надъ здѣшнимъ градомъ и окрестными селами, надъ вами, братіе и сестры, надъ вашими жилищами и семействами; да благословитъ своимъ сопутствіемъ съ нами улицы и стогны града вашего, исходы, пути и входы ваши, поля, воздухъ и воды ваши; да молитвами благодатныя Матери подастъ намъ Господь благораствореніе воздуха, обиліе плодовъ земныхъ, успѣхъ въ занятіяхъ и трудахъ нашихъ, миръ, тишину и благоденствіе. Благословеніе на васъ, братіе и сестры, пресвятыя Владычицы міра, Матери Бога Спасителя нашего. Аминь.

О НРАВАХЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩИХЪ ХРИСТІАНЪ.

письмо 4.

Языческое общество почти не имѣло понятія объ обязанностяхъ человѣка въ отношеніи къ ближнимъ. Егоизмъ и самолюбивый расчетъ были главными двигателями въ немъ.— Напротивъ, юная Церковь Христова — этой враждебной разъединенности людей и племенъ древняго міра противупоставляла новый законъ любви и всеобщаго братства, любви, изумлявшей самыхъ язычниковъ, которые опыты ея ежедневно видѣли въ тысячи разныхъ случаевъ, какъ особенныхъ такъ и обыкновенныхъ. Чтобы совокупнѣе представить различныя проявленія этой любви и не потеряться во множествѣ примѣровъ ея, я ограничусь здѣсь только общею картиною, во первыхъ, той любви, которая соединяла присныхъ между собою, то есть: родителей съ дѣтьми, супруговъ съ супругами, братьевъ и сестеръ между собою, и потомъ — той, которая обнимала всѣхъ и каждаго, неисключая враговъ и самыхъ гонителей.

Къ безславію римскаго общества надобно сказать, что жестокосердечіе было главною характеристическою чертою его. Въ этомъ отношеніи — довольно указать на одно явленіе — на тогдашнія зрѣлища, на которыхъ погибали, въ одинъ мѣсяцъ, иногда цѣлыя десятки тысячъ людей, — куда толпами стекались старики, женщины, дѣти и гдѣ, по свидѣтельству Ювенала, даже именитыя жены выказывали такую кровожадность, что отказывали въ пощадѣ гладіатору, если, израненный въ борьбѣ, онъ просилъ себѣ пощады (*). При такомъ глубокомъ растлѣніи нравовъ можетъ ли показаться сомнительнымъ то, въ чемъ укорялъ Тертулліанъ современное ему языче-

(*) Iuvenal. Satir. III.

ческое общество, т. е. что язычницы умерщвляли дѣтей еще въ утробѣ своей, или же вообще родители, по рожденіи, бросали ихъ, для того, чтобы освободить себя отъ заботъ о воспитаніи ихъ (*)? - Совсѣмъ другой взглядъ на дѣтей имѣли древніе христіане: они смотрѣли на нихъ какъ на благословеніе Божіе и не щадили никакихъ жертвъ для сохраненія жизни тѣхъ, которыхъ Провидѣніе вручало ихъ попечительности. Мать — христіанка считала святою обязанностію сама кормить дитя свое — для того, чтобы съ молокомъ матернимъ оно, такъ сказать, всасывало святыя правила вѣры. Къ этому нѣжному чувству у родителей — христіанъ примѣшивалось еще нѣжное благоговѣніе къ дѣтямъ, по которому онѣ смотрѣли на нихъ какъ на живые храмы Святаго Духа, — какъ на братій во Христѣ, ввѣренныхъ самимъ Богомъ попечительности ихъ, за которыхъ Онъ потребуетъ нѣкогда отъ нихъ отчета. Такъ о св. Леонидѣ, отцѣ знаменитаго Оригена, повѣствуется, что онъ часто съ любовію наклонялся надъ колыбелію спящаго сына своего, раскрывалъ грудь его, и съ благоговѣніемъ лобызалъ ее какъ обиталище Святаго Духа.

Когда дитя начинало подростать, то воспитаніе его становилось главнымъ предметомъ заботливости родителей. »Мы или не вступаемъ въ бракъ, говоритъ св. Іустинъ, или если вступаемъ, то единственно для того, чтобы заняться воспитаніемъ нашихъ дѣтей: мы живемъ только для нихъ и для того, чтобы внушить имъ правила святаго ученія нашего (**)«. И дѣйствительно, обученіе дѣтей истинамъ вѣры и правиламъ добродѣтели и особенно всестороннее развитіе въ нихъ чувства любви къ ближнимъ было у христіанскихъ родителей самою главною цѣлію воспитанія дѣтей. Евангеліе служило у нихъ такъ сказать *классическою* книгой, изъ которой учили ихъ почерпать и мысли и слова и чувства, а достопоклоняемое Лице Богочеловѣка образцемъ, съ которымъ внушали имъ соображать свое поведеніе. Не удивительно, если изъ такой школы выходили самые честные граждане въ государствѣ и самые вѣрные и благоплодные чада Церкви. — Вотъ что писалъ блаженный Іеронимъ къ одной знатной и богатой римлянкѣ относительно воспитанія ея дочери:

»Заботься больше всего объ исполненіи твоихъ обязанностей къ драгоцѣнному залогу, ввѣренному твоей попечительности. Будь осмотрительна въ выборѣ воспитанія для души, назначенной служить храмомъ Богу; помни, что начатки всего должны исключительно принадлежать Господу; поэтому, первыя мысли, первыя слова дитяти должны быть освящены благочестіемъ. Для матери — христіанки нѣтъ радости выше той, когда она слышитъ дитя свое произносящимъ еще слабо и съ запинаньемъ сладчайшее имя Іисуса Христа, или когда оно пытается пѣть священные напѣвы нѣжнымъ голоскомъ своимъ. Когда, потомъ, представится возможность упражнять память дочери твоей, то обучи ее псалмамъ. Пусть евангеліе и писанія апостольскія сдѣлаются сокровищемъ сердца ея; пусть каждый день она прочитываетъ съ тобою нѣсколько страницъ изъ нихъ и такимъ образомъ подноситъ тебѣ, каждое утро, какъ бы букетъ изъ цвѣтовъ, собранныхъ ею въ священныхъ книгахъ. Пусть это будетъ самою главною заботой ея, самымъ любимымъ украшеніемъ, самымъ привычнымъ дѣломъ, которое оставляла бы она

(*) Римскіе законы не воспрещали этого. — Они давали родителямъ право жизни и смерти надъ дѣтьми. Особенно число дѣтей покинутыхъ родителями возросло во время императоровъ. Svcton. vit. Octav. c. 65. Caligul. c. 5. Tacit. Hist. lib. 5. c. 5.

(**) Apolog. 1. n. 29.

только ложась спать и за которое принималась бы пробуждаясь отъ сна (*)«.

Какъ мудры эти правила и какую твердость и собранность онѣ должны были сообщать душѣ напитанной ими! Теперь, конечно, времена перемѣнились, а съ ними перемѣнились и нравы. Въ наше время торопятся скорѣе наполнить память и воображеніе дѣтей множествомъ безплодныхъ и иногда даже опасныхъ свѣдѣній и часто изнуряютъ ихъ только преждевременнымъ и безпорядочнымъ ученіемъ. Случается не рѣдко встрѣчать и такихъ родителей, которые, въ то время, какъ съ такою заботливостію обучаютъ дѣтей своихъ множеству безполезныхъ свѣдѣній и искуствъ (напримѣръ бреднямъ древней миѳологіи), вовсе оставляютъ въ пренебреженіи, или же отодвигаютъ на самый задній планъ обученіе ихъ той божественной наукѣ, безъ которой мудрость человѣческая есть не иное что, какъ суета и тщеславіе.

»Остерегай дитя свое, продолжаетъ блаж. Іеронимъ, отъ всѣхъ этихъ чтеній, которыя вносятъ въ нѣдра христіанской души понятія, языкъ и вкусы язычества. Что общаго между чистыми звуками лиры пророческой и тлетворными пѣснями язычниковъ? Удаляйся и сама того мнѣнія, будто юности полезно измлада пріобрѣтать нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя въ послѣдствіи приходятъ сами собою. По моему — гораздо безопаснѣе вовсе не знать тѣхъ вещей, познаніе которыхъ неизбѣжно влечетъ за собою разслѣдованіе; невѣденіе, въ этомъ случаѣ, лучшая порука за невинность (**)«.

По той же внимательности къ развитію добрыхъ качествъ въ дѣтяхъ первенствующіе христіане не хотѣли, чтобы дѣти ихъ оставались безъ дѣла и пріучались къ праздности. Для сей цѣли они старались разнообразить ихъ занятія и перемежали чтенія Писанія молитвою, молитву пѣніемъ псалмовъ, пѣніе работою и другими домашними занятіями, такъ что не оставалось мѣста ни праздными рѣчамъ, ни суетнымъ развлеченіямъ. Особенное вниманіе обращали родители на выборъ сверстниковъ и товарищей для своихъ дѣтей и вообще, на тѣ лица, которыя окружали молодой возрастъ ихъ. Въ семъ отношеніи, они были такъ внимательны, что удаляли изъ дому прислугу нужную, но такую, которой поведеніе могло служить соблазномъ для дѣтей. Слѣдя вблизи и издали за ихъ забавами, одѣяніемъ, пищею, они предусмотрительно удаляли изъ первыхъ все, что отзывалось безпорядкомъ и разсѣянностію и не допускали въ одеждѣ дѣтей ни роскоши и излишества, ни неопрятности и неряшества: ибо, думали они, простотѣ христіанской столько же противны изысканность и тщеславіе, сколько и нерадивость, и неопрятность: первыя питаютъ гордость и разсѣянность, послѣднія показываютъ въ человѣкѣ недостатокъ уваженія къ самому себѣ. — Что касается до пищи дѣтей, то изъ нея не только исключали всякое лакомство и прихотливость, но и старались пріучать дѣтей съ малыхъ лѣтъ къ воздержанію и лишеніямъ, часто напоминая имъ, что есть тысячи ихъ собратій, которые не имѣютъ даже необходимаго (*).

Всѣ эти правила добродѣтели не оставались безплодными, преимущественно потому, что сами родители служили во всемъ примѣромъ дѣтямъ. Любовь ихъ къ послѣднимъ была и разумна и нѣжна. Никакая жертва не была дорога для нихъ, если только она становилась нужною для вѣчнаго спасенія дѣтей ихъ. Какъ часто, во время гоненій, родители, заглушая въ себѣ естественное чувство, явля-

(*) Epist. ad Lætitiam. l. VII. (**) Ibid.

(*) Изъ письма бл. Іерон. ad Lætitiam. p. 594.

лись опорою дѣтей въ терпѣніи и страданіяхъ и собственнымъ примѣромъ ободряли ихъ добдестно довершать подвигъ мученичества! Сколько Авраамовъ, въ это время, явилось въ средѣ христіанскихъ родителей! Приведу здѣсь одинъ изъ множества подобныхъ примѣровъ: императоръ Валентъ, поборая по аріанахъ, велѣлъ закрыть всѣ церкви у православныхъ, но эти послѣдніе, привыкши *повиноваться Богови паче нежели человѣкомъ* (Дѣян. 5, 29), продолжали собираться по воскреснымъ днямъ для богослуженія въ глухихъ мѣстахъ за городомъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ отдалъ тайный приказъ предавать смерти всѣхъ, кто найдется на подобныхъ сходкахъ. Префектъ Модестъ, которому поручено было исполнить это повелѣніе, тайно извѣстилъ о немъ православныхъ и совѣтовалъ имъ прекратить на время собранія свои. Не смотря на то, въ слѣдующее воскресенье, собраніе было несравненно многочисленнѣе, нежели прежде.—Между тѣмъ Модестъ, окруженный толпами воиновъ, отправился для исполненія императорскаго повелѣнія. Проѣзжая чрезъ городъ, онъ замѣтилъ одну женщину, поспѣшно выходившую изъ своего дома. Она вела за руку дитя и была такъ занята своимъ путешествіемъ, что забывъ запереть за собою дверь, торопливо пробиралась сквозь ряды воиновъ, желая, какъ видно было, опередить ихъ. Модестъ велѣлъ остановить ее и спросилъ: куда она такъ спѣшитъ? »Я тороплюсь, отвѣчала она, въ собраніе вѣрныхъ«.—Но развѣ, возразилъ префектъ, тебѣ неизвѣстно, что мнѣ велѣно умертвить всѣхъ, кого тамъ застану? »Ахъ, я это знаю, сказала жена, и по этому то и тороплюсь, чтобъ не потерять случая подъять мученичество«.—За чѣмъ же, по крайней мѣрѣ, ведешь съ собою это дитя?—»Это для того, чтобъ и оно пріобщилось тому же блаженству«.—Удивленный этою чертою мужества христіанской матери, префектъ пошелъ доложить объ ней императору, и—разсказомъ своимъ заставилъ его отмѣнить жестокое повелѣніе.

Съ своей стороны, дѣти христіанъ платили родителямъ привязанностію и глубокимъ уваженіемъ за ихъ бдительную и нѣжную любовь. Подражая примѣру Богочеловѣка, повиновавшагося земнымъ родителямъ своимъ: Іосифу и Маріи, они предупреждали желанія отцевъ и матерей своихъ, помогали имъ въ трудахъ ихъ и утѣшали ихъ въ злоключеніяхъ. Св. Леонидъ, заключенный въ темницу за исповѣданіе Христа, утѣшенъ былъ письмомъ юнаго сына своего Оригена, ободрявшаго его къ понесенію страданій. Если, по несчастію, дѣти имѣли родителей, коснѣвшихъ еще въ язычествѣ, то они удвояли свою нѣжность и внимательность къ нимъ и только отказывали имъ въ повиновеніи тогда, когда требовалось отъ нихъ что либо, противное ихъ совѣсти и вѣрѣ. Этого мало: зная, что любовь всесильна и что она назидаетъ лучше всякаго другаго наставленія, они не пренебрегали ничѣмъ для просвѣщенія своихъ родителей и отвращенія ихъ отъ путей язычества. Прекрасный примѣръ сего мы видимъ въ св. Перпетуѣ и св. Варварѣ. Часто впрочемъ эти благочестивыя души въ возмездіе за нѣжную любовь и внимательность къ родителямъ язычникамъ не получали отъ сихъ послѣднихъ ничего, кромѣ грубыхъ обидъ и жестокихъ притѣсненій, но и это не могло погашать ихъ ревности къ просвѣщенію родителей.

Таже тѣсная взаимная любовь выражалась и въ отношеніяхъ христіанскихъ супруговъ между собою. Мужья были опорою, защитой и руководителями своихъ женъ, но отнюдъ не прихотливыми владыками ихъ. Тогда какъ весь языческій міръ смотрѣлъ на жену какъ на рабу, лишенную всякихъ собственныхъ правъ

и подчиненную во всемъ прихоти мужа, — въ христіанскомъ семействѣ она возводилась на почетную степень помощницы и сотрудницы мужа, который по заповѣди Божіей *воздавалъ ей честь и должную любовь* (1 Петр. 3, 7. 1 Кор. 7, 3) и уважалъ въ ней лицо, одинаково искупленное кровію Сына Божія. — Жены, съ своей стороны, платили мужьямъ любовію и преданностію. — Кроткія, послушныя, богобоязненныя, трудолюбивыя — онѣ осуществляли въ поведеніи своемъ прекрасный образъ жены, начертанный Соломономъ (Притч. гл. 31) и по возможности удалялись свѣтскаго шума и тщеславія — за что, какъ мы видѣли, язычники упрекали ихъ. — Если, по несчастію, у жены христіанки мужъ оставался еще въ язычествѣ, или только принадлежалъ къ оглашеннымъ: то она употребляла все усердіе свое къ тому, чтобы обратить его ко Христу, или привесть въ число вѣрныхъ.

Не удивительно, если прочіе члены христіанскаго семейства — братья и сестры, возрастая среди постоянныхъ примѣровъ взаимной любви и уваженія, представляли семьи, у которыхъ, по выраженію евангелиста Луки, была *одна душа и одно сердце* (Дѣян. 4, 32), и — если каждый изъ этихъ членовъ готовъ былъ скорѣе подъять всѣ мученія и самую смерть, нежели чрезъ отреченіе отъ Христа отпасть отъ присныхъ по вѣрѣ и крови. Въ лѣтописяхъ первенствующей Церкви дѣйствительно встрѣчаются цѣлыя мученическія семейства, которыхъ члены рѣдко переживали одинъ другаго; но по большей части вмѣстѣ довершали подвигъ и увѣнчавались мученичествомъ. Если твердость измѣняла кому либо изъ нихъ, то всѣ прочіе члены семейства не переставали возносить о колебавшемся молитвы къ Богу и окружать его просьбами, убѣжденіями и слезами дотолѣ, пока онъ не возвращался на путь долга и вѣры.

Таково было семейство христіанское въ первыя, лучшія времена Церкви! Вѣра Христова была единымъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ оно создало все зданіе взаимныхъ отношеній своихъ; другаго основанія, другихъ началъ оно не допускало, и — мы видимъ, что *ни смерть, ни животъ, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни инаа тварь каа* могла *разлучить ихъ* не только *отъ любви Божія, яже о Христѣ Іисусѣ*, но и отъ взаимной любви между собою! (Рим. 8, 38).

Любовь есть союзъ совершенства. Кол. 3, 14.

Любовь есть величайшая двигательная сила въ мірѣ нравственномъ. Кто хочетъ достигнуть совершенства человѣческаго, не обративъ должнаго вниманія на любовь, тотъ забываетъ причину и глубочайшій корень всякаго совершенства. Осуществить идею нравственнаго совершенства человѣческаго безъ этого начала такъ же невозможно, какъ невозможно солнечной системѣ сохранять свою гармонію безъ законовъ всеобщаго тяготѣнія. Уклоненіе отъ законовъ истинной любви влечетъ за собою всѣ безпорядки и всѣ преступленія.

Чтоже долженъ сдѣлать человѣкъ съ своимъ сердцемъ, чтобы дать любви истинное направленіе? Отвѣтъ на это простой: »долженъ любить Бога«. Чтобы человѣкъ возвы-

шался и шелъ впередъ, долженъ онъ стремиться къ Богу; ибо только на пути къ Богу, который есть истинное средоточіе всѣхъ разумныхъ стремленій, возможна усовершимость человѣка. Но свободное стремленіе къ Богу существуетъ только подъ условіемъ любви. Человѣкъ не можетъ стремиться къ тому, чего не любитъ; точно также какъ не могъ бы стремиться ни одинъ предметъ къ своему центру, если бы центръ не привлекалъ его къ себѣ. — Законъ жизни нашей есть любовь. Если мы не любимъ существа выше себя, то должны любить существо ниже себя, или себя самихъ,— т. е. уклонившись отъ своего истиннаго средоточія, мы по необходимости должны будемъ блуждать, непрестанно и безъ пользы переходя съ одного предмета на другой.

Есть ли на землѣ истинная любовь къ Богу? Есть; но только въ христіанствѣ и между христіанами.

Въ язычествѣ не было любви къ Богу. Тамъ была любовь къ твари, или же было самолюбіе. Вмѣсто того, чтобы любовь къ человѣку возвысить до любви къ Богу, язычники дѣлали напротивъ. Они обоготворяли все, что любили. Все было для нихъ богомъ въ мірѣ, только самаго Бога для нихъ не было; все было предметомъ любви, но не было самой любви. По этому нравственное совершенство въ язычествѣ невозможно. Эта любовь, которая не обращена была къ истинному средоточію, т. е. Богу, принимала два различныя направленія: то хотѣла она возвыситься, и тогда терялась въ отвлеченности, гоняясь за призракомъ божества и надымаясь до безграничнаго высокомѣрія; то унижалась и падала въ тину страстей и пороковъ,— любила пустыя титла и славу, мірскія удовольствія и забавы. Прикованная къ землѣ, она поставляла на ней или трапезу для чувственныхъ удовольствій, или опору для своего высокомѣрія.

Такимъ образомъ, какой путь ни избирала эта ложная любовь, она всегда приводила людей къ погибели. И какъ часто одни и тѣже люди, даже люди превосходнѣйшіе, восходя на самую высшую степень духовныхъ умозрѣній, въ тоже время нисходили въ глубину грубой чувственности! Какъ часто величайшій зритель идеальнаго міра являлся учителемъ такихъ плотскихъ удовольствій, которыхъ имена не должны быть даже произносимы!

Дабы совершенство опять внести въ міръ, нужно было — такъ сказать — снова создать любовь въ сердцѣ человѣческомъ. Но такъ какъ человѣкъ не имѣлъ для сего достаточныхъ силъ и средствъ, то самъ Господь благоволилъ помочь нашей немощи. И вотъ единородный Сынъ Божій нисходитъ на землю и дѣлается учителемъ и образцемъ чистѣйшей и совершеннѣйшей любви. Живя на землѣ, Онъ въ яснѣйшемъ свѣтѣ явилъ любовь Божію къ человѣчеству; а являя ее, не имѣлъ другой цѣли, кромѣ той, чтобы огнемъ любви Отца небеснаго возбудить въ человѣческой природѣ сыновнюю и благодарную любовь къ Нему. Вся жизнь Его представляла высочайшій образецъ преданности волѣ Отца небеснаго, которой угодно было возвратить человѣчество въ нѣдра любви своей. Онъ хотѣлъ, при посредствѣ своей любви, возвратить сердце наше сердцу Божію и заставить человѣка неуклонно стремиться къ своему первообразу. Но Онъ вѣдалъ и то, что сердце наше, не смотря на высочайшій образецъ любви, можетъ уклониться съ пути истиннаго; Онъ зналъ, что исправить наше сердце, умягчить его и содѣлать способнымъ къ любви божественной— можетъ только благодать Божія, которая одна въ состояніи проникнуть въ тайныя изгибы его. И потому Онъ послалъ своего Всесвя-

таго Духа, который бы *излилъ въ сердца наша любовь Божію* (Римл. 5, 5) *и наставлялъ насъ на всяку истину*. Наставляемый и укрѣпляемый благодатію Всесвятаго Духа, человѣкъ можетъ окончательно утвердиться въ любви Божіей. Будемъ же возгрѣвать въ себѣ благодать сію, чтобы она объяла все существо наше, питала оное и потребляла въ немъ все грѣховное. Будемъ молить Бога, чтобы Онъ одинъ царствовалъ въ сердцѣ нашемъ, чтобы пламень любви къ Нему погашалъ въ насъ всякій другой пламень. Возлюбимъ Бога всѣмъ сердцемъ, дабы содѣлаться достойными Его вѣчной любви къ намъ.

ИСПЫТАННОЕ ДѢЙСТВІЕ ТЩЕСЛАВІЯ.

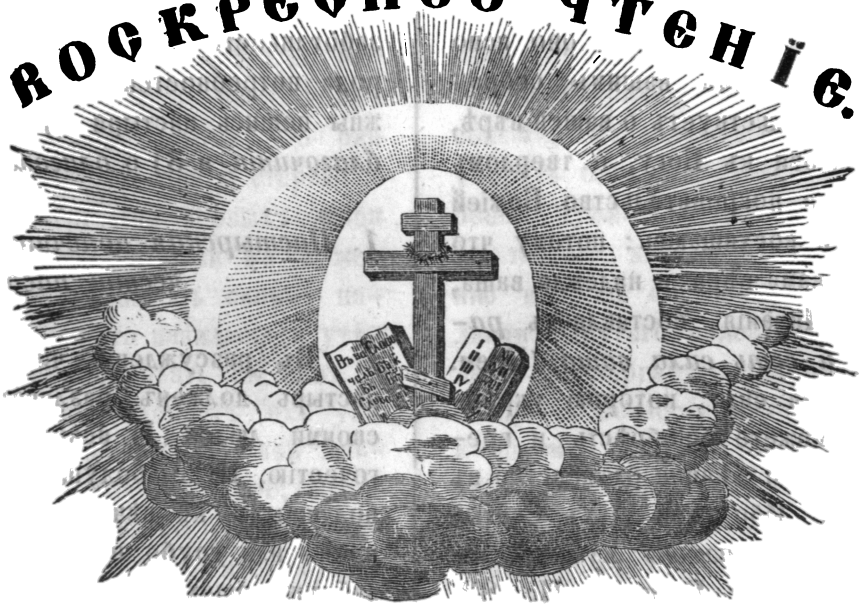
Будучи еще въ юношескихъ лѣтахъ, говоритъ о себѣ преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ, пришелъ я въ нѣкоторый городъ и въ одномъ домѣ сидя за трапезою, предался размышленію о чревоугодіи и тщеславіи. Убоявшись слѣдствій, происходящихъ отъ чревонеистовства, я предпочелъ на тотъ разъ лучше уступить надъ собою побѣду тщеславію; ибо зналъ, что въ молодыхъ людяхъ демонъ чревоугодія часто одерживаетъ верхъ надъ демономъ тщеславія.—Въ другой разъ, когда я сидѣлъ въ своей келліи, говоритъ тотъ же св. Отецъ, лѣность до того овладѣла мною, что я помышлялъ даже совсѣмъ оставить уединенную жизнь. По случаю пришли тогда ко мнѣ нѣкоторые мірскіе люди и стали ублажать меня за безмолвное житіе мое. Отъ этого лѣность, будучи побѣждена тщеславіемъ, возбужденнымъ похвалами ихъ, тотчасъ меня оставила; и я крайне удивился тому, что тщеславіе такъ сильно противоборствуетъ всѣмъ прочимъ страстямъ.

(Лѣств. дух. степ. 26 и 27).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 19-го Августа 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.



№ 26.

НЕДѢЛЯ 18 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

14 Сентября 1858 г.

Гласъ 1-й.

На утрени: евангеліе праздника Іоан. зач. 42 отъ полу. На Литургіи: апост. 1 Кор. зач. 125, еванг. Іоан. зач. 60.

РѢЧЬ

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПО ПРИБЫТІИ ВЪ Г. МСТИСЛАВЛЬ ДЛЯ КРЕСТНАГО ХОДА, ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО 1847 ГОДА ОКТЯБРЯ 21 ДНЯ ИЗЪ МСТИСЛАВЛЬСКАГО, НИКОЛАЕВСКАГО, МУЖЕСКАГО МОНАСТЫРЯ СЪ ЧУДОТВОРНОЮ ИКОНОЮ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ИМЕНУЕМОЮ ТУПИЧЕВСКОЮ,—ВЪ МАЗОЛОВСКІЙ, ВОЗНЕСЕНСКІЙ ЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ, ВБЛИЗИ Г. МСТИСЛАВЛЯ (*).

Безъ сомнѣнія, братіе, вы знаете, что побудило меня прибыть въ здѣшній городъ къ сему времени; знаете, что я прибылъ сюда съ тѣмъ, чтобы принять участіе въ праздничномъ торжествѣ, съ которымъ вы совершаете выносъ изъ вашего города въ одну изъ ближайшихъ къ нему иноческую обитель святой иконы, издревле просіявшей здѣсь благодатію милостиваго къ вамъ снисхожденія Царицы небесной. Такъ; я давно желалъ въ подобное настоящему вашему празденству прибыть къ вамъ, чтобы въ этотъ день взаимно утѣшиться съ вами общею надеждою, вашею и моею, на предстательство о насъ грѣшныхъ предъ престоломъ Бога Спасителя нашего пренепорочной Его Матери. Но я не могъ удовлетворить такому желанію моего сердца по моимъ немощамъ и многимъ другимъ препятствіямъ. И не удивляйтесь сему, зная изъ св. Писанія, что и божественный апостолъ Павелъ писалъ въ свое время къ Римлянамъ: *множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ; но возбраненъ бѣхъ доселѣ* (1, 13). Какъ же мнѣ смиренному не испытывать препятствій въ исполненіи моихъ желаній. Теперь находясь среди васъ, видя многочисленное ваше собраніе, утѣшаюсь духомъ и радуюсь, что Богъ и меня сподобилъ прибыть въ этотъ городъ къ сему времени: потому что если

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

на землѣ можно еще вкушать истинную радость: то источникомъ ея можетъ быть одно истинно христіанское благочестіе, а оно ясно обнаруживается настоящимъ вашимъ собраніемъ, которое свидѣтельствуетъ о вашей вѣрѣ, о теплой вашей любви къ Богу, о твердомъ вашемъ упованіи на покровительство Божіей Матери! Радуюсь и восхищаюсь: потому что свидѣтельствуемая вами вѣра и надежда ваша, по выраженію св. Писанія, составляетъ *радость* Господню, *и есть сила ваша* (Неем. 8, 10); есть крѣпкая сила, которою укрѣпляясь, вы удобно можете пріобрѣсть и временное благодѣтствіе и вѣчное блаженство въ царствіи небесномъ. Ибо самъ Духъ Святый свидѣтельствуетъ, что *блаженъ мужъ, ему же есть заступленіе у Господа* (Пс. 83, 6), а ваше предъ престоломъ Божіимъ заступленіе и ваше прибѣжище преблагословенная Матерь Бога Спасителя нашего! Она, ходатайство христіанъ непостыдное, да будетъ вашимъ утѣшеніемъ въ горестяхъ, вашею питательницею въ скудости, вашимъ исцѣленіемъ отъ болѣзней, вашимъ покровомъ и помощницею во всѣхъ обстоятельствахъ вашей жизни, паче же всего да испроситъ вамъ прощеніе грѣховъ и введетъ васъ въ свое время въ небесное царство Сына своего и Бога, коему слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и съ пресвятымъ Духомъ во вѣки вѣковъ.

О ПАСТЫРСКОМЪ РУКОВОДСТВОВАНІИ ПАСОМЫХЪ.

Отъ общихъ замѣчаній и правилъ о пастырскомъ руководствованіи пасомыхъ обращаемся теперь къ замѣчаніямъ и правиламъ болѣе частнымъ и подробнымъ (*), и подробнѣе раскроемъ, въ чемъ именно должна состоять заботливость пастырская касательно разнаго рода потребностей пасомыхъ, или—какъ должны пещись пастыри 1) о *благочестіи*, 2) о *благочиніи* и 3) о *благополучіи* пасомыхъ.

1. Пастырская попечительность о благочестіи пасомыхъ.

Въ разсужденіи чисто духовной жизни, пастырь долженъ различать между пасомыми своими людей I) искренно преданныхъ благочестію, II) слабодушныхъ, или совсѣмъ равнодушныхъ къ вѣчному спасенію своему, III) прямо или грубо порочныхъ и IV) наконецъ, заблуждающихъ болѣе или менѣе отъ истинной вѣры. Само собою понятно, что обращеніе пастыря со всѣми этими людьми не можетъ быть одинаково, что иначе надобно поступать ему съ одними, иначе съ другими и т. д. При этомъ нужно еще брать во вниманіе различные возрасты, полы, состоянія и положенія тѣхъ или другихъ лицъ. Всего, что можетъ представиться въ этомъ отношеніи ревностному къ своему дѣлу пастырю, предусмотрѣть невозможно и на всякій особенный случай, на всякое частное обстоятельство, требующія видоизмѣненія пастырскаго обращенія или руководствованія, предложить сообразныя правила не возможно. Необходимо ограничиться замѣчаніями такого рода, которыя болѣе наводили бы пастыря на полезныя соображенія и предпріятія при исполненіи имъ пастырскаго долга своего, нежели служили бы для него готовымъ сводомъ положеній на всякій случай.

---

*) См. Воскр. Чтен. Годъ XXI, №№ 27, 30, 33, 41.

I.

Искренно преданные благочестію, по видимому, не много нуждаются въ заботливомъ о нихъ попеченіи пастыря; потому что они сами пекутся о своемъ спасеніи и стараются жить по христіански. Но, во первыхъ, лица такого рода большею частію сами же и желаютъ тѣснѣйшаго сближенія съ своимъ пастыремъ, сами ищутъ у него назиданія и утѣшенія и хотятъ чаще бесѣдовать съ нимъ о томъ, что такъ сильно занимаетъ ихъ умъ и сердце; во вторыхъ, не всѣ тѣ, кои имѣютъ настроеніе искренно благочестивое, идутъ правымъ путемъ благочестія, но очень нерѣдко уклоняются отъ этого пути и требуютъ вразумленія. Въ томъ и другомъ случаѣ со стороны пастыря требуется отеческая внимательность и готовность на всякую помощь. Къ этому нужно присовокупить еще, что въ истинно благочестивыхъ людяхъ и самъ пастырь имѣетъ такую же нужду, какую и они въ немъ, потому что, съ одной стороны, въ тѣснѣйшемъ общеніи съ ними онъ можетъ почерпать для себя и оживленіе и назиданіе, съ другой- чрезъ нихъ или съ помощію ихъ онъ удобнѣе всего можетъ дѣйствовать и на другихъ пасомыхъ. Такимъ образомъ и долгъ и духовная польза пастыря требуютъ отъ него не только вниманія къ людямъ искренно благочестивымъ въ его паствѣ, но и ближайшаго общенія съ ними. Только ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ исключительно заниматься одними этими лицами; ибо пастырь долженъ *внимать* не избраннымъ только стада своего, но *всему стаду* (Дѣян. 20, 9). Притомъ, хотя и естественно и законно питать живѣйшее и сильнѣйшее расположеніе къ людямъ богобоязненнымъ и добродѣтельнымъ; но слишкомъ рѣзкимъ предпочтеніемъ ихъ другимъ пастырь можетъ возбуждать какъ противъ себя, такъ и противъ нихъ чувства неудовольствія во многихъ прихожанахъ своихъ, и потому, въ видахъ сохраненія мира и единства между пасомыми, онъ долженъ иногда по необходимости умѣрять близость свою къ избраннымъ. Особенно нужно наблюдать это въ отношеніи къ людямъ, кои значительнѣе другихъ по званію или по состоянію своему, равно и къ лицамъ другаго пола; въ противномъ случаѣ легко подвергнуться злорѣчію и клеветѣ, отъ которыхъ всячески надобно оберегать и себя и другихъ пастырю стада Христова: ибо клевета способна возмущать до глубины души людей самыхъ честныхъ и благомыслящихъ и обращать въ соблазнъ то, что само по себѣ чисто и свято; почему и самыя праведники вопіютъ иногда къ Богу словами богодухновеннаго Псалмопѣвца: *избави мя отъ клеветы человѣческія, и сохраню заповѣди твоя* (Псал. 118, 134).

Пастырская попечительность о людяхъ искренно и *право* благочестивыхъ должна быть направляема главнымъ образомъ къ тому, чтобы предохранить ихъ отъ чувства самодовольства и поддержать въ нихъ стремленіе къ непрестанному самоусовершенію. Самый близкій и опасный врагъ благочестія есть гордость духовная. Если въ комъ зародится червь этой гордости, то онъ можетъ быстро подточить всякую добродѣтель въ самомъ корнѣ ея и обнажить душу отъ всякаго украшенія духовнаго. По этому въ обращеніи съ людьми истинно благочестивыми никогда не должно ни дѣломъ ни словомъ обнаруживать какого нибудь удивленія къ ихъ добродѣтелямъ, или ублаженія ихъ святости, чтобы не возбудить въ нихъ самомнѣнія. Если они сами не сознаютъ въ себѣ ничего необыкновеннаго и, не смотря на посильные труды свои въ служеніи Богу, признаютъ себя ра-

бами неключимыми, что и свойственно людямъ истинно благочестивымъ (Лук. 17, 10); то преступно было бы подать имъ какой нибудь поводъ къ самовозношенію, которое сколько гибельно для духовной жизни, столько же и незаконно; ибо, въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, если христіанинъ живетъ по-христіански; то напротивъ удивительно, какъ христіане могутъ пренебрегать обязанностями христіанскими. Итакъ, повторяемъ, въ обращеніи съ людьми истинно благочестивыми ни подъ какимъ видомъ не надобно выражать чувства какого нибудь удивленія къ ихъ образу жизни, ни восхвалять ихъ добродѣтели, но—просто обходиться съ ними, какъ съ добрыми христіанами. Конечно, пастырь обязанъ одобрять ихъ христіанское поведеніе, но не похвалами ихъ жизни, не прославленіемъ тѣхъ или другихъ добродѣтелей ихъ, а искреннимъ расположеніемъ и сочувствіемъ къ нимъ. Предохраняя ихъ такимъ образомъ отъ пагубной оцѣнки собственныхъ добродѣтелей своихъ, онъ въ тоже время долженъ возбуждать ихъ къ дальнѣйшему преспѣянію въ духовной жизни: съ этою цѣлію надобно чаще и яснѣе представлять имъ, особенно въ лицахъ великихъ угодниковъ Божіихъ, ту высоту христіанскаго совершенства, къ которой всѣ мы должны стремиться, забывая задняя и простираясь въ предняя, въ чаяніи единаго вѣчнаго воздаянія на небѣ отъ Господа Спасителя нашего, давшаго всѣмъ намъ такую заповѣдь: *будите совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48).

По характеру своему, пастырскія наставленія людямъ истинно благочестивымъ должны быть дружескимъ собесѣдованіемъ, чуждымъ тона догматическаго или прямо—учительскаго. Бываетъ, что люди, глубоко постигающіе духъ вѣры Христовой, не довольно знакомы съ частнѣйшими ея истинами, такъ что богословскія ихъ свѣдѣнія ограничиваются знаніемъ только главныхъ догматовъ и правилъ христіанскихъ: пастырь не долженъ обращаться съ ними, какъ съ людьми не далекими въ дѣлѣ религіознаго образованія, не долженъ и требовать отъ нихъ подробнѣйшаго изученія различныхъ предметовъ вѣры, если они сами не выказываютъ къ тому охоты и ничто особенное не побуждаетъ его опасаться за ихъ православіе. Вѣдѣніе христіанства пріобрѣтается не однимъ внѣшнимъ изученіемъ его, но еще вѣрнѣе и успѣшнѣе — жизнію христіанскою, постояннымъ упражненіемъ въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ. *Начало премудрости страхъ Господень: исполненіе премудрости еже боятися Господа: и вѣнецъ премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 7; Сирах. 1, 16. 18). Кто проникнутъ страхомъ Божіимъ и служитъ Господу съ вѣрою и любовію; тотъ любитъ больше молитву, нежели внѣшнюю науку; и ежели пасомый идетъ по этому пути духовной жизни, то надобно только ободрять и поддерживать его направленіе, а никакъ не домогаться отъ него научнаго образованія.—Бываетъ также, что люди истинно богобоязненные и добродѣтельные во внѣшнемъ поведеніи своемъ не представляютъ ничего особеннаго, что рѣзко отличало бы ихъ отъ другихъ людей; они живутъ, по видимому, также, какъ и большая часть не безпорядочныхъ христіанъ. Можетъ быть, пастырю желалось бы видѣть ихъ гораздо болѣе строгими къ себѣ въ самой внѣшней жизни; но требовать этого отъ нихъ было бы незаконно; потому что внѣшній аскетизмъ не составляетъ непремѣннаго условія духовно-нравственнаго преспѣянія (здѣсь умѣстно припомнить о томъ, что открыто было преподоб. Макарію великому о двухъ женщинахъ мірскихъ, которыя заслужили особенную ми-

лость Божію, не дѣлая по видимому ничего особеннаго). Бываетъ еще, что образъ жизни глубоко благочестивыхъ людей представляется какъ будто нѣсколько страннымъ, или, по-крайней мѣрѣ, слишкомъ своеобразнымъ: такъ наприм., иные усвояютъ себѣ характеръ нѣкотораго юродства, другіе налагаютъ себѣ правила, по видимому не имѣющія никакаго значенія для духовной жизни, и под. Если въ этомъ нѣтъ ничего противнаго ни заповѣдямъ Божіимъ, ни правиламъ и постановленіямъ св. Церкви, ни благоприличію и порядку общественному; то не надобно касаться такихъ особенностей благочестивыхъ лицъ, предоставляя имъ водиться собственною ихъ совѣстію. И вообще духовный пастырь въ обращеніи съ сими людьми долженъ остерегаться, чтобъ не стѣснить ихъ духовной свободы какими нибудь принужденіями къ извѣстному образу поведенія. Только въ такихъ случаяхъ, когда бы онъ примѣтилъ въ нихъ какое нибудь обольщеніе, надобно спѣшить ему тотчасъ же на помощь искушаемому и отеческимъ попеченіемъ, соединеннымъ съ усердною молитвою, врачевать подвергающагося недугу духовному.

Истинное благочестіе само въ себѣ неизмѣнно; его начала и правила вѣчны, какъ вѣченъ и неизмѣняемъ самъ Господь Богъ, отъ котораго они происходятъ: но личное благочестіе у христіанъ бываетъ неодинаково и между людьми, ревнующими о спасеніи, проявляется иногда не только различіе, но и прямая противоположность въ духовно-нравственномъ направленіи и, отсюда, въ самомъ образѣ поведенія. Это происходитъ отъ того, что одно какое нибудь изъ истинныхъ началъ или правилъ христіанскаго благочестія преувеличивается и расширяется на счетъ другаго; такимъ образомъ нарушается божественное равновѣсіе этихъ началъ, являются односторонности и, слѣдовательно, нравственныя заблужденія. Такъ одни слишкомъ много приписываютъ силы и значенія добродѣтелямъ — въ ущербъ вѣрѣ, другіе напротивъ слишкомъ уповаютъ на вѣру свою, не заботясь сколько слѣдуетъ о точномъ исполненіи закона Божія; нѣкоторые слишкомъ боязливы и мнительны въ дѣлѣ спасенія, а иные не довольно внимательны къ своей совѣсти и въ самомъ упованіи на Бога выражаютъ нѣкоторую безпечность духовную. Надобно умѣть распознавать такія слабыя стороны извѣстныхъ христіанъ и стараться внушать имъ то или другое начало, которое они упускаютъ изъ вида. Въ общественномъ проповѣданіи не много можно дать мѣста подобнымъ разсужденіямъ и предостереженіямъ; по крайней мѣрѣ, съ церковной каѳедры нельзя въ подробности и приспособительно къ особеннымъ состояніямъ извѣстныхъ лицъ изложить все, что нужно внушить въ подобныхъ случаяхъ; напротивъ, въ частныхъ собесѣдованіяхъ пастырскихъ это возможно: здѣсь каждый членъ православно-христіанскаго богословія можетъ имѣть надлежащее и благоплодное приложеніе.

а) Между христіанами довольно строгой жизни можно встрѣчать иногда такихъ людей, которые забываютъ или недостаточно разумѣютъ, что наши добрыя дѣла имѣютъ значеніе только по силѣ вѣры нашей въ Господа Искупителя и что безъ сей вѣры не возможно быть праведнымъ предъ Богомъ. Въ такихъ людяхъ, мимо сознанія ихъ, живетъ духъ древняго іудейства, который такъ сильно и строго обличалъ нѣкогда св. ап. Павелъ. Ихъ можно узнавать не столько по ихъ сужденіямъ о христіанскомъ благочестіи, сколько по самому характеру ихъ дѣятельности и отношенія къ другимъ лицамъ. Привязанность къ буквѣ закона, нѣкоторый ригоризмъ въ собственной жизни и, особенно, примѣтная нетерпимость, взыска-

тельность, не расположеніе въ отношеніи къ другимъ людямъ, которые не одинаковыхъ съ ними правилъ и поведенія,—вотъ почти безошибочные признаки означеннаго рода христіанъ. Заблужденіе ихъ чисто практическое. Какъ ученіе, излагаемое послѣдовательно, оно конечно было бы прямою ересію, подобною пелагіанской; но какъ практическое направленіе въ жизни и дѣятельности, оно не есть ересь, но тѣмъ не менѣе весьма вредно и противно истинному благочестію христіанскому. Гдѣ оно сильно преобладаетъ; тамъ не видно духа благодатнаго возрожденія, и жизнь, повидимому строго христіанская, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ характера евангельской святости. *Не вѣсте, коего духа есте*, сказалъ нѣкогда Спаситель нашъ нѣкоторымъ изъ апостоловъ своихъ по извѣстному случаю: тоже должно сказать и обо всѣхъ тѣхъ христіанахъ, кои, ревнуя по видимому о христіанскомъ благочестіи, на самомъ дѣлѣ противорѣчатъ главному требованію его, именно, требованію любви къ Богу и ближнимъ, основанной на вѣрѣ въ безконечную любовь Божію къ намъ, не пощадившую для насъ крови воплотившагося Сына Божія. Духъ истиннаго благочестія есть духъ любви и свободы, не исключающій самыхъ строгихъ подвиговъ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ чуждый всякаго ригоризма, и кто исполненъ симъ благодатнымъ духомъ, тотъ живетъ единственно любовію ко Христу Спасителю, въ Немъ одномъ ищетъ и уповаетъ оправданія, для Него и во имя Его предпріемлетъ духовные подвиги, чтобъ умертвить въ себѣ ветхаго человѣка и возрастить новаго: отъ того самые великіе и строгіе подвижники христіанскіе какъ сами измѣряли, такъ и другихъ учили измѣрять духовное преспѣяніе христіанина не строгостію жизни, а мѣрою любви его къ Богу и ближнимъ, и чѣмъ больше успѣвали въ благочестіи и святости, тѣмъ менѣе приписывали заслугъ собственной правдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали благодатный духъ сердечной благости, кротости и глубокаго расположенія ко всѣмъ ближнимъ. Таковъ подлинный характеръ христіанской праведности. Это-то и надобно больше всего уяснять и внушать такимъ христіанамъ, которые ревнуютъ о соблюденіи правилъ христіанской жизни, но мало знакомы съ духомъ христіанства, и потому подвергаются опасности довѣриться *собственной правдѣ* и *испразднить* для себя *крестъ Христовъ*.

б) Другая, равно опасная, крайность въ дѣлѣ спасенія состоитъ въ томъ, когда уповаютъ спастись вѣрою, не заботясь сколько должно о дѣлахъ христіанскаго благочестія. И здѣсь мы разумѣемъ собственно не теоретическое лжеученіе, подобное кальвинизму, а опять практическое направленіе въ нѣкоторыхъ изъ православныхъ христіанъ, при которомъ водятся, по видимому, болѣе духомъ вѣры Христовой, нежели буквою закона христіанскаго, но на самомъ дѣлѣ противорѣчатъ духу евангелія. Можетъ быть, такое заблужденіе въ людяхъ, нелицемѣрно преданныхъ благочестію, встрѣчается рѣже, чѣмъ предыдущее; но—оно бываетъ и требуетъ, подобно предыдущему, попечительнаго врачеванія. Пастырь можетъ замѣчать иногда людей, которые никогда не забываютъ о Богѣ и вѣчномъ спасеніи, но въ тоже время не довольно пользуются средствами къ нравственному очищенію и усовершенію и не смущаются опущеніемъ или даже нарушеніемъ многихъ положительныхъ правилъ православной Церкви, какъ будто бы соблюденіе или не соблюденіе ихъ безразлично для духовной жизни нашей; такъ, на примѣръ, опущеніе богослуженія, нарушеніе поста, неисполненіе правилъ о домашней молитвѣ и подобн. не сознается и не ощущается ими какъ грѣхъ,

не тревожитъ ихъ совѣсти, не представляется урономъ въ духовной жизни и запинаніемъ на пути къ вѣчному спасенію. Чѣмъ объяснить такое явленіе?—Тѣмъ, что подобные христіане слишкомъ много уповаютъ на свою вѣру: въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть, при такомъ состояніи, глубокой и святой увѣренности въ спасеніи своемъ, какую пріобрѣтаютъ иногда, какъ благодатный даръ Божій, истинно святые мужи; но есть, такъ сказать, только желаніе этой увѣренности, на которомъ они останавливаются, почитая его за самую увѣренность.—Чтобы вывести ихъ изъ заблужденія, надобно чаще обращать вниманіе ихъ на то, что живая вѣра не можетъ быть безъ ревности къ исполненію всѣхъ заповѣдей и правилъ православно-христіанской жизни, что гдѣ замѣчается или ощущается недостатокъ благоговѣйнаго уваженія ко всему, что предписывается евангельскимъ или церковнымъ закономъ, и сердечнаго усердія къ исполненію этихъ предписаній; тамъ непремѣнно недостаетъ и живой вѣры въ Небеснаго законодателя. Потому-то и св. Апостолъ говоритъ: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2, 20). Кто живо вѣруетъ въ Господа Іисуса Христа, тотъ и любитъ Его; а кто любитъ Господа, тотъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ оказать равнодушія или пренебреженія къ какой нибудь заповѣди Его. Съ другой стороны, нѣтъ ни одной заповѣди Господней, ни одного правила и наставленія св. Церкви Христовой, которыя были бы совершенно безразличны въ отношеніи къ духовному преспѣянію христіанина: все въ этомъ случаѣ обязательно для насъ не потому только, что такъ положено или предписано, но еще болѣе потому, что тѣсно связано съ духовно-нравственнымъ усовершеніемъ нашимъ. Развѣ, на примѣръ, безразлично для души нашей чаще или рѣже присутствовать при богослуженіи, болѣе или менѣе упражняться въ молитвѣ, и под.? Мы должны быть безконечно благодарны Господу Спасителю нашему и св. Церкви Его за то, что намъ указано не только—каковы мы должны быть, но и—какъ должны вести себя, въ чемъ упражнять умъ, волю и сердце, какими средствами обуздывать и истреблять живущій въ насъ грѣхъ, чтобы, при помощи благодати Божіей, содѣлаться именно такими, каковы мы должны быть. Если же мы, уповая на вѣру нашу, позволяемъ себѣ свободу въ разсужденіи предписанныхъ намъ дѣлъ благочестія; то явно не прилагаемъ надлежащаго старанія усвоить благодатное оправданіе, которое хотя даровано намъ туне во Христѣ Спасителѣ, но требуетъ жизни, достойной оправданныхъ.

в) Бываютъ христіане слишкомъ мнительные въ дѣлѣ спасенія своего. Стараясь по возможности жить такъ, какъ требуетъ Вѣра Христова, они часто подвергаются тяжкимъ сомнѣніямъ о томъ, благоугодно ли Господу Богу житіе ихъ и могутъ ли они надѣяться на милость Его въ вѣчности. По заповѣди св. Апостола, всѣ мы должны содѣвать спасеніе свое со страхомъ не рабскимъ, а сыновнимъ. Мнительность въ семъ отношеніи есть, такъ сказать, недовѣрчивость къ Богу, слѣдовательно и сама по себѣ есть грѣхъ, и кромѣ того служитъ важнымъ препятствіемъ къ духовно-нравственному преуспѣянію, потому что лишаетъ христіанина бодрости и силы въ подвигахъ христіанской жизни. Люди мнительные вообще болѣе или менѣе слабаго характера и неустановившихся понятій; отъ того у нихъ—безпрерывныя опасенія и неровности въ жизни обыкновенной. Тоже должно сказать и о мнительныхъ въ дѣлѣ спасенія: въ нихъ непремѣнно недостаетъ ни твердой воли, ни опредѣленныхъ убѣжденій: они то уклоняются къ ригоризму въ жизни, то желаютъ держаться болѣе духа,

нежели буквы закона христіанскаго; но ни то ни другое направленіе не бываетъ у нихъ постояннымъ, ни при томъ ни при другомъ они не чувствуютъ внутренняго успокоенія. Посему имъ надобно внушать болѣе всего преданность волѣ Божіей. Никто изъ дѣятельно желающихъ служить Господу и усильно ищущихъ Его блаженнаго царства никогда не былъ и не будетъ отринутъ Имъ: *грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ*, говоритъ Онъ самъ (Іоан. 6, 37). Мы должны дѣлать, что намъ повелѣно дѣлать, а всю временную и вѣчную судьбу свою вручить Спасителю нашему: въ этомъ все наше успокоеніе и — успокоеніе неложное, совершенное; при этомъ не можетъ быть никакой мнительности у христіанина, никакой неровности не только въ духовной, но и во внѣшней жизни.

г) Въ противоположность боязливымъ и мнительнымъ, встрѣчаются христіане излишне уповающіе, которые мнятъ имѣть дерзновеніе предъ Богомъ всегда и во всемъ, не вникая тщательно, законно ли ихъ дерзновеніе и имѣютъ ли они истинное свидѣтельство въ совѣсти своей, что они—точно Божіи. Въ образѣ ихъ сужденій и поведенія бываетъ нѣчто суевѣрное; потому что касательно воли Божіей они любятъ иногда совѣтоваться лучше съ какими нибудь внѣшними знаками, нежели съ собственною совѣстію и прямыми наставленіями слова Божія, видятъ знаменія для себя въ какихъ нибудь обстоятельствахъ, по существу очень простыхъ и обыкновенныхъ и съ тайнымъ чувствомъ нѣкотораго превосходства своего смотрятъ на другихъ христіанъ, которые живутъ обыкновенно. При такомъ направленіи, люди способны образовывать вокругъ себя нѣчто въ родѣ секты, хотя никакого особаго ученія они не проповѣдуютъ и никакому догмату православной вѣры не противорѣчатъ. Иногда они выходятъ изъ круга обычной жизни и дѣятельности, избирая или странничество, или родъ нѣкотораго отшельничества, при этомъ любятъ дѣлать наставленія другимъ... Подъ такими образами скрывается иногда чистое лицемѣріе, ханжество, тунеядство, требующія строгаго вразумленія и обличенія, или даже внѣшнихъ какихъ нибудь мѣръ и обузданія; но мы разумѣемъ здѣсь не обманывающихъ, а скорѣе обманывающихся, людей съ искреннимъ расположеніемъ къ благочестію, но вмѣстѣ съ тѣмъ мечтательныхъ, мало образованныхъ и, притомъ, зараженныхъ непримѣтною для нихъ самихъ лѣностію. Противъ этихъ-то недостатковъ и должны быть, по преимуществу, направляемы пастырскія наставленія подобнымъ людямъ. Надобно всячески внушать имъ, чтобъ они строже испытывали свою совѣсть и безпристрастнѣе оцѣнивали побужденія своихъ поступковъ. Ихъ благочестіе, можно сказать, слишкомъ легко; они хотятъ быть прямо Христовыми, не вникая надлежащимъ образомъ въ самыя существенныя требованія благочестія христіанскаго, то есть, въ требованія самоотверженія и крестоношенія. Пусть обсудятъ они здраво, какой образъ жизни приличествуетъ истиннымъ подвижникамъ Христовымъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь примѣры угодниковъ Божіихъ должны служить наилучшимъ вразумленіемъ. Пусть изъ этихъ примѣровъ научатся они, что достойное служеніе Богу совершается въ духѣ глубочайшаго смиренія не только предъ Богомъ, но и предъ людьми, что въ этомъ служеніи нѣтъ мѣста произволу и мечтательности, что вѣрные рабы Божіи всегда и во всѣхъ отношеніяхъ готовѣе служить другимъ, нежели принимать услугу отъ другихъ; если же кто, хотя и не вполнѣ сознательно, выставляетъ на видъ свое благочестіе, дѣлаетъ больше то, что ему нравится, нежели то, чего требуютъ отъ него прямыя

его обязанности, и, ко всему этому, уклоняется, подъ предлогомъ исключительнаго служенія Богу, отъ полезныхъ трудовъ жизни, считая за тѣмъ какъ бы правомъ своимъ жить по преимуществу на счетъ другихъ; то, нѣтъ никакого сомнѣнія, подобный христіанинъ находится не на пути угодниковъ Божіихъ. Къ прискорбію, такіе люди, не смотря на усердіе къ благочестію, не легко вразумляются, потому что въ нихъ, какъ уже замѣчено, есть духъ нѣкотораго сектантства, всегда противящійся законному вліянію церковнаго пастырства: но тѣмъ опаснѣе было бы оставлять ихъ безъ пастырскаго попеченія и вразумленія. Пастырь можетъ предоставить имъ свободу во всемъ, что не противорѣчитъ въ поведеніи ихъ порядку церковному и гражданскому; но не долженъ попускать имъ ни малѣйшаго отчужденія отъ Церкви и всѣми мѣрами кротости и строгости, убѣжденія и власти духовной, обязанъ обуздывать въ нихъ произволъ въ разсужденіи христіанской жизни, къ которому они такъ наклонны и способны.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

179) Спрошу тебя, ты же мнѣ отвѣчай: еслибъ кто взялъ тебя въ среду безчисленнаго множества людей, облеченныхъ въ златотканныя одежды, и показавъ между ними свѣтлѣйшаго мужа, съ многоцѣннымъ вѣнцемъ на главѣ его, въ одѣяніи, усѣянномъ драгоцѣнными камнями, обѣщалъ тебя посадить и совоцарить съ нимъ, то какихъ благодареній не воздала бы ты человѣку тому, и чего не рѣшилась бы дѣлать, чтобъ только получить обѣщанное?

180) Проникнутый любовію къ Богу, и умомъ прилѣпленный къ памяти о Немъ и о смерти, презираетъ все видимое, всю суету міра сего, и самое тѣло свое, какъ чужое.

181) Блаженъ человѣкъ, не любящій ничего тлѣннаго и привременнаго и все попеченіе свое обратившій на то, чтобъ представить Богу душу свою чистою.

182) Убѣгающій всякихъ похотей мірскихъ, и пребывающій въ благословенномъ безмолвіи, избѣгаетъ всѣхъ сѣтей діавола, и становится выше всякой печали.

183) Какъ сильно прозябшаго не согрѣваетъ память объ огнѣ, такъ желающій проходить добродѣтели безъ безмолвія и молчанія, не возможетъ исправить ни одной изъ нихъ, сколько бы ни трудился.

184) Не оскверняй плоти своей нечистыми помыслами: и миръ Божій низойдетъ на тебя, неся съ собою и крѣпкую къ Богу любовь.

185) Изнуждай всегда плоть свою постами и бдѣніями, храни безмолвіе, не лѣностно присѣди псалмопѣнію и чтенію, клади сколько можно болѣе поклоновъ и вскорѣ узришь милость Божію на себѣ.

186) Смиреніе и злостраданіе, алчба и бдѣніе, безмолвіе и молитва, освобождаютъ человѣка отъ всякаго грѣха, и содѣлываютъ его сыномъ Богу,—только не ради о дѣлѣ Божіемъ.

187) Отвергшій матерь всѣхъ грѣховъ, т. е., самолюбіе, легко освобождается и отъ

всѣхъ страстей, съ помощію Божіею. Самолюбіе же есть любовь къ тѣлу, по которой боятся постяться, бдѣть, пить одну воду, и вообще ищутъ всякаго упокоенія тѣлу, чтобъ оно не заболѣло. Таковой душѣ нѣтъ спасенія, какъ свидѣтельствуетъ евангеліе; ибо она никогда не захочетъ смириться, а не смиренный есть братъ треклятаго діавола, съ коимъ вмѣстѣ и пойдетъ въ вѣчный огнь.

188) Когда демоны приступятъ уклонить умъ твой отъ цѣломудрія, и окружатъ тебя злыми помыслами, тогда говори къ Господу со слезами: изгонящіи мя нынѣ обыдоша мя; радость моя, избави мя отъ обышедшихъ мя; и—благодатію Христовою избавишься отъ демоновъ.

189) Не любите міра, ни яже въ мірѣ, говоритъ божественное Писаніе. Все мірское вещественно, тлѣнно, суетно, и любящіе то—называются мірскими и плотскими. Потому Господь говоритъ: не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть. Видишь, какъ любящіе вещественное и суетное удаляются отъ Бога; а удаляющійся отъ Бога будетъ посланъ съ демонами въ огнь кромѣшный, уготованный діаволу и ангеламъ его, если не покается вскорѣ, и не отвергнетъ всего, какъ портъ нечистыя жены.

190) Монахъ долженъ удалять умъ свой отъ всего вещественнаго, терпѣливо пребывая въ келліи въ воздержаніи, безмолвіи, молчаніи и всякомъ злостраданіи, имѣть всегда въ сердцѣ память Божію и память смертную. Таковъ истинный монахъ, котораго прославитъ Богъ и почтутъ люди.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 26-го Августа 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 27.

НЕДѢЛЯ 18 ПО ВОЗДВИЖЕНІИ.

21 Сентября 1858 г.

Гласъ 2-й.

На утрени: евангеліе воскресное 7-е, Іоан. зач. 64. На Литургіи: апост. 2 Кор. зач. 194 и Гал. 203, еванг. Лук. зач. 26 и Мар. зач. 37.

СЛОВО

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПО ПРИНЕСЕНІИ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ИМЕНУЕМОЙ ТУПИЧЕВСКОЮ, ВЪ МАЗОЛОВСКІЙ, ВОЗНЕСЕНСКІЙ, ЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ ИЗЪ Г. МСТИСЛАВЛЯ (*).

Откуду мнѣ сіе: да пріидетъ Мати Господа моего ко мнѣ. Лук. 1, 43.

Такимъ восклицаніемъ св. и праведная Елисавета привѣтствовала преблагословенную Матерь Бога нашего, удостоившись Ея посѣщенія. Прежде сего привѣтствія никому еще на землѣ не было открыто, что предвѣчное Слово Отца небеснаго, Сынъ Божій, по благовѣстію архангела Гавріила, съ наитіемъ на пресвятую Дѣву Марію Духа Святаго низшедши въ дѣвственную Ея утробу, соткалъ изъ пречистыхъ кровей Ея плоть свою. Но съ пришествіемъ благодатной Матери въ домъ св. и праведнаго Захаріи, какъ только привѣтъ божественной Дѣвы коснулся слуха праведной Елисаветы, Духъ Святый исполнилъ праведную, вразумилъ и подвигнулъ ее воскликнуть въ душевномъ восторгѣ: *откуду мнѣ сіе: да пріидетъ Мати Господа моего ко мнѣ*? Откуда, говоритъ, чѣмъ я заслужила столь великое счастіе, такую высокую почесть, что Матерь Господа Бога и Спасителя моего удостоила облагодѣтельствовать меня своимъ посѣщеніемъ?

Не должна ли и здѣшняя обитель такими же и подобными восклицаніями величать, славословить и превозносить преблагословенную Матерь Дѣву, удостоившись принять въ нѣдра свои сію святую икону? Въ здѣшней обители есть, и не одна св. икона божественной Дѣвы Матери, какъ есть безчисленное множество честныхъ иконъ Ея въ нашемъ оте-

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

чествѣ. Но какъ во всякомъ добромъ дѣлѣ пріумноженіе его не составляетъ лишняго избытка: такъ принесеніе въ здѣшнюю обитель сей св. иконы не только не отъемлетъ чести отъ другихъ иконъ Богоматери, не устраняетъ воздаваемаго имъ чествованія, но еще умножаетъ благоговѣніе, теплую вѣру и надежду нашу на предстательство о насъ предъ Богомъ Спасителемъ нашимъ благодатной Матери Его, изображенной на всѣхъ Ея иконахъ!

Что принесеніе сей св. иконы въ здѣшнюю обитель ощутительно возбуждаетъ въ насъ вящшее благовѣстіе къ Божіей Матери, побуждая насъ къ славословію и превозношенію Ея имени, это доказываетъ настоящее стеченіе сюда народа, о семъ свидѣтельствуете вы сами, братіе и сестры. Ибо если съ воззрѣніемъ на всякую икону Божіей Матери, то тѣмъ паче при всеобщемъ прославленіи Ея имени многочисленнымъ народнымъ собраніемъ, по случаю принесенія въ здѣшнюю обитель этой иконы, сердце наше проникается особеннымъ благоговѣніемъ къ благодатной Маріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы оживотворяется въ насъ и возвышается наша спасительная вѣра въ тѣ истины, что посредствомъ благодатной Дѣвы неприступное Слово Отца небеснаго стало доступнымъ для всѣхъ желающихъ душевнаго спасенія; что пресвятая Дѣва, содѣлавшись орудіемъ Божественнаго воплощенія, рожденіемъ для насъ, плѣненныхъ адомъ, Искупителя, сняла съ человѣческаго рода тяготѣвшую на немъ клятву и принесла радость всему міру; что посему самому достойно и праведно отъ востокъ солнца до западъ всѣми христіанскими народами превозносится имя благодатныя, тѣмъ паче, что Она, какъ Матерь Божія, превознесена выше всѣхъ небесъ, превыше всѣхъ ангельскихъ ликовъ; что будучи честнѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ всякаго сравненія серафимовъ, возвеличена до того, что ниже Ея всѣ твари, выше Ея одинъ Богъ! Слыша сіе, иной можетъ сказать, что посему преблагословенная Матерь Божія не имѣетъ никакой нужды въ нашемъ прославленіи Ея имени. Да; но мы сами чувствуемъ и сознаемъ крайнюю нужду прибѣгать къ Ея заступленію и ходатайству о насъ предъ Сыномъ Ея и Богомъ. Ибо обремененные безчисленными грѣхами, погруженные въ грязныя волны растлѣнія мірскаго, увлекаемые всякимъ вѣтромъ искушенія и соблазновъ, мы ежечасно ощущаемъ въ совѣсти нашей, что должны ожидать неумолимаго суда Божія и ярости гнѣва правды вѣчныя; что насъ ожидаетъ страшная участь, подобная той, по которой земля, удобряемая и воздѣлываемая, но произращающая только терніе и волчецъ, подвергается сожженію; что правосудіе Божіе готово попалить насъ молніями, поразить своими громами, сместь съ лица земли! Къ кому же прибѣгнемъ, окаянные; кто насъ заступитъ отъ ярости правды Божіей; кто защититъ отъ гнѣва Грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ; кто въ состояніи умилостивить къ намъ Господа и Бога нашего, коего мы безконечно оскорбили своимъ поведеніемъ? Кто, какъ не пречистая Матерь Искупителя нашего, который отъ Ея пречистыхъ кровей заимствовалъ нашу человѣческую природу, котораго Благодатная питала своими сосцами, носила въ своихъ объятіяхъ, и послѣдуя Ему, прошла Она весь крестный путь Его отъ младенческихъ пеленъ Его до погребальной плащаницы, отъ Виѳлеемскаго вертепа до креста и погребенія Его на Голгоѳѣ. По толикимъ заслугамъ пренепорочной Матери *много можетъ*, какъ исповѣдуетъ св. Церковь, *моленіе* и предстательство благодатныя къ преклоненію на милость къ намъ Господа и Бога нашего! А мы, по истинѣ, не имамы иныя помощи, *не имамы иныя надеж-*

ды на спасеніе, *развѣ Тебе, пречистая Дѣво Матерь Божія!*

Такую надежду возбуждаетъ въ насъ нынѣ сама благодать Божія. Ибо хотя молитва къ Богоматери, приносимая съ теплою вѣрою предъ всякою Ея иконою, никогда не остается тщетною, но всегда бываетъ услышанною, такъ что посему св. иконы Благодатныя можно почесть какъ бы проводниками милости къ намъ Божіей: однако молитва, возносимая къ Богоматери предъ такими Ея иконами, отъ коихъ неоднократно истекали струи сверхъестественныхъ даровъ и благодѣяній Божіихъ, особенно сопровождается тою несомнѣнною вѣрою на милосердіе Божіе, силою коей привлекаются къ намъ дары благодати Отца небеснаго. Посему то издревле во всѣхъ христіанскихъ народахъ, въ городахъ и селеніяхъ, въ иноческихъ и пустынныхъ обителяхъ, вѣрующіе, подвергаясь частнымъ своимъ и общественнымъ бѣдствіямъ, во время кровопролитныхъ браней и народныхъ переворотовъ, въ часы губительныхъ болѣзней, въ страхѣ отъ наводненій и пожаровъ, при оскудѣніи плодовъ земныхъ, во всѣхъ своихъ горестяхъ и скорбяхъ, возлагали надежду свою на ходатайство за нихъ Богоматери предъ Спасителемъ объ ихъ помилованіи и спасеніи отъ злоключеній, и въ полной надеждѣ на заступленіе пренепорочныя изливали свои молитвы и воздыханія предъ св. Ея иконами. Съ такимъ упованіемъ и надеждою издревле въ христіанскихъ обществахъ учреждались крестные ходы со св. иконами Богоматери, и въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ онѣ были торжественно носимы, сопровождаемыя молитвеннымъ славословіемъ Пречистыя и хвалебными пѣніями, благодать Божія столь ощутительно проявлялась, что возносившіе съ вѣрою теплыя молитвы предъ тѣми иконами получали благодать на благодать,—получали облегченіе въ бѣдствіяхъ, утѣшеніе въ горестяхъ, врачеваніе своихъ недуговъ, умиротвореніе своей совѣсти, исцѣленіе грѣховныхъ язвъ своихъ. По такимъ побужденіямъ къ душевной отрадѣ жителей всей здѣшней области, по Всемилостивѣйшему соизволенію Покровителя св. Церкви, почившаго въ Бозѣ Благочестивѣйшаго Государя Императора учрежденъ и ежегодно совершается крестный ходъ съ сею св. иконою изъ ближайшаго города въ эту мирную обитель,—учрежденъ съ тою цѣлію, чтобы мы въ надеждѣ на заступленіе пресвятыя Владычицы нашей, Царицы небесной предъ Сыномъ Ея и Богомъ съ дерзновеніемъ возносили ко Господу молитвы, *прошенія и благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть, да тако провождаемъ жизнь мирную и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 1. 2).

И благо намъ, братіе и сестры, если мы постоянно будемъ питать въ сердцѣ нашемъ надежду на предстательство о насъ предъ Спасителемъ нашимъ пренепорочной Его Матери. Такая надежда ощутительно подкрѣпляется заповѣданнымъ намъ св. Церковію чествованіемъ св. иконъ пресвятыя Дѣвы Богородицы. Ибо одно воззрѣніе съ вѣрою на всякую Ея икону сильно удостовѣрить насъ, что преблагословенная Матерь объемлетъ насъ всею любовію,—объемлетъ любовію весь родъ человѣческій: потому что для искупленія нашего отъ вѣчнаго осужденія Сынъ и Богъ Ея претерпѣлъ крестныя страданія и до капли источилъ кровь свою. Одна эта истина можетъ удостовѣрить насъ, что для сердца благодатной Матери съ одной стороны ничего нѣтъ вожделеннѣе, какъ вѣчное спасеніе исповѣдующихъ имя Іисуса Христа, Спасителя нашего, съ другой стороны ничего нѣтъ прискорбнѣе того, что мы ежечасно оскорбляемъ благость

Божію нашими грѣхами и за сіе подвергаемся бѣдствіямъ, тогда какъ Пречистая, по своей любви къ христіанскому роду, желаетъ намъ и временнаго благоденствія и вѣчнаго блаженства!

Такъ желая, чтобы мы благоденствовали въ сей жизни, Благодатная пріемлетъ искреннее участіе въ горестной судьбѣ каждаго вѣрующаго, и какъ имѣющая непреоборимую въ мірѣ державу, благодѣтельствуетъ всякому, притекающему къ Ея покрову, заступаетъ преслѣдуемыхъ злобою враждебныхъ человѣковъ, отражаетъ отъ насъ напасти, облегчаетъ наши скорби, подаетъ исцѣленіе болѣзней, ниспосылаетъ намъ помощь свою въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, привлекаетъ къ намъ милосердіе Божіе. Желая, чтобы мы могли пріобрѣсть вѣчное блаженство, Матерь Божія своимъ о насъ предстательствомъ вселяетъ въ насъ дерзновеніе къ Спасителю, утверждаетъ въ истинной вѣрѣ нашей, подкрѣпляетъ насъ въ надеждѣ на благость Божію, указываетъ намъ во тьмѣ міра сего, какъ огненный столпъ, истинный путь въ царство небесное, ниспосылаетъ намъ благодать покаянія, побуждаетъ насъ къ исправленію грѣховной нашей жизни, извлекаетъ насъ изъ блата нечистоты душевной, избавляетъ отъ пламени страстей, умоляетъ праведнаго Судію о прощеніи нашихъ согрѣшеній, научаетъ насъ своимъ примѣромъ ангелоподобной жизни, побуждаетъ возносить умъ и сердце наше въ горняя, чтобы возвесть насъ въ царство небесное, пріобрѣтенное Іисусомъ Христомъ для всѣхъ возлюбившихъ низшествіе Его на землю!

Имѣя въ виду толикую любовь Богоматери къ христіанамъ, и одушевляясь надеждою на заступленіе Ея предъ престоломъ Спасителя нашего, вознесемъ, братіе и сестры, изъ глубины души нашей молитвы къ Царицѣ небесной: да не престаетъ призирать на насъ взоромъ своего благоволенія; да водворитъ въ сей обители св., въ городахъ и селахъ нашихъ миръ, тишину, благоденствіе, а паче всего преспѣяніе въ добрыхъ дѣлахъ; да осѣняетъ своимъ благословеніемъ наши поля и воздухъ, наши пути, лѣса, источники и воды рѣчныя; да благословляетъ сѣмена хлѣбныя и злаки земные; да подаетъ имъ ростъ и оплодотвореніе; да призираетъ своимъ благоволеніемъ на удобряющихъ и воздѣлывающихъ поля и нивы наши; да покрываетъ своею милостію сѣющихъ хлѣбныя сѣмена и пожинающихъ плоды ихъ; да заступаетъ насъ отъ всякихъ искушеній, скорбей и бѣдствій; да во всѣхъ приключеніяхъ нашей жизни исполняетъ сердца наши благодушіемъ и сладостію мира пренебеснаго; да возвыситъ рогъ спасенія людей своихъ, паче же да испроситъ намъ благодать исправленія нашей грѣховной жизни; да вымолитъ у Сына своего и Бога прощеніе безчисленныхъ грѣховъ нашихъ; да отверзетъ намъ двери райскія и введетъ насъ въ царство славы Господа и Бога нашего Іисуса Христа, коему со безначальнымъ Его Отцемъ, съ пресвятымъ и единосущнымъ Духомъ Его честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ПАСТЫРСКОМЪ РУКОВОДСТВОВАНІИ ПАСОМЫХЪ.

II.

Есть люди слабодушные или, по выраженію Писанія, *храмлющіе на обѣ плесни*,

которые сознаютъ и чувствуютъ потребность служить Богу съ большею ревностію, постоянствомъ и самоотверженіемъ, нежели какъ они служатъ, но въ тоже время не рѣшаются твердо и неизмѣнно ступить на путь евангельской жизни. Они все хотятъ только начать, какъ должно, дѣло спасенія, но не начинаютъ, или иногда и начинаютъ, но оставляютъ скоро и не возводятъ къ совершенству. Отъ чего это происходитъ?—Отъ смѣшенія житейскихъ пристрастій и попеченій съ желаніями и стремленіями духовными. Такіе люди хотя и признаютъ себя слабыми христіанами, однакожъ не видятъ ясно опасности своего положенія. Имъ надобно показать, какъ пагубна для нихъ можетъ быть ихъ нерѣшительность; потому что, по словамъ самаго Господа, *никтоже можетъ двѣма господинома работати: либо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ: или единаго держится, о другѣмъ же нерадѣти начнетъ: не* возможно въ одно и тоже время *Богу работати и мамонѣ* (Матѳ. 6, 24). Не оставляя совсѣмъ мысли о дѣятельномъ самоисправленіи, но и не приступая къ нему съ должнымъ усердіемъ и постоянствомъ, люди слабодушные, сами не замѣчая того, съ каждымъ днемъ становятся менѣе и менѣе способными къ осуществленію благаго намѣренія своего; потому что въ нихъ постепенно возрастаетъ привычка къ тому образу жизни, въ которомъ весьма многое требуется измѣнить и исправить, согласно съ правилами жизни евангельской. Чѣмъ больше проходитъ у нихъ времени въ такомъ состояніи; тѣмъ самое намѣреніе ихъ по необходимости становится слабѣе и можетъ наконецъ совсѣмъ исчезнуть, какъ вообще исчезаютъ иногда очень добрыя намѣренія наши, какъ скоро мы не можемъ, или не хотимъ немедленно начать приведеніе ихъ въ исполненіе. Такъ легко можетъ образоваться и совершенное равнодушіе къ вѣчному спасенію.

Чтобы предупредить такой пагубный недугъ нравственный, надобно съ настойчивостію побуждать слабодушныхъ къ выходу изъ ихъ нерѣшительнаго положенія. Если у нихъ недостаетъ силы прямо и рѣшительно стать противъ всѣхъ земныхъ пристрастій; то пусть хотя по немногу стараются освободиться отъ нихъ. Такъ напримѣръ, есть у нихъ, конечно, не мало такихъ привычекъ, которыя сами по себѣ не очень важны и потому не требуютъ особенной борьбы съ собою, но, какъ привычки грѣховной природы, порожденія лѣности, разсѣянности, плотоугожденія, служатъ не маловажнымъ препятствіемъ къ начатію и продолженію жизни трезвой, духовно-дѣятельной и христіански строгой: пусть они начнутъ духовное самоисправленіе свое съ уничтоженія этихъ мелкихъ, но не ничтожныхъ, враговъ духовной жизни и постепенно обучаютъ себя къ подвигамъ болѣе труднымъ и высокимъ. Если христіанскія добродѣтели и совершенства, въ полномъ ихъ союзѣ, кажутся имъ недосягаемыми; то они могутъ избрать сначала одну какую нибудь добродѣтель предметомъ особенныхъ своихъ попеченій и заботиться о полномъ укорененіи и возращеніи ея въ сердцѣ своемъ: такъ какъ истинныя добродѣтели всѣ тѣсно связаны между собою; то, насаждая и возращая въ себѣ одну изъ нихъ, человѣкъ въ тоже время очищаетъ душу свою и для другихъ и привлекаетъ къ себѣ благодатную помощь Божію для достиженія высшаго совершенства. Главное и общее правило въ семъ случаѣ: постоянно подвигаться, на сколько бы то ни было, впередъ по пути самоисправленія и прибавлять каждый день что нибудь новое къ суммѣ добрыхъ дѣлъ; въ противномъ случаѣ мы будемъ непремѣнно отступать назадъ, потому что жизнь какъ фи-

зическая, такъ, и тѣмъ болѣе, духовно-нравственная не терпитъ застоя.

Мы упомянули о равнодушіи къ вѣчной жизни или къ вѣчному спасенію, какъ о порожденіи ничѣмъ неограничиваемаго и свободно преобладающаго пристрастія къ вещамъ житейскимъ. Надобно различить здѣсь пристрастіе грубое, явно безпорядочное и беззаконное, отъ пристрастія тонкаго, не всегда примѣтнаго, иногда благовиднаго. Первое порождаетъ собственно забвеніе о вѣчной жизни и служитъ источникомъ грубыхъ пороковъ; второе бываетъ настоящею причиною равнодушія къ вѣчной жизни, и это порожденіе во столько опаснѣе перваго, во сколько тайный врагъ опаснѣе явнаго.

Равнодушіе къ вѣчному спасенію — явленіе не необыкновенное между христіанами, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнія времена; между тѣмъ оно легко можетъ проходить мимо вниманія духовныхъ пастырей, потому что ничѣмъ рѣзко не высказывается. Зараженные этою болѣзнію часто не кажутся больными; по видимому, это люди добропорядочные, которые не требуютъ вразумленія и исправленія. Они чуждаются грубыхъ пороковъ и не показываютъ явнаго пренебреженія къ заповѣдямъ и правиламъ христіанскаго благочестія. Но на самомъ дѣлѣ состояніе ихъ самое опасное; это — духовнонравственное оцѣпенѣніе, при которомъ человѣкъ неспособенъ ни къ какой истинной добродѣтели, потому что движется къ дѣятельности не духовными, а плотскими побужденіями. Отъ того всѣ дѣла подобныхъ людей, не исключая и дѣлъ благочестія, бездушны и мертвы. Если они чуждаются грубыхъ пороковъ, то потому именно, что это грубые, очевидные пороки, противные самому мірскому ихъ вкусу и житейскому благополучію; если они исполняютъ, хотя бы даже и съ особенною точностію, общественныя обязанности свои, то опять потому, что видятъ въ этомъ ближайшую пользу для себя, или боятся очевиднаго вреда отъ упущеній; если соблюдаютъ правила христіанскаго благочестія, то на столько, на сколько это потребно для успокоенія или, лучше, для усыпленія ихъ совѣсти и вмѣстѣ для имени порядочныхъ людей. Вообще, они удаляются отъ всего, что рѣзко противорѣчитъ требованіямъ доброй жизни; но за то глухи къ высшимъ потребностямъ и стремленіямъ души и не имѣютъ яснаго понятія о существѣ христіанской добродѣтели и о послѣднемъ назначеніи человѣка. Они хотятъ и надѣются быть счастливыми на землѣ и по-земному, не отвергая вѣчности, но и не думая о ней.

При обращеніи съ такими пасомыми, пастырь долженъ чаще напоминать и выяснять имъ ту истину, что земное счастіе возможно для насъ только какъ начало и залогъ вѣчнаго блаженства. Человѣкъ созданъ для безсмертія, и потому первѣе всего долженъ удовлетворять безсмертнымъ потребностямъ души своей, которыя состоятъ въ желаніи вѣчной истины, вѣчнаго добра и вѣчной радости. По мѣрѣ удовлетворенія этихъ потребностей, онъ становится все-лучше, выше, независимѣе отъ случайностей земной жизни и ближе къ единому верховному Источнику жизни и блаженства. Въ этомъ и состоитъ истинное счастіе его на землѣ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть начало счастія и блаженства его въ вѣчности. Другаго счастія нѣтъ и не можетъ быть для человѣка. Если онъ ищетъ его въ удовлетвореніи нисшихъ склонностей и влеченій природы своей; то онъ сходитъ на ступень существъ неразумныхъ животныхъ и, оставляя безъ развитія и удовлетворенія высшія, собственно человѣческія стремленія свои, тѣмъ самымъ губитъ свою жизнь и свое счастіе; потому что быть счастливымъ по-жи-

вотному онъ не можетъ, а по-человѣчески не хочетъ. Господь Спаситель нашъ сказалъ намъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21): это, по изъясненію св. Апостола, есть *правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Римл. 14, 17); а какая правда, какой миръ, какая радость духовная могутъ быть въ душѣ человѣка, чуждаго Духа и живущаго по плоти и для плоти!

Внимательный и ревностный пастырь найдетъ многіе случаи и обстоятельства въ жизни руководимыхъ, когда наставленія въ этомъ смыслѣ и духѣ могутъ имѣть ближайшее приложеніе къ ихъ состоянію душевному и живѣйшее дѣйствіе на ихъ сердце. Таковы особенно случаи скорбные, которые посылаетъ или попускаетъ самъ Промыслъ небесный съ премудрою и благою цѣлію потрясти одебелѣвшія сердца людей, пробудить въ нихъ живую мысль о лучшей жизни и обратить къ себѣ занятыя міромъ и землею души ихъ. »Не случается ли, что земное, насъ окружающее, потрясается, отслоняется отъ насъ и оставляетъ пространство между нами и прочими тварями? Болѣзнь, печаль, потрясеніе благосостоянія, разлука съ людьми и искренними и вѣрными, ненадежность оставшихся, гоненіе, угнетеніе, презрѣніе, превратности внезапныя, бѣдствія поражающія, опасности грозныя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизъяснимое внѣшними причинами внутреннее дѣйствіе, не приводятъ ли насъ иногда въ такое расположеніе духа, что предметы, дотолѣ занимательные и пріятные, уже не привлекаютъ насъ, но становятся неусладительны, безвкусны, чужды; мы чувствуемъ пустоту, ничтожность всего, что испытали, потребность и нѣкое ожиданіе, которыхъ ничто не удовлетворяетъ?... Что это такое?—Невидимое, однакожъ не совсѣмъ неприметное, *шествіе Бога* нашего, *гласъ Господа ходяща*. Онъ идетъ къ душѣ нашей и уготовляетъ себѣ путь, отстраняя отъ нея твари, около ея тѣснящіяся и путь Ему преграждающія« (Изъ слов. преосв. Филар. М. М. Отд. V, сл. 5). Подобные случаи, безъ сомнѣнія, служатъ самымъ благопріятнымъ временемъ для того, чтобы произвести нравственный переломъ въ жизни и дѣятельности людей, безпечныхъ о собственномъ спасеніи. Пастырь долженъ быть для нихъ вѣрнымъ истолкователемъ судебъ Божіихъ, открывающихся въ ихъ собственной жизни, и живымъ орудіемъ благодати Господней въ обращеніи ихъ отъ суеты мірской къ служенію Богу духомъ и истиною.

Конечно, благія мысли и желанія, возникающія въ душѣ подъ вліяніемъ на нее особенныхъ обстоятельствъ, могутъ ослабѣвать съ перемѣною самыхъ обстоятельствъ; но надобно поддерживать и возгрѣвать ихъ постоянно. Съ этою цѣлію пастырь долженъ, между прочимъ, обязывать обращаемыхъ къ непремѣнному исполненію главнѣйшихъ и существенныхъ дѣлъ христіанскаго благочестія, которыя, будучи сами по себѣ пріятною жертвою Богу, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ укрѣпленію духовныхъ силъ человѣка на пути спасенія, каковы на примѣръ: молитва домашняя и церковная, дѣла христіанскаго милосердія и сострадания и подобн. Пусть эти освященныя упражненія будутъ обязательны для нихъ какъ обѣты, отъ исполненія которыхъ они не могли бы уклоняться, хотя бы начинала одолѣвать ихъ прежняя разсѣянность и привязанность къ житейской суетѣ; пусть они, хотя съ самопринужденіемъ, по сознанію долга и съ чувствомъ страха, работаютъ Господеви, когда не обрѣтаютъ въ себѣ живаго расположенія и любви къ подвигамъ жизни христіанской. »Вѣренъ Богъ, сіяющій видимымъ солнцемъ своимъ на злыя и благія, по обѣтованію благо-

годати своея, возсіять и въ сердцахъ ихъ, согрѣть и воспламенить ихъ Духомъ своимъ Святымъ, да будутъ *духомъ горяще, Господеви работающе*, не только, яко вѣрные рабы, тщательно, по усердію, но и яко присныя чада, радостно, по любви, да имѣютъ утѣшеніе внутреннее, да достигнутъ воздаянія вѣчнаго«. (Слов. преосв. Филар. М. М. Отд. X. Бесѣд. 12).

III.

Дѣйствуя противъ прямыхъ и грубыхъ пороковъ, пастырь долженъ соображаться главнымъ образомъ съ состояніемъ совѣсти порочныхъ.

Есть порочные, которые въ душѣ своей сами стыдятся своихъ пороковъ, но, соуслаждаясь грѣху, не оказываютъ ему должнаго сопротивленія. Если бы не требовалось сильной борьбы съ порочными влеченіями, то они не рѣшились бы на грѣхъ и не усумнились бы отказать себѣ въ грѣховномъ удовольствіи. По этому, и уступая грѣховнымъ влеченіямъ, они желали бы скрыть свои пороки не только отъ другихъ, но, еслибъ то возможно было, и отъ собственной совѣсти своей. Это, конечно, не извиняетъ ихъ въ порочномъ ихъ поведеніи, но можетъ облегчать обращеніе ихъ къ доброй и трезвенной жизни; ибо пока человѣкъ стыдится грѣха, дотолѣ онъ не полный рабъ грѣха. Поэтому то надобно беречь въ нихъ это чувство нравственной стыдливости. Какъ страхъ можетъ переходить иногда въ отчаянную дерзость; такъ и чувство стыда можетъ смѣняться наглостію, какъ скоро неосторожно обращаются съ нимъ. Стараясь объ исправленіи такихъ порочныхъ, пастырь долженъ поступать съ ними такъ, чтобъ они не подумали, будто нравственный позоръ ихъ вполнѣ уже извѣстенъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ внушать крѣпкую и немедленную рѣшимость отстать отъ порока, угрожающаго погубить и честь, и благосостояніе, и счастіе ихъ. Такъ какъ у нихъ совѣсть довольно чувствительна, то они могутъ скоро и искренно показать рѣшимость самоисправленія; но чтобы, по слабости воли, они также легко и не измѣнили своей рѣшимости, какъ легко приняли оную, для этого надъ ними нужна потомъ какъ бы нѣкоторая опека нравственная, пока они не укрѣпятся въ доброй жизни. По возможности, надобно обращаться въ этомъ случаѣ къ содѣйствію другихъ лицъ, особенно близкихъ къ лицу исправляемому, которыя могутъ незамѣтно устранять самые случаи къ прежнему грѣху его, или благоразумнымъ вмѣшательствомъ своимъ уничтожать пагубное вліяніе и дѣйствіе этихъ случаевъ. Съ своей стороны пастырь долженъ быть какъ бы живою совѣстію исправляемаго, чаще стараясь самымъ обращеніемъ своимъ, безъ словъ и новыхъ наставленій, напоминать ему добрую его рѣшимость и обуздывать порывы возрождающейся страсти.

Есть другаго рода порочные, которые не стыдятся внутренно своихъ пороковъ, а если стараются скрывать ихъ, то не по чувству нравственной стыдливости, но по боязни или законнаго наказанія, или общественнаго осужденія и презрѣнія за нихъ. Съ такими людьми труднѣе имѣть дѣло пастырю. Прямые и рѣзкія обличенія и въ этомъ случаѣ едва ли когда умѣстны и могутъ вмѣсто пользы приносить даже вредъ, заграждая пастырю самый доступъ къ лицамъ, требующимъ вразумленія; лучше дѣйствовать убѣжденіями, въ духѣ дружескихъ совѣтовъ. Впрочемъ въ случаѣ презорливаго невниманія или даже негодованія со стороны вразумляемаго, необходимо иногда, только не вдругъ и съ осторожностію, прибѣгать и къ строгимъ мѣрамъ, которыя мо-

жетъ употреблять пастырь, не выходя изъ предѣловъ духовной своей сласти. Вообще же не надобно спѣшить *умывать руки* въ подобныхъ обстоятельствахъ. Если когда, то въ этихъ случаяхъ пастырь долженъ быть настойчивъ, только безъ привязчивости. Не наскучая частыми увѣщаніями, онъ не долженъ однакоже и отступать предъ упорствомъ; истинная твердость, въ соединеніи съ терпѣніемъ и благодушіемъ, рано или поздо можетъ восторжествовать надъ упорствомъ. И это торжество тѣмъ вожделѣннѣе, что люди упорные въ дурныхъ и преступныхъ привычкахъ, способны бываютъ, по обращеніи отъ пороковъ, твердо держаться новыхъ правилъ жизни.

Бываетъ, наконецъ, что привычка къ самымъ грубымъ и тяжкимъ порокамъ доводитъ человѣка до потери всякаго самообладанія и притупляетъ въ немъ чувство всякой стыдливости. Такъ преданные пьянству не боятся уже срама своего предъ другими и подоб. Трудно дѣйствовать на такихъ порочныхъ словомъ вразумленія и убѣжденія, однакожъ, когда зло такъ явно и нагло водворяется въ паствѣ, пастырь не долженъ равнодушно покоряться мнимой необходимости терпѣть его у себя. Дѣйствуя противъ него духовными средствами, онъ имѣетъ право и обязанность требовать содѣйствія себѣ со стороны самыхъ пасомыхъ, пріискивать вмѣстѣ съ ними мѣры къ обузданію и искорененію явныхъ пороковъ и, при ихъ помощи, приводить мѣры сіи въ исполненіе. Иногда достаточно можетъ быть улучшить внѣшній бытъ порочнаго, поставить его, такъ сказать, на ноги, чтобъ онъ взялся за трудъ и получилъ расположеніе къ порядочной жизни. Иногда строгостію общественнаго приговора можно, по крайней мѣрѣ, обуздать дерзость и безстыдство порока и охранить другихъ отъ его искушеній и соблазна. Иногда можно удалить порочныхъ изъ паствы, если нѣтъ болѣе средствъ къ ихъ вразумленію и обузданію, и под. Сила въ томъ, чтобы самое общество не было равнодушно ко злу, которое водворяется въ немъ какъ язва и можетъ распространяться съ пагубною силою. Общественный духъ силенъ, общественныя средства разнообразны; общественное участіе животворно, общественное негодованіе или презрѣніе страшно: и если пастырь направляетъ пасомыхъ къ единодушной борьбѣ со зломъ; то борьба эта никогда не можетъ быть безуспѣшна.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

191) Если хочешь обрѣсти путь, ведущій въ животъ, сиди въ безмолвіи, всячески уклоняясь отъ сообращенія съ людьми,—и—Самъ путь, сказавшій: Азъ есмь путь, истина и животъ, т. е., Христосъ придетъ къ тебѣ. Впрочемъ притрудно взыщи Его въ желаніи и страхѣ; ибо мало обрѣтающихъ Его,—чтобъ отставъ отъ немногихъ, не пойти тебѣ со многими въ вѣчную муку.

192) Безмолвіе и воздержаніе, молчаніе и молитва содѣлываютъ умъ и душу безстрастными.

197) Чистый умъ бываетъ научаемъ иногда самимъ Богомъ, а иногда св. ангеломъ хранителемъ тому, какъ содѣлывать внутренняго человѣка сыномъ Божіимъ.

194) Богъ, обѣщавшій даровать тебѣ вѣчныя блага, и давшій въ сердце залогъ Святаго Духа, сказалъ также,—чтобъ внутренній твой человѣкъ былъ очищенъ отъ страстей и злыхъ помысловъ, если желаешь войти въ царство небесное.

195) Внимай разумно тому, что хочу сказать тебѣ: если проведши всю жизнь въ монастырѣ, ты не стяжешь добродѣтелей и чрезъ нихъ сердечнаго удостовѣренія, что ты прешла отъ смерти въ животъ и вступила въ сонмъ спасаемыхъ, то не надѣйся наслѣдовать царствіе небесное. А недостойный наслѣдовать царство небесное пойдетъ въ вѣчную муку съ отцемъ своимъ, — сатаною, и братіями — демонами.

196) Если хочешь стяжать смиреніе, стяжи плачъ, и имѣй его неразлучнымъ сотоварищемъ, во всю свою жизнь; смѣхъ и пустыя бесѣды губятъ и отгоняютъ смиреніе и плачъ.

197) Не будь подобна погребающимъ мертвыхъ, кои то плачутъ о нихъ, то упиваются ради ихъ; но уподобься заключеннымъ въ темницу осужденникамъ, кои того и ждутъ, что ихъ поведутъ на казнь.

198) Монахъ иногда плачущій, а иногда смѣющійся есть безумецъ, бросающій хлѣбъ въ пса блуда: онъ показываетъ видъ, будто отгоняетъ его, а самымъ дѣломъ привлекаетъ къ себѣ на пагубу души своей.

199) Да будетъ для тебя возлеганіе на постель образомъ заключенія твоего во гробъ,— и ты будешь спать не много со смиреніемъ. Равнымъ образомъ и трапеза твоя пусть служитъ тебѣ напоминаніемъ о горькой мукѣ червми неусыпающими,—и ты со страхомъ будешь вкушать хлѣбъ свой и пить воду свою.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 2-го Сентября 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 28.

НЕДѢЛЯ 20 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

28 Сентября 1858 г.

Гласъ 3-й.

На утрени: евангеліе воскресное 9-е, Іоан. зач. 65. На Литургіи: апост. Гал. зач. 200, евангеліе Лук. зач. 30.

ПЛОДЫ ХРИСТІАНСКОЙ ЛЮБВИ (*).

Возлюбленные христіане! Если бы мы имѣли истинную любовь, то она отняла бы у насъ всякое неблагополучіе; города, села, деревни и домы наши были бы мѣстомъ рая, исполненнымъ радости и удовольствія: ибо любовь безъ того не бываетъ.

Если бы въ людяхъ была любовь, — не боялись бы разбоя, убійства, насилія, грабежа: ибо любовь искреннему зла не творитъ.

Если бы была любовь, — не было бы похищенія, воровства и прочаго зла: любовь искреннему зла не творитъ.

Если бы была любовь, — люди не касались бы ложа искренняго своего: любовь искреннему зла не творитъ.

Если бы была любовь, — люди не терпѣли бы клеветы, укоризны, поношенія, ругательства, безчестія и прочаго зла: любовь искреннему зла не творитъ.

Если бы была любовь, — люди не обманывали бы насъ, не прельщали, и не лгали бы намъ: любовь искреннему зла не творитъ.

Если бы была любовь, — не нужны были бы намъ судебныя мѣста: ибо не было бы чего судить и за что осуждать, потому что не было бы злодѣевъ и законопреступниковъ. Суды установлены ради законопреступленія: истинный любитель свободенъ отъ суда, какъ и отъ грѣха.

Если бы была любовь, — не нужны были бы намъ сторожа, замки и клѣти для храненія имущества нашего: ибо не опасались бы воровъ и хищниковъ.

(*) Изъ наставленія о должности христіанина преосвященнаго Тихона, епископа воронежскаго. л. 65, 66. изд. Кіевопеч. Лавр. 1853. года.

Если бы была любовь,—люди не сидѣли бы въ темницахъ за долги, оброки и недоимки; любовь не допустила бы ихъ до того: ибо *любы милосердствуетъ* (1 Кор. 13, 4).

Если бы была любовь,—люди не ходили бы въ рубищахъ и полунагими; любовь одѣла бы ихъ: ибо *любы милосердствуетъ*.

Если бы была любовь, — люди не скитались бы безъ домовъ; любовь не допустила бы ихъ до того, но дала бы имъ мѣсто покоя: ибо *любы милосердствуетъ*.

Если бы была любовь, — не было бы нищихъ и убогихъ: любовь богатыхъ восполнила бы ихъ недостатки.

Если бы была любовь, — начальники не жаловались бы на подчиненныхъ, а подчиненные не жаловались бы на начальниковъ; потому что начальники занимались бы управленіемъ общества, а подчиненные слушались бы ихъ. По этой же причинѣ, не жаловались бы пастыри на людей, люди на пастырей; господа на слугъ и крестьянъ, а слуги и крестьяне на господъ; родители на дѣтей, а дѣти на родителей, и проч.

Если бы была любовь въ насъ, то она служила бы намъ вмѣсто крѣпкой стѣны противъ нашихъ непріятелей и всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ нашихъ: ибо гдѣ любовь, тамъ самъ Богъ—помощникъ и заступникъ любви.

О любовь, возлюбленная и сладкая любовь! Безъ любви все худо и не благополучно: съ любовію все добро и благополучно!

О НРАВАХЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩИХЪ ХРИСТІАНЪ.

письмо 5.

Юная Церковь Христова привлекала къ себѣ уваженіе всѣхъ преимущественно любовію, которая составляла ея отличіе и славу и давала ей видимый перевѣсъ надъ ветхимъ языческимъ обществомъ. Всѣ вѣрующіе, къ какому бы состоянію ни принадлежали, составляли вездѣ одно общество, связанное узами самой заботливой и попечительной любви, возбуждавшей досаду и зависть въ язычникахъ. »Говоря о насъ, пишетъ Тертулліанъ, вы восклицаете: посмотрите, какъ они другъ друга любятъ! Это изумляетъ васъ, потому что вы далеко непохожи на насъ. Взгляните, продолжаете вы, какъ они готовы умереть другъ за друга! (вы же видно готовы перерѣзать одинъ другаго). Что касается до даваемаго нами другъ другу имени братій; то ваши критики, тоже, чернятъ насъ за сіе едвали не потому, что у нихъ, кажется, всѣ имена родства сдѣлались изъявленіемъ одной только лживой привязанности... Но мы равномѣрно братья и вамъ по праву природы, общей матери всѣхъ; только вы—дурные братья и чужды человѣколюбія. Между нами же, которые признаемъ Отцемъ своимъ единаго Бога, которые напитаны однимъ духомъ святости и которые, изшедши изъ мрака невѣденія, узрѣли чудный свѣтъ истины, сколько взаимныхъ правъ называть одинъ другаго братьями!... Поэтому мы всѣ живемъ по-братски и имущества у насъ общи, между тѣмъ какъ у васъ они производятъ ежедневныя раздѣленія между братьями« (*)... »На всѣ эти выразительныя названія любви, которыя въ употребленіи у насъ, говоритъ другой апологетъ, смотрите не болѣе, какъ на выраженія тѣхъ взаимныхъ чувствъ,

---

(*) Apol. c. 39.

которыя одушевляютъ насъ. Такъ, младшихъ себя мы называемъ чадами, равныхъ—братьями, а старшихъ—отцами. По тѣмъ же побужденіямъ женщинъ именуемъ то дочерями, то сестрами, то матерями, смотря по возрасту ихъ« (*).

Этою нѣжною и заботливою любовью христіане обнимали всѣхъ безъ различія, преимущественно же присныхъ по вѣрѣ. »Каждый изъ насъ, говоритъ Тертулліанъ, ежемѣсячно, или во всякое другое время, когда пожелаетъ, вноситъ извѣстную умѣренную сумму, сколько хочетъ и можетъ; сборъ сей зависитъ совершенно отъ произвола. Это—касса благочестія, которая издерживается не на пиршества, не на распутства, но употребляется на пропитаніе и погребеніе нищихъ, на поддержаніе неимущихъ и сиротъ, на содержаніе рабовъ изнуренныхъ старостію, на облегченіе участи несчастныхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Если случаются христіане, сосланные за исповѣданіе Христа въ рудокопни, заключенные въ темницы, или удаленные на острова, то и они получаютъ отъ насъ вспоможеніе« (**).

Первымъ и особеннѣйшимъ предметомъ любви и самой попечительной заботливости у древнихъ христіанъ были исповѣдники, то есть: лица, потерпѣвшія истязанія, подвергшіяся пыткамъ, заключенію или ссылкѣ Христа ради. Къ темницамъ ихъ христіане стекались со всякимъ пособіемъ съ такимъ усердіемъ и въ такомъ множествѣ, что епископы вынуждаемы были иногда возбранять эти посѣщенія, дабы не раздражать еще болѣе злобы язычниковъ и не умножать числа жертвъ (***). Цѣною золота христіане покупали у тюремщиковъ позволеніе войти къ исповѣдникамъ, омыть раны ихъ, облобызать язвы, поручить себя ихъ ходатайству предъ Богомъ, доставить имъ возможную помощь и утѣшеніе. Впрочемъ и вездѣ, гдѣ нужно было пособить нищетѣ собратій своихъ, утѣшить въ несчастіи, помочь въ бѣдѣ, христіане спѣшили съ благотвореніемъ и помощію. Ихъ видѣли и въ хижинахъ бѣдныхъ, и въ мрачныхъ темницахъ, и у одра болящихъ и въ вражескихъ станахъ для выкупа плѣнныхъ, или облегченія участи ихъ. Если средства какой либо частной церкви были скудны, или истощались отъ множества благотвореній,—она обращалась за помощію къ сестрамъ своимъ- другимъ церквамъ, и—сіи послѣднія немедленно высылали требуемое пособіе братіямъ своимъ, часто отдаленнымъ отъ нихъ цѣлыми материками и морями и лично вовсе неизвѣстнымъ. Такъ, еще во времена апостольскія, греческія и малоазійскія церкви посылали чрезъ апостоловъ Павла и Варнаву пособіе братіямъ іерусалимской церкви, страдавшимъ отъ голода и гоненія, свирѣпствовавшихъ въ Палестинѣ. Часто многолюднѣйшія и богатѣйшія церкви, не дожидаясь даже вызова, дѣлились избытками своими съ церквами недостаточнѣйшими, или же благотворенія свои обращали въ постоянное пособіе, какъ напримѣръ, церковь карѳагенская и отчасти римская (*).

Было бы затруднительно исчислять, порознь всѣ проявленія той взаимной любви и попечительности, которыя первенствующіе христіане оказывали одинъ другому; скажу болѣе: они не отказывали въ нихъ даже своимъ гонителямъ—язычникамъ. Во время губительной язвы, свирѣпствовавшей въ Египтѣ, когда почти все народонаселеніе въ ужасѣ бѣжало изъ городовъ и селеній, оставляя безъ всякаго призора больныхъ и зараженныхъ,—христіане явились благотворителями и утѣшите-

(*) Athenag. leg. p. 310. (**) Apol. c. 39.
(***) Cyprian. Epist. 10 и 12.

(*) Егожъ Epist. ad Eucrat.

лями несчастныхъ. Они подбирали больныхъ, брошенныхъ на улицахъ своими родными, вносили ихъ въ свои дома и благотворительныя заведенія, заботливо ухаживали за ними, и вообще, не смотря на разновѣріе, оказывали имъ тѣже услуги, какъ и братіямъ своимъ по вѣрѣ.—Равнымъ образомъ первенствующіе христіане призирали во множествѣ дѣтей, остававшихся по какимъ либо обстоятельствамъ безъ призора родительскаго, особенно же дѣтей, остававшихся сиротами послѣ мучениковъ и исповѣдниковъ. Вообще, безпріютность, сиротство, вдовство, престарѣлость и всякое другое несчастіе находили себѣ среди христіанъ не только временную помощь, но по большей части пріютъ и содержаніе. Христіане такъ заботились и такъ дорожили благотворительными заведеніями своими, что называли ихъ драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ своимъ. Въ семъ смыслѣ, св. архидіаконъ Лаврентій, указывая префекту Декія на толпы бѣдныхъ и больныхъ, призираемыхъ римскою церковію, сказалъ: »вотъ наши сокровища, которыхъ ты допытывался у меня и которыя я обѣщалъ указать тебѣ, вотъ наши перлы драгоцѣнные«!

Но то, что особенно изумляло язычниковъ и чего они не могли объяснить себѣ иначе, какъ только прибѣгая къ нелѣпому предположенію, было гостепріимство, которое всякій странникъ изъ христіанъ находилъ себѣ среди собратій своихъ, дотолѣ вовсе незнаемыхъ ему. Если только онъ снабженъ былъ отъ своего епископа свидѣтельствомъ, удостовѣрявшимъ въ его православіи и полномъ общеніи церковномъ: то каждый мѣстный христіанинъ считалъ за особую честь принять и успокоить странника въ своемъ домѣ. Первымъ долгомъ гостепріимства считалось умыть ноги его, — чего требовалъ способъ обуви у древнихъ на востокѣ. За тѣмъ ему предоставлялись всѣ почести главы семейства: онъ занималъ первое мѣсто за столомъ, читалъ молитву и предлагалъ поученіе для семейства и собравшихся, потому что трапеза, за которою возсѣдалъ странникъ, считалась какъ бы нѣкоею священною вечерью, на которую сходились христіане и изъ другихъ семействъ.— Еще съ большимъ усердіемъ принимали странника, если онъ былъ изъ клира, особенно епископъ. Тогда собирались всѣ христіане мѣстной церкви и просили путника совершить у нихъ священнодѣйствіе и предложить поученіе. Этотъ прекрасный обычай, кромѣ единенія любви, свидѣтельствовалъ еще повсюду о единствѣ Церкви Христовой, несмотря на разноплеменность членовъ ея и разсѣяніе ихъ во всѣхъ странахъ.

Не умѣя объяснить нравственными побужденіями этого страннопріимства и радушія, оказываемаго христіанами вездѣ собратіямъ своимъ, къ какому бы племени они ни принадлежали и изъ какой бы страны ни приходили, язычники прибѣгли къ предположенію, что христіанство есть, вѣроятно, тайная секта, которой члены вездѣ узнаютъ одинъ другаго по особымъ тайнымъ знакамъ, общимъ всѣмъ христіанамъ,—предположеніе, гласно опровергнутое однимъ изъ христіанскихъ апологетовъ: »вы думаете, что мы узнаемъ одинъ другаго по какимъ-то тайнымъ знакамъ? Нѣтъ! Скромность и чистота служатъ намъ указателями въ этомъ случаѣ. Мы любимъ другъ друга, какъ ни досадно это вамъ, потому что не умѣемъ ненавидѣть, и братьями называемъ одинъ другаго по той причинѣ, что мы дѣти одного Отца небеснаго, Творца всѣхъ человѣковъ; у насъ у всѣхъ однѣ и тѣже вѣрованія и однѣ и тѣже надежды въ будущемъ« (*).

Еще болѣе изумляла язычниковъ та широта любви ихъ къ ближнему, по которой

(*) Minut. Fel. Octav. p. 312.

они тоже странноприимство и тоже радушіе оказывали и странникамъ изъ язычниковъ. Для нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ такое радушіе послужило поводомъ къ обращенію въ христіанство. При частомъ движеніи войскъ въ имперіи, воины нигдѣ не находили болѣе радушнаго пріема, какъ въ домахъ и среди семействъ христіанскихъ. Преподобный Пахомій разсказываетъ о себѣ, что, находясь въ военной службѣ въ молодости, онъ въ одно время присталъ на суднѣ къ одному изъ отдаленныхъ городовъ въ имперіи, котораго жители наперерывъ старались оказать гостепріимство ему и товарищамъ его по оружію. Удивленный этимъ, онъ пожелалъ узнать, что за люди, показывавшіе столько радушія къ людямъ имъ незнакомымъ, и — ему отвѣчали, что это послѣдователи новой религіи, именуемой христіанскою. Пахомій тогда же поставилъ себѣ долгомъ сблизиться съ ними и узнать ихъ ученіе. Въ послѣдствіи онъ сдѣлался свѣтиломъ Церкви Христовой.

Состояніе рабовъ въ имперіи было, какъ извѣстно, самое плачевное. Они лишены были всякихъ правъ гражданскихъ, религіозныхъ и даже семейныхъ и зависѣли совершенно отъ произвола господъ своихъ, которые по большей части, истощивъ силы ихъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ и прихотей, въ случаѣ увѣчья и старости, жестокосердо изгоняли ихъ изъ домовъ своихъ и лишали ихъ не только содержанія, но и пріюта. Сихъ то несчастныхъ христіане призирали во множествѣ. Для нихъ, по свидѣтельству Тертулліана, выдѣлялась постоянно извѣстная доля изъ сборовъ церковныхъ. — Сіи послѣдніе отъ множества благотвореній нерѣдко истощались до того, что предстоятели церквей должны были и не колебались продавать или закладывать золотые или серебряные сосуды и другія драгоцѣнности церковныя для облегченія участи несчастныхъ. Особенно это начало случаться чаще съ тѣхъ поръ, какъ римская имперія, ниспровергласъ на востокѣ нападенію Персовъ, а на западѣ — вторженію варваровъ, уводившихъ съ собою множество плѣнныхъ. Впрочемъ любовь къ ближнимъ и благотворительность первенствующихъ христіанъ почти не имѣли предѣла. Многіе, раздавъ все свое имущество бѣднымъ и не имѣя болѣе чѣмъ пособлять имъ, продавали сами себя, только бы сдѣлать еще какое либо добро ближнему. Примѣры этой самоотверженной любви къ ближнимъ, по свидѣтельству св. Климента, были довольно не рѣдки въ первенствующей церкви (*). Приведу одинъ изъ нихъ:

Въ III вѣкѣ жилъ на востокѣ нѣкто Серапіонъ, по прозванію Синдонитъ. Раздавъ все свое имущество нищимъ, онъ встрѣтился съ однимъ языческимъ актеромъ, котораго грѣховное состояніе тронуло преподобнаго до того, что онъ рѣшился продать себя ему съ тою цѣлію, чтобы обратить его ко Христу и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать новое пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ. Серапіонъ вѣрно и точно исполнялъ всѣ приказанія своего господина, работалъ усердно и всегда находилъ еще время для молитвы и собесѣдованія съ нимъ. Богъ благословилъ его усилія, и — господинъ его, отказавшись отъ театра, сдѣлался христіаниномъ. Въ тоже время, онъ освободилъ Серапіона отъ всѣхъ обязательствъ къ себѣ. Но преподобный недолго пользовался своей свободой. Встрѣтивъ одну несчастную вдову, онъ снова продалъ себя другому лицу, а деньги отдалъ вдовѣ. Но новый господинъ его вскорѣ оцѣнилъ высокое нравственное достоинство своего раба и, возвративъ ему свободу, далъ, кромѣ того, въ награду двѣ одежды и книгу евангелія. Едва

(*) Epist. ad Corinth. n. 4.

Серапіонъ оставилъ его, какъ встрѣтилъ одѣтаго въ рубище бѣдняка, которому тотчасъ же отдалъ одну изъ одеждъ, а другую вскорѣ за тѣмъ, отдалъ страдавшему отъ нужи подобному же бѣдняку, такъ что на немъ самомъ осталось одно только бѣлье. Нѣкто изъ знакомыхъ, встрѣтившись съ Серапіономъ, спросилъ его, куда онъ дѣвалъ свои одежды? »Вотъ это меня обобрало«, отвѣчалъ преподобный, указывая на евангеліе. Однако и это послѣднее не долго оставалось у Серапіона. Онъ продалъ его, дабы сдѣлать пособіе одному, впавшему въ крайнюю нищету. Когда знакомые стали укорять его за эту безграничную щедрость, то онъ отвѣчалъ имъ: »повѣрите ли, что у меня постоянно раздаются въ ушахъ слова Христовы: *продадите имѣнія ваши и дадите нищимъ;* по этому я рѣшился продать книгу и цѣну ея отдалъ одному изъ меньшихъ братій Христовыхъ, потому что онъ терпѣлъ нужду«. Серапіонъ еще нѣсколько разъ продавалъ себя, отдавая всякій разъ вырученную сумму въ пользу бѣдныхъ — черта благотворительности рѣдкая и которую можно находить только между послѣдователями Того, *иже богатъ сый насъ ради обнища, да мы нищетою Его обогатимся!*

Облегчая вещественныя нужды ближнихъ, первенствующіе христіане съ неменьшею любовію заботились о духовномъ благѣ ихъ. Нѣтъ нужды перечислять тѣ способы, которые каждый изъ христіанъ въ частности употреблялъ для сего; замѣчу вообще, что, какъ въ домашнихъ, такъ и въ общественныхъ собраніяхъ своихъ, христіане молились не только о братіяхъ своихъ по вѣрѣ, но и о просвѣщеніи и обращеніи язычниковъ, о вразумленіи еретиковъ, о спасеніи всего міра и даже самыхъ враговъ и гонителей своихъ. Въ случаяхъ важнѣйшихъ (наприм. во время общественныхъ бѣдствій, при отправленіи проповѣдниковъ въ далекія страны и подоб.) они соединяли молитву съ постомъ для усиленія ея предъ престоломъ Божіимъ. »Ежедневно молимъ мы предвѣчнаго Бога, говоритъ Тертулліанъ, о здравіи и благоденствіи императоровъ (а эти императоры были: Неронъ, Домиціанъ, Декій, Діоклетіанъ), просимъ имъ у Него долгоденствія, мирнаго царствованія, безопасности ихъ дома, храбрости воинства, вѣрности сената, благонравія народа, спокойствія всего міра, словомъ: всего того, чего человѣкъ и чего императоръ пожелать только могутъ« (*).

Наконецъ любовь древнихъ христіанъ къ братіямъ своимъ простиралась и за предѣлы гроба. Чтобы лучше выразить вѣру въ будущее воскресеніе мертвыхъ, они совершали погребеніе усопшихъ своихъ съ нѣкоторою, такъ сказать, торжественностію и не сѣтовали безутѣшно надъ гробами ихъ *якоже неимущіи упованія;* напротивъ день успенія называли днемъ возрожденія въ лучшую жизнь. Омывши тѣло усопшаго, они помазывали его ароматами, иногда въ такомъ обиліи, что Тертулліанъ смѣло говорилъ язычникамъ: »мы издерживаемъ на погребеніе больше ароматовъ, нежели вы на окуриваніе вашихъ боговъ« (**). Затѣмъ облекали его въ лучшую одежду, или же обвивали въ чистое покрывало и полагали на одрѣ въ теченіи трехъ дней. Во все это время, молитвы и псалмопѣнія не умолкали вокругъ почившаго; при пѣніи ихъ же и возженіи множества свѣтильниковъ гробъ сопровождали до мѣста погребенія. Горящіе свѣтильники служили въ семъ случаѣ двойственнымъ символомъ любви къ усопшему и вѣры въ будущее воскресеніе, когда *праведники просвѣтятся въ царствіи Отца* (***). Но

(*) Apol. c. 30. (**) Ibid. c. 42.

(***) Чтобы болѣе почтить усопшаго и сохранить память о его подвигахъ, христіане не рѣдко клали въ

симъ не прекращалась еще заботливость живыхъ объ отшедшемъ собратѣ. О немъ молилась вся Церковь въ продолженіи 40 и болѣе дней, имя его вносилось въ диптихъ (поминникъ) церковный, въ память его приносили безкровную жертву и устрояли вечерю въ пользу бѣдныхъ — обычаи, которые до нынѣ существуютъ въ православной Церкви и свидѣтельствуютъ о ея непоколебимой вѣрности древнѣйшимъ преданіямъ христіанства.

Будите ми свидѣтели (Иса. 43, 10).

Не дивно, если человѣкъ призываетъ Бога во свидѣтеля истины своихъ словъ или правоты своихъ поступковъ: въ этомъ случаѣ онъ завѣряетъ истину (Гал. 1, 20), или какъ бы ручается за нее всѣмъ, что есть для него священнѣйшаго въ настоящей и будущей жизни. Но вотъ самъ Богъ хочетъ, чтобы люди были Его свидѣтелями: *будите ми свидѣтели*, взываетъ Онъ къ избраннымъ своимъ. Богъ хочетъ, чтобы люди же свидѣтельствовали о Немъ предъ людьми, — вѣрующіе предъ невѣрующими, добрые предъ злыми, благочестивые предъ нечестивыми. Что означаетъ это?

Это означаетъ, сколь благъ Богъ къ избраннымъ своимъ. Уже земной владыка, если онъ проникнутъ любовію къ человѣчеству, ищетъ свидѣтельства для правоты своихъ дѣяній въ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые отличаются вѣрностію и любовію къ его закону. Богъ есть безконечная любовь; Онъ не хочетъ, чтобы Его избранные были не дѣятельными орудіями Его воли, были только исполнителями, а не свободными дѣлателями. Онъ призываетъ ихъ въ содѣйствіе Себѣ, дѣлаетъ ихъ сотрудниками, посланниками и вѣстниками своей благости и любви къ человѣческому роду (Дѣян. 1, 8. 1 Кор. 3, 9). Такъ отецъ, любящій своего сына, раздѣляетъ съ нимъ подвигъ добра и избираетъ его участникомъ всѣхъ своихъ благихъ начинаній.

Это означаетъ, сколь высоко достоинство человѣческой души. Человѣкъ сотворенъ по образу Божію (Быт. 1, 27): если черты этого образа не изглажены и не затерты грѣховными нечистотами; то по нимъ можно судить о Первообразѣ. Образъ Божій въ человѣческой душѣ, сохраняемый въ своей первосозданной красотѣ, свидѣтельствуетъ о Богѣ, какъ всесовершеннѣйшемъ Духѣ, который обладаетъ всевѣдущимъ умомъ и всесвятою волею. *Будите ми свидѣтели* и для сего украшайте вашу душу мудростію и добродѣтелію и блюдите ее отъ нечистотъ грѣховныхъ; потому что эти нечистоты суть свидѣтели инаго духа, — духа злобы и тьмы.

Это означаетъ наконецъ, какъ высоко призваніе христіанина въ благодатномъ царствѣ Христовомъ. — Когда христіанинъ подражаетъ своему Спасителю искренно и съ лю-

---

гробъ усопшихъ (особенно мучениковъ) нѣкоторыя вещи, напоминавшія о ихъ доблести, какъ то: орудія мученія, сосуды или губки, напоенныя ихъ кровію, списокъ съ акта мученичества, лавровую или масличную вѣтвь, иногда, крестъ, евангеліе и другія знаменательныя или священныя вещи. Умершаго погребали всегда лицемъ къ востоку въ знаменіе вѣры его въ безсмертіе и грядущее воскресеніе мертвыхъ.

бовію; то это подражаніе не остается безъ слѣда для его души. По мѣрѣ того, какъ заповѣдь Христова исполняется имъ, она напечатлѣвается въ его сердцѣ, въ его мысляхъ, желаніяхъ и поступкахъ: онъ дѣлается живымъ выраженіемъ или явленіемъ закона Божія, живою скрижалью Божія завѣта (Іер. 31, 33). О, какъ блаженъ тотъ христіанинъ, который до того воспринялъ въ себя жизнь Христову, до того *вообразилъ* въ себѣ Христа (Гал. 4, 19), что дерзаетъ сказать съ Апостоломъ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20)! Такой христіанинъ есть самый лучшій свидѣтель Христовъ; вся его жизнь есть непрерывное, живое свидѣтельство объ истинѣ ученія Христова.

Будите ми свидѣтели. Въ какомъ бы положеніи христіанинъ ни находился,—будетъ ли онъ богатъ или бѣденъ, знатенъ или не знатенъ, ученъ или не ученъ,—онъ можетъ быть самымъ дѣятельнымъ свидѣтелемъ истины Христовой, въ которую онъ вѣруетъ; потому что для этого свидѣтельства требуется паче всего жизнь богоподобная и богоугодная. Когда человѣкъ, сомнящійся въ вѣрѣ, видитъ подвиги добра, совершаемые христіанами во имя Христово, видитъ ихъ безкорыстную любовь къ ближнимъ, ихъ терпѣніе и самоотверженіе для истины, правды и святости, когда его поражаетъ чистота ихъ жизни, ихъ душевный миръ на землѣ, ихъ свѣтлыя надежды на небѣ, когда онъ внимаетъ этой могущественной проповѣди дѣлъ объ истинномъ Богѣ,—можетъ ли онъ оставаться въ сомнѣніи, не скажетъ ли онъ по невольному движенію сердца: »вотъ гдѣ истинный Богъ, вотъ гдѣ истинная вѣра«? Посему и Господь нашъ Іисусъ Христосъ требуетъ отъ своихъ послѣдователей свидѣтельства добрыхъ дѣлъ и богоугодной жизни: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. 5, 16).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 6-го Сентября 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 29.

НЕДѢЛЯ 21 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

5 Октября 1858 г.

Гласъ 4-й.

На утрени: евангеліе воскресное 10-е, Іоан. зач. 66. На Литургіи: апост. Гал. зач. 203, евангеліе Лук. зач. 35.

ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ

5-я.

О паденіи человѣка.

Приступаемъ къ воспоминанію о нашемъ общемъ паденіи, нашей общей потерѣ блаженства райскаго. Говорю: *о нашемъ общемъ паденіи;* ибо всѣ мы согрѣшили и всѣ осуждены въ прародителяхъ. Адамъ есть глава и представитель всего человѣчества и по естеству и по заповѣди съ Богомъ. Не съ нимъ однимъ, а и со всѣмъ потомствомъ его, Господь заключилъ завѣтъ, когда сказалъ: *въ онь же аще день снѣсте отъ* древа запрещеннаго, *смертію умрете.* Потому съ Адамомъ всѣ мы пали и всѣ естественно раздѣляемъ плачевную участь падшихъ. *Единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немъже вси согрѣшиша* (Римл. 5, 12). Какъ же произошло это великое зло въ человѣкѣ, отчуждившее насъ всѣхъ отъ жизни Божіей? — Припомнимъ, какъ говоритъ объ этомъ слово Божіе, и сравнимъ все это съ тѣмъ, что извѣстно намъ по собственному опыту.

Первый виновникъ грѣха въ Писаніи называется *діаволъ* и *сатана*, что значитъ — *обольститель* и *противникъ*, или *врагъ:* онъ есть ангелъ падшій, сдѣлавшійся противникомъ и врагомъ своему Создателю; онъ же называется *зміемъ древнимъ* (Апок. 12; 9) и *человѣкоубійцею искони* (Іоан. 8, 44), потому что, какъ змій, излилъ онъ свой смер-

тоносный ядъ грѣха въ человѣка невиннаго и лишилъ его блаженной жизни еще въ раю земномъ. Употребивъ орудіемъ своимъ естественнаго змія, онъ развѣдалъ отъ Евы тайну заповѣди Божіей о древѣ познанія добра и зла, и замѣтьте, какъ хитро воспользовался неопытностію и легковѣріемъ жены. Принимаетъ на себя видъ совѣтника доброжелательнаго, многознающаго, знающаго даже намѣренія Божіи, и говоритъ какъ бы такъ: напрасно вы понимаете буквально и слишкомъ строго заповѣдь, угрожающую вамъ только повидимому смертію: *не смертію умрете*, а напротивъ, узрите совсѣмъ новую и лучшую жизнь,— *въ онь же аще день снѣсте отъ* древа, *отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое* (Быт. 2, 4. 6). Такъ, отнимая страхъ наказанія, змій адскій возбуждалъ въ женѣ чаяніе высшаго счастія и неизвѣстнаго ей доселѣ удовольствія. Не такъ ли и нынѣ злодѣи и развратники завлекаютъ въ свои сѣти неопытныхъ? И они сначала отъемлютъ страхъ худыхъ послѣдствій грѣха, а потомъ описываютъ удовольствія своей грѣховной жизни. И—горе юношѣ, который тотчасъ же не отвергнетъ злаго соблазнителя и не удалится отъ него! Но что говорю о злодѣяхъ и развратникахъ соблазнителяхъ? Не такъ ли нашъ внутренній врагъ—самолюбіе, побуждаетъ насъ преступать заповѣди Божіи? »Не смертоносенъ грѣхъ, говоритъ намъ самолюбіе, а много обѣщаетъ удовольствій или пользы; многіе грѣшатъ и живутъ счастливо: почему и тебѣ не испытать этого счастія? Такъ *кійждо искушается, отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ* (Іак. 1, 14). *Таже похоть зачеши раждаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣянъ рождаетъ смерть* (—15).

Но въ невинной праматери нашей не было еще похотѣнія влекущаго и прельщающаго и не родилось бы оно, еслибы она тотчасъ же отвергла увлекающій и прельщающій совѣтъ змія. И не надлежало ли такъ поступить ей? Ибо положимъ, что Ева предполагала здѣсь не злое существо, говорящее съ нею, а нѣкоего духа благодѣтельнаго, должно ли было повѣрить и ангелу когда совѣтъ его явно противенъ заповѣди Божіей? Не надлежало ли ей покрайней мѣрѣ посовѣтоваться съ Адамомъ? — Но вотъ жена самовольно хочетъ рѣшить свое недоумѣніе, останавливается предъ древомъ запрещеннымъ, повѣряетъ какъ бы самымъ видомъ краснаго древа слова искусителя и скоро начинаетъ чувствовать нѣкое влеченіе къ плоду древа. *И видѣ жена яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти, и красно есть еже разумѣти.* Вотъ уже похоть, и притомъ троякая, похоть—таже самая, которая дѣйствуетъ теперь во всѣхъ чадахъ Адама и Евы, словомъ, *похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 16). Послѣ совѣта змінаго, запрещенное древо показалось неосторожной праматери лучшимъ всѣхъ древъ райскихъ; заповѣдь Божія, угроза за преступленіе и все, чѣмъ обязаны были прародители Творцу и Владыкѣ своему,— все забыто: Ева простерла руку, *и вземши отъ* плода *древа, яде, и даде мужу своему съ собою и ядоста.* Не менѣе Евы виновенъ Адамъ, который, какъ говоритъ Писаніе, *послушалъ гласа жены своея* (Быт. 3, 17), хотя этотъ гласъ былъ явно противенъ гласу Божію. Въ чемъ состоялъ этотъ гласъ жены? Она повторила, безъ сомнѣнія, слова змія, а вмѣстѣ указала на свой примѣръ, по видимому ничего не представлявшій опаснаго. Такъ зародилась и въ Адамѣ тройственная похоть; грѣховнымъ ядомъ заразилась и чувственность и духовная природа прародителей, что и произвело всѣ тѣ бѣд-

ственныя послѣдствія, какія видимъ далѣе въ исторіи паденія.

И отверзостася очи обѣма, и познаста яко нази бѣста. Вотъ первое слѣдствіе грѣха: это—стыдъ, смятеніе совѣсти! Потерянъ душевный миръ, изчезло блаженное чувство невинности: прародители почувствовали нѣчто враждебное въ себѣ самихъ, возмущеніе во всѣхъ силахъ души, а затѣмъ и безпорядочное движеніе въ тѣлѣ. *Отверзостася очи* ихъ, но не къ зрѣнію лучшаго, а къ усмотрѣнію своего, только что произшедшаго, безобразія; *отверзостася очи* не къ блаженному вѣдѣнію божественному, какое обѣщалъ искуситель, а къ горестному познанію своей бѣдности, до какой доводитъ грѣхъ. *И познаста, яко нази бѣста.* Это не то совершенное познаніе добра и зла, какое надѣялись обрѣсть прародители: они познали, что доброе отъ нихъ сокрылось, а явилось зло въ нихъ самихъ, познали свою наготу, которой прежде не сознавали, какъ нѣкотораго недостатка или несовершенства, познали наготу, какъ нѣкое прискорбное лишеніе, нѣчто такое, чего нельзя не стыдиться и не отвращаться. *Познаста, яко нази бѣста.* Воистину *нази*; ибо остались безъ покрова благодати Божіей; *нази*, такъ что тотчасъ взыскали листвій для покрова своего, *нази* до того, что хотѣли укрыться и отъ себя и отъ всевидящаго ока Божія. Такъ съ чувствомъ стыда соединилось чувство грѣха рабскаго, прискорбнаго, мятежнаго страха совѣсти! Когда преступники услышали гласъ Бога, ищущаго ихъ, то этотъ гласъ, вожделѣнный, радостный, сталъ для нихъ столь страшнымъ, что они поспѣшили укрыться въ чащи деревъ райскихъ. Не помѣшательство ли это разума, не помраченіе ли души? Хотятъ сокрыться отъ Всевѣдущаго!—Вотъ новое странное зло отъ грѣха! Ибо что значитъ это помраченіе души богоподобной, какъ не дѣйствіе духовной смерти, уже начавшей распространять мракъ свой въ грѣшникѣ? Истинно это—смерть души, т. е. лишеніе свѣта и жизни Божіей, удаленіе отъ грѣшника благодати и блаженства. Такъ исполняется угроза Божія: *въ онь же день снѣси отъ* древа запрещеннаго, *смертію умреши!* Таково, бр., и всегда дѣйствіе грѣха; такія гибельныя послѣдствія его и въ насъ, даже еще болѣе пагубныя, потому что чрезъ повтореніе грѣховъ мы даемъ имъ больше силы и пространства въ себѣ самихъ. На первыхъ порахъ и мы чувствуемъ послѣ грѣха стыдъ и безпокойство совѣсти, стараемся сокрыть свои вины отъ людей, сокрыть даже отъ самихъ себя, придумывая какія либо извиненія. Потомъ, при повтореніи грѣха, и стыдъ ослабляется и совѣсть дѣлается менѣе чувствительною и человѣкъ доходитъ иногда до нѣкотораго безчувствія или ожесточенія, словомъ до ужаснѣйшаго изъ всѣхъ грѣховныхъ состояній—нераскаянности, когда грѣшникъ перестаетъ сознавать свою грѣховность и даже тщеславится грѣхами.

Къ счастію, прародители наши, содѣлавъ первый грѣхъ, не упали такъ глубоко, не дошли до совершенной нераскаянности. Правда, они хотѣли извинить себя,—жена ссылалась на обольщеніе змія, Адамъ указалъ на увлеченіе жены; но все же сознавали свой грѣхъ предъ Богомъ. Это было началомъ покаянія; потому всеблагій Творецъ нашелъ еще мѣсто въ грѣшникахъ для своего милосердія и уврачеванія. Преданъ проклятію совершенному одинъ змій, т. е. первый начальникъ грѣха—діаволъ; но Евѣ и Адаму возвѣщены наказанія пока еще временныя; женѣ—рожденіе чадъ съ болѣзнями, мужу—труды изнурительные, и обоимъ смерть тѣлесная: *земля еси, и въ землю отыдеши.* Что же указано имъ для избѣжанія смерти вѣчной, которой непре-

мѣнно подвергнется человѣкъ, если ничѣмъ неизгладится грѣхъ его? Указано въ будущемъ побѣда Сѣмени жены надъ сѣменемъ змія. Богъ рекъ, обращаясь къ змію: *вражду положу между тобою, и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ тоя; той твою сотретъ главу, и ты сотреши его пяту.* И—благодареніе Всемилосердому!—мы нынѣ всѣ знаемъ, что это побѣдительное *Сѣмя жены* есть самъ Сынъ Божій, содѣлавшійся Сыномъ пресвятой Дѣвы, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который крестомъ своимъ сокрушилъ главу змія, т. е. попралъ власть діавола. А что значитъ вражда между сѣменемъ жены и сѣменемъ змія? Это всемірная брань между царствомъ Христовымъ, царствомъ свѣта и добра, и царствомъ діавола, царствомъ тьмы и зла,—брань, которая, начавшись съ самыхъ первыхъ временъ міра, продолжится до временъ послѣднихъ, — когда, по откровенію Іоанна Богослова, противники вѣры и благочестія *сотворятъ съ Агнцемъ брань* послѣднюю, *и Агнецъ побѣдитъ я, яко Господь господемъ есть и Царь царемъ, и сущіи съ нимъ званніи и избранніи и вѣрніи* (Апок. 17, 14). Тогда и послѣдній врагъ истребится — *смерть* (1 Кор. 15, 26), и избранные Божіи прейдутъ въ жизнь новую, блаженную, нескончаемую.

Вотъ, бр., каково упованіе наше христіанское, котораго основаніе положено Богомъ еще въ раю и которое осуществляется и будетъ осуществляться до скончанія вѣковъ. Вотъ и краткое изображеніе исторіи всего рода человѣческаго, предначертанное самимъ Всевышнимъ Правителемъ судебъ нашихъ! Вся исторія міра нашего показываетъ, какъ всегда и вездѣ борется сѣмя злое съ сѣменемъ добрымъ, какъ родъ человѣческій, зараженный грѣхомъ, большею частію блуждаетъ во тмѣ заблужденій и пороковъ, а между тѣмъ всеправительственный Промыслъ Божій употребляетъ всѣ средства къ ограниченію нашего зла и распространенію добра. Самыя наказанія, возвѣщенныя намъ послѣ паденія прародителей, Господь обращаетъ въ средства ограниченія грѣховъ и для очищенія грѣшниковъ. Такъ болѣзни рожденія не налагаютъ ли узду на прихоти и превозношеніе женъ? Труды мужей, часто малоплодные, вознаграждаемые терніемъ и волчцами, не учатъ ли ихъ терпѣнію и смиренію предъ Богомъ? А что сказать о смерти, общемъ удѣлѣ всѣхъ человѣковъ? Если бъ ея не было для грѣшника, то до какой ужасной степени возрасли бы и умножились беззаконія! Сіе-то, конечно, имѣлъ въ виду самъ Богъ, когда, изгоняя прародителей изъ рая, сказалъ: *да не когда Адамъ простретъ руку свою, и возметъ отъ древа жизни, и снѣсть, и живъ будетъ во вѣкъ* (Быт. 3, 22), т. е. да не будетъ безсмертія для грѣшника, да положится конецъ злу на землѣ.

Что жъ? скажемъ ли теперь: строгъ судъ Божій? За одинъ грѣхъ Адамовъ Господь наложилъ столь виликое наказаніе на весь родъ человѣческій, всѣ должны бѣдствовать и умереть, всѣ лишены рая и древа жизни. Такъ! строгъ судъ Всесвятаго, потому что праведенъ, но онъ вмѣстѣ и весьма милостивъ. Не можетъ правосудіе вѣчное, не потребивъ грѣха, помиловать грѣшника; но безконечная благость положила въ самыхъ наказаніяхъ за грѣхъ средство для смиренія грѣшниковъ и, лишивъ ихъ древа жизни—земнаго, показала имъ другое древо жизни—небесное, Господа и Спасителя всѣхъ Іисуса Христа. Кто отъ сего Древа вкушаетъ вѣрою и любовію, *имать животъ вѣчный и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ* (Іоан. 5, 24). Что значитъ рай земной со всѣми кра-

сотами и богатствами своими предъ тѣмъ вѣчнымъ жилищемъ славы и блаженства, которое готовится истинно вѣрующимъ въ Господа? Точно, много потеряли мы въ Адамѣ первомъ и какъ потомки его справедливо терпимъ униженіе и всѣ бѣдственныя послѣдствія грѣха его и нашихъ грѣховъ; но несравненно болѣе пріобрѣтаемъ мы во второмъ Адамѣ, Іисусѣ Христѣ, *иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (1 Кор. 1, 3). Поистинѣ всѣ мы — падшіе, всѣ—осужденные на смерть; но всѣ же и призываемся къ совершеннѣйшей жизни; всѣ по естеству—наслѣдники перваго человѣка, согрѣшившаго предъ Богомъ, но всѣ, по благодати и вѣрѣ,—*снаслѣдники Христа* Сына Божія (Римл. 8, 17), которому все покорено на небеси и на земли.

Будемъ же, бр., со смиреніемъ и преданностію терпѣть все, что заслужили мы по грѣху прародителей и по нашимъ грѣхамъ; оплакивать наши потери въ Адамѣ; но вмѣстѣ не забудемъ и утѣшенія благодатнаго, даруемаго намъ во Христѣ Спасителѣ. Облобызаемъ десницу Божію, насъ наказующую и милующую, и поспѣшимъ воспользоваться тѣми средствами спасенія, какія приготовила, показала и подаетъ намъ таже всеблагая десница Божія — во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Емуже слава, честь и поклоненіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

СВЯТЫЙ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЪ ДІОНИСІЙ АРЕОПАГИТЪ (*).

Святый Діонисій, прозванный Ареопагитомъ, родился въ Аѳинахъ около десятаго года по Р. Х. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ домѣ родителей своихъ, принадлежавшихъ къ сословію знатнѣйшихъ гражданъ аѳинскихъ. Оказавъ быстрые успѣхи въ наукахъ, преимущественно предъ всѣми сверстниками своими, онъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ познаніяхъ философскихъ, путешествовалъ по разнымъ странамъ, потомъ прибылъ въ Египетъ, издавна славившійся земною мудростію, и тамъ въ городѣ Иліополѣ, подъ руководствомъ искусныхъ наставниковъ, занимался изученіемъ астрономіи вмѣстѣ съ другомъ своимъ Аполофаномъ. Пребываніе его въ этомъ городѣ особенно замѣчательно потому, что здѣсь онъ видѣлъ затмѣніе солнца, случившееся въ тотъ самый день, въ который Спаситель міра былъ распятъ на крестѣ. Сіе необыкновенное явленіе удивило Діонисія тѣмъ болѣе, что по его астрономическимъ вычисленіямъ оно не могло произойти въ тотъ день отъ причинъ естественныхъ. Пораженный такимъ чрезвычайнымъ видѣніемъ, онъ сказалъ: »или Богъ страждетъ, или видимый міръ разрушается.« Объ этомъ произшествіи онъ самъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ къ Поликарпу, епископу смирнскому.

По возвращеніи изъ Египта въ свое отечество, Діонисій вступилъ въ супружество и своимъ просвѣщеніемъ, знатностію рода и добродѣтельною жизнію пріобрѣлъ столь великое уваженіе отъ своихъ согражданъ, что они избрали его членомъ высшаго судилища, Ареопага, отъ чего и дано ему названіе Ареопагита. Когда апостолъ Павелъ прибылъ въ Аѳины и въ собраніи Ареопага проповѣды-

(*) Память его 3-го Октября.

валъ Христа распятаго и воскресшаго (Дѣян. 17, 22—31), тогда Діонисій, внимательно слушавшій проповѣдь его, получилъ первое понятіе о вѣрѣ христіанской, тогда же наединѣ вступилъ въ словесное состязаніе съ проповѣдникомъ и на вопросъ его о вѣроученіи аѳинянъ показалъ ему находившіяся въ городѣ капища языческихъ боговъ. Обозрѣвая сіи памятники идолослуженія, святый Павелъ увидѣлъ одно капище, на которомъ было написано: »невѣдомому Богу«, и спросилъ Діонисія, какой это невѣдомый богъ. »Онъ еще не явился между богами, отвѣчалъ Ареопагитъ, но въ свое время явится и будетъ вѣчно царствовать на небѣ и на землѣ«. Услышавъ отъ него слова сіи, Апостолъ благоуспѣшно воспользовался ими для насажденія въ душѣ его сѣмени слова Божія и возвѣстилъ ему, что сей невѣдомый Богъ уже пришелъ и родился отъ пресвятой Дѣвы Маріи, что Онъ, для спасенія рода человѣческаго, претерпѣлъ крестную смерть, во время которой померкло солнце и не издавало свѣта въ продолженіи трехъ часовъ, и что потомъ Онъ божественною силою воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на небо. Діонисій, вспомнивъ видѣнное имъ въ Египтѣ солнечное затмѣніе, о которомъ говорилъ теперь Павелъ, тотчасъ убѣдился, что въ то время Богъ страдалъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Сердце его, освященное благодатію, разверзлось для познанія невѣдомаго Бога, Господа нашего Іисуса Христа. Онъ просилъ Апостола помолиться о немъ, дабы Господь милостивъ былъ къ нему и сопричислилъ его къ сонму рабовъ своихъ.

Выходя изъ Аѳинъ, св. Апостолъ исцѣлилъ одного слѣпорожденнаго и тотчасъ повелѣлъ ему идти къ Діонисію и напомнить ему, чтобы онъ, по своему обѣщанію, пришелъ къ нему и принялъ отъ него крещеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отпущеніе грѣховъ. Діонисій, увидѣвъ знакомаго ему слѣпца прозрѣвшимъ, крайне удивился и узнавъ о чудесномъ его прозрѣніи, немедленно пошелъ къ Павлу съ женой своею Дамарою, съ сыновьями и со всѣми домочадцами, которымъ тогда же преподано было святое крещеніе. Послѣ сего, оставивъ домъ, жену и дѣтей, Діонисій присоединился къ Апостолу и три года сопровождалъ его во всѣхъ путешествіяхъ, принимая дѣятельное участіе въ насажденіи слова Божія между невѣрующими. Получивъ достаточное наставленіе въ истинахъ евангельскихъ, онъ на 46 году своей жизни былъ рукоположенъ св. Павломъ въ епископа аѳинской церкви и изъ Солуня посланъ къ своей паствѣ для утвержденія въ ней христіанской вѣры и благочестія. По замѣчанію Метафраста, устное слово сего просвѣщеннаго пастыря, подобно слову Спасителя, было *со властію* и невольно привлекало къ нему души и сердца Аѳинянъ, а въ обращеніи съ людьми онъ столько былъ благоразуменъ и такъ умѣлъ приспособляться къ нимъ, что, подобно великому учителю своему апостолу Павлу, былъ *всѣмъ вся*.

Послуживъ не малое время спасенію человѣческому въ Аѳинахъ и распространивъ основанную тамъ Апостоломъ Церковь, святый Діонисій, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, рѣшился предпринять путешествіе въ другія страны для проповѣди евангельской и пострадать за имя Христово, по примѣру наставника своего, блаженнаго Павла, претерпѣвшаго въ то время мученическую смерть въ Римѣ отъ Нерона. Съ симъ намѣреніемъ, поставивъ въ Аѳинахъ вмѣсто себя другаго епископа, онъ отправился въ Римъ. Здѣсь святый Климентъ, епископъ римскій, принялъ его съ радостію и по прошествіи малаго времени послалъ его для проповѣданія слова Бо-

жія въ Галлію, вмѣстѣ съ епископомъ Лукіаномъ, священникомъ Рустикомъ, діакономъ Елевѳеріемъ и прочимъ клиромъ церковнымъ. По прибытіи въ Парижъ, Діонисій обратилъ къ истинному Богу многихъ идолопоклонниковъ и устроилъ тамъ, при пособіи новообращенныхъ, небольшую церковь, въ которой совершалъ для нихъ священнослуженіе и молилъ Господа о умноженіи словеснаго стада его.

Но, между тѣмъ какъ ученіе евангельское благоуспѣшно утверждалось въ этой странѣ, послѣдовало второе гоненіе на христіанъ отъ императора Домиціана. Въ Галлію посланъ былъ отъ него правителемъ Сисиній съ повелѣніемъ отыскивать умножившихся тамъ послѣдователей Христовыхъ и предавать ихъ мучительнымъ наказаніямъ. Сисиній, по пріѣздѣ въ Парижъ, приказалъ прежде всѣхъ схватить и представить къ нему на судъ епископа Діонисія, какъ болѣе извѣстнаго по своему сану и христіанской дѣятельности. Съ нимъ вмѣстѣ взяты были Рустикъ и Елевѳерій, прочая же братія разошлась въ иныя страны для проповѣди. Діонисій, въ то время уже дряхлый и утружденный подвигами апостольскими, связанный, поставленъ съ двумя сотрудниками своими предъ игемономъ. Сисиній, взглянувъ на него съ гнѣвомъ, сказалъ: »ты ли тотъ злонравный старецъ Діонисій, который хулитъ нашихъ боговъ, отвергаетъ служеніе имъ и противится повелѣнію царскому«? Святый епископъ отвѣчалъ: »хотя я тѣломъ уже состарѣлся, какъ ты самъ видишь, но вѣра моя процвѣтаетъ юностію и исповѣданіе мое всегда раждаетъ новыхъ чадъ Христу«. Когда же у него спросили о вѣроисповѣданіи его, то онъ во всеуслышаніе возвѣстилъ слово истины и проповѣдалъ великое имя пресвятыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Но игемонъ не хотѣлъ слышать спасительной проповѣди и обратился съ вопросомъ ко всѣмъ тремъ: Діонисію, Рустику и Елевѳерію, хотятъ ли они повиноваться царю и принести жертвы богамъ. На это всѣ они единогласно отвѣчали: »мы, христіане, имѣемъ единаго Бога, живущаго на небеси, и Его почитаемъ, а царскому повелѣнію не повинуемся«. Тогда игемонъ приказалъ обнажить Діонисія и нещадно бить вервіями; онъ великодушно терпѣлъ жестокое біеніе и благодарилъ Господа Іисуса, дозволившаго ему носить язвы Его на тѣлѣ своемъ. Такимъ же образомъ мучили Рустика и Елевѳерія.

Сисиній увидѣлъ, что скорѣе ослабѣютъ руки біющихъ, нежели истощится терпѣніе біемыхъ, и потому приказалъ прекратить побои и заключить мучениковъ на тотъ день въ темницу. На другой день утромъ слуги вывели оттуда святаго Діонисія и по повелѣнію мучителя распростерли его на желѣзномъ одрѣ, подложивъ подъ него огонь; страдалецъ при этомъ пѣлъ стихъ изъ псалма: *разженно слово твое зѣло, и рабъ твой возлюби е* (Пс. 118, 140). Потомъ сняли его съ одра и бросили на съѣденіе звѣрямъ, но звѣри не прикоснулись къ нему, ибо Богъ заградилъ уста ихъ. Въ слѣдъ за симъ бросили его въ огонь, но и огонь не оказалъ надъ нимъ своего дѣйствія и не причинилъ ему никакого вреда. Наконецъ отвели его опять въ темницу къ Рустику и Елевѳерію. Туда приходили къ нему многіе христіане, для которыхъ онъ совершалъ тамъ божественную литургію и причащалъ ихъ тѣла и крови Христовой; при чемъ достойнѣйшіе изъ нихъ видѣли надъ святымъ епископомъ являвшагося во свѣтѣ Царя славы, окруженнаго ангельскими воинствами. Послѣ сего Діонисій и его сподвижники въ послѣдній разъ были выведены изъ темницы и представлены къ игемону, который снова склонялъ ихъ къ жертвоприношенію идоламъ; но они, какъ и преж-

де, не покорились ему и исповѣдали Іисуса Христа единымъ истиннымъ Богомъ своимъ. Тогда разгнѣванный игемонъ, послѣ жестокаго тѣлеснаго наказанія, осудилъ ихъ на смерть и повелѣлъ отсѣчь имъ головы.

Когда святыхъ мучениковъ вели изъ города къ такъ называемой Марсовой горѣ, Діонисій благодарилъ Господа за всѣ милости Его, явленныя ему во время земной жизни, и молилъ принять его въ свое небесное царство; потомъ, пришедши на мѣсто казни, приклонилъ главу свою и былъ усѣченъ тупою сѣкирою, равно какъ и спутники его, Рустикъ и Елевѳерій. При этомъ благоизволилъ Богъ сотворить преславное чудо въ память великаго угодника своего: обезглавленный и лежавшій на землѣ Діонисій силою Божіею всталъ и, взявши въ руки главу свою, прошелъ съ нею два поприща до того мѣста, гдѣ устроена была христіанами церковь. Тамъ онъ отдалъ ее одной благочестивой женщинѣ, называвшейся Катуллою, и снова палъ на землю. Многіе изъ язычниковъ, видѣвшіе это чудо, увѣровали во Христа и умножили собою число мучениковъ. Катулла, принявши главу святаго страдальца, пожелала взять и тѣло его, и для сего пригласила въ свой домъ приставленныхъ къ нему стражей, угощеніемъ и подарками удержала ихъ у себя на нѣсколько времени, а между тѣмъ христіане, по ея наставленію, взяли тѣло Діонисія и погребли его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ подалъ свою главу Катуллѣ. Здѣсь въ послѣдствіи времени воздвигнута великолѣпная обитель, существующая и до нынѣ въ предмѣстіи Парижа подъ именемъ аббатства св. Діонисія. Священномученикъ сей пострадалъ на 90 году своей жизни, около 100 года по Р. Х.

Святый Діонисій, современникъ апостольскій, получившій первыя наставленія въ вѣрѣ христіанской отъ учителя языковъ, удостоился слышать проповѣдь и другихъ апостоловъ Христовыхъ, въ обществѣ которыхъ находился въ то время, когда всѣ они были собраны къ погребенію пресвятой Богоматери. Онъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что былъ въ Іерусалимѣ у гроба Господня, гдѣ видѣлъ и слышалъ Іакова брата Божія, верховнаго апостола Петра, Іоанна Богослова, Тимоѳея и иныхъ многихъ братій, проповѣдовавшихъ ученіе евангельское. Изъ написанныхъ имъ сочиненій сохранились до нашихъ временъ слѣдующія: 1) о небесной іерархіи, 2) о церковной іерархіи, 3) объ именахъ Божіихъ, 4) о таинственномъ Богословіи и 5) десять писемъ къ разнымъ современнымъ ему лицамъ.

Ищете мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко ясти есте хлѣбы и насытистеся.

Іоан. 6, 26.

Не рѣдко человѣкъ подчиняетъ свой духъ служенію плоти до такой степени, что на самыя необычайныя откровенія божественной воли, на самыя чудеса Божія всемогущества смотритъ только съ той стороны, съ какой они полезны для его чувственной жизни; на небѣ и на землѣ онъ ищетъ только хлѣба, который бы питалъ его тѣло; онъ живетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ будто кромѣ питанія и насыщенія у него нѣтъ другихъ высшихъ и благороднѣйшихъ потребностей. Подобные рабы чувственности были и между послѣдователями Господа нашего Іисуса Христа во время земной Его жизни. Они не думали о томъ, къ чему призываетъ ихъ Спаситель своими знаменіями; для нихъ было достаточно, что отъ этихъ знаменій можно было питаться и насыщаться.—Въ видимомъ послѣдованіи Іисусу Христу и Его знаменіямъ они слѣдо-

вали только влеченіямъ своей плоти: *аминь аминь глаголю вамъ, ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко ядосте отъ хлѣбы и насытистеся.*

Подобные люди могутъ быть и дѣйствительно бываютъ всегда и вездѣ. Но кромѣ частныхъ явленій, когда человѣкъ измѣняетъ вѣчной истинѣ для временныхъ выгодъ, по влеченію своекорыстія, когда онъ продаетъ ее, ослѣпляемый страстію сребролюбія; бываютъ времена, когда предпочтеніе пользы и корысти всему доброму и истинному становится общимъ, открытымъ, въ жизни и наукѣ господствующимъ направленіемъ, когда между людьми вкореняется убѣжденіе, что истина и добро должны имѣть своимъ надлежащимъ и не погрѣшительнымъ мѣриломъ успѣхъ и пользу, или, что истину и добро нужно любить за тотъ хлѣбъ, который мы получаемъ отъ нихъ: и не таково ли уже то время, въ которое живемъ мы сами? Нашъ вѣкъ охотно называетъ себя *практическимъ*. Если это означаетъ, что мы отличаемся большимъ количествомъ здраваго смысла, чѣмъ поколѣнія прежнія, что, вмѣсто воображаемыхъ совершенствъ, мы стремимся къ совершенству дѣйствительному, если это означаетъ что мы усиливаемся водворить истину и добро въ нашей земной жизни и въ нашихъ временныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, что мы желаемъ всѣ виды человѣческой дѣятельности, всѣ частные и общественные труды человѣка, всѣ его занятія и промыслы освѣтить и освятить нравственными началами, или возвысить ихъ на степень дѣйствій и состояній нравственно-добрыхъ и совершенныхъ: то нашъ вѣкъ безспорно шелъ бы царскимъ путемъ истины; въ его направленіи выражалось бы значительное торжество христіанскаго духа надъ своекорыстными и самолюбивыми отношеніями человѣческой жизни. Такъ, безъ сомнѣнія, и дѣйствуютъ многіе лучшіе люди нашего времени: вопросъ о благосостояніи человѣка, объ удобствахъ его жизни они поставляютъ въ зависимости отъ вопроса объ истинѣ и добрѣ, счастіе подчиняютъ добродѣтели, добродѣтель — вѣрѣ, гражданина — христіанину. Но едва ли можно сказать, что это направленіе господствуетъ въ настоящее время. Едва ли это правильное отношеніе между вѣчною истиною и временною выгодою или пользою человѣка не извращается нынѣ такъ, что вопросъ объ удобствахъ жизни, вопросъ о хлѣбѣ для тѣла дѣлается господствующимъ, что любовь къ истинѣ поддерживается въ людяхъ только значимостію истины для человѣческаго благополучія. Кто не чувствуетъ нынѣ потребности въ просвѣщеніи своего разума? Кто не сознаетъ нынѣ великаго достоинства и значенія науки? И однако свидѣтельствуетъ ли это, что мы любимъ просвѣщеніе, что мы любимъ истину? Можетъ быть, чаще всего въ просвѣщеніи, въ видимомъ стремленіи къ истинѣ мы любимъ свою плоть, ея требованія, ея наклонности къ жизни удобной и роскошной. Наука, образуя умъ человѣка, даетъ ему силу и искуство одолѣвать видимую природу и заставлять ее служить своимъ цѣлямъ; при помощи науки мы съ меньшимъ трудомъ добываемъ больше сокровищъ; умъ многосвѣдущій дѣлаетъ эти двѣ руки, которыми такъ мало можно взять изъ окружающей насъ дѣйствительности, столь сильными и многообъемлющими, что они какъ бы превращаются въ цѣлые десятки рукъ. Какъ не любить этой науки, которая такъ полезна для нашей плоти! *Никто же бо когда плоть свою возненавидѣ* (Ефес. 5, 29). Но если мы любимъ только эту сторону въ наукахъ, или тѣ виды наукъ, которыя полезны только для нашего существованія; то истина оскорбляется этою ограниченною и своекорыстною любовію къ ней: *ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но*

яко яли есте хлѣбы и наситистеся. Знаменіе истины, какъ знаменіе жизни духовной, совершенной и свободной, должно быть само по себѣ вожделѣнно, должно само по себѣ привлекать и плѣнять сердца человѣческія. Кто слѣдуетъ за этимъ знаменіемъ по разчету и своекорыстію, тотъ не можетъ быть вѣрнымъ поборникомъ истины; онъ измѣнитъ ей, какъ наемный воинъ, когда ея противникъ предложитъ ему большія выгоды; при первомъ искушеніи со стороны плоти онъ вступитъ на путь корыстолюбиваго *Валаама сына Восорова, иже мзду неправедну возлюби* (2 Петр. 2, 15). Какъ постыдно, однакоже, подобное слабодушіе! Человѣкъ унижаетъ при этомъ достоинство своей богоподобной души и не постигаетъ высокаго значенія этого Богомъ созданнаго міра. Ты разсматриваешь свой умъ, какъ орудіе, которое помогаетъ твоимъ рукамъ добывать хлѣбъ для тѣла; ты смотришь на міръ, какъ на источникъ твоего хлѣба и твоихъ сокровищъ. Но, конечно, твой умъ есть нѣчто большее, чѣмъ сила, помогающая рукамъ твоимъ. Ты способенъ къ радости и счастію, ты испытываешь наслажденіе при созерцаніи красоты природы, ты вкушаешь блага стройнаго общежитія, живешь по человѣчески въ настоящемъ, имѣешь свѣтлыя надежды въ будущемъ — все это пища, поданная тебѣ умомъ и при томъ пища, принадлежащая не плоти, а духу: зачѣмъ же противъ естественнаго порядка ты направляешь умъ твой только внизъ, только на землю, только на нужды твоей плоти? Безъ твоего сознанія, безъ твоего вѣдома твой умъ уже возвысилъ тебя надъ плотію: зачѣмъ же не продолжать этого возвышенія сознательно и свободною рѣшимостію? Такимъ же образомъ и этотъ міръ данъ тебѣ Богомъ не только какъ пища тѣлесная, но преимущественно, какъ пища духовная, отъ которой питается, зрѣетъ и укрѣпляется твое духовное существо. Итакъ ты принимаешь мало тамъ, гдѣ подается тебѣ много; ты ищешь пищи для тѣла тамъ, гдѣ подается вмѣстѣ обильная пища для твоего духа. Ты любишь науки, подающія тебѣ хлѣбъ насущный, и забываешь о тѣхъ наукахъ, которыя указали бы тебѣ средства добывать *не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный* (Іоан. 6, 27); а это показываетъ, что ты намѣренно хочешь подавить тѣ духовныя стремленія и требованія твоей души, которыя возникли къ жизни сами-собою, безъ твоей рѣшимости.

Ищете Мене, не яко видѣсте знаменіе, но яко яли есте хлѣбы и насытистеся. Нѣкогда діаволъ клеветалъ на Іова, что добродѣтели этого праведника не чисты, что онѣ происходятъ изъ любви его къ благополучію и временнымъ выгодамъ. *Еда туне Іовъ чтитъ Бога?* (Іов. 1, 9) говорилъ клеветникъ, указывая на богатство Іова и его благополучіе. Но праведникъ, пребывшій вѣрнымъ Богу и Его заповѣдямъ среди тяжкихъ лишеній и страданій, посрамилъ клевету злаго духа. Многіе ли въ настоящее время могутъ торжествовать надъ діаволомъ подобною чистотою и безкорыстною любовію къ истинѣ и добру? Что, если подъ свѣтлымъ видомъ истины и добра мы любимъ только себя, свой хлѣбъ, свое временное благополучіе? Тогда духъ лжи будетъ радоваться, *а Духъ истины* (Іоан. 16, 17) оскорбляться нашимъ грѣховнымъ состояніемъ. Христіанинъ долженъ видѣть эту опасность и избѣгать ее, долженъ согрѣвать въ себѣ любовь къ истинѣ и добру чистую, безкорыстную, — ту любовь, которая сильна и дѣятельна не только во дни благополучія, но и въ годину искушеній и бѣдствій, которая для истины и за истину подъемлетъ крестъ и несетъ его безропотно съ вѣрою въ божественную помощь.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 13-го Сентября 1858 года.
Цензоръ Архимандритъ Іоаннкій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 50.

НЕДѢЛЯ 22 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

12 Октября 1858 г.

Гласъ 5-й.

На утрени: евангеліе воскресное 11-е, Іоан. зач. 67. На Литургіи: апост. Гал. зач. 215, евангеліе Лук. зач. 83.

РѢЧЬ

ПО СЛУЧАЮ ВОДРУЖЕНІЯ СВ. КРЕСТА НА ВНОВЬ СООРУЖЕННОМЪ ХРАМѢ (*).

Ублажи, Господи, благоволеніемъ твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны іерусалимскія.

Чада новаго Сіона! Услышана наконецъ эта молитва наша о вновь созидаемомъ храмѣ нашемъ. Господь ублажилъ благоволеніемъ сердца наша, и созиждились стѣны сего храма, приведена въ окончаніе внѣшность онаго...

Слава Тебѣ, Христе Боже, упованіе наше, слава Тебѣ, вся устрояющему и во всемъ споспѣшествующему!

Ублажи, Господи, благоволеніемъ твоимъ и здателей св. храма сего, и всѣхъ споспѣшниковъ святому дѣлу сему: воздай имъ вмѣсто земныхъ небесная, вмѣсто временныхъ вѣчная, вмѣсто тлѣнныхъ нетлѣнная.

Вотъ уже мы предстоимъ кресту Господню, который предлежитъ намъ водрузить на верху новоустроеннаго храма. Еще нѣсколько минутъ и — на главѣ его возложится какъ бы вѣнецъ, драгоцѣннѣе всѣхъ камней честныхъ. Что значитъ этотъ священный обрядъ? Почему мы храмъ свой вѣнчаемъ крестомъ Христовымъ?

По правосудію всесвятаго Бога требовалось, чтобы Спаситель нашъ, единородный Сынъ Божій, совершилъ спасеніе наше не иначе, какъ на древѣ крестномъ; только крестными страданіями могла быть удовлетворена оскорблённая грѣхами нашими правда Божія. Слѣдовательно съ минуты только водруженія

(*) Сообщена однимъ сельскимъ священникомъ.

древа крестнаго на Голгоѳѣ самымъ дѣломъ началось наше спасеніе. Но здѣсь же — на Голгоѳѣ, и въ тоже время, положенъ и конецъ нашему спасенію: съ произнесеніемъ страждущимъ Спасителемъ на древѣ семъ послѣдняго слова — *совершишася!* все совершено, все окончено: средостѣніе ограды между небомъ и землею, между Богомъ и человѣкомъ разрушено, смерть и діаволъ побѣждены, адъ затворенъ и рай отверстъ. Итакъ на древѣ крестномъ—начало и конецъ нашего спасенія. Церковь Христова и основана на крестѣ, и увѣнчается крестомъ, когда сіе побѣдоносное знаменіе, при концѣ міра, явится на небеси съ Грядущимъ на облацѣхъ съ силою и славою многою. На чемъ-же послѣ сего основывать храмы — видимыя, вещественныя церкви Распятаго, какъ не на крестѣ Его; чѣмъ возвышать ихъ, какъ не побѣдоноснымъ Его знаменіемъ? Сію-то самую истину мы нынѣ свидѣтельствуемъ самымъ дѣломъ: назадъ тому семь лѣтъ въ основаніе сего храма положивши крестъ Христовъ, мы нынѣ сей же крестъ Христовъ возносимъ и на высоту его, славою и честію вѣнчаемъ его.

Итакъ вознесися, кресте Господень, на главу устрояемаго храма нашего, и по всей веси да будетъ слава твоя! Въ высотѣ твоей очищай намъ воздухъ, заражаемый нашими грѣхами и беззаконіями, прогоняй наши недуги и болѣзни, а паче духовъ злобы и лукавствія; съ высоты своей освящай наши воды, жилища и пажити, благословляй наши труды и занятія, всегда и во всемъ охраняй и осѣняй насъ грѣшныхъ силою на тебѣ пропятаго Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

О ПАСТЫРСКОМЪ РУКОВОДСТВОВАНІИ ПАСОМЫХЪ.

IV.

Заблужденія отъ истинной вѣры могутъ состоять или а) въ отверженіи, либо искаженіи, частныхъ истинъ православно-христіанскаго ученія, или б) вообще въ духѣ сомнѣнія и невѣрія относительно всего благочестія христіанскаго (*).

а) При встрѣчѣ съ заблужденіями перваго рода, пастырь долженъ наблюдать слѣдующее:

1) Если кто отрицаетъ или искажаетъ какія либо существенныя истины христіанскаго ученія; то надобно съ возможною подробностію и точностію изложить заблуждающему отрицаемую или искажаемую имъ истину, показать ему неразрывную связь ея съ другими несомнѣнными истинами, обличить неизбѣжное противорѣчіе въ вѣрованіяхъ, или заключеніяхъ его, короче: употребить все, что нужно, для исправленія заблужденія, *не уступая рѣшительно ничего* произволу мудрованія человѣческаго. Если же кто возстаетъ противъ чего нибудь только дополнительнаго въ православіи христіанскомъ, какъ напримѣръ, противъ преимущественнаго почитанія нѣкоторыхъ иконъ, и тому подобныхъ предметовъ; то нѣтъ нужды непремѣнно настаивать на томъ, чтобы возражающій безусловно подчинился вѣрованію, которое почему либо не мирится съ его убѣжденіями; необходимо только тотчасъ же показать ему различіе между существеннымъ и не существеннымъ, или дополнительнымъ, въ православіи и разъяснить значеніе, цѣль и пользу послѣдняго. Въ подобныхъ возраженіяхъ собственно нѣтъ еще заблужденія; но

(*) Мы разумѣемъ здѣсь заблуждающихъ въ нѣдрахъ православной Церкви, и притомъ такихъ, которые не отдѣляются отъ Церкви; потому что на такихъ только заблуждающихъ простирается пастырское *руководствованіе.*

отъ нихъ не труденъ переходъ къ заблужденію, если не разъяснить ихъ какъ должно: потому что кто не умѣетъ различить существеннаго отъ не существеннаго въ вѣрѣ, тотъ, возставая противъ послѣдняго, способенъ заподозрить въ истинности и первое.

2) Если кто самъ, такъ сказать, изобрѣтаетъ заблужденія, приходя къ заключеніямъ, противнымъ тому или другому ученію правой вѣры; то надобно показать такому человѣку неправильный ходъ его разсужденій и заключеній и представить другой вѣрный ходъ мыслей... Если же заблужденія принимаются отъ другихъ, или вычитываются изъ книгъ; то мнимымъ авторитетамъ надобно противопоставлять другіе истинные авторитеты. Наибольшая часть простыхъ и вообще недовольно образованныхъ людей впадаютъ въ заблужденія единственно по довѣрію къ лицамъ или книгамъ, не заслуживающимъ довѣрія; поэтому уничтожить въ нихъ это неразумное довѣріе значитъ уничтожить и самыя заблужденія.

3) Православно-христіанское ученіе такъ стройно, связно и послѣдовательно, основывается во всѣхъ частяхъ своихъ на такихъ несомнѣнныхъ началахъ, что уклоненіе отъ него къ заблужденіямъ въ родѣ раскола или ереси можно объяснять только невѣжествомъ, предубѣжденіями противъ истинной Церкви и подобными причинами, но отнюдь не разумнымъ сознаніемъ превосходства другаго какого нибудь ученія предъ ученіемъ православной вѣры. По этому заблужденія сіи, сами по себѣ, опровергаются очень не трудно; но трудно бываетъ иногда совладѣть съ упорствомъ заблуждающихъ. Въ подобныхъ случаяхъ успѣхъ дѣла зависитъ больше отъ личныхъ качествъ и пріемовъ пастыря въ обращеніи съ заблуждающими, чѣмъ отъ силы доводовъ противъ заблужденія. Имѣя это въ виду, пастырь долженъ: а) предварительно пріобрѣтать довѣренность и доброе расположеніе къ себѣ тѣхъ, кого онъ хочетъ отвратить отъ заблужденія; довѣренность же эта пріобрѣтается вообще безукоризненнымъ поведеніемъ пастыря и, въ частности, всегдашнею его разсудительностію, правотою и готовностію на всякую помощь пасомымъ; б) приступать къ вразумленію безъ навязчивости и удерживаться отъ всякой укоризны, избѣгать споровъ гласныхъ и вести бесѣду въ тонѣ дружескаго разговора, избирая для этого мѣста и времена приличныя; в) спокойно выслушивать возраженія, какъ бы они ни были неосновательны и пусты, и не показывать нетерпѣнія даже въ случаѣ прямо глупыхъ и ребяческихъ изворотовъ, къ которымъ прибѣгаютъ иногда заблуждающіе; г) съ людьми начитанными обращаться съ особенною терпѣливостію, щадя ихъ самолюбіе, только не въ ущербъ истинѣ. Сознаться въ заблужденіи каждому больно, тѣмъ больше людямъ мнимоученымъ и многознающимъ; нерѣдко по этому одному и не хотятъ заблуждающіе обратиться къ истинѣ: для облегченія ихъ обращенія можно находить поводы къ нѣкоторому извиненію ихъ заблужденій, тѣмъ болѣе, что многія ложныя мысли и мнѣнія образуются только отъ односторонняго взгляда на вещи.

б) При встрѣчѣ съ сомнѣніемъ и невѣріемъ относительно христіанской вѣры вообще, пастырь долженъ внимательно всматриваться, какого рода эти недуги, происходятъ ли они отъ болѣе или менѣе тяжелой борьбы мыслей и чувствъ въ душѣ человѣка, или суть одно своеволіе легкомыслія.

Случается слышать вольныя и дерзскія рѣчи противъ святѣйшей вѣры Христовой; но чѣмъ вольнѣе и неосторожнѣе подобныя рѣчи, тѣмъ безошибочнѣе можно заключать, что говорящіе такимъ образомъ сами не знаютъ, что говорятъ, что въ нихъ много дерзости

и своеволія, но никакихъ нѣтъ убѣжденій... Дѣйствительно, есть люди, которые никогда не были глубоко заняты тѣмъ, что касается высшаго назначенія человѣка и его безсмертной жизни, не болѣли никакими сомнѣніями или недоумѣніями въ разсужденіи важнѣйшихъ предметовъ вѣры и знанія человѣческаго, не простирались далеко, ни въ область религіи, ни въ область науки, и не знакомы надлежащимъ образомъ ни съ тѣмъ, что преподается въ Церкви, ни съ тѣмъ, до какихъ заключеній доходили и доходятъ науки человѣческія,—между тѣмъ слышали или читали различныя возраженія противъ христіанства, видѣли или видятъ людей образованныхъ съ направленіемъ, болѣе или менѣе противнымъ духу и требованіямъ христіанскаго благочестія, и—безъ размышленія, безъ борьбы, подчиняются духу сомнѣнія или невѣрія, обольщаясь, подъ его преобладаніемъ, мнимою свободою жизни и поведенія нравственнаго. Имъ даже пріятно, что они сомнѣваются или не вѣрятъ; потому что въ этомъ они находятъ оправданіе поведенія своего, несогласнаго съ духомъ и правилами поведенія христіанскаго. Если спросить ихъ, въ чемъ же они убѣждены, во имя какой истины живутъ и дѣйствуютъ, какая послѣдняя, высшая животной, цѣль ихъ жизни, къ чему они стремятся повыше мелкихъ интересовъ обыденнаго быта, чего надѣются прочнѣе, чище и достойнѣе человѣка, чѣмъ удовлетвореніе чреву и страстямъ душевнымъ; то эти вопросы будутъ для нихъ новы и заниматься ими не окажется у нихъ расположенія. Такъ легкомысленны и поверхностны эти люди! Но потому то они и склонны говорить много противъ того, чего не знаютъ. Чѣмъ больше кто размышляетъ и глубже всматривается въ вопросы жизни, тѣмъ бережливѣе становится въ словахъ и осмотрительнѣе въ сужденіяхъ. Напротивъ, кого не занимаетъ въ собственномъ смыслѣ ни одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ размышленія, тотъ готовъ судить обо всемъ, не зная, какъ слѣдуетъ, ничего. Потому то, повторяемъ, чѣмъ вольнѣе и неосмотрительнѣе слышатся рѣчи противъ священныхъ истинъ вѣры, тѣмъ безошибочнѣе можно заключить о говорящихъ, что они говорятъ не по убѣжденію, а по легкомыслію и своеволію.

Пастырь не можетъ пренебрегать такими выходками легкомысленныхъ кощуновъ, принимая во вниманіе, какъ опасность ихъ собственнаго состоянія, такъ и возможность соблазна для другихъ отъ ихъ поведенія и словъ: но не долженъ и приступать прямо къ ихъ обличенію, особенно когда въ нихъ замѣчается, кромѣ легкомыслія, тщеславіе или желчность. Если не къ нему обращены слова ихъ, если и другіе не требуютъ отъ него слова; то ему лучше всего держаться на этотъ разъ въ сторонѣ отъ неразумныхъ судей вѣры и своею степенностію и спокойствіемъ предотвращать покушенія ихъ вызвать его на неумѣстный споръ. Не имѣя никакой силы въ себѣ самомъ, легкомысліе больше всего поражается строгимъ невниманіемъ къ нему; напротивъ, оно ободряется, когда съ нимъ хотятъ публично бороться, какъ съ какою нибудь силою, и, за недостаткомъ прочнаго знанія и крѣпкой мысли, прибѣгаетъ часто къ насмѣшкѣ и подобнымъ орудіямъ, которыми, нисколько не поражая истины, можетъ смущать предъ другими неосторожнаго защитника оной. Если же нарочито въ слухъ пастыря позволяютъ себѣ говорить что либо противъ святой вѣры, желая вывести его изъ присутствія духа и привесть въ замѣшательство; то, не входя и въ этомъ случаѣ въ состязаніе, онъ долженъ стараться только остановить дерзость кощунства такимъ замѣчаніемъ, силу котораго могли бы чувствовать всѣ присутствующіе, сказавъ

напримѣръ, что истины св. вѣры не такіе предметы, о которыхъ можно было бы говорить шутя, для препровожденія времени, или въ угоду любопренія, остроумія и проч., что нужно прежде сознать и почувствовать важность и святость этихъ предметовъ, чтобы разсуждать объ нихъ какъ должно, и подобн. Если пастырь опасается какого нибудь вліянія такихъ легомысленныхъ рѣчей на другихъ пасомыхъ; то долженъ съ церковной каѳедры раскрыть съ особенною ясностію и силою тѣ истины, которыхъ касается вольномысліе, остерегаясь однакожъ обличительнаго тона. Что же касается до самыхъ лицъ, высказывавшихъ себя хулителями или, по крайнѣй мѣрѣ, препирателями православной вѣры; то пусть онъ выищетъ удобный случай къ частной, домашней бесѣдѣ съ ними и въ этой бесѣдѣ постарается привести ихъ къ сознанію лживости и опасности того направленія, какому они добровольно подчиняются. Какъ скоро пробудится въ нихъ это сознаніе, они перестанутъ беззаботно покоиться подъ покровомъ мнимой свободы мысли и жизни и могутъ заняться, какъ должно, такимъ важнымъ предметомъ, каковъ — вѣчное спасеніе наше.

Совсѣмъ иной характеръ имѣютъ означенные недуги, когда они происходятъ отъ внутренней, болѣе или менѣе тяжелой, борьбы мыслей и чувствъ въ душѣ человѣка.

Сомнѣніе, въ началѣ своемъ, не есть еще собственно заблужденіе: сомнѣвающійся стоитъ какъ бы на распутіи, не рѣшаясь ступить ни на ту, ни на другую дорогу. Но такое состояніе не можетъ быть продолжительно. Благо, если на первыхъ порахъ человѣкъ побѣждаетъ въ себѣ эту нерѣшительность и потомъ идетъ, не озираясь, путемъ, указаннымъ намъ свыше небеснымъ Путеводителемъ нашимъ. Но бываетъ, что сомнѣвающійся не перестаетъ сомнѣваться и тогда, когда идетъ тою или другою дорогою... Отъ того онъ идетъ неровно, нерѣшительно, иногда перемѣняетъ одно направленіе за другимъ, иногда теряетъ всякій опредѣленный путь и блуждаетъ безъ цѣли. Такое сомнѣніе есть уже въ собственномъ смыслѣ заблужденіе и вмѣстѣ жестокій недугъ. Въ борьбѣ съ различными недоумѣніями своими человѣкъ иногда изнемогаетъ до крайности. И не удивительно. Безъ вѣры и надежды жизнь не имѣетъ ничего утѣшительнаго. Внѣшнія возбужденія даютъ намъ на время нѣкоторое какъ бы одушевленіе; но—это собственно раздраженія, за которыми неизбѣжно слѣдуетъ большій упадокъ жизненной силы. Сомнѣвающійся хочетъ жить сознательно, ищетъ не случайнаго удовольствія, а постоянной и крѣпкой пищи для души; подчиняясь иногда животному инстинкту наслажденія, онъ однакожъ не можетъ уступать ему, какъ требованію законному; напротивъ сознавая высшее назначеніе своей природы, онъ тѣмъ больше страждетъ въ душѣ своей, чѣмъ легче, покоряется животнымъ влеченіямъ; между тѣмъ не имѣетъ и крѣпкой опоры для того, чтобы рѣшительно стать противъ чувственности. Нельзя не припомнить здѣсь исповѣди бл. Августина, который не мало времени страдалъ недугомъ сомнѣнія. Рожденный въ нѣдрахъ православной Церкви и возраставшій сначала въ понятіяхъ чистаго христіанства, онъ потомъ, въ слѣдствіе односторонняго и дурно направленнаго образованія въ школахъ, непримѣтно сошелъ съ пути православія и затѣмъ долго уже не могъ вступить на него снова. И почти все это время онъ боролся съ различными недоумѣніями и доходилъ иногда до отчаянія найти что либо непоколебимо-истинное и неизмѣнно-твердое. Этотъ примѣръ показываетъ, какъ жестоко можетъ поражать душу нашу сомнѣніе, если попустить ему свободный входъ въ

нее. Впрочемъ изъ того же примѣра открываются, въ ободреніе и наставленіе каждому пастырю духовному при встрѣчѣ его съ сомнѣніемъ, слѣдующія истины:

1) Чѣмъ болѣзненнѣе сомнѣніе для самаго сомнѣвающагося, тѣмъ болѣе можно быть увѣрену въ благополучномъ исходѣ болѣзни. Эту утѣшительную истину выразилъ и самъ блаж. Августинъ, въ самомъ началѣ своей исповѣди, говоря: *ищущіе обрѣтутъ Бога, и обрѣтающіе прославятъ Его.* На попущеніе такой болѣзни духовной со стороны премудраго промысла Божія можно смотрѣть, частію какъ на наказаніе человѣку за то, что онъ не крѣпко бережетъ данное ему сокровище — вѣру благодатную, частію какъ на предохранительное средство отъ другихъ недуговъ духовныхъ; потому что, испытавши немощь и беззащитность души въ удаленіи отъ единыя Истины, человѣкъ способнѣе будетъ цѣнить и беречь возвращенный ему даръ Божій и бдительнѣе наблюдать за собою.

2) Чтобы содѣйствовать освобожденію отъ этой болѣзни, требуется главнымъ образомъ сила вѣры и благочестія въ лицѣ самаго пастыря. Обращенію блаж. Августина споспѣшествовали преимущественно святитель медіоланскій Амвросій и пресвитеръ Симплиціанъ. Ни тотъ, ни другой не входили съ нимъ въ философскія разсужденія; однакожъ, по мѣрѣ сближенія съ ними, Августинъ чувствовалъ сильное и благодѣтельное вліяніе ихъ на себя. Св. Амвросія онъ приходилъ слушать сперва изъ одного любопытства; слово проповѣдника относилось ко всѣмъ слушателямъ вообще, не касаясь нарочито тѣхъ предметовъ, которыми занята была душа Августина: но таково было обиліе духа и жизни въ св. проповѣдникѣ, что приходившій слушать одно краснорѣчіе витіи, выносилъ съ собою изъ храма большее и большее расположеніе къ самой истинѣ, которая проповѣдывалась, и освобождался отъ предубѣжденій противъ Церкви Христовой. Симпліціанъ былъ старецъ простой, мало ученый; но его простыя бесѣды, исполненныя благодати, глубоко трогали сердце блаж. Августина и пробуждали въ немъ искреннее желаніе все оставить для Господа. — Это явленіе, безъ сомнѣнія, не случайное, и объяснить его не очень трудно. Недоумѣнія, конечно, порождаются разумомъ; но убѣжденія, способныя быть началами нашей жизни и дѣятельности, никогда не вырабатывались и не могутъ быть выработаны разумомъ. Истина выше и глубже разума. Она дается свыше и пріемлется не одною мыслію, но всѣмъ духовнымъ существомъ нашимъ. Самыя правильныя и очевидныя заключенія разсудка не сильны успокоить насъ отъ порожденныхъ имъ же самимъ недоумѣній, коль скоро нѣтъ въ насъ убѣжденій выше-разсудочныхъ; потому что въ душѣ, поколебавшейся въ вѣрѣ, возникаютъ противорѣчія воли и чувствъ, обезсиливающихъ самыя правильныя понятія. Надобно, чтобы душа вновь ощутила, сознала и, такъ сказать, осязала истину и — тогда она обратится къ ней; а для этого нужна истина не отвлеченная, но живая, дышущая благодатнымъ миромъ, правдою и радостію о Дусѣ Святѣ. На этомъ основаніи можно дать слѣдующія главныя правила для пастырскаго обращенія съ сомнѣвающимися: а) не распространяться въ доводахъ, не напрягаться въ опроверженіи недоумѣній, а сердечнымъ выраженіемъ вѣры въ Господа Искупителя и Спасителя, молитвеннымъ желаніемъ имъ самимъ успокоенія въ тойже вѣрѣ и надеждою на благодатную для нихъ помощь Божію возбуждать ихъ духовныя силы къ борьбѣ съ своимъ недугомъ; б) обращать ихъ вниманіе на плоды благодатной вѣры: если истина въ существѣ своемъ непостижима, то ясно познается по ея свой-

ствамъ и дѣйствіямъ, открывающимся въ сынахъ вѣры, которые достигаютъ совершенствъ, рѣшительно недостижимыхъ внѣ области истинной вѣры; в) самый вѣрный и надежный способъ къ разсѣянію сомнѣній указывать въ доброй жизни, въ точномъ и нелицемѣрномъ исполненіи заповѣдей евангельскихъ. Самъ Господь Спаситель нашъ сказалъ: *аще кто хощетъ волю Божію творити, разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога* (Іоан. 7, 16), и еще: *аще вы пребудите въ словеси моемъ, уразумѣете истину* (8, 31). Пока человѣкъ не хочетъ употребить всѣхъ усилій къ исполненію евангельскихъ правилъ жизни, дотолѣ онъ не искренно ищетъ истины и, можно безошибочно утверждать, въ тайнѣ самъ потворствуетъ сомнѣніямъ разсудка, боясь освободиться отъ препятствій къ вѣрѣ, вмѣсто того, чтобы бороться съ этими препятствіями. Такимъ путемъ доходятъ до невѣрія.

Невѣріе, какъ рѣшительное и спокойное отверженіе богооткровенной истины, едва ли возможно. Едва ли были и есть невѣрующіе, которые успокоивались бы на невѣріи своемъ, какъ вѣрующіе успокоиваются на вѣрѣ. Надобно имѣть положительныя убѣжденія, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя даются истинною вѣрою, чтобы спокойно жить и дѣйствовать безъ вѣры; но такихъ убѣжденій, разумныхъ и сознательныхъ, быть не можетъ; потому что истина — одна, и за отрицаніемъ ея могутъ слѣдовать только отрицанія. Что же такое невѣріе? Это тоже сомнѣніе, только получившее другой видъ и характеръ, сообразно съ нравственнымъ направленіемъ сомнѣвающагося. Борьба съ сомнѣніемъ требуетъ нравственной силы; она ожесточается именно по мѣрѣ нравственныхъ усилій человѣка обрѣсти истину для того, чтобы, ставши на ней, какъ на твердой почвѣ, свободно дѣйствовать по верховному закону добра и жить для верховнаго блага: посему-то чѣмъ мучительнѣе сомнѣніе, тѣмъ надежнѣе благополучный выходъ изъ него. Но если нравственное расположеніе и стремленіе къ высшему благу не поддерживаетъ этой борьбы; то человѣкъ уклоняется отъ нея, и сомнѣніе остается въ немъ, какъ нѣчто постоянно враждебное вѣрѣ, хотя и ничѣмъ не замѣняющее убѣжденій вѣры. Въ такомъ состояніи—

а) или совсѣмъ перестаютъ заниматься существенными вопросами жизни, полагая ихъ неразрѣшимыми и даже безполезными для блага жизни, а обращаются къ болѣе частнымъ вопросамъ знанія, изъ удовлетворенія ли любознательности, или для достиженія ближайшихъ, т. е. временныхъ благъ земной жизни. Очевидно, это — самообманъ со стороны человѣка: не побѣдивши врага, онъ захотѣлъ примириться съ нимъ, уступивши ему то, безъ чего не можетъ быть для него истиннаго блага. Надобно стараться разорвать этотъ опасный миръ, одушевляя уступившаго сомнѣнію несомнѣнною надеждою побѣдить оное и за тѣмъ споспѣшествуя ему въ борьбѣ силою собственныхъ убѣжденій и указаніемъ означенныхъ средствъ къ духовно-нравственному торжеству надъ врагомъ вѣры. Замѣчательно, что невѣрующіе этого рода не вѣруютъ и въ то, чтобы кто нибудь разумно и сознательно покорялся вѣрѣ: они предполагаютъ въ людяхъ благочестивыхъ или недостатокъ образованія и развитія мыслительной силы, или лицемѣріе, если не прямо корыстное и низкое, то порождаемое силою обстоятельствъ и внушаемое благоразуміемъ. Вывести ихъ изъ этого заблужденія значитъ уже много сдѣлать для ихъ обращенія: имъ нужнѣе, чѣмъ кому нибудь, духовно-нравственный авторитетъ. Отсюда понятно, какую силу можетъ имѣть для нихъ искреннее, твердое, исполненное духомъ

неложнаго упованія христіанскаго, слово пастыря духовнаго о Спасителѣ и спасеніи.

б) Или, вмѣсто истинныхъ началъ вѣры, стараются утвердиться на началахъ разума. Но, каковы бы ни были эти послѣднія начала, опытъ тысячелѣтій показалъ, что на нихъ ничего не можетъ быть создано прочнаго. Никакая философія не переживала вполнѣ своего времени. Не ужели же все еще нужно ждать открытія истины? Или можно въ одномъ стремленіи къ этому открытію полагать все назначеніе духовно-разумной природы человѣка? То и другое — очевидная нелѣпость. И если не примѣчаютъ этого люди мыслящіе, то потому главнымъ образомъ, что они не расположены къ истинѣ, открытой самимъ Богомъ, что имъ тяжело покориться ея требованіямъ, что они желали бы другой истины, не столь строгой къ ихъ ветхому человѣку. Въ этомъ отношеніи они подобны древнимъ фарисеямъ, которые желали пришествія Спасителя, какъ вѣчной Истины, при вѣсти о явленіи Его хотѣли разузнать, точно-ли это Обѣтованный, но когда увидѣли, что ученіе Его противно ихъ склонностямъ и стремленіямъ, отреклись отъ Него, не смотря на то, что истина могла быть для нихъ очевидна, и самъ Господь торжественно свидѣтельствовалъ предъ ними: *кто обличаетъ Мя о грѣсѣ; аще ли истину глаголю, почто вы не вѣруете Мнѣ*? (Іоан. 8, 46). Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ невѣріе коренится не столько въ умѣ, сколько въ сердцѣ человѣка. Поэтому, чтобы противодѣйствовать ему, нужно не столько усиліе въ опроверженіи лжеумствованій, сколько проникнутое теплотою и убѣжденіемъ исповѣданіе истины...

Относительно всѣхъ вообще заблужденій замѣтимъ, наконецъ, слѣдующее: когда пастырскія вразумленія остаются безъ успѣха и заблуждающіе не перестаютъ упорствовать въ своемъ заблужденіи; то надобно смотрѣть, держатся ли они только сами своихъ заблужденій, или стараются внушать ихъ и другимъ. Въ первомъ случаѣ пастырь можетъ терпѣть заблуждающихъ съ христіанскою кротостію и любовію, не переставая заботиться объ ихъ исправленіи и не теряя надежды на ихъ обращеніе. Въ послѣднемъ же случаѣ онъ долженъ доносить о нихъ высшему начальству, только со всею справедливостію, безпристрастіемъ и скромностію, и потомъ дѣйствовать по его указаніямъ и распоряженіямъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 21-го Сентября 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 51.

НЕДѢЛЯ 23 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

19 Октября 1858 г.

Гласъ 6-й.

На утрени: евангеліе воскресное 1-е, Матѳ. зач. 116. На Литургіи: апост. Ефес. зач. 220, евангеліе Лук. зач. 38.

ПОУЧЕНІЕ КЪ ПОСЕЛЯНАМЪ ПО СЛУЧАЮ ПОЖАРА (*).

Вижу, други мои, чѣмъ болѣе всего теперь заняты ваши мысли, ваши чувства. Вы не можете не думать о бѣдствіи, постигшемъ нѣкоторыхъ изъ ближнихъ вашихъ,—о бѣдствіи, въ нѣсколько часовъ истребившемъ все, что пріобрѣталось такъ долго и съ такимъ потомъ и трудами. Горе и слезы пострадавшихъ тревожатъ духъ вашъ, возмущаютъ сердце!... И вотъ вы думаете, кто и какъ сдѣлался виною такого бѣдствія;—одинъ говоритъ: »вся бѣда отъ неосторожности«; другой думаетъ, что »не безъ злыхъ людей обошлось это дѣло«.

Не спорю, быть можетъ, и дѣло говорите вы; быть можетъ и есть правда въ словахъ вашихъ. Но приходило ли вамъ при этомъ на мысль слово Писанія, которое говоритъ, что *и власы главы нашей вси изочтены суть у Бога* (Лук. 12, 7), и ни *единъ изъ нихъ не погибнетъ безъ воли Отца небеснаго?* (Лук. 21, 18). Внимая симъ словамъ Господа Іисуса Христа, когда смотрю на сіи жалкіе останки хижинъ и пожитковъ, истребленныхъ огнемъ, я ясно вижу, что это посѣщеніе Божіе, въ которомъ *милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася* (Псал. 84, 11),—въ которомъ наше благо, спасеніе нашей души!

Что за милость, скажете вы, когда находятъ на человѣка бѣда лютая, горе тяжкое! Гдѣ тутъ истина, гдѣ правда, когда огонь безъ разбора и пощады истребляетъ кроху бѣднаго также, какъ и закромы богатаго, съѣдаетъ плоды трудовъ благочестиваго, наравнѣ съ стяжаніемъ нечестиваго? Что за благо, если

(*) Сообщено.

человѣкъ дѣлается нищимъ—въ тягость себѣ и другимъ.

Милость, братіе, и великая милость во всемъ, что Господь ни посылаетъ для наказанія и исправленія нашего. Голодъ, моръ, пожары — все это *стези гнѣва Божія* на грѣшный родъ человѣческій. Но для чего Господь посылаетъ все сіе, какъ не для того, чтобы люди одумались, раскаялись, перестали грѣшить, вспомнили бы, что это только малѣйшія изъ тѣхъ бѣдъ, которыя нѣкогда постигнутъ грѣшниковъ нераскаянныхъ! И не лучше ли, смиряясь предъ Богомъ, съ покорностію претерпѣть временное зло, дабы избавиться отъ вѣчнаго! И не милость ли Господня, не отеческая ли любовь Его къ намъ, когда Онъ насъ, какъ неразумныхъ дѣтей, наказываетъ, чтобы на будущее время сдѣлать насъ добрыми и послушными чадами своими? Облобызаемъ же, братіе, карающую, но и милующую насъ десницу Господню! Предадимся во святую волю Его, и пусть, если это нужно для нашего спасенія, постигнетъ насъ зло временное, только бы избавиться намъ отъ вѣчнаго!

»Все такъ, говорите вы, на все воля Божія. Но за что же подвергается бѣдствію бѣдный наравнѣ съ богатымъ, добрый наравнѣ съ злымъ«.—Знаете ли, братіе, скажу вамъ въ отвѣтъ, отъ чего золото блеститъ такъ ярко, серебро бываетъ такъ чисто и свѣтло, и то и другое и вѣско и крѣпко и многоцѣнно? И золото сначала не бываетъ такимъ, а бываетъ покрыто грязью, перемѣшано со многимъ другимъ малоцѣннымъ и грубымъ. Но вотъ—люди искусные берутъ его изъ земли, бросаютъ въ огонь, вынимаютъ и опять бросаютъ, и—все, что не золото, или сгоритъ или отойдетъ, а само золото является чистымъ и свѣтлымъ. Не похожъ ли, братіе, и всякій человѣкъ на неочищенное золото. Въ каждомъ изъ насъ, благодатію Божіею, есть что нибудь доброе (конечно въ одномъ болѣе, въ другомъ менѣе), но это добро, это золото покрыто бываетъ постоянно тиною грѣховною, перемѣшано съ дѣлами и помышленіями не богоугодными. Самому человѣку не легко очиститься отъ всего худаго и оставить одно золото, одно доброе и благочестивое. Но чего не въ силахъ сдѣлать самъ человѣкъ, то совершаетъ всеблагій и премудрый Господь Богъ. Онъ самъ, какъ говорится въ Писаніи, *яко огнь горнила, разваряетъ и очищаетъ яко сребро и злато души избранныхъ* (Мал. 3, 3). Подвергая бѣдамъ и искушеніямъ, Господь Богъ заставляетъ каждаго изъ насъ внимательнѣе заглянуть въ свою душу, нѣтъ ли тамъ чего такого, за что бы Господь могъ прогнѣваться. Заставляя терпѣть, и повидимому безвинно, напасти и скорби, тѣмъ самымъ пріучаетъ человѣка къ смиренію и покорности волѣ Божіей. И такимъ образомъ душа въ человѣкѣ мало по малу начинаетъ свѣтлѣть добрыми помыслами. Но въ немъ, напримѣръ, сильна еще привязанность къ имуществу, къ стяжанію,—и Господь Богъ такъ или иначе лишаетъ его стяжанія и тѣмъ какъ бы говоритъ ему:*ищи прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся тебѣ.* Надѣется ли кто на человѣка паче, нежели на Господа,—Господь Богъ вдаетъ его въ руцѣ человѣкъ грѣшникъ, да познаетъ, что *лучше впасть въ руцѣ Господни, яко многи суть щедроты Его зѣло* (2 Цар. 24, 14), нежели въ руцѣ человѣкъ немилостивыхъ. Не уважаетъ ли кто родителей и старшихъ себя,—Господь дѣлаетъ такъ, что и онъ не пользуется уваженіемъ своихъ дѣтей. Вообще—знаетъ Господь, чѣмъ и какъ подѣйствовать на человѣка, чтобы вразумить, искусить его и такимъ образомъ очистить его отъ скверны грѣховной.

А потому да не смущается сердце, осо-

бенно ваше, дѣти мои, пострадавшіе по волѣ Божіей! Вы лишились имущества, но надъ вами обнаружилась милость Отца небеснаго, спасающаго души ваши. Вы долго и много трудились, пока пріобрѣли то, что вдругъ изчезло теперь;—да послужитъ это вамъ урокомъ въ томъ, что такъ изчезнетъ все, что дѣлалось не для Бога, не во славу Его святаго имени. А потому, опять трудитесь, работайте, но не забывайте и молитвы съ добрыми дѣлами. Пусть ваше имущество возрастаетъ, умножается, но да умножится съ сего времени и ваша любовь ко Господу и добродѣтели!

Обращаюсь къ вамъ, други мои, бывшіе только свидѣтелями бѣдствія, но не подвергшіеся ему! Да не подумаетъ кто либо изъ васъ, что искушеніе сіе не касается васъ! Пострадавшихъ Господь испытываетъ, не предпочитаютъ ли Его мамонѣ, не привязано ли сердце ихъ къ стяжаніямъ болѣе, нежели сколько должно. Васъ же Онъ испытываетъ въ другомъ, и какъ бы такъ говоритъ: »вотъ Я пошлю бѣдствіе на однихъ и увижу, пробудится ли жалость къ нимъ въ другихъ. Есть ли между ними согласіе братское, любовь христіанская, повелѣвающая помогать ближнему во всѣхъ его бѣдахъ и скорбяхъ?«

Братіе мои! помолимся Господу Богу, да поможетъ Онъ самъ намъ творити волю Его, и послѣ сего бѣдствія, постигшаго васъ, явиться предъ Его взоромъ очищенными покаяніемъ, украшенными дѣлами милосердія и христіанской любви къ ближнему! Аминь.

НАМѢРЕНІЯ БОЖІИ—ВЪ ЧУДЕСАХЪ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Дивный во святыхъ своихъ Богъ и чрезъ всѣхъ святыхъ, способныхъ быть орудіями Его благодати и силы, совершаетъ чудесныя знаменія въ Церкви своей, но по преимуществу Онъ избиралъ и избираетъ для этой цѣли святѣйшую святыхъ—Божію Матерь. Чья *слава* такъ *богольпно просіяла богоподобными чудесы* (стих. на Господи воззвахъ служ. Усп. пресв. Бог.), какъ просіяла слава Богоматери? Сіяла она боголѣпно въ Церкви греческой, сіяла и сіяетъ неоскудѣваемымъ свѣтомъ и въ нашей Церкви русской. Сколько чудесныхъ знаменій своего заступленія явила пресвятая Дѣва надъ Церковію греческою среди страданій и непрестанной борьбы ея со внутренними и внѣшними врагами. Нѣкогда Она даже видимо явилась во Влахернскомъ храмѣ молящеюся о своихъ вѣрныхъ рабахъ и покрывающею ихъ своимъ чуднымъ покровомъ, показавъ тѣмъ, что Она непрестанно молится предъ Сыномъ своимъ о всѣхъ прибѣгающихъ подъ кровъ Ея рабахъ, и что всегда готова подавать имъ помощь своего благодатнаго покрова. Сколько чудесныхъ знаменій своего покрова показала тоже Взбранная Воевода и въ нашей Церкви и въ нашемъ отечествѣ! Не разъ Она въ минуты бѣдствій, тягостныхъ для Церкви и государства, осѣняла Россію своимъ чудодѣйственнымъ покровомъ, спасая ее силою сыновъ Россіи и въ тоже время поражая враговъ ея, путь бѣдствій и испытаній ея обращая въ путь величія и славы, а путь величія и славы враговъ ея—въ путь бѣгства, стыда и уничиженія. *Аще бо ты не бы предстояла молящи, кто бы насъ избавилъ отъ толикихъ бѣдъ, ктоже бы сохранилъ донынѣ свободны* (кан. мол. Богор.): такъ въ чувствѣ умиленія и благодарности мы взываемъ нынѣ къ нашей усердной За-

ступницѣ, свидѣтельствуя тѣмъ, что избавленіемъ отъ безчисленныхъ золъ и самою настоящею свободою одолжены единственно чудесному Ея покрову. Что уже сказать о безчисленныхъ, явленныхъ Божіею Матерію надъ частными лицами, чудесахъ, изъ которыхъ большая часть осталась имъ однимъ извѣстною? Самое число чудотворныхъ иконъ Божіей Матери, которыхъ такъ много въ нашей Церкви, и больше, чѣмъ иконъ другихъ святыхъ, не показываетъ ли ясно, что для совершенія чудесъ въ Церкви Господь избиралъ по преимуществу и избираетъ пречистую свою Матерь. Что же это означаетъ? Если въ разумныхъ существахъ мы замѣчаемъ, что они часто повторяютъ дѣйствія одного и тогоже рода, то никакъ не можемъ предположить, чтобы они такъ дѣйствовали случайно, безъ мысли, безъ особенной цѣли. Такъ точно, замѣчая, что Господь многократно совершаетъ чудеса въ Церкви своей чрезъ Матерь свою, и чаще, чѣмъ чрезъ другихъ святыхъ, мы не можемъ не предположить, что Онъ, *вся дѣйствуя по совѣту воли своей* (Ефес. 1, 11), совершаетъ это съ особенными намѣреніями, соотвѣтственными Его славѣ и нашему спасенію. Какія же намѣренія Божіи можно усматривать въ чудесахъ Божіей Матери, такъ многочастнѣ и многообразнѣ являемыхъ въ Церкви Христовой?

Обращая благоговѣйный взоръ на Ея чудеса, мы не можемъ не видѣть, что они направляются Богомъ къ яснѣйшему открытію славы Сына пречистой Матери, — славы Ея самой, къ наученію и спасенію насъ самихъ, ради которыхъ отъ Нея воплотился и вочеловѣчился Сынъ Божій.

Величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ (Лук. 1, 46): вотъ первыя слова пречистой Дѣвы на привѣтствіе Елисаветы, назвавшей Ее Матерію Господа! Слыша сіе высокое привѣтствіе, Матерь Господа обращается тотчасъ своею мыслію не къ той божественной славѣ и недосязаемому для земнородныхъ величію, которое проповѣдала Ей Елисавета, а къ славѣ и величію Господа, котораго Матерію Она сдѣлалась, ради котораго и Она сама будетъ славною и великою: *величитъ душа моя Господа.* Духъ Ея въ это время занимается не Ею самою, какъ высокою посредницею тайны божественной, *сокровенной отъ вѣкъ и родовъ въ Бозѣ* (Кол. 1, 26), тайны воплощенія и спасенія, — а весь восторгъ сосредоточивается на Виновникѣ и Совершителѣ сей глубочайшей тайны — Сынѣ своемъ — Богѣ, имѣющемъ спасти Ее, и чрезъ Нее и въ Ней все человѣчество: *и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ.* Такъ ясно сознавала свое высокое предназначеніе служить славѣ Сына Божія *избранная отъ родовъ* (акаѳ. Усп. прес. Богородицы) для Его славы, — сознавала съ той первой минуты, какъ сдѣлалась Его Матерію! И дѣйствительно, служеніе славѣ Божіей и преимущественно славѣ Сына Божія, къ которому Она призвана была, и которое должна была воспринять на себя съ того времени, должно было быть безпримѣрнымъ, единственнымъ. *Небеса повѣдали славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщала твердь, день дни отрыгаетъ глаголъ и ночь нощи возвѣщаетъ разумъ* (Пс. 19, 1. 2). *Хвалятъ Господа съ небесъ, хвалятъ Его въ вышнихъ, хвалятъ Его вси ангели Его, хвалятъ Его вся силы Его* (Пс. 148, 1. 2); но ни одной изъ тварей разумныхъ и неразумныхъ не предназначено было столь высокое служеніе славѣ Божіей, къ какому избрана та, которая сдѣлалась *селеніемъ Солнца славы* (акаѳ. Усп. Богор.), которая *имѣла во утробѣ своей надъ всѣми Бога и родила безлѣтнаго Сына*

(кан. ак. пр. Бог. пѣсн. 5), *иже есть сіяніе славы и образъ Упостаси Отца* (Ефес. 1, 3). Въ комъ изъ тварей такъ ясно открывалась Божія премудрость, какъ она открылась и всегда должна была открываться въ той, которая сдѣлалась *пріятелищемъ мудрости, одушевленною книгою* (ак. Бог.), въ которой паче слова и разума изобразилась та премудрость, *юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу* (1 Кор. 2, 7)? Въ комъ изъ тварей яснѣе всего должна была являться правда Божія, какъ не въ Той, которая родила, *егоже предположи Богъ очищеніе вѣрою въ крови Его въ явленіе правды своея* (Римл. 3, 25), *да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. 5, 21)? Въ комъ сильнѣе всего должна была отпечатлѣться любовь Божія, какъ не въ Той, при посредствѣ которой *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16)? Въ комъ наконецъ изъ тварей паче солнца должны были непрестанно сіять всѣ божественныя совершенства, какъ не въ Той, въ которой непостижно *милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася, и истина отъ земли возсія и правда съ небесе приниче* (Пс. 84. 11)? Итакъ, предъизбранная Богомъ отъ всѣхъ родовъ земныхъ для славы Божіей и преимущественно для славы Сына Божія, по словамъ пѣсни церковной, какъ *луна* утверждается на тверди Церкви и сіяетъ богоподобными чудесы паче всѣхъ свѣтилъ духовныхъ, да вси земнородніи въ величественномъ Ея свѣтѣ явѣ зрятъ свѣтъ *облиставающаго* Ее (ак. Усп. пр. Бог.) незаходимаго Солнца, подобно тому, какъ и на небеси *умная множества*, зря пречистую Богоматерь, *явѣ зрятъ всѣми владычествующаго, осуществовавшагося человѣчествомъ* (кан. ко прич. пѣс. 9). Силою Божіей Матери *мертвіи оживляются, нѣміи прежде благоглаголиви бываютъ, прокаженніи очищаются, духовъ воздушныхъ множества побѣждаются* (ак. пѣсн. 8), да всѣ познаютъ и прославятъ чудодѣйствующаго въ Ней Ея всемогущаго Сына, иже *воскрешаетъ мертвыя и живитъ* (Іоан. 5, 21), *исцѣляетъ всякъ недугъ и язу* (Мат. 15, 30), имени котораго трепещутъ и трясутся демоны. Ниспосылаетъ Царица — Матерь вѣрующимъ въ Ея Сына неисчетныя милости, да познаютъ въ Немъ всемилостиваго и всеблагаго Бога. Невѣрующихъ въ Ея Сына часто поражаетъ Она страшными и ужасающими знаменіями, да познаютъ въ Немъ правосуднаго и нелицепріятнаго Судію. *Да пріидутъ* же *вси языцы и поклонятся* въ лицѣ Матери Божіей Ея Сыну и въ Ея имени *прославятъ имя* Того, кто *великій* есть, *творяй чудеса и Богъ единъ* (Пс. 85, 9. 10).

Окружая свѣтомъ чудесъ паче всѣхъ святыхъ лице Божіей Матери для своей славы, Господь Богъ обращаетъ его и къ вящшей славѣ Ея самой, *да сіяетъ* Она паче всѣхъ святыхъ, по словамъ пѣсни церковной, *благодатію и славою вселенныя, какъ облеченная въ солнце* (ак. Усп. Бог.). *Ина слава луны*, въ большей мѣрѣ вмѣщающей въ себѣ свѣтъ духовнаго Солнца, *ина слава звѣздамъ* (1 Кор. 15, 4), въ меньшей мѣрѣ отражающимъ Его свѣтъ. Какою *славою*, какъ не *божественною* должна была *преукраситься* (кан. Усп. Богор.) Та, которая сдѣлалась *Матерію Безначальнаго, вмѣстилищемъ невмѣстимаго, одушевленнымъ престоломъ* (ак. Бог.) Господа славы? Не должна ли была вѣнчаться славою и честію предвѣчнаго своего Сына Та, которая родила Его и матернею своею любовію вмѣстѣ съ Нимъ *страдальчествовала и умирала*, дабы *жить* вмѣстѣ съ Нимъ *и царствовать* (Троп. муч.). И дѣйствитель-

но, Сынъ Божій, *вошедши въ славу свою* (Лук. 24, 26) *юже имѣлъ прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 4), сподобляетъ сей славы по благодати и свою Матерь по естеству. Сынъ возсѣдаетъ одесную Бога Отца, и Матерь предстаетъ одесную Сына, какъ *Царица въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна, преиспещренна* (Пс. 44. 10). Отецъ *даетъ* Сыну *всяку власть на небеси и на земли* (Мат. 28, 18), Сынъ даруетъ по благодати ту же власть Матери. *Царя небеснаго поютъ вои ангельстіи* (Гл. 8, прим. 9) и Царицу—Матерь *славятъ умная множества* (кан. ко прич. п. 9), *не могуще взирати на Ню и достойную честь воздати, Тоя бо преизящное превосходитъ всякъ умъ* (стих. на Господи воззв. на Усп.). И сія-то божественная слава и власть Царицы-Матери является въ Церкви земной въ неисчислимыхъ Ея чудесахъ,—является, да и на земли, какъ на небеси, *ублажатъ Ее вси роди*, яко истинную Матерь Божію, *превысшую всѣхъ тварей, честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ* (Ир. 9 на Введ.),—является въ безчисленныхъ мѣстахъ, да *отъ востокъ солнца до западъ славится* (Мал. 1, 10) преблагословенное имя Богоматери, какъ имя Ея Сына,—является въ чудесахъ спасительныхъ для вѣрующихъ, *да воспѣваютъ они, радуяся тоя чудеса* (Ир. 1, Введ.), *о божественнѣй славѣ Ея красящеся* (стих. на Гос. воззв. Усп.),—грозныхъ и страшныхъ для невѣрныхъ, да и они *ужасаются о божественнѣй славѣ* Ея (Пѣсн. 5, кон. Бог.), страшась дерзкимъ хуленіемъ привлечь на себя участь, подобную той, какой подверглись нѣкогда жители Веѳсамиса за неблагоговѣйное прикосновеніе кивоту Божію. *Да никакоже коснется одушевленному Божію Кивоту рука скверныхъ, устнѣ же вѣрныхъ немолчно да съ радостію возопіютъ: истинно выше всѣхъ еси Дѣво чистая* (9. ир. кан. на Введ. Бог.)

Являя въ неисчисленныхъ чудесахъ Богоматери славу свою и славу своея Матери, Господь Іисусъ Христосъ вмѣстѣ съ тѣмъ направляетъ ихъ къ нашему спасенію, представляя въ нихъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ утвержденію и распространенію вѣры въ Него и почитанія Его. Что всего болѣе необходимо для спасенія, какъ не вѣра *въ единаго Господа Іисуса Христа Сына Божія, насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшагося* (сим. вѣр.)? *Иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота* (Іоан. 3, 36); *всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа, во плоти пришедшаго, отъ Бога нѣсть* (1 Іоан. 4, 3). Но на чемъ основывается и утверждается истинная вѣра въ Іисуса Христа Сына Божія, какъ не на правомъ вѣрованіи въ Его пречистую Матерь? Божія Матерь познается въ своемъ Сынѣ и Сынъ въ Матери своей. Сынъ Божій, какъ сынъ человѣческій, познается въ своей Матери, какъ истинной дщери человѣческой; и пречистая Его Матерь, какъ Матерь Божія, познается въ своемъ Сынѣ, какъ истинномъ Богѣ. Кто съ живою вѣрою пріемлетъ то ученіе о Божіей Матери, какое преподаетъ намъ святая Церковь, кто вѣруетъ, что пресвятая Дѣва Марія безсѣменно зачала, носила во чревѣ и родила Бога, воспріявшаго отъ Нея плоть, и что поэтому Она есть Богородица, тотъ имѣетъ уже истинное познаніе и о Ея Сынѣ, какъ Богочеловѣкѣ, пришедшемъ спасти и спасшемъ міръ. Напротивъ кто не имѣетъ правой вѣры въ Божію Матерь, тотъ какимъ образомъ можетъ право вѣровать въ Ея Сына?

Посему-то Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4), съ тою цѣлію прославляетъ Богоматерь безчисленными чудесами, дабы невѣрующіе самымъ осязательнымъ образомъ сперва могли притти къ познанію того, что преблагословенная Дѣва Марія есть истинная Матерь Бога-Слова, а отсюда къ той истинѣ, что и Сынъ Ея есть истинный Богъ; вѣрующіе же болѣе и болѣе утверждались какъ въ той, такъ и другой истинѣ, существенно необходимой для спасенія. Не менѣе также необходимо для нашего спасенія и достойно чтить Сына Божія, какъ и право вѣровать въ Него. *Иже не чтитъ Сына*, говоритъ слово Божіе, *не чтитъ Отца пославшаго Его* (Іоан. 5, 23). Но можно ли чтить Сына Божія, не почитая Его Матери? И какъ лучше взойти къ достойному и благоугодному почитанію Его, какъ не чрезъ путь достойнаго почитанія Его Матери? Кто достойно чтитъ Матерь Божію, тотъ уже достойно чтитъ и Ея Сына: ибо Матерь славится въ Сынѣ и Сынъ въ Матери, и честь, воздаваемую Матери Божіей, Сынъ Ея принимаетъ, какъ честь, приносимую Ему самому. Посему-то Господь Богъ являетъ божественную славу Богоматери въ преизобильныхъ и преславныхъ чудесахъ, да воздаютъ Ей вси земнородніи честь богоподобную и чрезъ достойное почитаніе Ея восходятъ къ истинному и благоугодному почитанію Ея Сына, да, непрестанно прославляя имя Божіей Матери, восходятъ къ непрестанному прославленію Того, *о имени* котораго *всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. 2, 10).

Какое утѣшеніе для грѣшника въ старости?

Неисправленный грѣшникъ, достигши старости, что можетъ находить утѣшительнаго для себя въ своемъ прошедшемъ и будущемъ? Прошедшее потеряно для души его, и все наполнено страшными видами грѣховъ, неизглаженныхъ покаяніемъ. Будущее еще страшнѣе: здѣсь близкая смерть, *лютая* для грѣшника, а потомъ ужасающее состояніе души по смерти, въ которомъ она уже начинаетъ испытывать послѣдствія своей беззаконной жизни и готовится къ рѣшительному, послѣднему суду Божію.

Что же? Не ужели грѣшникъ, которому самъ Богъ судилъ, достигнуть старости, не имѣетъ никакой надежды на спасеніе и долженъ предаваться отчаянію?—Нѣтъ, Господи! *Милость твоя поженетъ мя вся дни живота моего.* Двери милосердія твоего отверсты каждому до послѣдней минуты жизни. Пусть и старецъ—грѣшникъ, въ самой старости своей, ищетъ и находитъ побужденія къ покаянію, указанія на самую близкую къ нему помощь благодати и еще неистощившіяся средства къ спасенію. Онъ можетъ и долженъ разсуждать такъ:

1. Господь даровалъ мнѣ дожить до лѣтъ позднихъ. Возможно ли, чтобы Онъ не пресѣкъ ранѣе мою жизнь, еслибы видѣлъ, что я все болѣе и болѣе буду прилагать грѣхи ко грѣхамъ и не могу уменьшить числа ихъ нисколько? Познай же, душа моя, доселѣ заблуждавшая на распутіяхъ порока, что тебѣ еще можно обратиться къ Спасителю и найти у Него милость и прощеніе. Вѣрно то, что Господь *не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іез. 33, 11): еще менѣе могу сомнѣваться въ этомъ я, которому до сихъ поръ долготер-

пѣлъ Господь, *не хотящій да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидетъ* (2 Петр. 3, 9).

2. Мое настоящее состояніе, кажется, не благопріятно покаянію. И силы тѣла, и силы души ослабѣваютъ у меня все болѣе и болѣе. Какіе подвиги могу я совершить, какія жертвы принесть моему Спасителю? О, трудно, очень трудно бороться мнѣ нынѣ съ моими нечестивыми помыслами и чувствованіями, едва ли возможно преодолѣть грѣховные навыки, пустившіе во мнѣ многолѣтніе корни!—Но есть и благопріятныя покаянію свойства старости. Огонь страстей моихъ далеко не имѣетъ той силы, какую имѣлъ въ юности; удовольствія и блага міра для меня уже не такъ привлекательны, какъ прежде, самый вкусъ мой по отношенію къ нимъ притупился; я могу спокойнѣе, безъ развлеченій предаваться помысламъ лучшимъ, представлять себѣ чаще и правильнѣе мое состояніе внутреннее, сознавать потребности души моей, поставлять себя предъ Богомъ и молиться, если не съ такимъ жаромъ, какъ въ юности, то съ меньшимъ увлеченіемъ воображенія, молиться долѣе, молиться всегда. Самая слабость и болѣзненное состояніе моего тѣла не укрѣпитъ ли души моей для покаянія? Воспоминаю слова Апостола: *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Конечно, такъ бываетъ только у тѣхъ, которые возненавидѣли своего человѣка ветхаго, и возлюбили жизнь новую, духовную. Но не тоже ли будетъ и со мною, если я также всею душею буду искать моего обновленія? Не обратитъ ли и для меня Спаситель болѣзни тѣла во врачевство души?

3. Прошедшее мое не можетъ меня радовать и ободрять. Не знаю и не вижу въ немъ ни одного чистаго, добраго дѣла, указывая на которое, я могъ бы сказать предъ Богомъ и моею совѣстію: вотъ и я, въ жизни моей, пріобрѣлъ нѣчто на таланты мнѣ повѣренные. Нѣтъ! не смѣю и не могу усвоить себѣ голосъ вѣрнаго раба: *Господи, два или пять талантъ ми еси предалъ, се другія два или пять талантъ пріобрѣтохъ ими* (Матѳ. 25, 20. 22). Но утѣшься, невѣрная доселѣ душа моя. Господь еще не преселилъ тебя туда, гдѣ потребуетъ отъ тебя строжайшаго отчета за всю жизнь твою. Смотри: въ прошедшемъ ты видишь множество неправдъ и злыхъ дѣлъ своихъ; но видишь незаслуженное тобою, безмѣрное милосердіе, хранившее тебя и щадившее доселѣ, до крайнихъ предѣловъ жизни. Сколько разъ грозили мнѣ опасности всякаго рода, и всемилосердый изводитъ меня изъ нихъ безвреднымъ! Сколько разъ отклонялъ Онъ искушенія, сильныя увлечь меня въ грѣхи тягчайшіе! Не каждый ли день слышалъ я голосъ Его, зовущій меня на покаяніе? Не потрясалъ ли Онъ иногда окамененнаго сердца моего громомъ общественныхъ и частныхъ бѣдствій?—Будь же увѣренъ, что Господь и теперь тотъ же—Отецъ твой и Спаситель. Чѣмъ больше испыталъ ты Его долготерпѣніе и милости, тѣмъ съ большимъ упованіемъ обратись къ нему, и скажи: Владыко человѣколюбче! безчисленны вины мои предъ Тобою, попралъ я святѣйшій завѣтъ твой, расточилъ таланты мнѣ ввѣренные, и такъ растлилъ себя грѣхами, что не имѣю силъ востать самъ собою. Но Ты всесиленъ въ благости и благъ въ крѣпости. Ты и теперь не отвергнешь меня какъ Отецъ блуднаго сына; и въ единонадесятый часъ пришедшаго къ Тебѣ не презришь. Яви благодатную силу твою въ моей немощи, умножи ее тамъ, гдѣ паче многихъ умножилъ я беззаконія!

4. Что же найду я въ моемъ будущемъ, угрожающемъ мнѣ близкою смертію? Скоро, скоро ударитъ часъ при вратахъ вѣчности,

закроется для меня дверь благодати и милосердія на вѣки, и тогда поздо будетъ помышлять о покаяніи!—Не приводитъ ли тебя, ветхій грѣшникъ, все это въ трепетъ? Не сознаешь ли ты, въ твоей совѣсти, что уже начинаются заслуженныя тобою мученія?—И пусть объемлетъ тебя трепетъ и ужасъ; и пусть начнутся и совершаются въ душѣ твоей мученія. Пусть скорѣе начинаются, пусть здѣсь, до смерти еще, совершаются твои мученія, какъ могутъ они совершаться—здѣсь, въ царствѣ благодати, въ странѣ покаянія. Это благо для тебя, это спасительное мученіе, если ты соединишь съ нимъ живую вѣру въ Спасителя; это будетъ та *печаль по Бозѣ*, которая *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ* (2 Кор. 7, 10). Душа доселѣ дремавшая въ своей безпечности, востани,—что спиши? Конецъ приближается. Воспряни, уготовь въ свѣтильникѣ твоемъ елей любви святой, возбуди чувство вѣры и упованія: вотъ скоро ударитъ для тебя часъ полунощный, и послышится голосъ: *се Женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе Ему!*—Помни слово Господне: *подобаетъ дѣлати, дондеже день есть; пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати* (Іоан. 9, 4): и эта ночь къ тебѣ близка,—это ночь часа смертнаго, который уже не десятилѣтіями, а можетъ, быть, нѣсколькими мѣсяцами или днями удаленъ отъ тебя. Не тѣмъ ли ревностнѣе ты долженъ творить дѣла покаянія, чѣмъ меньше времени осталось тебѣ въ этой жизни? — Довольно, предовольно, слишкомъ много жилъ ты для этого міра и суеты его: начни теперь жить для другаго міра, и для вѣчныхъ благъ его. Теперь все призываетъ тебя къ размышленію объ этой новой, безсмертной жизни, тебя ожидающей; теперь предъ отверстыми вратами вѣчности — какъ осмѣлишься помышлять объ удовольствіяхъ грѣшнаго міра, котораго ты позналъ уже непостоянство и лживость? Теперь, когда близка къ тебѣ сѣнь смертная, какъ не взыщешь того свѣта, который просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ этотъ міръ дольній, просвѣщаетъ и всякаго вѣрующаго и кающагося, отходящаго въ міръ горній?

Правда, не много примѣровъ обращенія грѣшниковъ въ старости; но они есть, и показываютъ не только возможность обращенія, но и возможность, при помощи благодати, скоро достигать высокихъ добродѣтелей, въ лѣтахъ преклонныхъ. Таковъ, между прочимъ, примѣръ преподобнаго Давида, бывшаго начальника разбойниковъ. Онъ уже посѣдѣлъ въ беззаконіяхъ, когда пробудилась его совѣсть и повела грѣшника на путь раскаянія. Давидъ вдругъ оставляетъ все, идетъ въ одну обитель, и когда игуменъ, увидѣвъ въ немъ старика, не хотѣлъ принять его въ число монаховъ, открылъ свое страшное имя и грозилъ гибелью монастырю, если не будетъ принятъ. Послѣ сего, этотъ звѣрь, допущенный въ ограду агнцевъ Христовыхъ, самъ содѣлался агнцемъ, въ малое время не только показалъ плоды покаянія, но и превзошелъ всѣхъ въ обители добродѣтелями, даже сподобился явленія ангельскаго и дара чудотвореній (*).

Но, повторяемъ, такіе примѣры рѣдки, и никто, еще недостигшій старости, не долженъ говорить въ себѣ самомъ: подожду и я этого, болѣе свободнаго отъ страстей, времени, и тогда займусь покаяніемъ и благочестіемъ. Нѣтъ, безпечный грѣшникъ, безразсудно и гибельно такое намѣреніе. Отвергни его, какъ змѣиный совѣтъ, и размышляй лучше такъ: 1) Кому обѣщано дожить до старости? Положилъ ли кто завѣтъ съ смертію, чтобъ она не смѣла приблизиться къ нему до извѣстнаго времени?

(*) См. Чет. Мин. Сентября 6.

2) Если и дастъ мнѣ Богъ достигнуть напр. 60 лѣтъ, то грѣховныя привычки не будутъ ли понуждать меня еще подождать съ покаяніемъ до 70 и далѣе? и не тѣмъ ли труднѣе будетъ для меня обращеніе, чѣмъ долѣе закоснѣвать я буду во грѣхахъ? 3) Каково въ существѣ своемъ это намѣреніе мое- теперь позволять себѣ всякій или какой либо грѣхъ, а покаяніе принесть какъ можно позже? Достойно ли это милосердія Божія? Не безразсудное ли это обреченіе себя на страшную опасность погибнуть вѣчно? Не величайшій ли грѣхъ одно такое намѣреніе? Послѣ сего не скорѣе ли долженъ я ожидать ранней смерти, которую послетъ мнѣ Правосудный и Милосердый для того, чтобы менѣе произвелъ я зла и меньшему подвергся наказанію?

Итакъ, неисправленный грѣшникъ, достигшій старости, это величайшая, рѣдкая милость къ тебѣ Божія, что ты доселѣ не погибъ съ твоими безаконіями, и еще хотя малое время оставлено тебѣ для покаянія. Спѣши же воспользоваться этою незаслуженною милостію Всеблагаго: воодушевись ревностію Закхея, воспламенись чистою любовію къ Спасителю, какую явила нѣкогда блудница кающаяся, и покажи вѣру разбойника, раскаявшагося на крестѣ. Божественный Другъ и Отецъ кающихся грѣшниковъ приметъ и поздніе твои молитвы и воздыханія; Онъ умѣетъ оцѣнить и трудъ единонадесятаго часа въ вертоградѣ своемъ. Но ты самъ никакъ не позволяй себѣ высоко цѣнить твои подвиги или твое позднее благочестіе. Какъ ты трудишься въ вертоградѣ Божіемъ, это видитъ и цѣнитъ одинъ Господь, а ты долженъ помнить и сознавать, какъ много грѣховъ въ долголѣтней жизни твоей и какъ малоцѣнны твои добродѣтели въ лѣтахъ позднихъ.—Господи!—такъ взывай къ Спасителю,—не прошу у тебя награды, которой не достоинъ, а прошу одного помилованія. Вѣнцовъ твоихъ достойны другіе, съ юныхъ лѣтъ боровшіеся со страстями и похотями; а меня, Господи, удостой быть въ числѣ послѣднихъ гражданъ твоего славнаго царства вѣчнаго. Не помяни беззаконій моихъ прежнихъ, которыми исполнена вся моя жизнь, даруй мнѣ силу провесть безгрѣшно остатки дней моихъ, дабы въ часъ смерти могъ я повторить слово блаженнаго старца: *нынѣ отпущаеши раба твоего по глаголу твоему съ миромъ: яко видѣста очи мои спасеніе твое* (Лук. 2, 29. 30).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 28-го Сентября 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 52.

НЕДѢЛЯ 24 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

26 Октября 1858 г.

Гласъ 7-й.

На утрени: евангеліе воскресное 2-е, Мар. зач. 70. На Литургіи: апост. Ефес. зач. 221, евангеліе Лук. зач. 39.

ПОУЧЕНІЕ КЪ ПОСЕЛЯНАМЪ

ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦѢ ПАРАСКЕВѢ (*).

Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши. Лук. 21, 19.

Всѣ мы болѣе или менѣе страдаемъ въ настоящей жизни, слѣд. и скорбимъ. Таковую участь предсказалъ намъ, въ лицѣ апостоловъ, Христосъ Спаситель, когда самъ отходя на крестныя скорби и мученія, сказалъ имъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. 16, 33). Дѣйствительно, страдать и скорбѣть въ этой жизни во первыхъ необходимо: потому что, причина страданій и скорбей — грѣхъ еще царствуетъ въ насъ; во вторыхъ спасительно: потому что, по судьбамъ премудраго и всеблагаго Промысла, страданія и скорби очищаютъ насъ отъ наростовъ грѣховныхъ. Какое же средство противъ скорбей? Христосъ же Спаситель указываетъ средство это: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша*, заповѣдуетъ Онъ.

Есть различіе между страданіями и скорбями, достающимися въ удѣлъ людямъ. Однѣ скорби единовременны, но за то сильнѣе ощутительны, наприм. болѣзни, внезапное лишеніе имущества, потеря близкихъ сердцу; другія менѣе ощутительны, но за то продолжительны, даже пожизненны: есть люди, которые, такъ сказать, родятся на скорби.

Возлюбленныя чада мои по духу! Вы самымъ рожденіемъ призваны къ потовымъ трудамъ. Вамъ неизвѣстенъ широкій путь свѣта, вамъ незнакомы и шумныя радости его и

(*) Сообщено сельскимъ священикомъ.

удовольствія, но не жалѣйте объ этомъ: широкій путь и пространныя врата ведутъ къ пагубѣ, къ потерѣ вѣчнаго спасенія. У многихъ изъ васъ самыя насущныя потребности едва удовлетворяются; не рѣдко кусокъ черстваго и невкуснаго хлѣба составляетъ всю вашу трапезу, и тотъ съ трудомъ добывается. О роскоши же и обиліи, и—всѣ вы, едвали имѣете и понятіе? Участь ваша незавидна! Но не сѣтуйте, возлюбленные, и не печалуйте: вы вкушаете тотъ хлѣбъ, который вкушая въ пустыняхъ спасались св. Божіи человѣки. Скудная пища послужила преподобнымъ отшельникамъ ко спасенію душъ; къ тому же она можетъ и вамъ послужить. Знайте, что вы при своихъ лишеніяхъ и недостаткахъ можете быть ближе къ царствію Божію, нежели живущіе въ изобиліи и довольствѣ. Но лишь тогда будетъ для васъ спасителенъ тернистый путь вашъ, когда вы пойдете по немъ съ терпѣніемъ; тогда лишь лишенія и бѣдность принесутъ пользу душамъ вашимъ, когда вы будете безъ ропота переносить вашу участь: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*, по слову самаго Подвигоположника. Въ противномъ случаѣ, если будете роптать на свою низкую долю, то и вы далеки будете отъ царствія Божія. Впрочемъ, чтобы получить душевную пользу отъ безропотнаго терпѣнія бѣдности своей, еще требуются нѣкоторыя условія. Въ бѣдности отнюдь не надобно предаваться праздности: потому что праздность, какъ извѣстно, мать пороковъ. По истинѣ жалкій тотъ человѣкъ, который предается тунеядству, который могъ бы еще трудами своими достать себѣ насущный кусокъ хлѣба, но не хочетъ трудиться, надѣясь пропитаться именемъ Божіимъ. Подобный тунеядецъ обманываетъ людей, и обманываетъ, что страшно и сказать, именемъ Божіимъ. Какой ужасный грѣхъ! Въ бѣдности также не должно предаваться вреднымъ забавамъ и увеселеніямъ, хотя бы то и по временамъ: потому что Спаситель угрожаетъ вѣчнымъ горемъ всѣмъ безъ изъятія смѣющимся и веселящимся плотію. Бѣдный человѣкъ, предающійся вреднымъ забавамъ, и въ этомъ вѣкѣ долженъ страдать отъ бѣдности, и въ будущей жизни страдать за то, что не умѣлъ спастися въ бѣдности, которая, при терпѣніи и благочестіи, безъ всякаго сомнѣнія, отверзаетъ входъ въ царствіе небесное, на самое лоно Авраама, какъ видно сіе изъ евангельской притчи о богатомъ и Лазарѣ. Какъ прискорбно и здѣсь переносить скорби нищеты и бѣдности, и тамъ лишиться награды, ожидающей въ загробной жизни тѣхъ, которые пришли туда отъ скорби земныя! Какъ прискорбно видѣть и слышать напр. слѣдующее: у нѣкоторыхъ семействъ вашихъ едва—едва имѣется насущный хлѣбъ, а родители сихъ семействъ позволяютъ своимъ дѣтямъ ходить на сборища игръ и пѣть, въ угожденіе діаволу, срамныя пѣсни... Но—продолжимъ говорить о терпѣніи, выслушавъ и самое обличеніе съ терпѣніемъ. Всегда помните, возлюбленныя чада мои, что всѣ святые, благоугодившіе Богу, въ жизни своей переносили еще несравненно большія скорби и лишенія, чѣмъ каковы ваши. Они, какъ сказуетъ Апостолъ, *руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же узами и темницею, каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша: проидоша въ милотехъ и козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, и ихъ, которыхъ недостоинъ былъ весь міръ, въ пустыняхъ скитались, въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ*» (Евр. 11, 36. 38), и это потому, что тѣсный только путь и узкая врата ведутъ къ царствію небесному. Такъ наприм. досточтимая нынѣ св. великомученица Параскева чего не пре-

терпѣла? Сперва мучитель, повѣсивъ страдалицу на деревѣ, повелѣлъ строгать тѣло ея желѣзными ногтями, даже до костей; потомъ, когда она была исцѣлена отъ ранъ явившимся ангеломъ, снова приказалъ повѣсить ее на деревѣ и жечь ребра ея горящими свѣщами; наконецъ мечъ прекратилъ ея страдальческую жизнь. Въ нынѣшнія времена мученическія страданія за вѣру по благодати Божіей прекратились: но временныя тягости и лишенія въ жизни могутъ, по милости Божіей, вмѣняться намъ въ родъ подвижничества, если только мы не жалуемся и не ропщемъ на свою судьбу: въ терпѣніи вашемъ стяжите, спасите души ваши. Самое состояніе ваше, возлюбл. чада, какъ по видимому, ни низко оно въ ряду другихъ званій общественнаго быта, можетъ послужить къ душевной пользѣ вашей, можетъ быть лѣствицею къ почести вышняго званія. Вамъ всегда можно возвысить свое состояніе: предъ людьми — честностію, справедливостію, а предъ Богомъ — своимъ терпѣніемъ и вѣрностію своему христіанскому долгу. Вы возвысите свое состояніе, если будете истинными христіанами, выражая вѣру свою во Христа Спасителя благочестіемъ и добрыми дѣлами, если будете другъ къ другу милостивы, снисходительны и благожелательны, если будете имѣть миръ и любовь между собою.

Итакъ, возлюбленные о Господѣ, еще скажу вамъ: воодушевляйте только себя терпѣніемъ во временныхъ лишеніяхъ вашихъ, переносите только безъ ропота бѣдность свою, и вы не останетесь безъ мзды за труды ваши и здѣсь, быть можетъ, во времени, а неотложно въ вѣчности, гдѣ рабъ и владыка вкупѣ предстанутъ, царь и воинъ, богатый и убогій, въ равномъ достоинствѣ: но кійждо отъ своихъ дѣлъ прославится или постыдится.

Богъ терпѣнія и утѣшенія, въ тягостныхъ трудахъ вашихъ, да укрѣпитъ и благословитъ васъ отнынѣ и навсегда. Аминь.

ДВА СЛОВА

ВЪ ОТВѢТЪ ЦЕРКОВНОЙ (УНІАТСКОЙ) ГАЗЕТѢ (*).

(Окончаніе) (**).

НЕСПРАВЕДЛИВОЕ ОБВИНЕНІЕ РОССІИ ВЪ РЕЛИГІОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ.

Съ досадою смотрятъ поборники римскаго католичества на незыблемое господство у насъ православія; имъ горько слышать, что къ нему склоняются въ нашихъ странахъ многіе изъ такихъ, которыхъ Римъ считалъ своими жертвами, и что католичество у насъ встрѣчаетъ ущербъ, а не приращеніе. Изъ этого чувства несправедливой досады поднимаются грозныя воззванія противъ какихъ-то, небывалыхъ у насъ, гоненій на римское католичество, противъ неслыханныхъ стѣснительныхъ мѣръ, какимъ подвергаются будто въ Россіи всѣ, признающіе папу главою всего христіанства. Чего, чего только у насъ не бываетъ, по отзывамъ западныхъ газетъ? Тамъ какъ будто

(*) Церковная Газета (уніатская) съ Іюля сего года издается подъ названіемъ »Церковный Вѣстникъ«. Редакція газеты остается прежняя; она обѣщаетъ держаться того же самаго направленія, какое было и въ Церковной Газетѣ, съ тѣмъ только отличіемъ, что новая газета печатается славянскимъ шрифтомъ и статьи пишутся языкомъ не чисто русскимъ.

(**) См. №. 22.

думаютъ, что католики въ Россіи только въ тихомолку и подъ секретомъ могутъ отправлять свое богослуженіе, и исповѣдывать свою вѣру. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію иныхъ западныхъ, въ отношеніи къ вѣротерпимости Россія стоитъ позади Турціи, гдѣ теперь (говорятъ) католики дышатъ свободно; стоитъ ниже Сіама, гдѣ нынѣ дозволено всѣмъ французскимъ подданнымъ свободно исповѣдывать свою вѣру (Цер. Газ. № 2, стр. 13). Брошюры, распространяющіяся по Франціи и католической Германіи, со всѣми возможными прикрасами выдумываютъ повѣсти о нашей нетерпимости, и представляютъ Россію, наполненною гонителями, явно и тайно преслѣдующими послѣдователей папы. Терпѣніе и молитву — вотъ что проповѣдуютъ, какъ якорь спасенія для католицизма противъ нашихъ гоненій. Но это только умѣренные не видятъ другаго оружія противъ насъ, кромѣ терпѣнія и молитвы. Болѣе запальчивые и жаркіе сѣтуютъ и жалуются на равнодушіе большинства европейскаго общества къ нашимъ дѣламъ, хотятъ возбудить общественное мнѣніе и поднять противъ насъ всю Европу. Протестанты и Либералы (говорится въ корреспондентѣ) тотчасъ тревожатся, жалуются на нетерпимость, на гоненіе, когда попадется въ темницу какой нибудь разнощикъ библіи (?), или остановятъ гдѣ католики протестантскую пропаганду. А здѣсь (въ Россіи) гоненіе открытое, нетерпимость вопіющая, — и всѣ молчатъ. Католики не дѣлаютъ для своихъ гонимыхъ собратій того, что должны бы дѣлать! Увы! далеки тѣ времена, когда мученичество казалось выше всего другаго, когда повѣсть о мукахъ, претерпѣнныхъ за вѣру, пробѣгала по всему католическому міру, подобно электрическому току... По крайней мѣрѣ, если бы хоть сочувствіе къ мнимымъ жертвамъ, если бы изъявлялось имъ довѣріе и почтеніе, которое такъ поддерживаетъ и одушевляетъ... Надѣемся, что католическое мнѣніе наконецъ встревожится, что оно возвыситъ свой голосъ, чтобы спросить у Россіи, это ли залоги обѣщаннаго ею мира и улучшенія!

Нужно закрыть совершенно глаза, чтобы безъ стыда разражаться такими воплями противъ Россіи. Помилуйте! Можно ли желать еще большей вѣротерпимости, чѣмъ какою отличается Россія? И гдѣ страна, которая бы превосходила насъ въ этомъ? У насъ римское исповѣданіе, на равнѣ съ другими, пользуется полнымъ покровительствомъ законовъ. По нашимъ законамъ, католики свободно могутъ отправлять свое богослуженіе и исповѣдывать свою вѣру; и каждый православный — русскій, посягнувшій на осмѣяніе или нарушеніе святости мѣста или обряда католическаго, подлежалъ бы самому сильному наказанію, какому подвергся бы онъ за осквернеіе святыни православной. Возьмите сводъ нашихъ законовъ, — и вы узнаете, что у насъ люди всѣхъ исповѣданій сравнены въ своихъ правахъ (*) и пользуются на службѣ одинако-

(*) Въ одномъ только законѣ ощутительно выражается неблагопріятное для католичества понятіе о православіи, какъ господствующемъ вѣроисповѣданіи въ Россіи, — это въ томъ законѣ, по которому лицо католическаго исповѣданія, вступая въ бракъ съ лицомъ православнымъ, обязывается воспитывать дѣтей своихъ въ духѣ православной вѣры. Но этотъ законъ отнюдь не даетъ никому права обвинять насъ въ какомъ либо гоненіи на католичество. Онъ возможенъ и умѣстенъ, въ пользу господствующаго вѣроисповѣданія, въ самыхъ либеральныхъ государствахъ. Для насъ онъ служитъ защитою и выраженіемъ нашей привязанности къ своей родной вѣрѣ: безъ этого условія, при нашей преданности своему вѣроисповѣданію, трудно православному рѣшиться вступить въ бракъ съ иновѣрнымъ лицомъ; каждый изъ насъ скорѣе готовъ пожертвовать любовію къ человѣку, чѣмъ отказаться за свое потомство отъ той вѣры, которая для насъ дороже жизни. Если католикъ такъ же дорого цѣнитъ свою вѣру, какъ мы свою, то никто не заставляетъ его налагать на себя такое тяжелое условіе: въ его власти избѣжать столкновенія двухъ противоположныхъ воль и интересовъ. А правительство, совершенно по праву, должно разрѣшать это столкновеніе въ пользу господствующей вѣры.

выми преимуществами. Правительство наше покровительствуетъ созиданію церквей католическихъ, устрояетъ эпархіи, утверждаетъ училища. Католическіе священники въ нашихъ странахъ получаютъ жалованье, которое совершенно обезпечиваетъ ихъ положеніе и ихъ внѣшній бытъ на всемъ пространствѣ имперіи. Нашъ престолъ окружаютъ люди всѣхъ вѣроисповѣданій; на высшихъ государственныхъ мѣстахъ, въ высшихъ должностяхъ вы очень часто видите у насъ католиковъ; ихъ вѣроисповѣданіе нисколько не мѣшаетъ имъ достигать почестей и правительственныхъ мѣстъ, если только они заслуживаютъ ихъ своими трудами и способностями. Въ нашихъ университетахъ нѣтъ различія между православными и католиками; одинаково могутъ пріобрѣтать въ нихъ образованіе и тѣ и другіе. Здѣсь нѣтъ опасности для ихъ религіозныхъ убѣжденій; потому что для нихъ нарочито имѣется католическій законоучитель.

Къ намъ часто цѣлыми колоніями выселяются иновѣрцы: они находятъ у насъ вѣрный пріютъ, получаютъ землю и полное покровительство законовъ. Пожалуются ли они на стѣсненіе ихъ вѣры съ нашей стороны? И выселялись ли бы они въ Россію, если бы въ ней господствовала фанатическая нетерпимость? Въ нашей имперіи множество протестантовъ, много жидовъ и магометанъ. Отъ чегожъ для нихъ не тяжела русская власть? Отъ чего они не говорятъ о гоненіяхъ Россіи на ихъ вѣру? Отъ чего для нихъ кажутся удовлетворительными и согласными съ правдою наши законы? Ужели намъ ненавистно одно католичество? Ужели только противъ его одного у насъ будто бы придумываются жестокія и насильственныя мѣры? Предъ лицомъ нашего закона нѣтъ разницы между разными негосподствующими исповѣданіями: и если его находятъ пристрастнымъ и кричатъ противъ его жестокости изъ всѣхъ одни католики, то въ этомъ крикѣ ихъ выражается та давняя фанатическая нетерпимость, какою всегда отличалась Римско-Католическая Церковь.

Пробѣгая мыслію страны Европы, мы встрѣчаемъ между ними одну, которая издавна поставляетъ себя во главѣ просвѣщенія и прогресса. Англія — страна свободы: она всюду славится своими узаконеніями, и многіе изъ западныхъ /въ ней находятъ образецъ государственнаго устройства. Но католики ирландскіе знаютъ, каково тамъ послѣдователямъ римскаго исповѣданія. Сколько было въ недавнее время въ этой свободной странѣ жестокихъ и сильныхъ споровъ касательно уравненія правъ католиковъ съ англичанами! Народное правительство не благопріятствовало католическимъ училищамъ, правительство не давало гражданскихъ правъ послѣдователямъ папъ и т. п. И теперь въ парламентѣ жива партія, которая желала бы стѣснить свободу католическаго исповѣданія въ Англіи, и, не смотря на это, Англію никто не думаетъ равнять по отношенію къ вѣротерпимости съ Турціею и другими азіатскими государствами. А въ Россіи ничего подобнаго не бывало, и между тѣмъ кричатъ о ея фанатизмѣ, о ея какой-то тираніи, и на эту мнимую тираннію указываютъ, какъ на грозу, страшнѣйшую магометанства.

Пусть католики обратятся къ самимъ себѣ, и посмотрятъ, могутъ ли они похвалиться вѣротерпимостію. Мы раскрываемъ свитки исторіи, — и наше сердце обливается кровію, когда мы должны читать о безчеловѣчныхъ ужасахъ и неистовствахъ инквизиціи, о происках и интригахъ іезуитовъ и другихъ подобныхъ имъ людей. На всякую мелочь у римско-католической іерархіи является анафема, и нарушеніе какой-нибудь римской выгоды разсматривается, какъ непростительное противленіе Богу. Католики жалуются на стѣсненіе

въ Россіи свободы ихъ вѣроисповѣданія; между тѣмъ православнымъ русскимъ свободно можно читать сочиненія, пропитанныя духомъ латинства: а мы знаемъ, что католическіе ксендзы, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, запрещаютъ теперь своимъ духовнымъ чадамъ знакомиться съ сочиненіями, направленными къ опроверженію папства и защитѣ православія. Согласно ли это съ проповѣдуемою ими свободою мнѣній? И чего бояться имъ, если они убѣждены въ истинѣ своего исповѣданія?—Что же было прежде! Что испытала наша православная Церковь, когда для испытанія ея, часть сыновъ ея промыслъ Божій подчинилъ польскому католическому правительству. Картина совершенно не такая, какую представляетъ отношеніе нашего правительства къ католической церкви. И мы весьма довольны были бы, если бы наши предки тоже встрѣчали у иновѣрнаго правительства, чѣмъ пользуются живущіе между нами иновѣрцы отъ нашего. Въ собственномъ смыслѣ стонала православная Русь, принуждаемая перемѣнить свою истинную праотеческую вѣру на искаженную вѣру запада. По происками іезуитовъ и интригамъ нѣсколькихъ мелкихъ и честолюбивыхъ людей явилась унія, и сколько насилія употреблено было на то, чтобы эту нескладную выдумку утвердить и распространить между несочувствовавшимъ ему народонаселеніемъ! Въ разныхъ мѣстахъ возобладало насиліе, но и этимъ не удовольствовалась римско-католическая партія, покровительствуемая польскимъ правительствомъ. Она видѣла въ уніи только временную мѣру, приготовлявшую полное водвореніе римскаго исповѣданія въ странахъ православія. Отъ того, сдѣлавши шагъ, она хотѣла сдѣлать другой,—и снова насиліе начало тяготѣть надъ уніатами; за уступкою половиннаго стали вынуждать у нихъ уступки полной, всѣми средствами привлекая ихъ изъ уніи въ католичество.—Не только православные, но и уніаты помнятъ, какъ по милости католическаго правительства, жиды—арендаторы изтязывали ихъ предковъ и требовали отъ нихъ денегъ за входъ въ ихъ собственный храмъ и за совершеніе самыхъ необходимыхъ церковныхъ обрядовъ. Такая была вѣротерпимость, что нельзя было и помолиться свободно, когда того требовало собственное расположеніе и священная важность времени. Гдѣ же думать о какихъ-нибудь благолѣпіяхъ и покровительствѣ явно враждебнаго правительства? По рукамъ и ногамъ связаны были исповѣдники православной вѣры: они лишены были всякаго государственнаго значенія, и потому именитые вельможи, за свое православіе осужденные на ничтожество въ государствѣ, скрѣпя сердце, честолюбію жертвовали памятію предковъ и вѣрою отцовъ своихъ. Великолѣпные костелы строились въ южной и западной Россіи на счетъ православныхъ; а собственныя церкви ихъ оставались въ крайнемъ запустѣніи; имъ не позволяли поправлять даже ветшающихъ храмовъ Божіихъ, тѣмъ болѣе строить новые: иначе, если бы православные рѣшились на это, у нихъ отнимали ихъ послѣднее достояніе. Отъ того и теперь въ странахъ, бывшихъ подъ властію Польши, видѣнъ слѣдъ преобладанія католичества: вы проѣзжаете города, деревни и села, и не зная исторіи, не мало удивляетесь, видя вокругъ великолѣпные костелы католиковъ и бѣдныя деревянныя церкви православныхъ.—Ударъ за ударомъ испытывалъ православный народъ отъ притѣснителей католиковъ, и безъ надежды на успѣхъ, безъ вѣрныхъ средствъ защиты долженъ былъ бороться съ іезуитскою политикою, проливать кровь, терять послѣднее имущество, чтобы освободиться отъ невыносимаго ига, подавлявшаго самую священную и самую высшую по-

требность человѣка. Польша не исключительное явленіе по своей фанатической нетерпимости въ католическомъ мірѣ: она дѣйствовала по тому духу, который господствуетъ всюду, гдѣ есть вліяніе Рима. Если теперь невидно грубыхъ появленій этой нетерпимости, то только время умѣрило ее, и успѣхи просвѣщенія прикрыли ее болѣе благовидною личиною. Но и при этомъ, развѣ сошло бы даромъ какому нибудь французу или италіанцу, если бы онъ захотѣлъ обратиться въ православіе?

Для католическаго запада крайне непріятно торжественное возсоединеніе уніи, послѣдовавшее въ 1839 году. Оно смутило и обезпокоило весь католическій міръ. Подъ вліяніемъ непріятнаго чувства, начали поносить русское правительство, будто оно приневолило къ православію три милліона уніатовъ, будто оно подвергало жестокимъ гоненіямъ тѣхъ, которые не хотѣли переходить на сторону православія, упраздняло монастыри, лишало мѣстъ уніатскихъ священниковъ и посылало на работу въ отдаленныя губерніи и пр. (церк. газ. № 5. стр. 36). Но это возсоединеніе отнюдь не было дѣломъ насилія и принужденія со стороны русскаго правительства, а дѣломъ свободнаго убѣжденія всѣхъ мыслящихъ и лучшихъ представителей уніатской церкви. Въ нихъ ожило древнее праотеческое преданіе, сдавленное давнимъ польскимъ владычествомъ; духъ просвѣщенія разсѣялъ тотъ мракъ, который, благодаря усиліямъ іезуитовъ, закрывалъ отъ очей чистую святыню вѣры, заживо погребенную католиками въ могилахъ православныхъ гонимыхъ прадѣдовъ современнаго поколѣнія западной Россіи. Перемѣна политическихъ обстоятельствъ дала имъ возможность свободно вздохнуть и свободно обсмотрѣться кругомъ себя. И вотъ явилось у всѣхъ представителей уніи согласное и искреннее желаніе снова искать материнаго единенія съ тою Церковію, отъ которой они были оторваны насиліемъ и цѣлымъ рядомъ несчастныхъ обстоятельствъ. Православная Церковь, конечно, съ радостію должна была принять въ свои объятія, когда-то отторженныхъ отъ ней, любезныхъ чадъ своихъ. Но ея обычная кротость не позволила ей употребить при этомъ какой либо насильственной мѣры. Возсоединеніе уніи было такъ тихо и мирно, какъ тихо и мирно не было ни одно обращеніе въ католичество. Правда, нашлись упорные, которые не хотѣли вѣрить ясному сознанію своихъ отцовъ и учителей, у которыхъ на глазахъ лежало тяжелое покрывало, не позволявшее имъ видѣть чистый свѣтъ вѣры, снова возсіявшій въ странахъ уніатовъ. Съ такими людьми имѣли дѣло ихъ непосредственные начальники, которымъ они подчинены были въ іерархическомъ отношеніи; русскому правительству здѣсь принадлежала только посредственная роль. И безпристрастіе историковъ должно отдать надлежащую цѣну уваженія мудрой снисходительности начальства, чуждой всякихъ мѣръ несправедливости и жестокости. Сила убѣжденія—вотъ то оружіе, которымъ хотѣло оно покорять непокорныхъ. Остававшіеся по ослѣпленію непокорными продолжали жить на своихъ мѣстахъ, со всѣми правами, если принадлежали къ числу мірянъ. Переведены были во внутреннія губерніи Россіи только нѣсколько непокорныхъ, возмущавшихъ народъ и побуждавшихъ его коснѣть въ упорствѣ и отчужденіи отъ православія, по представленію іерархическаго начальства. Но ихъ вовсе не отягощали и не обязывали работами, какъ разглашаютъ на западѣ, а только давали имъ пріютъ вдали отъ того мѣста, гдѣ они могли быть опасны для общаго спокойствія. Они получали приличное содержаніе и не терпѣли никакого насилія ни со стороны властей ни

со стороны народа (*). Многіе священники, не послѣдовавшіе примѣру своихъ единовѣрцевъ, должны были лишиться своихъ мѣстъ. Но какая же тутъ несправедливость? Ихъ прихожане дѣлались православными; для нихъ становился нужнымъ православный священникъ. Для кого же былъ бы пастыремъ священникъ, лишившійся своихъ прихожанъ? — Потому же самому праву упразднялись и претворялись въ православные уніатскіе монастыри. Зачѣмъ и какъ было поддерживать эти уніатскіе монастыри, когда иноки принимали православіе?—

На западѣ слышимъ жалобы на то, что Россія теперь тѣснитъ уніатовъ, находящихся въ ея владѣніяхъ, и старается отдѣлить уніатскую церковь отъ вліянія церкви римско-католической. Но не требуютъ ли этого пользы и виды самой уніи? Католики, какъ въ началѣ произвели унію только для того, чтобы чрезъ нее успѣшнѣе привлекать къ себѣ чадъ Церкви православной, такъ никогда не могли терпѣть усиленія и самобытнаго процвѣтанія уніатской церкви. Шагъ за шагомъ, римскій католицизмъ посягалъ на первоначально уступленные уніи ея православные обычаи, имѣя въ виду окончательное ихъ уничтоженіе и совершенное слитіе съ собою уніи. Такъ было прежде; такъ дѣло идетъ и теперь. Хелмскіе уніаты въ настоящее время совершенно не то, чѣмъ были уніаты первоначальные. Римскій католицизмъ грозитъ совершенно поглотить ихъ своею массою, подавить своимъ неотразимымъ вліяніемъ, со всѣхъ сторонъ тѣснящимъ ихъ. Отъ чего же не подать руки помощи нуждающемуся, стѣсненному? Отъ чего не желать, чтобы члены, силою отнятые отъ православія, опять возвратились въ наше братство, а не уклонились на страну далече? — Видя во всѣхъ дѣйствіяхъ нашего правительства, касающихся уніатской церкви, интригу и демонстрацію, клонящуюся къ разрушенію уніи, западные чрезвычайно охуждаютъ Россію за то, что она доставляетъ уніатамъ возможность пріобрѣтать высшее образованіе въ нашихъ духовныхъ Академіяхъ: въ этомъ подозрѣваютъ хитрый планъ, имѣющій цѣлію введеніе православнаго воспитанія въ уніатскія духовныя заведенія. Но само іерархическое начальство, уніатской церкви увидѣло недостатокъ основательнаго образованія въ своемъ обществѣ. Окруженное образованными пастырями другихъ исповѣданій, уніатское общество стыдилось своей отсталости, и потому лучшіе изъ его представителей просили позволенія у нашего правительства открыть свободный входъ въ наши высшія духовныя учебныя заведенія лучшимъ воспитанникамъ Хелмской семинаріи. Уже ли же наше правительство не должно было дать такого позволенія? Ужели оно этимъ позволеніемъ угрожаетъ цѣлости уніи? Никакихъ своекорыстныхъ видовъ нѣтъ у него при этомъ, кромѣ желанія доставить возможное благо близкимъ людямъ. И наши православныя братства, нуждаясь прежде въ просвѣщеніи, очень часто отправляли молодыхъ людей на западъ для образованія въ тамошнихъ университетахъ и іезуитскихъ коллегіяхъ. И мы вовсе не думали, чтобы западные, давая православнымъ возможность учиться у себя, были неизцѣльною заразою для нашего православія. Должно быть, западные въ этомъ случаѣ судятъ о насъ по себѣ самимъ, и сознавая за собою

(*) Пишущему эти строки извѣстны были два такихъ переселенца и одинъ изъ нихъ своимъ поведеніемъ вовсе не заставлялъ никого сожалѣть о судьбѣ, его постигшей. Человѣкъ безъ убѣжденій, безъ нравственныхъ правилъ въ жизни, онъ отличался однимъ упорствомъ капризнаго характера, и обѣщалъ принять православіе, если ему дадутъ 300 рублей серебромъ въ годъ жалованья. Но не въ духѣ православной Церкви за деньги покупать убѣжденія и болѣе стоящихъ уваженія лицъ.

духъ нетерпимости, думаютъ, что и мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ этого духа, и потому видятъ опасность тамъ, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ (*). Что касается до факта, сообщаемаго Церковною Газетою, будто трое или четверо семинаристовъ — уніатовъ, назначенныхъ къ отправленію въ русскія академіи въ 1855 году, съ начала отказались ѣхать, а потомъ бѣжали за границу, боясь слѣдствій отказа, то мы, говоря откровенно, не понимаемъ этого факта и съ трудомъ вѣримъ такому необъяснимому для насъ явленію. Не выдумка ли это услужливыхъ недоброжелателей православія? Кажется, прежніе опыты должны были произвесть совершенно противоположное дѣйствіе. Развѣ одно слѣпое предубѣжденіе противъ Русскихъ, нежеланіе ѣхать въ далекую сторону, которую они представляютъ полною враждебнаго нерасположенія къ себѣ, вмѣшательство какой нибудь сторонней весьма нечистой и недобросовѣстной интриги и отсутствіе въ воспитанникахъ живой потребности въ просвѣщеніи,— развѣ это одно можетъ быть, хотя несправедливымъ, но въ своемъ родѣ достаточнымъ основаніемъ для такого страннаго факта. Такихъ явленій нужно бы стыдиться уніатамъ и католикамъ, а не разглашать ихъ предъ лицемъ свѣта; потому что они ничего не говорятъ противъ Россіи, а только выставляютъ, какъ нельзя болѣе ярко, всю силу несправедливаго предубѣжденія противъ Россіи.

Говорить ли о другихъ фактахъ, въ которыхъ угодно западу видѣть гоненіе Россіи на католичество? Всѣ они если не недоразумѣніе, то постыдная ложь. Назначаютъ напримѣръ епископомъ армяно-грегоріанской церкви человѣка, отпадшаго отъ общества мехитаристовъ и вступившаго въ полное единеніе съ этою церковію,— и противъ этого поднимается страшный крикъ на западѣ: какъ-де возводить на высшую іерархическую степень человѣка, возбудившаго негодованіе всего католическаго міра отпаденіемъ отъ Рима. Но ужели для армянъ-грегоріанцевъ нужно поставлять въ епископы католика, а не ихъ единовѣрца? Это все равно, если бы католики или уніаты для своей епископской каѳедры искали человѣка не между своими единовѣрцами, а между православными. Но сбыточное ли это дѣло? И думала ли Россія заслужить гнѣвъ запада, когда правительство русское утверждало армяно-грегоріанскимъ епископомъ человѣка армяно-грегоріанца? Но онъ прежде былъ связанъ съ Римомъ и удалялся отъ армянъ грегоріанскихъ? По нашему мнѣнію этотъ фактъ нужно бы обратить въ пользу Россіи, а не противъ ея. Россія могла заподозрить его въ расположеніи къ оставленному имъ обществу, можетъ быть, еще не совсѣмъ остывшемъ; Россія могла предполагать въ немъ остатокъ вліянія прежняго вѣроисповѣданія. И при этихъ предположеніяхъ, она открыла новому человѣку доступъ къ іерархическимъ степенямъ. Мы думали, что западъ отдастъ честь въ этомъ случаѣ неподозрительному прямодушію Россіи,

(*) Истину этого мы можемъ подтвердить опытомъ. Въ Кіевской Академіи воспитывалось 4 человѣка уніатовъ, которые кончили курсъ въ 1857 году. И начальство академическое и товарищи, какъ нельзя болѣе, щадили убѣжденія уніатовъ и уважали ихъ приверженность къ ихъ церкви. Они не слышали ни какого намека, не только предложенія, касательно предметовъ своего вѣроисповѣданія, не видали ни малѣйшаго посягательства на дѣло ихъ религіозной совѣсти. Они, по своему произволу, ходили то въ православную, то въ римско-католическую церковь, и если гдѣ могли слышать что нибудь несогласное съ своими убѣжденіями, то въ одномъ добросовѣстномъ изложеніи догматовъ вѣры и историческомъ обозрѣніи судебъ русской православной Церкви. По окончаніи курса, они должны были возвратиться на свою родину съ мыслію о томъ, что унія безопасна со стороны русскаго правительства, что если гдѣ есть для нея опасность, то развѣ въ одномъ добросовѣстномъ изученіи исторіи. Мы думаемъ и надѣемся, что бывшіе воспитанники нашей академіи изъ уніатовъ отдаютъ честь благородству нашихъ духовныхъ начальствъ и отсутствію въ насъ всякаго фанатизма.

и уже никакъ не ожидали кривыхъ и явно неосновательныхъ толковъ объ этомъ дѣлѣ.

Вотъ общія замѣтки, которыя мы сочли нужнымъ сообщить въ отвѣтъ на корреспонденцію Церковной уніатской Газеты? Надѣемся, что безпристрастіе редакціи Церковной Газеты оцѣнитъ то доброжелательное побужденіе, изъ котораго оно произошло. Думаемъ, что любители истины, вникнувъ по надлежащему въ дѣло, перестанутъ слѣпо довѣрять тѣмъ нелѣпымъ возгласамъ, какіе часто разноситъ о насъ фанатическая ненависть нашихъ иновѣрцевъ, завидующихъ могуществу и силѣ нашей вѣры и нашего государства. Пора, давно пора прекратиться всѣмъ лживымъ разсказамъ о насъ, этимъ выродкамъ темныхъ силъ: ненависти, зложелательства, кичливости и прочихъ, имъ подобныхъ! Молимъ Бога, чтобы Онъ озарилъ свѣтомъ истины затемненное религіозное сознаніе уніатовъ, и доставилъ возможность католикамъ назидаться у насъ, вмѣсто того, чтобы относиться къ намъ съ словомъ осужденія.

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МОНАХА ИСАІИ ПРЕЧЕСТНОЙ МОНАХИНѢ ѲЕОДОРѢ.

200) Засыпай вечеромъ и вставай утромъ съ памятію о вѣчномъ огнѣ, и скука никогда не овладѣетъ тобою во время псалмопѣнія.

201) Да располагаетъ тебя къ плачу и дѣланію добродѣтелей хотя черная одежда твоя; ибо въ черное одѣваются обыкновенно погребающіе и оплакивающіе мертвыхъ.

202) Кто каждый день съ плачемъ молится въ келліи своей; у того каждый день — праздникъ; а кто каждый день праздничаетъ, пьетъ вино и услаждаетъ чрево, того имѣетъ воспріять вѣчный плачъ во адѣ. Гдѣ работаютъ чреву, вину и смѣху, тамъ нѣтъ памяти ни о Богѣ, ни о смерти.

203) Паче всего люби молчаніе, ибо оно приближаетъ къ страху Божію. Когда языкъ воздерживается отъ бесѣдъ мірскихъ, тогда Богъ обитаетъ въ душѣ. Изъ молчанія выраждается благоговѣйный помыслъ — благій и святый. Да дастъ тебѣ Господь вкусить блага, обрѣтающагося въ честномъ молчаніи. — Воспріими подвигъ молчанія, и я не знаю, какой свѣтъ, какая чистота и тишина возсіяетъ въ сердцѣ твоемъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 5-го Октября 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

На стр. 324 стол. 1. строк. 3 отъ конца напеч.: *къ мнимымъ*: должно читать: *къ гонимымъ*.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 33.

НЕДѢЛЯ 25 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

2 Ноября 1858 г.

Гласъ 8-й.

На утрени: евангеліе воскресное 3-е, Мар. зач. 71. На Литургіи: апост. Ефес. зач. 224, евангеліе Лук. зач. 53.

ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ.

6-я.

О МІРѢ ДОПОТОПНОМЪ.

И изрине (Богъ) *Адама, и всели его прямо рая сладости, и пристави Херувима и пламенное оружіе обращаемое хранити путь древа жизни.* Быт. 3, 24.

И благость и правду Божію мы видѣли надъ прародителями въ раю земномъ. Что увидимъ теперь, внѣ рая, надъ тѣми же прародителями и надъ ихъ потомствомъ? Такъ же благость и правду,—благость, хранящую и благословляющую благочестивыхъ, призывающую на покаяніе согрѣшающихъ,—правду, не оставляющую безъ наказанія нераскаянныхъ грѣшниковъ.

Адаму, послѣ грѣха, назначено жить *прямо рая*, и нѣкою небесною силою преграженъ путь къ древу жизни. Вотъ правда и вмѣстѣ милость! И милость, говорю, Божія видна въ томъ, что прародители не слишкомъ удалены были отъ первобытнаго блаженнаго жилища своего. Они не могли войти въ него, но видѣли его, видѣли, конечно, съ горестію, воспоминая, какъ и чего лишились они, но помнили и утѣшительное слово Господне, обѣщавшее имъ побѣду надъ лютымъ врагомъ ихъ—адскимъ зміемъ. Видъ рая потеряннаго непрестанно возбуждалъ въ нихъ раскаяніе, но это раскаяніе не вело къ отчаянію, а растворялось упованіемъ на благость Божію.

Вся многолѣтняя жизнь Адама, продол-

жавшаяся 930 лѣтъ, была жизнію покаянія. Въ ней видимъ, что кающійся грѣшникъ долженъ терпѣливо нести разныя скорби и искушенія. Что терпитъ Адамъ? Терпитъ изгнаніе и странническую жизнь; видитъ, что земля и животныя уже не повинуются ему, какъ прежде; испытываетъ изнурительный трудъ земледѣлія и видитъ, что земля возращаетъ ему нерѣдко терніе и волчцы. И кто. могъ сильнѣе чувствовать при этомъ скорбь и бѣдность свою, какъ не тотъ, кто прежде сего ничего не зналъ, кромѣ красоты и богатства райскаго?—Но вотъ, съ рожденіемъ дѣтей, для него наступаютъ новыя заботы и новыя скорби. Сперва прародители были, кажется, очень обрадованы первымъ сыномъ, ибо назвали его *Каиномъ*, что значитъ *стяжаніе или пріобрѣтеніе*; но второму сыну дали уже имя *Авель*, что значитъ *печаль* или *суету*,—можно полагать, потому, что первая радость ихъ была кратковременна и они познали, какъ ненадежны всѣ радости земныя. Не долговременна была и та радость прародителей, съ какою видѣли они благодатный возрастъ кроткаго и праведнаго Авеля. Господь особенно возлюбилъ этого чистаго юношу и явилъ свое особенное благоволеніе ему нѣкоторымъ видимымъ знакомъ, когда оба брата приносили каждый свою жертву. Жестокосердый Каинъ, увидѣвъ это предпочтеніе Авеля, воспылалъ завистію и злобою противъ брата, такъ что не хотѣлъ внять и голосу Божію, обличавшему въ немъ это разстройство душевное, и наконецъ злобно умертвилъ брата своего. Что можетъ сравниться съ тяжестію этого бѣдствія для прародителей? Не одну, а двѣ смерти увидѣли они, тѣлесную въ Авелѣ и духовную въ Каинѣ, который пораженъ былъ проклятіемъ Божіимъ, а вмѣстѣ не могли не сознавать того, что все это—послѣдствіе ихъ перваго грѣха.

Видимъ далѣе, что слезы и покаяніе первыхъ человѣковъ, по благости Божіей, вознаграждены были благословеннымъ плодомъ. Адаму и Евѣ Богъ даровалъ достойнаго сына въ Сиѳѣ, и Адамъ, живя еще семь столѣтій, могъ утѣшаться, смотря на благочестивыхъ потомковъ третьяго сына своего, которые заслужили названіе *сыновъ Божіихъ*. Но кончились ли при томъ всѣ скорби виновниковъ перваго грѣха? Нѣтъ! въ тоже время они не могли не знать, какъ, съ печатью проклятія на лицѣ, старшій сынъ ихъ скитался по землѣ и какъ потомство его было развратно и враждебно потомству благочестиваго Сиѳа.

Въ благочестивомъ племени слово Божіе особенно отличаетъ Еноса, Еноха и Ноя. О первомъ сказано: *сей упова призывати имя Господа Бога* (Быт. 4, 26), т. е., онъ съ дерзновеніемъ праведника призывалъ имя Божіе и славилъ Господа предъ всѣми (См. 3 Цар. 18, 24). Полагаютъ, что онъ далъ совершеннѣйшее устройство общественному богослуженію. Объ Енохѣ пишется: *угоди Енохъ Богу, и не обрѣташеся, зане преложи его Богъ* (—5, 24). По изъясненію ап. Павла это значитъ, что Енохъ преселился въ вѣчную жизнь, *не видѣвъ смерти* (Евр. 11, 5), т. е. святостію жизни, вѣрою и любовію къ Богу столько очистилъ себя, что въ тѣлѣ его не осталось ничего въ жертву смерти. О немъ же пишетъ св. апостолъ Іуда, что онъ пророчествовалъ о грядущемъ судѣ на нечестивыхъ для наказанія ихъ за дѣла нечестія и за жестокія словеса, которыми хулили они Бога (Іуд. 14. 15). Изъ сего можно заключить, что нечестивое потомство Каина, во время Еноха, дошло до крайней степени развращенія, и св. праотецъ угрожалъ имъ судомъ Божіимъ, а вмѣстѣ и предохранялъ родъ Сиѳовъ отъ заразы нечестія. Примѣръ нечестія въ потомствѣ Каина слово Божіе пока-

зало въ Ламехѣ, который хвалился убійствомъ предъ своими женами: *мужа убихъ въ язву мнѣ и юношу въ струпъ мнѣ*, и нечестиво ободрялъ себя мыслію, что никто не посмѣетъ отмстить ему: *седмицею*, говорилъ онъ, *отмстится отъ Каина, отъ Ламеха же седмьдесятъ седмицею* (Быт. 4, 23. 24). Къ несчастію, зараза нечестія распространилась и на родъ благочестивый. Писаніе говоритъ, что сыны Божіи, т. е. потомки Сиѳа, стали вступать въ брачные союзы съ дщерями человѣческими, т. е. въ племени Каиновомъ, и отъ этого смѣшенія произошло всеобщее развращеніе. Явились исполины, поставлявшіе славу свою въ силѣ и насиліяхъ. *Умножишася злобы человѣковъ на земли и растли всяка плоть путь свой на земли* (Быт. 6, 5. 12). Казалось все тогда погибло, что сохранили св. праотцы. Но и въ это время всеобщаго развращенія явленъ былъ великій праведникъ— Ной. О немъ сказано: *Ное, человѣкъ праведенъ, совершенъ сый въ родѣ своемъ, Богу угоди* Ное (Быт. 6, 9). И ко благу рода человѣческаго сей дивной святости мужъ не восхищенъ былъ подобно Еноху отъ среды нечестивыхъ, а избранъ быть во первыхъ проповѣдникомъ покаянія предъ потопомъ, а потомъ, возстановителемъ рода человѣческаго послѣ потопа. Чрезъ него-то, конечно, Богъ объявилъ всему допотопному міру: *не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть; будутъ же дніе ихъ лѣтъ сто двадесять* (—6, 3). Но когда и эти 120 лѣтъ, оставленныя для покаянія, прошли безплодно, Всевышній повелѣлъ наконецъ Ною готовиться къ временному восхищенію отъ земли - въ ковчегѣ, или большомъ кораблѣ, въ которомъ должны сохраниться на водѣ потопной какъ семейство праведника, такъ и роды животныхъ, не могущихъ жить въ водѣ. О немъ замѣчаетъ Апостолъ: *вѣрою* Ной *осуди весь міръ, и правды, яже по вѣрѣ, бысть наслѣдникъ* (Евр. 11, 7). Такъ сильна и благоплодна была вѣра и жизнь по вѣрѣ этого новаго родоначальника людей! Во всемъ мірѣ не нашлось человѣка съ богоугодною вѣрою, кромѣ Ноя, и міръ погибъ, а Ной спасся, и удержалъ драгоцѣнное наслѣдіе оправданія чрезъ вѣру, чтобы передать его всѣмъ родамъ будущимъ.

Здѣсь остановимся, бр., и замѣтимъ, какой важный урокъ оставилъ намъ міръ допотопный. Изъ глубины вѣковъ онъ какъ бы такъ взываетъ къ намъ: »потомки Адама и Ноя! познайте изъ моего опыта и примѣра, что послѣ паденія нѣтъ вѣрнаго счастія на землѣ; оно сокрылось вмѣстѣ съ потеряннымъ нами раемъ. Познайте въ особенности то, что время жизни нашей должно быть временемъ вѣры и покаянія. Благо тѣмъ, которые сохраняютъ святую вѣру и не отвергаютъ покаянія: они одни найдутъ благоволеніе Творца и Владыки нашего небеснаго и имъ не страшны никакія бѣдствія и самая смерть; ибо они увѣрены съ вѣрнымъ Енохомъ, что есть другая, лучшая жизнь, куда и стремятся духомъ, знаютъ съ великимъ Ноемъ, что хотя бы и всесокрушающій гнѣвъ Божій постигъ землю, ихъ покроетъ и спасетъ десница благости Божіей. Но горе, горе людямъ безъ вѣры и покаянія! они не найдутъ покоя душѣ своей, какъ Каинъ, всегда стенавшій и трепетавшій скиталецъ на землѣ. Не утѣшатъ ихъ цѣвница и гусли, изобрѣтенныя въ потомствѣ Каина, не защитятъ желѣзо и мѣдь, впервые открытыя и выкованныя въ томъ же потомствѣ. Найдетъ нѣкогда и на нихъ страшный день, и что спасетъ ихъ тогда отъ погибели? *Бѣху во дни* мои многи тысящи людей *ядуще и піюще, женящеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное въ ковчегъ, и не увѣдѣша, дондеже пріиде вода и взятъ вся* (Матѳ.

24, 38). Такъ неизбѣженъ гнѣвъ Божій на нечестивыхъ! Бойтесь же подражать потомкамъ Каина, бойтесь и сообщаться съ подобными нечестивцами, какъ бы ни были они привлекательны для чувствъ вашихъ, да не родятся и у васъ, отъ смѣшенія добрыхъ съ злыми, исполины нечестія, ускорившіе гибель людей допотопныхъ. Пребудьте вѣрными сынами Божіими, не оставляйте сонма праведныхъ — истинной Церкви, которая одна есть селеніе Божіе на землѣ, сокровищница даровъ Господнихъ, всегдашній ковчегъ, внѣ котораго нѣтъ спасенія«. Аминь.

СВ. ГРИГОРІЯ ВЕЛИКАГО

ПЕРЕПИСКА ПО СЛУЧАЮ ПРИНЯТІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМЪ ПАТРІАРХОМЪ НАЗВАНІЯ ВСЕЛЕНСКАГО.

Эта переписка служитъ несокрушимымъ памятникомъ смиренія древнихъ первосвященниковъ Римской Церкви и вмѣстѣ обличеніемъ высокомѣрія и гордости позднѣйшихъ преемниковъ ихъ, которые однимъ себѣ стали присвоять названіе *Вселенскаго* во всемъ обширномъ значеніи сего слова.

Въ 587 г. патріархъ константинопольскій Іоаннъ постникъ по опредѣленію Констан. собора и волѣ императора принялъ названіе *Вселенскаго*. Это названіе не выражало мысли о всеобщемъ главенствѣ надъ Церковію, а было только почетнымъ титуломъ, весьма приличнымъ епископу престольнаго града имперіи, которую издавна называли вселенною. Обширнаго значенія никто изъ патріарховъ востока не усвоялъ этому названію; тѣмъ менѣе могъ усвоять св. Іоаннъ постникъ, который всю жизнь отличался глубочайшимъ смиреніемъ.

Не такъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ римскій папа Григорій Двоесловъ. Слѣдуя мнѣнію своего предшественника Пелагія II, онъ соединялъ съ этимъ названіемъ понятіе о начальственной власти надъ церквами всей вселенной. Привыкши называть себя »рабомъ рабовъ Божіихъ«, святый папа крайне возмущаемъ былъ названіемъ »вселенскаго«, которое казалось ему выраженіемъ гордости и высокомѣрія.

Первое письмо свое къ патріарху Іоанну о титулѣ *вселенскаго* св. Григорій начинаетъ такъ: »извѣстно братству вашему, въ какомъ мирѣ и согласіи нашелъ ты церкви, принявъ честь священства; но я не знаю, по какой смѣлости и по какому превозношенію ты рѣшился восхитить новое имя, которымъ могутъ соблазниться сердца всѣхъ братій«. Потомъ, представивъ ему на видъ то смиреніе, по которому св. Іоаннъ избѣгалъ епископства и напомнивъ обличенія папы Пелагія, св. Григорій говоритъ, что если Константинопольскій патріархъ не откажется отъ гордаго титула, то онъ (папа) приступитъ къ каноническимъ мѣрамъ: »Это неразумное присвоеніе себѣ чести возмущаетъ миръ всей Церкви и противно благодати общей всѣмъ. Эта гордость вселенскаго епископа подобна гордости сатаны, который говоритъ: *на небо взыду, выше звѣздъ поставлю престолъ мой* (Ис. 24, 23). Не должно уподобляться фарисеямъ, ищущимъ первосѣданія на сонмищахъ и цѣлованія на торжищахъ; а всегда надобно памятовать слово Христово: *не нарицайтеся учители, единъ бо вашъ учитель Христосъ, вси же вы братія есте* (Матѳ. 23, 7. 8)... Если же мое вразумленіе будетъ презрѣно, то мнѣ

остается прибѣгнуть къ силѣ св. Церкви« (restat, ut Ecclesiam debeam adhibere) (L. V. 18).

Въ тоже время папа пишетъ къ своему діакону, апокрисіарію въ Константинополѣ, возбуждая его дѣйствовать со всею ревностію противъ того же титула, и присовокупляетъ, что соглашаться на такой беззаконный титулъ тоже значитъ, что погублять вѣру. Въ этомъ письмѣ папа даже запрещаетъ діакону имѣть общеніе въ священнослуженіи съ патріархомъ, доколѣ сей не оставитъ титула Вселенскаго (L. V. 19). Когда императоръ Маврикій, защищая патріарха, послалъ письмо къ св. Григорію, папа отвѣчалъ ему съ новою силою, и замѣтилъ, что самыя общественныя бѣдствія происходятъ отъ гордости епископовъ. »Мы«, говоритъ онъ, »своимъ примѣромъ разоряемъ то, что созидаемъ словомъ. Наши кости истлѣваютъ отъ пощенія (намекъ на чрезвычайное воздержаніе Іоанна постника), а духъ надмевается отъ гордости; наше тѣло покрывается рубищами, а превозношеніемъ сердца мы возносимся выше багряницы; возлежимъ на пеплѣ, а помышляемъ о величіи; мы учители смиренія дѣлаемся вождями гордости, и зубы волковъ скрываемъ подъ одеждою овецъ. Апостолу Петру поручено попеченіе о всей Церкви, даны ключи царствія небеснаго, и онъ однако не называется Апостоломъ вселенскимъ: но мой сопресвитеръ Іоаннъ хочетъ именоваться Вселенскимъ епископомъ«. Св. Григорій припоминаетъ, какъ много епископовъ константинопольскихъ впадало въ ересь, и заключаетъ, что если епископу сего города принадлежитъ вселенство, то когда онъ впадетъ въ ересь, съ нимъ должна впасть въ нее и вся Церковь. Затѣмъ проситъ императора запретить Іоанну употребленіе гордаго титула, присовокупляя, что если онъ »послушаетъ меня, то найдетъ во мнѣ брата преданнѣйшаго (devotum fratrem); а если останется при своей гордости, то будетъ имѣть противникомъ Того, Кто *гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать*« (Іак. 4, 6). (L. V. 20). Не надѣясь какъ бы на силу своего письма къ императору, св. папа обращается еще къ императрицѣ Константинѣ, и, похваляя ея благочестіе и усердіе къ апостолу Петру, пишетъ: »я получилъ отъ благочестивѣйшаго государя письмо, въ которомъ онъ напоминаетъ мнѣ долгъ миролюбія къ сопресвитеру моему Іоанну, какъ и прилично благочестивому государю предписывать священникамъ. Но для меня прискорбно то, что государь, вмѣсто того, чтобъ укротить гордаго, старается болѣе отклонить меня отъ намѣренія защищать истину и церковныя правила. Для меня весьма прискорбно и несносно, что братъ мой и соепископъ, презирая всѣхъ, одинъ хочетъ называться епископомъ. Такая гордость возвѣщаетъ приближеніе временъ антихристовыхъ. Церковь Римская 27 лѣтъ страдала отъ меча Лонгобардовъ, а теперь страдаетъ отъ скорби всѣхъ церквей, которыя плачутъ отъ гордости одного человѣка. И потому умоляю всемогущимъ Господомъ, не дозволяйте, чтобъ превозношеніе одного человѣка полагало пятно на царствованіе вашего благочестія« (L. V. 21).

Сего мало. Ревностный папа хотѣлъ возбудить противъ константинопольскаго патріарха и другихъ восточныхъ патріарховъ, и писалъ къ Евлогію александрійскому и Анастасію антіохійскому, изъясняя тѣ-же причины своего опасенія отъ пріятія кѣмъ либо титула Вселенскаго. Онъ проситъ ихъ вовсе не употреблять этого титула въ сношеніяхъ съ кѣмъ бы то нибыло, »да не отнимутъ у себя должной чести, приписывая неподобающую честь другому«, пишетъ, чтобъ они въ этомъ случаѣ не опасались ничего со стороны императора, »который боится Всемогу-

щаго Господа и несогласенъ что-либо сдѣлать противъ постановленій евангельскихъ и противъ священнѣйшихъ правилъ«,—убѣждаетъ дѣйствовать съ нимъ за одно, въ той увѣренности, что всѣ они съ нимъ составляютъ одно въ Томъ, который вездѣ присутствуетъ. »Благодаримъ«, говоритъ онъ, »Ему, который, разрушивъ вражду плотію своею, устроилъ такъ, что во всей вселенной едино стадо подъ управленіемъ Его единаго Пастыря« (unum ovile sub se uno Pastore). Потомъ указываетъ на общую опасность отъ льва рыкающаго, ищущаго кого поглотити и уже вонзающаго зубы свои въ нѣкоторые необходимые члены Церкви, готоваго растерзать и все стадо, если всѣ пастыри, съ помощію Господа, не останутся въ единодушіи. »Съ какою тяжкою скорбію, пишетъ онъ, я принужденъ сказать, что братъ и соепископъ нашъ Іоаннъ, презирая повелѣнія Господни, апостольскія заповѣди и правила отцевъ, по гордости своей хочетъ въ титулѣ своемъ представить предтечу Антихриста! (L. V. 53). Все это, конечно, преувеличено ложною увѣреностію св. Григорія въ мнимомъ честолюбіи патріарха Іоанна; но все и справедливо, если приложить къ высокомѣрнымъ притязаніямъ папъ римскихъ въ послѣдующихъ вѣкахъ.

Преніе о титулѣ Вселенскаго не прекратилось и по смерти св. патріарха Іоанна. Папа продолжалъ возставать противъ мнимой гордости константинопольскихъ патріарховъ и при преемникѣ Іоанна Киріакѣ, хотя уже не съ прежнею силою: онъ благосклонно принялъ посланныхъ отъ него двухъ священнослужителей и письмо съ исповѣданіемъ вѣры. Отвѣчая патріарху на это письмо, св. Григорій одобряетъ его вѣроисповѣданіе и ободряетъ новаго патріарха къ подвигамъ пастырскимъ упованіемъ на помощь Вышняго; благодаритъ Бога, сохраняющаго отъ всякаго разрыва въ единствѣ благодати своей нешвенный, свыше истканный хитонъ, т. е. Церковь. »Но при семъ«, говоритъ, »нужно намъ благоразумно хранить миръ сердецъ, и для того уклоняться отъ гордаго мірскаго названія (profani nominis), *хранить преданіе, уклоняяся скверныхъ суесловій* (1 Тим. 6, 20) и хвалиться единственно о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа (Гал. 6, 14). Мы соблазняемся онымъ нечестивымъ названіемъ и не мало сѣтуемъ и жалуемся на него; а Истина глаголетъ: *прежде примирися съ братомъ твоимъ, и тогда шедъ принеси даръ твой* (Мат. 5, 25). Потщитесь же скорѣе изгладить соблазнъ сердца вашего, да будетъ жертва ваша благопріятна Богу«, (L. VII. 4). Въ другомъ письмѣ къ Киріаку папа хвалитъ его скромность и смиреніе, и говоритъ: »всѣ мы немощны, но тотъ немощнѣе, который не сознаетъ своей немощи; вы же, блаженнѣйшіе братія, потому сильны, что, не полагаясь на свою силу, уповаете на силу Всемогущаго. Но, присовокупляетъ, я молю Бога, да умножаетъ онъ взаимную любовь нашу, и да отниметъ всякій поводъ къ соблазну; а я, хотя противлюсь дѣйствію нѣкоторыхъ гордыхъ, но ничего не предпочитаю любви« (L. VII. 5). Въ письмѣ къ императору Маврикію св. Григорій называетъ его стражемъ церковнаго мира и почитаетъ избраніе Киріака, извѣстнаго по опытности въ управленіи церковными дѣлами, не малою наградою осторожной заботливости государя о замѣщеніи каѳедры, упраздненной по кончинѣ »блаженной памяти Іоанна« (L. VII. 6). Въ письмѣ къ епископамъ восточнымъ Григорій не одобряетъ того, что при постановленіи Киріака возглашали: *сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь* (Пс. 118, 24), почитая это неприличнымъ

приложеніемъ къ человѣку, еще живущему на землѣ. Впрочемъ извиняетъ это, какъ дѣйствіе восторга и радости, увѣщаваетъ ихъ молиться за своего патріарха, да сохранитъ его Богъ особенно отъ искушеній гордости, »по которой и Давидъ погрѣшилъ, захотѣвъ узнать число своихъ подданныхъ, и так. обр. подвергъ ихъ казни Божіей« (L. VII. 7). Къ Анастасію, патріарху антіохійскому, который просилъ его не давать мѣста лукавому духу возмущать (evibrare) душу по дѣлу ничтожному«, т. е. за титулъ Вселенскаго, св. Григорій пишетъ, что »хотя того же мнѣнія держится самъ императоръ и хотя онъ (папа) за этотъ титулъ не отвергъ посланія Киріакова; но однакоже онъ не престанетъ увѣщавать патріарха оставить это высокомѣрное названіе, въ той увѣренности, что оно наноситъ вредъ вѣрованію всей Церкви. Ибо, говоритъ, вы знаете, сколько еретиковъ и даже ересіарховъ произошло изъ константинопольской Церкви, а что если одинъ изъ епископовъ есть вселенскій и падетъ, то съ нимъ необходимо должна пасть и вся Церковь. Но надѣюсь, что Господь скоро исполнитъ свое обѣщаніе: *всякъ возносяй себе смирится*« (Лук. 24, 18) (L. VII. 27).

Впрочемъ св. Григорій много смягчилъ свою ревность, какъ видно изъ слѣдующаго письма его къ самому Киріаку. Въ немъ онъ благодаритъ Бога, что между ними сохраняется любовь, мать всѣхъ добродѣтелей, и сею любовію убѣждаетъ патріарха оставить горделивое названіе, служащее соблазномъ для Церкви; свидѣтельствуется Іисусомъ Христомъ, что самъ онъ (папа) не хочетъ никому давать случая къ соблазну, а всѣмъ отдаетъ честь, если честь сія не отнимаетъ ничего у чести Божіей. (L. VII). 31. Подобное смягченіе ревности видно и въ слѣдующемъ письмѣ папы къ императору Маврикію. Въ немъ онъ пишетъ, что по неоднократному царскому напоминанію, онъ (папа) благосклонно принялъ апокрисіаріевъ брата и со-пресвитера своего Киріака. Такъ какъ императоръ въ письмѣ своемъ назвалъ св. Григорія по дѣлу о титулѣ неразборчивымъ (indiscretus): то св. папа отвѣчаетъ, что онъ не такъ неразборчивъ, чтобъ не зналъ, чѣмъ долженъ въ отношеніи къ единству вѣры и церковному согласію, и чтобъ отказался принять, несмотря на все огорченіе свое, словъ и посланіе своего собрата. Долгъ любви, пишетъ онъ, я исполнилъ, и апокрисіаріевъ брата моего почтилъ болѣе, нежели сколько было въ обычаѣ, — я даже позволилъ имъ участвовать со мною въ совершеніи Литургіи. Ибо хотя мой діаконъ не долженъ служить при совершеніи таинствъ у патріарха, который вину превозношенія или самъ на себя принимаетъ, или принятую другими не исправляетъ; но его служители должны быть при моемъ священнослуженіи, такъ какъ я, по милости Божіей, не впалъ въ грѣхъ гордости. На замѣчаніе императора, что за пустое названіе (pro apellatione frivoli nominis) не надлежитъ быть соблазну между ними, св. Григорій отвѣчаетъ: есть много незначущаго, что не вредно, и есть такое, что очень вредно, напр. ничтожно названіе бога, какое присвоитъ себѣ антихристъ, но весьма гибельно. Мнѣ представляется таковымъ названіе вселенскаго священника, и тотъ предтеча антихриста, кто, величаясь этимъ названіемъ, превозноситъ себя предъ прочими. Наконецъ проситъ государя повелѣть тѣмъ, кои впали въ гордость, не производить соблазна чрезъ усвоеніе себѣ суетнаго названія (frivoli nominis), (L. VII. 33). О томъ, какъ приняты апокрисіаріи патріарха Киріака папою и о запрещеніи своему діакону участвовать въ богослуженіи съ патріархомъ, упоминаетъ св. Григорій и въ письмѣ

къ патріархамъ восточнымъ, Евлогію и Анастасію. (L. VII. 34). Въ слѣдующемъ письмѣ къ патріарху Евлогію, папа уже не упоминаетъ о горделивомъ титулѣ, а только показываетъ равно-честіе престоловъ антіохійскаго и александрійскаго съ римскимъ, какъ каѳедръ одного апостола Петра, и хвалитъ Евлогія за подвиги его противъ еретиковъ (L. VII. 40). Негодованіе въ св. Григоріѣ на гордое названіе возобновилъ самъ Евлогій, назвавшій въ одномъ изъ писемъ своихъ самаго папу Вселенскимъ. Я, говоритъ святый Григорій, убѣждалъ васъ ни мнѣ, ни другому кому не писать такъ; но вотъ въ самомъ заглавіи письма ты поставилъ то самое горделивое названіе, именуя меня вселенскимъ папою. Этого, прошу твою любезнѣйшую святость, впредь не дѣлать; ибо у другихъ отнимается нѣчто, когда одному дается болѣе надлежащаго. Я не почитаю того честію, что отнимаетъ честь у моихъ братій. Моя честь въ чести вселенской Церкви; моя честь въ силѣ и твердости моихъ братій (L. VIII. 30). Въ послѣднемъ письмѣ къ патріарху Киріаку св. Григорій говоритъ о необходимости мира и спасенія, и съ братскою любовію напоминаетъ о гордомъ титулѣ: »съ должною любовію совѣтуемъ вамъ устранить соблазнъ, происходящій въ Церкви, отъ гордаго названія, да не отдѣляетесь отъ общества нашего мира; но да будетъ въ насъ одинъ духъ, одна мысль, одна любовь и одинъ союзъ во Христѣ, благоволившемъ насъ содѣлать своими членами. Ибо, пусть разсудитъ ваша святость, какъ жестоко, какъ неприлично, какъ чуждо назначенію священника, проповѣдуя миръ другимъ, не имѣть самому мира,—и да престанетъ соблазнять гордостію своихъ братій. Постарайся лучше о томъ, чтобы виновника превозношенія поразить мечемъ смиренія, да сею побѣдою благодать Святаго Духа сотворитъ васъ своею обителію и да исполнится на васъ то, что написано: *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы«* (2 Кор. 8, 17). L. XIII. 40.

Письма св. Григорія, показывая ревность его противъ гордости пастырей, служатъ свидѣтельствомъ и того, съ какимъ смиреніемъ повиновался онъ самъ опредѣленіямъ соборнымъ и съ какою любовію обходился съ равночестными ему патріархами восточными. Вскорѣ послѣ вступленія своего на каѳедру римскую, писалъ онъ по обыкновенію посланіе къ патріархамъ, въ которомъ, изобразивъ довольно пространно обязанности пастырскія, пишетъ: »четыре собора я пріемлю и чту какъ четыре евангелія,—ибо на нихъ какъ на четыреугольномъ камнѣ зиждется зданіе св. вѣры. А равно почитаю и пятый соборъ«. (L. I. 25). На похвалы каѳедрѣ св. апостола Петра, какія изложилъ въ письмѣ своемъ Евлогій, патріархъ александрійскій, св. папа отвѣчаетъ: »хотя я недостоинъ быть не только въ чести предсѣдателей, но и въ числѣ предстоящихъ; но охотно принялъ все сказанное тобою потому, что о Петровой каѳедрѣ сказалъ мнѣ тотъ, кто самъ занимаетъ, тоже, каѳедру Петра. Вы, святѣйшіе, что воздаете мнѣ, воздаете самимъ себѣ. Ибо св. Церковь утверждена на крѣпости верховнаго Апостола, названнаго отъ камня (a petra) Петромъ; но его каѳедра въ трехъ мѣстахъ: въ Римѣ, Александріи и Антіохіи,—а потому-что добраго слышу о васъ, то усвояю себѣ, и вы, что думаете о мнѣ добраго, приписывайте вашимъ заслугамъ. Мы одни въ Томъ, Кто сказалъ: *да вси едино будутъ, якоже ты, Отче, во мнѣ и азъ въ тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ«* (Іоан. 17, 21). (L. VII. 40). Тотъ-же Евлогій въ одномъ письмѣ къ папѣ выразился такъ: »я исполнилъ твое приказаніе« (sicut jussistis). Св Григорій замѣчаетъ ему: »прошу слово *приказаніе* удалить отъ моего слуха; ибо я знаю, кто

я, и кто вы. По мѣсту вы мнѣ братія, по добродѣтели отцы; я не приказывалъ, а только указалъ, что казалось мнѣ полезнымъ«. (L. VIII. 30).

Можно впрочемъ видѣть и то, что св. Григорій усвоялъ своей каѳедрѣ въ извѣстномъ отношеніи первенство. Это первенство ограничивалъ онъ тѣмъ, что въ случаѣ какой-либо вины въ епископахъ, почиталъ правомъ своимъ и долгомъ давать объ нихъ свой судъ и опредѣленіе, которое впрочемъ всегда посылалъ на утвержденіе къ патріархамъ или императору. Въ этомъ смыслѣ говоритъ папа въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Іоанну, епископу сиракузскому: »если какая вина обрѣтается въ епископахъ, то я не знаю, какой епископъ не подлежитъ апостольской (т. е. римской) каѳедрѣ«. (L. IX. 30). Такъ хотѣлъ онъ защищать одного пресвитера халкидонскаго, который обвиненъ былъ въ ереси и жаловался на это папѣ. Папа призналъ его на соборномъ судѣ своемъ невиннымъ, потому что получилъ отъ него православное исповѣданіе вѣры, просилъ оправданія обвиненному у патріарха Іоанна, у самаго императора Маврикія и даже у сродника императорскаго Ѳеотаста. Такъ мало надѣялся онъ на силу одного суда своего! – (См. L. VI. Ep. 15, 16. 17). У него и въ мысли не было того самоуправства въ Церкви, какое позднѣйшіе преемники его стали усвоять исключительно однимъ себѣ!

Даждь взаимъ искреннему во время требованія его... Утверди слово, и увѣрися съ нимъ, и во всяко время обрящеши потребу твою (Сир. 29, 2. 3).

Что побудило Премудраго дать такое наставленіе, по видимому, не совсѣмъ сообразное съ свойствомъ человѣколюбиваго и щедролюбиваго сердца? — Мудрый говорилъ то, что внушала ему мудрость, чему научало его опытное знаніе людей: потому, какъ ни страннымъ представляется съ перваго взгляда сіе наставленіе, оно заслуживаетъ вниманія нашего, какъ правило житейскаго благоразумія.

Люди, когда бы ни жили и гдѣ бы ни жили, всегда и вездѣ люди. По этому, что замѣтилъ премудрый сынъ Сираховъ въ свое время о просящихъ и берущихъ взаимъ, тоже самое имѣетъ приложеніе и ко всѣмъ временамъ.

Есть люди, которые просятъ и берутъ взаимъ съ прямымъ намѣреніемъ въ душѣ — не отдавать взятаго, хотя и обѣщаются всегда отдать. О нихъ-то говоритъ Премудрый: *мнози яко обрѣтеніе возмнѣша заимованіе, и задаша трудъ помощникомъ ихъ* (ст. 4). Для такихъ людей взятое взаимъ все равно, что найденное или пріобрѣтеніе ими самими. Иногда такое легкое пріобрѣтеніе обращается у нѣкоторыхъ людей даже въ привычку. — Нѣтъ нужды и говорить, какой трудъ задаютъ они помощникамъ своимъ, въ какую иногда крайность вводятъ ихъ и какой ущербъ наносятъ имъ. Этотъ ущербъ, какъ вещественный, видѣнъ для каждаго. Не столько ощутителенъ ущербъ для самаго пріобрѣтающаго подобнымъ образомъ, хотя онъ гораздо важнѣе ущерба вещественнаго. — Кто привыкъ пріобрѣтать легко, тотъ, конечно, не захочетъ пріобрѣтать съ трудомъ; по крайней мѣрѣ во всякомъ случаѣ предпочтетъ пріобрѣтеніе лег-

чайшее труднѣйшему. А что легче, какъ брать взаймъ у другаго? Отсюда первый ущербъ — наживается лѣность и безпечность. Въ надеждѣ прожить трудомъ ближняго человѣкъ совсѣмъ бросаетъ заботиться о себѣ самомъ. Далѣе, что легко пріобрѣтается, то легко и истрачивается: потому привыкшій считать заимованіе обрѣтеніемъ впадаетъ въ расточительность. Не зная самъ, какихъ трудовъ и усилій стоитъ дѣйствительное пріобрѣтеніе того или другаго, онъ также легко и выпускаетъ его изъ рукъ, какъ легко оно попало къ нему въ руки. Съ теченіемъ времени отъ этого нажи-вается страсть мотовства, отъ которой не легко отстать человѣку даже и послѣ того, какъ ему никто уже небудетъ вѣрить на слово. А это само собою можетъ повести и къ дальнѣйшимъ, еще болѣе грубымъ порокамъ... Нельзя не подумать при семъ, что часть вины въ семъ случаѣ падаетъ и на тѣхъ, которые своею неблагоразумною щедростію доводятъ человѣка до этого.

Дондеже возметъ, говоритъ далѣе Премудрый, *облобызаетъ руцѣ его, и на имѣніе искренняго смиритъ гласъ* (ст. 4). Въ томъ или другомъ видѣ такое отношеніе между берущимъ взаймъ и заимодавцемъ повторяется всегда и вездѣ. Въ наше время просящій въ займъ, можетъ быть, и не станетъ лобызать рукъ заимодавца, все же *смиритъ гласъ на имѣніе* его. Такъ бываетъ обыкновенно, прежде чѣмъ дано взаймъ; но часто не такъ бываетъ при возвратѣ взятаго.

И во время воздаянія провлечетъ время, и воздастъ словеса унынія, и время обвинитъ (ст. 6). — Отсрочка времени — вотъ первое неудобство для заимодавца, какъ скоро не утверждено слово со взявшимъ взаймъ. Въ *словесахъ унынія*, о которыхъ говоритъ мудрый, нѣтъ недостатка у многихъ должниковъ; только ими не пособитъ себѣ заимодавецъ, особенно человѣкъ не слишкомъ достаточный. Въ крайнемъ случаѣ, когда совершенно не чѣмъ извинить себя, должникъ обвиняетъ время: это — тѣ несчастныя обстоятельства, которыя придумать никому не стоитъ большаго труда, но которыя опять точно также не помогутъ заимодавцу.

Аще же возможетъ воздати, едва половину принесетъ, и вмѣнитъ е яко обрѣтеніе (ст. 7). — Такимъ образомъ совершенно измѣняются прежнія отношенія между заимодавцемъ и должникомъ. Прежде полученія взаймъ должникъ считалъ заимодавца своимъ благодѣтелемъ; теперь, отдавши едва половину, онъ себя считаетъ благодѣтелемъ заимодавца, почитая какъ бы находкою для него принесенную имъ половину занятаго.

Аще же ни, лиши его имѣній своихъ и стяжа его врага туне (ст. 8). — Потеря даннаго взаймъ бываетъ и доселѣ по временамъ наградою заимодавцу. Но и этого еще мало: мудрый замѣтивъ, — и опыты всѣхъ временъ подтверждаютъ сіе замѣчаніе, — что въ такихъ случаяхъ должникъ становится иногда врагомъ заимодавцу. Онъ *воздастъ ему клятвы и укоризны, и вмѣсто славы воздастъ ему безчестіе* (ст. 9).

Для избѣжанія всѣхъ сихъ неудобствъ одно средство, которое и предлагаетъ мудрый, какъ правило благоразумія: *утверди слово, и увѣрися съ нимъ* (должникомъ), *и во всяко время обрящеши потребу твою.* Изключеніе изъ этого должно быть одно, о которомъ говоритъ и премудрый: *обаче смиренному* (бѣдному, истинно нуждающемуся) *долготерпи, и милостынею не продолжи его. Заповѣди ради заступи нищаго, и по нищетѣ его не отврати его тща. Погуби сребро брата ради и друга, и да не оржавѣетъ подъ каменемъ въ пагубу* (ст. 11—19).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 15-го Октября 1858 года.
Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 54.

НЕДѢЛЯ 26 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

9 Ноября 1858 г.

Гласъ 1-й.

На утрени: евангеліе воскресное 4-е, Лук. зач. 112. На Литургіи: апост. Ефес. зач. 229, евангеліе Лук. зач. 66.

ПОУЧЕНІЕ

О

БЛАГОДАРНОСТИ КЪ БОГУ.

Куда ни посмотримъ, куда ни обратимъ очи и умъ нашъ, вездѣ имѣемъ довольные случаи благость Божію прославлять. Въ нощи смотришь на небо чистое, звѣздами какъ бисеромъ украшенное, и между звѣздъ луну сіяющую,—тебѣ сія служатъ: благодари *Сотворшему луну и звѣзды во область нощи* (Псал. 135, 9). Возсіялъ день; солнце лучи свои по всей вселенной распустило,—тебѣ свѣтъ его сіяетъ: благодари *Сотворшему солнце во область дне* (ст. 8). Облака дождь кропятъ,—тебѣ кропятъ: благодари *Одѣвающему небо облаки, и уготовляющему земли дождь* (Псал. 146, 8). Возсталъ вѣтръ и началъ облака прогонять и очищать небо,—тебѣ онъ служитъ: благодари *Изводящему вѣтры отъ сокровищъ своихъ* (Псал. 134, 7). Видишь поля, различными плодами исполненныя, луга и лѣса зеленѣющіеся, садовная древеса изобилующая плодами,—то благости Божіей дѣло; тебѣ то отъ Бога посылается: благодари Даровавшему, глаголя: *благослови душе моя Господа* (Псал. 102, 1)! Пришла зима, одѣлась земля снѣгомъ, мразъ связалъ озера, рѣки и болота, и такъ вездѣ свободный учинился путь, нѣтъ нужды въ мостахъ и прочихъ къ переправамъ надобностяхъ,—Божіе то благодѣяніе есть; твоей потребѣ служитъ сіе: благослови *Дающаго снѣгъ свой яко волну* (Пс. 147, 5). Проходитъ зима, и весна наступаетъ,—тѣмъ тебѣ возвѣщается приближающееся какъ бы нѣкое воскресеніе всея твари, мразомъ умершія! благослови Благоволившаго тако. Наступила весна; тутъ но-

вое открывается Божіихъ дарованій сокровище; солнце благопріятно сіяетъ и грѣетъ, чувствуется благорастворенный воздухъ, земля изъ нѣдръ своихъ издаетъ сокровища своя, сѣмянъ и корней плоды являются и всѣмъ себя подаютъ въ употребленіе; луга, нивы, поля, лѣса одѣваются и зеленѣютъ, украшаются цвѣтами и издаютъ всякое благоуханіе; протекаютъ источники и рѣчная устремленія не токмо видѣніе, но и слухъ веселятъ; всюду слышится различный различныхъ птицъ гласъ, какъ сладкая нѣкая музыка; расходятся по полямъ и степямъ скоты, не требуютъ отъ насъ корма, питаются и насыщаются съ довольствіемъ, что рука Божія отверзла имъ, довольствуются, ядятъ и играютъ, и тако какъ бы благости Божіей благодарятъ; вся поднебесная въ новый прекрасный и веселый премѣняется видъ; безчувственная и чувствомъ одаренная тварь какъ бы вновь раждается. Тебѣ разумной твари сіе все богатство благости Божіей открылося: глаголи благодарно: *благослови душе моя Господа!* (Пс. 103, 1). Принесла земля различные плоды къ насыщенію и утѣшенію твоему: благодари Устроившему тако, глаголя радостнымъ духомъ со Пророкомъ: *возвеселилъ мя еси, Господи, въ твореніи твоемъ!* (Псал. 91, 5). Вкушаешь пищу: благодари Благодателю. Грѣется покой твой, или варится пища огнемъ,—Божій даръ огнь есть, который тебѣ работаетъ и служитъ: благослови Сотворшаго его. День прешедъ, пой благодарно, яко сподобилъ тебя Господь безъ вреда и погибели проводити его; пой сердцемъ и устами: пѣснословлю Тя, Господи! Уснулъ въ нощи, и спавъ восталъ: глаголи: благословлю Тя, Господи! глаголи со Пророкомъ: *азъ уснухъ и спахъ, возстахъ, яко Господь застуитъ мя.* (Псал. 3, 6). Чувствуешь удареніе совѣсти за грѣхи: благодареніе Богу приноси, потерпѣвшему согрѣшенія твоя и не предавшему тебя въ руки врага твоего; исповѣдайся благодарно со Пророкомъ: *исповѣмся тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ, и прославлю имя твое во вѣкъ: яко милость Твоя велія на мнѣ, и избавилъ еси душу мою отъ ада преисподнѣйшаго* (Пс. 35, 12. 13). Ощущаешь страхъ суда Божія, или желаніе вѣчнаго живота Божія,—то благодать зоветъ тебя на покаяніе: глаголи: благословенъ Господь, *иже хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити!* (1 Тим. 2, 4); повинися званію Божія благодати, дондеже время благопріятно и день спасенія, дондеже слушаетъ и помогаетъ Господь. *Глаголетъ бо: во время благопріятно послушахъ тебѣ, и въ день спасенія помогохъ тебѣ. Се нынѣ время благопріятно! се нынѣ день спасенія!* (2 Кор. 6, 2). Пришла скорбь, печаль, болѣзнь или и иная какая противность,—спасенія твоего тако ищетъ Господь твой: благодари хотяшему и ищущему спасенія твоего; глаголи со Псаломникомъ: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ твоимъ!* (Пс. 118, 71). Помышляешь о спасительномъ Сына Божія къ роду человѣческому смотрѣніи (всегда же долженъ помышлять о такъ великомъ и важномъ дѣлѣ): съ радостію и глубокимъ смиреніемъ воспой: *благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его! благослови душе моя Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его!* (Пс. 102, 1, 2) и проч.; или тако, съ пророкомъ Захаріею, благослови Господа: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ! яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, и воздвиже рогъ спасенія намъ, въ дому Давида отрока своего* (Лук. 1, 68 и 69). Слышишь гласы пророческіе и апостольскіе, слышишь проповѣдающихъ Божіе слово,—разумѣй, яко тебѣ сіи послан-

ники Божіи служатъ, иже *благовѣствуютъ миръ, благовѣствуютъ благая* (Рим. 10, 15), проповѣдуютъ отпущеніе грѣховъ, приближившееся царствіе небесное. научаютъ правдѣ, наставляютъ на путь правый, ведутъ къ вѣчному блаженству: глаголи благодарнымъ духомъ: слава Богу, Благодѣтелю нашему во вѣки!—Такимъ образомъ, какъ въ благоденствіи, такъ и злоденствіи должны мы Богу благодарить. Въ благоденствіи: яко благая Его недостойные туне получаемъ отъ Него, и тѣми утѣшаемся. Въ злоденствіи: яко исправляемся отъ Него, въ чувство приходимъ, познаемъ себя, свое недостоинство и окаянство, научаемся благая Божія за велико имѣть и благихъ Дателя почитать. Слава Богу, Благодѣтелю нашему во вѣки! Аминь (*).

ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ.

7-я.

О ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНАХЪ ПОСЛѢ ПОТОПА И РАЗСѢЯНІИ НАРОДОВЪ.

И потребися (потопомъ) *всяко востаніе, еже бяше на лицѣ всея земли, отъ человѣка даже до скота и гадовъ и птицъ небесныхъ, и потребишася отъ земли; и остася Ной единъ, и иже съ нимъ въ ковчезѣ* (Быт. 7, 23).

Такъ, погибъ первый міръ отъ потопа воднаго, или лучше, отъ потопа нечестія, за которое пролился гнѣвъ Божій на всю землю. Теперь начинается новый, или обновленный міръ, котораго главою есть праведный Ной. Разсмотримъ, что было въ первые вѣка этого міра и какое наставленіе оставилъ потомкамъ второй праотецъ рода человѣческаго.

(*) Изъ сочин. Тихона Ворон. Т. VI. Объ ист. христ. ч. III.

Первый міръ, по паденіи, начался прискорбнымъ изгнаніемъ прародителей изъ рая; второй — радостнымъ исходомъ изъ ковчега, гдѣ Ной съ семействомъ провелъ цѣлый годъ. Чтожъ? будетъ ли этотъ міръ счастливѣе прежняго? — Повидимому все обѣщало ему лучшую участь. Вотъ, когда остановился ковчегъ на горѣ Араратѣ, Ной послалъ голубицу изъ ковчега, и по возвращеніи ея, принялъ изъ устъ ея масличную вѣтку — знакъ мира и милости Божіей. Еще яснѣе открылась милость Божія, когда праотецъ, вышедши изъ ковчега, принесъ за спасеніе свое жертву изъ всѣхъ чистыхъ животныхъ. *И обоня*, сказано, *Господь воню благоуханія*, т. е. благоволительно принялъ жертву, *и рече Господь Богъ, размысливъ: не приложу ктому проклясти землю за дѣла человѣческая*, повелѣлъ природѣ принять обыкновенный порядокъ измѣненій годовыхъ и дневныхъ (Быт. 8, 20—22), и возвратилъ благословеніе чадородія какъ человѣку, такъ и прочимъ животнымъ. Мало сего: Господь благоволилъ заключить новый завѣтъ съ Ноемъ, обѣщавъ съ своей стороны не употреблять болѣе такой всемірной казни, какъ потопъ, и знаменіемъ завѣта своего поставилъ радугу. Не прекрасное ли это знаменіе помилованія Божія грѣшникамъ и примиренія неба съ землею? Ибо радуга является, когда послѣ дождя возсіяваетъ солнце, и стоя концами на землѣ, вершиною какъ бы касается неба. Для насъ, бр. чадъ завѣта новаго, радуга служитъ символомъ креста Господня, на которомъ совершилось наше спасеніе, и которымъ примирены мы съ Богомъ (Еф. 2, 16). Не наилучшее ли все это поученіе вѣры для насъ, потомковъ Ноя? И жертва его — прообразъ жертвы Голгоѳской, и радуга — подобіе спасительнаго креста, проповѣдаютъ ту истину, что мы избавляемся отъ потопа гнѣва Божія подъ условіемъ вѣры

въ Спасителя и на нее токмо взирая, Всевышній щадитъ родъ человѣческій отъ конечнаго потребленія. *И узрю дугу мою во облацѣ*, сказалъ Богъ Ною, *еже помянути завѣтъ вѣчный между мною и землею* (Быт. 9, 16).

Другое наставленіе оставилъ намъ праведный Ной — нравственное, весьма важное. Извѣстна исторія, какъ Праотецъ испыталъ однажды силу вина *и обнажися въ дому своемъ*, и какъ младшій сынъ его Хамъ поругался наготѣ отца своего, а два старшіе, Симъ и Іафетъ почтительно покрыли ее. Проснувшись, праведникъ узналъ поступки дѣтей своихъ и какъ богодухновенный мужъ, зная, сколь важна добродѣтель почитанія родителей для блага всего рода человѣческаго, и какое можетъ быть зло отъ сыновъ непочтительныхъ, пророчески предсказалъ судьбу дѣтей своихъ, изрекши особенное благоволеніе Божіе потомству Сима и Іафета, и гнѣвъ Божій на потомство Хамово. *Благословенъ Богъ Симовъ*, сказалъ праведный Ной, и исторія показываетъ, что въ потомствѣ Сима сохранилась истинная вѣра въ Бога; *да распространитъ Богъ Іафета*, и — племя Іафетово заняло большую часть Азіи и всю Европу. *Проклятъ буди Ханаанъ отрокъ* (т. е. сынъ Хама): *рабъ будетъ братіямъ своимъ*, и народы произшедшіе отъ Хама были самые худшіе, а ханаанскія племена, современемъ, по повелѣнію Божію, были даже потреблены Евреями, потомками Сима: кто не видитъ въ этомъ пророчествѣ Праотца заповѣди Божіей: *чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли?*

Помнимъ мы это, потомки Іафета. На насъ особенно исполняется пророчество Ноево: *да распространитъ Богъ Іафета и да вселится въ селеніяхъ Симовыхъ*, въ которыхъ сохранилась Церковь истинная. Да исполняемъ мы и заповѣдь Божію, выраженную въ пророчествѣ; да хранимъ добродѣтели семейныя, почитая ихъ основаніемъ благополучія всей общественной жизни и залогомъ постояннаго благословенія Божія.

Потомки Ноя стали забывать наставленія благочестиваго праотца, а раньше другихъ потомки Хама. Внукъ Хама Невродъ, называемый въ Писаніи *исполинъ ловецъ предъ Господемъ*, былъ властолюбивъ и силою составилъ себѣ царство. Хорошо и благоугодно Богу, если люди, соединяясь въ одно царство, соединяются для блага общаго, не тратятъ силъ на предпріятія суетныя и сохраняютъ вѣру въ Бога истиннаго. Чтожъ если соединеніе ихъ будетъ на зло и на дѣла богопротивныя? — Такое соединеніе замыслили, по кончинѣ Ноя, его потомки. Въ землѣ Невродовой, на полѣ Сеннаарскомъ, они вздумали построить вселенскій городъ и высочайшую башню до небесъ, для того только, чтобъ прославиться и не далеко расходиться имъ по землѣ, которую Господь назначилъ всю для жилища человѣковъ. Но это противно было волѣ Божіей. И рече Господь Богъ: *се родъ единъ и устнъ единъ всѣхъ, и сіе начаша творити; и нынѣ не оскудѣютъ отъ нихъ вся, елика еще восхотятъ творити* (Быт. 11, 6), т. е. могутъ они по своему своеволію сдѣлать что либо несравненно худшее, болѣе противное воли Всевышняго. Посему, въ предупрежденіе большаго зла, Господь смѣшалъ языки столпотворителей и разсѣялъ ихъ въ разныя страны земли. Такъ положена преграда всеобщему распространенію зла, таково было начало разныхъ народовъ, говорящихъ разными языками. При такомъ раздѣленіи, нечестіе и развращеніе одного народа не можетъ такъ легко сообщаться другимъ, какъ во времена допотопныя, въ соприкосновеніи рода Сиѳова съ родомъ Каиновымъ. Изъ исторіи

видимъ, что Богъ нерѣдко для наказанія наиболѣе развращенныхъ народовъ употребляетъ другіе, менѣе развращенные, и такимъ образомъ удерживаетъ разливъ зла въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, не отнимая однако нравственной свободы у людей, а только вразумляя ихъ и содѣйствуя всему благому и полезному. Лучше ли при семъ раздѣленіи распространяться добру? Ничто, по крайней мѣрѣ, не препятствуетъ каждому народу, занимающему свои страны, надѣленныя Творцемъ разнообразными средствами для благосостоянія людей, извлекать изъ нихъ пользу, усовершать себя въ искуствахъ и наукахъ и своими пріобрѣтеніями дѣлиться съ другими народами. Но какъ, скажешь, при семъ сохранится вѣра истинная? По истинѣ, какъ она всего необходимѣе для возведенія человѣка къ совершенству, такъ и необыкновенныхъ силъ требуетъ для своего сохраненія. Не допускать до крайняго развращенія нравовъ могутъ правительства и законы человѣческіе, но для предотвращенія всеобщей порчи богопознанія и богопочитанія необходимо чрезвычайное промышленіе Всемогущаго и Всесвятаго. Сіе-то промышленіе видимъ мы въ исторіи св. Церкви, и при этой только вышней помощи, возможно сохраненіе на землѣ истинной вѣры. И мы сейчасъ увидимъ, какъ заботится небесный Царь о поддержаніи этого небеснаго начала нашей жизни.

Народы разсѣялись по лицу земли; лишенное благословенія племя Хамово отдѣлилось отъ племенъ благословенныхъ. Всѣ потомки Ноя въ мѣста обиталищъ своихъ принесли и древнія преданія о твореніи, о паденіи человѣка и возстановленіи, о потопѣ и Ноѣ. Но къ несчастію каждый народъ сохранилъ въ себѣ и сѣмена зла. Послѣ потопа и чудеснаго смѣшенія языковъ, люди не могли совсѣмъ потерять страхъ Божій; но усиливающееся развращеніе нравовъ затмѣвало въ нихъ чистое богопочитаніе. И вотъ, вмѣсто нечестія и безбожія допотопнаго, является въ свѣтѣ грубое суевѣріе, многобожіе, и идолопоклонство. Развращенный плотской человѣкъ сознавалъ, что надобно почитать божество, но онъ хотѣлъ чувственно видѣть, имѣть всегда предъ глазами Бога. Гдѣ же такой Богъ?— Омраченный пороками разумъ указалъ его сначала въ солнцѣ, потомъ въ другихъ свѣтилахъ небесныхъ, а слѣпое сердце привело наконецъ людей къ обожанію самыхъ животныхъ и растеній, въ которыхъ они видѣли какую нибудь страшную, либо благодѣтельную для себя силу. Послѣ сего что оставалось дѣлать для угожденія такимъ божествамъ? ставить имъ жертвенники, приносить жертвы, составлять самыя изображенія чувственныхъ боговъ. Такъ родилось идолопоклонство и заразило всѣ народы до того, что и въ племени Сима, какъ свидѣтельствуетъ слово Божіе, живущемъ за Ефратомъ, начали *служить богамъ инымъ* (I. Нав. 24, 2). Но совсѣмъ ли погасло въ человѣческомъ родѣ познаніе Бога истиннаго? Нѣтъ, оно сохранилось, хотя не у всѣхъ одинаково, и посреди всеобщаго идолопоклонства. Господь во всякомъ народѣ могъ находить болѣе или менѣе чистыя души для своихъ непосредственныхъ откровеній. Такъ, не только среди Симова поколѣнія обрѣлъ онъ отца вѣрующихъ Авраама, но и среди ханаанскихъ народовъ указалъ самому Аврааму благочестиваго Мелхиседека, царя Салимскаго, открывался во снѣ Фараону, царю египетскому и Авимелеху, царю герарскому у филистимлянъ. Верховный блюститель вѣры не пожалѣетъ и болѣе очевидныхъ знаменій своего чрезвычайнаго промысла о Церкви, какъ увидимъ это въ слѣдующей бесѣдѣ, разсматривая исторію богоизбраннѣйшихъ мужей Авраама, Исаака и Іакова.

Утвердимъ же себя, бр., въ той святой истинѣ, что Церковь Божія искони хранится подъ особеннымъ Промысломъ и никогда не оскудѣваетъ въ средствахъ спасенія. Чада Церкви православной! возблагодаримъ Господа, сподобившаго насъ родиться и воспитываться на лонѣ сей Церкви въ чистѣйшемъ свѣтѣ богопознанія и богопочтенія. Если тма еще далеко покрываетъ землю и мракъ на языкахъ, на тебѣ, богоспасаемая Россія, является Господь и слава Его на тебѣ зрится (Иса. 60, 2). И вѣрно наше спасеніе отъ Господа, если на всегда пребудемъ послушными матери нашей св. Церкви, если не измѣнимъ ей среди соблазновъ и искушеній міра, прелюбодѣйнаго и грѣшнаго. Аминь.

АНГЕЛЫ ХРАНИТЕЛИ ЛЮДЕЙ.

Кто таковы Ангелы хранители? Это безплотные духи, посылаемые Богомъ въ служеніе каждому человѣку, со дня вступленія его въ благодатное царство, т. е. со времени крещенія, и остающіеся неразлучно съ нимъ до самой его кончины, если только христіанинъ своими поступками не отгоняетъ ихъ отъ себя. Въ чемъ заключается служеніе ихъ? Въ содѣйствіи спасенію нашей души. Они суть духовные пѣстуны, невидимо и постоянно слѣдящіе за нашими поступками и охраняющіе душу и тѣло вѣрующаго отъ всего, что можетъ вредить имъ или губить ихъ. Откуда мы знаемъ это? Изъ слова Божія, изъ священной и церковной исторіи, и изъ собственнаго опыта. Въ исторіи Товита видимъ Ангела хранителя сопутствующимъ сыну его, охраняющимъ его отъ всѣхъ опасностей, и наконецъ благополучно возвращающимъ его подъ кровъ отеческій. Въ Евангеліи читаемъ: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (Мат. 18, 10). Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ находимъ, что Ангелъ ап. Петра освободилъ его изъ темницы, куда Апостолъ посаженъ былъ по повелѣнію Ирода. Апостолъ Павелъ также свидѣтельствуетъ о существованіи при каждомъ человѣкѣ Ангела хранителя, когда говоритъ: *не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1, 14). Но въ особенности богата доказательствами сей истины исторія святыхъ подвижниковъ вѣры. Здѣсь Ангелы хранители представляются въ самомъ близкомъ общеніи съ ними, нерѣдко даже являлись чувственнымъ очамъ; здѣсь они являются то смолитвенниками ихъ, то охранителями во время сна, то сослужителями при совершеніи святѣйшей Евхаристіи, то вѣстниками воли Божіей и проч. Отрадная истина существованія сихъ невидимыхъ друзей и покровителей нашихъ можетъ подтверждаться и опытами жизни каждаго изъ насъ, если только будемъ внимательны къ себѣ. Кто не испытывалъ въ жизни своей, какъ чья-то невидимая рука спасала его отъ видимой опасности? Кто не замѣчалъ, и можетъ быть не разъ въ жизни, какъ чья-то сила возбуждала отъ сна, когда наступало время обычной молитвы; какъ неожиданно разгоралось сердце, до того разсѣянное, во время самой молитвы; какъ чей-то, неслышимый для уха, но внятный для души, голосъ остерегалъ отъ намѣренія совершить худое дѣло, пойти въ опасный для нравственности домъ или общество? Невѣрующій, или мало внимательный

къ спасенію своей души назоветъ всѣ исчисленныя нами обстоятельства случайными, или будетъ объяснять чѣмъ нибудь естественнымъ. Но случайнаго нѣтъ ничего въ мірѣ; а въ естественномъ весьма часто сокрывается сила сверхъестественная. Опытные въ духовной жизни люди, которые, слѣдовательно, заслуживаютъ въ этомъ отношеніи большаго вѣроятія, чѣмъ вовсе незнакомые съ нею, говорятъ прямо, что всѣ добрыя таинственныя вліянія, какія испытываемъ мы въ своей жизни, суть дѣйствія нашихъ Ангеловъ хранителей, приставленныхъ къ намъ самимъ Богомъ. »Когда при какомъ либо молитвы своея изреченіи, почувствуешь внутреннее услажденіе, либо умиленіе, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, то остановись на ономъ: ибо тогда Ангелъ хранитель вкупѣ съ нами молится«. »Вѣжды, яко святіи Ангели, говоритъ другой святый (Нилъ), увѣщаваютъ насъ къ молитвѣ и сопредстоятъ намъ, радующеся вкупѣ и молящеся о насъ«. »Какъ городскія стѣны, свидѣтельствуетъ Василій Великій, вокругъ облегая городъ, отвсюду отражаютъ вражескія нападенія; такъ и ангелъ служитъ стѣною спереди, охраняетъ сзади, и съ обѣихъ сторонъ ничего не оставляетъ не прикрытымъ. Посему-то падетъ отъ страны твоея тысяща, и тьма одесную тебе; къ тебѣ же не приблизится ударъ котораго либо изъ враговъ, яко Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ«. Можно ли не убѣдиться въ доказываемой нами истинѣ при такихъ свидѣтельствахъ?

Что же слѣдуетъ изъ сего? Что внушаетъ намъ существованіе при каждомъ изъ насъ невидимаго Ангела хранителя? Внушаетъ 1) безпредѣльную благодарность къ нашему милосердому Господу. Не довольно того, что Онъ отеческимъ своимъ Промысломъ охраняетъ и власы главы нашея; Онъ еще приставилъ къ каждому изъ насъ особеннаго руководителя изъ ближайшихъ своихъ служителей, а тѣмъ ясно показываетъ, какъ много Онъ любитъ насъ; какъ дорожитъ спасеніемъ нашимъ; какъ высоко поставилъ насъ между всѣми своими твореніями. Только царскія дѣти на землѣ имѣютъ пѣстунами своими изъ высшихъ и ближайшихъ слугъ царскихъ. Сынами Божіими, сынами Царя царствующихъ содѣлалъ и насъ единородный Сынъ Божій; а потому и приставляетъ въ пѣстуны къ намъ высшихъ, безплотныхъ, ближайшихъ служителей своихъ. Будетъ ли послѣ сего столько неблагодарно сердце наше, чтобы не цѣнить такой высокой милости Божіей и не платить за нее сыновнею искреннею любовію?

Внушаетъ 2) особенное вниманіе къ назначенію нашему. Захотимъ ли мы, поставленные въ особенной близости къ Господу и Его св. ангеламъ, пятнать свою совѣсть поступками, унижающими наше достоинство; станемъ ли, увлекаясь вожделѣніями плоти, уподобляться существамъ безсловеснымъ; забудемъ ли, что земля, къ коей мы такъ сильно прилѣпляемся, есть только поприще воспитанія нашего для неба; что временная жизнь наша есть только краткій срокъ, въ который мы должны приготовить себя, подъ руководствомъ Ангеловъ хранителей, въ наслѣдниковъ царства вѣчнаго, въ сонаслѣдниковъ самаго единороднаго Сына Божія?

Внушаетъ 3) опасеніе оскорбить непослушаніемъ и грѣховною жизнію нашихъ добрыхъ невидимыхъ приставниковъ, которые живо сочувствуютъ всѣмъ нашимъ нравственнымъ нуждамъ, радуются, когда мы ведемъ себя благочестиво и свято, и скорбятъ, когда погрязаемъ въ тинѣ беззаконій. Въ доказательство этого раскажемъ одинъ примѣчательный случай изъ жизни преподобнаго Нифонта. Однажды святый мужъ сей, шедши изъ церкви, увидѣлъ у воротъ одного дома Ангела Бо-

жія въ образѣ юноши, горько плачущаго. Это заставило преподобнаго остановиться и спросить о причинѣ скорби. »Я, говорилъ Ангелъ, приставленъ Богомъ къ одному человѣку, хранить его. Этотъ человѣкъ находится теперь въ семъ непотребномъ домѣ... Какъ же мнѣ не скорбѣть о беззаконіи! Какъ не плакать о томъ, что образъ Божій поверженъ въ такую бездну«? »Почему же не подѣйствуешь на него и не накажешь его? Спросилъ еще преподобный«. »Невозможно мнѣ теперь и приступить къ нему«, отвѣчалъ Ангелъ. »Съ тѣхъ поръ, какъ началъ грѣшить, онъ содѣлался рабомъ бѣсовъ... Съ тѣхъ поръ я потерялъ надъ нимъ свою власть; и теперь мнѣ остается только плакать и молиться о немъ«! Кто не видитъ, какъ тяжки грѣхи наши, такъ легко содѣваемые нами; какое гибельное вліяніе имѣютъ они на нашу душу!

Не станемъ же забывать Ангела хранителя; не будемъ удалять его отъ себя нераскаянностію и беззаконіемъ,— и онъ не оставитъ насъ до самой кончины нашей. Да представляемъ его всегда въ мысляхъ своихъ присутствующимъ съ нами,— и мы будемъ осторожнѣе и богобоязненнѣе въ поступкахъ своихъ; а паче всего постараемся сближаться и входить въ живое дѣйственное общеніе съ ними подвигами добродѣтели и успѣхами на пути спасенія: — тогда, въ часъ смертный, когда настанетъ время передать насъ изъ школы воспитанія Тому, кто даровалъ намъ жизнь и приставилъ къ ней невидимаго пѣстуна, мы сами узримъ его радующимся и сопутствующимъ душѣ нашей въ мѣсто радостей нескончаемыхъ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 19-го Октября 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 35.

НЕДѢЛЯ 27 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

16 Ноября 1858 г.

Гласъ 2-й.

На утрени: евангеліе воскресное 5-е, Лук. зач. 113. На Литургіи: апост. Ефес. зач. 233, евангеліе Лук. зач. 71.

О ПРИГОТОВЛЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО КЪ ПРИШЕСТВІЮ СПАСИТЕЛЯ.

БЕСѢДА 1-я.

О ПЕРВОМЪ ОБѢТОВАНІИ БОЖІЕМЪ ЧЕЛОВѢКУ, ПО ПАДЕНІИ ЕГО (*).

Христосъ раждается, славите: Христосъ съ небесъ, срящите.

Съ настоящаго дня св. Церковь начинаетъ приготовлять насъ къ великому празднеству въ честь и славу рожденія по плоти Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Приготовленіе начинается за благовременно: потому что величіе праздника требуетъ особеннаго предочищенія ума и сердца отъ хотящихъ праздновать его не недостойно, — начинается съ нынѣшняго именно дня: потому что со введенія во храмъ пресвятой Дѣвы Маріи ясно открывается приближеніе временъ благодатныхъ: *днесь благоволенія Божія предображеніе и человѣковъ спасенія проповѣданіе: въ храмъ Божіи ясно Дѣва является и Христа всѣмъ предвозвѣщаетъ.*

Итакъ пять седмицъ опредѣляется намъ на духовное приготовленіе къ духовному торжеству о рожденіи Господа Спасителя нашего. Въ чемъ же должно состоять это приготовленіе? — Если духовное торжество состоитъ въ чистой духовной радости, а духовная радость порождается и питается созерцаніемъ и ощущеніемъ духовныхъ благъ; то мы должны, сколько можно чаще, поставлять себя въ благоговѣйное созерцаніе дивныхъ путей Промысла Божія о спасеніи человѣка, которые всѣ сосредоточиваются въ во-

(*) На день Введенія во храмъ Пресв. Дѣвы Богородицы.

человѣченіи Сына Божія для искупленія грѣшнаго человѣчества,—мы должны заранѣе питать душу нашу размышленіемъ о тѣхъ великихъ и неизреченныхъ благахъ для міра, которыя заключаются въ пришествіи на землю Господа Искупителя и Спасителя нашего,—чтобы, когда наступитъ самое торжество во славу сего событія, мы готовы были праздновать его не однимъ внѣшнимъ веселіемъ, но по преимуществу духовною, сердечною радостію.

Дабы, сколько можно, споспѣшествовать этому благому дѣлу, мы намѣрены предложить вамъ, братіе, одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для размышленія въ предпразднество Рождества Христова, мы желали бы перенести мысль вашу въ тѣ времена, когда ожидали рождества сына Божія по плоти не какъ торжества воспоминательнаго, а какъ самаго еще событія, положившаго начало ожидаемому нами празднеству. Не того же ли желаетъ отъ насъ и сама Церковь, воспоминая въ ближайшіе предпраздничественные дни всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, жившихъ единою вѣрою въ грядущаго Искупителя? Посвятимъ же слѣдующіе, по крайней мѣрѣ воскресные, дни пяти седмицъ благоговѣйнымъ размышленіямъ о томъ, какъ въ теченіи пяти тысячь съ половиною лѣтъ самъ Богъ приготовлялъ человѣковъ къ пришествію Спасителя міра.

На первый разъ постараемся вникнуть въ первое обѣтованіе Божіе о спасеніи падшаго человѣка. Это тѣмъ благовременнѣе, что и нынѣшнее празднество наше въ честь преблагословенныя Дѣвы Богородицы имѣетъ ближайшую связь съ этимъ обѣтованіемъ.

И вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ тоя. Той твою будетъ блюсти главу, и ты будеши блюсти его пяту (Быт. 3, 15). Вотъ въ какихъ словахъ содержится первообѣтованіе о Спасителѣ міра; вотъ гдѣ начало евангелія о Христѣ Искупителѣ нашемъ; вотъ съ какихъ временъ началось чаяніе пришествія на землю Сына Божія во плоти! Весь ветхій завѣтъ былъ, можно сказать, предпразднествомъ Рождества Христова.

Нѣтъ нужды воспоминать предъ вами печальную исторію паденія праотцевъ нашихъ. Замѣтимъ только, что одна злосчастная минута раздѣлила время земнаго бытія рода человѣческаго на два противоположные періода, и увы! первый періодъ нашей жизни, время райскаго блаженства осталось на землѣ однимъ преданіемъ, и то не яснымъ, не полнымъ и не точнымъ. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ свѣтится воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ на землѣ; но человѣкъ самъ по себѣ не въ силахъ и представить утраченныя имъ блага, и если, съ одной стороны, въ воспоминаніяхъ его слышится плачъ объ утраченныхъ имъ благахъ, за то съ другой стороны, онъ плачетъ большею частію не о томъ, что существенно потерялъ. Воздыхали и воздыхаютъ о томъ, что на землѣ было обиліе во всѣхъ вещахъ, потребныхъ для тѣлесной жизни нашей, что человѣкъ могъ жить мирно, не бояться враговъ, не служить никому, не покаряться чужой волѣ и под. Потому и теперь стремленія человѣческія относятся по преимуществу къ тѣмъ же предметамъ, и когда думаютъ возсоздать или создать золотой вѣкъ на землѣ, то мечтаютъ объ удовольствіяхъ чувственныхъ и безпрепятственномъ удовлетвореніи низшимъ потребностямъ природы нашей, о просторѣ свободы, о независимости положенія и проч. То ли главнымъ образомъ утратилъ человѣкъ по паденіи своемъ?—Хотя нѣтъ сомнѣнія, что и земныя блага утрачены имъ съ утратою рая; но все это—ничто, въ сравненіи съ одною, безконечно великою утратою

его: онъ потерялъ Бога, онъ отторгся отъ жизни Божіей и изъ сына любви содѣлался рабомъ проклятія и осужденія вѣчнаго! Вотъ что составляетъ неизмѣримо скорбную утрату нашу въ паденіи первосозданныхъ; здѣсь граница между золотымъ и желѣзнымъ вѣкомъ на землѣ; сею средою раздѣлена жизнь райская отъ печальнаго *пришельствія* нашего на землѣ! Станемъ же на эту точку зрѣнія и посмотримъ, въ какомъ животворящемъ свѣтѣ представляется любовь Божія къ намъ въ самыхъ первыхъ словахъ всеблагаго Творца къ падшимъ человѣкамъ; войдемъ въ положеніе согрѣшившихъ праотцевъ, а неразрывно съ ихъ положеніемъ и въ судьбу всего человѣчества, не исключая и насъ съ вами, и всѣхъ, кто будетъ послѣ насъ, — и почувствуемъ, какъ отрадно первое обѣтованіе Божіе согрѣшившимъ.

И вражду положу между тобою и между женою. Такъ говорилъ Господь Богъ къ змію—обольстителю, *нарицаемому діаволу и сатанѣ*, по изъясненію Тайновидца (Апок. 12, 9). Для него это — приговоръ осужденія; для человѣковъ — начало помилованія: ему послѣдуетъ ударъ за ударомъ; человѣкамъ утѣшеніе за утѣшеніемъ.

Праотцы наши были обольщены, вовлечены во грѣхъ: это не освобождало ихъ отъ наказанія, потому что грѣхъ тѣмъ не менѣе совершенъ ими волею; но облегчало вину ихъ и, такъ сказать, позволяло неумытной правдѣ Божіей судить согрѣшившихъ милостиво, особенно когда они принесли хотя не полную, но свободную и сердечную исповѣдь во грѣхѣ. Сей исповѣди какъ бы искала любовь Божія, чтобы можно было приступить ей къ уврачеванію сокрушенныхъ паденіемъ. Прежде Богъ тихимъ приближеніемъ къ согрѣшившимъ возбудилъ въ нихъ стыдъ и страхъ: *и услышаста гласъ Господа Бога ходяща въ рай по полудни, и скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога посредъ древа райскаго*; потомъ гласомъ кроткаго обличенія привелъ ихъ къ сознанію и исповѣданію грѣха своего: *Адаме, гдѣ еси?... Кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси* и проч. (Быт. 3, 8 и дал.). Тогда уже начался судъ надъ преступниками. Но прежде, чѣмъ правда Божія полагаетъ наказаніе виновнымъ человѣкамъ, любовь Божія вноситъ въ открывшееся сердце ихъ животворящіе лучи вѣры и упованія. Господь Богъ, поражая проклятіемъ главнаго и неисправимаго виновника зла, вмѣстѣ съ тѣмъ преподаетъ обольщеннымъ обѣтованіе спасенія: *и рече Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты... и вражду положу между тобою и между женою* и проч.

Вражду положу. Несчастные преступники видѣли предъ собою врага своего. Если прежде они не распознали, подъ видомъ совѣтника, злѣйшаго искусителя и убійцу своего; то теперь, когда зло совершилось, когда смертельныя раны нанесены, когда чувства стыда и страха причиняли имъ несказанныя боли, когда предстоялъ Судія всевѣдущій и всеправедный, теперь они не могли не только не узнать врага своего, но и не почувствовать сильнѣйшей вражды къ нему и отвращенія отъ самаго вида его. Но уже поздо было такое сознаніе и ненадежно отвращеніе. Повѣрьте это, братіе, вашимъ собственнымъ опытомъ. Пока тотъ или другой грѣхъ не содѣянъ нами, мы еще не видимъ, или покрайней мѣрѣ недостаточно сознаемъ въ немъ врага нашего; но какъ скоро зло сдѣлано, тогда мы чувствуемъ жало его въ себѣ, и иногда страдаемъ отъ него невыносимо,—чувствуемъ презрѣніе къ нему, и иногда одно наименованіе его внушаетъ намъ глубокое отъ него отвращеніе. Но обращается ли это

въ душѣ нашей во вражду ко грѣху неизмѣнную, въ отвращеніе къ нему постоянное? Кто поручится за себя, что грѣхъ не найдетъ болѣе доступа къ нему, что снова никогда уже не будетъ содѣяно имъ тоже зло? Увы, *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34), и самъ въ себѣ не имѣетъ болѣе силъ не только освободиться отъ этого рабства, но и возненавидѣть поработителя глубокою и постоянною ненавистію. Потому то самъ *Богъ полагаетъ вражду* между искусителемъ и искушенными,—и въ этомъ состоитъ уже начало или залогъ обновленія и духовной свободы порабощеннаго діаволомъ человѣка. Стоя предъ судомъ Божіимъ и ожидая себѣ страшнаго приговора, согрѣшившіе праотцы наши слышатъ первѣе всего заступленіе за нихъ праведнаго Суліи въ *раздѣленіи*, Его же всесильною волею, между ними и поработителемъ ихъ,—и вотъ первая, свѣтлая, неизъяснимо отрадная черта обѣтованія!

И вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и Сѣменемъ тоя, — новая свѣтлая и отрадная черта обѣтованія. Милость Божія простирается не только на самыхъ падшихъ, но и на все потомство ихъ. Таково пока *общее* значеніе утѣшительныхъ словъ Господнихъ: *вражду положу между сѣменемъ твоимъ и Сѣменемъ тоя;* ибо что бы ни означали они, но очевидно изъ нихъ, что обѣтованіе простирается *вдалеко*, въ роды родовъ человѣка. Прародители, повергшись сами въ бездну несчастія, не могли не подумать со скорбію и ужасомъ о судьбѣ потомства своего. Если бы въ тѣ минуты и не было въ нихъ раздѣльнаго чувства такого рода; то оно могло скоро обнаружиться въ нихъ со всею силою: первое рожденіе отъ нихъ было бы новымъ источникомъ безотрадной скорби для нихъ; потому что произвести живое существо на страданіе и смерть—сознаніе страшное, невыразимо тяжкое; а не сознавать этого не могли прародители. Какою же скорбію должно было бы скорбѣть сердце прародителей нашихъ, когда бы участь всего потомства ихъ представлялась имъ въ самомъ безотрадномъ видѣ, когдабъ они, простирая взоръ свой въ будущее, видѣли чадъ за чадами, родъ за родомъ, племя за племенемъ, народъ за народомъ, появляющихся съ ужаснымъ наслѣдіемъ смертоносныхъ язвъ грѣха, разносящихъ по землѣ беззаконіе и пагубу и пожираемыхъ поочередно смертію и адомъ! О, не обинуясь можно сказать, что еслибъ имъ самимъ и даровано было прощеніе и обѣтованіе блаженства, - они не въ состояніи были бы принять милость и воспользоваться даромъ... Но вотъ самъ Богъ, приподъемля завѣсу будущаго, даетъ имъ видѣть за нею, такъ сказать, первые лучи свѣта, которые быстро проникаютъ въ омраченную душу ихъ и озаряютъ ее еще не вполнѣ яснымъ, но тѣмъ не менѣе животворнымъ свѣтомъ надежды: вражда со зломъ полагается всесильною волею Его не для нихъ однихъ, но и для всего потомства ихъ.

И вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и Сѣменемъ тоя: *Той твою будетъ блюсти главу, и ты будеши блюсти его пяту.* Наконецъ, обѣтованіе Божіе представляется въ полнотѣ и съ возможною по тому времени ясностію. Предрекается не только вражда противъ виновника зла, и—вражда на вѣки, но и пораженіе его. Кто поразитъ врага человѣковъ и зло, имъ содѣланное?—Сѣмя жены. Жена первая увлечена во грѣхъ: она же первая будетъ орудіемъ и избавленія отъ грѣха. Кто сія присноблаженная и достославная въ роды родовъ жена? — Не къ прамателери нашей относилось это чудное и радостное предреченіе, хотя она и могла поду-

мать такъ, видя и слыша неизреченное къ себѣ снисхожденіе Бога и принимая отверзстымъ сердцемъ Его безконечно благое обѣтованіе. *Въ послѣдокъ дній* открылось, о какой женѣ благоволилъ глаголать тогда правосудный и милосердый Богъ. Нынѣ мы ублажаемъ сію единственную въ женахъ, присноблаженную и пренепорочную. Нынѣ воспоминаемъ неисповѣдимое обрученіе Ея Духу Святому, плодомъ котораго долженствовало быть явленіе въ міръ Сѣмени жены, Сокрушителя змія и Спасителя человѣковъ. Обратите вниманіе ваше, братіе, на то, какъ событію въ раю соотвѣтствуетъ или лучше, противуотвѣтствуетъ нынѣ празднуемое событіе. Тамъ, въ богонасажденномъ Эдемѣ, около самаго древа жизни, представляется страшная опасность вѣчной смерти; здѣсь, въ бѣдномъ и непривлекательномъ уголкѣ міра, въ Назаретѣ, отъ котораго никто *не чаялъ ничего добраго* (Іоан. 1, 46), является такая жизнь, которая способна и готова принести плодъ въ оживленіе всего міра. Тамъ жена совершенная, въ полномъ и ясномъ сознаніи своихъ обязанностей и своихъ благъ, уступаетъ непродолжительному искушенію; здѣсь трехлѣтнее дитя, въ которомъ ни мысль ни чувство, по естественному порядку, не могли быть довольно раскрыты, съ непобѣдимымъ желаніемъ хочетъ исторгнуться изъ безчисленныхъ и разнообразныхъ сѣтей міра и сохранить себя въ совершенной чистотѣ для Бога. Тамъ укрываются отъ лица Божія; здѣсь стремятся къ Богу, ища приближенія къ Нему. Тамъ скоро послѣдуетъ изгнаніе изъ рая; здѣсь отроковица входитъ въ домъ Божій и проникаетъ въ самая Святая Святыхъ. Тамъ херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ приставленъ будетъ *стрещи* входъ въ рай и путь къ древу жизни (Быт. 3, 24); здѣсь ангелы и архангелы будутъ служить Дѣвѣ въ раю, то есть, въ храмѣ Божіемъ, и съ небеси приносить Ей пищу, вмѣсто плодовъ древа жизни. По симъ и другимъ, гораздо яснѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ, знаменіямъ узнаемъ мы Благословенную въ женахъ, вторую и несравненно высшую *Матерь всѣхъ живущихъ* (Быт. 3, 20), и ублажаемъ Ее, яко честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія серафимъ.

Отсюда же ясно и то, кого надлежитъ разумѣть подъ именемъ *Сѣмени Жены*. Сообразите еще, что всякій обыкновенный человѣкъ, или вообще естественное потомство въ св. Писаніи называется сѣменемъ *мужа*, а не жены, на прим. сѣмя Авраама, Исаака и проч., — что никто изъ простыхъ сыновъ Адама не могъ успѣшно бороться съ діаволомъ, который въ лицѣ родоначальниковъ нашихъ подчинилъ себѣ всѣхъ насъ, — что о Сѣмени жены говорится, какъ о лицѣ: *Той* будетъ блюсти главу змія, — что самое выраженіе: *будетъ блюсти*, или по другому чтенію, *сотретъ*, означаетъ высшую силу въ Побѣдителѣ врага — не безсильнаго, а напротивъ могущественнаго, по отношенію къ человѣку. Итакъ, сѣмя жены есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Онъ родился отъ Дѣвы *безъ сѣмене мужеска*; Онъ троекратно поразилъ Искусителя въ пустынѣ, изгонялъ множество лукавыхъ духовъ изъ одержимыхъ ими людей; Онъ поразилъ діавола во главу, когда вознесенъ былъ на крестъ за наше избавленіе; Онъ далъ и вѣрующимъ власть и силу наступать на змія и скорпія и попирать всякую силу вражію; Онъ въ конецъ сокрушитъ державу вражію, когда откроетъ вѣчно — блаженное царство свое, преобразивъ небо и землю.

Такимъ образомъ въ первомъ обѣтованіи Господнемъ, какъ въ сѣмени, заключается все ученіе о судьбѣ рода человѣческаго. Съ тѣхъ поръ, какъ оно изречено, участь наша навсегда и неразрывно соединена съ явленіемъ

на землѣ побѣдоноснаго сѣмени жены, Господа Іисуса Христа, и въ ветхомъ завѣтѣ все, что имѣло жизнь, все, что совершилось доблестнаго, все, что было свѣтлаго и утѣшительнаго, все жило, дѣлалось чаяніемъ *Обѣтованнаго*, точно также какъ теперь всякая жизнь, всякое благо, всякая радость источается отъ вѣры въ пришедшаго Спасителя міра.

Но не спроситъ ли кто нибудь: какъ могло быть понято и точно ли было понято прародителями нашими сіе обѣтованіе, сколько великое и животворное, столько же прикровенное и таинственное? — Отвѣчаемъ кратко: оно могло быть понято, потому что глаголалъ Богъ, сильный *отверзсти* всякій *умъ разумѣти* (Лук. 22, 45) слово Его; оно должно было быть понято, потому что хотя изрекалось не для однихъ прародителей, а и для всѣхъ родовъ и вѣковъ, но первѣе для нихъ, для ихъ утѣшенія, вразумленія и возбужденія къ подвигамъ покаянія; оно и дѣйствительно было понято, потому что и сами прародители выражали потомъ живѣйшее ожиданіе Обѣтованнаго, и ближайшіе потомки ихъ жили тѣмъ же упованіемъ, конечно отъ нихъ наслѣдованнымъ. Это увидимъ, впрочемъ, послѣ, если Богъ благословитъ насъ продолжать бесѣды наши. Теперь же, прославляя милость и любовь Божію, постараемся возбудить собственный умъ и сердце къ благотворному созерцанію и ощущенію неизреченныхъ благодѣяній для насъ Божіихъ.

Видите ли, братіе, гдѣ занялась заря нашего спасенія? Видите ли, какъ издалеча Богъ промышляетъ и печется о насъ? — И еще дальше, безконечно дальше началось Его промышленіе о насъ; ибо *прежде лѣтъ вѣчныхъ*, *прежде сложенія міра*, какъ говоритъ св. Апостолъ, Тріипостасный Богъ, опредѣлившій сотворить человѣка, благоволилъ уже и спасти его по паденіи и предъизбралъ къ тому средство. Богъ Отецъ предопредѣлилъ наше искупленіе чрезъ воплощеніе единороднаго Сына Божія; Сынъ Божій принялъ посольство, глаголя ко Отцу въ неизреченномъ совѣтѣ Троичномъ: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси: тѣло же совершилъ Ми еси. Всесожженій и о грѣсѣ не благоволилъ еси. Тогда рѣхъ: се иду* (Пс. 39, 7, — 9. Снес. Евр. 10, 5 — 7). — *Кто есмь азъ, Господи мой Господи; и что домъ мой, яко возлюбилъ мя еси даже до сихъ; и мала сія предъ Тобою суть, Господи мой Господи, и глаголалъ еси о домѣ раба твоего вдалеко. И что приложитъ Давидъ еще глаголати къ Тебѣ* (2 Ц. 7, 18 — 19)? — Такъ нѣкогда изливалъ предъ Богомъ чувства умиленнаго сердца своего Царь и Пророкъ израильскій, когда ему дано было обѣтованіе о непреложной милости Божіей къ нему и къ царственному дому его. Что же мы должны чувствовать, слыша обѣтованіе о непреложной милости Божіей ко всему роду человѣческому? — Кто мы, Господи нашъ Господи, и родъ нашъ предъ Тобою, яко возлюбилъ еси насъ даже до сихъ? Ты сотворилъ насъ, ущедривъ человѣка всѣми дарами благости твоей. Но мала и сія предъ Тобою суть. Мы согрѣшили, *воздавъ* Тебѣ *ненависть за возлюбленіе*: и Ты благоволилъ спасти неблагодарныхъ, и глаголалъ о насъ издалече и вдалеко, отъ вѣчности, Господи нашъ Господи! И что приложимъ еще глаголати къ Тебѣ? — Приложимъ исповѣдать не только немощъ, но и безчувственность нашу предъ Тобою, моля Тебя же уврачевать смертельный недугъ нашъ.

Такъ, братіе, нельзя не исповѣдать крайней безчувственности нашей, когда подумаешь, какъ мало *прилежитъ* намъ *помышленіе* о безконечной попечительности о насъ Божіей. Многое занимаетъ нашъ умъ; многое влечетъ къ себѣ наше сердце; многое погло-

щаетъ нашу дѣятельность: но—не менѣе ли всего—мысль о спасеніи нашемъ во Христѣ Іисусѣ, чувство благоговѣйной признательности за дарованія Божіи о Христѣ Іисусѣ, желаніе и трудъ содѣлаться достойными призванія и избранія Христомъ Іисусомъ? Мы прочитали или выслушали исторію *домостроительства* Божія, какъ повѣсть, достойную любознательности нашей, и—не удовольствовались ли этимъ? — какъ будто въ ней не о насъ и дѣло, какъ будто тамъ изображается не наша судьба, а другаго какого нибудь чуждаго намъ міра, какъ будто не о чемъ при этомъ подумать, не во что вникнуть всею силою разумѣнія, не чѣмъ напитать души нашей, по природѣ жаждущей истины!. Мы знаемъ наши догматы (хотя и то, можетъ быть, не многіе знаютъ ихъ какъ должно); но многіе ли обращаютъ ихъ въ живое убѣжденіе, такъ чтобы не намять ихъ только содержала, но сердце чувствовало, чтобъ они были не внѣ насъ, какъ нѣчто постороннее, чуждое неприложимое къ жизни, но внутри насъ, какъ входящій въ насъ воздухъ, которымъ мы дышимъ, какъ принятая пища, которою питаемся, какъ самая сила жизненная, которою дѣйствуемъ? Христіанамъ надобно быть преисполненными мыслію о Христѣ Спасителѣ. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ*, взываетъ св. Апостолъ (1 Кор. 16, 22). Но если гдѣ мало думаютъ о тайнахъ спасенія, можно ли тамъ искать любви ко Спасителю? Спроси же каждый себя самаго, часто ли и много ли занимаетъ душу его мысль о спасеніи. Можетъ быть, многіе начинаютъ уже помышлять теперь о тѣлесномъ празднованіи грядущаго духовнаго праздника, то есть, о трапезѣ, какая потребуется тогда, объ одеждѣ, какая лучше будетъ въ то время, еще больше можетъ быть объ удовольствіяхъ, въ которыхъ пріятнѣе будетъ провести свободные отъ работы дни... Не все, конечно, въ этомъ и подобномъ тому достойно безусловнаго порицанія; но безъ всякаго условія и ограниченія достойно порицанія и слезъ то вообще, что, заботясь о тѣлесномъ, мы не заботимся о духовномъ, предусматривая потребности плоти, не заботимся о потребностяхъ духа, желая веселиться съ міромъ, не помышляемъ о веселіи съ Церковію. И потому, когда въ самый праздникъ будутъ призывать насъ: *пойте Господеви вся земля, и веселіемъ, воспойте людіе, яко прославися!* очень возможно, что сердца только не многихъ избранныхъ отзовутся на благодатный призывъ сей, а большая часть будутъ слушать какъ бы не слыша, *одебѣлѣ бо сердце людей сихъ*, или даже не захотятъ и слышать, находя болѣе нужнымъ быть не тамъ, гдѣ это поется, или болѣе пріятнымъ слушать другія слова и звуки, чѣмъ звуки и слова божественной пѣсни.— Ей Господи, Спасителю нашъ, пять тысящь лѣтъ руководившій людей къ достойному срѣтенію будущаго явленія твоего на землю! сотвори силою благодати твоей, да будутъ для насъ пять грядущихъ седмицъ временемъ достойнаго приготовленія къ празднованію уже совершившагося на землѣ твоего вочеловѣченія. Аминь.

О НРАВАХЪ ПЕРВЕНСТВУЮЩИХЪ ХРИСТІАНЪ.

ПИСЬМО 6-Е И ПОСЛѢДНЕЕ.

Кротость, благотворительность, глубокая преданность вѣрѣ и строгая чистота нравовъ составляли (съ очень не многими исключеніями) общій характеръ христіанъ въ первые три вѣка Церкви. »Не отрицаемъ, говорилъ Тертулліанъ, чтобы среди насъ не было людей,

преданныхъ страстямъ, но, чтобы превосходство нашей вѣры было явнѣе, довольно сказать, что ихъ очень не много. Да и невозможно, продолжаетъ онъ, чтобы на тѣлѣ, какъ бы красиво оно ни было, не нашлось нѣсколько пятнышекъ. Но при ничтожномъ количествѣ зла, преобладаніе добра лучше всего выказываетъ совершенство всякаго общества« (*).

Высота нравственнаго совершенства древнихъ христіанъ изумляла въ свое время, какъ мы уже видѣли, язычниковъ; быть можетъ, изумляетъ теперь и нѣкоторыхъ изъ насъ до того, что намъ кажется, будто примѣры ихъ не подражаемы для насъ и слѣдовательно не пригодны для нашего времени. Замѣтимъ однако, что какъ имъ, такъ и намъ указана одна и таже цѣль — богоподобное совершенство и средства къ достиженію ея даруются одни и тѣже: ибо, какъ прежде, такъ и теперь *вся божественныя силы яже къ животу и благочестію подаются* намъ *разумомъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелію* (2 Петр. 1, 3). Значитъ, если бы мы пользовались этими богодарованными средствами такъ, какъ пользовались они, и съ такою же осторожностію избѣгали мірскихъ прельщеній и соблазновъ, съ какою избѣгали они: то нѣтъ сомнѣнія, что и среди насъ чаще появлялись бы тѣже добродѣтели первыхъ временъ Церкви: таже преданность вѣрѣ, тоже трудолюбіе, таже строгая чистота нравовъ, тоже рвеніе къ молитвѣ и постоянному самоусовершенію. Въ самомъ дѣлѣ, первенствующіе христіане были тѣже подобострастные намъ человѣки; почему же намъ не быть такими, какими были они?...

Я сказалъ, что они тщательно избѣгали соблазновъ и свѣтскихъ прельщеній. Они поступали такъ потому, что знали слабость и удобопреклонность ко грѣху поврежденной природы человѣческой и потому за лучшее считали избѣгать всего того, что могло какъ нибудь повредить благочестивой собранности духа ихъ. Оставивъ язычество, или же, говоря словами Спасителя, *возложивъ однажды руку на рало*, они не осматривались уже назадъ и разрывали совершенно и на всегда связь съ стремленіями и обычаями ветхаго растлѣннаго общества, избѣгая не только его олтарей, капищъ, безстыдныхъ процессій, безчинныхъ пѣсенъ, сладострастныхъ картинъ и поэзіи и проч., но и держа себя совершенно въ сторонѣ отъ его зрѣлищъ, праздниковъ и разныхъ потѣхъ и увеселеній, — обстоятельство, засвидѣтельствованное самими язычниками.

Для современнаго намъ общества, впитавшаго въ себя (себѣ невѣдомо) множество языческихъ стремленій и обычаевъ, поднявшаго ихъ на степень насущныхъ потребностей своихъ, страннымъ, конечно, покажется это отчужденіе древнихъ христіанъ отъ театровъ и празднествъ языческихъ. Оно готово, пожалуй, еще обвинить ихъ въ суровости, жестокости нравовъ и нелюдимости. — Но если не для укоризны современной разсѣянности, то для оправданія праотцевъ нашихъ по вѣрѣ, надобно выслушать тѣ причины, по которымъ они чуждались всѣхъ подобнаго рода наслажденій. — »Вы спрашиваете насъ, говорилъ къ язычникамъ одинъ изъ христіанскихъ апологетовъ, отчего мы не ходимъ на ваши театры и зрѣлища? Оттого, отвѣчаю, что намъ извѣстна вся опасность отъ нихъ« (*). Другой христ. писатель развиваетъ гораздо шире и подробнѣе картину этой опасности для нравственности христіанъ.

»Театръ, говоритъ онъ, есть собственно

(*) Ad Natur. lib. 1 c. 5.

(*) Minut. Felix. Octav. pag. 8. 26.

»святилище преступной любви. Туда ходятъ »затѣмъ, чтобъ получить удовольствіе, а жаж»да удовольствія воспламеняетъ страсть, ко»торая въ свою очередь разжигается отъ пре»лести наслажденія. Положимъ, что кто либо »могъ присутствовать на зрѣлищѣ, соблюдая »степенность и скромность, приличныя его »лѣтамъ, званію, или общественному положе»нію, но кто поручится, чтобы подъ этою ис»кусственной, степенной маской сердце оста»валось тоже безстрастнымъ и чтобы въ глу»бинѣ его не происходило преступныхъ вол»неній?... Наслажденія не ищутъ безъ привя»занности къ тому, въ чемъ его находятъ. »Пусть не будетъ этого — не будетъ и на»слажденія: останется только одна скука, без»полезность и напрасная трата времени... На »театрѣ преступная похоть врывается въ серд»це и чрезъ зрѣніе и чрезъ слухъ. Легко ли »держаться правилъ цѣломудрія и стыдливости »тамъ, гдѣ глаза устремлены на страстныя тѣ»лодвиженія лицедѣевъ? Можно ли гдѣ встрѣ»чать болѣе соблазна, какъ на зрѣлищахъ — въ »блестящихъ и чрезвычайныхъ украшеніяхъ и »въ толпѣ сидящихъ въ смѣшеніи мужчинъ и »женщинъ?... Смѣшеніе странное и опасное, »подающее тѣмъ и другимъ поводъ къ не»цѣломудреннымъ разговорамъ и шуткамъ, вос»пламеняющимъ искры похоти! Прибавимъ къ »сему, что первая мысль при входѣ въ какое »либо зрѣлище состоитъ въ томъ, чтобъ дру»гихъ посмотрѣть и себя показать.

»Если въ качествѣ христіанъ на насъ »лежитъ обязанность отвращаться отъ всего »нечистаго, то можетъ ли быть позволено по»сѣщеніе того мѣста, въ которомъ видимъ и »слышимъ только то, что воспрещено и дѣ»лать и говорить, можетъ ли быть позволено »намъ, которые обязаны воздать отчетъ за »всякое слово праздное?... Всякій, конечно, »согласится, что того, отъ чего мы торжест»венно отреклись при крещеніи, намъ не поз»волено, ни дѣлать, ни выражать, ни даже »смотрѣть на то, вблизи или издали. Но что »бы ни представляли на сценѣ, — трагедію ли, »комедію или пантомиму — въ каждой главнымъ »предметомъ служитъ непремѣнно какое либо »такое дѣйствіе, которое оскорбляетъ, или чув»ство человѣчества, или нравственность... Чему »напримѣръ научитъ тебя трагедія? Что вы»ставляетъ она? — ничего болѣе, какъ приклю»ченія вымышленныя, или же преувеличенныя, »которыя приводятъ на мысль и заставляютъ »прочувствовать такія дѣйствія, какія лучше »бы вовсе забыть, но которыя между тѣмъ, »раскрывая въ душѣ дурныя сѣмяна, могутъ »повесть къ подражанію. — Комедія также, чему »научаетъ и что представляетъ взору твоему?.. »Невѣрность, или прелюбодѣяніе... разныя про»дѣлки обольщенія и обезчещенія супруже»скаго, — неприличныя шутки, отцевъ прове»денныхъ слугами, или же дѣтьми своими, раз»вратныхъ или обманутыхъ стариковъ... Пан»томима? — Картины безчинной роскоши, сла»достастія или разгула — сцены такія, о ка»кихъ лучше не говорить... Что за школа »для нравственности, или лучше, какое гор»нило преступленій! Сколько здѣсь пищи для »пороковъ всякаго рода« (*)!!

Показавши, что театръ представляетъ много поводовъ ко грѣху и что обѣты крещенія воспрещаютъ посѣщеніе его для христіанъ, Тертулліанъ переходитъ къ повѣркѣ тѣхъ предлоговъ, которыми обыкновенно думаютъ оправдывать это опасное развлеченіе. Краснорѣчивый писатель не оставляетъ безъ опроверженія ни одного изъ современныхъ ему, доселѣ еще нерѣдко повторяемыхъ софизмовъ. »Скажешь, можетъ быть: въ моемъ возрастѣ,

(*) Изъ обширнаго трактата Тертулліанова de spectaculis гл. 4, 10, 17, 24 и проч.

»при твердости нравственныхъ началъ моихъ »и при томъ положеніи, которое я занимаю »въ обществѣ, мнѣ нечего страшиться опа»сностей отъ театра... Въ твоемъ возрастѣ?.. »Но каковъ бы онъ ни былъ, онъ — не пре»дохранитъ тебя отъ нихъ. Если ты молодъ, »то нечего и говорить, какъ онѣ велики для »тебя: ибо какъ защитишься ты отъ всѣхъ »этихъ сладострастныхъ впечатлѣній, которыя »неудержимо втѣсняются въ тебя чрезъ всѣ »чувства и кругомъ тебя находятъ одно одоб»реніе? Никакое чувство долга не устоитъ »противъ могущества ихъ, волнующаго все »твое существо, увлекающаго сердце твое на »перекоръ совѣсти. Самая старость въ семъ »случаѣ не можетъ служить предохраненіемъ, »по той причинѣ, что лѣта не въ силахъ по»гасить пламени страстей, горящаго издавна и »постоянно питаемаго. — Но мое положеніе въ »свѣтѣ, скажешь ты, требуетъ посѣщенія этихъ »увеселеній... А я скажу, что вѣра Христова »знаетъ одно безусловно необходимое. Это — »предпочтеніе всему заповѣдей Господнихъ. — »Скажешь еще, что бываютъ обстоятельства, »по которымъ нельзя уволить себя отъ по»добныхъ посѣщеній? Отвѣчаю, что нѣтъ ми»нуты, въ которую намъ позволено было бы »оскорблять святость закона Божія. — Что »касается до твердости твоихъ началъ, то, об»ращаясь къ опыту и ежедневнымъ примѣ»рамъ, я спрошу: кто выходилъ изъ театра »такимъ, какимъ вошелъ? Испытай и самъ »себя: что привлекаетъ тебя въ театръ? Не »страсти ли, ищущія себѣ пищи и удовле»творенія? ибо что ходишь ты смотрѣть? Не »то ли, что льститъ и ласкаетъ ихъ и чему »запрещено подражать тебѣ? Скажи же теперь, »по совѣсти, тамъ ли мѣсто христіанину?... »Въ лагерь вражескій являются только или »измѣнники, или перебѣжчики... Какъ же это: »за нѣсколько минутъ предъ симъ ты былъ въ »церкви Божіей, и вотъ уже въ храмѣ демона? »Сей часъ только ты находился въ сообще»ствѣ свѣтлыхъ духовъ, а теперь низринулся »въ болотную тину? Эти руки еще недавно »воздѣвались, въ молитвѣ, къ небу, и вотъ »онѣ рукоплещутъ скомороху? эти уста сей »часъ только воспѣвали славословія Богу, а »теперь раскрываются для хваленія прелест»ницы? Что жъ, послѣ этого, препятствуетъ »тебѣ пѣть гимны въ честь сатанѣ!!.. Но ты »говоришь: я выбираю только приличныя пьесы — »такія, изъ которыхъ можно извлечь какой »либо нравственный урокъ. Но гдѣ жъ эти »приличныя пьесы? Скажи лучше, что ты вы»бираешь менѣе безнравственныя, потому что »тутъ не можетъ быть выбора между добромъ »и зломъ, а только между большею или мень»шею степенью зла: ибо не пропитаны ли всѣ »онѣ болѣе или менѣе преступнѣйшею изъ »страстей и зло не увеличивается ли еще въ »тысячу разъ отъ обольстительной обстанов»ки, которою окружается представленіе ихъ?... »А между тѣмъ ты говоришь, что ходишь въ »театръ для нравственной пользы, какъ будто »можно найти тамъ образцы христіанскихъ до»бродѣтелей! Какъ будто драматическіе поэты »могутъ быть истолкователями истинъ Писанія, »или актеры — органами Святаго Духа! Я хожу »въ театръ, продолжаешь ты, для сопровож»денія туда дѣтей моихъ. А по какому праву »ты позволяешь имъ дѣлать это? Не доволь»но ли уже, что чрезъ рожденіе ты всѣялъ »въ нихъ сѣмя порчи? Надобно ли еще воз»грѣвать и растить его, сближая ихъ съ гор»ниломъ всякихъ страстей??... Но это — для ихъ »же образованія. — Какъ! Ужели дочь твоя не до»вершитъ своего образованія, не взявъ за обра»зецъ себѣ комедіантки, или сынъ твой не до»стигнетъ того же, если не будетъ имѣть актера »за учителя?..

»Но это наконецъ (т. е. посѣщеніе те-

»атра) не болѣе, какъ времяпрепровожденіе... »Отвѣчаю, что рука, приготовляющая въ »чашкѣ смертоносный ядъ, обмазываетъ края »ея не желчью или чемерицей, но сладкою и »пріятною жидкостью для того, чтобы лучше »прикрыть предательство и смерть. Также точ»но поступаетъ и діаволъ. Пусть говорятъ »о великолѣпіи сцены, о сладкозвучной му»зыкѣ и пѣвицахъ, объ изяществѣ піэсъ, даже— »о назидательности представленій: это не бо»лѣе, какъ медовыя капли въ чашкѣ, на днѣ »которой гнѣздится смерть! Но чтобъ вкусить »нѣсколько сладкихъ капель, стоитъ ли риско»вать жизнію?... Обращай вниманіе не столько »на наслажденіе устъ, сколько на опасность, »неминуемо сопряженную съ симъ наслажденіемъ. Предоставь сынамъ и дщерямъ поги»бельнымъ пресыщаться яствами уготованными »имъ отъ діавола. Они могутъ исправно являть»ся на мѣста, назначенныя для зрѣлищъ, по »зову своего руководителя. Для насъ не на»ступило еще время празднествъ и увеселеній. »Мы не можемъ веселиться съ язычниками, »потому что и они не могутъ веселиться съ »нами. Каждому своя доля. Они теперь въ »радости, а мы въ печали. Іисусъ Христосъ »сказалъ ученикамъ своимъ: *міръ возрадуется, »вы же печальни будете* (Іоан. 16, 20). »Будемъ воздыхать, доколѣ язычники весе»лятся, дабы и намъ возрадоваться, когда они »воздыхать станутъ« (*).

Таковъ былъ взглядъ древнихъ христіанъ на сценическія представленія язычниковъ и таковы правила ихъ относительно посѣщенія сихъ увеселеній!.. Предугадываю вопросъ съ твоей стороны: пригодны ли эти правила и для нашего времени? Не усомнюсь отвѣчать утвердительно... Правда, современныя театральныя представленія, какъ говорятъ, далеко не походятъ на древнія, то есть: нѣтъ въ нихъ ни того грубаго сладострастія, ни той кровожадности и жестокосердія, ни того наглаго безстыдства, какими потѣшался древній язычникъ; даже нѣкоторыя изъ нихъ преслѣдуютъ и подвергаютъ публичному осмѣянію пороки и недостатки, какъ частные, такъ и общественные. О сихъ послѣднихъ замѣчу мимоходомъ, что насмѣшка, даже и публичная, рѣдко достигаетъ своей цѣли. Она заставляетъ порокъ только глубже завернуться въ себя, или же укрыться отъ взора людей подъ личиной равномѣрнаго будто бы отвращенія отъ осмѣиваемаго порока, но не исторгаетъ его съ корнемъ изъ сердца. Недуги и язвы общественныя и частныя лѣчатся не театромъ, но прочнымъ христіанскимъ воспитаніемъ и образованіемъ. Что касается до прочихъ сценическихъ представленій нашего времени, то, положа руку на сердце, спросимъ сами себя: слишкомъ ли значительно уменьшается соблазнъ въ нихъ, потому только, что пороки и страсти рисуются въ нихъ не въ такой наготѣ, а въ формахъ болѣе нѣжныхъ и мягкихъ?... Потому-то для христіанина безопаснѣе удаляться вовсе отъ сихъ соблазновъ и искушеній. Исторія давно произнесла сужденіе свое о нравственной состоятельности тѣхъ обществъ, которыя сдѣлали насущною потребностью своею *panem et circenses* (*). За ними—за этими потѣхами, коль скоро обращаются онѣ въ насущную потребность человѣка, отодвигаются на задній планъ, или и совершенно забываются, всѣ высшія потребности вѣры, чести и долга.

Наконецъ, первенствующіе христіане удалялись отъ пиршествъ, баловъ и всякихъ увеселительныхъ сборищъ языческихъ, за что язычники, какъ мы уже видѣли, называли ихъ дикарями. »Да, мы—точно дикари, отвѣчалъ

(*) Ibid. c. 27, 28. также, Chrysost. Hom. 15 ad pop. Antioch. et. III in. Saul et David. Ambros. de fuga sœculi.

(*) »Хлѣбъ и зрѣлище«!—обыкновенныя требованія Римлянъ временъ имперіи.

имъ Тертулліанъ, мы — враги государства за то, что воздаемъ императору почести не суетныя, не ложныя, не святотатственныя, что, исповѣдуя истинную вѣру, празднуемъ торжественные императорскіе дни изліяніемъ чувствъ сердца своего, а не совершеніемъ различныхъ безчиній. Правду сказать: великое доказательство усердія зажигать огни и раскладывать постели по улицамъ (*), устроять тутъ пиршества, обращать Римъ въ питейный домъ, разливать вино, бѣгать толпами, производя всякія наглости и безчинства!! Неужели радость общественная должна обнаруживаться чрезъ общій позоръ? Неужели то, что въ другое время неприлично, дѣлается приличнымъ въ дни, посвященные государю?.. По вашему, мы точно виноваты за то, что совершаемъ моленія наши о здравіи императора, не переставая быть трезвыми, цѣломудренными и скромными« (**).

Не участвуя въ шумныхъ народныхъ торжествахъ и увеселеніяхъ, христіане однакожъ не отказывались отъ посѣщенія мирныхъ семейныхъ собраній язычниковъ, если только они не были противны духу благочестія христіанскаго. Они, по свидѣтельству Тертулліана, безъ всякаго опасенія участвовали въ такихъ семейныхъ торжествахъ, какія напримѣръ происходили по случаю совершеннолѣтія, именинъ, бракосочетанія и проч. »На такихъ празднествахъ можно быть и христіанину, пишетъ онъ, потому что и тога и кольцо произошли не отъ чествованія идоловъ« (***). Даже, когда совершались на подобныхъ празднествахъ какіе либо религіозные обряды язычниковъ, — христіане, не желая нарушать торжество праздника, считали неприличнымъ уходить съ пиршества. Тертулліанъ такъ описываетъ поведеніе ихъ въ подобныхъ случаяхъ: »при совершеніи домашнихъ пиршествъ бываютъ иногда жертвоприношенія. Конечно, для насъ лучше было бы не видать того, что воспрещено дѣлать, но бываютъ случаи, когда по неволѣ надобно присутствовать на сихъ церемоніяхъ, изъ уваженія къ людямъ, а не къ идоламъ. Я не пойду къ язычнику, когда меня будутъ приглашать на какое либо священнодѣйствіе, или жертвоприношеніе; но если другая причина заставитъ меня присутствовать при его богослуженіи, то останусь, но — только зрителемъ« (*).

Такимъ образомъ христіане совсѣмъ не были дикарями или мрачными нелюдимами, какъ клеветали языческіе крикуны, и не чуждались дружескихъ общественныхъ сношеній; но — только въ нихъ представляли образцы безукоризненной чистоты, кротости и мудрой осторожности по заповѣди Спасителя: ***будите мудри яко змія и цѣли яко голубіе*** (Мат. 10, 16).

Въ такихъ свѣтлыхъ чертахъ исторія изображаетъ намъ первенствующихъ христіанъ!.. Далъ бы Богъ, чтобы черты эти чаще вспоминались нами и болѣе и болѣе отражались въ жизни нашей! Далъ бы Богъ, чтобы изъ примѣровъ ихъ каждый поучился высокому правилу христіанской жизни: во всемъ — въ самыхъ маловажныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ вседневной жизни имѣть въ виду славу имени Христова — все и всегда дѣлать во славу Божію и благо ближнихъ, и — такимъ образомъ, изъ цѣлой жизни своей устроять одну непрестанную молитву, одно непрестанное служеніе Господу!

(*) У древнихъ пили и ѣли не сидя, а лежа.

(**) Apolog. c. 35.

(***) Тога — обыкновенная одежда возрастныхъ Римлянъ. Ее дарили юношѣ, какъ символъ его совершеннолѣтія.

(*) De idololatria c. 16.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 26-го Октября 1858 года.
Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 56.

НЕДѢЛЯ 28 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

23 Ноября 1858 г.

Гласъ 3-й.

На утрени: евангеліе воскресное 6-е, Лук. зач. 114. На Литургіи: апост. Кол. зач. 250, евангеліе Лук. зач. 81.

О ПРИГОТОВЛЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО КЪ ПРИШЕСТВІЮ СПАСИТЕЛЯ.

БЕСѢДА 2-я.

О ТОМЪ, ПОЧЕМУ ГОСПОДУ УГОДНО БЫЛО ЯВИТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ НЕ ТОТЧАСЪ ПО ПАДЕНІИ ЧЕЛОВѢКОВЪ, НО СПУСТЯ НѢСКОЛЬКО ТЫСЯЧЬ ЛѢТЪ.

Что послѣдовало за первымъ обѣтованіемъ Божіимъ о спасеніи человѣка? Какъ Господь Богъ сохранялъ и укрѣплялъ вѣру въ обѣтованнаго Искупителя міра? Вотъ о чемъ слѣдуетъ бесѣдовать намъ, братіе; ибо въ этомъ существенно состоитъ приготовленіе рода человѣческаго къ пришествію Спасителя. Но при этомъ не представляется ли вамъ самимъ одинъ вопросъ, на который слѣдуетъ отвѣчать предварительно, именно: почему Господу угодно было явиться на землю не тотчасъ по паденіи человѣковъ, но спустя цѣлыя тысячелѣтія? Еслибы вопросъ сей порождаемъ былъ однимъ любопытствомъ и не приводилъ ни къ какой важной истинѣ; то надлежало бы оставить его безъ отвѣта, тѣмъ болѣе, что усиліе проникать въ тайны совѣта Божія, какъ скоро дѣлается безъ достаточно важнаго побужденія, сколько безплодно, столько же опасно и во всякомъ случаѣ предосудительно для христіанина. Но посильное рѣшеніе представляющагося здѣсь вопроса не безполезно для насъ; потому что чрезъ него уясняется цѣль и самый планъ промысла Божія въ приготовленіи древняго міра къ пришествію Спасителя.

И такъ, почему Господь не благоволилъ ускорить вожделѣннымъ пришествіемъ своимъ на землю?

Правильный отвѣтъ на это почерпается

изъ понятія о томъ, что 1) надлежало совершить самому Господу Богу, по Его же верховному совѣту, для нашего искупленія, и что 2) требовалось и требуется отъ человѣка для принятія и усвоенія такого неизреченно великаго дара. Разсуждая на семъ основаніи о причинахъ поздняго пришествія на землю Сына Божія, мы будемъ только повторять предъ вами, братіе, мысли великихъ отцевъ—учителей Церкви, глубоко вникавшихъ въ планы смотрѣнія о насъ Божія.

1) Для возстановленія падшаго человѣка надлежало Сыну Божію принять естество человѣческое и претерпѣть всѣ роды уничиженія до крестныхъ страданій и смерти. Если самъ Богъ въ предвѣчномъ совѣтѣ своемъ опредѣлилъ спасти человѣка чрезъ воплощеніе и крестную смерть возлюбленнаго Сына своего; то безъ всякаго сомнѣнія это средство для нашего спасенія—самое лучшее, то есть, самое достойное Бога и совершенствъ Его, и самое достаточное для цѣли, такъ что всякое другое средство, сравнительно съ симъ, было бы уже не столько удовлетворительно. Но что нужно было для употребленія этого средства? Самое исполненіе высочайшаго опредѣленія Божія показываетъ намъ теперь, что нужно было для сего исполненія. Во первыхъ, потребно было достойное *вмѣстилище* (отеческое выраженіе — ἐργαστήριον) для воплощенія Сына Божія. А могъ ли скоро родъ человѣческій представить такой сосудъ чистоты и непорочности, какимъ обрѣлась въ послѣдствіи, конечно по дѣйствію самого же Господа, но и не безъ полнаго, свободнаго участія въ семъ Предъизбранной, Пресвятая Дѣва Марія? »До полушестыя тысящи,—говоритъ св. Димитрій Ростовскій,—ни едина обрѣтеся таковая Дѣва, яже бы была чиста не точію тѣломъ, но и духомъ. Та едина обрѣтеся первая и послѣдняя таковая, яже сугубыя ради чистоты своея сотворися достойна быти церковію и храмомъ Духа Святаго« (ч. 3, стр. 101). Во вторыхъ, потребно было—и размножиться роду человѣческому, и созрѣть злобѣ нечестивыхъ, чтобы претерпѣть Господу Искупителю нашему всякое уничиженіе и страданіе до крестной смерти. А этого не могло быть тотчасъ по паденіи человѣковъ и, безъ всякаго сомнѣнія, это могло быть, такъ—какъ было, только въ то время, когда было.

Вотъ что само собою представляется вникающимъ въ планы домостроительства Божія, въ изъясненіе не скораго явленія Искупителя, при вниманіи къ самому образу совершенія искупленія нашего. Но еще яснѣе и поучительнѣе составляется рѣшеніе нашего вопроса на основаніи потребностей человѣка для принятія и усвоенія дара искупленія.

2) Что нужно было со стороны самаго человѣка для принятія и усвоенія искупленія? Первѣе всего, надлежало опытомъ дознать ему и почувствовать всю глубину паденія, все нравственное безсиліе свое и потому всю необходимость искупленія. Если и въ позднѣйшія времена, братіе, когда уже все перепробовано человѣкомъ для исправленія своего и возвращенія себѣ первобытнаго совершенства и счастія, и когда рѣшительная безуспѣшность такихъ усилій должна бы каждаго, знающаго эти опыты, увѣрить въ совершенной невозможности востать человѣку самому собою отъ паденія своего, если, говоримъ, и въ эти времена были и есть люди, которые думали и думаютъ сами собою достигать возможнаго совершенства и благополучія, всего надѣясь отъ времени, во всемъ полагаясь на силы и средства самого человѣка; то что было бы, если бы не предоставлено было роду человѣческому, въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, испытывать собственныя его средства къ своему благоустроенію и

счастію? Наше самолюбіе и самоувѣренность суть первыя и главныя препятствія къ принятію даровъ Божіихъ и къ подчиненію себя благодѣтельному о насъ смотрѣнію Божію. Богъ, сотворившій насъ безъ насъ, не хочетъ намъ безъ насъ даровать спасеніе; ибо мы имѣемъ волю, противъ которой даже невозможно и облаженствовать насъ. Посему насъ не принуждаютъ, а убѣждаютъ; насъ зовутъ. а не приневоливаютъ къ возвращенію утраченныхъ благъ. Но пока человѣкъ самонадѣянъ онъ не хочетъ слушать благодатнаго призванія, не хочетъ принимать условій къ его собственному благу, не хочетъ вѣрить и покоряться обѣтованіямъ и заповѣдямъ Божіимъ. Итакъ, прежде чѣмъ даровать намъ всѣ блага въ искупленіи, необходимо было привести насъ къ живому, опытному сознанію въ необходимости искупленія, надобно было пройти ветхозавѣтному человѣчеству всѣ степени труднаго, но необходимаго испытанія, дабы и самому стяжать опытность, и новому, возрожденному человѣчеству завѣщать свой опытъ въ дѣлѣ самоисправленія, опытъ неуспѣшный, но тѣмъ именно и полезный, что онъ яснѣе солнца показывалъ и показываетъ необходимость для насъ высшей помощи, преестественнаго искупленія и обновленія человѣка. Такъ и св. Апостолъ, опираясь на сей опытъ вѣковъ, восклицалъ отъ всего человѣчества, сначала съ горестію: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* то есть, отъ того зла, которое человѣкъ находитъ въ естествѣ своемъ и никакими средствами не можетъ самъ не только искоренить, но и преодолѣть въ себѣ самомъ, — а потомъ — съ чувствомъ глубочайшей благодарности Господу Богу: *благодарю Бога моего Іисуса Христомъ Господемъ нашимъ*... ибо *ни едино нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящимъ, но по духу* (Римл. 7, 24—25; 8; 1). Посему то и времена предъ пришествіемъ Христовымъ и въ пришествіе Христово называются въ Писаніи *послѣдними лѣтами, послѣдними днями: избавистеся отъ суетнаго житія вашего, отцы преданнаго*, говоритъ св. ап. Петръ, обращаясь къ вѣрующимъ, *честною кровію Агнца непорочна... явльшагося въ послѣдняя лѣта васъ ради* (1 Петр. 1, 19—20); *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній глагола намъ въ Сынѣ*, говоритъ другій св. Апостолъ (Евр. 1, 1).

Обратимъ еще вниманіе на то, что искупленіе человѣка есть величайшая тайна: все въ немъ чудно, преестественно, непостижимо въ существѣ его; самые *ангелы*, по словамъ св. Апостола, *желаютъ* токмо *приникнути* въ сію тайну. Теперь искупленіе уже совершено, мы можемъ, по откровенію самаго же Бога, подъ руководствомъ духоносной Церкви и на основаніи самыхъ событій, уяснять себѣ высочайшее, безпримѣрное и ни съ чѣмъ въ мірѣ несравнимое дѣло спасенія нашего, и то не въ существѣ его, а въ явленіяхъ и въ приложеніи къ намъ и ко всему міру земному. Но прежде совершенія его какой умъ человѣческій могъ бы вдругъ вмѣстить столько глубокихъ и разнообразныхъ истинъ, сосредоточивающихся въ одной тайнѣ нашего искупленія, и потому какъ можно было безъ особеннаго и продолжительнаго приготовленія къ полному откровенію сей тайны явить ее тотчасъ же по паденіи человѣковъ? Правда, самые праотцы наши поняли силу обѣтованія Божія о спасеніи ихъ самихъ и всего послѣдующаго отъ нихъ рода; но поняли только въ чертахъ общихъ, поняли то, что придетъ Избавитель и спасетъ ихъ и весь родъ человѣческій, но — какъ именно сіе совершится,

не понимали и не могли еще понять. Нужны были цѣлые вѣка, чтобы постепенно раскрывать людямъ премудрые совѣты Божіи, постепенно вводить ихъ въ великій свѣтъ истины, постепенно однѣ за другими обнаруживать тайны и чудеса домостроительства. Такъ и творилъ премудрый Промыслитель во всѣ времена до пришествія Искупителя, поясняя время отъ времени первообѣтованіе, даруя законъ, посылая пророковъ, представляя грядущее въ образахъ, производя сообразно съ своимъ намѣреніемъ движенія въ народахъ и царствахъ и все направляя къ открытію на землѣ благодатнаго царства Христова. Частныя лица, вѣровавшія въ грядущаго Спасителя, не терпѣли при семъ никакого ущерба въ спасеніи, хотя и не могли *пріять обѣтованія;* а цѣлый родъ человѣческій между тѣмъ приготовлялся къ принятію Обѣтованнаго, пріобрѣтая необходимыя свѣдѣнія о пришествіи на землю такого чрезвычайнаго Посланника Божія.

Достаточно этого, братіе, чтобы знать, на сколько то нужно и полезно для насъ, о причинахъ, почему Господь не благоволилъ явиться скоро на землю, а отдалилъ на цѣлыя тысячи лѣтъ свое вожделѣнное пришествіе. Приблизимъ теперь къ себѣ самимъ, приложимъ къ нашему духовно-нравственному состоянію высказанныя истины, чтобы не быть праздными слышателями не праздныхъ словъ и не остаться безъ плода отъ благочестивыхъ созерцаній.

Исторія цѣлаго человѣчества, братіе, весьма походитъ на исторію каждаго человѣка, или, лучше, въ исторіи каждаго человѣка вѣрно отражается исторія всего человѣчества, точно также какъ въ его природѣ отражается вся природа, весь міръ. Первый человѣкъ сотворенъ Богомъ: вотъ начало всемірной исторіи. И каждый человѣкъ, хотя не тѣмъ же образомъ, но тою же силою и по тому же закону творится Богомъ; ибо, повторимъ слова одного учителя нашей Церкви, »какая мать могла когда либо сказать: буду имѣть плодъ? Какой отецъ могъ сказать: буду имѣть сына? Посему-то слово Божіе признаетъ дѣтей не столько достояніемъ родителей, сколько собственностію Божіею: *се достояніе Господне сынове, мзда плода чревняго* (Пс. 126, 3).« Итакъ всякій изъ насъ сотворенъ Богомъ: и вотъ начало нашей собственно исторіи. Далѣе, прародители наши грѣхомъ утратили невинное и блаженное состояніе свое. Можетъ быть, слыша объ этомъ, не одинъ изъ насъ помышлялъ при случаѣ: какая слабость, какое произвольное порабощеніе грѣху и бѣдствіямъ у людей, надѣленныхъ всѣми благами! Осмотримся, не повторяется ли это въ нашей собственной жизни. Есть у насъ время невинности: это естественный возрастъ младенчества. Но такъ какъ мы рождаемся во грѣхахъ, то возрастъ сей самъ по себѣ не вполнѣ соотвѣтствуетъ времени райскаго блаженства человѣка; за то первый возрастъ, первое время послѣ духовнаго отрожденія нашего въ купѣли крещенія есть именно время райской непорочности и райскаго блаженства. Чтоже? Долго ли мы бываемъ въ этомъ раю? Тотъ же змій, и можетъ быть, гораздо легче и скорѣе обольщаетъ насъ, чѣмъ какъ было въ первое время, съ первыми человѣками. Что вы теперь не въ раю, это вы знаете; но помните ли, покрайней мѣрѣ, когда утратили его? Едвали. Значитъ, такъ легко было покорить насъ грѣху и бѣдствіямъ, что мы даже не помнимъ, какъ покорены были тому и другому.—Первое обличеніе во грѣхѣ мы услышали еще въ раю нашемъ, то есть, когда еще не утратили всѣхъ преимуществъ богодарованной намъ благодатной жизни, именно, тогда, какъ въ первый разъ предстали на исповѣдь. Тогда же и тамъ же мы получили

прощеніе во грѣхахъ во имя Господа Искупителя и первое, по паденіи нашемъ, обѣтованіе вѣчнаго оправданія, если будемъ жить вѣрою въ Господа Искупителя, имѣющаго вконецъ сокрушить въ насъ грѣхъ, и съ любовію покоряться Его водительству. Съ этихъ то поръ, братіе, началось и для каждаго изъ насъ приготовленіе къ благодатному и таинственному явленію въ насъ Сына Божія, или къ тому, какъ говоритъ св. Апостолъ, *да вообразится въ насъ Христосъ*. На этомъ то предметѣ и желали бы мы теперь сосредоточить ваше вниміе.

Что же? Вѣруемъ ли мы душею и сердцемъ въ сіе обѣтованное пришествіе Господне? Желаемъ ли онаго? Терпимъ ли, по вѣрѣ въ обѣтованіе и въ надеждѣ на исполненіе его, все, что встрѣчается намъ въ жизни, сомнительнаго и скорбнаго? — Или недоумѣваемъ, почему Господь *коснитъ обѣтованіемъ?* Почему мы такъ грѣшны, почему такъ несчастны? Отъ чего Господь, обѣтовавшій явить въ насъ силу свою, не являетъ ее видимо или ощутительно, и мы не находимъ въ себѣ ни мира, ни радости, ни свободы отъ зла? День за днемъ не приноситъ намъ новыхъ силъ, новаго свѣта, новаго счастія, унося между тѣмъ ощутительно крѣпость тѣлесную, наши надежды земныя и нашъ покой жизни?... Надобно терпѣть и намъ, какъ терпѣли всѣ праведники, чаявшіе Господа и Его благодатной помощи. *Терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми*, говоритъ Пророкъ (Пс. 39, 2). Между тѣмъ *внемли себѣ*, каждый, есть ли въ тебѣ достойное *вмѣстилище* для Господа, употребляешь ли съ своей стороны все, чтобы достойно срѣтить и пріять его, поучаешься ли путямъ Промысла Божія и вникаешь ли въ сокровенныя дѣйствія въ тебѣ и для тебя благодати Его? Если бы Господь вдругъ облагодатствовалъ тебя всѣми дарами благодати своей; то, можетъ быть, ты захотѣлъ бы присвоить себѣ благодатныя совершенства и возгордился бы ими, какъ своимъ достояніемъ. Такъ и бываетъ. Люди, гораздо больше другихъ надѣленные и естественными дарами, часто смотрятъ на себя, какъ на нѣчто особенное, требуютъ себѣ едва не поклоненія, думаютъ по праву распоряжаться этими дарами въ свою собственную пользу и въ свое единственно удовольствіе, не чувствуя ни благодарности Богу, ни обязанности служить ближнимъ. Богатый думаетъ и говоритъ: это — мое богатство, я никому не обязанъ давать отчета, какъ употребляю его, и бѣдные могутъ получать только милости отъ меня; талантливый говоритъ: умъ мой — для меня, я не обязанъ учить другихъ и не могу стать въ уровень съ бездарными и невѣждами; даже такія сами по себѣ ничтожныя преимущества каковы: красота лица, статность и гибкость стана, нарядность одежды и подоб., надмеваютъ насъ и даютъ намъ поводъ величаться предъ другими. Что же сказать о высшихъ дарахъ Божіихъ? Бывало, что чудотворцы мгновенно падали въ бездну грѣха и погибали за превозношеніе. Къ счастію, подобные примѣры рѣдки, и это потому безъ сомнѣнія, что Господь, щадя дары свои для недостойныхъ, щадитъ самыхъ недостойныхъ и чрезъ примѣры пагубнаго злоупотребленія сими дарами, только оправдываетъ, такъ сказать, предъ нами премудрое распоряженіе свое сокровищами благодати.

Но скажете: если не ощущается въ душѣ яснаго присутствія Господня; то можно совсѣмъ погрязнуть въ порокахъ, можно потерять самую вѣру въ Искупителя, подобно тому, какъ утратили вѣру въ Него многіе потомки Адама? — Остережемся давать совѣты Вышнему: *оправдится Онъ во всѣхъ словесѣхъ своихъ и побѣдитъ, внегда будетъ судити* (Ис. 50). Имѣющій очи видѣть, всегда и вездѣ будетъ

видѣть ясные слѣды провидѣнія Божія; *имѣющій уши слышать* вездѣ и всегда можетъ слышать призывающій гласъ благодати Христовой; имѣющій *чувствія обучена* всегда можетъ ощущать вліяніе благодатной силы въ себѣ, уготовляющей въ сердцѣ его обитель для Христа Искупителя. А если мы не размышляемъ ни о чемъ духовномъ и потому сами смѣжаемъ очи, чтобы не видѣть и не знать никакихъ тайнъ духовнаго міра; если не обращаемъ вниманія на то, что происходитъ въ насъ самихъ, и потому закрываемъ слухъ свой отъ тончайшаго гласа благодати Божіей; короче, если нисколько не заботимся о духовной жизни своей: то чего же добраго можемъ ожидать для себя въ будущемъ? Уже ли мы хочемъ спастись, ничего не дѣлая для спасенія? Уже ли желаемъ, чтобы насъ, такъ сказать, насильно ввели въ рай? Во всякомъ другомъ случаѣ мы—ревнители своей независимости и свободы, а здѣсь мимо воли нашей хотѣли бы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ должны быть!.. Устыдимся нашего неразумія, убоимся грядущаго суда Божія, возжелаемъ всею душею пришествія внутрь насъ Христа Спасителя и, очищая сердце наше отъ страстей и похотей, будемъ молиться Господу молитвою вѣры и упованія: Чаяніе рода человѣческаго, милосердый Искупитель! Пріиди и вселися въ ны и преведи насъ отъ царства благодати въ царство вѣчной твоей славы. Аминь.

БРАТЬЯ УГРЫ ВЪ ПРАВОСЛАВІИ.

Братья эти—Георгій, Моисей и Ефремъ—принадлежали къ дружинѣ св. Бориса.—Дружина первыхъ князей нашихъ составлялась не только изъ туземцевъ, но и пришельцевъ разныхъ странъ и племенъ. Свободная служба князю вела ихъ къ общей гражданственности, при чемъ естественно должны были взять перевѣсъ начала гражданственности или общественнаго быта того народа, страны, къ которымъ принадлежалъ теперь князь. Какъ ославянились князья чуждаго племени, такъ ославянились и ихъ разноплеменные дружинники. Но это внѣшнее гражданское объединеніе не могло бы быть прочно въ ту пору, если бы къ нему не присоединилось объединеніе нравственное, религіозное. Церковь Русская, Церковь Славянская объединяла съ русскимъ Славяниномъ Финна и Варяга, Ляха и Ятвяга, Угра и Печенѣга, вступавшихъ въ службу къ князю или селившихся среди Славянъ русскихъ. Кто становился членомъ Русской Церкви, тотъ навсегда оставался членомъ русскаго общества.

Подобно многимъ товарищамъ въ дружинѣ и братья Угры оставили отечество свое—Венгрію для службы на чужбинѣ. Русь извѣстна была Венграмъ еще со времени Олега, когда они, проходя съ востока на западъ, останавливались у Кіева. Осѣвшись въ Панноніи, они нашлись въ сосѣдствѣ съ русскою землею, простиравшеюся до Карпатъ, и уже при Владимірѣ были у насъ дружественныя пересылки съ Венгріею (*). При извѣстности и близости земли русской, поводомъ къ переселенію въ нее изъ отечества могли служить для братьевъ Угровъ еще большія смуты, бывшія въ Венгріи именно при современникахъ Владиміра Гейзѣ и Стефанѣ, въ слѣдствіе борьбы язычества съ христіанствомъ. Конечно, наши братья были христіанами въ отечествѣ, но отъ латинскихъ или православныхъ священниковъ они приняли крещеніе — неизвѣстно. Знаемъ,

(*) Полн. Собр. Рус. Лѣт. 1, 10. 54.

что въ Панноніи, гдѣ утвердились Венгры, уже давно была славянская Церковь,—плодъ апостольскихъ трудовъ знаменитыхъ братьевъ, посланныхъ константинопольскою Церковію на проповѣдь въ міръ славянскій.

Въ Россіи положеніе ихъ было счастливо. Ефремъ былъ главнымъ конюшимъ Бориса; Георгій и Моисей принадлежали, какъ видно, къ отрокамъ его. Братья служили любимѣйшему сыну Владиміра и лучшему изъ князей русскихъ, пользовались полнымъ благоволеніемъ и любовію его и сами питали къ нему всецѣлую преданность. Такія отношенія были благодѣтельны и для нравственнаго состоянія братьевъ. И дружина Владиміра видѣла въ любимомъ князѣ образецъ добраго христіанина, такъ что самые пиры его были назидательны для нея, потому что учреждались по побужденіямъ вѣры во дни праздниковъ, освященія храмовъ, сопровождались благотвореніями. Не напрасно лѣтописецъ съ такою любовію говоритъ объ этихъ пирахъ и свой расказъ о нихъ заключаетъ словами, что Владиміръ радовался, видя людей своихъ добрыми христіанами. И въ преданіяхъ народныхъ богатыри Владиміра представляются не только исполинами, силачами, но часто и людьми благочестивыми. Изъ такой среды выходила или съ такою средою соприкасалась и дружина Бориса, который притомъ чаще прочихъ сыновей оставался при отцѣ. Но для нея самъ Борисъ былъ образцемъ новой христіанской жизни. Каковъ князь, говоритъ лѣтописецъ, таковы и его слуги (*). И братья Угры были дѣйствительно въ полномъ сочувствіи съ любимымъ и любящимъ ихъ княземъ. Тоже глубокое чувство вѣры, чистота души, христіанская кротость и самоотверженіе, которыми украшались Борисъ и Глѣбъ, присущи были и блаж. братьямъ; подобно этимъ князьямъ они крѣпко связаны были братскою любовію и въ этой любви находили укрѣпленіе христіанской жизни.

Одному изъ братьевъ суждено было пожертвовать жизнію за своего князя. То былъ Георгій, особенно любимый Борисомъ, который въ знакъ любви возложилъ на него золотую гривну.—Святополкъ *окаянный*, въ которомъ еще жилъ духъ язычества, замышляетъ братоубійство и тотчасъ находитъ въ своей дружинѣ достойныхъ себя злодѣевъ, способныхъ исполнить его умыселъ. Борисъ по духу братской любви, духу вѣры и самоотверженія, рѣшается лучше стать мученикомъ, чѣмъ поднимать руку на старшаго брата и въ войнѣ проливать кровь христіанскую,—и находитъ у себя слугъ, способныхъ къ такому же самоотверженію. На обратномъ пути изъ похода противъ Печенеговъ на рѣкѣ Альтѣ, Борисъ узнаетъ о смерти отца и умыслѣ брата. Съ нимъ была лучшая дружина отца, объявившая, что готова защищать его до смерти. Князь отклоняетъ это намѣреніе, и умиленная такимъ самоотверженіемъ дружина съ сожалѣніемъ оставляетъ его. Князь остался съ немногими отроками, въ числѣ коихъ были Моисей и Георгій. Здѣсь они были свидѣтелями и участниками слезныхъ молитвъ и пѣній св. князя въ глубокую ночь, когда злодѣи уже стояли у шатра князя, какъ бы удерживаемые отъ убійства образомъ молящагося праведника. Здѣсь они слышали его умилительныя воспоминанія объ отцѣ и братѣ; здѣсь имъ дано было утѣшить невиннаго страдальца въ его послѣднія минуты. Обливаясь слезами, отроки говорили князю: »милый господинъ нашъ, какъ ты благъ! имѣя подъ рукой такъ много воиновъ, ты не захотѣлъ противиться брату ради любви Христовой, которая все терпитъ и не ищетъ своихъ си«! Но особенной чертой обнаружилось

(*) Полн. Собр. Рус. Лѣт. 1, 57.

самопожертвованіе Георгія. Злодѣи, побѣдивъ овладѣвавшій ими страхъ, вторгаются въ шатеръ съ оружіемъ и поражаютъ князя. Георгію казалась еще возможною защита: онъ бросается на раненаго Бориса, чтобы собою заслонить его или умереть съ нимъ: »не отстану, добрый господинъ мой! тамъ, гдѣ увянетъ красота твоя, пусть и я удостоюсь скончать жизнь свою«. Жадные убійцы прежде всего хотѣли снять золотую гривну съ Георгія и потому отрубили ему голову. Итакъ сподобился онъ принять смерть съ княземъ мученикомъ, столь славнымъ въ землѣ русской, оставивъ примѣръ той самоотверженной вѣрности въ службѣ, которая созидается взаимною христіанскою любовію, а не внѣшнею силою, страхомъ, наемничествомъ. Имя его передано отдаленнымъ родамъ при славномъ имени св. князя (*).

Злодѣи избили и прочихъ отроковъ. Остался въ живыхъ одинъ Моисей, какъ бы для того, чтобы повѣдать христіанамъ русскимъ о послѣднихъ минутахъ св. князя (**). Но въ замѣнъ мученической кончины ему предстояли сильныя искушенія и продолжительныя страданія. И конечно образъ невинныхъ страдальцевъ князя и брата, укрѣплялъ духъ вѣры въ Моисеѣ, съ такимъ мужествомъ перенесшемъ эти искушенія и страданія.

Съ Альты онъ пришелъ въ Кіевъ къ Предиславѣ, сестрѣ Ярослава и скрывался у нея отъ Святополка, прилѣжно молясь Богу о избавленіи земли русской отъ окаяннаго князя. Скоро пришелъ въ Кіевъ съ сѣвера Ярославъ, возставшій на братоубійцу. Къ его дружинѣ примкнулъ и Моисей. Изгнанный Святополкъ нашелъ защиту у своего тестя Болеслава, короля Польскаго. Уже другой разъ вступается за зятя Болеславъ, привыкшій пользоваться смутами сосѣдей для усиленія себя на счетъ ихъ. Но гораздо замѣчательнѣе то, что въ Святополкѣ западная іерархія думала найти орудіе къ выполненію враждебныхъ замысловъ своихъ противъ Церкви Русской. Еще при жизни Владиміра къ Святополку, княжившему въ Туровѣ, прибылъ съ дочерью Болеслава епископъ Кольбергскій Рейнбернъ и, сблизясь съ нимъ, сталъ подучать его къ возстанію противъ отца, чтобы по паденіи св. Владиміра съ помощію Святополка отторгнуть юную Церковь нашу отъ восточной. Къ счастію отецъ въ пору узналъ объ этомъ и посадилъ сына вмѣстѣ съ учителемъ въ тюрьму (*). Но и тогда, какъ теперь, за него вступился Болеславъ. Теперь онъ занялъ съ Святополкомъ Кіевъ, но скоро долженъ былъ убраться назадъ. При этомъ онъ захватилъ двухъ сестеръ Ярослава, много плѣнниковъ, въ числѣ ихъ Моисея, котораго сковали по рукамъ и ногамъ и крѣпко стерегли, потому что онъ былъ красивъ и силенъ и слѣд. очень выгодный плѣнникъ.

Пять лѣтъ жилъ плѣнникъ въ Польшѣ

(*) Сказан. о житіи и убіеніи благов. кн. Бориса и Глѣба.

(**) Конечно этимъ путемъ преданіе о муч. кончинѣ св. князя могло доходить и до благоч. сказателей въ обители печерской, гдѣ въ послѣдствіи жилъ Моисей. Житіе его въ Патерикѣ; см. Ист. Рус. Церкви, Макар. Т. II, 37—38 и примѣч. 84—87.

(*) Любопытно, что католическіе писатели приписываютъ Рейнберну окончательное утвержденіе католичества въ Россіи, основываясь особенно на слѣдующихъ словахъ Дитмара: »въ темницѣ почтенный отецъ, ревнуя о славѣ Божіей, въ тайнѣ совершилъ то, чего не могъ совершить открыто« (*Ditmar* Chronic. lib. VII, n, 52. apud *Pertz*, T. III, pag. 859. *Naruszeaicz*, Hist. narodu polskiego, T. IV, 263, VII, 43). Что же могъ сдѣлать Рейнбернъ для католичества, сидя въ заключеніи? Ужъ не обратилъ ли онъ Святополка въ католичество? И не съ нимъ ли составилъ Святополкъ планъ возстанія на братьевъ, чтобы княжить одному? Тотъ, кто возбуждалъ сына противъ отца, не былъ ли способенъ возбуждать его и противъ братьевъ? Опыты подобной политики западной Іерархіи и ея служителей слишкомъ извѣстны какъ въ другихъ странахъ, такъ и на Руси, на прим. во времена Уніи.

въ большой тѣснотѣ, какъ замѣтила его одна знатная молодая Ляхиня, которой мужъ былъ убитъ въ походѣ Болеславовомъ. Прельстившись цвѣтущею красотою плѣнника, она говорила ему съ страстію: »зачѣмъ терпишь такія мученія? Ты могъ бы освободиться отъ нихъ«. — »Такъ Богу угодно«, отвѣчалъ Моисей. Та продолжала: »если покоришься мнѣ, я освобожу тебя и сдѣлаю важнымъ человѣкомъ въ землѣ нашей, сама буду принадлежать тебѣ, и всѣ мои владѣнія«. Въ отвѣтъ на это, блаженный указалъ изъ священной исторіи примѣры несчастныхъ послѣдствій отъ увлеченія женщинами. »Но я тебя выкуплю, возразила вдова, сдѣлаю господиномъ въ моемъ домѣ и хочу имѣть мужемъ; согласись на мою волю, я увлечена твоею красотою«. »Не сдѣлаю я этого, повторилъ невинный плѣнникъ, и не хочу ни твоей власти, ни твоего богатства; чистота души и тѣла мнѣ дороже всего; да не погибнетъ трудъ мой: пять уже лѣтъ я стражду невинно; быть можетъ за сіе Господь избавитъ меня отъ вѣчныхъ мукъ«. Раздраженная Ляхиня берется за болѣе рѣшительныя средства: покупаетъ плѣнника, беретъ къ себѣ въ домъ и пытается прельстить его богатыми одеждами, сладкими яствами, страстными ласками. Отвергъ новый Іосифъ и эти ласки и богатства и яствы и усугубилъ постъ и молитву. Искусительница приходитъ въ ярость, моритъ плѣнника голодомъ въ темницѣ. Но Богъ хранилъ его: одинъ изъ слугъ тайно приносилъ ему пищу. За то были и искусители, можетъ быть, подосланные госпожею: они указывали на молодость, богатство, знатность вдовы, которая, еслибъ хотѣла, могла бы имѣть мужа изъ знатныхъ и у которой Моисей изъ раба можетъ стать господиномъ; говорили, что сама вѣра установила бракъ, что жениться на вдовѣ позволено, что Моисей еще не монахъ, что наконецъ онъ ничего не выиграетъ отъ своего несчастнаго безбрачія, которое ничего не приноситъ ему предъ Богомъ, потому что древніе патріархи и самъ Іосифъ были женаты и Богу угодили. Отвергъ всѣ эти внушенія Моисей, сказавъ между прочимъ, что если многіе праведники спаслись въ жизни брачной, то онъ не можетъ спастись, что, по словамъ самаго Апостола, *не оженившійся печется о Господнихъ, како угодити Господеви, а оженившійся печется о мірскихъ, како угодити женѣ* (1 Кор. 7. 32. 33); въ примѣрѣ Іосифа нашелъ новое оправданіе своему цѣломудрію и объявилъ прямо, что хочетъ быть черноризцемъ, отречься отъ свѣта, слушая Христа, сказавшаго: *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, имене моего ради, сторицею пріиметъ, и животъ вѣчный наслѣдуетъ* (Матѳ. 19, 29). Искусительница еще испытывала прельщенія и угрозы, и опять тщетно. И ей Моисей объявилъ наконецъ, что отселѣ рѣшился работать единому Господу въ иноческомъ житіи. По устроенію Божію приходитъ къ нему инокъ аѳонскій, саномъ іерей, тайно постригаетъ его и, напомнивъ о мужественномъ охраненіи чистоты, удаляется. Это привело въ бѣшенство искусительницу. Всѣ поиски за аѳонскимъ инокомъ были тщетны. За то вся злость ея обрушилась на Моисея. Его бьютъ и терзаютъ, но и подъ жестокими ударами онъ свидѣтельствуетъ вѣрность новому обѣту своему и презрѣніе къ безстудной мучительницѣ. Какъ женщина эта, по своей знатности, была близка къ Болеславу, то хотѣла дѣйствовать чрезъ него на Моисея. Моисей представленъ королю и съ обычною твердостію отвѣчаетъ на его убѣжденія и угрозы. Затѣмъ безстыдная жена опять принимается то за ласки, то за угрозы и мученія, и все тщетно, какъ

прежде. »Ради страха Божія, гнушаюсь тебя нечистой«, сказалъ ей Моисей. Долго страдалъ такимъ образомъ Моисей у злой Ляхини, которая довершила свое мщеніе надъ нимъ, повелѣвъ скопить его. Но злость ея простерлась и на другихъ черноризцевъ и въ угоду ей Болеславъ изгналъ ихъ изъ своей области. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовала внезапная смерть Болеслава, а потомъ народное возстаніе противъ шляхты и высшаго духовенства (*), во время котораго погибла и знатная вдова. »Это, говорится въ житіи Моисея, было наказаніе Божіе за несправедливое гоненіе на иноческій чинъ«. Объ немъ вспоминала на Руси дочь Болеслава, жена великаго князя Изяслава, когда послѣдній по неудовольствію на Антонія хотѣлъ изгнать его съ черноризцами изъ Кіева. Княгиня перемѣнила рѣшеніе мужа, указавъ на примѣръ отца. Не достойны ли были особеннаго покрова Божія такіе мужи, какъ Антоній и Моисей, и не благотворны ли были знаменія этого покрова для новаго общества христіанскаго, которому они давали образцы истинной христіанской жизни? — Побѣдоносно завершилась исповѣдническая борьба Моисея: если братъ его Георгій явилъ образецъ самоотверженной вѣрности слуги — христіанина, то онъ защитилъ нравственное достоинство и духовную свободу человѣка—христіанина въ лицѣ своемъ — лицѣ раба, который по духу того времени не имѣлъ своей воли, человѣческаго достоинства, и былъ вещію, собственностію господина!

Послѣ гибели мучительницы Моисей могъ возвратиться въ Русь. Не мало впрочемъ, какъ видно, прошло времени, пока страдалецъ оправился и могъ итти въ Кіевъ, опираясь на жезлъ, безъ котораго уже не могъ ходить по причинѣ постоянной слабости, бывшей послѣдствіемъ страданій. Здѣсь онъ водворился у преподобнаго Антонія въ пещерѣ, нося на себѣ исповѣдническія раны, какъ доблестный воинъ Христовъ и наслаждаясь тихимъ пристанищемъ Христовымъ. Но и въ этомъ пристанищѣ онъ подвизался въ жизни богоугодной, молитвѣ, постѣ, бдѣніи и всѣхъ добродѣтеляхъ иноческихъ, которыми до конца побѣдилъ козни нечистаго врага. Здѣсь у великаго основателя печерской обители, исповѣдникъ дѣвства встрѣтился съ другимъ юнымъ и мужественнымъ борцемъ, котораго всѣ просьбы, ласки, жестокости собственной матери не могли отклонить отъ жизни подвижнической, отъ полнаго отреченія отъ всѣхъ мірскихъ благъ и привязанностей для служенія единому Богу.

Десять лѣтъ прожилъ Моисей съ Антоніемъ. Преклонный (*) воинъ Христовъ награжденъ теперь даромъ Божіимъ, соотвѣтственнымъ его подвигу. Въ печерской обители видимъ не одинъ примѣръ такого соотвѣтствія духовнаго дарованія подвижника съ его подвигомъ. Пострадавъ за цѣломудріе противъ искушеній безстудства, Моисей получилъ даръ умерщвлять въ другихъ движенія нечистой страсти и укрѣплять ихъ въ подвигѣ цѣломудрія. Одинъ братъ, боримый нечистою страстію, умолялъ его о помощи. Исповѣдникъ дѣвства, взявъ отъ него обѣщаніе не говорить съ женщиною, коснулся тѣла его своимъ жезломъ, и страсть утихла. Этотъ даръ сохраненъ Моисею и послѣ его блаженной кончины, послѣдовавшей еще при жизни Антонія. Іоаннъ многострадальный въ страшной борьбѣ съ плотскими вожделѣніями закопалъ себя въ землю до плечь. Цѣлый постъ ве-

(*) Пол. Собр. Рус. Лѣт. 1, 64.

(*) Св. Борисъ убитъ въ 1015 г.; Антоній основалъ печерскую обитель въ 1051 г. и въ 1054 г. съ нимъ были въ пещерѣ еще только Ѳеодосій и Никонъ.

ликій провелъ онъ здѣсь; ноги его горѣли, жилы корчились, кости трещали, тѣло гнило, а страсть не утихала. Съ глубокимъ воплемъ молился онъ Господу и слышалъ голосъ, повелѣвавшій ему помолиться мертвецу, находящемуся противъ него. Это былъ Моисей, мощи коего тутъ лежали (*). Іоаннъ помолился, и страсть утихла. Самъ Іоаннъ исцѣлилъ потомъ отъ подобныхъ страданій одного брата, повелѣвъ ему приложить къ себѣ кость отъ мощей Моисея. — Такъ еще здѣсь открывалась благодать данная исповѣднику дѣвства: какова же слава его на небѣ!

Третій братъ Ефремъ не былъ при Борисѣ на Альтѣ; не былъ, какъ видно, въ ту пору и въ Кіевѣ. Вѣроятно Борисъ оставилъ его для своихъ дѣлъ въ удѣльномъ городѣ своемъ Ростовѣ, когда отправлялся къ отцу. Здѣсь Ефремъ могъ подвизаться вмѣстѣ съ мѣстными пастырями въ дѣлѣ распространенія вѣры, о чемъ заботился, по преданію, и его св. князь. И при св. Владимірѣ его дружинники оказывали иногда подобное содѣйствіе проповѣдникамъ вѣры. Понятно, съ какою горестію услышалъ Ефремъ о убіеніи князя и брата. Онъ пришелъ на берега Альты и долго, но тщетно искалъ тѣла брата, потому что оно было обезглавлено (**); нашелъ только главу, которую узналъ по особенному, бывшему на ней, признаку. Въ глубокой скорби онъ взялъ ее съ собою, какъ сокровище, и опять удалился на сѣверъ. Лишившись любимаго князя, одного брата, разлученный съ другимъ, онъ не ищетъ новыхъ связей и привязанностей въ мірѣ; подобно Моисею, оставляетъ міръ, принимаетъ иноческій образъ и поселяется на уединенномъ мѣстѣ неподалеку отъ города Торжка. Здѣсь одинокій пришлецъ строитъ странноприимный домъ. Подвигъ странноприимства былъ тогда подвигомъ Церкви, которая принимала подъ свой кровъ странниковъ, часть коихъ, по самому уставу Владиміра, причислялась къ людямъ церковнымъ. Лучшіе христіане русскіе высоко уважали этотъ подвигъ, сообразный съ исконнымъ обычаемъ гостепріимства у Славянъ. Вѣренъ былъ Ефремъ духу Церкви и доброму обычаю новаго отечества своего. Между тѣмъ имя Бориса и Глѣба, какъ новыхъ мучениковъ земли русской, начало славиться въ землѣ русской. Мощи ихъ открыты; они причислялись къ святымъ. Это было полнымъ утѣшеніемъ для Ефрема. Онъ строитъ каменную церковь во имя ихъ (*). Съ какимъ дерзновеніемъ онъ молился здѣсь тому, кто любилъ его при жизни и кому онъ служилъ съ такою любовію! Съ какою радостію видѣлъ онъ, что въ его храмѣ вѣрующіе славятъ св. князей, которыхъ самъ онъ славилъ съ такимъ искреннимъ сердцемъ! — При церкви Ефремъ устроилъ и обитель, гдѣ, подвизаясь день и ночь, съ достойнымъ ученикомъ своимъ Аркадіемъ, онъ собралъ иноковъ и утвердилъ ихъ въ правилахъ иноческой жизни: скончался въ глубокой старости (въ 1053 г.), завѣщавъ положить съ нимъ во гробъ и главу Георгія, которую хранилъ дотолѣ тайно, какъ хранилъ въ душѣ образъ достойнаго брата. Много разъ обитель преподобнаго была разорена и опустошена: но храмъ во имя св. мучениковъ оставался цѣлъ среди бурь и переворотовъ, и перестроенный въ 1781 г. существуетъ доселѣ. Вокругъ обители со временемъ явилось

(*) Мощи эти и теперь почиваютъ въ пещерахъ. Память его 26 Іюля.

(**) О житіи преп. Ефрема см. Ист. Рус. Церкви, Макар. Т. I., примѣч. 332. О Ефремѣ говоритъ и 3-я Новг. Лѣт. именно подъ 1015 г., о долгомъ и неуспѣшномъ исканіи тѣла Георгія упоминается и въ сказан. о житіи и убіеніи св. князя Бориса и Глѣба.

(*) По Ист. Рус. Іерарх. она построена въ 1038 г. ч. III, 417.

поселеніе, называвшіеся *Новый Торжекъ*. Отъ того и Ефрему усвоено наименованіе *новоторжскаго чудотворца*. Чудотворные мощи его открыты въ 1572 г. (генваря 28) и почиваютъ въ Борисоглѣбской церкви до нынѣ, а при нихъ и глава брата его Георгія (*).

Такова была часть братьевъ Угровъ въ православной землѣ русской! Не напрасно они избрали ее своимъ отечествомъ: въ ней обрѣли пришельцы отечество небесное, вѣчное,— обрѣли вмѣстѣ съ тѣми, кому служили въ отечествѣ земномъ. Велико благо дается людямъ въ Церкви Божіей: она не знаетъ различія племенъ, народовъ, странъ, а соединяетъ въ себѣ всѣхъ, какъ дѣтей одного Отца, какъ братьевъ въ единомъ для всѣхъ Христѣ Іисусѣ; не знаетъ различія званій и состояній, потому что всѣ созданы Богомъ и по образу Божію, всѣ искуплены кровію Христовою и призваны къ наслѣдію вѣчной жизни. Она знаетъ только различіе вѣры и жизни, къ сожалѣнію такъ огромное и у отдѣльныхъ людей и у цѣлыхъ обществъ человѣческихъ! Блаженъ тотъ, кто знаетъ или ищетъ знать истинную вѣру, ищетъ не путемъ лжи и отрицанія самой истины, а съ искреннимъ сердцемъ и съ чистою любовію къ истинѣ! Да дастъ намъ Господь не знать только истинную вѣру, но и жить по ней: ибо вѣра Христова не въ словеси, а въ силѣ!

(*) Истор. Рос. іерарх. ч. III, 417—420.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 4-го Ноября 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 57.

НЕДѢЛЯ 29 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

30 Ноября 1858 г.

Гласъ 4-й.

На утрени: евангеліе воскресное 7-е, Іоан. зач. 63. На Литургіи: апост. Кол. зач. 257, евангеліе Лук. зач. 85.

О ПРИГОТОВЛЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО КЪ ПРИШЕСТВІЮ СПАСИТЕЛЯ.

БЕСѢДА 3-я.

О ТОМЪ, КАКЪ ПРИГОТОВЛЯЛЪ ГОСПОДЬ БОГЪ КЪ ПРИШЕСТВІЮ СПАСИТЕЛЯ ВЕСЬ РОДЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ, ДО ИЗБРАНІЯ НАРОДА ЕВРЕЙСКАГО.

Приступимъ теперь къ благоговѣйному обозрѣнію путей промысла Божія въ приготовленіи ветхозавѣтнаго человѣчества къ прянятію обѣтованнаго Сѣмени Жены, Господа Искупителя и Спасителя нашего. Все время до Рождества Христова можно раздѣлить въ семъ отношеніи на двѣ большія половины, именно: время отъ изгнанія прародителей нашихъ изъ рая до избранія Авраама въ отца вѣрующихъ, и время отъ избранія Авраама до самаго явленія на землю Іисуса Христа. Въ первое время приготовленіе Божіе простиралось на всѣхъ людей одинаково; во второе — иначе приготовлялся народъ избранный и иначе — прочіе народы. Въ настоящій разъ займемся тѣмъ, что творилъ Господь Богъ для приготовленія всего вообще первобытнаго міра къ пришествію Спасителя.

За первымъ обѣтованіемъ о спасеніи послѣдовало осужденіе человѣка на труды, скорби, болѣзни и тѣлесную смерть. Потомъ согрѣшившіе прародители изгнаны были изъ рая сладости и скоро узрѣли ужасныя слѣдствія своего преступленія и опытомъ извѣдали всю горечь зла, порожденнаго грѣхомъ. Церковь, изображая первыя чувства согрѣшившихъ человѣковъ, по исполненіи надъ ними приговора правосудія Божія, представляетъ ихъ сѣдящими противъ рая и съ глубочайшею скорбію, съ болѣзненнымъ плачемъ, воздыхающими объ утраченномъ блаженствѣ и повторяющими отъ растерзаннаго печалію сердца восклицаніе: о раю, о сладосте райская! (см. служб. въ

недѣлю сыропустн.). Хотя мы и сами, братіе, испытываемъ иногда весьма горькія потери въ жизни; но едва ли мы и вообразить можемъ, какая скорбь пронзала сердца прародителей нашихъ по утратѣ рая, и паче всего — по утратѣ неизреченной милости къ нимъ и любообильнаго общенія съ ними Господа Бога. Гдѣ были и — гдѣ оказались? Что были и — чѣмъ сдѣлались? Рай зрѣлся имъ, какъ постоянный обличитель ихъ злосчастнаго паденія. При вратахъ его былъ Херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ, возбранявшій всякое покушеніе войти въ него снова. Но несчастные грѣшники и сами не пожелали бы теперь явиться на мѣстѣ, гдѣ пренебрегли они любовію Божіею, и небесный приставникъ былъ не столько стражемъ Эдема, сколько грознымъ и постояннымъ проповѣдникомъ правосудія Божія, карающаго всякое беззаконіе. Сія начальная страница нашей исторіи достойна того, чтобы писалась не чернилами, а слезами нашими; ибо нѣтъ ничего скорбнѣе и плачевнѣе, какъ утратить благоволеніе и любовь Божію.

Впрочемъ чувство скорби прародителей нашихъ, проникаясь другимъ чувствомъ — сердечнаго покаянія предъ Богомъ и упованія на милость Его, безъ сомнѣнія мало по малу могло дѣлаться не столько болѣзненнымъ. Но грѣхъ, какъ самый неотступный и неутомимый врагъ, не могъ позволить и не позволялъ обрѣтать имъ полнаго утѣшенія въ самомъ покаяніи. Скоро одно за другимъ начали представляться такія явленія, порождаемыя этимъ врагомъ, которыя острѣе стрѣлъ вонзались въ душу свидѣтелей ихъ. Первое порожденіе Адама и Евы, старшій сынъ ихъ, въ которомъ они, живо помня обѣтованіе Божіе, думали видѣть уже начало исполненія онаго и потому назвали его *Каиномъ*, говоря: *стяжали мы человѣка Богомъ*, — первый сынъ ихъ оказался потомъ братоубійцею и, съ печатію отверженія Божія на челѣ, не жилъ, а трясясь ходилъ по землѣ, вездѣ видя предъ собою ужасное преступленіе свое. Потомство Каина похоже было на родоначальника своего: въ немъ начали свирѣпствовать грѣховныя страсти, и между тѣмъ какъ чувства покаянія и страха Божія, единый источникъ жизни и утѣшенія для падшихъ, сохраненный для нихъ въ силу опредѣленія Божія объ искупленіи человѣка, являлись рѣже и рѣже, чувства сластолюбія, гордости и соединенныя съ ними дѣла беззаконія распространялись съ ужасающею силою и быстротою. Адамъ и Ева долго жили на землѣ, многое видѣли въ потомствѣ своемъ и до самой могилы своей не переставали страдать не только за себя и отъ себя, но и за своихъ и отъ своихъ чадъ, внуковъ, правнуковъ и далѣе. Пусть же, замѣтимъ хотя мимоходомъ, пусть тѣ, кои смотрятъ на паденіе прародителей, видятъ и страданія и терпѣніе ихъ, при глубокихъ чувствахъ покаянія и сокрушенія о грѣхѣ своемъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ печальнѣе и безотраднѣе представляется состояніе падшаго человѣчества въ первыя тысящелѣтія міра. Сыны Божіи, или потомки Сиѳа, котораго Богъ даровалъ праотцамъ нашимъ вмѣсто Авеля, смѣшались съ потомками Каина, или съ сынами человѣческими, и — наконецъ — *растлѣся вся земля*. Растлѣніе было такъ велико, что самъ Богъ, по человѣкообразному выраженію Писанія, призрѣвъ на землю, раскаялся въ томъ, что создалъ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе слишкомъ двухъ тысячь лѣтъ, прошедшихъ до потопа, много ли представляется въ священномъ бытописаніи лицъ, подражавшихъ прародителямъ въ покаяніи и стараніи угодить милосердому и правосудному Богу? Ной былъ десятый патріархъ и десятый праведникъ, и одно семейство его, и то, какъ

оказалось послѣ, не все, достойно было милости Божіей. Потому и послѣдовало безпримѣрное въ исторіи нашей наказаніе людямъ: вся земля потоплена была и живымъ на ней осталось только то, что было съ Ноемъ въ ковчегѣ. Потопомъ омылась земля отъ беззаконій *людскихъ*; но сѣмя грѣха было и въ ковчегѣ, и потомъ опять посѣяно было на землѣ, и скоро разрослось въ огромное древо зла. Опять призрѣлъ Богъ на землю и опять увидѣлъ на ней нечестіе и неправду. Вмѣсто прежняго невѣрія воцарилось суевѣріе, и снова люди совокупно и прилежно *помышляли на злая* и дѣлали *злая*. Въ безумной гордости они задумали воздвигнуть памятникъ своему нечестію и вмѣстѣ знакъ для сообщенія между собою. Тогда *Богъ сниде на землю и смѣси языки* человѣческіе, такъ что различныя племена должны были разойтись по разнымъ странамъ. Но расходясь, они разносили съ собою и нечестіе по землѣ,— и Господь Богъ положилъ избрать особый родъ изъ людей для храненія въ немъ вѣры и благочестія и для ближайшаго приготовленія его къ принятію обѣтованнаго Искупителя.

Желалось бы знать, что думаютъ и чувствуютъ теперь тѣ изъ васъ, которые не поверхностно озираютъ эти первые вѣка бытія человѣческаго, а живо переносятся мыслію и сердцемъ къ давно минувшимъ событіямъ. По видимому землѣ нашей грозила страшная участь съ каждымъ вѣкомъ. Потопъ произвелъ на ней ужасныя опустошенія и перевороты; но могло бы быть, кажется, ужаснѣйшее превращеніе; ибо если *сѣмя свято — стояніе* міра нашего, то, съ уменьшеніемъ этого сѣмени, необходимо слабѣли основанія его и по мѣрѣ того, какъ сокращалось благочестіе до немногихъ избранныхъ Божіихъ, не приближалась ли земля къ послѣднему концу своему, не готовилось ли ей потрясеніе, отъ котораго уже нельзя было бы оправиться ей? Казалось, еще нѣсколько лѣтъ, еще одинъ приливъ беззаконія, и все должно было бы погибнуть невозвратно подъ неотвратимымъ дѣйствіемъ правды Божіей. Но здѣсь то мы и должны созерцать, во всей очевидности и свѣтоносности, пути безконечно премудраго, благаго и всемогущаго Промысла Божія о спасеніи человѣка. *Единою* обѣтовавши спасеніе человѣку, Богъ неусыпно хранилъ въ немъ вѣру въ обѣтованнаго Искупителя, и среди ужасной тмы невѣрія и беззаконія возжигалъ свѣтила благочестія и правды, при общемъ омраченіи умовъ и сердецъ просвѣтлялъ сверхъестественнымъ свѣтомъ избранныхъ своихъ и, не смотря на большее и большее ниспаденіе людей въ бездну порока и погибели, постоянно приближалъ день избавленія вѣрующихъ.

Какъ ни печально было положеніе Адама и Евы внѣ рая, однакожъ скорбь ихъ не переходила въ отчаяніе: они могли жить и жили даннымъ имъ обѣтованіемъ и, какъ мы сказали уже, надѣялись даже въ первомъ же сынѣ своемъ видѣть приближеніе искупленія. Жестоко было ихъ разувѣреніе, когда Каинъ убилъ брата своего Авеля; но въ самой смерти невинно-убитаго они видѣли уже перваго праведника и предпослали къ Богу первооправданнаго вѣрою въ Искупителя: ибо *вѣрою*, сказано, *Авель принесе множайшую жертву* Богу *паче Каина* (Евр. 11, 4). Не могла ли въ нихъ родиться при этомъ живая мысль и о томъ, что злоба торжествуетъ только на время и надъ бренною плотію благоугождающихъ Богу, что страданія ускоряютъ путь избавленія нашего отъ зла, что правда побѣдитъ неправду, а самымъ униженіемъ своимъ на время предуготовляетъ праведникамъ торжество вѣчное; короче, вмѣсто Каина, не узрѣли ли они образъ Искупителя

и искупленія въ Авелѣ? Такъ премудрый промыслъ Божій *совѣщаемое* отъ людей *злое* обращаетъ для избранныхъ изъ нихъ же *во благое*. — Далѣе, объ Эносѣ говорится: *сей упова призывати имя Господа Бога*, то есть, по лучшему изъясненію этихъ словъ, учредилъ постоянное общественное богослуженіе. Жертвы, по установленію самого Бога, приносились съ самыхъ первыхъ поръ внѣрайскаго бытія человѣковъ и значеніе ихъ, конечно, не было совсѣмъ неизвѣстно самимъ праотцамъ; но и то должно быть несомнѣнно, что это значеніе уяснялось съ учрежденіемъ, по наставленію самого же Бога, постояннаго богослуженія, а тѣмъ оживлялось и упованіе на грядущую милость Божію. *Энохъ*, сказано, *угоди Богу*, или, по другому чтенію, ходилъ съ Богомъ, то есть, имѣлъ особенную близость къ Богу. А св. ап. Іуда свидѣтельствуетъ, что онъ, ходя съ Богомъ, не только самъ провидѣлъ, но и другимъ предсказывалъ пришествіе Спасителя на землю и страшный судъ Его. *Ламехъ* подобно праотцамъ чаялъ въ сынѣ своемъ Ноѣ видѣть Обѣтованнаго, и хотя ошибался въ этомъ, но показалъ чрезъ то живость вѣры въ грядущаго Искупителя. *Ной*, строя ковчегъ, долгое время проповѣдывалъ современникамъ своимъ покаяніе, и хотя не спасъ ихъ отъ потопа, но оправдалъ попеченіе о нихъ Божіе и самъ стяжалъ честь возстановителя рода человѣческаго, по той же вѣрѣ во Спасителя. Страшенъ былъ потопъ; но тѣмъ свѣтлѣе и животворнѣе были обѣтованія послѣ потопа, такъ что въ нихъ первообѣтованіе Божіе получаетъ новую силу непреложности; ибо, благословляя новаго праотца, Богъ торжественно возвѣщаетъ, что такой страшной опасности, такого великаго наказанія для людей отселѣ уже не будетъ. За потопомъ послѣдовало опять растлѣніе земли; но не прерывался рядъ патріарховъ праведниковъ до самаго избранія Авраама.

Примѣтимъ внимательнѣе, братіе, какія средства Богъ употреблялъ для сохраненія и распространенія между людьми первоевангелія своего и съ нимъ всякаго благочестія; ибо хотя пути Божіи въ промышленіи о насъ до безконечности разнообразны, однако жъ общій законъ ихъ неизмѣненъ, какъ неизмѣняемъ самъ Вышній Промыслитель, и мы по прошедшему можемъ, если захотимъ, понимать лучше настоящее: а это для насъ всего важнѣе. Видимъ, что Богъ попускалъ злу множиться и, по видимому, заглушать сѣмя истины и добра; но истина и добро оставались непобѣдимы. Какимъ образомъ? Во-первыхъ, давались непосредственныя откровенія свыше людямъ благочестивымъ, какъ напримѣръ, Эноху и Ною. Во вторыхъ, были чудеса благодѣтельныя и страшныя, какъ то: преложеніе Эноха на небо въ плоти его, всемірный потопъ, смѣшеніе языковъ. Въ третьихъ, было средство, по видимому, естественное, но въ существѣ также чрезъестественное, какъ всѣ вообще дѣла Божіи, ибо Богъ нашъ есть *Богъ творяй чудеса*: это — долгоденствіе патріарховъ. Хотя сказано было праотцу: *земля еси и въ землю отъидеши*, хотя это и само собою даже должно было слѣдовать за нарушеніемъ заповѣди Божіей, ибо смерть духовная и тѣлесная положена была угрозою за преступленіе: однако жъ Богу угодно было продолжать необыкновеннымъ образомъ дни земной жизни патріарховъ отъ шести до девяти сотъ лѣтъ и болѣе. Для чего? Для того, чтобы первоевангеліе, слышанное Адамомъ въ раю, могло переходить изъ устъ въ уста во всей его чистотѣ и цѣлости, даже до послѣпотопнаго времени; ибо Ной, жившій до потопа шесть сотъ лѣтъ, а послѣ потопа триста пятьдесятъ, могъ бесѣдовать съ Эносомъ, сыномъ Сифа,

а отецъ Ноя Ламехъ — съ самимъ Сифомъ, сыномъ Адама.

Не представляется ли намъ, братіе, и теперь, что зло въ тысячу разъ плодовитѣе и сильнѣе добра на землѣ нашей, что истинная вѣра и благочестіе, подобно рѣдкимъ колосьямъ на нивѣ, почти совсѣмъ не видны среди разросшихся повсюду плевелъ холодности къ вѣрѣ, небреженія о христіанскихъ добродѣтеляхъ и даже глумленія надъ истинами и требованіями Евангелія Христова? Увы, можетъ быть, это не совсѣмъ несправедливо, и сыны вѣры между нами не напрасно, можетъ быть, проливаютъ слезы о печальномъ состояніи народовъ на землѣ. Но не будемъ предварять суда Божія о человѣкахъ: не наше дѣло судить землю съ ея сынами; будемъ строже судить себя самихъ.

Не колеблется ли собственная вѣра наша, не хладѣемъ ли мы сами къ дѣламъ благочестія, когда видимъ мнимое торжество противныхъ убѣжденій и противныхъ правилъ жизни вдали или вблизи отъ себя? Духъ времени силенъ и проникаетъ незамѣтно въ души самыя простыя и непричастныя, по видимому, дѣламъ общемірнымъ; а когда видишь и слышишь ясно, какъ, по выраженію слова Божія, путь нечестивыхъ спѣется, какъ вводятся новыя вѣрованія, вмѣсто Искупителя, въ собственную силу человѣка,—распространяются правила жизни, вмѣсто евангельскихъ, мниморазумныя, вмѣсто духовныхъ—чисто плотскія; то есть опасность утратить и самому правую вѣру и уступить не непріятнымъ для падшей природы нашей внушеніямъ житейской лжемудрости. Вотъ предметъ опасенія, весьма важный и требующій бдительнаго вниманія нашего за собою. Не закроемъ же очей нашихъ для созерцанія божественнаго промышленія о насъ. Или нѣтъ у насъ чрезвычайныхъ откровеній? Но откровеніе, можно сказать, вселилось между нами, сдѣлалось для насъ непрерывнымъ и постояннымъ: слово Божіе писанное есть вѣчное, вѣрное и непреложное откровеніе Божіе, и кто, не внимая ему ищетъ безъ нужды новыхъ видѣній и чудесъ, тотъ, подобно богачу во адѣ, проситъ, только не для другихъ, а для себя, небесныхъ проповѣдниковъ истины и имѣетъ готовый отвѣтъ на это: *аще Моисея и пророковъ*, аще евангелистовъ и апостоловъ *не послушаешь, ни аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имешь вѣры.*— Или нѣтъ свыше награды за благочестіе и наказанія за нечестіе?—Если въ судьбѣ каждаго человѣка трудно намъ усмотрѣть это, да и опасно развѣдывать о семъ, потому что для каждаго человѣка есть вѣчность, какъ мѣсто и время послѣднихъ наградъ и наказаній, а здѣсь видимое наказаніе можетъ быть, по намѣренію Божію и по слѣдствіямъ своимъ, благодѣяніемъ человѣка, и видимая мзда или благополучіе — наказаніемъ за грѣхъ: то смотри на судьбы цѣлыхъ народовъ, которые живутъ только временною жизнію и потому здѣсь рано или поздо непремѣнно получаютъ то, что вполнѣ ими заслужено,—смотри, не яснѣе ли солнца видѣнъ въ нихъ перстъ Божій, наказующій и иногда до конца сокрушающій нечестивыхъ, и наоборотъ—милующій и ущедряющій благочестивыхъ? Даже для одного и тогоже народа развѣ не мѣняются времена благополучія и несчастія, большею частію, съ совершенно точною и ясною соотвѣтственностію его общему нравственному состоянію?—Или живое, устное преданіе вѣры и благочестія оскудѣло у насъ, по недостатку долговѣчныхъ, опытныхъ свидѣтелей и образцевъ истинно христіанскаго благочестія?—Вѣруемъ, что и среди предстоящихъ здѣсь есть истинные сыны вѣры и правды: не ищите ихъ по любопытству,—не увидите потаенныхъ сыновъ

благодати; но не отвращайтесь, гдѣ встрѣтите очевидные примѣры жизни христіанской. Кромѣ того, исторія прошедшаго — вотъ намъ долговѣчный свидѣтель истины и правды! А еще вѣрнѣе, несравненно надежнѣе, безконечно опытнѣе свидѣтель истины и правды Божіей для насъ есть матерь наша Церковь, сама порожденная Богомъ, видѣвшая всѣ чудеса Божіи и сама творящая ихъ, пріявшая отъ устъ Бога вся тайны и заповѣди Господни и непрерывно просвѣщаемая и направляемая Духомъ Божіимъ. *Аще кто церковь преслушаетъ, будетъ якоже язычникъ и мытарь.* Какого еще свидѣтеля нужно намъ, братіе возлюбленные! Кто и что на землѣ имѣетъ такую важность, такую непоколебимость, такое долговѣчіе? — Если найдете, вѣруйте въ другое... Нѣтъ, истина ясна можетъ быть для всѣхъ и каждаго, и кто хочетъ ея, обрящетъ, а не хотящихъ и противящихся самъ Богъ не влечетъ къ Себѣ противъ воли ихъ.

Повторимъ сказанное кратко: что было прежде, въ самыя давнія времена и во всѣ вѣка бытія человѣческаго, то есть и теперь: *ничтоже ново подъ луною;* что люди дѣлали прежде, тоже дѣлаютъ и теперь; что Господь Богъ творилъ для людей всегда, тоже творитъ Онъ и нынѣ; какъ прежде спасались и погибали люди, также спасаются и погибаютъ и теперь. Единъ же есть Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ, которому слава и держава во вѣки! Вѣрующіе, возгрѣвайте вашу вѣру вниманіемъ къ слову Божію и посильнымъ размышленіемъ о чудесахъ промышленія Божія, которыя можете видѣть вездѣ и во всемъ. Недоумѣвающіе, испытайте Писанія, вопросите исторію, приникните къ матернему гласу Церкви, и примите благодать увѣренности, и начните дѣлать дѣла Божія. Намѣренно противляющіеся призванію Божію не послушаютъ не только насъ, но и пророковъ Божіихъ, если бы имъ нынѣ же посланы были такіе проповѣдники: Богъ да судитъ ихъ!

Чаяніе патріарховъ, Надежда вѣрующихъ, Господи Спасителю нашъ! Пріиди и спаси насъ. Аминь.

СВЯТЫЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИКЪ ІАКОВЪ ПЕРСЯНИНЪ (*).

Когда пламень гоненія на христіанъ угасъ въ имперіи римской, въ сосѣдственной съ восточными областями ея Персіи онъ, время отъ времени, разгарался сильнѣе и сильнѣе. Тамъ, съ возшествіемъ на престолъ Сапора и особенно Издигерда, начались повсюдныя преслѣдованія христіанъ, несмотря ни на многочисленность ихъ, ни на заступленіе за нихъ константинопольскихъ кесарей. Лютость истязаній простиралась до того, что нѣкоторые изъ христіанъ, страшась ихъ, отрекались отъ Христа и обращались къ поклоненію солнцу и огню — символамъ божества у Персовъ. — Къ числу такихъ отступниковъ принадлежалъ и Іаковъ до своего мученичества.

Онъ происходилъ изъ знаменитой и богатой христіанской фамиліи, жившей въ персидскомъ городѣ Бетлапетѣ. — Лишившись въ дѣтствѣ отца, Іаковъ воспитанъ былъ подъ надзоромъ умной и благочестивой матери, которая всю свою заботливость сосредоточила

(*) Память его совершается 27 Ноября.

на томъ, чтобы поселить въ сердцѣ сына прочное благочестіе; старанія ея не остались тщетными, хотя вѣра Іакова и потерпѣла было временное затмѣніе.

Оставивъ домъ родительскій, Іаковъ поступилъ на службу ко двору персидскаго государя Изд игерда и своими дарованіями и усердіемъ столько расположилъ его къ себѣ, что не въ продолжительномъ времени сдѣлался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ его. Угождая ли фанатической ревности сего государя по своей отечественной вѣрѣ, или, быть можетъ, страшась лютыхъ истязаній, которымъ, по его повелѣнію, повсюду предавали христіанъ, только Іаковъ измѣнилъ вѣрѣ родителей своихъ и вмѣстѣ съ другими царедворцами сталъ посѣщать языческія капища и покланяться солнцу и огню. За эту измѣну, Изд гердъ и преемникъ его Варанесъ (Баграмъ) осыпали его почестями и милостями своими; казалось, Іаковъ совсѣмъ потерянъ былъ для Христа; но на гибельномъ пути отступничества его остановили и спасли слезы и убѣжденія матери. — Узнавъ достовѣрно объ отпаденіи сына въ суевѣріе языческое, она обратилась съ слезами и молитвою къ Богу о недопущеніи его до конечной погибели и поспѣшила обличительнымъ письмомъ возвратить его, если еще можно, на путь вѣры и долга христіанскаго.

»Съ горестію извѣстилась я, писала она къ сыну, что уже давно ты отрекся отъ Бога безсмертнаго и Его неизслѣдимой любви къ намъ, для того, чтобы цѣною этого отступничества купить благоволеніе царя и сохранить кратковременныя почести и блага міра сего. Но посмотри: что сталось теперь съ этимъ владыкой, благоволеніемъ котораго ты столько дорожилъ! Не сдѣлался ли онъ, какъ и всѣ смертные, добычею червей? Не обратился ли въ прахъ и пепелъ? Какую помощь онъ можетъ оказать тебѣ теперь?... Плачу и рыдаю о тебѣ, что ты, бывъ сыномъ свѣта, сдѣлался теперь сыномъ тмы и геенны... Однако не скрою отъ тебя, что если ты не оставишь идольской прелести и не обратишься къ Богу, то твоя сестра и я — мать твоя не хочемъ болѣе имѣть никакаго общенія съ отступникомъ... По этому со слезами умоляю тебя — обратись ко Христу и потщись избѣжать грядущаго на тебя гнѣва Божія« (*).

Это письмо, какъ молнія, освѣтило тотъ скользскій путь, по которому доселѣ шелъ Іаковъ. — Получивъ его, онъ содрогнулся до глубины души. Все прошедшее, нѣкогда столь чистое и невинное, представилось теперь душѣ его при этомъ голосѣ матери, звавшемъ его къ покаянію. Онъ оросилъ слезами письмо матери и подобно апостолу Петру, искавшему уединенія для оплакиванія своей измѣны Господу, удалился отъ двора въ уединенное мѣсто и предался слезамъ и молитвѣ. — Завистливые царедворцы тотчасъ же донесли объ этомъ Варанесу, который, потребовавъ къ себѣ Іакова, упрекалъ его въ измѣнѣ и неблагодарности къ памяти отца своего, осыпавшаго его столькими благодѣяніями. Но Іаковъ доблестно отвѣчалъ ему: »я теперь уже христіанинъ«! Разгнѣванный царь угрожалъ ему мучительнѣйшими казнями, если онъ не поклонится по прежнему солнцу и огню. — »Всѣ роды смерти одинаковы для насъ, отвѣчалъ Іаковъ; для праведныхъ — она не болѣе какъ сонъ; только нечестивыхъ она устрашаетъ, потому что у нихъ нѣтъ въ будущемъ надежды, какъ и написано: *желаніе нечестивыхъ погибнетъ*«. — »Какъ, презрѣнный! вскричалъ царь, ты называешь нечестивыми насъ, которые покланяемся чистѣйшимъ проявленіямъ божества — солнцу

(*) Чет. Мин. жит. св. муч. Іакова подъ 27 Ноябр. см. также Dictionn. des persecutions. Megné. T. 1. p. 1282.

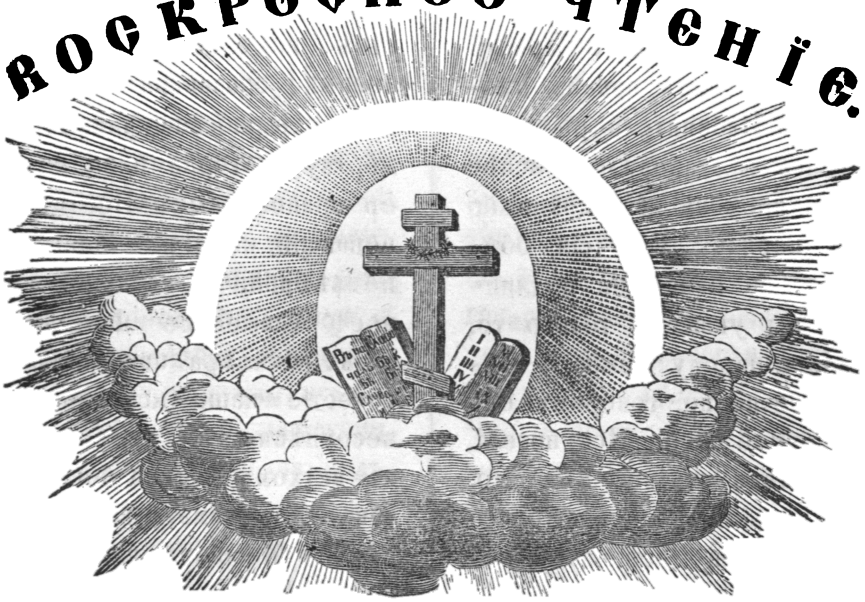
и огню?... »Я никого не оскорбляю и никого не обличаю, сказалъ Іаковъ, а только говорю, что вы названіе божества усвояете простымъ тварямъ«.

Варанесъ собралъ совѣтъ для присужденія лютѣйшаго рода казни Іакову. Совѣтъ приговорилъ его къ мучительнѣйшей изъ казней, на которыя Азія такъ изобрѣтательна, т. е. къ постепенному отсѣченію всѣхъ членовъ тѣла.—Видъ мучительныхъ орудій и множество плачущихъ друзей, умолявшихъ его, хотя для вида, поклониться солнцу, не поколебали доблестнаго исповѣдника. Онъ только просилъ у палачей нѣсколько времени для молитвы и, совершивъ ее, безъ воплей и стоновъ претерпѣлъ мучительнѣйшую изъ казней, продолжавшуюся, по словамъ списателя актовъ мученичества его, около девяти часовъ. Вѣра мученика была такъ крѣпка, что въ ней онъ не только почерпалъ силу къ перенесенію ужаснѣйшихъ страданій, но и отсѣченіе каждаго изъ членовъ своихъ сопровождалъ еще благодарственною молитвою къ Богу. Такъ, когда отрублены были персты на лѣвой рукѣ его, онъ возвелъ очи къ небу и произнесъ: »Помощниче мой Господи Боже! пріими эти персты, какъ вѣтьви отъ древа, у котораго чѣмъ больше отсѣкаютъ ихъ, тѣмъ болѣе оно зеленѣетъ и тѣмъ лучшіе плоды приноситъ«! Напрасно друзья и знакомые, видя лютость истязаній, убѣждали его пощадить себя. *Никтоже*, отвѣчалъ имъ мученикъ, *возложь одну руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62). Съ тою же доблестью, по отсѣченіи лѣвой руки и ноги его, онъ сказалъ палачамъ своимъ: »вотъ вы остригли одну сторону мою, стригите теперь другую«. Наконецъ, когда не осталось у страдальца ни одного члена не отсѣченнаго, ни одной кости не раздробленной, онъ, какъ нѣкогда Спаситель на крестѣ, болѣзненно возопилъ и произнесъ послѣднюю предсмертную молитву: »Боже живыхъ и мертвыхъ, прославляемый отъ небесныхъ воинствъ и отъ всякаго дыханія поклоняемый, призри на меня полуживаго! ибо вотъ отсѣчены всѣ члены мои и лежитъ тѣло мое какъ мертвое: нѣтъ ногъ у меня, чтобы предстоять предъ Тобою, нѣтъ рукъ для молитвеннаго воздѣянія ихъ къ Тебѣ, нѣтъ колѣнъ для преклоненія предъ Тобою—Создателемъ моимъ; руки и ноги, колѣна и рамена—все посѣчено у меня и я поверженъ предъ Тобою, какъ храмина падшая и какъ дерево безъ вѣтьвей! Призри убо на меня, Человѣколюбче, и скорѣе изведи изъ темницы душу мою«!... Утомленные мучители вскорѣ прекратили дальнѣйшія страданія мученика, усѣкнувъ честную главу его.—Растерзанные члены его христіане ночью тайно собрали, и сложивъ ихъ вмѣстѣ, съ благоговѣніемъ и слезами предали погребенію тѣло одного изъ величайшихъ мучениковъ христіанства.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 10-го Ноября 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.



№ 38.

НЕДѢЛЯ 30 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

7 Декабря 1858 г.

Гласъ 5-й.

На утрени: евангеліе воскресное 8-е, Іоан. зач. 64. На Литургіи: апост. Кол. зач. 258, евангеліе Лук. зач. 91.

О ПРИГОТОВЛЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО КЪ ПРИШЕСТВІЮ СПАСИТЕЛЯ.

БЕСѢДА 4-я.

О ТОМЪ, КАКЪ ПРИГОТОВЛЯЛЪ БОГЪ ИЗБРАННЫЙ НАРОДЪ СВОЙ КЪ ПРИШЕСТВІЮ СПАСИТЕЛЯ.

И рече Господь Аврааму: изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу. И сотворю тя въ языкъ великій, и благословлю тя, и возвеличу имя твое, и будеши благословенъ. И благословлю благословящія тя, и кленущія тя прокляну: и благословятся о тебѣ вся племена земная (Быт. 12, 1—3). Такъ призывалъ Господь Богъ Авраама къ отдѣленію отъ всѣхъ прочихъ людей, для того, чтобы произвесть отъ него особое племя, особый народъ, для особеннаго храненія въ семъ народѣ вѣры въ грядущаго Спасителя; и такъ предварительно уже благословлялъ его и обѣтовалъ благословеніе чрезъ него всему міру. Внялъ Авраамъ призванію Божію и послѣдовалъ его водительству, и содѣлался *отцемъ вѣрующихъ*. Съ этого времени начинается особое промышленіе Божіе объ избранномъ народѣ, и пути въ приготовленіи его къ пришествію Искупителя много отличны отъ путей сего же Промысла въ приготовленіи къ тому же другихъ народовъ. О сихъ то первыхъ путяхъ слѣдуетъ по порядку говорить намъ въ нынѣшней бесѣдѣ нашей.

Какимъ образомъ приготовлялъ Богъ племя Авраамово, народъ Еврейскій, къ пришествію обѣтованнаго Искупителя?—Приготовлялъ 1) особенными обѣтованіями и пророчествами, 2) многознаменательными прообразованіями, 3) закономъ, даннымъ чрезъ Мои-

сея и 4) наконецъ самою судьбою избраннаго народа.

1) Обѣтованія и пророчества о Христѣ Искупителѣ, или о Мессіи, какъ началъ именоваться потомъ чаемый Избавитель рода человѣческаго, умножались и становились яснѣе и яснѣе съ теченіемъ времени. Не возможно здѣсь повторить по порядку всѣ сіи обѣтованія и пророчества: на основаніи подлинныхъ мѣстъ Писанія, мы укажемъ только то, что и какъ возвѣщалось народу Божію о грядущемъ Мессіи. Яснѣе и яснѣе, говоримъ, означались: а) божественное Лице Искупителя, б) время, когда онъ имѣлъ явиться, в) мѣсто, гдѣ имѣлъ родиться, г) колѣно, отъ котораго имѣлъ произойти, д) наконецъ всѣ, даже самыя частныя обстоятельства земной жизни Его.

О Лицѣ Господа Искупителя нашего возвѣщаемо было — сначала, какъ о сѣмени или потомкѣ Авраама, Исаака и Іакова, такомъ потомкѣ, чрезъ котораго получатъ благословеніе всѣ люди, *вся племена земная* (Быт. 12, 3; 18, 18; 22, 16; 26, 4; 28, 14); потомъ, какъ о Примирителѣ и Надеждѣ языковъ (Быт. 29, 10); далѣе, какъ о великомъ Пророкѣ, подобномъ Моисею (Втор. 18, 18, 15—18); еще далѣе, какъ о Помазанникѣ и Царѣ, о Царѣ вѣчномъ и Священникѣ по чину Мелхиседекову, какъ о Бого-человѣкѣ, имѣющемъ родиться отъ Дѣвы, о Богѣ крѣпкомъ и Агнцѣ, вземлющемъ грѣхи міра; наконецъ, какъ объ Учредителѣ новаго завѣта (Пс. 2; Пс. 109; Исаіи 7, 14; 9, 6; 53; Іезек. 34, 23—31; Дан. 9, 24—27). Здѣсь каждая новая черта живѣе и полнѣе обозначаетъ, кого надлежало ожидать въ грядущемъ, кто будетъ обѣтованный; а когда всѣ черты слагаются вмѣстѣ, то является совершенное изображеніе высочайшаго лица Искупителя нашего. Св. Евангелисты, повѣствуя о прошедшемъ, говорятъ тоже самое, что говорили пророки — всѣ вмѣстѣ, — предрекая будущее. Искупитель нашъ есть Богъ и человѣкъ, во единомъ лицѣ; — нашъ Учитель небесный, сказавшій намъ всю волю Божію, — нашъ Первосвященникъ, принесшій за насъ жертву, которая одна сильна примирить насъ съ правосуднымъ Богомъ, — нашъ Царь, основавшій на землѣ благодатное царство Свое и имѣющій, съ кончиною вѣковъ, открыть вѣчное, блаженное царство въ обновленномъ мірѣ: сія вѣра наша православная, сіе благочестіе наше истинное; сіе упованіе наше несомнѣнное! И все сіе преподано было еще въ ветхомъ завѣтѣ богодухновенными мужами; такъ что внимательные Іудеи, предъ пришествіемъ Мессіи, могли знать то, что мы знаемъ, и потому могли вѣровать Ему въ пришествіи Его, какъ мы вѣруемъ Ему по пришествіи Его.

О времени пришествія Искупителя сообщаемо было сначала, что онъ явится, когда еще будутъ вожди или цари народа іудейскаго изъ племени Іуды (Быт. 49, 9—10); потомъ исчислены были даже годы, по прошествіи которыхъ Онъ придетъ на землю, совершитъ искупленіе и учредитъ новый завѣтъ (Дан. 9, 24 — 27); къ тому еще указано было на храмъ, который Онъ освятитъ и прославитъ своимъ посѣщеніемъ, и на Предтечу, который проповѣдію своею предваритъ Его появленіе на торжественное служеніе Свое (Аг. 2, 7; Мал. 3, 2).

Мѣсто рожденія Его означилъ яснѣйшимъ образомъ Пророкъ Михей, болѣе чѣмъ за 700 лѣтъ до Рождества Христова возвѣстивши о Виѳлеемѣ Іудовомъ слѣдующее: *и ты Виѳлееме, доме Ефравовъ, еда малъ еси, еже быти тебѣ въ тысящахъ Іудовыхъ? изъ тебе бо изыдетъ Старѣйшина, еже быти въ князя во Израили: исходи же Его изначала, отъ дней вѣка* (Мих. 5, 2).

Не менѣе ясно въ разныя времена ука-

зываемо было колѣно, отъ котораго имѣлъ произойти Спаситель: это было колѣно Іудино (Быт. 49, 9—10), потомъ еще частнѣе—родъ Давида, царя израильскаго (2 Цар. 7, 16; Ис. 11, 1—3; Іерем. 23, 5—6).

Что касается, наконецъ, обстоятельствъ жизни, смерти и воскресенія Спасителя; то довольно указать вамъ, во первыхъ, на одинъ (21-й) Псаломъ Давида, гдѣ говорится, какъ имѣли возстать на Христа *тельцы мнози* и *юнцы тучніи*, то есть разсвирѣпѣвшіе фарисеи и начальники народа іудейскаго, вскормленные хвалами и приношеніями людскими, какъ будутъ хулить Его, выставляя на видъ, что Онъ уповалъ на спасеніе отъ Бога и между тѣмъ страждетъ какъ оставленный Богомъ,—какъ самую ризу Его будутъ дѣлить и объ одеждѣ Его метать жребій; во вторыхъ, на одну главу (53-ю) Исаіи пророка, сего ветхозавѣтнаго Евангелиста, гдѣ точно преднаписанъ страждущій Спаситель: *и Той, зане озлобленъ бысть, не отверзаетъ устъ своихъ. Во смиреніи судъ Его взятся: родъ же Его кто исповѣсть;* и проч.; наконецъ, на пророчество Захаріи о торжественномъ входѣ Іисуса Христа во Іерусалимъ и о преданіи Его за 30 сребренниковъ (9, 9; 11, 12), и на пророчество Осіи о тридневномъ Его воскресеніи: *исцѣлитъ ны по двою дню, и въ третій день воскреснетъ* (Ос. 6, 3).

2) Къ обѣтованіямъ и пророчествамъ присоединялись многознаменательные образы Искупителя и искупленія. Такъ, кому неизвѣстно жертвоприношеніе Авраама, въ которомъ онъ готовъ былъ вознести на олтарь единороднаго сына своего, кроткаго Исаака? Если теперь сличаемъ сей прообразъ съ прообразованнымъ имъ событіемъ, съ вознесеніемъ на крестъ единороднаго Сына Божія; то неможемъ не видѣть поразительнаго сходства между тѣмъ и другимъ. Но и тогда уже ли совсѣмъ непонятно было значеніе необыкновеннаго, неизъяснимаго въ себѣ самомъ произшествія? Объ Авраамѣ говорится въ Евангеліи, что онъ видѣлъ день Іисуса Христа: какой же и когда? День страданія и воскресенія Христова,—послѣ совершеннаго имъ въ духѣ жертвоприношенія. А что видѣлъ отецъ вѣрующихъ, о томъ не могли не слышать и не знать ничего чада вѣры. Припомните другое чудное прообразованіе искупленія нашего въ учрежденіи пасхи іудейской, предъ освобожденіемъ Іудеевъ изъ рабства египетскаго. Черты прообразовательнаго событія опять совершенно сходны съ чертами прообразованнаго, то есть, освобожденія нашего отъ рабства грѣховнаго, по закланіи Іисуса Христа на жертвенникѣ крестномъ. Уже ли можно думать, что и сей образъ никому изъ древнихъ празднователей пасхи не былъ понятенъ? Что же бы означало, къ чему бы учреждалось это необыкновенное празднество? Для чего не велѣно было сокрушать костей агнца? Для чего заповѣдано было кровію агнчею обагрять двери храминъ? Почему Ангелу истребителю первенцевъ египетскихъ дано было повелѣніе щадить тѣ только домы, гдѣ встрѣчалъ онъ это странное по видимому знаменіе? Нѣтъ, древніе вѣрующіе не могли не видѣть въ пасхѣ своей, установленной на все время ветхаго завѣта, знаменательнаго образа новаго завѣта: тѣсно соединенная съ освобожденіемъ ихъ изъ рабства египетскаго, она тѣмъ болѣе должна была переносить мысли и желанія ихъ къ грядущему Освободителю ихъ и всего рода человѣческаго отъ вѣчнаго рабства адскаго.

3) Законъ, данный Моисеемъ, былъ обрядовый, нравственный и гражданскій. Обрядовый состоялъ въ многочисленныхъ жертвоприношеніяхъ, очищеніяхъ, кропленіяхъ, празднествахъ, обрѣзаніи и проч. Что все это могло значить само по себѣ? Могли ли по

крайней мѣрѣ лучшіе изъ подзаконныхъ людей не уразумѣть, что кровію невинныхъ животныхъ нельзя умилостивить Бога, что омовеніями тѣла не омоешь души, что чрезъ плотское обрѣзаніе не сдѣлаешься избраннымъ чадомъ Божіимъ, и проч.? А разумѣя это, не помышляли ли о единой жертвѣ, имѣвшей принестися нѣкогда за родъ человѣческій Господомъ Искупителемъ, особенно когда Самъ Богъ, установившій законъ обрядовый, ни во что вмѣнялъ исполненіе его, какъ скоро Іудеи совершали предписанія онаго, такъ сказать, машинально, безъ духа, безъ вѣры, безъ чувства сокрушенія о грѣхахъ своихъ?—Также точно и законъ нравственный руководилъ Іудеевъ къ пришествію Мессіи, руководилъ преимущественно тѣмъ, что, требуя чистоты души и сердца отъ человѣка и указывая ему всѣ беззаконія его, не давалъ силъ къ исполненію своихъ предписаній, а между тѣмъ изрекалъ проклятіе на несоблюдающихъ оныя. Такимъ образомъ закономъ было *познаніе грѣха* (Рим. 3, 20) и сознаніе безсилія человѣка въ самоисправленіи; а сіе сознаніе возбуждало желаніе Искупителя,—что въ послѣдствіи съ такою силою исповѣдалъ за всѣхъ подзаконныхъ св. апостолъ Павелъ, самъ бывшій отъ Іудей: *вѣмы, яко законъ духовенъ есть, азъ же плотянъ, проданъ подъ грѣхъ. Не еже бо хощу доброе, сіе творю: но еже не ненавижду злое, сіе содѣваю. Аще ли, еже не хощу, сіе творю, хвалю законъ; яко добръ. Нынѣ же не къ тому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ... Окаяненъ азъ человѣкъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея? Благодарю Бога моего Іисуса Христомъ Господемъ нашимъ* (Римл. 7). И законъ гражданскій, въ свою очередь, возбуждалъ въ Іудеяхъ чаяніе обѣтованнаго Избавителя, съ одной стороны, тѣмъ, что строго наказывалъ за преступленія, отъ которыхъ трудно было сохранить себя падшему человѣку, съ другой—тѣмъ, что въ самомъ устройствѣ управленія народа избраннаго предъизображалъ тройственное служеніе Іисуса Христа: пророческое, священническое и царское.

4) Наконецъ, и самая судьба еврейскаго народа, по распоряженію Промысла Божія, была такова, что побуждала Іудеевъ желать скорѣйшаго пришествія Мессіи. Не много было счастливыхъ временъ для Израиля: счастіе разслабляло его и притупляло въ немъ желанія и упованія вѣры; почему онъ и подвергался различнымъ бѣдствіямъ. Если въ царствованія Давида и Соломона были вренена весьма счастливыя, прообразовавшія блаженное царство Мессіи; то скорое минованіе и рѣдкое повтореніе подобныхъ временъ должно было усиливать и усиливало желаніе сего послѣдняго царства. И дѣйствительно еще во времена пророковъ выражалось чрезвычайно сильно сіе желаніе: *чаяніе Израилево! Ожиданіе Израилево! Господи Спасителю нашъ во время скорби! Не забуди насъ* (Іер. 14, 8. 9; 17, 13. Малах. 3, 1. Мак. 14, 41); а предъ пришествіемъ Іисуса Христа оно было въ сердцѣ и на устахъ каждаго израильтянина.

А у насъ, братіе, есть ли такое желаніе въ сердцѣ? Желаемъ ли всею душею, *да вообразится въ насъ Христосъ?* Вы слышали уже это нравоученіе; но не излишне повтореніе, когда не довольно усвояется нами ученіе. Вся наука, все искуство наше въ томъ, да водворимъ у себя Господа Спасителя нашего. Надобно каждому христіанину желать и искать того, чтобы хотя подъ конецъ земной жизни своей сказать о себѣ со св. Апостоломъ: *не ктому живу азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ... Мнѣ еже жити Христосъ, и еже умрети пріобрѣтеніе*

есть (Филип. 1, 21). Многіе изъ Іудеевъ въ самомъ ожиданіи Христа Спасителя заблуждали, надѣясь и желая узрѣть въ Немъ земнаго вождя и царя, который возвыситъ и прославитъ ихъ царство, освободитъ ихъ отъ порабощенія другимъ народамъ, и другіе народы поработитъ имъ, устроитъ для нихъ счастливую жизнь на землѣ и доставитъ каждому возможность, какъ было во дни Соломона, жить спокойно *подъ виноградомъ и смоковницею своею.* Не повторяется ли точь въ точь и между нами такое грубое заблужденіе? Не ищемъ ли и мы выгодъ въ самомъ благочестіи и добродѣтели? Потому что вѣра не даетъ и не обѣщаетъ намъ видимыхъ, ближайшихъ, земныхъ преимуществъ, не дѣлаетъ насъ ни богаче, ни знатнѣе и проч., потому мы и не слишкомъ заботимся о сохраненіи и возращеніи ея въ себѣ. Когда бы благочестивые люди были всегда и вездѣ во всякомъ уваженіи и славѣ у другихъ, когда бы каждое доброе христіанское дѣло приносило намъ земныя выгоды,—о, тогда, можетъ быть, не нужно было бы проповѣдывать вѣру, возбуждать къ благочестію, увѣщавать и всячески располагать къ добродѣтели! Но чтоже? Тогда уже благочестіе не было бы благочестіемъ и добрыя дѣла не были бы добрыми; потому что въ нихъ ничего не было бы духовнаго, вѣчнаго, а плотское и временное со временемъ проходитъ и съ плотію разрушается. Помышляя о такихъ ничтожныхъ плодахъ благочестія, не тоже ли мы дѣлаемъ, что и заблуждавшіе нѣкогда Іудеи, то есть, не желаемъ ли себѣ спасителя земнаго, избавителя только отъ земныхъ несчастій, дарователя только видимыхъ, осязаемыхъ, вкушаемыхъ устами благъ?—Если, братіе, по ученію слова Божія, *духъ животворитъ*, а *плоть не пользуетъ ничтоже*: то будемъ и ревновать по духовномъ, *тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе: упованіемъ радующеся, скорби терпяще, въ молитвѣ пребывающе* (Римл. 12, 11—12),— и Господь свыше посѣтитъ насъ, пріидетъ и обитель сотворитъ себѣ въ сердцѣ нашемъ.

Чаяніе израилево, утѣшеніе израилево! Господи Спасителю нашъ! не забуди насъ. Аминь.

БЕСѢДА СВЯЩЕННИКА СЪ БОЛЬНЫМЪ.

Священникъ. Сей часъ только я узналъ о болѣзни твоей, и, вспомнивъ слова Господни: *болѣнъ бѣхъ и посѣтисте мене* (Матѳ. 25, 36), пришелъ предложить тебѣ мои услуги. Не обезпокоилъ ли я тебя своимъ посѣщеніемъ?

Больной. Посѣщеніе пастырей и всегда пріятно для пасомыхъ, а тѣмъ болѣе во время горестей и болѣзней постигающихъ ихъ; оно даже необходимо въ это время, когда болѣзни, поражая тѣло, разслабляютъ и повергаютъ въ уныніе духъ, и ему нужно утѣшеніе и подкрѣпленіе духовное, чтобы мыслить, какъ слѣдуетъ, о Богѣ и спасеніи своей души.

Свящ. Да, ты справедливо думаешь, что когда Богъ посѣщаетъ насъ болѣзнію, то это именно для того, чтобы мы помыслили о Немъ и вспомнили о своей душѣ. Пока здоровье намъ не измѣняетъ: то и дѣла мірскія и заботы житейскія столько обыкновенно занимаютъ насъ, что мы не можемъ ни свободно

бесѣдовать съ Богомъ въ молитвахъ, ни наводить справокъ съ своею совѣстію... Но когда болѣзнь разслабляетъ и удручаетъ тѣло— духу надлежитъ возвышаться къ небу! Когда мы уже не способны заниматься мірскою суетой, тогда и надобно болѣзненное ложе свое обращать, такъ сказать, въ уединенную клѣть для святой молитвы и набожныхъ размышленій. Такъ поступалъ св. пророкъ Давидъ, который, какъ ты слышалъ можетъ быть не однажды въ церкви, говорилъ о себѣ: *поминахъ Тя на постели моей; на утреннихъ поучахся въ Тя* (Пс. 62, 7).

Больн. Хотѣлъ бы и я подобно сему пророку молитвенно бесѣдовать съ Богомъ и поучиться Его святому закону, но... чувствую, что я человѣкъ чисто мірской и не далекій въ этомъ. Пытаюсь вознестись къ небу, и—немогу, потому что земное и тлѣнное увлекаетъ меня долу,—хотѣлъ бы помыслить о блаженствѣ грядущаго вѣка, уготованномъ праведнымъ, но привычки земныя и житейскія заботы обступаютъ, крушатъ меня и подавляютъ эти зародыши благихъ мыслей.

Свящ. Хочешь ли, чтобъ я сказалъ тебѣ откровенно истину? Это происходитъ отъ того, что ты съ раннихъ лѣтъ не пріученъ, или же не пріучилъ себя мыслить о Богѣ и о будущей лучшей жизни. — Чтобы исправить этотъ недостатокъ, надобно просить у Отца щедротъ *Духа благодати и умиленія* (Зах. 12, 10) и Онъ не откажетъ просящему у Него съ вѣрою и любовію. Тогда и ты почувствуешь особенную нѣкую сладость въ поученіи и размышленіяхъ о Богѣ; тогда и ты скажешь подобно пророку: *коль сладка гортани моему словеса Твоя* (Пс. 118, 103) или же, подобно другому праведнику, который говорилъ о себѣ: »моя радость, Господи, говорить о Тебѣ, слышать говорящихъ о Тебѣ, размышлять, писать о Тебѣ и напечатлѣвать на сердцѣ моемъ все, чему я поучаюсь отъ тебя« (Блаж. Августинъ).—Позаботься о семъ, другъ мой, пока есть еще время, потому что поздо думать о небѣ и жизни грядущаго вѣка тогда, когда земля уже колеблется подъ нашими ногами и смерть вѣетъ надъ нами...

Бол. Но, отецъ мой, я недумаю еще, чтобы конецъ мой былъ близокъ. Врачи не отчаиваются въ моемъ выздоровленіи, и не находятъ въ моей болѣзни никакихъ смертныхъ признаковъ.

Свящ. И я, другъ мой, тоже не нахожу ихъ; но когда смерть очень часто похищаетъ людей, во всей силѣ здоровья и крѣпости силъ: то, подумай, не болѣе ли должны бояться ея люди болѣзненные и слабые?.. Ничего нѣтъ не тверже сужденій человѣческихъ, особенно относительно исхода болѣзней. Самые опытные врачи не рѣдко ошибаются въ этомъ наравнѣ съ другими. Поэтому никогда не должно откладывать до завтра такого начинанія, въ которомъ дѣло идетъ—не болѣе и не менѣе—какъ о вѣчномъ спасеніи нашемъ; но какъ только болѣзнь повергаетъ насъ на одръ — надобно, чтобы мы представляли себѣ тотъ смертный одръ, на которомъ будемъ рано, или поздо, простерты, и чтобы смотрѣли на болѣзни, какъ на предтечи смерти, какъ на спасительныя предостереженія и напоминанія со стороны милосердаго Отца небеснаго о томъ, чтобы мы готовы были къ отшествію изъ міра сего. Поэтому, хотя и не всякая изъ болѣзней, которыми Богъ посѣщаетъ насъ, ведетъ, непремѣнно къ смерти, тѣмъ не менѣе, должно помнить, что когда какая либо изъ нихъ поражаетъ насъ, то это—Самъ Отецъ милосердія, *не хотящій да кто погибнетъ*, стучитъ, такъ сказать, у вратъ сердца нашего и напоминаетъ намъ, часто забывающимся среди грѣховныхъ обаяній, о томъ, что мы бренны и смертны, и что настоящая жизнь есть

не иное что, какъ *пара, яже вмалѣ является, потомъ же исчезаетъ* (Іак. 4, 14); т. е., посредствомъ болѣзней, Богъ хочетъ смирить насъ и пріучить къ отреченію отъ міра и его похотей — хочетъ внушить намъ, что *не имамы здѣ града пребывающа* (Евр. 13, 14). что мы должны взирать на вся красная міра сего какъ на сонъ, который проходитъ и какъ на дымъ, скоро исчезающій. Онъ хочетъ, чтобы мы возносили мысли свои къ небу, *идѣже животъ нашъ сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3, 3) и гдѣ пребываетъ истинная наша слава и счастіе; словомъ: Богъ поражаетъ насъ болѣзнями для того, чтобы очистить насъ отъ всякой скверны плоти и духа и обновить въ душахъ нашихъ изглаждаемый обаяніями міра образъ свой! Если болѣзнь твоя приноситъ эти плоды правды и освященія и устремляетъ мысли твои горѣ: то и объ ней можно сказать тоже, что сказалъ Спаситель о болѣзни Лазаря: *сія болѣзнь нѣсть къ смерти, но о славѣ Божіи* (Іоанъ. 11, 4).

Больн. Я думаю, что болѣзнь моя произошла отъ того, что я не поберегъ себя отъ вліянія непостоянной и перемѣнчивой погоды, и также непомѣрно предавался трудамъ, или, быть можетъ, невоздержаніе породило ее во мнѣ... Но я думаю, что, удаливъ эти причины, мнѣ можно будетъ надѣяться поправленія въ здоровьѣ, если то будетъ угодно Богу.

Свящ. Да, есть много вторичныхъ причинъ, которымъ можно приписывать и обыкновенно приписываютъ наши болѣзни.... Тѣло человѣка такъ бренно и сложено изъ такихъ разнообразныхъ, связанныхъ и перепутанныхъ между собою, частицъ, что по истинѣ надобно удивляться, какъ можемъ еще мы пользоваться продолжительнымъ здоровьемъ. Ибо какъ недостатокъ или порча одной какой либо малѣйшей пружинки въ машинѣ можетъ остановить весь ходъ ея: такъ порча или растройство одной, по видимому неважной, частицы въ тѣлѣ человѣческомъ, можетъ прервать нить жизни самаго крѣпкаго и здороваго человѣка. Но, повѣрь, другъ мой, всѣмъ намъ не столько должно бояться вліянія стихій и собственной бренности, сколько грѣха и безпорядочной не христіанской жизни; въ нихъ-то кроется всегда истинный зародышъ всѣхъ нашихъ болѣзней. Никогда св. Давидъ не говорилъ о своихъ болѣзняхъ безъ того, чтобъ не воспомянуть о своихъ грѣхахъ и не испросить себѣ у Бога прощенія. Не останавливайся и ты на вторичныхъ причинахъ своей болѣзни, но восходи выше... и разумѣвай въ своихъ страданіяхъ перстъ Вышняго. Если *ни едина отъ птицъ оцѣняемыхъ ассаріемъ* (Матѳ. 10, 29) не падаетъ на землѣ безъ воли Отца небеснаго, то можно ли думать, чтобы христіанинъ повергаемъ былъ на одръ болѣзни безъ сей благой воли?.....

Больн. Я знаю, что вы намъ часто проповѣдуете, что нѣтъ бѣдствій и несчастій на землѣ, которыми Богъ не располагалъ бы и не направлялъ къ премудрымъ цѣлямъ своимъ.

Свящ. И теперь я повторяю, что не только вообще всѣ блага и бѣдствія, постигающія насъ, находятся подъ верховнымъ распоряженіемъ промысла Божія, но что, въ частности, Онъ держитъ въ рукахъ своихъ ключи жизни и смерти, болѣзни и здоровья, или какъ говоритъ слово Божіе: *мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ* (1 Цар. 2, 6). Поэтому Онъ же повергаетъ насъ на одръ болѣзни и воздвигаетъ съ него, когда это нужно для нашего спасенія и Его славы.

Больн. О! я искренно вѣрую, что Господь исчисляетъ дни наши и что жизнь наша можетъ продлиться ни болѣе, ни менѣе, какъ сколько опредѣлена въ тайнахъ Его совѣта.

Свящ. И хорошо вѣруешь: потому что

если Господь исчисляетъ звѣзды небесныя и песокъ морскій, если по словамъ Спасителя нашего и власы на главѣ нашей изочтены у Него, то тѣмъ болѣе изочтены предъ Нимъ всѣ дни, часы и даже минуты нашей жизни... Иногда, человѣкъ наслаждается и довольствомъ и обиліемъ и крѣпкимъ здоровьемъ; въ возношеніи ума и дерзости сердца онъ *говоритъ во обиліи своемъ: не подвижуся во вѣкъ* (Пс. 29, 7) и вовсе не думаетъ о смерти, а между тѣмъ, невидимая рука Божія пишетъ уже на дскѣ его жизни грозное опредѣленіе: *мани, фекелъ, фаресъ* (Дан. 5, 25).

Больн. Не хочете ли вы чрезъ это дать мнѣ уразумѣть, что, тѣмъ болѣе мнѣ—больному надлежитъ приложить слова пророка Исаіи къ болящему Езекіи: *устрой о дому твоемъ, умираеши бо ты и не будеши живъ* (Ис. 38, 1)? Не скрывайте, прошу васъ, отъ меня ничего и скажите откровенно, не находите ли положенія моего опаснымъ?...

Свящ. Ты не понялъ, другъ мой. Я и прежде говорилъ и теперь скажу, что не только не нахожу въ твоей болѣзни ничего опаснаго, но даже надѣюсь, что, съ Божіею помощію, ты скоро освободишься отъ нея. Но я желаю только, въ особенности, чтобы настоящею болѣзнію ты воспользовался, какъ надлежитъ христіанину, для блага и спасенія своей души.

Больн. Научите же меня, какъ я долженъ воспользоваться ею и что мнѣ должно дѣлать для того, чтобы она послужила къ славѣ Божіей и моему спасенію.

Свящ. Что дѣлать? Надобно, чтобы ты смиренно исповѣдалъ предъ Богомъ грѣхи свои и испросилъ отпущенія ихъ во имя крестныхъ заслугъ Господа нашего Іисуса Христа, который есть *очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ* (1 Іоан. 2, 2)—чтобы принялъ потомъ, твердое намѣреніе вести отселѣ жизнь *цѣломудренно и праведно и благочестиво*; словомъ: чтобы исцѣлившись отъ болѣзни и ты могъ воскликнуть съ праведнымъ Давидомъ: *Господь изъятъ душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ и ногу мои отъ поползновенія, благоугожду предъ Господемъ во странѣ живыхъ* (Пс. 114, 7)!

Больн. Ахъ! Я знаю и исповѣдую, что я—бѣдный грѣшникъ, достойный осужденія и муки и не стоющій милосердія Божія!

Свящ. Того недовольно еще, чтобы вообще признать себя грѣшнымъ предъ Богомъ, потому что одни только лицемѣры не дѣлаютъ сего, а всякому христіанину извѣстно, что *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). Нѣтъ. Я совѣтую тебѣ заботливо и тщательно проникнуть въ сердце свое и потребовать строгаго и подробнаго отчета у своей совѣсти, или, говоря словами св. Апостола, *себе искусить*.... У Іудеевъ есть обычай на канунѣ пасхи, съ особенною тщательностію осматривать домы свои, не найдется ли гдѣ либо въ нихъ заброшенная крошка кислаго хлѣба: они заботливо осматриваютъ, со свѣтильникомъ въ рукахъ, всѣ углы и загородки своихъ покоевъ, и если найдутъ какую либо забытую крошку, то немедленно сожигаютъ ее.—То, что они дѣлаютъ въ домахъ своихъ изъ суевѣрія, ты сдѣлай въ сердцѣ своемъ изъ любви и усердія къ Богу. Представь, что и ты теперь какъ бы въ преддвѣріи праздника вѣчнаго, ожидающаго насъ на небѣ. Итакъ, пріими свѣтильникъ слова Божія и при его свѣтѣ осмотри тщательно всѣ тайники и изгибы своего сердца, не найдется ли въ нихъ гдѣ либо *ветхаго кваса злобы и лукавства* (1 Кор. 5, 8), т. е. остатковъ грѣховныхъ пожеланій и стремленій. Припомни и тѣ добрыя начинанія, которыя ты хотѣлъ сдѣлать и не сдѣлалъ, или которыя хотя и привелъ въ исполненіе, но по превоз-

ношенію, по расчету, а не изъ любви и уваженія къ закону Божію.

Больн. То есть, вы совѣтуете мнѣ прибѣгнуть къ таинству св. исповѣди?

Свящ. Не только совѣтую, но въ твоихъ обстоятельствахъ прошу это исполнить, потому что когда Господь отнимаетъ отъ насъ бремя грѣховное, то въ замѣнъ этого тяжкаго ига низводитъ въ душу миръ и спокойствіе, которыя ободряютъ и духъ и тѣло человѣка. Посему св. Давидъ и называетъ блаженными тѣхъ, *ихже оставишася беззаконія и ихже прикрышася грѣси* (Псал. 31, 1), а они оставляются только тѣмъ, которые подобно ему вопіютъ предъ милосердіемъ Божіимъ: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ, рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Псал. 31, 5).

Больн. Да сподобитъ и меня грѣшнаго Господь этой благодати своей!

МУДРОЕ, И ВЪ ОСОБЕННОСТИ ПРИГОДНОЕ ДЛЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ ПРАВИЛО АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО.

Въ наше время вошло въ обыкновеніе писать такъ называемыя *автобіографіи* (самоописанія), въ которыхъ обличители хотятъ увѣковѣчить память о себѣ. Не такого рода записки совѣтуетъ вести христіанину великій Антоній, постигавшій нужды природы нашей глубже и основательнѣе мудрецовъ вѣка сего. Вотъ что сообщаетъ извѣстный церковный историкъ Эрмій Созоменъ. »Лѣности Антоній и въ себѣ не терпѣлъ, и желавшихъ хорошо жить располагалъ къ работѣ, убѣждая каждаго быть судіею самаго себя и давать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлалъ онъ днемъ и ночью. Если сдѣлано нѣчто не должное; — записывать это, съ намѣреніемъ впредь беречься отъ грѣховъ, стыдясь самаго себя, когда бы записаннаго нашлось много, или боясь, какъ бы записки не похитили, и дурные поступки не сдѣлались извѣстными другимъ« (*). Нѣтъ нужды распространяться о превосходствѣ подобнаго рода автобіографій. Важный недугъ нашей природы вообще и современнаго намъ общества въ частности — гордость и тщеславіе, безпрерывно подстрекающіе людей къ исканію славы и извѣстности какими бы то ни было путями и средствами. Отсюда фарисейская праведность, которую, по видимому, такъ преслѣдуетъ наша пресловутая образованность, отражается едва ли не во всѣхъ и на всемъ. Лучшимъ средствомъ избѣжать ее можетъ быть признанъ совѣтъ великаго Антонія. Всматриваясь внимательно въ грѣховныя стороны своей природы и предавая ихъ письмени, мы, вѣрно, не впадемъ въ то гордое самомнѣніе и тщеславіе, какимъ отличается огромное большинство людей. Человѣку безобразному, часто смотрящемуся въ зеркало, не прійдетъ въ голову считать себя красивымъ и гордиться своимъ благообразіемъ.

ПРАЗДНОВАНІЕ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ ВЪ ПАРИЖѢ (**).

Въ Парижѣ существуетъ общество, поставляющее своею задачею — всѣми силами содѣйствовать соблюденію святости воскреснаго дня. Число членовъ этого общества въ на-

(*) Ист. Церк. Эрмія Созомена Салам. кн. 1. гл. 12.

(**) Изъ религіозной газеты: *Sion*, издаваемой католиками на нѣмецкомъ языкѣ въ Аугсбургѣ (1858, № 67).

стоящее время превышаетъ 5,000. Observateur du dimanche такъ говоритъ объ его успѣхахъ:

»И внѣ нашего общества соблюденіе святости воскреснаго дня со дня на день болѣе и болѣе усиливается. Одинъ изъ нашихъ старыхъ сочленовъ, Дюпенъ, владѣлецъ прекраснаго магазина на углу улицы св. Гонорія и Вандомской площади, говорилъ намъ въ послѣднемъ собраніи комитета, что за шесть лѣтъ предъ симъ только онъ одинъ во всемъ кварталѣ запиралъ свою лавку по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Теперь число магазиновъ, продолжающихъ открываться по воскресеньямъ, очень незначительно. Съ каждымъ днемъ новыя лавки и магазины пристаютъ къ этому обществу, другіе отпираются на какой нибудь часъ; и всѣ согласны въ томъ, что продажа по воскресеньямъ приноситъ почти чистый нуль. Въ третьемъ округѣ ни одинъ изъ большихъ магазиновъ не открывается въ воскресенье. Если Парижъ въ этомъ отношеніи еще представляетъ печальный соблазнъ, мы должны заботиться о возможномъ и уже замѣтномъ улучшеніи, и можемъ надѣяться, что въ будущемъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе приближающемся къ намъ, соблюденіе святости воскреснаго дня опять войдетъ въ наши нравы и обычаи. Нѣкоторые люди, съ мрачнымъ взглядомъ на вещи, не хотятъ видѣть въ этомъ измѣненіи никакого религіознаго преуспѣянія. Но противъ нихъ говоритъ то, что видѣли наши глаза,—именно это стремленіе народа въ храмы во время говѣнія и поста, необыкновенно большое число причащающихся. Мы прибавимъ къ этому еще одинъ неопровержимый случай. Одинъ изъ тѣхъ большихъ магазиновъ вблизи Люксембурга, которые постоянно открывались, объявилъ циркуляромъ, пущеннымъ во многихъ тысячахъ экземпляровъ, что, начиная отъ святой Пасхи, эти магазины будутъ всегда заперты по воскресеньямъ и праздникамъ. На верху циркуляра написано большими буквами: *освященіе воскреснаго дня.* Какъ много сарказмовъ этотъ циркулялъ встрѣтилъ бы за шесть лѣтъ предъ симъ! А теперь онъ никого не привелъ въ изумленіе. Можно ли оспаривать то, что здѣсь является неизмѣримый успѣхъ?

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 16-го Ноября 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 59.

НЕДѢЛЯ СВЯТЫХЪ ПРАОТЕЦЪ.

14 Декабря 1858 г.

Гласъ 6-й.

На утрени: евангеліе воскресное 9-е, Іоан. зач. 65. На Литургіи: апост. Кол. зач. 257, евангеліе Лук. зач. 76.

СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИСИДОРА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ГАЛИЦКАГО И СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТА КІЕВО-ПЕЧЕРСКІЯ ЛАВРЫ

СЛОВО

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ КІЕВСКУЮ ПАСТВУ (*).

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВ. ДУХА.

По заповѣди Господа и Бога нашего Іисуса Христа, привѣтствую врученную мнѣ отъ Него паству:

Миръ вамъ, возлюбленныя чада Христовой Церкви!

Совершивъ указанный мнѣ десницею Вышняго и велѣніемъ Благочестивѣйшаго Помазанника Его далекій путь, радуюсь и благодарю Бога моего, сподобившаго меня узрѣть матерь градовъ россійскихъ и паству, издревле ознаменованную особеннымъ покровительствомъ Промысла Божія, исполненную духомъ вѣры и благочестія, проліявшую свѣтъ истиннаго Боговѣдѣнія во всѣ концы любезнаго отечества нашего.

Первая жертва, принесенная Господу Богу въ семъ святолѣпномъ храмѣ о спасеніи и благословеніи кіевской паствы, да низведетъ благословеніе и недостойному ея пастырю, освящающее, укрѣпляющее и вразумляющее, *како подобаетъ въ дому Божіи жити* (1 Тим. 3, 15), и творити волю Пославшаго.

Божіе призваніе налагаетъ на меня долгъ

(*) Произнесено въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ 2 Ноября 1858 года.

возвѣщать Церкви святую волю Господню. И— *горе мнѣ, аще не благовѣствую!* Но когда воспоминаю, что на сей нивѣ Христовой первыя сѣмена Слова Божія посѣяны Апостоломъ первозваннымъ, и, напаяемыя благодатною росою Духа Божія, во дни Равноапостольнаго князя Владиміра, принесли столь обильную жатву; — когда воспоминаю, что насажденная на незыблемомъ основаніи кіевская православная Церковь, среди долговременныхъ политическихъ треволненій, при всѣхъ усиліяхъ сѣятеля плевелъ, свято и непорочно сохранила сокровище православныя вѣры: праведно, мню, въ молчаніи *соутѣшатися вѣрою вашею* (Рим. 1, 12).

Благословенъ Богъ, храняй достояніе свое въ чистотѣ и силѣ!

Сколько скрижали вѣковъ протекшихъ оставили намъ драгоцѣнныхъ памятниковъ Божія благоволенія и попеченія о спасеніи нашемъ! Сколько свѣтильниковъ десница Божія поставила на горахъ сихъ, во свидѣтельство истиннаго благочестія! Они свѣтло горѣли, напаяемые елеемъ любви избранныхъ Божіихъ,— и, къ утѣшенію и назиданію нашему, свѣтятъ доселѣ. Какихъ великихъ пастырей посылалъ Господь, какою мудростію и силою облекалъ ихъ, когда словесному стаду Его угрожала опасность растлѣнія и разхищенія!

Можемъ ли быть равнодушны къ толикимъ милостямъ Христа Спатителя нашего! Не служатъ ли онѣ самымъ сильнымъ побужденіемъ для насъ, достойно ходити званія, въ которое призваны, — званія христіанъ православныхъ!

Ап. Петръ, изчисляя преимущества истинныхъ христіанъ, говоритъ: *вы есте родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія* (1 Петр. 2, 9) и потомъ, присовокупляетъ, къ чему обязываютъ ихъ столь важныя преимущества, *яко да добродѣтели возвѣстите изъ тьмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ.*

Исповѣдуемъ Бога устнами, а вѣровать должны сердцемъ. Тогда вѣра и добрыя дѣла будутъ въ насъ столько же нераздѣльны, какъ солнечный свѣтъ съ теплотою. Вѣруемъ, что Богъ есть милосердъ: сотворимъ же милость брату нашему, и тогда въ самихъ себѣ почувствуемъ доброту милосердія Божія. Это будетъ вѣра сердца. Знаемъ, что Богъ правосуденъ: возлюбимъ правду и безпристрастіе во всѣхъ дѣлахъ нашихъ. Это будетъ вѣра сердца нашего, и насъ спасающая и Бога прославляющая.

Братія, званія Христова причастницы! Вы *куплени есте цѣною крови* Христовой, *и нѣсте свои*, а Христовы (1 Кор. 6, 19. 20).

Убо да управляетъ вами и умъ Христовъ и воля Христова. Спаситель сошелъ на землю и принесъ Себя въ жертву за насъ, *да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ Себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. 2, 14). И вотъ, св. Церковь всегда и повсюду предноситъ и поставляетъ предъ очами нашими крестъ Христовъ, да научитъ насъ, достойно ходити званія, въ которое призваны.

Покланяясь Господу Распятому, мы не можемъ отзываться невѣденіемъ пути Христова. Мы знаемъ, что подвигоположникъ нашъ Іисусъ Христосъ всю земную жизнь посвятилъ на служеніе роду человѣческому, и однако не имѣлъ, *гдѣ главу подклонити* (Лук. 9, 58). Не должны ли и мы служить для пользы братій нашихъ, съ терпѣніемъ, безъ ропота, хотя бы усердіе и труды наши и не вознаграждались въ сей жизни,—хотя бы даже за добро воздавали намъ зломъ? Онъ, изъ послушанія Отцу, принялъ отъ руки Его чашу страданій за грѣхи людскіе: еще ли будемъ прогнѣвлять Его непослушаніемъ волѣ Отца

небеснаго? Одинъ изъ друзей продалъ Благодѣтеля своего и коварнымъ лобзаніемъ предалъ врагамъ Его: кто не возненавидитъ сребролюбіе Іуды и вѣроломство, подъ видомъ дружества устрояющее погибель ближнему? Чтобы осудить неповиннаго, враги вынуждены были искать лжесвидѣтелей: не довольно ли сего, чтобы мы гнушались клеветы и лжесвидѣтельства? Спаситель безъ вины терпѣлъ бичеваніе, чтобы въ пречистой плоти своей осудить грѣхи нашей изнѣженной и сластолюбивой плоти. Съ Него совлекли послѣднюю одежду, чтобъ мы не предавались излишнимъ заботамъ о суетныхъ украшеніяхъ и роскоши. На святѣйшую главу Его возложили терновый вѣнецъ, чтобы насъ уврачевать отъ нечистыхъ помысловъ и посрамить человѣческую гордость и тщеславіе. Его пречистыя руцѣ и ноздѣ пригвоздили ко кресту, чтобы руки наши очистить отъ хищенія и направить ноги наши на путь заповѣдей Божіихъ.

На крестѣ Господа нашего Іисуса Христа начертанъ истинный путь спасенія для всѣхъ Его послѣдователей. Внимайте, братія, и поучайтесь, достойно ходити высокаго званія православныхъ христіанъ, въ которое вы, по благодати Божіей, призваны.

Истинный христіанинъ, въ какихъ бы ни былъ поставленъ отношеніяхъ къ гражданскому обществу, въ духѣ вѣры своей найдетъ и наставленіе и силу проходить общественное званіе по заповѣдямъ Господа.

Вѣковые опыты свидѣтельствуютъ, что гдѣ процвѣтаетъ святая вѣра и благочестіе, тамъ неизмѣнна и преданность Помазанникамъ Божіимъ и искреннее повиновеніе законамъ и властямъ. Вѣрные пастыри Христова стада, не щадя ни трудовъ, ни самой жизни, съ отеческою любовію пекутся о спасеніи пасомыхъ, и пасомые съ христіанскимъ послушаніемъ внимаютъ гласу поставленныхъ отъ Бога пастырей. Христолюбивые воины безтрепетно встрѣчаютъ смерть за вѣру, Царя и отечество. Начальствующіе съ прозорливостію и кротостію устрояютъ благосостояніе подчиненныхъ. Подчиненные волю властей чтутъ какъ волю самаго Христа. Родители воспитываютъ чадъ своихъ въ страхѣ Божіемъ. Продающіе и купующіе удаляются отъ лжи и обмана.

Воистину благословенно общество, въ которомъ всѣ члены, одушевляемые единою святою вѣрою, ходятъ достойно звянія, въ которое призваны отъ Бога.

Единодушная молитва сопастырей и всѣхъ вѣрныхъ да привлечетъ и мнѣ—недостойному пастырю благодать Божію, совершающую въ немощѣхъ силу, и скудость восполняющую, дабы служеніе паствѣ сей было достойно званія, въ которое Господь Богъ благоволилъ призвать мое недостоинство. Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ ВСТРѢЧѢ ВЪ КІЕВО-СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИСИДОРА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ГАЛИЦКАГО (*).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Богодарованный намъ Архипастырь и Отецъ!

Истинно *Богодарованный*! Сердце Царево нарекло Тебя, а оно *въ руцѣ Божіей*

(*) Произнесена каѳедральнымъ протоіереемъ Іоанномъ Скворцевымъ 31 Октября 1858 года.

21, 1); Святѣйшій Сунодъ благословилъ, а онъ есть органъ правящаго Церковію Всесвятаго Духа. Такъ вѣруемъ мы, вожделѣннѣйшій Архипастырь, и съ такою вѣрою, отъ искренняго сердца, возсылаемъ благодареніе Всевышнему Владыкѣ судебъ нашихъ. Онъ, Всеблагій, и нынѣ милостиво призрѣлъ на осиротѣвшую паству кіевскую, и се, на мѣсто приснопамятнаго *Филарета*, по имени и дѣламъ, *любителя добродѣтели*, посылаетъ ей *Исидора*, по имени и достоинству, *равный даръ* благодати своей.

Равный прежнему даръ посылается намъ отъ Господа, а Тебѣ, великій святитель Христовъ, не равный ли прежнему, даже не большій ли подвигъ? Равная прежней радость открывается паствѣ кіевской, а Тебѣ,—Архипастырь, не болѣе ли заботъ и болѣзнованія пастырскаго?—Но если на это есть воля и опредѣленіе Всевышняго, ты *возможеши о Господѣ и въ державѣ крѣпости Его* (Еф. 6, 10), возможеши и здѣсь, въ древнѣйшей области Россіи, устроять благо Церкви православной, какъ устроялъ его въ странахъ Россіи новыхъ. Здѣсь молитвы святыхъ предшественниковъ пастырства твоего—Михаила, 1-го митрополита кіевскаго, Петра, Алексія, Іоны, свящ. мученика Макарія, который и нетлѣнными останками своими пребываетъ съ нами, и молитвы великаго сонма праведниковъ печерскихъ помогутъ тебѣ; а паче всего укрѣпитъ тебя та Премудрость Божія, Ипостасная, имени которой посвященъ сей главный храмъ паствы твоей, главный, можно сказать, по священной древности своей, и во всемъ отечествѣ нашемъ.

Великіе уроки и напоминанія оставлены намъ въ этомъ храмѣ, который, се уже слишкомъ восемь вѣковъ, сохраняетъ на столпостѣнахъ своихъ святые памятники исповѣданія и благочестія нашихъ предковъ. Мы видимъ здѣсь, смотря къ востоку, въ величественномъ изображеніи мозаическомъ, какъ Премудрость небесная, воплощенная насъ ради, уготовала на землѣ *свою трапезу* жизни вѣчной, и какихъ богомудрыхъ *рабовъ своихъ послала* въ міръ *съ высокимъ проповѣданіемъ* (Притч. 3, 2. 3). И мы вѣруемъ, что Она послала къ намъ и Тебя, благій Архипастырь, послала съ тѣмъ же высокимъ проповѣданіемъ, и тѣми благодатными силами, съ какими посылала первыхъ благовѣстниковъ своихъ. Здѣсь, по всѣмъ странамъ, изображены дѣла сей Премудрости и Любви божественной, и самые плоды, какіе возрастила Она по всей землѣ,—это великое множество святыхъ Ея, собранныхъ изъ всѣхъ состояній и званій. И мы уповаемъ, что та же Премудрость и нынѣ будетъ совершать Тобою спасительныя дѣла свои и возращать плоды для блаженной вѣчности. Она силою Духа въ Тебѣ утвердитъ у насъ слабыхъ вѣрою, заблуждающихъ обратитъ на путь правый, невѣжествующихъ просвѣтитъ, хвалящихся земною мудростію смиритъ и обратитъ къ Себѣ, скорбящихъ духомъ утѣшитъ, веселящихся одною плотію уцѣломудритъ, жестокосердечныхъ смягчитъ, обидимыхъ защититъ, нерадивыхъ возбудитъ, а благоуспѣвающихъ въ вѣрѣ и жизни христіанской ободритъ и благословитъ. Словомъ, мы уповаемъ и вѣруемъ, что самъ небесный Архипастырь наставитъ и управитъ духъ твой употреблять врученный Имъ Тебѣ жезлъ пастырскій, по силѣ слова своего, *ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ* (2 Тим. 3, 6).

Но, сознавая величіе предстоящаго Тебѣ поприща, мы сознаемъ и наши обязанности трудиться съ Тобою въ дѣлѣ Господнемъ. Ты дарованъ намъ, а мы вручены Тебѣ, и отселѣ священнымъ и тѣснѣйшимъ союзомъ

соединены съ Тобою. Будемъ убо неослабно молиться о благопоспѣшеніи многотрудному пастырству твоему; будемъ и стараться самымъ дѣломъ облегчать Тебѣ святительскіе подвиги, — разумѣю то, да сподобитъ насъ Господь, плодами вѣры и духа, благопослушаніемъ и вѣрностію служенія, возвеселить пастырское сердце твое, бдящее о душахъ нашихъ, *да съ радостію* дѣло Господне *твориши*, а не съ скорбію и воздыханіемъ (Евр. 13, 17).

Благослови же и объими любовію отеческою новыхъ чадъ твоихъ, Богодарованный намъ Архипастырь и Отецъ!

О ПРИГОТОВЛЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО КЪ ПРИШЕСТВІЮ СПАСИТЕЛЯ.

БЕСѢДА 5-я.

О ТОМЪ, КАКЪ ПРИГОТОВЛЯЛЪ БОГЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ КЪ ПРИШЕСТВІЮ СПАСИТЕЛЯ.

Какъ приготовлялъ Богъ къ пришествію обѣтованнаго Искупителя другіе народы, кромѣ избраннаго? И точно ли самые язычники призываемы были къ вѣрѣ во Христа Спасителя?

Или Іудеевъ Богъ тожмо, а не и языковъ? ей, и языковъ (Рим. 3, 29)! говоритъ св. ап. Павелъ, обращаясь къ тѣмъ изъ Іудеевъ, которые слишкомъ много думали о себѣ и слишкомъ мало о другихъ народахъ, почитая ихъ какъ бы совсѣмъ безъ Бога, безъ Божія промышленія и попеченія. Такъ, *не несвидѣтельствована Себе остави* Богъ предъ всѣми и для всѣхъ людей, и всѣ могли слышать благодатное призваніе Его ко спасенію, всѣ могли, по гласу Его, пріити ко Спасителю.

Егда языцы, говоритъ тотъ же св. Апостолъ, *не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ, иже являютъ дѣло законное, написанное въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ* (Рим. 2, 14—15). Такимъ образомъ язычники въ самой природѣ своей, не до конца растлѣнной, по Божію смотрѣнію, могли находить свидѣтельство объ истинномъ Богѣ. Съ другой стороны, всегда открытая предъ ними книга природы такъ же возвѣщала имъ о Творцѣ и Промыслителѣ міра. *Невидимая бо* Божія *отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1, 20). Но, подобно нравственному закону, данному Іудеямъ чрезъ Моисея, законъ естественный, присущій всѣмъ людямъ, могъ руководить и руководилъ язычниковъ къ чаянію и желанію небеснаго Просвѣтителя и Помощника только тѣмъ преимущественно, что обличалъ безсиліе человѣка жить сообразно съ внутренними требованіями совѣсти и выйти изъ мрака духовнаго невѣдѣнія. Дѣйствительно, много трудовъ было употреблено лучшими изъ язычниковъ, чтобы найти вѣрный и надежный путь къ духовному усовершенствованію человѣка; но эти труды не имѣли значительнаго успѣха. Древніе гораздо больше успѣвали въ устроеніи внѣшняго, чѣмъ въ улучшеніи внутренняго состоянія своего. Они имѣли хорошіе по времени законы гражданскіе, созидали прекрасные города, отличались не рѣдко мужествомъ и благоразуміемъ въ охраненіи общественнаго благосостоянія, богаты были произведеніями

искуствъ и промышленности; по крайней мѣрѣ все это было у главнѣйшихъ и знатнѣйшихъ народовъ древности. Но истиннаго благочестія и добродѣтели никогда и ни у какого изъ сихъ народовъ не было. Явились мудрые, по человѣчески, законодатели и философы; но не могли ничего, или покрайней мѣрѣ, слишкомъ мало могли сдѣлать для духовной жизни людей. Сколько ни силился разумъ человѣческій освободиться отъ очевидныхъ заблужденій и найти единую вѣчную истину,— не могъ; сколько ни изобрѣтали средствъ къ исправленію человѣка, ни одно изъ нихъ не оказывалось удовлетворительнымъ. Религіозныя и философскія ученія одни за другими разрушались, и что сначала представлялось лучшимъ, потомъ въ свою очередь являлось подобно прежнему недостаточнымъ. Поэтому нѣкоторые изъ наилучшихъ философовъ прямо и рѣшительно сознавались, что человѣкъ самъ по себѣ не въ состояніи ни уразумѣть, какъ должно, истины, ни еще менѣе жить, какъ должно, по истинѣ, и учили ожидать помощи отъ самаго Бога (на прим. Платонъ въ разговорѣ: Алкивіадъ). Въ этомъ смыслѣ, по разуму отцевъ Церкви, философія, подобно закону Моисееву, была *пѣстуномъ во Христа.*

Болѣе положительное средство приготовленія язычниковъ къ пришествію Спасителя состояло въ остаткахъ первобытнаго откровенія и религіи. Первобытное состояніе человѣка, его паденіе и изгнаніе изъ рая, первое обѣтованіе объ Искупителѣ и искупленіи, все это было въ преданіи, которое, переходя сначала чрезъ патріарховъ, потомъ перешло чрезъ родоначальниковъ различныхъ народовъ во всѣ страны и составляло достояніе всѣхъ людей. Правда, все это было болѣе или менѣе искажено, смѣшано съ разными языческими суевѣріями; но тѣмъ не менѣе и у язычниковъ не переставало существовать *чаяніе* Искупителя, и къ этому усѣченному дереву еще можно было привить жизнь, способную возрастить и оплодотворить его. Въ самыя послѣднія времена предъ Рождествомъ Христовымъ и у самаго послѣдняго изъ древнихъ народовъ, именно, у народа римскаго, до котораго, по видимому, трудно было достигнуть и въ которомъ еще труднѣе было сохраниться этимъ преданіямъ, они однако жъ ясно высказаны были нѣкоторыми писателями (Виргилій, Овидій и др.).

Но Господь Богъ употреблялъ и другія сильнѣйшія средства для призванія язычниковъ къ истинной вѣрѣ; таковы были: 1) сближенія народа еврейскаго съ другими народами; 2) потомъ, переводъ Св. Писанія съ еврейскаго на греческій языкъ; наконецъ 3) самое политическое устроеніе древняго міра, особенно въ послѣднія времена его.

1) Дивна судьба избраннаго народа Божія! Народъ сей избранъ былъ не для него только самаго, но и для цѣлаго міра, и самое *прегрѣшеніе его*, по выраженію св. Апостола, *богатство міра*, *и отпаденіе его богатство языковъ* (Рим. 11, 12). Исторія его, можно сказать, пролегаетъ чрезъ всѣ вѣка; соприкасается близко со всѣми народами и заставляетъ каждаго, мало — мало вникающаго въ судьбы земнаго міра, подумать о многомъ и поучиться многому. Еще Авраамъ, отецъ вѣрующихъ, постоянно принуждаемъ былъ обстоятельствами переходить съ мѣста на мѣсто и сближаться съ разными лицами и народами, дѣлаясь, такимъ образомъ, проповѣдникомъ въ разныхъ странахъ истинной вѣры; тоже было съ Исаакомъ, а потомъ при Іаковѣ, вмѣстѣ съ проданнымъ въ рабство Іосифомъ, все племя Авраамово перенесено было во Египетъ и тамъ возросло въ народъ. Рукою крѣпкою и мышцею высокою извелъ Господь Богъ Израиля изъ Египта и содѣлалъ Имя

свое славнымъ предъ всѣми людьми. Въ землѣ обѣтованной жившіе до того народы скоро увѣрились, что силенъ Богъ Авраама, Исаака и Іакова. Далѣе, Израильтяне должны были постоянно бороться съ разными племенами и народами, то побѣждая ихъ, то побѣждаемые ими, и не для нихъ однихъ очевидно было въ то время, что судьбою ихъ непосредственно управляетъ самъ Богъ. Цвѣтущимъ временемъ царства Іудейскаго было время царствованія Давида и Соломона, время очень краткое, но по всему міру содѣлавшее славнымъ народъ Божій, такъ что цари не только искали содружества съ нимъ, но и приходили къ нему учиться мудрости. Созданный Соломономъ храмъ былъ единственнымъ на землѣ домомъ Божіимъ и всесвѣтнымъ проповѣдникомъ единаго Бога (3 Цар. 7, 41—43). За тѣмъ, по распаденіи царства Еврейскаго на Іудейское и Израильское, послѣднее скоро было разрушено, и Израильтяне разсѣяны были почти по всей Азіи. Скоро и Іудеи отведены были въ плѣнъ въ землю Вавилонскую. Замѣтимъ здѣсь, братіе, что чѣмъ бѣдственнѣе было положеніе Іудеевъ, тѣмъ болѣе начинали они ревновать о своемъ избраніи и своей вѣрѣ, и ни какой плѣнъ, никакой порабститель не имѣли силы сроднить ихъ съ другимъ народомъ и слить съ гражданами другихъ царствъ: на нихъ была и всегда оставалась печать особеннаго опредѣленія о нихъ Божія. Въ послѣднія времена ветхаго завѣта они подпали подъ владычество сначала Македонянъ, а потомъ Римлянъ, и въ собственномъ смыслѣ разлились по всему тогдашнему свѣту, такъ что не было царства, въ которомъ не было бы Іудеевъ. Ассирія, Вавилонія, Египетъ, малая Азія, Греція и Римъ были, можно сказать, наполнены Евреями, и вездѣ они строго держались своей вѣры, своихъ обрядовъ, отвсюду обращались къ Іерусалиму и всюду приносили съ собою и распространяли чаяніе Мессіи. Они были яснымъ орудіемъ въ рукахъ Божіихъ,—орудіемъ живымъ, свободнымъ,—но тѣмъ не менѣе орудіемъ. Богъ благословлялъ ихъ миромъ и благополучіемъ за ихъ благочестіе, и наказывалъ раззореніемъ, плѣномъ, рабствомъ за ихъ уклоненіе отъ истинной вѣры и благочестія; но съ тѣмъ вмѣстѣ проявлялъ въ этомъ высшія намѣренія и цѣли свои, именно приготовить весь міръ къ принятію Спасителя. И теперь взгляните на потомковъ древняго народа Божія: они отвержены Богомъ за то, что отвергли данныя имъ обѣтованія Божіи; но и доселѣ не перестаютъ быть въ рукахъ промысла Божія орудіемъ Его благодѣтельнаго промышленія о мірѣ; они суть живая проповѣдь о пришедшемъ Искупителѣ міра; ихъ судьба неразрывно связана съ судьбою Церкви Божіей; ихъ исторія есть очевиднѣйшее для всѣхъ подтвержденіе евангельской исторіи. Если же теперь, съ печатію отверженія, Израиль служитъ, хотя невольнымъ, свидѣтелемъ истины; то тѣмъ болѣе тогда, съ печатію избранія, онъ былъ всемірнымъ проповѣдникомъ вѣры. И дѣйствительно, языческіе народы принимали отъ Евреевъ многія спасительныя вразумленія и убѣжденія. Припомните исторію Даніила и трехъ отроковъ въ Вавилонѣ, и послѣдовавшее за тѣмъ повелѣніе Навуходоносора чтить Бога Израилева. Сѣмя истиннаго благочестія, посѣянное въ той странѣ, дало плодъ наконецъ въ восточныхъ мудрецахъ или волхвахъ, которые пришли поклониться родившемуся Спасу міра и были между первыми вѣрующими въ Господа Искупителя и Спасителя. Въ Египтѣ, гдѣ идолопоклонство простиралось до обожанія самыхъ простыхъ и грубыхъ вещей, сохранялось также, хотя въ ограниченномъ кругѣ людей, истинное понятіе о Богѣ, безъ сомнѣнія заимствованное отъ народа Божія... По

свидѣтельству отцевъ Церкви, и греческая философія все лучшее заимствовала изъ священныхъ книгъ слова Божія, чрезъ посредство египетскихъ ученыхъ. Скажемъ короче: чѣмъ нѣкогда были патріархи, какъ избранныя лица Божіи, для всѣхъ прочихъ людей, тѣмъ были и Евреи, какъ избранный народъ Божій, для всѣхъ прочихъ народовъ, то есть, хранителями и проповѣдниками истинной вѣры и благочестія.

2) Другое особенное средство призыванія язычниковъ къ истинной вѣрѣ есть переводъ св. Писанія съ еврейскаго на греческій языкъ, совершенный за триста лѣтъ до Р. Х. Въ то время городъ египетскій, Александрія, сдѣлался средоточіемъ всемірной торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ разсадникомъ различныхъ понятій и свѣдѣній. Греческій языкъ входилъ оттуда во всеобщее употребленіе и на немъ стали объясняться люди всѣхъ извѣстныхъ тогда частей свѣта. Тамъ то, по распоряженію Промысла Божія, переведены были священныя книги съ малоизвѣстнаго другимъ народамъ еврейскаго языка на общеизвѣстный греческій. Нужно ли много говорить и доказывать, какъ могло распространяться чрезъ это пророческое ученіе о Богѣ и Спасителѣ міра по разнымъ странамъ и народамъ и подготовлять людей къ уразумѣнію имѣвшей вскорѣ открыться тайны спасенія!

3) Наконецъ, судьбы и жребіи различныхъ царствъ древняго міра опредѣлялись премудрымъ и всемогущимъ Промысломъ вполнѣ сообразно съ главною цѣлію Его основать и утвердить на землѣ благодатное царство Христа Искупителя и Спасителя. И это не было совершенною тайною для тогдашняго міра; напротивъ Богъ самъ открывалъ иногда совѣты свои о царствахъ земныхъ. Такъ Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, покоритель многихъ народовъ и въ числѣ ихъ народа Божія, видѣлъ знаменательный сонъ, объясненный ему пророкомъ Даніиломъ, въ которомъ (снѣ) указано было, какія царства поочередно будутъ преобладающими на землѣ и какъ именно окончится существованіе древняго міра. Царю Вавилонскому представлялось, что предъ нимъ стоитъ огромное тѣло, огромный истуканъ, *и образъ его страшенъ*; глава тѣла была изъ чистаго золота, руки, перси и мышцы — сребряныя, чрево и стегна — мѣдныя, голѣни желѣзныя, а ноги частію желѣзныя, частію глиняныя. Царь смотрѣлъ и дивился. Вдругъ отъ горы, самъ собою, невидимою силою отторгся камень, ударилъ тѣло въ ноги и сокрушилъ истуканъ. Глина, желѣзо, мѣдь, сребро и золото, все смѣшалось и обратилось въ прахъ и разсѣяно сильнымъ вѣтромъ, а камень, поразившій тѣло, обратился въ величайшую гору и наполнилъ всю землю. *Сей есть сонъ*, говорилъ царю Вавилонскому св. пророкъ Даніилъ, *а сказаніе его речемъ предъ царемъ*. Ты, *царю*, — продолжалъ св. Пророкъ, и твое *крѣпкое* и *державное* царство — это глава золотая; послѣ тебя будетъ другое меньшее царство, это — *сребро*; а царство третіе, которое *содолѣетъ всей земли*, *мѣдь* есть; и царство четвертое будетъ какъ желѣзо, впрочемъ будетъ въ немъ и скудѣльное, то есть, *часть нѣкая царства будетъ крѣпка и отъ него будетъ сокрушенна*; а что желѣзо въ истуканѣ представлялось *смѣшаннымъ* съ глиною, это значитъ, что такъ будутъ смѣшаны въ царствѣ племена человѣческія, которыя однако жъ не сольются между собою, какъ глина не сливается съ желѣзомъ. *И во днехъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство, еже во вѣки не разсыплется, и царство Его людемъ инѣмъ не останется, истлитъ и развѣетъ вся царства, тое же станетъ во вѣки. Якоже видѣлъ еси, яко отсѣчеся отъ горы камень безъ рукъ, и истли глину*,

желѣзо, мѣдь, сребро, злато: Богъ великій возвѣсти царю, имѣже подобаетъ быти по сихъ: и истиненъ сонъ, и вѣрно сказаніе его (Дан. 2, 31 – 45). Знающимъ исторію не трудно усмотрѣть точнѣйшее оправданіе этого откровенія въ самыхъ событіяхъ. Но здѣсь нѣтъ нужды входить въ подробности; довольно указать на послѣднее царство, на которое имѣлъ пасть камень нерукосѣчный. Царство то было — римское. Ко временамъ пришествія Спасителя на землю почти весь тогдашній міръ соединился въ одну державу: Римляне покорили себѣ всѣ народы и владычествовали во всѣхъ частяхъ свѣта. Крѣпко, какъ желѣзо, казалось ихъ царство, но много было въ немъ скудѣльнаго, то есть, слабаго; все, повидимому, объединялось въ римской монархіи, но не сливались въ ней народы съ народами, какъ не сливается желѣзо съ глиною. Премудрый Промыслъ Божій далъ одному народу власть почти надъ всѣмъ міромъ для своей высокой цѣли: въ этомъ обширномъ царствѣ надлежало родиться Царю царей. Въ немъ надлежало распространиться вѣрѣ во Христа Спасителя; въ него, какъ въ огромное тѣло, надлежало вдохнуть новую жизнь. Сія новая благодатная жизнь, какъ вино новое, влитое въ мѣхи старые, должна была проторгнуть и проторгла ветхій сосудъ свой; но она разлилась по землѣ животворною силою, напоила родъ человѣческій, какъ жаждущую пустыню, возрастила сыновъ истинной вѣры,—и открылось на землѣ новое, вѣчное царство Божіе, то есть вселенская Церковь Христова. Такъ сокрушился истуканъ отъ Камня Нерукосѣчнаго; такъ развѣяны всѣ царства и утверждено одно-вѣчное!

Дивна дѣла твоя Господи! Зѣло углубишася помышленія Твоя! Только *мужъ безуменъ не познаетъ и неразумивъ не разумѣетъ* сего.

Братіе! Язычники, руководимые естественнымъ закономъ, преданіемъ и исторіею, приходили къ познанію единаго истиннаго Бога и приводились къ животворной вѣрѣ во Христа Спасителя: что же, если мы, надѣленные всѣми и естественными и благодатными средствами къ тому, чтобы жить вѣрою во Христа Искупителя нашего, чтобъ и мыслить, и желать, и чувствовать, и дѣйствовать, какъ подобаетъ сынамъ Отца небеснаго и собратіямъ самаго единороднаго Сына Божія, увлекаемся заблужденіями и страстями, неизвинительными и въ язычникахъ? Что, если мы и судимъ и желаемъ по язычески, и дѣлаемъ дѣла, нисколько не доказывающія христіанскаго духа и благодатнаго отрожденія въ насъ? Язычники были безотвѣтны, по ученію слова Божія, когда, *разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша, но осуетишася помышленіи своими и омрачися неразумное сердце ихъ* (Рим. 1, 20-21): что же мы будемъ отвѣчать предъ своею совѣстію, когда она раскроется,—предъ людьми, когда станемъ на судъ со всѣми поколѣніями человѣческаго рода, паче же всего предъ Богомъ, когда Онъ будетъ судить насъ за дѣла и помышленія наши,—что мы будемъ отвѣчать, если теперь живемъ ничѣмъ не лучше язычниковъ, если и вѣры въ сердцѣ, то есть, вѣры живой и дѣятельной, нѣтъ у насъ,—если и побужденія къ дѣятельности у насъ тѣже, что у людей плотскихъ, не знающихъ ничего выше земли, если и мысли и чувства наши, такъ сказать, прикованы къ нашему чреву и къ тому вообще, что не выше чрева,—если въ дѣлахъ нашихъ сказывается одно самолюбіе, одинъ земный расчетъ, или совершенная нерасчетливость и неразумная случайность?.....

Чаяніе языковъ, Господи Спасителю нашъ! Просвѣти насъ свѣтомъ разума твоего, и ожи-

ви пламенемъ любви твоей, *да будетъ родъ избранъ, царское священіе; языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстимъ изъ тмы насъ Призвавшаго въ чудный свой свѣтъ* (1 Петр. 2, 9). Аминь.

И непщевахъ разумѣти: сіе трудъ есть предо мною, дондеже вниду во святило Божіе (Псал. 72, 16. 17).

Иродъ на престолѣ, а Іоаннъ Креститель въ темницѣ; жестокосердый богатый веселится на вся дни свѣтло, а праведный Лазарь лежитъ предъ вратами его гноенъ... Подобныя картины не разъ случается встрѣчать каждому,—и всегда онѣ приводятъ созерцателя судебъ человѣческихъ къ одному и тому же вопросу, который высказалъ еще древній Пророкъ: *что яко путь нечестивыхъ спѣется? Угобзишася вси творящіи беззаконія* (Іер. 12, 1). Что же чувствуетъ тотъ, кому самому придется испытывать жребій Крестителя Господня или убогаго Лазаря или подобный имъ?

Пророкъ Божій сказываетъ о себѣ, что однажды, находясь въ подобномъ состояніи, онъ *возревновалъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря.* Страннымъ показалось ему, что тѣ, которые *помыслиша и глаголаша въ лукавствѣ, неправду въ высоту глаголаша, въ трудѣхъ человѣческихъ не суть и съ* прочими людьми не страждутъ, что нѣтъ имъ огорченій до самой смерти. Неиспытанные суды Господни и неизслѣдованные путіе Его до того показались ему удивительными, что *въ малѣ не подвижастася нозѣ его, въ малѣ не* поскользнулись *стопы его.* Итакъ если непостижимые судьбы Божіи въ распредѣленіи жребіевъ человѣческихъ на землѣ приводятъ въ недоумѣніе и колеблемость и святыхъ Божіихъ; то что сказать о насъ, не столько твердыхъ въ вѣрѣ, не столько преданныхъ Господу? Гдѣ же искать въ такихъ случаяхъ вразумленія для разума и утѣшенія для страждущаго сердца?

Собственный разумъ человѣка ненадежный руководитель въ сихъ случаяхъ: ибо суды Божіи неиспытани и путіе Его неизслѣдовани. Даже и при свѣтѣ откровенія Божія онъ едва можетъ успокоить самъ себя, и ни въ какомъ случаѣ не дастъ успокоенія страждущему сердцу. Гдѣ же искать его? Святый Пророкъ обрѣлъ его во святилищѣ Божіемъ: *сіе* (т. е. разсмотрѣніе и испытаніе того, отъ чего нечестивые благоденствуютъ, а праведники страждутъ) *трудъ есть предо мною, дондеже вниду во святило Божіе.*

Итакъ сюда обращайся, душа христіанская, въ скорбныя минуты жизни твоей: въ храмѣ Божіемъ найдешь отвѣтъ и на вопросы твоего разума, обрѣтешь успокоеніе и страждущему твоему сердцу. Тамъ *уразумѣешь* ты *послѣдняя* нечестивыхъ, познаешь, что и непостижимые для тебя суды Божіи благодѣтельны для тебя же; что Господь Богъ любы есть, а отъ любви не можетъ происходить ни чего, кромѣ милости и благъ для насъ; что десница Господня, и наказуя насъ, любитъ насъ... *Господь во храмѣ святѣмъ своемъ*: Онъ дастъ ощутить тамъ благодатное свое присутствіе и твоему сердцу; и тогда, какія бы бѣдствія ни угрожали тебѣ, какія бы смущенія ни обуревали тебя, они не приведутъ въ безотрадное уныніе сердца твоего, не поколеблютъ упованія твоего: ибо съ Господомъ, *аще пойдемъ и посредѣ сѣни смертныя, не убоимся зла* (Псал. 22, 4).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 23-го Ноября 1858 года.
Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 40.

НЕДѢЛЯ СВ. ОТЕЦЪ.

ПРЕДЪ РОЖДЕСТ. ХРИСТОВЫМЪ.

21 Декабря 1858 г.

Глас ъ 7-й.

На утрени: евангеліе воскресное 10-е, Іоан. зач. 66. На Литургіи: апост. Евр. зач. 328, евангеліе Мат. зач. 1.

СИНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИСИДОРА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ГАЛИЦКАГО И СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТА КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

СЛОВО

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ УПРАВЛЕНІЕ СВЯТОЮ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЮ УСПЕНСКОЮ ЛАВРОЮ (*).

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВ. ДУХА. АМИНЬ.

Миръ вамъ, возлюбленные отцы и братія!

Шестнадцать лѣтъ назадъ, Господь сподобилъ меня, въ семъ боголѣпномъ храмѣ соединить недостойныя молитвы мои съ молитвами вашими. Ничѣмъ тогда не озабоченный, кромѣ желанія обрѣсти для души своей духовный плодъ въ благодатной обители Царицы небесной, соутѣшитися вѣрою вашею и поклониться святымъ мощамъ великихъ угодниковъ Божіихъ, пріосѣняющихъ мѣсто сіе молитвами своими и славою чудесъ своихъ, я стремился сюда, яко елень на источники водныя, и радость, почерпнутую въ семъ источникѣ, хранилъ въ сердцѣ какъ даръ отъ Отца свѣтовъ.

Господу и Богу нашему Іисусу Христу благоугодно было, паки послать меня къ вамъ и облечь мое недостоинство званіемъ пастыря Кіевской паствы и святыя Лавры.

Смутился духъ мой, услышавъ, что рекъ о мнѣ Господь мой, — и тяжелая забота пала на сердце. Идти — не съ посохомъ путника, а съ жезломъ пастыря — на мѣсто, освященное красными стопами первозваннаго Апостола и подвигами Равноапостольнаго Владиміра, просвѣтившаго вѣрою Христовою все

(*) Произнесено въ большой лаврской церкви 5 Ноября 1858 года.

отечество наше, — пріять на слабыя рамена бремя служенія Церкви, благодатію Божіею толико прославленной, и святой Лаврѣ, сіяющей славою чудесъ и равноангельскаго житія дивныхъ подвижниковъ вѣры и благочестія, — взойти на сію гору Господню и стать на мѣстѣ святѣмъ, которое занималъ недавно оплаканный признательною паствою великій Святитель, свѣтомъ слова и подвиговъ, теплотою любве и благотвореній живущій въ сердцахъ духовныхъ чадъ своихъ, — повѣрьте, братія, — это нелегко, это страшно и для духа, болѣе крѣпкаго и опытнаго. При сознаніи своихъ немощей и грѣховности, вступая во дворы Господни, я какъ бы слышалъ отовсюду претящій гласъ почивающихъ здѣсь угодниковъ Божіихъ: *друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна?*

Вѣмъ, братія, яко нѣсмь достоинъ, внити въ богосвѣтлый чертогъ Царицы небесной и стать на мѣстѣ святѣмъ Ея. Глубоко чувствую и сокрушаюсь сердцемъ, что не могу замѣнить вамъ потерю пастыря и отца, озарявшаго вамъ путь спасенія во дни свѣтенія своего и еще болѣе просіявшаго въ честнѣмъ успеніи своемъ.

Но не своею волею, а устроеніемъ Божіимъ, пріидохъ къ вамъ. *Азъ же кто есмь могій возбранити Бога* (Дѣян. 11, 17)! *Волѣ Его кто противитися можетъ?* (Рим. 9, 19). *Дверьми внидохъ во дворъ овчій*, — и — да проститъ мнѣ почившій добрый пастырь! — не вопреки его желанію.

Призывая благословеніе Господа и Бога нашего Іисуса Христа на врученную отъ Него святую обитель сію, молю васъ, споспѣшествовать мнѣ молитвами вашими, да подастъ Господь скудости моей слово и разумъ, послужити вашему спасенію.

Толикъ имуще облежащь насъ облакъ свидѣтелей добраго исповѣданія вѣры и проповѣдниковъ благочестія, не столько словами, сколько жизнію поучающихъ, что есть благоугодно Богови, мы должны только, *гордость всяку* и самонадѣянность *отложше*, со смиреніемъ и простотою вѣры всматриваться въ сіи свѣтлые образы истиннаго и всецѣлаго самоотверженія, безусловнаго послушанія, неусыпнаго бодрствованія надъ самими собою, неутомимаго трудолюбія, совершеннѣйшаго цѣломудрія и смиренномудрія, братолюбнаго взаимнаго подкрѣпленія въ борьбѣ съ своими страстями и злокозненными врагами нашего спасенія, и совокуплять всѣ сіи достоподражаемыя черты христіанскаго подвижничества въ единый высочайшій образъ духовнаго совершенства, *взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса* Христа Господа нашего.

Поистинѣ мы были бы безотвѣтны предъ Богомъ и своею совѣстію, если бы, при такомъ обиліи свѣта, блуждали во тьмѣ невѣденія, влающеся всякимъ вѣтромъ ученія. Подъ покровомъ Царицы небесной, въ сердцѣ сей горы Господней, Промыслъ Божій собралъ цѣлый ликъ духовныхъ учителей вѣры и благочестія, — и Самъ споспѣшествуетъ безмолвной ихъ проповѣди послѣдствующими знаменьми нетлѣнія мощей ихъ и чудодѣйственнымъ врачеваніемъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ! Неизреченна благость Его къ намъ грѣшнымъ, поставляющая предъ очами нашими сіи свѣтильники, да свѣтятъ всѣмъ, ближнимъ и дальнимъ! Хощете ли научиться мудрости, свыше нисходящей? — Свѣтъ ихъ озаритъ и умъ и сердце ваше. Ищете ли пути къ царствію Божію? — Не пролагайте себѣ новыхъ путей по мыслямъ вашимъ: *подражатели имъ бывайте, какъ они Христу*. Разслабляется ли духъ унынiемъ или сомнѣніями? Прибѣгайте къ симъ врачамъ безмездным, — и они под-

крѣпять васъ благодатною силою и молитвами своими. Обуревается ли сердце страстями и грѣховными помыслами? Падите предъ св. ихъ мощами, — излейте предъ ними скорбь свою, исповѣдуйте немощь свою, — и вѣрьте, что они не укоснятъ пріити къ вамъ на помощь, расторгнутъ сѣти вражіи, умиротворятъ сокрушенное сердце и тревожную совѣсть. Они сами прошли тѣмъ же путемъ искушеній. Они знаютъ недуги наши лучше насъ самихъ. Никакія ухищренія міродержителей тьмы вѣка сего не укроются отъ свѣтлыхъ очей ихъ. Имъ дана благодать молиться за ны и помогать намъ въ нуждахъ и скорбѣхъ нашихъ. А любовь ихъ къ немощнымъ земнымъ братіямъ, странствующимъ въ юдоли бѣдъ и скорбей, ручается намъ, что во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни, прибѣгающіе къ ходатайству и заступленію ихъ, не лишатся покровительства, вразумленія, утѣшенія и подкрѣпленія.

Къ симъ-то богомудрымъ наставникамъ и земнымъ ангеламъ — помощникамъ нашимъ мы будемъ обращаться, вмѣстѣ съ вами, и искать въ ихъ богоугодномъ житіи и душеполезныхъ изреченіяхъ правила для собственной жизни и служенія Господеви.

Душею и сердцемъ молю преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ чудотворцевъ Печерскихъ, да помогутъ мнѣ, управити земную обитель ихъ во славу всесвятаго имени Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и пречистыя Матери Его и во спасеніе братій моихъ.

Миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да вселяется богатно въ сердца ваша, во еже служити вамъ Богу живу и истинну. **Аминь.**

РѢЧЬ

ПРИ ВСТРѢЧѢ ВЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ, СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИСИДОРА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ГАЛИЦКАГО И СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТА КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ (*).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ.

Шестнадцать лѣтъ тому, святая Лавра имѣла утѣшеніе встрѣчать Тебя въ стѣнахъ своихъ, какъ смиреннаго богомольца и благоговѣйнаго поклонника своей святыни. Назидательно и отрадно намъ было тогда видѣть твои слезныя предстоянія и молитвы у престола Божія въ семъ, небеси подобномъ, храмѣ Богоматери, и твои теплыя колѣнопреклонныя мольбы предъ святыми гробами преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ, сіяющихъ и до нынѣ всему міру нетлѣніемъ тѣлесъ своихъ и благодатію чудотворныхъ исцѣленій. Глубоко трогательны и поучительны были для насъ и то высокое уваженіе, та, можно сказать, благоговѣйная сыновняя почтительность и любовь, съ которыми Ты относился тогда къ приснопамятному нашему отцу, а твоему предмѣстнику, праведному во святителехъ Божіихъ Филарету. Незабвенно и твое тогдашнее хожденіе среди спасающагося здѣсь братства, — кроткое, благостное, братолюбное и истинно-отеческое. Вѣдомы намъ твои пастырскія миротворныя и многоплодныя хожденія и въ другихъ странахъ, которыя преемственно ввѣряла Тебѣ, милостію Божіею, Воля Державная. Гдѣ ни былъ Ты, всюду оставлялъ по себѣ, какъ говорилъ и въ Бозѣ почившій Архипастырь, память пастыря учительнаго, благоговѣйнаго и любвеобильнаго. »Любите Христа, любите другъ друга, — вотъ твое завѣтное, еще недавнее прощальное слово одной изъ

(*) Произнесена Намѣстникомъ Лавры, архимандритомъ Іоанномъ 31 Октября 1858 года.

любимѣйшихъ паствъ твоихъ, для которой Ты много и паче многихъ потрудился... И кто не отзовется любовію на этотъ голосъ любви твоей ко Христу и Христовымъ?

Такъ, дражайшій Архипастырь, и не бывши твоими, мы любили уже не рѣдко вспоминать о Тебѣ съ благоговѣніемъ и любовію!— Тѣмъ съ большею радостію, тѣмъ съ живѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія, любви и преданности къ Тебѣ, встрѣчаемъ Тебя нынѣ, яко своего Священно-Настоятеля и Владыку. Гряди, святитель Божій, съ миромъ и благословеніями въ обитель мира и благословеній! — Не одни мы пріемлемъ Тебя здѣсь. Вѣруемъ, что сама пресвятая Богородица (*) съ сонмомъ преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ невидимо предстоитъ здѣсь и осѣняетъ Тебя и насъ своимъ матернимъ покровомъ и благословеніемъ, и потому мы предстоимъ Тебѣ, какъ дѣти отцу, безъ страха и смущеній: ибо страха нѣсть въ любви, и гдѣ благоговѣніе и вѣра, тамъ нѣтъ смущеній... Да не смущается ничѣмъ и твое сердце о насъ, Владыко святый. Въ святомъ мѣстѣ, благодатію Божіею все стройно, чинно и свято. И глубоко чувствуя эту явную къ намъ милость Божію, наши души и сердца жаждутъ теперь одного: въ семъ дивномъ селеніи Божіей Матери скорѣе вознести вмѣстѣ съ Тобою, Архипастырь нашъ, радостныя, благодарныя молитвы къ Господу во первыхъ—за то, что, не смотря на годичное почти сиротство наше, въ мирной обители все было мирно и благопоспѣшно; а во вторыхъ и за то, что, послѣ долгихъ томительныхъ ожиданій, мы наконецъ имѣемъ радость видѣть Тебя лицомъ къ лицу и лобызать сыновнѣ твою благословляющую насъ руку.

(*) При произнесеніи сихъ словъ Архипастырь съ благоговѣніемъ перекрестился.

О ПРИГОТОВЛЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО КЪ ПРИШЕСТВІЮ СПАСИТЕЛЯ.

БЕСѢДА 6-я.

О СОСТОЯНІИ ДРЕВНЯГО МІРА ВЪ БЛИЖАЙШІЯ ВРЕМЕНА ПРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ И ПО РОЖДЕСТВѢ ХРИСТОВОМЪ.

Еще мало, елико елико, Грядый пріидетъ, и не укоснитъ (Евр. 10, 37). Еще нѣсколько дней, и мы, если Богъ благословитъ, будемъ праздновать великое и преславное таинство Рождества Христова. И слово наше приблизилось ко временамъ явленія на землю обѣтованнаго Искупителя, Чаянія Израиля и языковъ, Упованія всего міра. Что же? Какой плодъ принесло долговременное приготовленіе рода человѣческаго къ пришествію Спасителя? Какъ оправдались попеченія Промысла небеснаго о людяхъ, руководимыхъ Имъ къ срѣтенію Избавителя отъ грѣха и смерти? Чтобъ отвѣчать на это ясно и правильно, укажемъ хотя кратко на состояніе древняго міра въ ближайшія времена предъ рождествомъ и по рождествѣ Христовомъ, и этимъ заключимъ бесѣды наши, благодаря Господа Бога за то, что Онъ даровалъ сказать намъ предъ вами, братіе, и прося вашего снисхожденія къ немощи нашего слова, безсильнаго исповѣдать премудрость и благость небеснаго Промыслителя, а между тѣмъ продолжительностію своею утомившаго, можетъ быть, вниманіе ваше.

Исторія древняго міра, въ послѣднія времена его, представляетъ намъ два совершенно противоположныя явленія въ родѣ человѣческомъ, одно чрезвычайно свѣтлое и отрадное, другое чрезвычайно мрачное и печальное, именно: съ одной стороны, высокое, достойное благодатныхъ временъ, благочестіе въ избранныхъ Божіихъ и вообще спасительную жажду истины и добра въ луч-

шей части человѣческаго рода, съ другой— крайній упадокъ духовный, крайнее изнеможеніе нравственное въ худшей части человѣчества, жившей безъ вѣры и упованія на Бога. То и другое ясно показываетъ намъ, что приспѣло тогда время отъ вѣчности предопредѣленнаго явленія Сына Божія на землю.

1) Взглянемъ сперва на свѣтлую сторону тогдашняго міра. Чѣмъ ближе подходило время пришествія на землю Господа Искупителя; тѣмъ живѣе и сильнѣе выражались желаніе и чаяніе Его пришествія. Еще во времена Маккавеевъ былъ въ Іудеи такой случай, что народъ и жрецы, избравши одного первосвященника, положили прямо, что онъ будетъ исправлять служеніе свое, пока явится Обѣтованный: *Іудеи и жрецы благоволиша быти Симону вождемъ и архіереемъ во вѣкъ, дондеже востанетъ Пророкъ вѣренъ* (1 Мак. 14, 41). А предъ самымъ Рождествомъ Христовымъ по всему міру распространилось ожиданіе необыкновенной перемѣны и новаго порядка вещей въ свѣтѣ. Но явленіе Спасителя на землю было таково, что самые чаявшіе могли не узнать исполненія ихъ надеждъ. Надѣялись вообще узрѣть нѣчто торжественное, славное, блистательное для всего міра; а Господь Искупитель нашъ явился въ самомъ смиренномъ и уничиженномъ видѣ. Потребна была великая вѣра, высокое просвѣщеніе духовное, чтобы пріять рождаемое въ нищетѣ и убожествѣ Отроча, какъ Господа Искупителя и Спасителя міра. И обрѣлась такая вѣра. Въ комъ и гдѣ?— Первѣе и выше всего—въ пречистой и преблагословенной Матери Господа Спасителя. »Если, какъ учитъ Апостолъ, вѣрою вселяется въ сердца Христосъ (Еф. 3, 17), уже приблизившійся къ человѣчеству и пріобщившійся онаго воплощеніемъ: то колико превосходнѣйшая и крѣпчайшая вѣра потребна была Дѣвѣ Маріи, дабы первоначально воплощеніемъ вселился въ Нее Сынъ Божій, такъ еще не близкій къ человѣчеству и по недоступной ни для какой твари высотѣ своего Божества, и по причинѣ средостѣнія, которое грѣхъ поставилъ между Богомъ и человѣчествомъ. И обрѣлась въ Ней такая вѣра, и содѣлала для Нея возможнымъ чистое и совершенное послушаніе, призванію непостижимому послушаніе безъ сомнѣнія, призванію безпримѣрно высокому послушаніе безъ превозношенія«! (Слов. Фил. М. М. на Благовѣщеніе Пресв. Богор.). Будемъ ли считать, братіе, столѣтія и тысячелѣтія, когда дѣло идетъ о приготовленіи такого избраннаго сосуда святости? И самая вѣчность не представитъ другаго сотвореннаго существа выше честнѣйшей Херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія Серафимъ!— Обратите взоръ и на другія лица, срѣтившія Христа Спасителя съ чистою вѣрою. Праведный Іосифъ, *не убоявшійся пріять Маріамъ жены своей*, какъ скоро ему возвѣщено было, что *рождшееся въ Ней отъ Духа есть Свята*, пастыри виѳлеемскіе и волхвы персидскіе, поклонившіеся Отрочати въ яслѣхъ, яко истинному Спасу міра, Симеонъ, срѣтившій во храмѣ Младенца Господа и исповѣдавшій въ Немъ *свѣтъ во откровеніе языковъ и славу Израиля*, великій Предтеча Христовъ, болій котораго не воста въ рожденныхъ женами, засвидѣтельствовавшій объ Агнцѣ, вземлющемъ грѣхи міра,—вотъ первые послѣдователи воплотившагося Господа, одни, послужившіе самой тайнѣ Его воплощенія, другіе, проповѣдавшіе сію тайну и указавшіе на пришедшаго Спасителя міру, всѣ мужи высокой вѣры и благочестія, вполнѣ достойные открывшихся временъ благодати.

Далѣе, когда Господь вступилъ на торжественное служеніе свое, Онъ обрѣлъ учениковъ, способныхъ сдѣлаться изъ рыбарей

ловцами человѣковъ, изъ неученыхъ учителями вселенной, изъ бѣдныхъ раздаятелями сокровищъ благодати. И вообще, многіе изъ народа, оставивши земныхъ учителей, обратились къ Учителю небесному, и *въ сладость* слушали ученіе Его, и вѣровали въ Него, какъ въ Обѣтованнаго Мессію.

Наконецъ, по вознесеніи Господнемъ на небо, апостолы быстро обтекли вселенную и чрезъ нѣсколько лѣтъ во всѣхъ странахъ міра насаждены были церкви Христовы, процвѣтавшія новыми, необычайными для міра, добродѣтелями. Кому не извѣстно, съ какою вѣрою, чистотою, любовію и ревностію первенствующіе христіане служили Господу Спасителю своему, *вмѣняя вся въ уметы* ради пріобрѣтенія благодати Христовой? Церковь на землѣ была видимымъ раемъ и члены ея — земными ангелами!

Не очевидно ли изъ этого, что нива для сѣмени благодатнаго ученія была удобрена, и небесный Сѣятель во-время пришелъ насадить на землѣ новый духовный эдемъ, вмѣсто давно утраченнаго нами рая вещественнаго.

2) Посмотримъ теперь и на другую сторону того же міра. Умственно — религіозное и нравственное состояніе людей того времени, чуждыхъ истинной вѣры, представляется въ самомъ безотрадномъ видѣ. Перешедши различныя степени образованія, переиспытавши многообразные способы къ познанію истины, какого сознанія и убѣжденія достигъ наконецъ разумъ? Какимъ знаніемъ обладали, во что вѣрили, на какой надеждѣ успокоивались тогда люди просвѣщенные, представители современнаго образованія? — Отвѣтъ самый печальный. Разумъ отказался наконецъ отъ всякаго знанія, оставивъ при себѣ одно пагубное убѣжденіе въ томъ, что ничего нельзя знать несомнѣнно. Потерявъ такимъ образомъ довѣріе не только къ религіи языческой и къ знаменитымъ мыслителямъ прежнихъ временъ, но и къ себѣ самому, онъ отказался отъ всякой надежды и на будущее и горько сталъ издѣваться надъ самыми попытками узнать истину. Духъ всесомнѣнія, зародившійся въ греческихъ мыслителяхъ еще за 300 лѣтъ до Р. Х., въ Римѣ вѣка Августова, когда и родился Господь Іисусъ Христосъ, и послѣдующихъ за нимъ вѣковъ сдѣлался господствующимъ и, что всего пагубнѣе, изъ науки перешелъ въ самую жизнь. Только чернь оставалась при идолослуженіи; только нѣкоторые изъ образованныхъ старались держаться правилъ доступной имъ нравственности; но вообще, люди, вышедшіе изъ черни, отличались или совершеннымъ равнодушіемъ ко всякой религіи и нравственности, или злобнымъ преслѣдованіемъ всего, что имѣло, по крайней мѣрѣ, нѣкоторый видъ благочестія и правды, или безсиліемъ совладѣть съ ужаснымъ сомнѣніемъ. Такимъ образомъ у язычниковъ не осталось ни религіи, ни философіи: мнимое просвѣщеніе ихъ вело къ совершенному невѣрію и безнравственности. Взглядъ на жизнь — у тѣхъ, кто имѣлъ этотъ взглядъ, а даже и имѣть его хотѣли не очень многіе — былъ такъ мраченъ, что оставалось или отпраздновать ее, сколько можно, беззаботнѣе и веселѣе, не разбирая средствъ къ этому и не думая ни о чемъ дальше грубыхъ, чувственныхъ наслажденій, какъ и дѣлали римскіе эпикурейцы, или прекратить ее самовольно, при первомъ къ тому случаѣ, какъ учили римскіе стоики. Во всякомъ случаѣ приходилось желать смерти съ ужасною надеждою на вѣчное уничтоженіе. И многіе, по видимому, изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ язычниковъ открыто высказывали такое желаніе и такую надежду: »одна только смерть, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — можетъ вознаградить насъ за несчастіе рож-

денія; но что пользы въ ней, если она поведетъ къ безсмертію! Довольно для насъ и того несчастія, что мы родились; уже ли мы не можемъ надѣяться на счастіе уничтожиться«! (Плин. въ естеств. исторіи).

Здѣсь не мѣсто входить въ ученыя доказательства на печальную истину всего, что сказано нами, братіе. Кто хочетъ и можетъ, тотъ самъ прочтетъ объ этомъ у безпристрастныхъ изслѣдователей указаннаго времени. Но укажемъ на то, что въ самомъ св. Писаніи свидѣтельствуетъ о такомъ состояніи древняго міра, въ послѣдніе вѣка его... Въ Евангеліи краткою, но поразительною чертою отмѣчена послѣдняя степень упадка вѣры и мысли въ тогдашнее время. При нечестивомъ судѣ надъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, римскій намѣстникъ — Пилатъ, услышавъ отъ Господа объ *истинѣ*, явно презрительнымъ тономъ произнесъ: *что есть истина!* Это не вопросъ: Пилатъ и не ждалъ и не требовалъ отвѣта; это — отрицаніе всякой истины. Страшный смыслъ сихъ словъ, очевидно, такой: »ты сказалъ *объ истинѣ*, за которую идешь даже на страданія... Суевѣрные еще спорятъ, преслѣдуютъ и терпятъ за истину. Но кто говоритъ объ ней, тотъ самъ не знаетъ, что говоритъ. Всякій по своему понималъ ее, а теперь люди умные перестали и спорить за нее«... Пилатъ, римскій отпущенникъ, воспитанъ былъ въ правилахъ римскаго образованія и на сей разъ является римскимъ представителемъ грекоримскаго невѣрующаго міра, который самъ такимъ образомъ торжественно созналъ и безсознательно исповѣдалъ крайнюю немощь свою предъ неузнаннымъ еще Врачемъ міра. Съ другой стороны, Саддукеи, люди всѣ почти богатые и знатные, напитаны были тѣмъ же духомъ всесомнѣнія, разлившимся изъ Рима: они отвергали безсмертіе души, а съ отверженіемъ сей истины какою истиною будетъ дорожить человѣкъ! Наконецъ, въ первой главѣ посланія св. ап. Павла къ Римлянамъ представляется картина страшно испорченной природы въ язычникахъ.

Не ясно ли, послѣ этого, что человѣка не льзя было уврачевать обыкновенными средствами? Разувѣрившись во всемъ, гдѣ могъ найти онъ средство къ освобожденію отъ своего всесомнѣнія и что оставлялъ въ наслѣдство грядущимъ поколѣніямъ? Потребенъ былъ не человѣческій умъ, чтобы разсѣять такую ужасную мглу. Истина сама, свыше, должна была осіять землю. Потребна была не человѣческая сила, чтобъ исцѣлить людей отъ смертельной болѣзни: одна десница Божія могла возставить человѣка. И *въ послѣдокъ дній сихъ Богъ возглаголалъ* чрезъ единороднаго Сына своего, который снисшелъ на землю, *да животъ имутъ* люди *и лишше имутъ*.

Если прошедшее, братіе, должно служить вѣрнымъ и назидательнымъ урокомъ для настоящаго и будущаго; то что слѣдуетъ изъ всего вообще, мысленно пройденнаго и обозрѣннаго нами? — *Воззрите на древніе роды, и видите, кто вѣрова Господеви, и постыдѣся; или кто пребысть въ страсѣ Его, и оставися; или кто призва Его, и презрѣ и* (Сир. 2, 10). Посмотрите и на роды невѣрные, преданные Богомъ въ *страсти безчестія и въ неискусенъ умъ изворити неподобная*, къ чему привело ихъ невѣріе и нечестіе? Тотъ и другой опытъ не должны проходить для насъ даромъ.

Вѣра Христова — первое и неоцѣнимое сокровище наше; безъ нея нѣтъ и не можетъ быть ни радости, ни жизни на землѣ. Мы обладаемъ этимъ сокровищемъ: но такъ какъ оно даровано намъ туне; то не всегда понимаемъ и чувствуемъ цѣну его. Мы живемъ вѣрою, и не довольно сознаемъ, что безъ

нея жить невозможно. Такъ мы пользуемся свѣтомъ, воздухомъ, теплотою,—и мало думаемъ о томъ, что не льзя было бы видѣть безъ свѣта, дышать безъ воздуха, ощущать жизнь и способность къ дѣятельности безъ теплотворной стихіи въ природѣ. Чѣмъ мы не обязаны вѣрѣ? Не говоря уже о чисто духовной жизни, которой и начатковъ не можетъ быть безъ истинной вѣры,—въ жизни болѣе видимой и обыкновенной всякое благо наше истекаетъ изъ вѣры какъ изъ одного главнаго источника. Наши науки и искуства отъ вѣры получили новое, высшее направленіе; нашъ образъ жизни, учрежденія общественныя и частныя, отношенія другъ къ другу, отъ вѣры заимствовали все то, что есть въ нихъ истинно благороднаго, превосходнаго и достойнаго человѣка; наши обыкновенныя понятія о вещахъ, наши общія и дѣтямъ не чуждыя свѣдѣнія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, все это, что теперь дается намъ такъ легко и чего никакими усиліями, въ цѣлыя тысячи лѣтъ, не могъ выработать себѣ разумъ, все это—даръ вѣры Христовой. Какое безконечное различіе между міромъ языческимъ и христіанскимъ въ отношеніи къ самымъ простымъ явленіямъ и законамъ жизни нашей! Между тѣмъ, христіане выказываютъ иногда такую неблагодарность животворной вѣрѣ своей, что вздыхаютъ о мнимыхъ благахъ языческой жизни....

Впрочемъ, это, можетъ быть, не относится прямо ни къ кому изъ слушающихъ; но многіе ли и изъ насъ сознаютъ, какъ должно, и чувствуютъ благодѣянія вѣры нашей? Думаемъ, что сердце каждаго изъ насъ страшно содрогнулось бы при одномъ представленіи, что мы не христіане, что у насъ нѣтъ Христа Искупителя, что мы не знаемъ, можно ли, угодить Богу и надѣяться на милости Его въ вѣчности: не такъ ли это? Но тѣмъ не менѣе на дѣлѣ, среди суеты житейской, среди мелочныхъ разсчетовъ о завтрешнемъ днѣ, въ обыденныхъ занятіяхъ и заботахъ, мы постоянно забываемъ о высокомъ званіи своемъ и едва ли не менѣе всего заботимся о томъ, чтобы хотя сколько нибудь быть достойными своего званія.

»Быть сколько нибудь достойными своего званія«?—Это значитъ: быть сколько нибудь христіанами! Ахъ, ужели одно это слово не способно привести насъ въ крайній стыдъ и страхъ?—*Что нибудь сдѣлать* для Господа Іисуса Христа, *все для насъ сдѣлавшаго* и не перестающаго *все дѣлать* для насъ? По видимому, такъ совершенно невозможно думать и поступать христіанину; а между тѣмъ христіанинъ думаетъ и поступаетъ иногда гораздо хуже, то есть, не старается и о томъ, чтобы хотя сколько нибудь быть, не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, христіаниномъ. О, когда бы это не объ насъ говорилось, братіе! Но лучше сознать дѣло, какъ оно есть, и позаботиться сдѣлать лучше, чѣмъ какъ оно дѣлается, нежели устранять отъ себя обличеніе. Пусть собственная совѣсть скажетъ каждому, каковъ онъ христіанинъ; а мы скажемъ, почему, между прочимъ, христіанинъ часто забываетъ о преимуществахъ и обязанностяхъ своего званія.

—Потому, главнымъ образомъ, какъ и замѣчено уже нами, что неизреченные дары Божіи сдѣлались для насъ очень обыкновенны, что мы не чувствуемъ ихъ необходимости и важности, пользуясь ими, какъ бы наслѣдственнымъ, безпрекословно принадлежащимъ намъ достояніемъ. Посмотрите же, какъ цѣнили ихъ первенствующіе христіане; посмотрите и на то, каково было безъ нихъ древнему язычеству, которое рядомъ вѣковыхъ опытовъ должно было дознать всю ненадежность и суетность собственныхъ усилій къ самоисправле-

нію, самоусовершенію и самообланженствованію. Ужели мы желали бы и надъ собою повторить эти опыты? Но другаго воплощенія Сына Божія для насъ не будетъ; а будетъ второе пришествіе Его на землю *судити живыхъ и мертвыхъ*. И если въ первый разъ, когда Онъ *приходилъ взыскати и спасти погибшее*, явленіе Его было для многихъ *страшнымъ судомъ*; то каково будетъ второе пришествіе Его на землю для тѣхъ, кои не захотѣли воспользоваться плодами перваго снисхожденія Его для грѣшнаго рода человѣческаго!

Мы привыкаемъ и къ обѣтованіямъ и къ угрозамъ Божіимъ, не цѣнимъ первыхъ и не боимся послѣднихъ: это — страшное зло. Господь самъ пробуждаетъ насъ иногда отъ такого усыпленія небесными карами: тогда мы обращаемся къ Нему, исповѣдуемся предъ Нимъ, взываемъ къ Его милосердію и чувствуемъ, *какое благо быть христіаниномъ*. Но проходятъ явленія видимаго гнѣва Божія, и мы снова впадаемъ въ равнодушіе ко всему, что превышаетъ земныя, житейскія выгоды наши. Св. Церковь призываетъ насъ, какъ сыновъ своихъ, къ молитвѣ, славословію, благодаренію, торжеству духовному: а у насъ нѣтъ ни охоты къ молитвѣ, ни расположенія къ славословію Бога, ни чувствъ благодарности, ни готовности къ духовному празднованію свѣтлыхъ праздниковъ Божіихъ. Почему? Потому, что все духовное намъ представляется не такъ нужнымъ, какъ вещественное; потому что, когда у насъ мало пищи, или одежды, или денегъ, — мы слишкомъ ясно понимаемъ и видимъ это; но что нужно для духовной жизни, нужна ли пища, одежда и другое что для души, объ этомъ мы не помышляемъ. О суета! Сколько жалобъ слышится на нее не отъ однихъ проповѣдниковъ, но и отъ всѣхъ насъ; а между тѣмъ мы постоянно такіе же рабы ея! Кажется, мы шутимъ, повторяя иногда сіи жалобы. Кажется, духовный человѣкъ нашъ есть или нѣчто вымышленное, или, по крайней мѣрѣ, не требующее никакихъ о себѣ попеченій. Странно и прискорбно: что есть въ насъ собственно человѣческаго, богоподобнаго, вѣчнаго, — о томъ мы не заботимся; а что обще намъ съ животными, на то обращаемъ всѣ наши попеченія. Стараясь жить удобнѣе, довольнѣе и изящнѣе, мы, конечно, обнаруживаемъ этимъ свое превосходство предъ нисшими насъ живыми существами, но вмѣстѣ съ тѣмъ исключительною заботливостію о семъ мы свидѣтельствуемъ, какъ будто мы одного рода съ ними и только лучше ихъ умѣемъ удовлетворять одинаковымъ въ существѣ и общимъ съ ними потребностямъ. Достоинъ ли называться не только христіаниномъ, но и человѣкомъ, тотъ, кто думаетъ и заботится объ одномъ удовлетвореніи животной природѣ своей!

Очевидно, что требуется отъ насъ, братіе, для того, чтобы выйти изъ такого постыднаго состоянія. Надобно чаще и больше размышлять о нашемъ званіи, какое даровано намъ во Христѣ Іисусѣ, о тѣхъ духовныхъ благахъ, какія дарованы намъ вѣрою Христовою. Когда мысли сіи не согрѣваютъ души и сердца нашего, надобно молиться и молитвою привлекать всеоживляющій духъ благодати. Когда молитва неуспѣшна, надобно прибѣгать въ домъ молитвы, въ церковь Божію, и здѣсь почерпать оживотворяющую силу молитвы. Много средствъ у христіанина не только пробуждать себя отъ усыпленія духовнаго, но и постоянно соблюдать себя трезвымъ отъ суетныхъ мыслей и чувствъ, и если мы безпрестанно впадаемъ въ дремоту нравственную, то потому, что недовольно пользуемся этими средствами. Сегодня вы сократили обычную молитву? — Завтра вы еще болѣе сократите ее, а потомъ, можетъ быть,

и оставите. Сегодня вы позже пришли въ храмъ Божій? Въ другой разъ придете еще позже, а потомъ не постыдитесь и совсѣмъ не бывать въ храмѣ. Сегодня вы предались необходимымъ заботамъ житейскимъ и чрезъ нихъ опустили дѣла благочестія? Завтра заботы ваши еще умножились, занятій представилось больше, а потомъ онѣ овладѣли вами всецѣло, и попеченія о высшихъ потребностяхъ духа совершенно оставлены вами. Такъ обыкновенно спускаемся мы все ниже и ниже въ духовно-нравственной жизни нашей, и становимся наконецъ только по имени христіанами.

Будемъ же крайне осторожны въ обращеніи съ тѣмъ, что вообще въ словѣ Божіемъ называется міромъ. Не позволимъ и самымъ необходимымъ и, въ своемъ родѣ, важнымъ дѣламъ и заботамъ житейскимъ овладѣвать нами до того, чтобъ не оставалось въ насъ мѣста живой мысли о служеніи Богу и живымъ чувствамъ благоговѣнія, благодарности и любви къ Господу Искупителю нашему. Ни на минуту не будемъ забывать, что сдѣлалъ для насъ, чѣмъ ущедрилъ насъ Господь, благоволившій содѣлаться ради насъ человѣкомъ, чтобы человѣка возвысить до божественной славы и блаженства. Еще разъ представьте, каково было положеніе незнавшихъ Бога и не имѣвшихъ истинной вѣры язычниковъ въ послѣднія времена предъ духовнымъ обновленіемъ міра, чтобъ утвердить въ себѣ сознаніе всей благотворности вѣры Христовой и пользоваться благами ея съ достойнымъ благодареніемъ за благодѣянія. Близъ день свѣтлаго торжества Церкви. Древнему міру необходимо было цѣлыя тысячи лѣтъ готовиться къ сему празднику; а мы можемъ и должны быть всегда готовы къ нему. Не *посрамимъ* же *радости* духовной, чтобъ не лишиться на всю жизнь и на всю вѣчность всякой радости: ибо *нѣсть радоватися нечестивымъ*.

Грядый свыше Господи Спасителю нашъ! Пріиди и вселися въ ны и спаси души наша! Аминь.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 1-го Декабря 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 41.

НЕДѢЛЯ ПО РОЖДЕСТВѢ ХРИСТОВОМЪ.

28 Декабря 1858 г.

Гласъ 8-й.

На утрени: евангеліе воскресное 11-е, Іоан. зач. 67. На Литургіи: апост. Гал. зач. 200, евангеліе Матѳ зач. 4.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Съ нами Богъ!

Сею священною пѣснію уже не разъ святая Церковь оглашала слухъ нашъ въ настоящій праздникъ, — потому, безъ сомнѣнія, что въ семъ краткомъ, но многознаменательномъ возгласѣ заключается все настоящее торжество. *Съ нами Богъ!* — вотъ сущность настоящаго празднества; *съ нами Богъ!* — вотъ причина нашей радости въ настоящее празднество. — Итакъ, внимая гласу святой Церкви, »пріидемъ, возрадуемся Господеви«, по ея же указанію, „настоящую тайну сказующе,“ — сказующе не съ тѣмъ, чтобы удовлетворить праздное любопытство, а для того, чтобы достойнымъ Бога образомъ возрадоваться Господеви, для того, чтобы радость настоящаго празднества содѣлать чистою и святою, благоннотворною и спасительною радостію о Господѣ.

Съ нами Богъ! — И прежде Господь былъ всегда близъ насъ по своему вездѣсущію, всегда съ нами и въ насъ, какъ и во всемъ мірѣ, своимъ общимъ промыслительнымъ дѣйствіемъ. Его вседѣйствующею силою все возвано изъ ничтожества въ бытіе; Его же всемощною крѣпостію и поддерживается всякое естество сотворенныхъ существъ. Но и при сей близости Господа ко всякому изъ насъ, всѣ мы тѣмъ не менѣе были далеко отъ Него, такъ что непроходимая бездна раздѣляла человѣка грѣшника отъ Бога всесвятаго. Весь міръ *повѣдалъ славу Божію и присносущную силу Его и Божество* (Псал. 18, 1.

Римл. 1, 20),— а люди, созерцатели сей славы, оставались *безбожными въ мірѣ* (Еф. 2, 12); все жило и дѣйствовало Его всесильною крѣпостію: о *Немъ бо живемъ и движемся и есмы* (17, 28),—а человѣкъ, и дѣйствуя Его силою, оставался *отчужденнымъ отъ жизни Божія*; Отецъ щедротъ и Богъ всякія радости доставлялъ вся обильно въ наслажденіе человѣку, и за всѣмъ тѣмъ человѣкъ страдалъ, и страдалъ непрерывно, такъ что на страницахъ всей исторіи человѣчества повсюду жалость и горе, недовольство и ропотъ на свое состояніе, вездѣ плачъ и рыданіе, стенанія и вопль многъ. Явно, что одного общаго благопромыслительнаго дѣйствія Божія недостаточно для блаженства человѣка. Неразъ Господь хотѣлъ какъ бы болѣе приблизиться къ человѣку,—нисходилъ, какъ представляютъ человѣкообразно Богопросвѣщенные мужи, съ неба на землю, приникалъ съ высоты величія своего видѣть дѣла человѣческія; но и благосклонное призрѣніе Божіе было страшно для человѣка преступника, и онъ старался укрыться отъ лица Божія; но и милосердое снисхожденіе Божіе было до того невыносимо для земли, отягченной неправдами человѣческими, что она трепещущи тряслася, а для самаго виновника сихъ неправдъ обращалась не рѣдко въ карательное дѣйствіе божественнаго правосудія. Словомъ: Богъ былъ всегда и вездѣ близъ насъ; Промыслъ Божій такъ устроялъ все, *да поне осяжутъ Его и обрящутъ, яко не далече отъ единаго коегождо насъ суща* (Дѣян. 17, 27); но люди или не уразумѣвали сей близости Господа, или страшились ея, какъ огня поядающаго: *смертію умремъ, яко Бога видѣхомъ* (Суд. 13, 22), говорилъ одинъ изъ сподобившихся древле Боговидѣнія.—Итакъ что оставалось человѣку, когда онъ самъ уклонялся отъ общенія съ Богомъ, самъ удалялся отъ собственной своей жизни, самъ убѣгалъ отъ собственнаго своего блаженства? Ничего болѣе, какъ остаться навсегда внѣ общенія съ Богомъ,— въ области смерти вѣчной, и испытавъ всѣ роды скорбей и бѣдствій въ настоящей жизни, перейти отсюда на вѣчныя мученія въ жизни будущей. Жалкая, безотрадная участь!

Но чѣмъ ужаснѣе, чѣмъ безотраднѣе наше прошедшее, тѣмъ утѣшительнѣе наше настоящее, когда единородный Сынъ Божій, сый отъ вѣчности въ лонѣ Отца, принялъ на Себя естество наше и явился на землѣ между человѣками. »Теперь, богословствуетъ нѣгдѣ святый Златоустый, теперь подлинно съ нами Богъ, когда Онъ, сошедши съ неба на землю, пожилъ съ человѣками и явилъ величайшее промышленіе свое объ нихъ; теперь осужденіе, изреченное на весь родъ человѣческій, уничтожено, грѣхъ разрушенъ, рай, доселѣ недоступный никому, отверстъ разбойнику и убійцѣ, небесныя обители открыты, люди соединяются съ Ангелами и естество наше возводится на престолъ царскій. Пріидите убо, вкупѣ всѣ прославимъ святое торжество настоящаго праздника. Съ нами Богъ!

Съ нами Богъ,—уже не дѣйствіемъ только общаго, благопромыслительнаго попеченія своего о людяхъ, а особеннымъ, чрезвычайнымъ снисхожденіемъ своимъ къ бѣдствующему человѣчеству; съ нами Богъ въ единородномъ Сынѣ своемъ, воплотившемся и вочеловѣчившемся нашего ради спасенія.— Долго блуждали мы во тмѣ невѣдѣнія *о Богѣ*, котораго *никтоже* изъ преступныхъ сыновъ человѣческихъ *видѣ, ниже видѣти можетъ* (Іоан. 1, 18),—никто потому и не могъ разогнать облежащій насъ мракъ: и се *посѣтилъ есть насъ Востокъ свыше просвѣтити во тмѣ и сѣни сѣдящія* (Лук. 1, 78. 79). Сама Ипостасная Премудрость нисходитъ

въ нашу страну тмы и мрака, повѣдаетъ намъ Бога истиннаго, и не только повѣдаетъ, но и являетъ Его въ Себѣ: ибо *видѣвый Мене*, говоритъ Господь, *видѣ Отца, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоан. 14, 9. 11). Долго скитались мы на странѣ далече, яко овцы не имущіи пастыря, и хотя никогда не угасало въ насъ совершенно желаніе возвратиться въ домъ Отчій, но тѣмъ не менѣе мы сами собою не только никогда не могли сего сдѣлать, но и страшились своего приближенія къ Богу, и желая приблизиться къ Богу, съ тѣмъ вмѣстѣ бѣгали присутствія Его. И, се, по безпрекладному человѣколюбію Господа, самъ верховный Пастырь душъ нашихъ нисходитъ въ нашу страну изгнанія, чтобы указать намъ путь возвращенія въ обители Отца небеснаго и влечь насъ туда въ слѣдъ за Собою,—нисходитъ не въ славѣ и велелѣпіи божественномъ (ибо человѣкъ не могъ вынесть сего величія), а закрываетъ присносущную славу своего Божества покровомъ плоти человѣческой, воспріемлетъ на Себя уничиженный зракъ раба и является среди насъ, яко единъ отъ насъ. Пріискренне пріобщившись нашей плоти и крови, Онъ въ Себѣ самомъ возводитъ естество наше на престолъ царскій и содѣлываетъ насъ причастниками божественнаго естества. Можно ли представить союзъ тѣснѣе и совершеннѣе сего единенія? Чего мы не могли не только сдѣлать, но даже и пожелать, даже представить, то совершилъ за насъ и для насъ единородный Сынъ Божій. Слава безконечной любви Твоей, Господи, къ намъ недостойнымъ, для которой какъ бы мало было содѣлать насъ рабами Твоими, и вотъ она творитъ насъ—враговъ Твоихъ—Твоими другами, причастниками Твоего естества! *Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ* (Лук. 1, 68), блуждавшимъ во тмѣ невѣденія и скитавшимся на странѣ далечѣ! *Съ нами Богъ!*

Но какъ ни велики, какъ ни благотворны сами по себѣ сіи слѣдствія соединенія Бога съ человѣкомъ въ лицѣ единороднаго Сына Божія,—все это только начинательныя дѣйствія любви Божіей къ намъ и нашего спасенія, а не совершительныя. Ибо, что собственно составляло средостѣніе, отдѣлявшее Бога отъ человѣка? Что препятствовало Господу благосклонно призирать на дѣло рукъ своихъ? *Еда не могла рука Господня спасти? или отягчилъ есть слухъ свой, еже не услышати?* Нѣтъ,—но *грѣхи наши разлучали между нами и между Богомъ, и грѣхъ ради нашихъ отврати лице Свое отъ насъ, еже не помиловати* (Иса. 59, 1. 2). Что заставляло человѣка бѣгать отъ присутствія Божія, не смотря на желаніе тѣснѣйшаго общенія съ Нимъ? Опять тѣже грѣхи и неправды: *много бо бѣ беззаконіе наше предъ Богомъ, и грѣхи наша противуста́ша намъ* (Иса. 59, 12). Итакъ, доколѣ *беззаконія наша въ насъ*, самое пріискреннее общеніе Бога съ нами останется безъ плода для насъ: безъ прощенія грѣховъ не возможно примиреніе Бога съ человѣкомъ, а безъ освященія нашего, мы сами, уразумѣвая неправды наша, убѣгали бы всякаго общенія съ Богомъ.

Съ нами Богъ,—»и средостѣніе градежа разрушися, и пламенное оружіе плещи даетъ, и Херувимъ отступаетъ отъ древа жизни«.—Первое и начальное звѣно сего средостѣнія положено было прародителями нашими еще въ раю,—положено столь глубоко, что необходимо было *изринуть человѣка изъ рая сладости и приставить Херувима и пламенное оружіе обращаемое, хранити путь древа жизни* (Быт. 3, 24). Послѣ сего всѣ потомки прародителя,—одинъ больше, другой

меньше,—но всѣ, только больше и больше надстроивали на этомъ основаніи, прилагая грѣхи къ грѣхамъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ разросталось зло въ человѣчествѣ, преграда, отдѣлявшая его отъ Бога, дѣлалась выше и выше, средостѣніе между нимъ и Богомъ становилось все неприступнѣе. Кто могъ разорить сіе средостѣніе, разрушить сію преграду? *Братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ? Не дастъ Богу измѣну за ся и цѣну избавленія души своея* (Псал. 48, 8), хотя бы и цѣлую вѣчность трудился надъ этимъ; а между тѣмъ цѣна избавленія требовалась отъ самаго человѣка. Безконечное сдѣлано было человѣкомъ оскорбленіе любви Божіей, безконечное долженствовало быть отъ него и удовлетвореніе правосудію божественному. И безконечная премудрость Божія изобрѣтаетъ такое средство для спасенія человѣка, въ которомъ *милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася* (Псал. 84, 11), а безконечная любовь Божія пріемлетъ на себя привесть въ исполненіе сіе средство: и *велія благочестія тайна, сокровенная отъ вѣкъ и родовъ, является въ послѣднян времена насъ ради* (1 Тим. 3, 16. Римл. 14, 24. 25). »Сынъ Божій Сынъ человѣчь бываетъ«. Какъ Сынъ Божій, Онъ могъ принесть вседовлѣющую жертву божественному Правосудію за всѣ грѣхи; какъ сынъ человѣчь, *не отъ Ангелъ пріемшій* естество, *но отъ сѣмене Авраамова* заимствовавшій его, Онъ могъ удовлетворить за грѣхи всѣхъ людей. И преграда, раздѣлявшая Бога отъ человѣка, разрушена, средостѣніе между Богомъ и человѣкомъ разорено: *Той бо есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино и средостѣніе ограды разоривый* (Ефес. 2, 14). Сей-то миръ воспѣли при рожденіи Господа небесныя силы, когда взывали: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ. Слава въ вышнихъ Богу*, воспоемъ и мы, предшествуемые ликами небесными, *благоизволившему примирити всяческая къ себѣ, умиротворити въ тѣлѣ плоти* Сына своего *чрезъ Него аще земная, аще ли небесная! Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, бывшимъ иногда отчужденнымъ и врагомъ помышленьми въ дѣлѣхъ лукавыхъ* (Лук. 1, 68)! *Съ нами Богъ!*

Но доколѣ *царствуетъ грѣхъ въ мертвенѣй плоти нашей, во еже послушати его въ похотехъ его* (Римл. 6, 12), дотолѣ, если и возможно какимъ либо образомъ прощеніе грѣховъ, вовсе невозможно истинное примиреніе наше съ Богомъ и внутренній миръ человѣка съ своею совѣстію: ибо внимательный къ себѣ самому грѣшникъ, и послѣ многократнаго прощенія ему грѣховъ, непрерывно долженъ взывать въ себѣ: *нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ* (Пс. 37, 4). Нужно слѣдовательно не прощеніе только грѣховъ нашихъ, а изглажденіе ихъ въ насъ, освященіе и обновленіе естества нашего: дѣло самое трудное, ибо грѣхъ обладалъ нами хотя тирански, но по праву.— *Съ нами Богъ*, и мы уже не чада гнѣва естествомъ, *а сыны и наслѣдники Богу, призванные* Имъ *въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтѣ и преставленные въ царство Сына любве Его; съ нами Богъ*,—»и азъ райскія пищи причащаюся, отъ нея же произгнанъ быхъ преслушанія ради«. Какимъ образомъ совершилось сіе освященіе и обновленіе естества нашего чрезъ воплощеніе Сына Божія, тайну сію раскрываетъ св. Апостолъ, говоря: *немощное закона, въ немже немоществоваше плотію, Богъ Сына своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти* (Римл. 8, 3). То есть, обезсиленный владычествомъ грѣха че-

ловѣкъ не могъ самъ собою избавиться отъ своего постыднаго рабства; и по безприкладному и неизреченному человѣколюбію Господа, Онъ Самъ пріемлетъ на Себя сіе дѣло: *Богъ Сына своего посла въ подобіи плоти грѣха*,—въ нашей же плоти, только безгрѣшной, и Сынъ Божій въ нашемъ же естествѣ осуди грѣхъ во плоти, а чрезъ то, какъ вторый Адамъ, открылъ возможность низводить благодатную свою силу и въ нашу немощную плоть, при содѣйствіи которой и мы могли бы препобѣждать въ своей немощной плоти живый въ ней грѣхъ. И теперь оправданные и освященные, мы не только *миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ*, *но и приведеніе обрѣтохомъ вѣрою во благодать сію, въ нейже стоимъ*, и даже *хвалимся упованіемъ славы Божія* (Римл. 5, 1. 2),—хвалимся, не смотря на естественныя наши немощи и недостатки: потому что, освятивъ, оживотворивъ и обоживъ естество наше въ Себѣ самомъ, единородный Сынъ Божій оставилъ потомъ его намъ въ залогъ постояннаго освященія и обновленія нашего немощнаго естества, по неложному его обѣтованію: *ядый мою плоть и піяй мою кровь, имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 54). Можно ли пожелать и представить болѣе живое, пріискреннее общеніе Бога съ человѣкомъ? Паки и паки *благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ. Съ нами Богъ*, пришедшій освятить и обновить растлѣвшее отъ грѣха естество наше и спасти насъ отъ грѣха, проклятія и смерти!

Съ нами Богъ!—Но *аще* воистину *Господь съ нами, вскую обрѣтоша ны вся злая сія?*—могутъ сказать многіе и изъ насъ, какъ отвѣтствовалъ древле Гедеонъ Ангелу Божію, возвѣстившему ему: *Господь съ тобою, сильный крѣпостію* (Судей 6, 12). Гдѣ между нами тѣ благотворные плоды пришествія Господа на землю, о которыхъ предсказывали св. Пророки, благовѣствовали св. Апостолы? Гдѣ тотъ миръ на земли, который воспѣли небесныя силы при рожденіи Бога Слова на земли? Гдѣ тѣ вожделѣнные плоды освященія и обновленія естества нашего, тотъ внутренній *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ*, который, по слову Апостола, *водворяется въ сердцахъ* обновленныхъ (Филип. 4, 7)? И съ внѣшней стороны — не тѣ же ли брани и слышанія бранемъ и теперь, какъ и прежде? И воспоминаемое нынѣ избавленіе Церкви и державы Россійскія отъ нашествія враговъ буйныхъ и звѣронравныхъ не служитъ ли яснымъ и разительнымъ доказательствомъ сей печальной истины?—Что сказать на сіе, братіе?... Скажемъ словами самаго Господа: *не приходитъ царствіе Божіе съ соблюденіемъ* (Лук. 17, 20. 21). Тихо и незамѣтно было снизшествіе Господа на землю, такъ что едва нѣсколько лицъ вѣдали о немъ: тихо и незамѣтно совершается снизшествіе Господа и въ душу каждаго изъ насъ, по тайнозрительному видѣнію одного изъ человѣковъ Божіихъ, *яко дождь на руно и яко капля каплющая на землю* (Псал. 71, 6). Не удивительно потому, если многіе какъ бы и не замѣчаютъ въ другихъ сего снизшествія. Если же дѣйствительно нѣтъ гдѣ либо никакихъ слѣдовъ благодатнаго присутствія Господа, если кто либо, къ несчастію, въ себѣ самомъ совсѣмъ не замѣчаетъ ихъ, вина въ насъ самихъ, а не въ Господѣ,—не въ немощи или недостаткѣ силы Божіей для примиренія, обновленія и освященія грѣховнаго естества нашего, а въ нашей косности усвоить себѣ благотворные плоды снисшествія къ намъ Сына Божія. Чтобы истинно Господь пребылъ съ нами и мы съ Нимъ, для сего требуется нѣчто и отъ насъ,—тре-

буется, по слову Апостола, *вообразить въ себѣ Христа* (Гал. 4, 19).

Будемъ съ Господомъ, если разрушенное Имъ средостѣніе между Богомъ и человѣками не станемъ опять воздвигать, прилагая грѣхи ко грѣхомъ: ибо это значило бы *пренебрегать кровію завѣта*, которою мы примирены съ Богомъ.

Будемъ съ Господомъ, если обоженное въ лицѣ Его естество наше не будемъ снова содѣлывать причиною гнѣва Его, растлѣвая его грѣховными сквернами чрезъ раболѣпное служеніе неправдѣ и беззаконію: ибо это значило бы *укорять Духа благодати*, которымъ мы и омылись и освятились для новой жизни во Христѣ.

Будемъ съ Господомъ, если, по мѣрѣ силъ своихъ, очищая совѣсть свою отъ мертвыхъ дѣлъ, будемъ достойно пріобщаться пищи не отъ райскаго древа жизни, но гораздо высшей и совершеннѣйшей,—тѣла и крови Господа нашего. Будемъ съ Господомъ, когда облечемъ во Христа свой умъ посредствомъ поученія въ словѣ его и благоговѣйныхъ размышленій о Немъ, свое сердце посредствомъ вѣры въ Него, молитвы и любви къ Нему, свою волю посредствомъ подражанія примѣру житія Его.

А когда по истинѣ будемъ съ Господомъ, тогда ничто внѣшнее не можетъ устрашать насъ; тогда каждый изъ насъ дерзновенно можетъ говорить съ св. Царепророкомъ: *аще и пойду посредь сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты*, Господи, *со мною еси* (Псал. 22, 4).

Съ нами Богъ! — Не отречемся только мы быть съ Господомъ, и Господь Іисусъ Христосъ, благоволившій однажды быть съ нами чрезъ пріискреннее пріобщеніе нашего естества, будетъ и пребудетъ съ нами навсегда,—и здѣсь, по неложному обѣтованію своему, *пріидетъ и обитель въ насъ сотворитъ* (Іоан. 14, 23), и тамъ *будетъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28). Аминь.

Азъ есмь лоза, вы же рождіе.

Слова эти усвояютъ намъ что то великое, но вмѣстѣ указываютъ и всю нашу малость.

Мы въ добрѣ не самостоятельныя деревья, а только »рождіе«. Пусть помнятъ это тѣ изъ насъ, кои любятъ хвалиться самостоятельностію, благоразуміемъ, добрыми дѣлами, ревностію. Мы не болѣе, какъ вѣтви древняго, испорченнаго древа, и всѣ преимущества, которыми мы хвалимся, не дѣлаютъ насъ свободными отъ грѣха; даже грѣхъ усиливается въ насъ по той мѣрѣ, какъ увеличивается горделивая надежда на свои силы и способности. Мы бываемъ крѣпкими деревьями только въ закоренѣлыхъ предразсудкахъ и грѣховныхъ дѣйствіяхъ; но—въ совершеніи правды, въ христіанскомъ самоотверженіи и истинно полезномъ трудѣ слабымъ рождіемъ. Всѣ мы желаемъ лучшаго; но произвесть это лучшее, сдѣлать самихъ себя лучшими не можемъ.

Мы »рождіе« лозы небесной. Въ этомъ заключается и высокое утѣшеніе для насъ. Какъ лоза виноградная постоянно сообщаетъ свой сокъ вѣтвямъ, такъ и Господь постоянно сообщаетъ душѣ свою всеоживляющую силу. Что мы имѣемъ нужду въ этой силѣ,

что наша духовная жизнь требуетъ освѣженія и укрѣпленія, это чувствуетъ христіанинъ всегда, особенно же когда вступаетъ въ борьбу съ врагами спасенія своего и хочетъ принесть плоды истинной добродѣтели. — И вотъ Господь не только предлагаетъ намъ свою помощь, но и самъ хочетъ вселиться и обитать въ насъ. Подъ видомъ хлѣба предлагаетъ намъ свою плоть, подъ видомъ вина свою кровь. Небесная лоза чудеснымъ образомъ соединяется съ рождіемъ и вливаетъ въ него свою божественную жизнь. Цѣлыми потоками изливается эта жизнь въ природу нашу во время настоящей духовной весны подобно тому, какъ обыкновенная виноградная лоза сугубо источаетъ сокъ свой во время весны чувственной.

Но есть и различіе между вѣтвями земной лозы и вѣтвями лозы небесной. Первыя имѣютъ многіе органы, чрезъ которые втекаетъ въ нихъ жизненный сокъ; а у послѣднихъ одинъ органъ — вѣра. Безъ вѣры ни одна капля небесной жизни не войдетъ въ сердце наше. Хотя и оросятся уста, но сердце останется сухимъ, холоднымъ и мертвымъ.

Итакъ, есть ли въ тебѣ этотъ органъ, чрезъ который втекаетъ небесная жизнь въ душу нашу? т. е. есть *ли* крѣпкая, живая вѣра въ Искупителя нашего, Іисуса Христа? Если есть, то благо тебѣ! Причащеніе божественнаго тѣла и крови Христовой послужитъ для тебя источникомъ вѣчной и блаженной жизни духовной; ты самымъ тѣснѣйшимъ образомъ соединишься съ своимъ Господомъ, и Онъ будетъ во вѣки твоимъ помощникомъ, и покровителемъ.—Но что, если вѣра твоя слаба? Если ты приступаешь къ этому страшному таинству обуреваемый сомнѣніями? Въ такомъ случаѣ угрожаетъ тебѣ страшная опасность быть навсегда отторгнутымъ отъ лозы небесной. И потому постарайся прогнать эту грѣховную тьму. Обратись къ Господу съ пламенной молитвой, и вѣра, крѣпкая и живая вѣра, не замедлитъ явиться въ сердцѣ твоемъ. Самъ Господь, вошедши въ твою внутренность, усмотритъ ростокъ твоей вѣры, возраститъ его и укрѣпитъ навсегда.

Что есть человѣкъ, яко помниши его?

Псал. 8, 5.

Земля и пепелъ (Сирах. 10, 9), — по бренному естеству своему. А между тѣмъ, есть ли другое твореніе, о которомъ бы Творецъ, Владыка неба и земли, столько пекся, какъ о человѣкѣ, — на которое бы излито было столько милостей и щедротъ отъ престола небеснаго, сколько излито ихъ на эту землю и пепелъ?

Для человѣка Господь создалъ землю и *поставилъ его* владыкою *надъ дѣлами рукъ* своихъ, и *вся покорилъ подъ ногы его, овцы и волы и вся, еще же и скоты полскія, птицы небесныя и рыбы морскія, преходящія стези морскія* (Псал. 8, 7—9). Для человѣка даетъ день и ночь, утро и вечеръ, лѣто и зиму, росу и дождь, *прозябаетъ траву и всякъ злакъ на службу человѣкомъ* (Псал. 146, 8). Для него посылалъ на землю пророковъ и апостоловъ; для него сходилъ Сынъ Божій; для него и за него страдалъ и умеръ на крестѣ; для него сошелъ

Духъ Святый, *наставляющій на всяку истину* (Іоан. 16, 13); для него посылаетъ ангеловъ и *заповѣдуетъ* имъ *хранить его во всѣхъ путехъ* (Псал. 90, 11). Ему подаетъ благодать, которая, подобно матери, руководитъ его по пути жизни. Для него Церковь, для него таинства, для него пастыри и учители; кратко сказать: для него все, что было и есть на землѣ. И этимъ еще не ограничивается попеченіе Божіе о человѣкѣ. Для него устрояетъ новое небо и новую землю (2 Петр. 3, 13. Апок. 21, 1), несравненно лучшія теперешнихъ; для него уготовляетъ обители многи въ дому своемъ (Іоан. 14, 2. 3); созидаетъ *храмину нерукотворенную, вѣчную на небесѣхъ*, вмѣсто *земной храмины тѣла*, которая имѣетъ разориться (2 Кор. 5, 1); для него уготовляетъ рай, блаженство, неизреченныя радости, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9); кратко сказать, нѣтъ ничего на небѣ, что бы не было обѣщано человѣку (Лук. 22, 29. Римл. 8, 17). И самъ Господь промыслительными дѣйствіями своего вездѣприсутствія всегда при человѣкѣ. Онъ *даетъ ему животъ и дыханіе* (Дѣян. 17, 26), въ утробѣ матери *кожею и плотію облекаетъ его, костями и жилами сшиваетъ его* (Іов. 10, 11); самъ воспринимаетъ его изъ чрева матерняго (Пс. 138, 13), охраняетъ его колыбель, укрѣпляетъ и развиваетъ духовныя и тѣлесныя силы его, помогаетъ ему въ немощи, утѣшаетъ въ скорби, врачуетъ въ болѣзни, смотритъ за каждымъ шагомъ (Притч. 20, 24), чтобы онъ не преткнулся, хранитъ каждый волосъ на главѣ его (Матѳ. 10, 29. Лук. 12, 7) и не даетъ погибнуть ни одному изъ нихъ (Лук. 21, 18); кратко сказать, у Вѣчнаго нѣтъ мгновенія, когда бы Онъ отвратилъ отъ человѣка промыслительный взоръ Свой, когда бы Онъ забылъ свое созданіе. Господи! что жъ такое человѣкъ, что Ты его такъ помнишь?

Земля и пепелъ... Но въ этой землѣ, подъ этимъ пепломъ сокрытъ безсмертный духъ, созданный по образу и подобію Божію (Быт. 1, 26. 27). *Земля и пепелъ*.... Но эту персть земную Господь благоволилъ пріобщить своего божественнаго естества (2 Петр. 1, 4). Вотъ причина, почему такъ дорогъ для Господа человѣкъ. Вотъ почему Господь такъ помнитъ его. Онъ родной Господу: *Сего бо и родъ есмы* (Дѣян. 17, 28); въ членъ тѣла Христова (Ефес. 5, 30), благодатный сынъ Божій (Іоан. 1, 12. Римл. 8, 15. Гал. 3, 26), братъ Христу (Евр. 2, 11) и снаслѣдникъ Ему (Римл. 8, 17). Скорѣе самъ человѣкъ забудетъ о себѣ, скорѣе мать забудетъ свое дитя, но Господь никогда, ни во времени, ни въ вѣчности, не забудетъ человѣка. *Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего; аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь. Се на рукахъ моихъ написахъ стѣны твоя, и предо Мною еси присно* (Исаі. 49, 15. 16).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 8-го Декабря 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 42.

НЕДѢЛЯ ПРЕДЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ,

4 Генваря 1858 г.

Гласъ 1-й.

На утрени: евангеліе воскресное 1-е, Матѳ. зач. 116. На Литургіи: апост. 2 Тим. зач. 298, евангеліе Марк зач. 1.

СѴНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА, ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ИСИДОРА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ГАЛИЦКАГО И СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТА КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

РѢЧЬ

ПОСЛѢ ЗАУПОКОЙНОЙ ЛИТУРГІИ И ПАНИХИДЫ НАДЪ МОГИЛОЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО И ГАЛИЦКАГО, КІЕВО-ПЕЧЕРСКІЯ УСПЕНСКІЯ ЛАВРЫ СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРИТА (*).

Вѣчная память тебѣ, достоблаженный Святитель и Отецъ нашъ! Она не умретъ во устахъ и въ сердцахъ нашихъ. Отдаленные роды будутъ воспоминать имя твое со благословеніемъ.

При сей благознаменательной усыпальницѣ почившаго, не нужно наше скудное слово. Для души и сердца она сама говоритъ и много и поучительно.

Не будемъ нарушать его покоя суетными похвалами. Смиренномудрый не искалъ ихъ въ жизни,—не требуетъ и по смерти. Его похвала у Бога и слава въ Бозѣ.

Преклонивъ главу свою подъ сѣнію образа Христа Спасителя и Царицы небесной, обители коей посвящены были многолѣтніе труды его; Святитель какъ бы говоритъ намъ: »вотъ мое упованіе и покровъ. Въ милосердіи Господа и заступленіи Матери Его и вы обрящете и утѣшеніе въ скорбѣхъ, и силу въ немощѣхъ, и врачеваніе недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ.«

Сколько назидательныхъ мыслей внушаетъ самое мѣсто, избранное имъ для упокоенія бреннаго тѣлеси своего (*)! Благочестивая

(*) Произнесена 1-го Декабря 1858 года, въ день ангела въ Бозѣ почившаго святителя.

(*) Митрополитъ Филаретъ самъ указалъ мѣсто для своего погребенія противъ входа въ ближнія пещеры, предъ иконами Спасителя и Божіей Матери.

душа, любившая уединяться въ сіи пещеры и молитвенно бесѣдовать съ друзьями Божіими, въ глубокомъ смиреніи, избрала себѣ жребій какъ бы придверника у входа въ сей чертогъ праведниковъ, богатно украшенный сокровищами духовными и славою нетлѣнныхъ мощей ихъ. Не внятно ли для сердца это смиреніе говоритъ намъ: »сюда—сюда обращайте ваши мысли и желанія. Возмите свои свѣтильники вѣры и любви, и идите за мною,—я вамъ повѣдаю дѣла Угодниковъ Божіихъ, и они дадутъ вамъ духъ умиленія, согрѣютъ сердце любовію ко Господу, вдохнутъ соревнованіе къ подвигамъ благочестія«.

Буди благословенъ, Учителю благій! Ты наставляешь насъ на путь истины и спасенія и по успеніи твоемъ.

Духъ его возрадуется, когда мы будемъ входить съ сію сокровищницу Божію съ несомнѣнною вѣрою и упованіемъ. Да не огорчимъ его нашею холодностію и невниманіемъ къ святынѣ, Богомъ прославленной!

И легко и утѣшительно для насъ—исполнять заповѣдь апостольскую: *поминайте наставника* вашего, *иже глагола вамъ слово Божіе, егоже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ его* (Евр. 13, 7).

Вѣчная память Тебѣ, Пастырю добрый! Помяни насъ въ молитвахъ твоихъ.

О БЛАГОВРЕМЕННОСТИ ПРИШЕСТВІЯ ВЪ МІРЪ СЫНА БОЖІЯ.

Егда пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына своего единороднаго, раждаемаго отъ жены, бываемаго подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ, да всыновленіе воспріиметъ (Гал. 4, 4).

По счисленію греческой хронологіи, Сынъ Божій явился въ міръ для искупленія человѣка тогда, какъ уже преполовилась шестая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра и протекло почти столькожъ отъ бѣдственнаго паденія человѣка.—Пять тысячь лѣтъ—какой продолжительный срокъ для ожиданія Искупителя, обѣтованнаго человѣчеству еще въ раю! Сколько патріарховъ, пророковъ, праведниковъ, пламенно желавшихъ видѣть и цѣловать Утѣху Израилеву, сошло въ могилу *не пріемше обѣтованій*, а только издали, сквозь сумракъ вѣковъ, *видѣвше я и цѣловавше* (Евр. 11, 19)! Съ другой стороны, какъ широко раскинулось, въ это время, царство грѣха и смерти въ мірѣ! Сколько появилось разврата, нечестія и самаго унизительнаго суевѣрія! Въ какую бездну глубочайшаго растлѣнія низринулось все человѣчество! Сколько громовъ правосудіе Божіе вынуждено было метать то здѣсь, то тамъ, для того только, чтобъ обуздать неудержимое зло и сохранить искру добра въ человѣчествѣ! — Отчегожъ медлилъ явиться на жертвенникъ свой Агнецъ, закланный прежде сложенія міра? Отчего протекли цѣлыя тысячелѣтія прежде, нежели *милость и истина срѣтостѣся, правда и миръ облобызастася* на землѣ (Пс. 84, 11)?

Не дерзаемъ пререкать волѣ Отца небеснаго, благоволившаго, позже или ранѣе, послать въ міръ Искупителя человѣковъ: ибо намъ извѣстно, что *Іисусъ Христосъ, вчера и днесь, Тойже и во вѣки* (Евр. 13, 8).

Не дерзаемъ и проникать въ недовѣдомыя и для ангельскихъ умовъ тайны смотрѣнія Божія: ибо *нѣсть наше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи въ своей власти* (Дѣян. 1, 7),—хотимъ только, по указанію Богомудрыхъ отцевъ, въ исторіи самаго падшаго человѣчества открыть тѣ причины, по которымъ замедлено было явленіе въ міръ Правды вѣчной.

Съ вторженіемъ въ міръ грѣха, познаніе истины и добра, въ слѣдствіе расторженія живой связи человѣка съ источникомъ ихъ—Богомъ, ослабѣло и затмилось въ человѣчествѣ. Чѣмъ болѣе распространялось оно, тѣмъ замѣтнѣе въ развитіи его повсюду выступала черта, замѣченная Апостоломъ во всемъ человѣчествѣ, устраненномъ отъ непосредственнаго откровенія Божія: *разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша, но осуетишася помышленіи своими и омрачися неразумное ихъ сердце... и премѣниша истину Божію во лжу* (Римл. 1, 21. 25), то есть: замѣчалось совершенное извращеніе понятій истины и добра — извращеніе, простиравшееся до того, что лжи усвоилось достоинство истины, а злу достоинство добра. Извѣстно, что и сама философія, развившаяся въ послѣдствіи въ человѣчествѣ (впрочемъ слишкомъ поздо), оказалась вовсе несостоятельною въ борьбѣ съ помраченнымъ всеобщимъ смысломъ, и оставляя въ сторонѣ, и слѣдовательно, безъ всякаго вліянія, нѣкоторыя истины, добытыя умомъ, откровенно совѣтовала »почитать боговъ по установленіямъ отечества (*)«, или иначе: продолжала и авторитетомъ своимъ какъ бы скрѣпляла царство лжи въ мірѣ. Но зло не ограничивалось однимъ этимъ. Сущность его—самая безотрадная состояла въ томъ, что человѣкъ не только не понималъ, но даже и не подозрѣвалъ своего душевнаго недуга и болѣзненное состояніе свое принималъ за нормальное; почему не искалъ и не требовалъ врача. Надлежало, прежде всего, вывесть больнаго изъ его самообольщенія, обнаружить и выявить предъ нимъ его болѣзнь,—надлежало убѣдить его въ ней, чтобы заставить, потомъ, желать и искать врача. Это исполнилъ законъ, который былъ намъ *пѣстунъ во Христа* (Гал. 3, 24).

Съ появленіемъ закона, понятія истины и добра, казалось, установились въ человѣчествѣ. Теперь, оно не могло уже по прежнему блуждать во тьмѣ; теперь оно могло не только знать, что истина и что благо, но и исполнять, проявлять ихъ въ жизни—стремиться къ совершенствованію себя царскимъ путемъ богодарованнаго закона. Но чтожъ? При первой попыткѣ къ сему, человѣкъ тотчасъ замѣтилъ, что *законъ святъ и заповѣдь свята и праведна и блага... азъ же плотянъ есмь и проданъ подъ грѣхъ*, что *не еже хощу сіе творю, но еже ненавижду то содѣяваю*, и что *еже хотѣти прилежитъ* только человѣку, *а еже содѣяти доброе*, онъ *не обрѣтаетъ* (Римл. 7, 12), то есть: человѣкъ замѣтилъ всю недосягаемую высоту закона Божія для однихъ естественныхъ силъ своихъ. Въ этомъ состояніи, казалось бы, почему не явиться Искупителю человѣковъ и тотчасъ же не восполнить *немощное закона, въ немъ же* человѣкъ *немоществоваше плотію* (Римл. 8, 3), какъ сдѣлалъ Онъ это спустя тысячелѣтія? Но кто знаетъ гордость ума человѣческаго, тотъ не можетъ не увидѣть въ этой отсрочкѣ премудраго смотрѣнія Божія. Надобно было дать время и просторъ естественнымъ силамъ человѣка развиться самостоятельно на почвѣ закона Божія и истинъ, добытыхъ усиліями. Надобно было, чтобы люди не только опытно

(*) Наставленіе Сократа своимъ ученикамъ.

извѣдали, но и сознали нравственное безсиліе свое. И вотъ, цѣлыя тысячелѣтія оставлены для сего человѣчеству Богомъ! Много, въ это время, является праведниковъ въ церкви ветхозавѣтной, которые поставляютъ *законъ* Божій *свѣтильникъ ногамъ своимъ и свѣтъ стезямъ своимъ* (Пс. 118, 105), но въ тоже время грустно сознаются, что они *въ беззаконіяхъ зачинаются и во грѣхахъ раждаются*, что заповѣдь Господня широка зѣло для слабыхъ силъ человѣка (96), что *вся правда ихъ* предъ Богомъ *яко порть нечистыя*, что, наконецъ, *вси уклонишася, вкупѣ неключими быша, нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго* (Пс. 13, 3)! Отъ этого, сильнѣе и сильнѣе разгоралось въ нихъ ожиданіе обѣтованнаго Искупителя, который *упокоитъ ихъ отъ дѣлъ ихъ и отъ печали рукъ ихъ* (Быт. 5, 29).

Но такъ мыслятъ и поступаютъ только лучшіе и избранные въ народѣ Божіемъ; большая же часть его, сознавая прирожденную несостоятельность свою къ исполненію закона Божія, ищетъ оправдать себя предъ Богомъ другимъ путемъ — совсѣмъ оставляетъ *вящшая закона*, т. е. лукаво отодвигаетъ ихъ на второй планъ и на ихъ мѣсто поставляетъ легкій въ исполненіи законъ обрядовый, правда, тоже богодарованный, но при отсутствіи вѣры и любви, мертвый и бездѣйственный. Отъ этого, чувство небеснаго, жажда вѣчнаго, стремленіе къ святому и освящающему почти погасаетъ въ народѣ Божіемъ. Поклоненіе истинному Богу, заключаясь въ исполненіи однихъ внѣшнихъ обрядовъ, не проникаетъ въ сердца и не производитъ благотворныхъ дѣйствій въ нравахъ и жизни. Истина Божія часъ отъ часу, болѣе и болѣе, затемняется мглою предразсудковъ и страстей человѣческихъ. Народъ Божій смутно угадываетъ, что онъ отклоняется отъ нея и блуждаетъ въ противорѣчіяхъ и сомнѣніяхъ, какъ во тьмѣ. Въ семъ состояніи взоры и ожиданія его сами собою обращаются къ обѣтованному Мессіи, который просвѣтитъ, наставитъ его, порѣшитъ всѣ его сомнѣнія, укажетъ ему способы и средства къ правильному пониманію и исполненію даннаго Богомъ закона. Дѣйствительно, исторія іудейская показываетъ, что никогда не ожидали Мессіи съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ предъ пришествіемъ Христовымъ. Объ Немъ молились въ храмѣ и по домамъ, разсуждали въ синедріонѣ и синагогахъ, черты Мессіи искали и старались обозначить для себя во всѣхъ пророчествахъ, относившихся и не относившихся къ лицу Его; словомъ: Израиль ясно сознавалъ свое немощное состояніе предъ лицемъ закона и громко звалъ врача (*). Ни для кого изъ благомыслящихъ Іудеевъ не было уже тайной, что *Израиль, гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже* (Римл. 9, 31).

Это немощное состояніе лучшей части человѣчества въ отношеніи къ богодарованному закону блаж. Августинъ изображаетъ почти въ тѣхъ же чертахъ: »мечтали мы о себѣ, говоритъ онъ, что можемъ оправдаться предъ Богомъ собственными нашими силами, но — *пришедшей заповѣди*, говоритъ Апостолъ, *грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ* (Римл. 7, 9): ибо законъ данъ былъ людямъ не для того, чтобъ оправдать, а для того, чтобъ показать имъ, какою ужасною болѣзнію они заражены. Внимай, что далѣе говоритъ Апостолъ: *аще бо данъ бысть законъ могій оживити, воистину, отъ закона бы была правда: но затвори писаніе всѣхъ подъ грѣхомъ, да обѣтованіе отъ вѣры Іисусъ Христовы дастся вѣрующимъ* (Гал. 3, 21). Итакъ, благодати надобно было явить-

(*) Даже презираемые Іудеями Самаряне съ нетерпѣніемъ ожидали Мессіи, который порѣшилъ бы ихъ сомнѣнія (Іоан. 4, 25).

ся послѣ закона. Она нашла человѣка не только одержимаго неисцѣльною болѣзнью, но и сознававшаго уже ее и вопившаго: *окаяненъ азъ человѣкъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея!* И на этотъ зовъ, врачъ благовременно явился въ юдоль плача, чтобы сказать больному: »теперь ты ясно сознаешь свое паденіе. Если хочешь встать, то слушай Меня — Меня, котораго нѣкогда ты презрѣлъ и — палъ«. Слѣдовательно, законъ данъ былъ для того, чтобы убѣдить въ болѣзни больнаго, по самообольщенію считавшаго себя здоровымъ и чтобы грѣхъ вышелъ наружу и выявился весь, а отнюдь не для того, чтобы былъ смытъ и уничтоженъ. Когда данный Богомъ законъ указалъ, что такое грѣхъ: то сей послѣдній обнаружилъ во всей широтѣ противузаконное свойство свое. *Вину же пріемъ грѣхъ заповѣдію*, продолжаетъ Апостолъ, *содѣла во мнѣ всяку похоть* (Римл. 7, 8). Что значатъ эти слова? То, что данный законъ люди пытались исполнить собственными силами, но похоть, одолѣвъ ихъ, сдѣлала преступниками существующей заповѣди. Какъ же говоритъ Апостолъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Римл. 5, 20)? Слова эти значатъ то, что, какъ только болѣзнь выявилась наружу, поспѣшилъ и врачь. Итакъ, заключаетъ блаж. Августинъ, законъ данъ съ тою цѣлію, чтобы человѣкъ увидѣлъ самъ себя, каковъ онъ есть, горделивый духъ его не мечталъ о возможности оправдиться предъ Богомъ самъ собою и не вѣдая правды Божіей, т. е. оправданія, ниспосланнаго отъ Бога человѣку, не поставлялъ бы на ея мѣсто собственной праведности и не отчуждался бы отъ подчиненія правдѣ Божіей« (*).

Съ тою же цѣлію отсрочено было явленіе благодати и въ отношеніи къ язычникамъ. Правда, законъ не былъ данъ имъ и свитокъ его почти не былъ раскрытъ для нихъ; но за то предъ ними всегда открыта была великолѣпная книга природы, которую нѣкоторые изъ нихъ начали внимательно читать, и не безъ пользы для себя. То здѣсь, то тамъ, стали появляться между ними мужи мудрые, которые путемъ философіи, путемъ образованія, путемъ законодательства и политическихъ учрежденій думали водворить царство истины и добра между людьми. Напрасный трудъ! Чѣмъ болѣе вникали они въ сущность духа человѣческаго, его свойства и направленіе, тѣмъ нагляднѣе выступала для нихъ неисправимая испорченность человѣка. Отъ этого, истины, познанныя ихъ умомъ, оставались почти вездѣ личнымъ достояніемъ только ихъ однихъ, или небольшаго числа ихъ послѣдователей, но не переходили въ народъ, не живили и не исправляли его. Это были не болѣе, какъ блудящіе во тьмѣ ночной огоньки, которые ничего ни воспламеняютъ, ни освѣщаютъ, ни согрѣваютъ, и, погасая скоро, оставляютъ послѣ себя еще большій мракъ. Многіе изъ мыслителей, благородно посвятивъ всю жизнь изслѣдованію истины и добра, доходили до грустнаго убѣжденія, что истины нѣтъ на землѣ, что она давно улетѣла на небо и что для поправленія дѣлъ человѣческихъ надобно ожидать только помощи свыше (*).

Но такіе мыслители, являясь изрѣдка, были едва замѣтными точками въ языческомъ мірѣ. Большая часть его, хотя имѣла всегда предъ очами *разумное Божіе* (то, чрезъ что можно познать Бога) (Рим. 1, 12), однако отдалась безвозвратно *страстямъ безчестія* (1, 26). Естественный законъ до того низвращенъ былъ грѣхомъ, что весьма часто предписывалъ

(*) Curs. compl. Theol. De adventu Christi, c. 1 p. 945.

(*) Анаксагоръ, Платонъ, Сократъ и друг.

правила, противныя всякой честности. Язычникъ, не имѣя силъ противиться преобладавшей въ душѣ его силѣ зла, не исполнялъ даже и того, что признавалъ справедливымъ по требованію совѣсти: *нѣцыи же*, говоритъ Апостолъ, *и оправданіе Божіе разумѣвше, не точію сами творятъ* (злое), *но и соизволяютъ творящимъ* (Римл. 1, 32). Науки, искуства, законодательство, философія, литература — все было пропитано тлетворнымъ дыханіемъ грѣха, все направлено единственно къ служенію похотямъ человѣка. Страсти и пороки людскіе обожены и возвышены на степень религіозныхъ и гражданскихъ добродѣтелей; семейная жизнь, отъ всеобщаго растлѣнія нравовъ, готова была совсѣмъ погаснуть; жизнь гражданская стенала отъ невыносимаго деспотизма и самаго унизительнаго и безчеловѣчнаго рабства, словомъ: міръ языческій становился самъ себѣ въ тягость и не имѣя ничего прочнаго въ настоящемъ, безотчетно ждалъ, по темному преданію, возвращенія золотаго вѣка, выражая этимъ самымъ ожиданіемъ, что всѣ основы, на которыхъ онъ держался дотолѣ, окончательно изгнили и повредились.

Сіе-то допустилъ и сего какъ бы ожидалъ небесный Врачъ, не изъ непріязни къ недужному, но для прочнѣйшаго его выздоровленія. *Яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ* (1 Кор. 1, 29). »Можетъ быть ты спросишь, говоритъ св. Григорій Нисскій: если сдѣланное намъ благодѣяніе почтенно и достойно Бога, то зачѣмъ Онъ отсрочилъ его такъ на долгое время? За чѣмъ, когда болѣзнь была еще въ началѣ, Онъ не положилъ преграды дальнѣйшему развитію ея? Отвѣчаю, что отсрочка благодѣянія, полученнаго нами, сдѣлана съ великою мудростію: ибо, какъ въ болѣзняхъ тѣлесныхъ врачи, замѣтивъ присутствіе въ тѣлѣ какой либо посторонней вредоносной влаги, прикладываютъ къ ранѣ сгущающіе пластыри не прежде, какъ вся влага сосредоточится въ ранѣ и выйдетъ наружу вся: такъ и Врачъ всяческихъ, по зараженіи естества человѣческаго грѣхомъ, терпѣливо выжидалъ, пока весь онъ выйдетъ наружу и не останется въ природѣ человѣческой невыявленнымъ ни одинъ родъ грѣха. Вотъ, почему, не тотчасъ послѣ зависти (діавола) и не послѣ братоубійства Каинова предлагаетъ человѣку врачевство: ибо еще не выказались грѣхи современниковъ Ноевыхъ, не созрѣлъ тяжкій грѣхъ Содомскій, не обнаружилось упорное богоборство Фараоново и пр. Когдажъ грѣхъ достигъ высшаго развитія и не оставалось уже никакихъ преступленій, на которыя не покусились бы люди: то чтобъ врачевство охватило всю болѣзнь, врачъ приступаетъ къ врачеванію болѣзни, уже всецѣло проявившейся, а не начинающейся только« (*).

Итакъ, когда глубина поврежденія природы нашей обнаружилась окончательно и въ іудеяхъ и въ язычникахъ — въ безсиліи ихъ исполнить предписанія закона откровеннаго и естественнаго, когда обнаружилось вполнѣ, что человѣкъ, предоставленный собственнымъ силамъ, *помышляетъ* только *прилежно въ сердцѣ своемъ на злая во вся дни* (Быт. 6, 6), божественный Врачъ не медлилъ болѣе: *егда пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына своего единороднаго, раждаемаго отъ жены, бываемаго подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ, да всыновленіе воспріиметъ.*

И какъ премудро и благовременно соображено это посланіе! Видимъ, что на землѣ все уже, болѣе или менѣе, приготовлено для Его появленія.

Какъ событіе всемірное, пришествіе Сына

(*) Oratio catechetica. Curs. comp. p. 1298.

Божія не могло и не должно было произойти безразлично и внезапно въ ту или другую эпоху, безъ предварительнаго приготовленія къ нему человѣчества и ознакомленія его съ нимъ. Иначе, оно имѣло бы характеръ случайности, и человѣкъ имѣлъ бы все право вопросить явившагося: *кто сей есть и что новое ученіе сіе? Сего не вѣмы, откуду есть.* Внезапный, яркій свѣтъ, поражая и ослѣпляя зрѣніе, препятствуетъ ему различать предметы, тогда какъ постепенно проявляющійся дѣйствуетъ на него благотворно и представляетъ ихъ въ ихъ истинныхъ очертаніяхъ. Надлежало, поэтому, постепенно преднаписать для человѣка черты будущаго его Искупителя. И вотъ, премудрость Божія *многочастнѣ и многообразнѣ глаголетъ о Немъ ко отцьмъ во пророцѣхъ* (Евр. 1, 1). Каждый вѣкъ приноситъ, такъ сказать, новыя черты къ божественному лику Искупителя, изъ которыхъ слагается, наконецъ, величественный образъ Его. Не только племя и семейство, но и мѣсто рожденія и воспитанія, поприще проповѣди, Его чудеса и образъ жизни, малѣйшія черты Его страданій, Его воскресеніе и распространеніе благодатнаго царства по всему міру — все это напередъ преднаписано и обозначено съ такою полнотою и опредѣленностію, что когда, наконецъ, Сынъ Божій является на землѣ, то онъ живетъ и дѣйствуетъ, *да сбудутся писанія*, и тѣхъ, которые упорно смежаютъ очи свои, чтобъ не видѣть въ Немъ обѣтованнаго, отсылаетъ, вмѣсто всякихъ доказательствъ, къ *испытанію писаній, яко та суть свидѣтельствующая о Немъ* (Іоан. 5, 39)!

Равнымъ образомъ, и міра языческаго нельзя было оставить безъ нѣкотораго ознакомленія, по крайней мѣрѣ, съ первыми общими истинами боговѣдѣнія. По божественному смотрѣнію проводниками ихъ сдѣлались іудеи, которые въ плѣну вавилонскомъ и послѣ него, разсѣявшись по странамъ Азіи, Африки и отчасти Европы, пронесли по нимъ свои вѣрованія и понятія о Богѣ, Его свойствахъ и законѣ. Отъ этого, темное языческое суевѣріе, дотолѣ властно господствовавшее надъ умами, сильно поколебалось (*). Міръ языческій заговорилъ наконецъ *о невѣдомомъ Богѣ*, философія — о единомъ Отцѣ природы. Правда, невѣдомаго Бога по прежнему не вѣдали и даже не знали, гдѣ искать Его, но объ Немъ разсуждали и Его жаждали узнать. Все это замѣтно прочищало древнюю мглу, и въ будущемъ открывало доступъ евангельской истинѣ въ сердца язычниковъ. Можно думать также, что іудеи, вмѣстѣ съ истинами Боговѣдѣнія, передали язычникамъ и свои ожиданія грядущаго Мессіи, которыя совпадая съ темными преданіями сивиллы (**), бывшими въ ходу у язычниковъ, производили въ сихъ послѣднихъ тревожное ожиданіе чего-то новаго, лучшаго; по крайней мѣрѣ извѣстно, что, предъ пришествіемъ Христовымъ, язычники находились въ какомъ то напряженномъ состояніи и ожидали съ востока завоевателей, которые покорятъ весь свѣтъ.

Наконецъ, самыя внѣшнія условія для открытія и распространенія царства Мессіи благовременно и благопотребно подготовлены были божественнымъ смотрѣніемъ. Со времени вавилонскаго смѣшенія языковъ родъ человѣческій пересталъ быть *устами едиными*: онъ распался на множество отдѣльныхъ народностей, которыя, утративъ общій узелъ,

---

(*) Съ эпохою именно первыхъ годовъ послѣ плѣна вавилонскаго совпадаетъ появленіе въ Греціи мудрецовъ и въ слѣдъ за ними — философовъ. Извѣстно, кромѣ того, что философы очень усердно посѣщали Египетъ, куда, во время плѣна вавилонскаго, переселилось очень много іудеевъ подъ предводительствомъ Годоліи.

(**) Предсказанія языческихъ сивиллъ сохранились у Евсевія и Лактанція.

могшій связывать ихъ понятіе о единомъ Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ всѣхъ человѣковъ, начали составлять себѣ — каждая отдѣльно — свое народное богословіе. У каждаго народа явились свои боги — покровители мѣстной страны — всегда враждебные богамъ и людямъ другихъ странъ. Ничего общаго, ничего связывающаго разъединенное человѣчество не существовало ни въ понятіи, ни на дѣлѣ: между народами лежало *средостѣніе ограды*. Если бы въ эти времена всеобщей враждебной разъединенности человѣчества Искупителю человѣковъ угодно было явиться среди нихъ, то можно представить, съ какими неодолимыми препятствіями пришлось бы бороться провозвѣстникамъ Его царства! Какъ долго оно, явившись въ извѣстномъ народѣ, должно было оставаться уединеннымъ и неизвѣстнымъ для большей части человѣчества! Съ какою медленностію и трудомъ оно распространялось бы отъ народа къ народу! Итакъ, предварительно, надобно было сблизить и ознакомить между собою отдѣльныя и враждебныя народности. Но во имя какихъ истинъ совершить сіе? Понятіе о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ — единомъ для всего міра и человѣка, понятіе объ Искупителѣ, обѣщанномъ всему падшему человѣчеству, понятія братскаго единокровія, любви и единенія всѣхъ въ одномъ Богѣ и въ одномъ Спасителѣ, связывающія теперь іудея и еллина, варвара и скиѳа, раба и свободнаго въ одно благодатное Божіе семейство, одинаково были недоступны и чужды и премудрому еллину и надменному іудею: Промыслъ Божій, направляющій самыя страсти людскія къ благимъ цѣлямъ, употребилъ для сближенія и взаимнаго ознакомленія разъединенныхъ народностей единственныя возможныя въ то время средства. Это — честолюбіе и властолюбіе политическихъ дѣятелей древняго міра. — Сначала, Александръ Македонскій въ побѣдоносномъ шествіи своемъ проноситъ греческую образованность по странамъ Европы, Азіи и Африки, которая, болѣе или менѣе прививаясь ко всѣмъ народностямъ, покореннымъ его оружіемъ, дѣлаетъ самый языкъ побѣдителя едва не всеобщимъ въ мірѣ. Еще болѣе довершаетъ это сближеніе желѣзная рука римлянъ. Мечемъ и хитрою политикою всебожія (*) они успѣваютъ соединить и слить всѣ отдѣльныя народности въ одну всемірную монархію, вмѣщавшую въ себѣ, во время Августа, почти всѣ извѣстнѣйшія страны древняго міра. Люди дѣйствовали, казалось, изъ своихъ побужденій и для своихъ корыстныхъ цѣлей, а между тѣмъ въ рукахъ Промысла Божія они были не болѣе, какъ орудія для достиженія высшихъ и благихъ цѣлей. Теперь, совершившееся на одномъ концѣ всесвѣтной имперіи легко огласится и сдѣлается извѣстнымъ на другомъ; теперь, провозвѣстники новаго благодатнаго царства свободно и безпрепятственно пройдутъ отъ береговъ Іордана до столповъ геркулесовыхъ, теперь они вездѣ найдутъ почву подготовленную и жаждущую новаго сѣмени и кромѣ борьбы съ суевѣріемъ не вынуждены будутъ еще бороться съ враждебными народностями.

Такъ, предъ пришествіемъ на землю Сына Божія, все на ней приготовлено было божественнымъ промышленіемъ для явленія святаго царства Его — все жаждало и звало Его. Оставалось Сыну Божію только избрать чистѣйшую изъ рода человѣческаго, дабы чрезъ нее соединиться съ нимъ неразрывными узами

(*) Римляне, уничтожая политическую самостоятельность государствъ, по хитрой политикѣ не только оставляли побѣжденнымъ ихъ законы и все низшее управленіе, но и открывали свои храмы для боговъ ихъ, имѣя въ виду чрезъ это связать съ Римомъ покоренныя страны религіозными узами и сдѣлать его центромъ и политическаго и религіознаго единенія — городомъ какъ бы священнымъ для всѣхъ язычниковъ.

плоти и крови. И сія чистѣйшая избрана Имъ подъ бѣднымъ кровомъ назаретскаго древодѣла: »Свѣтоносная палата уготовася Тебѣ, Владыко, утроба чистая Богоотроковицы: гряди къ сей и сниди, ущедри созданіе Твое, зависно брань пріемшее и работою удержанное льстиваго и доброту первую погубившее и Твоего спасительнаго чающее сошествія«. (Стихир. празд. Благовѣщ.).

Господи, отврати очи мои еже не видѣти суеты (Псал. 118, 37).

Не о невозможномъ молитъ Господа богодухновенный Царь израильскій. Правда, что суета окружаетъ человѣка со всѣхъ сторонъ,— и онъ тогда только совсѣмъ не будетъ видѣть всеобщаго порабощенія твари суетѣ, когда совсѣмъ закроются его тлѣнныя очи и онъ будетъ восхищенъ въ другой міръ, чуждый суеты и тлѣнія. Но хотя суета вездѣ, однакожъ не вездѣ только и есть, что суета; она примѣшивается ко всѣмъ вещамъ, но не все въ вещахъ суетно. Св. апостолъ Павелъ, восхищенный *до третьяго небесе* и созерцавшій тамъ неизреченныя явленія премірной жизни, говоритъ, что въ нашемъ мірѣ вся тварь подчинена и служитъ суетѣ (Римл. 8, 20). Но эта же самая тварь, по замѣчанію того же апостола, можетъ руководить человѣка къ познанію высочайшихъ и божественныхъ истинъ; потому что сквозь мракъ суеты, облегающей всѣ земныя вещи, *видима суть невидимая Божія, присносущная сила Его и Божество* (Римл. 1, 20). Значитъ, что въ мірѣ хотя и есть суета, но въ немъ же есть и не суетная правда,—истина Господня, пребывающая во вѣкъ.

Послѣ сего становится весьма понятнымъ возвышенный смыслъ богодухновенной молитвы Царя-пророка. Возлюбившій путь истины, праведный Давидъ желаетъ паслаждаться возвышеннымъ, равноангельнымъ зрѣлищемъ божественной истины, печатлѣющей всѣ созданія. Потому молитъ Бога, чтобы онъ даровалъ ему то духовное зрѣніе, которое и въ видимомъ можетъ усматривать невидимое, въ чувственномъ обрѣтать сверхчувственное и духовное, и въ суетномъ несуетное. Молитва въ сущности таже самая, какую возносилъ къ Богу премудрый сынъ Его, когда вмѣсто благъ земныхъ просилъ одной премудрости.

Къ такому разумѣнію святой молитвы праведнаго царя ведутъ и самыя слова ея: *отврати очи, еже не видѣти суеты.* Отвращеніе очей—дѣйствіе, которое человѣкъ употребляетъ, когда размышляетъ. Казалось бы, что для лучшаго познанія предмета, подлежащаго чувствамъ, напр. зрѣнію, необходимо употреблять все вниманіе очей, даже напрягать зрѣніе. Такъ и поступаютъ естествоиспытатели; употребляютъ даже искуственныя средства, усиливающія зрѣніе. Но и между ними тѣ только истинно знаютъ предметъ, которые умѣютъ отвращать очи свои отъ случайныхъ, преходящихъ признаковъ, дабы знать, что собственно принадлежитъ предмету и составляетъ его качество существенное. Кто пріобрѣлъ твердый навыкъ въ искуствѣ размышленія, тотъ наиболѣе свободенъ отъ обаянія суеты и наиболѣе способенъ къ созерцанію божественной истины, явленной въ видимыхъ

тваряхъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что *невидимая Божія видима суть* въ тваряхъ только *помышляема*, т. е. чрезъ размышленіе. И не для того ли преимущественно бываютъ открыты чудеса всемогущества, премудрости и безконечной благости въ устройствѣ видимаго міра, кто, не обращая вниманія на видимыя нестроенія и кажущіеся безпорядки, какъ на преходящую суету, старается постигать общіе и постоянные законы, по которымъ все живетъ и дѣйствуетъ? Не тогда ли особенно открываются для каждаго изъ насъ судьбы того же всеустрояющаго во благо промысла Божія, когда мы отвращаемъ взоръ отъ суетныхъ чаяній и стремленій, отъ мнимыхъ опасеній и бѣдствій и другихъ видовъ и явленій суеты, и возводимъ его *къ единому на потребу?*

Итакъ въ молитвѣ своей Царь—пророкъ говоритъ о зрѣніи духовномъ. Но при постоянномъ отвращеніи его отъ суеты къ истинѣ, самыя чувственныя очи пріобрѣтаютъ чудный навыкъ не замѣчать всюду являющейся суеты и видѣть всѣ твари, всѣ стихіи и явленія стихійныя въ своемъ неумолкаемомъ движеніи, которое кажется иногда суетнымъ, творятъ слово своего Создателя и хвалятъ его вмѣстѣ съ разумными силами (Псал. 148). Но дабы размышленіе могло привести къ сему чудному созерцанію міра, нужно помнить, что бываютъ и такіе печальные случаи, когда человѣкъ, хотя и *вдаетъ сердце свое, еже видѣти премудрость и разумъ*, и точно *видитъ многая;* но тутъ же съ горестію замѣчаетъ, *яко и се вся суетство и произволеніе духа* (Еккл. 1, 14, 17). Потому, по примѣру царственнаго молитвенника, нужно молить Бога, чтобы Онъ самъ отвращалъ очи наши, *еже не видѣти суеты.*

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 14-го Декабря 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 43.

НЕДѢЛЯ ПО ПРОСВѢЩЕНІИ.

11 Генваря 1859 г.

Гласъ 2-й.

На утрени: евангеліе воскресное 2-е, Марк. зач. 70. На Литургіи: апост. 2 Тим. зач. 298, евангеліе Марк. зач. 1.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ПО ПРОСВѢЩЕНІИ (*).

Отнюдь начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное. Матѳ. 4, 17.

Едва вступили мы въ новое лѣто, едва прошло нѣсколько дней его, какъ св. Церковь, въ материнскомъ попеченіи о душевномъ нашемъ спасеніи, проповѣдію самаго Спасителя приглашаетъ насъ къ покаянію: ***покайтеся***, взываетъ, ***приближися бо царство небесное.*** Такъ, съ пришествіемъ Іисуса Христа на землю, низошло къ намъ и царство небесное: потому что Господь, основавъ на землѣ благодатное Свое царство, или Церковь Свою, призвалъ въ нее всѣхъ желающихъ достигнуть вѣчнаго блаженства, озарилъ ихъ свѣтомъ истиннаго богопознанія, а Своими страданіями и крестною смертію разрушилъ всѣ преграды на пути къ царству небесному, уготованному любящимъ Бога, и, ниспославъ имъ Духа Святаго, открылъ въ немъ неисчерпаемый источникъ благодатныхъ силъ, содѣйствующихъ пріобрѣтенію безконечнаго на небеси блаженства. Но если, для вступленія въ благодатное царство, или въ Церковь Христову, требуется, по слову Спасителя, покаяніе, то тѣмъ необходимѣе очищеніе совѣсти нашей покаяніемъ для пріобрѣтенія вѣчнаго блаженства въ царствіи небесномъ, потому что въ него не можетъ войти никто осквернённый грѣхами. Посему, если при мысли о вѣчной нашей участи невозможно оставаться равнодушнымъ къ ней, то было бы крайне безразсудно и пагубно оста-

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, Архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

ваться нераскаяннымъ грѣшникомъ. Въ чемъ же главнымъ образомъ состоитъ истинное покаяніе и какимъ образомъ благодать Божія побуждаетъ насъ къ покаянію?

Истинное покаяніе преимущественно состоитъ въ болѣзненномъ сокрушеніи сердца, или въ такой душевной скорби о порабощеніи грѣху, по которой грѣхъ представляется духовному нашему взору столь омерзительнымъ, гнуснымъ, что кающійся твердо рѣшается впредь всеусильно отвращаться отъ грѣха. Для достиженія столь спасительной цѣли необходимо, чтобы сокрушеніе сердца овладѣло всѣми силами и способностями души нашей. Истинно кающійся, болѣзнуя сердцемъ о томъ, что онъ своими грѣхами оскорбилъ Бога, съ неутѣшною печалію воспоминаетъ о грѣхахъ своихъ, ненавидитъ изъ-за нихъ самаго себя, съ ужасомъ отвращается отъ всякихъ искушеній и соблазновъ, бѣжитъ отъ нихъ, какъ отъ ядовитой змѣи, какъ отъ свирѣпаго, дикаго звѣря, какъ отъ величайшаго бѣдствія. Такого покаянія требовалъ Богъ еще въ ветхомъ завѣтѣ, взывая устами пророковъ къ Израильтянамъ: *обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ въ постѣ, и въ плачи, и въ рыданіи. Расторгните сердца ваша, а не ризы ваша* (Іоил. 2, 12). *Отвергните отъ себе вся нечестія ваша, имиже нечествовасте ко Мнѣ: и сотворите себѣ сердце ново и духъ новъ, и сотворите вся заповѣди Моя* (Іезек. 18, 31).

Внимая такимъ изреченіямъ Духа Святаго, кающійся грѣшникъ тогда только можетъ заключать, что его покаяніе искреннее, когда, вмѣсто пристрастія къ земнымъ благамъ и удовольствіямъ, сердце его сокрушается о своей грѣховности, гнушается прежнимъ образомъ жизни своей, стремится пламенною любовію къ одному Богу, постоянно вознося къ Нему мысли и воздыханія изъ глубины души своей. А какъ, по выраженію Спасителя, *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Мат. 12, 34); то искреннее сокрушеніе о нашемъ окаянствѣ не можетъ не проявляться и въ наружныхъ нашихъ поступкахъ, особенно же въ молитвахъ, слезахъ, постѣ и умерщвленіи нашей плоти строгимъ обузданіемъ чувствъ нашихъ. Такъ кающійся мытарь, не осмѣливаясь и очей своихъ возвесть на небо, въ чувствѣ сердечнаго сокрушенія, поражая себя въ грудь, взывалъ изъ глубины души: *Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному* (Лук. 18, 13). Царь и пророкъ Давидъ, постоянно помышляя о своемъ грѣхопаденіи, говорилъ: *грѣхъ мой предо мною есть выну* (Пс. 50, 5), сего ради *пепелъ яко хлѣбъ ядохъ и питіе мое съ плачемъ растворяхъ, утрудихся воздыханіемъ моимъ* (Пс. 6, 7), *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Псал. 101, 10). Апостолъ Петръ всякій разъ, слыша пѣніе пѣтуха, проливалъ горькія слезы о томъ, что, по своему малодушію отрекся было на одно мгновеніе Христа Спасителя; а многіе кающіеся бѣжали изъ міра въ дикія пустыни, чтобы въ уединеніи оплакивать горькими слезами заблужденія жизни своей.

Къ прискорбію, по ожесточенію нашей природы во грѣхахъ, мы сами по себѣ безъ содѣйствія благодати Божіей и сокрушаться не можемъ такимъ покаяніемъ, которое могло бы преклонить Бога на милость къ намъ, вымолить прощеніе грѣховъ нашихъ, смыть съ души нашей горючими слезами грѣховныя скверны. А благодать истиннаго покаянія не ниспосылается дотолѣ, доколѣ грѣшникъ не сознаетъ всей гнусности грѣховнаго своего состоянія. Посему мы прежде всего должны пламенно молиться еще о томъ, да озаритъ благодать Божія всю глубину грѣховности, въ которую ниспали мы своеволіемъ, и сознавая

свое окаянство, въ сокрушеніи сердца воздыхать, да оживотворитъ насъ Господь истиннымъ покаяніемъ; взывать ко Отцу небесному душевнымъ воплемъ Пророка: *обрати мя, Боже, къ Тебѣ и обращуся* (Іерем. 31, 18), *обрати ны и спасемся* (Пс. 79, 8). И какъ не возсылать намъ къ Богу такихъ воздыханій, какъ не молиться о ниспосланіи намъ благодати покаянія, когда мы не можемъ не сознавать, что грѣховнымъ образомъ нашей жизни безпрестанно преогорчеваемъ любовь Божію, что мы грѣхами нашими ежечасно раздражаемъ правосудіе Божіе, что насъ ожидаетъ вѣчная несчастная участь, отъ которой мы ничѣмъ не въ состояніи искупить себя, а по слову Спасителя: *кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?* (Матѳ. 16, 26).

Такъ, очевидно, что мы только искреннимъ покаяніемъ можемъ умилостивить Бога, избѣжать уготованной нераскаяннымъ грѣшникамъ геенны огненной. Но покаяніе требуется отъ насъ неизмѣнное; такое, которое не допускало бы насъ снова увлекаться грѣховными искушеніями, порабощаться беззаконнымъ навыкамъ, обращаться, подобно гнуснымъ животнымъ, на свою блевотину (2 Петр. 2, 22). Ибо, если грѣхъ есть жесточайшій ядъ, причиняющій смерть душѣ нашей, то, оживотворивъ ее благодатію покаянія, снова порабощаться грѣху безразсуднѣе младенческаго неразумія: потому что и младенецъ, бывъ обольщенъ блескомъ огня, когда дотронувшись къ нему, обожжется, боится въ другой разъ прикасаться къ огню. А по принесеніи покаянія снова увлекаться грѣховными искушеніями тѣмъ опаснѣе, что всякій грѣхъ влечетъ за собою множество другихъ грѣховъ. Эту страшную опасность можно сравнить только съ насиліемъ злыхъ духовъ, о которомъ Спаситель говоритъ, что, когда нечистый духъ, вышедши изъ человѣка, скитаясь по безводнымъ мѣстамъ, не находитъ покоя: тогда, взявши съ собою другихъ злыхъ духовъ, снова обращается къ человѣку, изъ котораго вышелъ, и вмѣстѣ съ ними навсегда поселяется въ человѣкѣ. *И бываютъ послѣдняя человѣку тому горша первыхъ* (Лук. 11, 24—26).

Не отлагать покаянія твердаго, неизмѣннаго, умолять благость Божію о ниспосланіи намъ благодати, сокрушаться о нашемъ грѣховномъ состояніи мы имѣемъ множество побужденій. Дѣйствія же благодати Божіей въ этомъ отношеніи многоразличны. Ощутительнѣе всего она призываетъ насъ къ покаянію нашими частными и общественными бѣдствіями. А когда благодать коснется сердца, то душа наша сперва поражается страхомъ суда Божія, затѣмъ, въ чувствѣ искренняго раскаянія, устремляется самою пламенною любовію къ Богу. Озаренный благодатію грѣшникъ сначала размышляетъ: Богъ, коего благость я ежечасно оскорбляю безумными моими поступками, есть высочайшая святость, Праведный Судія дѣлъ человѣческихъ. Чего же мнѣ ожидать по суду Божію въ вѣчности? Ужъ конечно не блаженства, не награды, а вѣчнаго отверженія отъ лица Божія, низверженія въ геенну огненную. Какихъ же не стоитъ слезъ, какого не должна возбудить сокрушенія одна мысль о томъ, что ради кратковременныхъ, грѣховныхъ удовольствій я не только потерялъ вѣчное блаженство, но еще заслужилъ вѣчныя муки въ неугасимомъ, пламенномъ огнѣ, въ сравненіи съ коимъ огонь міра сего тоже, что воображаемый огонь въ сравненіи съ дѣйствительнымъ! О, Господи! отъ удара жезломъ Моисея о камень истекли изъ него обильныя струи воды; во время Твоего, Христе, распятія скалы сокрушались: неужели моему сердцу оставаться тверже камня; неужели мнѣ неисторгнуть изъ него слезъ искренняго покаянія

о мосмъ окаянствѣ? И какъ мнѣ не сокрушаться, не плакать о томъ, что я не дорожилъ вѣчною своею участію!

Сокрушивъ сердце грѣшника страхомъ суда Божія и вѣчныхъ мукъ, благодать приводитъ истинно кающагося въ умиленіе, внушая ему такія мысли: грѣховною жизнію своею ты оскорбилъ Создателя твоего, Господа, Благодѣтеля, Отца. Если Богъ Создатель твой, то какъ ты дерзнулъ нарушать данныя Имъ тебѣ законы? Если Богъ верховный Владыка твой и цѣлаго міра, то почему ты въ теченіи всей твоей жизни не былъ проникнутъ благоговѣйнымъ трепетомъ предъ величествомъ славы Его? Если ты, какъ въ морскія волы, погруженъ въ благодѣянія Божіи, то какъ ты смѣлъ быть неблагодарнымъ, нарушать заповѣди всевышняго твоего Благодѣтеля? Если Богъ Отецъ твой, любвеобильнѣе всѣхъ отцевъ, то почему ты не возлюбилъ Его отъ всего сердца, всѣми силами души твоей? Пренебрегая Его законы, нарушая Его заповѣди, ты мятежно возставалъ противу Творца и Господа твоего, оскорблялъ своими грѣхами своего Благодѣтеля, воздавалъ самою гнусною неблагодарностію за безчисленныя щедроты Божіи, преогорчалъ всеблагаго Отца небеснаго, толико возлюбившаго тебя, что отъ него имѣешь все, что имѣешь, что единственно по милости Его живешь, движешься и существуешь (Дѣян. 17, 28). Такъ, нерадя о долготерпѣніи, по которому благодать Божія призывала тебя къ покаянію (Римл. 2, 4), ты ежечасно предавался большему ожесточенію во грѣхахъ, пристращался къ суетнымъ удовольствіямъ, прилѣплялся всѣмъ сердцемъ къ тому, что для тебя было всего пагубнѣе, ничѣмъ считалъ напрасную потерю драгоцѣннаго времени, даннаго тебѣ для пріобрѣтенія вѣчнаго спасенія!

Сокрушаемый такими мыслями, истинно кающійся грѣшникъ исполнится столь пламенною любовію къ Богу, что изъ благоугожденія Ему желалъ бы перенесть всѣ роды мученій въ наказаніе за то, что преогорчевалъ Господа преступнымъ своимъ поведеніемъ, желалъ бы кровію своею смыть грѣхи, оскверняющіе душу его; такое глубокое покаяніе, можно считать совершеннымъ, ручающимся въ прощеніи грѣховъ, какъ удостовѣряетъ изреченіе Спасителя о покаявшейся грѣшницѣ: *отпущаются грѣси ея мнози: яко возлюби много* (Лук. 7, 47).

Такъ благодать Божія совершаетъ душевное спасеніе тѣхъ, которые, сокрушаясь о своей грѣховности всеусильнымъ покаяніемъ, испрашиваютъ у Бога прощеніе грѣховъ своихъ. Если мы не ощущаемъ въ сердцѣ нашемъ истиннаго сокрушенія о нашемъ грѣховномъ состояніи, то потому, что мы невнимательны къ внушеніямъ благодати Божіей, которая съ материнскою попечительностію призываетъ насъ къ покаянію и оскудѣніемъ плодовъ земныхъ, и пожарами, и наводненіями, и моровыми язвами, и тяжкими, кровопролитными бранями. Но что ожидаетъ насъ, когда и такія дѣйствія благодати Божіей не пробудятъ насъ отъ сна грѣховнаго? На этотъ вопросъ давно изрекла отвѣтъ Премудрость Божія: *понеже звахъ и не послушасте Мене, но отметаете мои совѣты, и обличеніемъ моимъ не внимасте: убо и Азъ вашей погибели посмѣюся, порадуюся же, егда пріидетъ вамъ пагуба: будетъ бо, егда призовете Мя, Азъ же не послушаю васъ* (Притч. 1, 24. 26. 28). Аминь.

ОБЩЕПОЛЕЗНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Въ современномъ обществѣ можно встрѣчать людей, которые, въ своихъ взглядахъ на жизнь, довели до крайности направленіе нашего расчетливаго вѣка,—людей, для которыхъ ревностное служеніе пользамъ общества, благу другихъ, кажется какою-то загадкою, непостижимою для ихъ здравомыслія, какимъ-то запоздалымъ памятникомъ древней патріархальности нравовъ. Прискорбно видѣть, какъ въ ихъ холодныхъ приговорахъ оскорбляется лучшій цвѣтъ нашего общества, попираются понятія, на которыхъ зиждется общественное благосостояніе. Нѣтъ, мудрые нашего времени, вы далеки отъ голубиной цѣлости,—неиспорченности мысли и чувства; нѣтъ,—своекорыстіе не законъ нашей жизни,—служеніе нашей жизни,—служеніе общему благу не пустое расходованіе жизненныхъ силъ и средствъ; это не есть даже какая нибудь необязательная добродѣтель,—какой нибудь родъ жизни, предоставленный свободѣ и склонности каждаго. Общеполезная дѣятельность есть обязанность, непремѣнная, хотя посильная, обязанность каждаго честнаго гражданина. Господь создалъ людей для жизни—въ обществѣ, благо котораго можетъ достигаться только служеніемъ частныхъ членовъ общей пользѣ. Человѣческое общество должно уподобляться единому тѣлу, члены котораго принадлежатъ своими силами цѣлому тѣлу и для цѣлаго тѣла обязаны дѣйствовать.

Неужели я не обязанъ служить—возвратить отечеству тѣмъ, что получилъ отъ него? Мои нужды побуждали его дѣйствовать для моего блага; неужели я могу быть къ нему менѣе чувствителенъ, не нарушая справедливости?—Вы, которые съ сомнѣніемъ смотрите на все, что должно придавать вамъ достоинства истинныхъ людей,—скажите: кто вамъ далъ ваше воспитаніе? Кто научилъ васъ истинамъ, которыя развили и образовали вашъ духъ? Кто далъ вамъ средства обезпечить свою жизнь, пріобрѣсть состояніе? Кто дѣлаетъ неприкосновенною вашу собственность? Кто защищаетъ отъ несправедливыхъ нападеній? Кто печется о васъ во время болѣзни? Не духъ ли служенія общей пользѣ? Кто можетъ сомнѣваться, что благодѣяніемъ своихъ собратій существуетъ каждый, и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ есть? Если въ насъ почтили и почитаютъ человѣчество: почему же мы не обязаны почтить его въ другихъ?

Тяжелы для общества своекорыстные люди. Тысячи могутъ страдать отъ неудовлетворимыхъ влеченій ихъ самолюбія. Они хотятъ пользоваться всѣмъ только для себя; изъ обломковъ счастія другихъ, которые не рѣдко сами ниспровергли, безчувственные — созидаютъ свое состояніе, на выѣ своихъ сограждан возвышаются къ почестямъ; въ поглощеніи трудоваго пота ихъ ищутъ наслажденія.

Думаете ли, что всеблагій Богъ, явившій неизслѣдимую пучину мудрости въ устройствѣ творенія, забылъ свое величіе и мудрость въ устроеніи судьбы человѣка? Что былъ бы человѣкъ, какъ не противорѣчіе себѣ, если бы служеніе общей пользѣ не было его обязанность? Предъ нами человѣческія тѣла, однѣ — изумляющія своею силою и крѣпкимъ строеніемъ, и невольно заставляющія сказать: »они рождены для труда, для работы«, и рядомъ съ ними—другія, слабыя въ тѣлесномъ составѣ, скудныя въ силахъ. Видимъ лица, отличающіяся необыкновенною силою духа,—которыя блескомъ своихъ дарованій превышаютъ обыкновенные умы, какъ дневной свѣтъ—звѣзды ночи;—которые видятъ гораздо далѣе своихъ современниковъ, которыя въ высотѣ своихъ предначертаній остаются недостижимыми для нихъ; и вотъ наряду съ ними—другія,

тупыя разсудкомъ, слабыя духомъ, которыя всегда—какъ будто въ состояніи несовершеннолѣтія, и которымъ, кажется, суждено держаться за другихъ, какъ плющу за дубы. Если бы теперь, при такомъ неравенствѣ дарованій и силъ, человѣкъ не слышалъ внутри себя голоса своего Творца: »будь для своего менѣе одареннаго брата тѣмъ, чего ему недостаетъ«, чѣмъ явилось бы предъ нами человѣчество? Но не такъ устроило Провидѣніе. Громко и непрерывно взываетъ оно къ крѣпкимъ и мудрымъ: »служите избыткомъ силъ слабымъ братьямъ; пусть ваша крѣпость поддерживаетъ ихъ, ваша мудрость—руководитъ, ваша осторожность—предостерегаетъ; живите для блага человѣчества«. — Какъ велико является теперь это устроеніе Промысла!

Своекорыстный, живущій только для себя человѣкъ — ничто; оторвите челвѣка отъ общества, и онъ не въ силахъ существовать. Ни одно изъ дарованій, которыя такъ рѣзко отличаютъ его отъ животныхъ, не разовьется въ немъ; ни одна изъ добродѣтелей, составляющихъ достоинство людей, не процвѣтетъ въ немъ; онъ будетъ дикъ и несмысленъ какъ звѣрь. Но въ средѣ людей, которые сами друзья другихъ, человѣкъ живетъ счастливо; вліяніе на него собратовъ дѣлаетъ его умнымъ; ихъ рука защищаетъ его отъ напастей; ихъ утѣшеніе смягчаетъ его скорбь, ихъ помощь поддерживаетъ въ болѣзняхъ; ихъ обхожденіе дѣлаетъ его веселымъ, любвеобильнымъ, предупредительнымъ.

Какъ ни ясно высказывается воля Всевышняго въ основаніяхъ, на которыхъ зиждется благо человѣчества,—однакожъ Онъ не благоволилъ предоставить нашему усердію исключительно въ нихъ распознавать ее. Между наставленіями, которыя Онъ давалъ людямъ чрезъ Своихъ посланниковъ, встрѣчаются самыя частыя и самыя опредѣленныя указанія на обязанность служенія общему благу. *Возлюбиши ближняго твоего якоже самъ себе*, говоритъ Господь чрезъ Моисея. *И заповѣда имъ комуждо о искреннемъ*, учитъ Сирахъ въ духѣ Божіемъ. *Разсуждай, яже суть искренняго, отъ тебе самаго*, вотъ мѣрило нашей любви къ ближнимъ (Сирах. 17, 12. 31. 18). *Кійждо да поможетъ своему брату, и да речетъ брату своему: возвеселися* (Иса. 41, 6).

Господь сдѣлалъ еще болѣе. Какъ будто желая убѣдить насъ всѣми способами, что человѣчество должно быть одушевлено служеніемъ общему благу, Онъ посылаетъ на землю Своего единороднаго Сына,—воплощенную Любовь. Какое чудное явленіе для міра—Господь и Спаситель нашъ, Врачъ и Братъ, Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ!—Вся жизнь Его — для другихъ!—Все, чего Онъ ищетъ, требуетъ, желаетъ, проситъ—благо человѣчества. Все, что Онъ предпріемлетъ и учреждаетъ, надъ чѣмъ трудится и что исполняетъ—счастіе людей! Все, чему Онъ учитъ, что предлагаетъ и напечатлѣваетъ въ мысляхъ—любовь къ людямъ, служеніе общему благу. Его явленіе между людьми есть глубокое для Него уничиженіе; но Онъ почитаетъ оное достойнымъ Себя и даетъ намъ драгоцѣнѣйшее поученіе, что для блага своихъ братій нельзя ничего считать слишкомъ низкимъ. Онъ оставилъ небесное величіе, которое имѣлъ отъ вѣка у своего Отца,—принялъ видъ раба,—чтобъ мы научились искать своихъ истинныхъ достоинствъ въ служеніи человѣчеству. Онъ проходитъ землю, является людямъ съ своимъ ученіемъ и помощію,—да познаемъ, что истинная любовь живетъ не для себя, а для человѣчества. Самая тяжкая, самая горькая смерть была Ему наградою за безграничную дѣятельность для

духовнаго и тѣлеснаго блага человѣчества, и въ кровавой, жертвенной смерти Его за міръ слышится трогательнѣйшее крестное слово: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Такъ блговолилъ Господь напечатлѣть въ сердцахъ людей обязанность служенія общему благу.

О, если бы мы не слушали своего самолюбія, когда оно нашептываетъ намъ: »почему я долженъ жить для другихъ? Другіе должны заботиться сами о себѣ, мой міръ для меня — я, — онъ живетъ и умретъ со мною«! Нѣтъ, такое разсужденіе не согласно ни съ намѣреніями нашего Творца, ни съ примѣромъ нашего Искупителя. — Ужели мы не живемъ и для самихъ себя, когда живемъ по примѣру Іисуса Христа, въ любви Божіей для другихъ? — Самолюбіе при выраженіи: »жить для себя«, не умѣетъ представить ничего другаго, какъ »имѣть для себя пищу и питье, кровъ и одежду.« Но мудрость при словѣ: »жить для себя« мыслитъ — жить для своего усовершенствованія, которое есть цѣль нашего бытія. Но не тогда ли живу я болѣе для своего усовершенствованія, когда въ любви Божіей живу для другихъ? Что дѣлаетъ меня благороднѣе, если не то, что я посвящаю себя моимъ братіямъ? Что дѣлаетъ болѣе человѣкомъ, какъ не обращеніе и кроткое поведеніе съ моими братіями? Что благодѣтельнѣе, какъ не то, что я ношу каждаго въ моемъ сердцѣ? что великодушнѣе, какъ не самозабвеніе для другихъ? Что вѣрнѣе, какъ не постоянное убѣжденіе, что Богъ каждому ввѣрилъ его ближняго, какъ святый залогъ? Что искреннѣе, кякъ не мысль: »всѣ мы члены единаго тѣла«? Что терпѣливѣе, если не сознаніе недостатковъ другихъ, какъ недостатковъ собственныхъ? Если будемъ имѣть въ виду и наши чувственыя выгоды, то и тогда — надобно имѣть самое поверхностное знаніе истинныхъ выгодъ, чтобы почитать жизнь для другихъ потерею для себя. Что теряю я, служа посильно моимъ собратіямъ, если кругомъ меня мною и другими облагодѣтельствованные готовы всегда поддерживать меня, утѣшать, защищать меня? Что теряю я, если свои малыя силы посвящаю человѣчеству, и за то вижу силы другихъ, обращенныя ко мнѣ?

Да, — что бы ни говорило наше самолюбіе, — служеніе общему благу есть для насъ училище всякой добродѣтели, руководство ко всякому преспѣянію богоугодному. Оно развиваетъ въ насъ всѣ чувства и способности, безъ которыхъ мы не заслуживаемъ имени людей. Оно научаетъ побѣждать своекорыстіе, призывая дѣлиться съ ближними своими избытками; оно питаетъ чувство состраданія, представляя несчастіе другаго несчастіемъ моимъ; оно дѣлаетъ для меня порвѣйшею потребностію истину, убѣждая меня, что заблужденія моего брата запутываютъ наконецъ мои собственныя стези. Жестки и холодны остались бы сердца наши, если бы мы отдѣлили свои выгоды отъ выгодъ нашихъ ближнихъ. Чувство состраданія не коснулось бы души нашей, если бы мы не научились видѣть во всякомъ брата и друга. Радость при счастіи ближняго не оживляла бы насъ, еслибы опытъ не убѣдилъ насъ, что его счастіе имѣетъ вліяніе на наше. Коротко, мое благодѣтельное вліяніе на моихъ собратій, согласное съ желаніемъ Іисуса Христа, производитъ мое усовершеніе.

Да будетъ же служеніе общему благу нашимъ первымъ стремленіемъ, нашею первою заботою! Да не будетъ иныхъ желаній, не знаются иныя выгоды, кромѣ желанія и выгоды — быть полезнымъ своимъ братіямъ. Пусть благо человѣчества будетъ закономъ, господствующимъ надъ всѣми побужденіями нашего серд-

ца. Истинная мудрость, чистѣйшее наслажденіе нашей жизни—въ общеполезной дѣятельности.

ПОКАЯНІЕ И ВѢРА.

Христіанинъ со всѣхъ сторонъ и постоянно окруженъ искушеніями отъ враговъ своего спасенія—міра, плоти и діавола; посему въ борьбѣ съ ними для него всегда есть опасность паденія. Никто изъ людей не можетъ быть совершенно свободнымъ отъ грѣхопаденій, пока живетъ на землѣ (Быт. 6, 5. Іов. 14, 4. 5. 15. 1 Іоан. 1, 8—10). Самые великіе подвижники христіанскаго благочестія, успѣшно и многократно выходившіе побѣдителями изъ борьбы со грѣхомъ, иногда подвергались тяжкимъ преступленіямъ. Но грѣхопаденія въ борьбѣ съ искушеніями не составляютъ непреодолимаго препятствія на пути къ нравственному христіанскому совершенству. Падающій, при содѣйствіи благодати Божіей, можетъ воставать, и долженъ поспѣшать востаніемъ, чтобы жизнь духовная, прекращающаяся въ паденіи, опять возрастала. Единственное средство для востанія, — для возвращенія падшаго христіанина къ жизни духовной и преспѣянію въ ней, со стороны самаго христіанина, есть покаяніе, соединенное съ вѣрою.

Подъ покаяніемъ мы разумѣемъ здѣсь постоянный образъ мыслей, чувствованій и дѣлъ христіанина, коихъ цѣль—есть заглажденіе грѣховъ предъ Богомъ, содѣянныхъ словомъ, мыслію, дѣломъ и всѣми чувствами. Сюда, слѣдовательно, относится покаяніе не только какъ таинство, — какъ исповѣдь, но вообще всѣ трудные и болѣзненные для ветхаго нашего человѣка подвиги христіанскаго самоотверженія, какъ то: посты, бдѣнія, молитвы, колѣнопреклоненія, плачъ о грѣхахъ и проч. Такъ понимаетъ покаяніе, въ смыслѣ постояннаго условія и подвига христіанской жизни, св. Златоустъ. Онъ относитъ къ покаянію, кромѣ исповѣди, плачь и сокрушеніе о грѣхахъ, смиреніе, милостыню, молитву (*). Спасительное таинство покаянія останется для грѣшника безплоднымъ, если покаянный образъ мыслей, чувствованій и дѣйствій не будетъ предшествовать исповѣди и послѣдовать за нею. Онъ долженъ предшествовать: ибо иначе не получится отпущеніе грѣховъ; долженъ послѣдовать: ибо, въ противномъ случаѣ, не будетъ плодовъ достойныхъ исповѣди. Спаситель требуетъ: *сотворите плоды достойны покаянія* (Матѳ. 3, 8); а плодъ сей для христіанина что иное есть, какъ не подвиги любви и самоотверженія, простирающіеся на всю жизнь? — Вотъ почему покаяніе необходимо для всѣхъ христіанъ. Если всѣ мы грѣшники, и никто не выше искушеній, учитъ св. Исаакъ Сиринъ, то ни одна изъ добродѣтелей не выше покаянія; потому что дѣло покаянія никогда не можетъ быть совершенно. Покаяніе всегда прилично всѣмъ грѣшникамъ и праведникамъ, желающимъ улучить спасеніе. И нѣтъ предѣла усовершенію; потому что совершенство и самыхъ совершенныхъ на землѣ еще неокончательное. Посему-то покаяніе до самой смерти не опредѣляется ни временемъ, ни дѣлами (**).

(*) Воскр. Чт. VII, стр. 429. 439. 447. 455. 477.

(**) Пр. Исаака Сирина сл. 71. ст. 441—443 (изд. 1854 М).

Св. Златоустъ покаяніе называетъ духовнымъ воскресеніемъ (*); потому что какъ нѣтъ грѣха (который *раждаетъ смерть* (Іак. 1, 15), побѣждающаго милосердіе Божіе, такъ нѣтъ грѣхопаденія, котораго не заглаждало бы покаяніе, и такимъ образомъ не возвращало бы грѣшника къ святой и богоугодной жизни. Покаяніе возсоединяетъ падшаго христіанина съ Богомъ, какъ бы ни были велики грѣхи его, и сокрушая сердце грѣшника, всегда заставляетъ его бодрствовать надъ собою и постепенно возвышаться по лѣствицѣ духовнаго совершенства. Св. Церковь чрезъ покаяніе (понимаемое въ обширномъ смыслѣ) принимала въ свое лоно и освящала благодатными средствами даже тѣхъ, кои отвергались Христа Спасителя по страху гоненій и мученій за вѣру въ Него. Стоявшіе на высокой степени нравственнаго совершенства, и потомъ подвергавшіеся тяжкимъ грѣхамъ, чрезъ покаяніе не только сіяжавали себѣ прежнюю чистоту и святость жизни, но даже дѣлались совершеннѣйшими, получали отъ Господа благодатные дары въ сугубой степени (наприм. Іаковъ пустынникъ). Такъ велика сила покаянія! *Печаль яже по Бозѣ*, по слову Апостола, *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. 7, 10). Покаяніе, какъ подвигъ цѣлой жизни, весьма важно и въ томъ отношеніи, что оно есть надежнѣйшее предостереженіе и вмѣстѣ врачевство отъ горести духовной и самопрельщенія,—самыхъ опасныхъ недуговъ духовной жизни; оно же есть и лучшее средство къ поддержанію въ душѣ постояннаго чувства смиренія, безъ коего самые высокіе подвиги добродѣтели теряютъ свою цѣну предъ Богомъ.

Но чтобы христіанское покаяніе было истинно и спасительно для насъ, оно непремѣнно должно основываться на правой вѣрѣ; въ противномъ случаѣ будетъ неизбѣженъ въ жизни христіанина ложный, а потому и не спасительный ходъ покаянныхъ мыслей, чувствованій и дѣйствій, какъ это видимъ въ христіанскихъ обществахъ, уклонившихся отъ истинной вѣры въ ереси и расколы. *Безъ вѣры не возможно угодити Богу* (Евр. 11, 6). Будучи по первоначальному своему происхожденію даромъ Божіимъ (1 Кор. 12, 3), она, потомъ, чрезъ свободную воспріемлемость со стороны человѣка, дѣлается для него постояннымъ началомъ духовной жизни.

Чтожъ такое вѣра въ семъ послѣднемъ смыслѣ? Она есть постоянное, неизмѣнное, всецѣлое, т. е. всѣми силами души воспринятое убѣжденіе въ истинѣ божественнаго христіанскаго ученія по руководству св. Церкви (см. Евр. 1, 1—3. Римл. 10, 9. Евр. 11. Дѣян. 20, 21). И такъ это а) не есть вѣра только историческая, которая состоитъ въ признаніи евангельскихъ сказаній, или событій, за дѣйствительныя, на основаніи непреложно истиннаго свидѣтельства Божія (Іоан. 3, 33). Признаніе сіе необходимо ко спасенію, но не довольно еще, если евангельскія событія проходятъ только чрезъ нашу память и воображеніе, и не оживаютъ, такъ сказать, въ насъ самихъ. б) Не вѣра только умозрительная, или холодное согласіе разума на истины, возвѣщенныя намъ Словомъ Божіимъ. Предметъ одного холоднаго представленія истины хотя отразится въ душѣ, какъ зеркалѣ, но не усвоенный ею существенно, останется безъ живаго и дѣйственнаго вліянія на жизнь (Римл. 10, 6—10).

Предметомъ вѣры непремѣнно должно быть все, что Господу благоугодно было открыть о Себѣ и совершить для нашего спасенія. Кто дѣлаетъ выборъ между истинами откровенія, и однимъ изъ нихъ вѣритъ, какъ несомнѣн-

(*) Бес. 10 на посл. къ Римл.

нымъ, а другія отвергаетъ, или подвергаетъ сомнѣнію, тотъ не имѣетъ надлежащей вѣры, и дерзновенно оскорбляетъ Бога—Виновника откровенія. Съ другой стороны, кто принимая все откровенное ученіе, не слѣдуетъ руководству св. Церкви въ объясненіи его, а усвояетъ себѣ право толковать свящ. истины по своему разумѣнію, тотъ неизбѣжно впадаетъ въ бездну заблужденій, а въ слѣдствіе сего уклоняется на ложный и гибельный путь жизни. Посему-то тамъ нѣтъ и не можетъ быть чистой христіанской нравственности, гдѣ нѣтъ вѣрнаго и неуклоннаго послѣдованія руководству св. Церкви въ дѣлѣ вѣры.

Обнимая весь кругъ христіанскаго ученія и проникая собою всѣ силы души, умъ, чувство и волю, вѣра христіанина должна быть въ отношеніи къ уму—разумная (*λογικὴ λατρεία* —Римл. 12, 1), т. е. сознательная и отчетливая, чтобы вѣрующій былъ всегда готовъ дать отвѣтъ всякому вопрошающему о нашемъ упованіи (Петр, 3, 15). Апостолъ заповѣдуетъ: *не дѣти бывайте умы, но злобою младенчествуйте* (1 Кор. 14, 20). *Да небываемъ ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія* (Еф. 4, 14). Въ отношеніи къ чувству—сердечная,—живая. Будучи для ума свѣтомъ, для сердца она должна быть теплотою, его согрѣвающею, которая столь же важна въ жизни духовной, сколько теплота солнца въ жизни физической. Переведенная, такъ сказать, изъ ума въ сердце, вѣра производитъ въ немъ дѣйствія, подобныя тѣмъ, какія теплота солнца на почвѣ земной. Въ отношеніи къ волѣ—дѣятельная: *безъ дѣлъ вѣра мертва есть* (Іак. 2, 14—17), и постоянно твердая. Апостолъ внушаетъ: *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся* (1 Кор. 16, 13).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 20-го Декабря 1858 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 44.

НЕДѢЛЯ 36 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

18 Генваря 1859 г.

Гласъ 3-й.

На утрени: евангеліе воскресное 3-е, Марк. зач. 71. На Литургіи: апост. 1 Тим. зач. 280, евангеліе Лук. зач. 93.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПОКЛОНЕНІЯ ВЕРИГАМЪ АПОСТОЛА ПЕТРА, 16 ГЕНВАРЯ (*).

Бѣ Петръ спя между двѣма воиноми, связанъ желѣзнома ужема двѣма, стражіе же предъ дверьми стрежаху темницы.

Дѣян. 12, 6.

Петръ, верховный Апостолъ, образецъ твердой вѣры и искренняго благочестія, сидитъ въ темницѣ, связанный оковами. И мы по голосу Церкви, собрались творить поклоненіе веригамъ Петровымъ. Что за радость цѣловать оковы темничника? И гдѣ жъ собрались мы? Въ домѣ узилищномъ. Не творимъ ли мы посмѣянія надъ страждущею невинностію, которой мѣсто, какъ кажется, совсѣмъ не въ темницѣ, хотя и видимъ ее тамъ въ лицѣ Петра?

Не трудно понять, что послѣ того, какъ извѣстно намъ великое лице Петра, вериги Петровы стоятъ поклоненія нашего. Если каждая вещь, принадлежащая великому человѣку, обращаетъ на себя общее вниманіе; то вериги верховнаго Апостола конечно достойны благоговѣйнаго уваженія, тѣмъ болѣе, что все величіе Петра было дѣломъ великой благодати Божіей. Въ книгѣ дѣяній Апостольскихъ видимъ мы опытъ тому, что самыя неодушевленныя вещи, бывшія въ употребленіи Апостоловъ, проникались силою благодати Христовой. Тамъ читаемъ, что и *главотяжцы* Павла, головныя повязки его, источали исцѣленіе для больныхъ, при прикосновеніи къ нимъ вѣры. Точно таковы были и вериги Петровы.

Оковы и темница кажутся намъ стран-

(*) Говорено въ храмѣ харьковскаго тюремнаго замка Преосвященнымъ Филаретомъ, архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ.

ными, несовмѣстными съ мыслію о невинности. А святые Божіи цѣловали оковы свои, радовались въ страданіяхъ своихъ. Отъ чего такая разность во взглядѣ на одинъ и тотъ же предметъ? Отъ того, что святые Божіи выше всего ставили волю Божію и лучше насъ видѣли, какъ спасительна для нихъ сія воля. По ихъ опытному дознанію, временныя бѣдствія, въ томъ числѣ оковы и темница, стѣсняя плоть и ея пожеланія, не стѣсняли свободы духа въ его стремленіяхъ къ вѣчному, напротивъ облегчали восхожденія его къ небу. Потери и скорби временныя открывали святымъ Божіимъ непостоянство и суетность благъ мірскихъ, которыя безъ того, по временамъ, останавливали на себѣ мысли и чувства ихъ. Страданія плоти, отрѣшая душу отъ связи съ землею, погашали въ ней, болѣе или менѣе, грѣшныя привязанности земныя и раскрывали святыя желанія неба; очищая духъ отъ нечистыхъ движеній самолюбія, укрѣпляли его въ покорности волѣ Божіей и въ благоговѣйной любви къ Господу. Ап. Павелъ такъ изображаетъ причины радости, производимой скорбями: *радуемся во страданіихъ, вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искуство, искуство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3). *Кто поживетъ и несогрѣшитъ?* (3 Цар. 8, 46). А чтобы очистить золото отъ разной примѣси, нуженъ огнь. Такъ нужны и для св. Божіихъ искушенія. Эту истину глубоко сознавали св. Божіи и прославляли судьбы Божіи: *судими отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор 11, 32), говорилъ Апостолъ.

Заключенные въ семъ узилищѣ, но предназначенные къ свободѣ Христовой! Не сомнѣваемся, что между вами могутъ быть невинные Іосифы,—и правосудіе человѣческое, потому самому, что для него недоступны сердца человѣческія, не вѣрно причисляетъ иныхъ изъ васъ къ татямъ и разбойникамъ. Но это не значитъ что кто нибудь изъ васъ въ правѣ роптать на свое положеніе. Помните, святые Божіи считали оковы и темницы за дѣло любви Божіей. Невинный Іосифъ палъ ли духомъ подъ тяжестію бѣдствій, постигшихъ его? Возставалъ ли онъ съ ропотомъ и негодованіемъ противъ суда человѣческаго, или противъ человѣческой немощи братьевъ? Нѣтъ. Напротивъ онъ говорилъ къ братьямъ своимъ: *не вы посласте мя сѣмо, но Богъ* (Быт. 45, 8).

Если временныя скорби нужны для самыхъ праведниковъ: что сказать о грѣшникахъ? Для нихъ узы и темница дѣло правды Божіей и вмѣстѣ обильной любви Божіей. Правда Божія не можетъ оставить безъ отмщенія нечестій человѣческихъ: Богъ не можетъ не отвращаться отъ грѣха. И чѣмъ менѣе люди чувствуютъ гнусность дѣлъ своихъ, тѣмъ грознѣе возстанетъ противъ нихъ правда небесная. Раскаяніе души доброй само выполняетъ въ себѣ дѣло суда Божія, поражая скорбію за грѣхи немощи человѣческой. Но что дѣлать съ душею, необузданною въ страстяхъ своихъ и нечувствующею своего заблужденія? Карательная правда Божія объявляетъ, по отношенію къ забывчивымъ грѣшникамъ, свой голосъ въ приговорахъ суда человѣческаго, въ разныхъ скорбяхъ и лишеніяхъ временныхъ. И счастливы тѣ изъ нихъ, которые покорно исполняютъ приговоръ правды вѣчной во времени, умѣряютъ желанія страстей страхомъ суда Божія, если и не совсѣмъ возвращаются къ путямъ высокой христіанской жизни. Иначе, страшна вѣчность, ожидающая нераскаяннаго грѣшника. Что значатъ всѣ возможныя временныя скорби предъ муками вѣчности? Удары лозы, наносимыя рукою умной матери.

Заключенные въ семъ узилищѣ правдою

человѣческою! Осмотритесь, кто вы предъ правдою Божіею? Вы сами въ своей совѣсти, при свѣтѣ евангельскомъ, лучше можете знать, кто вы таковы? Что, если самая большая часть изъ васъ дѣйствительно виновны въ преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняетъ васъ человѣческое правосудіе? Что, если гораздо болѣе содѣлано вами нечистыхъ дѣлъ и беззаконій, чѣмъ могъ обличить недальновидный глазъ суда человѣческаго? Что, если тайныя нечестія души вашей, подвѣдомыя одному суду Божію, вызываютъ противъ васъ такой грозный судъ Божій, съ которымъ не сравняются никакіе приговоры правды человѣческой? Что остается вамъ дѣлать? Ужели оставаться съ прежнимъ безчувствіемъ и нераскаянностію? О! повторяйте чаще исповѣдь благоразумнаго разбойника: мы терпимъ достойное дѣлъ нашихъ. Эта исповѣдь будетъ славить правду Божію, а раскаяніе, возбуждаемое ею, будетъ привлекать на васъ милосердіе Божіе. Въ голосѣ правосудія человѣческаго звучитъ для васъ голосъ правосудія Божія: внимайте ему и лейте слезы раскаянія о нечестіяхъ души вашей. Страшитесь того наглаго безчувствія, съ какимъ висѣлъ ошую Господа другой разбойникъ. Какъ близокъ былъ сей несчастный къ Спасителю и Господу своему! Но онъ не позналъ себя, потому не узналъ и Господа своего. Онъ не созналъ нечистыхъ дѣлъ своихъ, глухъ остался и къ напоминанію о нихъ, сдѣланному судомъ правды человѣческой, и потому не искалъ милости небесной. Страшитесь такого положенія. Молитесь, молитесь чаще молитвою благоразумнаго разбойника: *помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ.* Кающійся разбойникъ не терзается скорбію о томъ, что виситъ на крестѣ и терпитъ самую позорную смерть. Онъ сокрушается только о грѣхахъ своихъ и молитъ Господа о прощеніи ихъ: *помяни мя, Господи,* восклицаетъ онъ, *егда пріидеши во царствіи твоемъ.* Поступайте и вы по его примѣру. Не дозволяйте исторгаться изъ сердецъ вашихъ ни одному звуку ропота на жребій вашъ. Переносите благодушно участь свою; велите себя кротко; неудаляйте отъ себя мысли о грѣхахъ своихъ и старайтесь приносить плоды достойные покаянія: смиреніе, чистоту душевную и тѣлесную, незлобіе, покорность, послушаніе.

Боже Всемогущій! пребуди благодатію Твоею въ дому семъ, да будетъ онъ училищемъ святой воли Твоей, вездѣ для насъ премудро благой и спасительной. Аминь.

СКУКА.

статья 1.

Каждому по опыту извѣстно, въ чемъ состоитъ то душевное состояніе, которое называется обыкновенно скукою. Скука ходитъ по свѣту въ родѣ постояннаго повѣтрія и такъ близка къ каждой душѣ человѣческой, что трудно, и даже едва ли возможно, найти человѣка, рѣшительно никогда не знавшаго ея. Всѣ стараются избавиться отъ скуки, и между тѣмъ всѣ жалуются на нее, и замѣчательно, что больше жалуются тѣ, которые больше средствъ предпринимаютъ противъ нея. Является скука въ скромной хижинѣ селянина, раждаемая тяжелою мыслію о низкой долѣ, о бѣдности, о неблагодарномъ трудѣ, гнетущемъ человѣка на этой степени обществен-

ной жизни,—и бѣднякъ бѣжитъ отъ нея къ чашѣ доступнаго ему наслажденія, думая найти въ ней исцѣленіе отъ раздирающей боли сердца или по крайней мѣрѣ забвеніе о ней, иногда ищетъ облегченія въ ропотливой и праздной, но утѣшительной для него бесѣдѣ, и только изрѣдка въ покорной молитвѣ Промыслителю. Не выгонятъ скуки и изъ разукрашенныхъ палатъ, въ которыхъ, по представленію сторонняго зрителя, надѣленнаго скромнымъ жребіемъ, ничего не должно бы быть, кромѣ чувства довольства и всегдашняго веселія, — и всѣмъ удовольствованный богачъ ищетъ развлеченій и веселыхъ собраній, дорогою цѣною покупаетъ удовольствія свѣта, чтобы разсѣять въ нихъ неотвязчивую тугу сердца. Каждый изъ насъ живетъ желаніями и ожиданіями; но скука и сопутствуетъ нашимъ желаніямъ, и сопровождаетъ ихъ; потому что скучаетъ человѣкъ, когда ищетъ чего нибудь и не находитъ, не перестаетъ скучать, когда и получаетъ ожидаемое, которое, сдѣлавшись дѣйствительнымъ достояніемъ, теряетъ прежнюю воображаемую цѣну, и даетъ просторъ новымъ желаніямъ. При такой близости скуки къ каждому изъ людей при всей опытной ея извѣстности, немногимъ знакомо ея внутреннее существо, ея начало и значеніе. Люди не хотятъ взглянуть прямо въ лицо этому привидѣнію, безнаказанно являющемуся на всѣхъ распутіяхъ и закоулкахъ, на которыхъ живетъ душа человѣческая: всѣ знаютъ и ощущаютъ его дѣйствія, но всѣ бѣгутъ отъ него, всѣ отвращаютъ отъ него лице свое. Оно неотступно преслѣдуетъ человѣка и всюду умѣетъ найти его; но тяжелое дѣйствіе, производимое имъ на душу, отнимаетъ у нея бодрость и охоту стать противъ него съ твердымъ взглядомъ, съ оружіемъ мысли и неослабною силою воли. А между тѣмъ прямой взглядъ на это привидѣніе могъ бы уничтожить тѣ страхи, какими мучитъ оно нашу душу: отчетливое дознаніе его могло бы дать намъ въ руки надежныя средства къ борьбѣ съ нимъ и побѣдѣ надъ нимъ. Открывъ сущность — истинное значеніе и причины развитія этого душевнаго явленія, мы безпрепятственно могли бы поставить себя въ надлежащія отношенія къ нему, и нашли бы средства къ освобожденію отъ него.

Общее проявленіе скуки — томленіе духа, тягостное чувствованіе пустоты и неудовлетворенности желаній, тоскливое исканіе чего-то неопредѣленнаго, для насыщенія алчущей души. О чемъ собственно томится душа наша въ минуты скуки? Законы и потребности духа для всѣхъ насъ болѣе или менѣе одинаковы: временныя условія жизни и воспитанія не измѣняютъ его существенныхъ стремленій. Потому предметъ скуки долженъ быть для всѣхъ одинаковъ, покрайней мѣрѣ, болѣе или менѣе. Неудовлетворенность сердечныхъ стремленій раждаетъ въ насъ скуку, а сердце у всѣхъ живетъ и питается любовію. Не имѣя въ себѣ, по своей ограниченности, всецѣлой полноты жизни, наша душа, по своей природѣ, тяготѣетъ къ безпредѣльному Источнику жизни ея и всякаго блага: въ Немъ, въ общеніи съ Нимъ, она черпаетъ для себя довольство жизни и чистыя наслажденія ея дарами. Какъ въ тѣлѣ нашемъ безостановочны біенія органическаго сердца, такъ точно безпрестанны трепетанія любви въ сердцѣ духовномъ; и для ея жизни такъ же необходимо безпрепятственное сообщеніе съ небеснымъ Утѣшителемъ и Духомъ истины, какъ необходимо для жизни тѣлесной сношеніе нашего вещественнаго сердца съ воздухомъ. Когда же чѣмъ нибудь воспящено это общеніе съ Источникомъ жизни и блаженства, когда душа чувствуетъ себя удаленною отъ своего вожделѣннаго блага или оставленною имъ, — въ ней неизбѣжно томленіе, не-

избѣжно болѣзненное ощущеніе духовной жажды, и это-то ощущеніе мы называемъ скукою. Такимъ образомъ скука есть исканіе Бога, отъ насъ удаленнаго, или чувство скудости духа нашего, предоставленнаго самому себѣ, чувство нашего неестественнаго разъединенія съ единственнымъ верховнымъ, небеснымъ благомъ нашимъ. Скучающее сердце страдаетъ потому, что не видитъ предъ собою божественной красоты, къ которой вожделѣетъ сознательно или безсознательно. Вотъ въ чемъ заключается существо этаго, постоянно и повсюду замѣчаемаго явленія!

Скука, въ своемъ существѣ понимаемая, нисколько не предосудительна, и мы не можемъ смотрѣть всецѣло съ невыгодной стороны на это явленіе нашей духовной жизни. Корень его кроется въ самомъ состояніи нашего духа, и никакая сильная воля, никакая внѣшняя сила человѣческая не можетъ исторгнуть его изъ нѣдръ нашего существа. Было время, когда человѣческое сердце не знало тяжелыхъ томленій скуки. Не въ себѣ находило оно полноту свою; его услаждало ощущеніе непосредственной близости высочайшаго блага, самосущей красоты небесной. Въ блаженномъ эдемѣ, когда Адамъ ходилъ предъ Богомъ, и Богъ лицемъ къ лицу бесѣдовалъ съ нимъ, неизвѣдана была тягостная пустота сердца, неудовлетвореннаго въ самой первой своей потребности. Но вотъ расторгся живой союзъ съ началомъ жизни и божественной красоты: тогда сердце оторвалось отъ своего прежняго средоточія, отъ котораго получало прежде и пищу и услажденіе. Богъ скрылъ отъ насъ лице Свое, и мы принуждены блуждать среди міра, по его безотраднымъ стогнамъ, колебаться среди разныхъ его превратностей, и искать для себя твердой точки опоры, принуждены томиться горькимъ чаяніемъ потерянаго блаженства, улетѣвшаго отъ насъ въ невѣдомыя страны. Такимъ образомъ очень древне начало скуки въ человѣчествѣ, глубока ея основа въ духѣ нашемъ, возвышенъ предметъ, къ которому стремится истинно скучающее человѣческое сердце. Такой скуки нечего стыдиться; она не унижаетъ нравственнаго достоинства человѣка. Она проявляется у людей, старающихся не отступать отъ нравственныхъ цѣлей жизни: она обнаруживается у нихъ въ покаянномъ чувствѣ, непрестанно волнующемъ ихъ душу, въ постоянномъ сѣтованіи по Бозѣ, отвращающемъ лице Свое отъ грѣховнаго міра.

Но эта скука, вполнѣ достойная человѣка въ настоящемъ его состояніи, рѣдко появляется среди міра: она изгнана въ пустыни и уединенія. На торжищѣ житейской суеты заглушены тѣ чувства, какими наполнено было сердце Адама, тотчасъ послѣ изгнанія изъ рая, и какія, естественно, должны возникать въ душѣ человѣка, сознающаго свое несчастное положеніе. Расторгнувъ общеніе съ Источникомъ радости и блаженства, человѣкъ забываетъ объ этомъ Источникѣ и о томъ блаженствѣ, которое можетъ утолить жажду души его. Измелчали и исказились его стремленія, въ слѣдствіе расторженія связи съ началомъ его жизни. И вотъ его сердце ищетъ для себя удовольствія и восполненія своихъ нуждъ около себя самаго, въ томъ бѣдномъ мірѣ, который самъ себя не можетъ поддержать своею силою, и насытить своимъ богатствомъ, тѣмъ болѣе не можетъ дать довлѣющаго удовлетворенія высшимъ потребностямъ человѣка, своего царя и властелина, къ небу устремленнаго своимъ взоромъ. Любовь падшаго человѣка большею частію направляется не туда, куда влечетъ его богоподобная природа, а куда укажутъ путь ей внѣшнія обстоятельства. Уклонившись отъ первоначальной цѣли своихъ стремленій, предустановлен-

ной Богомъ, онъ вымышляетъ для себя новыя цѣли, мнимыя и несостоятельныя, и, не достигая ихъ, или по возможномъ достиженіи неудовлетворяясь тѣмъ, что онѣ содержатъ, предлагаетъ и создаетъ для своего сердца новыя мучительныя томленія: на основаніи древней всеобщей скуки возникаетъ новая, особенная, худшая и мучительнѣйшая первой, и унижающая нравственное достоинство человѣка.

Ни одно стремленіе къ конечнымъ цѣлямъ и предметамъ не можетъ насытить богоподобной души человѣческой. Сердце, жаждущее блага и не насыщаемое ничѣмъ на землѣ, сразу можетъ увлечься ко всему, что только манитъ его какими нибудь прелестями, или обѣщаетъ въ будущемъ какія нибудь наслажденія. Но какъ скоро одно влеченіе возметъ перевѣсъ надъ всѣми другими, какъ скоро оно сосредоточитъ на себѣ все вниманіе души и отклонитъ ее отъ стремленія къ цѣли высшей, небесной, тотчасъ обнаруживается несостоятельность преобладающаго земнаго влеченія, и оно разрѣшается тоскою неудовлетвореннаго сердца — скукою. Человѣкъ, въ такомъ случаѣ, самъ не понимаетъ предмета своей скуки: по видимому, онъ скучаетъ о томъ, съ чѣмъ сроднился своею мыслію и желаніемъ, и что не успѣлъ еще обратить въ полное свое владѣніе; такъ говоритъ ему и его собственное чувство и сознаніе; но подъ этимъ видимымъ явленіемъ въ душѣ скрывается основа его, болѣе глубокая, недостижимая для поверхностнаго разсѣяннаго сознанія.

Возмите самое благородное стремленіе человѣка — стремленіе къ наукѣ или къ пріобрѣтенію познаній. Оно составляетъ истинное украшеніе человѣческой природы; оно даетъ высокое наслажденіе нашей душѣ, но только тогда, когда не подрываетъ религіозныхъ потребностей сердца. Отрѣшаясь отъ этихъ потребностей, заглушая ихъ въ человѣкѣ, оно искажаетъ благородный образъ человѣческаго духа и вноситъ въ него источникъ мученія. Среди ученыхъ занятій, при погруженіи въ предметъ изслѣдованія, труженику науки нѣтъ времени чувствовать томленіе духа: сила воли, привычка и болѣе всего глубокая преданность своему дѣлу властительски подавляютъ и заглушаютъ всѣ прочія человѣческія требованія. Но какъ только отрывается человѣкъ отъ своихъ обычныхъ трудовъ (а отрываться онъ долженъ по временамъ непремѣнно, по ограниченности силъ своихъ), оставляетъ книгу или предметъ своего разсужденія, тотчасъ даютъ себя знать другія потребности сердца, неудовлетворенныя въ своихъ стремленіяхъ, и въ тоже время объявляетъ свою несостоятельность и господствующее стремленіе духа, отрѣшившееся отъ другихъ существенныхъ потребностей. Чѣмъ болѣе погружается человѣкъ въ предметы изслѣдованія, тѣмъ болѣе широкое и необозримое море открывается предъ его зрѣніемъ. Что ни узнаетъ человѣкъ, все кажется ему скуднымъ, недостаточнымъ, все безплодно ложится на его душѣ, и не вноситъ въ нее новаго, живаго начала. Общенія съ высочайшимъ благомъ хочетъ наше сердце: но бездушная книга, отвлеченный образъ понятій, которымъ занимаетъ душу ученый трудъ, своекорыстное подчиненіе мысли всего дѣйствительнаго преграждаютъ путь къ сердцу всякому живому сочувствію, и доставляютъ сухую пищу одному уму. Плодомъ всего этаго бываетъ томленіе скуки, томленіе тѣмъ жесточайшее и мучительнѣйшее, чѣмъ глубже и богаче природа душъ, могущихъ сосредоточиться на ученомъ стремленіи. Эта скука, или лучше, это отчаяніе, не погашаемое вліяніемъ высшей небесной помощи, нерѣдко разрѣшается униженіемъ нравственнаго достоинства человѣка —

порывистыми, неудержимыми стремленіями къ обольстительнымъ земнымъ наслажденіямъ.

Другія стремленія человѣческія, менѣе благородныя, чѣмъ стремленіе къ наукѣ, тѣмъ скорѣе могутъ причинять скуку человѣку, чѣмъ ниже и несостоятельнѣе ихъ цѣли,— тѣмъ чаще бываютъ причинами скуки въ мірѣ насъ окружающемъ, чѣмъ чаще обладаютъ сердцемъ человѣческимъ. Вотъ для человѣка богатство служитъ идоломъ, и въ немъ, въ пріобрѣтеніи его, онъ находитъ для себя высочайшее наслажденіе. Но это благо только издали манитъ его какими то обѣщаніями, а никогда не даетъ ничего питательнаго для сердца. Пусть горы золота будутъ окружать человѣка, ищущаго въ богатствѣ высочайшаго блага: души не насытятъ онѣ, а только будуть раздражать ее жаждою новыхъ и большихъ пріобрѣтеній, будутъ пробуждать большія, неопредѣленныя желанія. Снѣдаемая этими желаніями, душа не можетъ убѣжать отъ скуки, томящей неудовлетворенное сердце. Такъ должно быть при стремленіи къ обогащенію, потому что оно ничего намъ не даетъ, кромѣ мертваго металла; потому что бездушное вещество, и дѣлаясь нашею собственностію, не можетъ имѣть никакого непосредственнаго общенія съ нашею душею. Человѣкъ самъ, неправильнымъ направленіемъ своихъ чувствъ, создаетъ для себя искуственное влеченіе къ несуществующему для духа вещественному богатству,— и обольщеніе имъ есть обольщеніе призракомъ. Чѣмъ должно кончиться это обольщеніе, когда призраки всегда только носятся предъ воображеніемъ, и рѣшительно не даютъ никакой дѣйствительности?... Тоже самое нужно сказать о стремленіи къ почестямъ и славѣ. Какъ ими утолить жажду нашего сердца, когда онѣ не имѣютъ самостоятельнаго бытія и значенія, когда онѣ не имѣютъ въ себѣ никакого признака жизни, и тѣмъ болѣе не могутъ быть источникомъ блага для другихъ? Существуя, или какъ отвлеченное понятіе, или какъ внѣшніе знаки отличія, онѣ могутъ манить къ себѣ только потому, что жаждущая душа наша, по ошибкѣ или умственному и нравственному недоразумѣнію, предполагаетъ при нихъ обиліе блага, ею потерянаго и искомаго. Соединенная съ этимъ перемѣна нашихъ отношеній къ ближнимъ, для духа нашего не имѣетъ существеннаго значенія, какъ вещь условная и относительная: она не измѣняетъ качества нашихъ сношеній, а только возводитъ насъ съ одной степени на другую, перемѣняя лица, насъ окружающія. Нужно постоянно получать новыя и новыя почести, чтобы не чувствовать ихъ пустоты, или не мучиться стремленіемъ къ нимъ. Новость полученной чести польститъ нашему духу на короткое время, и скоро перестаетъ быть значительною для него. Устарѣетъ честь, потеряетъ прелесть повизны,—честолюбіе снова будетъ мучить сердце,—и вотъ въ немъ источникъ скуки, ничѣмъ неугасимой. Много подобныхъ несостоятельныхъ цѣлей служатъ предметомъ стремленій человѣческихъ, и всѣ онѣ окружены скукою. Въ тотъ періодъ, когда мы еще не достигли этихъ цѣлей, когда еще только ищемъ ихъ, насъ естественно мучитъ томительность ожиданія, неудовлетворенное желаніе искомаго блага. Но вотъ при насъ и съ нами то благо, по которомъ мы такъ страдали, и къ которому такъ усильно стремились,—мы не чувствуемъ ни сытости, ни пресыщенія: таже пустота въ душѣ, какую чувствовали мы, когда еще не извѣдали блага, таже скука, которую думали устранить мы обладаніемъ блага, такъ льстившаго намъ издали, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь мы отчаяваемся въ средствахъ избавленія отъ скуки, преслѣдующей и опережающей всѣ наши стремленія и ожиданія. Не разъ, по истинѣ,

каждый изъ насъ, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, отъ глубины души съ грустью произносилъ древнее мудрое изреченіе Екклезіаста надъ тѣмъ благомъ, около котораго кружился и котораго такъ сильно домогался: *се вся суета и крушеніе духа* (Еккл. 3, 26).

Но самый широкій и прямый, самый быстрый и неудержимый источникъ подавляющей насъ скуки — это напрасное и усильное исканіе удовольствій и развлеченій свѣта: въ нихъ кроется сладкій ядъ, растравляющій и усиливающій нашу древнюю болѣзнь. Они манятъ къ себѣ наше бѣдное и печальное сердце крикомъ радости и блаженства, который раздается вокругъ нихъ; они льстятъ нашей душѣ, недовольной окружающею ее жизнію, и ищущей восполненія своего существа, — льстятъ тѣмъ, что представляютъ міръ, какъ будто полный блаженнаго упоенія, невиднаго среди мірской однообразной жизни. Но ложно и обманчиво это упоеніе; неестественъ и натянутъ шумъ общаго веселія, оглушающій все среди мірскихъ удовольствій. Надъ нимъ носится томный голосъ печали, слышный для всякаго, кто со стороны наблюдаетъ за этимъ шумнымъ веселіемъ. Не радость производятъ въ насъ развлеченія свѣта, а одно забвеніе тягостей жизни. Быстро охватываютъ онѣ душу вѣющимъ въ нихъ духомъ беззаботности, и увлеченная игривыми порывами этаго духа, она выходитъ изъ себя, изъ глубины своего самосознанія, чувствуетъ пріятную свободную распущенность всѣхъ силъ и стремленій, не сосредоточенныхъ на одной цѣли, и погружаясь въ праздную нѣгу, забываетъ свой внутренній міръ, съ скорбями, гнѣздящимися въ его корнѣ, съ тяжелыми заботами, не отступно преслѣдующими насъ въ жизни, съ непрестаннымъ трудомъ, налагаемымъ на насъ законами Божіими и человѣческими и закономъ собственной природы и совѣсти. До страсти можемъ любить мы такое состояніе самозабвенія и освобожденія отъ всякаго бремени жизни, но никогда не найдемъ въ нихъ того, о чемъ тайно говоритъ душѣ тоскливый голосъ, и сердечная потребность, заглушенная въ нихъ на время, все остается неудовлетворенною. Потому, когда кончается время шумнаго развлеченія, изчезаетъ прежнее очарованіе: душа видитъ себя среди міра, полнаго скорбей, заботъ и трудовъ; съ новою силою даютъ себя знать неудовлетворенныя желанія сердца, и неизбѣжно тяготитъ душу ощущеніе пустоты и разочарованія. И это ощущеніе тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ труднѣе душѣ придти въ спокойное равновѣсіе послѣ шумныхъ волненій изысканной радости. Еще вы своими представленіями хотите удержать улетѣвшее время обаянія, а дѣйствительность стоитъ предъ вами съ своимъ строгимъ и суровымъ лицемъ, и говоритъ вамъ правдивое слово суда за нарушеніе ея правъ. Едва ли кому не приходилось испытывать, какъ тяжело бываетъ душѣ, когда время выводитъ ее изъ тѣснаго очарованнаго круга вымышленныхъ, часто покупныхъ, удовольствій. Какъ робкій школьникъ, пойманный въ шалости, мучится она въ своемъ сознаніи предъ безмолвнымъ судомъ незримаго ею педагога. Этотъ судъ грозилъ ей и прежде, но въ вихрѣ и шумѣ удовольствій она забыла о немъ, и въ своей безпечности думала совершенно избѣжать его. Но теперь, когда не стало прежняго шума, не стало и спасенія отъ грозной раздирающей силы правдиваго суда. Этого мало. Куда вы ни обращаетесь, все напоминаетъ объ этомъ нежеланномъ гостѣ души нашей, все какъ будто вооружается противъ васъ, все покрывается непріятнымъ, враждебнымъ для васъ, цвѣтомъ и видомъ. Угрюмѣе смотрятъ на васъ стѣны вашего дома, когда вы возвращаетесь

въ него изъ мѣста шумныхъ удовольствій; печальною кажется домашняя мебель, какимъ-то укоромъ обдаетъ ваше сердце самая тишина ночная. Вы спѣшите къ мѣсту своего покоя, закрываете свои глаза предъ этою, неизмѣнною въ себѣ, дѣйствительностію, только всегда откликающеюся на чувства души нашей, и теперь представляющеюся вамъ въ мрачномъ видѣ: но и среди полусонныхъ броженій мысли сердце гложетъ непонятная тоска, и съ этою тоскою вы засыпаете до слѣдующаго утра. На утро, вмѣстѣ съ вами, пробуждается и тяжелое ощущеніе пустоты въ сердцѣ, и не отвязывается отъ васъ дотолѣ, доколѣ заботы дня не отодвинутъ его на задній планъ. Но впечатлѣніе, оставляемое однажды испытаннымъ разгуломъ веселья, глубоко западаетъ въ душу, и живетъ съ нею среди ежедневныхъ трудовъ и занятій. Порывы тоски, производимые такимъ или инымъ обстоятельствомъ, съ особенною силою вызываютъ его въ живомъ воспоминаніи, и снова душа хочетъ возобновить его, снова стремится въ вихрѣ и шумѣ удовольствій забыть себя и насладиться этимъ пріятнымъ самозабвеніемъ, которое она, по своей недальнозоркости, представляетъ настоящимъ положительнымъ благомъ. Но послѣ этого самозабвенія опять повторяется таже исторія: усыпленное томленіе духа съ большею силою проявляется въ человѣкѣ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго насильственнаго стѣсненія; ощущеніе пустоты въ сердцѣ увеличиваетъ мѣру своего тяготящаго вліянія. Съ теченіемъ времени, съ привычкою къ большимъ и частымъ наслажденіямъ свѣта, чувство скуки и разочарованія, сопровождающее ихъ, дѣлается все сильнѣе и сильнѣе, живѣе и живѣе. По мѣрѣ этой силы и живости, усиливается стремленіе къ развлеченіямъ для заглушенія этого томительнаго чувства. Въ этомъ отношеніи дѣйствіе свѣтскихъ удовольствій похоже на раздраженіе, производимое на нѣкоторыя изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ наркотическими веществами. Здоровое естественное чувство рѣшительно не нуждается въ наркотическихъ веществахъ, и не ощущаетъ отъ нихъ ни малѣйшаго удовольствія: человѣку, не привыкшему къ раздражающимъ дѣйствіямъ этихъ веществъ, представляется даже странною привязанность къ нимъ. Но разъ, два или болѣе подвергнувшись ихъ дѣйствію, наше чувство наживаетъ новую потребность, которая съ такою же почти силою требуетъ для себя удовлетворенія, какъ и врожденная потребность природы. Такое точно значеніе имѣютъ для нашей души всѣ развлеченія, которыми свѣтъ искуственно и насильственно веселитъ себя: привычка къ нимъ раждаетъ въ насъ новую потребность; голосъ этой потребности и повременное удовлетвореніе ей, раздражая душу, и не давая ей ничего питательнаго, становятся для человѣка новымъ источникомъ сердечныхъ томленій. Въ этихъ томленіяхъ являются предъ духъ нашъ новыя переродившіяся, неотвязчивыя и назойливыя чада древней скуки, произшедшей въ слѣдствіе удаленія человѣка отъ безконечной красоты Божіей. Сильна, но тиха древняя, первоначальная скука: она не удаляетъ насъ отъ источника блаженства, а приближаетъ къ нему. Новая скука не ведетъ насъ къ нашей цѣли; отъ ней естественнѣе всего ожидать большихъ и большихъ непріятностей, большихъ и большихъ мученій: это многоглавная гидра, которая тѣмъ болѣе имѣетъ средствъ пожирать насъ, чѣмъ болѣе мы стараемся подавить и уничтожить ее.

(Окончаніе будетъ).

ОПАСНОСТЬ КОРЫСТОЛЮБІЯ.

На Аѳонской горѣ, при церкви св. Василія великаго, жилъ въ уединенной келліи одинъ отшельникъ, занимавшійся исключительно приготовленіемъ эстамповъ и тисненіемъ различныхъ святогорскихъ видовъ, на которые бываетъ тамъ значительный расходъ. Онъ вскорѣ прослылъ и художникомъ и богачемъ, а потому, чтобы не навлечь на себя напасти со стороны злыхъ людей, не держалъ при себѣ получаемыхъ за свою работу денегъ, но отдавалъ ихъ на сохраненіе одному старцу сосѣдняго монастыря, пользовавшемуся особенною его довѣренностію. Такъ протекли многіе годы, а съ годами увеличивались богатство и слава инока-художника. Однажды видѣнный имъ какой-то страшный сонъ до того встревожилъ его, что онъ нарочно пошелъ къ своему духовнику, дабы разсказать ему о своемъ видѣніи и просить у него наставленія. Духовникъ, выслушавъ отшельника, сказалъ пророчески, что его сонъ быть можетъ знаменуетъ самую несчастную кончину, и совѣтовалъ ему оставить на время свое художество, перейти въ общежительный монастырь и принять великую схиму. Удивленный отшельникъ, съ искреннимъ убѣжденіемъ въ справедливости словъ старца, готовъ былъ исполнить совѣтъ его. Но легкомысленные люди, которымъ онъ объявилъ объ этомъ, разстроили его предположеніе. Несчастный увлекся корыстолюбивыми представленіями ихъ и продолжалъ по прежнему работать въ отдѣльной келліи. Чрезъ нѣсколько времени потомъ духовникъ, при встрѣчѣ съ нимъ, спросилъ: послѣдовалъ ли онъ его совѣту? Когда же тотъ съ замѣшательствомъ признался, что по его наставленію не сдѣлано ничего; то старецъ внимательно посмотрѣлъ нанего и съ участіемъ сказалъ: »напрасно ты не послушалъ меня«. Вскорѣ послѣ этого свиданія ихъ, отшельникъ, жившій при церкви св. Василія, дѣйствительно убитъ разбойниками въ своей келліи послѣ мучительныхъ истязаній. Корыстолюбіе погубило несчастнаго!

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 7-го Генваря 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 45.

НЕДѢЛЯ О ЗАКХЕѢ.

28 Генваря 1859 г.

Гласъ 4-й.

На утрени: евангеліе воскресное 4-е, Лук. зач. 112. На Литургіи: апост. 1 Тим. зач. 285, евангеліе Лук. зач. 94.

БѢСѢДА

ПО СЛУЧАЮ ВОЗЛОЖЕНІЯ НОВОЙ РИЗЫ НА ЧУДОТВОРНУЮ ИКОНУ БОГОМАТЕРИ, ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ ПОКРОВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ (*).

Тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго (Тим. 4, 8).

Привѣтствую васъ съ радостію, благочестивые христіане. Благочестіе ваше украсило икону Богоматери дорогою ризою. Для кого это служитъ пріобрѣтеніемъ? Для васъ, добрые мои братія. Небесная Царица! Чье усердіе къ Тебѣ осталось безъ награды? Чьи вздохи предъ Тобою не услышаны Тобой? Други мои! Она, благая Матерь наша, воздаетъ намъ, дѣтямъ своимъ, за усердіе къ Ней. Приношеніе наше безъ словъ будетъ напоминать Ей о насъ, гдѣ бы мы ни были, и здѣсь, среди искушеній мятежной жизни, и тамъ — въ вѣчности, гдѣ особенно нуженъ намъ Ея покровъ.

Благочестіе христіанское великое благо для насъ, странниковъ земли. Къ сожалѣнію, иные частію не довольно понимаютъ важность благочестія, частію не искренно прилагаютъ къ сердцу требованія благочестія. Обратимся вниманіемъ къ апостольскимъ словамъ о значеніи благочестія для нашей жизни. *Тѣлесное обученіе*, говоритъ ап. Павелъ, *вмалѣ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имущее живота настоящаго и грядущаго.*

Что разумѣетъ апостолъ, говоря о тѣлесномъ обученіи? Обращаясь къ тѣмъ временамъ, когда жилъ епископъ Тимоѳей, поучаемый Апостоломъ, видимъ, что обученіе

(*) Преосвященнѣйшаго Филарета, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

тѣлесное означало тогда преимущественно обученіе тѣла ловкости и крѣпости тѣлесными упражненіями; это обученіе составляло тогда самую нужную принадлежность человѣка образованнаго, принадлежность, безъ которой нельзя было занять видное мѣсто въ свѣтѣ. Тѣлесное обученіе того времени означало не только упражненіе, нужное для укрѣпленія здоровья, но и такое отличіе видимое, которое давало право на преимущества въ свѣтѣ. Возводя значеніе частное къ общей апостольской мысли, находимъ въ тѣлесномъ обученіи всякое занятіе, относящееся къ пользамъ земной, стихійной жизни.

Какое же достоинство приписываетъ апостолъ тѣлесному обученію? *Вмалѣ есть полезно*, говоритъ онъ. Онъ не говоритъ, что тѣлесное обученіе вовсе не нужно, вовсе безполезно. Нѣтъ, его разсужденіе не то, что разсужденіе какихъ либо мечтателей; по его разсужденію для земной жизни нужны свои средства, и нѣтъ грѣха, когда пріобрѣтаютъ эти средства. Если земледѣлецъ отыскиваетъ лучшіе пріемы земледѣлія: это не бѣда. Если купецъ ищетъ, какъ удобнѣе продать и купить: и это въ порядкѣ вещей. Апостолъ самъ занимался дѣланіемъ палатокъ и строго осуждалъ тѣхъ, которые, подъ видомъ благочестія, не хотѣли заниматься никакимъ трудомъ. *Слышимъ нѣкія*, писалъ онъ Солунянамъ, *безчинно ходящія у васъ, ничто же дѣлающія, но лукавно обходящія*, занимающіяся пустыми разговорами. *Таковымъ запрещаемъ и молимъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ядятъ* (2 Солун. 3, 11—12). Такъ, тѣлесное обученіе полезно. Но въ какой степени полезно оно?

Вмалѣ есть полезно, говоритъ Апостолъ. Почему же мало полезно? Мало полезно и потому, что все земное не прочно, не надолго является и какъ паръ изчезаетъ (Іак. 4, 14); мало полезно и потому, что далеко менѣе важно оно, чѣмъ все относящееся прямо къ душѣ, къ ея вѣчному спасенію. Что значатъ всѣ земныя науки, всѣ стихійныя пріобрѣтенія въ сравненіи съ безсмертною душею? Потому, какъ бы ни было почетно твое стихійное занятіе, какъ бы много ни доставляло оно тебѣ выгодъ для жизни земной, помни слово Апостола: *тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно*. Занимайся тѣлеснымъ обученіемъ, но не болѣе, какъ мало полезнымъ; берегись того, какъ бы, занимаясь болѣе, чѣмъ стоитъ оно, не оскорбить достоинства души богоподобной, не подвергнуть опасностямъ вѣчной ея участи. *Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?* Все земное, какъ бы пріятно ни было, кончится для тебя, пробѣжитъ какъ волна быстрая, промчится какъ вѣтръ неуловимый, изчезнетъ какъ паръ неосязаемый. Съ чѣмъ же останешься ты? Съ душею, гонявшеюся за вѣтромъ. Какая бѣдная, какая жалкая участь! Ищи же занятія, о которомъ по праву сказалъ бы ты: оно *не вмалѣ полезно*.

Апостолъ противополагаетъ тѣлесному обученію, мало полезному, благочестіе, и уже тѣмъ самымъ указываетъ на преимущество благочестія. Прямой отзывъ его о благочестіи таковъ: оно *на все полезно есть*. Какая обширная важность дается благочестію! Такъ ли судитъ міръ о благочестіи? Бѣдный міръ, какъ онъ близорукъ! По суду Апостола, для каждаго возраста, для людей всѣхъ временъ и народовъ, благочестіе составляетъ пріобрѣтеніе самое полезное, самое нужное. Апостолъ прилагаетъ ученіе свое о важности благочестія, къ двумъ періодамъ, или положеніямъ, жизни нашей, ко времени и вѣчности. *Бла-*

гочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имущи живота настоящаго и грядущаго: на все полезно, такъ какъ ему принадлежитъ все, что лучшаго обѣщано для временной жизни, и все, что ожидаетъ насъ радостнаго въ будущей.

Такъ напрасно, несправедливо говорятъ, будто благочестіе ненужная, безполезная вещь для міра. Нѣтъ, оно-то и есть самое лучшее, самое нужное сокровище даже и для земной жизни нашей. Оно составляетъ самую прочную опору для семейнаго и гражданскаго быта людей. Подумайте: чѣмъ держится міръ весь? Законами Божіими, волею Всемогущаго, Какъ же хочетъ человѣкъ устроить себѣ счастіе, тогда какъ выступаетъ преступною волею изъ границъ, назначенныхъ ему волею Божіею, возмущается страстями противъ распоряженій Божіихъ? Слово Божіе вѣрно: *очи Господни на праведныя и уши Его въ молитву ихъ: лице же Господне,* лице гнѣвное, правосудное, *на творящія злая, еже потребити отъ земли память ихъ* (Пс. 33, 16--17). Слушатели мои! если дорожите вы семейнымъ счастіемъ, если милы вамъ дѣти ваши и ихъ покой, богатѣйте благочестіемъ: оно низведетъ благословенія Божіи на васъ, на домъ вашъ, на дѣтей вашихъ, на ихъ будущность. О Боже мой! Кто же не видитъ горькихъ плодовъ грѣха? Что влечетъ за собою роскошь? Что слѣдуетъ за распутствомъ плотскимъ? Страсть къ честямъ и славѣ чѣмъ надѣляетъ? *Откуда раздоры и распри между* вами? Не отъ страстей ли воюющихъ въ членахъ вашихъ (Іак. 4, 1)? *Проклятіе Господа на домъ нечестія* (Притч. 3, 35), а домъ праведника будетъ стоять, и куща его процвѣтетъ долголѣтіемъ (Притч. 14, 11). *Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся,* все нужное для земной жизни, *приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33). Вотъ ученіе откровенія Божія. И не тоже ли говоритъ намъ опытъ вѣковъ?

Земля не рай; здѣсь на всѣхъ путяхъ горечи; а души благочестивыя и по особенному распоряженію Божію бываютъ подъ гнетомъ бѣдъ. Но дѣло въ томъ, что нечестіе не умѣетъ пользоваться ни счастіемъ, ни несчастіемъ; а для благочестія страданіе — радость. Умѣю жить и въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи; научился всему и во всемъ, научился быть въ сытости и терпѣть голодъ, быть въ обиліи и недостаткѣ (Фил. 4, 12). Такъ говоритъ христіанинъ и стоитъ выше переворотовъ судьбы. Вѣра научаетъ предавать волю свою волѣ Отца небеснаго и спокойно смотрѣть на бури жизни земной. Чего бояться тому, кому нечего терять на землѣ, послѣ того, какъ все свое предалъ онъ Господу? *Аще Богъ по насъ кто на ны?* Объ одномъ забота у христіанина, объ усмиреніи страстей сердечныхъ, объ исцѣленіи души отъ грѣха. Но когда онъ воздыхаетъ о немощахъ, плачетъ объ ошибкахъ, жаждетъ правды, которой нѣтъ у него: Богъ, богатый милостію, подаетъ душѣ увѣреніе въ усыновленіи ея небу чрезъ Христа Іисуса; духъ благодати, нисходя въ глубины ея, утѣшаетъ ее, наставляетъ, укрѣпляетъ, животворитъ для подвиговъ благочестія. И какъ сильна является душа, укрѣпленная Божіею силою! *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія?* говоритъ она. *Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь? Во всѣхъ сихъ преподъимаемъ за возлюбльшаго ны* (Римл. 8, 35. 37). То ли бываетъ во время бѣдъ съ душами, необученными благочестіемъ? Жалко бываетъ смотрѣть на эти бѣдныя души. Вы видите столько же низости, столько же малодушія въ несчастіи, сколько было у нихъ гордости въ счастіи, столько же порывовъ отчаянія и

безнадежной горести въ бѣдѣ, сколько было самонадѣянія въ свѣтлые дни.

Суеты мірскія, страсти то бурныя, то упорныя, недаютъ намъ ни времени, ни ревности заняться вѣчною судьбою своею. И мы не думаемъ, мы не заботимся о томъ, что нужно намъ для вѣчности, что дороже всего будетъ для насъ за гробомъ. Тамъ увидимъ, что для жизни за гробомъ нужно намъ одно благочестіе христіанское.

Страшно подумать, что за гробомъ цѣлая вѣчность мукъ для нечистаго грѣшника. О, служите Господу, а не страстямъ; служите Ему, чѣмъ только можете. У тебя есть избытокъ богатства? не расточай его жизнію распутнаго сына, употребляй во славу Божію; иначе будешь горѣть въ огнѣ безпрохладномъ. У тебя нѣтъ достатка? Ты бѣденъ? терпи бѣдность, терни для Господа, не гнѣви Его желаніями чужаго, или ропотомъ на свою долю; терпи, оплакивай грѣхи свои, которыхъ такъ много. Облеченъ ли кто властію? охраняй правду, защищай невинность притѣсненную, отирай слезы вдовы и сироты, не славь себя, а Бога. Иначе, страшно тебѣ будетъ на судѣ Всемірнаго Судіи. Ты притѣсненъ судомъ неправды? У тебя отняли твое? Не язви людей укоризной, отдай судъ Господу, готовь отвѣтъ за свои дѣла. Дорожите, други мои, правилами благочестія. Съ земли не видно, какъ велико блаженство, готовое для благочестія. Но оно велико, какъ и несомнѣнно, потому что благъ и праведенъ Богъ, потому что вѣренъ Тотъ, Кто обѣщаетъ награды намъ. *Возлюбленніи, нынѣ чада Божія есмы, и не у явися*, еще не открыто намъ, *что будемъ. Вѣмы же яко егда явится, подобни ему будемъ: ибо узримъ Его, якоже есть* (1 Іоан. 3, 2): такъ говоритъ намъ одинъ тайнозритель. *Егда же Христосъ явится, животъ вашъ: тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (Кол. 3, 4), говоритъ другой вѣстникъ Божій. Видите, и то, что открыто намъ о будущей славѣ жизни христіанской, такъ многозначительно, такъ важно, что, если бы размышляли о томъ, намъ не пришло бы и на мысль гоняться за земными удовольствіями, столько пустыми и вредными.

Господи Іисусе! *отврати очи наши, во еже не видѣти суеты.* Благій и всемощный! сотвори, да зримъ мы на единую спасительную для насъ волю Твою; сотвори, да сердцемъ искреннимъ, до послѣдняго вздоха, повторяемъ слово Твое святое: *едино благочестіе есть на потребу.* Аминь.

ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА.

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ.

8-я.

ОБЪ АВРААМѢ, ИСААКѢ И ІАКОВѢ.

Рече Господь Аврааму: изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу. И сотворю тя въ языкъ велій, и благословлю тя,... и благословятся о тебѣ вся племена земная. Быт. 12, 1—3.

Мы видѣли въ прошедшей бесѣдѣ, какая опасность угрожала вѣрѣ истинной, при всеобщемъ разлитіи идолопоклонства, и замѣтили,

какъ Господь Церкви хранитъ ее и печется о ней. Теперь обратимъ вниманіе на образецъ сего особеннаго Промысла Божія.

Посмотримъ прежде на Авраама, котораго избралъ Господь въ достоинство Отца вѣрующихъ. Слышимъ, какъ призывается онъ, и какое высокое обѣтованіе дается ему. Увидимъ, какова вѣра этого дивнаго избранника Божія, какъ твердъ былъ онъ во всѣхъ искушеніяхъ, которымъ подвергалъ его Всевышній.

Изыди отъ земли твоея, и отъ рода твоего, и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу. Такъ повелѣвается Аврааму оставить родную страну, оставить домъ отеческій и все родство свое; повелѣвается идти въ землю, которой онъ еще не знаетъ. И праведникъ не колеблется; по гласу Божію готовъ онъ идти всюду, куда повелѣно будетъ; ибо совершенно вѣруетъ и повинуется Богу. *И иде Авраамъ, якоже глагола ему Господь.*

Приходитъ въ землю ханаанскую, гдѣ жили потомки Хамовы. Здѣсь снова является ему Господь и глаголетъ: *сѣмени твоему дамъ землю сію.* Но у Авраама, которому было тогда 75 лѣтъ, не было еще дѣтей. И однако призванный Богомъ въ чужую землю вѣруетъ, что обѣтованіе исполнится, и въ знакъ вѣры своей устрояетъ жертвенникъ Господу близъ Сихема.

За тѣмъ начинается долговременная страническая жизнь нареченнаго наслѣдника земли Ханаанской. Нигдѣ не имѣетъ отъ пребывающаго града, вездѣ встрѣчаетъ искушенія, но вездѣ защищается и подкрѣпляется Промысломъ. Гладъ побуждаетъ Авраама удалиться въ Египетъ. Здѣсь Фараонъ хотѣлъ-было отнять у него Сарру жену его, но самъ Богъ вразумилъ царя въ сновидѣніи и жена съ честію возвращена была мужу. По возвращеніи въ ханаанскую землю, новое искушеніе для миролюбиваго праведника. Пастухи его и пастухи племянника и друга его Лота не могли въ одной странѣ мирно пасти стада, и Авраамъ долженъ былъ разстаться съ своимъ другомъ, указавъ ему лучшія пажити. Сильное искушеніе постигло Лота, а съ тѣмъ вмѣстѣ Авраама, когда перваго взяли въ плѣнъ пять царей, сдѣлавшихъ набѣгъ на Содомъ и и сосѣдніе съ нимъ грады. Тогда Господь укрѣпилъ и духъ и оружіе вѣрнаго раба своего: Авраамъ съ домочадцами своими догналъ хищниковъ, побѣдилъ ихъ и возвратилъ все, что они плѣнили. Въ сіе-то время отецъ вѣрующихъ имѣлъ утѣшеніе видѣть Мелхиседека, который срѣтилъ побѣдителя съ хлѣбомъ и виномъ, и благословилъ его, какъ царь и священникъ, или лучше, какъ замѣчаетъ апостолъ Павелъ, какъ образъ самаго Вѣчнаго Царя и Первосвященника, Іисуса Христа (Евр. 7). Съ вѣрою, безъ сомнѣнія, въ сей Источникъ благословеній небесныхъ пріялъ Авраамъ это благословеніе царя салимскаго.

Но искушеніе безчадства не преставало тревожить праотца. Богъ является ему и говоритъ: *мзда твоя многа будетъ зѣло* (Быт. 15, 1), и безчадный старецъ желаетъ, чтобъ хотя одинъ изъ домочадцевъ его былъ ему наслѣдникомъ. Нѣтъ, отвѣтствуетъ ему Всемогущій: *не будетъ сей наслѣдникъ твой*, а будетъ тотъ, который произойдетъ отъ тебя самаго, и, указывая на звѣзды, говоритъ: *тако будетъ сѣмя твое. И вѣрова*, замѣчаетъ Писаніе, *Авраамъ Богу, и вмѣнися ему въ правду* (—15, 6). Вѣровалъ, хотя былъ и старъ и безчаденъ, вѣровалъ, что все возможно у Бога, и такъ вѣровалъ, какъ бы видѣлъ уже свое потомство, какъ праотецъ благословлялъ и посвящалъ его Богу, и сія то *вѣра* вмѣнилась Отцу вѣрующихъ въ *правду*, то есть была уважена предъ Господомъ паче всѣхъ жертвъ и добрыхъ дѣлъ Авраамовыхъ.

Безчадство все однако продолжается. Послушавъ нетерпѣливой супруги своей, праотецъ получилъ сына отъ рабыни—Исмаила. Но Богъ снова является и объявляетъ, что не сынъ отъ рабыни, а сынъ отъ Сарры будетъ наслѣдникомъ обѣтованій, а для большаго увѣренія заключаетъ съ престарѣлымъ праотцемъ завѣтъ обрѣзанія, объясняя, что это завѣтъ и со всѣмъ потомствомъ его. Авраамъ и послѣ сего терпѣливо ждетъ обѣтованнаго сына. Наконецъ Господь съ двумя ангелами въ видѣ трехъ странниковъ посѣщаетъ вѣрнаго раба своего. и уже прямо открываетъ ему. что ровно чрезъ годъ родится у него сынъ отъ Сарры. И вѣра столѣтняго Авраама награждается рожденіемъ Исаака отъ 90 лѣтней Сарры.

Не кончились и здѣсь искушенія вѣры для великаго отца вѣрующихъ. Радовался старецъ, смотря на доброе возрастаніе сына своего. въ которомъ видѣлъ драгоцѣннѣйшій даръ Божій и залогъ благословенія для всего потомства своего. Но Всевышній вдругъ потребовалъ и эту родительскую радость принесть Ему, какъ жертву вѣры и послушанія. Повелѣно было самому отцу заклать единственнаго сына во всесожженіе И *вѣрою*, повторимъ слова апостола, *приведе Авраамъ Исаака искушаемь, и единороднаго приношаше, обѣтованія пріемый; къ нему же глаголано бысть• яко о Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя.* Какъ *наречется сѣмя*, когда Исаакъ будетъ умерщвленъ? Вѣровалъ праотецъ, замѣчаетъ Апостолъ; *яко и изъ мертвыхъ воскресити силенъ есть Богъ* (Евр. 11, 16—19). Симъ-то верховнымъ подвигомъ совершена вѣра отца вѣрующихъ и утверждена снова высокими обѣтованіями Божіими. Сею вѣрою Авраамъ удостоился быть праотцемъ и благословеннаго Сѣмени жены. о которомъ благословятся всѣ народы, и котораго только отдаленный образъ показанъ былъ въ Исаакѣ.

Таковъ былъ и такому надлежало быть отцу вѣрующихъ. Онъ первый обогатился паче всѣхъ обѣтованіями и благословеніями небесными за безпримѣрную, не заимствованную отъ людей вѣру свою. Теперь скажемъ кратко, каковы должны быть достойные сыны сего великаго отца. Это мы увидимъ въ примѣрахъ Исаака и Іакова.

Исаакъ, какъ первый наслѣдникъ обѣтованій данныхъ Аврааму, сохранялъ это наслѣдство, также какъ и отецъ его, послушною вѣрою и терпѣніемъ искушеній. Онъ былъ уже взрослымъ юношею, когда возложенъ былъ на жертвенникъ, и, конечно, не безъ вѣры готовился принять смерть отъ руки отца, сознавая, что на это есть воля Божія. Повиновался отцу и будучи сорокалѣтнимъ мужемъ, когда, по его избранію и благословенію, принялъ Ревекку въ жену себѣ изъ рода своихъ родителей, избѣгая союзовъ съ иноплеменницами. Велико и для него было искушеніе—двадцатилѣтнее неплодство супруги. Наконецъ молитва его услышана, и онъ получилъ отъ Ревекки близнецовъ Исава и Іакова. Замѣтимъ, что это было за 15 лѣтъ до кончины Авраама. Такъ отцу вѣрующихъ суждено было, въ этой жизни, не видѣть того многочисленнаго потомства, которое было ему обѣщано, и заключить жизнь свою блаженствомъ невидѣвшихъ, но вѣровавшихъ.

Кто же изъ двухъ внуковъ Авраама долженствовалъ быть наслѣдникомъ вѣры его и обѣтованій? Тотъ, безъ сомнѣнія, въ которомъ Богъ видѣлъ превосходство души и сердца. Исаакъ въ глубокой старости лишился зрѣнія и не могъ хорошо знать свойствъ двухъ сыновъ своихъ, имѣлъ даже больше привязанности къ старшему сыну Исаву. который, какъ звѣроловецъ, отъ лова своего доставлялъ лю-

бимую пищу отцу своему, а впрочемъ былъ грубъ и жестокъ и не зналъ цѣны первородства своего, такъ что однажды продалъ его брату своему за чечевичную снѣдь. Какъ было вразумить слѣпаго старца? Вразумилъ его самъ промыслъ Божій, допустившій хитрость Ревекки, которая вмѣсто Исава, представила Исааку Іакова для благословенія. Хитрость послѣ открылась, но у слѣпаго очами тѣлесными просвѣтились очи духовныя: онъ позналъ здѣсь волю Божію и не хотѣлъ измѣнить благословенія, даннаго достойнѣйшему, хотя и младшему сыну. Такъ промыслъ употребляетъ иногда и заблужденія вѣрующихъ для ихъ вразумленія и откровенія своей воли.

Промыслъ Божій, даровавъ такимъ образомъ благословеніе Авраамово и Исааково Іакову, потомъ многими искушеніями утверждалъ въ немъ свое дарованіе. Избѣгая злобы Исава, Іаковъ на долго оставляетъ родительскій домъ; въ дому Лавана, брата матери своей, двадцать лѣтъ работаетъ за двухъ дщерей его, терпитъ обиды и притѣсненія отъ тестя, но укрѣпляется и сохраняется Богомъ, который даруетъ ему многочисленнное семейство, умножаетъ удѣленныя для него стада, защищаетъ его на обратномъ пути отъ завистливаго Лавана и гнѣвнаго Исава. Новыя тяжкія испытанія постигли патріарха по возвращеніи его въ землю обѣтованную. Въ Сихемѣ огорченъ онъ былъ безчестіемъ, какое нанесъ дочери его Динѣ князь Сихемскій, а потомъ и жестокимъ мщеніемъ сыновей своихъ Симеона и Левія, которые, за безчестіе сестры своей, избили всѣхъ мужескаго полу жителей Сихемскихъ. На пути къ Виѳлеему лишился Іаковъ любимой супруги своей Рахили, умершей скоро по рожденіи Веніамина. Были и другія семейныя огорченія праведнику. Но сильнѣе всего пораженъ онъ былъ лишеніемъ наилучшаго сына своего Іосифа, котораго прочіе братья, возненавидѣвъ изъ зависти за преимущественную любовь къ нему отца ихъ, продали купцамъ, шедшимъ въ Египетъ, и сказали отцу, что лютый звѣрь растерзалъ Іосифа. Нѣсколько лѣтъ надлежало старцу оплакивать потерю любимѣйшаго сына, или лучше, нѣсколько лѣтъ приносить сердечную жертву Богу, въ которомъ одномъ полагалъ онъ свое утѣшеніе и утвержденіе; ибо вѣровалъ, что *Богъ питаетъ его изъ млада и избавляетъ его отъ всѣхъ золъ* (Быт. 48, 15).

Вотъ, братіе, высокіе примѣры вѣры терпѣливой, послушной и дѣятельной! Познавай и ты, христіанинъ, во всѣхъ случаяхъ жизни волю Божію и послѣдуй ей, хотя бы она потребовала отъ тебя величайшихъ жертвъ. Не требуетъ ли Господь и отъ насъ сердечной жертвы Авраамовой и Іаковлевой, когда отъемлетъ смертію нашихъ сыновъ и дщерей, или другихъ близкихъ къ намъ? Если въ такихъ случаяхъ не поропщемъ, если не потеряемъ вѣры и любви ко Господу, то Онъ возвратитъ намъ потерянныхъ, возвратитъ въ лучшей жизни, — не въ кущѣ тлѣнной, какъ Исаака Аврааму, а въ селеніяхъ безсмертія, и не во славѣ царства земнаго, какъ Іосифа Іакову, а во славѣ царства небеснаго. Постигаетъ ли кого искушеніе неплодства, какъ Авраама и Исаака? Благодушно переноси и это искушеніе, и желай паче всего плодоношенія духовнаго, а *плодъ духовный*, какъ учитъ Апостолъ, *есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22. 23). Испытываешь ли обиды и гоненія, какъ Іаковъ? Убѣгай злобы, не будь мстительнымъ, поручай себя водительству Божію, какъ тотъ же Іаковъ. Вѣруй, что и надъ тобою утверждена лѣствица небесная, — это Церковь Божія съ ея таинствами, въ которыхъ можетъ возвышаться душа твоя къ самому престолу Благодати, и привлекать къ себѣ дарованія Всесвятаго

Духа. Вѣруй, что и къ тебѣ, христіанинъ, относится это высокое обѣтованіе Божіе, возвѣщенное Іакову: *се азъ съ тобою, сохраняй тя на всякомъ пути, аможе аще пойдеши,—яко не имамъ тебе оставити, дондеже сотворити ми вся, елика глаголахъ тебѣ* (Быт. 28, 15). А что глаголетъ намъ Господь и что хочетъ сотворить въ насъ, мы всѣ знаемъ изъ откровенія новозавѣтнаго. Господь и насъ именуетъ избранными, какъ Авраама, Исаака и Іакова, и вотъ что глаголетъ устами апостола Петра: *вы родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ* (1 Петр. 2, 9). Аминь.

О плоти, какъ о врагѣ духа.

Подъ именемъ плоти, какъ врага духовнаго, по ученію слова Божія, должно разумѣть не тѣло христіанина въ собственномъ смыслѣ (какъ несправедливо нѣкоторые разумѣютъ), ибо оно, по словамъ апостола Павла, есть *удъ Христовъ и храмъ Духа Святаго* (1 Кор. 6, 15. 19. Римл. 8, 23. Фил. 3, 21); но вообще всѣ остатки ветхаго человѣка, которые находятся въ христіанинѣ и послѣ возрожденія и дѣйствуютъ въ немъ чрезъ грѣховную плоть противъ новаго человѣка (называемаго иногда въ св. Писаніи *духомъ*, по противоположности плоти) (Римл. 7, 15—23. Гал. 5, 17).

Враждебная плоть воинствуетъ противъ насъ 1, *вообще* силою прирожденной намъ грѣховной плоти, которая управляется, какъ бы нѣкіимъ царемъ, самолюбіемъ нашимъ. Отъ него происходятъ, имъ-же управляются, какъ главные вожди его, дѣйствующіе противъ внутренняго нашего человѣка: — плотоугодіе или сластолюбіе — *похоть плоти*, любостяжательность или корыстолюбіе — *похоть очесъ*, всякаго рода киченіе, или *гордость житейская*. А отъ сихъ происходитъ безчисленное племя страстей и пороковъ, какъ полчище, движимое и управляемое противъ духовнаго человѣка тройственною похотію плоти. 2, Въ *частности* плоть враждуетъ на насъ тѣми же силами и орудіями нашей природы, которыми мы сами должны защищаться противъ нея. Такъ:

Плоть дѣйствуетъ на насъ посредствомъ тѣлесной природы нашей, которая служитъ для сего духовнаго врага какъ-бы сѣдалищемъ или крѣпостію, хотя она въ тоже время есть и земная обитель нашего духа. Каждое внѣшнее чувство,—и зрѣніе, и слухъ, и обоняніе, и осязаніе, и вкусъ,—каждый членъ нашего тѣла дѣлаются для плоти бранными оружіями противъ духа, потому что служатъ часто къ удовлетворенію ея похотей. Каждая даже необходимая потребность нашего тѣла, при излишествѣ удовлетворенія ей, а иногда и чрезъ совершенное лишеніе, дѣлается орудіемъ чувственности. Плоть находитъ для себя пищу по своему вкусу вездѣ — и въ нашихъ темпераментахъ и характерахъ; и въ климатѣ, и въ свойствахъ каждаго возраста, пола и внѣшняго образа жизни. Орудіемъ сего врага бываютъ и духовныя наши силы: отъ него раждаются въ умахъ нечистые помыслы, а въ волѣ нечестивыя желанія. Но преимуществен-

но плоть дѣйствуетъ чрезъ воображеніе и фантазію, которыя представляютъ намъ порокъ подъ красивою личиною, а добродѣтель въ суровомъ и мрачномъ видѣ, и созидаютъ цѣлый міръ обольстительныхъ образовъ грѣха.

Изъ того, чѣмъ и какъ дѣйствуетъ противъ насъ плоть, открывается, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она есть врагъ важнѣйшій и опаснѣйшій, нежели міръ и діаволъ.

Плоть враждебнѣе міра въ томъ отношеніи, что она находится всегда съ нами, и можетъ нападать на насъ во всякое время. Бываютъ случаи, когда человѣкъ можетъ чувствовать себя свободнымъ отъ искушеній міра: наприм. отъ нечестивыхъ разговоровъ и дѣяній грѣшниковъ мы можемъ уклониться въ уединенное мѣсто, куда не проникаетъ взоръ ни одного человѣка; можемъ удалиться въ храмъ Божій, и тамъ противопоставить соблазнамъ міра предметы, возбуждающіе благоговѣйное чувство, можемъ назидаться наставленіями къ жизни благочестивой и святой. Но отъ искушеній плоти нельзя никуда укрыться; человѣкъ и въ пустынѣ можетъ страдать недугомъ сластолюбія, или гордости,—и въ храмѣ Божіемъ можетъ мысленно предаваться нечистымъ помысламъ. »Не вѣрь«, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, »бренной плоти во всю свою жизнь, и не надѣйся на воздержаніе ея, дондеже представишися Христу; съ плотію борятся люди до самой смерти, непрестанно«. (см. степ. 10 и 15).

Плоть враждебнѣе міра въ томъ отношеніи, что она дѣйствуетъ невидимо и сокровенно. Сія сокровенность зависитъ частію отъ того, что грѣховная плоть находится *во удѣхъ нашихъ*, внутри природы нашей; но преимущественно отъ того, что ея дѣйствія кажутся весьма сходными съ позволительными, и даже часто похвальными дѣйствіями человѣка. Сходство это такъ велико, что самые великіе подвижники Христовы не вдругъ могли различать его. »Будучи въ искушеніи«, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, »я чувствовалъ, что волкъ сластолюбія—чрезъ козни свои—вдругъ производилъ въ душѣ моей безъ всякой причины радость, слезы и отраду, а я по простотѣ своей думалъ, что чрезъ сіе раждается во мнѣ плодъ добродѣтели, а не порока« (ст. 15. л. 82).

Плоть враждебнѣе не только міра но и діавола,—въ томъ отношеніи, что служитъ главнѣйшимъ орудіемъ, чрезъ которое онъ успѣшно дѣйствуетъ на человѣка. Весьма легко заставить насъ совершать всякій поступокъ, къ которому мы предрасположены; а напротивъ—нѣтъ ничего труднѣе, какъ побудить человѣка къ совершенію того, что противно его желанію. Но поелику въ насъ уже есть предрасположеніе ко грѣху и тайное довѣріе врагамъ нашимъ; то для міра и діавола ничего не стоитъ искушать насъ. »Діаволъ зналъ«, говоритъ св. Макарій Великій, »что руки не будутъ дѣлать зла, уши не будутъ слышать его и очи видѣть, если воля и сердце не захочетъ; а потому и облекъ насъ въ самый грѣхъ, чтобъ мы и видѣли худо, и слышали худо, чтобъ и ноги наши были скоры къ злодѣянію, и руки простерты къ беззаконію, и сердце было занято злыми помыслами« (см. христ. чтеніе 1827 г. ч. 28).

Наконецъ врагъ сей такъ хитръ, и борьба съ нимъ такъ трудна, что и святые мужи не безъ опасенія помышляли о его хитрости и силѣ. Разительно говоритъ о семъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ: »какимъ лишь способомъ и средствомъ, связавъ сію другиню (т. е. плоть), судити не вѣдаю. Ибо прежде нежели свяжу ее, она разрѣшается; прежде нежели судить стану, примиряюсь съ нею; прежде нежели накажу, на жалость преклоняюсь. Какъ мнѣ возненавидѣть то, что люблю по

природѣ? Какъ освобожусь отъ того, съ кѣмъ я соединенъ на вѣки? Она моя и помошница, и противница, и защитница, и непріятельница,... что сіе, еже о мнѣ бысть таинство? Что за связь души съ плотію, столь чудная? Какимъ образомъ сталъ я самъ себѣ и врагомъ и другомъ? (ст. 15, л. 90).

Чтоже остается дѣлать христіанину, дабы освободиться отъ столь опаснаго врага? Остается одно: »распять плоть свою со страстьми и похотьми«; остается »разрушить эту«, какъ выражается св. Дорооей, »стѣну между Богомъ и человѣкомъ, заграждающую отъ насъ и отражающую волю Божію« (Христ. Чтен. 1840. ч. 39). Правда, это очень трудно сдѣлать съ нашими слабыми силами, особенно когда представимъ себѣ, что этотъ врагъ дѣйствуетъ на насъ въ соединеніи съ прочими врагами нашего спасенія, т. е. міромъ и діаволомъ. Но у насъ есть всесильный помощникъ—Господь нашъ, который наставитъ и укрѣпитъ насъ своею благодатію. »Аще не Господь разрушитъ«, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, »домъ плоти и созиждетъ домъ души; всуе бдѣлъ и вотще трудился разрушающій. Предложи Господу Богу немощь естества своего, признавая предъ Нимъ все свое безсиліе,—и Онъ побѣдитъ Амалика души твоей« (ст. 15).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 11-го Генваря 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 46.

НЕДѢЛЯ О МЫТАРѢ И ФАРИСЕѢ.

1 Февраля 1859 г.

Гласъ 5-й.

На утрени: евангеліе воскресное 5-е, Лук. зач. 113. На Литургіи: апост. 2 Тим. зач. 296, евангеліе Лук. зач. 89.

ПОКАЯННЫЯ ВОЗДЫХАНІЯ (*).

Будто по сушѣ провелъ Ты, всехвальный Господи, избранный Тобою народъ посреди морской пучины: изведи и меня изъ бездны грѣховной, да не погрязну въ преисподней.

О, если бы растаяло сердце мое, и, какъ вода, излилось въ горькихъ слезахъ! Если бы очи мои сдѣлались неизсякаемымъ источникомъ слезъ, чтобы я день и ночь плакалъ о томъ, что грѣхами моими преогорчилъ отеческую Твою благость, Спасителю, и погубилъ душу мою.

Но не отвергай еще меня въ гнѣвѣ твоемъ, Господи! Даруй мнѣ время для покаянія, укрѣпи волю мою въ покаяніи, сокруши окаменѣніе моего сердца, исторгни слезы изъ глубины души моей и помилуй меня по Твоему благоутробію.

Сжалься надо мною, неистощимый въ благости Твоей, Боже! воззри на страданія души моей, не предавай еще меня на волю враговъ моего спасенія: да не восторжествуютъ они надо мною и не порадуются вѣчной погибели моей.

Не отвращай, Господи, лица Твоего отъ меня, вспомни, что хотя я безотвѣтный предъ Тобою грѣшникъ, но я Твой, Твои руки сотворили меня, дай душѣ моей отраду, очисти ее отъ грѣховной проказы, сними съ меня вины мои, не вспоминай грѣховъ и проступковъ моихъ.

Къ Тебѣ прибѣгаю, Заступница усердная безнадежныхъ! поспѣши на помощь, испроси мнѣ благодать покаянія, подкрѣпи Твоимъ предстательствомъ у Сына Твоего и Бога покаянныя мои воздыханія.

* * *

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, Архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

Утверди меня въ покаяніи на камени вѣры въ Тебя, пришедшій призвать грѣшниковъ на покаяніе: да и я съ помилованными Тобою вѣчно превозношу Твое милосердіе.

Отверзи ухо Твое, Спасителю, и услыши меня, оживотвори Твоимъ милосердіемъ, поставь меня на стезю заповѣдей Твоихъ, поддержи и утверди на пути Твоемъ: да будетъ благодать Твоя врачевствомъ души моей.

Душа моя сильно потрясена, совѣсть моя не знаетъ спокойствія, какъ огнемъ жжетъ меня раскаяніе въ безумномъ моемъ житіи, постигли меня беззаконія мои, я знаю ихъ, и они предо мною непрестанно. Помилуй меня!

На затвори сердца Твоего отъ меня, хотя я былъ не вѣренъ Тебѣ. Отъ того сердце мое теперь удручено, терзается, объятое смертными ужасами! Но сжалься надо мною, Искупителю, не отчуждай меня отъ Твоего милосердія.

Пріими мое покаяніе, Нехотящій смерти грѣшника! Не отринь моихъ воздыханій о помилованіи меня; вмѣсто дѣлъ угодныхъ Тебѣ пріими болѣзненное сокрушеніе о томъ, что я преогорчалъ Тебя лукавымъ поведеніемъ, и крайнюю нищету души моей восполни Твоимъ милосердіемъ.

Подавляемый безмѣрною тяжестію грѣховъ моихъ, предъ Тобою повергаюсь, пренепорочная Матерь, съ воплемъ сердца моего: помоги мнѣ освободиться отъ бремени, гнетущаго душу мою; не допускай меня до вѣчной пагубы, но оживотвори надеждою на спасеніе.

Слыша о низшествіи Твоемъ, Господи, для спасенія міра, Пророкъ вострепеталъ отъ страха. Какъ же мнѣ не страшиться палящаго гнѣва твоего, Боже, испытующій сердца и утробы, грядущій судить живыхъ и мертвыхъ?

За невниманіе закону Твоему, Ты оставилъ меня, Господи, на произволъ сердца моего, и я неудержимо устремился за безразсудными мыслями и желаніями моими. Сознавая мое безуміе, вопію къ Тебѣ, Боже, яви мнѣ милость Твою, не оставь меня въ стыдѣ вѣчномъ.

Ты знаешь, Господи, бренный составъ мой; вспомни, что я не болѣе, какъ пыль земная; не продолжай же вѣчно гнѣва Твоего, отврати ярость Твою отъ меня, даруй мнѣ благодать исправить пути мои, и помилуй меня.

Нечистъ я сердцемъ, нечистъ устами и осквернень грѣховными мерзостями, все существо мое проникнуто грѣховнымъ ядомъ; но Ты все можешь, Спасителю: претвори, очисти и спаси меня, по Твоей милости!

Все упованіе мое на Тебя возлагаю, пресвятая Дѣво, не постыди меня въ надеждѣ моей на Тебя. Вступись въ мое дѣло, заступи меня Твоимъ предстательствомъ отъ гнѣва правды вѣчныя.

* * *

Нераскаянные грѣшники не будутъ наслаждаться созерцаніемъ божественной славы Твоей, Господи, сокрушi же мое сердце искреннимъ покаяніемъ, да отъ самаго утра повсечасно взываю къ Тебѣ изъ глубины души: помилуй меня!

Не гнушайся молитвою моею, Господи, не отвергай воплей души моей, не вспоминай моихъ грѣхопаденій, забудь безумное мое поведеніе, не воздавай мнѣ по дѣламъ моимъ, не суди меня по правдѣ Твоей, но сжалься надо мною, и помилуй меня!

Не обличай меня во гнѣвѣ Твоемъ, не карай меня въ ярости Твоей, прости неправды мои, исцѣли болѣзни души моей, заживи язвы ея, помилуй еще меня и оживотвори Твоею благодатію, по слову Твоему.

Ты знаешь всѣ тайны моего сердца, но и самъ я сознаю, открываю ихъ предъ Тобою, исповѣдую предъ Тобою, исповѣдаю грѣ-

хи, стенаю въ горести души моей, воздыхаю къ Тебѣ: утиши гнѣвъ Твой, оставь ярость, сотвори со мною чудо милосердія Твоего.

Чувствую, что будто стѣною стоятъ грѣхи мои между мною и Тобою, Господи! Разруши сію преграду словомъ Твоимъ, приближься къ душѣ моей Твоимъ милосердіемъ, удержи гнѣвъ Твой, предай вѣчному забвенію грѣхи мои.

О Ты, Которой величіе сотворилъ Сильный! сотвори мнѣ по милости Твоей, буди Ходатаицею спасенія души моей предъ Сыномъ Твоимъ и Богомъ, да помилуетъ и меня Пролившій кровь Свою за спасеніе міра.

* *
*

Подражая пророку Іонѣ, въ горести души моей взываю къ Тебѣ, богатый благостію, Боже: изведи изъ грѣховной бездны жизнь мою, освободи отъ челюстей адовыхъ; да превозношу милосердіе Твое во всю вѣчность.

Терніе грѣховъ подавило во мнѣ, заглушило спасительныя желанія, зло не выходитъ изъ сердца моего, безуміе сродилось съ душею моею, такъ что я, по видимому, раскаеваюсь въ беззаконіяхъ моихъ, но снова увлекаюсь на распутія порока: удержи меня Твоею силою Господи!

О горе мнѣ безотвѣтному грѣшнику! Смятеніе объяло меня, грѣхи, какъ огонь, жгутъ меня раскаяніемъ. Но возношу душу къ Тебѣ, Искупитель міра, приклони слухъ Твой къ воплю моему и оживотвори меня надеждою на милосердіе Твое.

Стенаю отъ терзанія сердца моего, утомленный болѣзненными воздыханіями моими. Но не престану взывать къ Тебѣ, Господи, услыши молитвенный вопль мой; вспомни милосердіе и милости Твои, утѣшь меня радостію спасенія Твоего.

Изнемогъ во мнѣ духъ мой; но возводя очи мои къ Тебѣ, изъ глубины души взываю: окропи меня росою благодати Твоей, простри мнѣ руку помощи, увлекаемому въ преисподнюю, и спаси меня ради милосердія милости Твоей.

Нѣтъ у меня другаго прибѣжища, кромѣ Тебя, Владычица міра! Къ Тебѣ прибѣгаю окаянный, у Тебя ищу спасенія, не допусти погрязнуть мнѣ въ преисподней, готовой на вѣки поглотить меня.

* *
*

Отроки древле въ Вавилонѣ, орошаемые благодатію посреди пламени, превозносили праведный судъ Твой, Боже, исповѣдуя грѣхи свои и отцевъ своихъ: мнѣ ли не исповѣдать, что я преогорчилъ благость твою безразсуднымъ моимъ поведеніемъ?

Не внималъ я Твоему ученію, Спаситель, пренебрегалъ Твоими заповѣдями, ни во что вмѣнялъ уставы Церкви Твоей; подавлялъ въ сердцѣ моемъ внушенія благодати Твоей. Но помилуй меня, удержи громы правосудія Твоего, готовые поразить меня.

Лукавымъ поведеніемъ моимъ я безславилъ имя Твое, порочилъ Церковь Твою, оскверняль землю, разсѣвая повсюду соблазны: теперь мучусь терзаніями совѣсти, грѣхи мои свидѣтельствуютъ противъ меня, жгучій ядъ ихъ палитъ душу мою.

Буря страстей какъ пылью металa мною; увлекаясь похотями, ежечасно поступалъ я по упорству сердца моего; теперь, ставъ отвратителенъ для самаго себя, въ горести сердца молюся тебѣ, Благость вѣчная: ради имени Твоего прости мнѣ прегрѣшенія мои.

Кружась въ вихрѣ страстей, я не вразумлялся ни горькими послѣдствіями грѣховъ моихъ, ни милостями Твоими, Господи; теперь, озаренный Твоею благодатію, сознаю вину

мою, и сокрушаясь всѣмъ сердцемъ, вопію къ Тебѣ: помилуй меня.

Купина неопалимая, Матерь Спасителя и Бога! Надѣющіеся на Тебя безопасны подъ щитомъ Твоего заступленія: пріими и меня подъ Твой покровъ, и спаси Твоимъ холатайствомъ отъ вѣчной гибели.

* * *

Херувимы и Серафимы, Архангелы и Ангелы, небеса, солнце и всѣ звѣзды, земля и все что въ ней и на ней, свѣтъ и мракъ, воздушныя явленія и всѣ твари, исполняя Твои законы, превозносятъ Твое величіе, всехвальный Боже!

А я совратился съ пути Твоего, Вседержителю, совратился съ пути вѣчной жизни, всегда блуждалъ по распутіямъ порока, раздражалъ правду Твою моими грѣхами: но помилуй меня, да превозношу милость Твою во вѣки.

Погрязъ я въ безднѣ грѣховной, беззаконія мои подавляютъ меня, мысль о судѣ Твоемъ, Господи, приводитъ меня въ трепетъ, потрясаетъ всѣми ужасами, но обрати меня на путь покаянія: да славлю и превозношу милосердіе Твое во вѣки.

Познавая себя, раскаеваюсь, ударяю себя въ грудь, чувствую стыдъ и срамъ, мучусь въ совѣсти моей, что поступилъ по произволу сердца моего, какъ потерявшій разсудокъ: и въ горести сердца моего вопію къ Тебѣ, Господи: даруй мнѣ благодать превозносить благость Твою во вѣки.

Жжетъ меня совѣсть, какъ огонь геенскій, разболѣлись язвы души моей, и во всемъ мірѣ нѣтъ врачевства, чтобы заживить ихъ. Ты, Господи, Единъ врачь душъ и тѣлесъ человѣческихъ, исцѣли душу мою, угаси пламень страстей моихъ: да превозношу милость Твою во вѣки.

Избавь меня отъ адскихъ ужасовъ, Матерь Христа Бога! Испроси для меня благодать покаянія, вымоли прощеніе безчисленныхъ грѣховъ моихъ, одушеви надеждою спасенія и введи въ пристанище вѣчныя жизни.

* * *

Тебя, благословенную въ женахъ, Богородице, благословилъ Отецъ небесный всякимъ благословеніемъ, а на землѣ превозносятъ и ублажаютъ всѣ роды, искренно взыскующіе душевнаго спасенія.

Не устоять мнѣ на страшномъ судилищѣ Твоемъ, Спасителю, когда, какъ огонь, возгорится ярость Твоя на нераскаянныхъ грѣшниковъ; но въ упованіи на милость и крестныя Твои страданія не престану взывать къ Тебѣ, Господи: очисти меня отъ всѣхъ беззаконій моихъ.

Обрати меня, Спасителю, на путь заповѣдей Твоихъ и утверди въ нихъ сердце мое, удержи ноги мои отъ распутій грѣховныхъ, ниспосли благодать слезами смыть съ души моей грѣховныя скверны, и приведи въ забвеніе грѣхи мои.

Даруй мнѣ благодать отнынѣ уклоняться отъ зла, обуздать страсти, отвергнуть грѣховные навыки, дѣлать добро, быть всегда осторожнымъ въ жизни, осмотрительнымъ во всѣхъ моихъ дѣлахъ, плакать и сѣтовать о моемъ окаянствѣ до конца моей жизни.

Ты, Господи, поражаешь и исцѣляешь, умерщвляешь и оживляешь: оживотвори и меня Твоею милостію, даруй мнѣ блаженство тѣхъ, коимъ прощены грѣхи, чьи прегрѣшенія покрыты Твоимъ милосердіемъ: да превозношу благость Твою во вѣки.

Радуйся святѣйшая всѣхъ святыхъ, Ма-

терь жизни вѣчныя, радованіе Силъ небесныхъ, веселіе праведныхъ, отрада кающихся! Утверди меня Твоими молитвами въ покаяніи и утѣшь радостію вѣчнаго спасенія: да величаю Тебя во вѣки!

О БЛАГОСЛОВЕНІИ.

Безъ всякаго прекословія меншее отъ большаго благословляется. Евр. 7, 7.

Благословеніе составляетъ существенную потребность жизни каждаго христіанина. А потому, постараемся объяснить: 1) что такое благословеніе вообще; 2) почему оно существенно необходимо для каждаго изъ насъ; 3) кто и какъ имѣетъ власть благословлять насъ.

Что такое благословеніе вообще? По самому словопроизводству, это есть не что иное, какъ благое слово, изрекаемое другому существомъ благожелательнымъ. Но такъ какъ первоначальный и чистѣйшій источникъ благодати есть Богъ, то и могущественное дѣйствіе благаго слова или благословенія по преимуществу должно быть усвоено Слову Божію, тому Слову, *еже бѣ въ началѣ у Бога, и имже вся быша.* Слѣдовательно благословеніе, въ обширномъ его значеніи, есть не что иное, какъ отраженіе и проявленіе въ большей или меньшей силѣ, всемогущаго творческаго Слова Божія, а благословляющій по праву есть какъ бы уполномоченный самимъ Богомъ на частнѣйшее распространеніе общаго, явленнаго еще при твореніи міра, благоизволенія Божія о бытіи и счастіи твари.

Если же таково вообще значеніе благословенія, то кто не пойметъ, какъ оно существенно необходимо, въ томъ или другомъ видѣ, для каждаго изъ насъ? Премудрое устройство и красота первобытнаго міра, засвидѣтельствованныя самимъ Богомъ, зависѣли отъ того, что на существованіе его въ такомъ видѣ было благое изволеніе Божіе, выраженное въ словѣ, или иначе: міръ былъ прекрасенъ, зѣло добръ потому, что на немъ почивало благословеніе Божіе. Вызвалъ человѣкъ преступленіемъ своимъ, вмѣсто благословенія, проклятіе, — и прекрасный, благоустроенный міръ Божій извратился: явились тернія и волчцы, силы природы оскудѣли и потребовали усильнаго потоваго труда; рай сладости замѣненъ юдолію плача и болѣзней, земля, поприще блаженнѣйшей жизни для лучшаго и любимѣйшаго изъ твореній Божіихъ, сдѣлалась могилою того, кто, по первоначальному назначенію своему, долженъ былъ обладать и господствовать ею. Тоже бываетъ и въ частности: благословеніемъ зиждется бытіе и продолженіе, благо и счастіе жизни каждаго человѣка; за отъятіемъ благословенія слѣдуетъ сокращеніе жизни и смерть, сначала духовная, а потомъ и физическая, — и самый краткій срокъ жизни, оставляемый несчастной жертвѣ проклятія, есть цѣпь усильной борьбы съ гнетущимъ несчастіемъ, цѣпь, сплетаемая изъ безчисленныхъ и разнообразныхъ приключеній жизни, изъ томленій духа и болѣзней тѣла, изъ лишеній и скорбей разнаго рода.

Кто же и какъ имѣетъ власть и силу сообщать благословеніе? Первый, верховный и всеобщій раздаятель благословеній безспорно есть Тотъ, Имъ же вся быша, и вѣки сотворены, о имени Коего благословляются всѣ племена земныя, чрезъ Котораго Богъ Отецъ

благословилъ насъ *всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ* (Ефес. 1, 3), Господь Іисусъ Христосъ, Богъ Слово, Ходатай Бога и человѣковъ. Но видимая посредница между благословляющимъ и благословляемыми есть св. Церковь, и только чрезъ живое общеніе съ нею мы можемъ быть причастны всѣхъ благъ, какія сообщаются благословеніемъ нашего Спасителя. Судите, какъ не безразлично быть или не быть истинными христіанами, принадлежать или не принадлежать къ обществу благословляемыхъ, быть непремѣнными участниками всѣхъ неисчислимыхъ даровъ благословенія Сына Отчаго, или же быть отверженными Богомъ!

Видимыми представителями и уполномоченными раздаятелями благодатнаго, тайноводственнаго благословенія Сына Божія служатъ Пастыри Церкви Христовой. Еще въ ветхомъ завѣтѣ, самимъ Богомъ дана была имъ власть благословлять сыновъ Израилевыхъ (Числ. 6, 23), и возлагать на нихъ имя Божіе для того, чтобы самъ Господь благословилъ ихъ. *Да возложатъ имя Мое на сыны израилевы*, сказано было въ законѣ, *и Азъ Господь благословлю я* (—27). Въ новомъ завѣтѣ преподана сія власть Апостоламъ и ихъ преемникамъ вмѣстѣ съ повелѣніемъ Господа учить и крестить, вязать и рѣшить. Извѣстно, въ какомъ внѣшнемъ видѣ преподается благословеніе служителей Божіихъ. Безцѣнныя сокровища благодатнаго царства заключены въ скудельныхъ сосудахъ, всегда подручныхъ намъ, всегда готовыхъ отверзаться для воспольненія и укрѣпленія нашихъ немощей душевныхъ и тѣлесныхъ, для благовоспѣшенія во всѣхъ дѣлахъ. И однакожъ, какъ немногіе дорожатъ знаками величайшаго милосердія Божія, открывающагося чрезъ Пастыря Церкви и какъ иногда небрежно и безъ должнаго уваженія къ священному сану принимаютъ благословеніе! »Не о томъ думайте, какою рукою, или въ какомъ сосудѣ, но какой божественной лозы духовное вино подается вамъ, чрезъ благословеніе служителя Христова«, замѣчаетъ, по сему поводу, знаменитый Первосвятитель нашей Церкви (*).

Въ семейной жизни необходимые, естественные преподаватели благословенія Божія родители. Давая бытіе своимъ дѣтямъ, они какъ бы продолжаютъ дѣйствіе творенія Божія, и слѣдовательно носятъ на себѣ печать власти и силы Божіей, которая даетъ и поддерживаетъ жизнь всего живущаго. Вотъ почему значеніе власти родительской ограждается особенно самимъ Богомъ, когда между десятью заповѣдями только одна — о почитаніи родителей заключаетъ въ себѣ явное обѣтованіе награды: *чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ* — прибавлено — *и долголѣтенъ будеши на земли.* Юноши и дѣвы! Хорошо помните сію истину, и смотрите на родителей своихъ, какъ на наставниковъ Божіихъ на земли. Оскорблять ихъ непослушаніемъ и дерзостію, значитъ вызывать строгое и неумытное правосудіе Божіе.

Нѣтъ нужды распространяться послѣ сего, какъ должны мы дорожить благословеніемъ. Всѣ мы ищемъ счастія. А оно возможно и достижимо, въ видѣ временныхъ и вѣчныхъ благъ, подъ условіемъ благословенія родителей и Церкви. Страшно навлечь на себя проклятіе отца или матери: участь Хама ожидаетъ несчастныхъ. Еще ужаснѣе подвергнуться отчужденію Церкви: это есть отчужденіе отъ царства Божія.

(*) Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, Митрополитъ Московскій, въ словѣ о *благословеніи.*

СКУКА.

(Окончаніе).

Причины, усиливающія и раздувающія пожирающее пламя томительной скуки, имѣютъ свою дѣйственность при двухъ условіяхъ: при недостаткѣ самоуглубленія, вниманія къ самому себѣ, къ внутреннему богатству души своей, и при бездѣятельности, при уклоненіи отъ всякаго серьезнаго занятія. Эти отрицательныя явленія жизни человѣческой имѣютъ сильное вліяніе на развитіе скуки, благопріятное для нея, но не благодѣтельное для нашего сердца и нашего спокойствія. — Много неземнаго богатства заключено въ душѣ нашей; небесная красота сіяетъ въ ней. Сколько благихъ и добрыхъ сѣмянъ можетъ замѣтить въ ней человѣкъ, внимательный къ самому себѣ, знакомый съ внутреннимъ богатствомъ собственнаго существа! Сколько зачатковъ высокихъ нравственныхъ дѣяній просятъ у его свободы непринужденнаго соизволенія на ихъ развитіе и завершеніе! Сколько потребностей и силъ, одно сознаніе которыхъ дѣлаетъ честь человѣческому достоинству! Внимательный взоръ на самаго себя научилъ бы человѣка цѣнить свое душевное достояніе, указалъ бы въ немъ задатокъ искомаго блага человѣческаго, и, возвысивъ его самосознаніе, уничтожилъ бы одинъ изъ источниковъ недовольства собою. Проникая въ глубь своего самосознанія, онъ могъ бы увидѣть, какія существенныя и главныя потребности въ духѣ нашемъ, и отличить отъ нихъ тѣ, какія послѣ возникаютъ въ немъ отъ неправильнаго его развитія: внимательное самоуглубленіе раскрыло бы человѣку предметы его стремленій, указало бы его цѣли, выставило бы на видъ истинное значеніе всѣхъ движеній душевныхъ. Съ яснымъ самопознаніемъ человѣкъ не сталъ бы такъ быстро бросаться на ложные пути къ достиженію своихъ цѣлей, не сталъ бы съ напраснымъ увлеченіемъ предаваться ничтожнымъ безцѣльнымъ стремленіямъ. Это спасло бы его отъ многихъ разочарованій, отъ многихъ мучительныхъ томленій. Между тѣмъ высшія нравственныя потребности, вложенныя въ нашу природу, представъ предъ око нашего сознанія, показали бы всю свою силу и все свое достоинство: онѣ увлекли бы къ себѣ вниманіе и волю человѣка, заняли бы его дѣятельность; онѣ не обманули бы его тѣми цѣлями, къ которымъ направляютъ его силы. Тогда въ человѣкѣ образовался бы новый міръ, который возвышался бы надъ томленіями обыкновенной скуки, въ которомъ носилась бы сила блаженства, услаждающаго горечь и тягость жизни. Но такъ какъ въ обыкновенномъ быту самоуглубленіе — почти немыслимая работа, и даже тѣ, которые до подробности знаютъ всѣ фибры, тончайшія жилы и нити нашего тѣлеснаго организма, не знакомы съ общими свойствами, началами и потребностями духовной жизни: то для скуки нѣтъ препятствія распространяться съ своимъ тяжелымъ вліяніемъ по всему торжищу міра. Незнакомая съ своимъ собственнымъ міромъ, душа пренебрегаетъ тѣмъ богатствомъ, которымъ владѣетъ, не останавливается на самой себѣ, какъ на чемъ нибудь твердомъ и стойкомъ, и вовсе не умѣетъ находить довольства и міра у себя дома. Для поддержанія ея спокойнаго состоянія дѣлаются неизбѣжными внѣшнія опоры: ища ихъ среди міра, среди вещей недовлѣющихъ для духа, она разсѣявается по широкому кругу предметовъ, питающихъ ее разнообразными впечатлѣніями; отъ привычки къ одной внѣшней жизни глохнетъ внутреннее содержаніе духовной жизни, становится мельче и скуднѣе. При недостаткѣ внѣшнихъ впечатлѣній, занимающихъ душу, — пу-

стота въ сердцѣ человѣка, привыкшаго жить поверхностною жизнію, а при этой пустотѣ и скука. Нравственныя потребности и стремленія духа, не сознанныя, не оцѣненныя въ своемъ достоинствѣ, теряютъ свою высокую занимательность для поверхностнаго сознанія,— и дѣятельность, направленная къ ихъ удовлетворенію, дѣятельность, носящая въ себѣ неоскудѣваемый источникъ самаго чистаго и святаго наслажденія, является ему тяжелымъ бременемъ, гнетущимъ человѣческую силу,— невольною заказною работою, безотрадно изнуряющею нашу природу. Многимъ странною, необъяснимою, мертвенною кажется жизнь людей, заключенныхъ въ самихъ себѣ, въ своей собственной дѣятельности, не ищущихъ внѣшняго развлеченія, мало интересующихся тѣми внѣшними впечатлѣніями, которыми такъ называемый свѣтъ занимаетъ преданныя ему души. Дѣло представляется совершенно въ другомъ, обратномъ видѣ, когда вспомнимъ, какъ всегда много важныхъ занятій ожидаетъ человѣка среди его внутренняго міра. Только отдохновеніемъ могутъ служить для души внѣшнія развлеченія. Ужелижь на нихъ тратить главныя дорогія силы нашей природы? И если непонятна для иныхъ жизнь безъ исканія частыхъ и льстивыхъ отдохновеній, то не болѣе ли должна быть непонятна и неестественна жизнь, которую хотятъ проводить въ однихъ отдохновеніяхъ, безъ человѣческихъ трудовъ? Съ другой стороны, въ комъ болѣе можно предполагать жизни и энергіи,—въ томъ ли, кто въ себѣ самомъ умѣетъ находить источникъ жизнедѣятельности, или въ томъ, кто тяготится своею самодѣятельностію, и свыкся съ страдательною ролей человѣка, не могущаго жить и быть довольнымъ безъ внѣшнихъ впечатлѣній? Въ первомъ цѣла, неизсякла глубина человѣческой природы, сбережено внутреннее содержаніе души, во второмъ измельчала первобытная глубина духа, и вся жизнь человѣка ограничилась одною поверхностію его существа, опредѣляемою и наполняемою вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей: соберется и пойдетъ дождь, есть жизнь въ источникѣ; нѣтъ дождя (нѣтъ внѣшнихъ впечатлѣній для человѣка), источникъ изсохъ и безводенъ. Такимъ образомъ открывается, что если скучаетъ и тяготится временемъ и часто жизнію то конечно не тотъ, для котораго, при внутренней сосредоточенности, недостаетъ разнообразія внѣшнихъ впечатлѣній, а тотъ, который отвыкъ всматриваться въ свою душу, и постоянно гоняется за обольстительнымъ призракомъ несущейся мимо его дѣйствительности.

Обращаясь къ опыту, мы замѣчаемъ, что скука тамъ свободно распространяетъ свою тяжелую власть, гдѣ не видно серьезнаго труда, гдѣ нѣтъ постояннаго стремленія къ какой нибудь человѣческой цѣли. Трудъ и время— это два понятія, одно другое предполагающія, не мыслимыя одно безъ другаго, въ приложеніи къ живому существу. Какъ скоро человѣкъ своею сознательною и свободною личностію выступаетъ на поприще жизни,—онъ видитъ необозримую даль будущаго; будущее постоянно развертываетъ предъ нимъ свой свитокъ, и въ этомъ свиткѣ онъ читаетъ одно неизмѣнное правило, одинъ всеобщій законъ, который говоритъ ему: »трудись, непрестанно трудись, трудись дотолѣ, доколѣ можешь трудиться«. Цѣль, стоящая предъ глазами человѣка при первомъ явленіи его на поприщѣ жизни, постоянно какъ бы отодвигается въ недостижимое будущее. Побуждаемый природою къ достиженію своей цѣли, онъ дотолѣ долженъ быть занятъ стремленіемъ къ ней, доколѣ есть предъ нимъ будущее. Когда время жизни проходитъ въ трудѣ, въ серьезныхъ занятіяхъ,— нѣтъ возможности для человѣка влачить долгіе часы въ томительной скукѣ; потому что всякую минуту отнимаетъ у ску-

ки трудъ; потому что во всякое время душа вся предана своему дѣлу. Если выпадаютъ часы отдохновенія, то въ нихъ только возстановленія силъ для продолженія труда жаждетъ труженикъ жизни. Вы отъ него не услышите жалобъ на длинноту и медленность времени. Погруженный въ занятія, видя въ трудѣ назначеніе жизни, онъ не видитъ, какъ быстро проходятъ дни нашей жизни, и всегда чувствуя себя не у цѣли, сѣтуетъ только на то, что онъ не успѣваетъ своею дѣятельностію бѣжать за мимолетнымъ временемъ, что оно слишкомъ скоро проходитъ мимо его, увлекая съ собою ту цѣль, которою онъ желалъ бы владѣть во всякую минуту. Но среди трудоваго поприща жизни много можно встрѣчать такихъ людей, для которыхъ время — лишній, ни на что не годный капиталъ, которые, какъ мертвыя муміи, съ опущенными руками, праздно стоятъ среди кипучей всеобщей дѣятельности жизни. Не имѣя предъ собою опредѣленной цѣли, и избѣгая серьезнаго труда, безучастными зрителями они остаются на широкомъ житейскомъ пирѣ. Душа томится и должна томиться такимъ безучастіемъ. Время, не занятое дѣятельностію, окружаетъ пустотою все существо человѣка; въ этой пустотѣ такая тяжесть, что ея боится само бездушное пространство. Сила человѣческая, не направленная къ сродной ей дѣятельности, лишенная необходимаго матеріала для дѣятельности, — тоже, что органы дыханія, закрытыя для свободнаго воздуха. Здѣсь очень ощутительно даетъ себя знать человѣку стѣсненіе его дыханія: не менѣе ли ощутительный признакъ неестественнаго стѣсненія находитъ и праздная душа въ той скукѣ, въ той неугасимой, хотя неопредѣленной, жаждѣ, какою давитъ ее владычествующее надъ нею время?— Въ нашъ трудящійся вѣкъ, должно быть, по закону противоположности, очень сильно распространяется ничѣмъ не оправдываемое праздполюбіе. Съ увеличеніемъ удобствъ жизни, съ изобрѣтеніемъ средствъ, облегчающихъ тягости труда и жизни, съ облагороженіемъ работъ, предлежащихъ человѣку, незамѣтно проторгается въ среду общества желаніе отодвинуть на задній планъ серьезный трудъ,—неизбѣжный удѣлъ человѣка въ жизни. Мы слышимъ и видимъ, что на жизнь образованное большинство смотритъ, какъ на забаву, въ ней ищутъ наслажденія, ищутъ выгодъ, желаютъ осуществленія любимыхъ мечтаній о счастіи, хотятъ создать золотой, беззаботный вѣкъ. Духъ времени закрываетъ и уноситъ отъ общаго сознанія истинное понятіе о жизни, по которому жизнь является борьбою, непрестаннымъ подвигомъ, требующимъ неослабнаго напряженія богодарованныхъ силъ человѣка. Для слуха многихъ странно звучитъ слово, которое, минуя всѣ наслажденія, въ трудѣ указываетъ главное украшеніе жизни. Грустно думать, что у насъ еще съ дѣтства и въ школахъ питаютъ свѣжее довѣрчивое сознаніе обольстительными, но вредными и ядовитыми, понятіями: проторгаясь въ душу, они въ самомъ корнѣ подрываютъ здоровое чувство и напередъ, прежде начала дѣятельности, разслабляютъ склонныя къ труду силы человѣка. Въ этомъ отношеніи особенно несчастна женская половина нашего образованнаго общества. Вѣжливые, но неразумные педагоги боятся оскорбить нѣжное сознаніе суровымъ видомъ строгой истины, и считаютъ благороднымъ обманывать дѣвственное чувство, тщательно скрывая отъ него все жесткое въ ожидающей его дѣйствительности. Въ радужныхъ цвѣтахъ представляютъ довѣрчивымъ душамъ жизнь, какъ поприще ихъ будущихъ наслажденій, и самымъ образованіемъ приготовляютъ ихъ не къ тому, чтобы бороться съ трудностями жизненнаго подвига, а чтобы не отставать отъ другихъ

въ упоеніи сомнительнымъ счастіемъ. Съ такимъ приготовленіемъ вступая на жизненный путь, онѣ являются здѣсь съ одними праздными мечтами, ожидаютъ счастія, которое имъ наперед расписали, — и нѣтъ у нихъ дѣла для наполненія времени, протекающаго въ ихъ жизни. Лишними, не нужными существами онѣ видятъ себя на трудовомъ поприщѣ жизни: въ то время, когда каждый въ обществѣ стремится къ какой нибудь цѣли, несетъ на себѣ какое нибудь бремя, имъ не указано ни предмета дѣятельности, ни цѣли стремленій, не развиты для труда и самыя силы. Одинъ неизбѣжный конецъ такого порядка дѣлъ: дѣйствительная жизнь обдаетъ холодомъ тепличныя существа, и онѣ на каждомъ шагу должны встрѣчать непріятное разочарованіе; съ другой стороны, имъ не куда бѣжать отъ всюду слѣдующей за ними пустоты, и они должны обращаться къ праздным, безцѣльнымъ занятіямъ, которыя хоть немного могутъ мирить ихъ съ неизбѣжною для нихъ скукою. Подумать, и подумать серьезно должно обществo о томъ, какъ бы уменьшить въ своей средѣ число праздныхъ участниковъ жизни, число лицъ, тратящихъ дорогое время на безцѣльное чтеніе пустыхъ книгъ, создаваемыхъ для одного развлеченія, и ничѣмъ незаслуженныя удовольствія, и въ тоже время осужденныхъ на нескончаемую скуку.

Скука, какъ явленіе въ нравственной природѣ нашей, должна имѣть свое значеніе въ ней и для нея. Душевная скука — это боль, которая даетъ знать человѣку о нездоровомъ состояніи его нравственной природы. Природа души нашей такъ устроена, что ея стѣсненія, ея искаженія тотчасъ открываются нашему чувству непріятными ощущеніями. Истинная жизнь неразлучна съ довольствомъ; но мы уклоняемся отъ главной своей цѣли, сбиваемся съ прямаго пути, гоняемся за призраками; внутри насъ поднимается не членораздѣльный, но довольно слышный и понятный голосъ, упрекающій насъ за наше уклоненіе отъ своего дома, зовущій насъ воротиться на прежнюю красную дорогу. Мы не возвращаемся, — этотъ голосъ сильнѣе раздается для насъ, сильнѣе раздражаетъ нашъ духовный слухъ. Мы не находимъ удовлетворенія въ тѣхъ познаніяхъ, какія доставляютъ намъ усиленныя ученыя познанія. Безпокойство неудовлетворенной мысли говоритъ намъ, что искомая умомъ истина не столько сокрыта въ массѣ разнообразныхъ свѣдѣній, не столько постигается утонченными и глубокими изслѣдованіями, сколько уясняется откровеніемъ и дается простою вѣрою въ слово Божіе, сколько зависитъ отъ нравственнаго просвѣщенія нашего умственнаго ока. Мы томимся, когда гоняемся за почестями или богатствомъ. Этотъ томительный откликъ души нашей на наше стремленіе показываетъ намъ, что не тамъ наше благо, не тамъ, гдѣ мы хотимъ искать его: онъ нудитъ наше сознаніе вникнуть въ себя, въ свою душу, и здѣсь тщательно разсмотрѣть, чего недостаетъ намъ для полноты нашего довольства, куда должны стремиться мы своими желаніями, чтобы не обмануться въ своихъ стремленіяхъ. Насъ сопровождаетъ скука изъ мѣста шумныхъ увеселеній, — опять этотъ голосъ, напоминающій намъ о забытыхъ нами высшихъ наслажденіяхъ, болѣе сообразныхъ съ достоинствомъ нашей богоподобной природы. Насъ томитъ внутреннее недовольство въ часы бездѣлья и праздности. Не осужденіе ли это нашей лѣни? Не казнь ли это за напрасную трату даннаго намъ дорогаго времени? Не слышится ли здѣсь призывъ къ посильной дѣятельности, къ неуклонному исканію какой нибудь цѣли, къ созиданію и утвержденію своимъ трудомъ своего собственнаго блага? Такимъ образомъ въ самой нрав-

ственной нашей природѣ есть охранительная сила, противоборствующая незаконному стѣсненію или подавленію нашихъ стремленій, которая тотчасъ вопіетъ противъ насъ, при первомъ невольномъ и безсознательномъ униженіи нашего нравственнаго достоинства. Какъ жаль, что мы въ своей жизни такъ мало обращаемъ вниманія на эту, постоянно дѣйствующую въ насъ, силу!

Чѣмъ укротить часто жестокое дѣйствіе этой силы? Чѣмъ спасти свою душу отъ ея раздирающаго вліянія? Чѣмъ примирить ее съ собою, и не дать ей дѣйствовать въ насъ, во всемъ ея тяжеломъ противоборствѣ? Стараться объ этомъ необходимо для каждаго: иначе въ глубокой по природѣ душѣ, при невниманіи ея къ облегченію дѣйствія этой силы, можетъ родиться невыносимое отчаяніе, подтачивающее самый корень нашего нравственнаго бытія; во всякой обыкновенной душѣ это—болѣзнь внутренняя, сколько тяжелая и томительная, столько же и унизительная для ея достоинства. Какъ же освободиться намъ отъ этой болѣзни? Премудрый Екклезіастъ предлагаетъ одно вѣрное и для всѣхъ годное средство противъ всѣхъ томленій и болей духа. *Конецъ слова* (говоритъ онъ): *Бога бойся и заповѣди Его храни: яко сіе всякъ человѣкъ.* Это правило премудраго иначе можно выразить такъ: развивай, сообразно закону Божію, свою нравственную природу, давай надлежащую цѣну всѣмъ своимъ стремленіямъ, не доводи себя до уклоненій отъ своего долга и своего блага, и для этого смотри постоянно на заповѣди Господни, свѣряй и сообразуй съ ними свое положеніе и свою дѣятельность: онѣ въ существѣ своемъ не что иное, какъ выраженіе нашего же внутренняго закона, какъ указаніе прямаго краснаго пути нашего жизненнаго шествія. Страхъ Божій въ этомъ случаѣ будетъ живымъ непрестаннымъ побужденіемъ къ зоркому наблюденію надъ собою, къ неослабному и неуклонному слѣдованію по красному пути закона Божія. Значитъ, въ развитіи жизни, сообразномъ съ закономъ Божіимъ, подъ вліяніемъ спасительнаго страха, состоитъ вся задача нравственнаго воспитанія человѣка. При этомъ условіи человѣкъ будетъ чувствовать себя нравственно—здоровымъ, и не станетъ томиться жестокою болью скуки. Правда, и тогда еще останется въ насъ корень скуки, глубоко вросшій въ нашу разстроенную природу. Но подъ вліяніемъ искупительной жертвы Богочеловѣка, при вѣяніи на насъ благодатнаго духа, болѣзненное ощущеніе, отсюда произрастающее, въ самомъ себѣ заключаетъ много отрады и сладкаго утѣшенія. Мысль о всеблагомъ милосердіи Спасителя проливаетъ цѣлительный, услаждающій бальзамъ на нашу ископную душевную рану: при стремленіи къ нравственному богоуподобленію, всегда не разлучномъ съ скукою въ ея прямомъ неискаженномъ видѣ, она дѣлаетъ изъ этаго печальнаго состоянія состояніе свѣтлаго чаянія, состояніе блаженнаго спасительнаго упованія, носящаго въ самомъ себѣ предвкушеніе искомаго счастія.

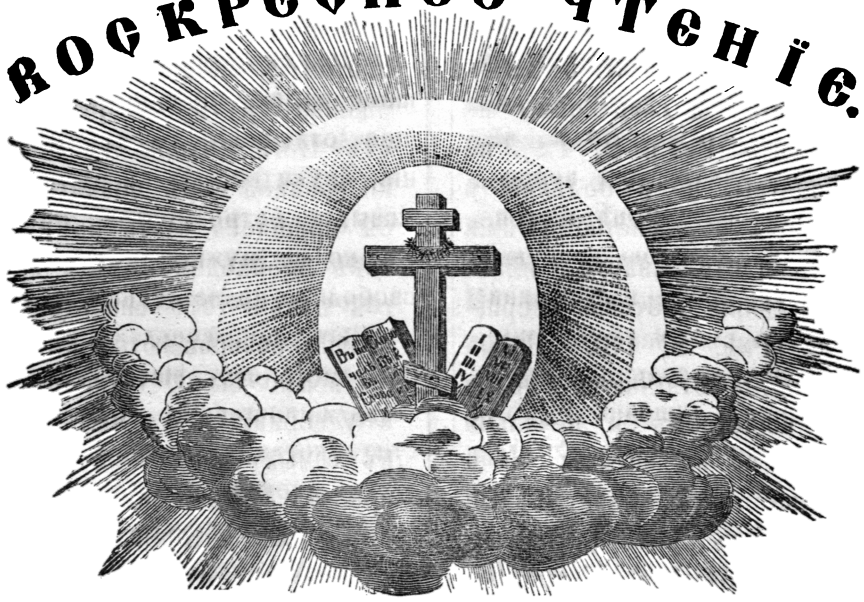
Какъ ни вѣрно средство спасенія отъ томленій скуки, предлагаемое премудрымъ Екклезіастомъ,—не всѣ могутъ удовлетвориться имъ; потому что оно слишкомъ широко и обще, и по самой широтѣ своей не легко прилагается каждымъ изъ насъ во всякомъ данномъ случаѣ. Болѣзнь зачинается и развивается въ нашей природѣ, независимо отъ насъ и непримѣтно для насъ, принимая своенравное частное направленіе. Кромѣ общаго средства тогда дѣлается необходимымъ лекарство особенное, прямо направленное противъ извѣстнаго вида болѣзни. Гдѣ же намъ искать этого лекарства противъ скуки, нашей душев-

ной болѣзни, такъ часто появляющейся и такъ быстро распространяющейся по свѣту? Не нужно искать этого лекарства гдѣ нибудь на стогнахъ міра, внѣ внутренней нашей жизни. Внѣшнія средства, предлагаемыя міромъ, не помогутъ намъ въ этомъ случаѣ: они неприложимы къ простой по природѣ душѣ нашей. И въ тѣлесныхъ болѣзняхъ главною врачующею силою всегда служитъ такъ называемая живительная сила природы: усилія врачей могутъ только болѣе или менѣе споспѣшествовать ея дѣйствію. Въ мірѣ душевныхъ болѣзней живительная сила природы еще болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ въ мірѣ тѣлесномъ. Для облегченія дѣйствія этой внутренней живительной силы въ тяжелыхъ припадкахъ скуки смотри на себя внимательнымъ окомъ, и для большей ясности созерцанія поставь себя предъ свѣтомъ слова Божія: предъ тобою откроется въ наготѣ твой внутренній міръ, съ достоинствами и недостатками твоихъ стремленій, ты увидишь въ себѣ незаконное преобладающее вліяніе какого нибудь стремленія, и тебѣ ясна будетъ причина твоей болѣзни. А сознаніе причины болѣзни — первое условіе ея успѣшнаго леченія. Правда, одно сознаніе причины болѣзни, одинъ ясный взглядъ на незаконность мучащаго насъ пристрастія не избавитъ насъ отъ ощущаемой нами тяжести. Трудомъ оградимъ свою чувствительность отъ болѣзненныхъ ощущеній: трудъ всякій, а тѣмъ болѣе трудъ, направленный къ нравственной цѣли, занявъ нашу душу, не дастъ нашему вниманію сосредоточиться на болѣзненномъ чувствѣ, и освободитъ наши силы отъ томительнаго бездѣйствія. Разовьемъ и утвердимъ въ себѣ религіозно-нравственное настроеніе: при господствѣ этого настроенія не могутъ быть подавлены благородныя требованія нашей природы: а это подавленіе — одна изъ причинъ частныхъ томленій скуки. Оно не уничтожитъ нашихъ житейскихъ стремленій, необходимыхъ въ здѣшней жизни, но поставитъ насъ въ надлежащее отношеніе къ ихъ цѣлямъ. Для избѣжанія скуки вовсе не нужно отказываться отъ живыхъ потребностей общественной жизни: только не нужно давать имъ подавлять наше свободное нравственное развитіе. Удовольствія и блага міра всегда имѣютъ свою цѣну; но они тогда споспѣшествуютъ намъ во благое, тогда прилагаются къ нашему истинному счастію, когда мы любимъ Бога, когда первѣе всего ищемъ царствія Божія. Утвердившееся въ насъ религіозное настроеніе будетъ чаще приводить насъ въ храмы Божіи. А здѣсь истинная врачебница для всякой болѣзни души нашей. Вліяніе Духа Утѣшителя объемлетъ насъ при первомъ вступленіи въ церковь, и переполняетъ открытое сердце высокою отрадою. Ощутительная близость присутствія Божія открываетъ нашему чувству новый міръ сладкихъ упованій, свободный отъ всѣхъ печалей и тягостей жизни. Всякая скорбь, накипѣвшая на душѣ нашей, изливается въ тихой молитвѣ къ Богу, и легко, свободно бываетъ на сердцѣ послѣ этого молитвеннаго изліянія. Вотъ собственно гдѣ мѣсто веселія, предъ которымъ меркнутъ всѣ наши печали житейскія! Сюда нужно ходить намъ, когда мы ощущаемъ въ себѣ оскудѣніе внутренняго довольства, и здѣсь, въ молитвенной бесѣдѣ съ Богомъ, какъ неоскудѣвающемъ и чистомъ источникѣ небесной радости, почерпать то услажденіе, котораго такъ часто напрасно мы ищемъ среди распутій міра. Изъ дома Божія насъ, обновившихся сердцемъ, не будетъ сопровождать такая скука, которая слѣдуетъ за нами изъ мѣста шумныхъ общественныхъ удовольствій.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 19-го Генваря 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.



№ 47.

НЕДѢЛЯ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ.

8 Февраля 1859 г.

Гласъ 5-й.

На утрени: евангеліе воскресное 6-е, Лук. зач. 114. На Литургіи: апост. 1 Кор. зач. 135, евангеліе Лук зач. 70.

ГОРЬКІЕ ПЛОДЫ НЕВОЗДЕРЖАНІЯ И ПЛОТСКОЙ ЖИЗНИ, ПО УЧЕНІЮ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

1. Для временнаго благополучія.

Утрезвитеся піяніи отъ вина своего, и плачитеся: рыдайте вси піющіи вино до піянства, яко отъяся отъ устъ вашихъ веселіе и радость (Іоил. 1, 5). Всякъ бо піяница и блудникъ обнищаетъ, и облечется въ раздранная (Прит. 23, 21).— Кому горе? кому молва? кому судове? кому горести и свары? кому сокрушенія вотще? кому сини очи?— Не пребывающимъ ли въ винѣ? и не назирающимъ ли, гдѣ пирове бываютъ? Аще бо на чаши и стекляницы вдаси очи твои, послѣди имаши ходити нажайшій бѣлильнаго (*лишеннаго коры*) древа.—Послѣди же яко отъ змія уязвленъ прострется, и яко же отъ кераста (*аспида*) разливается ему ядъ. Очи твои егда узрятъ (жену) чуждую, уста твоя тогда возглаголютъ стропотная. И возляжеши яко въ сердцѣ моря, и якоже кормчій во мнозѣ волненіи. Речеши же: биша мя, и не поболѣхъ, и поругашася ми, азъ же не разумѣхъ (Прит. 23, 22—35).— Горе востающимъ заутра, и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера: вино бо сожжетъ я. Съ гусльми бо и пѣвницами, и тимпаны, и свирѣльми вино піютъ, на дѣла же Господня не взираютъ, и дѣлъ руку его не помышляютъ (Ис. 5, 11. 12).

2. Для вѣчной жизни.

Не льститеся: Богъ поругаемъ не бываетъ: еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ: Яко сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный (Галат. 6, 7. 8). Явлена же суть дѣла плотская, яже суть прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣянія, вражды, рвенія, завиды, ярости, разженія, распри, соблазны,

ереси, зависти, убійства, піянства, безчинны кличи, и подобная симъ: яже предглаголю вамъ, яко же и предрекохъ, яко таковая творящіи царствія Божія не наслѣдятъ (Галат. 5, 19—21). Тѣмже убо, братіе, должни есмы не плоти, еже по плоти жити (Римл. 8, 12): не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію (Римл. 13, 13); аще бо по плоти живете, имате умрети: аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете (Рим. 8, 13). Внемлите же себѣ, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и піянствомъ и печальми житейскими, и найдетъ на вы внезапу день той (Лук. 22, 34). Аще ли же речетъ злый рабъ той въ сердцы своемъ: коснитъ господинъ мой пріити: и начнетъ бити клевреты сьоя, ясти же и пити съ піяницами: пріидетъ господинъ раба того въ день, въ оньже не чаетъ, и въ часъ, въ оньже не вѣсть: и растешетъ его полма, и часть его съ невѣрными положитъ: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ (Матѳ. 24, 48—51).

ПУТЬ УДАЛЕНІЯ ГРѢШНИКА ОТЪ БОГА И ОБРАЩЕНІЯ ЕГО КЪ БОГУ, УКАЗАННЫЙ ВЪ ПРИТЧѢ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ.

Духовная жизнь большей части людей состоитъ изъ паденій и востаній; путь шествующихъ къ Богу слагается большею частію изъ двухъ путей — пути уклоненія отъ Бога и обращенія къ Нему. Если *праведникъ седмерицею* можетъ *падать и востават*ь (Прит. 24, 16), то что сказать о менѣе совершившихся на пути къ добру? Какъ необходимо, поэтому, каждому имѣть ясный образъ того опаснаго пути, которымъ удаляется человѣкъ отъ Бога, чтобы не попасть на оный, или по крайней мѣрѣ познать его опасность, если бы пришлось стать на немъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ необходимо имѣть предъ глазами и другой путь — тотъ спасительный путь, которымъ падшіе возвращаются къ Богу, для того, чтобы можно было, тотчасъ послѣ паденія, стать и утвердиться на немъ! Тотъ и другой путь въ самыхъ живыхъ и поразительныхъ чертахъ представляется намъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ, въ которой ясно изображается начало того и другаго пути, продолженіе и конецъ. Изобразимъ эти черты, по указанію евангельской притчи.

Человѣкъ нѣкій имѣ два сына (Лук. 15, 11). Не трудно уразумѣть, что въ образѣ *нѣкоего человѣка* представляется намъ самъ Богъ, *иже есть Отецъ всѣхъ* (Еф. 4, 6), а сыновьями обозначаются вѣрующіе въ Іисуса Христа — Сына Божія, получившіе духовную жизнь *въ бани пакибытія* (Тит. 3, 5) и *область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. 1, 12). Домъ отеческій, въ которомъ живутъ сіи чада, есть домъ Божій; тотъ домъ, въ коемъ »основаніе, по словамъ св. Димитрія Ростовскаго, есть Сынъ Божій, стѣны — законъ Божій, столпы — евангелисты, пророки и учители, покровъ — Духъ Святый« (Алф. Димит. Рост.). *Блажени живущіи въ дому твоемъ Господи! упіются отъ тука дому твоего, и потокомъ сладости твоея напоиши я, яко у Тебе источникъ живота* (Пс. 35, 10). *Скрыеши ихъ въ тайнѣ лица твоего отъ мятежа человѣческа, покрыеши ихъ въ кровъ отъ прекаканія языкъ* (Псал. 30, 21). Кто бы, казалось, изъ чадъ Божіихъ, жи-

вущихъ въ дому Господни,—дому духовнаго свѣта, сладости и веселія, не долженъ былъ *благословлять Господа на всякое время, и имѣть хвалу Его выну во устѣхъ своихъ* (Пс. 33, 2)? Кто бы, казалось, изъ *живущихъ въ помощи Вышняго и водворившихся въ кровъ Бога небеснаго* (Пс. 90, 1) не долженъ былъ всецѣло предаться волѣ Господней и выну взывать къ Нему: *заступникъ мой еси, и прибѣжище мое, Богъ мой и уповаю на Него* (ст. 2)? Но, среди чадъ Божіихъ, есть сынове непокоривіи, уклоняющіеся въ пути стропотнаго и развращеннаго своего сердца. Это юнѣйшіе чада, не возрасшіе и не укрѣпившіеся въ любви къ Богу, не достигшіе и не старающіеся достигнуть *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13).

И рече юнѣйшій ею отцу: отче, даждь ми достойную часть имѣнія (ст. 12). Конечно, юнѣйшій сынъ, прежде чѣмъ обратился къ своему отцу съ этимъ требованіемъ, уже обольстилъ себя мыслію—быть независимымъ господиномъ принадлежавшей ему части отцовскаго имѣнія, по праву наслѣдства. Эта горделивая мысль подавила въ немъ чувство сыновней любви и довѣрія къ отцу: сердце его стало нечувствительно для любви отеческой, для воли его сдѣлалась тягостна воля отца, самыя блага, которыя онъ получалъ отъ руки отца, казалось, были бы гораздо болѣе пріятны для него тогда, когда бы онъ самъ владѣлъ ими. И легкомысленный юноша, увлекшись духомъ гордости, рѣшается свергнуть съ себя иго послушанія, удалиться изъ дома родительскаго. Водимый страстями, онъ не останавливается долго надъ исполненіемъ своего намѣренія, немедленно обращается къ отцу съ неразумнымъ требованіемъ — дать ему принадлежащую часть имѣнія: *отче, даждь ми достойную часть имѣнія.*

Не такъ ли и грѣшникъ начинаетъ свое грѣховное удаленіе отъ Бога? Не въ ту ли самую минуту онъ начинаетъ *отчуждаться отъ жизни Божіей*, когда возникаетъ въ немъ духъ гордости, внушающій ему ложное, преувеличенное сознаніе въ себѣ самомъ полноты и совершенства жизни и увѣренность воспользоваться ею при собственныхъ силахъ лучше, чѣмъ при содѣйствіи божественномъ? Не въ то ли время и онъ удаляется изъ дома Господня, когда обольщается внушеніями льстиваго: *будете яко бози* (Быт. 3, 5)? Не въ то ли время и онъ начинаетъ падать, когда, вмѣсто того, чтобы *возводить очи свои горѣ* и ожидать помощи *отъ Сотворшаго небо и землю* (Пс. 120, 2), обращаетъ ихъ на самаго себя и въ себѣ самомъ начинаетъ искать истины, добра и блаженства? Мало по малу начинаетъ упадать вѣра въ Бога, угасать любовь къ Нему, охладѣвать надежда на Него. На мѣсто вѣры начинаетъ возникать сперва сомнѣніе, а потомъ невѣріе, любовь сыновняя уступаетъ мѣсто самолюбію и своеволію, мѣсто сыновняго дерзновенія къ Богу заступаетъ рабскій страхъ и недовѣріе. Послѣ сего законъ Господень для грѣшника дѣлается тяжкимъ бременемъ, лице Божіе и самое имя Его дѣлается для него нестерпимымъ, и онъ рѣшается свергнуть съ себя сей законъ и расторгнуть свое единеніе съ Богомъ. Хотя не престаетъ еще онъ взывать къ Богу: »Отче нашъ«, но сердце его далеко уже стоитъ отъ Него. И тогда какъ другіе себя и животъ свой предаютъ Господу, онъ взываетъ къ Нему возмутительнымъ гласомъ блуднаго сына: *Отче, даждь ми достойную часть имѣнія*—дай мнѣ самому власть надъ моимъ умомъ, надъ моимъ сердцемъ, моею жизнію; мой умъ самъ укажетъ мнѣ мое назначеніе, въ моей собственной волѣ достанетъ силъ достигнуть его, мое

сердце само откроетъ для себя источникъ блаженства.

Что отвѣчаетъ Господь грѣшнику на возмутительный вопль его разума, взимающагося на разумъ Божій, на неразумныя требованія своеволія, востающаго противъ воли Божіей? Тоже, что и блудному сыну. *И раздѣли имъ имѣніе* (ст. 12). »Отецъ для того и отпустилъ сына и не помѣшалъ ему уйти на чужую сторону, чтобы онъ опытомъ узналъ, сколько получалъ благодѣяній, живя дома. И Богъ часто, когда не убѣдитъ словами, даетъ урокъ самыми дѣлами — наказаніемъ, каковой урокъ далъ Онъ Іудеямъ чрезъ пророка, говоря: *накажетъ тя отступленіе твое, и злоба твоя обличитъ тя* (Іер. 2, 19)« (Злат. 1 бес. о пок. Хр. Чт. 1849 г. ч. 8, стр. 288). Такъ милосердый и праведный Богъ поступаетъ и съ каждымъ грѣшникомъ, не хотя *смерти грѣшника, но еже обратитися ему и живу быти* (Іез. 33, 11), и въ тоже время дѣйствуя къ его благу безъ нарушенія его свободы; — *предаетъ его въ неискусенъ умъ* (Римл. 1, 28), попускаетъ ему ходить *въ похотехъ сердца его* (ст. 24).

И не по многъхъ днехъ собравъ все мній сынъ, отиде на страну далече (ст. 13). Раздѣлъ имѣнія конченъ, блудный сынъ съ поспѣшностію принимаетъ его въ свои руки и можетъ уже считать своимъ то имѣніе, которое отецъ его стяжалъ трудами и сберегъ своею бдительностію. Могъ ли бы въ это время добрый сынъ не тронуться любовію и снисходительностію отца? Могъ ли бы не возблагодарить его за дары и вмѣстѣ съ ними не предать себя опять его волѣ? *Но сыну лукавому ничтоже есть благо* (Прит. 13, 14). Блуднаго сына еще болѣе ослѣпляетъ мысль о независимости, при видѣ полученнаго имъ достоянія, и онъ, собравъ имѣніе свое, спѣшитъ въ путь. Зачѣмъ бы ему отправляться въ путь? Что препятствовало ему быть независимымъ господиномъ своего имѣнія, если бы онъ остался или въ домѣ отеческомъ, или вблизи его? Но блудному сыну и близкое разстояніе отъ дома отеческаго казалось преградою для его своеволія, и онъ отправляется въ далекій путь и ищетъ такой страны, куда бы вовсе не могъ простираться надзоръ его отца, и откуда бы не могла дойти вѣсть къ нему о его поведеніи: *отиде на страну далече.*

Уклоняясь отъ Бога, помышляетъ ли грѣшникъ о драгоцѣнности тѣхъ даровъ, которые пріялъ отъ Отца небеснаго въ св. Церкви? — той одеждѣ невинности, которая для него куплена кровію Сына Божія, — о томъ, возложенномъ на него въ купѣли крещенія, Христовомъ крестѣ, о томъ, принятомъ имъ святомъ имени, имени сына Божія. Помышляетъ ли грѣшникъ о томъ, кого онъ лишается, оставивъ Бога, и какихъ неизреченныхъ благъ лишается, оставивъ домъ Божій? — Если бы онъ помышлялъ объ этомъ съ чистымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, то не оставлялъ бы Бога, своего Творца и Благодѣтеля, а просилъ бы у Него, подобно псалмопѣвцу, единаго: *еже жити въ дому Господни вся дни живота своего, зрѣти красоту Господню и посѣщати храмъ святый Его* (Пс. 26, 4). Онъ согласился бы лучше *приметатися въ дому Господнемъ, неже жити въ селеніихъ грѣшничихъ* (Пс. 83, 11), — согласился бы лучше, подобно безкровному пришельцу, опочить на прагѣ дома Божія, нежели жить и блаженствовать въ мірѣ безъ Бога и благодати Его, — лучше быть послѣднимъ рабомъ Божіимъ, нежели владыкою въ мірѣ. Но гордость смѣжаетъ очи его до того, что онъ не можетъ видѣть красоты Господней, и изгоняетъ его изъ дома Божія, подобно тому, какъ свергнула денницу съ неба и перваго человѣка изри-

нула изъ рая. Куда же, оставивъ Бога, направляетъ стопы свои грѣшникъ — этотъ несчастный путникъ, самъ лишившій себя крова отеческаго, — безпріютный сирота, самъ лишившій себя любви Божіей? Онъ идетъ путями беззаконія, старается укрыться отъ вездѣ преслѣдующаго его гласа Господня: *гдѣ еси* (Быт. 3, 10)? — *бѣжитъ ни единому же гонящу отъ лица* Вездѣсущаго, Всевѣдущаго Бога, — отъ всѣхъ предметовъ, которые напоминаютъ ему Его образъ. И куда бѣжитъ? *на страну далече* — въ тайное царство невѣрія и нечестія, гдѣ *нѣсть взыскаяй и разумѣваяй Бога* (Пс. 13, 2), гдѣ уже никто не можетъ воспрепятствовать ему рещи въ сердцѣ своемъ: *нѣсть Богъ* (ст. 1). Что же дѣлаетъ грѣшникъ въ сей странѣ мрака и нечестія? Въ чемъ онъ проявляетъ дѣятельность своего ума, отдѣлившагося отъ разума Божія, — мнимую самостоятельность свободы своей воли, вышедшей изъ подчиненія воли Божіей? Въ томъ же, въ чемъ и блудный сынъ. Какія послѣдствія его самостоятельной жизни? — Опять тѣже, какія привлекла своевольная жизнь блуднаго сына.

И расточи имѣніе свое, живый блудно. Изжившу же ему все, бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той, и той начатъ лишатися. И шедъ прильпися единому отъ житель тоя страны: и посла его на села своя пасти свинія. И желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія: и никтоже даяше ему (ст. 13—16). Несчастный сынъ, сдѣлавшись полнымъ господиномъ принадлежавшей ему по праву наслѣдства части имѣнія, на странѣ далекой не пріумножаетъ его, а расточаетъ: изъ богатаго дѣлается нищимъ, изъ господина рабомъ. Бѣдствіе его начинается съ расточительности, въ которой проявляется его своеволіе. Живя настоящимъ, не помышляя о будущемъ, онъ теряетъ имѣніе свое на всѣ возможныя удовольствія, подобно евангельскому богачу говоря съ собою: *душе, имаши многа блага лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселися* (Лук. 12, 19). Между тѣмъ гладъ посѣщаетъ страну въ то время, когда имѣніе его оскудѣло: *и той начатъ лишатися*. Нищета ввергаетъ его въ рабство. Не имѣя средствъ пропитать себя, онъ *прильпляется единому отъ житель тоя страны*, и соглашается отправлять у него самую низкую службу — пасти нечистыхъ животныхъ за самую ничтожную плату, — за ихъ пищу.

Вотъ образъ жизни грѣшника, оставленнаго самому себѣ, и тѣхъ бѣдствій, которымъ подвергается онъ, *отчуждившись отъ Бога и жизни Божіей* (Еф. 4, 18). Оставивъ Бога — источникъ блаженства, грѣшникъ собственными силами начинаетъ созидать свое житіе, но всуе. По слову Господа, не собирая съ Нимъ, онъ не пріумножаетъ благодатные дары Божіи, а расточаетъ. Ибо какъ онъ созидаетъ, какъ собираетъ? Не подражаетъ онъ тому мудрому купцу, который продалъ все имѣніе свое, дабы купить многоцѣнный бисеръ (Матѳ 13, 46), а творитъ безумную куплю, продавая небесныя блага за земныя, духовныя за тѣлесныя, безсмертныя за скоропреходящія, истинныя за мнимыя, неоцѣненныя — за безцѣнныя. Что же должно достаться въ удѣлъ ему послѣ этой купли, какъ не крайняя бѣдность духовная? Гдѣ его драгоцѣнная одежда невинности заслугъ Христовыхъ? Она продана имъ за грѣхъ, промѣнена на одежду безславія и срамоты грѣховной. Гдѣ тотъ крестъ, который онъ получилъ во время крещенія, какъ воинъ Христовъ? Принесенъ въ жертву страстямъ и похотямъ. Гдѣ то святое имя, которое онъ получилъ въ купѣли крещенія? Оно опозорено дѣлами беззаконными. Такъ, нѣкогда богатый дарами

Божіими, онъ теперь бѣденъ и нищъ, онъ не имѣетъ даже необходимаго для жизни духовной, постоянно алчетъ, не имѣя хлѣба животнаго, жаждетъ, не имѣя источника воды живыя. Чтоже,—какое богатство пріобрѣтаетъ грѣшникъ за дары духовные? Грѣховныя страсти, которыя составляютъ гибельнѣйшее его сокровище. Онѣ поступаютъ съ нимъ жестоко и немилосердо, какъ *начальницы работаютъ на хребтѣ его* (кан. вел.), приковываютъ къ себѣ его умъ и сердце, плѣняютъ волю, заставляютъ душу его питаться самыми нечистыми, недостойными человѣка помыслами и желаніями. *Человѣкъ въ чести сый не разумѣ*, что истинное его благо—свобода въ Богѣ, *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48, 13).

Вотъ каковъ печальный конецъ того пути, которымъ идетъ человѣкъ, удаляясь отъ Бога! Вотъ какъ глубока бездна, въ которую самъ себя повергаетъ грѣшникъ, но изъ которой самъ собою выйти не можетъ! Погубить себя безъ Бога можетъ, но спасти безъ Бога не въ состояніи. Одна благодать Божія въ связи съ покаяніемъ со стороны грѣшника можетъ извлечь его изъ бездны грѣха и отчаянія, поставить на пространнѣ нозѣ его и опять привести къ Богу, отъ котораго онъ отпалъ. Посмотримъ, какъ совершается это великое лѣло обращенія грѣшника къ Богу по пути покаянія, чѣмъ начинается, какъ продолжается и къ чему приводитъ.

Въ себе же пришедъ рече: колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю (ст. 17). Разсѣянная жизнь и тяжкія бѣдствія повергли блуднаго сына въ состояніе нѣкотораго безчувствія. Наконецъ онъ приходитъ въ себя и какъ бы пробуждается отъ долговременнаго болѣзненнаго сна. Какіе же предметы теперь привлекаютъ его вниманіе? Онъ останавливается своею мыслію на двухъ предметахъ—оставленномъ имъ отеческомъ домѣ и бѣдственномъ своемъ положеніи. Благословенный домъ отеческій, разсуждаетъ онъ съ самимъ собою, какихъ благъ не даровалъ ты мнѣ, чего недоставало мнѣ, когда я жилъ подъ твоимъ кровомъ! Всѣ блага отца моего были открыты для меня, и вмѣстѣ съ ними драгоцѣнное сокровище—отеческая любовь. Благословенъ и теперь ты—домъ отеческій, и теперь въ тебѣ течетъ обиліе и богатство, даже наемники отца моего, живущіе въ тебѣ, не имѣютъ никакого недостатка; а я тдѣ теперь нахожусь, въ какомъ положеніи? Какихъ бѣдствій не потерпѣлъ я послѣ удаленія изъ-подъ крова роднаго, и все это для того, чтобы привлечь на главу свою еще тягчайшія бѣдствія! Я несчастный изгнанникъ, въ странѣ чужой, среди враговъ, и въ самой жалкой нищетѣ и бѣдности: никто не утѣшитъ меня, не сжалится надъ моимъ положеніемъ, не подастъ мнѣ необходмаго для поддержанія моей жизни: *колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю.*

Вотъ изображеніе перваго дѣйствія благодати Божіей, ведущей грѣшника на покаяніе! Тогда какъ грѣшникъ находится въ темницѣ грѣховной—въ узахъ страстей, она проповѣдуетъ ему свободу и отпущеніе. Тогда какъ грѣшникъ спитъ сномъ грѣховнымъ, она взываетъ: *востани спяй!* Въ чемъ же обнаруживаются въ кающемся грѣшникѣ первые начатки духовной жизни?—Онъ приходитъ въ самого себя, какъ бы больной послѣ обморока или тяжкой болѣзни, начинаетъ сознавать себя самаго и то, что вокругъ его, и первое, въ чемъ обнаруживается его сознаніе,—это чувство бѣдственности своего положенія настоящаго въ удаленіи отъ Бога и Церкви, и превосходства положенія истинно вѣрующихъ, живущихъ въ единеніи съ Церко-

вію, — чувство совершенно противоположное тому, въ какомъ грѣшникъ удаляется отъ Бога. Онъ то обращаетъ взоръ свой на себя, на свои язвы и болѣзни духовныя, то возводитъ его къ милосердому Врачу душъ и тѣлесъ и успокоивается; то внимаетъ самому себѣ, своимъ мыслямъ и желаніямъ и чувствуетъ при этомъ гладъ духовный, то возносится мыслію къ дому Божію и зритъ неизреченныя блага духовныя, которыя не оскудѣваютъ для чадъ и слугъ Божіихъ. *Коль возлюблена селенія твоя, Господи силъ* (Пс. 83, 1), разсуждаетъ онъ съ собою, а я живу въ мірѣ, какъ безкровный странникъ. *Птица обрѣте себѣ храмину, и горлица гнѣздо себѣ, идѣже положитъ птенцы своя* (ст. 3), а я среди неисчислимыхъ предметовъ міра ношусь своими мыслями и желаніями, нигдѣ не обрѣтая для себя покоя. Блага земныя, меня окружающія, не даютъ пищи душѣ моей; она всегда алчетъ и жаждетъ, ибо удалилась отъ источника живота; *имъ же образомъ елень желаетъ на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже* (Пс. 41, 2)! — Теперь душа моя *желаетъ и скончавается во дворы Господни, яко лучши день единъ* во дворѣхъ *Господнихъ паче тысящь: изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничихъ* (ст. 11).

Вставъ иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой; сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ. И вставъ, иде ко отцу своему (ст. 18—19). Мысль объ отеческомъ домѣ не оставляетъ несчастнаго сына, онъ услаждаетъ свои горести въ странѣ далекой, она становится предметомъ его цѣлей и желаній, наконецъ производитъ въ немъ рѣшимость итти ко отцу: *вставъ иду ко отцу моему*. Но какъ явлюсь я къ отцу своему безъ своего достоянія, въ рубищѣ нищаго, разсуждаетъ онъ самъ съ собою; отецъ не узнаетъ во мнѣ своего сына. Но я знаю, что отецъ мой и теперь столько же благъ и милосердъ, какъ былъ прежде, я и теперь будто вижу, что онъ скорбитъ обо мнѣ и призываетъ меня къ себѣ. Неужели онъ не проститъ мнѣ моей тяжкой вины, когда повергнусь къ ногамъ его и буду умолять его о прощеніи? Неужели онъ отвергнетъ отъ лица своего меня прежде любимаго имъ сына и лишитъ меня послѣдней отрады — жить въ дому его въ числѣ наемниковъ? О, нѣтъ, я увѣренъ въ томъ, что онъ даруетъ мнѣ прощеніе: *вставъ, иду ко отцу моему*. Ничто уже не можетъ воспрепятствовать блудному сыну возвращаться къ отцу его, и онъ *вставъ иде*.

Не такъ ли и душа кающагося грѣшника, почувствовавъ гибельное свое состояніе въ удаленіи отъ Бога, стремится къ единенію съ Нимъ? Алчущая и жаждущая небесныхъ благъ, можетъ ли она не устремиться къ источнику живота? Она какъ *безводная земля* духовная (Пс. 142, 8), постоянно обращается къ духовному небу и ждетъ оттуда росы благодати и милости Божіей. Познавъ, что міръ есть чуждая для ней страна, можетъ ли она забыть о горнемъ своемъ отечествѣ и не утѣшаться мыслію о немъ среди горестей и бѣдствій, претерпѣваемыхъ ею въ мірѣ? *Аще забуду тебе, Іерусалиме*, взываетъ кающійся грѣшникъ, *забвена буди десница моя, прилпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима яко въ началѣ веселія моего* (Пс. 136, 6). Постоянно занятая мыслію о небесномъ отечествѣ, душа кающагося грѣшника не можетъ не придти къ рѣшимости — стремиться къ Отцу небесному: *когда пріиду*, взываетъ она, *и явлюся лицу Божію* (Пс. 41, 3)? Но при

всей своей рѣшимости, кающійся грѣшникъ ясно сознаетъ свое безсиліе въ достиженіи единенія съ Богомъ. *Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ*, взываетъ онъ, *и полещу и почію* (Пс. 54, 7)? Оставленный самому себѣ, онъ напрасно истощалъ бы силы свои, дабы соединиться съ Богомъ, но благодать Божія поддерживаетъ его, укрѣпляетъ, и сама ведетъ его къ Богу. Что можетъ, послѣ сего, препятствовать кающемуся грѣшнику достигать единенія съ Богомъ? Сознаніе ли тяжести грѣховъ? Но его укрѣпляетъ гласъ милосердаго Господа: *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися нечестивому отъ пути своего и живу быти ему* (Іез. 33, 11); *грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ* (Іоан. 3, 37); *аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю; аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю* (Ис. 1, 18). Враги ли спасенія? Но онъ имѣетъ сильное оружіе противъ нихъ — надежду на Бога: *аще ополчится на мя полкъ*, взываетъ онъ, *не убоится сердце мое; аще востанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю* (Пс. 26, 3). *Быша слезы мои мнѣ хлѣбъ день и нощь, внегда глаголатися мнѣ на всякъ день: гдѣ есть Богъ твой? Сія помянухъ и изліяхъ на мя душу мою: яко пройду въ мѣсто селенія дивна даже до дому Божія, во гласѣ радованія и исповѣданія, шума праздну̀ющаго* (Пс. 41, 4. 5). Такъ духъ кающагося грѣшника, поддерживаемый благодатію, возносится къ Богу на смиренномъ сознаніи грѣховъ и упованіи на милосердіе Божіе, какъ бы на двухъ крыльяхъ духовныхъ.

Еще же ему далече сущу, узрѣ его отецъ его, и милъ ему бысть, и текъ нападе на выю его, и облобыза его. Рече же ему сынъ: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой (ст. 21). Какое умилительное и трогательное зрѣлище! Преступный сынъ, въ рубищѣ нищаго, съ трепетнымъ чувствомъ приближается къ дому отеческому, а отецъ, завидѣвъ вдали сына, узнаетъ его и спѣшитъ къ нему на встрѣчу. Преступный сынъ хочетъ повергнуться къ ногамъ отца и со слезами просить у него прощенія въ тяжкой винѣ своей, а отецъ нападаетъ на его выю и лобызаетъ его. Прежде, чѣмъ успѣлъ онъ исповѣдать грѣхъ свой предъ отцемъ и окончилъ просьбу быть у него единымъ отъ наемниковъ, отецъ даруетъ ему прощеніе и свидѣтельствуетъ возвращеніе прежней любви своей.

Не происходитъ ли тоже самое и въ таинствѣ исповѣди? Прежде, чѣмъ кающійся предстаетъ предъ лице невидимаго Судіи, благодать Божія начинаетъ осѣнять его и свидѣтельствовать, что *Господь* его *близъ* есть (Фил. 4, 5). Когда кающійся исповѣдуетъ грѣхи свои предъ Господемъ, въ то время совѣсть его облегчается, сердце чувствуетъ сладостный миръ душевный. Кающійся приступаетъ къ исповѣданію грѣховъ своихъ со страхомъ и трепетомъ; послѣ исповѣди душа его радуется и получаетъ сыновнее дерзновеніе — взывать къ Богу: *Авва отче* (Римл, 8, 15)!

Но добрый отецъ не ограничивается однимъ примиреніемъ; его радость такъ велика, что не можетъ не обнаружиться. По его повелѣнію, слуги приносятъ сыну драгоцѣнныя одежды, украшавшія его въ прекрасные дни невинности; налагаютъ на него перстень — знакъ его свободы; уготовляется великое торжество по случаю возвращенія въ отеческій домъ блуднаго сына, который *мертвъ бѣ и оживе, изгибълъ бѣ и обрѣтеся.*

Не подобное ли торжество происходитъ и въ Церкви, во время возвращенія въ нѣдра ея кающагося грѣшника? Св. Церковь молится о покаявшемся грѣшникѣ, какъ сынѣ своемъ, и своими пѣснопѣніями возвѣщаетъ вѣрнымъ

своимъ чадамъ о томъ, что тотъ сынъ, который *мертвъ бѣ, оживе, и изгибль бѣ, обрѣтеся*, возвращаетъ ему одежду невинности, даруетъ сердцу его *обрученіе* св. *Духа* (2 Кор. 1, 22), какъ знакъ духовной свободы, сподобляетъ его участія божественной трапезы, даруетъ наконецъ упованіе причащатися Агнца Божія въ невечернемъ днѣ царствія Его. Вотъ тотъ высокій предѣлъ блаженства, къ которому приводитъ грѣшника путь покаянія! »Такова ли плата грѣшнику за грѣхъ«, спрашиваетъ св. Златоустъ и отвѣчаетъ: такова плата не за порокъ, но за возвращеніе въ домъ; не за грѣхъ, но за покаяніе, не за худыя дѣла, но за исправленіе (1 Бес. Злат. о покаяніи).

Вотъ два пути: *путь, иже мнится человѣкомъ правъ быти, послѣдняя же его приходятъ на дно адово* (Пр. 14, 12), и путь сѣянія слезами, оканчивающійся пожатіемъ радости (Пс. 125, 5): иди на десно или на шуе. *Предложена ти огнь и вода, и на неже хощеши, простреши руку твою. Предъ человѣкомъ животъ и смерть, и еже аще изволитъ, дастся ему* (Іис. Сир. 15. 16, 17).

СЛОВО

ВЪ НАВЕЧЕРІЕ НОВАГО ГОДА, ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВЕННАГО ПОМИНОВЕНІЯ КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА ПЕТРА МОГИЛЫ, ОСНОВАТЕЛЯ АКАДЕМІИ, И ВСѢХЪ УЧИВШИХЪ И УЧИВШИХСЯ ВЪ НЕЙ (*).

Что было, тожде есть, еже будетъ: и что было сотворенное, тожде имать сотворитися: и ничтоже ново подъ солнцемъ. Еккл. 1, 9. 10.

А люди какъ часто отрѣшаются отъ области прошедшаго, какъ области могильной, отжившей свое время, и уносятся мыслію въ сокровенное отъ нихъ будущее, ожидая отъ него новаго, лучшаго того, что было въ прошедшемъ! Какъ часто они, взирая на прошедшее, какъ на мертвеца, погребеннаго въ могилѣ и навсегда заключившаго свои уста, не ждутъ отъ него уроковъ для жизни, а съ нетерпѣніемъ желаютъ слышать ихъ отъ будущаго, какъ учителя новаго и лучшаго, отрывая себя отъ прошедшаго, какъ стебль отъ корня! Напрасно думаешь научиться тайнѣ жизни, забывая прошедшее и углубляясь въ одно настоящее и будущее. Гдѣ лежитъ основаніе будущему, какъ не въ прошедшемъ, безъ котораго оно не можетъ быть прочнымъ, какъ зданіе безъ основанія? Кто можетъ дать для насъ болѣе наставленій нужныхъ для будущаго времени, какъ не прошедшее, уча насъ чрезъ могилы и развалины, памятники, исторію и преданіе? Ибо *что было, тожде есть, еже будетъ; и что было сотворенное, тожде имать сотворитися, — и ничтоже ново подъ солнцемъ.*

Не напрасно, поэтому ты, знаменитѣйшее изъ училищъ лѣтами и заслугами, обращаешься нынѣ къ знаменитому и поучитель-

(*) Сказано наставникомъ Кіевской Духовной Академіи Іеромонахомъ Сильвестромъ.

ному для тебя прошедшему, — нынѣ, когда стража лѣта Господня смѣняется другою стражбою, — одна съ совершившимися предъ глазами человѣчества событіями имѣетъ навсегда скрыться отъ насъ, а другая съ неизслѣдимыми судьбами явиться, — когда всякому естественно помыслить о своемъ будущемъ. Не напрасно ты нынѣ поставляешь себя предъ лицемъ твоего великаго основателя и достойныхъ его преемниковъ: кромѣ ихъ кто другой можетъ дать тебѣ болѣе искренніе и полезные уроки для твоего будущаго?

Назначеніе зданія можно видѣть уже въ самомъ основаніи его; когда же зданіе строится, оно еще виднѣе. Тоже должно сказать и объ основанной Петромъ Могилой *кіево-богоявленской коллегіи*, переименованной впослѣдствіи въ Академію. Въ ея основаніи можно видѣть ея будущее предназначеніе, въ ея исторіи просвѣчивается ея будущая судьба. Какое же основаніе для ней было положено великимъ основателемъ? — Какъ на немъ строилось самое зданіе?

Живя въ тѣ времена, въ которыя, по словамъ патріарха Паисія, »во всей Россіи малой иновѣрцы и отступницы хитростною своею мудростію не точію простыхъ, но и разумныхъ множицею уловляли отъ истинныя вѣры, своимъ душегубнымъ прельщеніемъ прельщали, и отводити тщались« (Памятн. Т. 2. стр. 186—195), великій поборникъ православія Петръ Могила не видѣлъ другаго средства къ поддержанію православія и огражденія его отъ враговъ, какъ кіево богоявленское училище возвести на степень академіи, которая могла бы образовать наставниковъ опытныхъ и неотступныхъ въ вѣрѣ православной, *сильныхъ утѣшати въ здравомъ ученіи и противящіяся обличати* (Тим. 1, 9). Рѣшимость Петра Могилы привести въ исполненіе свой торжественный обѣтъ — основать въ такомъ видѣ »школу для образованія православныхъ дѣтей« (завѣщ.), встрѣчена была сильнѣйшею борьбою со стороны враговъ вѣры; но его мощный умъ, его несокрушимая воля, не смотря на то, воздвигли, можно сказать, среди поля сраженія, предъ глазами враговъ вѣры и даже ихъ руками, эту крѣпость духовную, знаменемъ которой было знамя вѣры православной. И такъ православіе — вотъ что было положено въ основаніе преобразованному Петромъ Могилою училищу! — Что можетъ быть священнѣе и непоколебимѣе сего основанія? Оно свято, какъ свята сама истина, незыблемо, какъ *словеса* Господни, которыя *не мимоидутъ* и тогда, когда *небо и земля мимо идутъ* (Лук. 16, 17). Могло ли такое основаніе быть не освящено самимъ Господомъ? Могло ли на немъ не созидаться зданіе величественное и прочное?

Такъ и было. Паисій, патріархъ Іерусалимскій, осматривалъ »виноградъ училищный куръ Петра Могилы. (послѣ его смерти) и такимъ нашелъ его, — »тщаніемъ возращенъ и насажденъ, такожде и дѣлатели того винограда въ ученіи, разумѣ и премудрости зѣло искусныхъ, благочестивыхъ и благоговѣйныхъ, юношъ благородныхъ, правообучающихъ, утверждающихъ и отъ ереси къ вѣрѣ каѳолической своимъ премудрымъ ученіемъ, святыхъ отецъ послѣдующе преданіямъ, обращающихъ« (Пам. Т. 2. ст. 186—195). Что было видѣно глазами патріарха и благословлено »навѣчне«, то всегда сохранялось и возрастало. Духъ ревности по вѣрѣ, такъ сильно дѣйствовавшій въ основателѣ сего училища, почилъ и на этомъ любимомъ его твореніи, и никогда не отступалъ отъ его воспитателей и питомцевъ. Они продолжали созидать зданіе, начатое Могилою, созидать на томъ же основаніи и созидали со славою и пользою для Церкви православной. Сколько вышло изъ

ряда ихъ знаменитѣйшихъ поборниковъ и исповѣдниковъ вѣры, доблѣ подвизавшихся за православіе силою слова, къ огражденію его отъ враговъ вѣры и утвержденію его въ народѣ русскомъ! Раздѣляемые другъ отъ друга нерѣдко большими предѣлами времени и пространства, часто разсѣеваемые по всѣмъ концамъ пространной Россіи, они и сами дышали однимъ и тѣмъ же духомъ ревности по вѣрѣ, и вкореняли тотъ же духъ въ другихъ, образуя собою цѣлый *облакъ свидѣтелей* »вѣры апостольской, вѣры отеческой, вѣры православной (послѣд. въ нед. Православ.), благотворно осѣняющій Церковь православную и грозный для ея враговъ. Духъ православія такъ глубоко былъ вкорененъ въ могилянскомъ училищѣ, что онъ не угасалъ даже тогда, когда, по несчастнымъ обстоятельствамъ, закрывалось самое училище. Съ разрушеніемъ стѣнъ его онъ не разрушался, а жилъ въ сердцахъ воспитанныхъ въ немъ пастырей,—отсюда опять возвращался въ училище, когда оно возобновлялось, и донынѣ хранится въ немъ, какъ наслѣдіе драгоцѣнное.

Что же другое остается и теперь дѣлать воспитателямъ и питомцамъ сего духовнаго вертограда, какъ не хранить свято сіе драгоцѣнное наслѣдіе отцевъ, которое такъ тщательно было сберегаемо, не разъ цѣною крови выкупляемо изъ рукъ иновѣрцевъ и передаваемо изъ рода въ родъ, какъ завѣтъ отцевъ дѣтямъ? Что другое, какъ не продолжать созидать то зданіе, которое поставлено на незыблемомъ основаніи, которое такъ ревностно созидали знаменитые предшественники наши, не щадя ни трудовъ своихъ, ни силъ, ни самой жизни, и прочность котораго испытана неоднократными, но тщетными нападеніями враговъ православія? Что другое, какъ не продолжать стремиться къ тому высокому назначенію, которое указано и къ которому вѣрный путь проведенъ великимъ основателемъ сего училища и его преемниками?

Вмѣстѣ съ православіемъ въ основаніе образованія въ своемъ училищѣ Петръ Могила положилъ благочестіе, вѣдая, что только *съмя свято стояніе* (Ис. 6, 13) какъ міра, такъ и большихъ и малыхъ обществъ. Всѣ его заботы о преспѣяніи образованія въ его училищѣ были направляемы къ тому, чтобы воспитать не только ученыхъ, но и благочестивыхъ людей на служеніе Церкви, сообразно съ чѣмъ и преподавались здѣсь, »належныя науки ко цвѣченію побожнаго живота«. Цвѣтъ и плодъ сего корня видѣлъ съ радостію еще самъ святитель при своей жизни. Сходя въ могилу, говорилъ онъ: »видѣлъ я еще при жизни моей отъ тѣхъ наукъ великую пользу для церкви Божіей, ибо значительно умножились люди ученые и благочестивые на служеніе ей« (Пам. Т. 2 стр. 153). По смерти его приумножалось и возрастало то, что было насаждено и поддержано его рукою. Такъ глубоко положено было благочестіе въ основаніе образованія могилянскаго училища, что осталось навсегда какъ бы неотъемлемою его принадлежностію. Находясь подъ покровомъ Божіей Матери и святыни Печерской, крещаемое неоднократно огненнымъ крещеніемъ бѣдствій, руководимое необоримыми защитниками вѣры и благочестія, сколько оно произвело лицъ, знаменитѣйшихъ въ исторіи Церкви русской, представившихъ собою образцы въ различныхъ родахъ христіанской дѣятельности, безбоязненнаго исповѣданія и ревностной защиты вѣры православной, апостольскаго проповѣданія, пастырскаго служенія, иноческаго подвижничества, — лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые прославлены Богомъ и ублажаются Церковію!

Чего остается желать и намъ, какъ не того, чтобы то христіанское, благочестивое

направленіе образованія, которое искони принадлежало сему духовному вертограду и было такъ благоплодно и плодоносно, и впредь продолжалось въ немъ и было столько же благоплодно? Чего желать, какъ не того, чтобы и впредь не переставали выходить изъ него въ значительномъ количествѣ люди не только ученые, но и благочестивые, на служеніе Церкви, чего такъ сильно желалъ и о чемъ такъ много заботился до послѣднихъ минутъ своей жизни знаменитый основатель его?

Послѣдняя воля умирающаго основателя, 31 Декабря 1647 года предавшаго духъ свой Господу Богу, была—молиться о упокоеніи души его и беречь его коллегію, *какъ единственный его залогъ* (Завѣщ. Пам. Т. 2. стр. 181). Первая воля его о молитвѣ къ Богу свято исполнялась и донынѣ исполняется академіею, которая каждогодно въ нынѣшній день, день смерти своего основателя, молится о упокоеніи души его и вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ учившихъ и учившихся въ ней. Достойные преемники духа Петра Могилы представили намъ образецъ и того, какъ исполнить и другую половину его воли,—чтобы его училище береглось, какъ *единственный залогъ*. Они и сами тщательно заботились объ утвержденіи и возвращеніи положенныхъ имъ въ основаніи его училища началъ и намъ завѣщали тоже дѣлать. Какъ отголосокъ послѣдней воли Петра Могилы, мы слышали о томъ же послѣднее слово одного изъ незабвенныхъ и достойнѣйшихъ его преемниковъ, недавно перешедшаго отъ насъ въ селенія праведныхъ и завѣщавшаго—»наставникамъ и начальникамъ всѣхъ училищъ, а особенно духовныхъ, воспитывать дѣтей, ввѣренныхъ ихъ попеченію, въ страхѣ Божіи и во всякомъ благочестіи, соблюдать тщательно ихъ цѣломудріе и чистоту, вкоренять въ сердца ихъ православную вѣру и благочестіе отцевъ, остерегать отъ заблужденій иновѣрныхъ и утверждать ихъ въ разумѣніи Слова Божія, по изъясненію онаго отцами и учителями вселенскія православныя Церкви« (Послѣд. дни Фил. М. К. стр. 73).

Исполняй же и впредь, неоскудѣвшее доселѣ ревнителями вѣры и правды отцевъ училище, послѣднюю волю твоего основателя—беречь твое завѣтное достояніе. Доколѣ будешь стоять твердо на православіи и благочестіи, дотолѣ пребудешь непоколебимымъ,—огражденіемъ и украшеніемъ Церкви, дотолѣ *пребудетъ сѣмя твое, и слава твоя не потребится* (Сир. 44, 12). Вотъ чему учитъ тебя прошедшее касательно будущаго! Аминь.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 28-го Генваря 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 48.

НЕДѢЛЯ МЯСОПУСТНАЯ.

15 Февраля 1859 г.

Гласъ 7-й.

На утрени: евангеліе воскресное 7-е, Іоан. зач. 63. На Литургіи: апост. 1 Кор. зач. 140, еванг. Матѳ зач. 106.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ МЯСОПУСТНУЮ (*).

Нынѣшнее Евангеліе возвѣщаетъ намъ о вѣчной мукѣ грѣшныхъ, и вѣчной жизни праведныхъ. *Идутъ сіи*, сказалъ Господь, *въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Матѳ. 25, 46). Слѣдуя Евангелію, воспомянемъ нынѣ и мы о вѣчныхъ мукахъ въ гееннѣ, куда низвергнуты будутъ грѣшники съ діаволомъ, и о вѣчной жизни на небѣ, куда взыдутъ со Христомъ праведные.

Трепещетъ отъ страха, раздирается отъ жалости сердце, когда воспоминаешь о страшныхъ мукахъ геенскихъ и безстрашіи христіанъ. Удивительно! христіане, утвержденные въ правой вѣрѣ, просвѣщенные благодатію Христовою, знаютъ, что есть геенна, но не боятся ея, не помышляютъ о ней,—какъ будто бы ея не было. Не діаволъ ли такъ ослѣпляетъ очи ихъ, чтобы вѣрнѣе уловить ихъ въ вѣчную гибель? И они, прельщенные имъ, *по жестокости и нераскаянному сердцу собираютъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (Римл. 2, 5). Такъ то погибаютъ, по словамъ учителей Церкви, три части міра и только четвертая спасается, на что указываетъ и самъ Господь, сказавши въ притчѣ о сѣятелѣ, что только четвертое зерно пало на добрую землю, т. е. доброе сердце.

Или ты думаешь, суетный человѣкъ, что, будучи христіаниномъ, ты избавишься мукъ геенскихъ, хотя и творишь злое? Не прельщайся же: *рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много* (Лук. 12, 47).

(*) Кирилла Транквилліона,—Архимандрита черниговскаго, проповѣдника XVII вѣка (сокращено).

Не ты *ли* тотъ, который много біенъ будешь въ геенне адской? Ея нѣтъ для тебя? Но объ этой страшной геенне свидѣтельствуютъ намъ многіе святые, возвѣщаетъ истиннѣйшій свидѣтель Господь нашъ, изрекшій: *добрѣйше ти есть со единымъ окомъ въ животъ внити, неже двѣ оцѣ имущу ввержену быти въ геенну огненную* (Матѳ. 18, 9). Умоляю же тебя, братъ мой и сестра моя, послушай, какъ слово Божіе изображаетъ геенну.

Геенна или адъ есть мѣсто страшное, мрачное, преисподнее. Тамъ *огнь не угасающій и червь не умирающій* во вѣки (Мар. 9, 44). Это цѣлое море огненное (Апок. 19, 21). Земля тамъ обратится въ жупелъ и будетъ горѣть какъ смола днемъ и нощію, *и не угаснетъ въ вѣчное время, и взыдетъ дымъ ея въ высоцѣ* (Исаіи 34, 9—10). Ибо, говоритъ Пророкъ, *огнь и жупелъ и духъ бурень часть чаши* грѣшниковъ, т. е. вѣчное достояніе *ихъ* (Пс. 10, 6). По всей зіяющей пропасти, по всему огненному морю будетъ свирѣпствовать этотъ удушливый, убійственный духъ бурный, страшнѣйшій всѣхъ смертоносныхъ вѣтровъ на землѣ; будетъ воздымать на бушующемъ морѣ холмообразныя и огненныя волны, и свирѣпѣющій ревъ этой адской бури будетъ несравненно ужаснѣе всякой бури съ раскатами молній и громовъ. Невыразимый ужасъ обыметъ грѣшниковъ, поверженныхъ въ эту кипящую и свирѣпѣющую бездну.

А каковы будутъ жгучесть и сила самаго пламени адскаго! Пламя огненной пещи (Матѳ. 13, 42) можетъ дать только слабый образъ его. Болѣе можно гадать о немъ по силѣ огня содомскаго и гоморрскаго, который мгновенно истребилъ цѣлые города *въ показаніе огня вѣчнаго* (Іуд. 7. ст.). Но, впрочемъ, нельзя измѣрить всей силы его, а то вѣрно, что эта неизмѣримо-болѣзненная жгучесть огня адскаго не умалится, какъ не угаснетъ самый огонь, въ которомъ вѣчно будутъ горѣть и не сгарать безсмертныя тѣла грѣшниковъ. Не будетъ тамъ никакой радости, утѣшенія, облегченія: не дастся капля воды для утоленія палимыхъ огнемъ. Будетъ одинъ страхъ, смятеніе, горе, одно безчестіе, униженіе, вѣчный голодъ и жажда, вѣчныя страданія и болѣзни, одно мученіе непрерывное, всецѣлое, глубокое, какъ бы грѣшникъ весь покрытъ, переполненъ былъ грызущимъ и не умирающимъ червемъ. *Будетъ* здѣсь только *плачь и скрежетъ зубомъ* (Матѳ. 13, 22).

Всего болѣе станетъ мучиться душа въ разумѣ, какъ высшей силѣ духа: ибо теперь то познаетъ она, какъ безразсудно ради временной сладости грѣха потеряны ею неизреченные дары благости Божіей, богатство вѣчное, царство небесное; какъ она неразумѣемъ прогнѣвила Бога всещедраго, отлучена отъ славы святыхъ, удалена отъ радостей вѣчныхъ и навлекла на себя такія бѣдствія. Сія мысль будетъ еще мучительнѣе отъ сознанія, что ей легко можно было избѣгнуть этихъ бѣдствій и мукъ и быть въ вѣчной радости, но что теперь уже нѣтъ покаянія, нѣтъ благодати Христовой, входъ въ небо заключенъ на вѣки, врата адова не отверзутся, и нѣтъ никакой надежды на освобожденіе изъ мукъ геенскихъ. Но сильнѣйшимъ мучителемъ будетъ совѣсть. Ты, грѣшникъ, не слушаешь благихъ совѣтовъ ея въ жизни: такъ востанетъ она на тебя по смерти и какъ червь неумирающій будетъ грызть тебя во всѣхъ силахъ и изгибахъ души твоей. Неумолимо она станетъ обличать, укорять тебя, какъ бы говоря: »не напоминала ли я тебѣ заповѣдей Божіихъ во всю прошедшую жизнь, не совѣтовала ли престать отъ грѣха, слезами измыть скверну грѣховную? Но теперь нѣтъ тебѣ

покаянія! Ты погубилъ благодать Божію, безплодно Сынъ Вышняго былъ распятъ за тебя неблагодарнаго! Вспомни, что нѣкогда въ крещеніи ты былъ нареченъ сыномъ Божіимъ и въ наслѣдіе тебѣ даровано было небо, дивная слава святыхъ друговъ Божіихъ, вѣнецъ царства небеснаго. А ты, безумный, потерялъ все это ради грѣха! Не видишь ты, въ какой чести и славѣ пребываютъ твои ближніе люди одного состава съ тобою, которыхъ часто, быть можетъ, ты вмѣнялъ какъ безчестныхъ, униженныхъ и озлобленныхъ. Они ходили по путямъ Господнимъ, и вотъ теперь почтены между сынами Божіими, и часть ихъ со святыми; за малые труды они купили небо, теперь въ славѣ и блаженствѣ ликуютъ съ ангелами, вѣчно царствуютъ съ Богомъ и Христомъ. Тебѣ же горе окаянному и погибшему! Ты не хотѣлъ итти однимъ путемъ съ ними, а шелъ путемъ пространнымъ и дошелъ прямо до дна адова. Развѣ ты не могъ нести такое же бремя, какое несли они? Скажи, что неудобнаго или невозможнаго въ благочестіи? Тяжки ли были для тебя исповѣдь, покаяніе, молитва, милостыня? Чашею студеной воды, укрухомъ хлѣба можно было искупиться отъ вѣчной муки. Одинъ сокрушенный вздохъ, одно молитвенное воззваніе могли возвесть тебя въ рай, какъ разбойника. Ты боялся обнищать отъ милостыни? Гдѣ же, къ чему пригодились твои богатства? Ты чуждался смиренія? Что же помогла тебѣ гордыня? Не являлъ милости ближнему? Вотъ же погибаешь безъ милости! Не хотѣлъ слезами и сокрушеніемъ нарушить своего веселія, безпечности? Тщетно же теперь плачешь, воздыхаешь и вѣчно будешь плакать въ мукахъ геенскихъ! Нѣтъ тебѣ никакого утѣшенія, куда ни посмотришь— на право, на лѣво, въ высоту и глубину, вблизи и вдали — всюду предъ тобою муки, страданія, темные образы бѣсовъ. Если и поднимешь очи въ высоту, увидишь Христа, гнѣвающагося на тебя, отвращающаго лице Свое отъ тебя; ангеловъ осуждающихъ тебя. Никто не сжалится надъ тобою, и ты никого не вини, ни на кого не нарекай, ибо самъ знаешь, что страдаешь праведно: ты былъ созданъ для блаженства съ ангелами, но самъ осудилъ себя на мученіе съ діаволомъ.« Такъ жестоко будетъ укорять грѣшника совѣсть, прилагая муки къ мукамъ! Тогда погибнетъ желаніе грѣшника, воля его вся превратится въ гнѣвъ, ярость, отчаяніе. Онъ поскрежещетъ зубами, станетъ проклинать день рожденія и всю жизнь свою: »горе мнѣ погибшему на вѣки! Для сего ли я получилъ жизнь? Почему не умеръ я во чревѣ матери! О, еслибы теперь я могъ превратиться въ ничто! счастливѣе меня безсловесные звѣри, погибающіе съ разрушеніемъ тѣла ихъ. Увы! *Смерть бѣжитъ отъ меня* (Апок. 9, 6); я умираю вѣчною смертію«!

Но вы смутились, возлюбленные. А я теперь радуюсь, видя, что многіе изъ васъ отъ представленія сихъ мукъ пришли въ умиленіе и чувство, и оросили ланиты слезами сокрушенія. *Сердце сокрушенное* — великая жертва Богу (Пс. 50, 19). Слезы угашаютъ пламень геенскій. *Плачущіе*, по слову Спасителя, *утѣшатся* (Матѳ. 5, 4). Такъ, если вы плачете и сокрушаетесь, то надлежитъ вамъ утѣшиться и образомъ будущей жизни, о коей сказалъ Господь: *идутъ праведницы въ животъ вѣчный.*

Житіе наше на небесѣхъ есть, братіе, *отнюду же и Спасителя ждемъ* (Фил. 3, 20). *Не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13, 14). Мы только странствуемъ, подобно ветхому Израилю, въ земной пустынѣ, стремясь къ землѣ обѣтованной — къ отечеству небесному. Вождь нашъ не Моисей, а Творецъ Моисея. не Іи-

сусъ Навинъ, а Іисусъ Распятый. Приближась къ обѣтованной землѣ, Израильтяне послали туда соглядатаевъ, которые принесли имъ плоды виноградные, давшіе имъ понятіе о богатствѣ ея. И мы, окриляемые, просвѣщаемые Словомъ Божіимъ, можемъ предпослать туда умъ и сердце, гадать и предощущать блага небеснаго нашего отечества. Такимъ образомъ и мы *отчасти разумѣваемъ, отчасти пророчествуемъ* о нихъ (1 Кор. 13, 9). Но не будемъ маловѣрны, подобно древнимъ Израильтянамъ, не вошедшимъ за невѣріе въ обѣтованную землю, не будемъ бояться борьбы съ врагами, необходимой для достиженія небеснаго отечества, не будемъ жалѣть о тлѣнныхъ и ничтожныхъ благахъ земли, какъ они о мясахъ египетскихъ. Разумѣвая отчасти о небеспомъ жилищѣ нашемъ, поспѣшимъ къ нему съ вѣрою, упованіемъ, ревностію за Началовождемъ нашимъ, чтобы войти въ вѣчный покой, въ радость Господа нашего.

Отчасти разумѣваемъ. Ибо кто можетъ постичь и изречь славу и блаженство будущей жизни? *Ихже око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9). *Не у явися, что будемъ* (1 Іоан. 3, 2), вѣмы же, что будетъ въ странѣ жизни, безсмертія, славы, свѣта, недомыслимой лѣпоты и величія, предъ которою наша земля, какъ она ни прекрасна, есть юдоль пустынная, темная, бѣдная, тлѣнная, печальная. Это Іерусалимъ небесный, коему Художникъ и Содѣтель Богъ; свѣтлый Сіонъ, *церковь первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ* (Евр. 12, 22. 23). Это царство Божіе, царство славы Божіей, царство мира и радости. Тамъ все обиліе, вся полнота жизни и блаженства. Нѣтъ тамъ смерти, болѣзней, плача и воздыханія: все это отошло въ геенну; тамъ одна благодать Божія, всецѣло исполняющая все и всѣхъ: тамъ *Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28).

Сюда то призоветъ Господь праведныхъ: *пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. 25, 34). »Вы труждались, страдали, кончено все это, — теперь время воздаянія: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28). Вы подвизались въ вѣрѣ и благочестіи, уповая на мои обѣтованія: они теперь исполняются. Рабы вѣрные и добрые, внидите въ радость Господа своего. Друзи мои возлюбленные, будите теперь со Мною неразлучно въ вѣчномъ содружествѣ и блаженствѣ. Братія и сестры, сонаслѣдуйте Мнѣ въ обителяхъ Отца моего и Отца вашего, въ богатствахъ, радостяхъ, благахъ, здѣсь вамъ уготованныхъ! Вниди всяка душа вѣрная, возлюбленная моя, голубица моя, избранная невѣста моя, вниди въ чертогъ Жениха твоего, да лобжу тя лобзаніемъ вѣчной любви, да облеку тя въ одежду веселія и славы и воцарю со Мною въ вѣчномъ царствѣ моемъ«. Съ чѣмъ сравнить всю сладость, блаженнотворность сего божественнаго гласа, отъ коего душа праведника вся превратится въ радость и веселіе! Поклонятся Господу ликующіе праведники и свѣтлыми облаками восхитятся на высоту небесную, пойдутъ со Христомъ въ жизнь вѣчную.

Здѣсь отвсюду исполнитъ ихъ блаженство. Блаженство во первыхъ отъ созерцанія Бога. Здѣсь узрятъ своего Творца, Промыслителя и Спасителя; узрятъ Того, въ Кого вѣровали, Кого чаяли и ждали, о Комъ непрестанно помышляли и воздыхали, къ Кому возносили молитвы и славословія, узрятъ Его не закрытымъ, а откровеннымъ лицемъ, не призрачно, а истинно, лицемъ къ лицу, въ самомъ существѣ и величіи Его, сколько вмѣстимо это для твари:

узримъ Его яко же есть (1 Іоан. 3, 2). Самъ Богъ исполнитъ души святыхъ, соединится съ ними, и въ этомъ единеніи дастъ имъ истѣе видѣть и ощущать Его. Въ этомъ созерцаніи Бога и тѣснѣйшемъ общеніи съ Нимъ будетъ величайшее блаженство праведныхъ. Ибо Господь Богъ нашъ есть благо верховное, вожделѣннѣйшее для ангеловъ и человѣковъ и всей твари, сокровище всѣхъ благъ, источникъ жизни, радости и веселія. Это блаженство, эта радость будетъ духовною пищею душъ праведныхъ, отъ коей они жить будутъ во вѣки.

Потомъ праведники узрятъ чины премірныхъ горнихъ силъ—Ангеловъ, Архангеловъ, Херувимовъ и Серафимовъ; съ удивленіемъ и веселіемъ будутъ видѣть ихъ свѣтлость, славу, красоту; ихъ чиноначальное ликостояніе предъ престоломъ Божіимъ, услышатъ ихъ немолчное, дивное и сладкогласное пѣніе: святъ, святъ, святъ, Господь Богъ! Праведники увидятъ ихъ близъ себя, въ содружествѣ и общеніи съ ними, общеніи любви и радости. Узрятъ праведники Честнѣйшую Херувимъ и Славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ—избранную Царицу, радость всего міра, Пречистую Дѣву Марію, Матерь Христа Бога, стоящею одесную Его, вѣнчанною всякою славою и красотою паче всѣхъ чиновъ ангельскихъ, украшенною всѣми дарами божественными.

Увидятъ и познаютъ праведники и свою славу, которая откроется и въ тѣлахъ и въ душахъ ихъ. Они въ тѣлѣ воскресшемъ и обновленномъ будутъ, какъ ангелы Божіи. Христосъ преобразитъ тѣло ихъ, *яко быти ему сообразну тѣлу славы Его* (Филип. 3, 21). Оно будетъ безсмертно, нетлѣнно, присноцвѣтуще, нестарѣющееся, духовное, не требующее брашна и питія, легкое, тонкое, быстрое, свободное отъ настоящихъ ограниченій его, благолѣпное и свѣтлое; ибо *яко солнце просвѣтятся праведники въ царствіи Отца ихъ* (Матѳ. 13, 43). Просвѣтятся и души праведныхъ: свѣтъ Трисіяннаго Божества осіяетъ ихъ и слава Божія осѣнитъ ихъ. Все видимое и невидимое, всѣ тайны, все домостроительство спасенія, вся слава Божія откроется предъ ними. *Видимъ нынѣ якоже зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу; нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, яко же и познанъ бых* (1 Кор. 13, 12). Тогда прейдетъ притрепетная и прикровенная вѣра и замѣнится видѣніемъ; прейдетъ воздыхающее и предчувствующее упованіе; ибо исполнятся всѣ обѣтованія: упразднится *еже отчасти*, пріидетъ же *совершенное*; пребудетъ одна любовь,—союзъ совершенства, верхъ знанія, блаженства, славы въ глубочайшемъ единеніи съ Богомъ. И будутъ несчетные лики сихъ праведныхъ душъ, сихъ мысленныхъ солнцевъ на тверди небесной окрестъ Единаго, Предвѣчнаго Солнца; какое дивное, непостижимое и неизреченное великолѣпіе! Возрадуется самъ Богъ отъ славы сихъ избранныхъ человѣковъ; возвеселятся ангелы, видя подобные имъ, свѣтлые лики праведныхъ душъ! Неизмѣрима будетъ радость каждаго праведника, проистекающая отъ сознанія и созерцанія своей славы въ славѣ Божіей, въ славѣ свѣтлыхъ духовъ, среди славы другихъ безчисленныхъ праведниковъ. Здѣсь будетъ полнота славы и блаженства, и въ нихъ будетъ состоять та вѣчная жизнь, о коей намъ каждый день говоритъ символъ вѣры: »чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка.«

Этимъ то чаяніемъ, братіе, воспитались многіе святые; въ семъ чаяніи мученики полагали жизнь свою за Христа, подвижники совершали великіе труды духовные. А мы?... мы такъ часто и обыкновенно не хотимъ понесть для нея и малыхъ трудовъ и жертвъ!

Но Ты Самъ, Христе Боже нашъ, исправи сердца наши, направи и приведи насъ къ блаженной, вѣчной жизни въ царствѣ Твоемъ. Аминь.

Смѣху рекохъ: погрѣшеніе (Эккл. 2, 2):

Слова эти сказаны премудрымъ Соломономъ на основаніи его собственнаго глубокаго опыта. Смѣхъ есть *погрѣшеніе;* кто смѣется, тотъ заблуждается, тотъ находится въ обольщеніи касательно своего собственнаго душевнаго состоянія, или въ отношеніи къ другимъ. Можно ли это сказать о всякомъ смѣхѣ, или же есть смѣхъ, не сопровождаемый самообольщеніемъ?

I. Въ полномъ обнаруженіи смѣхъ состоитъ въ особенномъ весьма сложномъ тѣлесномъ сотрясеніи, во время коего приходятъ въ движеніе лице, горло и грудь, и притомъ обыкновенно слышатся слитные, не членораздѣльные звуки. Изъ этой сложности и смѣшанности движеній, которыми сопровождается неумѣренный смѣхъ, явствуетъ, что онъ не можетъ быть обнаруженіемъ правильныхъ душевныхъ состояній, потому что всякое движеніе въ душѣ, всякое чувство и всякая мысль, какъ только онѣ правильны и опредѣленны, выражаются въ тѣлесныхъ движеніяхъ самыхъ простыхъ и чуждыхъ сложности. Уже эти неопредѣленные звуки во время смѣха, звуки слитные, въ которыхъ не слышно членораздѣльнаго человѣческаго слова, которыми прерывается дыханіе, и которые, при значительной силѣ, уподобляются блеянію животнаго,— уже такіе звуки показываютъ, что неумѣренный смѣхъ происходитъ отъ чисто чувственнаго раздраженія, въ которомъ тѣло получаетъ особенное владычество надъ духомъ. Поэтому грубыя, плотскія наслажденія обыкновенно сопровождаются неистовымъ смѣхомъ. Какъ послѣ всякаго чувственнаго наслажденія гнететъ душу скука и тоска; то отсюда у чувственныхъ людей раждается потребность — вновь предаваться смѣху, какъ опьяняющему напитку, дабы съ одной стороны возбудить и раздражить ослабѣвшую чувственность, а съ другой не встрѣчаться лицомъ къ лицу съ своею несчастною душею: самообольщеніе переходитъ въ сознательную потребность. Чтобы удовлетворить ей, водимый чувственностію человѣкъ ищетъ всякихъ увеселеній, собираетъ людей, которые умѣютъ развлекать и смѣшить, людей, не уважаемыхъ и тѣми, которые нуждаются въ нихъ. Но онъ горько ошибается на счетъ своихъ радостей, на счетъ своего душевнаго состоянія. Его смѣхъ есть *погрѣшеніе*, есть жалкое заблужденіе. *Смѣху рекохъ: погрѣшеніе.*

Погрѣшеніе, — потому что этотъ смѣхъ происходитъ изъ желанія чувственнаго человѣка забыться, заглушить внутренній голосъ души и подавить требованія духа движеніями чувственности: онъ былъ отличительнымъ недугомъ язычниковъ, которые искали счастія и радостей въ неистовыхъ пированіяхъ и чувственныхъ оргіяхъ, и которые, измѣнивши *славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка* (Римл. 1, 23), изображали самыхъ боговъ своихъ пирующими и безпечно смѣющимися.

Погрѣшеніе — потому что истинная радость обнаруживается не этимъ неистовымъ

смѣхомъ, а напротивъ, спокойствіемъ и свѣтлостію въ лицѣ, умиленіемъ во взорахъ, теплотою и сладостію въ словахъ и нѣкоторымъ молитвеннымъ настроеніемъ радующейся души. Такъ радовался святый Давидъ, и его радость изливалась предъ Богомъ, источникомъ всякой радости. Такъ радовалась Божія Матерь и открывала свое сердце предъ Господомъ въ молитвѣ и прославленіи Бога и Спаса своего (Лук. 1, 46. 47). Такъ радовался Господь нашъ Іисусъ Христосъ и исповѣдывалъ свою радость Отцу небесному (Лук. 10, 21).

Погрѣшеніе — потому что радость на высшей степени переходитъ въ слезы отрадныя и облегчающія сердце, а не въ буйный смѣхъ. Такъ Іосифъ, при радостномъ свиданіи съ своимъ отцемъ, послѣ долгой разлуки, *нападе на выю его и плакася плачемъ великимъ* (Быт. 46, 29). Такъ плакалъ Товитъ отъ радости, когда увидѣлъ сына, котораго онъ считалъ умершимъ (Тов. 11, 13).

Посему истинный христіанинъ, который боится отщетить свою душу. и для котораго скудость душевныхъ силъ и преобладаніе надъ ними грѣховной плоти суть признаки временнаго несчастія и вѣчной погибели, будетъ видѣть въ неистовомъ смѣхѣ источникъ и начало великихъ бѣдствій для своей души и будетъ помнить слово своего Спасителя: *горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко возрыдаете и восплачете* (Лук. 6, 25).

II. Однако же Экклезіастъ говоритъ: *время смѣятися* (3, 4). И это подаетъ поводъ думать, что смѣхъ иногда можетъ и не соединяться съ волненіемъ чувственности, что онъ можетъ быть и непредосудителенъ, если происходитъ въ свое *время*.

Для выраженія душевныхъ состояній, мыслей, чувствованій и желаній, человѣкъ обладаетъ совершеннѣйшею способностію — способностію членораздѣльнаго слова. Чѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе сознается душевное состояніе, тѣмъ легче и полнѣе оно можетъ быть высказано словомъ. Впрочемъ всякая человѣческая мысль находится въ связи со множествомъ другихъ мыслей или чувствованій, или же сама въ себѣ имѣетъ много сторонъ, много разнообразныхъ оттѣнковъ, которые не выражаются въ словѣ непосредственно и одновременно. Вслѣдствіе этого таже мысль, тоже чувство можетъ быть выражаемо, вмѣстѣ съ словомъ, и другими способами, каковы: движеніе рукъ, лица, глазъ и т. п. Сюда же относится частію и *легкій* смѣхъ: *легкій* — потому что смѣхъ неумѣренный, какъ неумѣренное движеніе во время бесѣды руками, обличаетъ уже волненіе чувственности, которое разумный человѣкъ подавляетъ, а не обнаруживаетъ. Этотъ умѣренный смѣхъ можетъ быть выраженіемъ общительности, искренности и простоты, можетъ быть знакомъ взаимной близости бесѣдующихъ лицъ, снисхожденія со стороны одного, и спокойствія со стороны другаго, его *время* — особенно въ обществѣ друзей, или въ такой бесѣдѣ, которая идетъ на досугѣ и не имѣетъ особенной важности; онъ умѣстенъ здѣсь, какъ умѣстенъ духовный отдыхъ, потому что такія бесѣды бываютъ обыкновенно во время отдыха и для отдыха.

Но здѣсь же и видно, что *время смѣятися* очень ограниченно. Какъ отдохновеніе не должно переходить въ праздность, какъ вообще нужно беречься праздной бесѣды или пустословія; такъ нужно опасаться и празднаго смѣха. Смѣхъ праздный, хотя бы и умѣренный, обличаетъ уже легкомысліе, или такой душевный недугъ, при которомъ человѣкъ не видитъ въ предметахъ, его окружающихъ, стороны высшей и достойнѣйшей, смотритъ на все съ равнодушіемъ, безъ участія, безъ сочувствія: самая умная бесѣда, самое назидательное событіе проходятъ въ его душѣ

безъ слѣда; онъ ищетъ вездѣ и во всемъ только развлеченія, а не духовной пользы. Іисусъ сынъ Сираховъ говоритъ: *одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ, и стопы человѣка возвѣстятъ, яже о немъ* (19, 27). Какъ модный и слишкомъ изысканный нарядъ, какъ гордая или тщательно разсчитанная походка, такъ и праздный смѣхъ—*смѣхъ зубовъ* обнаруживаетъ душевную пустоту въ человѣкѣ. Поэтому замѣчено, что чѣмъ выше человѣкъ въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ болѣе проникнутъ онъ сознаніемъ своего высокаго призванія, тѣмъ менѣе онъ имѣетъ охоты смѣяться. Преданіе говоритъ, что Іисусъ Христосъ никогда не смѣялся, но нерѣдко плакалъ.

Время смѣяться ограниченно не только вообще, но и ограничивается все болѣе, по мѣрѣ того, какъ человѣка занимаютъ предметы важнѣйшіе и священнѣйшіе, предметы, имѣющіе высокое значеніе для его духовной жизни. Къ таковымъ предметамъ человѣкъ питаетъ невольное чувство уваженія, съ которымъ смѣхъ не совмѣстенъ. Поэтому, напримѣръ, смѣяться въ часы особенно священные, въ часы молитвы и покаянія, смѣяться во храмѣ Божіемъ, не только предосудительно, но и грѣшно! Въ храмѣ Божіемъ христіанинъ долженъ смотрѣть на святыню, его окружающую, не съ равнодушіемъ сторонняго зрителя, а съ чувствомъ благоговѣнія: здѣсь — мѣсто покаянію и молитвѣ; здѣсь — не *время смѣятися*, здѣсь скорѣе всего — *время плакати.*

III., Особенный видъ смѣха состоитъ въ осмѣяніи людей, или нѣкоторыхъ дѣйствій ихъ жизни. Когда говорятъ о смѣшныхъ явленіяхъ, то этимъ предполагается, что въ самомъ явленіи есть нѣчто располагающее человѣка къ смѣху, подобно тому, какъ нѣкоторыя событія возбуждаютъ въ немъ чувство скорби и исторгаютъ у него слезы. Что сказать объ этомъ?

Наблюденіе показываетъ, что предметомъ смѣха, или смѣшнымъ явленіемъ можетъ быть: 1., иногда какая-нибудь погрѣшность въ поведеніи человѣка, или что-нибудь въ немъ противорѣчащее такъ называемому приличію и принятымъ въ обществѣ условіямъ, или вообще обычному ходу жизни; 2., иногда такая странность въ человѣкѣ, которая хотя не сопровождается для него очевиднымъ несчастіемъ, но противорѣчитъ его счастливому положенію въ свѣтѣ. Кто смѣется надъ дѣйствительнымъ несчастіемъ ближняго, тотъ злорадствуетъ, того сердцемъ управляетъ не любовь, а ненависть и зложелательство. Человѣкъ занятый до крайности своею внѣшностію, высоко поднимающій голову, обнаруживающій спѣсь въ походкѣ и во всѣхъ пріемахъ, и вдругъ падающій въ грязь, можетъ показаться смѣшнымъ для самаго добродушнаго зрителя. Но, если при этомъ паденіи онъ сломалъ себѣ руку, если при этомъ случаѣ его жизнь подвергалась опасности, то добрый человѣкъ не будетъ смѣяться надъ нимъ, а поспѣшитъ къ нему съ участіемъ и помощію. Отсюда вытекаетъ общее правило, которымъ ограничивается область смѣшныхъ явленій, именно: наша любовь къ ближнему, наше уваженіе къ нему не должны сопровождаться его осмѣяніемъ при несчастіи. Смѣхъ Сарры былъ извинителенъ; она разсмѣялась *въ себѣ*, въ уединенной кущѣ, разсмѣялась невольно, потому-что ощутила странное несходство между своею старостію и надеждою имѣть сына (Быт. 18, 12). Смѣхъ Хама былъ преступенъ: онъ посмѣялся слабости отца, которому былъ обязанъ почтеніемъ и любовію (Быт. 9, 22). Сердце Сарры было такъ чисто, она такъ боялась оскорбить своимъ смѣхомъ кого-либо, что хотѣла скрыть его и отречься отъ него (15). Сердце Хама было такъ грубо, что онъ поспѣшилъ возбуждать и братьевъ на осмѣяніе отца: *и изшедъ вонъ повѣда обѣма бра-*

тома своима (22). Вообще замѣчено, что человѣкъ грубый смѣется надъ многимъ, смѣется надъ тѣмъ, что для другихъ священно. Такъ для человѣка, котораго умъ и сердце испорчены невѣріемъ и сомнѣніемъ, все можетъ казаться смѣшнымъ, счастіе и несчастіе ближняго, его радости и печали, его страхъ и надежда: вся эта жизнь, имѣющая высшее назначеніе, можетъ казаться ему шуткою, чѣмъ-то безъ цѣли, явленіемъ, достойнымъ смѣха. Собственно, человѣкъ долженъ раскрывать въ себѣ чувство и сознаніе истины и добра, и уже по этому чувству и сознанію обсуживать поступки собственные и другихъ людей. И если въ общежитіи допускается осмѣивать слабости человѣческія, то цѣль въ этомъ случаѣ не есть самое осмѣяніе или самый смѣхъ, а возбужденіе въ человѣкѣ нравственнаго чувства, сознанія истины и добра. Но когда смѣхъ бываетъ самъ себѣ цѣлью, то искуство возбуждать такой смѣхъ можетъ нравиться только тому, кто не знаетъ, куда дѣваться отъ праздности и скуки, кто ищетъ *убить* время, котораго у него такъ много, и которое однакоже не-чѣмъ наполнить. Мы думаемъ, что нѣтъ такого событія въ жизни человѣка, которое не имѣло бы ближайшей, или отдаленной, связи съ его счастіемъ и его нравственнымъ совершенствомъ. Мы не сомнѣваемся, что всѣ поступки человѣка служатъ выраженіемъ его души, его внутренняго настроенія, его нравственнаго достоинства, и потому они должны быть обсуживаемы по началу истины и добра, а не осмѣиваемы единственно для развлеченія скучающихъ. Опытъ показываетъ, что человѣкъ, по мѣрѣ того, какъ созрѣваетъ въ немъ нравственное чувство, по мѣрѣ того, какъ его сердце одушевляется любовію къ благу ближнихъ, теряетъ охоту и наклонность смѣяться надъ человѣческими слабостями, потому что въ самыхъ, по видимому, незначительныхъ и безвредныхъ слабостяхъ онъ прозрѣваетъ зачатки дѣйствительнаго несчастія, безнравственности и другихъ душевныхъ недуговъ. Его искуство изображать человѣческія слабости проникается печалію сердца, онъ не осмѣиваетъ ближняго, потому что любитъ его; онъ не тѣшитъ себя его недостатками, а скорбитъ объ нихъ. Движимый любовію къ ближнему, онъ хочетъ только показать ему въ живомъ изображеніи ничтожность и суетность его поступковъ. Въ этомъ, и только въ этомъ, направленіи можетъ быть полезно для общежитія искуство изображать смѣшныя явленія въ человѣческой жизни: всякая примѣсь самоловольства и самоуслажденія при изображеніи человѣческихъ слабостей, всякое праздное осмѣяніе человѣка противно какъ достоинству искуства, такъ и требованіямъ совѣсти: безъ искренней любви къ ближнему, изображеніе его слабостей и несовершенствъ есть уже слабость и несовершенство.

Смѣху рекохъ: погрѣшеніе. Такъ, смѣхъ есть *погрѣшеніе*, когда онъ служитъ выраженіемъ торжествующей надъ духомъ, взволнованной невоздержаніемъ, чувственности. Но смѣхъ легко, и очень легко, можетъ быть погрѣшеніемъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ: онъ можетъ быть выраженіемъ праздности, душевной пустоты и легкомыслія въ общительной бесѣдѣ, выраженіемъ равнодушія и нелюбви къ ближнему въ изображеніи его слабостей. Если, по Экклезіасту, есть *время смѣятися*, если, такимъ образомъ, смѣхъ бываетъ не предосудителенъ, то, конечно, не смѣхъ людей праздныхъ и легкомысленныхъ, не смѣхъ людей развращенныхъ сердцемъ и умомъ, потому что Экклезіастъ говоритъ: *якоже гласъ терніа подъ котломъ, тако смѣхъ безумныхъ: и сіе суета* (7, 7).

ИСТИННОЕ ОСНОВАНІЕ ЗЕМНАГО СЧАСТІЯ.

Что такое земное счастіе?—Земное счастіе есть, конечно, благосостояніе, но отнюдь не то, которое вытекаетъ изъ одного удовлетворенія мимолетныхъ желаній, достиженія честолюбивыхъ плановъ, чисто земныхъ намѣреній,—и то, которое дается только золотомъ и имѣньемъ, титулами и почестями, мѣстомъ, роскошью и большими издержками. Мы не хотимъ отнимать у всѣхъ этихъ, большихъ и малыхъ благъ земныхъ, своей цѣны, готовы согласиться, что въ нихъ многое стоитъ желанія; но справедливо однакожъ и то, что онѣ, исключительно, не удовлетворяютъ сердца человѣка; что ихъ сопровождаетъ много заботъ и безпокойствъ, что онѣ нерѣдко увлекаютъ человѣка къ поступкамъ, предъ которыми онъ содрогнулся бы, если бы смотрѣлъ на нихъ невиннымъ, чистымъ взоромъ; кратко, справедливо и то, что богатый, высоко поставленный человѣкъ можетъ имѣть всѣ земныя удобства жизни и не быть *счастливымъ*. И это не удивительно. Потому что блага эти сами по себѣ принадлежатъ землѣ, слѣдовательно отвѣчаютъ только тѣлу, существо котораго взято отъ земли. Но духъ выше земли, слѣдовательно, выше тѣла; связанный съ тѣломъ, онъ заявляетъ, однакожъ, всякій разъ, собственное право; требуетъ, значитъ, чего-то выше предлагаемаго исключительно землею.

Итакъ, если мы хотимъ быть и чувствовать себя счастливыми на землѣ, то должны положить этому основаніе, которое было бы духовной природы, которое удовлетворяло бы требованіямъ души нашей, которымъ управлялось бы и освящалось употребленіе благъ земныхъ; которое пребыло бы и тогда, когда бы всеразрушающее время истребило наши земныя блага, и нечаянный вихрь унесъ ихъ въ своемъ круговоротѣ.—Что же это за основаніе? Гдѣ искать его? И откуда оно?

Искать его надобно въ *вѣрѣ, надеждѣ и любви*; не чадо земли оно, но чадо неба.

Вѣра врежде всего учитъ человѣка тому, чѣмъ онъ долженъ сдѣлаться, что должно быть высокою цѣлію его помысловъ и стремленій. И пусть будетъ онъ чувствовать слабость природы, пусть дознаетъ опытомъ, что въ немъ живетъ законъ плоти, противовоюющій закону ума и силящійся привести его въ разладъ съ самимъ собою; вѣра учитъ его искать примирителя въ Іисусѣ Христѣ, который уничтожаетъ всякой раздоръ, изглаждаетъ грѣхи и пріобщаетъ усердно желающаго безконечнымъ заслугамъ Своего креста; а въ блаженной надеждѣ отверзается ему благодатный источникъ, сообщающій силу и крѣпость для счастливаго окончанія борьбы, возникающей при всякомъ противорѣчіи природы.—Эта-то именно надежда и сообщаетъ ясность взгляду; потому что при всѣхъ неудачахъ и волненіяхъ міра возводитъ взоръ ко Отцу небесному, ниспосылающему благодатное утѣшеніе въ скорбяхъ; она указываетъ въ свѣтлой близости блаженное отечество, гдѣ солнце не заходитъ, и грубая, холодная рука земныхъ страданій не касается избранныхъ.—А любовь, которой Іисусъ Христосъ училъ словомъ и примѣромъ, которую Онъ изливаетъ въ святыхъ таинствахъ въ сердца наши, изгоняетъ изъ сердца всякій грѣхъ и побуждаетъ дѣлать, *елика праведна*, слѣдовательно даетъ то спокойствіе совѣсти, которое высоко возноситъ человѣка надъ земною жизнію и ея стремленіями, которое при всѣхъ случайностяхъ жизни сообщаетъ духу твердость и утѣшеніе, которое позволяетъ заключать всѣхъ въ объятія мира, прощаетъ врагу, помогаетъ бѣдному, поддерживаетъ колеблющагося, распространяетъ царство Божіе и

удостоивается награды, которую обѣщалъ Господь любящимъ Его.

Слѣдовательно вѣра, надежда и любовь составляютъ основаніе нашего счастія. — Но только та вѣра, та надежда, та любовь, которой училъ воплотившійся Сынъ Божій и изливаетъ въ сердца наши Духомъ Святымъ. Не будемъ обманываться и думать, что одинъ разумъ можетъ привести насъ къ такому знанію божественнаго, къ такой надеждѣ на будущее, къ такой любви, которыя были бы достаточны для того, чтобы дать намъ ясность взгляда въ мятежахъ міра, спокойствіе въ нашей совѣсти. Разумъ, правда, свѣтъ, но свѣтъ, который очень легко омрачается мракомъ заблужденія; правда, онъ чувствуетъ божественное, но съ силою убѣжденія не говоритъ о немъ; ему недостаетъ твердости, которая такъ необходима въ вѣрѣ, онъ не можетъ примирить человѣка, вступившаго въ разъединеніе съ собою и Богомъ. Это показываетъ намъ сознаніе, опытъ и исторія всѣхъ вѣковъ. Разумъ можетъ предлагать человѣку нѣкоторое утѣшеніе въ буряхъ жизни, но тамъ, гдѣ онѣ напрягаютъ всю свою ярость, тамъ онъ обнаруживаетъ слабость и недостаточность, какъ показываетъ печальный конецъ и мучительное сомнѣніе многихъ, которыхъ называли «великими умами». — А любовь, возращенная на одномъ разумѣ, больше самолюбіе и чувственная склонность, какъ доказываетъ весьма ясно длинная исторія угнетеній, возмущеній и развращенія.

Слѣдовательно постоянная опора земнаго счастія — христіанская вѣра, христіанская надежда, и любовь.

Не рожденія плодовъ питаютъ человѣка, но слово Твое (Господи) *вѣрующихъ соблюдаетъ* (Прем. 16, 28).

Въ самомъ дѣлѣ, главная и существенная цѣль сотворенія и жизни растеній, равно какъ и животныхъ, вовсе не та, чтобы питать человѣка. *Вся Господь содѣла Себе ради* (Притч. 16, 4). Земля есть домъ Божій, въ которомъ одинъ Господь распорядитель и домовладыка, гдѣ все живетъ для славы Его, служитъ Ему единому и покорно исполняетъ Его святую волю. Если твари земныя служатъ человѣку, то потому единственно, что Господь поставилъ его приставникомъ надъ дѣлы руку Своею, въ лицѣ его твари служатъ Творцу своему. Если человѣкъ употребляетъ въ пищу нѣкоторыя растенія и животныхъ, если въ нихъ заключается сила поддерживать тѣлесную жизнь нашу, то потому единственно, что Господь изрекъ на сіе Свое благословеніе. Такимъ образомъ рожденія плодовъ не сами по себѣ, а по силѣ слова Божія, по силѣ благословенія творческаго поддерживаютъ наши силы. Что значитъ, что Господь заповѣдалъ намъ молить Отца небеснаго о дарованіи намъ насущнаго хлѣба, хотя бы даже мы имѣли *блага многа, лежаща на лѣта многа* (Лук. 12, 19)? Это значитъ то, чтобы мы каждую крупицу снисканнаго и запасеннаго нами хлѣба принимали какъ бы отъ руки Божіей, то, чтобы мы просили у Отца небеснаго благословенія пріемлемой нами пищи. Правда, мы снискиваемъ и запасаемъ себѣ въ пищу такія вещества, которыя по самой природѣ своей способны питать наше тѣло; но потому-то въ природѣ ихъ и заключается способность питать насъ, что они получили на сіе благословеніе Божіе. По отъятіи благословенія Божія, тѣ же самыя вещества теряютъ способность питать человѣка. Изъ пи-

саній пророческихъ знаемъ, что есть особаго рода наказаніе Божіе, по силѣ котораго и хлѣбъ бываетъ не въ сытость (Агг. 1, 6) и запасенное достояніе не въ пользу (Іер. 12, 13). Когдажъ это бываетъ? Безъ сомнѣнія тогда, когда Господь не благословляетъ употребляемой пищи. Извѣстно, что въ плоти животныхъ питательныхъ соковъ для тѣла человѣческаго болѣе, чѣмъ въ растеніяхъ; однакожъ, послѣ потопа, изречено было Богомъ особенное благословеніе Божіе касательно употребленія ихъ въ пищу. Отъ чего это? Отъ того, безъ сомнѣнія, что если бы люди стали питаться плотію животныхъ безъ сего благословенія, то, не смотря на обиліе въ ней соковъ, способныхъ питать наше тѣло, она бы только растроивала тѣлесныя силы; даже это самое обиліе питательныхъ соковъ служило бы во вредъ человѣку. Напротивъ, какая сила заключается въ пищѣ, благословенной Богомъ! По силѣ благословенія Божія манна нѣкогда, имѣла въ себѣ всякое услажденіе, была *слична ко всякому вкушенію* (Прем. 16, 20), и *во вся преобразуемая всѣхъ кормительницъ благодати Божіей служила къ воли требующихъ* (ст. 25). Сила благословенія Божія весьма скудную пищу подвижниковъ дѣлала достаточною для поддержанія ихъ тѣлесныхъ силъ, не смотря на то, что труды и подвиги тѣлесные, по закону естественному, изнуряютъ плоть и для поддержанія ея силъ требуютъ пищи болѣе питательной и въ большемъ количествѣ. Этого мало: простая и даже суровая пища подвижниковъ имѣла особенную пріятность для вкушающихъ ее. Отъ чего это? Въ Патерикѣ Печерскомъ есть сказаніе, что великій князь Изяславъ много разъ вкушалъ отъ трапезы преподобнаго Ѳеодосія, на которой предлагались только хлѣбъ и сочиво. Однажды, вкушая отъ трапезы преподобнаго, князь сказалъ ему: »ты знаешь отче, что домъ мой исполненъ всѣхъ благъ міра, но я никогда не вкушалъ въ немъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ здѣсь теперь. Мои рабы готовятъ брашна различныя и дорогія; но они не такъ пріятны, какъ эти. Откуда такая пріятность въ брашнѣ вашемъ«? Въ объясненіе сего преподобный сказалъ князю, что »все дѣло приготовленія пищи въ святой обители совершается съ благословеніемъ«. »А твои рабы, продолжалъ онъ, во время работы, я думаю, ссорятся между собою, ропщутъ, клевещутъ другъ на друга, а часто бываютъ наказываемы приставниками; такимъ образомъ все ихъ дѣло совершается со грѣхомъ; отъ того и пища, приготовляемая ими, не бываетъ въ сладость«. Понятно послѣ сего, почему св. Церковь испрашиваетъ у Господа благословеніе новорожденнымъ плодамъ; почему заповѣдуетъ каждому христіанину предъ вкушеніемъ пищи испрашивать у Господа ей благословенія, и послѣ вкушенія благодарить Его. Понятно далѣе, какого блага лишаютъ себя тѣ, которые ни передъ вкушеніемъ пищи не испрашиваютъ ей благословенія Божія, ни послѣ вкушенія ея не благодарятъ Бога. Понятно наконецъ, отъ чего люди, безъ благословенія Божія пріемлющіе пищу, самую сочную и здоровую, не рѣдко отъ сего самаго вкушенія страдаютъ недугами, и даже иногда преждевременно устроютъ себѣ гробы похотѣнія.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 4-го Февраля 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 49.

НЕДѢЛЯ СЫРОПУСТНАЯ.

22 Февраля 1859 г.

Гласъ 8-й.

На утрени: евангеліе воскресное 8-е, Іоан. зач. 64. На Литургіи: апост. Римл. зач. 112, евангел. Матѳ. зач. 17.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ (*).

Во время земной жизни Іисуса Христа упражненіе въ постѣ столь было обыкновенно у всѣхъ и почиталось столь душеспасительнымъ и богоугоднымъ дѣломъ, что не было нужды убѣждать кого либо въ необходимости поститься. Посему Спаситель, Самъ въ Себѣ показавъ примѣръ высочайшаго воздержанія и поста, обличалъ преимущественно лицемѣрный постъ книжниковъ и фарисеевъ, которые для пріобрѣтенія въ народѣ славы святыхъ, наружно выказывали признаки самаго строгаго поста и сѣтованія о грѣхахъ; а при всякомъ удобномъ случаѣ обирали вдовицъ и сиротъ, и ничѣмъ считали обиду ближняго.

Если бы Спаситель въ наше время явился на землѣ, — то Онъ едвали нашелъ бы между нами лицемѣрныхъ постниковъ, слѣдовательно едвали предостерегалъ бы кого либо отъ ихъ поста; напротивъ того нашелъ бы и осудилъ многихъ открыто нарушающихъ уставы св. Церкви относительно соблюденія учрежденныхъ ею постовъ. Правда, св. Церковь, дѣйствуя въ духѣ Главы своей, Господа нашего Іисуса Христа, требуетъ произвольнаго, искренняго и непринужденнаго подчиненія своимъ постановленіямъ: при всемъ томъ, нарушителямъ постовъ слѣдовало бы размыслить, — основательно ли они поступаютъ, пренебрегая учрежденіями св. Церкви; полезно ли это, по крайней мѣрѣ, для тѣлеснаго ихъ здоровья, и не опасно ли для душевнаго спасенія?

Богъ одарилъ насъ разумомъ съ тѣмъ, что бы онъ управлялъ всѣми нашими поступ-

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

ками; а благоразуміе требуетъ располагать свое поведеніе сообразно съ цѣлію бытія нашего на землѣ, — требуетъ, прежде всякаго дѣла, обдумать: согласно ли оно будетъ съ божественными законами и тѣми обязанностями, которыя возлагаетъ на насъ св. Церковь, учрежденная Богомъ для душевнаго нашего спасенія. Изъ сего слѣдуетъ, что нашъ образъ жизни долженъ быть не шаткій, увлекаемый соблазнами, или прихотями, колеблемый противоположными долгу помыслами и легкомыслiемъ, а основанный на твердыхъ правилахъ. Такъ, если мы, бывъ отрождены для богоугодной жизни купѣлію св. крещенія, дали обѣтъ неуклонно слѣдовать руководству Церкви, какъ своей матери: то мы не имѣемъ уже права своевольно уклоняться отъ священныхъ ея постановленій; и нарушая ихъ, причиняемъ ей какъ бы болѣзненныя муки чадородія и оскорбляемъ Бога Спасителя нашего, который, учредивъ для нашего руководства въ жизнь вѣчную святую Церковь, облекъ ее полною властію предписывать намъ правила нашей дѣятельности, для нашей же пользы, какъ временной, такъ въ особенности вѣчной. Церковь, имѣя въ виду, что еще въ раи, самимъ Богомъ положено начало поста запрещеніемъ прародителямъ нашимъ вкушать плоды отъ древа познанія добра и зла, что постъ есть самое дѣйствительное средство къ устроенію богоугодной жизни, учредила опредѣленныя для поста времена. На какомъ же основаніи дерзаемъ мы нарушать душеполезныя постановленія св. Церкви?

Жаловался нѣкогда Богъ устами пророка Іереміи на израильскій народъ: *аще премѣниша языцы боги своя, и тіи не суть бози: людіе же мои премѣниша славу мою на то, отъ него же не ползуются* (Іерем. 2, 11)? Въ наше время можно бы спросить: пренебрегаютъ ли народы, признаваемые у насъ невѣрными, наприм. Евреи и Магометане, своими обычаями и постановленіями, которые у нихъ считаются священными, подобно тому, какъ нарушаемъ постановленія св. Церкви мы, считающіеся ея сынами? Кто же далъ намъ на это право? Если Церковь, отродившая насъ для жизни, сообразной съ волею Божіею, есть наша матерь, и при томъ самая попечительная: то чего достойны строптивыя ея дѣти, противящіяся ея руководству? Можетъ ли матерь, преогорчеваемая постоянно и оскорбляемая своеволіемъ дѣтей своихъ, искренно желать имъ благословенія Божія? Можемъ ли мы питать твердую надежду на молитву и ходатайство о насъ св. Церкви предъ Спасителемъ нашимъ, пренебрегая ея постановленіями? Услышитъ ли Господь молитвы о насъ св. Церкви, зная, что мы легкомысленно попираемъ священные ея уставы? Могутъ ли принесть намъ существенную пользу и благодатные дары, изливаемые на насъ Церковію посредствомъ святыхъ таинствъ, когда мы, по упорному противленію ея руководству, не располагаемъ и не приспособляемъ себя къ достойному принятію тѣхъ даровъ? Тщетная надежда! Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, учредивъ св. Церковь, возвѣстилъ, что неповинующійся ей равенъ идолопоклоннику и язычнику: *аще же*, сказалъ, *и Церкве кто преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матѳ. 18, 17)! А слова Іисуса Христа не прейдутъ и тогда, когда небо и земля прейдутъ (Матѳ. 24, 35).

Если бы еще уклоненіе отъ соблюденія постовъ приносило нарушителямъ ихъ какую нибудь, хоть временную, пользу, то поведеніе ихъ въ этомъ отношеніи заслуживало бы нѣкое извиненіе. Но самая природа внушаетъ необходимость воздержанія и поста для тѣлеснаго здоровья и обновленія силъ, ослабляемыхъ безпрерывною дѣятельностію. Такъ,

для сообщенія деревьямъ и злакамъ новой растительной силы, природа поражаетъ ихъ на сѣверѣ морозомъ, а въ южныхъ странахъ изсушаетъ зноемъ до корня всякую растительность, обращая, по временамъ, поверхность земли какъ бы въ мертвенную пустыню; многіе звѣри и пресмыкающіеся, для возстановленія своихъ жизненныхъ силъ, удаляясь въ пещеры и норы, перестаютъ питаться пищею въ теченіи довольно продолжительнаго времени. Этотъ урокъ природы могъ бы всякаго убѣдить въ благотворности постовъ, установленныхъ св. Церковію, тѣмъ болѣе, что ежедневные опыты доказываютъ, сколь пагубно для здоровья безпрерывное употребленіе одной скоромной пищи. Сколько же вредны безчисленныя закваски, пряности, кислоты, сладости и другія снадобья, придуманныя поваренымъ искуствомъ, для возбужденія позыва къ пресыщенію въ угождающихъ своему чреву! Не тѣ ли домы и семейства чаще всего посѣщаются врачами, въ которыхъ не знаютъ постовъ, учрежденныхъ св. Церковію? Не тѣ ли страждутъ самыми мучительными болѣзнями и преждевременно умираютъ, которые не отказываютъ себѣ ни въ какой пищѣ? Такъ, вообще безразличное, и притомъ неумѣренное употребленіе пищи производитъ безсонницу, скопленіе въ тѣлѣ злокачественныхъ мокротъ, разстройство пищеваренія, отягченіе головы, желудочныя боли, корчи, судороги и другіе недуги, а вмѣстѣ съ тѣмъ притупляетъ чувства, ускоряетъ старость и поражаетъ смертію, часто совершенно внезапною.

Но какъ всякое прегрѣшеніе, возбуждая въ насъ вопли совѣсти, заставляетъ къ ея успокоенію придумывать какіе нибудь предлоги: то и нарушители постовъ, установленныхъ св. Церковію, выставляютъ различныя причины, будто бы оправдывающія ихъ. Такъ большею частію говорятъ, что постная пища не пріятна. Да, постъ требуется для содѣйствія нашему уму въ обузданіи и умерщвленіи страстей; а все, что содѣйствуетъ намъ въ этомъ подвигѣ, непріятно для нашей чувственности. Это и есть явный признакъ, что постъ содѣйствуетъ достиженію предложенной Церковію цѣли. Но съ другой стороны извѣстно, что голодъ самая лучшая приправа всякой пищи; слѣдовательно, если хочешь усладить какую либо пищу, удерживайся отъ пищи какъ можно долѣе, а за тѣмъ всякая пища покажется тебѣ самою пріятною Какъ многіе изъ тѣхъ, которые посреди обилія пренебрегали постомъ, въ нуждѣ и бѣдствіи находятъ сладкимъ и черствый кусокъ хлѣба! Утверждаютъ еще, что постная пища вредна. Кто же требуетъ, чтобы ты употреблялъ вредную пищу? Развѣ всякая постная пища вредна? Если можно утолить жажду чистою водою, а голодъ однимъ хлѣбомъ, безъ которыхъ всякая пища не въ сытость, то можно ли считать ихъ вредными? Но Богъ столько произвелъ изъ земли полезныхъ и питательныхъ растеній, что и постная пища можетъ быть и питательною и полезною. Наконецъ, нѣкоторые увѣряютъ, будто постная пища противна ихъ природѣ. Подумаешь, что человѣческая природа подверглась неслыханному въ прежнихъ вѣкахъ превращенію: а она все такая же, какою была у нашихъ отцевъ и прародителей: какъ въ старыя, такъ и въ наши времена, иной живетъ болѣе ста лѣтъ, а иной умираетъ въ раннихъ лѣтахъ. Замѣчательно, впрочемъ, что когда угожденіе чувственности повергнетъ на одръ болѣзни считающихъ постную пищу противною ихъ природѣ, то они охотно глотаютъ самыя отвратительныя лекарства, подчиняются самымъ мучительнымъ требованіямъ врачей, и не только ихъ, но даже учениковъ ихъ слушаются со всею строгостію, и по болѣ ихъ готовы не вкушать по цѣлымъ днямъ ни-

какой пищи, или употребляютъ самую легкую, въ самомъ ничтожномъ количествѣ.

Ничего подобнаго не испытывали бы люди, если бы, относительно употребленія пищи, слѣдовали со всею точностію руководству святой Церкви, потому что постъ, обновляя жизненныя наши силы, отражаетъ многія болѣзни, или притупляетъ ихъ остроту, сохраняетъ здоровье въ свойственномъ нашей природѣ положеніи, и есть самое надежное врачевство отъ многихъ недуговъ. А по отношенію къ нашей духовной природѣ, постъ возбуждаетъ въ душѣ чистыя мысли, обуздываетъ дурныя склонности, умягчаетъ сердце, очищаетъ чувства, изощряетъ умъ, усиливаетъ память, низводитъ на постящихся благодать Божію, полагаетъ въ нихъ начало богоугодной жизни, охраняетъ юношей отъ пороковъ, одушевляетъ старцевъ упованіемъ на милосердіе Божіе, окрыляетъ молитвенное возношеніе нашего духа, искореняетъ порочные навыки, сокрушаетъ душу искреннимъ покаяніемъ, умилостивляетъ гнѣвъ Божій, отвращаетъ громы небеснаго правосудія, низводитъ свыше освященіе Духа Святаго и уподобляетъ постящихся ангеламъ Божіимъ.

Вотъ почему всѣ, прославляемые Церковію, угодники Божіи, преимущественно путемъ лишеній и поста стремились къ царствію небесному. Ветхозавѣтные праведники силою вѣры, укрѣпляемой постомъ, изводили изъ камней источники водъ, управляли по своему произволу стихіями, низводили съ небесъ огонь, воскрешали мертвыхъ, угашали силу огня, заграждали уста львовъ, преклоняли Бога на милость къ согрѣшившимъ, и отклоняли общественныя бѣдствія (Евр. 11, 33 — 39)! Но для насъ, запечатлѣнныхъ великимъ именемъ Христа Спасителя, особенное побужденіе къ соблюденію постовъ представилъ въ лицѣ своемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который, будучи безгрѣшенъ, и посему не имѣя никакой нужды поститься, завѣщалъ намъ Своимъ примѣромъ предстоящій постъ святыя Четыредесятницы. Сему высокому примѣру первенствующіе христіане ревностно слѣдовали по мѣрѣ силъ своихъ. А по умиротвореніи Церкви отъ гоненій, первоначально воздвигнутыхъ противъ нея адомъ и міромъ, вдругъ цѣлыя пустыни заселились такими подвижниками, для которыхъ, казалось, постъ былъ самою вожделѣнною пищею.

Впрочемъ, во всѣ времена, каждый христіанинъ, помышлявшій о вѣчной своей участи, всеусильно старался истощеніемъ плоти постомъ подчинить своему духу дурныя свои склонности; и кто только вѣровалъ, что Церковь Іисуса Христа есть благодатное, непоколебимое царство Его, тотъ всегда съ ревностнѣйшею готовностію подчинялся во всѣхъ отношеніяхъ ея руководству. Если же всѣ, благоугодившіе Богу своею жизнію, признавали постъ необходимымъ спутникомъ на пути въ жизнь вѣчную: то куда стремятся чуждающіеся постовъ? Какими они руководствуются правилами? Помышляютъ ли они о вѣчной своей участи? Невоздержное порабощеніе ихъ сластолюбію не есть ли явный признакъ самовольнаго отлученія ихъ отъ Церкви, которую Спаситель обручилъ себѣ вѣчною любовію? А это отлученіе къ чему можетъ вести, какъ не къ вѣчной погибели? Богъ не можетъ быть милосердымъ отцемъ тому, кто не признаетъ Церкви святой своею матерію и попираетъ ея постановленія.

Убоимся, братія, столь страшной участи! Прилѣпимся всею любовію къ матери нашей Церкви святой, послѣдуемъ неуклонно ея руководству; воспользуемся наступающими днями святой Четыредесятницы, принесемъ искреннее покаяніе о грѣхахъ нашихъ въ постѣ и

молитвѣ, да удостоимся отпущенія нашихъ грѣховъ по данной Церкви Іисусомъ Христомъ власти, Коему честь и слава со Безначальнымъ Его Отцемъ и съ Пресвятымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

СВ. ЕФРЕМА СИРИНА УЧЕНІЕ О ПОКАЯНІИ.

ВЫБРАННОЕ ИЗЪ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХЪ ЕГО ТВОРЕНІЙ (*).

а) необходимость покаянія.

»Куда бѣжать, и гдѣ искать защиты, какъ не подъ крылами покаянія? Покаяніе есть ковчегъ милосердія, наша пристань, градъ нашего убѣжища. Блаженъ, кто любитъ покаяніе, спасающее грѣшныхъ! Но горе той душѣ, которая пребываетъ безчувственною въ настоящей жизни, каждый день предаваясь роскоши, смѣху, разсѣянности, и живя распутно! Въ будущемъ вѣкѣ будетъ она плакать, подобно богачу, и мучиться въ пламени вѣчнаго огня. Когда Врачъ небесный доставляетъ средства противъ грѣховныхъ язвъ, несправедливо препятствовать Ему приложить цѣлительный свой пластырь. Даруй же мнѣ, Господи, здѣсь осудить помышленія свои, здѣсь оставить пороки свои, здѣсь заградить источникъ беззаконій своихъ, истребить корни грѣховъ, пока при мнѣ еще Врачь, который съ любовію пріемлетъ недужныхъ, и неутомимо перевязываетъ раны«.

»Грѣшу я ежедневно; пока перевязываешь Ты одну болѣзненную рану, открывается другая. Господи! дай мнѣ возможность обратиться и источить слезы сокрушенія, да плачу и умоляю Тебя о долгахъ своихъ, пока еще есть время для молитвы. О, Всесильный, держащій всю тварь, — пріиди ко мнѣ на помощь, потому-что немощенъ духъ мой! Если отъ Тебя не получу оставленія грѣховъ, то нѣтъ у меня средствъ остаться въ живыхъ предъ Тобою; ибо вотъ умру душевною смертію, если щедроты Твои не явятся вскорѣ. Такъ, поспѣшность нужна намъ, братія, великая нужна поспѣшность, чтобы достигнуть, и чтобы, ударивъ въ двери, не услышать намъ: »не вѣмъ васъ«. Теряющій златницу, находитъ другую; а губящій время не находитъ въ замѣнъ его другаго времени. Не думай, братъ, много лѣтъ прожить на землѣ; повелѣніе Господне пріидетъ внезапно, и застигнетъ грѣшника неимѣющимъ уже времени къ покаянію. Въ этотъ единонадесятый часъ подвизайтесь, спѣшите, чтобы не остаться внѣ затворенныхъ вратъ. Вечеръ близко, и Мздовоздаятель идетъ съ великою славою, воздать каждому по дѣламъ его. Покаемся, братія, пока есть время; воспрянемъ, чтобы великое долготерпѣніе Божіе не обратилось намъ въ осужденіе, если не восхотимъ покаяться, и съ каждымъ днемъ будемъ прилагать грѣхи ко грѣхамъ«.

б) удобность покаянія.

»Господи! дверь твоя отверста и для грѣшныхъ. Самъ Ты указуешь грѣшнику дверь свою, чтобы онъ воззвалъ, толкнулъ и вошелъ. Не ради праведныхъ было пришествіе Твое, но ради грѣшниковъ. Благость Твоя всегда старается взыскать погибшаго. Тьму

(*) Твор. св. отцевъ въ русс. перев. Том. 12—18.

талантовъ грѣховъ отпускаешь Ты, если просятъ Тебя, и пріемлешь послѣдняго. Не для нѣкоторыхъ только грѣховъ положилъ Господь покаяніе. Врачъ душъ нашихъ далъ намъ врачевство отъ всякой болѣзни. Ни одинъ грѣшникъ да не впадаетъ въ отчаяніе: впалъ въ отчаяніе Іуда, и изринутъ былъ изъ числа Апостоловъ. Если кающійся и по обращеніи своемъ впадетъ въ грѣхъ, то пусть прибѣгнетъ къ покаянію, — оно разрѣшитъ грѣховныя узы. Если и тысячи разъ согрѣшишь, но потомъ опять прибѣгнешь къ покаянію; то снова очистишься отъ скверны и отъ содѣланныхъ тобою беззаконій. Какъ часто ни будешь падать, всегда останется тебѣ возможность возстать, если только захочешь сего. Похищено у тебя сокровище? Есть еще время снова собрать сокровище. — только не теряй надежды. Хотя бы уязвила тебя стрѣла, не падай совершенно. Не бойся удара: покажи свое подвижничество, находясь подъ ударомъ. На войнѣ случается и наносить и получать удары. Для того и брань усиливается болѣе и болѣе, чтобы и ты сталъ благоискуснымъ, и Богъ прославился, и люди стали тебѣ подражателями. Пойди, и присоединись къ Закхею, который исповѣдалъ Господа и оправданъ Имъ; присоединись къ грѣшной блудницѣ, которая плакала предъ Нимъ и помилована. Въ примѣрѣ разбойника созерцай великое богатство помилованія«.

в) средства для возбужденія покаянія.

»Блаженъ, кто ежечасно помышляетъ о смерти и суетѣ всего земнаго, и непрестанно помнитъ о страхѣ геенскомъ«.

»Время за временемъ спѣшитъ и протекаетъ, родъ за родомъ уходитъ и исчезаетъ; и годы и мѣсяцы и дни взываютъ: преходитъ міръ. — Міръ подобенъ колесу, съ котораго свиваются времена и годы. И бѣдствія его тоже, что паръ, и блага его — ничто. Счастіе мгновенно превращается въ скорбь, — и кто сегодня веселится, тотъ на утро плачетъ и сѣтуетъ. — Ночи подобенъ міръ, и все происходящее въ немъ — сонныя грезы. Какъ сновидѣніе обманываетъ ночью, такъ міръ обманываетъ своими обѣщаніями. Какъ сонъ обольщаетъ душу призраками и видѣніями, такъ міръ обольщаетъ своими удовольствіями и благами. — Дни текутъ и улетаютъ; часы бѣгутъ и не останавливаются; въ стремительномъ теченіи времени міръ приближается къ концу своему. Ни одинъ день не дозволяетъ другому итти вмѣстѣ; ни одинъ часъ не ждетъ другаго, чтобы летѣть за одно. Богъ положилъ мѣру жизни человѣка, и эту опредѣленную мѣру дни дѣлятъ на части. Каждый день незамѣтно для тебя, беретъ свою часть изъ жизни твоей; каждый часъ съ своею частицей неудержимо бѣжитъ путемъ своимъ. Каждый день предаетъ погребенію свою часть; каждый часъ кладетъ во гробъ свою долю, и въ быстромъ полетѣ времени они уходятъ, исчезаютъ, обращаются въ ничто. — Ничто нелюбезно такъ для человѣка, какъ жизнь; за нее, еслибы можно было, онъ отдалъ бы цѣлый міръ. Итакъ, стремись въ слѣдъ за добромъ, чтобы жизнь твоя, хотя и течетъ какъ вода, собралась опять въ Богѣ. Къ Богу направляй малый потокъ жизни своей, чтобы когда изсякнетъ здѣсь, сдѣлалась тамъ моремъ жизни. Не великъ у тебя ручей жизни въ этомъ преходящемъ мірѣ: направь ее къ Богу, чтобы содѣлалась бездною жизни. День за днемъ струится и утекаетъ жизнь твоя; излей ее въ Бога, чтобы обрѣсти ее для себя въ томъ мірѣ!

»Не обращайтесь сердцемъ своимъ къ житейской суетѣ. Богатство преходитъ, слава исчезаетъ, красота увядаетъ, все измѣняется и исчезаетъ какъ дымъ, преходитъ какъ тѣнь,

изглаждается какъ сонъ. Гдѣ наслажденія прошедшаго времени? Гдѣ прелесть его и смѣхъ? Вотъ, не миновалось ли все это какъ тѣнь, какъ тонкій паръ, разгоняемый бурею, какъ дымъ, разгоняемый вѣтромъ? Пріидите и посмотрите на это тлѣніе во гробахъ. Тамъ сотлѣваетъ всякая красота, въ прахъ обращается всякій нарядъ, и, вмѣсто благовонія, слышенъ смрадъ тлѣнія. И такъ предваримъ кончину свою, предупредимъ расхитителя душъ нашихъ, потечемъ, пока еще есть время, вздохнемъ и принесемъ покаяніе.

»Все оставивъ, нагими, какъ родились, пойдемъ мы къ Страшному Судіи. Чтоже будетъ, когда всѣ, отъ востока солнца и до запада, предстанемъ обнаженными, показывая всякому на выѣ своей бремя грѣховъ? Если не будетъ принесена исповѣдь здѣсь, то все будетъ исповѣдано тамъ, предъ лицемъ вселенной. Но тамъ не пріемлются молитвы и моленія, не благоугодны тамъ слезы; ничто не склонитъ Судію къ помилованію. Даруй же мнѣ, Господи, всѣ дни жизни своей прилѣжно оплакивать грѣхи, и избрать для себя плоды, которые полезны мнѣ будутъ въ день суда«!

г) какъ надобно каяться?

»Произведемъ строгое испытаніе не только дѣлъ своихъ, но и словъ и помышленій, и строго изслѣдуемъ, какой грѣхъ сдѣланъ въ продолженіи сего дня, сколько дней прожито худо, и какое движеніе или помышленіе возбудило насъ къ недоброму движенію. Должно всегда производить испытаніе помысловъ, и изнемогшія чувства души нашей непрестанно упражнять въ различеніи добраго и худаго. Веди въ совѣсти запись, и замѣчай въ ней ежедневные грѣхи свои, и пусть эта записная книга каждый день будетъ раскрыта предъ тобой. Покаяніе приносить должно отъ всего сердца. Кающійся обязанъ быть постоянно однимъ и тѣмъ-же, а именно, всегда быть тѣмъ, чѣмъ началъ. Если у него будетъ въ чемъ недостатокъ, это уже признакъ несовершеннаго обращенія. Не будь сего дня кающимся, а на утро грѣшникомъ; не съ двоедушнымъ сердцемъ приближайся къ Испытующему всѣ помышленія наши, и не двоякимъ путемъ иди къ Вѣдущему сокровенное. Приносящіе покаяніе только на показъ, творятъ не одинъ грѣхъ, но многіе грѣхи; потому что другихъ располагаютъ приносить наружное покаяніе. Таковымъ не только не отпускается, но еще прилагается грѣхъ. Нѣтъ поканія для тѣхъ, кои торгуютъ покаяніемъ. Чувствуетъ кающаяся душа, какъ велики язвы ея, и размышляетъ объ учиненныхъ ею беззаконіяхъ; а отсюда раждаются воздыханія, мученія и горькія страданія, — льются слезы изъ очей ея объ утраченной красотѣ: плачетъ грѣшникъ и воздыхаетъ о прегрѣшеніяхъ своихъ«.

Главное же во всякомъ добромъ рвеніи и верхъ добрыхъ дѣлъ есть постоянное пребываніе въ молитвѣ, которою можно пріобрѣтать и прочія добродѣтели. Если земледѣлецъ не посѣетъ, не поможетъ ему дождь; если грѣшникъ не будетъ молиться, не исцѣлитъ его благодать. Но прекрасна молитва съ воздыханіями и слезами, особливо — если слезы проливаемъ безмолвно. Скорбь душевная, пока заключена внутри, омрачаетъ нашъ помыслъ, а когда истощитъ себя въ молитвенныхъ словахъ слезами, и выйдетъ наружу, тогда производитъ въ душѣ большую ясность. За дверьми остаются тѣ молитвы, которыя, возносясь къ Богу, не имѣютъ при себѣ любви. Что соль для жертвъ, то любовь для молитвы. Если молитву нашу не будутъ украшать смиренномудріе, любовь, простота и доброта, то ни мало не принесетъ намъ пользы сія молитва, или лучше сказать, сія личина молитвы«.

д) образцы покаянія.

»Открой глаза свои и посмотри на многихъ, какъ они подвизаются, какъ стараются спастись, сколько употребляютъ усилій на всякое доброе дѣло, какъ возлюбили путь узкій и тѣсный, уготовили свѣтлые свѣтильники свои на встрѣчу Жениха! Посмотри на живущихъ съ тобою, какъ они подвизаются и прилагаютъ стараніе о своемъ спасеніи, какъ ясны ихъ свѣтильники, и уста ихъ всегда славословятъ безсмертнаго Бога! Есть хищные волки, которые въ стадѣ Господнемъ сдѣлались овцами; есть хищныя птицы, которыя въ училищѣ Его преобразились въ голубей; есть разныя плевелы, которыя стали избранною пшеницей и принесли плодъ при крестѣ Господнемъ. Да уподобимся тѣмъ, которые были подобны мнѣ, и потомъ стали образцемъ для всѣхъ. Просвѣтите сердце мое вы, содѣлавшіеся сынами свѣта. На путь жизни наставьте меня заблуждшаго, вы, всегда пребывающіе на этомъ пути«.

»Окаянна жизнь моя; и кто оплачетъ меня, который раздражилъ Бога суетными дѣлами своими? Если есть гдѣ грѣшникъ, который такъ умножилъ число грѣховъ своихъ, какъ я, то пусть пріидетъ ко мнѣ, и вмѣстѣ будетъ скорбѣть и плакать. Пролейте, братія, слезы о мнѣ; я наемникъ, который не заслужилъ себѣ платы, потому что тать похитилъ и унесъ мои одежды. Вотъ, горы, долины и холмы рыдаютъ о мнѣ; вотъ утесы плачутъ. Все погрузилось въ сѣтованіе и плачетъ о горькомъ моемъ бѣдствіи. И меня да расположитъ это стенать и плакать, подобно горько плакавшему Іереміи.«

»Сѣлъ я однажды при могилѣ, въ которой скоро буду положенъ, и мысленнымъ окомъ разсматривалъ бывшія тамъ мертвыя тѣла. И увидѣлъ я тамъ обратившимися въ прахъ тѣла пріятныя прежде на видъ; на прекрасныхъ ланитахъ искажены стали всѣ черты. И меня постигнетъ тоже самое, представлялъ я въ умѣ своемъ, — подумалъ о семъ, и полились у меня слезы. — Нѣкогда уединенно сидѣлъ я на возвышенномъ мѣстѣ. Взирая на суету и волненіе настоящей жизни, началъ я размышлять въ слезахъ: почему жизнь эта убѣгаетъ какъ тѣнь? вянетъ, какъ утренній цвѣтъ? и — опечаленный — сказалъ я: какъ проходитъ сей вѣкъ, мы не знаемъ; для чего же связываемъ себя дѣлами и помыслами непристойными? Размышляя о семъ, я устремилъ взоръ на небо, и пришелъ какъ бы въ изумленіе; сильный трепетъ объялъ меня, — и вотъ мнѣ представилось, что Господь предъ очами моего ума и вѣщаетъ душѣ моей: душа, невѣста моя, почему ты не любишь своего безсмертнаго Жениха? Въ эту минуту я содрогнулся, братія; потомъ началъ горько оплакивать свое состояніе. Еще нѣкогда вышелъ съ двумя братьями изъ Едессы. Смотря на небо, украшенное звѣздами, я сказалъ: не паче ли въ день пришествія Господня возсіяютъ праведники? При семъ пришелъ мнѣ на мысль страшный оный день. Всѣ кости мои встрепетали; я началъ плакать и стеня говорить: какъ я явлюсь въ оный страшный день? Что покажу, кромѣ моего нерадѣнія и лѣности«?

»Такъ, съ удивленіемъ смотрѣлъ я на красоты твои, міръ и на то, что удовольствія и забавы твои скоро проходятъ, — и отрекаюсь отъ тебя, лукавый міръ«.

ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ.

9-я.

ОБЪ ІОСИФѢ И НАРОДѢ ИЗРАИЛЬСКОМЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

Рече Богъ Іакову: *Азъ есмь Богъ отецъ твоихъ, не убойся изыти во Египетъ: въ языкъ бо велій сотворю тя тамо. И Азъ сниду съ тобою во Египетъ, и Азъ возведу тя до конца.* (Быт. 46, 3. 4).

По устроенію Божію, Церковь, насажденная въ землѣ Ханаанской, обѣтованной Аврааму, долженствовала, около 200 лѣтъ, странствовать въ Египтѣ, и здѣсь, среди народа, отличавшагося и мудростію земною и самымъ нелѣпымъ суевѣріемъ языческимъ, испытать участь и благоденствія и величайшихъ бѣдствій. Первую испытала она при жизни Іакова и Іосифа, вторую — по смерти Іосифа. Но въ томъ и другомъ случаѣ не переставалъ охранять Церковь свою Господь. Какъ былъ Онъ съ избранными своими въ Ханаанѣ, такъ обѣщался быть и съ родомъ Іаковлевымъ въ Египтѣ. *И Азъ сниду съ тобою во Египетъ*, сказалъ небесный Владыка Церкви патріарху Іакову, *и въ языкъ велій сотворю тя тамо.* И вотъ видимъ, какъ это обѣтованіе исполняется въ исторіи Іосифа и всего рода Израилева въ Египтѣ.

Въ исторіи Іосифа, любимѣйшаго сына Іаковлева, видимъ судьбу вѣры и добродѣтели, непоколебимой въ бѣдствіяхъ, незлобивой, благотворящей всѣмъ, даже врагамъ своимъ, и за то вѣнчаемой еще на землѣ честію и славою. Дивна, братіе, эта исторія. Въ судьбахъ Іосифа можемъ усматривать подобіе Самого *возлюбленнаго Сына* Отца небеснаго, подобіе того, какъ Спаситель міра, *страданіи совершился* (Евр. 2, 10) и вошелъ въ славу свою.

Отецъ въ одно время послалъ кроткаго и простосердечнаго Іосифа къ прочимъ сыновьямъ своимъ, пасшимъ стада на полѣ, послалъ съ словомъ любви и мира; но братья приняли посланнаго, какъ врага; по зависти къ нему, какъ любимѣйшему сыну, согласились погубить его, продали юношу купцамъ, шедшимъ въ Египетъ, и принесши отцу своему окровавленную одежду брата, сказали, будто лютый звѣрь растерзалъ Іосифа. Не такъ ли, братіе, Сынъ Божій, пришедшій на землю возвѣстить миръ и милосердіе Божіе, нашелъ враговъ въ пастыряхъ народа избраннаго? *Во своя пріиде, и свои Его не пріяша.* И какъ поступали съ Нимъ эти пастыри недостойные? По зависти къ нему, какъ величайшему Учителю и Чудотворцу, они осудили Его на смерть, предали язычникамъ, и сами сдѣлались лютыми звѣрями, окровавившими все пречистое тѣло Единороднаго Сына Божія.

Іосифъ всегда былъ кротокъ, незлобивъ и терпѣливъ, уповая на промыслъ Божій, и Господь даровалъ ему мудрость и благопоспѣшество въ дѣлахъ его. Въ Египтѣ проданъ онъ одному вельможѣ, и сдѣланъ рабомъ его. Когда вельможа поручилъ ему въ управленіе весь домъ свой: то благоразумною распорядительностію благочестивый юноша такъ хорошо устроялъ дѣла дома, что самъ господинъ оказывалъ ему любовь и уваженіе. Въ тоже время вѣрный рабъ Пентефрія не терялъ вѣрности раба Божія, и за вѣрность закону Божію, когда съ ужасомъ отрекся исполнить беззаконную волю жены Пентефріевой, по клеветѣ ея, посаженъ былъ въ ровъ темничный. Не образъ ли это кротости, незлобія и совершеннѣйшей святости Господа, пріявшаго *зракъ раба*, пришедшаго *послужити* спасенію на-

шему? Съ божественною премудростію Спаситель устроялъ спасеніе наше на землѣ, обращая мытарей и грѣшниковъ, научая примѣромъ своимъ исполнять свято волю Божію; и однакоже, по клеветамъ беззаконной Синагоги іудейской, какъ преступникъ закона, низведенъ былъ во тьму поносной смерти.

Іосифъ и въ темницѣ явился не какъ невольникъ и рабъ, а какъ свободный и властелинъ. Ибо начальникъ темничный, уважая въ немъ вѣрность и честность, поручилъ надзору его всѣхъ заключенныхъ въ темницѣ. Здѣсь, между прочимъ, были и два царедворца, подпавшіе гнѣву Фараона. Обоимъ имъ мудрый юноша правильно изъяснилъ видѣнные ими сны, и одному предрекъ возвращеніе въ прежнее званіе при царѣ, а другому—несчастную смерть. Не сходно ли и это все съ исторіею крестной смерти Господа нашего? И Господь, когда страдалъ среди двухъ разбойниковъ, являлъ въ Себѣ достоинство высочайшаго Праведника и Владыки міра,—что признала въ Немъ сама природа, когда помрачилось солнце, потряслась земля и распадались каменныя горы: явилъ Себя и праведнымъ Судіею на крестѣ: ибо одному, покаявшемуся разбойнику, обѣщалъ царствіе небесное, а другаго, недостойнаго, предоставилъ заслуженной имъ участи.

Наконецъ, премудрость, какую Богъ далъ Іосифу, въ истолкованіи сна Фараонова, предвѣщавшаго седмилѣтіе плодородія и седмилѣтіе голода, и въ совѣтѣ предупредить угрожавшее бѣдствіе, не только извела узника изъ рова темничнаго, но и возвела на высшую степень могущества и славы во всемъ Египтѣ. Когда открылся голодъ и простерся даже на землю Ханаанскую, Іосифъ сдѣлался питателемъ и Египтянъ и всего родства своего; мудро и трогательно открылся онъ своимъ братьямъ, пришедшимъ въ Египетъ, чтобы купить хлѣба, простилъ вину ихъ противъ себя и призвавши и ихъ и отца своего въ Египетъ, даровалъ имъ лучшую землю, обильную пажитями, чтобъ они всего менѣе имѣли общеніе съ язычниками и лучше сохраняли вѣру отцевъ своихъ. Вотъ опять образъ Спасителя нашего—Премудрости Божіей Ипостасной! Сія Премудрость устрояетъ судьбы не одного царства, а всего рода человѣческаго, и Она, явившись въ нашемъ дольномъ мірѣ, открыла намъ судьбы Свои, уготовала вѣрныя средства для спасенія страданіями и смертію Своею на крестѣ, сходила и въ преисподнюю ада, чтобы тамъ проповѣдать спасеніе вѣрующимъ, и потомъ въ какой славѣ и силѣ явилась, расторгши узы смерти! Богочеловѣку Іисусу Христу и по человѣчеству *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. 28, 18), и Онъ есть небесный Питатель всѣхъ ищущихъ спасенія, Раздаятель даровъ Всесвятаго Духа, Правитель св. Церкви, которую, хотя не отдѣлилъ внѣшно отъ не вѣрныхъ, но оградилъ заповѣдями Своими и силами благодатными, содѣлавъ ее провозвѣстницею спасенія и для всѣхъ народовъ міра.

Родъ Іаковлевъ, вызванный въ Египетъ, нѣсколько времени жилъ безбѣдно, пока оставался на землѣ Іосифъ. Но церкви Божіей не суждено блаженствовать на землѣ. По смерти Іосифа, хотя быстро умножались Израильтяне, но это умноженіе навело ложный страхъ на Египтянъ; они вообразили, что этотъ чуждый имъ, по вѣрѣ и роду, народъ опасенъ для нихъ и можетъ завладѣть ихъ землею: потому Фараоны рѣшились воспрепятствовать умноженію Евреевъ, начали мучить ихъ рабскими работами, а наконецъ издали повелѣніе истреблять всѣхъ новорожденныхъ еврейскихъ мужескаго пола. Не напоминаетъ ли это намъ и судьбу Церкви новозавѣтной? Не также ли

и по вознесеніи Господа Іисуса Христа на небо, ополчились и Іудеи и язычники на всѣхъ вѣрующихъ въ Господа? И начальники іудейскіе и языческіе подобно египетскимъ властямъ разсуждали, что если оставить въ покоѣ христіанъ, то падетъ ихъ религія и разрушится благосостояніе ихъ царства, не разумѣя того, что вѣра Христова есть истинное благо и возвышеніе всякаго блага въ человѣчествѣ. Потому всѣми силами ополчился міръ на Церковь Христову, силился совершенно истребить христіанъ, и въ продолженіе первыхъ трехъ столѣтій потребилъ безчисленное множество вѣрныхъ всякаго возраста, состоянія и пола.

Но, что предположено судьбами Всевышняго, того не можетъ остановить или упразднить никакая сила человѣческая. Въ древнемъ народѣ избранномъ Господь положилъ сохранить для всего рода человѣческаго истинную вѣру и обѣщалъ отцу вѣрующихъ умножить его потомство, какъ звѣзды небесныя, да будутъ чада Авраама дѣйствительно звѣздами или свѣтилами въ мірѣ для прочихъ народовъ, и — никакія вражескія силы не могли истребить Израильтянъ въ Египтѣ. Не истребляли ихъ мучительныя работы. *По елику ихъ смиряху, толико множайшіи бываху, и укрѣпляхуся зѣло, зѣло* (Исх. 1, 12). Фараонъ повелѣлъ бабамъ еврейскимъ убивать дѣтей мужескаго пола при самомъ рожденіи ихъ, но бабы не повиновались безбожному повелѣнію. Наконецъ, когда повелѣно было всякаго младенца мужескаго пола повергать въ рѣку, сама дочь Фараонова вынула изъ рѣки будущаго Избавителя Евреевъ — Моисея, и воспитала его, какъ сына своего, при дворѣ царскомъ. Чтожъ? Менѣе ли хранитъ Господь Церковь новозавѣтную? Исторія свидѣтельствуетъ, что во времена мученическія, когда всего менѣе можно было ожидать того, вѣра Христова распространялась наиболѣе, и кровь страдальцевъ была какъ бы сѣменами, умножавшими христіанство«. Мы недавно рожденные, писалъ одинъ учитель Церкви гонителямъ еще въ 3-мъ вѣкѣ, наполняемъ однако всѣ мѣста римской имперіи, и не оставляемъ вамъ ничего, кромѣ капищъ ложныхъ боговъ« (*). А когда промыслъ Божій уготовалъ Церкви избавителя отъ лютыхъ гоненій? Именно тогда, какъ страшное гоненіе Діоклитіаново грозило совсѣмъ истребить христіанъ. Тогда Господь уготовалъ во благо Церкви равноапостольнаго Константина; и гдѣ уготовалъ? При дворѣ того же Діоклитіана мучителя, какъ Моисея при дворѣ Фараона.

Такъ, братіе, всегда бодрствуетъ надъ Церковію дивный промыслъ Божій, бодрствуетъ онъ, какъ показываетъ намъ исторія Іосифа, и надъ каждымъ вѣрнымъ рабомъ Божіимъ. О Церкви сказалъ Спаситель: *созижду Церковь Мою; и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. 16, 18). А ко всякому благочестивому человѣку можно приложить это слово Божіе: *Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Пс. 90, 11. 12). И ко всей Церкви и ко всякому избранному Божію можно отнесть и это слово Господне у пророка Исаіи: *не бойся рабе мой Іакове, возлюбленный Израилю егоже избрахъ: наложу духъ мой на сѣмя твое, и благословенія моя на чада твоя. И прозябнутъ яко трава посредъ воды и яко верба при водѣ текущей* (Ис. 44, 2—4). *Яко Азъ есмь Богъ твой, Святый Израилевъ, спасаяй тя* (—43, 3). Аминь.

(*) Тертулліанъ.

Внидите узкими врата. Матѳ. 7, 13.

Въ царство Божіе иначе и нельзя войти! Его надобно одолѣть какъ нѣкую твердыню,— *восхитить нуждою!* (Матѳ. 11, 12). Врата его узки и тѣсны; слѣдовательно, чтобы пройти чрезъ нихъ, надобно стѣснить, понизить, истончить, умалить въ себѣ плотскаго грѣховнаго человѣка. Толпа идетъ, обыкновенно, пространнымъ путемъ и чрезъ широкія врата; но этотъ *путь и врата вводятъ въ пагубу* (Матѳ. 7, 13). Посему христіанину и должно остерегаться всѣхъ пространныхъ и гладкихъ путей. Горе намъ, если міръ улыбается намъ и путь нашъ усѣеваетъ цвѣтами; горе, если мы забываемся среди его обаяній и всѣмъ сердцемъ прилѣпляемся къ его прелестямъ. Мы тогда только и зрѣемъ для другой истинной жизни, когда *по вся дни умираемъ* для настоящей.—Поостережемся же слѣдовать за множествомъ идущихъ широкимъ путемъ, то есть, путемъ самоугодія, роскоши и чувственныхъ наслажденій. Надобно искать слѣдовъ малаго числа людей—стопъ святыхъ, крутой и тѣсной стези покаянія, слезъ и самоумерщвленія, по которой Божіи человѣки восходили къ царствію; надобно подниматься на утесы добродѣтелей, въ потѣ лица, взирая на оный *облакъ свидѣтелей, иже руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею, каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша; проидоша въ милотехъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени;* болѣе же всего взирая на Самаго *Начальника вѣры и Совершителя Іисуса, иже вмѣсто предлежащія Ему радости претерпѣ крестъ* (Евр. 11, 36. 37. 12, 2).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 12-го Февраля 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 50.

НЕДѢЛЯ 1-я ПОСТА.

1 Марта 1859 г.

Гласъ 1-й.

На утрени: евангеліе воскресное 9-е, Іоан. зач. 64. На Литургіи: апост. Евр. зач. 329, евангел. Іоан. зач. 5.

РАЗГОВОРЪ

ПРЕПОДОБНАГО МАКСИМА ИСПОВѢДНИКА СЪ ПИРРОМЪ (*).

Изъ исторіи извѣстно, что преподобный Максимъ, по опасенію нашествія Персовъ и Арабовъ, жилъ нѣсколько времени въ Африкѣ. Здѣсь онъ переписывался съ Пирромъ, тогда еще игуменомъ, касательно современнаго вопроса о двухъ воляхъ во Христѣ. Потомъ, когда Пирръ сталъ уже патріархомъ, и, боясь народнаго къ себѣ нерасположенія, оставилъ каѳедру свою и перешелъ въ Африку: правитель области заставилъ его состязаться съ преподобнымъ Максимомъ въ присутствіи епископовъ и другихъ знатныхъ лицъ. Это происходило въ 645 году.

Пирръ началъ такъ: преподобный отецъ Максимъ! Чѣмъ заслужили я и мой предшественникъ (патріархъ Сергій) то, что ты вездѣ говоришь о насъ, какъ о еретикахъ? Кто больше меня почтилъ тебя, еще прежде, нежели ты былъ знакомъ мнѣ лично?

Преподобный *Максимъ* отвѣчалъ: это благодѣяніе я сознаю предъ Богомъ; но когда я увидѣлъ, что вы отвергаете Христову вѣру, то я страшусь предпочитать твои милости истинѣ.

Пирръ. Какъ же мы отвергаемъ Христову вѣру?

Максимъ. Вы принимаете одну волю во Христѣ, общую для божества и человѣчества Его, и такое несогласное съ ученіемъ всей Церкви мнѣніе предлагаете даже публично.

Пирръ. Но развѣ, принимая одну волю, мы ниспровергаемъ какой-либо догматъ вѣры?

Максимъ. Безъ сомнѣнія. Ибо не нече-

(*) Maxima Bibliotheca veterum Patrum. Tom. 12, pag. 496

ствo ли сказать, что Тотъ, кто до воплощенія волею своею все сотворилъ, все сохраняетъ и всѣмъ управляетъ, тою-же волею желаетъ пить, ѣсть, переходитъ съ одного мѣста на другое?

Пиррѣ. Скажи мнѣ: Іисусъ Христосъ одинъ или нѣтъ?

Максимъ. Безъ сомнѣнія, одинъ.

Пиррѣ. Если же одинъ, то и хочетъ Онъ какъ одно лице, и слѣд. Онъ имѣлъ одну волю.

Максимъ. Скажи же мнѣ: Христосъ, который одинъ, есть ли только Богъ или только человѣкъ, или Богъ и человѣкъ вмѣстѣ?

Пиррѣ. Богъ и человѣкъ вмѣстѣ.

Максимъ. Будучи Богъ и человѣкъ, Онъ хотѣлъ только какъ Богъ и какъ человѣкъ, или только какъ Христосъ? Если хотѣлъ какъ Богъ и какъ человѣкъ, то очевидно хотѣлъ Онъ двояко, а не одною волею, хотя и былъ однимъ; какъ число Его естествъ не раздѣляетъ Его (т. е. на два Христа), такъ и число волей и дѣйствій, сообразныхъ съ Его естествами, не производитъ раздѣленія, а показываетъ только, что онѣ существуютъ въ немъ цѣлы, хотя и соединены между собою.

Пиррѣ. Если двѣ воли въ одномъ лицѣ, то онѣ не могутъ быть не противны одна другой.

Максимъ. Во Христѣ не было грѣха, потому и не было противорѣчія воли человѣческой волѣ Божіей.

Пиррѣ. Если различіе природы требуетъ различія волей, то какъ святымъ и Богу приписывается одна воля?

Максимъ. Одна воля не въ смыслѣ одной сущности, но въ значеніи дѣятельности, т. е. святые хотятъ одного съ Богомъ.

Пиррѣ. Если воля есть принадлежность естества, то когда люди различаются по волямъ, различаются и по природѣ.

Максимъ. Иное образъ желанія, иное — самыя воли. Мы не одного желаемъ, но всѣ имѣемъ способность желанія, свойственную нашей природѣ.

Пиррѣ. Что естественно, то невольно; слѣдственно, если воли во Христѣ естественны (т. е. свойственны Его двумъ естествамъ), то въ Немъ не будетъ дѣйствія вольнаго.

Максимъ. Не правда, будто что естественно, то невольно. Богъ по естеству благъ, но нѣтъ для Него принужденія. Мы по естеству существа мыслящія, разсуждающія, но чрезъ то не упраздняется произволеніе въ сихъ нашихъ дѣйствіяхъ.

Пиррѣ. Допустимъ различіе двухъ волей во Христѣ; но и при этомъ, ихъ единеніе и согласіе, необходимо предполагаютъ и единство ихъ. Двѣ воли по различію естествъ, и и одна по высочайшему ихъ единенію, или одна сложная воля.

Максимъ. Но такое сложеніе волей божественной и человѣческой въ единую также не возможно, какъ сложеніе во едино несотвореннаго и сотвореннаго, безконечнаго и конечнаго. Да и какъ сложеніе изъ двухъ волей назвать одною волею? Это тоже, что сложеніе двухъ естествъ во Христѣ назвать однимъ естествомъ.

Пиррѣ. Что же общаго между естествами во Христѣ?

Максимъ. Ничего, кромѣ единой личности при двухъ естествахъ, не сліянныхъ, но соединенныхъ нераздѣльно.

Пиррѣ. Но Отцы не называли ли общимъ и славу и уничиженіе?

Максимъ. Называли по причинѣ взаимнаго общенія естествъ, безъ измѣненія ихъ и сліянія. Если же скажешь, что потому же общенію естествъ и общая у нихъ воля, то примешь не одну, а двѣ воли.

Пиррѣ. Плоть (т. е. человѣчество) не силою ли Слова движется?

Максимъ. Такъ! Силою Слова дѣйствовали Моисей, Давидъ и другіе способные къ воспріятію божественнаго дѣйствія. Но Христосъ, какъ Богъ, хотѣлъ сообразно своей божественной волѣ; хотѣлъ и какъ человѣкъ, сообразно своей человѣческой волѣ, напр. желалъ того, что служитъ къ поддержанію человѣческой природы, почему и изъявлялъ страхъ смерти предъ страданіемъ.

Пирръ. Но страхъ смерти достоинъ порицанія и потому грѣхъ.

Максимъ. Страхъ естественный есть естественная сила для защищенія жизни, намъ данной. Этотъ страхъ Господь допустилъ въ Себѣ ради насъ; но не допустилъ страха, который не отъ естества, а отъ неестественныхъ помышленій.

Пирръ. Оставя тонкія различенія, будемъ признавать во Христѣ и Бога совершеннаго и человѣка совершеннаго.

Максимъ. Но соборы и Отцы различали не только естества, но и свойства ихъ. Такъ и мы должны различать.

Пирръ. Прежніе соборы не говорили ни объ одной, ни о двухъ воляхъ; не будемъ и мы говорить о томъ.

Максимъ. Если не говорить того, что не сказано на соборахъ, то не нужно бы говорить и того, что одинъ Богъ - Слово воплотился, что однако составляетъ всю благочестія тайну. Притомъ 5 й соборъ одобрилъ всѣ писанія св. Аѳанасія, Василія, Григорія и другихъ, у коихъ есть ученіе о двухъ воляхъ.

Далѣе преподобный Максимъ доказываетъ умѣстность выраженія: *воля естественная* (воля свойственная по природѣ существу разумному), и Пирръ убѣждается принимать двѣ воли во Христѣ, по естеству различныя, хотя согласныя въ дѣйствіи; но спрашиваетъ: можно ли съ нѣкоторыми константинопольскими противниками двухъ волей полагать, что Христосъ имѣлъ волю человѣческую *по усвоенію?* Преподобный Максимъ отвѣчаетъ, что нельзя принимать здѣсь усвоенія, подобнаго тому, какое бываетъ у друзей, когда одинъ усвояетъ себѣ то, что испытываетъ другой, (т. е. радость или печаль); а должно разумѣть усвоеніе по естеству. Ибо въ противномъ случаѣ дѣ воли во Христѣ произведутъ и два лица.—Какъ же, спрашиваетъ Пирръ, Отцы говорили, что *наша* та *воля*, которую Христосъ явилъ въ Себѣ? Такъ же, отвѣчаетъ преподобный Максимъ, какъ Христосъ принялъ *наше естество.* Христосъ, какъ человѣкъ, свою волю человѣческую подчинилъ Богу и Отцу и тѣмъ самымъ явилъ ее, т. е. представилъ намъ *образецъ* для подражанія. Преподобный Максимъ не допускаетъ и того, будто воля во Христѣ, подобно нашей, колебалась въ избраніи предметовъ: въ Немъ она имѣла естественное сродство съ добродѣтелію и отчужденіе отъ грѣха, не изучала добра и не усовершалась, какъ у насъ.— Въ заключеніе же говоритъ: принимающіе одну волю во Христѣ должны отвергать и различіе естествъ, а если принимаютъ различіе естествъ, то должны принимать и двѣ воли.

За тѣмъ раскрывается неосновательность еретиковъ, подтверждающихъ свое мнѣніе Отцами. Такъ слова Григорія Богослова: »хотѣніе Его (Христово) не было противно ни въ чемъ Богу, но все обожено«.—предполагаютъ не одну волю, а двѣ, то есть обожающую и обожаемую. Слова св. Аѳанасія: »рожденъ отъ жены, но безъ хотѣнія плотскаго, въ образѣ новомъ, ибо хотѣніе было одного божества« — показываютъ не присутствіе одной воли во Христѣ, а то, что воплощеніе было дѣломъ божественнымъ, дѣломъ одной воли божественной. Указываются въ св. Писаніи мѣста, изъ которыхъ видно дѣйствіе двухъ естествъ

во Христѣ и двухъ волей; наприм: *хощу, да идѣже есмь Азъ и тіи будутъ со Мною; якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихъже хощетъ живитъ.*

Послѣ ученія о двухъ волях, разсматривается ученіе о двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ.

Если по различію естествъ должно различать дѣйствія, то не должно ли полагать во Христѣ три дѣйствія, т. е. по различію божескаго естества, естества тѣла и естества души человѣческой? Нѣтъ; ибо тѣло и душа составляютъ одно естество человѣческое, и различныя дѣйствія человѣка по тѣлу и по душѣ, не дѣлаютъ различія по природѣ.

Но должно, говорятъ еретики, усвоять Христу единое дѣйствіе по причинѣ единенія естествъ.—Какое же это единое дѣйствіе? Свойственное твари или творческое? Если первое, то и природа во Христѣ только природа твари; если послѣднее, то не будетъ въ Немъ природы сотворенной. Средняго ничего не можетъ быть между сотвореннымъ и несотвореннымъ.

Потомъ самъ Пирръ объясняетъ изреченіе св. Кирилла: »Христосъ явилъ едино дѣйствіе посредствомъ двухъ естествъ«. Здѣсь, говоритъ, не должно разумѣть вообще одного дѣйствія для двухъ естествъ, но это сказано о чудесахъ, то есть, что дѣйствіе божественное при твореніи чудесъ было одно, совершаемое божественною природою при посредствѣ человѣческой (когда наприм. Іисусъ Христосъ простиралъ руку и касался очей слѣпаго, преломлялъ хлѣбъ, и проч.). Преподобный Максимъ объясняетъ слова Діонисія: »Христосъ показалъ новое нѣкое дѣйствіе богочеловѣческое«. Это показываетъ только новый и таинственный образъ проявленія естественныхъ дѣйствій во Христѣ,—новое, дивное, неизв стное прежде жительство Его по человѣчеству.

Изъ того, что божественная дѣятельность есть дѣйствіе, не слѣдуетъ, что человѣческая дѣятельность есть страданіе, какъ не слѣдуетъ изъ того, что если естество Божіе есть добро, то естество человѣческое есть зло.

Слѣдствіемъ сего разговора было то, что Пирръ согласился отречься отъ своей ереси и въ Римѣ предъ Папою исповѣдалъ ученіе православное, хотя въ послѣдствіи опять обратился къ своей сектѣ, за что и былъ осужденъ на 6-мъ Вселенскомъ Соборѣ вмѣстѣ съ другими Монофелитами.

НЕОБХОДИМОСТЬ И БЛАГОТВОРНОСТЬ ИСПОВѢДИ.

Слова Спасителя: *пріимите Духъ Святъ, имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 22), показываютъ, что двоякая власть дана апостоламъ: власть отпускать грѣхи и власть удерживать ихъ. Эта власть должна быть употребляема съ величайшей осмотрительностію и съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Для этого требуется, чтобы облеченные ею пастыри Церкви не только пребывали до конца вѣковъ (ибо власть отпускать и держать ихъ всегда будетъ необходима въ Церкви), но и знали число и важность грѣховъ и состояніе души кающагося, дабы знать, должны ли они отпускать или держать, разрѣшать или связывать. Чтобы дойти до этого необходимаго познанія, есть только два средства. Или нужно чтобы преемники апостоловъ, въ дѣлѣ примиренія

грѣшника съ Богомъ, читали самыя сокровенныя тайны въ душѣ человѣка, или чтобы сами кающіеся открыли имъ всѣ тайны ея. Но очевидно, что судьи совѣсти, также какъ и судьи гражданскіе, не владѣютъ способностію проникать тайны сердецъ; слѣдовательно, необходимо, чтобы сами кающіеся признавались въ своихъ грѣхахъ, Это признаніе и называется *исповѣдью.* Она всегда была, есть и будетъ необходимой частію таинства покаянія и единственнымъ средствомъ получить прощеніе грѣховъ, содѣянныхъ послѣ крещенія.

И дѣйствительно, еслибы въ религіи кромѣ исповѣди было другое средство примириться съ Богомъ, еслибы достаточно было сокрушаться о грѣхахъ, поститься, молиться, подавать милостыню и исповѣдывать грѣхи свои тайно предъ Богомъ, только въ сердцѣ своемъ, что изъ этого произошло бы? Произошло бы то, что никто не сталъ бы исповѣдываться. Кто бы захотѣлъ раскрывать предъ человѣкомъ скверны души своей и просить прощенія, еслибы можно было получить это прощеніе и безъ сего посредства? Можно судить объ этомъ потому, что происходитъ нынѣ. Не смотря на достовѣрность того, что исповѣдь есть необходимое средство для очищенія грѣховъ, какъ многіе неохотно прибѣгаютъ къ ней, а если и прибѣгаютъ, какъ мало вѣруютъ въ ея дѣйствительность! Что же было бы при существованіи другаго средства, болѣе легкаго и не менѣе дѣйствительнаго? Изъ двухъ средствъ человѣкъ выбираетъ всегда болѣе легкое, стараясь согласить благо спасенія, съ требованіями самолюбія. Что же тогда произошло бы съ исповѣдію, установленною самимъ Спасителемъ? Она пала бы и осталась безъ дѣйствія и силы. Къ чему тогда служитъ власть, данная апостоламъ и ихъ преемникамъ? Очевидно, она дѣлается совершенно лишнею; ибо въ такомъ случаѣ они не могутъ употреблять ее.

Но съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства исповѣдь признавали постановленіемъ божественнымъ и видѣли въ ней самое дѣйствительное средство къ очищенію грѣховъ и примиренію съ Богомъ. Въ доказательство сей истины приведемъ свидѣтельства св. Отцевъ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, начавъ только съ 6-го вѣка.

Въ 6-мъ вѣкѣ св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ такъ: »неслыханное дѣло, чтобы грѣхи, въ коихъ признался кто либо на исповѣди, были открываемы. Такъ восхотѣлъ Богъ, дабы грѣшники не отвращались отъ исповѣди и не лишились единственной надежды спасенія« (Лѣств. степ. 4).

Въ томъ же вѣкѣ св. Іоаннъ патріархъ Константинопольскій составилъ правило для церквей восточныхъ, въ которомъ священникъ говоритъ кающемуся: »се, чадо, Христосъ невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое,— да не скрыеши убо что отъ мене, но рцы вся, елика содѣлалъ еси« и проч.

Въ пятомъ вѣкѣ блаж. Августинъ говоритъ христіанамъ: »никто да не говоритъ: я исповѣдываюсь въ тайнѣ предъ очами Божіими; довольно того, чтобы Тотъ, который можетъ дать мнѣ прощеніе, зналъ покаяніе, какое приношу ему въ глубинѣ сердца. Еслибъ было такъ, то напрасно Іисусъ Христосъ сказалъ: *вся елика разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси,* напрасно также далъ Онъ ключи Церкви своей. Не достаточно исповѣдывать Богу, надо исповѣдываться и тѣмъ, кои получили власть рѣшить и вязать (Serm. 392).

Въ 4-мъ вѣкѣ св. Василій великій говоритъ: »Необходимо открывать грѣхи свои тѣмъ, кои получили строеніе таинъ Божіихъ (Вопрос. 288), и если обнажимъ грѣхъ исповѣдью, то сдѣлаемъ его сухимъ троскотомъ, достойнымъ того, чтобъ пояденъ былъ чисти-

тельнымъ огнемъ« (Толк. на Исх. гл. 9, ст. 18). Св. Аѳанасій выражается такъ: »какъ человѣкъ крещенный священникомъ просвѣщается Духомъ Святымъ, такъ и тотъ, кто исповѣдываетъ грѣхи свои, получаетъ прощеніе ихъ чрезъ священника (*).

Къ концу 4-го вѣка св. Златоустъ говоритъ: »люди получили отъ Бога власть, которая не дана ни Ангеламъ ни Архангеламъ. Никогда не сказано было небеснымъ духамъ: *вся, елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небеси.* Итакъ, власть священника простирается и на душу, которую онъ властенъ разрѣшить, или связать. Будемъ же подражать Самарянынѣ и не постыдимся открывать грѣхи наши. Тотъ, кто постыдится исповѣдать грѣхи свои предъ священникомъ, увидитъ ихъ открытыми въ день суда въ присутствіи не одного или двухъ свидѣтелей, но всѣхъ народовъ« (О священствѣ кн. 3, гл. 5).

Въ 3-мъ вѣкѣ Оригенъ свидѣтельствуетъ такъ: »Если мы раскаемся въ нашихъ грѣхахъ и исповѣдуемъ ихъ не только предъ Богомъ, но и тѣми, кои могутъ исцѣлить насъ, эти грѣхи будутъ намъ прощены« (**).

Во 2-мъ вѣкѣ Тертулліанъ говоритъ не менѣе ясно: »Многіе не хотятъ объявлять грѣхи свои, ибо заботятся болѣе о своей чести, нежели о спасеніи. Въ этомъ они уподобляются тѣмъ, кои имѣя тайную болѣзнь, скрываютъ ее отъ врача, и чрезъ то умираютъ. Ужели лучше погибнуть, скрывая грѣхи, нежели спастись, открывъ ихъ«? (De Poenit. c. 10. 12).

Въ 1-мъ вѣкѣ св. Климентъ, епископъ Римскій, выражается такъ: »Пока мы живемъ въ этомъ мірѣ, исправимся отъ всего сердца нашего, ибо когда перейдемъ отсюда, мы не будемъ болѣе ни исповѣдываться, ни каяться« (Ep. 11. ad. Cor. n. 8).

Наконецъ, мы дошли до тѣхъ временъ и тѣхъ людей, кои слышали самаго Сына Божія. Св. Іоаннъ пишетъ. *Аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. 1, 9). Св. Лука говоритъ, что множество изъ вѣровавшихъ приходили къ апостолу Павлу исповѣдывать грѣхи свои (Дѣян. 19, 18).

Была ли исповѣдь въ ветхозавѣтной Церкви? Извѣстно, что всенародное покаяніе совершалось у Израильтянъ въ особенный день, названный *днемъ очищенія*, какъ это сказано въ книгѣ *Левитъ* (гл. 16). Тогда первосвященникъ входилъ съ кровію жертвенною во Святая Святыхъ, потомъ, возложивъ руку на главу козла живаго, *исповѣдалъ на немъ вся беззаконія сыновъ израилевыхъ, и вся неправды ихъ и вся грѣхи ихъ*, и отпускалъ животное въ пустыню (—ст. 20, 22). Но совершалось ли и частное покаяніе? Совершалось, какъ видно изъ того, что предписано было приносить жертвы *грѣха ради* или *о преступленіи*, при чемъ надлежало исповѣдать грѣхъ (Лев. 5, 5) предъ жрецомъ, который по качеству грѣха долженъ былъ такъ или иначе приносить жертвоприношеніе, обязанъ былъ и помолиться за согрѣшившаго. *И помолится*, сказано въ законѣ, *о немъ жрецъ грѣха ради его, имже согрѣши, и оставится ему грѣхъ* (Лев. 5, 6. 6. 7).

Не подтверждаетъ ли и разумъ пользу чистосердечной исповѣди? Лучшіе изъ протестантовъ жалѣютъ, что Лютеръ упразднилъ у нихъ таинство покаянія, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стараются вводить древній святый обычай исповѣди (*). Въ концѣ 17 го вѣка зна-

(*) См. Coll. select. Patrum. T. IX.
(**) Hom. 32 in Levit.

(*) Въ Саксоніи наприм. на пастырской конференціи 1857 г. опредѣлено ввести исповѣдь.

менитый протестантъ Лейбницъ говоритъ объ исповѣди такъ: »нельзя отрицать, что это постановленіе достойно премудрости божественной, и, безъ сомнѣнія, это одинъ изъ прекрасныхъ и достойныхъ похвалы обычаевъ въ религіи христіанской. И дѣствительно, *необходимость* исповѣдываться отвращаетъ множество людей отъ грѣха, въ особенности тѣхъ, кои еще не ожесточены во злѣ, и подаетъ великія утѣшенія согрѣшившимъ. И такъ я смотрю на благочестиваго и благоразумнаго духовника, какъ на *великое орудіе божества для спасенія душъ*; ибо его совѣты имѣютъ то благотворное дѣйствіе, что укрощаютъ страсти, заставляютъ насъ быть внимательными къ нашимъ порокамъ, избѣгать случаевъ ко грѣху, возвращать похищенное, прекращать соблазны, разсѣевать сомнѣнія, возстановлять падшихъ духомъ, наконецъ исцѣлять и утѣшать болящія души; и если у людей почитается наилучшимъ благомъ вѣрный другъ, то что сказать о такомъ другѣ, который самою религіею и таинствомъ божественнымъ обязуется хранить вѣрность и помогать намъ« (*). Даже вольнодумцы сознавали иногда достоинство церковной исповѣди. »Исповѣдь«, говоритъ одинъ изъ нихъ, »есть постановленіе божественное, которое получило начало въ безконечномъ милосердіи Всевышняго. Обязанность исповѣдываться началась съ того времени, когда человѣкъ содѣлался виновнымъ; одно раскаяніе можетъ замѣнить намъ невинность. Дабы раскаяться, надо признаться во грѣхахъ«. Согласно со всѣми древними преданіями, онъ признаетъ, что исповѣдь была у Евреевъ: »Адамъ былъ первый кающійся; онъ исповѣдалъ грѣхъ свой, сказавъ о запрещенномъ плодѣ: *ядохъ*. Вездѣ въ свящ. книгахъ мы видимъ исповѣдь или частную, или всенародную« (*).

Когда Спаситель пришелъ на землю, исповѣдь уже существовала, и вмѣнивъ въ обязанность ученикамъ своимъ исповѣдываться, Онъ не постановилъ новаго закона, а только утвердилъ и усовершенствовалъ законъ уже существовавшій (Матѳ. 5, 17). Также какъ бракъ, бывшій издревле, возведенъ Спасителемъ въ таинство, и исповѣди дано это высокое значеніе. Вотъ что объясняетъ, почему исповѣдь не возбудила ропота ни между іудеями, ни между язычниками: они были къ тому приготовлены, это постановленіе казалось имъ весьма естественнымъ; постоянное и всеобщее преданіе показывало имъ необходимость исповѣди.

Весьма полезно, какъ учитъ ап. Іаковъ исповѣдать и другъ другу согрѣшенія и молиться одному за другаго (Іак. 5, 16). Очень нужно каждому и наединѣ ежедневно исповѣдать грѣхи свои предъ Богомъ, чтобы всегда сохранить въ себѣ сердце сокрушенное и смиренное. Но все это не можетъ замѣнить намъ исповѣди церковной, въ которой дѣйствуетъ таинственная благодать Искупителя міра, какъ дѣйствуетъ въ другихъ таинствахъ Церкви. Плодъ такого исповѣданія также вѣренъ, какъ вѣрно обѣщаніе самаго Небеснаго Врача душъ нашихъ (Іоан. 20, 22. 1 Іоан. 1, 9).

Напрасно же многіе смотрятъ на исповѣдь, какъ на тяжкое бремя, а нѣкоторые и вовсе избѣгаютъ ея. Въ этомъ постановленіи мы должны видѣть безконечную благость небеснаго Царя къ преступнымъ подданнымъ своимъ. Величіе сей благости можно усматривать въ слѣдующемъ примѣрѣ: представимъ, что человѣкъ изъ низкой доли призванъ былъ

(*) Leibnitz, systema theologicum, de Confessione.

(*) См. Dissertation de M. Drach sur la confession chez les Juifs.

ко двору могущественнаго монарха, осыпанъ неисчетными благодѣяніями и милостями его, и за все это заплатилъ своему государю жестокой неблагодарностію, нанесши ему самое грубое оскорбленіе. Разгнѣванный царь осудилъ виновнаго на смертную казнь. Приговоръ уже долженъ былъ совершиться, преступникъ ожидалъ своей смерти. Но вдругъ является къ нему посланный отъ царя, и обѣщаетъ ему отъ имени государя прощеніе, если онъ исполнитъ одно условіе, а именно, если признается въ своихъ преступленіяхъ одному изъ министровъ царскихъ, какого самъ изберетъ себѣ. Мало того, министра этого царь обязуетъ никому не открывать повѣренной ему тайны. Ужели условіе это тяжело для преступника? Представимъ при томъ, что благосердый царь за исполненіе такой исповѣди снова обѣщаетъ принять преступника въ милость свою и возвратить ему всѣ прежнія достоинства и почести. Что можетъ быть выше этой милости царской? Только милость Царя небеснаго выше ея, и безконечно выше. Ибо, совершивъ грѣхъ, мы заслуживаемъ не только смерть временную, но и вѣчную, а дабы избавиться отъ нескончаемыхъ казней, безконечная Благость указываетъ не менѣе легкое для насъ средство. Это средство есть чистосердечная исповѣдь предъ служителемъ Церкви; и она опять вводитъ насъ въ число чадъ Божіихъ. На тайномъ судилищѣ церковнаго покаянія мы доселѣ слышимъ сладчайшій гласъ Спасителя: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы*; *возмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ; иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Матѳ. 11, 28—30).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 20-го Февраля 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 51.

НЕДѢЛЯ 2-я ПОСТА.

8 Марта 1859 г.

Гласъ 1-й.

На утрени: евангеліе воскресное 10-е, Іоан. зач. 66. На Литургіи: апост. Евр. зач. 304, евангел. Марк зач. 7.

СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ВОЗОБНОВЛЕННАГО ХРАМА ПРИ АРХІЕРЕЙСКОМЪ ДОМѢ (*).

Слава Божіей благодати, обновившей для насъ домъ благодати! Храмъ христіанскій — чудная сокровищница чудныхъ даровъ Божіихъ. Чего нельзя получить въ немъ? Все, чего ни пожелаете, все можете получить, если только желаете согласнаго съ волею Божіею. — Храмъ христіанскій — училище благочестія, того благочестія, которое, по словамъ Апостола, *на все полезно есть*, во времени и въ вѣчности. Слава Божіей благодати, обновившей для насъ домъ благочестія! Для чего и жить на землѣ, если не жить для благочестія? Что жизнь земная, если она не есть жизнь благочестія? *Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?* Потому-то Апостолъ настоятельно требуетъ: *обучай себе благочестію.*

Благость небесная! Ты ничего не ожидаешь отъ насъ такъ, какъ ожидаешь искренняго благочестія. Ниспосли намъ духъ сокрушенія, чтобы вполнѣ чувствовали мы, какъ много теряемъ, оставаясь съ тѣмъ, чего не желаешь ты для насъ — съ благочестіемъ неискреннимъ. Разсмотримъ, слушатели, дѣйствія и опасности неискренняго благочестія.

Когда хотимъ мы говорить о благочестіи не искреннемъ, лицемѣрномъ: мы не хотимъ стать въ ряды тѣхъ, которые каждаго искренняго христіанина готовы называть лицемѣромъ, святошею. Избави Богъ каждаго отъ положенія такихъ людей. Оно страшно. Испортивъ душу худыми привычками, они дошли сами до

(*) Сказано Преосвященнѣйшимъ Филаретомъ, Архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ.

состоянія лукаваго слуги, скрывшаго даръ Божій въ землю, и хотятъ считать благочестіе дѣломъ невозможнымъ. При взглядѣ на тѣхъ, которые бодро идутъ по пути благочестія, совѣсть укоряетъ ихъ за ихъ порочную жизнь; но разстаться съ привычною жизнію у нихъ нѣтъ охоты, недостаетъ рѣшимости, и они тяготятся собою, тяготятся и благочестіемъ другихъ. Чтобы облегчить себя, они усиливаются заглушить упреки совѣсти невѣріемъ въ возможность благочестія, высказываютъ месть за муки совѣсти. Они видятъ, что благочестіе—вещь возможная, потому что видятъ его въ опытѣ другихъ; но эта очевидность дѣла только раздражаетъ ихъ и побуждаетъ искать защиты себѣ, защиты въ клеветѣ и лжи. Положеніе жалкое!

По милости Божіей есть на землѣ благочестіе искреннее. По милости людей бываетъ въ людяхъ и благочестіе не искреннее.

Неискренній христіанинъ не совсѣмъ холоденъ ко Христу и христіанству, и однако не твердъ въ выполненіи правилъ христіанства. Онъ дѣлаетъ много добраго, но очень часто дѣлаетъ и худое. Онъ хромаетъ на оба колѣна, служитъ то Богу, то Ваалу. Онъ не хочетъ имѣть непріятелемъ ни Христа, ни міра, ни Бога, ни веліара. Гдѣ онъ не надѣется подвергнуться осмѣянію за Христа гдѣ не думаетъ онъ потерпѣть вредъ для чести, для значенія въ свѣтѣ, для выгодъ, тамъ онъ поступаетъ какъ христіанинъ. Но онъ боится и коснуться креста Христова, хотя въ крестѣ спасеніе его. Онъ отдаетъ сердце свое Господу Іисусу только въ половину, и потому очень часто не отказываетъ себѣ въ томъ, что льститъ страстямъ, что оскорбляетъ чистую совѣсть. Отстать отъ склонностей преступныхъ, разорвать связи привычныя, пожертвовать привязанностію сердца — невыносимая тяжесть для него. Онъ подобенъ человѣку, который, отплывая въ море, хочетъ одною ногою остаться на сушѣ. Стремится онъ мыслями къ небу, но держится и міра. Жизнь его — колебаніе между добродѣтелію и порокомъ, между небомъ и адомъ. Когда говорятъ ему о превосходствѣ добродѣтели, о блаженствѣ праведныхъ, о мукѣ грѣшниковъ: душа его исполняется то радости, то скорби, даже слезы льются изъ глазъ его. Но все это до тѣхъ поръ, пока нѣтъ скорби, или гоненія за слово (Мар. 4, 17), пока нѣтъ въ виду насмѣшки со стороны міра. Иначе, онъ непрочь и отъ того, чтобы посмѣяться надъ вѣрою и благочестіемъ въ обществѣ людей веселыхъ.

Когда служитель Божій видитъ въ странѣ множество храмовъ Божіихъ, когда въ его глазахъ толпы народа текутъ въ домы Божіи для вознесенія благодареній и молитвъ Вышнему: онъ радуется и славитъ Господа за посѣщеніе людей благодатію небесною. Но какъ удержаться ему отъ скорби, когда толпы болѣе многолюдныя спѣшатъ на зрѣлища, чтобы терять тамъ стыдъ и собирать пустоту? Какъ удержаться отъ скорби, когда далеко охотнѣе, далеко усерднѣе, чѣмъ въ храмъ христіанскій, спѣшатъ христіане туда, гдѣ, какъ сами же говорятъ, могутъ *развлечься*, *разсѣяться*. Такіе поступки не улика ли лицемѣрію нашихъ христіянъ? Вотъ и въ храмѣ Божіемъ всѣ ли стоятъ какъ надобно стоять въ храмѣ Всевышняго? Многіе ли поражены тою мыслію, что стоятъ они предъ Грознымъ на нечестія сердца нашего? Что, если съ тѣми же нечистыми соблазнами, съ тѣми же преступными желаніями, съ тѣми же чувствами грѣшными, которыя вынесли изъ міра, остаются и здѣсь, гдѣ лики Авгеловъ въ трепетѣ предстоятъ престолу Вседержителя? Если бы сказали мы, что многіе изъ нынѣшнихъ христіанъ не считаютъ нужнымъ для себя храма Божія,—это сочли бы за неправду, за оскор-

бленіе. И однако не тѣже ли многіе говорятъ въ отвѣтъ испрашивающимъ вспомоществованія храму: Богъ дастъ? Не правда ли, какая тщетная вѣра этихъ многихъ? Что сами они хотятъ одѣваться не по требованію нужды и приличія, а какъ велитъ мода, какъ велитъ суетность разорительная, роскошь безразсудная,—это ни по чемъ для нихъ. Таково христіанство ихъ: Таково благочестіе ихъ! Сами судите, не черное ли это лицемѣріе? Не насмѣшка ли надъ христіанствомъ?

Близки ли эти люди къ царствію Божію, къ спасенію души? По ихъ суду, не совсѣмъ далеки, потому что грубыхъ пороковъ они стыдятся. Но несчастіе ихъ въ томъ и состоитъ, что не думаютъ они о своей близости къ погибели. Довольные тѣмъ, что не живутъ такъ, какъ, по ихъ суду, живутъ многіе другіе, они почиваютъ на надеждахъ самолюбія и чѣмъ долѣе живутъ, тѣмъ менѣе чувствуютъ несоотвѣтствіе самой большей части дѣлъ своихъ съ истинною любовію, тѣмъ болѣе собираютъ на душу грѣховъ, въ которыхъ никогда не каятся. Они не помышляютъ, что, какъ бы порядочна ни была жизнь ихъ, все же нельзя совмѣстить служенія Христу съ служеніемъ вѣлiару, любви къ Богу съ любовію къ міру. *Любы міра сего вражда Богу есть. Иже бо восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (Іак. 4, 4). Самолюбіе останавливаетъ взоръ ихъ на призракахъ добра, по временамъ являющихся въ душѣ ихъ, и заботливо удаляетъ отъ взора ихъ мрачную картину грѣховъ, ошибокъ, преступленій и сердечнаго нечестія ихъ. Впередъ простираться на пути спасенія они и не думаютъ. А между тѣмъ на пути къ небу каждая остановка—шагъ назадъ, каждое замедленіе—потеря многаго. »Забывая заднее и простираясь впередъ стремлюсь къ цѣли« (Фил. 3, 13), говоритъ о себѣ искренній христіанинъ, и не можетъ сказать неискренній, который день отъ дня удаляется отъ цѣли остановками, недѣятельностію, и день отъ дня ближе становится къ смерти, къ роковой развязкѣ всего. Безъ любви къ Богу что значатъ самыя добрыя по предмету дѣла? *Горе вамъ лицемѣри, яко подобитеся гробомъ повапленымъ, иже вонъ уду являются красны, внутрь уду же полны суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты* (Матѳ. 23, 27).

Что сказать о судьбѣ за гробомъ? Страшно заглянуть туда. Спаситель говоритъ: *иже постыдится Мене въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца своего, со Ангелы своими* (Матѳ. 8, 38). Вотъ рѣшеніе Спасителя о будущей судьбѣ христіанъ лицемѣрныхъ. Справедливость суда очевидна. Христіане стыдятся Христа Господа своего, единственнаго Спасителя ихъ и Бога. Не справедливо ли, чтобы Онъ за стыдъ сочелъ признать ихъ своими? Христіане отказываются быть искренними христіанами изъ уваженія къ чьему суду? Къ суду міра грѣшнаго, нечистаго, бездушнаго, котораго судъ такъ же пустъ и ничтоженъ, какъ пустъ и ничтоженъ самъ міръ. Какъ же великому и правосудному Богу не отвертнуть отъ себя съ негодованіемъ такихъ низкихъ людей? Христосъ Господь любитъ насъ, любитъ не для вида, не тепло, а горячо, не въ половину, а всею полнотою любви.

Чего не сдѣлалъ Онъ для насъ? Какихъ опытовъ любви не показалъ намъ? Не по праву ли ожидаетъ Онъ и отъ насъ полной любви? Не въ правѣ ли Онъ негодовать на лицемѣрную любовь нашу? О, какихъ мукъ не стоимъ мы за черную неблагодарность нашу! Грозна участь лицемѣровъ! Къ кому прибѣгнутъ, гдѣ найдутъ защиту тѣ, которыхъ отвергаетъ отъ себя Христосъ Богъ?

Слушатели мои! опомнимся, придемъ въ себя: кто мы? каковы мы? куда готовимся? Что ожидаетъ насъ? Не на краю ли пропасти играемъ мы, какъ дѣти, съ завязанными глазами? О всеблагій Іисусе! пощади и спаси насъ. Аминь.

СЛОВО

ПО ПРИЧАЩЕНІИ СВЯТЫХЪ ТАИНЪ (*).

Се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ мой и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною (Апок. 3, 20). Исполнилось нынѣ съ нами, возлюбленные, сіе слово Господне. Въ продолженіе минувшей седмицы, Господь стоялъ у дверей сердца вашего и толкалъ въ нихъ благодатію своею въ тѣхъ, исполненныхъ умиленія, чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ, которыя оглашали слухъ вашъ въ сію седмицу на ежедневныхъ службахъ церковныхъ. И вы услышали гласъ Его, и отверзли Ему двери усерднымъ хожденіемъ и внимательнымъ предстояніемъ въ храмѣ, отверзли молитвою церковною и домашнею, — отверзли сознаніемъ и живымъ представленіемъ грѣховъ своихъ и сокрушеніемъ о нихъ сердечнымъ; отверзли, наконецъ, покаяніемъ и исповѣдію во грѣхахъ предъ отцемъ духовнымъ, разрѣшеніемъ и очищеніемъ ихъ благодатію Духа Святаго. И вотъ Онъ вошелъ къ вамъ, и вечерялъ съ вами и вы съ Нимъ — въ пречистыхъ Тайнахъ своихъ, коихъ вы нынѣ причастились, въ святѣйшей плоти своей и божественной крови, коихъ вы нынѣ вкусили.

Привѣтствуя васъ съ сею неизреченною благодатію и милостію Господа, съ симъ безцѣннѣйшимъ даромъ любви Его, и сорадуясь отъ души вашей духовной радости, чего могу пожелать вамъ теперь? Желаю вамъ, возлюбленные, да совершится послѣ сего и съ вами то, что испытали нѣкогда два ученика Господа нашего, шедшіе, по воскресеніи Его, въ Эммаусъ, и тамъ удостоившіеся, невѣдомо для нихъ, возлежать съ Нимъ на вечери: когда Господь, *пріемъ хлѣбъ, благослови, и преломивъ даяше имъ, онѣмъ отверзостѣся очи и они познаша Его въ преломленіи хлѣба* (Лук. 24, 30. 31). Вотъ, возлюбленные, одинъ изъ самыхъ вожделѣннѣйшихъ плодовъ святѣйшаго таинства Евхаристіи! Оно дано намъ какъ самое вѣрнѣйшее и совершеннѣйшее средство къ познанію Господа нашего Іисуса Христа. Ибо можно Его познавать и другими средствами: наукою и размышленіемъ о жизни, ученіи и дѣлахъ Его, какъ, напримѣръ, и познаете вы, изучая уроки богословія; въ особенности — чтеніемъ святаго Евангелія, въ которомъ Іисусъ Христосъ сокрытъ, по слову одного святаго Отца, и открывается, по мѣрѣ усерднаго чтенія и усвоенія глаголовъ Его. Но это все не то. Можетъ притомъ и сердце горѣть нѣкіимъ особеннымъ чувствомъ близости къ намъ Господа, какъ горѣло оно у учениковъ Эммаускихъ, *егда глаголаше съ ними на пути*; но очи душевныя все еще будутъ при этомъ держаться и не будетъ доставать намъ совершеннаго познанія Его. Только въ святѣйшемъ таинствѣ причащенія истиннымъ причастникамъ онаго даруется не отвлеченное, научное, но

(*) Сказанное Преосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Епископомъ Чигиринскимъ, студентамъ Кіевской Академіи 8 Февраля, 1858 года.

живое, опытное, непосредственное, всецѣлое и всесовершенное познаніе Господа нашего, чрезъ прикосновеніе къ Нему самыми нашими чувствами, чрезъ вкушеніе самыми нашими устами Его святѣйшей плоти и Его пребожественной крови, — познаніе Его — и какъ воистинну единороднаго и единосущнаго Сына Божія, и какъ воплотившагося насъ ради, и принявшаго плоть и кровь нашу, и какъ пострадавшаго за насъ, пролившаго кровь свою и умершаго для спасенія нашего, и какъ воскресшаго изъ мертвыхъ и совершившаго все, что только подобало и было необходимо къ нашему искупленію и дарованію намъ живота вѣчнаго. О, поистинѣ здѣсь вся полнота и глубина богословія открывается намъ! И какъ дивна и неизреченна благость и премудрость Божія, измыслившая для насъ, для нашего спасенія, сіе страшное и пребожественное таинство! Да дастъ же — повторяю — Господь, удостоившій васъ нынѣ сего таинства, самымъ дѣломъ вкусить вамъ этотъ вожделѣннѣйшій плодъ его,—да познаете Господа въ преломленіи хлѣба, какъ познали Его Эммаускіе ученики. И какъ благотворно и спасительно будетъ для васъ сіе познаніе! Какъ легко будетъ съ Нимъ усвоить вамъ и наши уроки богословія, и потомъ, по долгу званія, къ которому вы готовились, самимъ вамъ возвѣщать людямъ познаніе Христа распята!

Послѣ сего можно еще и себѣ и вамъ, возлюбленные, пожелать развѣ вотъ чего: да дастъ намъ всѣмъ Господь милосердый тамъ — въ жизни вѣчной — *ясти отъ манны сокровенныя, и отъ древа животнаго, еже есть посредь рая Божія* (Апок. 2, 7. 17). А какъ это дается, по откровенію тайновидца, только *побѣждающимъ*: то да дастъ намъ прежде того побѣдить всѣ искушенія плоти, міра и діавола, коими полна жизнь человѣческая, и съ торжествомъ побѣдителей достигнуть предѣла сея временныя жизни и вступить въ вѣчную. Аминь.

СВЯТЫЙ ГРИГОРІЙ ПАЛАМА И ВАРЛААМИТЫ (*).

Въ началѣ 14 вѣка церковь константинопольская, неожиданно, возмущена была страннымъ лжеученіемъ нѣкоего Варлаама. Неизвѣстно, какія цѣли имѣлъ въ виду этотъ калабрійскій выходецъ, пуская въ ходъ свое лжеученіе. Хотѣлъ ли онъ, какъ думаютъ нѣкоторые, подорвать довѣріе къ аѳонскому иночеству, послужившему оплотомъ православія въ недавней борьбѣ его (**) съ приверженцами латинскаго соединенія, и чрезъ то вновь оживить сторону сихъ послѣднихъ, или, его лжеученіе было не болѣе, какъ плодъ легкомыслія и невѣдѣнія, защищаемаго только съ упорствомъ изъ гордости, — во всякомъ случаѣ, ересь Варлаама произвела значительное волненіе въ восточной Церкви и къ бѣдствіямъ ея въ то время, прибавила еще одну скорбь.

Варлаамъ, по отзыву современниковъ, ученый и краснорѣчивый монахъ чина св. Василія въ Калабріи, прибылъ на востокъ въ 1328 году. Въ Солуни, онъ торжественно отрекся отъ заблужденій латинства, принялъ во-

---

(*) Память св. Григорія Паламы и его подвиговъ въ защиту православія, Церковь установила совершать во 2-ю недѣлю св. четыредесятницы.

(**) Въ царствованіе Михаила Палеолога, принявшаго унію и поддерживавшаго ее.

сточное православіе, и въ доказательство истинности обращенія своего написалъ нѣсколько трактатовъ противъ заблужденій западной Церкви. Эти сочиненія обратили на него благосклонное вниманіе греческаго императора Андроника младшаго, и особенно родственника его и перваго вельможи византійскаго двора Іоанна Кантакузена. Многіе изъ греческихъ святителей удостоили его своей дружбы, такъ что Варлаамъ вскорѣ пріобрѣлъ значеніе въ константинопольскомъ клирѣ и поставленъ былъ настоятелемъ знаменитой обители Пантократора (Вседержителя) въ столицѣ. Отселѣ онъ отправился на Аѳонъ, прикрываясь желаніемъ точнѣе узнать свойства подвижнической жизни, но въ самомъ дѣлѣ имѣя въ виду подмѣтить въ жизни тамошнихъ иноковъ что либо такое, что могло бы послужить поводомъ къ нападкамъ на нихъ. Вкравшись въ довѣренность къ одному простому и неученому старцу, по имени Симеону, и притворившись предъ нимъ невѣжей въ подвижнической жизни, онъ просилъ старца открыть ему способъ къ постепенному возвышенію въ тайнахъ созерцательной жизни. Старецъ, не подозрѣвая коварства Варлаамова, передалъ ему, по своему, замѣтки о плодахъ умнаго дѣланія и сообщилъ внѣшніе пріемы созерцательной жизни подвижниковъ аѳонскихъ (*). Говорятъ, что этотъ старецъ, между прочимъ, передалъ Варлааму одинъ изъ способовъ къ духовному восторгу, посредствомъ котораго можно созерцать свѣтъ божественный чувственнымъ взоромъ.

Пробывши послѣ сего немного на Аѳонѣ, Варлаамъ возвратился въ Солунь и началъ устно и письменно разсѣевать клеветы вообще на иноковъ аѳонскихъ, называя ихъ прельстившимися, лжецами, обманщиками, извратителями истинныхъ догматовъ Церкви, еретиками, Мессаліанами (*), открыто утверждая, что всякъ долженъ убѣгать какъ заразы ихъ суевѣрной жизни.

Но защитникомъ навѣтуемыхъ является въ это время Григорій Палама, аѳонскій инокъ, выступившій на борьбу съ Варлаамомъ по просьбѣ и отъ лица всего иночества аѳонскаго. Онъ происходилъ отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей; лишившись въ дѣтствѣ отца (занимавшаго высокую должность при дворѣ Андроника старшаго) онъ однако, заботливостію матери и благосклонностію императора, воспитанъ былъ очень тщательно при дворѣ императорскомъ, изучилъ весь тогдашній курсъ наукъ свѣтскихъ и былъ наставленъ въ богословіи богомудрымъ епископомъ Филадельфійскимъ Ѳеолиптомъ, который на Аѳонѣ пріобрѣлъ опытность въ жизни подвижнической. Блистательная участь ожидала образованнаго Паламу, много славы, много почета предстояло для него въ службѣ гражданской. Но, по словамъ церковной пѣсни, онъ еще »отъ младенства возжелалъ лучшее житіе«, еще въ юношескихъ лѣтахъ пробудилась въ душѣ его наклонность къ жизни иноческой, жизни для одного Бога. И точно, на 20 году жизни, Палама оставилъ дворъ и огромное наслѣдство, и съ двумя меньшими братьями удалился на Аѳонъ. Здѣсь всѣ три брата поселились въ тѣсной кельѣ одного изъ тамошнихъ монастырей, и избравъ себѣ руководителемъ въ жизни духовной старца, по имени Никодима, всецѣло подчинили себя его водительству. Среди подвиговъ для спасенія, одинъ изъ братьевъ Паламы умеръ, вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и наставникъ ихъ, старецъ Нико-

(*) Corp. His. Byzant. Cantacuz. lib. II. c. 39.

(*) Мессаліане, или Евхиты—еретики 4 вѣка, думали посредствомъ одного созерцанія сподобиться вселенія Духа Святаго. Они удалялись какъ зла всякой работы, и предаваясь сну, грезы сновидѣній называли откровеніями свыше. Церк. Ист. Ѳеодорита кн. IV. гл. XI.

димъ. Тогда Григорій и братъ его избрали себѣ другаго руководителя, старца Никифора, съ которымъ прожили 8 лѣтъ. Этотъ старецъ, строгій безмолвникъ, упражнявшійся, по преимуществу, въ подвигахъ самонаблюденія и умной молитвы былъ опытнымъ« тайноводителемъ высокаго ученія любомудрія подвижническаго« для Григорія Паламы и брата его (*). По смерти Никифора, Палама рѣшился уже безъ посторонняго руководства восходить по лѣствицѣ иноческихъ добродѣтелей и удалился въ уединенную пещеру близъ скита Верри. Здѣсь, бесѣдуя только съ Богомъ, онъ провелъ 10 лѣтъ въ подвигахъ строгаго евангельскаго самоотверженія. Однако, труды подвижническіе истощили тѣлесное здоровье св. Григорія, и онъ, по убѣжденію отцевъ, оставилъ строгое безмолвіе. Скоро, послѣ сего, онъ рукоположенъ былъ въ іеромонаха, и потомъ избранъ въ игумена есфигменскаго монастыря на Аѳонѣ. Въ сіе то время, по убѣженію аѳонцевъ, Палама вышелъ на борьбу съ Варлаамомъ.

Прежде всего, онъ отъ лица всей братіи аѳонской написалъ къ Варлааму, чтобы онъ, »воспользовавшись невѣжественной простотой старца, не осуждалъ и не поносилъ святогорцевъ, и клеветами своими не отвлекалъ людей отъ совершеннѣйшаго образа жизни: ибо неприлично и несогласно съ благоразуміемъ, говорилъ Палама, чтобы желающій изучиться геометріи или астрономіи обращался за этимъ къ человѣку совсѣмъ неученому, и чтобъ въ истинной философіи и познаніи предметовъ небесныхъ имѣлъ учителемъ человѣка невѣжественнаго и непосвященнаго въ таинства науки« (**). Аѳониты думали, что скромное посланіе Паламы обуздаетъ наглость языка Варлаамова, но случилось иное. Варлаама не только необразумило письмо Паламы, но еще послужило поводомъ къ большей дерзости съ его стороны. Читая посланіе св. Григорія, что свѣтъ ѳаворскій несотворенъ, онъ восклицаетъ: »о нелѣпость!—Слыши небо и внимай земля: свѣтъ ѳаворскій не созданъ! Что же онъ иное послѣ этого, какъ не самъ Богъ? Ибо нѣтъ ничего несотвореннаго, кромѣ Бога. Если же оный свѣтъ не есть нѣчто сотворенное, не есть и сущность Божія, ибо *Бога никтоже видѣ нигдѣже:* то слѣдуетъ, что вы (т. е. Аѳониты) служите двумъ богамъ, одному—Зиждителю всяческихъ. котораго всѣ исповѣдуемъ недоступнымъ тѣлесному зрѣнію, а другому, по ученію вашему, доступному для чувственнаго видѣнія, несозданному свѣту; а я никогда не признаю несотвореннымъ того, что отдѣльно и отлично отъ божественной сущности« (*). Отселѣ, еще болѣе началъ Варлаамъ устно и письменно порицать св. Григорія и всю братію аѳонскую, особенно осуждая ихъ въ двоеніи божества (въ двубожіи). Тогда со всѣхъ сторонъ открылись сильные и продолжительные споры устные и письменные. Наконецъ, Варлаамъ, увѣренный въ твердости своихъ убѣжденій, донесъ императору, какъ о важномъ заблужденіи, о томъ, что аѳонскіе иноки вѣрятъ

(*) Одно аскетическое твореніе сего Никифора помѣщено въ Добротолюбіи ч. 2. л. 25—30.

(**) Какъ странно, послѣ сего, читать въ русскомъ сочиненіи, будто Палама былъ поборникомъ *гезихастовъ* (спокойные, или созерцатели) то есть, сословія монашествующихъ мистиковъ, жившихъ будтобы на Аѳонѣ въ 14 вѣкѣ и думавшихъ видѣть чувственными очами райскій свѣтъ посредствомъ внѣшнихъ пріемовъ, между тѣмъ, какъ Палама (писавшій и говорившій отъ лица всего Аѳона) прямо сравниваетъ съ невѣждой сообщившаго объ этомъ Варлааму и явно высказываетъ мысль, что отъ одного невѣжественнаго старца не должно дѣлать заключенія ко всѣмъ насельникамъ Аѳона! См. Энцикл. Лекс. Т. 13 и 15 статьи: *Григорій Палама* и *гезихасты* Очевидно, что все это списано съ западныхъ сочиненій, безъ разслѣдованія и критики.

(*) Cantacuz. lib. II. c. 39.

созерцанію свѣта Божія и приготовляются къ тому, хотя молитвою, но съ внѣшними пріемами, и доказывалъ, съ своей стороны, что свѣтъ, видѣнный апостолами на Ѳаворѣ, есть твореніе, что не сотворенъ одинъ Богъ, и что никакой молитвой нельзя достигнуть осіянія небеснымъ свѣтомъ. По прибытіи въ Константинополь, онъ лично представилъ патріарху Іоанну Калекѣ нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій противъ подвижниковъ аѳонскихъ, и расположивъ въ свою пользу императора и патріарха, предложилъ имъ созвать соборъ противъ монаховъ аѳонскихъ, съ цѣлію уличить ихъ торжественно въ неправомысліи.

Въ іюнѣ 1341 года соборъ дѣйствительно открытъ былъ въ софійскомъ храмѣ, въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ патріарха Іоанна, въ присутствіи Іерусалимскаго патріарха Лазаря, многихъ епископовъ, самаго императора, вельможъ и сенаторовъ. На соборъ предварительно вызваны были Палама и аѳонскіе сподвижники его. Съ ними аѳонитяне отправили для прочтенія на соборѣ составленное ими защитительное посланіе, которое содержало ихъ ученіе въ краткихъ общихъ положеніяхъ, вмѣстѣ съ указаніями, что оно совершено согласно съ ученіемъ Отцевъ Церкви. Въ засѣданіи собора предоставлено было говорить прежде Варлааму, такъ какъ онъ вызвалъ на судъ Паламу и другихъ иноковъ, уличая ихъ въ заблужденіи. Онъ истощилъ все свое искуство въ діалектикѣ, чтобы явиться побѣдителемъ предъ многочисленнымъ собраніемъ. Выслушавъ его, соборъ предложилъ защищаться обвиняемымъ. Тогда Палама отъ лица всего аѳонскаго иночества торжественно опровергъ всѣ мудрованія калабрійца и оправдалъ чистоту аѳонскаго подвижничества. Онъ, какъ расказываетъ объ этомъ благонамѣренный очевидецъ (*) »такъ просто, ясно, твердо и убѣдительно доказывалъ правоту своего ученія и притомъ не силлогизмами и не логическими тонкостями, а изреченіями святыхъ и опытныхъ въ богословіи мужей,— которыя внушилъ имъ Духъ Святый, *иже вся испытуетъ, и глубины Божія*,— что совершенно побѣдилъ противника, не смотря на покровительство его императоромъ. Григорій предъ цѣлымъ соборомъ изъяснилъ, что свѣтъ, который осіялъ учениковъ Христовыхъ на Ѳаворѣ, есть слава Божія, неимѣющая начала, и величіе Божіе,— есть свѣтъ Божества естественный и вѣчный, и на основаніи изреченій богослововъ умозаключилъ, что естественное и вѣчное въ Богѣ несозданно, равно безначальны слава и царство Его. Послѣ этого, онъ прочиталъ предъ соборомъ посланіе аѳонскихъ иноковъ, въ которомъ обличалось превратное ученіе Варлаама. Послѣ сего убѣдились, что ученіе Паламы и его сподвижниковъ во всемъ право, и оно признано такимъ отъ цѣлаго собора. Тогда и Варлаамъ, наиболѣе по убѣжденію присутствовавшаго на соборѣ великаго доместика Іоанна Кантакузина (самаго разсказчика) отрекся отъ своихъ мыслей, хотя и сдѣлалъ это наружно, только изъ страха наказанія.«

Варлаамъ, вскорѣ послѣ собора, ушелъ въ Калабрію, но дѣло съ варлаамитами не кончилось. Они, въ челѣ коихъ стоялъ упорный монахъ Григорій Акиндинъ, уроженецъ мизійскій и ученикъ Варлаамовъ, снова подняли смуты въ Церкви, возобновили и умножили клеветы на подвижниковъ аѳонскихъ, называя ихъ еретиками, Мессаліанами, Евхитами, Гезихастами. Такія волненія побудили патріарха созвать опять соборъ въ августѣ тогоже года и въ томъ же храмѣ. На немъ Варлаамъ и Акиндинъ провозглашены еретиками и отлучены отъ общенія съ православными, и сверхъ того опредѣлена угроза всякому, кто будетъ

(*) Cantacuz. lib. II. c. 40.

держаться соборно осужденнаго лжеученія и восставать на Паламу, (который на этомъ соборѣ также посрамилъ Акиндина. какъ на прежнемъ Варлаама) и его единомысленниковъ. Тогда же обнародованъ былъ свитокъ соборныхъ опредѣленій съ подписями патріарха Іоанна, шести митрополитовъ и многихъ епископовъ. По видимому, православіе навсегда восторжествовало: однако скоро, болѣе по стеченію случайныхъ стороннихъ обстоятельствъ, дѣло варлаамитовъ приняло оборотъ неблагопріятный для православныхъ.

Императоръ Андроникъ младшій умеръ чрезъ три дня послѣ перваго собора (15 Іюня 1341 г.). Тогда вѣрнѣйшій другъ покойнаго государя, великій доместикъ Іоаннъ Кантакузенъ, объявленъ былъ опекуномъ малолѣтняго наслѣдника престола Іоанна Палеолога, и вмѣстѣ правителемъ государства. Кантакузенъ имѣлъ и прежде враговъ, завидовавшихъ его силѣ и значенію при дворѣ: ихъ ненависть превратилась теперь въ открытую вражду съ нимъ, когда противъ него объявила себя и императрица — мать наслѣдника, оскорбленная лишеніемъ опеки; противъ него возсталъ и патріархъ Іоаннъ Калека, также по честолюбію домогавшійся чести быть опекуномъ царевича. Они возбудили противъ правителя множество другихъ недоброжелателей. Кантакузенъ видѣлъ себя со всѣхъ сторонъ въ опасности, и, спасая себя, въ октябрѣ тогожъ года принялъ титулъ императора; однако, не желая возставлять противъ себя фамилію Палеологовъ, объявилъ, что признаетъ и будетъ охранять права своего питомца. Не смотря на то, въ имперіи открылись междоусобія (*). Во все время ихъ, Акиндинъ съ своими сообщниками всегда держался стороны враговъ Кантакузена, слѣдственно, стороны и патріарха, который стоялъ въ челѣ недоброжелателей новаго императора. Ласкаясь къ патріарху, Акиндинъ съ подобострастіемъ выставлялъ ему на видъ приверженность къ Кантакузену такъ называемыхъ паламитовъ, т. е. самаго Паламы и его сподвижниковъ, и патріархъ, дѣйствительно, вошелъ въ дружественныя сношенія съ Акиндиномъ и сдѣлался врагомъ Паламы и его единомысленниковъ, которыхъ выставлялъ предъ императрицею, ея сыномъ и народомъ, какъ враговъ имперіи и угрожалъ имъ, особенно Паламѣ, отлученіемъ отъ Церкви. Когда онъ узналъ, что Палама (удалившійся послѣ втораго собора въ одну изъ обителей Геракліи) писалъ къ аѳонскимъ монахамъ и убѣждалъ ихъ держаться стороны Кантакузена, какъ поборника православія, и не довѣрять патріарху за его честолюбіе и связь съ Акиндиномъ, то Калека, по навѣтамъ послѣдняго, вызвалъ Паламу изъ Геракліи въ Константинополь, въ 1343 году, заключилъ въ темницу (*) подъ тѣмъ предлогомъ, будто св. Григорій распространяетъ ученіе о многобожіи и не прерываетъ вредныхъ для государства сношеній съ Кантакузеномъ, и чрезъ годъ созвалъ въ Константинополѣ соборъ, на которомъ отлучилъ Паламу отъ Церкви, какъ нераскаяннаго еретика. На этомъ соборѣ, между прочимъ, Калека призналъ правоту догматовъ римскихъ и главенство папы въ церкви (**). Съ соизволенія императрицы, патріархъ написалъ къ монахамъ аѳонскимъ посланіе, въ которомъ не только сообщилъ имъ рѣшеніе своего собора относительно Паламы, но и подробно распространялся о томъ, что сему послѣдне-

(*) Истор. Лоренц. ч. II. отд. 2. 397.

(*) Hist. Fleur. T. 23. 537, 538.

(**) Adnot. ad hist. Niceph. Gregor. vol. hist. II. 1281. 1289. Cantac. II. 602. 604.

му, подъ угрозою отсѣченія отъ Церкви, запрещено было писать и говорить о спорныхъ пунктахъ, дабы не произошло отъ того новаго и большаго замѣшательства въ Церкви, — что, между тѣмъ, онъ, вопреки этому запрещенію, продолжалъ свое дѣло, и призываемый на соборъ для оправданія, убѣжалъ въ Гераклію и тамъ препираемъ былъ письменно и устно отъ ревнителей истины; въ заключеніе посланія, патріархъ предлагаетъ аѳонцамъ убѣдить Паламу къ послушанію.

Между тѣмъ Кантакузенъ всячески старался примириться съ императрицей, но недоброжелатели его употребляли всѣ способы для воспрепятствованія сему, хотя уже и сама императрица желала этого. Осаждая городъ Перинѳеоріумъ, Кантакузенъ писалъ къ инокамъ св. горы, чтобы они приняли на себя трудъ прекратить пролитіе крови христіанской, чтобы ревнуя о христіанахъ, отправились въ Византію, и раскрыли предъ императрицей, какъ преступно и неугодно Господу все, что совершается теперь въ имперіи, чтобы, покрайней мѣрѣ, постарались убѣдить ее погасить пламя междуусобія, пожирающее имперію, которое зажгла не какая законная и благовидная причина, а чистый обманъ и лукавая зависть. Святогорцы, прочитавъ посланіе Кантакузена, рѣшились исполнить просьбу его; и для сего избраны были: протъ (первостоятель всей св. горы) Исаакій, игуменъ лавры св. Аѳанасія Макарій, настоятели нѣкоторыхъ другихъ монастырей и другія лица, мажду ними іеромонахъ Каллистъ (будущій патріархъ Константинопольскій). Избранные прибыли въ Византію и предъ лицемъ императрицы и патріарха, въ присутствіи многихъ враговъ Кантакузена, сказали умилительную рѣчь, которую заключили слѣдующими словами: »пріимите миръ и избавьте римлянъ отъ многихъ волненій и убійствъ; тогда и Богъ, Податель мира, прославится, и васъ — правителей восхвалятъ и возблагодарятъ не одни только граждане, но и мы — смиренные иноки, которые усугубимъ свои молитвы о васъ къ всемогущему и премилосердому Богу«. Императрица, тронутая сею рѣчью, тотчасъ изъявила согласіе на примиреніе, но патріархъ и единомышленники его начали въ тайнѣ изыскивать и употреблять средства къ отклоненію императрицы отъ примиренія съ Кантакузеномъ (*). Однако она, замѣтивъ коварство патріарха и его сообщниковъ, лишила ихъ своей довѣренности. Въ это время Палама, ревнуя о общемъ благѣ и спокойствіи Церкви, написалъ изъ заключенія своего письмо къ императрицѣ, въ которомъ, изложивъ православное ученіе и лжеученіе Варлаама и Акиндина о ѳаворскомъ свѣтѣ, примѣромъ благочестиваго супруга ея Андроника убѣждалъ ее явиться защитницею православія и его поборниковъ. Въ слѣдствіе этого письма, императрица перемѣнила мнѣніе о Паламѣ и заключила о несправедливости патріаршаго гнѣва на него. Она освободила его изъ заключенія и удостоила своего благорасположенія, наконецъ въ началѣ 1347 года послала его къ Кантакузену для мирныхъ переговоровъ, которые и кончились желаннымъ успѣхомъ.

Въ февралѣ тогожъ года императрица и Кантакузенъ созвали соборъ въ царскихъ палатахъ и предложили его разсужденію поведеніе патріарха. Разсмотрѣвъ его, соборъ присудилъ Калеку къ лишенію престола и сана, за то преимущественно, что онъ призналъ неправые западные догматы и главенство папы, что покровительствовалъ лжеученію варлаамитовъ, и, не смотря на опредѣленія двухъ соборовъ (при Андроникѣ), самовольно осудилъ Паламу и его ученіе, а съ Паламы соборъ

(*) Cantacuz. III. c. 33, 34.

снялъ анаѳему и провозгласилъ его глубокимъ и истинно православнымъ богословомъ (*). Тогда же на соборѣ приступили къ избранію новаго патріарха: голоса всѣхъ присутствовавшихъ были въ пользу св. Григорія Паламы, но онъ, по смиренію, отказался отъ этого сана; тогда единогласно избрали на каѳедру патріаршую монемвасійскаго епископа Исидора, сподвижника Паламы на Аѳонѣ, хотя и низведеннаго съ епископской каѳедры Калекой по проискамъ варлаамитовъ. Новый патріархъ убѣдилъ Паламу къ принятію епископскаго званія и возвелъ его въ санъ митрополита ѳессалоникійскаго; впрочемъ, недолго онъ пребывалъ на каѳедрѣ и чрезъ три года скончался. На его мѣсто императоръ назначилъ священно-инока аѳонскаго Каллиста, подвизавшагося тогда въ монастырѣ иверскомъ на св. горѣ, мужа мудраго и глубоко благочестиваго.

Такъ какъ послѣдователи Варлаама и Акиндина продолжали волновать умы въ Церкви и государствѣ, то, склоняясь на просьбу патріарха Калиста и епископовъ, императоръ далъ разрѣшеніе на открытіе собора для окончательнаго разсмотрѣнія дѣла варламитовъ и акиндіанъ. На семъ соборѣ (въ маѣ и іюнѣ 1351 года) защитниками мнѣній Варлаама и Акиндина были: два митрополита, ефесскій и ганскій, искавшіе, но не получившіе патріаршаго сана, епископъ тирскій и въ особенности Никифоръ Григорасъ, ученый вельможа и дѣписатель византійскій (**). Противники Паламы собственно не разсуждали на соборѣ о перекаемыхъ истинахъ православнаго ученія, а только поносили (особенно Григорасъ) Паламу и его сподвижниковъ и позволяли себѣ самыя дерзкія и грубыя злословія и клеветы на нихъ. Не смотря на то, противники православія были снова и уже окончательно опровергнуты и посрамлены св. Паламою. Посему, соборъ опредѣлилъ: »митрополитовъ ефескаго и ганскаго лишить сана, а Варлаама и Акиндина, хотя и умершихъ, отсѣчь отъ тѣла Церкви, какъ зараженныхъ неисцѣльною болѣзнью, со всѣми ихъ приверженцами. Впрочемъ, если кто изъ сихъ послѣднихъ обратится на путь истины и пріиметъ неповрежденное ученіе Церкви, того, по опредѣленію собора, можно опять принять въ общеніе съ Церковью и обходиться съ нимъ какъ съ законнымъ членомъ, безъ всякаго упрека за прошедшее; но кто будетъ коснѣть въ своемъ заблужденіи до послѣдняго издыханія, того должно наказывать тѣмъ же самымъ, чѣмъ наказаны Варлаамъ и Акиндинъ« (*). Послѣ сего, написанъ былъ свитокъ (*Τόμος*) соборныхъ опредѣленій, который императоръ, во время совершенія патріархомъ божественной литургіи въ софійскомъ храмѣ, вручилъ ему и епископамъ, во вратахъ царскихъ, для прочтенія народу въ церкви (**).

Для совершеннаго истребленія ереси Варлаамовой, императоръ и патріархъ запретили послѣдователямъ Варлаама и Акиндина говорить и писать что либо о спорномъ ученіи, дабы правовѣрные не совращались въ ихъ лжеученіе. Изъ нихъ, большая часть подчинилась такому запрещенію, но другіе продолжали упорно держаться своихъ мнѣній. Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежалъ Григорасъ, сдѣлавшійся главою недовольныхъ рѣшеніями послѣдняго собора. Въ письмахъ сво-

(*) Hist. de l'eglise. Recev. T. VI, 440.

(**) Cantacuz. l. IV. c. 23. Григорасъ на первомъ соборѣ противъ Варлаама былъ ревностнымъ поборникомъ ученія Паламы, но потомъ, по своимъ расчетамъ и изъ непріязни къ Кантакузену, перешелъ на сторону варлаамитовъ и сдѣлался самымъ усерднымъ поборникомъ ихъ. Онъ-то склонилъ къ покровительству варлаамитамъ самаго патріарха Калеку и многихъ другихъ. Vita Nicephi. Gregoræ, помѣщ. предъ его Hist. Byzant.

(*) Cantacuz. l. IV c. 33. (**) Тамже.

ихъ, отправленныхъ къ трапезунтскимъ друзьямъ своимъ, онъ утверждалъ, что Церковь византійская отступила отъ правыхъ догматовъ, и что отъ нея должно отдѣлиться, какъ отъ зараженной болѣзнью. Тоже писалъ онъ въ Кипръ и въ другія мѣста къ своимъ приверженцамъ, повсюду возбуждая ненависть къ Церкви и особенно понося самыми постыдными клеветами аѳонскихъ подвижниковъ. Такіе поступки Грегораса вынудили императора, по предложенію патріарха, подвергнуть его строгому заключенію въ монастырѣ, съ запрещеніемъ весть всякую переписку съ кѣмъ либо внѣ его (*).

Такимъ образомъ, мудростію Паламы и стараніями Кантакузена, волненія, произведенныя варлаамитами въ Церкви и причинившія много безпорядковъ въ самомъ государствѣ, мало по малу начали затихать. А самъ Кантакузенъ, послѣ тревожнаго царствованія, умиривъ Церковь, сложилъ съ себя правленіе (1355 г.), и исполняя давнее свое намѣреніе, сокрылъ себя отъ треволненій житейскихъ на Аѳонѣ, въ монастырѣ ватопедскомъ, гдѣ и окончилъ свою многомятежную жизнь подъ именемъ инока Іоасафата (*).

(*) Cantacuz. l. IV. c. 23. 24. Однако, Грегорасъ, злобствуя на императора и враждуя противъ Церкви, не переставалъ и въ заключеніи оскорблять того и другую своими сочиненіями. Между прочимъ, онъ написалъ опроверженіе опредѣленія (Τομος) послѣдняго собора, и кромѣ того исторію междоусобной войны Палеологовъ. Послѣднее сочиненіе, такъ сказать, пропитано непримиримою ненавистью къ Кантакузену. Сей послѣдній, находясь уже на Аѳонѣ, писалъ на него замѣчанія и опроверженіе.

(*) Письм. съ вост. ч. 1 стр. 196.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 28-го Февраля 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 52.

НЕДѢЛЯ 3-я ПОСТА.

15 Марта 1859 г.

Гласъ 3-й.

На утрени: евангеліе воскресное 11-е, Іоан. зач. 67. На Литургіи: апост. Евр. зач. 311 евангел. Марк. зач. 37.

СЛОВО

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА (*).

Свѣтлый нынѣ у васъ праздникъ, возлюбленные, радостное торжество! Се скинія Божія съ вами, се храмъ, усердіемъ благочестивыхъ владѣльцевъ мѣста сего (**) благолѣпно устроенный и благодатію Духа Святаго, чрезъ таинственное священнодѣйствіе, нынѣ освященный въ селеніе Господа силъ! Возрадуйтесь отъ всей души вы, благочестивые создатели храма сего, совершившіе столь благое, святое и богоугодное дѣло; возрадуйтесь отъ всего сердца вы, обитатели веси сея, получившія столь великій даръ, такую чрезвычайную благодать. Ибо храмъ Божій точно есть великій даръ, точно есть чрезвычайная благодать.

Храмъ Божій есть, во первыхъ, мѣсто селенія славы Божіей. Господь вездѣсущь и необъемлемъ никакимъ мѣстомъ; *небо и небо небесе не довлѣютъ Ему* (3 Цар. 8, 27), какъ учитъ слово Божіе, *небо престолъ Ему, земля же подножіе ногъ Его* (Пс. 66, 1); равно и слава Божія необъятна: ее повѣдаютъ и небеса и земля, и вся тварь видимая и невидимая. Но — мы слишкомъ малы и ничтожны, и не въ состояніи созерцать славы Божіей во всемъ ея необъятномъ величіи. А между тѣмъ мы созданы по образу Божію и носимъ на себѣ отблескъ славы Его; душа наша по естеству своему стремится къ Богу, какъ

(*) Произнесено А..... Е. Ч. въ селеніи Злодѣевкѣ, кіевской губерніи радомысльскаго уѣзда, 25-го Января 1859 г. въ недѣлю о Закхеѣ.

(**) Помѣщика И. А. и жены его В. И. Лукомскихъ. Церковь зданіемъ каменная, что составляетъ рѣдкость въ селахъ кіевской епархіи, а наипаче въ радомысльскомъ уѣздѣ. Съ постройкою церкви открытъ въ селеніи и новый приходъ.

своему первообразу, жаждетъ созерцанія и пріобщенія славы Его. И вотъ Господь Богъ, снисходя къ нашей малости, благоволилъ приближаться къ намъ со славою своею и вмѣщать ее въ рукотворенные храмы. Храмы наши христіанскіе — это небо на землѣ, и въ нихъ есть все, что на небѣ; въ нихъ воспѣвается слава Божія въ боголѣпныхъ службахъ и пѣснопѣніяхъ церковныхъ; въ нихъ Ангелы, Херувимы и Серафимы съ нами невидимо служатъ, какъ поетъ Церковь; въ нихъ лики святыхъ Божіихъ присутствуютъ, знаменіемъ чего и служатъ для насъ святыя иконы, ихъ изображающія и повсюду въ храмахъ поставляемыя; но наипаче — въ нихъ самый престолъ Господа славы: въ нихъ самъ Господь и Богъ нашъ, воплотившійся ради спасенія нашего, присутствуетъ не только невидимою благодатію своею, но осязательно — самымъ пречистымъ тѣломъ своимъ и самою божественною кровію своею, въ святѣйшемъ таинствѣ евхаристіи, въ божественной литургіи. О! Не великій ли это даръ, братіе мои, не чрезвычайная ли благодать?

Храмъ Божій есть, во вторыхъ, домъ молитвы. Вы знаете, братіе, что безъ Бога, безъ Божіей помощи и благословенія ничего добраго не бываетъ и нельзя сдѣлать. Землѣдѣлецъ воздѣлываетъ землю и сѣетъ сѣмена, художникъ строитъ домъ, ремесленникъ трудится надъ своимъ ремесломъ, другой кто другое что-либо дѣлаетъ, и всякій ждетъ успѣха и плода отъ трудовъ своихъ: но — недастъ Господь дождя, не будетъ плода отъ посѣва: не созиждетъ Господь дома, всуе трудиться будутъ зиждущіе, не пошлетъ Господь благословенія на всякое дѣло, не будетъ успѣха. Наипаче же духовныя блага, потребныя для жизни не временной, а вѣчной, не для тѣла, а для души безсмертной, безъ Божіей помощи, безъ благодати Господней не возможны, и мы безъ нее всѣ люди погибшіе душами нашими. Но помощь Божія, благодать Господня привлекается не иначе, какъ молитвою. Какъ дитя кричитъ и плачетъ и тѣмъ проситъ у матери пищи, такъ и мы должны во всемъ и всегда обращаться съ молитвою къ Господу Богу — Подателю всѣхъ благъ. Конечно, молиться должно и можно и дома и на всякомъ мѣстѣ: но молитва самая богоугодная и доступная къ Богу, есть молитва въ храмѣ Божіемъ, молитва совокупная, молитва удаленная отъ суеты и разсѣянности мірской, молитва предъ самымъ престоломъ Господнимъ, молитва, споспѣшествуемая ходатайствомъ за насъ цѣлаго сонма Ангеловъ, святыхъ Божіихъ, наипаче же самаго единороднаго Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа, Его пречистой крови, пролитой на крестѣ за спасеніе душъ нашихъ и всегда предлагаемой въ умилостивленіе за насъ на божественной литургіи, совершаемой во храмѣ. А такимъ образомъ храмъ, какъ домъ молитвы, есть точно для насъ великій даръ и чрезвычайная благодать.

Храмъ Божій есть, далѣе, училище вѣры и благочестія христіанскаго. Сами знаете вы, братіе, что ученіе есть свѣтъ, а неученіе — тма, Точно — неученіе тма и вообще въ отношеніи ко всему истинному, доброму и полезному, но наипаче она есть тма въ отношеніи къ христіанскимъ истинамъ, къ тому, во что нужно вѣровать христіанину, что должно дѣлать христіанину, и чего ему надѣяться; и кто не знаетъ этого, не умѣетъ прочесть символа вѣры — вѣрую во единаго Бога, не знаетъ десяти заповѣдей Господнихъ, молитвы Господней и прочаго подобнаго: тотъ какой христіанинъ? Тотъ во тмѣ ходитъ, и конечно не придетъ къ добру, не наслѣдуетъ спасенія души своей. Ибо *серд-*

цемъ вѣруется въ правду, говоритъ Апостолъ, *усты же исповѣдуется во спасеніе*, (Рим. 10, 10) т. е. это значитъ, что тотъ только спасется, кто и сердцемъ вѣруетъ, а слѣдовательно знаетъ во что и какъ надобно вѣровать, и умѣетъ устами своими исповѣдывать свою вѣру. Конечно, можно научаться истинамъ вѣры и благочестія Христіанскаго изъ книгъ, въ школѣ, и отъ всей души желаю, чтобы далъ Господь дѣтямъ вашимъ когда-нибудь учиться здѣсь грамотѣ въ школѣ и чрезъ то просвѣщаться свѣтомъ истиннаго вѣдѣнія: но чтоже дѣлать неграмотнымъ? Ужели имъ вѣчно во тмѣ ходить? Нѣтъ, братіе! Храмъ Божій есть школа и для неграмотныхъ, гдѣ они могутъ учиться всему христіанскому и не зная грамоты. Тутъ всегда слышится Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа, и посланія св. Апостоловъ. и писанія пророковъ, и псалтирь царя Давида, и творенія и пѣснопѣнія св. Отцевъ; тутъ всегда поется и символъ вѣры и молитва Господня и прочее, исполненное глубокой мудрости, и стоитъ только всему этому внимать тщательно; тутъ еще и служитель олтаря Господня священнымъ званіемъ своимъ пастырскимъ обязанъ проповѣдывать и учить своихъ пасомыхъ всему доброму и спасительному. Но сего мало—здѣсь въ св. храмѣ благодать Господня, учащая внутренно человѣка всему спасительному, учащая и вѣрѣ сердечной, и любви христіанской, и упованію спасительному,—благодать, безъ которой и самые грамотные и даже премудрые и ученые міра сего бываютъ совершенные невѣжды въ истинахъ вѣры Христовой, а съ которою и неграмотные умудряются во спасеніе вѣрою, яже о Христѣ Іисусѣ. Такъ, повторяю, храмъ Божій есть великій даръ, есть чрезвычайная благодать.

Наконецъ храмъ Божій есть сокровищница таинствъ церковныхъ, или тѣхъ спасительныхъ священнодѣйствій, коими совершается наше спасеніе, и безъ коихъ оно невозможно. Господь милосердый всѣмъ человѣкамъ хощетъ спастися. Не только даровалъ Онъ намъ сію временную жизнь, и все потребное для ней—свѣтъ, которымъ мы видимъ, воздухъ, которымъ дышемъ, произведенія земли, которыми питаемся и все прочее, но обѣтовалъ еще жизнь лучшую, за предѣлами сей жизни, за гробомъ, жизнь безсмертную, блаженную—въ царствіи небесномъ, въ общеніи съ Собою, въ единеніи съ Ангелами и всѣми святыми. Для того, чтобы сдѣлать насъ наслѣдниками сей вѣчной жизни, самъ единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ сошелъ съ небесъ, воплотился отъ Пречистой Дѣвы Богородицы, пострадалъ, умеръ на крестѣ, воскресъ и вознесся на небо. И вотъ, все потребное къ наслѣдію сей жизни подаетъ Онъ намъ въ св. храмахъ своихъ. Всѣ мы раждаемся во грѣхахъ, негодными къ жизни вѣчной и царствію небесному: но въ св. таинствѣ крещенія мы очищаемся отъ грѣха прирожденнаго и вчиняемся въ число спасаемыхъ; ибо сказано: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ* (Мар. 16, 16). Живя на землѣ, мы непрестанно грѣшимъ предъ Богомъ, нарушаемъ Его святыя заповѣди, прогнѣвляемъ Его. а чрезъ то лишаемся Его благодати, губимъ свои души, отчуждаемъ себя отъ царствія небеснаго, и вмѣсто того готовимъ себѣ адъ кромѣшній и муки вѣчныя: ибо *скорбь и тѣснота* сказано въ словѣ Божіемъ, *на всяку душу человѣка творящаго злое* (Рим. 2, 9); *мерзокъ предъ Господемъ всякъ законопреступный* (Прит. 3, 32),—говоритъ премудрый; *не мстите себе, братіе*, учитъ ап. Павелъ, *ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернители, ни лихоимцы, ни татіе*,

ни піяницы, ни досадители, ни хищницы, царствія Божія не наслѣдятъ (1 Кор. 6, 9. 10), а всѣмъ имъ *часть въ езерѣ горящемъ огнемъ и жупеломъ* (Апок. 21, 8). Но вотъ, храмъ Господень есть спасительная врачебница намъ отъ грѣховъ, чрезъ таинство покаянія. Господь милосердый и всегда призываетъ насъ туда каяться и исповѣдать предъ Нимъ грѣхи свои, но особенно установилъ для сего дни св. поста, въ которые всѣ истинные христіане непремѣнно обязуются какъ можно прилежнѣе посѣщать св. храмъ, говѣть, исповѣдаться и каяться въ грѣхахъ и чрезъ служителя олтаря получать разрѣшеніе отъ нихъ и возвращать утраченную благодать Божію и спасеніе души своей. А что сказать о святѣйшемъ, пребожественномъ таинствѣ причащенія, въ которомъ Господь Іисусъ Христосъ предлагаетъ намъ въ св. храмахъ своихъ, не какую-либо обыкновенную пищу и питіе, не манну съ неба, не воду изъ камня, какъ нѣкогда израильтянамъ въ пустыни, но самое пречистое тѣло свое, подъ видомъ хлѣба ломимое, и самую пресвятую кровь свою, подъ видомъ вина изливаемую? О! это есть неизреченно великій и ни съ чѣмъ несравненный даръ Его милосердія для спасенія нашего, и всѣ вы, братіе возлюбленные, приходите занимъ въ храмъ сей непремѣнно въ святые дни поста: ибо *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови Его*, говоритъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, *живота не имате въ себѣ*, а *ядый мою плоть, и піяй мою кровь, имать животъ вѣчный, и во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 53. 56). Въ храмѣ Божіемъ, еще источникъ и другихъ даровъ благодати Божіей, потребныхъ къ жизни и временной и вѣчной, въ немъ убѣжище отъ бѣдъ и скорбей житейскихъ, въ немъ отрада и утѣшеніе во всѣхъ обстояніяхъ и печаляхъ нашихъ; въ немъ помощь во всѣхъ дѣлахъ и трудахъ нашихъ; въ немъ для христіанина и послѣднее прибѣжище по смерти, гдѣ онъ получаетъ молитвенное напутствіе изъ сей временной жизни въ вѣчную, и гдѣ молитвы и жертвы и за усопшихъ постоянно приносятся къ престолу Господню, къ отрадѣ душамъ ихъ за предѣлами гроба.

Такъ, возлюбленные, вы обрѣли истинное сокровище на селѣ своемъ въ семъ святомъ храмѣ, обрѣли сокровище царствія небеснаго. Дорожите же имъ паче всего. Любите благолѣпіе сего дома Божія и посѣщайте храмъ сей съ горячимъ усердіемъ всегда, когда будетъ совершаться въ немъ служба божественная, и изливайте здѣсь, предъ Господомъ, сердца ваши въ усердной молитвѣ. Очи Господни отверсты будутъ на храмъ сей день и ночь, и призритъ Господь на молитву вашу здѣсь и сотворитъ и помилуетъ васъ.

Днесь спасеніе дому сему бысть (Лук. 19, 9). Сіе слово, сказанное Господомъ Закхею, какъ слышали мы въ нынѣ чтенномъ Евангеліи, могу сказать нынѣ, именемъ Господнимъ, и вамъ, благочестивые храмоздатели, *Днесь спасеніе дому вашему бысть!* Вы, подобно Закхею, *пожелали видѣть Господа Іисуса* среди селенія своего, и — паче Закхея — прежде еще видѣнія, не пожалѣли имѣнія своего, дабы создать Господу храмъ сей. Наградилъ онъ Закхея, за благочестивое его желаніе тѣмъ, что вошелъ въ домъ его и принесъ спасеніе дому его. *Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ, и преподобенъ во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ* (Пс. 144, 13). *Сей покой мой, здѣ вселюся* (Пс. 131, 14), — говоритъ Онъ о всякомъ, посвящаемомъ Ему и освящаемомъ таинственно храмѣ. Обрѣлъ Онъ нынѣ покой и вселился и въ семъ, вами созданномъ, храмѣ, и конечно принесъ съ Собою благословеніе свое небесное и вамъ, и

дому вашему. *Днесь спасеніе дому вашему быть.* О, да созиждется, да упрочится, да сохранится навсегда Его благодатію благоденствіе дома вашего земное и временное, да устроится и спасеніе ваше небесное и вѣчное! Аминь.

О ВЗАИМНОМЪ ОТНОШЕНІИ ЛЮБВИ КЪ БОГУ И САМООТВЕРЖЕНІЯ ХРИСТІАНСКАГО.

1) Что такое, по ученію св. писанія, любовь къ Богу, понимаемая въ обширномъ смыслѣ? Исполненіе заповѣдей Божіихъ: *имѣяй заповѣди моя*, говоритъ Спаситель, *и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. 14, 21); *сія бо есть любы Божія*, учитъ возлюбленный ученикъ Христовъ, *да заповѣди его соблюдаемъ* (1 Іоан. 5, 3); *любовь есть исполненіе закона* (Римл. 13, 10), говоритъ апостолъ Павелъ. Поэтому, любить Бога, значитъ,—всѣ свои мысли, чувства, намѣренія и дѣла подчинить святѣйшей воли Творца: ибо безъ сего невозможна дѣятельность по закону Божію; и только тотъ любитъ Бога, для кого собственная воля какъ бы не существуетъ, кто отвергъ ее и во всемъ руководствуется волею того святѣйшаго и всеблагаго Существа, которое, устами вѣчной любви, говоритъ каждому: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всѣмъ умомъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію и всею крѣпостію твоею* (Матѳ. 22, 37. Мар. 12, 30). Подобное значеніе имѣетъ и самоотверженіе христіанское. Ибо что значитъ отвергнуться себя самаго? Значитъ перестать любить себя—и возлюбить Бога, перестать руководствоваться своимъ умомъ — и во всемъ руководиться свѣтомъ ума божественнаго, сіяющаго въ Откровеніи, отказаться отъ своей воли—и жить и дѣйствовать по воли Божіей,—короче—всецѣло *плѣнить себя въ послушаніе Христово* (2 Кор. 10, 5); и потому всѣ свои мысли, чувства, намѣренія и всю свою дѣятельность соображать съ волею Божіею. Слѣдственно, любовь къ Богу и самоотверженіе христіанское, понимаемыя въ обширномъ смыслѣ, имѣютъ одинаковое общее значеніе. Онѣ имѣютъ, также, одну и туже и главную цѣль—вознести христіанина на высочайшую степень нравственнаго совершенства, какая только возможна для человѣка на землѣ, и удостоить его единенія съ Богомъ. Это цѣль всѣхъ законовъ и правилъ христіанской нравственности, а въ составѣ ея самоотверженіе и любовь суть главныя начала; это цѣль, для которой человѣкъ созданъ Богомъ и возсозданъ Іисусомъ Христомъ, а христіанство ничего такъ часто и настойчиво не внушаетъ намъ, ничего не признаетъ столько необходимымъ для христіанина, въ дѣлѣ обращенія его къ Богу, какъ любовь къ Нему и самоотверженіе. Іисусъ Христосъ и апостолы, своимъ ученіемъ и жизнію, для того и проповѣдывали самоотверженіе, для того и внушали любовь къ Богу, чтобы въ нихъ преподать грѣшному роду человѣческому средства истреблять въ себѣ худыя наклонности и привычки, искоренять пристрастную привязанность къ себѣ и къ земнымъ предметамъ, погашать самолюбіе, отлагать ветхаго человѣка съ дѣяніями его (Еф. 4, 22) и облекаться въ новаго, созданнаго по Богу въ праведности и святости (ст. 24), и такимъ образомъ, дѣлаясь нравственно лучшимъ, мало помалу достигать той высоты нравственнаго совершенства, на которой находился человѣкъ въ первобытномъ состояніи, и того единенія съ Богомъ, въ которомъ онъ былъ нѣкогда.

Отче святый, ихже далъ еси Мнѣ, святи ихъ во истину твою; да будутъ и тіи едино въ Насъ, якоже Мы едино есмы (Іоан. 17, 11. 17. 21. 22). Освященія истиною, или достиженія высочайшей степени нравственнаго совершенства и единенія съ Богомъ,— вотъ чего просилъ Іисусъ Христосъ у Отца небеснаго для своихъ учениковъ, послѣ того какъ преподалъ имъ спасительную заповѣдь любви и самоотверженія, — послѣ того какъ они, можетъ быть уже неразъ, показали собою опыты сихъ высокихъ добродѣтелей. Это же самое должно быть послѣднею цѣлію самоотверженія и любви къ Богу и въ каждомъ человѣкѣ, иначе сіи добродѣтели не будутъ истинно христіанскими, и человѣкъ или будетъ самоотвергаться для корыстныхъ видовъ, или любить Бога лицемѣрно. Итакъ, самоотверженіе христіанское и любовь къ Богу имѣютъ одинаковое значеніе и одну и туже цѣль; поэтому, кто вступивъ на путь обращенія не имѣетъ одной которой либо изъ этихъ добродѣтелей, тотъ не имѣетъ ихъ обѣихъ; кто поставляетъ цѣлію любви къ Богу что либо земное, а не то, для чего заповѣдано самоотверженіе, — или самоотвергается не для нравственнаго усовершенствованія себя, тотъ, сколько бы ни самообольщался, не преуспѣетъ въ добрѣ, ибо всякая другая цѣль, кромѣ нравственной, чужда любви къ Богу и христіанскаго самоотверженія.

2) Въ дѣлѣ обращенія человѣка къ Богу первѣе любви требуется самоотверженіе. И естественно начинать спасеніе съ направленія своей нравственной природы противоположнаго тому, какое было причиною паденія. Ибо что, въ самомъ человѣкѣ, было причиною его паденія? что заставило его полюбить, вмѣсто Бога, то, что *добро въ снѣдь*, что *угодно очима видѣти и красно есть еже разумѣти* (Быт. 3, 6)? Между прочимъ—и самолюбіе, такъ удачно внушенное ему, отъ искусителя, мыслію—содѣлаться равнымъ Богу (Быт. 3, 5), и покорность не Божіей, но своей волѣ; естественно, значитъ, человѣку прежде всего перестать любить себя,—и потомъ всѣмъ сердцемъ возлюбить Бога;—прежде всего перестать дѣйствовать по своей воли, и тогда уже начать дѣйствовать по воли Божіей,—а въ этомъ и состоитъ самоотверженіе. Съ чего, наичаще, начинается паденіе и каждаго человѣка? Съ худыхъ мыслей и намѣреній, которыхъ мы, по привязанности и пристрастной любви къ себѣ, не хочемъ изгнать изъ сердца, но приводимъ въ исполненіе ко вреду своей нравственной природы; поэтому, при обращеніи къ Богу естественно и необходимо первѣе всего, а слѣдственно и прежде любви къ Нему, удалить пристрастіе къ себѣ, перестать любить себя и все свое, и изгнать изъ своего сердца все худое,—а это уже нѣкоторымъ образомъ и значитъ самоотвергнуться. Поступать такимъ образомъ тѣмъ необходимѣе, что безъ самоотверженія и не возможна никакая любовь къ Богу; въ этомъ удостовѣряетъ самое состояніе человѣка до его обращенія. Находясь въ состояніи грѣховномъ, онъ не свободенъ отъ нечистыхъ помысловъ, порочныхъ наклонностей и пагубныхъ для души намѣреній. Но какъ можетъ, въ одной и той же душѣ человѣка, совмѣститься съ ними это чистое, безкорыстное и животворное стремленіе ума и сердца къ Существу всеблагому, необходимо выражающееся въ дѣятельности,—стремленіе, которое мы называемъ любовію? *Кое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. 6, 14)? Любовь къ Богу,—и все злое, обитающее въ нашемъ умѣ и сердцѣ, не могутъ существовать вмѣстѣ, одно изъ нихъ непремѣнно должно быть изгнано, ибо они противоположны другъ другу, а въ природѣ и физической вещи взаимно

противоположныя не могутъ занимать одного мѣста въ одно и тоже время, тѣмъ болѣе это должно сказать о предметахъ природы нравственной, гдѣ зло такъ противоположно добру. Притомъ, не начавшій нравственнаго усовершенствованія своего питаетъ любовь къ самому себѣ, но любить себя и въ тоже время — Бога, не возможно тому, въ комъ нѣтъ самоотверженія, ибо любовь наша къ самимъ себѣ, въ грѣховномъ состояніи,—какъ она ни представляется ветхому человѣку безукоризненною,—есть любовь нечистая и преступная: мы нерѣдко, и сами незамѣчая того, любимъ свои недостатки, пороки, страсти, часто любимъ себя до забвенія своихъ обязанностей къ Богу и ближнимъ, любимъ себя на счетъ невыгодъ нашихъ собратій и т. под.; съ такою любовію нашею къ самимъ себѣ, какъ мы совмѣстимъ любовь къ Богу? Сердце человѣка не можетъ двоиться,—это не свойственно его природѣ; не можетъ, посему, и питать любви къ двумъ противоположнымъ предметамъ—къ Богу, Существу святѣйшему и къ своему грѣховному растлѣнному естеству, но непремѣнно одинъ возлюбитъ, а другой возненавидитъ (Матѳ. 6, 24). Тѣмъ невозможнѣе любовь къ Богу въ человѣкѣ грѣшномъ, что, до обращенія къ Богу и вступленія на путь истины, онъ во всемъ руководствуется закономъ своей воли, а не закономъ воли божественной. Но воля человѣка, послѣ паденія, разрознилась съ волею Божіею и дѣлается совершенно противоположною сей послѣдней у того, кто не плѣнилъ ее въ послушаніе Христово: она не того желаетъ, чего желаетъ воля Божія, не къ тому стремится, что имѣетъ въ виду воля Существа святѣйшаго; посему, кто руководствуется такою волею, тотъ, пока не отвергнется ея, не можетъ дѣйствовать по волѣ Божіей,—ибо нельзя руководиться двумя противоположными началами,—а слѣдственно не можетъ и любить Бога; ибо любовь къ Нему состоитъ собственно въ дѣятельности, сообразной съ Его волею. Такимъ образомъ человѣкъ не можетъ любить Бога до тѣхъ поръ, пока не изженетъ изъ своего ума и сердца худыхъ мыслей, пока не перестанетъ любить себя, пока не откажется отъ своей воли,—короче—пока не самоотвергнется. По этому самоотверженіе въ дѣлѣ обращенія человѣка къ Богу, должно предшествовать любви. Опытъ показываетъ, что оно дѣйствительно и предшествуетъ ей. Всѣ святые мужи, всѣ великіе праведники,—съ чего начинали дѣло своего спасенія? Съ лишеній, съ изнуренія плоти, съ разнаго рода крестовъ, съ совершеннаго самоотверженія; разительный примѣръ и доказательство сего представляетъ намъ обращеніе и дивное подвижничество Маріи египетской. Поэтому то Іисусъ Христосъ послѣдователямъ своимъ прежде всего и заповѣдуетъ самоотверженіе (Мар. 8, 34).

3) Самоотверженіе и любовь къ Богу находятся между собою въ тѣсной связи, такъ что самоотверженіе, въ комъ оно есть, не можетъ въ душѣ его не возродить любви, равнымъ образомъ и любовь не можетъ не выражаться самоотверженіемъ. Кто самоотвергается истинно, въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, тотъ во всѣхъ отношеніяхъ сообразжаетъ свою дѣятельность съ волею Божіею, того умъ всегда устремленъ къ Богу, того сердце и вся душа всецѣло заняты мыслію о Немъ, ибо ихъ ничто уже не привязываетъ къ земному; но дѣятельность сообразная съ волею Божіею и есть выраженіе любви къ Богу; а созерцать умственными очами Существо совершеннѣйшее, всегда носить въ душѣ мысль о Немъ, и не питать къ Нему любви—не возможно: свойство и всякаго добра таково, что оно располагаетъ и привязываетъ къ себѣ сердце, тѣмъ болѣе это должно ска-

зать о Богѣ, Существѣ святѣйшемъ, въ которомъ сосредоточивается вся необъятная полнота высочайшихъ совершенствъ. Любовь къ Богу неразлучна съ самоотверженіемъ; это видно изъ самаго свойства нравственной природы нашей. Что лежитъ въ основаніи ея? Что составляетъ ея сущность? Основаніе нашей нравственной природы, не обинуясь можно сказать, есть любовь, сущность ея состоитъ въ любви, ибо она по любви и любовію создана, нашъ духъ есть живой и точный отпечатокъ того высочайшаго и совершеннѣйшаго зиждительнаго Духа, который весь есть единая любовь (1 Іоан. 4, 8. 16); не имѣть, слѣдственно, къ чему нибудь любви не естественно природѣ нашей. Что же, кромѣ Бога, останется любить нашему сердцу послѣ того, какъ, по заповѣди Іисуса Христа (Лук. 14, 26. Матѳ. 16, 24. 10, 37. 38), мы, ради вѣчнаго спасенія, погасимъ въ нашемъ сердцѣ любовь къ самимъ себѣ, къ своей жизни (Лук. 14, 26) и ко всему чувственному и временному? Сердце человѣка самоотвергшагося, будучи свободно отъ привязанности къ земнымъ предметамъ, всецѣло устремится къ сродному себѣ источнику, началу своему,—къ вѣчной любви же, какъ тѣло ничѣмъ неудерживаемое на поверхности земной, силою тяготѣнія непремѣнно увлечется къ своему центру. Съ своей стороны и любовь къ Богу не можетъ не выражаться христіанскимъ самоотверженіемъ. Опытъ показываетъ, что кто любитъ Бога, тотъ желаетъ войти въ самое близкое общеніе съ Нимъ, въ самую тѣсную связь (Псал. 41, 2. 3. Фил. 1, 23. 2 Кор. 5, 8), тотъ печется о своемъ спасеніи, любитъ ближнихъ, жертвуетъ имъ своею собственностію, нерѣдко отказывая при этомъ самому себѣ во многомъ, а иногда и душу свою полагаетъ за други; все это, если только дѣлается по чистой, безкорыстной христіанской любви къ Богу, никакъ не можетъ быть безъ самоотверженія. И можно ли не самоотвергаться любящему Бога, когда сего требуетъ вожделѣнная для него воля Божія? И обыкновенная человѣческая любовь выражается исполненіемъ воли того, кого мы любимъ,—это составляетъ необходимую потребность и удовольствіе сердца любящаго; тѣмъ болѣе, это должно быть въ отношеніи къ Богу: ибо любовь къ Нему, по ученію Писанія, обнимаетъ все существо человѣка (Марк. 12, 30). бываетъ *крѣпка яко смерть* (Пѣс. 8, 6. Римл. 8, 38—39) и до того сильна, что никакія опасности, никакія гоненія, никакія муки не въ состояніи погасить ее въ сердцѣ (Римл. 8, 35). Такая любовь ужели не заставитъ человѣка дѣйствовать по воли Божіей, которая заповѣдуетъ ему самоотверженіе? *Аще кто любитъ Мя*, говоритъ Спаситель, *слово мое соблюдетъ* (Іоан. 14, 23), а соблюденіе слова Его не возможно безъ самоотверженія; любовь, слѣдственно, не можетъ не выражаться самоотверженіемъ. Такимъ образомъ, самооотверженіе христіанское и любовь къ Богу находятся между собою въ тѣсной связи. Кто самоотвергается, но добрыми дѣлами не выражаетъ любви своей къ Богу, въ томъ не христіанское самоотверженіе, но эгоистическое, для достиженія какихъ либо низкихъ, корыстныхъ цѣлей, каковы бываютъ у честолюбцевъ, скупцевъ и подобныхъ имъ: равнымъ образомъ кто говоритъ, или думаетъ, что любитъ Бога, но не доказываетъ сего на дѣлѣ, не хочетъ и малѣйшаго пожертвованія сдѣлать для славы Божіей или для пользы ближнихъ, тотъ не любитъ Бога, но лицемѣритъ предъ Нимъ и обманываетъ себя и людей. Самоотверженіе христіанское не можетъ не выражаться любовію къ Богу, и любовь къ Богу не можетъ не обнаруживаться самоотверженіемъ.

4) Достоинство любви къ Богу опредѣляется степенью самоотверженія христіанскаго, и на оборотъ, сила самоотверженія зависитъ отъ степени любви. Чѣмъ выше самоотверженіе, чѣмъ человѣкъ болѣе отрѣшается отъ чувственности, тѣмъ природа его тѣлесная дѣлается тоньше и даже нѣкоторымъ образомъ какъ бы приближается къ духовности (*); но при такомъ состояніи нашего тѣла душа становится ближе къ Богу—Существу чисто духовному, при утонченности тѣлесной оболочки удобнѣе созерцаетъ божественныя совершенства, и яснѣе и больше видитъ ихъ, а это естественно раждаетъ и сильнѣйшую любовь къ Богу: ибо она, обыкновенно, опредѣляется числомъ совершенствъ того, кого любятъ и степенью познанія ихъ. Съ другой стороны, чѣмъ выше въ человѣкѣ любовь къ Богу, тѣмъ онъ пламеннѣе желаетъ тѣснѣйшаго съ Нимъ соединенія, и слѣдственно тѣмъ ревностнѣе совлекается *ветхаго человѣка съ дѣлами его*, тѣмъ съ большимъ тщаніемъ истребляетъ въ себѣ все нечистое и злое, привившееся къ нему послѣ паденія, тѣмъ съ большею охотою и готовностію, отказавшись отъ своего ума и своей воли, во всемъ руководствуется умомъ и волею Божіими,—короче—тѣмъ онъ болѣе самоотвергается. Высокая любовь производитъ и самоотверженіе великое; равнымъ образомъ и глубокое самоотверженіе христіанское раждаетъ высокую любовь къ Богу. Яснѣйшее осуществленіе этого видимъ въ нашемъ Искупителѣ и Его апостолахъ.

5) Любовь къ Богу и самоотверженіе христіанское равно необходимы въ дѣлѣ нашего спасенія. Ибо что потребно христіанину для полученія спасенія? Исполненіе заповѣдей Божіихъ; а онѣ всѣ и сосредоточиваются въ любви къ Богу: кто искренно и всею душею любитъ Бога, тотъ не можетъ не исполнять и заповѣди о любви къ ближнему; но по ученію самаго Спасителя, *въ сію обою заповѣдію*, т. е. въ заповѣди, о любви къ Богу и ближнему, *весь законъ и пророцы висятъ* (Матѳ. 22, 40). Кромѣ того, апостолъ Павелъ говоритъ, что, какъ бы мы ни точно соблюдали законъ, какъ бы ни были велики наши духовные дары и совершенства, они не принесутъ намъ никакой пользы и мы съ ними ничего не значимъ, если нѣтъ любви въ насъ (1 Кор. 13, 1—4). Такъ важна, въ дѣлѣ спасенія, христіанская любовь, и паче всего любовь къ Богу. Заповѣдь объ ней есть первая и самая высшая (Матѳ. 22, 38). Столько же необходимо и самоотверженіе христіанское: безъ него, по словамъ самаго же Іисуса Христа не можно войти въ Его царство и быть Его послѣдователемъ: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити*, говоритъ Онъ, *да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Матѳ. 16, 24); *аще* же *кто грядетъ по Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матерь, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26). Но внѣ царства Христова и безъ послѣдованія за Искупителемъ никакое спасеніе не возможно.

(*) Преподобная Марія египетская до того утончила плоть свою подвигами самоотверженія, что во время молитвы, — и сама можетъ быть не замѣчая того,— съ тѣломъ подымалась на воздухъ, на нѣсколько лактей отъ земли. См. жизнеопис. ея. Тоже извѣстно и о нѣкоторыхъ другихъ подвижникахъ.

ПАДЕНІЕ АДАМА И КРЕСТЪ ХРИСТОВЪ.

Въ исторіи давнихъ путей божественнаго промышленія о спасеніи человѣка, премудростію и милосердіемъ Божіимъ устроилось такъ, что паденіе перваго человѣка послужило началомъ къ откровенію высочайшихъ таинъ нашего возстановленія чрезъ Сына Божія, средоточіемъ которыхъ служитъ крестъ Христа, Спасителя нашего. Сынъ Божій принялъ естество человѣческое для возведенія на небо сыновъ Адама, своимъ паденіемъ затворившаго для себя и для нихъ двери рая и отверзшаго бездну ада. Спасительное таинство креста Христова явлено въ слѣдствіе пагубнаго преступленія Адамова и совершено для истребленія зла, порожденнаго преслушаніемъ нашего прародителя. Посему Іисусъ Христосъ и называется вторымъ Адамомъ, какъ Родоначальникъ новыхъ чадъ, по таинству благодатнаго возрожденія, вѣрующихъ въ Него, точно также, какъ первый Адамъ есть родоначальникъ нашъ по закону естественнаго рожденія (1 Кор. 15, 45). *Человѣкомъ* (Адамомъ) введена въ міръ *смерть*, *человѣкомъ* (Богочеловѣкомъ, Іисусомъ Христомъ) совершится и избавленіе отъ смерти, или *воскресеніе мертвыхъ*, говоритъ апостолъ Павелъ, указывая на внутреннее отношеніе между таинствомъ креста Христова и слѣдствіями паденія Адамова. *Якоже о Адамѣ* люди стали умирать и *вси умираютъ*, *такожде и о Христѣ вси* возраждаются къ новой благодатной жизни и *оживутъ* по смерти (—21. 22). При такой внутренней и существенной связи между паденіемъ человѣка въ Адамѣ и искупленіемъ его чрезъ крестъ Христовъ, какъ нужно смотрѣть на всѣ частныя обстоятельства въ исторіи страданій и смерти нашего Искупителя, на всѣ отдѣльныя черты въ многосложной тяжести креста Христова? Если и вообще въ мірѣ Божіемъ, въ области небеснаго Провидѣнія, не должно допускать ничего случайнаго и безъ значенія; то тѣмъ болѣе не должно быть сего въ исторіи нашего искупленія, въ таинствѣ креста Христова. При всей видимой зависимости дѣлъ отъ произволя людей и отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ въ жизни народа, среди котораго совершалось наше искупленіе, тутъ не должно быть ничего случайнаго, ничего безъ особеннаго значенія, безъ таинственной цѣли; всѣ частныя обстоятельства и отдѣльныя черты имѣютъ свой духовный смыслъ и находятъ свое значеніе и объясненіе въ исторіи и обстоятельствахъ паденія Адамова, какъ возмездіе, какъ противодѣйствіе, какъ жертва, какъ возстановленіе, какъ начало новой жизни и бытія, и т. п. Врачевство изобрѣтается и составляется приспособительно къ причинамъ и существу болѣзни, и по составу перваго можно узнавать и объяснять свойство и силу послѣдней, и на оборотъ.

Такъ мудрствовать о крестѣ Христовомъ научаютъ насъ таинство нашей вѣры и слово Божіе; такой взглядъ на обстоятельства страданій и смерти Христовой передаютъ намъ и святые Отцы Церкви, наши учители и руководители въ познаніи спасительной вѣры нашей. Что означаетъ древо креста, орудіе смерти Спасителя? Что вознесеніе Его на древо и распятіе? Что терновый вѣнецъ? Вотъ какъ научаетъ насъ объяснять все это св. Григорій Богословъ: »Вознесеніе на крестъ — за паденіе: желчь — за вкушеніе: терновый вѣнецъ — за худое владычество«.

»Древо — за древо и руки за руку: руки мужественно простертыя — за руку невоздержно простертую; руки пригвожденныя — за руку своевольную; руки совокупляющія во едино концы міра — за руку извергшую Адама«.

»Смерть — за смерть; тьма — для свѣта;

погребеніе — за возвращеніе въ землю; воскресеніе — для воскресенія«.

»Все сіе было для насъ Божіимъ нѣкоторымъ дѣтоводительствомъ и врачеваніемъ нашей немощи, возвращающимъ ветхаго Адама туда, откуда онъ ниспалъ, и приводящимъ къ древу жизни, отъ котораго удалилъ насъ плодъ древа познанія, безвременно и неблагоразумно вкушенный« (Твор. св. отцевъ въ русск. перев. часть 1, стр. 32).

Св. Григорій Богослов т 1, слово 3.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ СТРАНСТВОВАНІЯ ИЗРАИЛЯ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Сія вся образи прилучахуся онѣмъ, писана же быша въ наученіе наше (1 Кор. 10, 11).

Древніе израильтяне, по переходѣ чрезъ чермное море, вступили въ безплодную пустыню, которая въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ служить изображеніемъ настоящей жизни человѣка: ибо какъ тамъ они не находили ни пищи, ни прохлады, ни прямой утоптанной стези среди безпредѣльныхъ песковъ пустынныхъ, опаляемыхъ солнцемъ, лишенныхъ обильной растительности и производящихъ только смертоносныхъ змѣй (Числ. 21). такъ равно и въ этомъ мірѣ, человѣкъ можетъ погибнуть отъ глада духовнаго,—истлять отъ жажды, не находя ничего къ поддержанію безсмертныхъ требованій своей души,—можетъ, не имѣя вѣрнаго вождя, заблудиться среди стропотныхъ путей и впасть въ страну смертоносныхъ зміевъ—собственныхъ страстей, которыхъ ядъ, какъ огнь, поядаетъ человѣка.

Но древній Израиль имѣлъ чудодѣйственнаго вождя въ лицѣ Моисея, который велъ и довелъ его въ землю отцовъ его. Въ комъ же христіанину искать для себя новаго Моисея, который также безопасно довелъ бы его въ обители Отца небеснаго?... *Азъ есмь путь, истина и животъ*, говоритъ Спаситель; *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною!* (Іоан. 14, 6).

Какъ нѣкогда для ветхаго Израиля, въ пустынѣ, Богъ одождилъ манну съ неба, источалъ воду изъ камня, указывалъ путь столпомъ облачнымъ во дни и огненнымъ въ нощи и врачевалъ его отъ угрызенія зміевъ вознесеніемъ мѣднаго змія: такъ и нынѣ, въ лицѣ божественнаго Искупителя, Онъ указываетъ всѣмъ и Питателя и Упокоителя и Вождя и Врача. *Сія бо вся образи прилучахуся онѣмъ, писана же быша въ наученіе наше* (1 Кор. 10, 11).

Іисусъ Христосъ даетъ вѣрующимъ въ него *отъ манны сокровенныя, юже никтоже вѣсть, токмо пріемляй* (Апок. 2, 17). Эта сокровенная манна есть *глаголъ исходящій изо устъ Божіихъ* (Матѳ. 4, 4) и питающій человѣка лучше всякаго хлѣба,—есть святѣйшее тѣло и кровь Іисуса Христа, по божественному глаголу Его: *плоть моя истинно есть брашно и кровь моя истинно есть пиво* (Іоан. 6, 55) Для вѣрныхъ, имѣющихъ *обучена чувствія*, святѣйшее тѣло Господа есть, по истинѣ, *хлѣбъ небесный* и *хлѣбъ ангельскій* (Пс. 77, 25), таинственно соединяющій съ Богомъ.

Іисусъ Христосъ удовлетворяетъ и духовную каждаго человѣка, т. е. оживляетъ и оплодотворяетъ мертвыя силы его духа. Самъ Онъ обѣщалъ Самарянинѣ *воду текущую въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 14), и для всѣхъ вѣ-

рующихъ въ Него неоскудно истощаетъ *рѣки живой воды* (Іоан. 7, 38) — обиліе духовныхъ силъ и дарованій: ибо, какъ Моисей — ударомъ жезла въ безжизненный и неподвижный камень источилъ воду для Израиля, такъ, чрезъ прикосновеніе животворящей благодати, сухое и мертвое сердце человѣческое оживляется и наполняется росою небесныхъ утѣшеній вѣры и надежды.

Для древняго Израиля Моисей источилъ воду не изъ многихъ, но изъ одного камня, который отъ сего не умалился и не истощился, но по прежнему остался недвижимъ и непоколебимъ, и между тѣмъ, вода истекшая изъ него напоила безчисленное множество сыновъ Израилевыхъ. Кто въ этомъ не видитъ прообраза того *послѣдующаго духовнаго камене* (1 Кор. 10, 14), который положенъ самимъ Богомъ *во основаніе Сіону* (1 Петр. 2, 6) и на которомъ не только вся Церковь непоколебимо утверждается, но и каждый изъ вѣрующихъ благонадежно прибѣгаетъ и безмятежно покоится на Немъ? Для человѣка, по естеству блуждающаго во тьмѣ невѣдѣнія и волнуемаго вѣтромъ мнѣній и сомнѣній, Іисусъ Христосъ есть единственный вѣрный Вождь и Наставникъ. *Азъ есмь свѣтъ міру, ходяй по Мнѣ не имать ходити во тьмѣ* (Іоан. 8, 12).

Христіанинъ! Имѣй всегда предъ очами Іисуса Христа, исполняй все, чему Онъ училъ и что теперь внушаетъ чрезъ слово свое, чрезъ совѣсть, тайныя вдохновенія и чрезъ многія другія и благодатныя и естественныя средства, — будь постоянно внимателенъ къ симъ указателямъ пути праваго, и трудно будетъ совратить тебя на стропотныя стези міра. Израиль достигъ Ханаана неуклонно взирая на путеуказателя своего — столпъ облачный.

Взглядъ на мѣднаго змія, вознесеннаго въ пустынѣ, исцѣлялъ Израиля отъ угрызенія зміевъ: такъ благоговѣйное созерцаніе страданій и смерти Спасителя, вознесеннаго на крестъ, уврачуетъ насъ отъ уязвленій грѣха: *якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 14).

Имѣя такого Вождя и Наставника и столько благодатныхъ пособій для безопаснаго послѣдованія за Нимъ, кто не воскликнетъ съ апостоломъ Петромъ: *Господи! къ кому идемъ? глаголы живота вѣчнаго имаши* (Іоан. 6, 68). Ты нашъ *путь, и истина и животъ* (Іоан. 14, 6).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 6-го Марта 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 53.

НЕДѢЛЯ 4-я ПОСТА.

22 Марта 1859 г.

Гласъ 4-й.

На утрени: евангеліе воскресное 1-е, Матѳ. зач. 116. На Литургіи: апост. Евр. зач. 314, евангел. Марк. зач. 40.

СЛОВО

ВЪ ЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ (*).

Се лѣствица утверждена на земли, ея же глава досязаше до небесе и ангели Божіи восхождаху и нисхождаху по ней. **Быт. 28, 12.**

Одинокій, усталый путникъ, почти изгнанный изъ дому родительскаго, застигнутый ночью на пути въ пустынѣ, кладетъ подъ свою голову камень и засыпаетъ безмятежнымъ сномъ праведника. Онъ спитъ, а къ нему нисходятъ съ неба ангелы Божіи, и, какъ бы съ изумленіемъ осмотрѣвъ его, восходятъ на небо для возвѣщенія, повидимому, своимъ братіямъ, прочимъ безплотнымъ духамъ, о томъ, кто этотъ дивный странникъ, покоющійся на землѣ въ пустынѣ. Ктожъ этотъ странникъ, подвигшій къ необыкновенному движенію сонмы ангеловъ? Чѣмъ онъ въ человѣческомъ родѣ, среди современныхъ ему народовъ, привлекъ къ себѣ особенное вниманіе духовъ небесныхъ? Это Іаковъ, внукъ отца вѣрующихъ, патріарха Авраама, бѣгущій отъ разгнѣваннаго брата своего Исава, всецѣло предавшій судьбу свою единому Богу, и тѣмъ привлекшій къ себѣ особенное благоволеніе Божіе. Богъ благословляетъ его, обѣщаетъ содѣлать потомство его властелиномъ земли, на которой онъ покоится, обѣщаетъ умножить это потомство яко песокъ морскій, и предрекаетъ, что въ одномъ изъ потомковъ его благословятся всѣ племена земныя. По истинѣ достойно было изумленія созерцаніе ангелами Божіими патріарха Іакова, удостоившагося столь великаго благоволенія Божія.

(*) Преосвященнѣйшаго Анатолія, Архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

Но не безконечно ли изумительнѣе то величіе, на которое вознесъ Богъ пренепорочную Дѣву Марію, по которому Она содѣлалась предметомъ благоговѣнія духовъ небесныхъ, и прибѣжищемъ во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни, а особенно въ дѣлѣ душевнаго нашего спасенія?

Самое рожденіе пресвятыя Дѣвы отъ праведныхъ родителей въ глубокой ихъ старости, какъ плодъ святаго ихъ обѣта, не могло не обратить на себя вниманія небесныхъ духовъ, посылаемыхъ на служеніе искренно желающимъ достигнуть вѣчнаго спасенія. Безъ сомнѣнія, цѣлое небо взирало съ удивленіемъ и тогда, когда Благодатная, трилѣтняя Отроковица, посвященная родителями на служеніе единому Богу, бывъ введена ими въ храмъ Божій, пребывала въ немъ, упражняясь въ чтеніи божественнаго Писанія, въ благочестивыхъ занятіяхъ, въ молитвенномъ возношеніи души и сердца своего ко Всевышнему. Въ какое же изумленіе приведены были небеса, когда Архангелъ Гавріилъ благовѣствовалъ преблагословенной Дѣвѣ, что она будетъ Матерію Сына Божія! Всѣ лики ангеловъ Божіихъ изумлялись, желая проникнуть непостижимую, утаенную отъ нихъ, тайну Божію, по которой Создатель всѣхъ тварей не промыслительно только и благодатно, но существенно и пріискренне соединяется съ тварію, облекается въ естество не херувимовъ и серафимовъ, но въ человѣческое; заимствуетъ природу не отъ силъ небесныхъ, нетлѣнную, духовную, но бренную отъ чистѣйшихъ кровей святѣйшей Дѣвы земнородной; что Господь уподобляется во всемъ, кромѣ грѣха, земнымъ человѣкамъ, пріемлетъ на Себя образъ неключимаго раба, безконечно оскорбившаго своего Создателя, скрываетъ подъ покровомъ человѣческой природы своей божественный образъ; что Содержащій весь міръ словомъ своимъ соизволилъ быть носимымъ на обятіяхъ Дщери земной; что Сущій въ нѣдрахъ Отца небеснаго нисходитъ до крайняго униженія, оставляетъ божественную славу свою, коею сіялъ прежде созданія міра, отлагаетъ употребленіе своего могущества, и обрекаетъ Себя на безславіе и безчестіе, чтобы низвесть на землю благословеніе Божіе, привлечь къ человѣческому роду благоволеніе Отца небеснаго!

Видя толикое уничиженіе Господа, недоумѣвалъ, по выраженію св. Церкви, всякій умъ въ благоговѣйномъ созерцаніи чуда, превосходящаго всѣ чудеса, по которому пресвятая Дѣва, осѣненная силою Всевышняго, содѣлалась орудіемъ вочеловѣченія и Матерію Слова безначальнаго, приняла внутрь себя огнь Божества и пребыла неопалимою, стала чистѣйшимъ, святѣйшимъ, одушевленнымъ храмомъ Божіимъ, святилищемъ славы Божіей, вмѣстилищемъ Невмѣстимаго; что изъ Ея чистѣйшихъ кровей образовалось достопоклоняемое тѣло Іисуса Христа Богочеловѣка; что смертная родила жизнь безсмертную, осуществила своимъ служеніемъ тайну промышленія Божія о спасеніи рода человѣческаго!

Проникнутые благоговѣніемъ къ совершившемуся толикому чуду благости Божіей, ангелы постигли, что пресвятая Дѣва, избранная изъ всѣхъ родовъ земныхъ для ближайшаго, посредствомъ Ея, соединенія Божества съ человѣчествомъ, какъ цвѣтъ человѣческаго рода, израстившій для него плодъ спасенія, благословенная паче всѣхъ родовъ земныхъ, созрѣла до высокой славы — быть Владычицею всего міра; что предвѣчный Сынъ Божій, заимствовавъ отъ Нея человѣческую природу, тѣмъ самымъ превознесъ Ее выше всѣхъ небесъ, что пресвятая Дѣва, какъ орудіе вочеловѣченія Слова Божія, поставлена выше всѣхъ умовъ и силъ небесныхъ; что ставъ

Матерію Царя небеснаго, хотя только по человѣческому естеству, Она содѣлалась Царицею небесною, стала предметомъ благоговѣнія и славословія Ангеловъ и Архангеловъ, небесныхъ начальствъ, престоловъ и властей, честнѣйшею Херувимовъ и славнѣйшею Серафимовъ; что, по толикому превознесенію преблагословенной Матери, ниже Ея всѣ твари, выше ея одинъ Богъ!

Уразумѣвъ толикое превознесеніе божественной Дѣвы, ангелы и въ послѣдствіи съ изумленіемъ взирали, что Она въ земной жизни Іисуса Христа, отъ пеленъ до погребальной Его плащаницы, шествовала съ Нимъ однимъ и тѣмъ же крестнымъ путемъ; что, почти въ слѣдъ за рожденіемъ Спасителя принуждена была совершить путь во Египетъ для сокрытія Богомладенца отъ бѣшенства Иродова; что перенося съ дивнымъ терпѣніемъ нищету и скудость, какъ самая обыкновенная смертная, собственными трудами снискивала себѣ съ святымъ своимъ обручникомъ пропитаніе, съ болѣзнію сердца слушала язвительныя на Іисуса Христа злословія книжниковъ и фарисеевъ, ежечасно сокрушалась, видя неукротимую злобу враговъ Спасителя, жаждавшихъ смерти Его, съ трепетомъ предвидѣла крестную кончину Господа. Сколько же поразительное представилось, наконецъ, для ангеловъ зрѣлище, когда въ лицѣ Іисуса Христа совершилась на Голгоѣ вѣчная жертва правосудію Божію о грѣхахъ всего міра, а пресвятая Матерь, погруженная въ море скорбей, въ совершенной преданности волѣ Божіей, безмолвно взирала на струи крови, текущей изъ язвъ Сына своего! По истинѣ тѣмъ изумительнѣе было для духовъ небесныхъ это зрѣлище, что душа Благодатной Матери ощущала въ себѣ всѣ крестныя страданія Господа, что съ крестною смертію Іисуса Христа и пречистая Его Матерь приносила безмѣрныя муки материнскаго своего сердца въ жертву Отцу небесному. Посему, какъ естественнаго слѣдствія, ожидали ангелы, что столь дивная Матерь Бога раздѣлитъ съ Нимъ на небеси славу Его, и хотя почіетъ сномъ смерти, но немедленно воспрянетъ отъ нея, какъ отъ кратковременной дремоты, и вознесется къ немерцаемому свѣту лица Сына своего и Бога.

Но Пречистая, какъ Матерь Бога Спасителя нашего, бывъ превознесена выше всѣхъ небесъ и раздѣляя славу Его, не оставила міра нашего въ забвеніи, и ходатайствомъ своихъ молитвъ заступаетъ насъ отъ гнѣва правосудія Божія. И кто изъ насъ преуспѣваетъ въ благочестіи и возвышается въ духовной жизни, тотъ необходимо ощущаетъ въ себѣ благоговѣніе къ Божіей Матери, а вмѣстѣ съ тѣмъ побужденіе притекать къ Ея заступленію, ублажать и славословить Ее. Конечно, Благодатная не имѣетъ никакой надобности въ нашемъ прославленіи Ея имени, ибо кто въ состояніи содѣлать свѣтлѣе небесный свѣтъ Ея, прибавить что либо къ Ея величію и славѣ? Но мы сами имѣемъ нужду въ привлеченіи къ себѣ Ея благоволенія, въ Ея заступленіи и покровительствѣ, на которыя вѣрующіе всѣхъ временъ христіанства возлагали свое упованіе. Такъ еще первенствующая Церковь христіанства въ молитвахъ Благодатной Матери почерпала ту дивную силу, коею укрѣпляемая мужественно ратоборствовала со всѣми силами ада и міра. Преблагословенная подавала преспѣяніе проповѣди апостольской, подкрѣпляла мучениковъ въ перенесеніи страданій за Христа, ниспосылала отраду исповѣдникамъ, услаждала своимъ именемъ дѣвственниковъ, умудряла пастырей Церкви. Къ заступленію Матери Божіей издревле во всѣ времена притекали города и царства, села и пустынныя обители, племена и народы,

цари и подданные, вельможи и рабы, богатые и бѣдные,—притекали съ несомнѣнною вѣрою, что благосердая Матерь съ высоты небесной славы своей призираетъ на молитвы прибѣгающихъ къ Ней, что Ей прискорбны бѣдствія, коимъ подвергаются оскорбляющіе благость Божію своими грѣхами. И опыты многихъ вѣковъ свидѣтельствуютъ, что имя благодатной Матери радуетъ всякаго притекающаго къ Ней въ горести, растворяетъ всякую печаль утѣшеніемъ, спасаетъ отъ грѣховнаго потопленія, въ сердцахъ печальныхъ поселяетъ надежду на милосердіе Божіе; что отъ многихъ досточтимыхъ иконъ Ея истекаютъ струи благодатныхъ чудотвореній, проявляемыхъ во внезапномъ видимомъ исцѣленіи тѣлесныхъ болѣзней, и въ невидимомъ врачеваніи грѣховныхъ язвъ и скорбей душевныхъ.

Да утверждается же въ насъ и надъ нами владычество Царицы небесной! Предадимъ себя всецѣло Ея покровительству! Да будетъ Пресвятая нашимъ прибѣжищемъ во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни; да возрастаетъ между нами со дня на день, болѣе и болѣе, благоговѣніе къ Ея благодатному имени; да будутъ Ея святыя иконы первымъ и главнымъ украшеніемъ нашихъ домовъ и пріютовъ! А преблагословенная Матерь могущественнымъ ходатайствомъ предъ Сыномъ своимъ и Богомъ не престанетъ содѣйствовать намъ въ исправленіи нашей жизни и принесеніи покаянія о грѣхахъ нашихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даруетъ намъ успѣхъ въ добрыхъ дѣлахъ и занятіяхъ нашихъ, благоволитъ подавать намъ исцѣленіе въ болѣзняхъ, утѣшеніе въ скорбяхъ, заступленіе въ напастяхъ, пропитаніе въ нищетѣ и скудости. Притекайте дѣвы къ приснодѣвственной Матери, да украситъ васъ цѣломудріемъ, превосходящимъ всѣ красоты земныя; обращайтесь къ Благодатной немощныя матери въ тягостныхъ приключеніяхъ вашего состоянія: Матерь Божія всегда готова подавать вамъ помощь и отраду; обращайтесь къ Благословенной въ женахъ обремененные тяжкими трудами: Она содѣлаетъ бремена ваши легкими. Кто бы ни обращался въ нуждѣ и скорби своей къ Божіей Матери, никто никогда не останется постыженнымъ въ своей на Нее надеждѣ.

Возлагая наше упованіе на ходатайство за насъ Царицы небесной предъ престоломъ Сына Ея и Бога, да памятуемъ, братіе, что Пречистая оказываетъ свое благоволеніе преимущественно тѣмъ, которые стараются быть чистыми сердцемъ; что Благодатная нисходитъ къ мольбамъ только того, кто не противится благодати Божіей, призывающей насъ къ покаянію; что Благословенная въ женахъ низводитъ благословеніе Божіе на того въ особенности, кто всемѣрно усиливается благоугодить Богу добрыми дѣлами; что Святѣйшая всѣхъ святыхъ благоволитъ болѣе всего къ тому, кто прославляетъ Бога святостію своей жизни. Аминь.

БЛАГОДАТНАЯ СИЛА СВ. ПОДВИЖНИКОВЪ ПЕЧЕРСКИХЪ ВЪ ОБРАЩЕНІИ НЕВѢРНЫХЪ И НЕПРАВОВѢРНЫХЪ КЪ ВѢРѢ ПРАВОСЛАВНОЙ.

Печерская обитель въ самомъ началѣ просіяла цѣлымъ сонмомъ великихъ подвижниковъ, въ которыхъ открывалась новымъ христіанамъ русскимъ благодатная сила новой вѣры ихъ,—открывалась въ величіи и разнообразіи добродѣтелей и подвиговъ отцевъ пе-

черскихъ, въ обиліи чудесъ и знаменій, чрезъ нихъ совершившихся. Потому предъ духовнымъ величіемъ этихъ убогихъ подвижниковъ преклонялись князья, бояре, богатыри и не только приносили щедрые дары ихъ обители, просили ихъ наставленій и молитвъ, но и сами часто отлагали земное величіе, славу, богатство, и, облекаясь въ иноческія ризы, принимали смиренное послушаніе въ обители печерской. Нравственная сила подвижниковъ печерскихъ обнаруживалась и надъ закоснѣлыми преступниками, разбойниками, татями, которыхъ кроткое, но сильное благодатію, слово подвижника не разъ обращало къ глубокому сокрушенію, къ жизни христіанской, къ иночеству. Благодатная сила этихъ дивныхъ подвижниковъ являлась и въ обращеніи къ вѣрѣ невѣрныхъ и неправовѣрныхъ. »Въ блаженномъ монастырѣ печерскомъ,—пишетъ преп. Симонъ къ Поликарпу,—нѣкоторые столько просіяли добродѣтельною жизнію, что самые поганые и невѣрные привлекались ими отъ бѣсовной прелести къ истинной вѣрѣ, и ревновали равноангельной жизни ихъ.«

Несмотря на быстрое распространеніе христіанства при св. Владимірѣ, язычники еще оставались даже между русскими племенами. Были язычники невѣрующіе въ племенахъ чужлыхъ, сосѣднихъ съ русскими. Была такимъ образомъ земля необработанная и требовались дѣлатели. И они выходили изъ печерскихъ иноковъ. Одни изъ нихъ являлись апостолами земли русской въ санѣ святителей, напр. св. Леонтій, Исаія ростовскіе. Первый, прибывши въ Ростовъ, обратилъ свою проповѣдь преимущественно къ дѣтямъ, собиралъ ихъ въ церковь, училъ и крестилъ. Раздраженные родители язычники подвергали святителя побоямъ, мученіямъ: но твердъ и безстрашенъ былъ воинъ Христовъ. Однажды большою толпою собрались они вокругъ церкви, гдѣ проповѣдникъ училъ дѣтей, и думали изгнать его изъ города или умертвить. Въ святительскомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, сопутствуемый священнымъ соборомъ, св. Леонтій вышелъ противъ ожесточенныхъ язычниковъ, и они, пораженные особымъ видѣніемъ и страхомъ, пали ницъ предъ нимъ. И тутъ же слово святителя, исполненное духа и силы, подвигло ихъ обратиться къ вѣрѣ и принять св. крещеніе. Святитель до конца жизни (+ок. 1077 г.) продолжалъ проповѣдію и чудесами утверждать и распространять вѣру въ своей паствѣ (*). Св. Исаія былъ преемникомъ его апостольскаго духа. Обтекая грады и веси земли ростовской и суздальской, онъ сокрушалъ, сожигалъ идоловъ, научалъ невѣрующихъ вѣровать въ св. Троицу и креститься, а новыхъ христіанъ утверждалъ въ вѣрѣ и благочестіи, всѣхъ привлекалъ дѣлами милосердія, пастырскими бесѣдами, и довершилъ торжество вѣры въ своей паствѣ (+1090) (**). Другіе изъ подвижниковъ печерскихъ простыми иноками шли на проповѣдь, напр. преподобный Никонъ, священномученникъ Кукша съ ученикомъ. О первомъ говорится, что онъ »удалился изъ обители печерской на островъ тмутораканскій и, нашедши чистое мѣсто близъ города, поселился здѣсь, въ безмолвіи служилъ Богу, прилагая труды къ трудамъ, удивлялъ окрестныхъ жителей чуднымъ житіемъ своимъ, такъ что слава о немъ пронеслась повсюду. И многіе стали приходить къ нему изъ города и другихъ мѣстъ. Они не были еще просвѣщены или утверждены въ вѣрѣ, а объ иноческомъ житіи и не слышали. Однакожъ, наставляемые Богомъ, возчувствовали стремленіе къ христіанскому благочестію и самой

(*) См. Посл. Симона къ Поликарпу, также отдѣльное житіе св. Леонтія.

(*) Пол. Собр. Рус. Лѣт. 1, 89; Несторъ въ житіи преподоб. Ѳеодосія; также—житіе св. Исаіи.

жизни иноческой и просили преподобнаго Никона постригать ихъ. Онъ училъ ихъ и постригалъ и сооружилъ здѣсь церковь Пресвятой Богородицы, и возрасло мѣсто сіе благодатію Божіею и молитвами преподобнаго Никона« (*). Св. Кукша проповѣдалъ у вятичей: въ этомъ племени, которое позже покорено и, по словамъ преподобнаго Нестора, было грубѣе другихъ племенъ, язычество было еще очень сильно, и требовалась особенная сила вѣры и чудесъ для уничтоженія его. »Всѣмъ извѣстенъ онъ, замѣчаетъ благочестивый сказатель о св. Кукшѣ: ибо онъ крестилъ вятичей, помраченныхъ невѣріемъ и многихъ просвѣтилъ вѣрою. Онъ совершилъ много великихъ чудесъ, свелъ дождь съ неба, изсушилъ озеро; совершались чрезъ него и другія удивительныя знаменія. Потомъ, по многихъ мукахъ, усѣченъ былъ невѣрными вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ (**)«.—Нѣкоторые изъ иноковъ, случайно попавшись въ руки невѣрныхъ, являлись исповѣдниками и мучениками, и торжествуя надъ злостію и жестокостію, торжествовали и надъ самымъ невѣріемъ своихъ враговъ и мучителей, которыхъ обращали къ вѣрѣ Христовой, подобно древнимъ исповѣдникамъ и мученикамъ. Таковъ былъ напр. Никонъ Сухій. Во время нападенія половцевъ на Кіевъ и печерскую обитель (въ 1095 г.), онъ былъ захваченъ и уведенъ ими въ плѣнъ. Сродники нарочно пришли выкупить плѣнника, но онъ самъ не согласился на это, безъ сомнѣнія признавая перстъ Божій въ своей судьбѣ и можетъ быть имѣя въ виду обратить нѣкоторыхъ изъ варваровъ ко Христу. Сродники укорили праведника и ушли съ сожалѣніемъ. Но особенно злился владѣлецъ его половчанинъ, лишась ожидаемой уплаты. Три года мучилъ онъ несбытаго раба голодомъ, жаждою, холодомъ, огнемъ, желѣзомъ. Мужественно перенесъ эти страданія праведникъ и наконецъ предсказалъ, что по молитвамъ отцевъ печерскихъ Христосъ избавитъ его, и на третій день онъ уже будетъ въ монастырѣ печерскомъ. Половчанинъ, полагая, что плѣнникъ хочетъ бѣжать, подрѣзалъ жилы у ногъ его и сталъ крѣпко стеречь. Но въ третій день праведникъ точно изчезъ изъ среды стражей, и, ведомый рукою Божіею, явился въ церкви печерской во время литургіи. Увидя его, осмотрѣвъ цѣпи и раны его, братія исполнилась благоговѣйнаго удивленія. Но такимъ же чувствомъ исполнился и прежній владѣлецъ его половчанинъ, который въ мирное время пришелъ въ печерскую обитель и узналъ здѣсь преподобнаго Никона. »Половчанинъ не возвратился домой, но, пришедши въ умиленіе, крестился и сталъ черноризцемъ вмѣстѣ съ другими половцами своего рода, которые пришли въ Кіевъ: съ ними онъ провелъ въ обители всю жизнь въ покаяніи, служа своему плѣннику блаж. Никону« (*).

Въ одно время съ Никономъ плѣненъ былъ преподобный Евстратій и проданъ корсунскому еврею вмѣстѣ съ другими плѣнниками, которыхъ было пятьдесятъ. Евреи, еще Владиміру предлагавшіе свою вѣру, видно и теперь ревновали о совращеніи христіанъ. Купившій плѣнниковъ іудей сталъ принуждать ихъ къ отреченію отъ Христа, грозя уморить ихъ голодомъ въ узахъ. Но мужественный Евстратій училъ, умолялъ, укрѣплялъ всѣхъ плѣнниковъ, говоря: »братіе! Крестившись и увѣровавъ во Христа не будьте отступниками обѣта, даннаго при крещеніи. Христосъ породилъ насъ водою и Духомъ, Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законной своею кро-

(*) См. житіе его въ Патер. печерскомъ.
(**) Житіе его тамъ же.

(*) Житіе его въ Патер. печерскомъ.

вію, содѣлалъ наслѣдниками своего царствія. Аще убо живемъ, Господеви живемъ, аще умираемъ, Господеви умираемъ (Римл. 14, 8). Будемъ подражателями того, кто сказалъ: *мнѣ, еже жити Христосъ: и еже умрети пріобрѣтеніе есть* (Фил. 1, 21). Истаявъ отъ глада, жажды, всѣ плѣнники поумирали непобѣжденные, одни чрезъ три, другіе четыре дня, иные чрезъ семь, наиболѣе крѣпкіе чрезъ десять дней. Оставался живъ уже 14-й день одинъ Евстратій, неубиваемый голодомъ, потому что отъ ранней юности привыкъ къ посту. Еврей, раздраженный тѣмъ, что не успѣлъ совратить плѣнниковъ и потерялъ данную за нихъ плату, обратилъ теперь всю злость свою на преподобнаго Евстратія. Какъ-разъ наступилъ тогда день пасхи, и онъ распялъ исповѣдника на крестѣ и ругался ему съ другими іудеями. Однакожъ цѣлый, уже 15-й день, оставался живъ страдалецъ, исповѣдалъ вѣру Христову, обличалъ жидовское невѣріе, предсказывалъ казнь мучителямъ. Пронзенный копіемъ, онъ предалъ духъ свой Господу. Тѣло его брошено было въ море, но смотрѣніемъ Божіимъ обрѣтено и донынѣ почиваетъ въ пещерахъ. Согласно предсказанію святаго, корсунскіе Евреи, въ томъ числѣ мучитель его, казнены были греческимъ императоромъ за гоненіе на христіанъ. Не безплодна была проповѣдь исповѣдника и мученика: многіе іудеи, пораженные мужественными страданіями его, дивными чудесами по кончинѣ его, искренно увѣровали во Христа и крестились. Такое торжество христіанства надъ іудействомъ безъ сомнѣнія назидательно было въ ту пору, когда и преподобному Ѳеодосію приходилось въ Кіевѣ состязаться съ жившими здѣсь іудеями (*).

Но не надъ одними невѣрными являлась сила благодати печерскихъ святыхъ; она и неправовѣрныхъ увлекала къ вѣрѣ православной. Въ русской Церкви не было тогда своихъ еретиковъ и раскольниковъ. За то бывали у насъ неправославные христіане и даже лжеучители изъ другихъ странъ, наприм. латины, армяне. Всей церкви они конечно были не опасны: но для отдѣльныхъ лицъ изъ новыхъ христіанъ русскихъ могли служить искушеніемъ, соблазномъ Надлежало по временамъ являть симъ христіанамъ торжество ихъ вѣры надъ лжеученіями, и это совершалось чрезъ отцевъ печерскихъ.

Между различными духовными дарованіями печерскихъ подвижниковъ извѣстенъ былъ даръ чуднаго врачевства, которымъ отличался преподобный Агапитъ. Онъ исцѣлялъ больныхъ молитвою, давая имъ притомъ зеліе, которое употреблялъ въ пищу. Былъ въ ту пору въ Кіевѣ знаменитый врачь, родомъ и вѣрою армянинъ, который по одному виду узнавалъ неисцѣльное состояніе больнаго и назначалъ ему день и часъ смерти. Случилось, что близкій къ князю бояринъ, признанный имъ неизлечимымъ, былъ исцѣленъ пр. Агапитомъ. Зависть овладѣла армяниномъ. Онъ не разъ входилъ въ состязаніе съ Агапитомъ въ леченіи больныхъ и былъ побѣжденъ; подсылалъ ему смертоносное зеліе, и оно оказалось не дѣйствительнымъ. Когда занемогъ самъ Агапитъ, соперникъ предсказалъ ему смерть чрезъ три дня, но преподобный увѣрялъ, что она послѣдуетъ чрезъ три мѣсяца: въ такомъ случаѣ армянинъ обѣщалъ самъ сдѣлаться иноком. Святый скончался точно чрезъ три мѣсяца. Тогда »армянинъ пришелъ въ монастырь печерскій и сказалъ игумену: отнынѣ оставляю армянскую ересь и истинно вѣрую въ Господа Іисуса Христа, которому и хочу работать въ св. иноческомъ чинѣ. Мнѣ явился блаж. Агапитъ, говоря: ты обѣщался принять

(*) Житіе преп. Евстратія въ Патерикѣ печерскомъ.

иноческій образъ; если солжешь, то съ жизнію погубишь и душу свою. И я вѣрую, что явившійся мнѣ есть святой. Если бы онъ захотѣлъ жить здѣсь долѣе, Богъ даровалъ бы ему это. Я былъ убѣжденъ, что онъ не проживетъ трехъ дней, а Богъ продлилъ ему три мѣсяца; если бы я предсказалъ ему смерть чрезъ три мѣсяца, то онъ жилъ бы три года. Теперь полагаю, что онъ самъ восхотѣлъ отойти отъ насъ, какъ святый, желая царствія святыхъ. Итакъ спѣшу исполнить повелѣніе святаго мужа«. Игуменъ постригъ врача, внушивъ ему врачевать душу свою, подобно Агапиту. Въ богоугодныхъ подвигахъ провелъ новый постриженникъ жизнь свою въ обители, гдѣ и послѣдовала блаженная кончина его. Безъ сомнѣнія, онъ могъ служить для новыхъ христіанъ самымъ очевиднымъ свидѣтелемъ торжества православія надъ армянствомъ, которое чрезъ нѣсколько времени вздумаетъ распространять въ Кіевѣ пришлецъ Мартинъ.

Но гораздо виднѣе и многочисленнѣе были тогда на Руси латины — изъ варяговъ, ляховъ, угровъ и другихъ пришельцевъ съ запада. Они были въ числѣ важныхъ дружинниковъ княжескихъ; вступали въ родственныя связи съ православными; позволяли себѣ смѣлыя состязанія о вѣрѣ съ юными христіанами русскими и могли смущать ихъ; самые князья не разъ обращались къ тогдашнимъ учителямъ русскимъ съ вопросомъ о вѣрѣ латинской. Понятно, съ какимъ чувствомъ долженъ былъ смотрѣть на это такой ревнитель вѣры, какъ преподобный Ѳеодосій печерскій, желавшій стать мученикомъ за вѣру. Когда великій князь Изяславъ обратился къ нему съ вопросомъ о вѣрѣ латинской, св. отецъ, исчисливъ заблужденія и дурные обычаи латинянъ, далъ слѣдующіе совѣты о томъ, какъ держать себя по отношенію къ нимъ: должно всячески беречься вѣры ихъ, потому что только въ православной вѣрѣ можно спастись; не должно и хвалить чужой вѣры, а только свою, и быть готовымъ пожертвовать за нее жизнію; не имѣть даже общенія съ латинами, хотя и не отказывать имъ въ дѣлахъ милосердія, по общей любви къ Богу; и если латинянинъ препирается съ православнымъ о вѣрѣ, то помочь послѣднему, чтобы избавить овча изъ устъ львовыхъ. Слово высокаго подвижника сильно было для князя, сильно и для всѣхъ православныхъ. Но сила благодати его проявилась и надъ самими латинянами. — Былъ тогда въ Кіевѣ пришлецъ изъ-за моря, князь Симонъ варягъ, имѣвшій свою многочисленную дружину съ латинскими священниками. Судьбами Божіими приведенный въ землю русскую, онъ встрѣтилъ здѣсь двухъ великихъ отцевъ русскаго иночества; скоро проникнулся живѣйшимъ сознаніемъ благодати Божіей, которая жила въ нихъ, открывалась въ дивныхъ подвигахъ ихъ и знаменіяхъ, чрезъ нихъ и для нихъ совершавшихся. Отсюда глубокое благоговѣніе и любовь его къ святому Антонію и Ѳеодосію, которому князь дѣлалъ щедрыя приношенія на созданіе печерской церкви. Однажды Симонъ пришелъ къ блаж. Ѳеодосію и по обычной бесѣдѣ сказалъ: »отче, прошу у тебя одного дара«. Ѳеодосій отвѣчалъ: »чадо, чего проситъ твое величество у нашего смиренія«. — Симонъ: »прошу у тебя дара великаго и выше силы моей«. — Ѳеодосій: »знаешь, чадо, наше убожество, иногда нѣтъ у насъ хлѣба для дневной пищи; чтоже еще иное имѣю, — не знаю.« Симонъ: »Если хочешь, можешь подать, можешь по благодати, данной тебѣ отъ Господа. — Сего прошу у тебя, да дашь мнѣ слово, которымъ благословитъ меня душа твоя какъ въ жизни такъ и по смерти«. Ѳеодосій: »Симоне, выше силы прошеніе твое! Но когда увидишь мое отшествіе изъ сего міра, и по отшествіи моемъ

церковь, здѣсь устроенную, уставы твердо хранимые въ моей обители, то вѣдай, что я имѣю дерзновеніе къ Богу: теперь же я не знаю, пріятна ли Богу молитва моя«. Симонъ продолжалъ просьбу: »какъ ты молишься о своихъ черноризцахъ, такъ помолись о мнѣ, сынѣ моемъ Георгіи и послѣднихъ потомкахъ моихъ«. »Не о сихъ только молюсь, замѣтилъ Ѳеодосій, но и о всѣхъ любящихъ святое мѣсто сіе«.—Симонъ, поклонясь до земли, сказалъ: »отче, не изыду тощь отъ тебя, если не извѣстишь меня писаніемъ«. Преподобный, ради такой любви князя, написалъ ему обычную прощальную іерейскую молитву (*), присовокупивъ къ ней слѣдующее: »помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ, хотя воздати комуждо по дѣломъ его. Тогда убо, Владыко, и раба твоего Симона и Георгія сподоби одесную Тебе стати во славѣ твоей, и и слышати благій гласъ твой: пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра.« Симонъ опять сказалъ: помолись еще, отче, да отпустятся грѣхи моимъ родителемъ и ближнимъ«: преподобный, воздвигнувъ руки свои, сказалъ: »да благословитъ васъ Господь отъ Сіона, и узрите благая Іерусалима во вся дни живота вашего до послѣдняго рода.« Симонъ принялъ молитву и благословеніе отъ святаго, какъ многоцѣнный бисеръ, желая не оставлять писанія его и по отшествіи во гробъ.—Все это показываетъ въ Симонѣ, хотя и латинянинѣ, полную вѣру въ святость пр. Ѳеодосія; отсюда неизбѣжное глубокое убѣжденіе въ истинности вѣры, исповѣдуемой послѣднимъ. Естественно притомъ, что Ѳеодосій имѣлъ всю ревность и всю возможность укрѣпить такое убѣжденіе въ князѣ,—послушномъ сынѣ своемъ. И вотъ Симонъ »благодатію Божіею, наученіемъ же св. Ѳеодосія, оставилъ латинское буйство, и истинно воспріялъ православную Христову вѣру со всѣмъ домомъ своимъ, дружиною до 3000 душъ и самими іереями латинскими: — и это ради чудесъ, бывающихъ отъ преподобныхъ отецъ печерскихъ Антонія и Ѳеодосія« (*).

Такъ открывалась благодать Божія въ святыхъ подвижникахъ обители печерской. Благодать сія была, такъ сказать, откровеніемъ благодати, присущей юной Церкви Русской, свидѣтельствомъ ея святости, истинности, осязательнымъ не только для самихъ христіанъ новой Церкви, но и для невѣрующихъ и неправовѣрныхъ. Высокое назиданіе было здѣсь для предковъ нашихъ; но отъ лѣтъ древнихъ оно идетъ и къ намъ. Многочисленный ликъ древнихъ святыхъ и чудотворцевъ отечественной церкви, да будетъ и для насъ свидѣтельствомъ ея святости, истинности. Непостыдно упованіе наше, когда мы принадлежимъ къ той церкви, въ которой жили, подвизались, прославились такіе великіе праведники.

(*) Молитва сія, замѣчаетъ св. повѣствователь, вложена была въ руки Симону по его смерти, и съ тѣхъ поръ стали влагать ее въ руки каждому умершему.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ ГОРДОСТИ И ОТЧАЯНІЯ.

Нѣкоторый добродѣтельный мужъ, чтобы избавиться отъ помысловъ гордости и отчаянія, не рѣдко вводившихъ его въ искушенія

(*) Сказаніе о созданіи печерской церкви.

по навѣту злыхъ духовъ, придумалъ для этаго весьма благоразумное средство. Онъ написалъ, въ комнатѣ своей, на одной сторонѣ всѣ грѣхи свои, и тутъ же изобразилъ страшный судъ Божій и участь грѣшниковъ, отсылаемыхъ грознымъ Судіею въ геенну огненную; а на другой сторонѣ начерталъ добрыя дѣла свои, свое покаяніе о грѣхахъ и слезы, и здѣсь же представилъ въ изображеніи, какъ милосердый Отецъ принимаетъ возвращающагося къ нему блуднаго сына, какъ Христосъ Господь отверзаетъ разбойнику рай и прощаетъ грѣхи плачущей у ногъ Его женѣ грѣшницѣ. Когда искушали его гордые помыслы, то онъ подходилъ къ той стѣнѣ, на которой написалъ грѣхи свои, и читая написанное, смотрѣлъ въ тоже время на страшный судъ, укорялъ и осуждалъ самого себя, какъ грѣшника, достойнаго геенны огненной, и такимъ образомъ смирялъ гордость сознаніемъ своей грѣховности, слезами покаянія и сердечнымъ сокрушеніемъ. Когда же овладѣвалъ имъ противоположный помыслъ, помыслъ отчаянія, то онъ обращался къ начертаннымъ на другой стѣнѣ добрымъ дѣламъ своимъ и къ размышленію о милосердіи Божіемъ, непобѣждаемомъ никакими грѣхами людскими, и этимъ способомъ отгонялъ отчаяніе, утверждаясь въ упованіи на Бога. Такъ благоразумный мужъ сей, по Писанію, *смирялъ гору* гордыни и *наполнялъ дебрь* отчаянія, уравнивалъ гору съ дебрію и дебрь съ горою, обращалъ *строптная въ правая и остря въ пути гладки*, дабы *уготовать путь* къ себѣ *Господу* своему и *правы сотворить стези* Его (Ис. 40, 4. Лук. 3, 4. 5).

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 12-го Марта 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 54.

НЕДѢЛЯ 5-я ПОСТА.

29 Марта 1859 г.

Гласъ 5-й.

На утрени: евангеліе воскресное 2-е, Марк. зач. 70. На Литургіи: апост. Евр. зач. 321, евангел. Марк. зач. 47.

СВЯТАГО ЛЬВА, ПАПЫ РИМСКАГО

СЛОВО

НА СВЯТУЮ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ.

Съ приближеніемъ праздника Пасхи, возлюбленные, наступаетъ предшествующій ему обычно постъ, который мы, въ продолженіе сорока дней, должны посвятить на освященіе души и тѣла, ибо, вступая въ праздникъ, величайшій изъ всѣхъ праздниковъ, мы должны приготовить себя, соумерши въ страданіяхъ Тому, Кому совоскресли мы въ воскресеніи, какъ говоритъ блаженный апостолъ Павелъ: *умросте бо, и животъ ваш сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится животъ вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (Кол. 3, 3. 4). Какимъ же образомъ возможно для насъ общеніе въ смерти Христовой, какъ не тѣмъ, если мы перестанемъ быть, чѣмъ прежде были? И какое можетъ быть подобіе воскресенію, какъ не отложеніе ветхости? Посему тотъ, кто разумѣетъ таинство своего возстановленія, долженъ совлечься всѣхъ пороковъ плотскихъ и отвергнуться всѣхъ скверны грѣховныхъ, дабы, имѣя войти на бракъ, блистать одеждою добродѣтелей. Ибо, хотя благость Жениха всѣхъ призываетъ къ общенію въ царскомъ пирѣ, впрочемъ всѣмъ званнымъ надобно стараться, чтобы не оказаться недостойными дара священныхъ брашенъ (Мат. 22, 11). Между тѣмъ, нѣкоторые во зло употребляютъ долготерпѣніе Божіе, и не будучи чисты въ своей совѣсти, обезпечиваются продолжительною ненаказанностію, тогда какъ возмездіе для того отлагается, дабы оставалось время къ

исправленію. И такъ пусть никто не медлитъ пользоваться милосердіемъ Бога нашего, которое *не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Езек. 18, 32. 33, 11), не потому впрочемъ, что не получаетъ по заслугамъ: ибо что отлагается, то еще не отмѣняется, и тотъ не избѣжитъ осужденія, кто не ищетъ прощенія. Хотя же испрашивать оное не всѣ имѣемъ одинаковую причину, потому что и грѣхъ отъ грѣха и преступленіе отъ преступленія разнятся многоразличными видами и мѣрами: но, поелику всѣ вообще вѣрные должны стремиться къ совершенной невинности и полной чистотѣ, дабы ихъ общество заслуживало, чтобы о немъ могло быть сказано: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Мат. 5, 8): то всѣми силами должно стараться очищать самымъ тщательнымъ омовеніемъ все, что только оскверняетъ таинникъ совѣсти, что омрачаетъ чистоту души. Ибо, хотя написано: *кто похвалится чисто имѣти сердце, или чиста себе быти отъ грѣха* (Притч. 20, 9)? однакоже не должно отчаяваться въ возможности стяжать чистоту, которой, какъ скоро постоянно домогаются, постоянно достигаютъ, и на судѣ не будетъ осуждено то, что будетъ очищено исповѣдію.

Это-то самое, возлюбленные, говорятъ всѣ чада Церкви, когда молятся единогласно, по наставленію Господа: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Мат. 6, 12),—потому что нѣтъ никого столь святаго, нѣтъ никого столь праведнаго, кто бы, въ продолженіи сей жизни,—которая вся есть искушеніе,—не имѣлъ нужды въ прощеніи какого либо грѣха. Со всѣхъ сторонъ обстоятъ опасности безчисленныхъ проступковъ (Іов. 7, 1), и отъ позволеннаго легко доходятъ до излишества и неумѣренностей, когда, при всемъ попеченіи о спасеніи, непримѣтно вторгается услажденіе похотливое и не довольствуются вожделѣніемъ того, что довлѣетъ для природы. Отсюда раждается ничѣмъ ненасытимое любостяжаніе; отсюда страсть превосходить всѣхъ, которая или корнемъ или порожденіемъ своимъ имѣетъ гордость, пораждая ее, или сама раждаясь отъ ней. Всѣмъ симъ и другимъ искушеніямъ, которыя разнообразно и безконечно сцѣпляются между собою, какая вѣрнѣе противуположна добродѣтель, какъ не воздержаніе, которое, возращая и сохраняя благосостояніе души и тѣла, и умножаетъ и укрѣпляетъ оное? Посему, между прочими свыше данными заповѣдями Церкви, много приноситъ пользы постъ, самимъ Богомъ установленный съ тою цѣлію, дабы въ то время, когда законамъ воздержанія подчиняется плотское пожеланіе, умѣрялись и внутреннія движенія духа, и какъ тѣло отъ пищи, такъ и душа постилась отъ неправды. Ибо Господь говоритъ: *блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся* (Мат. 5, 6). Такимъ образомъ народъ Божій имѣетъ духовныя пиршества и чистыя наслажденія, которыхъ можетъ желать во спасеніе и вожделѣвать въ похвалу себѣ, по слову Пророка: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Псал. 33, 9). Кто вкушеніемъ сердца ощутитъ сладость правды и милосердія Божія, кои повсюду являются въ Его промышленіи, и со всею охотою безъ отвращенія вкуситъ никогда не оскудѣвающихъ вышнихъ радостей: тотъ презритъ тлѣнныя и временныя блага ради вѣчныхъ и воспламенится тѣмъ огнемъ, который возжигаетъ любовь Божія,—такъ что, по преложеніи холода въ горячность и ночи въ свѣтъ въ душахъ вѣрующихъ, Духъ Святый единымъ дѣйствіемъ и разсѣеваетъ мракъ и пожигаетъ грѣхи.

И такъ, поелику матерь добродѣтелей—воздержаніе производитъ такіе плоды, и постя-

щихся ведетъ отъ пороковъ къ неизглаголаннымъ услажденіямъ духовнымъ: то исполнимъ, возлюбленные, заповѣдь небесную съ самымъ тщательнымъ усердіемъ, и такъ какъ все таинство Пасхи установлено для отпущенія грѣховъ, то будемъ подражать тому, что хотимъ праздновать. Ибо милосердый и праведный Господь такъ обѣщаетъ, съ своей стороны, прощеніе, что вмѣстѣ предписываетъ прощать тѣмъ, кого щадитъ Онъ. Изъясняя, какимъ образомъ мы должны согласно съ Его волею умолять Бога о помилованіи насъ, Онъ говоритъ: *аще отпустите человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный согрѣшенія ваша. Аще ли же не отпущаете человѣкомъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша* (Мат. 6, 14). Условіе совершенно справедливое и милостивое; чрезъ него человѣкъ дѣлается участникомъ Божественнаго могущества, управляя приговоромъ Божіимъ по своему произволу, и располагая Господа къ такому суду противъ себя, какой самъ произноситъ на своего клеврета. И такъ и въ отношеніи къ подчиненнымъ и въ отношеніи къ равнымъ пусть уважаемъ одинаковость природы, и поелику нѣтъ никого, кто бы былъ безъ грѣха, пусть не будетъ никого, ктобы не дѣлалъ другому пощады; и не будемъ съ трудомъ давать другимъ то, что сами съ благодарностію принимаемъ, дабы чѣмъ болѣе окажемся мы милосердыми, какъ въ раздаяніи милостыни, такъ и въ прощеніи грѣховъ, тѣмъ невиннѣе быть намъ самимъ предъ Богомъ, въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Который живетъ и царствуетъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА

СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖАНАМИ.

10-я.

ОБЪ ИСХОДѢ ИЗРАИЛЬТЯНЪ ИЗЪ ЕГИПТА И СТРАНСТВОВАНІИ ИХЪ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Явися Моусею *Ангелъ Господень въ пламени огненнѣ изъ купины: и видитъ, яко купина горитъ огнемъ, купина же не сгараше. Рече же Господь къ Моусею: видя видѣхъ озлобленіе людей моихъ въ Египтѣ,— и снидохъ извлѣти ихъ отъ руку Египетску, и извести ихъ изъ земли тоя и ввести ихъ въ землю благу и многу, въ землю кипящую млекомъ и медомъ* (Исх. 3, 2. 7. 8).

Моусей, проведши 40 лѣтъ въ Египтѣ, удалился отъ гнѣва и гоненія Фараона, въ землю Мадіамскую, и здѣсь сорокъ же лѣтъ жилъ у тестя своего Іофора, пася стада его. Въ одно время, бывши со стадомъ на горѣ Хоривѣ, увидѣвъ онъ чудную купину, т. е. кустъ, который весь объятъ былъ пламенемъ, и однакожъ не сгарялъ. Здѣсь, говоритъ Писаніе, явился ему Ангелъ Господень, Ангелъ, который потомъ называется *Господомъ и Богомъ;* изъ сего видно, что то былъ *Ангелъ великаго совѣта*, т. е. самъ Сынъ Божій, Владыка и защитникъ Церкви. Господь явился въ купинѣ горящей, но не сгарающей, въ знакъ того, что Онъ, пребывая въ Церкви, хранитъ ее среди самыхъ лютыхъ гоненій, какимъ подвергалась она тогда въ Египтѣ. Потому и сказалъ Моусею: *видя видѣхъ озлобленіе людей моихъ въ Египтѣ*, и *снидохъ извлѣти ихъ отъ руку Египетску.*

Какъ же совершаетъ Владыка небесный всеблагую волю свою во спасеніе страждущей Церкви своей? Избираетъ Моусея быть

избавителемъ и вождемъ избраннаго народа, исполняетъ его своею премудростію, вооружаетъ могуществомъ для произведенія величайшихъ чудесъ, открываетъ свое величественное имя *Сый*, т. е. *Сущій* вѣчно. и въ помощь ему даетъ брата его Аарона. И вотъ полномочный посланникъ Божій предстаетъ предъ Фараона, именемъ Вѣчно-Сущаго требуетъ отпустить еврейскій народъ для богослуженія въ пустыню, а получивъ горделивый отказъ, совершаетъ въ виду всего Египта такія чудеса, которыя очевидно показали, что онъ дѣйствуетъ силою верховнаго Владыки всей природы.

Такъ вода, по слову Моисея одинъ разъ обращается въ кровь, въ другой—изводитъ безчисленныхъ жабъ, земля издаетъ милліоны вредныхъ насѣкомыхъ, облака то мещутъ страшныя молніи и громъ, то губительный градъ, воздухъ на три дня помрачается совершенно. Наконецъ Господь, являя себя Властелиномъ жизни и смерти, въ одну ночь потребляетъ всѣхъ первенцевъ египетскихъ, а въ избранномъ народѣ своемъ полагаетъ знаменіе жизни и спасенія. Какое знаменіе? Кровь непорочнаго агнца, которою, въ каждомъ домѣ, велѣно было помазать двери, и которую уважилъ смертоносный ангелъ, избивавшій первенцевъ. Это было указаніемъ на кровь Агнца Божія, единаго непорочнаго и чистаго, которая избавляетъ вѣрующихъ отъ смерти вѣчной. Израильтяне назвали жертву свою *пасхою*, что значитъ *прехожденіе*; а *наша Пасха*, говоритъ Апостолъ, *за ны пожренъ бысть Христосъ* (1 Кор. 5, 7), силою смерти коего мы *преидохомъ отъ смерти въ животъ* (1 Іоан. 3, 14).

Посмотримъ на дальнѣйшія чудеса Божіи въ изведенномъ изъ Египта народѣ избранномъ: мы увидимъ многія другія указанія на истины и таинства вѣры евангельской.

Въ путешествіи израильтянъ дивный столпъ предшествовалъ имъ, днемъ облачный, ночью огненный, то показывая путь, то освѣщая ихъ. Не образъ ли это благодати Христовой, указующей вѣрующимъ путь спасенія и просвѣщающей ихъ истинами божественной вѣры?

Когда изведенные изъ Египта шли къ чермному морю, Фараонъ съ войскомъ погнался за ними, чтобы возвратить ихъ подъ рабское иго свое. Тогда чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ расторгъ пучину морскую, израильтяне прошли среди раскрывшагося моря, какъ по суху, а египтяне, слѣдовавшіе за ними, всѣ потоплены обратившимися на нихъ волнами тогоже моря. Это опять таинственный прообразъ. Ап. Павелъ пишетъ: *отцы наши вси въ Моисея крестишася во облацѣ и въ мори* (1 Кор. 10, 1. 2), то есть показываетъ, что это было образомъ крещенія христіанскаго. И дѣйствительно, въ таинственныхъ водахъ св. купѣли, погибаетъ враждебный Богу нашъ человѣкъ ветхій, грѣховный, а возникаетъ къ истинной жизни человѣкъ новый, благодатный. Что чудодѣйствуетъ здѣсь вмѣсто жезла Моисеева? Сила крестной смерти Спасителя; ибо *елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся* (Римл. 6, 3).

Въ пустынѣ, люди спасенные отъ Фараона, не могли найти себѣ хлѣба, и Богъ далъ имъ нѣкую чудную пищу—манну, ежедневно сходившую съ неба, которая, впрочемъ, не могла напитать души ихъ, а была образомъ той истинной пищи, которую подаетъ намъ Господь Іисусъ Христосъ въ св. причащеніи. *Хлѣбъ, егоже Азъ дамъ*, говоритъ, *плоть моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра;—ядый мою плоть и піяй мою кровь имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 51. 54).

Недоставало воды для народа въ пустынѣ. Господь повелѣлъ Моисею ударить жез-

ломъ въ камень, и изъ камня вдругъ потекъ такой обильный источникъ, что напоилъ болѣе милліона израильтянъ. Апостолъ такъ изъясняетъ это чудо: *піяху же*, говоритъ, *отъ духовнаго послѣдующаго Камене, Камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. 10, 4), т. е. образъ божественнаго Спасителя былъ этотъ камень, ибо Господь нашъ источаетъ животворный источникъ благодати Св. Духа, какъ объясняется въ Евангеліи: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и да піетъ.—Сіе же рече о Дусѣ, его же пріимати хотяху вѣрующіи во имя Его* (Іоан. 7, 37, 39).

Въ одномъ мѣстѣ нашли израильтяне воду, но она была очень горька. Для услажденія ея, Моисею указано было древо, которое когда вложено было въ воду, она сдѣлалась годною для употребленія. Не образъ ли это креста Господня, бр., силою котораго, если вѣрующій полагаетъ его въ умѣ и сердцѣ, услаждаются всѣ горести жизни?

Еще яснѣе представляется образъ креста въ слѣдующемъ знаменіи. Нѣкогда напали на евревъ смертоносныя змѣи. Господь повелѣлъ Моисею поставить знамя съ вознесеннымъ на него мѣднымъ зміемъ, и всякъ угрызенный зміею, когда взиралъ на это знаменіе, исцѣлялся (Чис. 21, 9). Самъ Спаситель объясняетъ это о крестѣ своемъ: *яко же Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому, да всякъ вѣруяй въ онь*, т. е. сердечно взирающій на Вознесеннаго за насъ на крестъ Спасителя, *не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 14. 15).

Не образъ ли креста былъ и чудный жезлъ Аароновъ? Для показанія всѣмъ, что священство установлено волею самаго Бога, повелѣно было жезлъ первосвященника положить съ жезлами старѣйшинъ израилевыхъ въ Скиніи свидѣнія, т. е. въ походномъ храмѣ, и жезлъ Аарона въ одну ночь процвѣлъ и израстилъ плодъ (Числ. 17, 8). Такъ крестъ въ скиніи Церкви Христовой процвѣтаетъ силою спасительныхъ чудесъ и приноситъ духовные плоды во всѣхъ, которые носятъ его въ сердцѣ своемъ. Ветхозавѣтная церковь долго хранила процвѣвшій жезлъ во свидѣтельство священства Аронова, а Церковь новозавѣтная всегда хранитъ и будетъ хранить крестъ Господень во свидѣтельство вѣры, что мы имѣемъ *Первосвященника, иже сѣде одесную величествія на небесѣхъ, святымъ служителя и скиніи истинныя* (Евр. 8, 1. 2), скиніи *нерукотворенной*, небесной (—11).

Таковы были чудеса для утвержденія вѣры во времена Моисея, времена устройства Церкви въ избранномъ народѣ Божіи. Не меньше тѣ чудеса, которыми Господь утверждалъ тогда въ избранныхъ своихъ законъ любви и благочестивой жизни.

Что величественнѣе тѣхъ чудесъ, среди которыхъ возвѣщенъ гласомъ Божіимъ законъ любви на Синаѣ? Вся гора воспылала, покрылась тучами, метала молніи, потрясалась отъ громовъ и трубныхъ звуковъ; весь народъ трепеталъ, и тогда провозглашены тѣ десять заповѣдей, въ которыхъ объясняется любовь къ Богу и ближнему. Такъ заповѣдь любви облеклась покровомъ страха и угрозъ для того, чтобъ сокрушить въ людяхъ природу грѣхолюбивую и проложить путь къ сердцу ихъ любви Божіей, для того, чтобъ люли и боялись и любили Господа Бога своего. Нужно ли, спросите, и намъ чадамъ завѣта новаго соединять страхъ съ любовію? Вотъ что на это отвѣтствуетъ Апостолъ: *не приступисте къ горѣ осязаемѣй и разгорѣвшемуся огню, и облаку и мраку и бурѣ...., но приступисте къ Сіонстѣй горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и къ Ходатаю завѣта новаго Іисусу; блюдите же*

да не отречетеся глаголющаго, аще бо не избѣжаша они отрекшіися пророчествующаго на земли, множае паче мы отрицающіися небеснаго. — Тѣмже да служимъ благоугодно Богу съ благоговѣніемъ и страхомъ: ибо Богъ нашъ огнь поядаяй есть (Евр. 12. 18. 22. 24. 28. 29). Словомъ, бр, чѣмъ выше званіе сыновъ новаго завѣта предъ сынами ветхаго, тѣмъ болѣе ревности и точности требуется отъ насъ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ.

Послушаемъ, какъ и другіе страшные уроки Апостолъ отъ древняго Израиля обращаетъ къ новому. *Не во множайшихъ ихъ благоволи Богъ: поражени бо быша въ пустыни* (1 Кор. 10. 5). Приводитъ Апостолъ намъ на память то, что израильтяне, узнавъ о силѣ и множествѣ обитателей обѣтованной имъ земли, пришли въ такой страхъ, до того забыли волю и всемогущество Божіе, что хотѣли убить Моисея и возвратиться въ Египетъ, и за это всѣ, имѣвшіе болѣе 20-ти лѣтняго возраста, кромѣ двухъ вѣрныхъ соглядатаевъ — Іисуса и Халева, осуждены были не видѣть земли обѣтованной, а пасть въ пустынѣ. *Сіяже образы намъ быша*, замѣчаетъ Апостолъ, *яко не быти намъ похотникомъ злыхъ, якоже и они похотѣша* (—6).

Ни идолослужители бывайте, продолжаетъ Апостолъ, *якоже нѣцыи отъ нихъ, якоже есть писано: сѣдоша людіе ясти и пити и восташа играти* (—7). Это напоминаетъ того золотаго тельца, котораго слили себѣ израильтяне въ виду самаго Синая, котораго назвали божествомъ и въ честь котораго праздновали они безчинно и безумно. Гнѣвъ Божій многихъ потребилъ за то, и истребилъ бы весь народъ, еслибъ не удержала его сильная молитва Моисеева. Да не подражаемъ имъ и мы не только въ тѣхъ празднованіяхъ, которыя устрояются прямо въ угоду страстямъ, какъ идоламъ, но и тѣхъ кои посвящаются Богу истинному.

Ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиша и падоша во единъ день двадесять три тысящи (—8). Это было въ послѣдній годъ странствованія израильтянъ. Мадіамляне не могли одолѣть ихъ ни оружіемъ, ни волхвованіями своими, но погубили многихъ обольщеніями своихъ женщинъ, преступная связь съ которыми вовлекла виновныхъ даже въ идолопоклонство (Числ. 25). За сіе-то постигъ израильтянъ гнѣвъ Божій. Познаемъ изъ сего, какъ омерзительны предъ Богомъ и какъ страшны и опасны всѣ грѣхи противъ седьмой заповѣди!

Ни да искушаимъ Христа, якоже нѣцыи отъ нихъ искусиша и отъ змій погибоша (—9). Многократно искушали Бога евреи въ пустынѣ, требуя себѣ то воды, то мясъ, а наконецъ недовольны стали и небесною манною. *И посла Господь на люди зміевъ умерщвляющихъ, и умроша людіе мнози* (Числ. 21, 6). Не искушаемъ же и мы Христа, требуя, въ виду самаго креста Его, всякихъ удовольствій въ мірѣ, да не умремъ отъ угрызенія адскихъ змій, т. е. отъ духовъ злобы, ищущихъ нашей погибели.

Ни ропщите, якоже нѣцыи отъ нихъ ропташа и погибоша отъ всегубителя (—10). И ропотъ на Бога слышенъ былъ часто въ пустынѣ отъ людей, преданныхъ чувственности. Роптали за недостатокъ любимыхъ ими брашенъ, за однообразіе пустыни, за трудность странствованія, за казни Божіи, и за это различнымъ образомъ были наказуемы. Ужаснѣе же всѣхъ была казнь, которой подверглось великое скопище Корея. Этотъ честолюбецъ хотѣлъ самовольно присвоить себѣ священство, но огнь Божій изшелъ отъ олтаря и потребилъ 250 мятежниковъ, а прочихъ бывшихъ въ кущахъ своихъ пожрала вдругъ разверз-

шаяся земля (Числ. гл. 16). Такъ, бр., страшенъ гнѣвъ Божій противъ мятежниковъ, противящихся законнымъ, отъ Бога установленнымъ властямъ!

Упомянемъ наконецъ и о тѣхъ чудесахъ, которыми утверждено богослуженіе ветхозавѣтное. По повелѣнію Божію Моисей устроилъ Скинію, или походный храмъ по образу небесному, какой показанъ ему на горѣ, и когда освятилъ это мѣсто селенія Божія, то слава Господня въ видѣ облака такъ наполнила Скинію, что онъ не могъ войти въ нее, а когда Ааронъ принесъ первую жертву свою, то вдругъ ниспалъ огнь съ неба и воспалилъ его жертву. Величайшая святыня въ Скиніи, въ ея внутреннѣйшей части, называемой *Святая Святыхъ*, былъ *ковчегъ завѣта*, т. е. златокованный ящикъ, въ которомъ хранились богописанныя скрижали закона. Надъ ковчегомъ, на верхней его части, называвшейся *очистилищемъ*, были изображенія херувимовъ и изъ среды ихъ Моисей слышалъ по временамъ гласъ Бога, возвѣщавшаго волю свою (Исх. 25, 25). Не дивны ли такія явленія славы Божіей въ Скиніи ветхозавѣтной? Но проникнемъ окомъ вѣры въ таинства новозавѣтной Церкви: мы увидимъ здѣсь большую славу, о которой такъ говоритъ Апостолъ: *аще служеніе осужденія слава, много паче избыточествуетъ служеніе правды въ славѣ* (2 Кор. 3, 9). Служеніемъ осужденія называетъ онъ служеніе закона древняго, потому что самъ законъ не оправдывалъ человѣка, а только показывалъ ему его грѣховность и осуждалъ его, а евангельское служеніе есть служеніе правды или оправданія Христова. Не большая ли слава у насъ, когда не жертвы животныхъ, а жертва самаго Господа божественная приносится въ храмахъ нашихъ, и не огнь небесный возжигаетъ сію жертву, а самъ Духъ Святый совершаетъ ее, претворяя предложенные на престолахъ нашихъ дары въ истинное тѣло и истинную кровь Христовы? И не Моисей, служитель Божій, открываетъ намъ волю Божію, а самъ Господь, единородный Сынъ Божій, Той исповѣдалъ, Онъ открылъ намъ волю Отца нашего небеснаго.

Христіане—братія! Все зависитъ отъ того, съ какою вѣрою мы пользуемся ученіемъ и таинствами въ Церкви Господней. Израильтяне и среди почти непрестанныхъ чудесъ видимыхъ весьма многіе погибли отъ невѣрія въ пустынѣ. Да не будетъ подобнаго невѣрія у насъ, чадъ завѣта новаго! Мы величайшею славою чудесъ окружены, но чудесъ большею частію невидимыхъ, а потому требующихъ и большей вѣры. Блаженни невидящіе и вѣрующіе! Они опытно, сами въ себѣ, познаютъ благотворныя дѣйствія благодатной силы Божіей, пріемлемой вѣрою. Въ нихъ самихъ совершится величайшее чудо Божіе — обновленіе и освященіе души и тѣла, соединеніе съ Іисусомъ Христомъ вѣчно — блаженное, чудо, для котораго Богъ совершилъ и совершаетъ всѣ чудеса въ родѣ человѣческомъ. Аминь.

СОВѢСТЬ.

Правильное понятіе о совѣсти можетъ быть составлено не иначе, какъ подъ руководствомъ слова Божія. Апостолъ говорилъ: *языцы не имуще закона, естествомъ законная творятъ и являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослуществующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщаю-*

щимъ (Римл. 2, 14. 15). Изъ сихъ словъ Апостола видно, что въ человѣкѣ совѣсть имѣетъ самое близкое отношеніе къ нравственной дѣятельности его, и что она есть собственно сила нравственная въ тѣснѣйшемъ смыслѣ сего слова,—частнѣе, что она имѣетъ ближайшее отношеніе къ нравственному закону, начертанному самимъ Богомъ въ существѣ нашемъ, который, впрочемъ, будучи въ непосредственномъ союзѣ съ совѣстію, вмѣстѣ съ тѣмъ есть нѣчто отличное отъ нея и не долженъ быть смѣшиваемъ съ нею: совѣсть спослушествуетъ намъ въ исполненіи закона сего, т. е. свидѣтельствуетъ о немъ, вѣщаетъ о его правилахъ и предписаніяхъ, и такимъ образомъ побуждаетъ насъ къ исполненію ихъ. Спослушествующая совѣсть въ дѣятельности своей непремѣнно соединяется съ *помыслами осуждающими* и *отвѣщающими*. Что это за явленіе въ духѣ нашемъ,—это объясняетъ намъ опытъ. Во всякомъ нравственномъ поступкѣ мы не только сознаемъ законъ, но и чувствуемъ въ себѣ нѣкую силу, оцѣнивающую наши поступки, *судящую* о сообразности или несообразности ихъ съ закономъ и, въ слѣдствіе этого суда, подвергающую насъ *отвѣтственности*, награждая насъ за исполненіе закона внутреннимъ миромъ, а за нарушеніе его наказывая внутренними угрызеніями. Совокупивъ всѣ эти понятія въ одно, мы должны составить слѣдующее понятіе о совѣсти: она есть та нравственная сила нашего духа, которая возвѣщаетъ намъ внутренній нравственный законъ, судитъ о сообразности или несообразности нашихъ поступковъ съ этимъ закономъ и въ слѣдствіе того награждаетъ насъ внутреннимъ миромъ, или наказываетъ угрызеніями. Весьма вѣрно сравниваютъ ее съ судилищемъ, въ которомъ обыкновенно хранятся законы, изъясняются ихъ правила, судятся поступки людей, награждается добро и наказывается зло. Различіе въ этомъ сходствѣ только то, что совѣсть одна и сама производитъ всѣ дѣйствія, которыя въ обыкновенномъ судилищѣ раздѣлены между многими частными исполнителями: она есть законовѣщатель, и судія, и мздовоздаятель.

Изъ самаго понятія о совѣсти видно, что назначеніе ея—руководить человѣка къ нравственной жизни, назначеніе высокое. Сообразно ему она должна выполнить и долгъ свой. Долгъ этотъ опредѣляется также понятіемъ о совѣсти. Совѣсть есть законовѣщатель; слѣдовательно долгъ ея вѣрно и опредѣленно передавать намъ предписанія естественнаго нравственнаго закона; а какъ самыя правила сего закона заключаются въ насъ въ общемъ видѣ, то долгъ совѣсти — вѣрно и точно руководить человѣка въ частныхъ нравственныхъ дѣйствіяхъ, зависящихъ отъ различныхъ вліяній и обстоятельствъ. Совѣсть есть судія нашихъ поступковъ; слѣдовательно, чтобы неуклоняться отъ своего назначенія, она должна быть судіею вѣрнымъ и нелицепріятнымъ: не должна извинять тяжкихъ преступленій нашихъ, но и не должна преувеличивать тяжести ихъ,—то и другое имѣетъ пагубное вліяніе на нашу нравственность; таковъ же долженъ быть судъ ея и по отношенію къ добрымъ дѣламъ человѣка. Совѣсть есть внутренній мздовоздаятель намъ за дѣла наши; въ этомъ отношеніи она должна преслѣдовать *всѣ* самыя сокровенныя движенія нашего духа, преслѣдовать *вездѣ*, даже въ самой мысли; должна награждать, или наказывать насъ соразмѣрно съ достоинствомъ добрыхъ дѣлъ и съ тяжестію преступленій; должна преслѣдовать насъ *всегда*, никогда не ослабляя мздовоздаяній; ибо, по свойству нашей природы, надлежащее мздовоздаяніе даетъ надлежащее направленіе нашей нравственной дѣятельности, а неправильное, ослабѣвающее мздовоздаяніе ослабляетъ и извращаетъ и

самую нравственную дѣятельность. Вообще совѣсть должна быть *истинною, непорочною, благою.* Потому-то и апостолы такъ много заботились объ этомъ главномъ свойствѣ совѣсти: *о семъ азъ подвизаюся, непорочну совѣсть имѣти всегда предъ Богомъ и человѣки* (Дѣян. 24, 16). *Уповаемъ, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити* (Евр. 13, 18); *конецъ завѣщанія, любы отъ чиста сердца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя* (1 Тим. 1, 5—19. 2 Кор. 4, 2).

Въ какомъ состояніи находится совѣсть въ человѣкѣ естественномъ или ветхомъ? Нѣтъ сомнѣнія, что язва грѣха, глубоко проникшая все существо человѣка, коснулась и совѣсти, потому и совѣсть повредилась. Но уже потому самому, что совѣсть есть внутреннѣйшая, глубочайшая сила души нашей, эта зараза грѣха произвела въ ней менѣе поврежденія, чѣмъ въ прочихъ силахъ души. Въ совѣсти осталось много добраго. По свидѣтельству Апостола, язычники, въ лицѣ которыхъ ветхій человѣкъ развился во всемъ своемъ грѣховномъ разнообразіи, еще исполняли и исполняютъ внутренній законъ, при руководствѣ только совѣсти, безъ всякаго внѣшняго положительнаго закона Божія (Римл. 2, 14—15); ветхій человѣкъ, по свидѣтельству тогоже Апостола, не можетъ удержаться отъ грѣха, но не перестаетъ хвалить законъ, яко добръ (Римл. 7, 16); онъ даже соуслаждается закону Божію по совѣсти даже и тогда, когда всѣ прочія силы души уже устремлены къ злу. Тоже доказываетъ и внѣшній опытъ. Не было и нѣтъ народовъ, у которыхъ бы не было понятій о честности и добродѣтели; не было и нѣтъ народовъ, у которыхъ бы не существовали какіе либо законы, опредѣляющіе взаимное отношеніе людей между собою, содѣйствующіе развитію добра и ограниченію зла: но и началомъ и существованіемъ, объясненіемъ и развитіемъ своимъ, они обязаны совѣсти человѣческой. Самыя судилища (существующія у всѣхъ народовъ), по устройству своему столько сходныя съ существомъ совѣсти, могли быть только произведніемъ совѣсти. Самый закоренѣлый преступникъ уважаетъ добро, по крайней мѣрѣ, въ другихъ, если самъ не имѣетъ его; это тѣмъ болѣе замѣчательно, что совѣсть его, по мѣрѣ углубленія въ немъ грѣха, повреждается и помрачается. По внутреннему опыту мы знаемъ, что совѣсть повреждена менѣе всѣхъ другихъ силъ души. Бываетъ съ нами, что всѣ уже силы души рѣшаются на зло: сердце увлеклось страстію, разумъ измыслилъ оправданіе грѣху, воля стремится совершить преступленіе; одна совѣсть не перестаетъ вопіять противъ всѣхъ силъ души и часто одна удерживаетъ стремительный напоръ ихъ. Бываетъ и такъ, что совѣсть ослабѣетъ подъ гнетомъ прочихъ силъ души, устремившихся на зло, и человѣкъ совершитъ преступленіе; но, когда утихнетъ шумъ страстей, совѣсть возвышаетъ свой голосъ съ большею противъ прежняго силою.

Не смотри однакожъ на то, что въ совѣсти осталось много добраго, она сильно повреждена. Это видно изъ того, что въ естественномъ человѣкѣ она не выполняетъ своего долга: она не всегда вѣрно и ясно возвѣщаетъ человѣку законъ внутренній; ибо сама часто не ясно сознаетъ предписанія его (Матѳ. 19, 16—20), часто колеблется сомнѣніями въ опредѣленіи его повелѣній и запрещеній (Римл. 14, 23), не рѣдко даже она называетъ доброе лукавымъ, а лукавое добрымъ, полагаетъ горькое сладкое и сладкое горькое (Исаіи 5, 20). Опытное доказательство на всѣ эти виды ея заблужденій находимъ въ дѣйствіяхъ язычниковъ. Не имѣя надлежащаго понятія о законѣ внутреннемъ, совѣсть вет-

хаго человѣка очевидно не можетъ и изъяснить его правилъ по отношенію къ частнымъ случаямъ, и частнымъ поступкамъ; даже тогда, когда она знаетъ общія постановленія его правильно, въ приложеніи ихъ къ дѣлу часто оказывается погрѣшающею; наконецъ, по свидѣтельству Апостола, совѣсть ветхаго человѣка, въ извѣстныхъ частныхъ поступкахъ грѣховныхъ, не видитъ грѣха; понятіе о грѣхѣ какъ бы умираетъ въ ней (Римл. 7, 8). Совѣсть какъ судья, также не всегда вѣрно исполняетъ свой долгъ въ ветхомъ человѣкѣ; ибо, не всегда ясно сознавая законъ внутренній и не всегда правильно понимая его, она очевидно не можетъ вѣрно судить о собразности или несообразности нашихъ поступковъ съ закономъ. Судъ ея большею частію бываетъ лицепріятный, благопріятствующій преступнымъ страстямъ (1 Цар. 15, 15. 22); иногда же она представляетъ преступленіе въ преувеличенномъ видѣ, погашая въ человѣкѣ всякую возможность загладить его покаяніемъ (Быт. 4, 13, 14). Сообразно съ судомъ образуется и мздовоздаяніе совѣсти, ибо между тѣмъ и другимъ находится самая тѣсная связь, отсюда лицепріятный судъ совѣсти производитъ то, что грѣшникъ, не обличаемый и не наказываемый совѣстію, безъ всякаго смущенія предается *въ дѣланіе всякой нечистоты* (Еф. 4, 19), а преступный судъ совѣсти производитъ въ грѣшникѣ тяжкія мученія и терзанія, доводящія его до отчаянія (Быт. 4, 13—14. Матѳ. 27, 3. 4. 5). Вообще, въ выполненіи своего долга совѣсть въ ветхомъ человѣкѣ является *ложною, заблуждающеюся, слабою.*

Причина такого превратнаго образа дѣятельности совѣсти понятна. Поелику совѣсть не есть законодатель, а только — вѣщатель закона, написаннаго, по Апостолу, въ сердцѣ человѣка (Римл. 11, 15), а сердце до того повреждено грѣхомъ, что служитъ большею частію *исходищемъ помышленій злыхъ, убійствъ, прелюбодѣяній, любодѣяній* и проч. (Матѳ. 15, 19); то и самая совѣсть образуется по вліянію страстей и похотей порочнаго сердца. При такомъ состояніи совѣсти у ветхаго человѣка конечно не могло и не можетъ быть вѣрнаго и яснаго сознанія грѣховности, а слѣдовательно и потребности къ перемѣнѣ образа жизни на другой лучшій, сообразный съ назначеніемъ и достоинствомъ человѣка. Посему-то Апостолъ и говоритъ: *грѣха не знахъ, точію закономъ* (положительнымъ) *похоти же не вѣдахъ, аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши* (Рим. 7, 7), *безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть* (8).

Изъ сказаннаго доселѣ видно, что по силѣ поврежденія совѣсть сама собою не можетъ исправиться, что для нея нужно нѣкоторое особенное высшее пособіе. Въ чемъ же должно состоять это пособіе? Изъ разсмотрѣнія образа дѣятельности совѣсти въ человѣкѣ видно, что судъ и мздовоздаяніе ея направляется и опредѣляется сообразно съ тѣмъ, какъ сама совѣсть понимаетъ и возвѣщаетъ законъ; поэтому исправленіе дѣйствій совѣсти первѣе всего должно начаться объясненіемъ для нея закона. Такъ какъ въ ветхомъ человѣкѣ совѣсть побуждаетъ его дѣлать часто то, чего не должно дѣлать, и отвлекаетъ иногда отъ того, что должно дѣлать: то самое объясненіе для ней закона внутренняго должно состоять въ томъ, чтобы изложить его въ ясныхъ повелѣніяхъ и запрещеніяхъ. Очевидно что можетъ это сдѣлать только Тотъ, Кто начерталъ въ существѣ нашемъ самый законъ внутренній. И дѣйствительно, Богъ открылъ людямъ волю Свою въ положительномъ законѣ ветхаго и новаго завѣта. Не смотря на различіе завѣтовъ, законъ этотъ въ сущности своей одинъ, какъ выраженіе единой воли Божіей и какъ

проясненіе и раскрытіе нашего внутренняго закона; *Близъ тебе есть глаголъ зѣло, во устѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ и въ руку твоею творити я* (Второз. 30, 14) говоритъ пророкъ Моисей.

При законѣ положительномъ совѣсть принимаетъ уже другое значеніе. Законъ данъ для людей потому, что совѣсть не ясно понимала и не вѣрно возвѣщала внутренній законъ; а когда данъ законъ положительный, то дѣло совѣсти только принять и усвоить его, слѣдовательно подчиниться ему, какъ имѣющему полную и ясно выраженную обязательность,— и наблюдать за исполненіемъ его. Прочія права ея остаются за нею. Въ частныхъ случаяхъ, при столкновеніи различныхъ предписаній закона, ея дѣло согласить эти предписанія и объединить исполненіе ихъ въ частномъ поступкѣ. Ея дѣло оцѣнивать наши поступки и видѣть сообразность или несообразность ихъ съ закономъ положительнымъ, и въ слѣдствіе этого или награждать насъ внутреннимъ миромъ или наказывать угрызеніями. Поелику же послѣднія ея дѣйствія зависятъ отъ перваго, а первое подчинено закону положительному; то дѣло совѣсти при законѣ положительномъ — вполнѣ сообразоваться съ симъ закономъ, такъ что каковъ законъ, такова должна быть и совѣсть, но не наоборотъ. При такомъ только подчиненіи закону, она очевидно будетъ приближаться къ своему назначенію — быть руководительницею человѣка къ истинно нравственной жизни,— назначенію, котораго она въ ветхомъ человѣкѣ сама по себѣ не выполняетъ. Нужно замѣтить, что сколько законъ необходимъ, для совѣсти падшей, столько же и совѣсть необходима, чтобы законъ былъ исполняемъ особенно по духу. Ибо законъ, какъ законъ, самъ по себѣ не даетъ еще силы и значенія нашимъ дѣяніямъ. Чтобы добродѣтель была добродѣтелію истинною, для сего необходимо, чтобы она совершалась добрыми средствами, съ добрыми побужденіями и для добрыхъ цѣлей, а это опредѣляетъ въ нашемъ поступкѣ совѣсть. Есть еще дѣла, неопредѣляемыя прямо въ законѣ положительномъ, но заключающіяся въ духѣ его; есть дѣла собственно предоставленныя совѣсти. Въ томъ и другомъ случаѣ необходимо особенное участіе совѣсти: она одна можетъ опредѣлить, что и какъ намъ должно дѣлать.

Вообще о совѣсти нужно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: безъ закона положительнаго она даже сама не сознаетъ ясно нравственныхъ предписаій и запрещеній внутренняго закона, даже до того омрачается, что не сознаетъ, что такое грѣхъ, такъ что безъ закона положительнаго, при одномъ руководствѣ совѣсти, *грѣхъ мертвъ есть* (Рим. 4, 8) при положительномъ же законѣ *грѣхъ оживе* (9) т. е. совѣсть стала понимать и сознавать грѣхъ, какъ грѣхъ; болѣе этого законъ не даетъ совѣсти ничего, то есть, не даетъ ей силы къ исполненію закона. Для этого нужна еще особенная, благодатная сила, укрѣпляющая ее въ исполненіи ею своего долга. —

МІРСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ.

Если посмотримъ внимательнѣе, какъ обыкновенно живутъ люди въ свѣтѣ, то увидимъ, что во всѣхъ ихъ есть и посредственное добро и посредственное зло. Мы не найдемъ, чтобъ кто нибудь былъ по всему добръ, или

по всему золъ. Въ мірѣ почти одинаково опасаются оказать себя совершенно праведнымъ какъ и совершено неправеднымъ.

Почему же такъ? Основаніе того и другаго опасенія нашъ эгоизмъ, и наша угодливость міру. Боимся, чтобъ міръ не возненавидѣлъ насъ и за излишнее зло и за излишнюю (по мнѣнію міра) доброту. А это значитъ, что мало помышляемъ мы объ истинномъ цѣнителѣ дѣлъ нашихъ — Судіи небесномъ, мало слушаемъ и голоса нашей совѣсти.

Въ мірѣ изобрѣтена какъ бы своя, особенная нравственность. Она состоитъ въ наружномъ приличіи, въ согласіи съ мнѣніемъ большей части, въ подражаніи знатнымъ. А все ли это согласно съ нравоученіемъ евангельскимъ?

Приличіе, говорятъ, требуетъ, чтобы предъ всѣми высказывать любезность, веселость, учтивость: объ этомъ болѣе всего заботятся; но можно питать въ сердцѣ зависть, ненависть, презрѣніе, нечистыя страсти: объ искорененіи этаго зла внутренняго кто помышляетъ, кто учитъ въ свѣтѣ?

Если обида другому не велика, если она ненамѣренная, случайная, требуется предъ всѣми испросить прощеніе у обидѣвшагося, и послѣдній доженъ протянуть первому руку для примиренія. Но что, если обида велика, если она соединена съ насмѣшкою и позоромъ? Большой порокъ въ свѣтѣ, если кончится это безъ такъ называемаго благороднаго отмщенія, которое состоитъ въ поединкѣ!

Общественное мнѣніе обвинитъ того въ неуваженіи къ обычаямъ образованнаго міра, кто не хочетъ бывать на балахъ и спектакляхъ, не принимаетъ участія въ играхъ и танцахъ. Но кто забываетъ богослуженіе въ самые праздничные дни; кто даже и одинъ разъ въ году не участвуетъ съ братіями своими по вѣрѣ въ трапезѣ Господней, того не обвиняетъ.

Кто не жертвуетъ для угощенія какого нибудь вельможи, очень нужнаго въ отношеніи къ матеріальнымъ пользамъ извѣстнаго кружка, или для какого либо вымышленнаго увеселенія свѣтскаго, тотъ скупецъ и неблаговоспитанный человѣкъ. Но кто и малой монеты жалѣетъ для бѣдныхъ и во весь годъ не пожертвуетъ рубля для своей приходской церкви, — объ немъ ничего не скажутъ въ свѣтѣ.

Подражать въ роскоши богатымъ, отличаться отъ толпы модною одеждой, изучать пріемы и обращеніе людей высшаго состоянія, усвоять ихъ взгляды пристрастные и близорукіе на лица и вещи — это похвально, это образованность и сознаніе своего достоинства человѣческаго.

А что говорится въ свѣтѣ о тѣхъ, которые стараются подражать святымъ Божіимъ? Хотятъ подобно имъ служить Богу, и мало обращаютъ вниманія на свою внѣшность? — Это пустосвяты и ханжи!

И мало ли другихъ подобныхъ несообразностей нравственности міра съ нравственностію христіанскою?

Но давно сказано, и это неопровержимая истина: *тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно; а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8).

Если не избудетъ нравственность наша паче нравственности мірской, обыкновенной, мы не внидемъ въ царствіе небесное.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 16-го Марта 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоанникій.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 55.

НЕДѢЛЯ 6 ПОСТА,
ИЛИ ВАІЙ.

5 Апрѣля 1859 г.

Гласъ 6-й.

На утрени: евангеліе Матѳ. зач. 83. На Литургіи: апостолъ Фил. зач. 247, евангел. Іоан. зач. 41.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ВАІЙ (*).

Чесо ради мѵро сіе не продано бысть на трехъ стѣхъ пѵнязь, и дано нищимъ. **Іоан. 12, 5.**

Когда Спаситель въ послѣдній разъ предъ крестными своими страданіями возлежалъ на вечери въ дому Лазаря, котораго воскресилъ изъ мертвыхъ, а сестра Лазаря, Марія, взявъ фунтъ нардоваго, чистаго, драгоцѣннаго мура, помазала имъ ноги Іисуса, и отъ мура цѣлый домъ наполнился благоуханіемъ: тогда Іуда предатель вздумалъ осуждать этотъ поступокъ Маріи, говоря: для чего бы не продать этаго мура за триста денаріевъ и не раздать нищимъ? Но, по замѣчанію евангелія, Іуда говорилъ такимъ образомъ не потому, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ заботился о нищихъ; а потому, что, взявъ на себя носить денежный ящикъ, въ который сострадательные люди, видѣвшіе нищету апостольскаго общества, впускали деньги на крайнія нужды апостоловъ, Іуда крадъ часть этой милостыни, чтобы накопить денегъ для своихъ видовъ. Такимъ образомъ, свойственная многимъ, низкая страсть предателя, которую онъ усиливался прикрыть мнимымъ своимъ нищелюбіемъ, показываетъ, сколь высоко достоинство истинныхъ добродѣтелей, когда и такіе люди, какъ Іуда предатель, желали бы хотя казаться добродѣтельными. Но притворная святость, или лицемѣріе, усугубляя тяжесть всякаго порока, и само по себѣ есть беззаконіе, мерзостное предъ Богомъ, зловредное для людей, пагубное для самихъ лицемѣровъ.

(*) Ирео священнѣйшаго Анатолія, Архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

Притворная святость, или лицемѣріе, есть беззаконіе самое мерзостное въ очахъ Божіихъ. Въ истинѣ сего легко убѣдиться, принявъ въ соображеніе, что показывающіе одинъ видъ благочестія и ревности по закону Божію, съ тѣмъ, чтобы подъ личиною святости удобнѣе достигать своихъ преступныхъ видовъ, безъ всякаго сомнѣнія, или подобно открытымъ безбожникамъ говорятъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога (Псал. 13, 1), или думаютъ, что Богъ, знающій и несодѣянная нами, не есть Богъ, испытующій сердца и утробы, что *не узритъ Господь и не разумѣетъ* (Псал. 93, 7) притворства; что лицемѣріемъ также можно увѣрить Бога въ искренности благочестія, какъ иногда обманываются люди, принимая мѣдь за золото, и олово за серебро; или можетъ быть воображаютъ лицемѣры, что у Бога, который насадилъ въ сердцѣ нашемъ чувство правоты, нѣтъ различія между добромъ и зломъ, и что по сему можно ненаказанно совершать какія угодно злодѣянія. Но, по выраженію слова Божія, если *всякъ творяй зло добръ предъ Господомъ*: то *гдѣ есть Богъ правды* (Малах. 2, 17)? Такой образъ мыслей столько же нечестивъ, какъ если бы кто представлялъ себѣ Бога истуканомъ, ничего не видящимъ и не слышащимъ, а не Богомъ всепромышляющимъ, всевѣдущимъ, всеблагимъ и правосуднѣйшимъ, который оскорбляется не только беззаконными дѣлами, но даже нечестивымъ образомъ нашихъ мыслей.

Но Богъ отвергаетъ даже благочестивые, повидимому, подвиги и жертвы, не проистекающіе отъ искренняго сердца. *Что Ми множество жертвъ вашихъ*, говоритъ Господь лицемѣрнымъ поклонникамъ, *ниже приходите явитися Ми* (Иса. 1, 14). *Приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя* (Иса. 29. 13)! *Поста же и новомѣсячій ихъ и праздниковъ ихъ ненавидитъ душа моя* (Иса. 1, 14). Такъ, всевѣдѣніе и правда Божія не могутъ не отвергать лицемѣрія, которое тѣмъ болѣе гнусно предъ Богомъ, что притворные святоши столько же, если не болѣе, совращаютъ простыя души съ пути добродѣтели, сколько и открытые безбожники. И естественно; потому что, если ничего нѣтъ тайнаго, что въ послѣдствіи бы не открылось: то и притворство лицемѣровъ не можетъ долго скрываться подъ личиною святости! Даже въ началѣ своемъ оно непремѣнно кому нибудь бываетъ извѣстно. А изъ этого происходитъ, что лицемѣръ сперва заражаетъ своимъ нечестіемъ малый кругъ приближенныхъ къ нему, которые какъ бы за тайну знаютъ о преступномъ образѣ его мыслей; потомъ, когда притворство святости его обнаруживается предъ міромъ, многіе, считавшіе лицемѣра подлинно святымъ, начинаютъ думать, что на землѣ нѣтъ истинно благочестивыхъ людей; а въ слѣдствіе сего даже бывшіе на пути благочестія совращаются на путь порока. Не очевидно ли изъ сего, что самый открытый безбожникъ не можетъ принесть большаго безславія евангельскому ученію и вреда Церкви Божіей, какъ притворный святоша?

Съ какою же цѣлію лицемѣры прикрываются притворною святостію? Съ тою цѣлію, чтобы изъ своекорыстныхъ видовъ дѣйствовать во вредъ благосостоянію ближняго. Въ этомъ отношеніи, по выраженію Спасителя, лицемѣры суть волки, ходящіи въ одеждахъ овчихъ (Матѳ. 7, 15). Они отцѣживаютъ, будто изъ благоговѣнія къ уставамъ Божіимъ, комаровъ, а пожираютъ верблюдовъ (Матѳ. 23, 24); долго молятся, произносятъ въ слухъ предъ людьми какія нибудь молитвенныя изреченія, воздыхаютъ, возводятъ очи на небо, чтобы вкравшись въ довѣріе людей, поглощать цѣлые домы беззащитныхъ вдовицъ и сиротъ

(Матѳ. 23, 14); даютъ десятину съ ничтожныхъ вещей, съ мяты, аниса и тмина, а оставляютъ важнѣйшее въ законѣ: правосудіе, милость и вѣру (Матѳ. 23, 23). Что было причиною страданій и крестной смерти Спасителя, какъ не притворная святость людей, возненавидѣвшихъ высочайшую святость, олицетворенную въ Іисусѣ Христѣ? Посмотрите на это скопище злодѣевъ, положившихъ въ умѣ и сердцѣ своемъ умертвить Богочеловѣка самою поносною смертію. Всѣ они по видимому праведники. Іуда скорбитъ о напрасной тратѣ драгоцѣннаго мура, за которое вырученныя деньги можно бы раздать нищимъ (Іоан. 12, 5), а коварнымъ лобзаніемъ предаетъ Господа въ руки враговъ Его (Матѳ. 26, 49). Старѣйшины и члены верховнаго іудейскаго судилища будто не хотятъ приступить къ осужденію Іисуса Христа безъ свидѣтельскихъ показаній Его виновности (Матѳ. 26, 59); лжесвидѣтели, повидимому, ревнуютъ о цѣлости іерусалимскаго храма и по славѣ Божіей (Матѳ. 26, 61); первосвященникъ Каіафа раздираетъ ризы свои, притворяясь убѣжденнымъ, что Спаситель богохульствуетъ (Матѳ. 26, 65); слуги Каіафы ударяютъ Іисуса по ланитѣ будто за дерзскій отвѣтъ Его архіерею (Іоан. 18, 22); сопровождавшіе Іисуса къ Пилату, народные старѣйшины, фарисеи и книжники гнушаются входомъ въ домъ правителя Іудеи (Іоан. 18, 28), чтобы не осквернриться близкимъ общеніемъ съ язычникомъ при наступленіи пасхи. Пилатъ, по видимому, желаетъ знать одну истину, и будто не узнаетъ ее, стоя предъ самою Истиною (Іоан. 18, 37. 38); умываетъ свои руки въ знакъ своей невинности; а издаетъ приговоръ, осуждающій на самую лютую казнь высочайшую невинность (Матѳ. 28, 24); старѣйшины народа, совокупно съ нимъ, утверждаютъ, что имъ не позволено никого предавать смертной казни (Іоан. 18, 31), и въ тоже время вопіютъ къ Пилату на Спасителя: *возми, возми, распни Его* (Іоан. 19, 15)! Воины, овладѣвъ Іисусомъ, возлагаютъ терновый вѣнецъ на главу Его, ударяютъ по ней, ругаются надъ Нимъ, будто за присвоеніе Имъ царской власти (Марк. 15, 18—20); распинатели прободаютъ бокъ Іисуса Христа, чтобы, удостовѣрившись въ Его смерти, не оставить мертвыхъ тѣлъ на крестѣ и не осквернить тѣмъ субботы, потому что та суббота считалась великимъ днемъ (Іоан. 19, 31—34); первосвященники, съ своими единомышленниками, приставляютъ къ погребальной пещерѣ стражу и печатаютъ гробъ Спасителя, будто для того, чтобы пресѣчь дальнѣйшее распространеніе обмана (Матѳ. 27, 63. 64). Словомъ: всѣ враги Іисуса Христа представляются святыми, праведными: а Онъ, единственный на всю вѣчность *Праведникъ, погибаетъ, и никто же пріемлетъ сердцемъ* (Исаіи 57, 1), никто не принимаетъ искренняго участія въ судьбѣ Его. Но какія беззаконія не прикрывались личиною святости? Были времена, въ которыя тысячи невинныхъ закалались будто изъ ревности по славѣ Божіей; да и теперь сколько совершается злодѣяній, прикрываемыхъ какою нибудь добродѣтелію!

По крайней мѣрѣ, притворная святость, скажетъ кто нибудь, полезна для самихъ лицемѣровъ. Едва ли, потому, что не смотря на славу святости, которую иногда пріобрѣтаютъ лицемѣры, они почти всегда подвергаются участи явныхъ безбожниковъ. Доказательствомъ сего можетъ служить корыстолюбіе Іуды предателя, которое онъ прикрывалъ мнимымъ нищелюбіемъ. Іуда не только былъ возведенъ въ санъ апостольства, но даже, вмѣстѣ съ другими апостолами, по благости Спасителя, обладалъ сверхъестественнымъ даромъ чудотворенія, а кончилъ жизнь само-

убійствомъ. Вообще участь лицемѣровъ до того незавидна, что къ нимъ можно отнесть изреченіе апостола Павла къ Галатамъ: *толика пострадасте туне* (Гал. 3, 4)! Ибо и наружное подражаніе святымъ, истинно добродѣтельнымъ людямъ, чего нибудь да стоитъ лицемѣрамъ; даже, по всей вѣроятности, стоитъ тѣмъ болѣе трудовъ, чѣмъ тягостнѣе казаться несообразнымъ съ внутренними, растлѣнными чувствами. Посему сердце лицемѣра постоянно двоится, никогда съ собою не согласно, всегда во враждѣ съ наружностію и въ противорѣчіи съ духомъ евангелія. Такъ, показывающіе одинъ видъ благочестія, но отвергающіеся силы его, будучи побуждаемы желаніемъ прославиться какими нибудь добродѣтелями, принуждены бываютъ рѣшаться на какіе либо богоугодные подвиги,—и все напрасно, потому что наши дѣла тогда только имѣютъ цѣну въ очахъ Божіихъ, когда проистекаютъ отъ искренняго благорасположенія и чистосердечнаго желанія дѣлать добро. Мнимыя же добродѣтели лицемѣра низки, ничтожны, потому что имѣютъ цѣлію суетное самоугодіе, совершаются изъ однихъ корыстныхъ видовъ. Между тѣмъ узнавшіе лицемѣра короче, удостовѣрившись, что святость его притворна, одни соблазняются гнуснымъ его поведеніемъ, другіе, предавая его всеобщему посмѣянію, обращаются съ нимъ презрительно.

Горестнѣе всего то, что лицемѣра наконецъ оставляетъ и благодать Божія. Тогда тайный губитель душъ человѣческихъ съ одной стороны доводитъ притворнаго святошу до такого душевнаго ожесточенія, что онъ и не усиливается уже объ исправленіи своего сердца, о принесеніи искренняго покаянія; съ другой обольщаетъ его лживыми умозаключеніями, увѣряя его, что образъ его жизни самый благоразумный; что, какъ онъ живетъ, такъ и должно жить на свѣтѣ. Въ семъ состояніи притворный святоша естественныя свои склонности къ добру признаетъ богоугодными подвигами, а проистекающіе отъ такихъ склонностей нѣкоторые свои поступки считаетъ истинными добродѣтелями, и полагаетъ, что онъ праведникъ, достигшій уже полнаго совершенства въ дѣлѣ душевнаго спасенія, а другіе люди въ этомъ отношеніи гораздо ниже его. Ослѣпленный до такой степени лицемѣръ дерзаетъ даже превозноситься предъ самимъ Богомъ мнимыми своими добродѣтелями и говоритъ, подобно изображенному въ евангеліи фарисею: *нѣсмь, якоже прочіи человѣцы* (Лук. 18, 11)! Но говоря, или помышляя такимъ образомъ, самъ на себя изрекаетъ приговоръ вѣчнаго отверженія отъ лица Божія.

Если лицемѣріе мерзостно въ очахъ Божіихъ, вредно для нашихъ ближнихъ, пагубно для самихъ лицемѣровъ, то да блюдемся его, братія, со всею осмотрительностію, тѣмъ болѣе, что всякое притворство есть ложь, а отецъ лжи вѣчный губитель душъ человѣческихъ. Всеусильно стараясь поступать по стезямъ заповѣдей Божіихъ, станемъ обращаться съ ближними съ искреннею любовію, исполнять дѣла нашего званія отъ всей души, и прославлять Бога не устами только, но всѣмъ сердцемъ, всѣми нашими дѣлами и всею нашею жизнію. Аминь.

О ЧУДЕСНЫХЪ ЗНАМЕНІЯХЪ, СОПРОВОЖДАВШИХЪ СТРАДАНІЯ И СМЕРТЬ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Іисусъ, возопивъ гласомъ великимъ, испусти духъ. И се завѣса церковная раздрася на двое съ вышняго края до ниж-

няго: и земля потрясеся, и каменіе распадеся: и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа. (Мат. 27, 50—52).

Предалъ божественный Страдалецъ духъ свой въ руцѣ Отца Небеснаго и смолкли уста Его, такъ долго возвѣщавшія людямъ святую и спасительную истину, смолкли, открывшись въ послѣдній разъ съ особеннымъ возвышеніемъ гласа, какъ бы для того, чтобы сотрясти окаменѣлыя сердца распинателей и соумышленниковъ ихъ. Но едва смолкли уста небеснаго Учителя и Проповѣдника истины, началась проповѣдь другая; она безъ гласа и словъ, но слышна для всѣхъ и понятна для внимающихъ ей, отрадна для вѣры и упованія, грозна для невѣрія и ожесточенія. Это проповѣдь съ неба и изъ земли, изъ святилища тайнъ благочестія живыхъ и изъ таинственнаго міра умершихъ,— проповѣдь въ чудесныхъ знаменіяхъ, сопровождавшихъ страданіе и смерть Сына Божія: *Іисусъ, возопивъ гласомъ великимъ, испусти духъ. И се завѣса церковная раздрася на двое съ вышняго края до нижняго, и солнце померче и земля потрясеся, и каменіе распадеся: и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа.* Какая велегласная, какая всеобъемлющая, какая таинственная и какъ глубоко—поучительная проповѣдь!

Такъ, когда люди не внимаютъ истинѣ изъ устъ посланниковъ Божіихъ, Творецъ неба и земли дѣлаетъ вѣстниками судовъ и опредѣленій своихъ громы и молніи, трусы и потопленія, тьму ночи среди полудня и свѣтъ дня среди ночи, чтобы хоть такими величественными знаменіями потрясти окаменѣлыя сердца людей и указать на величіе истины, возвѣщаемой сими знаменіями. Видно, велико было безчувствіе людей, видно, необыкновенно величественное совершалось въ Іерусалимѣ среди шума и волненія людскаго, что Господь сотрясъ небомъ и землею, сокрылъ свѣтъ солнца, разверзъ таинникъ своей неприступной святыни, раскрылъ утробу земли и возбудилъ умершихъ для наученія и вразумленія людей! Приникнемъ съ умиленіемъ сердца, и уразумѣемъ, что вѣщаютъ намъ чудесныя знаменія неба и земли, сопровождавшія распятіе, страданіе и смерть Господа нашего на Голгоѳѣ.

Бѣ же часъ яко шестый, когда распяли Господа, *и тма бысть по всей земли до часа девятаго. И померче солнце* (Лук. 23, 44, 45). Отъ чего же померкло это благотворное небесное свѣтило? Развѣ для земли не нужно было тогда ни живоноснаго свѣта, ни живительной теплоты? Развѣ дѣятельныя силы живущаго на землѣ не нуждались тогда въ благотворномъ возбужденіи? Да, посмотрите на жизнь и дѣятельность въ Іерусалимѣ, прежде и послѣ распятія Господа, разсмотрите замыслы духа веселящихся и торжествующихъ распинателей Господа,—что это за жизнь и дѣятельность, что за веселіе и торжество? Это жизнь беззаконныхъ книжниковъ и фарисеевъ, питавшаяся враждою и лукавствомъ, дышавшая злобою и местію противъ Іисуса Христа; это дѣятельность изувѣрныхъ враговъ Господа, со всѣмъ неусыпнымъ напряженіемъ устремленная къ тому, чтобы оклеветать Его, унизить, посрамить, поругать, обвинить виною преступника и умертвить поносною и мучительною смертію беззаконника. И теперь, когда Господь распятъ на крестѣ среди двухъ разбойниковъ, когда зависть и злоба торжествуютъ эту побѣду, чѣмъ заняты мысль и дѣятельность беззаконныхъ жителей Іерусалима? Они среди суетнаго шума народнаго спѣшатъ докончить беззаконное богоубійство враждебными преслѣдованіями самаго тѣла умершаго Господа, и замышляютъ торжествовать совершен-

ную побѣду надъ распятымъ Іисусомъ, такъ чтобы не осталось и памяти о Его имени въ народѣ. По достоянію померкло солнце, чтобы не освѣщать такихъ плодовъ беззаконной жизни и дѣятельности, какіе видѣло оно въ Іерусалимѣ и на Голгоѳѣ. Враги не устыдились свѣта дня, совершая беззаконное богоубійство, такъ устыдилось солнце зрѣть ихъ беззаконіе, и отняло у нихъ свѣтъ свой и оставило имъ мракъ во свидѣтельство ихъ мрака душевнаго и темныхъ дѣлъ беззаконія. Не достойны свѣта солнечнаго тѣ, которые изъ ненависти къ свѣту истины, силились помрачить поношеніемъ на крестѣ и сокрыть во мракѣ гроба незаходимое *Солнце правды*.

Но не въ Іерусалимѣ только, а *тма бысть по всей земли отъ шестаго часа до девятаго*, когда померкло солнце, чтобы не свѣтить беззаконнымъ іудеямъ и не зрѣть совершеннаго ими богоубійства на Голгоѳѣ. Чѣмъ же виновны были въ то время люди, разсѣянные по лицу земли, которые и не могли знать о совершавшемся на Голгоѳѣ? Что повѣдала міру, въ чемъ обличала его тьма, внезапно, среди дня, смѣнившая свѣтъ солнца? Осудили на крестѣ Господа нашего іудеи и распяли Его на Голгоѳѣ; но Господь распинался за всѣхъ людей, на Немъ лежали грѣхи всего міра. Тяжесть беззаконій всего человѣчества подъялъ Господь на рамена свои и вознесъ ее на крестъ искупительныхъ страданій; своею смертію Онъ спасалъ весь міръ отъ погибели. Какъ должны быть важны для міра тѣ часы, когда совершалась въ Іерусалимѣ всемірная жертва искупленія! Какъ многоцѣнно, какъ многознаменательно было это время, единственное и безпримѣрное въ исторіи міра и человѣчества! И потому, какого вниманія, какого благоговѣнія, какого благочестиваго настроенія души требовала эта всемірная жертва искупленія отъ беззаконныхъ обитателей міра! А между тѣмъ міръ забылъ объ обѣтованіи искупленія своего и не зналъ, что уже настало это безцѣнное время искупленія, что уже совершается на землѣ небесная тайна спасенія человѣка; и потому, когда Господь страдалъ на крестѣ за беззаконія людей, люди обычною стопою текли на новыя беззаконія; міръ со всею ревностію послушнаго раба, по вѣковому обычаю, служилъ тайнѣ беззаконія, когда въ Іерусалимѣ совершалась тайна его оправданія. И чѣмъ пресѣчь міру. хоть на мгновеніе, пути его на *беззаконія*, которыя онъ *пилъ какъ воду*, чтобы онъ хоть въ минуту искупленія своего не работалъ своему осужденію? Нужна была всемірная проповѣдь, въ продолженіи трехъ часовъ времени, когда страдалъ за міръ въ мукахъ смерти висѣвшій на крестѣ Страдалецъ, чтобы возвѣстить міру о его спасеніи въ самыя минуты его спасенія. И вотъ Господь повелѣлъ всемірному свѣтилу, мгновенно и неожиданно, среди дня, сокрыть свѣтъ свой отъ взоровъ человѣческихъ, чтобы внезапнымъ появленіемъ всемірной тьмы среди дня прервать хоть на минуту беззаконную дѣятельность людей и обратить мысленные взоры ихъ отъ злыхъ помышленій къ недовѣдомой причинѣ всемірнаго мрака. Оскудѣніе животворнаго свѣта солнца по всему лицу земли прилично минутамъ такой смерти, которою умиралъ весь міръ въ лицѣ умирающаго Спасителя міра; нужно было, чтобы весь міръ пріобщился таинству этой смерти, спогребшись Христу въ безжизненной тьмѣ всемірнаго затмѣнія солнца, въ самыя минуты животворной смерти Спасителя міра. И вотъ, тьма погребла въ нѣдрахъ своихъ беззаконный міръ въ минуты его оправданія смертію Спасителя. Что же міръ? Внималъ ли всемірной проповѣди всемірнаго затмѣнія солнца о совершав-

шемся на Голгоѳѣ? Какіе были плоды этой проповѣди о крестной смерти Спасителя, знаетъ Всевѣдущій. По крайней мѣрѣ не безполезною осталась она, если міръ содрогнулся отъ внезапнаго явленія тьмы среди полудня, прервалъ на минуту обычное теченіе мыслей и желаній на злая, отнялъ руку отъ совершаемаго беззаконія и, на время прервавъ служеніе свое тайнѣ беззаконія, пріобщился тайнѣ спасенія своего, когда совершалась самая эта тайна. И исторія знаетъ, что одинъ ученый наблюдатель свѣтилъ небесныхъ, замѣчая внезапность, неожиданность и необыкновенность затмѣнія солнца во время страданій и смерти Спасителя, сказалъ и передалъ потомству, что во время этого затмѣнія долженъ страдать на землѣ или самъ Богъ, или посланникъ Божій. Такъ Господь и тьму полагаетъ покровомъ своихъ таинъ, чтобы хоть сквозь тьму узрѣли ихъ люди, обыкшіе ходить во тьмѣ и тѣни смертной.

Но пусть скрывалось бы солнце отъ людей беззаконныхъ и для беззаконныхъ; за чѣмъ же оставило это благотворное свѣтило подъ тяжестію мрака, безъ отрады свѣта, безутѣшнаго Страдальца на Голгоѳѣ — Создателя и Владыку своего? Тому, Кто благоволилъ испить всю чашу страданій, уготованную правосудіемъ Божіимъ беззаконному міру, не подобало никакого утѣшенія; для Кого изсякъ источникъ утѣшенія на небѣ, для Того не могло быть и на землѣ отрады. Муки ада — достояніе беззаконій, содѣланныхъ грѣшниками; явно, Кто беретъ на себя вину всѣхъ беззаконій человѣческихъ, Тому подобаетъ испытать страданія, соотвѣтствующія вѣчнымъ мукамъ ада: таковъ законъ божественнаго правосудія. Но изъ чего слагается бездна мученій адскихъ? Первое свойство ея есть тьма кромѣшняя, непроницаемая, исключающая всякую искру свѣта, такъ какъ и незаходимый свѣтъ солнца есть достояніе рая блаженныхъ. Итакъ, и эта капля горечи — оскудѣніе солнечнаго свѣта — должна была пасть въ безмѣрную чашу страданій, которую суждено испить до конца Искупителю человѣковъ. И вотъ правосудіе Божіе, отяготѣвшее всею силою суда своего надъ распятымъ Ходатаемъ за людей, повелѣло и солнцу сокрыть отъ Него лучи свои, чтобы лишить Его отрады свѣта и утѣшенія дня и тьмою дополнить бездну адскихъ мученій, невыразимо разлиравшихъ душу и тѣло безутѣшнаго Страдальца. И тьма продолжалась отъ шестаго часа до девятаго, когда Онъ приносилъ душу и тѣло въ жертву искупительнымъ страданіямъ за спасеніе міра: о девятомъ часѣ отлетѣлъ духъ божественнаго Страдальца, — просіяло и солнце своимъ свѣтомъ надъ искупленною землею.

И такъ, вотъ что проповѣдывало, вотъ кого обличало, вотъ что изображало всемірное затмѣніе солнца во время страданій Христовыхъ на Голгоѳѣ.

Что же значитъ сотрясеніе земли, бывшее при распятіи Господа? Отъ чего дрожало это бѣдное жилище человѣка? Не дивно, что трепетала земля подъ тяжестію креста Христова; дивно было бы, если бы она не содрогалась подъ этою тяжестію.

Отчего вообще сотрясается земля подъ стопами и жилищами нашими? Земля трясется всегда отъ того, что рѣдко потрясаетъ душу человѣка: она сотрясается отъ грома гласа Божія, дрожитъ отъ лица гнѣва Господня. Она *не преклонится въ вѣкъ вѣка*, если не потрясетъ ее всемогущая сила Того, Кто *основалъ ю на тверди ея* (Псал. 103, 5). Творецъ и Владыка міра *призираетъ на землю, и творитъ ю трястися*; Онъ *прикасается горамъ*, и горы *дымятся* и распадаются

(—32). Ужели взоръ Господа такъ грозенъ и гнѣвенъ, что земля не можетъ перенести его? Нѣтъ, взоръ сей, по самому существу своему, есть взоръ благій и всеоживляющій; по сему для ангеловъ и для душъ праведныхъ нѣтъ большаго блаженства, какъ наслаждаться свѣтомъ лица Божія. Призиралъ Господь и на землю такъ, что она не тряслася, а препоясывалась миромъ и радостію. Чѣмъ же теперь земля согрѣшила предъ Богомъ, что подобно рабу невѣрному, не можетъ стать предъ лице Его безъ трепета? Какою виною виновна бываетъ земля, что Господь не можетъ воззрѣть на нее безъ гнѣва? Не своею, а виною владыки своего—человѣка: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ*, сказано Адаму по его преступленіи, и слово проклятія отразилось на всѣхъ концахъ земли, проникло всѣ силы и все существо ея, отняло совершенство у всѣхъ ея произведеній, покрыло ее всѣми видами безпорядковъ и нестроеній. Стенящая подъ этимъ игомъ проклятія земля не всегда впрочемъ равно чувствуетъ тяжесть его. Когда умножаются на землѣ беззаконія людей, ей становится хуже и тяжелѣе. А когда, среди ожесточеннаго развращенія обитателей ея, не находитъ себѣ мѣста голосъ покаянія; тогда вопль беззаконій проходитъ облака, восходитъ во уши Господа Саваоѳа и побуждаетъ Его, какъ верховнаго Домовладыку, обратить взоръ свой на землю. Онъ обращается, но гнѣвный, и—земля трясется. и хотѣла бы, по выраженію тайновидца, *бѣжать* прочь *отъ лица Господня* (Апок. 22, 11), но не можетъ. Такъ воззрѣлъ на землю Господь предъ потопомъ, и слѣдствіемъ сего взора была погибель всего живущаго на землѣ; такъ Онъ воззрѣлъ на землю во время столпотворенія вавилонскаго, и слѣдствіемъ взора было смѣшеніе языковъ и разсѣяніе всѣхъ людей по лицу земли; такъ воззрѣлъ Господь на землю, обремененную грѣхами Содома и Гоморры,—и Мертвое море на мѣстѣ ихъ осталось на вѣки слѣдствіемъ сего взора; такъ воззрѣлъ Онъ на Іерусалимъ, убившій своего Мессію, и послѣ его не осталось тамъ камня на камнѣ (*).

Итакъ, видно, много беззаконій вознесено было на крестъ Христовъ, видно, гнѣвенъ былъ взоръ Господа на этотъ крестъ, что подъ нимъ потряслась земля! Боже мой, какую тяжесть беззаконій человѣческихъ вознесъ съ собою на крестъ божественный Искупитель міра и человѣковъ! Беззаконія всѣхъ временъ, отъ которыхъ когда либо тряслась и сотрясется земля, чрезъ которыя когда либо сокрушались и будутъ сокрушаться грады и государства, всѣ беззаконія древняго міра, смытыя съ лица земли водами потопа, все развращеніе, сожженное огнемъ содомскимъ, всѣ неправды, погубившія грады хананейскія, всѣ безстыдные пороки и злодѣянія міра языческаго, всѣ нечистоты и скверны міра христіанскаго, все суевѣріе, идолослуженіе и безбожіе вѣковъ прошедшихъ, все маловѣріе, невѣріе и нечестіе временъ настоящихъ, все богоотступничество и богохульство послѣднихъ вѣковъ грядущихъ, всѣ соблазны поползновенной юности, всѣ пороки необузданнаго мужества, всѣ преступленія упорной старости, кратко—всѣ грѣхи тайные и явные, которые когда либо совершалъ и совершитъ человѣкъ волею и неволею,—вина всѣхъ этихъ грѣховъ въ одно время лежала на душѣ божественнаго Ходатая за беззаконный родъ человѣческій, вознесеннаго на всемірный жертвенникъ креста, какъ Жертва искупленія. Какъ грозенъ, какъ гнѣвенъ долженъ быть взоръ правды Божіей на этотъ крестъ, отягченный всемірною тяжестію грѣховъ человѣческихъ!

(*) См. слово преосв. Иннокентія по случаю землетрясенія, бывшаго къ Кіевѣ 11 генваря 1838 года.

Содрогалась отъ тяжести гнѣва Божія и святѣйшая душа божественнаго Страдальца и призывала на тяжесть своихъ страданій отъ лица правды Божіей небесное милосердіе: *Боже мой, Боже мой! вскую мя еси оставилъ!* Дивно ли послѣ сего, что не устояла земля и сотряслась подъ тяжестію креста Христова отъ лица гнѣва Божія?

Что же совершалось въ нѣдрахъ земли при совершеніи таинства примиренія неба съ землею? Когда мертвое тѣло Примирителя висѣло еще на крестѣ, Самъ Онъ, какъ Богъ, съ душею былъ въ утробѣ земли въ адѣ, проповѣдалъ тамъ о благодати совершившагося спасенія, и, сокрушивъ твердыни ада, изводилъ оттуда увѣровавшихъ проповѣди спасенія. И такъ, не отзывалось ли на поверхности земли то трясеніе, съ которымъ сокрушались твердыни ада въ ея безднѣ? Ибо когда потряслася земля, тотчасъ распались камни горъ и пещеръ, отверзлись гробы покойниковъ и многіе изъ умершихъ праведниковъ воскресли и явилнсь на землѣ. Такія отрадныя слѣдствія сотрясенія земли обличаютъ въ немъ не разрушительный трепетъ ужаса и страха, а благовѣщій гласъ радости, пробуждающій мертвыхъ къ жизни и веселію. Что же именно, какая сила возбудила умершихъ праведниковъ въ ихъ гробахъ? И что значило ихъ востаніе къ жизни съ плотію въ минуты смерти Господа? Въ области тлѣнія нѣтъ начала нетлѣнія, въ обители смерти не бываетъ источника жизни; и воззвать тлѣніе къ нетлѣнію, пробудить мертвыхъ къ жизни не могутъ никакой гласъ громовъ, никакая сила землетрясенія, кромѣ Жизни самосущей и присноживущей. Въ области жизни человѣческой потому и явились тлѣніе и смерть, что она отсѣчена грѣхомъ отъ Жизни самосущей. Итакъ, нужно возсоединить тлѣніе съ Жизнію, чтобы противостать смерти и воззвать мертвыхъ къ жизни. Гдѣ же это начало нашего нетлѣнія? Чрезъ кого можетъ низходить жизнь въ обитель нашей смерти? *Якоже о Адамѣ вси умираютъ, такожде о Христѣ вси оживутъ.* Такъ будетъ послѣ, при концѣ міра, когда смерть совершенно побѣдится и упразднится въ мертвенныхъ тѣлесахъ нашихъ. Но начало воскресенія нашего и жизни положено на крестѣ Христовомъ: Христосъ умеръ за животъ міра, осужденнаго на смерть и тлѣніе. И вотъ, едва совершилось таинство живоносной смерти Искупителя, жизнь устремилась изъ своего Источника въ обитель смерти и тлѣнія, и человѣческая жизнь, давно томившаяся подъ страхомъ, или въ узахъ самой смерти, вдругъ восторжествовала на всѣхъ концахъ своихъ предѣловъ: торжествовалъ самъ Жизнодавецъ нашъ съ душею человѣческою въ адѣ, въ этой юдоли смерти духовной и вѣчной; торжествовалъ благоразумный разбойникъ съ своимъ Богомъ въ раи, куда давно затворенъ былъ входъ для жизни человѣческой. Не доставало еще торжества сего въ области земнаго тлѣнія. И вотъ, по мановенію Сына Бога живаго, вмѣсто Его и отъ лица Его являются изъ гробовъ тлѣнія и обителей вѣчности святые провозвѣстники нетлѣнія и воскресенія человѣческой плоти, проповѣдники жизни вѣчной. На землѣ не могло еще быть полнаго торжества жизни надъ смертію, и потому воскресшіе провозвѣстники нетлѣнія и жизни являются не ко всѣмъ, а только ко многимъ, можетъ быть больше къ тѣмъ, у которыхъ слабѣла вѣра въ нетлѣніе, колебалось упованіе на воскресеніе и жизнь, при видѣ Начальника жизни на крестѣ висяща.

Что же дѣлается въ это время въ іудейскомъ святилищѣ, хранившемъ въ себѣ

неприступную святыню прообразовъ и символовъ, которыми питались вѣра и упованіе чающихъ пришествія Искупителя жизни, Побѣдителя смерти? Пришелъ конецъ его сѣнямъ и гаданіямъ; прообразъ истины, которую оно хранило въ себѣ неприступно для взоровъ человѣческихъ, открылся предъ лицемъ всѣхъ, видѣвшихъ бывшая на Голгоѳѣ; высочайшая тайна совѣта тріипостаснаго Божества, *сокровенная отъ вѣкъ и родовъ* въ Богѣ (Кол. 1, 26), явилась міру на крестѣ между небомъ и землею. Святилищу скрывать было нечего и не нужно: *и се завѣса церковная раздрася на двое съ вышняго края до нижняго.* Гдѣ была эта завѣса, и что именно она закрывала? Она была въ храмѣ іерусалимскомъ, отдѣляла внутреннѣйшую часть храма — *святое святыхъ* отъ другихъ, и скрывала за собою нѣкогда высочайшую святыню — кивотъ завѣта съ священными вещами, прообразовавшими высочайшую тайну нашего искупленія; надъ кивотомъ завѣта изображены были херувимы, осѣняющіе его и приникающіе къ нему, во образъ того, что тайны божественнаго кивота запечатлѣны чрезвычайною сокровенностію, и до времени не могутъ и не должны быть открыты для взора человѣческаго. Тамъ Богъ особеннымъ образомъ благоволилъ являть свое присутствіе и непосредственнымъ образомъ открывать первосвященникамъ волю свою о спасеніи людей. Что означали отдѣленіе завѣсою и неприступность сего святилища? Неприступность неба для земли: раздѣленіе Бога съ человѣкомъ. Глубина паденія и развращенія человѣческаго, какъ бездна, отдѣляла землю отъ неба; грѣшный человѣкъ никакъ не могъ пройти этой бездны, чтобы опять соединиться съ Богомъ, равно какъ и праведный и всесвятый Богъ не могъ приблизиться къ оскверненной землѣ, чтобы обитать съ грѣшными людьми, не удовлетворивъ оскорбленному своему правосудію. *Святое святыхъ*, какъ мѣсто селенія Божія, хотя изображало собою небо на землѣ, но вмѣстѣ своею неприступностію означало ту непроходимую бездну, которая раздѣляла человѣка съ Богомъ. Такимъ образомъ небо и Божество все еще неприступны были для естества человѣческаго, какъ неприступно было для него святое святыхъ. Теперь, когда на крестѣ таинствомъ страданій и смерти Сына Божія примирено небо съ землею, возсоединено человѣчество съ божествомъ, утвержденъ новый завѣтъ Бога съ человѣкомъ, нѣтъ болѣе таинъ во святилищѣ завѣта ветхаго; нѣтъ болѣе неприступнаго святилища на землѣ, ибо доступно стало для человѣка самое святилище неба: святилище душй христіанина становится сокровищемъ таинъ спасенія и обителію божества; Божество являетъ свое присутствіе не въ прикровенномъ храмѣ, а во всей Церкви Христовой; тайны вѣры и упованія христіанъ не за завѣсою, а въ глубинѣ сердца и совѣсти, и не стало церковной завѣсы ветхозавѣтной святыни, она раздирается невидимою силою отъ верхняго края до нижняго, по направленію снисхожденія Бога къ людямъ отъ неба къ землѣ.

Вотъ о чемъ была проповѣдь неба и земли, отъ міра мертвыхъ и отъ таинственнаго святилища живыхъ при смерти голгоѳскаго Страдальца. Велика, многообъемлюща, громогласна, поучительна и поразительна была эта проповѣдь безмолвныхъ проповѣдниковъ, которыми вѣщалъ къ міру и людямъ самъ Владыка неба и земли, Господь мертвыхъ и живыхъ! Были ли плоды отъ такой проповѣди въ сердцахъ слушателей? Должны быть, потому что Господь не вѣщаетъ безплодно. Внималъ проповѣди сей благоразумный разбойникъ, распятый со Іисусомъ, и раскаявшись, взывалъ отъ сердца къ распятому Го-

споду: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ!* Внималъ *сотникъ и, иже съ нимъ, стрегущіи Іисуса*, и хоть изъ страха, ибо *убоящася зѣло*, однако призвали и исповѣдали: *воистину Божій Сынъ бѣ Сей* (Матѳ. 27, 54)! *И вси пришедшіи народи на позоръ сей, видяще бывающая, біюще перси своя возвращахуся. Стояху вси знаеміи Іисуса издалеча, и жены, послѣдовавшія Ему* (Лук. 23, 48—49), и вѣрно съ плодомъ для себя внимали сей проповѣди, потому что они и прежде внимали ученію Спасителя. Внимали ли тѣ, душа которыхъ преимущественно должна была содрогаться при такихъ знаменіяхъ, дрожала ли совѣсть враговъ и убійцъ Христовыхъ? Дрожала, но безплодно для покаянія. Когда тряслась земля, у нихъ душа тряслась отъ злобной радости и опасенія, какъ бы не восторжествовала правда надъ ихъ лукавствомъ, какъ бы скрыть слѣды богоубійства. Когда затмилось солнце, они въ мрачной душѣ своей составляли совѣтъ, какъ навсегда сокрыть въ мрачномъ гробѣ тѣло Распятаго, дабы что нибудь не помѣшало ихъ будущимъ надеждамъ.

О чемъ была величественная проповѣдь съ Голгоѳы съ трепетомъ земли и затмѣніемъ солнца, о томъ проповѣдуется и намъ всегда кроткимъ гласомъ смиренныхъ служителей евангелія. Будемъ и мы всегда внимать имъ также, какъ разбойникъ благоразумный, какъ сотникъ, какъ вѣровавшія и сострадавшія Господу души — съ чувствованіями живой вѣры, сокрушенія, покаянія, молитвы, да помянетъ и насъ Господь, пострадавшій и умершій за насъ на крестѣ, егда пріидетъ во царствіи своемъ!

ЧЕРТЫ СПАСИТЕЛЬНАГО ВОСПОМИНАНІЯ СТРАСТЕЙ ХРИСТОВЫХЪ.

Не судихъ, (братіе), *вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята* (1 Кор. 2, 3). Такъ писалъ коринѳянамъ проповѣдникъ слова крестнаго, показывая, что Іисусъ Христосъ есть единственный предметъ, который чаще всего и болѣе всего долженъ занимать душу христіанина. Св. Церковь и всегдашними молитвословіями, часто обращаемыми къ Распятому и кресту, и неоднократными, особенными торжествами въ честь страданій Христовыхъ выражаетъ тоже самое желаніе — *не вѣдѣти что* въ насъ, *точію Іисуса Христа, и сего распята*. Ничто не можетъ быть священнѣе и обязательнѣе для насъ подобнаго желанія. Ибо мы вѣруемъ, что Іисусъ Христосъ Сынъ Божій насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія былъ распятъ и пострадалъ, вѣруемъ, что ничѣмъ инымъ, какъ *ранами Его исцѣлѣхомъ* (Ис. 53, 5); что избавлены отъ грѣха, проклятія и смерти ничѣмъ другимъ, какъ *честною кровію агнца непорочна и пречиста Христа* (1 Петр. 1, 19); что Онъ *вѣчное искупленіе обрѣлъ* намъ ничѣмъ другимъ, какъ *кровію своею* (Евр. 9, 12). Что же можно найти достойнѣе этого предмета, въ которомъ заключено все наше спасеніе и животъ, что можно найти болѣе его достойнаго занимать постоянно нашъ умъ, и питать наше сердце? Такъ, образъ Распятаго на крестѣ и креста, на которомъ Онъ распятъ, по истинѣ достоинъ и долженъ быть всегдашнимъ и священнымъ предметомъ нашего памятованія, но памятованія не холоднаго, безжизненнаго, а живаго и дѣйственнаго. Апостолъ Павелъ, внушая вѣрующимъ *не вѣдѣти что, точію Іисуса Христа и сего распята*, заботился болѣе всего о томъ, чтобы такое вѣденіе было живоносно и благоплодно, Онъ *болѣзновалъ, дондеже вообразится въ*

нихъ *Христосъ* (Гал. 4, 19). И наше памятованіе Іисуса Христа распятаго только тогда будетъ Его достойно и спасительно для насъ, когда будетъ живо и дѣйственно, когда будетъ выражаться въ живой вѣрѣ въ страданія Христовы, въ отображеніи ихъ въ нашей собственной жизни и въ благодатномъ участіи въ нихъ посредствомъ таинствъ Церкви.

Вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте (Іоан. 14, 1): вотъ одна изъ заповѣдей, какія преподалъ ученикамъ своимъ божественный Учитель, приготовляя ихъ къ достойному срѣтенію Его страданій. Объ одномъ изъ нихъ Онъ молился, да не оскудѣетъ его вѣра во время страданій Его. По воскресеніи своемъ явившись нѣкоторымъ изъ учениковъ своихъ, Онъ указывалъ на скудость вѣры ихъ, какъ на единственную причину того, что они не уразумѣли таинства Его страданій и смерти. *О несмысленная и косная сердцемъ*, говорилъ Онъ, *еже вѣровати о всѣхъ, яже глаголаша пророцы; не сія ли подобаше пострадати Христу* (Лук. 24, 25)? Итакъ вѣра въ Распятаго—вотъ что необходимо для того, чтобы быть богомудрымъ созерцателемъ Его страданій. *Вѣровати подобаетъ приходящему къ Богу* (Евр. 11, 6); слѣдовательно съ вѣрою нужно приходить и на Голгоѳу къ распятому Господу славы, желая проникнуть въ глубочайшую тайну страданій Его. Одна живая вѣра въ Распятаго можетъ вѣрно и живо напечатлѣть въ духѣ нашемъ образъ Его, подобно тому какъ при посредствѣ только достаточнаго свѣта предметъ можетъ вѣрно изобразиться въ нашемъ глазѣ. Чей взоръ обниметъ необъятность креста Господня, начинающагося въ Виѳлеемѣ, простирающагося до Геѳсиманіи и Іерусалима и оканчивающагося на Голгоѳѣ? Чей, какъ не одной вѣры? Кто взвѣситъ неизмѣримую тяжесть сего всемірнаго креста, слагаемаго изъ неисчислимаго множества крестовъ всѣхъ, осужденныхъ на проклятіе, потомковъ Адама? Кто, если не вѣра въ Распятаго? Кто пойметъ невообразимую горечь чаши божественнаго Страдальца, растворенной беззаконіями всего человѣчества и всѣми казнями имъ заслуженными у правосудія божественнаго? Кто, какъ не вѣра въ Распятаго? Кому, какъ не одной вѣрѣ могутъ быть понятны проникнутыя невыразимо глубочайшею скорбію слова божественнаго Страдальца: *прискорбна есть душа моя даже до смерти* (Матѳ. 26, 38), *Боже, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ* (Мат. 27, 46)? Чье око, какъ не одной вѣры въ страданіяхъ Христовыхъ можетъ узрѣть явленіе *премудрости, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу* (1 Кор. 2, 7), — необъятность правосудія божественнаго и глубину, широту и высоту любви Божіей, *срѣтеніе милости и истины, лобызаніе правды и мира* (Пс. 84, 11), глубочайшее снисхожденіе Божества и превознесеніе человѣчества? Чье око, какъ не око вѣры узритъ въ распятомъ Господѣ славы Начальника и Совершителя нашего спасенія, и въ Его страданіи—наше спасеніе, въ Его ранахъ—исцѣленіе, въ Его смерти—животъ, въ Его гробѣ—воскресеніе? Вѣра, одна вѣра въ Распятаго можетъ сдѣлать насъ не только благоговѣйными зрителями, но и живыми причастниками Его спасительныхъ страданій. Одна вѣра можетъ прикоснуться къ жизнеточнымъ язвамъ Господнимъ и почерпнуть въ нихъ живоносную силу, она одна можетъ научить насъ воззвать къ Распятому вмѣстѣ съ разбойникомъ: *помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ* (Лук. 23, 42), и ввести въ самое царствіе. Итакъ, чтобы быть достойнымъ созерцателемъ страждущаго Господа на Голгоѳѣ, нужно оставить долу все мудрованіе земное и съ одною вѣрою

восходить на высоту къ Распятому. *Іисусъ Христосъ распятый*, только для тѣхъ, которые взираютъ на Него съ вѣрою, есть *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24), а для взирающихъ на Него безъ вѣры съ мудрованіемъ, Онъ *лежитъ на паденіе* (Лук. 2, 24), можетъ сдѣлаться предметомъ *юродства и соблазна* (1 Кор. 1, 18. 23).

Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ (Мар. 8. 34): вотъ другой живѣйшій способъ спасительнаго памятованія страданій Христовыхъ, указанный Самимъ божественнымъ Крестоносцемъ еще до восхожденія Его на Голгоѳу. И чѣмъ живѣе христіанинъ можетъ выразить свою память о божественномъ Крестоносцѣ, какъ не собственнымъ шествіемъ по пути Его страданій и несеніемъ того креста, который несъ Онъ Самъ? И что можетъ служить очевиднѣйшимъ, яснѣйшимъ памятникомъ креста голгоѳскаго, какъ не крестъ христіанина? Ибо что такое крестъ христіанина? Онъ есть не что иное, какъ отрасль креста голгоѳскаго, его продолженіе,—есть, можно сказать, тотъ же крестъ голгоѳскій, но усвояемый и обращаемый въ собственное достояніе каждымъ христіаниномъ. Крестъ голгоѳскій и кресты христіанъ тоже, что корень и вѣтви. Что яснѣе всего свидѣтельствуетъ о существованіи и жизненности корня, какъ не растущія на немъ и его жизнію питающіяся вѣтви? Равнымъ образомъ, что громче и немолчнѣе можетъ свидѣтельствовать о существованіи и спасительности креста Господня, какъ не кресты, несомые христіанами, начиная съ первѣйшихъ послѣдователей слова крестнаго до самыхъ отдаленнѣйшихъ, кресты, получающіе свое начало, силу и спасительность въ крестѣ Господнемъ? Истинные послѣдователи Христа—распята проповѣдывали о Немъ громче своею жизнію, чѣмъ словомъ. Такими неумолкаемыми органами силы креста были первые крестоносцы въ Церкви Христовой—апостолы, изъ которыхъ каждый могъ сказать о себѣ то, что сказалъ апостолъ Павелъ: *азъ язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу*, (Гал. 6, 17),—за ними мученики, изъ которыхъ каждый могъ сказать то, что сказала одна изъ мученицъ, »во мнѣ есть другой, Кто за меня страдаетъ,—Тотъ, за кого я мучусь« (Ист. Церк. Иннок. отдѣл. 1, Пр. 68),—далѣе святители, преподобные, и вообще всѣ тѣ, которые *вземши крестъ яко яремъ*, непрерывно *шли* одинъ за другимъ *путемъ узкимъ и прискорбнымъ* (послѣд. о умерш.),—путемъ внутреннихъ и внѣшнихъ страданій. Вотъ образецъ спасительнаго памятованія страстей Христовыхъ, достойный подражанія каждаго истиннаго послѣдователя Распятаго!

Елижды аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ (1 Кор. 11, 26): вотъ таинственный и вмѣстѣ совершеннѣйшій способъ воспоминанія страданій и смерти Господней, дѣлающій христіанъ самыми пріискренними ихъ причастниками,—способъ, котораго совершеннѣе нѣтъ и не будетъ на земли, *дондеже Господь пріидетъ*. И всѣ таинства Церкви, которыми усвояется каждому христіанину въ отдѣльности спасеніе, совершенное страданіями и крестною смертію Господа—для всего рода человѣческаго, внутреннимъ и таинственнымъ образомъ пріобщаютъ насъ страстямъ Христовымъ,—но по преимуществу одно изъ нихъ,—таинство евхаристіи, представляетъ намъ какъ самое дѣйствительнѣйшее воспоминаніе страстей Христовыхъ, такъ и дѣйствительнѣйшее средство пріобщаться имъ самымъ пріискреннимъ образомъ. Ибо жертва, приносимая въ таинствѣ евхаристіи, что такое есть въ сво-

емъ существѣ, какъ не жертва голгоѳская? Въ ней приносится подъ видомъ хлѣба то самое пречистое тѣло Господа, которое страдало и было распято на крестѣ, подъ видомъ вина — та же честная кровь, которая истекла изъ прободеннаго ребра Его? И присутствующіе при принесеніи сей жертвы не тоже ли, что присутствуютъ при жертвѣ голгоѳской, и причащающіеся ей не пріобщаются ли истинному тѣлу, пострадавшему на крестѣ голгоѳскомъ за насъ, и истинной крови, изліянной на немъ за грѣхи міра? Какое высокое, живоносное и спасительное воспоминаніе страстей Христовыхъ, ничѣмъ не разнящееся отъ присутствія на Голгоѳѣ предъ лицемъ распятаго Господа и отъ прикосновенія тамъ Его тѣлу и крови! Но сообразно съ тѣмъ, отъ присутствующихъ при немъ и участвующихъ въ немъ, какая требуется чистота сердца, какая вѣра, какая любовь, какое благоговѣніе! Многіе приближались къ Распятому на крестѣ голгоѳскомъ, но спасительно было приближеніе одного разбойника. Многіе прикасались Его тѣлу, но свято было прикосновеніе только Богоматери, апостола Іоанна, Іосифа и Никодима. Чтобы было спасительно таинственное воспоминаніе страстей Христовыхъ — пріобщеніе тѣлу и крови Его, нужны покаяніе разбойника, смиреніе и чистота сердца Богоматери, любовь апостола Іоанна, усердіе и благоговѣніе Іосифа и Никодима. *Да искушаетъ же человѣкъ себе; и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ. Ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ* (1 Кор. 11, 28. 29).

ПРОРЕЧЕНІЕ КАІАФЫ.

Іоан. 11, 47–51.

Слухъ о воскрешеніи Іисусомъ Христомъ Лазаря, въ присутствіи многочисленнаго народа, поразилъ ужасомъ членовъ іудейскаго синедріона: отъ страха и смущенія они не знали на что рѣшиться и что предпринять. *Видите*, говорили они одинъ другому; *яко никаяже польза есть* (отъ мѣръ доселѣ предпринятыхъ): *се міръ по немъ идетъ* (Іоан. 12, 19). "Нашимъ свидѣтельствамъ о пренебреженіи имъ закона Моусеева, о нарушеніи субботы и неуваженіи къ храму не внимаютъ; нашимъ увѣреніямъ о сообщеніи его съ веельзевуломъ, силою котораго онъ творитъ чудеса, никто не хочетъ вѣрить. Народъ слушаетъ не насъ, истинныхъ вождей своихъ и блюстителей закона, но его, пророка изъ Галилеи! Между тѣмъ, такое состояніе людей опасно, и не должно продолжаться. Римляне, владыки Іудеи, могутъ узнать, что толпы народа слѣдуютъ за Іисусомъ, могутъ счесть это за возмущеніе и обратить въ предлогъ и къ разоренію храма и къ уничтоженію политическаго бытія народа нашего. Итакъ, чтоже предпринять въ этихъ обстоятельствахъ? *Что сотворимъ*?" (Іоан. 11, 47).

Какою злобою и ненавистію ко Христу ни дышали члены синедріона, однако, вдали отъ слуха народнаго, среди тайныхъ совѣщаній своихъ, они не скрывали отъ себя и не имѣли безстыдства отрицать чудодѣйственную силу Его: *что сотворимъ*, говорили они, *яко человѣкъ сей многа знаменія творитъ* (Іоан. 11, 47), то есть, они были почти увѣрены въ истинѣ и святости служенія Іисусъ Христова, видѣли, хотя и неохотно, что съ Нимъ пребываетъ Богъ, и однакоже, чѣмъ оканчиваютъ свое совѣщаніе? *Единъ же нѣкто отъ нихъ Каіафа, архі-*

ерей сый лѣту тому, рече имъ: вы не вѣсте ничесоже, ни помышляете, яко уне есть. намъ, да единъ человѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ погибнетъ (Іоан. 11, 49. 50).

Каіафа полагаетъ, такимъ образомъ, сущность дѣла внѣ всякаго вопроса, и даже укоряетъ сочленовъ своихъ въ колебаніи и нерѣшимости. Сопоставлять съ угрожающею отъ римлянъ опасностію невинность Господа, Его святую жизнь, чудеса, даже страхъ суда Божія за пролитіе невинной крови праведника, по его мнѣнію, есть крайнее неразуміе и недальновидность. Какъ же поступить? Надобно, чтобъ Іисусъ Христосъ палъ жертвою за спасеніе народа! Но, если Онъ пророкъ и посланникъ Божій, если Онъ такъ давно и пламенно ожидаемый Мессія, то ужели Онъ долженъ погибнуть, ужели и Имъ надобно пожертвовать?—Не скорѣе ли должно бояться Бога, нежели римлянъ? Не должно ли ожидать, что Онъ не укоснитъ отмщеніемъ за пролитіе невинной крови Праведника, котораго чудеса нельзя отрицать? Но эти причины, по мнѣнію Каіафы, второстепенны—даже, можетъ быть, еще менѣе. Онѣ основываются на духовныхъ началахъ, на совѣстливости и страхѣ Божіемъ; а люди съ такимъ образомъ мыслей, какъ Каіафа, не отступаютъ предъ ними; по этому надобно, чтобы Іисусъ Христосъ умеръ! Пророкъ ли Онъ или не пророкъ, Мессія ли или не Мессія, Сынъ ли Божій или нѣтъ, это—все равно: надобно только отклонить опасность отъ римлянъ, а страхъ суда Божія за пролитіе крови праведника не надобно принимать въ расчетъ. Всѣ члены синедріона, какъ извѣстно, согласились съ симъ мнѣніемъ первосвященника, и Іисусъ Христосъ осужденъ на смерть!

Но въ то время, какъ князи людстіи совѣщавали такимъ образомъ злое *на Господа и на Христа Его* (Пс. 2, 2), Господь, по предреченію пророка, *посмѣвался* (ст. 3) сей *церкви лукавнующихъ*, и злобные замыслы ихъ обращалъ къ выполненію святыхъ цѣлей своего промышленія. Тѣ, которые такъ нагло считали себя теперь распорядителями жизни Господа, на самомъ дѣлѣ были не иное что, какъ дерзкіе рабы, за лукавыми замыслами которыхъ Онъ самъ наблюдалъ, не дозволяя имъ выйти изъ извѣстныхъ и Имъ отъ вѣка предначертанныхъ границъ. Хотя устами Каіафы двигала, очевидно, злоба и холодная жестокость, однако языкъ первосвященника, невѣдомо для него самаго, вѣщалъ въ ту минуту всему міру, какъ бы по вдохновенію, предстоящее совершеніе одной изъ величайшихъ Божіихъ таинъ. *Сего же о себѣ не рече*, говоритъ евангелистъ, *но архіерей сый лѣту тому пророче, яко хотяше Іисусъ умрети за люди* (Іоан. 11, 51), т. е. Каіафа произнесъ это опредѣленіе по осѣненію свыше, какъ нѣкогда Валаамъ, и въ слѣдствіе наитія дара пророчества, который, происходя отъ Бога, потому самому не заключалъ въ себѣ ничего злаго и преступнаго; только страсти обладавшія первосвященникомъ, истолковавъ это откровеніе по своему, потемнили и исказили въ душѣ его истинный смыслъ пророчества. Богъ открылъ Каіафѣ, что смерть Іисуса Христа будетъ спасительна для всѣхъ, но это откровеніе, какъ не внушало, такъ и не обязывало его стремиться къ погубленію Праведника, не смотря на Его невинность и чудеса: все это Каіафа привнесъ отъ *злаго сокровища сердца своего* (Лук. 6, 45), потому что для сердца испорченнаго ничего нѣтъ легче, какъ злоупотреблять самыми святыми истинами, обращать ихъ въ орудіе страстей своихъ, искажать и извращать ихъ смыслъ прибавками и объясненіями по прихоти преобладающей страсти. Посему, ничего нѣтъ

необходимѣе для истиннаго христіанина, какъ молиться къ Отцу свѣтовъ, чтобы Онъ не допускалъ страстямъ потеммять въ насъ разумѣніе воли Его, всегда *благой и совершенной* (Рим. 12, 2), и превращать этотъ, сіяющій въ насъ свѣтъ, во тьму и ослѣпленіе, къ вящшему осужденію нашему. *Блюди*, остерегаетъ насъ слово Божіе, *еда свѣтъ иже въ тебѣ, тьма есть* (Лук. 11, 35)!

ПОГИБЕЛЬ ПИЛАТА.

Понтій Пилатъ, бывшій прокураторомъ римскимъ во Іудеи во время страданій и смерти Іисуса Христа, питалъ непримиримую ненависть къ народу, управляемому имъ, въ особенности же къ религіи и обрядамъ его. Эта самая ненависть была причиною погибели его, по слѣдующему случаю. Одинъ обманщикъ собралъ на горѣ Гаризинѣ великое множество самарянъ, чтобы показать имъ, какъ онъ говорилъ, священные сосуды, скрытые будто бы здѣсь Моусеемъ. Пилатъ, видѣвшій въ этомъ собраніи возмущеніе противъ римскаго правительства, воспользовался случаемъ наказать ненавистныхъ ему людей за мнимое преступленіе ихъ. Онъ окружилъ ихъ своею конницею и велѣлъ знатнѣйшихъ изъ нихъ казнить, а прочихъ изрубить всѣхъ безъ разбора. Самаряне, соотечественники избіенныхъ, принесли жалобу на него правителю Сиріи Вителлію, отцу императора того же имени, имѣвшему Іудею подъ своею властію. Въ слѣдствіе этой жалобы Вителлій, признавъ Пилата виновнымъ, приказалъ ему отправиться въ Римъ для оправданія себя предъ императоромъ Тиверіемъ, который имѣлъ уже невыгодное мнѣніе о немъ по жалобѣ Маріи Магдалины на его несправедливые поступки (Никиф. Калл. кн. 2 гл. 10). По прибытіи въ Римъ, прокураторъ Іудеи, не могши оправдаться, былъ отрѣшенъ отъ своей должности и сосланъ въ Галлію въ 37 году по Рождествѣ Христовомъ, въ началѣ царствованія Калигулы. Преданіе говоритъ, что онъ удалился въ городъ Віенну, въ области Дофине, гдѣ прожилъ еще два года, и наконецъ, изнуренный, печалію и скукою, терзаемый угрызеніями совѣсти и отчаяніемъ, самъ себя лишилъ жизни.

КОНЕЦЪ XXII ГОДА.

БОГУ НАШЕМУ СЛАВА ВО ВѢКИ ВѢКОВЪ.

Съ дозволенія Духовной Цензуры. 23-го Марта, 1859 года.

Цензоръ Архимандритъ Іоаникій.